Филип К.

ДИК

Бегущий по лезвию бритвы

Филип К.

ДИК

Бегущий по лезвию бритвы

Филип К.
ДИК

Бегущий по лезвию бритвы

(Мечтают ли андроиды об электроовцах?)

•

Убик

•

Сдвиг времени по-марсиански

•

Три стигмата Палмера Элдрича

•

Человек в высоком замке

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2003

Филип К.

ДИК

Бегущий по лезвию бритвы

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2003

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Д 45

Philip K. DICK
DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?
UBIK
MARTIAN TIME-SLIP
THE THREE STIGMATA OF PALMER ELDRITCH
THE MAN IN THE HIGH CASTLE

Оформление серии художника *А. Саукова*.

Серия основана в 2001 году

Дик Ф. К.

Д 45 Бегущий по лезвию бритвы: Фантастические произведения / Пер. с англ. – М.: Изд-во Эксмо, СПб.:Изд-во Домино, 2003. – 992 с. (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-04278-4

Романы Филипа Дика не устареют до тех пор, пока во Вселенной существуют человечество и младшие братья его — андроиды, генетические репликанты людей. Но и в последующие времена те, кто придет людям и их репликантам на смену, будут так же мечтать об электроовцах, перечитывая вечные страницы вечных романов писателя, принадлежащего Вечности.

УДК 820 (73)
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-699-04278-4

© Перевод. Б. Крылов, А. Лазарчук, М. Ланина, А. Чех, Г. Корчагин, И. Петрушкин, 2003
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003

Бегущий по лезвию бритвы (Мечтают ли андроиды об электроовцах?)

Посвящается МАРЕН АУГУСТЕ БЕРГРУД
10 августа 1923 г. — 14 июля 1967 г.

Давно уже он в землю лег,
А все мне чудится: гуляет
Он в этих рощах — на лужок,
Промокший от росы, ступает
И распустившийся цветок,
С ужимкой важной обоняет
И слышит звонкий мой рожок...

Йейтс

Окленд.

Черепаха, которую мореплаватель Джеймс Кук подарил королю Тонга в 1777 году, умерла вчера в возрасте около 200 лет.

Черепаха, которой было дано имя Ту'ималила, умерла во дворе королевского дворца в столице Тонга Нукуалофа.

Жители Тонга относились к черепахе с таким же почтением, как к властителю. Специально приставленные смотрители круглосуточно следили за черепахой. Несколько лет назад животное ослепло, оказавшись в горящем кустарнике.

Радио Тонга сообщило, что панцирь Ту'ималила будет передан музею Окленда в Новой Зеландии.

Рейтер, 1966

---

* Перевод Г. Кружкова.

Глава 1

Модулятор настроения, стоявший возле кровати, легко зажужжал и включил автосигнализатор, который разбудил Рика Декарда слабым, приятным электроимпульсом. Немного удивленный — он неизменно удивлялся внезапному состоянию бодрствования, которому не предшествовали полусонные зевки,— Рик, в цветастой пижаме, поднялся со своей кровати и потянулся. Айрен, жена Рика, тут же разлепила серые невеселые глаза, моргнула и закрыла их вновь.

— Ты очень слабо устанавливаешь свой «Пенфилд»,— подсказал Рик.— Давай я подрегулирую его, ты быстро проснешься и...

— Убери свои руки с регулятора.— Голос ее прозвучал резко и зло.— Я не намерена просыпаться.

Рик присел на краешек кровати, наклонился к жене и спокойно объяснил:

— Если выставить регулятор импульса на более высокий уровень, ты будешь просыпаться в хорошем настроении, вот и все. На уровне «С» регулятор приведет тебя в состояние бодрствования так же быстро, как меня.

Рик дружелюбно — его собственный регулятор был выставлен на уровень «Д» — погладил обнаженные бледные плечи жены.

— Убери свои грубые лапы, коп,— прошипела Айрен.

— Я не коп,— возразил Рик, чувствуя мгновенное раздражение: он оказался не готов к ее резкому ответу.

— Ты еще хуже,— уточнила жена, не открывая глаз.— Ты — убийца, которого наняли копы для грязной работы.

— Грязная работа — убивать людей, а я никогда...— Раздражение усилилось и переросло в откровенную неприязнь к Айрен.

— Людей — нет,— согласилась женщина,— только несчастных анди.

— Надо отметить, ты без колебаний тратила премиальные, которые я получал за анди, на любую ненужную вещь, привлекшую твое внимание...— Рик поднялся, прошелся по комнате раз-другой и остановился рядом с корпусом модулятора настроения.— Вместо того чтобы накопить достаточную сумму,— Рик вздохнул,— купить настоящую овцу и заменить электрический муляж, что стоит наверху. Иметь поддельное животное! И это при моих-то заработках за последние несколько лет!

Он застыл в нерешительности перед корпусом модулятора, раздумывая, набрать ли ему код таламического депрессанта (что-

бы устранить внезапную ярость) или таламического стимулятора (чтобы возбудиться и выиграть спор).

— Если ты наберешь код усиления злости,— сказала Айрен, открыв глаза и внимательно наблюдая за мужем,— то я тут же последую твоему примеру. Я установлю модулятор на максимум и устрою тебе такую взбучку, что все наши предыдущие скандалы покажутся детской игрой. Набирай-набирай, а тогда посмотрим, чего я стою.— Она резво соскочила с кровати, встала возле своего модулятора и впилась глазами в Рика, внимательно наблюдая за его действиями.

Он вздохнул, обезоруженный ее угрозой.

— Я наберу код, записанный в моем графике на сегодня.

Решив свериться с графиком, он прочитал в нем: «Третье января 1992 года: деловое, профессиональное отношение к работе».

— Если я последую своему графику,— осторожно предложил Рик,— ты согласишься набрать код своего?

Предусмотрительно не связывая себя обязательством, он ждал, согласится ли жена с его предложением.

— Мой график на сегодня — шестичасовая депрессия с уклоном в самобичевание,— ответила она.

— Что? Зачем ты планируешь такие дни? — (Депрессии подрывали основу идеи моделирования настроения.) — Никогда бы не предположил, что ты станешь использовать модулятор, чтобы впасть в подобное состояние.

— Однажды вечером я сидела здесь, дома,— объяснила Айрен,— и, как положено, подключилась к Бастеру Френдли и Его Приятелям в тот момент, когда он говорил о каком-то очень важном сообщении, которым всех нас собирался удивить... и тут в передачу всунули ужасную рекламную заставку, из тех, которые я ненавижу, ну... ты знаешь, эта реклама — «НАСТОЯЩИЕ СВИНЦОВЫЕ ГУЛЬФИКИ — ТОЛЬКО У "МАУНТИБЭНК"!» Поэтому на секунду я отключила звук... И услышала... здание, наше здание. Я услышала...— Она взмахнула руками.

— Пустоту квартир,— подсказал Рик. Временами он тоже слышал пустоту, слышал даже тогда, когда несомненно спал. До сих пор, до сего года и дня, даже наполовину заселенное здание, пригодное к эксплуатации, котировалось очень высоко по вновь возникшим меркам плотности населения; несомненно, что в районах, до войны называвшихся пригородами, вы могли наткнуться на совершенно пустое здание... во всяком случае,

Рик слышал о таких домах. Конечно, он получал информацию из вторых рук, но, как и большинство людей, не стремился проверить ее или уточнить.

— В тот момент,— продолжала Айрен,— когда раздался щелчок выключившегося телевизора, на модуляторе стоял код 382. Я воспринимала пустоту разумом, но ничего не почувствовала. Моей первой реакцией было чувство благодарности и признательности за то, что мы можем пользоваться модулятором «Пенфилда». Неожиданно мне стало понятно, что это противоестественно и гадко — ощущать отсутствие жизни, и не только в нашем здании, но повсюду, ощущать, но делать вид, что ничего не происходит... Ты понимаешь? Надеюсь, не понимаешь. Того короткого ощущения оказалось достаточно, чтобы посчитать его признаком психического заболевания, которое называется «отсутствие адекватного эффекта». Оставив звук ТВ выключенным, подсела к модулятору настроения и стала экспериментировать. В конечном итоге я набрала код безысходности.— Ее смуглое дерзкое лицо выражало удовлетворение, будто она добилась очень ценного результата.— И тогда я вписала новый код в свой график дважды в месяц. Думаю, мое решение обоснованно, а шести часов достаточно, чтобы прочувствовать безнадежность всего происходящего, безнадежность нашего существования здесь, на Земле, в то время как толковые и энергичные люди давно эмигрировали. Тебе так не кажется?

— Но все же,— запротестовал Рик,— не стремясь набрать иной код, ты подвергаешь себя серьезной опасности остаться в этом состоянии, впасть в глубокую депрессию. Твое отчаяние по поводу происходящего вокруг имеет свойство замыкаться само на себя.

— Я программирую автоматическое переключение на три часа вперед,— спокойно объяснила Айрен,— «А» 481: «Осознание и осмысление разнообразных перспектив, открывающихся для меня в будущем; новые надежды на...»

— Мне знаком код 481,— перебил он. Рик часто прибегал к помощи данной комбинации цифр — доверял ей и полагался на ее помощь.— Послушай,— предложил Рик, усаживаясь на кровать; осторожно взяв ее за руки, он легко притянул Айрен к себе, надеясь усадить рядом.— Даже с автоматически программируемым переключателем опасно вводить себя в состояние депрессии любого вида. Постарайся забыть то, что ты спланировала, и я тоже изменю свои планы, мы сообща наберем код 104,

вместе испытаем удовольствие и радость; потом ты останешься в том же состоянии, а я переключусь на деловое, профессиональное отношение к работе. Если не возражаешь, смотаюсь на крышу, проверю овцу, а затем спокойно отправлюсь на работу, зная, что ты не сидишь здесь, погруженная в раздумья, перед включенным телевизором.— Рик осторожно отпустил ее тонкие пальцы, пересек просторную спальню и вышел в гостиную; там все еще стоял слабый запах последних вечерних сигарет. Он наклонился, чтобы включить телевизор.

Голос Айрен из спальни остановил его:

— Не выношу ТВ до завтрака!

— Набери 888,— подсказал Рик, пока нагревался телевизор.— «Желание смотреть любую телепередачу».

— Я не испытываю потребности набирать хоть что-либо,— сердито откликнулась Айрен.

— Тогда набери самое простое — 3.

— Я не желаю набирать код, стимулирующий кору головного мозга так, чтобы возникла потребность набирать что-то еще! Если я говорю, что не хочу набирать, то не хочу программировать «3» в первую очередь, потому что меня потянет набирать дальше и дальше, а сейчас сама мысль о желании кодировать для меня — самое гадкое побуждение из всех, которые только можно представить; сейчас я хочу лишь одного — продолжать сидеть здесь, на кровати, уставясь в пол.— Голос ее переполняли самые мрачные оттенки уныния, душа застыла, и неподвижным стало тело, будто скованное невидимой, но плотно облегающей оболочкой — тяжелой и инертной.

Рик все же включил ТВ; грохочущий из динамика голос Бастера Френдли заполнил комнату:

— ...Стоп, друзья! Самое время для короткого прогноза погоды на сегодня. Со спутника «Мангуст» нам передали, что осадки будут особенно ощутимы около полудня, а потом слегка утихнут, так что если кто из вас, отважные друзья, намыливался выйти прогуляться...

Из спальни, шурша полами длинного халата, вышла Айрен, выключила телевизор и растерянно посмотрела на Рика:

— О'кей, сдаюсь. Я согласна набрать любой код, какой скажешь: «Исступленный порыв вожделения» и «Состояние экстатического сексуального блаженства»... Сейчас мне настолько погано, что я выдержу даже... Да будь оно все проклято! Какая, в сущности, разница?

— Я наберу нам обоим,— кивнул Рик и, осторожно подталкивая в спину, отвел жену обратно в спальню. Остановившись возле корпуса модулятора Айрен, он набрал 594 — «Удовольствие от признания превосходства здравомыслия мужа в любых жизненных ситуациях». На своем модуляторе он выставил: «Творческий и нестандартный подход к работе», хотя едва ли нуждался в дополнительной стимуляции — серьезное отношение к работе не просто вошло у него в привычку, а было почти врожденным качеством. Он мог не прибегать к услугам «Пенфилда», искусственно стимулируя мозг.

После торопливого завтрака — Рик потратил отведенное на него время, препираясь с женой,— он поднялся, полностью одетый, включая свинцовый гульфик фирмы «Маунтибэнк», модель «Аякс», чтобы после посещения закрытого выгона, где его электрическая овца щипала траву, сразу же отправиться на работу. Рик Декард встал, попрощался с женой и поднялся на крышу, где животное (в действительности электромеханическое изделие) громко чавкало в порыве удовольствия, стимулированного специальной настройкой, старательно дурача остальных квартиросъемщиков в здании, где обитал Рик.

Конечно же, многие, если не большинство животных, как и овца Рика, состояли из комплекса электронных контуров и схем и являлись высокопрофессиональной подделкой. Но, как было принято, он никогда не совал нос в чужие дела, пытаясь выяснить происхождение соседских любимцев. И соседи, в свою очередь, не допытывались, действительно ли *живет* или всего-навсего *работает* его овца? Считалось верхом невоспитанности спросить: «Ваша овца настоящая?» или «Ваша овца чистопородная?» Так же успешно вы могли бы проявить свою бестактность и невоспитанность, поинтересовавшись у добропорядочного гражданина, а не может ли он документально подтвердить, что его зубы, волосы и некоторые внутренние органы настоящие, и не следует ли подвергнуть их дополнительному тестированию.

Затушевавшие солнце серые облака заполняли все свободное пространство. Утренний воздух, наполненный радиоактивными пылинками, навязчиво щекотал ноздри. Рик непроизвольно фыркал и чихал, чувствуя неотвязный гнилостный запах смерти. Возможно, он подобрал для своих ощущений слишком сильное сравнение, пока пробирался к участку, покрытому дерном,

принадлежавшему ему вместе с черезмерно роскошной квартирой. Наследие Завершающей Мировой Войны вызвало снижение возможностей человека; не выстоявших в борьбе с пылью предали забвению много лет назад. Сегодня пыли, действие которой значительно ослабло, противостояли закалившиеся в борьбе с ней; пыль больше не убивала — она лишь сводила людей с ума и влияла на генетические факторы наследственности. Несмотря на свинцовый гульфик, который носил Рик, пыль, несомненно, проникала внутрь его организма и оседала на коже — изо дня в день и на протяжении всех лет, в течение которых он неизменно отказывался эмигрировать. Небольшими порциями она отдавала ему свою мерзость, оскверняющую плоть. Однако до сих пор ежемесячные медицинские проверки подтверждали, что он регуляр — мужчина, который может иметь потомство, учитывая допустимый уровень толерантности, установленный законом. Конечно же, в любой из последующих месяцев проверка врачей из полиции Сан-Франциско может засвидетельствовать обратное. Из года в год все новые и новые специалы появлялись на этом свете, перерождаясь из регуляров под воздействием всепроникающей пыли. Поговорку, которую безмозглые болтуны нанесли на рекламные щиты, подхватили телевизионщики и чурбаны из правительственных учреждений. Она гласила: «Эмигрируй или дегенерируй! Выбирай: сматывайся или вымирай!»

«Глупо, но очень точно,— подумал Рик, распахивая створки ворот небольшого загона и направляясь к электрической овце.— Но я не могу эмигрировать,— сказал он самому себе.— Из-за работы».

Владелец расположенного рядом пастбища Билл Барбо окликнул Рика; он тоже был одет так, чтобы сначала забежать и проведать животное, а потом, не спускаясь в квартиру, отправиться на работу.

— Моя лошадь беременна,— торжественно объявил Барбо и расплылся в улыбке.— Что вы на это скажете?

Рик внимательно посмотрел на крупного першерона, который стоял рядом с Барбо, тупо уставившись в пространство.

— Что вы на это скажете? — спросил владелец лошади.

— Скажу, что очень скоро у вас будет два першерона,— ответил Рик. Возле его ног лежала овца, неторопливо перемалывая жвачку; ее искусственные глаза внимательно следили за хозяином на случай, если тот захватил с собой лишний овес.

У псевдоовцы Рика был встроенный блок, реагировавший на овес: стоило ей увидеть или почуять запах зерен овса, она торопливо вскакивала на ноги и бросалась к человеку.

— И как же забеременела ваша лошадь? — спросил Рик.— От ветра?

— Я приобрел немного оплодотворенной калифорнийской плазмы высшего качества,— серьезно ответил Барбо.— Личные контакты в Департаменте животноводства. Неужели вы не помните, как на прошлой неделе сюда приезжал инспектор из Департамента и осматривал Джуди? Они просто трясутся от желания заполучить ее жеребенка, ведь Джуди — бесподобная особь, не имеющая себе равных.

Барбо громко, но ласково похлопал лошадь по шее, Джуди склонила голову к хозяину.

— Вы никогда не думали о том, чтобы продать свою лошадь? — спросил Рик. Он молил бога, прося у того лошадь или любое другое настоящее животное. Ухаживая за муляжом, хозяин подвергался опасности психического расстройства. И все же, с точки зрения положения в обществе, приходилось довольствоваться подделкой, заполнявшей пустоту, вернее, занимавшей место настоящего — живого — предмета роскоши. Поэтому у Рика не оставалось иного выхода, кроме как ежедневно подниматься к овце и продолжать игру. Даже не заботься он о своей репутации, оставалась жена; а ей, Айрен, далеко не все равно. Очень даже не все равно.

— Это безнравственно — продать лошадь,— ответил Барбо.

— В таком случае продайте жеребенка. Владеть сразу двумя животными куда безнравственней, чем не иметь ни одного.

— Что вы хотите этим сказать? — ошарашенно поинтересовался Барбо.— Многие люди имеют двух питомцев, даже трех и четырех. А у Фреда Уошборна — мой брат работает на его фабрике по выращиванию и переработке водорослей — даже пять животных. Неужели вы не читали заметку во вчерашнем номере «Кроникл» о его утке? Она считается самой крупной и самой тяжелой кряквой московской породы на всем Западном побережье.— Глаза Барбо заблестели так, будто увидели прямо перед собой утку-сокровище, и он начал постепенно погружаться в состояние транса.

Похлопав по карманам пальто, Рик достал изрядно помятое январское приложение к каталогу «Сидни» — «Животные и домашняя птица». Он открыл оглавление, нашел номер страни-

цы «Жеребята» (см.: «Лошади, потомство») и вскоре определил нынешнюю государственную цену.

— Я могу купить жеребенка першерона у «Сидни» за пять тысяч долларов,— громко сообщил Рик.

— Нет, не сможете,— запротестовал Барбо.— Посмотрите, данная строка напечатана курсивом, что означает — у них нет в наличии ни одного жеребенка на продажу. И только случае, если жеребенок появится, его оценят в пять тысяч.

— Предположим,— сказал Рик,— что я выплачиваю вам по пятьсот долларов в течение десяти месяцев, то есть полностью выплачиваю сумму по каталогу.

— Декард, вы совершенно не разбираетесь в лошадях,— снисходительно произнес Барбо.— У «Сидни» нет для продажи ни одного жеребенка першерона потому, что на то есть свои причины. Жеребята першеронов не переходят в руки других владельцев, даже если за них дают полную цену по каталогу. Даже с изъянами, они слишком редко встречаются.— Барбо оперся об изгородь, разделявшую их выгоны, продолжая рассказывать и жестикулировать.— Джуди у меня уже три года, и за это время я не видел кобылы першерона, равной ей по качеству. Приобретая ее, я летал в Канаду и сам лично вез обратно, чтобы быть уверенным, что Джуди не украдут. Окажись вы с таким животным в Колорадо или Вайоминге, вас живо хватят по голове, пытаясь завладеть лошадью. Знаете почему? Да потому, что перед Завершающей Мировой Войной существовало, без преувеличения, лишь несколько сотен...

— Но разве вы,— оборвал его Рик,— имея сразу двух лошадей, и я, не имея ни одной, не подрываем основ теологической и моральной структур мерсеризма?

— У вас есть овца, черт возьми, и вы можете следовать подъемам собственной жизни, а когда постигнете суть подходов к вершине эмпатии, вы честно и благородно приблизитесь к Цели. В данном случае, не имей вы старую овцу, да, эту вот, я бы принял логику вашего утверждения. Несомненно, имей я двух животных, а вы — ни одного, я бы постарался помочь вам найти путь к истинному слиянию с Мерсером. Но каждая семья в нашем здании... давайте прикинем: где-то около пятидесяти семей, то есть... одна семья на каждые три квартиры, я сейчас сосчитаю... каждый из нас имеет какое-нибудь животное. У Гейвса его цыпленок.— Барбо указал на север.— У Оакса с женой — огромная рыжая собака, которая лает по ночам.—

Сосед задумался.— Эдди Смит держит в квартире кота. По крайней мере, он всем рассказывает о нем, хотя кота никто никогда не видел. Может, Эдди только притворяется...

Вспомнив о своей подопечной, Рик нагнулся над овцой и принялся рыться в густой белой шерсти,— по крайней мере, овечья шерсть была настоящей,— пока не наткнулся рукой на спрятанную контрольную панель механизма. Барбо молча наблюдал, как Рик ослабляет зажимы и снимает панель.

— Видите? — спросил он Барбо.— Теперь вам понятно, почему я так сильно хочу купить жеребенка?

После некоторой паузы Барбо произнес с искренним сожалением:

— Бедняга. И ничего другого у вас не было?

— Было,— ответил Рик, устанавливая контрольную панель электрической овцы на место. Покончив с неприятной работой, он резко выпрямился, повернулся и посмотрел в лицо собеседнику: — Изначально у меня жила настоящая овца. Когда отец жены эмигрировал, он оставил ее нам. Но потом, примерно год назад, вы должны помнить, я отвозил ее к ветеринару, вы в то утро стояли здесь наверху; я поднялся и обнаружил, что она лежит на боку, силясь подняться на ноги.

— И вы помогли ей,— кивнул Барбо, вспомнив то утро.— Да-да, вам удалось поставить ее на ноги, но потом, через минуту или две, немного походив, она вновь повалилась на бок.

— Овцы подвержены странным заболеваниям,— вздохнул Рик.— Или, говоря иными словами, овцы подвержены многочисленным болезням, симптомы которых крайне схожи; животное попросту не может подняться, поэтому невозможно определить, насколько серьезно положение — вполне вероятно, что овца лишь подвернула ногу, как возможно и то, что животное прямо на ваших глазах умирает от столбняка. Моя овца как раз и погибла от столбняка.

— Прямо здесь? — спросил Барбо.— На крыше?

— Сено,— вяло пояснил Рик.— В тот единственный раз я поленился полностью снять проволоку с сена, и Гроучо — так его звали — поцарапался и подхватил столбняк. Я отвез его к ветеринару, но он умер. Гроучо никак не шел у меня из головы, и в конце концов я позвонил в один из магазинов, которые торгуют поддельными животными. Я показал им фотографию Гроучо, и они собрали для меня вот этот образец,— он кивнул на развалившуюся у его ног эрзац-овцу, которая продолжала

целенаправленно жевать жвачку, внимательно следя за каждым движением хозяина и любым намеком на овес.— Великолепная работа. И я уделяю ей так же много внимания и заботы, как будто она настоящая, но...— он запнулся и пожал плечами.

— ...Это не одно и то же,— досказал за него Барбо.

— Да, но очень похоже. Вы чувствуете почти то же самое, ухаживая за ней; вам приходится следить за ней так же внимательно, как и за настоящей. В любой момент механизм может сломаться, и тогда все соседи в доме сразу же узнают. Я шесть раз возил ее в мастерскую, в основном из-за мелких неполадок, и никто ничего не замечал; но если случится что-либо серьезное — например, может треснуть диск с записью и она начнет блеять без остановки,— то всем сразу станет ясно, что произошла *механическая* поломка в *механизме*. Конечно,— продолжал Рик,— на грузовике, который забирает животных в ремонт, имеется надпись «ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА такая-то...» И водитель одет, как настоящий ветеринарный врач, в белый халат...— Рик посмотрел на часы, неожиданно вспомнив о времени.— Мне пора отправляться на работу,— сообщил он Барбо.— Увидимся вечером.

Рик уже подходил к своему кару, когда Барбо окликнул его и поспешно произнес:

— Знаете... я... одним словом, никто в нашем здании ничего не будет знать...

Замявшись, Рик собрался было поблагодарить соседа, но потом какое-то странное отчаяние, напоминающее депрессию Айрен, будто похлопало его по плечу, и он ответил:

— Даже и не знаю... возможно, это не имеет никакого значения?

— Но на вас станут смотреть сверху вниз. Не все, но многие. Вы же знаете, как люди относятся к тем, кто не проявляет заботы о животных; их считают аморальными антиэмпатами. Я хочу сказать, с точки зрения закона это не есть преступление, как его оценивали сразу после Завершающей Мировой Войны, но то старое чувство презрения продолжает жить в их сердцах и душах.

— Боже! — воскликнул Рик и развел руками, подчеркивая тщетность своих усилий.— Я хочу иметь животное. Я изо всех сил стараюсь приобрести хоть одно. Но на свое жалованье, на ту мелочь, что получает городской служащий...

«Возможно,— подумал Рик,— мне вновь повезет в работе, как это случилось два года назад, когда я за один месяц прихватил

четырех анди». Если бы он мог предвидеть тогда, что Гроучо собирается умереть... но анди попались ему до столбняка. До двухдюймового обломка проволоки, который вонзился под кожу овцы, как инъекционная игла.

— Купите кота,— предложил Барбо.— Коты стоят дешево, можете заглянуть в каталог «Сидни».

— Мне не нравятся животные, которых держат в квартирах,— тихо ответил Рик.— Я хочу иметь крупное животное, такое, какое было у меня раньше. Овцу, а если удастся раздобыть денег — корову или молодого вола... или, как у вас, лошадь...

Премии за пятерых сбежавших анди вполне хватило бы для исполнения желания. По тысяче долларов за каждую тушку, итого пять тысяч премиальных помимо основного жалованья.

«Имея пять тысяч,— думал Рик,— я бы раздобыл все, что мне нужно, где угодно и у кого угодно. Пусть даже в каталоге "Сидни" моя будущая покупка выделена курсивом. Пять тысяч долларов... Но для этого надо, чтобы анди сбежали от своих хозяев с одной из колониальных планет и добрались до Земли. Это то, что от меня не зависит. Я не могу заставить пятерых анди прилететь на Землю, но если бы даже и смог, у нас тут полно охотников за премиальными из других полицейских агентств, разбросанных по всему миру. Вот если сбежавшие анди решат устроить свою штаб-квартиру в Северной Калифорнии, а старший охотник за премиальными в регионе — Дейв Холден — соизволит умереть или уйти на покой...»

— Купите сверчка,— пошутил Барбо.— Или мышку. В самом деле, за двадцать пять баксов вы можете купить взрослую мышь.

Рик кивнул и ответил:

— Ваша лошадь может умереть, как умер мой Гроучо, без предупреждения. Может случиться, что сегодня вечером вы вернетесь с работы и обнаружите, что ваша лошадка лежит на боку или на спине и дергает в воздухе ногами, как жук. Как, если не ошибаюсь, вы сказали, сверчок.

Рик повернулся и пошел прочь, сжав в кулаке ключи от ховера.

— Извините, если обидел вас,— вслед ему нервно произнес Барбо.

Рик молча открыл дверцу ховеркара. Ему нечего добавить или объяснить соседу, мысли его уже были заняты предстоящим днем и работой.

Глава 2

Телевизор изливал потоки рекламы в необжитое пространство обветшалой комнаты, которая находилась где-то внутри огромного разоренного здания, некогда служившего жилищем тысячам людей.

До Завершающей Мировой Войны в этой бесхозной руине поддерживались порядок и чистота. Район считался пригородом Сан-Франциско; до центра города — на скоростном монорельсе — было рукой подать; густонаселенный полуостров копошился, ворковал, выражал свои мнения и жалобы, чем очень напоминал оживленное птичье дерево; ныне бдительные владельцы дома либо умерли, либо эмигрировали на планеты-колонии. Большинство из людей попало под каток первого варианта «либо»; война досталась слишком дорогой ценой, несмотря на бравые заверения Пентагона и его самоуверенного научного прислужника — «Рэнд Корпорейшн», которая, надо отметить, до войны располагалась недалеко от того места, где нынче стояло разоренное здание. Как и хозяева квартир, корпорация благополучно скончалась, скорее всего — навечно. Но никто даже не заметил и не почувствовал боли утраты.

Более того, никто уже не помнил, что именно стало причиной войны и кто — если вообще хоть кто-то — побеждал. Пыль, превратившая поверхность планеты в почти сплошную зону заражения, появилась непонятно из какой страны, но никто, даже враждовавшие в военное время стороны, не предвидел ее возникновения.

Первыми, как это ни удивительно, вымерли совы. В первый момент сей факт показался почти забавным: толстые, мягкие птицы лежали и тут и там — в садах и на улицах. Совы, оставаясь живыми, практически не попадались на глаза людям, потому что поднимались в воздух лишь с приходом сумерек. Средневековые эпидемии чумы заявляли о своем приходе схожим образом, но снизу — в виде множества дохлых крыс. Чума послевоенная опустилась на землю сверху.

За совами, конечно же, последовали остальные птицы, но к тому моменту тайну их гибели уже разгадали и поняли.

Скудные средства на программу колонизации были отпущены еще до войны, но теперь, когда Солнце перестало освещать Землю, колонизация вступила в совершенно иную фазу. И главное оружие войны — Синтетический Борец За Свободу — модифицировалось; способный функционировать на чуждых

человеку планетах, гуманоидный робот — строго говоря, органический андроид — превратился в козла отпущения, вернее, в мобильный вспомогательный двигатель программы колонизации. На основании закона, принятого ООН, каждый эмигрант автоматически получал в пользование андроида, марку которого выбирал по собственному усмотрению, и к 1990 году разнообразие моделей и подтипов превзошло мыслимый уровень. Нечто похожее происходило в американском автомобилестроении в 60-е годы.

Эмиграция осуществлялась с помощью двух испытанных стимулов: пряником служил бесплатный робот-андроид, а кнутом, от которого следует уносить ноги,— радиоактивные осадки. ООН преуспела и в законотворчестве: эмигрировать становилось все легче, а выкручиваться и оставаться на Земле — все труднее. К тому же у оставшихся появлялась перспектива оказаться в один прекрасный день биологически нежелательным индивидуумом, угрозой для чистоты древней расы. Если медицинская комиссия признавала человека «специалом», то, даже пройдя стерилизацию, он навсегда вычеркивался из истории. Фактически он переставал быть частичкой человечества. И все же то тут, то там люди отказывались эмигрировать; иррациональность их решений ставила в тупик даже экспертов ООН, занимавшихся изучением данной проблемы. С точки зрения формальной логики, за прошедшее время все регуляры должны были бы эмигрировать. Видимо, даже обезображенная войной, Земля все равно оставалась родным домом, за который стоило цепляться из последних сил. Скорее всего, неэмигранты верили, что пылевой шатер, раскинутый над поверхностью планеты, в конце концов исчерпает свое вредоносное действие. Как бы то ни было, тысячи людей остались жить на Земле, сконцентрировавшись светящимися «звездными скоплениями» на территориях городов, где они могли ощущать физическое присутствие друг друга, воспрянуть духом и даже рассчитывать на взаимопомощь. Все они считались относительно нормальными типами. Но, в качестве подозрительной приправы, в фактически заброшенных пригородах обосновались эксцентричные и немного странные существа.

Джон Изидор, телевизор которого наполнял жилую комнату отчаянными воплями, считался одним из таких существ. Сам он тем временем брился в ванной комнате.

Он забрел в эти места и в этот дом в самые первые дни после войны. В действительности в те злосчастные времена никто не

помнил точно — что делал и почему? Целые народы, потревоженные войной, отправлялись странствовать, обустраивались на незанятых территориях, но через некоторое время срывались на поиски новых мест. В те далекие времена пыль выпадала нерегулярно и неравномерно. Некоторые страны даже не знали, что она такое, другие насытились ею по горло. Люди, единожды лишившись привычного места жительства, продвигались вперед с элементарной целью — уйти подальше от пыли.

Дж. Р. Изидор остался.

Динамик телевизора продолжал надрываться: «...в точности воссоздать безмятежность довоенных дней Южных Штатов! Либо как личная прислуга, либо как неутомимые рабочие руки, собранный по индивидуальному заказу гуманоидный робот — спроектирован специально для ВАШИХ УНИКАЛЬНЫХ ЗАПРОСОВ; ДЛЯ ВАС И ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС! — передается нам сразу по прибытии совершенно бесплатно, полностью оснащен в соответствии с вашей спецификацией, которую вы заполнили на него перед отбытием с Земли. Преданный, надежный, безотказный спутник разделит с вами трудности во время удивительного, тяжелого, но дерзкого путешествия, на которое только способен отважиться человек; впервые в истории обеспечит...» — и далее в том же духе.

Заканчивая бриться, Джон Изидор подумал: а не опаздывает ли он на работу? У него не было собственных исправных часов; он ориентировался и зависел от телевизора, который передавал сигналы точного времени, но сегодня, очевидно, День Интеркосмических Горизонтов. Как бы то ни было, ТВ объявило, что сегодня пятая (или шестая?) годовщина Нью-Америки, главного американского поселения на Марсе. Из-за поломки телевизор Изидора принимал всего один канал, который правительство национализировало во время войны да так и оставило в своих руках. Изидор с большим напряжением слушал ТВ-программу колонизации, которую Вашингтон провозгласил единственным организатором освоения Солнечной системы.

— Итак, давайте выслушаем Мэгги Клюгман,— предложил ведущий ТВ-программы, но Джон Изидор хотел знать лишь одно — точное время.— ...Совсем недавно эмигрировав на Марс, миссис Клюгман в интервью, записанном нами в Новом Нью-Йорке, сказала следующее... «Миссис Клюгман, в чем вы видите главное отличие между прежней жизнью на зараженной радиоактивной пылью Земле и новыми впечатлениями от Мар-

са, где для вас открылись самые фантастические перспективы?» — Последовала пауза, а затем женщина средних лет ответила усталым, слегка хрипловатым голосом: — «Думаю, что и я, и остальные члены нашей семьи прежде всего отметили бы чувство собственного достоинства».— «Достоинства, миссис Клюгман?» — переспросил комментатор. «Да,— произнесла миссис Клюгман, ныне жительница Нового Нью-Йорка.— Это непросто объяснить. Я хочу сказать, что иметь слугу, на которого можно положиться в наше нелегкое время... Я нахожу в этом утешение...» — «А пока вы жили на Земле, миссис Клюгман, в прежние времена, вы не испытывали страха, что вас классифицируют, гм, как специала?» — «О да, конечно, и я, и мой муж, мы буквально дрожали от страха! Но стоило нам эмигрировать, и все наши страхи рассеялись, надеюсь, навсегда».

Джон Изидор с горечью подумал, что его страхи и сомнения тоже рассеялись, а ему даже не пришлось эмигрировать. Его классифицировали как специала чуть больше года назад, и, в общем-то, не только из-за генетических изменений в организме. Хуже всего оказалось то, что он не смог справиться с тестом минимальных умственных способностей, и теперь его, попросту говоря, называли пустоголовым. Из-за чего над его головой сгустилось презрение сразу трех обитаемых планет.

И все же он продолжал жить. И продолжал работать — он водил фургон, который выезжал на вызовы и доставлял псевдоживотных в ремонтную мастерскую; служащие «клиники» Ван Несса для питомцев, включая непосредственного босса — Ганнибала Слоата, угрюмого грубоватого человека, относились к нему как к нормальному, за что Джон был им искренне благодарен. «Mors certa, vita incerta»*, как время от времени повторял мистер Слоат. Изидор, хотя и слышал высказывание много раз, имел лишь самое туманное представление о смысле фразы. В конце концов, если пустоголовый начнет разбираться в латыни, он перестанет быть пустоголовым. Услышав от Изидора данное предположение, мистер Слоат охотно с ним согласился. Действительно, на Земле существовали настоящие придурки, тупость которых — в сравнении с тупостью Изидора — была бесконечной; они не работали, потому что не могли справиться даже с самыми элементарными заданиями, их содержали в специальных закрытых заведениях с ничего не значащими названи-

* «Смерть несомненна, жизнь неопределенна» *(лат.)*.

ями типа «Американский институт специальных трудовых навыков». Но слово «специал» несло в себе двойной смысл, и по перевернутому названию — «Институт трудовых навыков специалов Америки» — всем сразу становилось ясно, кто обитает за стенами «института».

«...Ваш муж не чувствовал себя в безопасности,— монотонно вещал диктор ТВ,— даже когда приобрел и постоянно носил дорогой, топорно сработанный свинцовый гульфик, якобы защищающий от радиации. Так, миссис Клюгман?» — «Мой муж...» — начала отвечать миссис Клюгман, но в этот момент Изидор, покончив с бритьем, вернулся в жилую комнату и выключил телевизор.

Тишина обрушилась на него со стен и с мебели, ударила его всей своей жуткой мощью, как будто нагнетаемая гигантским двигателем, вырабатывающим тишину. Она поднималась вверх от серой ковровой дорожки, закрывавшей — от стены до стены — весь пол. Тишина высвобождалась также из поломанных, полностью или частично, кухонных агрегатов, скончавшихся задолго до появления Изидора в квартире. Она вытекала наружу из бесполезных настенных светильников жилой комнаты и смешивалась с пустотой и бессловесными потоками самой себя, которые опускались с потолка, покрытого черными мушиными пятнышками. Короче говоря, тишина появлялась отовсюду, как будто являлась основной и единственной составляющей всех материальных предметов. Поэтому-то она яростно нападала не только на уши, но и на глаза; стоя напротив погасшего ТВ-экрана, Изидор ощущал тишину как нечто видимое и в своем роде живое существо. Живое! Он и прежде часто ощущал ее появление; вернее, она врывалась неожиданно и стремительно, она торопилась так, как будто промедление было смерти подобно. Тишина всего мира не могла совладать с собственной алчностью. Даже на мгновение. Даже одержав очередную победу.

И он с удивлением думал: а чувствует ли кто-нибудь из оставшихся на Земле людей пустоту всего мира так же сильно, как он? Или его страх — своеобразное биологическое удостоверение личности, вызванное уродством и бессмысленным перерождением сенсорного восприятия? «Интересный вопрос»,— отметил для себя Изидор. Жаль только, не с кем обменяться наблюдениями. Он обитал внутри ветшающего и безмолвного здания с тысячью незаселенных квартир, которые, как и все

составные части некогда жилого дома, превращались, день за днем, в беспорядочные руины. В конечном счете все внутренние помещения сольются воедино, превратятся в однородную безликую массу, которая заполнит их до самой крыши. После чего и сами брошенные здания преобразуются в бесформенную глыбу, которую похоронит под собой всепроникающая пыль. Но он может не опасаться будущего; он как пить дать умрет раньше комнаты, пораженной гнилостной болезнью, он не останется наедине с немой, вездесущей хозяйкой мира — тишиной.

Лучше, конечно же, включить телевизор и вернуться вместе с ним к настоящей жизни. Но Изидора раздражала шумная реклама, предназначенная оставшимся на Земле регулярам. Она сообщала ему — бесчисленными хитрыми способами — о том, чего он, специал, слышать и знать не хотел. Вся их информация была ему без надобности. Не мог он, даже очень сильно захотев, эмигрировать. Так чего ради прислушиваться ко всей этой дребедени? Чтоб их всех разорвало на части, вместе с программой колонизации. Почему бы им не начать воевать на новых планетах — теоретически через какое-то время война может начаться — и не запорошить себя радиоактивной пылью? Пусть все, кто эмигрировал, превратятся в специалов.

И тут он вспомнил, что пора отправляться на работу. Несколько шагов — и он потянул на себя ручку, открывая дверь, которая вела в неосвещенный холл, и... мгновенно отшатнулся, натолкнувшись взглядом на пустоту здания вне его собственной квартиры. Пустота лежала, прячась и поджидая его, где-то там, снаружи; ее мощь, которую он чувствовал, навязчиво потекла внутрь его квартиры. «О Боже!» — думал он, захлопывая дверь. Нет, он еще не готов преодолеть клацающие ступени лестницы, ведущей вверх, на пустую крышу, где у него нет своего животного. Эхо его шагов — эхо пустоты — понеслось вверх, хотя он продолжал стоять на месте. «Самое время взяться за рукоятки»,— подсказывал он себе; потом пересек жилую комнату и замер у черного ящика эмпатоскопа.

Как только он включил его, он тут же почувствовал запах озона, поднимающийся от энергоблока; нетерпеливо и судорожно вздохнув, Изидор сразу же ощутил радостный прилив бодрости. Катодно-лучевая трубка бледно засветилась, как копия, как слабая имитация ТВ; постепенно сформировался коллаж, составленный из случайных наслоений красок, цветных полос

и предметов с размытыми очертаниями; картинка не изменится до тех пор, пока он не уберет пальцы с ручек включения... Поэтому, еще раз глубоко вздохнув, чтобы окончательно успокоиться, он крепко взялся за рукоятки.

Зрительный образ тут же обрел очертания; Джону Изидору открылся хорошо знакомый ландшафт: древний серо-коричневый бесплодный склон — пучки высохших стеблей торчали как ребра скелета — медленно уходил вдаль и растворялся в тумане неба, не тронутого лучами солнца. Одна-единственная фигура, лишь отчасти походившая на человека, с трудом брела вверх по склону — преклонного возраста мужчина, почти старик, в бесформенной выцветшей накидке, которую скроили из куска жуткой серой пустоты неба. Этот человек — Уилбер Мерсер* — едва переставлял ноги; Джон Изидор, наблюдая за ним, избавлялся от давления комнаты: полуразвалившиеся стены и обветшалая мебель отступали прочь, уходили, как уходит с отливом вода; вскоре он даже перестал их замечать. Одновременно, как и всегда прежде, возникло ощущение, что он проникает внутрь изображения, входит в коричнево-серый монотонный ландшафт холма и неба. Он сбросил с себя путы стороннего наблюдателя, теперь он поднимался вверх вместе со старичком, и ноги — его ноги — волочились вверх по каменистому склону; он тяжело дышал, вспоминая старую боль от неровных шагов и наполняя легкие едким туманом неба — неземного неба над невероятно чужим, далеким склоном, который с помощью эмпатоскопа воспринимался материально.

Он перешел границу реального и окунулся в этот мир стандартным, но приводившим человека в замешательство способом; физическое слияние — ментальная и духовная тождественность — с Уилбером Мерсером вновь осуществилось. И у Джона Изидора, и у всех остальных, кто одновременно с ним сжимал рукоятки, будь то на Земле или на одной из колониальных планет.

Он чувствовал их всех, впитывая невнятные обрывки мыслей, звучащих в его собственном мозгу,— навязчивый шорох существования каждого. И их, и его беспокоила общая мысль; сплавленная психика ориентировала внимание на холм, на подъем, на необходимость взбираться все выше и выше. Шаг

---

* Mercer — торговец мелким товаром; merciful — милосердный, сострадательный *(англ.)*.

за шагом цель приближалась, но так медленно, что подъем осуществлялся почти незаметно. Но все же осуществлялся. Надо подняться еще выше, подгонял себя Джон; камни выскальзывали из-под ног и катились вниз. Сегодня подняться выше, чем вчера, а завтра... Он, как часть Уилбера Мерсера, вскинул вместе со всеми голову, пытаясь обозреть склон. Невозможно разглядеть вершину. Но она где-то там. Не слишком далеко. Настанет день, и вершина покажется на фоне серого неба.

Осколок скалы, брошенный в Мерсера, попал в руку. Он почувствовал боль, повернул голову и стоял теперь вполоборота; вот почему следующий осколок пролетел мимо. Врезавшись в каменистую поверхность, издал скрежещащий звук и заставил содрогнуться. «Кто?» — удивленно подумал он и внимательно всмотрелся в туман пройденного пути, пытаясь разглядеть обидчика.

Напомнившие о себе давнишние соперники находились за пределами видимости; Уилбер различал только их контуры; они — или оно — следуют по пятам за Мерсером весь мучительно долгий путь к вершине холма и отступят лишь тогда, когда он достигнет Цели...

Он вспомнил вершину, когда подъем неожиданно сменился ровной поверхностью, но затем Мерсер достиг нового склона, и начался следующий этап восхождения. Сколько раз он уже добирался до вершины? Несколько раз, но вершины слились в памяти воедино, как слились будущее и прошлое; и то, что он уже испытал, и то, что ему еще предстоит испытать,— все переплелось так сильно, что в памяти не осталось ничего, кроме момента покоя и отдыха, во время которого он потрогал царапину на руке, оставленную брошенным осколком.

— Боже,— повторил он устало.— Разве это справедливо? Почему я поднимаюсь вверх один, а надо мной кто-то постоянно издевается?

И в тот же момент, без просьбы с его стороны, общий гомон всех и каждого, их, слившихся воедино, рассеял иллюзию одиночества.

«Они тоже почувствовали»,— понял он.

— Да,— ответили голоса.— Камень попал каждому из нас в левую руку, вызвав адскую боль.

— О'кей,— ответил он.— Будет лучше, если мы отправимся в путь.

Он продолжил медленное восхождение; все — каждый из них — последовали его примеру.

«Раньше,— вспомнил он,— все было иначе. До того как на нас обрушились бедствия, существовала ранняя, счастливая часть жизни». Они — приемные родители Фрэнк и Кора Мерсер — сняли его со спасательного надувного авиаплота, который волны прибили к побережью Новой Англии...

...Или к побережью Мексики, в районе порта Тампико? Сейчас он уже не мог восстановить в памяти события того дня. Детство запомнилось как замечательное время; он любил все живое, в особенности зверей, он мог возвращать к жизни умерших животных. Его всегда окружали кролики и насекомые, но где, на Земле или на колониальной планете, теперь он забыл даже это. Зато он помнил убийц, потому что они схватили его как урода, как последнего выродка среди специалов; и жизнь изменилась.

Местные власти издали закон, запрещающий использовать дар оживления умерших. Они четко объяснили ему суть закона на шестнадцатом году жизни. Он еще год продолжал тайно использовать свою способность, но старуха, которую он никогда не видел и ничего о ней не слышал, донесла на него. Не спрашивая согласия родителей, они — убийцы — облучили уникальное уплотнение в его мозгу, подвергли воздействию радиоактивного кобальта, после чего он погрузился в отстраненный мир, один из тех, о существовании которых ранее даже не подозревал. Он очутился в яме, наполненной трупами и костями; он сражался долгие годы, стараясь выбраться наружу. Ослик и особенно жаба — создания наиболее симпатичные ему — исчезли, вымерли; лишь разлагающиеся куски — безглазая голова здесь, обрубок руки там — остались. В конечном итоге птица, которая появилась в этом мире, чтобы умереть, рассказала, куда он попал. Он провалился в Загробный Мир. И ему не удастся выбраться из него до тех пор, пока кости, грудами наваленные со всех сторон, вновь не превратятся в живых существ; он стал составной частью метаболизма чужих жизней, и воскреснуть из мертвых он мог только вместе с ними.

Какую часть жизни займет этот цикл, он еще не знал; ничего существенного не происходило, поэтому время оказалось ему неподвластно. Но в итоге кости начали обрастать плотью, пустые глазницы наполнились, и вновь проросшие глаза могли видеть; одновременно, восстановившись, рты и клювы залаяли, закудахтали, зафыркали и загоготали. Возможно, это он помог их воскрешению, возможно, вновь образовалось экстра-

сенсорное уплотнение в его мозгу. Но, вполне возможно, произошел естественный процесс. Как бы то ни было, его погружение закончилось, и он начал всплывать на поверхность так же, как и все остальные существа. Он потерял их из виду давным-давно, а в какой-то момент обнаружил, что взбирается вверх по склону в полном одиночестве. Но они находились рядом и по-прежнему сопровождали его; каким-то странным образом он ощущал их внутри себя.

Изидор стоял, вцепившись в обе рукоятки; он так сильно слился с окружавшими его существами, что неохотно покидал их. Его связь с Уилбером Мерсером прервалась, но рука болела и кровоточила в том месте, куда угодил осколок.

Убрав пальцы с рукояток, он, слегка пошатываясь, прошел в ванную комнату, чтобы промыть ссадину. Это не первое повреждение, которое он получил во время слияния с Мерсером, и, скорее всего, не последнее. Люди, особенно преклонного возраста, даже умирали во время подъема на вершину или в момент приближения к ней, где испытания становились все более мучительными. Потирая ушибленное место, он с удивлением подумал, сможет ли еще раз преодолеть эту часть пути. Вполне вероятно, что боль вызовет остановку сердца; безопаснее жить в городе, где находятся доктора с их электроимпульсными аппаратами. Слишком рискованно оставаться здесь — в одиночестве и полной глуши.

Он всегда знал, что рискует. Он рисковал и прежде. Подвергало себя риску большинство людей, особенно физически немощные старики.

Он промакнул повреждение на руке мягкой сухой салфеткой «Клинекс».

И услышал далекий и приглушенный звук включенного ТВ.

«Вероятно, в здании находится еще кто-то»,— испуганно подумал Изидор, не в силах поверить в невероятное предположение. Работал чужой ТВ; его ТВ был выключен. Изидор явственно ощущал, как вибрирует пол в такт звуку, доносящемуся с нижнего этажа.

«Я более не одинок»,— решил Изидор. Новый жилец поселился в доме, заняв одну из брошенных квартир, причем настолько близко, что Изидор мог его слышать. Должно быть, на третьем или на втором этаже, не ниже. «Надо проверить,— быстро решил он.— Что нужно делать, когда в доме появляется новый жилец? Постучаться в дверь, будто случайно проходишь мимо, и спросить что-нибудь. Или нет?»

Он никак не мог припомнить, насколько верны его предположения,— ничего подобного с ним до сих пор не случалось в этом здании: люди выезжали, переселялись, эмигрировали, но впервые кто-то вселился в дом.

«Новым жильцам следует что-нибудь отнести,— решил он,— чашку воды, а лучше — молока; стакан молока или крупы, или яйцо, или, в конце концов, эрзац-заменители молока, крупы и яиц».

Он заглянул в холодильник — морозильник уже давно не работал — и обнаружил небольшой и сомнительного вида кусок маргарина. Осторожно взяв его вместо подарка — сердце стучало как ненормальное, готовясь выскочить из груди,— он направился на нижние этажи. «Надо,— напомнил себе Изидор,— чтобы новый жилец не догадался, что я придурок, точнее, пустоголовый. Если жилец поймет, что я неполноценный, он выставит меня за дверь и не станет даже разговаривать; так обычно происходило прежде. Интересно, отчего?»

Он торопливо направился к центральной лестнице.

Глава 3

По пути на работу Рик Декард, как и многие похожие на него люди, остановился ненадолго поглазеть на животных, выставленных в витрине крупнейшего зоомагазина Сан-Франциско. В центре рекламного подмостка, в прозрачной пластиковой клетке с искусственным обогревом, стоял страус и, слегка повернув голову, наблюдал одним глазом за прохожими. Птицу, согласно информационной табличке на клетке, только что привезли из зоопарка Кливленда. И он был единственным страусом на всем Западном побережье. Внимательно осмотрев птицу, Рик еще несколько минут, и не менее внимательно, но уже с мрачным выражением, разглядывал ценник. Через некоторое время, глубоко вздохнув, он поехал дальше, к Дворцу Правосудия на Ломбард-стрит, а взглянув на часы, обнаружил, что в лучшем случае опоздает на работу на добрую четверть часа.

Рик едва успел открыть дверь кабинета, когда его начальник, старший инспектор Гарри Брайант — небрежно одетый, рыжеволосый, с оттопыренными ушами, но с резким внимательным взглядом, помогавшим инспектору замечать и ощущать вокруг себя все хоть сколько-нибудь значительное,— окликнул его.

— Встретимся в девять тридцать в кабинете Дейва Холдена,— сообщил инспектор Брайант, быстро перелистывая, но

успевая просматривать досье, отпечатанное на тонких гладких листах.— Холден,— продолжал Брайант, повторив предыдущую фразу с самого начала,— находится в госпитале «Гора Сион» с дыркой в позвоночнике. Стреляли из лазерного пистолета. Дейв проваляется в постели по крайней мере месяц. До тех пор пока врачи не убедятся, что позвонки срослись с новым оргпластиковым блоком.

— Что произошло? — спросил Рик, почувствовав в груди неприятный холодок. Главный охотник Управления еще вчера был в полном порядке: в конце рабочего дня он, как обычно, со свистом умчался в личном ховеркаре, направляясь к своей престижной квартире в плотнозаселенном и имеющем высокий рейтинг районе Ноб Хилл.

Брайант в третий раз невнятно промямлил что-то насчет девяти тридцати в кабинете Дейва и удалился.

Войдя в кабинет, Рик почти тут же услышал за спиной голос секретарши, Энн Марстен:

— Мистер Декард, вы уже знаете, что случилось с мистером Холденом? Нет? В него попали из...— Она вошла следом за Риком — тот рассеянно кивнул ей — в предельно зажатый стенами, душный кабинет и включила в сеть аэратор, безостановочно продолжая говорить: — Не иначе как один из этих новых суперсмышленых анди, которых выпускает «Роузен Ассошиейшн»,— уточнила мисс Марстен.— Вы изучали рекламный проспект компании? Они используют для начинки новый мозг «Нексус-6», который способен осуществлять выбор на основе двух триллионов элементов, или десяти миллионов раздельных нервных связей.— Она понизила голос: — Вы пропустили утренний вызов по видеофону. Мисс Уайлд сказала, что он последовал ровно в девять. Через коммутатор.

— Вызов? — переспросил Рик.

— Ответный сигнал,— уточнила мисс Марстен,— мистера Брайанта к руководству Русского отдела ВПУ*. Он интересовался, не согласятся ли они поддержать официальную жалобу против заводов корпорации Роузена, расположенных на Востоке.

— Гарри все еще надеется изъять с рынка мозг «Нексус-6»? — Рик переспросил, но даже не удивился.

С момента первого опубликования планируемых характеристик и тактико-технических данных в августе 1991 года большин-

---

* ВПУ — Всемирное Полицейское Управление.

ство полицейских агентств и управлений, занимающихся поиском сбежавших анди, тут же подали протесты. «Советская полиция может не больше нашего»,— хмыкнул тогда Рик. Юридически производители мозга «Нексус-6» действовали на основании колониального закона: их крупнейшие автоматические фабрики располагались на Марсе. «Будет лучше, если мы воспримем появление нового мозга как неотъемлемый от жизни факт»,— сказал он еще тогда.

Когда появлялся новый тип мозга, события всегда следовали по одному, раз и навсегда проторенному, пути. Рик помнил крики ужаса, когда ребята из команды Садермана представляли старую модель Т-14 в 89-м. Все до единого полицейские управления Западного полушария бурно выразили протесты, заявляя, что у них в руках нет ни единого теста для идентификации искусственного мозга в случае нелегального проникновения андроида Т-14 на Землю. Надо заметить, что какое-то время их утверждение оставалось справедливым. Более пятидесяти андроидов, начиненных мозгом Т-14, насколько помнил Рик, пробрались тем или иным путем на Землю, некоторых из них не удавалось обнаружить в течение года. Но потом в Советском Союзе Институт Павлова разработал и внедрил тест Войта на эмпатию. И ни одному андроиду с мозгом Т-14, как впоследствии стало известно, не удалось пройти этот специализированный тест.

— Хотите узнать ответ советской полиции? — спросила мисс Марстен.— Я успела все выяснить.— Ее круглое, как апельсин, покрытое веснушками лицо сияло от восторга.

— Я узнаю ответ от Гарри Брайанта,— немного раздраженно ответил Рик. Кабинетная болтовня и слухи всегда выводили его из себя, потому что, как правило, оказывались далеки от истины и неизменно были приукрашены. Усевшись за стол, он начал перекладывать бумаги с места на место до тех пор, пока мисс Марстен, поняв намек, не вышла из кабинета.

Когда дверь захлопнулась, Рик открыл ящик и выудил из него старый потрепанный конверт, склеенный из плотной оберточной бумаги. Откинувшись на спинку кресла в стиле модерн, он тщательно изучал содержимое конверта, пока не наткнулся на то, что искал,— резюме основных характеристик мозга «Нексус-6».

Рик быстро просмотрел текст, убеждаясь, что рассказ мисс Марстен полностью соответствует действительности: «Нексус-6»

состоял из двух триллионов ячеек и имел возможность выбора из десяти миллионов комбинаций активных церебральных связей. Андроид, оснащенный таким мозгом, мог принимать адекватное решение по любому из четырнадцати основных реакций-состояний за 0,45 секунды. Таким образом, никакими тестами по проверке интеллектуальных способностей этого анди в ловушку не загнать. Честно говоря, анди не ловились данными тестами уже многие годы, с тех пор как в конце 70-х перестали выпускать грубые примитивные модели.

Андроиды типа «Нексус-6», отметил для себя Рик, наверняка по многим показателям на несколько порядков превосходят специалов. Иными словами, андроиды, снабженные новым мозгом «Нексус-6», эволюционировали и стали с грубо прагматичной (и небессмысленной) точки зрения превосходить большую — наименее развитую — часть человечества. НА РАДОСТЬ И ГОРЕ, В БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ...* Слуга во многих ситуациях становился более совершенен, ловок, находчив, искусен, чем господин.

Но наука шла вперед, и ее новым достижением стала профильная шкала — тест на эмпатию Войт-Кампфа,— ставшая критерием для вынесения приговора. Даже наделенный абсолютной интеллектуальной мощью, андроид не видел никакого смысла в слиянии — состоянии, которое совершенно естественно возникало между последователями мерсеризма; состоянии, или сопереживании, в которое удавалось погрузиться любому человеку без всяких затруднений, даже специалу с куриными мозгами.

Временами, как и большинство людей, Рик с удивлением задумывался над вопросом: почему андроиды, сталкиваясь с эмпатическим тестом, так беспомощно его проваливают? Эмпатия, очевидно, возникает только внутри сообщества людей, в то время как интеллект определенного уровня можно обнаружить почти в каждом филюме и подклассе живых существ, включая паукообразных. Прежде всего, дар, или способность к эмпатии, требовал неослабного группового инстинкта, единичный же организм, как, например, паук, совершенно в нем не нуждался; фактически такой инстинкт стремился бы снизить уровень приспособляемости паука к выживанию. Он вынуждал бы его чувствовать и осознавать мысль, что он — паук — живет за счет

---

* Из церковной службы при совершении бракосочетания.

страданий своей жертвы. Следовательно, все хищники, включая высокоразвитых млекопитающих, таких как кошки, умерли бы от голода.

Эмпатия, как Рик когда-то решил для себя, должна ограничиваться травоядными или, во всяком случае, всеядными существами, которые в силах отказаться от мясной диеты. В конечном счете способность к сопереживанию размоет границы, отделяющие охотника от жертвы, победителя от побежденного. Подобно слиянию с Мерсером, все вместе — и каждый в отдельности — совершали восхождение или, завершая жизненный цикл, одновременно падали в пучину Загробного Мира. Мерсеризм напоминал разновидность биологического предохранителя, правда — обоюдоострого. В момент, когда какое-либо существо испытывало радость, состояние всех остальных существ тоже включало в себя фрагменты радости. Естественно, если какое-либо живое существо испытывало страдание, то и все остальные впадали в уныние. Групповое животное, как человек, таким образом, имело дополнительный фактор выживания в этом мире. А совы и кобры погибали.

Очевидно, гуманоидный робот нес в себе повадки одинокого хищника.

Рику нравилось думать об андроидах именно таким образом: это делало его работу сносной. Занимаясь отстрелом — то есть усыпляя анди,— он не нарушал закона жизни, привнесенного Мерсером.

«Ты станешь убивать только Убийц»,— сказал им Мерсер в тот год, когда эмпатоскопы впервые появились на Земле. И в мерсеризме, по мере того как зачатки учения перерастали в полновесную теологическую систему, понятие «Убийцы» незаметно стало преобладать. В мерсеризме абсолютное зло цеплялось за изношенный плащ ковыляющего и взбирающегося старика, но всегда оставалось неясно, кем или чем вызвано его появление. Мерсерит ощущал зло без понимания его происхождения. Говоря другими словами, мерсерит мог определить присутствие настоящего Убийцы, когда бы он ни появился. Для Рика Декарда сбежавший гуманоидный робот, наделенный интеллектом, превосходящим интеллект многих людей, но посмевший убить хозяина, не имеющий склонности ухаживать за животными, не обладающий способностью к эмпатии, к радости за успех иной формы жизни или к боли за неудачи,— этот анди для него представлял Убийцу.

Вспомнив о животных, Рик мысленно вернулся к страусу, которого видел в витрине зоомагазина. Он на время отодвинул от себя спецификацию «Нексус-6», взял щепотку нюхательного табака «Мисс Сиддон № 3 и № 4» и задумался. Потом внимательно посмотрел на часы, прикинул, что в его распоряжении еще есть несколько свободных минут, поднял трубку настольного видеофона и обратился к Энн Марстен:

— Соедините меня с магазином «Счастливый Пес» на Саттер-стрит.

— Да, сэр,— ответила мисс Марстен и открыла телефонную книгу.

«Не могут же они в самом деле просить такую сумму за страуса,— сказал себе Рик.— Они просто хотят заставить покупателя поторговаться, как поступали в старые времена владельцы автосалонов».

— Зоомагазин «Счастливый Пес»,— представился мужской голос, и на экране появилось счастливое лицо с точно дозированной улыбкой. За его спиной слышались возня и крики животных.

— Страус, который помещен у вас на витрине,— сказал Рик, вертя в руке керамическую пепельницу,— какой вы хотите за него первый взнос наличными?

— Давайте прикинем,— ответил продавец зоомагазина и потянулся за ручкой и листком бумаги.— Примерно треть от суммы.— Он что-то записал на листке.— Сэр, позвольте спросить, не собираетесь ли вы предложить нам что-нибудь в счет новой покупки?

— Я не думал об этом,— настороженно ответил Рик.

— Тогда мы можем заключить на страуса тридцатимесячный контракт,— пояснил продавец.— С очень, очень низкими комиссионными, скажем, шесть процентов в месяц. В итоге ваша ежемесячная выплата после приемлемого первого взноса...

— Вам следует снизить цену, которую вы просите за него,— возразил Рик.— Скиньте пару тысяч, и я не стану ничего вносить взамен. Я куплю его за наличные деньги.

«Дейв Холден,— отметил про себя Рик,— выбыл из игры. Что может означать массу выгод для меня... в зависимости от того, как много заданий мне подкинут в этом месяце».

— Сэр,— вежливо объяснил продавец зоомагазина,— цену, которую мы просим за... Она и так на тысячу долларов ниже каталожной, можете заглянуть в свой «Сидни», я подожду. Я го-

ворю это потому, что хочу, чтобы вы сами убедились, сэр, что наша цена вполне разумна.

«Боже,— подумал Рик,— ну почему они так крепко стоят на своем?» И все же, проклиная всех и вся, он достал из кармана пальто потрепанный экземпляр каталога «Сидни», пролистнул до подзаголовка «Страус», взятого в кавычки, и — самцы-самки, молодые-старые, больные-здоровые, новые-подержанные — изучил цены.

— Новый, мужского пола, то есть самец, молодой, в отличном состоянии, то есть здоровый,— проинформировал продавец.— Тридцать тысяч долларов.— Его каталог «Сидни» был раскрыт на той же странице.— Как я уже сказал, наша цена на тысячу долларов ниже каталожной. Ваш первый взнос наличными...

— Я все обдумаю,— быстро произнес Рик,— и перезвоню вам.— Он собрался было отключить видеофон, но продавец решительно спросил:

— Как вас зовут, сэр?

— Фрэнк Мерривелл,— ответил Рик.

— И, будьте любезны, ваш адрес, мистер Мерривелл? Ну... на тот случай, если не застанете меня на месте, когда решите позвонить.

Рик отчеканил выдуманный адрес и отключился, положив трубку на рычаг. «Ну и цена!..— вздохнул он.— Тем не менее находятся люди, которые покупают, да, но для этого надо иметь кучу денег».

Он снова поднял трубку и строго произнес:

— Соедините меня с городской линией, мисс Марстен, и не подслушивайте, беседа сугубо конфиденциальна.— Рик внимательно посмотрел на секретаршу.

— Да, сэр,— холодно ответила мисс Марстен.— Можете набирать номер,— и отключилась от сети, оставив его наедине с городской линией.

Рик по памяти набрал номер магазина, продававшего поддельных животных,— того, в котором он приобрел свою эрзац-овцу. На небольшом видеоэкране появился мужчина, одетый как настоящий ветеринар.

— Доктор Макри,— представился он.

— Рик Декард. Скажите, сколько стоит электрический страус?

— Думаю, вам мы сможем устроить его дешевле чем за восемьсот долларов. Как скоро вы хотите его получить? Мы мо-

жем быстро собрать его для вас. На страусов поступает совсем немного заказов.

— Этот вопрос мы обговорим чуть позже,— перебил Рик, взглянув на часы, которые показывали ровно девять тридцать.— До свидания, доктор.

Он поспешно отключился, поднялся и вскоре уже стоял перед дверью кабинета инспектора Брайанта. Войдя, он кивнул секретарю-машинистке — молодой, привлекательной, с длинной, почти до талии, косой, заплетенной лентой,— которая регистрировала посетителей и стенографировала; затем торопливо прошмыгнул мимо старшего секретаря, вернее секретарши,— древнего монстра, вылезшего из болот юрского периода,— холодной и скользкой, как архаичный призрак, открывающий двери в Загробный Мир. Женщины промолчали, он также не произнес ни слова.

Открыв дверь во внутренний кабинет, он кивнул своему начальнику, который разговаривал по видеофону; опустившись в кресло, Рик вытащил технические данные на «Нексус-6», которые захватил с собой, и еще раз перечитал их, пока Брайант с кем-то разговаривал.

Рик чувствовал себя подавленно, хотя, по логике событий и принимая во внимание внезапное исчезновение со сцены Дейва Холдена, ему открывалась неожиданная возможность для напряженной, требующей осторожности, но все же радостной работы.

Глава 4

«Видимо, меня беспокоит то, что несчастье, происшедшее с Дейвом, может произойти и со мной,— предположил Рик Декард.— Анди, у которого хватило умения и хитрости подстрелить Дейва, вполне может повторить свой трюк на мне. И все же меня тревожит что-то более серьезное».

— Хм, ты даже прихватил с собой эту дурацкую спецификацию на «Нексус-6»,— заметил инспектор Брайант, вешая трубку видеофона.

— Да, мне уже насплетничали,— ответил Рик.— Сколько анди замешано в деле и что успел разузнать Дейв?

— Изначально — восемь,— ответил Брайант, заглядывая в дело.— Минус два, которых успел прихватить Дейв.

— А оставшиеся шестеро находятся где-то здесь, в Северной Калифорнии?

— Насколько мне известно. Так считает Дейв. Я именно с ним сейчас разговаривал. Все материалы по делу я вынул из его стола. Дейв сказал, что успел записать все данные.— Брайант постучал пальцем по стопке бумаг. Рику показалось, что старший инспектор не собирается передавать ему материалы; Брайант перелистывал страницы, вчитывался в записи, хмурился и старательно облизывал языком шершавые губы.

— В моем списке нет спешных дел,— предложил Рик.— Я готов заменить Дейва.

Брайант легко кивнул и задумчиво произнес:

— Дейв, тестируя подозреваемых, использовал Профильную шкалу Войт-Кампфа. Если ты еще не в курсе, то тебе следует понять — тест неспецифичен для нового типа мозга. Специфичного теста вообще *нет*. Шкала Войта, усовершенствованная три года назад Кампфом,— все, что у нас есть.— Инспектор на несколько секунд замолчал, как бы раздумывая, стоит ли говорить дальше.— Дейв считает, что тест тщательно откалиброван. Может, и так. Но я бы хотел, чтобы ты, прежде чем броситься за оставшейся шестеркой, лично убедился в работоспособности теста.— Он сложил бумаги стопкой и вновь постучал по ним костяшками пальцев.— Тебе стоит слетать в Сиэтл и переговорить с людьми Роузена. Попроси их предоставить для проверки образец нового мозга «Нексус-6».

— И прогнать его по шкале Войт-Кампфа?

— На словах звучит просто,— сказал Брайант скорее самому себе, чем Рику.

— Извините, не понял?

— Я намерен связаться с руководством фирмы «Роузен», пока ты летишь,— ответил Брайант, молча посмотрел на Рика, вздохнул и принялся обгрызать ногти, пока точно не решил, что сказать дальше.— Я собираюсь обсудить с ними возможность включить в проверку несколько людей, перетасовав их с андроидами. Но ты не будешь заранее знать, кто есть кто. Мы примем решение, согласовав его с производителями. К моменту твоего прибытия все будет подготовлено.— Он резко поднял руку, указывая пальцем на Рика, его лицо стало жестким.— Тебе впервые предстоит выступать в роли старшего охотника за премиальными. У Дейва за плечами опыт многолетней работы, масса накопленных знаний.

— Как и у меня,— серьезно ответил Рик.

— Ты получил их от Дейва, он всегда решал самостоятельно, что взять себе, а что перекинуть на тебя. Теперь же тебе

достались шестеро анди, которых он собирался усыпить самостоятельно; одному из них удалось его опередить. Вот этому.— Брайант развернул информ так, чтобы Рик мог самостоятельно прочитать.— Макс Полоков,— все же произнес Брайант.— Во всяком случае, именно так называет себя этот анди. Допуская, конечно, что Дейв не ошибся. Версия строится только на его предположениях. Тест Войт-Кампфа был применен к первым трем анди из списка, двоих Дейв убрал, но потом натолкнулся на Полокова. Все произошло прямо во время теста: Полоков подстрелил Дейва, когда тот задавал очередной вопрос.

— Что подтверждает уверенность Дейва в безошибочности теста,— подытожил Рик. («Иначе бы Дейва не подстрелили из лазера; иных мотивов убийства у Полокова не было».)

— Будет лучше, если ты прямо сейчас отправишься в Сиэтл,— скомандовал Брайант.— Молча. Переговоры с Роузеном я возьму на себя. А ты прислушивайся и принюхивайся.— Инспектор поднялся на ноги, подошел к Рику и сурово произнес: — Когда будешь проводить тест Войт-Кампфа, и если случится, что один из людей его провалит...

— Невозможно,— запротестовал Рик.

— Несколько недель назад мы беседовали с Дейвом на эту тему. Он пришел тогда ко мне со своими соображениями, и они совпали с моими. Я как раз получил письменную справку от советской полиции, прямо из ВПУ, с которой надлежало ознакомиться всем, даже колониальным полицейским управлениям. Группа психиатров из Ленинграда уведомила ВПУ о своем заключении. Они запросили наиболее поздние и наиболее точные персональные профильные аналитические устройства, использующиеся для идентификации андроидов,— другими словами, шкалу Войт-Кампфа — и применили ее к тщательно отобранной группе шизофреников и больных с раздвоением личности, то есть к своим пациентам. В особенности к тем, кто обнаруживает так называемую «чувственную, или аффективную, тупость». Ты, наверное, слышал.

— Это как раз то, для чего применяется шкала Войт-Кампфа,— сказал Рик.

— Значит, ты понимаешь, что заставило их обратиться в ВПУ.

— Проблема существует давно. С того момента, как мы впервые столкнулись с андроидами, внешне похожими на людей. Единодушие в их оценке полицией вытекает из статьи Лури

Кампфа, написанной восемь лет назад,— «Блокирование ролевой функции у недеградировавших шизофреников». Кампф сравнивал снижение эмпатических способностей, обнаруженных у людей с нарушениями психики и кажущимся внешним сходством, но в основе своей...

— Ленинградские психиатры,— бесцеремонно перебил Брайант,— считали, что определенные подтипы больных людей не смогут выдержать теста по шкале Войт-Кампфа. Если применить к ним тест в присутствии полицейских, то можно принять их за гуманоидных роботов. Ошибка станет очевидна только после того, как они будут мертвы.

— Но все эти типы и подтипы,— сказал Рик,— должны...

— Да, должны находиться под присмотром в специальных учреждениях. Они не могут ориентироваться и жить во внешнем мире; они наверняка не могут оставаться незамеченными, как несомненные психопаты. Если только кто-либо из них спятил быстро и внезапно, а вокруг не оказалось никого, кто способен заметить его состояние. Могло произойти только нечто подобное...

— Вероятность — один к миллиону,— возразил Рик, хотя и понимал, к чему клонит Брайант.

— Дейва беспокоило,— продолжал Брайант,— появление андроидов с новым мозгом «Нексус-6». Компания «Роузен», правда, заверила нас, что «Нексус-6» можно вычислить стандартным профильным тестом. Нам пришлось поверить им на слово, а теперь, как мы и предвидели, их слову требуется подтверждение. Ты понимаешь — не так ли? — к каким серьезным последствиям приведет твоя неудача в Сиэтле? Если тебе не удастся определить всех гуманоидных роботов, у нас не останется надежного аналитического устройства, и нам никогда не удастся найти сбежавших анди. Еще хуже, если ты идентифицируешь человека как андроида...— Брайант холодно улыбнулся.— Мы окажемся перед лицом... Сложится жуткая ситуация, пусть даже все, включая сотрудников «Роузен», будут держать язык за зубами и наш провал не станет известен общественности. Нам останется одно — сидеть сложа руки с безразличным видом, хотя... придется поставить в известность ВПУ, а они, в свою очередь, сообщат в Ленинград. Так что в итоге пресса обо всем пронюхает. Единственная надежда, что к тому моменту мы разработаем новую шкалу...— Он снял трубку видеофона: — По-моему, ты собираешься немедленно взяться за дело? Воспользуйся служебным ховером, заправь его на нашей насосной станции.

Поднявшись, Рик спросил:

— Могу я забрать материалы Дейва Холдена? Я изучил бы информы по дороге.

— Давай-ка сначала проведем испытания шкалы в Сиэтле,— сказал Брайант безжалостным тоном, который Рик Декард хорошо прочувствовал.

Когда Рик припарковал ховеркар полицейского управления на крыше «Роузен Ассошиейшн Билдинг» в Сиэтле, он с удивлением обнаружил, что его встречает молодая женщина. Темноволосая и стройная, в модных массивных защитных очках, она приблизилась к ховеру Рика, засунув руки глубоко в карманы длинного и широкого полосатого пальто. На ее небольшом, резко очерченном лице застыло выражение молчаливого безразличия.

— Что случилось? — спросил Рик, выбравшись из припаркованного кара.

Девушка тут же, но весьма уклончиво ответила:

— Ах, я не знаю. Какие-то дела после разговора с инспектором по видеофону.

Она резко вытащила из кармана руку, протянула Рику, он неловко пожал тонкие пальцы.

— Я Рейчел Роузен. А вы, наверно, мистер Декард.

— Я прилетел не по собственной инициативе,— кивнул Рик.

— Да, понимаю, инспектор Брайант изложил нам суть дела. Но вы официальный представитель полицейского управления Сан-Франциско, а в вашем ведомстве принято считать, что корпорация Роузена не стремится к достижению общего блага.

Она внимательно следила за Риком из-под длинных черных ресниц, возможно искусственных.

— Гуманоидный робот действует, как любая другая машина,— ответил Рик,— его состояние колеблется в широких пределах и может резко меняться — от общественно полезного до общественно опасного. Первое состояние нас не интересует.

— Но как только появляется общественно опасный объект,— подхватила Рейчел Роузен,— вы тут же оказываетесь поблизости. Это правда, мистер Декард, что вы охотник за премиальными?

Он растерянно пожал плечами, но кивнул.

— Вам не составляет труда видеть в андроиде инерта,— заключила девушка,— и вы запросто «прихватываете» его, как принято говорить.

— Вы уже подобрали группы для проверки? — спросил он.— Я бы предпочел заняться делом...— Он сбился и замолчал, внезапно увидев животных компании «Роузен». Могущественная корпорация, отметил он, может себе позволить. В самой глубине мозга Рик, несомненно, предвидел, что натолкнется на роскошную коллекцию; он не удивился, почувствовав нечто большее, чем обычную зависть. Забыв о девушке, Рик осторожно подошел к ближайшему вольеру. Он стоял настолько близко, что чувствовал их запах, даже несколько запахов прекрасных созданий, которые сидели или стояли, а одно, очень напоминавшее енота, спало.

Он впервые в жизни собственными глазами видел живого енота. Он знал енотов по стереоскопическим кинофильмам, которые показывали по ТВ. Почему-то пыль подействовала на енотов так же сильно, как и на птиц; их практически не осталось. Повинуясь внутреннему порыву, Рик автоматически достал потрепанный каталог «Сидни» и пролистнул до страницы «Еноты». Рекомендуемая цена, как и у першеронов, была напечатана курсивом; не уточнялось, существует ли на свободном рынке хоть один экземпляр для продажи. Каталог «Сидни» просто констатировал цену, по которой совершилась последняя сделка на енота. Цифра была просто астрономическая.

— Его зовут Билл,— подсказала девушка, она стояла за спиной Рика.— Енот Билли; мы приобрели его в прошлом году у дочерней фирмы.

Она указала куда-то в сторону от Рика, и только после этого он различил вооруженных охранников, которые стояли, держа наготове автоматические ружья, легкие скорострельные модели «Шкода»; глаза охранников, устремленные на Рика, видимо, внимательно следили за ним с самого момента его парковки. «И это несмотря на то,— подумал Рик,— что на ховер четко нанесена маркировка летательного кара полицейского управления».

— Крупнейший производитель андроидов,— задумчиво произнес Рик,— вкладывает прибыль в покупку живых существ.

— Взгляните на сову,— посоветовала Рейчел Роузен.— Она здесь, сейчас я разбужу ее, чтобы вы посмотрели.— Девушка неспешно двинулась к небольшой клетке, в центре которой возвышалось сухое, с многочисленными сучками, деревце.

Он хотел было сказать, что на свете не осталось ни одной живой совы. «По крайней мере, нам всегда внушали эту мысль».

Рик вспомнил, что каталог «Сидни» помечал сов буквой «в» — вымершие; крошечные аккуратные буквы «в» были разбросаны то тут, то там по всему каталогу.

Шагая следом за девушкой, он проверил свои подозрения, заглянув в каталог «Сидни», и не ошибся. «"Сидни" никогда не ошибается,— сказал он себе.— Вот почему мы все так уверены в нем. Разве наши желания, даже самые благие, могут изменить суть происходящего?»

— Ваша сова поддельная,— с неожиданной уверенностью заявил он; разочарование его усилилось до безысходности.

— Нет.— Рейчел Роузен улыбнулась, и Рик на фоне иссиня-черных волос и темных глаз девушки отметил ряд ровных, мелких, почти прозрачных зубов.

— Но «Сидни» свидетельствует, что...— Рик протянул ей каталог, чтобы она увидела. Он очень хотел доказать ей...

— Мы никогда ничего не покупаем у «Сидни». Как и у других официальных торговцев. Наша коллекция пополняется за счет поступлений от частных ловцов, а закупочные цены мы просто не разглашаем,— сообщила девушка.— К тому же в штате компании есть собственные натуралисты, в данный момент они работают в Канаде. Там еще остались значительные территории, покрытые лесом, значительные — по нашим нынешним меркам. Но и их достаточно для обитания мелких животных, а иногда и птиц.

Рик долго стоял, вперившись в сову, которая дремала, держась за сухую жердь. Тысячи мыслей одновременно всколыхнулись в его сознании, мысль о войне, о тех днях, когда совы одна за другой начали падать на землю; он вспомнил, как в детстве узнавал о том, что один за другим вымирают виды животных, как газеты сообщали буквально каждый день: «Вчера умерла последняя лисица...», «Сегодня умер последний барсук...» — до тех пор, пока людям не надоело читать бесконечные некрологи.

Но прежде всего Рик думал о том, как сильно хочет заполучить настоящее животное; помимо его желания в нем всколыхнулась подлинная ненависть к электрической овце, за которой он должен ухаживать, о которой вынужден заботиться как о настоящей. «Деспотизм вещи,— думал он,— которая не знает, что существую я. Как и андроиды, не способные оценить существование кого-то, кроме самих себя». Рик впервые задумался о невероятном сходстве электрического животного и анди.

«Электрическое животное,— отметил он,— можно рассматривать как упрощенную разновидность робота, замкнутого на себя самого. И наоборот, андроидов можно рассматривать как высокоразвитую эволюционировавшую модификацию эрзац-животного». Оба определения вызвали в нем чувство неприязни.

— Если вы решите продать сову,— сказал он девушке,— сколько вы возьмете за нее и какой попросите аванс?

— Мы никогда не продадим нашу сову,— ответила Рейчел. Она испытующе посмотрела на Рика — смесь удовлетворения и жалости; по крайней мере, именно это он прочитал на ее лице.— И даже если мы решим продать сову, вы едва ли сможете за нее заплатить. Какое животное вы держите дома?

— Овцу,— ответил он,— черномордую суффолкскую овцу.

— У вас нет причин для сожаления.

— Я счастлив,— ответил Рик,— просто я всегда хотел иметь сову, даже до того дня, как они начали падать замертво,— и тут же добавил: — Все, кроме вашей.

— Наша Программа Спасения и Предельного Планирования предусматривает покупку еще одного экземпляра совы, которая сможет спариваться со Скрэппи.— Она показала на сову, дремавшую на сухом дереве; сова на мгновение открыла оба глаза — вспыхнули желтые щелочки, которые тут же затянулись,— и вновь окунулась в дрему. Грудка птицы поднялась и опустилась, как будто сова, погруженная в гипнотическое состояние, вздохнула.

С трудом оторвавшись от созерцания совы, которая добавила к его первоначальному ощущению благоговейного страха и тоски чувство горечи и потери, он сказал:

— Кажется, мне пора начать тестирование отобранной группы. Мы можем спуститься вниз?

— Мой дядя лично беседовал с вашим начальником, так что сейчас, возможно, он...

— Вы близкие родственники? — поинтересовался Рик.— Эта огромная корпорация — ваше семейное дело?

Продолжая начатую фразу, Рейчел произнесла:

— Дядя Элдон сейчас, возможно, уже подготовил и контрольную группу, и группу андроидов. Так что идите за мной.

Она направилась к лифту, засунув руки в карманы так же глубоко, как в тот момент, когда следила за парковкой Рика; она шла не оглядываясь, а он на секунду задержался, почувствовав приступ злости, но справился с собой и двинулся следом за девушкой.

— Почему вы настроены против меня? — спросил Рик, когда они спускались вниз на лифте.

Она откликнулась с заметным опозданием, как будто задумалась над ответом только после того, как он задал вопрос.

— Видите ли, вы... мелкий служащий Управления полиции,— с нарочитой любезностью ответила она,— оказались в необычной ситуации. Надеюсь, догадываетесь, что я имею в виду? — Девушка бросила на него косой презрительный взгляд.

— Скажите, какой процент от общего количества составляют сегодня андроиды с мозгом «Нексус-6»? — спросил он, не реагируя на ее отношение к себе.

— Сто,— ответила Рейчел.

— Я уверен, что мы можем определить их по шкале Войт-Кампфа.

— А если нет, то нам придется отказаться от продажи «Нексус-6» на рынке? — Ее темные глаза вспыхнули; она пристально смотрела на Рика до тех пор, пока кабина не остановилась, а дверцы не отъехали в разные стороны.— И все из-за того, что Управление полиции не способно справиться с элементарными функциями, возложенными на него,— обнаружить нескольких андроидов «Нексус-6», которые удрали от хозяев...

Мужчина — пожилой, но худощавый и энергичный — шагнул им навстречу; на его лице читалась откровенная озабоченность, как будто за последние несколько часов произошло нечто неординарное.

— Элдон Роузен,— представился он, пожал руку.— Послушайте, Декард, вы ведь понимаете, что мы не производим андроидов на Земле, верно? Мы не можем вот так запросто снять трубку видеофона и попросить принести нам наверх пару-тройку образцов текущей продукции «Нексус-6»; не поймите меня превратно, что мы не хотим или отказываемся сотрудничать с вами. Как бы то ни было, я сделал все, что мог.— Он быстро пригладил волосы слегка трясущейся рукой...

Рик приподнял портфель с эмблемой Управления, как бы обращая на него внимание:

— Я готов к работе.

Явная нервозность старика Роузена подбодрила Рика. «Они боятся меня,— внезапно понял он.— И Роузен-старший, и его племянница Рейчел. Видимо, это в моих силах — остановить производство моделей "Нексус-6". Результаты теста скажутся на коммерческой деятельности корпорации. Несомненно, ре-

шение круто повлияет на будущее "Роузен Ассошиейшн" как здесь, в Штатах и России, так и на Марсе».

Роузены — дядя и племянница — внимательно наблюдали за ним, и он почувствовал лживость их показных манер; явившись к ним, он принес с собой вакуум — пустоту и ужас экономической гибели. «Они контролируют чрезмерный потенциал,— подумал он.— "Роузен Ассошиейшн" — один из столпов индустриальной мощи всей системы; действительно, производство андроидов неразрывно связано с процессом колонизации, и если прекратится первое, то придет конец и второму... Несомненно, в "Роузен Ассошиейшн" отлично это понимают. Эллон Роузен, с момента как ему позвонил Брайант, только об этом и думает».

— На вашем месте я бы не беспокоился,— заметил Рик, шагая вместе с Роузенами по хорошо освещенному широкому коридору. Он чувствовал себя довольным. Такие мгновения жизни, как никакие другие, о которых он мог вспомнить, доставляли ему истинную радость. Отлично, они очень скоро убедятся, на что способно тестирующее устройство.

— Если у вас нет уверенности в объективности шкалы Войт-Кампфа,— заметил Рик,— возможно, ваша компания разработает новый альтернативный тест. Мы заранее обговорим условия, и ответственность частично останется за вами. О, спасибо.

В сопровождении Роузенов Рик свернул в небольшое, шикарно меблированное помещение с коврами, торшерами и вошедшими в моду приставными столиками к диванам, на которых лежали свежие номера журналов... и даже февральское приложение к каталогу «Сидни», которое он еще не видел. Строго говоря, он и не мог его видеть, поскольку февральское приложение должно поступить в продажу не раньше чем дня через три. Рику стало ясно, что «Роузен Ассошиейшн» имеет самые тесные контакты с «Сидни».

Рик раздраженно взял приложение к каталогу.

— Это оскорбление общественного доверия. Никто не имеет права узнавать изменение цен раньше установленного срока.— Рик попытался вспомнить соответствующую статью Федерального законодательства, но безуспешно.— Я забираю его с собой,— сказал он и, раскрыв чемоданчик, бросил журнал внутрь.

После минутной заминки Роузен произнес:

— Послушайте, офицер, не в наших правилах обращаться к кому бы то ни было с просьбой...

— Я не офицер,— поправил его Рик,— а охотник за премиальными.

Он выудил из портфеля тестер Войт-Кампфа, расположился за ближайшим столиком и начал собирать датчик самописца.

— Можете пригласить первого испытуемого,— сообщил он Элдону Роузену, который выглядел еще более осунувшимся, чем в первые секунды знакомства.

— Я бы хотела посмотреть,— сказала Рейчел, усаживаясь рядом.— Я никогда не видела, как проводят тест на эмпатию. Что фиксируют ваши устройства?

— Вот это,— Рик приподнял плоский адгезивный диск с переплетенными проводами,— фиксирует изменение расширения капилляров. Вам известно, что это простейший рефлекторный ответ, так называемый «стыд» или «краска смущения» — реакция на морально шокирующий вопрос. Она не контролируется силой воли так, как можно управлять электропроводностью почки, дыханием и частотой сердечных сокращений.— Он показал Рейчел тонкий, как карандаш, цилиндр с лампочкой внутри.— Это регистратор изменения внутриглазного давления. Одновременно с «краской стыда» почти всегда можно зарегистрировать слабое, но уловимое изменение глазного давления...

— Которое не регистрируется у андроидов,— досказала за него Рейчел.

— У них не возникает ответа на раздражающие вопросы. Биологически они существуют. Потенциально — нет.

— Начинайте тест с меня,— сказала Рейчел.

— Почему? — озадаченно спросил Рик.

В разговор вступил Элдон Роузен, он хрипло и громко произнес:

— Мы выбрали ее как первого тестируемого. Возможно, она андроид. Мы надеемся, вы уточните это для нас.

Он неуклюже опустился в кресло, достал сигарету, закурил и стал рассеянно наблюдать.

Глава 5

Рик прикрепил к щеке Рейчел Роузен адгезивный диск, а в левый глаз направил тонкий луч света. Внешне Рейчел выглядела совершенно спокойно.

Устроившись так, чтобы легко считывать показания стрелок двух индикаторов тестера Войт-Кампфа, Рик Декард произнес:

— Я попытаюсь обрисовать несколько жизненных ситуаций, а вы выскажете свое мнение на каждую из них, причем максимально быстро. Учтите, время между вопросом и ответом будет фиксироваться.

— Учту и то,— сказала Рейчел, голос ее прозвучал как бы издалека,— что качество ответов в расчет не пойдет. Ваш тест оценивает лишь реакцию глазных мышц и капиллярное расширение — параметры, которые вы используете в качестве основных показателей. Но я буду отвечать; я хочу пройти через все это...— Она на секунду замолчала.— Приступайте, мистер Декард.

Рик, выбрав вопрос номер три, прочитал:

— На день рождения вам дарят бумажник из телячьей кожи.

Оба индикатора, проскочив красный регистр, остановились в зеленом, стрелки бешено дернулись, но потом успокоились.

— Я не приму подарка,— ответила Рейчел.— И я сообщу об этом человеке в полицию.

Сделав короткую пометку, Рик продолжил, обратившись к восьмому вопросу профильной шкалы Войт-Кампфа:

— Ваш маленький сынишка неожиданно показывает вам свою коллекцию вместе с банкой, в которой умерщвляет насекомых.

— Я отведу его к врачу,— тихо, но твердо ответила Рейчел. Вновь стрелки-близнецы отклонились, но на этот раз не так далеко. Рик отметил это, сделав соответствующую пометку.

— Вы спокойно смотрите ТВ,— продолжил он,— и вдруг замечаете, что по вашему запястью ползет оса.

— Я убью ее,— сказала Рейчел.

На этот раз индикаторы остались практически спокойны: лишь слабо и на мгновение дрогнули. Он отметил реакцию и стал осторожно выбирать следующий вопрос.

— Листая журнал, вы наталкиваетесь на цветную развернутую фотографию обнаженной девушки.

Он запнулся.

— Это тест на наличие эмпатии,— резко спросила Рейчел,— или на гомосексуальные наклонности?

Индикатор никак не отреагировал. Тогда Рик продолжил:

— Вашему мужу нравится фотография.— Стрелки по-прежнему стояли на нуле.— Девушка,— добавил он,— лежит лицом вниз на большом и красивом коврике из медвежьей шкуры.— Индикаторы остались неподвижны, и он сказал себе, что это

ответная реакция андроида. Она упустила главную деталь вопроса — шкуру мертвого животного. Ее — андроида — мозг сконцентрировался на других фактах.

— Ваш муж прикрепил картинку к стене в своем кабинете,— закончил он вопрос.

На сей раз стрелки двинулись с места.

— Никаких сомнений, я не разрешу ему,— ответила Рейчел.

— О'кей,— кивнул Рик.— Тогда подумайте вот над чем. Вы читаете повесть, написанную в далекие времена, еще до войны. Герои повести отправляются осмотреть Рыболовецкий причал Сан-Франциско. Проголодавшись, они заходят в ресторан, где все блюда готовятся из морских продуктов. Один из них заказывает омара, и шеф-повар подает его в сосуде с кипящей водой, и наши герои наблюдают...

— О боже! — воскликнула Рейчел.— Какой ужас! Неужели они так и поступали? Это порочно! Вы имеете в виду *живого* омара?

Индикаторы, как и следовало ожидать, не отреагировали. Формально — реакция адекватная. Но симулированная.

— Вы снимаете коттедж в горах,— сказал он.— На территории, все еще покрытой зеленью. Грубые сучковатые сосновые бревна, массивный камин.

— Да,— нетерпеливо кивнула Рейчел.

— По стенам кто-то развесил старинные карты, гравюры, а над камином прикрепил голову оленя, взрослого оленя-самца с крупными рогами. Люди, которые вас окружают, расхваливают внутреннее оформление коттеджа, и вы все вместе восхищаетесь...

— Но только не оленьей головой,— произнесла Рейчел.

Индикаторы отметили реакцию, но в пределах зеленого регистра.

— Вы забеременели,— продолжил Рик,— от человека, пообещавшего жениться на вас. Но он бросил вас и сбежал с другой женщиной, вашей лучшей подругой; вы делаете аборт и...

— Я бы никогда не сделала аборта,— ответила Рейчел.— В любом случае невозможно. За это приговаривают к пожизненному заключению, а полиция внимательно следит...

На сей раз обе стрелки резво скакнули на красное.

— Откуда вам известно,— с большим интересом спросил Рик,— о трудностях, связанных с проведением аборта?

— Об этом знают все,— ответила Рейчел.

— Звучит так, будто вы говорите на основании собственного опыта.— Он внимательно следил за стрелками, которые вновь значительно отклонились.— Еще вопрос. У вас договоренность с мужчиной о свидании, и он приглашает вас к себе домой. Вы приходите, и он предлагает вам выпить. Вы стоите со стаканом в руке и заглядываете в спальню; она привлекательно обставлена и оформлена изображающими бой быков плакатами, которые вас заинтересовали. Вы входите в спальню, чтобы внимательнее рассмотреть плакаты. Мужчина входит следом за вами, закрывает дверь. Обняв вас, он говорит...

— Что такое плакаты с боем быков? — спросила Рейчел, перебив Рика.

— Рисунки, обычно цветные и больших размеров, изображающие матадора с плащом, быка, старающегося поддеть человека рогами.— Рик был озадачен.— Сколько вам лет? — спросил он. Возможно, ее вопрос вызван возрастом.

— Восемнадцать,— ответила Рейчел.— О'кей! Итак, мужчина прикрывает дверь, обнимает меня. Что он говорит?

Рик ответил вопросом на вопрос:

— Вам известно, чем заканчивался бой быков?

— Я думаю, он не заканчивался, пока кто-либо не получал ранения.

— Быка в конце каждого боя обязательно закалывали,— объяснил Рик, внимательно наблюдая за стрелками. Они слегка подрагивали, не более того. Ни одного значительного отклонения.

— Последний вопрос,— сказал Рик.— Двойной. Вы смотрите старое кино по ТВ, снятое до войны. Показывают сцену: банкет в самом разгаре, а гости наслаждаются сырыми устрицами.

— Брр,— передернуло Рейчел; стрелки резко качнулись.

— Основное блюдо за обедом — вареная собака, фаршированная рисом.— Стрелки двинулись и на этот раз, но реакция оказалась много слабее, чем от живых устриц.

— Живые устрицы более противны вам, чем блюдо из вареной собаки? Так оно и есть.

Он положил карандаш, выключил свет, снял со щеки Рейчел адгезивную пластинку.

— Вы — андроид,— сказал он.— Это вывод по результатам теста,— проинформировал он ее и Элдона Роузена, который с напряженным вниманием следил за Риком; лицо пожилого че-

ловека, как мягкая пластмасса, легко приняло выражение беспокойства и огорчения.

— Я прав, не так ли? — переспросил Рик.

Ответа не последовало. Роузены молчали.

— Послушайте,— рассудительно произнес Рик,— в этом нет никакого противоречия наших общих интересов; для меня важно, чтобы тест Войт-Кампфа работал, что не менее важно и для вас.

— Она не андроид,— ответил старший Роузен.

— Я вам не верю,— сказал Рик.

— Какой смысл ему лгать? — яростно подключилась Рейчел.— Если бы мы ставили целью обмануть вас, мы бы обманули.

— В таком случае, я настаиваю на проведении анализа вашего костного мозга,— объявил ей Рик.— С помощью биохимического анализа костной ткани мы определим с несомненной точностью, андроид вы или нет. Конечно, процедура длительная и болезненная, но...

— По закону,— уточнила Рейчел,— меня нельзя насильно подвергнуть анализу костного мозга. В любом случае, анализ на человеке — а не на усыпленном вами андроиде — займет много времени. Ваш чертов тест Войт-Кампфа имеет положительный результат только за счет специалов; их проверяют регулярно, и пока правительство не отказалось от идиотских проверок, вы, в ваших полицейских управлениях, смогли протащить тест для выявления андроидов. Лишь одно вы сказали совершенно правильно — данный эксперимент завершен.

Она поднялась на ноги, повернулась, сделала несколько резких шагов от Рика и замерла уперев руки в боки.

— Суть вопроса даже не в законности проведения анализа костного мозга,— хрипло произнес Элдон Роузен,— а в том, что ваш профильный эмпатический тест полностью провалился в отношении моей племянницы. Я могу объяснить, почему ее поведение и реакция напоминают таковые у андроидов. Рейчел родилась на борту «Саландер-3» и провела на космическом корабле четырнадцать — из восемнадцати — лет. Ее постоянно окружали девять взрослых членов экипажа; сведения о Земле она получала от них, да еще из библиотеки с магнитозаписями. Корабль, как вам известно, повернул обратно к Земле, пролетев одну шестую расстояния до Проксимы. Иначе Рейчел никогда не увидела бы Землю, в крайнем случае — лишь в преклонном возрасте.

— И вы могли бы шлепнуть меня,— добавила Рейчел, не поворачивая головы.— Попадись я в лапы полицейским, меня бы тут же усыпили как андроида. Я узнала о своей незавидной участи четыре года назад, и меня уже не в первый раз прогоняют по шкале Войт-Кампфа. Я покидаю здание корпорации лишь в самых редких случаях; риск слишком велик из-за полицейских кордонов на дорогах; и еще эти летающие патрули, которые вылавливают незарегистрированных специалов, они могут остановить меня в любой момент.

— И андроидов,— уточнил Элдон Роузен.— Хотя, конечно же, вслух об этом власти предпочитают не говорить; обычным людям лучше не знать, что андроиды просачиваются на Землю и живут среди них.

— Думаю, вы не совсем правы,— заспорил Рик.— Полицейские агентства и у нас, и в Советском Союзе вылавливают всех до единого андроидов. Население Земли сейчас незначительно, каждый житель рано или поздно попадает под случайную проверку.

Так, по крайней мере, звучала основная концепция ВПУ.

— У вас есть инструкции на тот случай, если вы определите человека как андроида? — поинтересовался Элдон Роузен.

— Это внутреннее дело Управления.— Рик начал складывать аппаратуру в портфель; Роузены молча наблюдали за ним. Рик пояснил: — Приказано прекратить тестирования, в случае если тест провалится. Не имеет смысла продолжать.— Он захлопнул портфель.

— Мы могли запросто обмануть вас,— сказала Рейчел,— и в случае со мной, и в отношении других девяти объектов, выбранных нами для тестирования.— Она объясняла, энергично жестикулируя.

— Мы просто решили, что чем быстрее вы разберетесь с сутью теста, тем лучше.

— Я должен был настоять на том, чтобы вы заранее предоставили мне список испытуемых, как и свои варианты ответов. В запечатанных конвертах. Тогда я мог бы сравнить их с собственными результатами, чтобы добиться соответствия...

«Теперь я понимаю,— заключил Рик,— что соответствия мне не добиться. Брайант оказался прав. Слава богу, что я не отправился на охоту за премиальными прямо из Управления. С таким тестом в качестве подспорья...»

— Я прикидывал, что вы, возможно, именно так и поступите,— сказал Элдон Роузен. Он оглянулся на Рейчел, девушка

кивнула дяде в ответ.— Мы обсуждали данный вариант,— неохотно добавил Элдон.

— Проблема неразрывно связана с принципами вашей производственной деятельности,— заключил Рик.— Никто не вынуждал вашу корпорацию, мистер Роузен, доводить качество производимых вами андроидов до уровня, когда...

— Простите, но мы производим именно то, чего ждут от нас колонисты. И мы всегда следовали проверенному временем принципу, лежащему в основе всей коммерческой деятельности. Если бы наша фирма не разработала данный тип андроидов «Нексус-6», это сделали бы за нас наши конкуренты. Мы представляли себе все трудности и тот риск, с которым связана разработка нового типа мозга. Все дело в том, что ваш тест Войт-Кампфа был несостоятелен еще до того, как мы создали «Нексус-6». Если бы вы ошиблись, классифицируя «Нексус-6» как андроида, если бы вы подтвердили, что это человек... Но вы пришли к прямо противоположному выводу.— Голос Элдона Роузена стал жестким и неумолимо пронизывал собеседника.— Ваше Управление полиции — так же, как многие другие,— отправило на вечный покой, что вполне вероятно, много настоящих людей с недоразвитой эмпатической активностью. Таких, как моя простодушная племянница. Ваше положение, с точки зрения общественной морали, крайне незавидное, мистер Декард. Ваше, а не наше, понимаете?

— Иными словами,— настойчиво поинтересовался Рик,— вы не предоставите мне возможности провести тест на контрольном экземпляре «Нексус-6». Ваши люди предусмотрительно подставили мне эту шизофреничку.

«Мой тест разбит вдребезги,— решил Рик.— Мне не следовало, черт побери, идти у них на поводу. В любом случае, сожалеть о происшедшем поздно».

— Мы вас понимаем, мистер Декард,— спокойно произнесла Рейчел Роузен тихим уравновешенным голосом; затем она повернулась к нему лицом и улыбнулась.

Он не мог уяснить для себя, даже сейчас, как «Роузен Ассошиейшн» удалось заманить его в ловушку, причем с такой легкостью. «Мастера своего дела»,— подумал он. Могущественная корпорация и вместилище опыта. Фактически корпорация обладает разновидностью группового разума. А Элдон и Рейчел Роузен лишь публичные — не более того — выразители идей этого огромного единого организма. Его ошибка — теперь она оче-

видна — заключалась в том, что он воспринял Роузенов как не связанных друг с другом людей. Ошибка, которую он больше не повторит.

— У вашего начальника, мистера Брайанта,— произнес Элдон Роузен,— возникнут серьезные вопросы, когда он начнет разбираться в том, как вы провалили тест до его начала.— Он указал на потолок, Рик увидел линзы кинокамер. Его оплошность, вернее серьезная ошибка, в ведении дела с Роузенами записана на кинопленку.— Думаю, самое правильное для всех нас,— улыбнулся Элдон,— спокойно присесть и...— Он жестом пригласил Рика к разговору.— Думаю, мы могли бы прийти к взаимному соглашению, мистер Декард. Нет никаких причин для волнений. «Нексус-6» надо воспринимать как свершившийся факт; мы, в «Роузен Ассошиейшн», определились в данном мнении, и, я надеюсь, вы тоже.

Рейчел, слегка придвинувшись к Рику, спросила:

— Ведь вы хотите иметь сову?

— Сомневаюсь, что когда-нибудь смогу ее приобрести,— ответил Рик, прекрасно понимая, что она имеет в виду. Итак, корпорация намерена заключить с ним сделку. Ситуация накалилась до предела; напряжение, коего он никогда в себе не предполагал, сковало все его мышцы. Оно взорвалось в нем и волной заполнило тело, захлестнуло мысли и затмило сознание.

— Но сова,— уточнил Элдон Роузен,— это то, что вы хотите.— Он озабоченно посмотрел на племянницу: — Я думаю, Декард чего-то недопонимает...

— Он отлично все понимает,— возразила Рейчел.— Он совершенно точно знает, к чему мы клоним. Не так ли, мистер Декард? — И она вновь придвинулась к нему, на сей раз чуть ближе, чем в первый, ближе настолько, что он уловил тонкий аромат духов и ощутил тепло тела.

— Практически мы уже заодно, мистер Декард. Считайте себя владельцем совы.— Элдону Роузену она сказала: — Он охотник за премиальными, помнишь? Так что теперь он останется без премиальных и будет получать одно лишь жалованье. Я правильно говорю, мистер Декард?

Рик кивнул.

— Как много андроидов сбежало на сей раз? — поинтересовалась Рейчел.

Через минуту он ответил:

— Восемь. Вначале. Двоих уже усыпил другой, не я.

— Как много вы получаете за каждого андроида? — спросила Рейчел.

— По-разному,— откликнулся Рик, пожимая плечами.

— Если у вас не будет стопроцентного теста, значит, вы не сможете идентифицировать андроида. А если у вас нет способа идентифицировать андроида, у вас нет способа получить премиальные. Таким образом, если шкала Войт-Кампфа будет уничтожена...

— Новая шкала,— сказал Рик,— заменит ее. Такое уже случалось.— Трижды, чтобы быть точным. И новая шкала — более современное аналитическое приспособление — уже имелась, и запаздывания, как заявил Элдон Роузен, не существовало.

— Когда-нибудь, конечно же, шкала Войт-Кампфа выйдет из употребления,— согласилась Рейчел.— Но не сейчас. Мы довольны тем, что по ней можно отличить «Нексус-6» от человека, и мы хотели бы, чтобы вы отталкивались от этой основы в своей специфической работе.

Покачиваясь вперед-назад и плотно скрепив ладони, она напряженно вглядывалась в Рика. Пыталась постичь глубину его ответной реакции.

— Скажи ему, что он может забрать сову,— проскрипел Элдон Роузен.

— Ты можешь забрать сову,— повторила Рейчел, не сводя с него взгляда.— Ту, что ты видел на крыше. Скрэппи. Единственное условие: мы хотим спарить ее, если заполучим самца. Любое потомство принадлежит нам; это должно быть тебе абсолютно ясно.

Рик ответил:

— Мы поделим выводок.

— Нет,— четко произнесла Рейчел; позади нее Элдон Роузен покачал головой и произнес ей в поддержку:

— Вы не можете претендовать на единоличное владение всеми совами на ближайший отрезок бесконечности. И еще одно условие. Вы не можете завещать вашу сову кому бы то ни было; одновременно с вашей смертью сова возвращается в корпорацию.

— Звучит как приглашение для вас прийти и прихлопнуть меня. И забрать сову,— сказал Рик.— Я не соглашусь на таких условиях, слишком ненадежно и опасно.

— Ведь ты охотник за премиальными,— сказала Рейчел.— И знаешь, как обращаться с лазерным пистолетом — он у тебя

и сейчас при себе. Если ты не в состоянии защитить себя, как ты собираешься усыпить шестерых анди «Нексус-6»? А ведь они на порядок сообразительнее, чем старые В-4 из «Гроцци корпорейшн».

— Но ведь я охочусь на них,— сказал Рик.— А в вашем варианте договора на владение совой будет предусмотрено, что охотиться станут на меня.— Мысль о том, что его начнут выслеживать, не понравилась Рику; он видел результат «игры» на примере андроидов. Даже им она придавала внешне заметные и необратимые изменения.

Рейчел согласилась:

— Хорошо, мы готовы пойти на уступки: ты сможешь завещать ее наследникам. Но мы настаиваем на получении выводка целиком. Если ты не согласишься, отправляйся обратно в Сан-Франциско и постарайся объяснить своему начальству из Управления, что шкала Войт-Кампфа, по крайней мере у тебя в руках, не в состоянии отличить анди от человека. А потом иди искать другую работу.

— Дайте мне немного времени,— попросил Рик.

— О'кей,— согласилась Рейчел.— Мы покинем тебя на некоторое время; в этой комнате удобно размышлять.— Она сверилась с часиками на запястье.

— Полчаса,— сказал Элдон Роузен. Он, а следом и Рейчел молча направились к дверям комнаты.

«Они сказали все, что им надлежало сказать,— сообразил Рик.— Мне остается только принять решение».

Когда Рейчел уже закрывала дверь за собой и своим дядей, Рик решительно произнес:

— Вам удалось утихомирить меня, подловив на ошибке и засняв на кинопленку; вы знаете также, что моя работа зависит от возможности использовать шкалу Войт-Кампфа; и еще вы владеете этой чертовой совой.

— Твоей совой, дорогой,— произнесла Рейчел.— Вспомнил? Мы прикрепим к лапке бирку с твоим именем и домашним адресом и запустим ее в Сан-Франциско; она уже будет ждать тебя, когда тебя выгонят с работы.

«Запустим...— подумал Рик.— Она собирается "запустить" сову. Но сова ведь не...»

— Одну секунду,— попросил он.

Остановившись в дверях, Рейчел спросила:

— Ты уже все решил?

— Я хотел бы,— начал он, открывая портфель,— задать вам еще один, последний, вопрос по шкале Войт-Кампфа. Пожалуйста, присядьте.

Рейчел оглянулась на дядю, тот кивнул, девушка неохотно вернулась и села перед тестером.

— Что вы еще хотите? — сердито спросила она, брови приподнялись — раздражение и беспокойство. Он мгновенно и профессионально отметил и оценил ее мышечное напряжение.

Минуту спустя он уже направил луч света в ее левый глаз и прилепил адгезивную пластинку к ее щеке. Рейчел с готовностью уставилась на луч, выражение крайней неприязни не покинуло ее лица.

— Мой портфель,— говорил Рик, роясь в нем, выуживая листки с вопросами шкалы Войт-Кампфа,— прелестно выглядит, не правда ли? Нас обеспечивает такими портфелями Управление.

— Ну да, ну да,— согласилась Рейчел, голос прозвучал глухо и отстраненно.

— Детская кожа,— уточнил Рик и любовно погладил черную кожаную поверхность портфеля.— Стопроцентная натуральная кожа ребенка.— Он отметил, что стрелки индикаторов дернулись, как сумасшедшие. Но — после некоторой паузы. Ответная реакция имела место, но с явным запозданием. Рик знал время появления ответной реакции буквально до долей секунды, время появления естественной ответной реакции; его не должно было быть вовсе — периода времени между вопросом и ответом.

— Спасибо, мисс Роузен,— сказал он и начал складывать части прибора: он закончил повторное тестирование.— Теперь все.

— Вы уходите? — спросила Рейчел.

— Да,— ответил он.— Теперь я удовлетворен.

— А остальные девять испытуемых?

— В отношении вас шкала адекватна,— ответил он.— У меня достаточно материала для выводов; шкала по-прежнему эффективна.

Повернувшись к Элдону Роузену, который мрачно застыл около двери в комнату, Рик спросил:

— Она знает? — Во многих случаях анди не знали, кто они; ложные воспоминания вводились им в память — в основном с ошибочной надеждой на то, что их реакция на тестирование окажется противоположной.

Элдон Роузен сказал:

— Нет. Мы программировали ее полностью. Но думаю, что до самого последнего времени она подозревала.— Девушку он спросил: — Ты, наверное, догадалась, когда он решил задать тебе еще один вопрос?

Побледневшая Рейчел рассеянно кивнула.

— Не бойся его,— успокаивал Элдон Роузен.— Ты ведь не сбежавший андроид, нелегально проникший на Землю; ты собственность «Роузен Ассошиейшн» — рекламная модель для показа эмигрантам.— Он неторопливо подошел к девушке и положил ей руку на плечо, надеясь успокоить; от его прикосновения, как от резкой боли, девушку передернуло.

— Он прав,— сказал Рик.— Я не собираюсь усыплять вас, мисс Роузен. Счастливо оставаться.— Он двинулся в сторону двери, но резко остановился. Обоим «Роузенам» он сказал: — Сова действительно настоящая?

Рейчел бросила быстрый вопросительный взгляд на старшего Роузена.

— Он все равно уходит,— спокойно ответил Элдон Роузен.— Не имеет никакого значения; сова поддельная. Живых сов не осталось.

Рик кивнул, что-то пробормотал в ответ и рассеянно вышел в коридор.

«Роузены» молча смотрели ему вслед.

Все уже было сказано. «Вот так ведет себя самый крупный производитель андроидов»,— сказал себе Рик. С такой хитростью и такими манерами Рику раньше не приходилось сталкиваться. Таинственный и закрученный, новый тип личности; ничего удивительного в том, что у сил, стоящих на страже закона, столько неприятностей из-за «Нексус-6». «Рейчел,— осенило его.— Она и есть "Нексус-6"! Я впервые столкнулся с андроидом данной модели. И, проклятье, они едва не взяли меня за горло; они подошли ужасно, чертовски близко к тому, чтобы уничтожить шкалу Войт-Кампфа — единственный метод, который у нас остался для того, чтобы вычислять их. "Роузен Ассошиейшн" проделала хорошую работу — по крайней мере, предприняла серьезную попытку защитить свой товар. А мне предстоит столкнуться вплотную еще с шестью...— отметил он,— прежде чем я закончу свою работу».

Он получит свои деньги. Каждый цент.

Если сам останется жив.

Глава 6

Телевизор грохотал; Джон Изидор — сквозь великую пустоту здания — спускался на нижний этаж по устланным пылью ступеням; еще шаг — и он узнал знакомый голос Бастера Френдли, радостно болтающего для своей многомиллионной аудитории:

— ...Стоп, друзья! (Щщелк, тррак, щщелк!) Самое время для короткого прогноза погоды на завтра; для начала порадуем жителей Западного побережья США. Со спутника «Мангуст» нам передали, что осадки будут особенно ощутимы около полудня, а потом слегка утихнут, так что если кто из вас, проторчав все утро дома, намылится выйти прогуляться в это время... говоря о ваших ожиданиях, осталось всего десять часов до того момента, когда я сообщу нечто чрезвычайно важное; скажу вам, друзья: это действительно стоит посмотреть. Я припас для вас поразительную новость. Возможно, вы предполагаете, что это обычное...

Изидор постучался; телевизор мгновенно замолчал, канув в небытие. Он не просто замолчал, он перестал существовать, как будто стук загнал его в могилу.

Изидор чувствовал, даже сквозь закрытую дверь,— смолкший голос из ТВ не в счет — присутствие в квартире живого существа. Непонятые способности, вдруг проснувшиеся в нем, воспроизвели — или на самом деле восприняли — ощущение молчаливого ужаса, исходящего от загнанного в дальний угол квартиры незнакомого существа, в страхе притаившегося в безнадежной попытке избежать встречи с ним, с Изидором.

— Эй,— позвал он.— Я живу наверху. Я услышал звук телевизора. Может быть, познакомимся, а? — Он подождал, прислушиваясь; ни звука, ни движения; его слова не убедили и не успокоили незнакомца.— Я принес кусочек маргарина. Вам,— добавил он, стоя вплотную к массивной двери, чтобы его голос проникал внутрь квартиры.— Меня зовут Дж. Р. Изидор, и я работаю на известного ветврача, мистера Ганнибала Слоата; я не бродяга; у меня есть работа. Я вожу фургон мистера Слоата.

Дверь осторожно открылась, и он увидел на фоне комнаты сжавшуюся робкую фигурку, девушка выглядывала из-за двери, прячась за ней, но крепко за нее держась, как будто черпала из двери силы, чтобы устоять на ногах. Страх придавал ей нездоровый вид; черты лица и линии тела казались размытыми, казалось, что она не живое существо, а скульптура, которую разбили, а потом наспех склеили. Ее большие глаза растерянно

уставились на гостя, а губы скривились в неудачной попытке улыбнуться.

Он внезапно догадался и сказал:

— Вы думали, никто не живет в этом здании. Вы думали, оно давно опустело.

Кивнув, девушка прошептала:

— Да.

— По-моему, это чертовски здорово, когда у тебя есть соседи,— заметил Изидор.— Смешно, но вы мой первый сосед,— улыбнулся он.— Хотя, видит бог, в этом нет ничего смешного.

— Значит, кроме вас, здесь никого нет? — спросила девушка.— Кроме вас и меня? — Она почувствовала себя увереннее; отпустив спасительную дверь, она выпрямилась и поправила растрепавшиеся темные волосы. Теперь он смог убедиться, что у нее отличная, хотя и миниатюрная, фигурка, красивый разрез глаз и длинные черные ресницы. Застигнутая его появлением врасплох, она была одета лишь в пижамные брючки; в комнате, он отметил, царил беспорядок. Чемоданы, лежавшие повсюду, были открыты, а их содержимое разбросано по грязному полу, что показалось Изидору вполне естественным: она въехала в квартиру совсем недавно.

— Да, кроме вас и меня, в здании никого нет,— ответил Изидор.— И я не стану вас беспокоить.— Он нахмурился: его подарок, с которым он явился, памятуя о традициях довоенных лет, принят не был. Видимо, девушка не имела представления о том, что такое подарки. Или она не знала, для чего нужен маргарин. Он интуитивно это почувствовал. Казалось, девушка озадачена маргарином еще сильнее, чем появлением гостя. Страх, видимо, возникал в глубинах ее беспомощного сознания.

— Старина Бастер,— произнес он, надеясь снять сковавшее ее напряжение.— Он вам нравится? Я смотрю его каждое утро, а потом еще и вечером, когда возвращаюсь домой; я смотрю его за ужином. Смотрю и ночную передачу, пока не отправляюсь спать или пока не отключится ТВ.

— Кто...— хотела что-то сказать девушка, но сразу же остановилась, рассерженно сжав губы. Очевидно, рассердившись на саму себя.

— Бастер Френдли,— объяснил он. Казалось странным, что девушка ничего не слышала о самом остроумном комике телевидения.— Откуда вы приехали? — спросил он с любопытством.

— Не думаю, что это самое главное.— Она окинула его быстрым взглядом и, казалось, заметила нечто такое, что уменьшило ее сомнения; тело заметно расслабилось, а поза стала естественнее.— Буду очень рада, если вы составите мне компанию,— сказала она.— Но позже, когда я немного освоюсь. Только не сейчас, конечно.

— Почему? — ошарашенно спросил он; почти все ее ответы приводили его в подобное состояние. Возможно, подумал Изидор, он слишком долго жил здесь в одиночестве. Возможно, он выглядит в глазах других людей несколько странно. Говорят, что для пустоголовых именно это и характерно. Он нахмурился еще сильнее.— Я мог бы помочь вам распаковать вещи,— предложил он, ожидая, что дверь вот-вот захлопнется перед его носом.— И расставить вашу мебель.

— У меня нет мебели,— сообщила девушка,— а все эти вещи,— она обвела рукой комнату,— они здесь стояли и раньше.

— Они вам не подходят,— заметил Изидор. Он мог определить это с первого взгляда. Стулья, ковер, столы... все насквозь прогнило; жертвы неумолимого времени, они все глубже погружались в пучину прошлого. И полной заброшенности. Никто не жил в этой квартире долгие годы. Даже он не мог представить себе, как девушка собирается жить в такой обстановке.

— Послушайте,— искренне сказал Изидор,— если как следует осмотреть дом, можно найти мебель поприличнее. Где-нибудь найдется лампа, где-нибудь стол...

— Спасибо за совет,— кивнула девушка.— Я так и поступлю. Сама все сделаю.

— Вы в одиночку собираетесь осмотреть все эти квартиры? — Он не мог поверить в это.

— Почему бы нет? — переспросила она и вновь напряглась, на ее лице появилась отчетливая гримаса страха; она боялась сказать что-нибудь несуразное или ответить невпопад.

Изидор постарался объяснить:

— Я пытался сделать это. Однажды. С тех пор я мчусь прямиком в свою квартиру, стараясь не вспоминать, что она в доме не единственная. Квартиры, в которых никто не живет... сотни квартир с имуществом, оставшимся от людей, даже семейные фотографии и одежда. Те, кто умер, не могли ничего взять с собой, а те, кто эмигрировал, просто не захотели. Все это здание, кроме моей квартиры, полностью захламлено.

— Захламлено? — Она опять ничего не поняла.

— Хлам — бесполезные вещи вроде разорванных конвертов, пустых спичечных коробков, оберток от жевательных резинок или использованных гигиенических салфеток. Когда никого нет поблизости, хлам самовоспроизводится. Например, если вы не уберете хлам в своей квартире, прежде чем лечь спать, наутро, проснувшись, вы обнаружите, что его стало в два раза больше. И его повсюду становится все больше и больше.

— Понимаю,— растерянно ответила девушка, не зная, верить ему или нет.

— Так звучит Первый Закон Хлама,— произнес он.— Хлам всегда вытесняет нехлам. Как закон Грешема о фальшивых деньгах. В квартирах этого дома давно уже некому воевать с хламом.

— И он полностью захватил дом,— досказала за него девушка и кивнула: — Теперь я все поняла.

— Квартира, которую вы себе выбрали,— сказал он,— слишком захламлена, чтобы в ней жить. Но можно будет подобрать вам другое место, как я уже сказал, с более низким уровнем захламленности. Но...— он прервал свои рассуждения.

— Почему — но?

— Нам не удастся победить хлам,— ответил Изидор.

— Почему? — Девушка вышла в холл, прикрыв за собой дверь; она предстала перед ним, прикрыв ладонями маленькие высокие груди, и все же она вышла с явным намерением разобраться в том, что он говорит, или ему, по крайней мере, так показалось. Главное, что она наконец-то слушала его.

— Никто не справится с хламом,— произнес он.— Можно ненадолго победить его только в одном месте. Мне в данное время удалось уравновесить чашу весов между хламом и нехламом в своей квартире. Но стоит мне умереть или куда-то надолго уехать, и хлам тут же возьмет свое. Это универсальный принцип, он действует везде во Вселенной. Наша Вселенная движется к финальной стадии полного и абсолютного Захламления.— Но мгновенно уточнил: — Исключая, конечно же, склон великого восхождения Уилбера Мерсера.

Девушка вопросительно на него посмотрела:

— Непонятно.

— Все дело в сути мерсеризма.— Он вновь почувствовал недоумение.— Разве вы не участвуете в слиянии? Разве у вас нет эмпатоскопа?

После паузы девушка осторожно произнесла:

— Я не захватила его с собой, полагая, что здесь подберу другой.

— Н-но в-ведь эмпатоскоп,— произнес он, заикаясь от волнения,— это самое ценное, что принадлежит каждому из нас! Он — часть тела, как нога или рука; с его помощью мы общаемся с другими людьми, соприкасаемся с их мыслями и чувствами, он — средство против одиночества. Хотя... зачем я объясняю... вы знаете и без меня... Это все знают. Мерсер не отталкивает от себя даже таких, как я...— Он замолчал. Резко, но слишком поздно; он уже все ей сказал, и теперь она знает, кто он такой. Изидор прочитал на ее лице быстрое, как вспышка, неожиданное отвращение.— Я почти прошел тест,— сообщил он сбившимся, дрожащим голосом.— Я не конченый специал, всего лишь умеренный; совсем не такой, о которых вы, несомненно, слышали. Но ведь это не причина даже для Мерсера...

— Насколько я осведомлена, это считается основным недостатком мерсеризма.— Голос ее прозвучал отчетливо и безразлично; она не более чем констатировала известный ей факт, догадался он. Факт своего отношения к пустоголовым.

— Видимо, мне лучше подняться к себе,— сказал он и двинулся в сторону лестницы, сжав в ладони кусочек маргарина, который стал мягким и пластичным, вобрав в себя тепло его руки.

Девушка наблюдала за тем, как он уходит, но ее лицо абсолютно ничего не выражало. Неожиданно она крикнула ему вслед:

— Подождите!

Повернувшись, он переспросил:

— Зачем?

— Мне нужна ваша помощь. Помогите подобрать подходящую мебель. Из других квартир, как вы и предлагали.— Она двинулась ему навстречу, ее обнаженное до талии тело было гладким и грациозным: ни грамма лишнего веса.

— В какое время вы возвращаетесь с работы? Вы сможете мне помочь?

Изидор обрадованно поинтересовался:

— А вы могли бы приготовить ужин? Если я вернусь домой с продуктами?

— Нет. У меня слишком много самых разных дел.— Девушка так легко отказалась от его предложения, что он отметил: она отмахнулась, даже не поняв смысла вопроса. Теперь, когда рассеялся ее первоначальный страх, в ней стало проявляться что-то еще.

Что-то более странное. И, подумалось ему, достойное сожаления. Холодность. Будто дыхание пустоты между населенными мирами, а фактически из ниоткуда; вакуум рождался не из того, что она говорила или делала, наоборот — из того, чего она не говорила и чего не делала.

— В другой раз,— сказала девушка, развернулась и неспешно двинулась в свою квартиру.

— Запомнили мое имя? — нетерпеливо воскликнул он.— Джон Изидор, и я работаю...

— Вы уже сообщили мне, какой фургон водите и на какую фирму работаете.— Она резко остановилась, толчком распахнула дверь.— Ваш хозяин — какой-то ужасный тип по имени Ганнибал Слоат, который, я уверена, существует только в вашем воображении. Меня зовут...— Прежде чем войти в квартиру, она бросила на него последний, полностью лишенный теплоты взгляд и настороженно произнесла: — Я Рейчел Роузен.

— Из «Роузен Ассошиейшн»? — спросил он.— Крупнейшего производителя гуманоидных роботов Солнечной системы, которые используются в нашей колониальной программе?

Непонятное выражение промелькнуло на ее лице, но тут же исчезло.

— Нет,— ответила она.— Я ничего о них не слышала. Я не знаю, чем занимается эта корпорация. Думаю, ее деятельность — плод вашего больного воображения. Джон Изидор и его личный эмпатоскоп. Бедный мистер Изидор.

— Но ваше имя подразумевает, что вы...

— Мое имя,— отчеканила девушка,— Прис Стрэттон. Это мое имя по мужу; я пользуюсь только этим именем и никогда не называю себя иначе. Вы тоже можете называть меня Прис.— Она о чем-то задумалась и сказала: — Нет, лучше если вы будете обращаться ко мне «мисс Стрэттон». Ведь мы совсем не знаем друг друга. По крайней мере, я не знаю вас.

Глава 7

«Значит, такие вот дела»,— думал Дж. Р. Изидор, пока стоял и сжимал в руке кусочек маргарина. Быть может, она передумает и позволит называть себя Прис. И возможно, если ему удастся раздобыть на обед банку консервированных овощей, тех, что выпускали еще до войны, это тоже как-то на нее подействует.

Но, быть может, она не имеет представления, как их приготовить, неожиданно подумал Изидор. О'кей, это он возьмет на себя; он сам выберет что-нибудь из продуктов и приготовит обед. А заодно покажет и научит, и она, возможно, потом, в будущем, приготовит обед сама, если, конечно, захочет. Вполне вероятно, что захочет, стоит ему только один раз показать ей, как это делается; как известно, большинству женщин, даже таким молоденьким, вроде Прис, им всем нравится готовить; это у них вроде инстинкта.

Поднявшись наверх по лестнице, он вернулся в свою квартиру.

К девушке действительно не подступиться, продолжал раздумывать он о Прис, надевая белую рабочую униформу; даже если очень поторопиться, он опоздает на работу, и мистер Слоат страшно рассердится; ну и что из того? К примеру, она ничего не слышала о Бастере Френдли. И это невероятно: Бастер — самый известный человек из ныне живущих на Земле, исключая, конечно же, как конкурента, Уилбера Мерсера... но Мерсер, отметил для себя Джон, не есть человеческое существо; он, несомненно, является объектом реальным, но существом со звезд, привнесенным свыше в нашу культуру, космическим супершаблоном. В конце концов, такое объяснение он слышал от многих; так, к примеру, говорит даже сам мистер Слоат, а уж Ганнибал Слоат знает, что говорит.

Странно и то, что девушка непоследовательна в отношении своего собственного имени, отметил Изидор. Возможно, ей потребуется помощь. Сможет ли он оказать ей хоть какую-нибудь помощь? Он задал себе этот вопрос, но ответа на него не находил. Специал, пустоголовый; у него и знаний никаких. Он не имеет права жениться. И он не имеет права эмигрировать, и пыль, несомненно, через какое-то время прикончит его. Ему нечего предложить Прис.

Одевшись, он поднялся по лестнице на крышу, где парковал свой старый ховеркар.

Час спустя, сидя за рулем фургона компании, он подобрал первое в этот день вышедшее из строя животное — электрокота: оно лежало в пластиковом пыленепроницаемом доставочном ящичке в задней части фургона и неритмично — часто и тяжело — вздыхало. Трудно поверить, что оно не настоящее, заключил для себя Изидор, взяв курс на клинику Ван Несса для

питомцев — тщательно подобранное лженазвание для солидного заведения, которое в действительности являлось куда как скромной мастерской по ремонту лжеживотных.

Кот мучительно громко стонал.

«Ничего себе,— подумал Изидор.— Оно издает такие жуткие звуки, как будто действительно умирает. Возможно, заряда батареи, рассчитанной на десять лет, не хватило и все схемы то ли перегорают, то ли отключаются».

Предстоит серьезно поработать; Милту Борогроуву, технику клиники Ван Несса, придется приложить все свое умение. Изидор не назвал хозяину кота даже приблизительную стоимость ремонта, о чем сейчас вспомнил и слегка расстроился. Парень попросту передал ему кота из рук в руки и сказал, что коту поплохело за одну ночь, а затем их короткий обмен ничего не значащими фразами оборвался, хозяин кота вскочил в новую модель мощного ховеркара и с грохотом поднялся в небо. Судя по всему, какой-то новый клиент. Как понял Изидор, парень умчался на работу.

Изидор сказал коту:

— Продержишься, пока мы долетим до мастерской?

Кот все время хрипел.

— Ну ладно, сейчас где-нибудь припаркуюсь и перезаряжу тебя,— вслух сообщил Изидор; он опустил фургон на ближайшую крышу, свободную для посадки; припарковался, даже не выключив мотора; прополз в хвостовую часть грузовика и снял пластиковый пылезащитный ящичек, который, в сочетании с белым костюмом Изидора и названием лечебницы на фургоне, создавал полную имитацию, что перед вами — настоящий ветврач для настоящих животных.

Электрический механизм, спрятанный под шкурой, абсолютно схожей с натуральной — длинная серая шерсть,— булькал и пускал пузыри, линзы глаз безжизненно потухли, металлические челюсти были напряжены и плотно сжаты. Все это неизменно поражало Изидора, все эти контуры «признаков болезни», вмонтированные в поддельных животных; устройство, которое сейчас лежало на его коленях, было смонтировано таким хитрым образом, что, когда выходил из строя основной компонент механизма, вся конструкция выглядела отнюдь не сломанной, а несомненно больной. «Кого угодно можно одурачить»,— думал Изидор, пытаясь найти в шкуре эрзац-животного — на пушистом животе — крышку контрольной пане-

ли (совсем небольшую у данной разновидности поддельных животных), где имелись контакты для подсоединения внешнего источника питания. Но он ничего не обнаружил. Да и времени долго рыться у него не было; механизм практически отключился. Если все дело в замыкании, то оно пережжет все схемы, одну за другой, а значит, надо постараться отсоединить батарею, которая спрятана глубоко в корпусе животного, отсоединить хотя бы один из проводов, тогда механизм окончательно отключится и, по крайней мере, с ним больше ничего не произойдет. А в мастерской Милт припаяет провода на прежние места.

Изидор ловко пробежал пальцами по псевдопозвонкам эрзац-животного. Провода, которые тянутся от энергоблока, должны проходить где-то в этом месте. Чисто сработано, будь они прокляты — практически идеально смонтированная имитация. Жаль только, провода не обнаружить даже при самом внимательном осмотре и прощупывании. Несомненно, коты — продукция компании «Уилрайт и Карпентер»; их животные дороже, чем у других фирм, зато выглядят первоклассно.

Изидор сдался, тем более что поддельный кот перестал функционировать; очевидно, замыкание — если только именно оно вызвало нарушение работы механизма — полностью разрядило батареи основного энергоносителя. «Ремонт будет стоить немалых денег,— пессимистически подумал он.— Видимо, тот парень не привозил животное, как положено, трижды в год на профилактическую чистку и смазывание, вот и поплатился за свою беспечность. Надо думать, что сумма, которую хозяин кота выложит за ремонт, послужит ему хорошим уроком на будущее».

Он вернулся в кресло водителя, поставил руль в положение «набор высоты», фургон вновь взмыл в воздух и быстро, без остановок, направился к мастерской.

Во всяком случае, Изидору больше не пришлось слушать бьющие по нервам скрипы хитро сконструированного устройства. «Потешно,— подумал он,— знаешь наверняка, что слышишь всего лишь звукоподражание псевдоживотного, вопли которого рождает динамик, работающий от батарей; тем не менее все внутри выворачивается наизнанку. Хорошо бы найти другую работу»,— вздохнул Изидор. Если бы не тест, который он провалил, он бы никогда не согласился на эту унизительную работу, которая, помимо всего прочего, неблагоприятно влияет на психику. Но, если разобраться, симулированные страдания

поддельных животных ничуть не беспокоят Милта Борогроува или их общего босса — Ганнибала Слоата. Выходит, это только он — Джон Изидор — такой слабонервный. Возможно, когда человек деградирует, то есть движется вниз по ступенькам эволюционной лестницы, как это происходит сейчас с ним, и соскальзывает в болото Загробного Мира специалов... Фу-у, лучше ему не задаваться подобными вопросами.

Ничто не угнетало его так сильно, как моменты существования, в которые он сравнивал свои нынешние умственные способности с теми, которыми некогда обладал. С каждым днем сообразительность и жизненные силы таяли в нем и утекали в никуда. Он ничем не отличался от тысяч похожих на него специалов, и все они двигались к куче пепла... Все они превращались в живой хлам.

Чтобы было не так грустно, он включил приемник и настроился на радиопрограмму Бастера Френдли, которая, как и по ТВ, длилась ежедневно по двадцать три непрерывных «горячих» часа... оставшийся час отводился религиозной проповеди; потом десять минут тишины, за которыми следовала вторая проповедь.

— ...Рад вновь приветствовать тебя в студии,— произнес Бастер Френдли.— Насколько я помню, Аманда, прошло уже почти два дня с того момента, как мы с тобой расстались. Скажи, дорогая, ты начала сниматься в новой киношке?

— Йа сабийралас натщать снийматсеа естщо фтшера, но онеи тзахотщели, тшоп йа натщила ф сейм.

— В семь вечера? — переспросил Бастер Френдли.

— Та, фсио прафийно, Баштшер, ф сейм фетщера! — Аманда Вернер улыбнулась своей знаменитой улыбкой, заполняющей весь экран. Смех ее казался столь же наигранным, как и смех Бастера. Аманда Вернер, как и ряд других красивых, элегантных, круглогрудых зарубежных леди из стран, названия которых никогда не уточнялись, наряду с ограниченным числом так называемых провинциальных юмористов составляли — с некоторыми изменениями в последовательности появления — основу шоу. Женщины вроде Аманды Вернер никогда не снимались в фильмах, никогда не участвовали в театральных спектаклях; они жили в своих собственных красивых жизнях-мирах, появляясь только в качестве гостей бесконечной программы Бастера; мелькали на экране — Изидор как-то однажды подсчитал — ни много ни мало до семидесяти часов в неделю.

Изидор с удивлением думал: каким образом Бастеру удавалось найти время записывать одновременно и радио- и телепередачи? И откуда у Аманды Вернер находилось столько времени появляться перед телезрителями и радиослушателями каждый божий день, месяц за месяцем, год за годом? Как им удавалось говорить без умолку? Они никогда не повторялись, по крайней мере, Изидору ни разу не удавалось это определить. Их реплики и замечания, всегда веселые и остроумные, всегда новые и неожиданные, не были похожи на заранее отрепетированные. Волосы Аманды переливались, ее глаза блестели, ее зубы сверкали; она никогда не смущалась, никогда не выглядела уставшей, никогда не запаздывала с остроумным ответом на бесконечную вереницу острот, шуток и колких замечаний Бастера. Шоу Бастера Френдли, теле- и радиопередачи, транслируемые через спутник на всю Землю, так же постоянно выливалось и на головы эмигрантов колониальных планет. Осуществили даже трансляцию передачи в направлении Проксимы, на случай если колонизация достигнет той далекой планеты. Доберись «Саландер-3» до конечного пункта полета, счастливые путешественники на борту обнаружили бы на орбите поджидающего их Бастера Френдли и его шоу. И несказанно бы обрадовались неожиданной встрече.

Но было в Бастере нечто отталкивающее, даже для Джона Изидора; одна особенность, в общем-то, сущая мелочь. Неуловимыми, почти незаметными намеками Бастер смеялся над эмпатоскопами. И не изредка, а постоянно. Собственно говоря, он насмешничал и в данный момент.

— ...Никто не бросает в меня камни.— Его болтовня предназначалась все той же Аманде Вернер.— Ну уж если я и соберусь взобраться по какому-нибудь склону на горку, то, несомненно, прихвачу с собой пару бутылок пива «Будвайсер»! Только его, никакого другого! — Аудитория в студии рассмеялась, Изидор услышал дружные аплодисменты.— И я сообщу вам мою неожиданную новость, когда поднимусь наверх. Засекайте время — новость придет к вам примерно через десять часов!

— И йа тофе, тарахой! — захлебываясь от восторга, произнесла Аманда.— Фосьми менья с топфой! Йа пойту флетом и прикройу тепфя шфойим телом, кохфта онеи шфыгнут ф тепфя кхамейн!

И вновь аудитория встретила ее высказывание бурей аплодисментов и ревом смеющихся голосов, а Джон Изидор почув-

ствовал возрастающий, но бессильный гнев, от которого начинало ломить затылок. Почему Бастер Френдли постоянно старается подставить подножку мерсеризму? Кажется, только Бастер ополчился на Мерсера, а ведь Уилбера Мерсера даже ООН, в принципе, поддерживает. А американские и советские органы правопорядка публично заявили, что мерсеризм способствует снижению уровня преступности, потому что люди стали чаще задумываться и беспокоиться о бедах ближнего своего. «Человечеству жизненно необходимо еще больше эмпатии!» — неоднократно заявлял Титус Корнинг, Генеральный секретарь ООН. Быть может, Бастер насмехается из зависти и из вредности, предположил Изидор, что, несомненно, объясняло бы многое; они — Бастер и Уилбер Мерсер — своего рода соперники. Но что за соревнование между ними? За что они борются?

За наши мысли, решил Изидор. Они сражаются за право контролировать наши психические индивидуальности; с одной стороны — эмпатоскопы, с другой — гогот и смешные экспромты Бастера Френдли.

Надо рассказать об этом Ганнибалу Слоату, решил он. И спросить, верно ли данное предположение. Босс должен знать ответ.

Припарковав свой грузовой транспорт на крыше клиники Ван Несса, он быстро отнес вниз, в кабинет Ганнибала Слоата, пластиковый ящик, в котором находился неподвижный поддельный кот. Когда Изидор вошел, мистер Слоат оторвал взгляд от недочитанной страницы; его пепельное лицо нахмурилось и покрылось, подобно воде в ветреную погоду, рябью морщинок. Ганнибал Слоат, слишком старый, чтобы эмигрировать, был вынужден, вместе со специалами, доживать свои годы на старушке Земле. Пыль с течением лет разъедала его; черты лица стали бесформенны и серы, серы стали и его мысли; ноги усохли и подгибались в самый неподходящий момент; это сделало его походку покачивающейся и неуверенной. Он смотрел на окружающий мир сквозь очки, в буквальном смысле запорошенные пылью.

По каким-то причинам Слоат никогда не протирал стекла очков; возможно, признавая свое поражение; он не сопротивлялся радиоактивной грязи, и она давным-давно спокойно приступила к грязному, немилосердному делу, изо дня в день погребая Слоата под собой. На данный момент пыль практически отняла у него зрение. В ближайшие годы, которые ему еще

остались, она разрушит слух, обоняние, осязание и вкус; в итоге у Слоата останется щебечущий, больше напоминающий птичий, голос, который тоже вскоре смолкнет навеки.

— Что это там у тебя? — спросил мистер Слоат.

— Кот. У него короткое замыкание в блоке питания.— Изидор поставил клетку прямо боссу на стол, на разложенные бумаги и документы.

— Зачем ты притащил его мне? — сердито спросил Слоат.— Неси вниз, в мастерскую, и отдай Милту.— Но все же по привычке он открыл крышку и вытащил муляж. Когда-то он и сам занимался ремонтом, причем считался первоклассным мастером.

Изидор сказал:

— Я думаю, Бастер Френдли и мерсеризм сражаются между собой, стараясь завладеть нашими душами.

— Если так,— произнес Слоат, осматривая кота,— Бастер побеждает.

— Он побеждает в данный момент,— ответил Изидор,— но в конечном итоге он все равно проиграет.

Слоат поднял голову и уставился на собеседника:

— Почему?

— Потому что Уилбер Мерсер всегда возрождается. Он вечен. Он взбирается на вершину холма, но его тут же сбрасывают вниз; он опускается в Загробный Мир, но с неумолимостью восстает... И мы вместе с ним. Значит, мы вечны, как и он.— Изидор чувствовал себя как никогда хорошо: он так здорово все сформулировал; обычно в присутствии мистера Слоата он тушевался.

Слоат ответил:

— Бастер бессмертен, как и Мерсер. Не вижу разницы.

— Он не может быть бессмертен, ведь он простой человек.

— Очень сомнительно,— спокойно произнес Слоат.— Конечно, никто не уточнял.

— Это из-за того, что Бастер Френдли может подготовить за день сорок шесть часов передачи для эфира?

— Правильно.

— А Аманда Вернер и все остальные женщины?

— Они тоже бессмертны.

— Неужели они — высшая форма жизни, пришедшая к нам со звезд?

— Мне до сих пор не удалось выяснить это окончательно,— признался мистер Слоат, все еще осматривая кота. Он снял

запыленные очки и теперь смотрел «собственными» глазами в приоткрытую пасть кота.— То, что я могу сказать в отношении Уилбера Мерсера...— Последние слова он произнес почти неслышно. Он чертыхнулся, затем выругался, нанизывая одно ругательство на другое, будто соединял кольца цепи; Изидору показалось, что словесное безобразие длилось целую вечность.

— Этот кот,— в итоге сказал Слоат,— не подделка. Я предполагал, что нечто подобное когда-нибудь да произойдет. Значит, кот мертв.— Он уставился на труп кота и нанизал еще одну длинную цепь ругательств.

В дверь заглянул Милт Борогроув — крупного телосложения мужчина в синем парусиновом фартуке. Его кожа напоминала шагрень.

— Что случилось? — спросил он.

Увидев кота, он зашел внутрь помещения и приподнял животное.

— Придурок,— сказал Слоат,— принес его сюда.— Никогда прежде он не произносил этого слова вслух в присутствии Изидора.

— Будь он еще жив,— вздохнул Милт,— мы отвезли бы его к настоящему ветврачу. Интересно, сколько он стоит? Есть у кого-нибудь каталог «Сидни»?

— З-значит, в-ваша с-сстраховка п-покрывает все у-уб-бытки? — Изидор обратился к Слоату. Он почувствовал, как ноги предательски задрожали, а в глазах потемнело; комната наполнилась темно-каштановым туманом, который рассекали зеленые искрящиеся полосы.

— Да,— через некоторое время то ли ответил, то ли прорычал Слоат.— Но это не главное, что меня беспокоит. Мы лишились еще одного живого существа. Можешь ты мне объяснить, Изидор? Неужели ты не заметил разницы?

— Я думал,— с трудом выговорил Изидор,— что кот отлично сработан. Так качественно, что это меня обмануло; я хочу сказать, он выглядел живым, потому что был здорово сработан...

— Я думаю, что Изидор не смог бы заметить разницу,— мягко произнес Милт.— Для него они все живые, включая подлельных животных. Он наверняка пытался спасти его.— Милт спросил у Изидора: — Что ты предпринял, попытался перезарядить батареи? Или определить, где в нем произошло замыкание?

— Д-да,— признался Изидор.

— Скорее всего, он был настолько плох, что его все равно не удалось бы спасти,— сказал Милт,— пустоголовый ни в чем не виноват, Ган. Наоборот, он попал в точку; фальшивки стали чертовски напоминать настоящих животных, взять хотя бы схемы, имитирующие болезни, которые встраиваются в новые модели. А настоящие животные продолжают умирать; это главная опасность, подстерегающая хозяев. Мы от живых отвыкли напрочь, потому что видим только фальшивки.

— Проклятая жизнь,— произнес Слоат.

— В соответствии с мерсеризмом,— уточнил Изидор,— все живое возрождается. Этот цикл п-полностью замкнут для ж-ж-животных. Я хочу сказать, мы все поднимемся вместе с ними, когда умрем.

— Это ты расскажешь тому парню, владельцу кота,— сказал мистер Слоат.

Изидор, не уверенный, что шеф произнес приговор серьезно, переспросил:

— Вы имеете в виду, что я со-о-общу ему? Но ведь вы лично всегда связывались с клиентами по ви-видеофо-ну.— Изидор страдал видеобоязнью, то есть он не мог разговаривать по видеофону; позвонить, тем более незнакомому человеку, представлялось для него делом фактически невыполнимым. Мистер Слоат, несомненно, знал это.

— Не заставляй его,— сказал Милт.— Я сам позвоню.— Он подошел к фону, поднял трубку.— Какой номер?

— Где-то здесь, у меня,— засуетился Изидор, судорожно роясь в карманах комбинезона.

Слоат громко произнес:

— Я хочу, чтобы позвонил пустоголовый.

— Я н-не м-могу п-пользоваться видеофоном,— запротестовал Изидор, его сердце забилось так, что готово было выпрыгнуть из груди.— Потому что я волосатый, уродливый, грязный, сутулый, с кривыми зубами и серым лицом. И я чувствую слабость из-за радиации; думаю, я скоро умру.

Милт улыбнулся и сказал Слоату:

— Без сомнений, чувствуй я себя так же, я бы не стал пользоваться видеофоном. Торопись, Изидор, если не дашь мне номер хозяина кота, я не смогу ему позвонить, и тогда тебе придется самому.— Он протянул Изидору руку ладонью вверх, как бы призывая его поторопиться.

— Позвонит дурик,— повторил Слоат.— Или он уволен.— Слоат не смотрел ни на Милта, ни на Изидора, он рассеянно уставился в пространство перед собой, и только ему одному было известно, куда именно.

— Прекрати,— запротестовал Милт.

Изидор заартачился.

— М-мне н-не н-нравится, к-когда меня на-называют д-дуриком. П-пыль п-по-действовала и на-на ва-ваши орга-а-низмы. Х-х-хотя и не-не в-в т-такой сте-степени на-на мозги, к-как у-у м-меня.

«Итак, я уволен,— решил Изидор.— Мне не позвонить». Но потом внезапно он вспомнил, что хозяин кота умчался на работу. И никого не осталось дома.

— Д-думаю, я смогу позвонить,— сказал он, одновременно выуживая из кармана визитную карточку.

— Понял? — спросил мистер Слоат Милта.— Он может, если его как следует припереть к стенке.

Усевшись напротив экрана видеофона с трубкой в руке, Изидор набрал номер.

— Да,— вздохнул Милт.— Но тебе не следовало его заставлять. И он прав: пыль подействовала на тебя, ты чертовски близок к слепоте, а через пару лет ты и слышать ничего не будешь.

Слоат ответил:

— На тебя пыль тоже подействовала, Борогроув. Твоя кожа стала цвета собачьего дерьма.

На видеоэкране появилось лицо среднестатистической европейки с волосами, стянутыми в тугой узел... Она настороженно спросила:

— Да?

— М-м-миссис Пилсен? — произнес Изидор, волна ужаса захлестнула его: естественно, он совсем не подумал о том, что дома у хозяина кота могла остаться жена.— Я хотел бы п-п-поговорить с вами о к-к-к-к-к-к...— Он замолчал, сжав руками трясущийся подбородок.— Ваш кот.

— О да, вы забрали с собой Горация,— констатировала миссис Пилсен.— У него в самом деле пневмония? Так считал мистер Пилсен.

Изилор сказал:

— Ваш кот умер.

— Боже! Не может быть!

— Мы заменим его. У нас есть страховка.— Он оглянулся на мистера Слоата; тот, казалось, не возражал.— Владелец нашей фирмы, мистер Ганнибал Слоат...— он запнулся,— лично...

— Нет,— произнес Слоат,— мы выпишем чек. Цена по каталогу «Сидни».

— ...лично выберет для вас кота взамен умершего,— выкрутился Изидор, сам себе удивляясь. Начиная беседу, он предполагал, что тут же увязнет в ней. Но его речь звучала связно, а слова сочетались одно с другим, хотя прежде он не знал, как ими оперировать и как делать логичные выводы из фраз. Мистер Слоат и Милт Борогроув уставились на него, а он болтал без умолку.— Дайте нам описание кота, которого вы хотели бы иметь. Окрас, пол, порода — персидский, сибирский, бесхвостый...

— Гораций умер,— только и ответила миссис Пилсен.

— Тяжелая форма пневмонии,— болтал Изидор.— Он умер на пути в клинику. Старший ветврач, доктор Ганнибал Слоат, со всей определенностью заявил, что по всем признакам его уже невозможно было спасти. Но разве это не удача, миссис Пилсен, что мы собираемся заменить его?

Слезы навернулись на глаза миссис Пилсен.

— Гораций был уникальным котом. Другого такого нет. Он часто — даже когда был еще котенком — приподнимался на задних лапах и внимательно следил за нами с таким выражением, как будто хотел о чем-то спросить. Мы никогда не могли постичь сути его немого вопроса. Возможно, сейчас он уже получил на него исчерпывающий ответ. Надеюсь, это вскоре предстоит и нам.

Изидора осенила вдохновенная мысль:

— Может, вам подойдет электрокот, точная копия Горация? Мы могли бы заказать для вас превосходную, ручной работы копию фирмы «Уилрайт и Карпентер», которая будет до мельчайшей детали повторять вашего...

— Какой кошмар! — запротестовала миссис Пилсен.— О чем вы говорите? Даже не думайте заикаться об этом Эду, иначе он просто сойдет с ума. Он любил Горация сильнее, чем любого другого кота, у мужа с самого детства были коты.

Выхватив трубку видеофона из рук Изидора, Милт сказал женщине:

— Мы можем выписать чек — полную стоимость по каталогу «Сидни», или, как предложил вам мистер Изидор, мы готовы

выбрать вам нового кота. Мы очень сожалеем, что ваш кот скончался, но, как отметил мистер Изидор, пневмония в тяжелой форме почти всегда приводит к летальному исходу.

Он произнес это как истинный профессионал; из них троих — всего штата клиники Ван Несса для питомцев — Милт лучше всех справлялся с деловыми разговорами по видеофону.

— Да, но... как я сообщу мужу? — озабоченно произнесла миссис Пилсен.

— Разговор с ним мы берем на себя, мэм.— На лицо Милта легла тень сожаления.— Мы позвоним ему сами. Будьте любезны сообщить номер его рабочего видеофона.— Он протянул руку за ручкой и листком бумаги; мистер Слоат передал их ему.

— Послушайте,— сказала миссис Пилсен. Похоже, она уже взяла себя в руки.— Возможно, ваш коллега прав. Возможно, мне следует заказать электрокопию Горация, но так, чтобы Эд никогда ничего не узнал и не мог отличить копию от настоящего.

— Если вы закажете, мы сделаем все возможное,— ответил Милт, но с некоторым сомнением в голосе добавил: — Все же, по опыту, мы можем сказать, что хозяина животного не одурачить. Обычно копии заказывают для случайных гостей или соседей. Если присмотреться к поддельному животному очень внимательно...

— Эд никогда не играет с Горацием, даже несмотря на то, что его любит; только я всегда занималась котом. Ну, вы понимаете, меняла песок и все такое... Думаю, мне стоит заказать электрокота, но если этот номер не пройдет, тогда вы подберете нам настоящего, взамен Горация. Самое главное, я не хочу, чтобы мой муж знал; я думаю, он не переживет утраты. Именно поэтому он боялся сдружиться с ним. И когда Гораций на самом деле заболел... пневмония, как вы сказали... Эд буквально запаниковал и отказывался, что называется, смотреть правде в глаза, поэтому долго не решался вас вызвать. Слишком долго... Обо всем... я знала до вашего звонка. Знала...— Она кивнула, теперь уже не в состоянии сдерживать слезы.— Сколько времени займет изготовление копии?

— Через десять дней,— ответил Милт после некоторого раздумья.— Мы доставим его днем, когда ваш муж будет на работе.

Они попрощались, Милт положил трубку и сказал мистеру Слоату:

— Он разберется через пять секунд. Но это именно то, чего она добивается.

— Владельцы, которые вынуждены любить своих питомцев,— уныло произнес Слоат,— теряют душевный покой. Какое счастье, что нам не приходится иметь дело с настоящими животными. Представляете себе, настоящему ветврачу приходится делать такие звонки ежедневно?! — Он внимательно посмотрел на Изидора.— Иногда ты не кажешься таким уж глупым, Изидор. Ты разговаривал достаточно рассудительно. Даже если учесть, что потом Милт подключился к разговору вместо тебя.

— Он справился как нельзя лучше,— подтвердил Милт,— разговор был очень трудный! — Он поднял мертвого Горация.— Я отнесу это вниз, в мастерскую; Ган, позвони в фирму «Уилрайт и Карпентер», пусть пришлют конструктора снять размеры и сфотографировать. Я не разрешу им забрать кота в свои мастерские; я хочу сравнить копию лично.

— Думаю, надо попросить Изидора поговорить с ними,— решил мистер Слоат.— Кашу он заварил. После разговора с миссис Пилсен он вполне справится со звонком в «Уилрайт и Карпентер».

Милт сказал Изидору:

— Главное — не разрешить им забрать оригинал.— Он приподнял Горация.— А они постараются на этом настаивать, потому что так им будет чертовски легче справиться с работой. Будь решителен и настойчив.

Изидор хмыкнул и, моргнув, сказал:

— О'кей. Наверное, стоит позвонить прямо сейчас, пока кот не начал разлагаться. Трупы ведь разлагаются, или что там с ними происходит?

Он ощутил необыкновенный прилив отличного настроения.

Глава 8

Припарковав служебный скоростной ховеркар — с двигателем более мощным, чем у стандартных моделей,— на крыше Дворца Правосудия — Сан-Франциско, Ломбард-стрит,— охотник за премиальными Рик Декард, взяв портфель, спустился вниз в кабинет Гарри Брайанта.

— Не думал, что ты вернешься так быстро,— произнес его шеф, откинулся на спинку кресла и взял щепотку нюхательной смеси «Специфик № 1».

— Я получил сведения, за которыми вы меня посылали,— объявил Рик, уселся в кресло, лицом к столу, и поставил портфель на пол, рядом с креслом. «Я очень устал»,— вдруг

понял он. Усталость навалилась одновременно с возвращением в Управление. Он с удивлением подумал, появится ли у него возможность отдохнуть перед предстоящей работой.

— Как дела у Дейва? — спросил Рик.— Он уже достаточно пришел в себя, чтобы говорить? Я хочу повидать его, прежде чем займусь первым анди.

Брайант уточнил:

— Сначала ты разберешься с Полоковым. С тем анди, который продырявил Дейва. Его надо усыпить как можно скорее, ведь он знает, что стоит первым в нашем списке.

— До разговора с Дейвом?

Брайант потянулся за листком тонкой прозрачной бумаги; буквы машинописного текста были нечеткими. «Третья или четвертая копия»,— определил Рик.

— Полоков сумел устроиться на работу в городе; мусорщик, вывозит отходы.

— Кажется, на эту работу принимают только специалов?

— Полоков подделывается под пустоголового специала. Сильно деградировавшего; он неплохо справляется с ролью. На этом-то Дейв и поскользнулся: Полоков и выглядит, и ведет себя как пустоголовый. Играет столь искусно, что обманул даже Дейва. Значит, теперь ты не сомневаешься в шкале Войт-Кампфа? Полностью уверен после Сиэтла, что...

— Абсолютно,— коротко ответил Рик. Он не стал вдаваться в подробности.

— Поверю на слово,— согласился Брайант.— Но, положим, все решит единственная ошибка.

— Их не будет в охоте за анди. Ничего сложного.

— Но модель «Нексус-6» все-таки сложна...

— Я уже определил одного,— сказал Рик.— А Дейв вычислил двоих. Троих, если добавить Полокова. О'кей, Полокова я усыплю прямо сегодня, а вечером или завтра утром я поговорю с Дейвом.— Рик потянулся за расплывчатой копией — информом на андроида Полокова.

— Еще одна новость для тебя,— добавил Брайант.— Советский коп из ВПУ направляется к нам. Пока ты находился в Сиэтле, я получил вызов от него; он связался со мной прямо с борта ракеты Аэрофлота, которая прибывает в час. Его зовут Шандор Кадали.

— Чего ему тут нужно? — Крайне редко, если не впервые, копы из ВПУ засовывали свой нос так далеко — в Сан-Франциско.

— ВПУ проявляет большой интерес к «Нексус-6», поэтому они просили, чтобы их человек поработал с тобой на пару. Как наблюдатель... и также, если сможет, попробует помочь. Тебе самому решать — когда, где и как. Но я уже дал согласие на совместную работу.

— А как насчет премиальных? — спросил Рик.

— Думаю, тебе не придется делиться с ним,— ответил Брайант и натянуто улыбнулся.

— Я считаю, что тогда это будет несправедливо.— У Рика не было абсолютно никакого желания делиться своим счастливым выигрышем с головорезом из ВПУ. Рик изучил информ на Полокова; приводилось описание человека — конечно же, анди,— его адрес и место работы: «Компания по уборке мусора с прилежащих к заливу территорий», Центральная Контора — на Геари.

— Хочешь дождаться советского копа, чтобы тот помог усыпить Полокова? — поинтересовался Брайант.

— Я всегда работаю один,— ощетинился Рик.— Конечно же, вы принимаете решение... Я выполню все, что вы скажете. Но я прямо сейчас отправлюсь расправиться с Полоковым, пока не прилетел Кадали.

— Сейчас ты можешь отчаливать,— заключил Брайант,— но когда приступишь ко второму пункту списка — мисс Люба Люфт, вот ее информ,— подключишь к делу Кадали.

Переложив копии документов со стола в портфель, Рик вышел из кабинета шефа и вновь поднялся на крышу, где парковал ховер. «А теперь отправимся в гости к мистеру Полокову»,— сказал он себе и похлопал по стволу лазерного пистолета.

Отправившись усыплять андроида Полокова, Рик сделал первую остановку на крыше конторы «Компании по уборке мусора», где тот подвизался.

— Я ищу одного вашего рабочего,— сообщил он хмурой седой видеофонистке. Здание «Компании...» изрядно его удивило: огромное и современное, с большим количеством чистых удобных кабинетов для служащих, ковры с толстым ворсом, дорогие столы из натурального дерева. Рик в который уже раз убедился, что сбор, транспортировка и дальнейшая переработка мусора и отходов в послевоенные годы — прибыльная отрасль. Внешний вид планеты стал напоминать помойку, и, чтобы сохранить планету обитаемой для оставшегося населения, требовалось разгрести помойку... или, как еще любил шутить Бастер Френд-

ли: «Земля погибнет под слоем, но не радиоактивной пыли, а хлама».

— К мистеру Экерсу,— проинформировала видеофонистка.— В его ведении штатное расписание.— Она указала на внушительный, но явно не дубовый стол, за которым сидел — или прятался? — худой невзрачный субъект в оправе с толстыми стеклами, зарывшийся в груду бумаг.

Рик сунул ему удостоверение полицейского:

— Где сейчас находится служащий вашей компании Полоков? На работе или дома?

Мистер Экерс с явной неохотой, сверившись со своими записями, все же сообщил:

— Полоков сейчас должен находиться на работе. Сплющивание ховеркаров на нашей фабрике в Дейли-Сити и сбрасывание их в залив. Однако...— замялся менеджер по штатному расписанию, изучив следующую бумагу; сняв трубку видеофона, он переговорил по внутреннему видеокому с кем-то, находящимся под этой же крышей...— Выходит, что его нет,— сказал он, подводя итог беседы по видеокому; положив трубку, подробнее сообщил Рику: — Полоков сегодня не вышел на работу. Объяснений от него не поступило. Что он натворил?

— Если он вдруг появится,— сказал Рик,— не сообщайте ему, что я здесь был и расспрашивал о нем. Вы понимаете?

— Да, я понимаю,— угрюмо ответил Экере, как будто его глубокие познания в сути полицейской работы оказались осмеяны просьбой Рика.

Следующим местом остановки служебного скоростного ховера стало место жительства Полокова — его квартира в окрестностях Тендерлайна. «Мы никогда не поймаем его,— сказал себе Рик.— Они — Брайант и Холден — слишком медлят. Вместо поездки в Сиэтл Брайанту следовало пустить меня по следу Полокова прямо прошлой ночью, сразу после того, как Дейв Холден напоролся на выстрел».

«Что за мрачное место»,— отметил Рик, проходя по крыше от ховера до шахты лифта. Брошенные вольеры для животных, инкрустированные многолетней пылью, а в одной из клеток — давно испорченное поддельное животное, некогда — электроцыпленок. На лифте Рик спустился до этажа, на котором жил Полоков, нашел холл перед квартирой, который при слабом свете напоминал вымершую подземную пещеру. С помощью полицейского фонарика на атомной батарейке он осмотрел

холл, а затем еще раз заглянул в копию информа Полокова: тест Войт-Кампфа был применен к Полокову, так что эту часть задания можно не повторять, а переходить сразу к следующей ступени — уничтожению андроида.

«Самое надежное — выкурить его из квартиры»,— подумал Рик. Сняв с плеча и поставив на пол оружейную сумку, на ощупь открыл ее и вытащил рассеивающий модулятор «Пенфилда»; он установил ключ настройки на каталепсию; от действия переносного модулятора Рика защищала компенсирующая электромагнитная волна, которая направлялась на него из металлического корпуса прибора.

«Сейчас они уже стоят как замороженные,— подумал Рик и выключил модулятор.— И люди, и анди, и все, кто оказался поблизости. Для меня никакого риска; мне остается одно — зайти в квартиру и прикончить Полокова из лазерного пистолета. При условии, конечно, что он в квартире, а это маловероятно».

Универсальным ключом-отмычкой, которая анализировала и тут же открывала любые механические и электронные замки, он открыл дверь и протиснулся внутрь квартиры Полокова, крепко сжимая рукоять пистолета.

Полокова не было. Зато было невероятно много полуразрушенной мебели и мусора, как будто Рик попал в обитель хлама и запустения. Ни единой вещи Полокова: Рик наткнулся лишь на отбросы, идентифицировать происхождение которых было невозможно; Полоков непонятным образом обитал среди них, а покинув квартиру, оставил их следующему хозяину. (Если еще найдется желающий.)

«Я так и знал,— хмыкнул Рик,— что первая тысяча долларов ускользнет; возможно, она уже на пути в Заполярье. Главное — вне моей юрисдикции. Другой охотник за премиальными из другого Управления полиции усыпит Полокова и получит деньги. Надо отправляться за следующим анди,— подбодрил себя Рик,— пока всю группу не вспугнули. Следующая в списке — Люба Люфт».

Вернувшись на крышу и за руль ховеркара, он доложил Гарри Брайанту:

— С Полоковым не повезло. Сбежал. Думаю, сразу после того, как подстрелил Дейва.— Рик посмотрел на часы и спросил: — Хотите, чтобы я отправился на взлетное поле и встретил Кадали? Это сэкономит время, а мне не терпится заняться Лю-

бой Люфт.— Информ на Любу Люфт уже лежал на его коленях, а он внимательно изучал данные.

— Хорошая мысль,— сказал Брайант,— не считая того, что мистер Кадали уже приземлился на корабле Аэрофлота. Один момент.— Брайант с кем-то переговорил.— Он прилетит к тебе и встретит тебя там, где ты сейчас находишься,— сообщил Брайант, вновь повернувшись к экрану.— Пока ждешь его — изучай информ на мисс Люфт.

— Оперная певица, будто бы приехавшая из Германии. В настоящее время работает в «Оперной труппе Сан-Франциско».— Брайант машинально кивнул, как бы подтверждая сведения, которые содержал информ.— У нее отменный голос, раз она добилась успеха так быстро. О'кей, я дождусь этого вашего Кадали.

Он продиктовал Брайанту свои координаты и отключил связь.

«Придется изобразить из себя оперного знатока,— улыбнулся Рик, перечитывая информ.— Интересно было бы послушать, как она исполняет партию Анны в "Дон Жуане". В моей коллекции есть записи старых мастеров оперной сцены, таких как Элизабет Шварцкопф, Лотта Леман и Лиза Делла Каза. По крайней мере, у нас будет о чем поговорить, пока я готовлю тестер Войт-Кампфа».

Видеофон просигналил вызов. Рик поднял трубку. Видеофонистка Управления сообщила:

— Мистер Декард, на ваше имя поступил вызов из Сиэтла; мистер Брайант велел соединить с вами. Вызов из «Роузен Ассошиейшн».

— О'кей,— согласился Рик и стал ждать. «Чего им еще от меня надо?» — удивился он. Насколько он успел отметить, Роузены появляются на горизонте как предвестники неприятностей. «Ни на что другое они, должно быть, не способны»,— решил Рик Декард.

На небольшом экране появилось лицо Рейчел Роузен:

— Привет, офицер Декард.— Голос ее прозвучал откровенно задабривающе и умиротворяюще, что насторожило Рика.— Вы сейчас очень заняты, или я могу поговорить с вами?

— Продолжайте,— кивнул он.

— В Корпорации обсуждают ситуацию, сложившуюся из-за сбежавших «Нексус-6». Поскольку мы знакомы с этим типом мозга «из первых рук», мы решили, что у вас появится намного больше шансов на успех, если один из нас будет работать в паре с вами.

— В чем будет заключаться ваша помощь?

— Я же сказала, что вместе с вами будет находиться один из нас. Когда вы начинаете поиски?

— Как так? — рассердился Рик.— Чем вы поможете?

Рейчел пояснила:

— Любой «Нексус-6» находится в состоянии готовности, если за ним следует охотник; но если в контакт с ним постарается войти другой «Нексус-6»...

— Вы недвусмысленно намекаете на себя.

— Да.— Она кивнула, лицо ее стало серьезно.

— Вы уже помогли мне. Больше чем достаточно.

— Но я действительно считаю, что нужна вам.

— Сомневаюсь. Я обдумаю ваше предложение и перезвоню.

«Когда-нибудь потом, не скоро,— сказал он себе.— А вернее — никогда. Вот уж чего мне действительно не хватает — Рейчел Роузен, которая скачет вокруг меня по пыльным ступенькам».

— Обычная отговорка,— возразила Рейчел.— Вы не собираетесь мне звонить, хотя даже представить себе не можете, сколь ловок и хитер может оказаться сбежавший «Нексус-6», как невероятно сложно с ним справиться. Мы считаем... вы ведь помните...

— Я приму ваши предостережения к сведению.— Он решил завершать разговор.

— Без меня,— добавила Рейчел,— один из них прихватит вас намного раньше, чем вы его.

— До свидания,— сказал он и отключился. «Нормален ли такой мир,— спросил он себя,— в котором андроид звонит охотнику за премиальными и предлагает помощь?»

Рик вызвал видеофонистку Управления:

— С Сиэтлом меня больше не соединяйте,— сказал он.

— Да, мистер Декард. Мистер Кадали уже добрался до вас?

— Нет, все еще жду его. Ему следует поторопиться, я не собираюсь торчать тут слишком долго.— Трубка вновь легла на место.

Когда он дочитывал заключительный абзац информа на Любу Люфт, такси-ховер появился в небе и опустился на крышу в нескольких ярдах от кара Рика. Из ховера выбрался краснолицый, розовощекий и пухлый мужчина лет пятидесяти пяти, одетый в солидную и дорогую, русского покроя, шинель; одновременно шагая, улыбаясь и протягивая руку для приветствия, он приблизился к ховеркару Рика.

— Мистер Декард? — спросил он. Рик отметил характерный славянский акцент.— Премиальный охотник полицейского управления в Сан-Франциско?

Пустой такси-ховер поднялся, русский проводил его удивленно-восторженным взглядом, потом рассеянно представился: «Шандор Кадали»,— открыл дверцу и проскользнул на сиденье рядом с Риком.

Обмениваясь с Кадали рукопожатием, Рик заметил у представителя ВПУ незнакомую модель лазерного пистолета.

— О, это? — Кадали перехватил взгляд Рика.— Интересная штучка, не правда ли? — Он вытащил пистолет из кобуры.— Мое приобретение на Марсе.

— Я был уверен, что знаю все марки личного оружия полицейских,— признался Рик.— Даже те, которые колониальные власти выпускают для себя.

— Усовершенствованная модель,— похвастался Кадали и улыбнулся, как славянский Санта Клаус, который принес с собой удивительный подарок; круглолицая физиономия буквально лучилась гордостью и за себя, и за своих товарищей.— Вам нравится? Конструктивное отличие в том, что... да вот, возьмите.— Он передал пистолет Рику, который тщательно изучил оружие в последовательности, установившейся у него за годы работы в полиции.

— Так в чем же его отличие? — спросил Рик, так как сам не мог разобраться.

— Нажмите спусковой курок,— посоветовал русский.

Направив ствол в окно ховеркара, Рик последовал совету Кадали. Ничего не произошло, луч не появился. Он растерянно повернулся к Кадали.

— Спусковая схема,— жизнерадостно произнес Кадали,— не подсоединена. Она осталась у меня. Видите? — Он разжал пальцы — на его ладони лежала миниатюрная пластинка-схема.— Так что я могу направлять ствол куда угодно, без ограничений. Как игрушку. Не задумываясь, во что именно целюсь.

— Вы не Полоков, вы — Кадали,— выдавил из себя Рик.

— Наверное, вы имели в виду, что все наоборот? Перепутали из-за того, что излишне напуганы?

— Я имел в виду, что вы — Полоков, андроид, и вы не из советской полиции.— Рик подошвой ботинка нажал кнопку чрезвычайной защиты, которая была вмонтирована в пол кабины ховеркара.

— Почему не стреляет мой лазерный пистолет? — спросил Кадали-Полоков, включая и выключая дополнительную схему спускового устройства и целясь в Рика из лазерного пистолета.

— Синусоидальная волна,— объяснил Рик,— которая сбивает настройку лазера и превращает его луч в поток обычного света.

— В таком случае я вынужден буду просто свернуть вашу тонкую шею.— Андроид бросил устройство и с рычанием потянулся обеими руками к горлу Рика.

Как только пальцы андроида обхватили его шею, Рик выстрелил из своего «Магнума» 38-го калибра, кобура которого с давних времен «жила» у него под мышкой. Рик никогда не расставался со старинным, но надежным пистолетом. Пуля вылетела из ствола «Магнума» и попала андроиду в голову, черепная коробка анди буквально взорвалась изнутри.

Мозг «Нексус-6», управлявший хитрыми действиями андроида Полокова, разлетелся миллионами капель, которые сумасшедшим вихрем заполнили кабину ховеркара и повисли в воздухе туманом.

Эти капли, похожие на радиоактивную пыль, постепенно осели на одежде Рика. Безголовое тело усыпленного андроида, отброшенное выстрелом, ударилось о дверцу кара, оттолкнулось от нее и всей своей тяжестью повалилось на Рика, который с огромным трудом спихнул с себя подергивающиеся останки.

Пальцы Рика дрожали, но он, кое-как дотянувшись, взял трубку видеофона и вызвал Дворец Правосудия.

— Я хочу оставить официальный рапорт на имя Гарри Брайанта,— сказал он.— Доложите ему, что я прихватил Полокова.

— Вы «прихватили» Полокова? Он поймет ваше донесение, да?

— Да,— заверил Рик и отключился. «Боже, как близко я стоял у черты...— вздохнул Рик.— Я обязан был задуматься над предостережением Рейчел Роузен, но пошел другим путем и едва не поплатился за беспечность. И все же прихватил Полокова». Его надпочечники прекратили бешеными порциями выбрасывать в кровь адреналин, так что сердце перестало колотиться, как взбесившееся от страха животное, даже дыхание нормализовалось. Правда, его продолжало трясти. «Как бы то ни было,— вздохнул Рик,— я только что заработал тысячу долларов. И они того стоили. У меня хорошая реакция, лучше, чем у Дейва Холдена. Конечно, несчастье с Дейвом заставило меня насторо-

житься и подготовиться; это нельзя не учитывать. Дейва некому было предостеречь».

В очередной раз подняв трубку, он набрал номер своей квартиры, вызывая Айрен. Одновременно ему удалось закурить: дрожь постепенно утихала.

Опухшее от шестичасовой депрессии и переживаний, как после недельного пьянства, лицо жены появилось на экране.

— О, привет, Рик!

— Что случилось с кодом 594, который я набрал перед выходом из дома? Приятное для меня открытие...

— Я перенабрала его. Сразу, как ты ушел. Что тебе надо? — Голос ее провалился в привычную трясину уныния.— Я смертельно устала, у меня не осталось ни единой надежды. Ни на что. Даже наша совместная жизнь меня не утешает: тебя, вероятно, укокошит какой-нибудь анди. Или тебя уже укокошили и это то, о чем ты хотел рассказать? Что анди подстрелил тебя? — Где-то за ее спиной грохотал ТВ: Бастер Френдли рокотал и настойчиво вопил, заглушая голос Айрен; Рик видел, что губы жены шевелятся, но слышал лишь одно — сплошное ослиное ржание из телевизора.

— Послушай! — выкрикнул Рик.— Да ты можешь меня выслушать?! Нам подфартило! Новый тип андроидов. С ними, вероятно, могу справиться только я! Пока усыпил только одного, но это та тонна баксов, с которой приятно начинать. Знаешь, что я куплю еще до того, как покончу с остальными анди?

— О-о,— восторженно протянула Айрен и кивнула, но тут же посмотрела на Рика пустыми невидящими глазами.

— Да я еще ничего не сказал! — Можно, конечно, выложить ей свою идею; нет, на сей раз депрессия слишком глубоко затянула ее, Айрен даже не слышит, что он говорит. Бессмысленно увеличивать громкость: говорить с Айрен — все равно что говорить в пустоту.

— Увидимся вечером,— разочарованно попрощался он и, в сердцах бросив трубку, отключился. «Будь она трижды проклята! — выругался он.— Чего ради я постоянно рискую жизнью? Ее совершенно не заботит, сможем ли мы приобрести страуса или нет; никакими силами ее апатию не прошибить. Почему я не развелся с Айрен два года назад, когда мы собирались это сделать? Но что мне мешает бросить ее сейчас?» — напомнил он себе.

В задумчивости Рик наклонился, собрал в стопку рассыпавшиеся по полу кабины листы, аккуратно поднял информ

на Любу Люфт. «Никакой поддержки,— заключил он.— Андроиды, с которыми я сталкивался, обладали жаждой жизни и видели в ней смысл куда больший, чем моя жена. Айрен ничего не способна мне дать».

Разочарование подтолкнуло Рика вспомнить Рейчел Роузен. «Ее предостережение относительно сообразительности "Нексус-6",— заключил Рик,— полностью подтвердилось. Если она не попросит за свою помощь часть премиальных, я согласился бы с ней поработать на пару».

Схватка с Кадали-Полоковым существенно изменила его представления об анди.

Включив мотор ховеркара, он со свистом взмыл в небо, взяв курс точно на здание оперного театра «Мемориал Войны», где, согласно сведениям Дейва Холдена, он в это время сможет найти Любу Люфт.

Рик с нескрываемым удивлением думал теперь о встрече с Любой. Некоторые андроиды женского пола казались ему весьма привлекательными; некоторые вызывали в нем чувство физического влечения. Когда он впервые обнаружил в себе сие странное ощущение, он удивился; умом понимая, что они машины, он все равно эмоционально на них реагировал.

К примеру, Рейчел Роузен. Нет, решительно сказал он себе, она слишком худая, плоская и неинтересная. Даже грудь неразвита, как у маленькой девочки. Он выберет себе экземпляр получше. Что там сказано в информе Любы Люфт, сколько ей лет?

Он вытащил пачку листков, нашел данные на Любу Люфт, заглянул в графу «возраст». Конечно же, «так называемый».

«Двадцать восемь»,— указывалось в графе. Но сделать окончательный вывод можно будет лишь при личной встрече, в контактах с анди это единственный надежный стандарт.

«Удачно, что я хоть что-то знаю об опере,— отметил Рик.— Вот и еще одно мое преимущество перед Дейвом: у меня более высокий культурный уровень. Я попытаюсь сам прихватить еще одного анди, прежде чем обращусь за помощью к Рейчел. Если, конечно, мисс Люфт не окажется исключительно трудным объектом». Но интуиция почему-то подсказывала ему, что с певицей не возникнет проблем. Полоков считался самым опасным из восьмерки; остальные, не зная, что охота на них началась, будут с удивлением озираться вокруг, и он положит их рядком, одного за другим.

Приближаясь к изысканно украшенной, просторной крыше здания оперного театра, он громко напевал попурри из арий, по мере возможности вставляя в несвязный текст итальянские слова, которые вспоминал даже без модулятора настроения, без «Пенфилда», который всегда старался держать под рукой. Самочувствие Рика, его внутреннее состояние перешло в сплошной оптимизм и ликование.

Глава 9

Старинное здание оперного театра было вырезано — в форме брюха кита — из стали и камня; Рик Декард попал на репетицию и сразу же окунулся в многозвучную смесь голосов и оркестровых нот; он мгновенно узнал мелодию — «Волшебная флейта» Моцарта, последняя сцена первого акта. Мавры-рабы, другими словами — хор, вступили на несколько тактов раньше, сбив очарование несложного ритма волшебных колокольчиков.

Рик уселся в одно из кресел бельэтажа; внимания на него никто не обратил. «Приятная неожиданность,— улыбнулся Рик.— "Волшебная флейта" — одна из моих самых любимых опер». На сцене Папагено, в фантастического вида балахоне из птичьих перьев, присоединился к Памине, чтобы спеть четверостишие, от которого у Рика на глаза накатывались слезы, когда бы и где бы ему ни приходилось его услышать или вспомнить:

Если храбрость обретешь —
Колокольчики найдешь.
В них позвонишь, и тогда —
Враг исчезнет без труда.

«А в реальной жизни,— подумал Рик,— нет волшебных колокольчиков, которые могут без особых усилий заставить исчезнуть ваших врагов. К сожалению, Моцарт, вскоре после того как написал "Волшебную флейту", умер — на четвертом десятке — от какого-то заболевания почек. И похоронен был во рву вместе с бродягами и самоубийцами».

Размышляя над этим, Рик с удивлением подумал: а обладал ли Моцарт интуицией, предчувствовал ли он, что будущего не существует, что он уже израсходовал мизер отпущенного ему времени? «Возможно, я тоже израсходовал? — спросил себя Рик, наблюдая за продолжающейся репетицией.— Репетиция закончится, закончатся спектакли, умрут исполнители, и в конце концов будет уничтожена так или иначе последняя музыкальная нота; в итоге табличка с именем "Моцарт" рас-

творится под слоем всепобеждающей пыли. Если и не на Земле, то на другой планете. Мы не можем предотвратить падения в пропасть, мы можем лишь ненадолго его отсрочить. Так и анди: они могут какое-то время ускользать от меня, но все равно попадутся. Или мне, или другому охотнику за премиальными. Ведь я,— вздохнул Рик,— часть разрушающей мир энтропии. "Роузен Ассошиейшн" создает, а я разрушаю. А как иначе назвать мою работу?»

На сцене Папагено и Памина теперь пели дуэтом. Рик, прервав размышления о силах зла, обратил слух к голосам на сцене.

Папагено: Дитя мое, что нам теперь сказать?

Памина: Лишь правду, что еще сказать?

Подавшись вперед, Рик внимательно изучал Памину и ее платье, волнами ниспадавшее с плеч. Сверившись с информом, Рик удовлетворенно откинулся на спинку кресла. «Сижу и спокойно рассматриваю своего третьего андроида "Нексус-6",— заключил он,— Любу Люфт. Ирония судьбы, но ее роль навевает сентиментальные чувства. Конечно же, такой жизнерадостный и симпатичный андроид едва ли сознается, кто он на самом деле».

Люба Люфт пела на сцене, а Рик поражался богатству ее голоса; сравнивая с записями старых мастеров, он мог с уверенностью сказать, что она ни в чем им не уступает. В «Роузен Ассошиейшн» потрудились на славу, этого нельзя не отметить. И он вновь осознал себя, sub specie aeternitatis*, разрушителем, порождением того, что видит и слышит. «Возможно, чем лучше она функционирует, чем лучше поет, тем нужнее я. Если бы андроиды оставались субстандартными, как древние Кью-40 (изготовитель — «Дерейн Ассошиейшн»), то не возникло бы дополнительных проблем и никому не понадобилось бы мое искусство их усыплять. И все же — когда удобнее будет с ней покончить? — подумал он.— Как только закончится репетиция и она направится в гримерную».

Первый акт завершился, репетицию на время прервали. Дирижер объявил, что репетиция продолжится через полтора часа, и первым вышел из зала; музыканты, аккуратно сложив инструменты, последовали за ним. Поднявшись на ноги, Рик направился за сцену, где располагались артистические уборные.

---

* С точки зрения вечности *(лат.)*.

Он плелся в хвосте группы музыкантов, раздумывая и выжидая, когда наступит «его время».

«Да, так и поступлю, покончу с ней как можно быстрее. Минимум затраченного времени и вопросов. Как только я буду полностью убежден...» Но технически это произойдет лишь в тот момент, когда закончится тест. «Ведь может случиться, что Дейв заблуждался на ее счет,— предположил Рик.— Надеюсь, что он ошибался, но... едва ли». К тому же профессиональное чутье уже выдало ему заключение. А оно ни разу не подводило... за долгие годы работы в Управлении.

Остановив статиста, Рик спросил, где находится гримерная мисс Люфт; статист, одетый в костюм мавра-раба, указал. Рик подошел к двери. Небольшой листок с надписью чернильными буквами гласил: «МИСС ЛЮФТ. ВХОД ПОСТОРОННИМ ВОСПРЕЩАЕТСЯ».

Рик постучал в дверь.

— Войдите.

Он вошел. Возле гримерного стола сидела девушка; на ее коленях лежала раскрытая папка с нотами; девушка, изучая партитуру, делала в ней пометки шариковой ручкой. Она по-прежнему была одета в костюм Памины, лишь шляпка с вуалью лежала на соседнем стуле.

— Да? — Она вопросительно подняла глаза от партитуры.— Вы же видите, я занята.

Ее светло-коричневые и неправдоподобно большие, за счет сценического грима, глаза неотрывно следили за Риком. Говорила Люба Люфт без всякого акцента.

— Вы поете лучше, чем Шварцкопф,— сказал Рик.

— Кто вы? — Голос ее прозвучал холодно и враждебно... и еще Рик ощутил другой холод, которым веяло от всех андроидов. Всегда одно и то же: мощный интеллект, возможность добиться цели и... холодность, которая вызывала у него чувство сожаления. И все же без этой особенности он не смог бы их выслеживать.

— Я из полицейского управления Сан-Франциско.

— О-о? — Ее огромные ореховые глаза остались спокойны, она даже не моргнула.— По какому делу вы здесь? — Почему-то в ее тоне чувствовалась снисходительность.

Усевшись в ближайшее кресло, Рик расстегнул портфель:

— Меня прислали провести стандартный профильный тест. Я оторву вас от работы всего на несколько минут.

— Это так срочно? — Она показала Рику партитуру в переплете.— Я не успела изучить даже половину...— В ее голосе кроме наигранного раздражения прозвучали нотки страха.

— Да, срочно,— ответил Рик и, достав части тестера Войт-Кампфа, начал собирать устройство.

— Тест на интеллект?

— Нет, на эмпатию.

— В таком случае мне лучше надеть очки.— Она потянулась, чтобы открыть ящик стола.

— Если вы без очков изучаете партитуру, то они не понадобятся вам и для теста. Я покажу несколько картинок и задам ряд вопросов.— Он встал, подошел к девушке, прикрепил к ее сильно напудренной щеке адгезивную пластинку с датчиками.

— И еще свет,— сказал он, устанавливая тонкий луч под соответствующим углом.— Ну вот и все.

— Вы предполагаете, что я андроид? Вы проверяете меня? — спросила она почти шепотом.— Я не андроид! Я никогда не была на Марсе! Я ни разу в жизни даже не видела андроидов! — Ее длинные накладные ресницы непроизвольно задрожали; он отметил, что она пытается взять себя в руки, стараясь казаться спокойной.— Вы получили информацию, что в труппе скрывается андроид? Я была бы рада помочь вам... Ведь будучи андроидом, я разве предложила бы свою помощь?

— Андроид,— спокойно объяснил Рик,— не заботится о судьбе другого андроида и андроидов в целом. Это одна из характерных черт, по которой мы их определяем.

— В таком случае,— сказала мисс Люфт,— вы — андроид.

Ее вывод ошарашил Рика, и он уставился на девушку.

— Вы андроид,— продолжала она,— потому что ваша работа заключается в том, чтобы убивать других андроидов, не так ли? Вы, как же их называют?..— Девушка напряженно задумалась.

— Я — охотник за премиальными,— подсказал Рик.— Но я не андроид.

— Этот тест, которым вы хотите меня проверить,— теперь она говорила спокойно; уверенность и рассудительность вернулись к ней.— Вы сами проходили его?

— Да,— кивнул Рик.— Давным-давно, когда впервые появился в Управлении, устраиваясь на работу.

— Возможно, это ложная память. Разве вам не встречались андроиды с ложной памятью?

— Мое начальство уведомлено о данном тесте. Меня уполномочили провести его,— строго и официально ответил Рик.

— Возможно, что когда-то существовал человек, внешне похожий на вас, но вы убили его и заняли его место. О чем ваше начальство даже не догадывается.— Она улыбнулась так, будто призывала согласиться со своим невероятным предположением.

— Давайте не будем спорить, а начнем тест.— Он достал листки с вопросами.

— Я пройду тест,— упрямо произнесла Люба Люфт,— только после вас.

Он еще раз внимательно на нее посмотрел: девушка явно пыталась сбить его с толку.

— Неужели моя просьба несправедлива? — продолжала девушка.— После теста я поверю вам. А так... я не знаю — вы кажетесь необычным, странным и жестоким.— Она передернула плечами, как от холода, но тут же улыбнулась. Многообещающе.

— Вы не сможете провести тест Войт-Кампфа. Он требует значительного опыта. А теперь, пожалуйста, внимательно слушайте. Вопросы связаны с обычными жизненными ситуациями, в которых каждый из нас может оказаться; мне надо получить от вас совершенно точный ответ — как вы поступите в той или иной ситуации. И самое главное — отвечайте как можно быстрее. Учтите, время ответной реакции фиксируется.— Рик задал ей первый вопрос: — Вы сидите, спокойно смотрите ТВ и вдруг замечаете, что по вашему запястью ползет оса.— Рик сверился с часами, считая секунды, потом с близнецами индикаторами.

— Что такое оса? — спросила Люба Люфт.

— Насекомое, которое летает и жалит.

— О, как странно! — Ее потрясающие глаза расширились, как у удивленного ребенка, который неожиданно для себя столкнулся с великой тайной мироздания.— Неужели они до сих пор существуют? Я никогда не видела осы.

— Они все давно вымерли из-за пыли. Вы действительно не знаете, что такое оса? Я думаю, вы должны были застать те времена, когда осы...

— Вы не могли бы перевести на немецкий? — попросила Люба Люфт.

Он попытался вспомнить, как будет по-немецки «оса», но безуспешно.

— Вы отлично знаете английский,— рассердился Рик.

— Я говорю без акцента,— уточнила девушка,— потому что учила партии, когда исполняла произведения Перселла, Уолтона и Воан-Уильямса. Но мой словарный запас невелик.— Она робко посмотрела на Рика.

— Wespe,— сказал он, вспомнив немецкое слово.

— О да, eine Wespe*! — девушка рассмеялась.— Так что вы меня спрашивали? Я уже позабыла...

— Давайте перейдем к другому вопросу,— предложил Рик: после минутного препирательства невозможно проверить, адекватна ли реакция.— Вы смотрите старое кино по ТВ, снятое до войны. Показывают сцену: банкет,— он решил пропустить первую часть вопроса,— основное блюдо за обедом — вареная собака, фаршированная рисом.

— Никому не придет в голову убивать и есть собаку,— возразила Люба Люфт.— Живая собака, должно быть, стоит целое состояние. Ага, я догадалась, это была поддельная собака — эрзац. Я права? Но ведь они сделаны из проводов и электромоторов: разве провода и железо уже едят?

— Кино снято до войны,— раздраженно уточнил Рик.

— Но я родилась после войны.

— Поэтому не могли не видеть старые фильмы по ТВ.

— Наверное, фильм снимали на Филиппинах?

— Почему вы так думаете?

— Потому что именно на Филиппинах,— пояснила Люба Люфт,— было принято варить собак и фаршировать их рисом. Я вспомнила, что читала книгу...

— Нужен ваш ответ,— перебил Рик.— Я хочу получить от вас социальную, эмоциональную и моральную реакции.

— На тот фильм? — переспросила она, уточняя.— Я бы не стала его смотреть, а переключила бы телевизор на Бастера Френдли.

— Почему вы переключите ТВ на другую программу?

— Кому придет в голову,— возбужденно произнесла Люба Люфт,— смотреть старый фильм, снятый на Филиппинах? Разве на Филиппинах происходило что-нибудь интересное, кроме Батанского марша смерти? Разве у вас возникнет желание его смотреть? — Она возмущенно посмотрела на Рика. Стрелки индикаторов дергались, как им заблагорассудится, во все стороны.

После некоторой паузы он осторожно перешел к следующему вопросу:

---

* Оса *(нем.)*.

— Вы сняли в аренду небольшой домик в горах.

— Да,— кивнула она.— Продолжайте. Я готова вас выслушать.

— На территории сохранившейся зеленой зоны...

— О, будьте любезны.— Она коснулась указательным пальцем мочки уха, как бы извиняясь за непонятливость.— Я никогда не слышала этот термин, который вы произнесли.

— Территория, где все еще растут деревья и кусты. Домик сколочен из шершавых еловых стволов, а внутри из камней выложен камин. По стенам кто-то развесил старые карты, гравюры Курье и Айвса, а над камином прикреплена голова оленя-самца с огромными рогами. Ваши друзья восхищаются декором домика и...

— Я не поняла, что такое «курье», «айве» и «декор»,— сообщила Люба Люфт; она нахмурилась и, казалось, пыталась раскопать в памяти значения этих слов.— Подождите.— Она подняла руку и со всей серьезностью сообщила: — С рисом, как в случае с собакой. Кэрри — это приправа для приготовления риса. По-немецки «карри».

Рик оказался не в силах определить: действительно Люба Люфт не разбирается в смысловых значениях или она попросту мутит воду?.. Рику было не с кем посоветоваться, поэтому он посоветовался сам с собой, после чего задал следующий вопрос. А что ему еще оставалось?

— У вас свидание с мужчиной,— прочитал он,— который в первый же вечер приглашает вас к себе домой. Вы приходите к нему...

— О, nein*,— перебила его Люба.— Меня там не будет, это очень легкий ответ.

— Но вопроса я еще не задал!

— Вы неправильно задали вопрос? Почему? Я поняла, о чем вы меня спрашивали; почему вы говорите, что неправильно спросили, если я все поняла? Или я не должна понимать вопроса? — Она занервничала и легким движением руки, как будто смахивая со щеки прядку волос, уронила на пол адгезивную пластинку с датчиками. Пластинка упала и закатилась под гримерный стол.— Ach, Gott**,— прошептала она и потянулась, чтобы поднять датчик. Послышался звук рвущейся ткани: ее сценический костюм оказался слишком тесен.

---

* Нет *(нем.)*.

** О боже! *(нем.)*

— Я сам подниму,— сказал Рик, отодвигая Любу в сторону; опустившись на колени, он долго шарил рукой под столом, пока не нашел диск.

Поднявшись на ноги, он неожиданно обнаружил, что смотрит в отверстие лазерного пистолета.

— Ваши вопросы,— произнесла Люба Люфт бесстрастным скрипучим голосом,— как и следовало ожидать, сползли на тему секса. Вы не из Управления полиции, как представились мне, вы ненормальный, свихнувшийся на почве секса.

— Вы можете посмотреть мое удостоверение,— сказал Рик и потянулся к карману пальто. Рука, как и во время «беседы» с Полоковым, начала дрожать.

— Если вы прикоснетесь к одежде, я убью вас,— сообщила она.

— Вы все равно это сделаете,— ответил Рик, раздумывая, что произошло бы, возьми он с собой Рейчел Роузен. «А какой смысл думать о том, чего не случилось?»

— Сейчас посмотрим, что тут за вопросы.— Люба протянула руку, и он неохотно передал ей пачку листов.— «В журнале вы наталкиваетесь на цветную, во весь разворот, фотографию голой женщины». Я так и предполагала. «Вы забеременели от мужчины, который обещал на вас жениться. Но он бросил вас и сбежал с другой женщиной, вашей лучшей подругой; вы делаете аборт и...» Суть ваших вопросов мне ясна. Я сейчас же звоню в полицию.

Держа Рика на мушке лазерного пистолета, она пересекла комнату, сняла трубку видеофона, набрала номер дежурного по Управлению.

— Полицейское управление Сан-Франциско? — спросила она.— Мне необходимо вызвать полицейского.

— Я поступил бы точно так же, и с не меньшим удовольствием,— заявил Рик, но все же ее решение показалось ему странным. «Почему она не пристрелила меня? Так просто... Как только прибудет патрульный полицейский, ее шансы сведутся к минимуму, вернее — к нулю. И все пойдет своим чередом».

«Она уверена, что она — человек,— решил он.— Она, вне сомнения, не знает, что она — анди».

Через несколько минут — Люба внимательно следила за ним и держала под прицелом лазерного пистолета — в гримерную вошел здоровенный, как буйвол, полицейский в старинной

голубой униформе (будто в сбруе) с длинноствольным пистолетом на поясе и звездой.

— Все нормально,— сказал он Любе.— Можете спрятать вашу игрушку.

Она опустила пистолет, полицейский взял ее оружие, чтобы проверить, заряжен лазер или нет.

— Итак, что здесь происходит? — спросил он девушку. Прежде чем она успела ответить, он повернулся к Рику и прогрохотал: — Кто вы такой?

— Он вломился в мою гримерную,— сказала Люба Люфт.— Я первый раз в жизни вижу этого типа. Он сказал, что проводит то ли исследование, то ли опрос и хочет задать мне ряд вопросов; ничего дурного не заподозрив, я согласилась, после чего он начал задавать мне крайне неприличные вопросы.

— Сейчас проверим ваше удостоверение,— проревел буйвол-полицейский и бесцеремонно полез Рику в карман пальто.

— Я охотник за премиальными и работаю в Управлении,— начал объяснять Рик, но полицейский не дал ему договорить. Внимательно осмотрев бумажник Рика, он категорично заявил:

— Я знаю всех охотников за премиальными. Вы говорите, что работаете в Управлении полиции Сан-Франциско, так?

— Мой непосредственный начальник — инспектор Гарри Брайант. Сейчас я прорабатываю список Дейва Холдена, потому что Дейв попал в больницу.

— Как я уже сказал, я знаю всех охотников за премиальными, которые работают в Управлении полиции Сан-Франциско,— повторил упрямый буйвол.— Но вас я не знаю.— Он протянул Рику удостоверение.

— Позвоните инспектору Брайанту,— подсказал Рик.

— Инспектора Брайанта не существует в природе,— отрезал буйвол.

— Вы андроид,— сказал Рик полицейскому.— Как и мисс Люфт.— Он подошел к видеофону и поднял трубку.— Я собираюсь вызвать Управление.

«Интересно,— подумал он,— что я успею предпринять, прежде чем пара андроидов остановит меня?»

— Номер Управления...— прорычал буйвол.

— Я знаю номер.— Рик набрал цифры, оператор-видеофонистка подключилась почти мгновенно.— Мне необходимо срочно поговорить с инспектором Брайантом,— сказал он.

— Сообщите, кто его вызывает.

— Рик Декард.— Он замер, ожидая ответа; между тем чуть в стороне от него голубой буйвол в сбруе записывал показания мисс Любы Люфт, не обращая на Рика никакого внимания.

После недолгой паузы на экране появилось лицо Гарри Брайанта; он увидел Рика и спросил:

— Что происходит?

— Какая-то дурацкая ситуация,— ответил Рик.— Одному из списка Дейва удалось сделать вызов и пригласить на помощь так называемого патрульного полицейского. Мне не доказать ему, кто я есть на самом деле; в ответ он твердит, что знает всех охотников в Управлении, а обо мне даже никогда не слышал.— Рик вздохнул и добавил: — Он и о вас ничего не знает.

— Я хочу с ним поговорить,— сказал Брайант.

— Инспектор Брайант хочет с вами поговорить.— Рик протянул буйволу трубку; полицейский перестал расспрашивать мисс Люфт и подошел к видеофону, чтобы взять трубку.

— Патрульный Крэмс,— резко представился буйвол. В ответ — тишина.— Алло? — Буйвол прислушался, повторил свое «алло» еще несколько раз, подождал, повернулся к Рику: — На линии никого нет. Никого нет и на экране.

Вырвав трубку из огромных лапищ буйвола, Рик крикнул:

— Мистер Брайант? — Потом прислушался, подождал — ничего. Тишина.— Я наберу еще раз,— сказал Рик, что тут же и проделал, подождал некоторое время, вновь набрал до боли знакомые цифры. Фон звонил, но никто не отвечал на вызов; а Рик все звонил и звонил.

— Дайте я попробую,— предложил патрульный Крэмс, забирая трубку у Рика.— Вы наверняка нажимаете не те цифры.— Он набрал.— Номер Управления — 842...

— Я знаю номер,— выпалил Рик.

— Вызывает патрульный Крэмс,— проревел буйвол в трубку видеофона.— Скажите, работает ли в Управлении инспектор по имени Брайант? — Короткая пауза, Рик ничего не слышал.— Хорошо, а как насчет охотника за премиальными, да, он называет себя Рик Декард? — Еще одна томительная пауза.— Вы уверены? Быть может, его приняли на службу совсем недавно? Да... да, понимаю. О'кей, большое спасибо. Нет, я полностью контролирую ситуацию.— Патрульный Крэмс попрощался, отключил видеофон и повернулся к Рику.

— Но я ведь буквально минуту назад соединился с ним,— запротестовал Рик.— Я разговаривал с Брайантом; он сказал,

что хочет поговорить с вами. Какое-то недоразумение с видеофоном, обрыв связи, неполадки... Разве вы не видели? Ведь я разговаривал, и лицо инспектора Брайанта смотрело на меня с этого вот экрана. А теперь он не соединяет и ничего не показывает! — Рик был сбит с толку и не понимал, что же происходит вокруг.

— Я записал показания мисс Люфт,— заключил патрульный Крэмс,— будет лучше, Декард, если мы отправимся во Дворец Правосудия, чтобы я смог снять показания также и с вас.

— О'кей,— согласился Рик. Специально для Любы Люфт он добавил: — Я очень скоро вернусь. Мы только начали тест.

— Он сексуальный маньяк.— Люба Люфт повернулась к патрульному Крэмсу.— От одного его вида я начинаю дрожать.— И ее действительно передернуло.

— Какую оперу вы репетируете? — спросил буйвол Крэмс.

— «Волшебную флейту»,— ответил Рик.

— Я не вас спрашивал. Я спрашивал ее.— Патрульный посмотрел на Рика с открытой неприязнью.

— Мне не терпится поскорее попасть во Дворец Правосудия,— пояснил Рик.— Необходимо как можно быстрее устранить возникшее недоразумение.— Он направился к выходу из гримерной, подхватив свой портфель.

— Перво-наперво я вас обыщу,— заявил патрульный Крэмс; он ловко и профессионально охлопал Рика, нашел у него и лазерный пистолет, и «Магнум». Буйвол-полицейский забрал их себе, а после того, как обнюхал ствол «Магнума», сказал:

— Из него совсем недавно был произведен выстрел,— заключил он.

— Правильно,— согласился Рик.— Я только что воспользовался им, чтобы усыпить анди. Останки все еще в моем каре, который припаркован на крыше.

— О'кей,— согласился патрульный Крэмс.— Поднимемся наверх и все осмотрим.

Они вышли в коридор, мисс Люфт проводила их до самой двери.

— Я надеюсь, что больше он не вернется. Я права, мистер Крэмс? Я в ужасе от него.

— Если в его ховере действительно лежит труп убитого им человека,— ответил Крэмс,— то он едва ли сможет вернуться.

Патрульный подтолкнул Рика в спину, вместе они поднялись на крышу оперного театра.

Открыв дверцу ховера Рика, патрульный Крэмс молча изучил тело Полокова.

— Андроид,— уточнил Рик.— Меня послали за ним, он едва не прикончил меня, представившись...

— Показания снимут с вас во Дворце Правосудия,— перебил патрульный Крэмс. Он втолкнул Рика в кабину своего кара, на кузове которого красовалась разборчивая надпись: «ПОЛИЦИЯ». Оказавшись внутри, рядом с Риком, он вызвал по внутренней связи еще одну патрульную машину, дав указание забрать останки Полокова.

— О'кей, Декард,— сказал Крэмс, включая зажигание.— Пора отправляться.

Патрульный кар с двумя пассажирами на борту стремительно взвился в небо и взял курс на юг.

«Все происходит,— отметил Рик,— совсем не так, как должно происходить». Патрульный Крэмс направил кар в противоположном направлении.

— Дворец Правосудия в другой стороне,— запротестовал Рик,— на Ломбард-стрит.

— Дворец Правосудия располагался там давным-давно,— ответил патрульный Крэмс,— а новое здание — на Мишен-стрит. То старое здание, оно уже, должно быть, полностью развалилось, одни руины. Никто не работает в нем уже много лет. Наверное, вы с тех самых пор даже не заходили туда отметиться?

— Отвезите меня на Ломбард-стрит,— взмолился Рик. Теперь он, кажется, понял всю суть происходящего, собственными глазами убедился, чего могут добиться андроиды, работая сообща. Скорее всего, он даже не доживет до конца полета, для него все происходящее — полный финиш; он очень скоро догонит Дейва, а вернее всего, перегонит его.

— А эта певичка — девчонка что надо,— неожиданно произнес Крэмс,— правда, из-за костюма трудно сказать, как там у нее насчет фигуры; но я все равно бы сказал, что она чертовски хороша.

— Признайтесь, вы — андроид? — попросил Рик.

— Чего это вдруг? Я не андроид. Вы, видать, шныряете по городу и убиваете людей, успокаивая себя мыслью, что они андроиды? Теперь мне понятно, почему мисс Люфт оказалась так сильно напугана. Ей действительно повезло, что она успела вызвать нас.

— Тогда доставьте меня во Дворец Правосудия на Ломбард-стрит.

— Я ведь уже сказал вам...

— Полет займет не более трех минут,— доказывал Рик.— Я хочу его увидеть. Каждый день я хожу туда на работу, именно туда; я хочу увидеть и убедиться, что его покинули десятилетие назад, как вы говорите.

— Возможно, вы андроид,— усмехнулся патрульный Крэмс,— с ложной памятью; это бывает чаще всего. Вы никогда не задумывались над такой возможностью?

Буйвол Крэмс гнал свой кар на юг, на его лице застыла свирепая улыбка.

Отдавая себе полный отчет в том, что он потерпел поражение и полностью провалился, Рик вжался в сиденье. И беспомощно ожидал, что же произойдет в следующую секунду. Что бы ни задумали анди, Рик находился в их руках на все сто процентов.

«Но одного из них я все-таки укокошил,— сказал он себе.— Я расправился с Полоковым. И еще двоих усыпил Дейв».

Приблизившись к Мишен-стрит, полицейский кар Крэмса сбавил скорость и пошел на посадку.

Глава 10

Здание Дворца Правосудия Сан-Франциско на Мишен-стрит возвышалось над близлежащими строениями; по периметру крыши, на которую нацелился патрульный ховер Крэмса, располагалось несколько остроконечных башенок в стиле барокко; Дворец — современное, хотя и несколько вычурное архитектурное сооружение — понравился Рику Декарду, за исключением одной небольшой детали: он видел это здание впервые в жизни.

Полицейский ховер припарковался на свободной площадке. А спустя пару минут с Рика снимали показания.

— Три ноль четыре,— доложил патрульный Крэмс сержанту, который сидел за столом в комнате для досмотра и регистрации задержанных.— И еще проверьте шесть один два дробь четыре. Выдавал себя за сотрудника Управления.

— Четыре ноль шесть дробь семь,— ответил сержант, заполняя стандартную форму протокола; писал он медленно, как в полудреме. Поза его, как и выражение лица, говорили — это не работа, а рутина, ежедневное мучение.

— Теперь — туда,— сказал патрульный Крэмс, подталкивая Рика к небольшому белому столику, за которым механик приготовился встретить задержанного.

— Энцефалоскоп,— сухо пояснил Крэмс,— для идентификации объекта.

— Знаю,— процедил Рик. В свое время он тоже работал патрульным и приводил для проверки чертову уйму подозрительных типов, с которых снимали энцефалопрофили. Он точно так же подталкивал их к белому столику, такому же, как этот, но и совершенно другому: тот столик остался на Ломбард-стрит.

С Рика сняли профильную энцефалограмму и препроводили в соседнее помещение — «комнату ожидания». «Черт, здесь все так же, как в Управлении,— подумал Рик,— и столик, и комната». Совершенно непроизвольно он начал составлять список ценных вещей, которые следует включить в завещание для Айрен. «Бессмыслица какая-то,— остановил он себя.— Кто все эти люди? Если данное Управление существует давно, почему мы ничего о нем не знали? И почему они ничего не слышали о нас? Два параллельно функционирующих полицейских агентства,— Рик затряс головой, пытаясь разобраться,— которые ни разу не вступили между собой в контакт, деятельность которых ни разу не пересеклась до настоящего момента, пока меня не арестовали. Или контакты имели место, возможно, эта встреча неожиданна только для меня? Очень странно. Трудно поверить, что на Ломбард-стрит ничего не знают о "втором" Управлении, если оно действительно существует в структуре государственной полицейской службы, если все эти люди действительно те, за кого себя выдают».

Мужчина, несомненно полицейский, но в штатском, долго стоял в стороне и наблюдал за Риком, потом подошел размеренным шагом и поинтересовался у патрульного Крэмса:

— Причина задержания?

— Подозревается в убийстве человека,— отчеканил Крэмс.— В его каре обнаружено обезглавленное тело. Однако он утверждает, что это останки андроида. Тело отправлено в лабораторию для анализа костного мозга. И еще, под видом офицера полиции, охотника за премиальными, он пробрался в артистическую уборную певицы Любы Люфт и задавал ей двусмысленные вопросы. У нее возникли определенные сомнения, и она обратилась к нам за помощью.— Отойдя на пару шагов в сторону, Крэмс спросил: — Возьмете его дело на доследование, сэр?

— Да,— ответил полицейский в штатском. «Инспектор»,— заключил Рик и внимательно осмотрел его: голубоглазый, с

вытянутым лицом, тонким носом и невыразительными бледными губами; инспектор в ответ оглядел Рика, указав на портфель, спросил:

— Что вы храните в нем, мистер Декард?

— Устройство для проведения профильного теста Войт-Кампфа,— ответил Рик.— Патрульный Крэмс задержал меня в тот момент, когда я тестировал подозреваемый объект.

Инспектор открыл портфель и внимательно изучил каждый элемент устройства.

— Вопросы, которые я задавал мисс Люфт, включены в стандартный вэ-ка-опросник, отпечатанный...

— Вы знаете Джорджа Глизана и Фила Реша? — перебил инспектор.

— Нет,— ответил Рик: оба имени ему ничего не говорили...

— Они охотники за премиальными в Северной Калифорнии. Оба прикреплены к нашему Управлению. Думаю, вы познакомитесь с ними, раз уж попали к нам. Вы андроид, мистер Декард? Почему я спрашиваю? Дело в том, что мы уже несколько раз сталкивались с подобной ситуацией; нам попадались сбежавшие анди, выдававшие себя за охотников, которые, якобы увлекшись погоней за подозреваемыми, случайно залетали в штат Калифорния из других городов.

— Я не андроид,— ответил Рик.— Можете проверить меня тестом Войт-Кампфа. Когда-то я уже тестировался, но готов пройти тест еще раз. Тем более что заранее знаю результат. Инспектор, я могу позвонить жене?

— Вам разрешен всего один вызов. Вы предпочитаете позвонить домой, а не своему адвокату?

— Я позвоню жене,— подтвердил Рик.— А она свяжется с моим адвокатом.

Полицейский инспектор достал из кармана пиджака пятидесятицентовый жетон для уличных фонов и протянул Рику:

— Видеофон вон там.

Внимательно, но спокойно он проследил за тем, как Рик пересек комнату, потом продолжил изучение содержимого портфеля.

Опустив жетон, Рик набрал домашний номер. Он стоял, ожидая ответа; казалось, между вызовом и включением экрана пролегла вечность.

На экране видеофона появилось женское лицо. «Привет!» — весело произнесла незнакомка. Рик никогда прежде не видел ее. Он повесил трубку и нехотя вернулся к инспектору.

— Неудачно? — поинтересовался тот.— Ладно, позвоните еще раз: не думайте, что мы завзятые формалисты. Единственная просьба — не вызывайте своего поручителя. Вы задержаны по подозрению в убийстве, закон не допускает залог или поручительство. Вот когда вам будет предъявлено обвинение, тогда...

— Знаю,— резко ответил Рик.— Я в курсе процессуальных норм.

— Ваш портфель,— сказал инспектор, протягивая его Рику.— Пройдемте в мой кабинет... Прежде всего мне хотелось бы задать вам ряд вопросов.— Он направился к одной из боковых дверей. Рик плелся следом. Резко остановившись и повернувшись, инспектор представился: — Гарленд,— и протянул руку; они обменялись рукопожатием. Крепким.

Когда они добрались до кабинета, Гарленд распахнул перед Риком массивную дверь, которая оказалась не заперта, вошел следом.

— Садитесь,— пригласил инспектор.

Рик опустился в кресло напротив стола.

— Тест Войт-Кампфа,— спросил Гарленд, — о котором вы упомянули,— он указал на чемодан Рика.— Все эти приборы, которые вы с собой таскаете...— инспектор набил трубку, раскурил, глубоко затянулся,— аналитическое устройство для определения анди?

— Тест Войт-Кампфа — наш базовый тест,— ответил Рик.— Единственно надежный, который мы используем в данный момент, определяя новый тип мозга «Нексус-6». Вы ничего не слышали об этом тесте?

— Я знаю несколько профильно-аналитических шкал, помогающих обнаруживать андроидов. Но ваш тест мне незнаком.

Инспектор продолжал внимательно изучать Рика; Рик попытался догадаться, о чем думает Гарленд, но лицо инспектора — невыразительные расплывчатые линии — хранило бесстрастность.

— Вы действуете согласно списку,— продолжал Гарленд.— Очень плохие копии... но я разобрал. Это и есть ваше задание? Информы на Полокова, на мисс Люфт, да? Между прочим, следующий в списке — я.

Рик уставился на инспектора, схватил, поставил на колени и судорожно раскрыл портфель.

Секундой позже он разложил перед собой листки: Гарленд оказался прав, Рик внимательно перечитал информ на инспек-

тора. Оба — и Гарленд, и Рик — долго молчали, пока инспектор, хорошенько прокашлявшись, не заговорил.

— Малоприятная новость,— сообщил он,— обнаружить себя, вот так внезапно, в списке на усыпление, который лежит у охотника за премиальными, сидящего в твоем кабинете напротив тебя.

Он включил интерком и спросил:

— Кто-нибудь из наших охотников на месте? Все равно кто. Да, спасибо.— Он повернул ключ внутренней связи.— Фил Реш будет здесь через минуту,— сообщил он Рику.— Сначала мы заглянем в его список подозреваемых, а потом продолжим разговор.

— Вы думаете, я могу оказаться в его списке? — удивленно спросил Рик.

— Вполне вероятно. Мы узнаем это очень скоро. В таких щекотливых ситуациях следует получать точную информацию, а не полагаться на слепой случай. В вашем информе я фигурирую не как полицейский инспектор, а как служащий страховой компании. Остальные пункты полностью совпадают: физические параметры, рост, внешность, привычки, домашний адрес, даже хобби. По описанию это я, все верно. Да вот, сами убедитесь.— Он подтолкнул листок Рику, который тут же уткнулся в напечатанные данные.

Дверь в кабинет распахнулась, и вошел высокий мужчина, не просто худой, а костлявый, с резко очерченными скулами, в массивной оправе и с топорщащейся бородкой, как у Ван-Дейка. Гарленд поднялся и представил Рика:

— Фил Реш, это Рик Декард. Тоже охотник за премиальными. Думаю, вам самое время познакомиться.

Обменявшись рукопожатием, Фил Реш спросил:

— Из какого города, если не секрет?

Гарленд, опередив Рика, ответил:

— Из нашего. Из Сан-Франциско. Представляешь? Вот список на усыпление, а это — прочитай-ка.

Он передал Филу Решу информ, который минуту назад изучал Рик. Информ с точным описанием Гарленда.

— Послушай, Гар,— удивленно произнес Реш.— Да ведь это ты!

— Угу,— согласился инспектор.— Здесь много любопытных документов. И не только на меня. Вот данные на Любу Люфт, оперную певицу, она тоже в списке. Вторым номером. После

Полокова. Ты помнишь Полокова? Он уже мертв: этот наш охотник за премиальными — или андроид, или кто бы он ни был! — прихватил Полокова. Лаборатория сейчас проводит анализ костного мозга, чтобы выяснить, имел ли он основания...

— Я пару раз беседовал с Полоковым,— задумчиво произнес Фил Реш, теребя всклокоченную бородку.— Этакий Санта Клаус из советской полиции? Думаю, идея провести анализ его костного мозга не лишена смысла.

— Почему ты так говоришь? — озадаченно спросил Гарленд.— Это главная улика, благодаря которой мы можем обвинить «человека», называющего себя Декард, в убийстве; иначе получается, что он всего-навсего усыпил очередного анди!

— Полоков неприятно поразил меня своим хладнокровием,— объяснил Реш.— Исключительно расчетливый, предусмотрительный и все время настороже.

— Большинство советских полицейских именно так и выглядят,— ответил Гарленд. Стало очевидно, что инспектор уязвлен характеристикой, которую Реш дал Полокову.

— С Любой Люфт я не встречался, только слышал ее записи,— продолжал Реш. Повернувшись к Рику, он спросил: — Вы успели ее проверить?

— Я только приступил к тесту,— объяснил Рик,— задал два-три вопроса. Ей удалось вызвать этого патрульного буйвола, Крэмса, который арестовал меня.

— А Полоков? — поинтересовался Фил Реш.

— Он не оставил мне ни малейшего шанса для проверки.

Фил Реш кивнул и произнес вслух, но скорее всего, себе самому:

— Насколько я могу судить, у вас не было также возможности проверить нашего инспектора Гарленда.

Гримаса негодования исказила лицо инспектора, и он возмущенно воскликнул:

— Конечно же нет! — Голос прозвучал резко, как будто взорвался острыми осколками.

— Чем вы пользуетесь? — поинтересовался Фил Реш, не обращая внимания на инспектора.

— Профильной шкалой Войт-Кампфа.

— Никогда о ней не слышал.

Рик внимательно следил и за Решем, и за Гарлендом, отметив, что оба полицейских напряженно и стремительно решают свои профессиональные задачи, но каждый из них — инспектор и охотник — анализируют разные уравнения.

— Я всегда говорил,— продолжал Реш,— что самое надежное место для сбежавшего андроида — работа в структуре такой мощной полицейской организации, как ВПУ. С того дня, как я увидел Полокова, у меня прямо руки чесались, так хотелось его проверить, но не представилось повода. Да и как такой повод мог бы представиться? Самая надежная работа для андроида — место полицейского,— повторил Реш.

Медленно поднявшись на ноги, инспектор Гарленд пристально, глаза в глаза, посмотрел на Фила Реша и спросил:

— А меня тебе тоже всегда хотелось проверить?

Мимолетная ухмылка прошмыгнула по лицу Фила Реша. Он открыл было рот, чтобы ответить, но замолчал раньше, чем начал говорить: как будто некто, сидящий у него внутри, одернул его. Он промолчал, но в то же время оставался спокоен, в отличие от инспектора, в глазах которого вспыхнула злость.

— По-моему, ты плохо разобрался в ситуации,— произнес Гарленд.— Этот человек или андроид Рик Декард явился к нам из галлюцинации — из иллюзорного, несуществующего полицейского агентства, которое, как он утверждает, все это время работало, занимая старое здание Управления на Ломбард-стрит. Он ничего не знает о нас, мы — о них, хотя мы работаем, что называется, на одной улице. Далее, он пользуется тестом, о котором мы даже не слышали. В списке, который у него нашли, не андроиды, а человеческие существа. Он уже убил одного, хорошо еще, если только одного. Слава богу, мисс Люфт повезло, и она вызвала патрульного, иначе этот тип уже пристрелил бы и ее, а в данный миг шнырял бы где-то поблизости, вынюхивая, как подобраться ко мне.

— Хм-м-м,— то ли в задумчивости, то ли наигранно промычал Фил Реш.

— Хм-м-м,— рассерженно передразнил его Гарленд. Выглядел он так, будто его вот-вот хватит апоплексический удар.— И это все, что ты можешь мне ответить?

Интерком ожил, и женский голос сообщил:

— Инспектор Гарленд, вызывает лаборатория. Готов отчет анализа трупа Полокова.

— Думаю, нам всем стоит прослушать заключение,— сказал Фил Реш.

Гарленд посмотрел на Реша так, будто собирался, не пользуясь лазерным пистолетом, прожечь того насквозь. Потом он опустился в кресло, повернул ключ интеркома:

— Слушаю вас, мисс Френч.

— Анализ костного мозга,— сообщила мисс Френч,— доказывает, что мистер Полоков был гуманоидным роботом. Если вам требуются более подробные данные...

— Спасибо, этого больше чем достаточно,— Гарленд откинулся в кресле, мрачно окунувшись в созерцание противоположной стены кабинета; он ничего не сказал ни Рику, ни Филу Решу.

— На чем основан тест Войт-Кампфа, мистер Декард? — поинтересовался Реш.

— Эмпатический ответ на разнообразные житейские ситуации. В основном проверяется отношение к животным.

— Наш гораздо проще,— сообщил Реш.— Рефлекторный ответ ганглиев грудного отдела спинного мозга. У гуманоидных роботов, в отличие от людей, наблюдается задержка в несколько микросекунд.— Подойдя к столу инспектора Гарленда, Реш взял чистый лист бумаги, шариковую ручку и начертил упрощенную схему.— В качестве раздражителя — звуковой сигнал или фотовспышка. Испытуемый нажимает кнопку анализатора, я фиксирую время задержки между звуковым или световым воздействием и ответной реакцией. Конечно же, мы замеряем ответ несколько раз. Обычно после десяти измерений мы получаем надежный результат для вывода. Далее, как в случае с Полоковым, проводится дополнительный анализ костного мозга.

После непродолжительной, но тягостной паузы Рик спросил:

— Вы можете проверить меня?

— Само собой,— ответил ему Реш, внимательно наблюдая за инспектором.

— Я готов,— продолжал Рик.— Конечно, я хотел бы проверить и вас. Если не возражаете.

— Нет. Я тысячу раз повторял,— пробормотал Реш,— что рефлекторный тест Бонелли должен, прежде всего, регулярно проводиться среди полицейских; причем чем выше чин, тем чаще проверка. Я ведь говорил это, а, инспектор?

— Да,— подтвердил Гарленд.— А я всегда выступал против. Я и сейчас считаю, что подобные проверки ухудшают психологический климат среди сотрудников Управления.

— Но теперь,— сказал Рик,— вы не станете возражать? Особенно после того, как мы получили лабораторные результаты на Полокова?

— Нет, не стану,— ответил Гарленд и наставил палец на охотника за премиальными Фила Реша: — Но предупреждаю тебя заранее, что результаты теста не придутся тебе по вкусу.

— Разве результаты заранее известны? — спросил Реш; было заметно, что он удивлен и даже расстроен.

— Знаю наверняка,— заверил инспектор Гарленд.

— О'кей,— кивнул Реш.— Схожу наверх и принесу тестор Бонелли.— Он пересек кабинет, распахнул дверь и вышел в коридор. Повернувшись, он сообщил Рику: — Я вернусь минуты через три-четыре,— после чего захлопнул дверь.

Инспектор Гарленд выдвинул правый верхний ящик стола, вытащил лазерный пистолет и, неторопливо приподняв, направил его на Рика.

— Ваш выстрел ничего не изменит,— сказал Рик.— Реш проведет анализ моего костного мозга, как в случае с Полоковым, а потом заставит пройти — как вы называете? — рефлекторный тест Бонелли прежде всего вас, инспектор.

Лазерный пистолет застыл в руке инспектора, Гарленд произнес:

— Да, сегодняшний день не самый удачный. Особенно когда я понял, кого доставил Крэмс; сработала интуиция, и я перехватил вас.

Гарленд медленно опустил пистолет. Он судорожно перекладывал его из руки в руку, но в итоге положил на прежнее место, в верхний ящик стола, задвинул ящик, закрыл на ключ, а ключ опустил в карман пиджака.

— Что мы, все трое, узнаем о себе после тестов? — спросил Рик.

— Идиот Реш,— процедил Гарленд,— проклятый идиот...

— Он действительно не знает?

— Он даже не подозревает. У него даже в мыслях нет... Иначе он бы не смог стать охотником, это работа для андроидов, люди здесь не годятся.— Гарленд махнул на портфель Рика: — Ваши информы на подозреваемых, которых вы собираетесь протестировать и усыпить. Я знал их. Всех.— После паузы он продолжил: — Мы прилетели с Марса все вместе, на одном корабле. Без Реша. Он задержался на неделю, ему ввели синтетическую память.— Гарленд надолго замолчал.

Андроид Гарленд...

— Как он поступит, когда узнает? — спросил Рик.

— Не имею ни малейшего представления,— рассеянно произнес Гарленд.— Хотя с точки зрения абстрактного мышления вопрос чрезвычайно интересен. Реш способен убить меня, убить вас, способен просто застрелиться. Или начать убивать всех подряд — и людей, и андроидов, без разницы. Я допускаю любое развитие событий, андроид с ложной памятью способен на все. Особенно если считает себя человеком.

— И все же ложная память — риск или шанс выжить?

— Конечно же шанс,— подтвердил Гарленд.— И еще больший риск — освобождение и побег на Землю, где нас даже за животных не считают. Здесь любой червяк и лесной вонючий клоп дороже и желаннее всех нас, вместе взятых! — Гарленд на несколько секунд прервался, прикусив нижнюю губу, которая начала дрожать.— Для вас будет лучше, если Фил Реш пройдет тест Бонелли, и пусть он проверит только меня. В этом случае ситуация предсказуема: для Реша я стану очередным анди, которого следует усыпить как можно быстрее. Да и у вас возникнут трудности, Декард. Такие же, как у меня. Знаете, где я прокололся? Я не знал, кто такой Полоков. Должно быть, он сбежал раньше нас. Несомненно, он сбежал намного раньше нас. С другой группой, о которой мы ничего не знали. Когда я прибыл на Землю, он уже внедрился в структуру ВПУ. Позволив провести анализ его костного мозга, я рисковал. Как и Крэмс, притащив вас сюда.

— Полоков едва не прикончил меня,— сообщил Рик.

— Да, у него прослеживались явные отклонения. Не думаю, что тип его мозга отличался от моего; скорее всего, он был иначе активирован, или с другой скоростью, или в другой последовательности. В итоге — иной тип мышления, непонятный даже нам. Но очень оригинальный. Возможно, даже излишне оригинальный.

— Когда я звонил домой,— сказал Рик,— я не соединился с женой. Почему?

— В этом здании замкнутая система связи. Какой бы номер вы ни набрали, вы соединитесь с одним из кабинетов здания. Гомеостатический механизм, за счет которого мы существуем, Декард. Мы как круг, как петля — полностью отрезаны от Сан-Франциско. Мы знаем о том, что вокруг нас город, но город не знает, что внутри него мы. Иногда случайный посетитель вроде вас забредает к нам или, как в вашем случае, доставляется сюда... в целях самозащиты.— Он указал на дверь

дрожащей рукой: — Ага, вернулся наш ретивый работник Фил Реш и принес с собой тест «хэнди-денди»*. Не правда ли, он у нас большой выдумщик? Только он мог придумать способ уничтожить и себя, и меня, и, судя по всему, вас.

— Вы, андроиды,— заметил Рик,— никогда не приходите друг другу на помощь в критических ситуациях.

— Вы правы,— жестко ответил Гарленд.— Должно быть, наша беда в том, что в нас отсутствует эмпатия.

Дверь кабинета резко распахнулась — в проеме застыл Фил Реш, держа в руках незнакомое Рику устройство, провода которого свисали почти до пола.

— А вот и мы,— произнес он и, войдя в комнату, ботинком захлопнул за собой дверь; подключив к энергосети прибор, он сел перед анализатором.

Инспектор резко приподнял правую руку и нацелил ее на Реша. В тот же миг Фил Реш — Рик Декард последовал его примеру — бросился на пол и перекатился на спину, успев в падении выхватить лазерный пистолет и выстрелить.

Луч, направленный опытной рукой, за долгие годы отработавшей искусство усыпления, выжег аккуратное отверстие в черепе инспектора. Гарленд повалился головой вперед на стол, из его руки вылетел миниатюрный излучатель. Труп медленно сполз со стола на стул и, как мешок с костями, тяжело повалился боком на пол.

— Он забыл,— сказал Реш,— что это моя работа. Я могу почти точно предсказать, как поведет себя андроид. Полагаю, это свойство выработалось и у вас за время службы.— Он спрятал пистолет, нагнулся и внимательно осмотрел останки своего бывшего начальника.— Что он вам сказал, пока я отсутствовал?

— Что он — андроид. И что вы...— Рик запнулся, крепко задумавшись; голова загудела, анализируя, просчитывая, отбирая варианты; он быстро сообразил, как построить фразу,— ...вот-вот поймете, что он андроид,— выкрутился Рик,— поймете всего через несколько минут.

— Что-нибудь еще?

— Здание контролируется андроидами.

Фил Реш занялся анализом ситуации:

— Значит, нам будет не так-то просто улизнуть. Номинально мне разрешен вход-выход в любое время, когда за-

---

* «Хэнди-денди» — детская игра «В какой руке» *(англ.)*.

благорассудится. И я имею право вести с собой задержанного.— Фил Реш прислушался — ни единого подозрительного звука из коридора.— Остается надеяться, что никто ничего не заметил. Видимо, в этом кабинете не был поставлен «жучок» для подслушивания разговоров, как обычно...— Он осторожно пихнул тело андроида носком ботинка.— Удивительно, но работа охотника вырабатывает в вас необыкновенную способность к предвидению; я знал еще до того, как открыл дверь, что он выстрелит в меня. Откровенно говоря, меня удивляет, что Гарленд не прикончил вас, пока я ходил наверх за прибором.

— Взаимно,— вздохнул Рик и пояснил: — Он держал меня на мушке мощного полицейского лазера, молча обдумывая какие-то личные трудности. Очевидно, вы беспокоили его сильнее, чем я.

— Андроид бежит туда, куда его гонит охотник,— произнес Реш без тени улыбки.— Вы уже осознали, что необходимо быстро вернуться в театр, чтобы прихватить андроида «Любу Люфт» прежде, чем из этого здания ей сообщат об опасности. Скажите, вы тоже не считаете их за живых существ?

— Да, какое-то время я думал только так,— подтвердил Рик.— Во мне просыпалась совесть и мучила меня, кляня работу, которой я вынужден заниматься; это была моя защитная реакция прежде всего от самого себя, поэтому я думал о них, как о неодушевленных предметах, и сразу же на душе становилось легче и спокойнее. Но теперь у меня отпала необходимость успокаивать совесть. Вы правы, я сейчас же направлюсь обратно в оперный театр. При условии, что вы поможете мне выбраться отсюда.

— Если усадить Гарленда на стул,— предложил Реш, что тут же и проделал: приподнял тело андроида, посадил на стул, придав рукам, туловищу и голове вполне естественные позы.— Если не приближаться и не присматриваться...— Фил Реш включил интерком и передал инструкцию по внутренней связи: — Инспектор Гарленд просит не беспокоить его вызовами в ближайшие полчаса. Мы проводим вместе с ним очень важный следственный эксперимент.

— Да, мистер Реш.

Отключив интерком. Фил Реш обратился к Рику:

— Пока мы внутри здания, мне придется надеть на вас наручники. Но как только мы выберемся на свежий воздух, я,

естественно, тут же их сниму.— Он достал наручники и соединил правое запястье Рика со своим левым.— Пошли. Надо смываться отсюда как можно быстрее.— Он сделал глубокий вдох, расправил плечи и пинком открыл дверь.

Полицейские в форме стояли и сидели по всему вестибюлю, занимаясь своей ежедневной рутинной работой. Никто из них не взглянул или, по крайней мере, сделал вид, что не обратил ни малейшего внимания на то, как Фил Реш сопровождал Рика к лифту.

— У нас могут возникнуть трудности,— прошептал Реш, пока они ждали, когда опустится кабина лифта,— в том случае, если у Гарленда вживлено устройство, сигнализирующее о гибели андроида. Но...— он пожал плечами,— устройство уже должно было бы подать сигнал об уничтожении; если так — наши дела плохи.

Кабина лифта распахнула двери, из нее вышло несколько мужчин и женщин. Они, несомненно, напоминали полицейских, но их лица были блеклыми и невыразительными, какие даже через минуту невозможно вспомнить или описать. Полицейские неторопливо разбрелись по вестибюлю.

— Как вы считаете, я могу рассчитывать на работу в вашем Управлении? — спросил Реш, когда закрылись двери, отделив их от полицейских вестибюля; он нажал кнопку с надписью «КРЫША», и кабина бесшумно двинулась вверх.— Можно с уверенностью сказать, что я сюда не вернусь, то есть я — безработный.

— Я... не вижу причин,— сдержанно произнес Рик,— для отказа. Кроме, разве что того, что у нас в штате уже есть два охотника.— «Я обязан ему сказать,— подумал Рик.— Это неэтично и жестоко, и не только по отношению к Решу; но как сказать ему: "Мистер, вы — андроид, вы вытащили меня из такой ужасной передряги, теперь получите приз за мое спасение. Почему? Да ведь вы именно то, что мы оба ненавидим и презираем. Вы — главная цель, на которую направлена вся наша система усыпления"».

— У меня никак из головы не выходит,— вздохнул Фил Реш.— Просто непостижимо! Невозможно! Целых три года я работал под началом у андроидов. Почему я не заподозрил? Наверняка возникало достаточно сомнительных ситуаций, чтобы уловить обман и провести тест.

— Возможно, не три года. Возможно, они внедрились в структуру Управления позднее? — предположил Рик.

— Нет. Они оккупировали его с первого дня. Гарленд все три года оставался моим непосредственным начальником.

— Он мне рассказал,— поделился Рик,— что они прибыли на Землю большой группой, все вместе. И произошло это всего несколько месяцев назад, а не три года.

— Значит, некогда существовал настоящий Гарленд,— сказал Фил Реш.— И в какой-то момент андроид занял место человека.— Акулоподобное, и без того острое лицо Фила Реша вытянулось еще сильнее, он затряс головой, осознавая смысл происходящего, но не соглашаясь с фактами.— Или... меня осчастливили ложной памятью. Возможно, я помню Гарленда только поэтому. Но...— мышцы его лица судорожно задергались, потом он покраснел — к лицу прилила кровь,— только андроидам можно вживить ложную память. Опыты подтвердили неэффективность метода ложной памяти в отношении людей.

Кабина остановилась, дверцы разъехались, и взорам охотников открылась взлетно-посадочная площадка на крыше. Ни одного полицейского. Припаркованные кары спокойно стояли на местах.

— Сюда.— Реш распахнул дверцу ближайшего ховера и втолкнул Рика в кабину; сам он сел за руль и включил стартер. Мотор взревел, и через секунду кар взмыл в воздух; заложив крутой вираж, он полетел на север, в направлении оперного театра «Мемориал Войны». Занятый собственными мыслями, Фил Реш автоматически вел ховер, самые мрачные подозрения роились в его мозгу.

— Послушайте, Декард,— неожиданно четко произнес он.— После того как мы усыпим Любу Люфт... я хотел бы заранее попросить вас...— Голос его, приглушенный и дрожащий, на секунду оборвался.— Вы меня понимаете. Прогоните меня по тесту Бонелли или проверьте по своей эмпатической шкале. Чтобы уточнить, кто я.

— Думаю, сейчас рано говорить об этом,— Рик попытался уйти от прямого ответа.

— Вы не хотите проверять меня, так? — Реш посмотрел на Рика с очевидным сочувствием.— Видимо, вам известно, каким окажется результат; Гарленд, должно быть, что-то рассказал вам. Поделился сведениями, которыми я не располагаю.

— Нам предстоит нелегкая работа,— сказал Рик.— Думаю, даже вдвоем мы с большим трудом выведем Любу Люфт на чистую воду. Она изворотливее, чем я предполагал, и мне одно-

му ее, видимо, не поймать. Давайте для начала сосредоточим все свое внимание на ней.

— Дело не только в ложной памяти.— Фил Реш продолжал обсуждать себя.— У меня есть животное; не подделка, не электрическое, а настоящее, понимаете? Белочка. Я очень люблю свою белочку, Декард. Каждое утро — о черт! — я кормлю ее и меняю ей подстилку: вы понимаете, чищу клетку, а когда вечером возвращаюсь с работы, я выпускаю ее из клетки, и она бегает и лазает по квартире, где ей вздумается. У нее в клетке есть колесо, вы когда-нибудь видели, как белка бегает в колесе? Она все бежит и бежит, а колесо крутится, но белка всегда остается на одном и том же месте. Когда я наблюдаю за ней, мне кажется, что Баффи очень нравится бегать.

— Надеюсь, белки не слишком сообразительны,— сказал Рик. Полет продолжался, но уже в полной тишине.

Глава 12

В оперном театре Рику Декарду и Филу Решу сообщили, что репетиция уже закончилась, а мисс Люфт покинула здание.

— Быть может, она сказала, куда собиралась пойти? — спросил Фил Реш у рабочего сцены, предъявив удостоверение.

— Кажется, в музей,— ответил рабочий, внимательно изучая документ.— В музей,— повторил он, убедившись, что разговаривает с настоящим полицейским.— Она сказала, что хочет осмотреть выставку работ Эдварда Мунка; завтра выставка закрывается.

«А выставка под названием "Люба Люфт" закроется уже сегодня»,— добавил про себя Рик. Когда они шли к зданию музея, который находился через квартал от театра, Фил Реш поинтересовался:

— Неужели вы надеетесь застать ее там? Она уже упыла от нас; мы не найдем ее в музее.

— Скорее всего, вы правы,— согласился Рик.

Войдя в здание музея и выяснив, где размещена выставка работ Мунка, они поднялись на нужный им этаж. Вскоре они уже слонялись по залам, разглядывая картины и гравюры на дереве. К удивлению Рика, на выставке было многолюдно: одиночные посетители, пары, группы и даже ученики средней школы, которые пришли всем классом; неприятный писклявый голос учительницы, казалось, пронзал все помещения прямо

сквозь стены. «Такой голос вы ожидаете услышать от анди,— хмыкнул Рик.— И надеетесь, что он выглядит столь же уродливо. Но нет — их голоса звучат мелодично, а внешне они...— Он вспомнил и Рейчел, и Любу Люфт.— Даже человек, стоящий позади меня... Точнее говоря, стоящее позади меня творение...»

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы у анди был любимчик? Домашнее животное, все равно какое? — спросил Реш.

По какой-то неосознанной причине Рик чувствовал в себе настоятельную потребность к жестокой честности; возможно, он уже начал внутренне готовиться к предстоящей работе. Не исключающей Фила Реша.

— Мне известны два случая, когда анди владели животными и даже ухаживали за ними. Строго говоря, эти случаи — исключения из правил. Анди не справляются, они не в состоянии содержать настоящих животных в порядке и ухаживать за ними. Для того чтобы выжить, животные должны получать, кроме пищи, сочувствие и тепло, исходящие от хозяина. За исключением, возможно, рептилий и насекомых.

— А белка требует к себе внимания и сочувствия? Ей нужна атмосфера любви? Ведь Баффи чувствует себя прекрасно, его желто-коричневая шерстка буквально лоснится. Я через день его расчесываю специальным гребешком.

Возле одной картины Фил Реш остановился, замер, как по команде, и впился в полотно глазами. На картине, написанной маслом, было изображено безволосое измученное создание с головой, напоминающей перевернутую грушу, руками существо в ужасе зажимало уши, рот был открыт в диком беззвучном вопле. Мучения волнами-полосами разбегались в разные стороны от этого создания, заполняли окружающее пространство; создание — мужского ли, женского ли пола — оказалось пленником собственного крика, поэтому оно зажало уши руками, прячась от жуткого звука, извергаемого собственными легкими. Создание одиноко стояло на мосту, вопило, находясь в полной изоляции. Отрезанное и оскорбленное собственным криком отчаяния.

— После картины он выполнил еще и гравюру на дереве,— сообщил Рик, прочитав информационную табличку.

— Думаю,— произнес Фил Реш,— именно так должен чувствовать себя анди.— Реш изобразил в воздухе вокруг своей головы ментальные вопли-волны, какие нарисовал художник;

неуклюжие дерганья рук Реша обозначали дикий крик и внутренний ужас андроида.— Нет, я не чувствую в себе такого ужаса, возможно, раз так, я и не анд...— Он недопроизнес невыносимого для себя слова, потому что к картине приблизилась группа людей.

— Люба Люфт здесь.— Рик указал на нее; Фил Реш, забыв про картину, отбросил свои мрачные мысли и страх; охотники двинулись в сторону мисс Люфт неторопливой, размеренной походкой; они не имеют права выказывать явных намерений; но, как всегда, было тяжело сохранять атмосферу спокойствия и обыденности. Находившиеся в зале люди даже не догадывались о том, что среди них бродит андроид. Охотник *обязан* защитить их любой ценой, даже если в итоге жертва уйдет прямо из-под носа.

Люба Люфт, одетая в блестящие зауженные брюки и отливающий золотом жилет, сжимала в руке каталог выставки — она стояла, полностью погрузившись в картину перед собой: на холсте была изображена совсем юная девушка — руки плотно сжаты вместе,— сидящая на краешке дивана, с застывшим выражением удивленного недоумения и благоговейного страха.

— Вы позволите купить эту картину для вас? — спросил Рик, подойдя вплотную к Любе Люфт; остановившись чуть сбоку и сзади, он взял ее под левую руку и легким пожатием запястья как бы проинформировал, что она в его власти и ему не нужно превышать полномочий, чтобы задержать ее. С правой стороны зашел Фил Реш и положил руку девушке на плечо; Рик отметил, как оттопырился его пиджак над лазерным пистолетом: Фил Реш не собирался играть еще одну рискованную партию, как в случае с инспектором Гарлендом.

— Эти полотна не продаются.— Люба Люфт сначала лениво посмотрела на Рика, но тут же еще раз — яростно; огоньки в ее глазах потухли, а лицо стало бледным, как будто жизнь уже покинула тело и началось разложение, будто в мгновение ока жизненная энергия сжалась до мельчайшей точки глубоко внутри ее тела, превратив его в куклу, способную передвигаться чисто автоматически.— Я была уверена, что вас арестовали. Неужели они могли позволить вам уйти?

— Мисс Люфт,— представил Рик,— это мистер Реш. Фил Реш, это хорошо известная оперная певица Люба Люфт.— Любе он сказал: — Тот патрульный буйвол, который арестовал меня,— андроид. Как и его начальник. Вы знаете, вернее, вы знали

инспектора Гарленда? Он рассказал мне, что вы прибыли на Землю все вместе, одной группой.

— Полицейское управление, в которое вы обратились за помощью,— продолжил Фил Реш,— располагается в здании на Мишен-стрит, оно помогало вашей группе андроидов поддерживать между собой связь. Анди так уверовали в свою безнаказанность, что приняли на работу двух людей — охотников за премиальными, очевидно...

— Вас? — перебила его Люба Люфт.— Вы не человек. Вы не более человек, чем я: вы тоже андроид.

В воздухе повисла неприятная пауза, затем Фил Реш произнес, обращаясь к Любе, тихо, но сохраняя самообладание:

— Хорошо. Но со мной мы разберемся в надлежащее время,— потом к Рику: — Давай поскорее отведем ее в мой кар.

Взяв Любу под руки, они направились к лифту. Люба Люфт не горела желанием идти вместе с ними, но, с другой стороны, она не слишком активно сопротивлялась; казалось, ее отключили от окружающего мира. Рик уже сталкивался с подобной реакцией андроидов, развивающейся как болезнь, в критических ситуациях. Жизненная сила, которую искусственно вдыхали в андроидов, чтобы оживить их тела, в критических ситуациях, видимо, покидала их. Но не всех.

И сила эта могла вновь вспыхнуть внутри андроида совершенно внезапно и яростно.

Андроиды, несомненно, имели мощную внутреннюю установку оставаться незаметными. В музее, в окружении большого числа людей, перетекающих с одного места на другое, Люба Люфт не станет прибегать к активному сопротивлению. Настоящая стычка — для нее, скорее всего, последняя — развернется в каре, где их никто не будет видеть. Оставшись с охотниками наедине, она с ужасающей внезапностью сможет, к чертям собачьим, освободиться от всех запретов. Рик готовил себя ко встрече с яростной Любой Люфт и совсем упустил из виду, что рядом находится Фил Реш. Как сказал Реш, его вопрос будет разрешен в надлежащее время.

Они добрались до конца коридора; в холле рядом с лифтами находился небольшой лоток, где продавались литографии и альбомы по искусству. Люба Люфт остановилась возле импровизированного прилавка, будто в ожидании чего-то.

— Послушайте,— обратилась она к Рику. Лицо ее слегка порозовело; она в последний раз, на сей раз недолго, выгля-

дела ожившей: — Купите мне репродукцию картины, которую я смотрела и у которой вы меня прихватили. Ту, где девушка сидит на кровати.

После непродолжительной паузы Рик обратился к продавщице, среднего возраста женщине с крупными зубами и стянутыми в узел седыми волосами:

— У вас есть репродукция «Зрелости» Мунка?

— Только в альбоме его избранных работ,— ответила продавщица, снимая с полки увесистый глянцевитый том.— Двадцать пять долларов.

— Беру,— сказал Рик и полез за бумажником.

— Финансовый отдел моего Управления никогда бы не выделил...

— Это мои собственные деньги,— сказал Рик и протянул продавщице банкноты, а Любе — альбом.— Теперь спускаемся вниз,— сообщил он и ей, и Филу Решу.

— Очень мило с вашей стороны,— сказала Люба, когда они зашли в лифт.— Что-то в вас, людях, есть очень необычное и трогательное. Андроид никогда бы так не поступил на вашем месте.— Она холодно посмотрела на Фила Реша.— Ему бы даже в голову не пришло; как он сказал — «никогда бы не выделил...».— Она продолжала пристально смотреть на Реша, теперь уже с явным отвращением и ненавистью.— Мне действительно несимпатичны андроиды. С тех пор как я прилетела с Марса, я занималась только тем, что имитировала поведение женщины; я старалась поступать так, как поступила бы нормальная женщина, принимала решения и действовала, будто у меня возникали мысли и стремления настоящего человека. Подражание, как я это понимаю, высшей форме жизни.— Филу Решу она сказала: — Так ведь и с тобой происходит, Реш? Стараешься подражать...

— Я не намерен ее больше слушать! — Фил Реш сунул руку в карман пальто, сжал рукоятку...

— Нет! — воскликнул Рик, попытался схватить Фила Реша за руку; Реш увернулся, отступил на шаг.— Тест Бонелли,— напомнил Рик.

— Она же сама призналась! Она — андроид! — завелся Фил Реш.— У нас нет причин ждать!

— Но усыпить анди,— возразил Рик,— только из-за того, что оно тебя чем-то уязвило?.. Отдай мне! — Рик еще раз попытался силой отобрать пистолет у Реша, но лазер таки остался у

Фила в руках. Реш развернулся, сделал шаг назад, но не спуская глаз и пристально следя за Любой Люфт, только за ней.

— О'кей,— согласился Рик.— Усыпи. Убей прямо сейчас. Докажи, что она права.

Рик увидел, что Реш не намерен отступать, он действительно готов усыпить анди прямо сейчас и прямо здесь, в лифте; Рик крикнул:

— Подожди!..

Фил Реш выстрелил, и в тот же миг Люба Люфт, в припадке дикого ужаса перед охотником, повернулась боком и отшатнулась к стенке лифта, бросилась на пол. Луч прошел мимо, но стоило Решу опустить ствол пистолета — и луч беззвучно прожег тонкое отверстие в животе. Она начала кричать; она сидела, скрючившись на полу кабины, прижавшись к стенке лифта, и продолжала кричать. «Как на картине»,— подумал Рик и, достав свой пистолет, добил ее. Люба Люфт упала лицом вниз на пол. Она даже ни разу не вздрогнула.

При помощи лазерного пистолета Рик хладнокровно превратил в пепел страницы альбома, который всего несколько минут назад он купил Любе; Рик выжигал очень старательно и не говорил ни слова: Фил Реш следил за Риком, явно не понимая происходящего, его лицо выражало недоумение.

— Вы могли оставить альбом себе,— сказал Реш, когда Рик закончил.— Он обошелся вам...

— Как вы думаете, есть ли у андроидов души? — поинтересовался Рик.

По-петушиному наклонив голову набок, Фил Реш смотрел на него с еще большим недоумением.

— Я могу себе позволить некоторые расходы,— объяснил Рик.— Я сегодня уже заработал три тысячи долларов, хотя и не добрался до половины списка.

— Вы учитываете и Гарленда? — спросил Фил Реш.— Но ведь я убил его, а не вы. Когда я стрелял в него, вы лежали на полу. И Люба. Я прихватил ее.

— Интересно,— спросил Рик,— где вы собрались получать деньги: в своем Управлении или в нашем? Когда мы поднимемся в ваш кар, я проведу тест Бонелли или тест Войт-Кампфа, и тогда мы разберемся с вами. Хотя, насколько я помню, вас в моем списке нет.— Руки его дрожали, но он открыл портфель, перебрал информы, напечатанные на тонкой бумаге.— Нет, вас в моем списке нет. Так что официально я не могу заявлять права на вас, как на Любу Люфт и Гарленда.

— Вы уверены, что я андроид? Это то, о чем вам рассказал Гарленд?

— Да, это то, о чем мне рассказал Гарленд.

— Возможно, он врал,— сказал Фил Реш.— Чтобы поссорить нас. Чтобы мы не действовали заодно, как в данном случае. Мы будем идиотами, если позволим нас поссорить; вы были абсолютно правы в отношении Любы Люфт; мне следовало держать себя в руках даже тогда, когда она попыталась вызвать во мне злость. Конечно, главное для охотника — умение подавить в себе любое мешающее работе чувство. Но подумайте сами, мы в любом случае усыпили бы Любу Люфт, ну протянула бы она лишние полчаса — всего какие-то несчастные полчаса! Ей бы не хватило времени даже на то, чтобы посмотреть альбом, который вы купили. И я по-прежнему считаю, что вы напрасно его уничтожили — это расточительство. Мне неясны мотивы вашего поступка, вы поступили нерационально, вот и все.

— Я выхожу из игры, это мой последний список,— произнес Рик.

— И чем займетесь?

— Чем угодно! Наймусь страховым агентом, как написано в информе на Гарленда. Или эмигрирую. Да.— Он пожал плечами.— Я отправлюсь на Марс.

— А кто же тогда займется вашей работой? — не унимался Фил Реш.

— Можно использовать андроидов. Будет лучше, если охотой займутся именно андроиды. С меня достаточно. Я больше не могу... Она была прекрасной певицей. Возможно, лучшей на Земле. Безумие!

— Нет! Необходимость! Вы разве забыли? Чтобы сбежать, анди убивают людей! Не вытащи я вас с полицейского участка на Мишен-стрит, они бы вас там и прикончили. Именно для такой грязной работы Гарленд держал меня при себе; когда вас привели, он позвонил мне и попросил спуститься в его кабинет. А Полоков? Вы же говорили, что он едва не прикончил вас. А Люба Люфт? Ведь и она... Мы прибегаем к насилию, защищаясь; это они проникли на нашу планету — убийцы и чужаки, которые находятся вне закона и маскируются под...

— Под полицейских,— уточнил Рик.— Под охотников за премиальными.

— О'кей, проверьте меня на тест Бонелли. Возможно, Гарленд лгал. Я уверен, что он лгал,— ложная память не может быть столь подробной. И как насчет моей белочки?

— О да, ваша белочка. Я позабыл, что у вас есть белочка.

— Если я — анди,— сказал Фил Реш,— и вы убьете меня, вы можете забрать мою белочку. Я прямо сейчас напишу, что завещаю ее вам.

— Анди не владеют собственностью, поэтому им нечего завещать.

— Хорошо. В таком случае вы просто отправитесь туда и заберете Баффи,— сказал Фил Реш.

— Обещаю вам,— кивнул Рик. Кабина остановилась на первом этаже, двери открылись.— Вы останетесь с Любой; я вызову патрульную машину, чтобы труп забрали во Дворец Правосудия. Для анализа костного мозга.— Рик увидел будку, вошел, опустил жетон и трясущимися пальцами набрал номер.

Между тем группа людей, которая ожидала, когда спустится лифт, столпилась вокруг Фила Реша и тела Любы Люфт.

«Она была превосходной певицей,— повторил Рик, сжимая трубку; доложив в Управление, он кинул ее на рычаг.— Не понимаю, как столь редкостный талант мог оказаться опасен для нашего общества? Но она не была талантливой,— внушал себе Рик.— Она была только андроидом. Как Фил Реш,— заключил Рик,— который опасен не менее и по тем же самым причинам. Так что мне не время успокаиваться».

Выбравшись из будки, Рик стал пробираться сквозь толпу обратно к Решу и распростертым останкам девушки-андроида. Кто-то набросил на нее пальто. Чье-то пальто, не Реша.

Подойдя к Филу Решу, который стоял чуть поодаль и напряженно курил короткую серую сигару, Рик признался ему:

— Я молю бога, чтобы тест доказал мне, что вы — андроид.

— Вы искренне ненавидите меня,— ответил Фил Реш с некоторым восхищением.— Как быстро все меняется; на Мишен-стрит вы почему-то питали ко мне противоположное чувство. Совсем недавно, когда я спасал вашу жизнь.

— Я понял ваш принцип: вы совершенно одинаково прикончили и Гарленда, и Любу. Вы убиваете не так, как я,— вы убиваете иначе, вы даже не пытаетесь... Ч-черт! — Рик выругался.— Теперь я понял. Вам нравится убивать. Все, что вам требуется,— предлог. Если у вас появится предлог, вы запросто убьете даже меня. Вот почему вы так ухватились за возможность того, что Гарленд — андроид; это сделало его доступным, потенциальным трупом. Интересно знать, как вы поступите, если про-

валите тест Бонелли. Вы убьете себя? Иногда андроиды кончают с собой.

Что случалось крайне редко.

— Да, я сам о себе позабочусь,— сказал Фил Реш.— Вам не придется волноваться, ваша задача — провести тест.

Прибыла патрульная машина; двое полицейских выпрыгнули из кабины, увидели, где их ждут, и без задержек продрались к лифту. Один из них узнал Рика и кивнул ему. «Итак, мы можем идти,— понял Рик.— Свою работу здесь мы уже выполнили. Полностью».

Когда он и Фил возвращались обратно по улице к зданию оперного театра, на крыше которого они припарковали ховеркар, Реш сказал:

— Я отдам свой лазерный пистолет прямо сейчас; чтобы у вас не появилось лишних волнений по поводу моей реакции на негативный результат теста. Говоря точнее — для вашей личной безопасности.— Он протянул пистолет, Рик спокойно его спрятал.

— Как же вы убьете себя,— спросил Рик,— если завалите тест?

— Я остановлю дыхание.

— Боже праведный! — воскликнул Рик.— Неужели это возможно?

— Возможно, если я андроид. У анди отсутствует спонтанное включение блуждающего нерва,— объяснил Фил Реш.— В отличие от людей. Разве вам не говорили, когда готовили к работе охотника? Я знаю об этом уже много лет.

— Но умереть таким способом...— запротестовал Рик.

— Эта процедура не сопровождается болью. Так что тут такого?

— М-м...— Рик попытался изобразить жестом, потому что слов не нашлось.

— Я все же склонен думать, что мне не придется прибегнуть к данной процедуре,— заверил Фил Реш.

Вместе они взобрались на крышу оперного театра «Мемориал Войны», где стоял ховеркар Фила Реша.

Проскользнув на сиденье водителя и закрыв за собой дверь, Фил Реш сказал:

— Я бы предпочел пройти тест Бонелли.

— Нет. Я не знаю, как его анализировать.

«В этом случае мне придется полагаться на твою интерпретацию данных,— мысленно добавил Рик.— Так что твое предложение отпадает».

— Вы скажете мне правду, не так ли? — спросил Фил Реш.— Если я — андроид, вы мне скажете об этом?

— Несомненно.

— Я действительно хочу знать правду. Я должен ее узнать.— Фил Реш вновь закурил сигарету, повернулся боком, облокотился на сиденье; он наблюдал за Риком, стараясь устроиться поудобнее, но, как ни усаживался, почувствовать себя комфортно так и не смог.

— Вам действительно нравятся работы Мунка? Те, которые так внимательно рассматривала Люба Люфт? — спросил он.— Я от них не в восторге. Реализм в искусстве мне не интересен. Мне нравится Пикассо и...

— «Зрелость» датируется 1894 годом,— коротко сообщил Рик.— В то время господствовал реализм; вы должны это учитывать.

— Но одна из картин, на которой изображен человек, зажавший уши и кричащий из последних сил,— она отличается от «Зрелости».

Открыв портфель, Рик выудил из него составные части прибора.

— Сложное приспособление,— заметил Фил Реш, внимательно наблюдая за Риком.— Сколько вопросов вам потребуется, чтобы дать окончательное заключение?

— Шесть или семь.— Он протянул Филу Решу адгезивную пластинку: — Прилепите к щеке. Плотно. А луч света...— Рик указал,— будет сфокусирован на ваш глаз. Не моргайте, глазное яблоко должно оставаться неподвижным.

— Рефлекторные флуктуации,— уверенно констатировал Фил Реш.— Но не естественное возбуждающее действие; вы ведь измеряете не давление. Вы будете задавать устные вопросы; это то, что мы называем реакцией вздрагивания.

— Вы считаете, что сможете ее контролировать? — спросил Рик.

— Наверное, нет. Внешне, возможно. Но внутреннюю амплитуду невозможно контролировать сознательно. В противном случае...— он замолчал.— Начинайте. Я нервничаю; извините, что я разговорился.

— Говорите все, что вздумается,— сказал Рик.

«Говори, ведь тебе не так далеко осталось до могилы,— подумал Рик.— Если ты, конечно, ее чувствуешь. Мне это безразлично».

— Если тест докажет, что я — андроид,— пролепетал Фил Реш,— вам предстоит обрести веру в человечество. Но если этого не произойдет, я предлагаю вам начать формулировать идеологию, которую вы сможете приспособить под...

— Итак, начинаем.— Устройство было полностью собрано, и стрелки двух индикаторов задрожали.— Время ответной реакции — фактор, который я регистрирую, так что отвечайте настолько быстро, насколько возможно.— По памяти Рик выбрал начальный вопрос.

Тест начался.

Позже Рик долгое время сидел в полной тишине. Затем начал разбирать устройство Войт-Кампфа, складывая его элементы обратно в портфель.

— Я вижу ответ на вашем лице,— произнес Фил Реш, выдохнув слова с абсолютно невесомым, почти конвульсивным облегчением.— О'кей, можете вернуть мою пушку.— Он в нетерпении протянул руку ладонью вверх.

— Очевидно, вы были правы,— сказал Рик,— в отношении планов Гарленда. Он хотел столкнуть нас лбами; как вы и предполагали.— Рик чувствовал, что полностью разбит и физически, и морально.

— Вы уже сформулировали основополагающие пункты идеологии? — спросил Фил Реш.— Те, которые объясняют меня как частицу расы людей?

— В вашей эмпатической реакции есть явный дефект — мотивация ваших поступков,— который мы не определяем. Мы не определяем его данным тестом. Ваше чувство по отношению к андроидам.

— Несомненно, вы не сможете протестировать его.

— Возможно, мы научимся это делать.— Он никогда прежде не задумывался об этом, никогда не относился с сочувствием к андроидам, которых убивал. Рик всегда считал, что воспринимает андроидов как умные механизмы, по крайней мере, так подсказывало сознание. И теперь, сравнив себя с Филом Решем, разница мотиваций заявила о себе в полный голос. Но Рик инстинктивно чувствовал, что прав. «Эмпатия по отношению к искусственно созданной структуре? — спросил он себя.— К чему-то, что претендует на роль живого? Но ведь Люба Люфт выглядела подлинно живой; в ней не было даже намека на подделку».

— Представьте, что произойдет,— тихо сказал Фил Реш,— если мы поставим андроидов и животных на один и тот же уровень эмпатической идентификации.

— Мы не сможем защищать себя.

— Абсолютно точно. Этот тип — «Нексус-6»... Они раскатают нас в лепешку. Вы и я, все охотники за премиальными — мы стоим между «Нексус-6» и человечеством, мы барьер, который разделяет два класса. Более того...— Он замер, сбился с мысли, обратив внимание на то, что Рик вновь достает элементы устройства.— Я считал, тест закончен.

— Я хочу задать вопрос самому себе,— пояснил Рик.— А вы мне скажете, что зарегистрируют стрелки приборов. Вы отметите отклонение, а подсчитаю я сам.— Он прилепил адгезивную пластинку к щеке, установил трубку — источник света так, что луч падал ему точно в глаз.— Вы готовы? Следите за стрелками. Мы исключим временную задержку; я хочу знать лишь величину показаний.

— Кажется, Рик, я готов,— бодро ответил Фил Реш.

Рик громко произнес:

— Я спускаюсь на лифте вместе с андроидом, которого только что поймал. Неожиданно кто-то убивает его без предупреждения.

— Никакой заметной реакции,— сообщил Фил Реш.

— До какого уровня поднялись стрелки?

— Левая остановилась на 2.8. Правая — 3.3.

— Женщина — андроид,— громко сказал Рик.

— Теперь они соответственно на 4.0 и 6.0.

— Слишком много,— констатировал Рик; он сорвал со щеки адгезивный диск и выключил свет.— Сочувственно-эмпатический ответ,— уточнил он.— На уровне, который соответствует ответам на большинство вопросов. Кроме экстремальных, которые связаны с использованием детской кожи в декоративных целях... вопросов на уровне патологии.

— Какие же выводы?

— Я проявляю эмпатический ответ только к определенным андроидам, не ко всем. К одному или двум.

«Например, к Любе Люфт,— подумал Рик.— Так что я ошибся. В реакции Фила Реша нет ничего ненатурального и нечеловеческого; скорее, дело во мне самом. Интересно, испытывал ли кто-нибудь из людей до меня такую жалость к андроидам? Конечно,— отметил он,— я едва ли еще раз столкнусь с похожей

ситуацией. Скорее всего, моя реакция аномальна, и в ней повинны чувства, вызванные "Волшебной флейтой", голосом Любы, ее прерванной карьерой. Раньше я ничего подобного не испытывал, по крайней мере, не обращал внимания. Ни с Полоковым, ни с Гарлендом. И,— понял Рик,— если бы я доказал, что Фил Реш — андроид, я бы прикончил его без намека на сочувствие. Во всяком случае, после смерти Любы».

Много ли отличий между подлинно живущими людьми и гуманоидными конструкциями? В этом лифте, в музее, он сказал себе: «Я спускаюсь вниз с двумя созданиями, одно — человек, другое — андроид... Но мои чувства сейчас противоположны общепринятым. И те, которые я должен испытывать, и те, которые я чувствовать привык».

— Вы серьезно больны, Декард,— произнес Фил Реш, как показалось Рику — с удовольствием.

— И что же мне делать? — поинтересовался Рик.

— Секс,— уточнил Фил Реш.

— Секс?

— Потому что она была для вас физически привлекательна. Раньше с вами ничего подобного не случалось? — Фил Реш рассмеялся.— Нас учили, что главная проблема в работе охотника — половое влечение. Разве вам не известно, Декард, что колонисты имеют любовниц? Любовниц-андроидов!

— Это противозаконно,— ответил Рик, вспоминая соответствующую статью колониального законодательства.

— Конечно, половая связь человека и андроида запрещена законом. Но ведь и любовь двух мужчин, двух... зачем уточнять? Все эти варианты тоже противозаконны. Но люди от таких связей не отказывались и не отказываются.

— Но если это — нет, не секс — настоящая любовь?

— Любовь — не более чем другое имя секса.

— А любовь к родной стране? — заспорил Рик.— Любовь к музыке?

— Если ваша любовь направлена на женщину или на женщину-андроида, это секс. Да проснитесь вы, Декард, посмотрите правде в глаза. Вы хотите уложить в постель женский вариант андроида — не более того, но и не менее! Со мной однажды произошло нечто подобное. Когда я только начал работать охотником. Не позволяйте себе ныть; вы выздоровеете. Обязательно. Просто привычный ход событий изменил свой порядок. Не вы убивали ее, но вы присутствовали в тот момент,

когда ее убили. После чего почувствовали к ней физическое влечение. Я вам советую повторить. Но в обратной последовательности.

Рик уставился на него:

— Сначала переспать с ней...

— ...а затем убить ее,— без лишних объяснений сказал Фил Реш. Злорадная, жесткая улыбка застыла на его лице.

«Ты чертовски хороший охотник за премиальными,— понял Рик.— И твое отношение к анди тому подтверждение. А я?»

Неожиданно, впервые за время работы охотником, он засомневался в себе.

Глава 13

Джон Р. Изидор несся с работы домой, оставляя на темном небе след, как будто летел в огненной колеснице. «Возможно ли, что она все еще там?» — беспрерывно спрашивал он себя. Одна в этой старой и невероятно захламленной квартире; сидит перед экраном ТВ и смотрит Бастера Френдли, который не стихает ни на минуту; она вздрагивает от страха всякий раз, когда ей чудится, что кто-то спускается в холл перед ее квартирой. Наверное, он, Изидор, тоже напугает ее своим появлением.

Одну промежуточную остановку по дороге домой он все же совершил, посетив продуктовый черный рынок. И сейчас на сиденье, сбоку от него, стояла коробка, в которой перекатывались деликатесы — банки с соевым творогом, спелые персики и настоящие, сильно пахнущие плавленые сырки. В этот вечер, волнуясь, он был излишне напряжен, поэтому вел ховер рывками, то поднимая, то опуская кар, который кашлял и сотрясался после каждого резкого движения. «Провалиться им всем на этом месте!» — ругался Изидор, вспоминая, как месяц назад отдавал ховеркар в ремонт.

Запах персиков и сырков проникал в ноздри и вызывал чувство радостного возбуждения. На диковинные кушанья он ухлопал двухнедельный аванс, полученный у мистера Слоата. И еще под сиденьем, где она не могла бы упасть и разбиться, лежала самая главная редкость — бутылка шабли, которая легонько постукивала стеклянными боками, напоминая о себе. Изидор держал бутылку в депозитном сейфе «Бэнк оф Америка», изредка доставал, чтобы потрогать и полюбоваться, но продавать отказывался, даже когда за нее предлагали сумасшедшие день-

ги. Он хранил бутылку с давних времен на тот случай, если когда-нибудь вдруг в его жизни появится девушка. Но жизнь текла, ничего не происходило, а девушка появилась только сейчас.

Вид заваленной мусором крыши безжизненного здания, как обычно, угнетающе на него подействовал. Продвигаясь от кара до лифта, он заставил себя не смотреть по сторонам, а только под ноги; он сосредоточил внимание на драгоценной коробке и бутылке белого вина, он внушал себе уверенность, что обойдет все расставленные ловушки и избежит падения в пропасть экономического разорения. Когда лифт, сопя и поскрипывая, прибыл, Изидор вошел и отправил его в обратный путь, но не к себе, а на этаж ниже, где теперь обитала его первый сосед и новый жилец Прис Стрэттон. Остановившись перед дверью, Изидор тихонько постучал в дверь донышком бутылки, сердце Изидора билось и металось у него в груди.

— Кто там? — Голос Прис, приглушенный дверью, все равно прозвучал отчетливо: испуганный, но холодный как лезвие ножа.

— Это с вами говорит Дж. Р. Изидор,— уверенно произнес он, вспомнив, как с помощью видеофона мистера Слоата восстановил свой давно утраченный авторитет.— Я принес с собой несколько вкусных блюд, и я думаю, что вместе мы смогли бы пообедать более чем неплохо.

Дверь едва приоткрылась; Прис — за ее спиной все лампы были выключены — вглядывалась в сумрак холла.

— Ваш голос звучит иначе,— заметила она.— Как будто вы повзрослели.

— Я провернул за сегодняшний день немало выгодных сделок. Обычная история... Если вы р-р-разрешите мне войти...

— Вы расскажете мне о ваших делах.— Как обычно, она распахнула дверь достаточно широко, чтобы он мог войти. А затем, увидев, что он принес, она вскрикнула, ее лицо засветилось необычной, волшебной радостью. Но почти мгновенно болезненная горечь перечеркнула ее веселье, а лицо застыло цементной маской. Радость ушла. Далеко.

— Что случилось? — спросил он, отнес коробку и бутылку на кухню, аккуратно положил и поспешил обратно в комнату.

— Мне это ни к чему,— сказала Прис.

— Почему?

— О...— Она пожала плечами и бесцельно побрела прочь, засунув руки в карманы толстой и весьма старомодной юбки.—

Когда-нибудь расскажу вам.— Она подняла на него глаза.— Очень мило с вашей стороны, как бы там ни было. Но теперь я хочу, чтобы вы ушли, Я не чувствую в себе сил и желания видеть кого бы то ни было.— Она нерешительно двинулась в сторону двери, еле переставляя ноги; судя по всему, она была полностью истощена. Запас ее энергии израсходовался почти полностью.

— Я знаю, почему вам так плохо,— сказал он.

— Да? — Голос ее, когда она приоткрывала дверь в холл, упал совсем низко — до бесполезности, пустоты и бесплотности.

— У вас нет друзей. Вам сейчас гораздо хуже, чем утром, когда я вас видел, это из-за того...

— У меня есть друзья! — Внезапная уверенность придала ее голосу твердость; она вернула своему тону запальчивость.— Вернее, у меня были друзья. Семеро друзей. По крайней мере, вначале, но сейчас охотники за премиальными приступили к работе. Так что некоторые из них, а возможно все, мертвы.— Она направилась к окну, заглянула в черноту ночи, подсвеченную редкими хилыми огоньками.— Возможно, сейчас я осталась в живых одна из всей нашей восьмерки. Возможно, вы оказались правы.

— Кто это — охотники за премиальными?

— Какая прелесть. Вы, люди, даже не предполагаете, что они есть. Охотник за премиальными — профессиональный убийца, которому дается список подозреваемых, и он их убивает. Ему за работу платят сумму; в настоящее время ходовая такса — тысяча долларов, насколько мне известно, за каждого, кого он прихватит. Обычно он работает по договору с городскими властями, так что получает и жалованье, но, чтобы он проявлял инициативу и активность, жалованье его более чем скромное.

— Вы... вы уверены? — спросил Изидор.

— Да,— кивнула она.— Вы хотели спросить, проявляет ли он активность? Да. И еще какую! Он наслаждается своей работой.

— Думаю,— сказал Изидор,— вы ошибаетесь.— Никогда в жизни он не слышал о таких мерзостях. Бастер Френди, к примеру, никогда о них не рассказывал.— Это никак не соответствует нынешней этике мерсеризма,— уточнил он.— Жизнь едина. «Человек не остров»,— как сказал давным-давно Шекспир.

— Джон Донн.

Изидор взволнованно замахал руками.

— В жизни своей ничего ужаснее не слышал! Разве вы не можете вызвать полицию?

— Нет.

— И они охотятся за вами? Они могут прийти сюда и убить вас? — Теперь он понял, почему в поведении девушки ощущалась такая скрытность.— Ничего удивительного, что вы так перепуганы и никого не желаете видеть.— Но потом он подумал, что она, возможно, ненормальная и у нее либо психическое расстройство, либо мания преследования. Возможно, ее мозг пострадал из-за пыли и она самый обычный специал.— Я прихвачу их раньше, чем они вас! — смело заявил Изидор.

— С помощью чего? — Она кисло улыбнулась, приоткрыв ряд аккуратных, небольших, даже белых зубов.

— Я получу лицензию на право ношения лазерного пистолета. Ее совсем не сложно получить: вдали от центра, где почти никто не живет, а полиция этот район не патрулирует,— мне не могут не разрешить самому заботиться о своей безопасности.

— Ну а в то время, когда вы будете на работе?

— Я возьму больничный.

— Очень мило с вашей стороны,— призналась Прис,— Дж. Р. Изидор. Но коль скоро охотники прихватили остальных: и Макса Полокова, и Гарленда, и Любу, и Хаскина, и Роя Бати...— Она остановилась.— Рой и Ирмгард Бати. Если они мертвы, тогда уже ничто не имеет значения. Ничто. Они мои лучшие друзья. Что за чертовщина, почему они не дают о себе знать? Почему? — Она рассерженно выругалась сквозь зубы.

Пробравшись на кухню, он достал из шкафа пыльные, забытые всеми тарелки, миски, стаканы; он начал мыть их в раковине... вода потекла тонкой ржавой струйкой, но потом стала и горячей, и достаточно чистой. В кухню вошла Прис, уселась возле стола. Он откупорил бутылку шабли, стал раскладывать по тарелкам еду, все поровну — персики, творог, сырки.

— Что за белая еда? Нет, не сыр. Вот это,— она указала.

— Приготовлено из соевой муки и творожной закваски. Если бы у меня...— Он запнулся, расстроившись и покраснев.— Обычно это едят с мясной подливкой.

— Андроид,— пробормотала Прис.— Обычно такие промахи совершают андроиды. На мелочах они и попадаются.— Она обошла вокруг стола, остановилась у него за спиной, а затем,

к немалому его удивлению, обняла за талию и на какое-то мимолетное мгновение прижалась к нему.— Я съем половинку персика,— заявила она и лихо схватила сочный оранжево-розовый ломтик длинными пальцами. Но тут же, едва надкусив ломтик персика, она расплакалась. Холодные слезы скатывались по ее щекам и растворялись в ткани блузки. Он не знал, как себя вести, поэтому продолжал раскладывать еду.

— Будь оно все проклято! — яростно произнесла она.— Итак...— Прис отошла на несколько шагов, на несколько медленных шажков, потом двинулась в другую сторону, будто измеряя длину комнаты...— Знайте. Мы все жили на Марсе. Вот откуда мне все известно об андроидах.— Голос ее дрогнул, но она смогла продолжить рассказ; было очевидно, что разговор — просто возможность с кем-то поделиться печалью — ей необходим.

— И единственные люди на Земле, которых вы знаете,— сказал Изидор,— ваши приятели, экс-эмигранты?

— Мы знали друг друга еще до отъезда. Мы жили в поселке неподалеку от Нового Нью-Йорка. Рой Бати и Ирмгард Бати. Они владели аптекой. Он — фармацевт, она — специалист по косметике, ну там лосьоны, кремы, одеколоны; на Марсе они разрабатывали и готовили мази и кремы, улучшающие свойства кожи. Я...— Она напряженно задумалась.— Рой снабжал меня лекарствами; особенно первое время я сильно в них нуждалась, потому что... ладно, все равно, это ужасное место. Это...— Прис одним резким жестом окинула захламленную квартиру.— Это — ничто... Вы думаете, я страдаю потому, что мне одиноко? Марс — дьявольское место! Там ужаснее, чем здесь!

— А разве андроиды не помогали вам? Я слышал по коммерческому...— Подсев к столу, он принялся за еду; посмотрев на него, она тоже взяла стакан и глотнула, но, казалось, не ощутила вкуса.— Я понял так, что андроиды помогают колонистам.

— Андроиды,— ответила она,— так же одиноки.

— Вам нравится вино?

Она поставила стакан:

— Оно прекрасно.

— Первая бутылка за три года.

— Мы вернулись,— сказала Прис,— потому что там никто не выживет. Марс не пригоден к заселению уже по крайней

мере миллиард лет. Он невероятно стар. Вы ощущаете его возраст в песке, камнях, вы ощущаете эту жуткую старость! Как бы то ни было, первое время я получала от Роя лекарства; я жила только на новом болеутоляющем, на силенизине. А потом я встретила Хорста Хартмана, который в то время держал лавку почтовых марок, редких конвертов и открыток: на Марсе в вашем распоряжении столько времени, что у вас не может не появиться хобби, которое помогает бороться с пустотой. Так вот, Хорст заинтересовал меня доколониальной беллетристикой.

— Вы имеете в виду старые книги?

— Рассказы о космических полетах, написанные до начала эры космоса.

— Как можно написать рассказ о космических полетах до того...

— Писателям,— сказала Прис,— это удавалось.

— Но как?

— Фантазировали. Чаще всего они ошибались. Например, они писали о Венере, которая представляла из себя рай: джунгли с громадными чудовищами и женщинами, которые прикрывали груди блестящими чашечками металлических доспехов.— Она посмотрела на Изидора.— Вам интересно? Большие сильные женщины с длинными светлыми волосами и блестящими нагрудными доспехами, величиной с дыню?

— Нет,— ответил он.

— Ирмгард — блондинка,— вспомнила Прис.— Но маленького роста. Было выгодно заниматься контрабандой доколониальной беллетристики — старых журналов, книг и фильмов. Ничто так не действовало на воображение. Читать о городах и гигантах индустрии, о колонизации, проходившей всегда более чем успешно. Можете себе представить, как все это выглядело. Прочитать о том, как должен выглядеть Марс. И каналы.

— Каналы? — Он смутно припоминал, что когда-то что-то о них читал.— В прежние времена люди верили, что на Марсе есть каналы...

— Крест-накрест пересекавшие планету,— добавила Прис.— Верили в мудрых существ с других планет. Были и рассказы о Земле, где действие происходит в наше время или чуть позже, где люди не живут под гнетом пыли.

— Могу предположить,— сказал Изидор,— что от рассказов вам становилось еще хуже.

— Нет,— отрывисто произнесла Прис.

— Вы не захватили с собой хоть что-то из доколониальной беллетристики? — Ему подумалось, что он должен попытаться одолеть хоть одну книгу.

— На Земле они бесполезны, потому что хобби здесь не в моде. К тому же у вас много книг в библиотеках: мы как раз оттуда их и получали — книги воровали из библиотек на Земле и переправляли автотранспортными ракетами на Марс. Вы стоите ночью под открытым небом, и совершенно внезапно — вспышка: ракета упала и раскололась, и повсюду вокруг нее грудами валяются доколониальные журналы беллетристики — настоящее богатство! Но конечно же, вы прочитываете их от корки до корки, прежде чем продать.— Она оживилась, тема разговора была для нее актуальна.— Из всего...

Раздался стук во входную дверь.

Лицо Прис стало мертвенно-бледным, она прошептала:

— Я не подойду. Сидите так, чтобы ни звука. Сидите и не шевелитесь.— Она вся выпрямилась, вытянула шею, прислушиваясь.— Я не могу вспомнить, заперты ли двери,— произнесла она почти беззвучно, одними губами.— Боже мой, надеюсь, что заперты.— Ее взгляд, безумный и умоляющий, остановился на Изидоре.

Далекий, приглушенный голос донесся из холла:

— Прис, ты здесь? — Мужской голос.— Это Рой и Ирмгард. Мы получили твою открытку.

Поднявшись, Прис сходила в спальню и вернулась с ручкой и обрывком бумаги, села рядом с Изидором и торопливо написала: «ПОДОЙДИТЕ К ДВЕРИ».

Изидор, нервничая, взял из ее руки карандаш и написал в ответ: «И ЧТО СКАЗАТЬ?»

Разозлившись, Прис быстро вывела: «ПОСМОТРИТЕ, ОНИ ЛИ ЭТО».

Он насупился, но поднялся и двинулся в жилую комнату. Откуда ему знать, они это или не они? Изидор спросил себя, хотя спрашивать следовало Прис. Он открыл дверь.

Два человека стояли во тьме холла: невысокая симпатичная женщина, похожая на Грету Гарбо,— голубые глаза и светлые с легкой желтизной волосы; рядом — мужчина крупного телосложения, с выразительными глазами, но с плоским монголоидного типа лицом, которое придавало его внешности оттенок жестокости.

Женщина была одета в модную пелерину, высокие блестящие ботинки и зауженные брюки; на мужчине была потрепанная рубашка и перекрашенные брюки, которые создавали впечатление нарочитой вульгарности. Он улыбнулся Изидору, но его яркие, прищуренные глаза остались непроницаемы.

— Мы ищем...— Невысокая блондинка, не успев задать вопрос, посмотрела за спину Изидору; ее лицо расплылось в восхищении, и она с криком радости прошмыгнула мимо Изидора:

— Прис! Как дела?

Изидор повернулся. Женщины стояли обнявшись. Он сдвинулся на шаг, пропуская в квартиру Роя Бати, крепкого и смуглолицего, с угрюмой бесцветной улыбкой, замершей на губах.

Глава 14

— Мы можем говорить? — спросил Рой, кивая на Изидора.

Прис, которая буквально трепетала от счастья, ответила гостям:

— В определенном смысле, да.— И, повернувшись к Изидору, сказала: — Извините нас.

Она увела супругов Бати в другой угол комнаты и о чем-то пошепталась с ними; затем втроем они присоединились к Дж. Р. Изидору, который явно не находил себе места.

— Это мистер Изидор,— представила его Прис.— Он ухаживает за мной.— Слова прозвучали с легким оттенком злого сарказма. Изидор растерянно заморгал.— Хотите посмотреть? Он принес для меня натуральной еды.

— Еда.— Ирмгард Бати эхом повторила за Прис и торопливо двинулась в кухню.— Персики,— убедившись собственными глазами, сообщила она и, не дожидаясь приглашения, схватила миску и ложку; улыбаясь Изидору, она откусывала и, не жуя, заглатывала пищу маленькими кусочками: так обычно едят изголодавшиеся животные. Ее улыбка отличалась от улыбки Прис: она выражала дружбу и признательность без всяких скрытых намеков.

Следя за ней — он чувствовал, что его тянет к ней как магнитом,— Изидор проронил:

— Вы прилетели с Марса?

— Да, мы сбежали с Марса.— Ее голос дрогнул, будто вспорхнула птица; она посмотрела на него, ее голубые глаза искри-

лись.— В каком жутком здании вы живете! Никто, кроме вас, здесь не живет, или я не права? Мы не заметили ни одного светящегося окна, кроме вашего.

— Я живу этажом выше.

— О, а я подумала было, что вы и Прис живете вместе.— Голос Ирмгард Бати прозвучал без намека на недоброжелательность: она, несомненно, имела в виду именно то, что сказала.

Сурово, хотя улыбка не сходила с его лица, Рой Бати сообщил:

— Вот, они прихватили Полокова.

Улыбка Прис мгновенно растаяла; ее лицо, повеселевшее с появлением друзей, вновь помрачнело.

— Кого еще? — спросила она.

— Они прихватили Гарленда,— сообщил Рой Бати.— Они прихватили Андерса и Гитчел, а потом, несколько часов назад, они прихватили Любу.— Он сообщал новость за новостью так, будто испытывал при этом некую извращенную радость: как будто ему нравилось это сообщать. Как будто он извлекал удовольствие из транса, в который впала Прис.— Я считал, что им не удастся прихватить Любу; помните, я постоянно говорил об этом во время полета.

— И теперь нас осталось...— прошептала Прис.

— Только трое,— уточнила Ирмгард с каким-то зловещим предчувствием.

— Вот почему мы здесь,— прогрохотал голос Роя Бати, наполнившись неожиданной теплотой; казалось, чем хуже ситуация, тем большее удовольствие он из нее извлекает. Изидор никак не мог его понять.

— Боже,— в ужасе произнесла Прис.

— У них есть ищейка — охотник за премиальными,— добавила Ирмгард,— по имени Дейв Холден.— Злоба исказила ее губы.— Полоков почти прихватил его, но тот все-таки выжил.

— Он почти прихватил его,— эхом повторил Рой, расплываясь в улыбке.

— Сейчас он в госпитале, этот Холден,— продолжала Ирмгард.— И он, очевидно, передал список другому охотнику за премиальными; Полоков едва не прихватил и его. Но охотник все же усыпил Полокова и тут же отправился за Любой; мы знаем это, ей удалось связаться с Гарлендом, и он прислал подмогу, охотника арестовали и доставили в здание на Мишен-

стрит. Понимаешь, Люба сообщила нам сразу же после того, как помощник Гарленда забрал охотника за премиальными. Она не сомневалась, что все будет о'кей; она была уверена, что Гарленд убьет охотника.— Она вздохнула и добавила: — Но, очевидно, на Мишен-стрит произошло нечто непредвиденное. Что именно, мы не знаем. Возможно, что никогда уже не узнаем.

— У охотника есть список с нашими данными? — спросила Прис.

— Да, дорогая. Скорее всего — да,— ответила Ирмгард.— Но он не знает, где нас искать. Рой и я, мы не вернемся в старую квартиру: мы набили кар вещами и увезли сколько могли. Мы решили поселиться в одной из квартир в вашем жалком полуразвалившемся доме.

— Вы считаете, это разумно? — осмелился спросить Изидор, собравшись с духом.— В-в-всем в одном месте?

— Они прихватили всех, кроме нас,— уточнила Ирмгард, подытоживая. Она, как и ее муж, казалась теперь чужой и холодной, несмотря на возбужденное состояние. Они все, думал Изидор, они все выглядят очень странно. Он чувствовал это, хотя и не мог определить, что именно странно. Как будто в их мыслях доминировала какая-то особая и пагубная для них *формула*. Исключая, возможно, Прис; несомненно — она глубоко напугана. Прис казалась почти настоящей, почти естественной.

— Почему ты не живешь у него? — Рой поинтересовался у Прис, указывая на Изидора.— В определенном смысле он мог бы защищать тебя.

— Пустоголовый? — удивилась Прис.— Я не собираюсь жить с придурком! — Ее ноздри от возмущения задрожали.

— Глупо проявлять снобизм в такой момент,— быстро сказала Ирмгард.— Охотник торопится; он может попытаться покончить с нами даже сегодня вечером. Возможно, ему пообещали дополнительную премию, если он прихватит нас к ночи...

— Закрою дверь в холл,— сообщил Рой; он подошел и захлопнул ее одним мощным ударом ладони, так что щелкнул замок, закрыв дверь.— Думаю, тебе следует пойти с Изидором, Прис; я и Ирмгард устроимся где-нибудь в этом же здании; только так мы сможем помочь друг другу. Я захватил с собой кое-что из электронного оборудования; хлам, конечно; я раздобыл его на корабле. Я установлю двусторонние «жучки», так, чтобы ты, Прис, слышала, что происходит у нас, и мы

бы слышали тебя; и еще я установлю систему сигнального оповещения на случай опасности, так, чтобы ее мог включать любой из нас. Совершенно очевидно, что синтетические удостоверения личности не срабатывают, даже у Гарленда. Конечно, Гарленд сам накинул себе петлю на шею, попросив доставить задержанного охотника на Мишен-стрит: непростительный промах. И Полоков, вместо того чтобы убраться как можно дальше от охотника, рискнул на него напасть. Мы не повторим их ошибок; мы останемся здесь.— Голос его звучал спокойно, казалось, Рой ничуть не взволнован; наоборот, ситуация прибавила ему сил, наполнила его почти маниакальной энергией.— Я считаю...— Он глубоко и шумно задышал, притягивая к себе внимание присутствующих в комнате, включая Изидора.— Я считал, что мы трое остались в живых неспроста. Я думаю, что, если у охотника есть информация о том, где мы можем находиться, он появится именно сейчас. Основное правило охотника — работать дьявольски быстро. Стремительность непосредственно влияет на прибыль.

— А если он медлит и чего-то выжидает? — кивнула Ирмгард.— Мы ускользнем от него, как сегодня. Я уверена, что Рой прав, я уверена, что охотнику известны только наши имена, но не местонахождение. Бедняжка Люба — устроиться на работу в оперный театр «Мемориал Войны», да еще перед самым открытием сезона!

— Она сама того хотела,— произнес Рой,— она верила, что окажется в безопасности, если завоюет популярность в обществе.

— По крайней мере, ты предупреждал ее,— напомнила Ирмгард.

— Да,— согласился Рой.— Я предупреждал ее, я также предупреждал Полокова, чтобы он не выдавал себя за сотрудника ВПУ. И я предупреждал Гарленда, что он плохо кончит, что его усыпит один из охотников, находящийся в его же подчинении. Что, вероятнее всего, и произошло.— Рой покачивался взад-вперед на каблуках; его лицо было задумчивым.

Изидор, заикаясь, произнес:

— Я т-т-так п-п-понял, с-слушая мистера Бати, ч-что он д-д-действительно ваш лидер.

— О да, Рой — наш лидер,— согласилась Ирмгард.

— Это он устроил наш побег,— объяснила Прис,— и перелет с Марса на Землю.

— Значит,— сказал Изидор,— вам л-лучше с-согла-ситься с ним.— В его голосе была и надежда, и напряжение.— Думаю, будет п-п-потрясающе, Прис, если ты п-п-поживешь у меня. Я пару дней п-п-посижу дома; у меня п-приближаются выходные, я не п-п-пойду на работу. Я п-п-позабочусь, чтобы с тобой было все о'кей.

Возможно, Милт, отличающийся изобретательностью, свинтит для него оружие. Что-нибудь потрясающее, что-нибудь, что остановит любого охотника за премиальными... кем бы он ни оказался. Неожиданно Изидору представилась туманная картина: какой-то страшный, безжалостный тип со списком жертв в одной руке и ружьем в другой; он быстро движется по выжженной равнине, механически, как робот, переставляя ноги, следуя бюрократическим законам. Тварь без эмоций и даже без лица. Если убить эту тварь, то ее место тут же займет другая — столь же безликая и хладнокровная. И так будет продолжаться до тех пор, пока все настоящее и действительно живое не будет убито.

Просто невероятно, думал Изидор, что полиция бессильна против охотников. Он никак не мог поверить, что убийцы сильнее правоохранительных органов. Но, быть может, продолжал размышлять Изидор,— эти люди, стоящие сейчас рядом со мной, совершили нечто противозаконное. Возможно, они нелегально эмигрировали на Землю. Изидор вспомнил, что по ТВ обращались ко всем телезрителям — а значит, и к нему! — с просьбой сообщать о любой случайно замеченной посадке корабля «вне установленных законом посадочных площадок». Соблюдение этого постановления правительства, судя по всему,— в компетенции полиции.

Но даже если полиция стоит на страже законности, убийства не должны происходить. Они противоречат идеологии мерсеризма.

— Я нравлюсь пустоголовому,— подтвердила Прис.

— Не называй его так,— попросила Ирмгард; она с явным сочувствием посмотрела на Изидора.— Подумай, как он мог бы назвать тебя.

Прис не ответила, она замерла — сама загадочность.

— Я, пожалуй, начну устанавливать «жучки»,— сказал Рой.— Ирмгард и я — мы останемся в этой квартире; Прис, ты пойдешь... вместе... с мистером Изидором.

Рой Бати двинулся к двери с подозрительной для человека его комплекции быстротой. Он распахнул дверь и исчез, слив-

шись с темнотой холла; дверь тут же звонко за ним захлопнулась. Стоило Рою уйти, Изидору мгновенно явилась странная галлюцинация: он увидел, потрясающе отчетливо, характерный металлический блеск; платформа с блоками, шкивами, турелями и натянутыми проводами, соединявшими энергобатареи с неизвестным устройством... а затем все расплылось и на месте платформы появились неясные контуры человеческой фигуры, которая постепенно обрела четкий облик Роя Бати, вернувшегося в комнату из темного холла. Изидор почувствовал, как в нем поднимается волна нервного смеха; он с трудом подавил приступ. И удивился этому.

— Человек действия,— произнесла Прис, ее голос донесся как из соседней комнаты.— Жаль, что он не умеет работать руками — собирать разнообразные механизмы, которые придумывает.

— Если нам удастся спастись,— произнесла Ирмгард очень строго, будто в упрек Прис,— так только благодаря Рою.

— Не знаю, может ли нам быть хуже, чем сейчас,— тихо сказала Прис, обращаясь сама к себе; она задумчиво пожала плечами, потом повернулась к Изидору, посмотрела на него и, что-то решив для себя, кивнула: — О'кей, Дж. Р. Я иду вместе с вами, и вы с этой минуты можете начинать охранять меня.

— В-в-всех в-в-вас! — незамедлительно уточнил Изидор.

Торжественно и с некоторым оттенком официальности Ирмгард Бати ответила ему:

— Я хочу, чтобы вы знали. Мы очень вам признательны, мистер Изидор. Вы наш друг. Вы — первый, кого мы действительно можем назвать своим другом на Земле. Очень мило с вашей стороны, и я надеюсь, когда-нибудь мы сможем отплатить вам тем же.— Она подошла к нему и с признательностью погладила руку.

— У в-вас случайно нет доколониальной беллетристики? Мне п-почитать? — спросил он ее.

— Простите, не поняла? — Ирмгард Бати вопросительно оглянулась на Прис.

— Ну, тех старых журналов,— уточнила Прис; она уже собрала кое-что из вещей. Изидор забрал у нее пакет, чувствуя внутри себя сияние, которое вспыхнуло благодаря достигнутой цели.— Нет, Дж. Р. Мы не смогли захватить с собой ни одного номера; причины я уже объяснила вам.

— Тогда я з-за-завтра же схожу в библиотеку,— кивнул он, выходя в холл.— И п-принесу журналов для чтения, и вам, и с-с-себе, чтобы у вас было чем заняться, а не только с-сидеть и ж-ж-ждать.

Он помог Прис подняться по лестнице в свою квартиру, мрачную, пустую и захламленную настолько, что проветрить ее было невозможно; положив вещи на диван, он включил обогреватель, свет и правительственный канал ТВ.

— Неплохо у тебя,— сказала Прис, но таким же безразличным и неопределенным тоном, что и прежде.

Она осмотрела комнату, переходя с места на место и засунув руки в глубокие карманы юбки; выражение недовольства застыло на ее лице, но вскоре оно все больше стало напоминать откровенное отвращение.

— Что случилось? — спросил он, раскладывая ее вещи на диване.

— Ничего.— Она застыла у окна, раздвинула шторы и отрешенно уставилась во мрак улицы.

— Если вы думаете, что они уже ищут вас...— начал он.

— Все это лишь галлюцинация,— ответила Прис.— Рой дал мне наркотик, и теперь мне кажется...

— П-п-простите?

— Ты действительно думаешь, что охотники существуют?

— Но мистер Бати сказал, что они убили ваших друзей.

— Рой Бати такой же псих, как и я,— сказала Прис.— Какое еще путешествие с Марса! Выдумки. На самом деле — побег из психиатрической клиники на Западном побережье — сюда, в Сан-Франциско. Мы все — шизофреники, страдающие маниями на почве эмоциональных расстройств. Это называется — сглаживание аффекта. Мы давно вместе, поэтому наше состояние отягощено групповыми галлюцинациями.

— Я не думаю, что вы говорите мне правду,— убежденно возразил он.

— Почему вы не верите? — Она как-то неестественно вывернула шею и внимательно на него посмотрела; взгляд ее казался столь пронзительным, что он весь затрепетал под ним.

— П-п-пытамушто в-вещи, ты-такое случается к-край-не редко, если ва-ваще случается. П-п-правительство никогда никого не убивает, ни за какие п-преступления. И мерсеризм...

— Но поймите,— тихо сказала Прис,— если вы не человек, то законы вас не защищают. И вы живете в ином мире.

— Нет, это не так, даже животные... даже угри и крысы, даже змеи и пауки... даже они неприкосновенны.

Прис, продолжая неподвижно разглядывать Изидора, сказала:

— Значит, этого не может быть? Или может? Как вы сказали? Закон защищает даже животных? Закон защищает все живое? Все, что состоит из органических молекул, все что скачет и ползает, роет норы и летает, плавает и откладывает яйца или...— Она прекратила нескончаемые перечисления, потому что в квартире появился Рой Бати, он резко распахнул дверь в квартиру и вошел, а за ним тянулся длинный хвост разноцветных проводов.

— Насекомые,— продолжил он, ничуть не смутившись, что подслушал часть разговора,— особенно священны! — Сняв со стены гостиной картину, он прикрепил к гвоздю небольшое электронное устройство, отступил на шаг, оценивающе посмотрел на результат своей работы, затем вернул картину на прежнее место.— Теперь сигнальное устройство.— Он подтянул волочившиеся за ним провода, присоединил их к сложному устройству. Он подозвал Прис и Джона Изидора, показал им устройство, при этом продолжая улыбаться своей неестественной улыбкой.— Сигнализация. Провода запихнем под ковер. Они будут выполнять роль антенны и улавливать наличие...— он на секунду задумался,— разумного существа и фиксировать появление постороннего индивидуума.

— Ну и что делать, когда мы услышим сигнал? — спросила Прис.— Охотник вооружен пистолетом. Мы ведь не можем все сразу наброситься на него и заклевать до смерти?

— Мое устройство,— продолжал Рой,— снабжено «Пенфилдом». Сирена автоматически включит модулятор настроения, который вызовет у незваного гостя состояние страха и паники. Разве только он будет действовать чрезвычайно быстро, что не исключено. Но я установил «Пенфилд» на максимальную мощность. Человек не может находиться вблизи источника дольше двух секунд. После этого у человека проявляются симптомы панического состояния: он зацикливается на одних и тех же движениях, у него возникает непонятное возбуждение, а в итоге наступают мышечные и нервные судороги.— Рой подвел итог: — Что даст нам возможность прихватить его. Вероятно, все зависит от того, в каком он физическом и психическом состоянии.

— А сигнал не повредит нам? — спросил Изидор.

— А он прав,— Прис посмотрела на Роя Бати.— Сигнал подействует на Изидора.

— Если да, что из того? — отмахнулся Рой, продолжая прикреплять провода к устройству.— Он выбежит из дома в панике, только и всего. А нам это даст время действовать. Охотники не станут убивать Изидора; его нет в их списке. Поэтому он — наше лучшее прикрытие.

— Ничего другого ты, конечно, придумать не мог, Рой? — резко произнесла Прис.

— Нет,— ответил он.— Не мог.

— В-возможно, з-завтра я д-достану оружие,— напомнил Изидор.

— Ты уверен, что система не будет реагировать на Изидора? — спросила Прис.— В конце концов, он ведь... ну, сам знаешь.

— Я добавил в устройство компенсирующую схему, которая не станет аналогизировать его личные эманации,— объяснил Рой.— Сигнал тревоги прозвучит только при появлении человека, настоящего человека.— Нахмурившись, он внимательно посмотрел на Изидора, даже не задумываясь над тем, что только что сказал.

— Вы — андроиды,— произнес Изидор. Но он уже не боялся; ему было уже все равно.— Теперь я понимаю, почему они хотят убить вас,— добавил Изидор.— Вы действительно неживые.— Теперь ему стало все совершенно ясно. Охотник за премиальными, убийство их друзей, бегство на Землю, приготовления и предосторожности...

— Употребив слово «человек»,— Рой Бати пояснил Прис,— я использовал неточный термин.

— Может, и так, мистер Бати,— вздохнул Изидор.— Но какая, собственно говоря, разница? Лично для меня? Я хочу сказать: я — специал; и не то чтобы надо мной очень уж издевались, но я, по крайней мере, не смогу эмигрировать.— Он почувствовал, что его понесло, как folletto*.— Вы не можете прилетать сюда, я не могу улететь...— Он одернул себя, замолчал.

После некоторой паузы Рой Бати лаконично сообщил Изидору:

— Вам бы не понравился Марс. Можете считать, что вы ничего не потеряли.

---

* Folletto — сумасброд *(итал.)*.

— Я с удивлением раздумывала, сколько времени тебе понадобится,— Прис повернулась к Изидору,— чтобы разобраться. Мы сильно отличаемся от людей, да?

— Возможно, это и есть та ловушка, в которую попали и Гарленд, и Макс Полоков,— уточнил Рой Бати.— Они были так чертовски уверены, что никто ничего не заметит. Как и Люба.

— Вы слишком умны! — Изидор очень удивился, неожиданно разобравшись в них, удивился, почувствовав необычайный прилив сил и радости. Восхищения и признательности.— Вы оперируете абстрактными понятиями, и вы не...— Он запутался, он не мог подобрать соответствующие слова, чтобы состыковать их в понятные предложения. Обычная история для Изидора.— Моя мечта — иметь такой же ум, как у вас, чтобы пройти тест, чтобы меня не называли пустоголовым. Я считаю вас, если можно так сказать, своими родителями; и я стараюсь многому у вас научиться...

Через несколько минут, закончив работу, Рой Бати сообщил:

— Все готово.

— Но он все еще не понял,— сказала Прис, голос ее прозвучал с надрывом, но очень громко, будто она надеялась, что звук заглушит неприятные воспоминания,— как нам удалось сбежать с Марса. И что для этого пришлось сделать.

— Но у нас не было иного выхода,— проворчал Рой Бати.

Около распахнутой двери в холл стояла Ирмгард Бати; они обратили на нее внимание, только когда она присоединилась к общему разговору.

— Ну, не думаю, что нам стоит беспокоиться из-за мистера Изидора,— честно призналась она, торопливо подошла к нему, заглянула Изидору в лицо.— С ним они обращались так же плохо, как с нами; его не интересует, как нам удалось сбежать с Марса; он знает нас, и мы ему нравимся, а наша эмоциональная поддержка значит для него больше, чем все остальное, вместе взятое. Конечно, нам непросто понять его, но я все говорю правильно.— Потом она, стоя почти вплотную, вновь обратилась к Изидору, внимательно на него глядя.— Ты можешь заработать чертову уйму денег, если сообщишь в полицию. Ты понимаешь? — Резко повернувшись, она сказала мужу: — Он все понимает, но он нас не выдаст.

— Вы настоящий человек, Изидор,— сказала Прис,— вы гордость расы людей.

— Будь он андроидом,— откровенно признался Рой,— нас бы прихватили завтра утром за десять минут. Он бы отправился на работу, и... охотники тут как тут. Я благодарен ему.— Изидор не мог понять, серьезно говорит Рой или, как обычно, насмехается над ним.— Мы не надеялись встретить на Земле друзей. Даже одного друга. Мы ожидали натолкнуться на толпу враждебных лиц, на ненависть и злобу, направленные против нас.— Рой скорее закашлялся, чем рассмеялся.

— Я абсолютно спокойна,— заявила Ирмгард.

— Вместо того чтобы дрожать от страха,— заявил Рой.

— Давайте проголосуем,— предложила Прис,— как мы поступили на корабле, когда не могли договориться.

— Хорошо,— согласилась Ирмгард.— Я молчу. Но предупреждаю: нет другого человеческого существа, которое пустит нас к себе и поможет нам. Ведь мистер Изидор просто...— Она запнулась, подбирая слово.

— Специал,— подсказала Прис.

Глава 15

Голосование проходило в нарочито торжественной обстановке.

— Мы должны остаться,— объявила Ирмгард и уточнила: — В этой квартире и в этом здании.

— Я за то, чтобы убить мистера Изидора и перебраться в другое место,— заявил Рой Бати.

Рой, Ирмгард и... Джон Изидор... повернулись к Прис, напряженно ожидая ее решения.

— Я голосую за то, что мы должны остаться здесь,— тихо произнесла Прис. И добавила чуть громче: — Дж. Р. знает окружающий мир, и это перевешивает опасность, которая от него исходит. Совершенно очевидно, что мы не можем жить среди людей, оставаясь незаметными: так прихватили и Полокова, и Гарленда, и Любу, и Андерса. Это то, что погубило их всех.

— Они поплатились за свою беспечность, и мы повторяем их ошибку,— заспорил Рой Бати.— Каждый из них поверил человеку, посчитав, что этот человек отличается от остальных людей.

— Откуда нам знать, что произошло в действительности,— возразила Ирмгард.— Мы можем только догадываться. Я считаю, что они, что...— она неловко взмахнула руками,— они

слишком свободно разгуливали среди людей, как будто они... Даже пели со сцены, как Люба, например. Мы полагаемся лишь... да, я уверена! Рой, мы полагаемся на первопричину собственной гибели! Нас убивают из-за того, что мы — будь оно все проклято! — чрезмерно умны! — Ирмгард посмотрела на мужа, ее дыхание резко участилось, маленькие груди — и в такт дыханию, и в такт гневу — стремительно поднимались и опускались.— Мы слишком сообразительны... Рой, ты даже сейчас, прямо сейчас, прямо здесь, черт тебя побери, совершаешь все ту же ошибку!

— Думаю, Ирм права,— согласилась Прис.

— И поэтому мы вверяем наши жизни в руки субстандартного, насквозь изъеденного пылью...— начал спорить Рой, но резко остановился.— Я очень устал,— тихо добавил он.— Мы слишком долго и трудно добирались сюда, Изидор. А здесь мы еще не прижились. К сожалению.

— Надеюсь,— радостно заверил Изидор,— я смогу сделать ваше пребывание на Земле более приятным.— Он действительно почувствовал уверенность. И прилив сил. Ему показалось, что наступил кульминационный момент всей его жизни — тем более что утром он вернул свой давно утраченный авторитет, справившись с разговорами по видеофону.

Вечером, как только истекло рабочее время, Рик Декард полетел через весь город в район, где несколько кварталов занимали крупные зоомагазины: огромные стеклянные витрины, заманчивые вывески, красочные проспекты, рекламирующие товар.

Жуткая депрессия, захлестнувшая Рика, вот уже несколько часов не выпускала его из своих сетей. Он прилетел сюда посмотреть на животных, поболтать с торговцами; он надеялся, что только здесь ему помогут увидеть — во тьме ужасной депрессии — светлую точку, вернее, выход из лабиринта подавленности. По крайней мере, все предыдущие визиты в небольшой зоомир, насыщенный красотой и элегантной естественностью животных, их натуральными, вызывающими благоговейный трепет запахами, заканчивались для Рика на мажорной ноте. Он очень надеялся, что добьется положительного результата и в этот вечер.

— Слушаю вас, сэр,— опрятно одетый молодой продавец непринужденно поздоровался с Риком, который мутно-стек-

лянным взглядом вперился в одну из витрин.— Кажется, вы выбрали для себя то, что вызывает у вас благоговейный трепет.

— Мне нравится буквально все,— признался Рик,— а трепет в большей степени вызывают цены.

— Если вы в растерянности,— предложил продавец,— просто назовите сумму предполагаемой покупки. Подумайте, что именно вам хочется, как предполагаете оплачивать. Потом мы обсудим условия с товароведом и получим его разрешение на заключение сделки.

— У меня три тысячи наличными,— сообщил Рик, правление выдало ему премиальные в конце рабочего дня.— Сколько стоит вон та семья кроликов? — спросил Рик.

— Сэр, позволю себе заметить: если вы готовы внести аванс — три тысячи наличными, я настоятельно предложу вам: подумайте над тем, чтобы стать владельцем крупного животного, а не пары кроликов. Скажем, козла.

— Дело в том,— признался Рик,— что я никогда не задумывался, хочу ли иметь козла.

— Могу ли я задать вам один, возможно не очень скромный, вопрос?

Рик кивнул.

— Желание сделать покупку означает улучшение вашего финансового положения?

— Да. Я не каждый день выхожу из дома с тремя тысячами в кармане,— подтвердил Рик.

— Извините, сэр, но я так и подумал, когда вы упомянули кроликов. Дело в том, сэр, что кролика может купить любой человек. Только крупное и дорогое животное позволит вам почувствовать себя в своей тарелке.

— В чем же основные достоинства козла? — заинтересовался Рик.

— Главное достоинство в том, что животное поддается дрессировке. Вы легко научите его бодать любого незнакомца, который, возможно, попытается украсть ваше животное.

— Если только в козла не выстрелят гипно-дартом, а потом не втащат, с помощью каната и лебедки, в ремонтный фургон.— Рик был наслышан о кражах животных.

Продавец продолжал расхваливать товар так, будто не слышал замечания клиента.

— Козел предан своему хозяину. Он своенравен и вольнолюбив: никакие клетки ему не нужны. И еще одна существенная

деталь, о которой не следует забывать. Случается, что, вложив в покупку деньги, хозяин, проснувшись утром, обнаруживает, что животное умерло, потому что в пищу попала радиоактивная пыль. Козел машинально съедает все, что ему дают, козлу не страшна зараженная квази-пища, включая продукты с такими дозами отравы, которые валят с ног и коров, и лошадей, и в особенности котов. Как долгосрочное денежное вложение, козлы — тем более козы — дают владельцам животных несомненные преимущества.

— Это... коза? — Рик указал на крупное черное животное, которое стояло в центре клетки, вытянув морду в их сторону; Рик направился к животному, продавец двинулся следом. Козел, как показалось Рику, был поистине прекрасен.

— Да, это коза черной нубийской породы; обратите внимание — очень крупный экземпляр. Основной претендент на звание лучшего животного, которое выставили на рынке в нынешнем году. И мы предлагаем купить вам козу, сэр, по заманчивой, удивительно низкой цене.

Вытащив из кармана потрепанный каталог «Сидни», Рик открыл его на странице «Козы», нашел породу — черная нубийская, изучил цену.

— Вы внесете аванс наличными? — спросил продавец.— Или предложите, в качестве дополнительной компенсации, ваше нынешнее животное?

— Наличными,— кивнул Рик.

На небольшом прямоугольнике — бумажки нарезали специально для таких «переговоров» — продавец написал цену, а затем быстро, почти украдкой, показал Рику.

— Много.— Рик покачал головой и написал свой вариант цены; теперь запротестовал продавец:

— Мы не можем себе позволить отдавать козу почти задаром.— Он нарисовал новую сумму.— Козе еще нет года, ее потенциальная продолжительность жизни очень велика.

— Согласен,— вздохнул Рик, посмотрев на бумажку.

Он подписал кредитный лист, внеся в виде аванса премию за усыпленных анди. И вскоре стоял в трех шагах от ховеркара, с немым восторгом наблюдая, как служащие магазина грузят упаковочную клеть в кар. «Теперь у меня вновь есть животное,— сказал себе Рик,— настоящее, не электрическое. Второе настоящее животное в моей жизни».

Вспомнив о цене, вернее о сумме кредита, которую предстоит выплачивать, он ужаснулся и задрожал.

«Но я должен был купить животное! — подбодрил себя Рик.— После откровений Фила Реша... Я должен был восстановить уверенность в собственных силах и возможностях. В противном случае я бы бросил работу».

Руки его онемели, но он все же поднял ховеркар, возвращаясь в свою квартиру, к своей Айрен. «Она разозлится,— предположил Рик.— Она все время будет думать о моей платежеспособности. К тому же, поскольку она большую часть времени торчит дома, на ее плечи ляжет обязанность ухаживать за козой». Он снова помрачнел.

Осторожно опустив кар на крышу, Рик выключил мотор и некоторое время сидел молча и не двигаясь; затем начал сплетать в уме — из отдельных нитей — правдоподобную версию событий прошедшего дня. «Покупка необходима мне из-за работы,— думал он.— Престиж. Давно пришло время заменить электрическую овцу; поддельное животное подрывает мой моральный дух. Скорее всего, именно это я скажу Айрен»,— решил он.

Рик торопливо выпрыгнул из ховера, но потом долго возился с упаковочной клетью, осторожно вытаскивая ее с заднего сиденья; он запыхался, но все же ему удалось аккуратно опустить ее на крышу. Коза, скользя копытцами по гладкому днищу клети, за все время не издала ни звука. Теперь, почувствовав твердую поверхность, она с благодарностью посмотрела на Рика блестящими глазами.

Он спустился на свой этаж, прошел по знакомому коридору до двери в квартиру.

— Привет! — воскликнула Айрен, готовившая обед на кухне.— Где ты так задержался?

— Поднимемся на крышу? — предложил Рик.— Хочу тебе кое-что показать.

— Ты купил животное.— Она развязала и сняла фартук, машинально поправила волосы и направилась следом за ним; они вышли из квартиры и быстро пошли по коридору.— Ты мог бы посоветоваться со мной,— Айрен тяжело дышала.— Я имею право участвовать в принятии решения, когда речь идет о самом ценном приобретении, которое мы когда-либо...

— Я хотел сделать сюрприз,— объяснил Рик.

— Ты сегодня заработал премиальные,— произнесла жена так, как будто зачитывала обвинительное заключение.

— Да. Я усыпил трех анди,— признался Рик. Он вошел в лифт, но вверх, к небесам, они поднимались вместе.— Я не мог не купить,— сказал он.— Что-то произошло сегодня со

мной, и это что-то изменило мое отношение к смерти. Я не смог объяснить даже себе самому, но понял одно: если не куплю животное, не смогу больше работать охотником.— Лифт замер наверху, на крыше; Рик вышел вместе с женой в вечерний сумрак, где их ожидала коза в клетке; включив прожектора, которыми пользовались все жители дома, он указал на козу, не говоря ни слова. Ожидая реакцию жены.

— О боже,— тихо сказала Айрен. Она приблизилась к клетке, внимательно разглядывая животное, обошла вокруг, осмотрев козу со всех сторон.— Она живая? — спросила Айрен.— Она не поддельная?

— Абсолютно живая,— сказал Рик,— если только меня не надули.

Но такое случалось крайне редко: штраф за подделку составлял сумму, в два с половиной раза превышавшую полную стоимость настоящего животного.

— Нет, меня не надули.

— Козел черной нубийской породы,— проговорила Айрен.

— Коза,— поправил Рик.— Возможно, в будущем нам удастся спарить ее. Мы подоим ее, а из молока приготовим сыр.

— Можно запустить ее в вольер, где овца?

— Ее следует держать на привязи,— сказал он.— По крайней мере, несколько дней.

Айрен пропела странным, немного детским голосом:

— Жизнь моя — это любовь и наслаждения. Старая, старая песня Йозефа Штрауса. Припоминаешь? Когда мы впервые встретились? — Она нежно обняла его за шею, прижалась, поцеловала.— Много любви. И очень много наслаждений.

— Большое спасибо,— ответил Рик и сжал ее в объятиях.

— Давай поскорее спустимся вниз и поблагодарим Мерсера. Затем вновь поднимемся сюда и дадим ей имя. И возможно, ты найдешь веревку, чтобы ее привязать.— Айрен потянула его за собой, к лифту.

Сосед Билл Барбо, который стоял возле своей Джуди, поглаживая и почесывая лошадь, окликнул их.

— Эй, какая прекрасная коза, Декард! Мои поздравления. Вечер добрый, миссис Декард. Возможно, у нее появятся козлятки; возможно, мы сторгуемся: я поменяю жеребенка на двух козлят.

— Спасибо,— поблагодарил Рик. Он пошел следом за Айрен, в сторону лифта.— Эта покупка снимет твою депрессию? — спросил он.— Я уже вылечился.

— Конечно же снимет,— ответила Айрен.— Теперь мы можем всем сказать, что наша овца поддельная.

— Думаю, этого не следует делать,— настороженно ответил Рик.

— Но мы можем,— настаивала Айрен.— Теперь нам нечего скрывать, ведь наши мечты сбылись! — Она вновь встала на цыпочки, прижалась и проворно поцеловала Рика; ее дыхание, страстное и прерывистое, щекотало ему шею. Потом она протянула руку к кнопке лифта.

Рик почувствовал какое-то беспокойство и сказал:

— Давай постоим здесь еще немного. Куда ты торопишься? Давай постоим и понаблюдаем за козой. Просто посидим, посмотрим, а может, и покормим ее. Мне дали с собой пакет с овсом на первое время. И почитаем руководство по уходу за козами; мне дали его бесплатно, вместе с овсом. Мы можем назвать ее Евфемия.— Но в этот момент подъехал лифт, и Айрен заскочила в кабину.

— Айрен, подожди,— попросил он.

— Это аморально, если мы не сольемся с Мерсером в порыве признательности,— сказала Айрен.— Я сегодня держалась за рукоятки эмпатоскопа, и мне помогли снять депрессию... конечно немного, не так, как помогла коза. Но все же в меня попал осколок камня, вот посмотри.— Она показала ему запястье, на котором он различил темное пятно — синяк.— Но я непрестанно думала о том, насколько лучше мы становимся, когда мы с Мерсером. Несмотря на боль. Физическая боль, но духовное слияние; я ощущала всех и каждого, по всему миру, всех, кто сливался воедино в тот миг.— Дверцы лифта дернулись, чтобы закрыться, но она остановила их, подставив ногу.— Входи, Рик. Это ненадолго. Ведь ты и так почти не участвуешь в слиянии; я хочу, чтобы ты поделился своим настроением со всеми; ты должен предоставить им такую возможность; аморально оставлять радость только себе.

Она, конечно же, была права. Поэтому он вновь вошел в лифт и вернулся в квартиру. Оказавшись в гостиной, Айрен стремительно включила эмпатоскоп: ее лицо оживилось, наполняясь благодатью, оно осветилось изнутри, как восходящая молодая луна.

— Я хочу, чтобы все знали,— заявила Айрен.— Однажды со мной произошло, я слилась с человеком, который только что приобрел животное. А однажды...— Лицо ее помрачнело,

благодать улетучилась.— Я ощутила боль человека, у которого погибло животное. Но мы, остальные, кто был рядом с ним в тот момент, мы поделились своими небольшими радостями... Мне нечем было тогда поделиться, как ты знаешь... остальные, они приободрили человека. Я думаю, мы потенциально можем предотвратить самоубийство; то, что в нас, то, что мы чувствуем, может...

— Они получат нашу радость,— сказал Рик,— но мы ее потеряем. Поменяем то, что чувствуем мы, на то, что чувствуют они. То есть потеряем радость.

На экране эмпатоскопа мелькали яркие бесформенные пятна; глубоко вздохнув, жена крепко взялась за рукоятки.

— В действительности, мы не потеряем нашего чувства, если не станем насильно удерживать его в себе. Ты ведь никогда по-настоящему не участвовал в слиянии, не так ли?

— Кажется, нет,— ответил он. Сейчас Рик неожиданно понял, впервые в жизни, какое значение имеет мерсеризм в жизни таких людей, как Айрен, что они из него черпают. Вероятно, столкновение с охотником за премиальными, Филом Решем вызвало реакцию его мозга: постоянно действовавшие каналы оказались заблокированы, используемые нервные связи выключены, их заменили другие, что вызвало цепную реакцию, и в его мозгу образовались новые устойчивые связи.

— Айрен,— настойчиво позвал он и оттащил жену от эмпатоскопа.— Послушай, я хочу рассказать о том, что со мной сегодня случилось.— Он довел ее до дивана, посадил так, чтобы она смотрела на него.— Я встретился с другим охотником,— сказал он,— которого никогда прежде не видел. Хищник. Ему нравится, понимаешь, ему нравится уничтожать анди. Впервые во время совместной охоты я увидел анди другими глазами. Я хочу сказать, что касается меня, я раньше думал о них так же, как Реш.

— Ты не можешь подождать со своей болтовней? — спросила Айрен.

— Я задал себе вопрос из теста, чтобы проверить реакцию,— продолжал Рик,— во мне появилось сострадание к андроидам, а теперь послушай, что это значит. Ты сегодня утром сказала себе: «Этих бедных анди». Так что ты должна понимать, о чем я говорю. Вот почему я купил козу. Я никогда не сочувствовал андроидам. Возможно, это лишь депрессия, как у тебя. Теперь я могу понять, как ты страдаешь; я всегда думал, что тебе нравится это состояние, я считал, что ты можешь из него вый-

ти, стоит тебе только захотеть; если не сама, так с помощью модулятора. Я только теперь понял: когда ты в депрессии, тебе на все наплевать. Апатия, вызванная тем, что ты утратила ощущение собственной значимости. Не имеет значения, чувствуешь ли ты себя хуже или лучше, когда ты сама для себя ничего не значишь...

— А как насчет твоей работы? — не вопрос, а нож вонзился в него; Рик заморгал.

— Твоя работа,— повторила Айрен.— Какова ежемесячная выплата за козу? — Она требовательно протянула руку.

Машинально он достал и отдал ей контракт.

— Ничего себе.— Голос ее натянулся как струна.— Сумма плюс... Это что? Ежемесячная сумма или проценты? Боже праведный! И ты решился на покупку, потому что чувствовал подавленность! Депрессия! Нет, ты ведь сказал, что это сюрприз для меня...— Она вернула ему контракт.— А, ладно. Я все равно счастлива, что ты купил козу; я люблю козу.— Айрен помрачнела.— Но она затянет нас в могилу.

— Я переведусь в другой отдел,— сообщил Рик.— В Управлении десять, нет, одиннадцать отделов, которые занимаются... Например, воровство животных; я бы мог перейти туда.

— Но премиальные деньги. Без этих денег магазин отсудит у нас козу.

— Я составлю новый контракт. Растяну его с тридцати шести до сорока восьми месяцев.— Он судорожно достал шариковую ручку, принялся считать, записывая на обратной стороне контракта.— В итоге получается на пятьдесят два с половиной доллара в месяц меньше.

Зазвонил видеофон.

— Ну вот. Если бы мы не спустились,— недовольно произнес Рик,— если бы остались на крыше с козой, мы бы не знали, что нас вызывают.

Направляясь к видеофону, Айрен сказала:

— Чем ты так напуган? Это не из магазина, они ведь еще не могут забрать козу.— Она протянула руку к трубке.

— Из Управления,— догадался Рик.— Скажи, что меня нет.— Он направился в спальню.

«Еще три анди,— решил Рик,— за которыми мне предстоит погнаться сегодня, вместо того чтобы побыть дома».

На экране появилось лицо Гарри Брайанта, так что прятаться бессмысленно. Рик повернулся и на негнущихся, как жерди, ногах двинулся обратно к видеофону.

— Да, он здесь,— уже говорила Айрен.— Мы купили козу. Прилетайте посмотреть, мистер Брайант.— Пауза — она слушала, что скажет в ответ инспектор, потом протянула трубку Рику.— У него для тебя что-то важное,— сообщила Айрен.

Вернувшись к эмпатоскопу, она быстро устроилась возле ящика и сжала рукоятки. Она окунулась в слияние почти мгновенно. Рик стоял, держа трубку видеофона, чувствуя ментальный уход жены и собственное одиночество.

— Слушаю,— сказал он.

— У нас появилась зацепка на двух оставшихся андроидов,— сообщил Гарри Брайант. Он звонил из своего кабинета; Рик узнал стол, кипы документов, бумаг и всякого хлама.— Несомненно, они встревожены, они переехали с квартиры, адрес которой нам дал Дейв, перебрались, ты можешь их найти... минутку...— Брайант порылся в бумагах и в итоге извлек нужную запись.

Рик привычно достал ручку, чтобы записать, положил на колено контракт.

— Заброшенное здание 3967-С,— прочитал инспектор Брайант.— Отправляйся как можно быстрее. Предположительно, они в курсе того, что ты прихватил Гарленда, Любу и Полокова; именно поэтому они совершили незаконный полет.

— Незаконный,— повторил Рик. «Чтобы спастись».

— Айрен сказала, что вы купили козу,— поинтересовался Брайант.— Только сегодня? Сразу, как ты уехал из Управления?

— По дороге домой.

— Обязательно приеду посмотреть, после того как усыпишь оставшихся андроидов. К слову сказать, я только что беседовал с Дейвом. Я ему рассказал, с какими ты столкнулся трудностями; он просил тебя поздравить и быть еще осторожнее. Дейв сказал, что «Нексус-6» намного умнее, чем он думал. Честно говоря, он долго не хотел верить, что ты прихватил за день троих.

— Троих больше чем достаточно,— спорил Рик.— Я сегодня больше ни на что не способен. Я должен отдохнуть.

— К завтрашнему утру они уберутся из нашего района,— сказал инспектор Брайант.

— Нет. Завтра они еще будут поблизости.

— Ты прихватишь их сегодня. Пока они не окопались в другом месте. Они не ждут тебя так скоро.

— Уверен, они уже наготове,— сказал Рик.— Они поджидают меня.

— Лихорадит? После Полокова...

— Нет.

— Тогда в чем же дело?

— Все о'кей, я сейчас же отправлюсь,— ответил Рик и собрался было положить трубку.

— Сообщишь мне об успехах. Я сижу в своем кабинете.

— Если прихвачу их, куплю овцу,— сказал Рик.

— У тебя есть овца. Сколько тебя знаю, она всегда у тебя была.

— У меня электроовца,— сообщил Рик и положил трубку. «На сей раз — настоящую овцу,— сказал он себе.— Я должен обзавестись овцой в виде компенсации».

Айрен скрючилась возле черного корпуса эмпатоскопа, но лицо ее выражало восторг. Он встал позади нее, потом положил ей на грудь ладонь; он почувствовал, как грудь поднимается и опускается, не только грудь — вся ее жизнь, внутренняя энергия. Айрен не заметила его: слияние с Мерсером, как обычно, поглотило ее целиком.

На экране расплывчатая фигура старика Мерсера в робе медленно взбиралась вверх по склону. Неожиданно вслед ему полетел камень. Наблюдая за стариком, Рик подумал: «Боже, мое положение гораздо хуже, чем его; Мерсеру не приходится выполнять работу, чуждую своей натуре. Он страдает, но ему, по крайней мере, не приходится насиловать собственную совесть».

Рик осторожно отцепил пальцы жены от рукояток. После чего занял ее место. Он даже не мог вспомнить, когда последний раз садился за эмпатоскоп. Неделю, несколько недель или много больше? Но сейчас его как будто подхлестнуло: он неожиданно решил, и все произошло так внезапно...

Ему открылся опустошенный ландшафт: сорные травы торчали сухими пучками. Воздух наполнился запахом увядших цветов, теперь здесь раскинулась пустыня и не бывает дождей.

Перед Риком стоял человек; в печальных глазах застыла боль и тоска.

— Мерсер,— узнал Рик.

— Я твой друг,— обратился к нему старик.— Но ты должен идти своим собственным путем, так, будто я не существую. Ты понимаешь суть моих слов? — Он развел руками, в которых ничего не было.

— Нет. Не понимаю. Мне нужна помощь.

— Могу ли я спасти тебя, если я не могу спасти даже себя? — спросил старик и улыбнулся.— Разве ты не видишь? Здесь негде спасти душу.

— Кому ты нужен! — сердито воскликнул Рик.— И зачем ты зовешь нас в пустыню?

— Чтобы доказать,— ответил Уилбер Мерсер,— что ты не одинок. Я даже в пустыне буду с тобой. Так будет всегда. Отправляйся и выполняй задание, даже если считаешь его неправильным.

— Почему? — спросил Рик.— Почему я должен делать то, что не хочу? Я уволюсь с работы и эмигрирую.

Старик ответил:

— Куда бы ты ни отправился — ты всюду будешь обязан выполнять работу, которую считаешь неправильной. Это основное условие существования жизни, тебя всегда будут принуждать насиловать собственную совесть. В определенные моменты каждое живое создание обязано так поступать. Это всеобщий мрак, крушение мироздания; проклятие в действии, проклятие, которое лежит на всей жизни. В любой точке Вселенной.

— И это все, что ты можешь мне сказать? — воскликнул Рик.

Рик услышал свист летящего камня. Он присел, и обломок скалы попал ему прямо в ухо. Он тут же отпустил рукоятки и... вновь стоял в гостиной, рядом с женой и эмпатоскопом. Его голова после удара сильно болела; он потрогал рукой щеку — кровь стекала по ней крупными горячими каплями.

Айрен, достав носовой платок, приложила его к уху Рика.

— Могу я тебя поблагодарить? Если бы камень попал в меня...— Ее передернуло.— Не переношу, когда летят камни...

— Я ухожу,— сказал Рик.

— Работа?

— Тройная работа.— Он взял из ее рук носовой платок и, пошатываясь, направился к двери в коридор; к горлу подступила тошнота.

— Удачи.

— Я мог бы не держаться за эти рукоятки,— сообщил Рик.— Мерсер разговаривал со мной, но не помог. Он знает не больше моего. Он всего лишь старик, который ползет на вершину холма, чтобы там умереть.

— Но ведь это и есть откровение?

— Это откровение я знал до него,— ответил Рик.— Увидимся позже.— Выйдя в коридор, он захлопнул за собой дверь. «За-

брошенный блок 3967-С,— вспомнил он, но для верности достал контракт.— Далеко в пригороде; там сплошь пустующие дома. Отличное место, чтобы спрятаться. Кроме как ночью, по зажженным огням в окнах, их не найдешь. Огоньки. Полечу, как мотылек, на свет. Но после них — больше ни одного анди. Займусь чем-нибудь другим, найду, как зарабатывать на жизнь. Эти трое — последние. Мерсер прав. Я должен через них перешагнуть. Но,— задумался Рик,— не думаю, что мне удастся. Усыпить одновременно двоих анди — это не вопрос морали; это вопрос практических действий. Скорее всего, я не смогу усыпить их,— решил он.— Даже если постараюсь: я слишком устал, и слишком многое произошло за сегодняшний день. Возможно, это известно Мерсеру; возможно, он обладает даром предвидения».

«Я помню, где найти помощь; мне ее предложили, но я отказался».

Выйдя на крышу, он быстро залез в пустоту темного ховеркара и набрал номер.

— «Роузен Ассошиейшн»,— услужливо ответила девушка.

— Рейчел Роузен,— вызвал он.

— Извините, сэр?

— Соедините меня с Рейчел Роузен,— рявкнул Рик.

— Мисс Роузен предупреждена?

— Да, мы с ней договорились,— ответил Рик; он сидел и ждал. Десять минут спустя небольшое темное личико Рейчел Роузен появилось на видеоэкране.

— Хелло, мистер Декард.

— Вы сейчас очень заняты, или мы сможем поговорить? — спросил он.— Помните, вы мне сегодня предлагали? — Он сказал «сегодня», но казалось, с их предыдущего разговора новое поколение успело родиться и вырасти, состариться и сойти в могилу. И вся тяжесть прожитых этим поколением лет, вся усталость переселилась в его тело; он почувствовал, что полностью разбит физически. «Возможно,— подумал он,— меня добил тот камень». Кровь все еще текла, он промакнул рану носовым платком.

— Вам разбили ухо,— заметила Рейчел.— Какая жалость.

— Вы действительно считали, что я не позвоню вам? — спросил Рик.

— Я только сказала,— напомнила Рейчел,— что один из «Нексус-6» прихватит вас раньше, чем вы его.

— Вы ошиблись.

— Я? Но ведь вы звоните. Как бы то ни было. Должно быть, вы хотите, чтобы я прилетела к вам в Сан-Франциско?

— Сегодня вечером,— подтвердил Рик.

— По-моему, уже слишком поздно. До Сан-Франциско лететь целый час. Я появлюсь завтра.

— Мне приказано покончить с ними немедленно.— Он задумался, но после паузы сказал: — Из тех восьми осталось лишь трое.

— Похоже, вы крепко сегодня потрудились.

— Если вы не прилетите вечером,— сказал он,— я отправлюсь за ними в одиночку, а мне их не усыпить. Я только что купил козу,— добавил он.— На премиальные, которые получил за трех, которых прихватил лично.

— Ох уж эти мне люди.— Рейчел рассмеялась.— Козлы плохо пахнут.

— Но только козлы. Я прочитал об этом в инструкции по уходу. От коз не пахнет.

— Вы выглядите измученным,— сказала Рейчел.— По-моему, у вас кружится голова. Вы уверены, что отдаете себе отчет в том, что собираетесь пойти на охоту еще за тремя «Нексус-6»? Никому и никогда не удавалось усыпить шестерых андроидов за один день.

— Фрэнклин Пауэрс,— сказал Рик.— Около года назад, в Чикаго. Он усыпил семерых.

— Устаревшие модели компании Макмиллана, подтип У-4,— подсказала Рейчел.— О них можно не вспоминать. У вас на пути...— Она задумалась.— Рик, я не могу прилететь. Я даже еще не обедала.

— Вы действительно нужны мне,— признался он. «Иначе я отправлюсь на встречу с собственной смертью,— подумал он.— Я знаю это. Как знает и Мерсер. Думаю, ты тоже это понимаешь,— молча сказал он Рейчел.— А я тут трачу время, уговаривая тебя,— заметил он.— Уговаривать андроида помочь — какой в этом смысл?»

После паузы Рейчел повторила:

— Извини, Рик, сегодня я действительно не смогу прилететь. Но завтра утром — обязательно.

— Месть андроида,— вздохнул Рик.

— Что?

— Я подловил вас, применив профильный тест, и вы...

— Вы так считаете? — Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.— Вы действительно так считаете?

— Прощайте,— сказал он и приготовился повесить трубку.

— Послушайте,— быстро произнесла Рейчел.— Вы не понимаете, что говорите.

— Конечно, ведь вы привыкли думать, что «Нексус-6» умнее человека.

— Нет, я действительно не понимаю.— Рейчел вздохнула.— Могу только сказать, что вам не хочется заниматься грязной работой сегодня вечерам... возможно, вообще не хочется. Вы уверены, что ждете моей помощи, чтобы усыпить трех оставшихся андроидов? Или вы хотите, чтобы я вас отговорила идти на охоту?

— Прилетайте сюда,— устало предложил он,— и мы обсудим все в номере отеля.

— Зачем?

— Я узнал сегодня нечто интересное,— с трудом выговорил Рик.— О взаимоотношениях между мужчиной и женщиной-андроидом. Прилетайте вечером в Сан-Франциско, и я оставлю в покое трех анди. У нас есть чем заняться.

Она посмотрела на него и внезапно согласилась:

— О'кей. Я вылечу как можно скорее. Где мы встретимся?

— В «Сен-Франсис». Это самый приличный отель, сохранившийся в Зоне Залива.

— И вы ничего не будете предпринимать, пока я не прилечу?

— Я буду сидеть в номере отеля,— сказал он,— и смотреть ТВ-шоу Бастера Френдли. Уже три дня у него гостит Аманда Вернер. Она мне нравится. Я могу смотреть на нее целыми днями, мне кажется, что даже ее груди смеются...

Закончив разговор, он несколько минут сидел не двигаясь и без единой мысли в голове; его привел в себя холод внутри ховера; Рик повернул ключ зажигания и мгновение спустя уже летел в направлении центра Сан-Франциско, в отель «Сен-Франсис».

Глава 16

В чрезмерно роскошном и дорогом номере отеля Рик Декард углубился в мягкое кресло и в изучение расплывчатых информов на двух андроидов — Роя и Ирмгард Бати. К описа-

ниям прилагались нечеткие фотографии. «Использовали скрытый телескопический объектив,— заключил Рик.— Уж очень сильно смазаны цветные стереоснимки». Тем не менее женщина выглядела привлекательно. Рой Бати, напротив, вызывал иные чувства. В его внешности было нечто отталкивающее.

«Фармацевт с Марса,— прочитал Рик и подумал: — Скорее всего, эта специальность — только прикрытие. На самом-то деле андроид занимался исключительно физическим трудом, корпел в поле, мечтая... Интересно, мечтают ли андроиды? — Рик задал себе вопрос и тут же ответил: — Несомненно. Иначе зачем им убивать своих хозяев и возвращаться на Землю? Они ищут свое место в жизни, отказываясь служить человеку бесплатной прислугой. Как у Любы Люфт: пение, "Дон Жуан", "Свадьба Фигаро". Зачем ежедневно надрываться на безликой каменистой поверхности Марса, планеты, изначально непригодной для колонизации?»

Краткий информ сообщил Рику:

«Рой Бати агрессивен, чрезвычайно настойчив, быстро завоевывает псевдоавторитет. Изучал работы по мистике. Подготовил и руководил побегом всей группы. Преступное решение обосновал идеологически претенциозной догмой о священности "жизни" андроидов. До побега воровал психотропные препараты, с которыми экспериментировал. Был задержан. В оправдание заявил, что ставил на группе андроидов опыты с единственной целью — вызвать у андроидов состояние, близкое к слиянию, характерному для мерсеризма, которое, как известно, для них недоступно».

Информ содержал в себе некоторый оттенок жалости. Жестокий, хладнокровный андроид, жаждущий обрести качество, которым люди обделили его совершенно сознательно, запланировав встроенный дефект. Но Рик почему-то не почувствовал жалости к Рою Бати; из записей Дейва он усвоил главное — отчетливую неприязнь, которую вызывает этот андроид. Бати надеялся добиться результата в эмпатии; когда стало ясно, что опыт не удался, он спланировал убийство людей, чтобы сбежать на Землю.

И теперь, на сегодняшний день, группа рассредоточилась; в итоге из восьми анди в наличии осталось лишь трое. И они, оставшиеся члены преступной группы, уже загнаны в угол; даже если промахнется Рик, их найдет и усыпит другой охотник. «Время,— подумал Рик.— Коловращение жизни. Приближается

закат, и наступают сумерки. Перед приходом тишины, означающей смерть».

Дверь в номер со стуком распахнулась.

— Вот это полет! — выдохнула Рейчел Роузен; она появилась на пороге в длинном, блестящем, как рыбья чешуя, плаще; плащ был слегка распахнут, в тон ему — бюстгальтер и крошечные шорты. Кроме вместительной дамской сумочки на длинном ремне (как у почтальона) она держала в руке пакет.— Милая комнатка.— Рейчел посмотрела на свои часики.— Ого, быстрее, чем за час. Рекордное время — и вот я здесь.— Она раскрыла бумажный пакет: — Я купила бутылку виски. Бурбон.

— Самый опасный из восьмерки еще жив. Главный организатор,— сообщил Рик и протянул краткий информ; Рейчел, осторожно положив пакет на стол, взяла листок.

— Вы определили его местонахождение?

— Да. Мне сообщили номер нежилого здания. В пригороде. Там живут только совершенно деградировавшие специалы, пустоголовые и полные придурки.

— А что известно еще о двоих? — спросила Рейчел.

— Женского пола.— Он протянул ей информы, один с описанием Ирмгард Бати, другой — с данными на андроида, называющего себя Прис Стрэттон.

Мельком взглянув на последний информ, Рейчел издала неопределенный звук «О-о...», уронила листки, поднялась, быстро подошла к окну и уставилась на огни делового центра Сан-Франциско.

— Думаю, с Прис тебе не справиться. Хотя, если не придавать особо́го значения...— Рейчел повернулась — бледное лицо, дрожащий голос. Она внезапно потеряла самообладание.

— О чем ты там бормочешь? — Рик поднял листки, вновь изучил их, пытаясь догадаться, что могло вывести Рейчел из равновесия.

— Открой виски.— Рейчел направилась в ванную, захватив бумажный пакет, взяла там два стакана, вернулась; она по-прежнему выглядела расстроенной, неуверенной в себе и... задумчивой.— Ты можешь открыть бутылку? — спросила она.— Бурбон дороже золота, чтоб ты знал; из довоенных запасов. Никакой синтетики; изготовлен из настоящей пшеницы.

Рик взял бутылку и осторожно открыл; наполнив бурбоном два стакана, он попросил:

— Скажи мне, что случилось?

Рейчел посмотрела на него:

— По телефону ты сказал, что, если я прилечу вечером, ты забудешь про трех оставшихся анди. «Мы займемся кое-чем другим»,— передразнила Рейчел.— Вот мы здесь...

— Скажи мне, что тебя расстроило?

Впившись в Рика взглядом, Рейчел настойчиво переспросила:

— Так чем мы могли заняться вместо суеты и волнений из-за трех спрятавшихся анди «Нексус-6»?

Она смахнула с плеч плащ, отнесла в прихожую, повесила в шкаф. Рик смог впервые внимательно рассмотреть Рейчел.

«Пропорции тела непривычны глазу. Голова, с роскошной гривой темных волос, кажется слишком большой; маленькая грудь придает худощавому телу почти что детский вид. Однако эти огромные глаза и длинные ресницы могут принадлежать лишь взрослой женщине. Когда посмотришь ей в глаза, то не станешь сравнивать ее с подростком».

Рейчел приподнялась на носках, ее руки были слегка согнуты в локтях.

«Ее стойка,— отметил Рик,— напоминает притаившегося в засаде охотника-кроманьонца. Раса высоких худых охотников. Ни грамма лишнего веса: плоский живот, маленький зад, тем более грудь. Наверное, Рейчел изготовили, взяв за основу телосложение кельтского типа».

Ноги смотрелись нейтрально, без намека на сексуальность. Но в целом впечатление от ее ног складывалось самое благоприятное.

«Если судить по ногам, она, опять же, скорее подросток, чем женщина. Но... куда спрятать ее беспокойные проницательные глаза?»

Рик осторожно потягивал бурбон. Непривычно крепкий, насыщенный и вкусом и запахом, напиток был абсолютно незнаком, каждый глоток давался непросто. Рейчел, напротив, легко справилась со своей порцией. Она сидела на кровати и разглядывала узор покрывала. Рик, поставив стакан на столик у кровати, пристроился рядом с Рейчел. Кровать под весом его тела просела; Рейчел переменила позу.

— Так что же случилось? — Он взял ее за руку: холодная, чуть влажная, будто окаменевшая кисть.— Что тебя расстроило?

— Последний «Нексус-6», будь он проклят,— с усилием произнесла Рейчел.— Такой же образец, как и я.— Она вновь уткну-

лась взглядом в покрывало, увидев торчащую нитку, вытащила, смяла в комочек и стала катать на ладони.— Ты невнимательно читал информ? Ведь это наше общее описание: и Прис, и мое. Конечно, она может иначе, чем я, уложить волосы или надеть другое платье, она даже может купить парик. Все равно, когда ее увидишь, ты поймешь, о чем я говорю.— Рейчел сардонически рассмеялась.— Тебе повезло, охотник: Элдон подтвердил, что я — анди, иначе бы ты сошел с ума, даже мельком увидев Прис Стрэттон. Ты бы решил, что это я.

— Почему ты так взволнована?

— О черт! Я останусь одна, когда ты усыпишь ее.

— Может, нет. Может, я не найду ее.

— Я знаю психологию «Нексус-6»,— продолжала Рейчел.— Поэтому-то я здесь, поэтому-то я помогу тебе. Они все укрылись в одном месте, все трое, оставшиеся... Сгрудились стадом вокруг этого ненормального — Роя Бати. Он придумает и соорудит сложную, но последнюю линию обороны...— Губы ее скривились в подобии улыбки.— О боже,— прошептала она.

— Приободрись,— посоветовал Рик; он взял Рейчел за подбородок, который поместился точно в его ладонь, повернул ее голову так, чтобы девушка смотрела на него. «Интересно, с чем можно сравнить поцелуй андроида?» — подумал Рик и, слегка наклонившись, поцеловал Рейчел в сухие губы. Ответной реакции не последовало; она была безразлична, будто ничего не произошло. Рик же почувствовал возбуждение, или он обманывал сам себя?

— Мне следовало догадаться,— вздохнула Рейчел.— Я бы тогда ни за что не прилетела. Кажется, ты хочешь получить от меня слишком много. А знаешь, что я чувствую? По отношению к андроиду Прис?

— Эмпатия?

— Нечто схожее. Идентичность; ведь там прячусь я. Боже, наверное, именно так все и произойдет. В спешке ты усыпишь меня, а не ее. И тогда она сможет вернуться в Сиэтл. И станет жить моей жизнью. Я прежде не чувствовала ничего подобного. Да, мы в самом деле механизмы, и нас штампуют, как бутылочные пробки. Это не более чем иллюзия, что я — лично я — действительно существую. Я — не более чем серийный образец для рекламы.— Она сжалась в комочек.

— Муравьев этот вопрос не беспокоит,— подметил Рик,— хотя они совершенно идентичны...

— Муравьи не ощущают времени.

— Человеческие близнецы. Они не...

— Но они отождествляют себя с другим. У них есть не только эмпатическая, но и собственная взаимосвязь.— Она поднялась, чтобы взять бутылку бурбона, ее уже покачивало; Рейчел наполнила стакан и залпом выпила. Какое-то время она бесцельно слонялась по комнате, нахмурив брови; потом, как будто найдя в буреломе потерянную тропу, вышла по ней на опушку, к Рику; плюхнулась рядом с ним на кровать. Потянувшись, Рейчел приподняла ноги и положила на покрывало; потом и сама развалилась на подушках. Глубоко вздохнула.

— Забудь об анди.— Голос ее прозвучал устало.— Меня вымотал полет. Я устала за сегодняшний день. Я просто хочу спать.— Она закрыла глаза.— Если я умру,— прошептала Рейчел,— возможно, я появлюсь на свет вновь, когда «Роузен Ассошиейшн» наштампует следующий мозг моего подтипа.— Она резко открыла глаза и свирепо посмотрела на Рика.— Знаешь, зачем я сюда явилась? Зачем Элдон и остальные Роузены-люди хотели, чтобы я отправилась с тобой?

— Наблюдать,— ответил Рик.— И точно выяснить, что позволяет ловить «Нексус-6» с помощью теста Войт-Кампфа.

— Тестом или еще как. Узнать все подробности, которые выдают «Нексус-6». Я составлю отчет, ученые корпорации внесут изменения в структуру ДНК оплодотворенной яйцеклетки и будут выращивать ее в новых условиях. Тогда мы получим «Нексус-7». Потом твои друзья научатся «ловить» нашу новую продукцию, мы, в свою очередь, внесем очередные изменения. И так будет продолжаться до тех пор, пока не появится андроид, абсолютно идентичный человеку.

— Вы в курсе рефлекторного теста Бонелли? — поинтересовался Рик.

— Да. Мы работаем над рефлекторным ответом спинномозговых ганглиев. В один прекрасный день тест Бонелли останется в пучине прошлого за ненадобностью...— Рейчел улыбнулась — безобидная улыбка, как приправа к зловещим предсказаниям. Рик не мог понять, насколько серьезно она говорит.

«Характерная особенность андроидов — рассуждать о проблемах всемирного значения в шутливой манере,— заключил Рик.— Полнейшая бесчувственность, непонимание смысловой нагрузки произносимых слов. Лишь пустое, формальное умствование; определения и аксиомы».

Хуже того, Рейчел явно поддразнивала Рика. Незаметно от оплакивания собственной судьбы она перекинулась к насмешкам над незавидным положением Рика.

— Черт тебя побери! — разозлился Рик.

Рейчел рассмеялась.

— Я пьяна. Я не могу идти с тобой. Если ты уйдешь...— она неопределенно взмахнула рукой,— я завалюсь спать, а потом, когда вернешься, ты мне все расскажешь.

— Обязательно,— ответил Рик.— Вот только жаль, что «потом» не будет, потому что Рой Бати прикончит меня.

— Но я не могу ничем помочь. Я уже пьяна. Главное, ты знаешь правду, невероятно тяжелую, выскальзывающую из рук часть правды. Я лишь сторонний наблюдатель и не должна вмешиваться, не должна спасать тебя; мне без разницы — прикончит тебя Рой Бати или нет. Я озабочена только тем, как самой остаться в живых.— Рейчел открыла глаза, и они округлились от удивления.— Ты же понимаешь, если я отправлюсь с тобой в этот пригород, где разрушенные и заброшенные здания...— Она протянула руку, покрутила пуговицу на рубашке Рика, как будто играя, но потом неторопливо расстегнула.— Я не рискну отправиться вместе с тобой, потому что андроидам глубоко наплевать друг на друга, и я не сомневаюсь, что эта чертова Прис Стрэттон прикончит меня, займет мое место. Понимаешь? Да раздевайся же ты!

— Зачем?

— Чтобы лечь в постель,— объяснила Рейчел.

— Я купил черную нубийскую козу,— напомнил Рик.— Мне необходимо усыпить еще трех анди. Я должен выполнить работу и вернуться домой к жене.— Он поднялся, обошел вокруг кровати и взял бутылку бурбона, аккуратно отмерил себе вторую порцию; руки дрожали почти незаметно. Возможно, от усталости. «Мы оба,— понял Рик,— очень устали. Слишком устали, чтобы отправляться на охоту за тремя анди, самыми опасными, да еще готовыми к обороне».

Он стоял со стаканом в руке, и ему становилось все более очевидно, что требуется передышка; отправляться на охоту, испытывая безотчетный страх перед одним-единственным андроидом, значит идти на самоубийство. Рой Бати держал в своих руках все нити игры — все началось с него, все на нем и замкнется.

До сих пор Рик усыплял лишь слабые тени зловещего Бати. Теперь настал черед главаря... Рик почувствовал, как в нем поднимается страх, заполняет тело, подбирается к мозгу...

— Теперь я точно знаю, что не пойду без тебя,— сообщил он Рейчел.— Мне, судя по всему, даже небезопасно сидеть

здесь. Полоков сам вышел на меня. Гарленд, тот просто приказал доставить меня к себе.

— Думаешь, Рой Бати станет за тобой следить? — Она приподнялась, чтобы поставить пустой стакан, а заодно расстегнуть бюстгальтер. Она неторопливо стянула его с себя, поднялась, покачиваясь, и заулыбалась, заметив, что ее качает.— В моей сумке,— сказала она,— лежит устройство, которое выпускают наши автофабрики на Марсе для защиты от непрепи...— она состроила гримаску недовольства,— непред-виденной опасности. Это такая шкут... штуковина, которую используют для проверки активированных андроидов перед... а-а,— Рейчел махнула рукой.— Достань. Лежит в сумке. Напоминает устрицу. Увидишь...

Рик начал рыться в сумке. Как любая женщина-человек, Рейчел таскала с собой все мыслимые и немыслимые предметы; Рик сразу понял, что рыться предстоит долго, если не до утра.

Тем временем Рейчел отбросила туфли и расстегнула молнию на шортах; балансируя сначала на одной, потом на другой ноге, она без помощи рук стряхнула с себя последнюю существенную часть вечернего наряда; как только шорты свалились на ковер, она подцепила их пальцами ноги и отбросила через всю комнату, вслед за туфлями. Вздохнув, она повалилась на кровать; перекатилась к приставному столику за стаканом, но случайно столкнула его на ковер.

— Проклятье! — выругалась она и вновь нетвердо поднялась на ноги; стоя в полупрозрачных трусиках, она наблюдала, как Рик перебирает содержимое ее сумки; когда ей надоело следить за Риком, она аккуратно и внимательно приподняла одеяло, запрыгнула под него и тщательно укрылась.

— Это? — Рик приподнял, показывая ей, металлическую сферу с пружинящей кнопкой.

— Устройство вводит андроида в состояние каталепсии,— сообщила Рейчел, не открывая глаз.— На несколько секунд. Останавливает вдох, твой тоже, но люди могут функционировать без вдоха... или выдоха?.. несколько минут, но блуждающий нерв у анди...

— Знаю.— Рик поднялся.— Вегетативная нервная система андроидов не столь мобильна. Отсутствует спонтанное включение блуждающего нерва... Но как ты сказала, устройство отключит их не дольше чем на пять-шесть секунд?

— Достаточно,— пробормотала Рейчел,— чтобы спасти твою жизнь. Так что...— Она вновь села в кровати.— Если сюда вло-

мится Рой Бати, эта штуковина должна быть у тебя в руке, чтобы ты мог сразу же нажать кнопку. И пока Рой Бати будет стоять, как замороженная статуя, пока клетки его мозга не будут получать достаточно кислорода из крови, ты наверняка успеешь продырявить Роя Бати своим лазером.

— В твоей сумке лежит лазерный пистолет,— сообщил Рик.

— Подделка.— Она зевнула.— Андроидам запрещено иметь при себе оружие.

Рик подошел к кровати.

Покачнувшись, Рейчел перевернулась на живот и уткнулась лицом в белые простыни.

— Чистая, порядочная, девственная кровать,— уведомила она.— Только чистые, порядочные... девушки, которые...— Она задумалась.— Андроиды не вынашивают детей,— и через некоторое время спросила: — Серьезный недостаток в конструкции?

Рик собственноручно завершил ее раздевание, обнажив белые холодные ягодицы.

— Серьезный недостаток? — повторила Рейчел.— Не знаю даже, как и сказать. Что значит иметь ребенка? Что значит чувствовать его в себе, а потом родить? Мы не рождаемся и не взрослеем, мы не умираем от болезней или от старости, мы выходим из строя, как муравьи. Опять муравьи, да, вот кто мы все! Не ты. Я имею в виду себя. Мы лишь механические рефлексы, заключенные в хитиновый корпус.— Она приподняла голову и громко произнесла: — Я *неживая!* Ты ложишься в постель не с женщиной. Поэтому не разочаруйся, о'кей? Ты раньше занимался любовью с андроидом?

— Нет,— ответил Рик, развязывая галстук и снимая рубашку.

— Я запомнила... из того, что мне рассказывали... ощущение сносное, если не думать, с кем ты. Но если задуматься, что и с кем ты делаешь... у тебя ничего не получится. По... хм-м... психологическим причинам.

Он наклонился, поцеловал обнаженное плечо.

— Благодарю, Рик,— вяло произнесла Рейчел.— Помни одно: не задумывайся с кем; просто делай свое дело. Не останавливайся и не философствуй, потому что если действительно начать философствовать, то все происходящее с нами ужасно.

— Но после всего этого...— сказал он,— я все же отправлюсь на поиски Роя Бати. И я хочу, чтобы ты отправилась со мной, я знаю, что пистолет в твоей сумочке отнюдь не...

— Думаешь, я усыплю тебе в подарок одного из троих?

— Думаю, несмотря на все, что сказала, ты мне поможешь. Иначе мы не лежали бы в этой постели.

— Я люблю тебя,— сказала Рейчел.— Я вхожу в комнату и вижу, что на диване лежит шкура Рика Декарда... тебе бы понравился мой результат по шкале Войт-Кампфа...

«Сегодня поздно вечером,— подумал Рик, выключив ночник,— я усыплю "Нексус-6", который выглядит так же, как эта голая девочка рядом со мной. Боже милосердный...— вздохнул Рик.— Я вляпался по самые уши, как предупреждал Фил Реш. "Сначала переспать с ней,— вспомнил Рик.— А затем убить ее"».

— Нет, не могу.— Рик отшатнулся от кровати.

— Я надеялась, что ты сможешь,— сказала Рейчел дрожащим голосом.

— Не из-за тебя. Из-за Прис Стрэттон. Из-за того, что мне предстоит сделать с ней.

— Но мы с ней не одно и то же. Даже я теперь не переживаю за Прис. Послушай...— Рейчел выползла из-под одеяла, во мраке комнаты он различил ее неясный, почти безгрудый, тоненький силуэт.— Ложись ко мне, и я усыплю Прис Стрэттон. О'кей? Потому что я не удержусь, находясь так близко от... и не...

— Спасибо,— сказал он; чувство благодарности — не без помощи бурбона — поднялось в нем, сжало горло, вытесняя страх.

«Двое,— подумал он.— Осталось усыпить двоих — чету Бати. Неужели Рейчел действительно сможет выстрелить? Скорее всего, да. Андроиды думают и функционируют подобным образом». Хотя он впервые столкнулся с таким предложением.

— Черт возьми, ну где ты там! — позвала Рейчел.

И Рик забрался в постель.

Глава 17

После всего они развлекались еще одной редкостью: Рик попросил принести в номер кофе. Он долго сидел в кресле, на зеленых, черных и золотых листьях, неторопливо потягивал кофе, размышляя о предстоящей работе. Рейчел в ванной, попискивая, напевала и плескалась под струями горячего душа.

— Ты заключил выгодную сделку, позвонив мне в Сиэтл,— громко произнесла она, выключив воду; нагая и раскрасневшаяся, Рейчел появилась из ванной, с ее волос, стянутых резин-

кой, капала вода.— Мы, андроиды, не способны контролировать свои сексуальные желания. Ты наверняка об этом знал; и ты запросто достиг цели.— Но Рейчел, как обычно, не выглядела по-настоящему рассерженной. Во всяком случае, она была жизнерадостной и ничем не отличалась от обычной девушки-человека, с которыми был знаком Рик.— Неужели ты собираешься отправиться за тремя анди прямо сейчас?

— Да,— сказал он и подумал: «Двоих усыплю я, одного — ты». Как точно заметила Рейчел, сделка уже заключена.

Закутавшись в огромное белое полотенце, Рейчел поинтересовалась:

— Тебе понравилось?

— Да.

— Ты еще раз переспишь с андроидом?

— С девушкой. Если она будет похожа на тебя.

— Ты знаешь, какова продолжительность жизни гуманоидного робота, такого как я? — спросила Рейчел.— Я уже существую два года. Ты можешь подсчитать, сколько мне осталось?

После некоторого размышления Рик ответил:

— Еще пару лет.

— Они не в состоянии решить эту задачу. Я имею в виду восстановление клеток. Самовоспроизводимость или частичное обновление. Такие дела.— Она яростно растерлась; лицо ничего не выражало.

— Извини,— сказал Рик.

— А, черт,— отмахнулась Рейчел.— Я сама виновата, что спросила. Во всяком случае, это удерживает людей пускаться в бега вместе с андроидами.

— И... эта проблема так и не решена с «Нексус-6»?

— Все дело в метаболизме. А не в типе мозга.— Она оглянулась, подняла с пола свои трусики, начала одеваться.

Он тоже оделся. Затем вместе, почти молча, они поднялись на крышу, где был припаркован ховеркар. От лифта и до стоянки их сопроводил услужливый охранник в белой униформе. Когда они поднялись в ночное небо Сан-Франциско, Рейчел сказала:

— Замечательная ночь.

— Моя коза, скорее всего, уже спит,— вспомнил Рик.— Если только козы не ведут ночной образ жизни. Некоторые животные не спят вовсе. Например, овцы; по крайней мере, я не заметил ни разу, чтобы моя овца спала. Ты смотришь на нее, она — на тебя и все время ждет, что ты ее покормишь.

— А какая у тебя жена?

Он не ответил.

— Разве ты...

— Не будь ты андроидом,— перебил Рик,— я бы женился на тебе. По всем правилам.

— Или бы мы жили во грехе,— сказала Рейчел,— вот только я неживая.

— Официально — неживая. Но в действительности более живых, чем ты, я не встречал. И твоя биология. Разве внутри тебя провода и транзисторы, как в поддельных животных? Ты — органическое создание.

«И через два года твой механизм выйдет из строя, и ты умрешь. Потому что нам никогда не решить проблемы клеточного восстановления, как ты отметила. Но я надеюсь, что...»

«Как охотник за премиальными,— понял Рик,— я пришел к финишу. После четы Бати я поставлю точку. Но только после них».

— Ты чем-то опечален,— заметила Рейчел.

Он протянул руку и погладил девушку по щеке.

— Ты больше не сможешь охотиться на андроидов,— спокойно сказала она.— Поэтому не печалься. Пожалуйста.

Он внимательно на нее посмотрел.

— Ни один охотник за премиальными не смог продолжать охотиться,— сообщила Рейчел,— переспав со мной. Кроме одного. Невероятно циничный тип. Фил Реш. По-моему, он просто чокнутый. Он работает ради собственного удовольствия.

— Я это понял,— ответил Рик, чувствуя, как тело наливается свинцом.

— Думаю, ты не впустую потратишь время,— сообщила Рейчел,— ведь ты сможешь познакомиться с прекрасным, возвышенным и одухотворенным мужчиной.

— Рой Бати,— кивнул Рик.— Ты хорошо знала их всех?

— Да, я знала их с момента появления. Теперь только троих. Мы попытались остановить тебя сегодня утром, прежде чем тебе в руки попал список Дейва Холдена. Потом я позвонила сама, перед твоей встречей с Полоковым. Ты усыпил его, и мне оставалось одно — выжидать.

— Пока я не сломаюсь и не позвоню тебе сам,— кивнул Рик.

— Люба Люфт и я, мы были очень дружны почти два года назад. Что ты скажешь о ней? Она тебе понравилась?

— Она мне понравилась.

— Но ты убил ее.

— Фил Реш убил ее.

— Ага. Значит, в оперный театр вы вернулись вместе. Этого мы не знали; но примерно тогда мы потеряли связь друг с другом. Мы знали только то, что она убита, и, конечно же, сделали вывод, что это твоя работа.

— Отталкиваясь от записей Дейва,— сказал Рик,— я считаю, что все еще могу усыпить Роя Бати. Но вряд ли Ирмгард Бати.

«И наверняка — Прис Стрэттон,— подумал Рик.— Даже сейчас, зная все...»

— Выходит, что наша встреча в отеле,— заключил Рик,— состоялась по причине...

— Корпорация,— согласилась Рейчел,— стремится оказать давление на охотников за премиальными и здесь, и в Советском Союзе. Кажется, наш план достиг цели... по причинам, которые нам до конца непонятны. Думаю, в этом тоже наша ограниченность.

— Сомневаюсь, что ваш план будет работать столь часто и столь безотказно, как ты говоришь,— задумчиво произнес Рик.

— Но с тобой мы справились успешно.

— Посмотрим, что у вас получилось.

— Я не сомневаюсь,— произнесла Рейчел.— Когда я увидела на твоем лице это выражение, эту скорбь... Я ждала проявления этого чувства.

— Сколько раз ты уже проделывала подобный трюк?

— Точно не помню. Семь или восемь. Нет, больше чем уверена, девять.— Она кивнула.— Да, девять раз.

— Можете считать, что идея устарела и ее следует заменить,— заявил Рик.

— Ч-что? — ошеломленно спросила Рейчел.

Резко сдвинув руль управления вправо, он перевел ховеркар в режим свободного падения.

— По крайней мере, я сам постараюсь вам помочь. Я убью тебя,— заявил Рик,— а потом займусь и Роем, и Ирмгард Бати, и Прис Стрэттон. Без твоей помощи.

— Поэтому ты сажаешь кар? — Предчувствуя неладное, она торопливо сообщила: — Тебя оштрафуют, я — собственность, законная собственность корпорации. Я не сбежавший андроид, прилетевший сюда с Марса. Меня нельзя приравнивать к остальным.

— Но,— сказал он,— если я смогу убить тебя, я смогу убить и остальных.

Ее руки схватили сумку, начали рыться в переполненной, захламленной сумке; она настойчиво искала, но не нашла.

— Проклятая сумка,— свирепо произнесла она.— Никогда не могу найти в ней именно то, что мне необходимо. Ты убьешь меня так, чтобы я не мучалась? Я хочу сказать, сделай это аккуратно. И я не буду сопротивляться, о'кей? Я обещаю не сопротивляться. Ты согласишься?

— Вот теперь я понял, почему Фил Реш сказал то, что он сказал. Он не старался выглядеть циничным; он попросту имел громадный опыт. Пройдя через все это... мне теперь не в чем его обвинить. Работа сломала ему жизнь.

— Но не так, как надо.— Рейчел, кажется, внутренне собралась. Но все еще была напряжена, хотя жизненная сила уже покидала ее: такое часто наблюдал раньше Рик у других андроидов. Классическая ресигнация. Механическое интеллектуальное принятие того, против чего настоящий организм, прошедший путь в два миллиарда лет труднейшей борьбы за выживание, обладал иммунитетом.

— Меня просто тошнит, когда вы — андроиды — сдаетесь,— резко произнес Рик. Кар уже приближался к земле, так что ему пришлось резко взять на себя руль, чтобы предотвратить катастрофу. Затормозив, он заставил кар, который скрипел и скрежетал, резко остановиться; он выключил мотор и вытащил свой лазерный пистолет.

— В затылочную кость, сзади, в основание черепа,— попросила Рейчел.— Пожалуйста.— Она отвернулась, чтобы не видеть пистолета: пусть луч войдет в нее внезапно.

Убрав лазерный пистолет, Рик сказал:

— Я не могу сделать так, как советовал Фил Реш.— Он включил мотор, и через несколько секунд они продолжили полет.

— Если ты, в принципе, собираешься меня убить,— сказала Рейчел,— убей меня сейчас. Не заставляй меня ждать.

— Я не собираюсь тебя убивать.— Он направил ховер в обратном направлении, к центру Сан-Франциско.— Твой кар на стоянке «Сен-Франсис»? Я высажу тебя на крыше, и ты уберешься в свой Сиэтл.— Больше он ничего не хотел ей сказать; он молча вел свой ховер.

— Спасибо, что не убил меня,— вскоре произнесла Рейчел.

— О черт, ты же сама сказала, что тебе осталось не более двух лет, так или иначе. А мне — пятьдесят. Я проживу в двадцать пять раз дольше тебя.

— И тем не менее ты смотришь на меня свысока,— добавила Рейчел.— За мой поступок.— Ее голос вернулся на прежнюю ступень силы и уверенности.— Ты прошел путем всех предыдущих охотников за премиальными. Каждый раз они свирепели и громогласно заявляли, что убьют меня, но когда приходило время решительных действий, у них не поднималась рука. Все в точности, как сейчас с тобой.— Она закурила сигарету, с наслаждением затянулась.— Ты ведь понимаешь, что это значит, не так ли? Это значит, что я была права: ты не сможешь больше усыплять андроидов; и я имею в виду не только себя, но и супругов Бати, и Стрэттон. Я думаю, тебе лучше сейчас отправляться домой к твоей козе. И немного отдохнуть.— Неожиданно она приподнялась, резко стряхивая что-то с пальто.— У меня упал горящий пепел от сигареты вот сюда.— Она вновь опустилась на сиденье, откинулась на спинку, расслабилась.

Он ничего не ответил.

— Эта твоя коза,— сказала Рейчел.— Ты любишь козу больше, чем жену. На первом месте коза, на втором — жена, а далее все мы... остальные.— Она весело рассмеялась.— Тебе тоже остается одно — рассмеяться?

Он ничего не ответил. Минуту-другую они летели молча, потом Рейчел, что-то вспомнив, потянулась к радиоприемнику и включила.

— Выключи,— сердито произнес Рик.

— Выключить Бастера Френдли и Его Друзей? Выключить Аманду Вернер и Оскара Спраггса? Скоро наступит утро, когда Бастер расскажет свою сенсационную новость, случится вот-вот.— Она перестала следить за часиками, сверив их с радиопередачей.— Совсем скоро. Ты уже слышал? Он о своей сенсации только и говорит, подбирается к ней, подогревая интерес...

Из динамика послышался голос:

— ...Кань ечно хатчу фам рассказсать, трузья, кто ето сиджу рядом с Буштур, и мы ражговариваем и хором проводим времь, напряженно ожидаль с каждым тиком-клоком, что эта новость, самый важный за-явления...

Рик выключил радио.

— Оскар Спраггс,— сказал он.— Это называется — голос приличного человека.

Рейчел резко потянулась, вновь включив радио.

— Я хочу слушать. Я буду слушать. Это чрезвычайно важно — то, что Бастер Френдли собирается всем нам рассказать сегодня вечером.

Идиотский голос вновь начал свой бубнеж из динамика, Рейчел откинулась на сиденье в удобной позе. Сбоку от Рика разгорающийся в темноте огонек сигареты сверкал как светящийся в ночи жук: несомненный признак победы Рейчел Роузен. Ее победы над ним.

Глава 18

— Принеси наверх все мои вещи.— Прис отдала распоряжение Дж. Р. Изидору.— Я обязательно хочу посмотреть ТВ. Мы должны услышать сенсационную новость Бастера.

— Да,— согласилась Ирмгард Бати, ясноглазая и быстрая, как стрела.— Нам нужен ТВ; мы давно ждем сегодняшнего вечера.

— Мой телевизор показывает только правительственный канал,— сказал Изидор.

Из дальнего угла жилой комнаты, оттолкнувшись от подлокотников глубокого кресла, в котором сидел с таким видом, будто кресло часть его самого, поднялся Рой Бати и четко, рассудительно объяснил:

— Мы хотим смотреть Бастера Френдли и Его Приятелей, Изид. Или, если тебе больше нравится, я могу называть тебя Дж. Р.? Как бы то ни было, ты ведь понимаешь? Так что сходика за телевизором.

Изидор прошел по пустому коридору до ступенек; каждый шаг отдавался эхом. Сильный, крепкий аромат счастья по-прежнему кипел в нем, рождал чувство гордости: ведь он впервые за время своей серой жизни кому-то понадобился. Теперь от него зависели другие люди, с восторгом думал он, шаркая ногами на нижний этаж по пыльным ступенькам лестницы.

Вдруг он с радостью понял, что сейчас вместо привычного голоса из радиоприемника фургона будет смотреть на телеизображение Бастера Френдли. Что справедливо, решил он; Бастер Френдли очень скоро обещал сообщить свою экстраординарную новость. Благодаря Прис, Рою, Ирмгард он увидит и услышит новость, возможно самую важную новость за многие-многие годы. Вот ведь как.

Жизнь, по меркам Дж. Р. Изидора, несомненно двинулась в гору.

Он вошел в квартиру, которую утром еще занимала Прис, отсоединил от энергоблока ТВ, вытащил антенну. Тишина вне-

запно набросилась на него; он почувствовал слабость, а руки повисли как плети. В отсутствие семьи Бати и Прис он почувствовал, что выпал из жизни, стал удивительно похож на выключенный телевизор с погасшим экраном. Ему необходимо находиться рядом с людьми. Чтобы выжить. Конечно, он мог противостоять тишине и запустению здания. Но теперь все для него изменилось, и обратного пути к одиночеству он не видел. Невозможно уйти от людей в пустыню. Он панически осознал, как сильно он теперь зависит от них. Хвала Господу, что они решили остаться.

Ему удастся перетащить вещи Прис за два раза, прикинул Изидор. Раз им нужен ТВ, он отнесет его в первую очередь, а затем вернется за оставшимися вещами и чемоданами Прис.

Через несколько минут он уже втаскивал ТВ в квартиру, пальцы от тяжести онемели, но он аккуратно поставил ТВ на кофейный столик в гостиной. Семья Бати и Прис равнодушно наблюдали за его работой.

— В нашем здании сильный ТВ-сигнал,— сообщил Изидор, отдышавшись; он подсоединил антенну и включил вилку телевизора в энергоблок.— Раньше, когда я смотрел Бастера Френдли и Его...

— Включи телевизор,— произнес Рой Бати.— И прекрати болтать.

Изидор заспешил к входной двери.

— Еще раз схожу,— сообщил он,— и все принесу.— Он не хотел сразу уходить, он чувствовал, что их присутствие согревает его.

— Мило,— отстраненно сказала Прис.

Изидор отправился за остальными вещами. Наверное, они его эксплуатируют, чему он был только рад. Все они очень хорошие друзья, твердил Изидор.

Внизу он собрал вещи девушки, уложил каждую мелочь в чемодан, затем потащился по коридору и вверх по ступенькам.

И тут на ступеньке перед собой он заметил какое-то движение в пыли.

От неожиданности он выронил чемоданы, вытащил из кармана пластиковый пузырек из-под лекарства, который, как любой другой человек, носил при себе всегда. Живой паук! Трясущейся рукой он опустил его в пузырек и завернул очень старательно и плотно крышечку, в которой иголкой были проделаны крошечные отверстия.

Наверху, в дверях своей квартиры, выждал и восстановил дыхание.

— ...Да, друзья! Время наступило. Это Бастер Френдли, который надеется и не сомневается, что вы с нетерпением ждете, как и я, невероятного открытия, которое удалось мне сделать и которое проверено и подтверждено специалистами самого высокого уровня; они работали не смыкая глаз последние несколько недель. О-хо! Друзья, вот моя новость!

И тут Джон Изидор сообщил вслух:

— Я нашел паука.

Три андроида резко повернулись и посмотрели на него, переключив внимание с ТВ-экрана на Изидора.

— А ну-ка посмотрим,— решила Прис и протянула руку.

Рой Бати сказал:

— Не разговаривайте, пока на экране Бастер.

— Я никогда раньше не видела,— требовательно произнесла Прис. Она осторожно взяла в ладони пузырек, созерцая создание, сидевшее внутри.— У него столько ног, почему? Неужели ему нужны все его ноги, Дж. Р.?

— Он таков, как и все пауки,— объяснил Изидор, сердце колотилось, не успокаиваясь, дышать было трудно.— С восемью ногами.

Поднявшись, Прис объявила:

— Знаешь, что я считаю, Дж. Р.? По-моему, у него слишком много ног.

— Восемь? — переспросила Ирмгард Бати.— Неужели он не сможет двигаться на четырех? Отрежь четыре и проверь.— Поддавшись внезапному порыву, она открыла сумочку, вытащила маленькие, тонкие, блестящие маникюрные ножнички и протянула Прис.

Дикий ужас охватил Дж. Р. Изидора.

Прис, взяв пузырек, отправилась на кухню и села за обеденный стол Изидора. Она отвернула крышку пузырька и вытряхнула паука.

— Видимо, он не сможет бегать так же быстро,— предположила она,— но ему все равно незачем бегать, если некого ловить. Этот паук умрет в любом случае.— Она взяла ножнички.

— Пожалуйста,— прошептал Изидор.

— Это ценный экземпляр?

— Не надо его уродовать,— плаксиво, умоляюще протянул Изидор.

Прис отстригла пауку одну из лапок.

В гостиной Бастер Френдли с ТВ-экрана сообщал:

— Посмотрите внимательно на этот кадр — увеличенный фрагмент пейзажа. Это небо, которое вы так часто видите. Минутку, я попрошу, чтобы Ирл Парамитер, возглавлявший мою исследовательскую группу, объяснил вам суть открытия, которое потрясет весь мир.

Прис отстригла вторую лапку, ограничила рукой площадку на столе, по которой ползал паук. Она следила за ним и улыбалась.

— После исследования кадров,— послышался новый голос из ТВ,— с помощью современных лабораторных методов, несомненен единственный вывод: серый фон неба и дневной серп луны, на фоне которого Мерсер совершает свое восхождение, не только не земные, они — поддельные.

— Пропускаешь самое интересное! — Ирмгард рассерженно позвала Прис.— Оставь на потом,— настоятельно сказала она.— Это столь важно, то, о чем они рассказывают; это подтверждает, что все, во что мы верили...

— Тише,— попросил Рой Бати.

— ...правильно...— досказала Ирмгард.

Голос из ТВ продолжал:

— Так называемая «луна» нарисована; на одном из увеличенных снимков — да, вот он на ваших экранах — видны мазки кисти. И у нас есть доказательство, что высохшие пучки травы, бесплодная почва... возможно, даже камни, которые швыряют в Мерсера невидимые противники... так же поддельны. Вполне вероятно, что камни — бутафория, изготовлены из мягкого пластика, который не может вызвать даже боли, не говоря о повреждениях.

— Иными словами,— перебил Бастер Френдли,— Мерсер ничуть не страдает.

Руководитель исследовательской группы продолжал:

— Нам все же удалось, мистер Френдли, выйти на одного человека, который занимался в Голливуде спецэффектами. Мистер Уэйд Кортот, изучив снимки, заявил, что узнал сценическую площадку и декорации, которые раньше использовал в своей работе один кинорежиссер; у него несколько десятилетий назад Кортот долгое время работал.

— Итак, заявление Кортота,— вновь влез Бастер Френдли,— сомнений не вызывает.

Прис, к моменту замечания Бастера Френдли, отрезала пауку третью ногу; теперь он растерянно и беспомощно ковылял по столу, силясь найти путь к свободе. Но не находил.

— Конечно же, мы не могли не поверить такому специалисту, как Кортот,— продолжал руководитель, голос его звучал сухо и педантично,— и мы провели много времени, изучая стандартные фотографии известных актеров, принимавших участие в съемках фильмов студии Голливуда, индустрия которого ныне пришла в упадок.

— И вы разыскали...

— Слушайте,— попросил Рой Бати; Ирмгард, шагнув к двери, рассеянно уставилась на ТВ-экран, и даже Прис перестала уродовать паука.

— Мы нашли, просмотрев тысячи снимков, старика, которого зовут Эл Джари; он сыграл несколько главных ролей в довоенных фильмах. Затем послали из лаборатории группу сотрудников в дом Эла Джари в Ист-Хармоне, штат Индиана. Я позволю себе предоставить слово члену исследовательской группы.

Тишина, затем новый голос, столь же невыразительный, начал рассказ.

— Дом на Ларк-авеню в Ист-Хармоне ветхий и неухоженный. Расположен на окраине, где никто, кроме Эла Джари, давно не живет. Любезно пригласив в дом, он рассадил нас в затхлой, грязной, захламленной гостиной; я просканировал с помощью телепатометра расплывчатое, туманное сознание Эла Джари, который сидел как раз напротив меня.

— Слушайте! — повторил из комнаты Рой Бати; он сидел на краешке кресла, будто приготовившись к прыжку.

— Я выяснил,— продолжал техник,— что старик действительно снимался в серии коротких пятнадцатиминутных видеофильмов для заказчика, с которым никогда не встречался. И, как мы предполагали, «скалы» действительно изготовлены из мягкого, как резина, пластика; «кровь» и «царапины» нанесены кетчупом,— техник хихикнул,— а единственное страдание, которому действительно ежедневно был подвержен мистер Джари, если ему не удавалось с утра перехватить стопку виски,— похмелье.

— Эл Джари,— повторил Бастер Френдли и повернулся лицом к экрану.— Что ж, старик, который даже в лучшие свои годы не стремился к чему-либо, за что можно себя уважать? Эл Джари снялся в угрюмых скучных фильмах, вернее, целой серии

фильмов, даже не зная для кого — до сего дня не зная. Часто последователи и пропагандисты мерсеризма заявляют, что Уилбер Мерсер не есть человеческое существо и что в действительности он — искомое божество, возможно, прилетевшее к нам с далекой звезды. Что ж, в данном определении заложен некоторый смысл. Уилбер Мерсер не человек и в действительности не существует. Мир, в котором он совершает восхождение к цели,— Голливуд, занюханная киностудия, которая давным-давно превратилась в руины. Кто, в таком случае, устроил данную мистификацию и водил за нос всю Солнечную систему? Задумайтесь над этим ненадолго, друзья...

— Мы можем этого никогда не узнать,— пробормотала Ирмгард.

Бастер Френдли продолжал:

— Мы можем этого никогда не узнать. Как и причин, которые заставили их прибегнуть к обману. Да, друзья, обман. *Мерсеризм — это обман.*

— Я считаю, мы знаем,— произнес Рой Бати.— Это же очевидно. Мерсеризм возник и вошел в обиход...

— Но задумайтесь,— продолжал Бастер Френдли.— Спросите себя, в чем сила мерсеризма. Что ж, если мы на слово поверим многочисленным его последователям, она в слиянии...

— Это эмпатия, которой похваляются люди,— сказала Ирмгард.

— ...мужчин и женщин всей Солнечной системы в единое целое. Но единое целое, которое достигается так называемым «телепатическим голосом Мерсера». Отметьте это. Любой честолюбивый политик, будущий Гитлер, мог бы...

— Нет, это все эмпатия,— яростно заявила Ирмгард. Сжав кулаки, она ворвалась в кухню и встала перед Изидором.— Разве это доказывает, что люди способны на большее, чем мы? Потому что без Мерсера, без общения с ним мы вынуждены *верить* вам, верить, что вы впадаете в эмпатическое состояние — это таинственное, групповое слияние... Что с пауком? — Она заглянула Прис через плечо.

Та отстригла пауку еще одну ногу.

— Осталось четыре,— сообщила она и выпустила паука.— Не двигается. Хотя может.

Глубоко дыша, с выражением нескрываемого удовлетворения, в дверях появился Рой Бати.

— Дело сделано. Бастер заявил во всеуслышание, и каждый человек в Системе услышал его слова: «Мерсеризм — обман».

Весь опыт эмпатии — обман.— Он подошел к столу, с любопытством осмотрел паука.

— Он не хочет ходить,— сообщила Ирмгард.

— Его можно заставить идти.— Рой Бати достал коробок спичек, зажег одну; он поднес ее к пауку — ближе, ближе, пока тот, спотыкаясь, не пополз от огня.

— Я была права,— заявила Ирмгард.— Я же сказала, что он может обходиться всего четырьмя ногами? — Она выжидающе остановила глаза на Изидоре: — Что случилось? — Дотронувшись до его руки, она сообщила: — Ты ничего не потерял; мы заплатим тебе как по... как он называется?.. как написано в каталоге «Сидни». Хватит смотреть таким букой. Или ты расстроился из-за Мерсера, из-за того, что они о нем разузнали? Эй, ответь же! — Она агрессивно потрясла его за руку.

— Он расстроился,— сказала Прис.— Потому что у него есть личный эмпатоскоп. В другой комнате. Ты же пользуешься им, да, Дж. Р.? — весело спросила Прис.

Рой Бати ответил за него:

— Конечно же, он его использует. Они все им пользуются... Возможно, они хоть теперь начнут задумываться над этим.

— Я не считаю, что наступил закат культа Мерсера,— возразила Прис.— В данную минуту многим человеческим существам отнюдь не весело.— Специально для Изидора она объяснила: — Мы ждали передачи несколько месяцев назад, мы знали, что грядет разоблачение мерсеризма.— Она насторожилась, но потом сказала: — А почему бы и нет? Бастер один из нас.

— Андроид,— пояснила Ирмгард.— И никто не знает. Я имею в виду, никто из людей.

Прис отстригла пауку еще одну лапку. Внезапно Джон Изидор оттолкнул девушку и схватил искалеченное создание. Он отнес паука к раковине и утопил. Все мысли и надежды Изидора утонули так же быстро, как и паук.

— Он действительно расстроен,— нервно заметила Ирмгард.— Да перестань ты, Дж. Р. И почему ты ничего не отвечаешь? — Прис и своему мужу она пояснила: — Он меня ужасно злит: стоит как тень возле раковины и даже не разговаривает; он не сказал ни единого слова после того, как подключил ТВ.

— Дело не в ТВ,— сказала Прис.— Паук, вот что его расстроило, не так ли, Дж. Р. Изидор?

— Ничего, он скоро придет в себя,— сообщила Ирмгард, которая пошла в комнату, чтобы выключить телевизор.

Разглядывая Изидора с несомненным любопытством, Рой Бати сообщил ему:

— Теперь все кончено, Изид. Для мерсеризма, я имею в виду.— Ногтем он подцепил из раковины останки паука.— Возможно, это был последний паук,— заявил Рой.— Последний живой паук на Земле. Если так, теперь все кончено и для пауков.

— Я... нехорошо себя чувствую,— хрипло произнес Изидор. Из кухонного шкафчика он достал чашку, постоял, держа ее... как долго, он не мог бы сказать. Но потом спросил Роя Бати: — Небо за спиной Мерсера нарисовано? Ненастоящее?

— Ты же видел увеличенный стереокадр на ТВ-экране,— ответил Рой Бати.— Мазки от кисти.

— Мерсеризм не исчез,— сказал Изидор.

Что-то вызвало внезапное беспокойство трех андроидов, что-то ужасное. Наверное, паук, подумал Изидор. Как сказал Рой Бати, этот паук мог оказаться последним на Земле. Но паук уничтожен, Мерсер уничтожен; он видел руины его дома: пыль лежала повсюду... он услышал приближение хлама, окончательный переход порядка в беспорядок. Запустение, которое вскоре одержит победу, уже нависло над Изидором, окружило его, держащего пустую фарфоровую чашку. Шкафы и шкафчики кухни заскрипели, пол под ногами стал ломким и дырявым.

Протянув руку, Изидор дотронулся до стены, которая треснула от его прикосновения; серые кусочки, шурша, заспешили вниз — штукатурка сыпалась, напомнив Изидору: так же сыпалась за окном радиоактивная пыль. Он попытался присесть возле стола: проеденные, полые ножки стула тут же отвалились; успев вскочить на ноги, он поставил чашку на стол и попытался починить стул, но ножки ломались в его руках на части, а шурупы, которыми он привинчивал их к сиденью, упали и закатились в щели пола. Фарфоровая чашка на столе как паутиной покрылась сеткой тонких трещин; сначала отвалилась ручка, потом и чашка рассыпалась в мелкие брызги.

— Что он делает? — воскликнула Ирмгард Бати; голос ее дошел до Изидора, как будто из подземелья.— Он ломает все вокруг себя! Изидор, остановись!..

— Это не я,— ответил Изидор и, покачиваясь, пошел в гостиную, чтобы остаться наедине с самим собой; он встал возле разломанного дивана и уставился на желтую стену, всю в пятнах, оставшихся после нашествия каких-то жуков; он вновь

вспомнил труп паука с четырьмя оставшимися лапками. Здесь, внутри, все невероятно старое, понял он. Разрушение началось слишком давно, и теперь его никакими силами не остановишь. Труп паука стал последней каплей: барьер на пути хлама прорван.

Впав в депрессию, Изидор вглядывался в разломы на полу, где лежали части тел животных: голова вороны, мумифицированные руки, которые раньше, возможно, служили обезьянам. Ослик стоял чуть в стороне, не шевелясь, он все еще выглядел как живой; по крайней мере, еще не начал разлагаться. Изидор двинулся ему навстречу, чувствуя хруст сухих костей под ногами, но не успел добраться до ослика, к которому он испытывал живейшую симпатию... Иссиня-черная ворона буквально вывалилась из ниоткуда и уселась на холке ослика, а он не мог ее стряхнуть. Изидор не успел протестующе крикнуть, и ворона быстро выклевала ослику глаза. Опять он попал сюда; провалился и теперь долго не сможет выбраться. Как и раньше. Он неизменно проваливался надолго, потому что даже здесь не произошло никаких изменений.

Подул сухой ветер, вокруг Изидора захрустели ветхие кости. «Их теперь может уничтожить даже порыв ветра»,— вздохнул Изидор. Они лежат здесь так долго, что истлели совершенно. Еще не исчезло время. Он надеялся, что помнит, как выбраться отсюда. Посмотрев наверх, он не заметил ни единой зацепки.

— Мерсер! — громко позвал Изидор.— Мерсер, где ты? Я вновь попал в Загробный Мир, но на этот раз тебя нет со мной.

Что-то пробежало по его ноге. Он нагнулся, пытаясь рассмотреть... увидел, потому что создание двигалось очень медленно: калека паук полз вверх на четырех оставшихся лапах; он подобрал его и осторожно положил на ладонь. «Кости,— понял он,— самовосстанавливаются, и вот паук вновь живой. Мерсер, несомненно, где-то рядом».

Поднялся ветер, ломая и разбрасывая оставшиеся кости, но Изидор ощущал присутствие Мерсера.

«Приди,— позвал он Мерсера.— Подползи к моим ногам или найди другой путь встретиться со мной. О'кей, Мерсер?» — подумал он и громко повторил вслух:

— Мерсер.

Ландшафтом овладели сорняки; стебли тянулись, прокладывая себе дорожки сквозь стены, вверх по стенам, обкручивали

стены спиралями; они росли, пока не превращались в споры. Споры лопались, взрывались, разбрасывая ржавые куски железа, обломки бетонных плит, из которых когда-то были сделаны стены. Но когда стены рухнули, разбросав обломки, наступило опустошение; опустошение следовало за всем, но ничто не следовало за опустошением, кроме...

Кроме хрупкой, согбенной фигуры Мерсера; старик вышел ему навстречу, лицо выражало безмятежность.

— Небо нарисовано? — спросил Изидор.— Мазки, доказывающие, что небо поддельно, действительно существуют?

— Да,— ответил Мерсер.

— Но я не вижу их.

— Ты подошел слишком близко,— объяснил Мерсер.— Их можно заметить только с очень большого расстояния, с того места, где стоят андроиды. У них собственный взгляд на будущее.

— Почему они обвинили тебя в том, что ты — подделка?

— Я и есть подделка,— ответил Мерсер.— Они не обманывают. Все так, как они говорят; с точки зрения андроидов, я — уставший от жизни, некогда популярный актер — Эл Джари. Они действительно приезжали ко мне домой и взяли интервью. И я рассказал им все, что они хотели знать, все до последнего слова.

— И даже о виски?

Мерсер усмехнулся:

— Они узнали всю правду, им пришлось здорово потрудиться. С их точки зрения, разоблачение из уст Бастера Френли прозвучало как приговор. Им еще предстоит поломать голову, почему после разоблачения ничего не изменилось. Почему? Да потому, что и ты, и я, мы оба все равно остались здесь.— Мерсер поднял руку, указывая на каменистый склон.— Я выведу тебя из Загробного Мира прямо сейчас и буду идти рядом до тех пор, пока ты не потеряешь интереса к жизни и не захочешь покоя. Но тебе предстоит научиться не оглядываться на меня, потому что я постоянно смотрю на тебя.

— Мне не понравилось то, что они сказали насчет виски,— сообщил Изидор.— Это унизительно.

— Твои критерии морали слишком высоки. Мои — нет. Я никого не осуждал, и даже себя самого.— Мерсер протянул Изидору руку, пальцы сжаты в кулак.— Ты кое-что забыл. Возьми.— Мерсер разжал пальцы. На его ладони спокойно сидел паук, которого мучила Прис; все лапки насекомого были целы.

— Спасибо.— Изидор пересадил паука на свою ладонь. Он хотел спросить что-то еще...

Прозвучал сигнал тревоги.

Рой Бати завопил:

— В здании охотник! Выключить все огни! Оттащите придурка от эмпатоскопа, пусть встанет у входа. Живо! Тряхните его как следует!

Глава 19

Открыв глаза, Джон Изидор увидел свои пальцы, сжимавшие рукоятки эмпатоскопа. Пока он с удивлением приходил в себя, свет в гостиной погас. Изидор поднял голову и успел заметить, как Прис, метнувшись в кухню, схватила со стола лампу и торопливо запихнула в шкаф.

— Послушай, Дж. Р.,— прошептала Ирмгард Бати ему в самое ухо, впилась ногтями в плечо и принялась судорожно трясти. Судя по ее искаженному злобой лицу, она едва ли сознавала, что делает. В слабом свете, проникавшем сквозь окна улицы, ее лицо поблекло, превратилось в плоскую, как тарелка, маску, которая смотрела на Изидора испуганными маленькими глазками, лишенными век.— Ты подойдешь к двери,— шептала она,— когда он постучит; если, конечно, он постучит; ты предъявишь ему свой идентификат и скажешь, что это твоя квартира и кроме тебя здесь никто не живет. И спросишь, есть ли у него разрешение на обыск.

Прис, выгнувшись дугой, шептала Изидору в другое ухо:

— Не разрешай ему входить в квартиру, Дж. Р. Скажи ему что-нибудь или сделай что-нибудь такое, что его остановит. Знаешь, чем займется охотник, если его пустить в квартиру? Ты понимаешь, что он сделает с нами?

Изидор развернулся и ощупью двинулся к двери. Нащупав пальцами ручку, он затаился за дверью, но ничего, кроме обычной пустоты и безжизненности, не уловил.

— Слышишь что-нибудь? — спросил Рой Бати, подойдя почти вплотную. Изидор мгновенно почувствовал холодок страха, который источало тело андроида.— Выгляни в коридор и посмотри.

Открыв дверь, Изидор внимательно вслушался в коридор, который разбегался в обе стороны от квартиры. Воздух в кори-

доре оказался свеж, хотя и с обычной примесью пыли. Изидор все еще осторожно держал в ладони паука, которого восстановил для него Мерсер. Неужели это тот самый паук, которому Прис отстригала лапки ножницами Ирмгард? Наверное, нет. Он никогда не узнает правды. Как бы то ни было, паук в ладони ползал, но не кусал: маленькие пауки не могут прокусить кожу человека.

Осторожно пройдя по коридору до лестницы, он спустился по ступенькам вниз на один пролет и свернул в нишу, которая вела на террасу; в старые времена, до начала запустения, здесь зеленел огромный застекленный сад. Во время войны сад был полностью уничтожен, проход из ниши во многих местах обвалился. Но Изидору была знакома каждая выбоина пола, он ходил без опаски, он и сейчас запросто вышел на террасу, миновал часть фасада здания и добрался до единственного зеленого островка, окруженного запустением: несколько пучков засыхающей, прибитой пылью травы. Он выпустил паука, радостно ощутив, как тот пробежал по его ладони и спрятался в травинках. Итак, дело сделано; Изидор поднялся и распрямил плечи.

Луч фонарика как вспышка сфокусировался на пучке травы, в его свете полумертвые стебли выглядели зловеще и чуждо. Но зато Изидор вновь увидел паука, который сидел на изъеденном листке. Видимо, трава пауку понравилась.

— Что вы здесь делаете? — спросил мужчина с фонариком.

— Я выпустил паука,— удивленно ответил Изидор. Неужели незнакомец не видит насекомое? В ярком свете фонарика паук покачивался на листе и казался очень большим.— И теперь он может спрятаться.

— Почему вы не отнесли его в свою квартиру? Вам следовало посадить паука в аптечную склянку. Согласно январскому номеру «Сидни», большинство пауков поднялись в цене на десять процентов. Вы могли бы получить больше сотни долларов.

— Если я вернусь с ним в квартиру,— объяснил Изидор,— она вновь начнет отстригать ему лапки — одну за другой — и смотреть, как он бегает.

— Так поступают андроиды,— сказал мужчина. Он засунул руку во внутренний карман пальто и вытащил какую-то сложенную пополам карточку, раскрыл ее и протянул Изидору.

В отблесках света фонарика охотник за премиальными показался Изидору совершенно обычным, ничем не примечательным человеком. Округлые черты лица, ни бороды, ни усов,

расплывчатые, незапоминающиеся черты, как у клерка бюрократической конторы. Старательный, но простоватый. И не полубог, как ожидал Изидор.

— Я следователь Полицейского управления Сан-Франциско Декард, Рик Декард.— Мужчина спрятал свое удостоверение в карман пальто, на прежнее место.— Они наверху? Все трое сейчас там?

— Дело в том,— объяснил Изидор,— что я присматриваю за ними. Там две женщины. Из группы остались только они, остальные умерли. Я перетащил из квартиры Прис ТВ, чтобы они посмотрели Бастера Френдли. Бастер, вне всяких сомнений, доказал, что Мерсер не существует.— Изидор возбужденно сообщил охотнику эту потрясающую новость, о которой, возможно, охотник еще ничего не слышал.

— Давай поднимемся наверх,— сказал Декард. Внезапно он достал лазерный пистолет и направил на Изидора, но через секунду, хотя и нерешительно, опустил оружие.— Ты ведь специал, не так ли? — спросил он.— Пустоголовый.

— Но у меня есть работа. Я вожу фургон...— Он испуганно охнул, неожиданно забыв название. Клиника для питомцев,— уточнил он.— Клиника Ван Несса,— вспомнил наконец Изидор.— Ее хозяин — Ганнибал Слоат.

— Ты покажешь, как подняться наверх, в квартиру, где они прячутся? В этом здании около тысячи квартир; можешь оказать мне услугу. Иначе я потрачу на их поиски уйму времени.— В голосе охотника чувствовалась сильная усталость.

— Если вы убьете их, то не сможете больше сливаться с Мерсером,— подсказал Изидор.

— Ты покажешь мне, где прячутся андроиды? Скажи хоть, на каком этаже. Просто скажи мне, на каком этаже ты живешь.

— Нет,— запротестовал Изидор.

— Именем закона...— начал говорить Декард, но почему-то замолчал, прекратив допрос.— Доброй ночи,— сказал он напоследок и пошел прочь, вверх по ступенькам, внутрь здания; из его фонарика вытекала желтая струйка света, застывала, превращаясь в тропинку для охотника.

Внутри нежилого здания Рик Декард выключил фонарик; призрачного света лампочек, которые горели в коридоре, хватало, чтобы идти вперед не спотыкаясь.

Рик шагал, раздумывая: «Пустоголовый знал, что в его квартире живут андроиды, до того как я сообщил об этом. Знал,

но не понял. С другой стороны, а кто понимает? Может, я? *Понимаю ли я?* Один из анди в квартире пустоголового — дубликат Рейчел,— вспомнил Рик.— Возможно, специал спал с ней. Интересно, как она ему понравилась? Скорее всего, именно этот андроид пытался отрезать пауку лапки, как сказал специал. Можно вернуться и забрать с собой паука,— подумал Рик.— Я никогда не находил живых диких существ. Ощущение, должно быть, фантастическое: нагнуться и увидеть, что у тебя под ногами суетится что-то живое. Возможно, в один прекрасный день повезет и мне, как повезло пустоголовому».

Рик захватил с собой из кара прослушивающее устройство; сейчас он включил его и настроил; вращающаяся сетка-детектор и экран с бегущими точками-анализаторами. В тишине коридора экран ничего не фиксировал; точки бежали тонкой ровной чередой. «Значит, на этом этаже пусто»,— оценил Рик и привел детектор в вертикальное положение. Под определенным углом экран зафиксировал слабый сигнал. «Надо подниматься наверх»,— заключил Рик, разъединил сетку и экран, сложил в портфель и двинулся по ступенькам на следующий этаж.

В тени его поджидала расплывчатая фигура.

— Одно движение, и я усыплю тебя,— предупредил Рик, вгляделся в тень — его поджидал андроид-мужчина. Пальцы Рика сжимали пистолет, но он не мог даже приподнять его: пистолет стал неимоверно тяжел. Рик не ожидал, что так быстро попадется в ловушку и что анди устроят засаду.

— Я не андроид,— сообщил мужчина.— Меня зовут Мерсер.— Он шагнул из тени в поток света.— Я поселился в этом доме из-за мистера Изидора. Специала, у которого есть паук. Вы только что с ним разговаривали.

— Значит, теперь мерсеризм не распространяется на меня? — спросил Рик.— Пустоголовый был прав? Из-за того, что я совершу в ближайшие несколько минут?

Мерсер спокойно ответил:

— Мистер Изидор говорил только от своего имени, работа, к которой ты приступил, должна быть закончена. Я же говорил об этом.— Приподняв руку, он указал на ступеньки, которые тянулись вверх.— Я пришел сообщить тебе, что один из андроидов внизу; за твоей спиной, а не в квартире. Он самый опасный из них, и ты должен усыпить его первым.— Усталый старческий голос воскликнул с юношеским запалом: — Быстро, мистер Декард, на ступеньки!

Выхватив пистолет, Рик бросился на ступеньки; развернувшись спиной, уперся в них локтями. Ему навстречу, снизу, скользила женщина, которую он знал, женщина, которую он не мог не узнать. Рик опустил пистолет.

— Рейчел,— ошеломленно произнес он.

Неужели она полетела следом за ним в своем ховере? Зачем она преследовала его? Почему?

— Отправляйся домой, в Сиэтл,— решительно произнес Рик.

— Оставь меня в покое, мне не нужна помощь. Мерсер рассказал мне, как и что я должна сделать.

И тут он увидел, что это не совсем Рейчел.

— Ради всего, что мы значим друг для друга,— говорил андроид, приближаясь к нему и протягивая руки, будто собираясь обнять его. Или задушить... «Одежда отличается, хотя глаза, глаза те же! И в остальном потрясающее сходство; их существует целый легион, а имя им — Рейчел Роузен. Рейчел как прототип создали только для того, чтобы защитить остальных». Рик выстрелил в нее, когда она, умоляя, бросилась к нему. Андроида разорвало на части, которые разлетелись во все стороны; он вытер лицо, посмотрел на то место, где только что стояла женщина. Вниз по ступенькам покатился лазерный пистолет, который у нее был. Пистолет звонко отсчитывал ступеньки, пока не остановился на площадке. «Самый опасный из троих, как сказал Мерсер.— Рик посмотрел туда, где стоял старик, но Мерсер уже исчез.— Они могут преследовать меня, эти нескончаемые Рейчел Роузен, пока я не погибну или пока их не перестанут производить. Интересно, что произойдет раньше? Один из них не в квартире, сказал Мерсер. Ведь он спас меня,— подумал Рик.— Он появился и предостерег. Она прихватила бы меня, не предупреди об этом Мерсер. Сейчас я немного отдохну,— решил Рик.— Невероятно, я смог выстрелить; Рейчел не сомневалась, что я спасую. Теперь все позади. Я совершил невозможное. Бати прикончу стандартным методом; они опасны, но не так, как... она».

Он стоял один в пустом коридоре, Мерсер покинул его, выполнив свою миссию, Рейчел — точнее, Прис Стрэттон — была разорвана выстрелом на куски; от нее ничего не осталось. Но где-то в здании поджидают оба Бати, зная, что произошло на лестнице. Скорее всего, они должны быть напуганы. Нападение — ответная реакция на появление охотника в здании. Их единственный шанс расправиться с ним. Без Мерсера они бы прикончили его.

«Надо все сделать как можно быстрее». Он пошел по коридору; прибор неожиданно зафиксировал ментальную активность. Итак, он нашел квартиру. Прибор теперь не нужен. Рик постучал в дверь. Мужской голос спросил:

— Кто там?

— Это мистер Изидор,— ответил Рик.— Впустите меня, потому что я присматриваю за вами и д-двое из вас — женщины.

— Мы не откроем дверь,— сообщил женский голос.

— Я хочу посмотреть Бастера Френдли по телевизору, Прис,— попросил Рик.— Теперь, когда он доказал, что Мерсера не существует, необходимо смотреть его передачи. Я вожу фургон клиники Ван Несса для питомцев, которой руководит мистер Ганнибал Слоат.— Рик попытался заикаться, как Изидор.— В-в-вы-п-пустите меня? О-о-откроете д-д-дверь? Это м-моя квартира.— Он подождал, и дверь открылась. Внутри квартиры Рик увидел темноту и две неясные тени.

Тень женщины сказала:

— Вы должны проверить нас по тесту.

— Слишком поздно,— ответил Рик. Тень мужчины старалась закрыть дверь, навалившись на нее. Рик заметил, что Бати пытается включить какое-то электронное устройство.

— Нет,— сказал Рик.— Я должен войти.

Он позволил Рою Бати выстрелить; свой пистолет он достал лишь после того, как уклонился от выстрела.

— Выстрелив в меня, вы нарушили закон. Вы не можете требовать проведения теста. Вам он не нужен.

Рой Бати выстрелил еще раз, промахнулся, бросил пистолет на пол и убежал внутрь квартиры, в другую комнату, возможно, к следующему электронному защитному устройству.

— Почему Прис не прихватила тебя? — спросила миссис Бати.

— Потому что Прис нет,— ответил Рик.— Есть только Рейчел Роузен, бесконечная Рейчел.— В темноте комнаты блеснул пистолет Ирмгард Бати; видимо, Рой Бати хотел заманить его внутрь квартиры, следом за собой, чтобы Ирмгард могла выстрелить в спину.— Прошу прощения, миссис Бати,— сказал Рик и пристрелил ее.

Рой Бати в соседней комнате издал вопль ярости и боли.

— О'кей, значит, ты любил ее,— громко произнес Рик.— А я любил Рейчел Роузен. А специал любил другую Рейчел.

Рик пристрелил Роя Бати. Крупное тело мужчины-андроида, отброшенное выстрелом, повалилось на кухонный стол и разломило его пополам. Кухонная утварь, вместе с останками андроида, упала и звонко разбилась об пол. Андроид был мертв; Рик не стал осматривать труп Роя Бати, как не обратил внимания на тело Ирмгард Бати, которое лежало возле двери. «Я прихватил последнего,— неожиданно понял он.— Шестеро. За один день. Почти рекорд. Но теперь уже все позади, я отправляюсь домой, к жене и к козе. И у нас будет много денег».

Он сел на диван, и, пока сидел в тишине квартиры среди неподвижных предметов, в дверях появился мистер Изидор, специал.

— Лучше тебе не смотреть,— посоветовал Рик.

— Я видел ее на ступеньках. Прис...— плакал специал.

— Не принимай это близко к сердцу,— сказал Рик, с трудом поднимаясь на ноги.— Где у тебя видеофон?

Специал не ответил, он стоял не двигаясь. Рик сам нашел видеофон и набрал номер Гарри Брайанта.

Глава 20

— Отлично,— кивнул Гарри Брайант, выслушав сообщение Рика.— Отправляйся отдыхать. За останками вышлем патрульный ховер.

— Андроиды глупы.— Рик повесил трубку и обратился к специалу: — Рой Бати не смог отличить наши голоса. Он подумал, что возле двери стоишь ты. Сейчас прилетит патрульный ховер, здесь все уберут; тебе лучше переждать в соседней квартире, пока полицейские не закончат свою работу. Неужели тебе приятно сидеть среди останков?

— Я уйду из этого з-з-здания,— ответил Изидор.— Я х-хочу п-п-поселиться ближе к центру, г-г-где б-больше людей.

— По-моему, в нашем доме есть свободные квартиры,— предложил Рик.

Изидор, заикаясь еще сильнее, ответил:

— Я не-не х-х-хочу ж-ж-жить р-р-рядом с ва-ами.

— Тогда спустись вниз или поднимись на крышу,— настойчиво произнес Рик.— Здесь тебе делать нечего.

Специал продолжал стоять, раздумывая, не в состоянии принять конкретного решения; целая гамма разнообразных чувств успела отразиться на его лице за очень короткий проме-

жуток времени; в итоге Дж. Р. Изидор развернулся и, шаркая ногами, вышел из квартиры; Рик остался один.

«Какой поганой работой приходится заниматься,— подумал Рик.— Я — как мор и чума, как наказание господне. Куда бы я ни пошел, за мной следует сие древнее проклятие. Как сказал Мерсер, я нужен, чтобы творить зло. Все, что я делаю,— гадко и мерзко. Как бы то ни было, время отправляться домой. Возможно, после всего... я смогу забыться вместе с Айрен».

Припарковав ховер, он с удивлением обнаружил, что Айрен ждет его на крыше. Она посмотрела на него очень странно, на мгновение Рик даже испугался, что она сошла с ума; впервые за годы совместной жизни он видел Айрен в столь плачевном состоянии.

Обняв ее, Рик тихо произнес:

— Все позади. Думаю, Гарри Брайант разрешит мне перейти в другой...

— Рик,— перебила Айрен.— Я должна тебе сказать. Мне очень жаль. Коза умерла.

Непонятно почему, но новость нисколько не удивила Рика; лишь добавила усталости, которая сжимала его со всех сторон.

— Думаю, в контракте предусмотрен гарантийный срок,— вяло заметил Рик.— Если коза заболеет в первые девяносто дней с момента покупки...

— Коза не заболела. Кто-то,— Айрен прокашляла горло, голос ее зазвучал хрипло и приглушенно: — Кто-то прилетел на крышу, вытащил козу из клетки и подтащил к краю крыши.

— А потом столкнул вниз? — спросил Рик.

— Да,— кивнула Айрен.

— Ты видела, кто это сделал?

— Я хорошо ее запомнила,— кивнула Айрен.— Барбо все еше дурачился со своей лошадью; он спустился со мной, мы позвонили в полицию, но когда они прилетели, животное уже умерло, а она сбежала. Невысокая молоденькая девушка с темными волосами и огромными черными глазами. Очень худая. Она была в плаще, блестящем, как рыбья чешуя. На плече — сумка, как у почтальона. Она не пряталась от нас, даже не пыталась. Как будто ей было все равно.

— Нет. Я думаю, Рейчел хотела, чтобы ты увидела и сказала мне, кто именно убил козу.— Рик поцеловал жену.— И ты все это время стоишь здесь, на крыше?

— Примерно полчаса. Тогда все и случилось.— Айрен нежно поцеловала его в ответ.— Ужасное и бессмысленное убийство.

Рик повернулся к припаркованному кару, открыл дверцу, забрался внутрь.

— Нет, не бессмысленное,— объяснил он.— У нее были причины, с ее точки зрения. С точки зрения андроида,— уточнил он.

— Куда ты опять? Я думала, ты спустишься и побудешь со мной. По ТВ передали жуткую новость: Бастер Френдли заявил, что Мерсер — подделка. Что ты на это скажешь, Рик? Ты считаешь, что это правда?

— Все правда,— ответил Рик.— Все, о чем кто-нибудь когда-нибудь просто подумал.— Он включил мотор.

— С тобой ничего не случится?

— Со мной ничего не случится,— ответил он и добавил: — Но я умру. И то и другое — правда.— Он захлопнул дверцу кара, помахал Айрен рукой и растворился в ночном небе.

«Раньше я мог бы посмотреть на звезды. Много лет назад. Но теперь я вижу сплошную пыль; никто не видел звезд много лет. По крайней мере, с Земли. Возможно, я отправлюсь туда, где на небе еще видны звезды». Ховеркар набирал скорость и высоту; он летел за пределы Сан-Франциско, к незаселенным территориям на Севере, куда не забредали живые существа. А если и забредали, то с единственным желанием — умереть.

Глава 21

Раннее утро высветило поверхность серой мертвой равнины, уходившей в бесконечность. Огромные камни, каждый величиной с дом, закатились в эту пустыню, чтобы встретиться друг с другом, да так и остались, будто встав на якорь. «Остатки склада под открытым небом,— подумалось Рику.— Товар давно распаковали и вывезли, а упаковочную тару — контейнеры, ящики, коробки — бросили; никому не нужная тара лежит и истлевает... Когда-то здесь зеленели поля, на лугах паслись животные. Ну разве не восхитительная мысль — "когда-то здесь паслись животные", а? А сейчас это место покажется сомнительным даже для того, чтобы умереть».

Ховер летел теперь почти над самой поверхностью равнины. «Интересно, что бы сказал мне Дейв Холден сейчас? В некотором смысле я — величайший охотник современности; никому прежде не удавалось усыпить шестерых анди "Нексус-6" за двадцатичетырехчасовой промежуток времени. И едва ли кто-

либо отважится повторить мой результат. Кажется, самое время позвонить Дейву»,— решил Рик.

Неожиданно он заметил, что впереди начинается каменистый склон; пролетев еще немного, Рик попытался посадить ховеркар. «Усталость,— решил он,— у меня попросту дрожат руки; нельзя сидеть за штурвалом столько времени». Посадить ховеркар на каменистую поверхность оказалось не так-то просто; машина подпрыгивала, камни катились по склону.

Когда пыль вокруг ховера осела, а водитель — Рик — отдышался, он набрал номер оператора-видеофонистки Сан-Франциско.

— Соедините с госпиталем «Гора Сион»,— попросил он девушку.

Через минуту на экране появилась видеофонистка госпиталя:

— «Гора Сион» слушает.

— У вас находится пациент, Дейв Холден. В каком он состоянии? Могу ли я поговорить с ним?

— Минуту, я проверю, сэр.— Экран погас. Рик достал щепотку нюхательной смеси «Док Джонсон», размял ее пальцами, чихнул. Время шло, но ответа не поступало. Без включенного мотора температура внутри кабины ховера начала катастрофически быстро падать.— Доктор Коста сказал, что мистер Холден не отвечает на вызовы,— сообщила видеофонистка, неожиданно появившись на экране.

— Я из полицейского управления,— объяснил Рик и, развернув свое удостоверение, показал экрану.

— Одну минутку,— ответила девушка и вновь отключилась. Рик достал еще одну щепотку «Док Джонсон»; привкус ментола вызывал раздражение. Опустив стекло кара, Рик выбросил жестянку с порошком в окно.— Извините, сэр, но состояние мистера Холдена, как сказал доктор Коста, не позволяет ему ответить на ваш вызов, вне зависимости от срочности дела...

— О'кей,— согласился Рик.

Теперь, как показалось Рику, даже в воздухе запахло чем-то неприятным; он спешно поднял стекло. «Дейв действительно влип,— вздохнул Рик.— Просто удивительно, что они не прихватили и меня. Возможно, я действовал очень быстро,— заключил он.— Усыпил всех анди за один день. Они явно не ожидали от меня такой прыти. Гарри Брайант был прав, когда торопил меня».

В машине становилось все холоднее; открыв дверцу, Рик выбрался на воздух. Неожиданный порыв ветра мгновенно продул одежду, пронизывая до костей; Рик начал ходить, похлопывая себя руками, чтобы согреться.

«Было бы приятно поговорить с Дейвом, услышать его одобрительный отзыв. Думаю, он бы понял меня лучше, чем Мерсер. Для Мерсера все просто, потому что он принимает любое событие. Ничто ему не чуждо. Но то, что сделал я, чуждо мне самому. Все вокруг меня становится противоестественным. Я сам стал противоестественным».

Задумавшись, Рик пошел вверх по склону, но каждый последующий шаг давался труднее предыдущего. «Я слишком устал, чтобы карабкаться вверх». Остановившись, он стер капли пота со лба, со щек; ему показалось, что пот сочится из всех пор его тела, измученного и разбитого. Ощутив ярость и злость к своему телу, он сплюнул; сплюнул, как будто надеялся освободиться от презрения к самому себе. Стало чуть легче, и он продолжил восхождение по склону навстречу неизвестности. Понятный, цивилизованный мир остался где-то вдалеке и в прошлом; ничто живое не сохранилось здесь, только он — Рик.

Стало тепло. Не просто тепло, а неожиданно жарко, значит, прошло много времени. Он ощутил дикий голод. Он не ел бог знает сколько времени. Жара и голод призывали смириться. «Да,— согласился Рик,— я в самом деле проиграл. Из-за того, что я убивал андроидов? Или из-за Рейчел, которая убила мою козу?» Он никак не мог правильно оценить события прошедшего дня и сделать верные выводы; он продвигался вперед, все глубже погружаясь в туман галлюцинаций, заполнявших его сознание. И... неожиданно замер на самом краю обрыва, едва не свалившись в расщелину; он чудом предотвратил падение туда, где боль и беспомощность, туда, где неминуемая смерть. И никто не увидел бы, как он падает; никто не оценил бы степень всеобщей и его, Рика, деградации; никто не обратил бы внимания, что падению он противопоставил все оставшееся мужество... Усилия? Их оценят только мертвые камни и засохшие пучки травы, за которые он станет цепляться и которые полетят вместе с ним.

В этот момент первый камень (это был настоящий камень, а не муляж из резины или мягкой пластмассы) со свистом ударил его в пах. И боль — это основополагающее знание об абсолютном одиночестве и страдании — прикоснулась к нему не абстрактно, а ужасающе реально.

Он резко остановился. А затем, испытывая неодолимое внутреннее стремление, он продолжил восхождение. «Камни безвольно, но неумолимо катятся вниз с горы,— подумал он.— Я сейчас так же неумолимо поднимаюсь вверх, не зная, зачем я прилагаю такие усилия».

— Мерсер,— сказал он, дрожа, остановился, замер. Перед собой он отчетливо различил смутную фигуру; человек стоял неподвижно.— Уилбер Мерсер. Неужели это ты?

«Боже,— вдруг понял он.— Это моя тень. Мне надо поскорее спуститься вниз. Прочь с холма».

Он торопливо ринулся вниз; перейдя на бег, он тут же упал; облако пыли взметнулось над ним и заволокло все вокруг. Он вскочил и побежал еще быстрее. Увидел припаркованный кар. «Я спустился с холма,— обрадованно произнес он,— и вернулся к ховеру». Распахнув дверцу, он втиснулся внутрь. «Интересно, кто бросил в меня камень? Там никого не было. И почему меня беспокоит этот вопрос? В меня однажды уже попали камнем во время слияния. Когда я воспользовался своим эмпатоскопом. Но тогда камень ударил всех и каждого. Сейчас произошло нечто новое. Или нет? Просто на сей раз камень попал только в меня. В одного».

Задрожав, Рик достал из запасника запечатанную баночку нюхательной смеси. Он торопливо содрал ленту, открыл баночку и взял большую щепотку; Рик отдыхал — ноги торчали из открытой дверцы ховера, хотя сам он сидел внутри. Трудно найти более неподходящее место. Не стоило сюда лететь. К тому же он не в силах лететь обратно.

«Если бы я только мог поговорить с Дейвом,— вздохнул Рик,— я бы пришел в норму. Запросто выбрался бы отсюда, вернулся бы домой и залег в постель. У меня, как и прежде, все еще есть работа, есть электрическая овца. Скоро появятся новые анди, которых предстоит усыпить; карьера не завершена; я еще не усыпил своего последнего анди. Возможно, я переживаю из-за них. Испугался, что анди вымерли».

Он посмотрел на часы — девять тридцать.

Подняв трубку видеофона, он набрал номер Дворца Правосудия на Ломбард-стрит.

— Соедините с инспектором Брайантом,— сказал он мисс Уайлд, видеофонистке Управления.

— Инспектор Брайант вышел. Он находится в своем каре, но я не могу с ним связаться. Видимо, он вышел из кабины.

— Он не говорил, куда направляется?

— Да, говорил. Что-то насчет андроидов, которых вы усыпили прошлой ночью.

— Соедините меня с моей секретаршей,— попросил Рик.

Оранжевое треугольное лицо Энн Марстен мгновенно появилось на экране видеофона.

— Ага, мистер Декард. Инспектор Брайант пытался с вами связаться. Кажется, он внес ваше имя в список отличившихся и передал его Высшему Руководству. Вы ведь усыпили шестерых анди...

— Я знаю, что я сделал.

— Никому не удавалось прежде... О, мистер Декард, звонила ваша жена. Пыталась узнать, все ли в порядке. Кстати, вы в полном порядке?

Он ничего не ответил...

— Все же,— сказала мисс Марстен,— вам следует позвонить ей. Она просила передать, что ждет вас дома.

— Вы слышали, что случилось с моей козой?

— Нет, я даже не слышала, что она у вас была.

— Они прихватили мою козу,— сообщил Рик.

— Кто, мистер Декард? Бандиты, которые воруют животных? Мы только что получили рапорт: новая банда тинейджеров...

— Нет. Бандиты, которые воруют жизни.

— Я не поняла, мистер Декард,— Мисс Марстен внимательно посмотрела на Рика.— Вы ужасно выглядите, мистер Декард. Очень утомлены. И... Боже, у вас подбородок в крови.

Он провел ладонью по щеке и подбородку, посмотрел: действительно кровь. Видимо, в него попало несколько камней.

— Вы выглядите как Уилбер Мерсер,— сообщила мисс Марстен.

— Да,— согласился Рик,— я и есть Уилбер Мерсер; я навечно слился с ним, теперь мы едины. Я сижу здесь, надеясь, что нам удастся вновь разделиться. По-моему, это место возле границы с Орегоном.

— Может, прислать за вами патрульный ховер?

— Нет,— ответил Рик.— Я больше не работаю в Управлении.

— Вы переутомились, мистер Декард,— ласково произнесла секретарь.— Сейчас вам потребуется одно — как следует выспаться. Я передам инспектору Брайанту, что вы дома, отдыхаете. И, пожалуйста, позвоните домой жене. Она очень, очень волновалась. Вам я могу сказать: вы оба в ужасном состоянии.

— Из-за козы,— ответил Рик.— Анди здесь ни при чем; Рейчел ошиблась — я усыпил их без труда. И специал ошибся, заявив, что я не смогу вновь слиться с Мерсером. Прав оказался только Мерсер.

— Будет лучше, если вы вернетесь в Зону Залива, мистер Декард. Сюда, где много людей. Думаю, возле границы с Орегоном никто не живет? Вы ведь там один?

— Странно,— рассказывал Рик,— но возникла абсолютная, полная, реальная иллюзия, что я стал Мерсером; понимаете, в меня даже швыряли камни. Но я ощутил нечто совершенно отличное от того, что чувствуешь, когда сжимаешь рукоятки эмпатоскопа. Вы чувствуете Мерсера, когда сжимаете рукоятки эмпатоскопа? В данном слиянии я был один. Я остался один.

— Говорят, что Мерсер — обман.

— Мерсер не подделка и не обман,— ответил Рик,— до тех пор, пока обманом не стала вся наша жизнь.

«Холм,— вспомнил Рик.— Пыль, многочисленные камни, каждый отдельный камень чем-то отличается от всех остальных».

— Боюсь,— сказал Рик,— что теперь смогу существовать только как Уилбер Мерсер. Единожды слившись с ним, невозможно его покинуть.

«Неужели мне предстоит вновь взбираться по склону? Да, бесконечный подъем. Я, как и Мерсер, в ловушке у вечности».

— До свидания,— попрощался Рик.

— Вы позвоните жене? Обещаете?

— Да,— кивнул он,— спасибо за все, Энн.— Он положил трубку.

«В постель, отдыхать. Последний раз я лежал в постели вместе с Рейчел. Я нарушил закон. Связь с андроидом — серьезное правонарушение как на Земле, так и на колониальных планетах. Она, должно быть, уже скрылась в здании Корпорации. Сиэтл, семейное дело Роузенов — людей и андроидов. Жаль, что я не могу посмеяться над тобой так же, как посмеялась надо мной ты, Рейчел. Вас, андроидов, не беспокоят даже мелочи, которые не дают покоя людям. Если бы я убил тебя прошлой ночью, моя коза осталась бы живой. Серьезная ошибка. Я должен был усыпить тебя. Нет, я ошибся чуть раньше, когда переспал с тобой. Хотя и ты оказалась права только в том, что я изменюсь. Но я изменился не так, как хотелось бы тебе. Я изменился в худшую сторону»,— заключил он.

«Но теперь мне все равно. Теперь я спокоен. После того что произошло со мной на склоне, когда я начал восхождение

к вершине. Интересно, что произойдет, если я, не останавливаясь, доберусь до самой вершины холма? Ведь там, на вершине, Мерсер заканчивает путь к Цели и умирает. Именно там триумфальное восхождение Мерсера заявит о себе в полный голос, там — в конце пути великого звездного цикла».

«Но если я — Мерсер,— раздумывал Рик,— я не могу умереть даже через десять тысяч лет. *Мерсер бессмертен*».

Он в очередной раз взял трубку видеофона, чтобы позвонить жене.

И застыл в удивлении.

Глава 22

Рик положил трубку на место, забыв, что хотел набрать свой номер; он неотрывно следил за движущейся невдалеке от ховера точкой. «Животное»,— решил он. Сердце заколотилось и застонало от радостного предчувствия. «Я знаю, что там прыгает; я не видел существо живым, зато хорошо помню по фильмам...»

«Но в каталоге "Сидни" они обозначены буквой "Б", сейчас проверю». Трясущимися руками он вытащил помятый каталог «Сидни», раскрыл:

«ЖАБЫ (Буфониды), все виды...»

«Они вымерли много лет назад. Жабы и ослы — любимые существа Уилбера Мерсера. Но на первом месте — *жабы*».

«Мне нужна коробка».

Рик засуетился, заглянул на заднее сиденье ховера — пусто; он выскочил из кара, подбежал к грузовому отсеку, открыл ключом замок, поднял крышку — картонная коробка, в которой лежит запасной топливный насос. Рик поднял коробку, вытряхнул из нее насос, положил на дно тряпку и медленно двинулся следом за жабой, не спуская с нее глаз.

Жаба, как он отметил, здорово приспособилась к окружающему пейзажу: она почти сливалась с ним. Рик заметил ее только по облачкам пыли; видимо, изменение климата повлияло на окраску жабы. «Что нужно сделать, когда находишь животное, считающееся вымершим?» Он не просто так задал себе этот вопрос, он попытался вспомнить, что говорит об этом основной каталог «Сидни». Память подсказала, что нашедшему полагается премия и какой-то орден, который вручает представитель ООН. «Кажется, награда составляет сумму в миллион долларов»,— присвистнул Рик. «А если находишь любимое жи-

вотное Мерсера? Боже мой.— Он покачал головой.— Это невозможно! Я готов поверить, что свихнулся из-за этой пыли. Что я — специал, воспринимающий происходящее больным сознанием... Как пустоголовый Изидор, для которого Мерсер оживил паука. Видимо, в моей голове начался процесс, который погубил Изидора. Неужели Мерсер виновник этого? Но ведь Мерсер — я. Выходит, я сам виноват; нет, я нашел жабу. Нашел, потому что смотрю на мир глазами Мерсера».

Рик присел на корточки, наклонился к жабе. Она выкопала лапками ямку, спряталась в ней; жизненные процессы приостановились в ее организме, и она впала в спячку. Глаза ее поблекли; жаба не замечала присутствия Рика, который с ужасом подумал, что животное погибло в двух шагах от своего спасителя.

«Странно,— сглотнул Рик,— она прыгала всего секунду назад».

Поставив картонную коробку, Рик осторожно стряхнул с жабы пыль. Кажется, она ничего не замечает, но в то же время и не сопротивляется.

Подняв жабу, Рик почувствовал характерный холодок ее тела, сморщенного и сухого. И не просто холодок — настоящий холод, как будто жаба выползла из подземной пещеры, расположенной в глубинах земли. Впервые в жизни выползла из подземного грота, надеясь погреться на солнышке.

Жаба задергала лапками, лениво сопротивляясь; Рик не понял — хочет ли она вырваться или только поиграть с человеком?

«Очень крупная жаба,— отметил Рик.— Наверное, взрослая. Она выжила в борьбе за существование, да еще в труднейших условиях! Интересно, где она находит воду, чтобы откладывать икру? Наверное, под землей. Вот что способен видеть Мерсер,— заключил Рик, опустил жабу в коробку и осторожно понес к ховеру.— Он умеет разглядеть даже ту жизнь, которая тщательно прячется в пыли мертвого мира. В любой точке Вселенной Мерсер находит таинственные признаки жизни. Теперь мне понятно; единожды взглянув вокруг глазами Мерсера, я не смогу смотреть на мир иначе, чем смотрит он. И ни один андроид,— грозно подумал Рик,— не сможет отрезать лапу этому существу». Он вспомнил, что анди сделали с пауком пустоголового.

Рик осторожно поставил коробку в кабине ховера на сиденье рядом с собой, крепко сжал руль. «Странное ощущение,— улыбнулся он,— как будто я вновь стал маленьким ребенком».

Тяжесть, преследовавшая его всю ночь, неожиданно отступила. «Сейчас я порадую Айрен,— улыбнулся Рик, хватаясь за

трубку видеофона. Набрав две первые цифры, он остановился, подумал и решил: — Сделаю ей подарок! Полет до дома займет тридцать—сорок минут».

Он решительно включил мотор и резко, будто застегивая молнию, взлетел, разворачивая ховер в направлении Сан-Франциско. Семьсот миль на юг.

Айрен Декард сидела возле «Пенфилда», раздумывая, какую набрать комбинацию цифр. Но не решалась; она чувствовала себя настолько больной и вялой, что боялась прикоснуться к кодирующему устройству. Какое-то препятствие лишило ее дороги в будущее, лишило всех возможностей, которые могли появиться на этой дороге. «Если бы рядом сидел Рик, он бы набрал мне 3,— думала Айрен,— и у меня бы возникло желание поэкспериментировать. Я бы набрала код радости или, в крайнем случае, 888 — "Желание смотреть телевизор". Интересно, что там показывают?»

Она вновь провалилась в задумчивость, размышляя, куда мог подеваться ее Рик.

«Возможно, уже торопится домой, но, с другой стороны, он с не меньшим успехом может домой и не торопиться,— заключила Айрен; ей показалось, что кости стало ломить, а суставы затрещали.— Наверное, от старости».

В дверь квартиры постучали. Забыв про «Пенфилд», она вскочила, неожиданно сообразив, что может обходиться без кода. «Если это Рик — то набирать свой код самой уже не придется». Она подбежала к двери и широко ее распахнула.

Действительно, в дверях стоял Рик, щека его была расцарапана, а одежда измята и серого цвета. И руки, и лицо — пыль покрывала Рика с ног до головы, только глаза светились радостью, как у мальчишки, который целый день играл на улице в пыли, а когда его позвали домой, вернулся, как ни в чем не бывало. Отдохнуть, умыться и рассказать о чудесах прошедшего дня.

— Я так рада видеть тебя,— сказала Айрен.

— У меня кое-что есть,— хитро сообщил Рик. Он осторожно, двумя руками держал картонную коробку. Войдя в квартиру, остановился, не решаясь ее поставить. «Похоже,— подумала Айрен,— в коробке спрятано что-то хрупкое и дорогое».

— Я сварю тебе кофе,— предложила она. Нажав на плите кнопку «кофе», Айрен несколько секунд спустя наполнила ог-

ромную кружку Рика и поставила ее на кухонный стол. Не выпуская коробки из рук, он уселся возле стола; округлившиеся глаза по-прежнему выражали радостное удивление. За все годы совместной жизни она впервые видела его в столь возбужденном, приподнятом состоянии. Что-то крайне важное произошло с момента их последней встречи, с того времени, как он улетел, бросив ее на крыше. Теперь Рик вернулся и принес с собой таинственную коробку; Айрен понимала, что именно в коробке разгадка внезапного появления мужа.

— Я очень хочу спать,— заявил он.— Лягу прямо сейчас и буду спать до вечера. Я договорился с Гарри Брайантом. Сегодня выходной день. И я собираюсь выспаться.— Осторожно поставив коробку на стол, Рик взял чашку кофе и старательно, до последней капли выпил, потому что этого хотела Айрен.

Усевшись напротив мужа, она спросила:

— Что у тебя в коробке, Рик?

— Жаба.

— Можно посмотреть?

Он снял крышку.

— Ой! — воскликнула Айрен, заглянув в коробку; существо почему-то испугало ее.— Она не кусается?

— Можешь вытащить. Она не кусается: у жаб нет зубов.— Рик осторожно вытащил жабу из коробки и протянул жене.

— Я считала, что жабы вымерли,— сказала Айрен, переворачивая жабу на спину; она внимательно осмотрела лапы животного.— Интересно, жабы могут прыгать так же, как лягушки? То есть я хотела спросить, не спрыгнет ли жаба внезапно с моей ладони?

— У жаб слабые лапы,— пояснил Рик.— Это основное различие между жабами и лягушками. И еще вода. Лягушки живут возле воды, а жабы могут существовать в пустынях. Эту жабу я как раз нашел в пустыне, на границе с Орегоном. Там все давно уже вымерло.

Рик потянулся, чтобы забрать жабу, но Айрен что-то нащупала у нее на животе; продолжая держать существо кверху лапами, Айрен ногтем повернула зажим и сняла маленькую контрольную панель.

— О-о,— лицо Рика застыло.— Да, вижу, ты права.— Совершенно подавленный, он растерянно уставился на подделку; забрав жабу из рук Айрен, потрогал беспомощные лапы животного, осмотрел его со всех сторон, как будто не зная, что

делать с жабой дальше... в итоге он положил ее обратно в коробку.

— Интересно, как она могла оказаться в пустынной части Калифорнии, на границе с Орегоном? Наверное, кто-то выпустил там свою электрическую жабу. Другого объяснения у меня нет.

— Наверное, мне не следовало говорить... что жаба электрическая,— Айрен погладила Рика по руке; она чувствовала себя виноватой, видя, как он воспринял ее находчивость.

— Ничего,— ответил Рик.— Все нормально. Я даже рад. Иначе...— Он замолчал.— Я предпочитаю знать правду.

— Хочешь, я включу «Пенфилд»? Ты почувствуешь себя лучше. Ты всегда черпал из него силы, пользуясь им чаще меня.

— Со мной все о'кей.— Он покачал головой, как будто пытаясь вытрясти из головы ненужные мысли.— Паук, которого Мерсер дал пустоголовому, Изидору,— скорее всего, такая же подделка. Но какое это имеет значение? У электрических животных свои собственные жизни. Хотя мы можем относить на их счет все, что нам вздумается.

— Ты выглядишь так, как будто прошагал сотню миль,— сказала Айрен.

— Прошедший день оказался слишком длинным для меня,— кивнул Рик.

— Отправляйся в постель спать.

Он ошарашенно посмотрел на жену:

— Но он уже закончился, не так ли?

Рик доверчиво посмотрел ей в глаза, ожидая, что Айрен ответит со всей определенностью; она, конечно же, все знает. Казалось, он сомневался в собственных словах, или они ничего не значили? Слова обрели реальность лишь тогда, когда она подтвердила их, согласившись с мужем.

— Закончился,— кивнула она.

— Боже, что за марафонская дистанция,— произнес Рик севшим голосом,— начав бег, я не мог сойти с дистанции; меня подбадривали и подталкивали, пока я не добежал до четы Бати и не покончил с ними. А потом, неожиданно, мне нечем было заняться. И еще...— Он настороженно замолчал, несомненно удивившись тому, что хотел сказать вслух.— Тот отрезок жизни, после того как я покончил со всеми, оказался еще страшней. Я не мог остановиться, потому что лишил себя последней точки, за которой следует остановиться. Ты была права утром, назвав меня грязным копом.

— Но я сказала так сгоряча; я чертовски рада, что ты вернулся домой цел и невредим.— Она поцеловала его, что, судя по всему, порадовало Рика; лицо вновь осветила улыбка, такая же яркая, как... до того, как Айрен обнаружила, что жаба электрическая.

— Ты считаешь, что я поступал гадко? — спросил он.— Сегодня, когда работал?

— Нет.

— Мерсер сказал мне, что я делаю плохое дело, но должен его закончить. Потрясающе. Иногда полезнее сделать нечто плохое, чем хорошее.

— На нас лежит проклятье,— ответила Айрен.— Мерсер говорил об этом.

— Пыль? — поинтересовался Рик.

— Убийцы, которые поймали шестнадцатилетнего Мерсера; после того как предупредили его, что он не вправе поворачивать время вспять и оживлять мертвых. Поэтому сейчас он только движется вместе с нами, вперед по линии жизни, идет как придется, к своей смерти. И убийцы бросают вслед камни. По-прежнему издеваются над ним. И над всеми нами. Это один из них разбил тебе щеку?

— Да,— печально ответил он.

— Теперь ты готов пойти спать? Если я наберу на твоем «Пенфилде» код 670?

— И какое настроение у меня возникнет?

— Мир и спокойствие, которое ты давно заслужил,— ответила Айрен.

Он поднялся на ноги. Тело нещадно болело; на лице лежала печать усталости и напряжения, будто Рик принимал участие во многих сражениях, длившихся долгие-долгие годы. Постепенно, шаг за шагом, он добрался до спальни.

— О'кей,— согласился Рик,— мир и спокойствие.

Он распростерся на кровати. Пыль слетела с одежды, волосы разметались по белой простыне.

«Модулятор настроения можно не включать»,— поняла Айрен и нажала кнопку устройства, которое делало стекла в спальне непрозрачными. Серый цвет дня исчез, оставшись снаружи.

Спустя мгновение Рик уже спал.

Она постояла возле него, но недолго — только чтобы убедиться, что он уже внезапно не проснется, не сядет на постели в страхе и растерянности, что нередко случалось ночью. А за-

тем, через минуту, она вернулась в кухню и присела возле кухонного стола.

Подле нее, в коробке, электрическая жаба подпрыгивала, шелестя тряпочной подстилкой; Айрен с удивлением подумала: «А что она ест? И какие у нее могут возникнуть поломки?»

«Ест она, скорее всего, поддельных мух»,— решила Айрен.

Открыв телефонную книгу, она пролистнула пожелтевшие страницы до подзаголовка: «Питание животных. Электрических». Айрен набрала номер и, когда ответила продавщица, сказала:

— Я хотела бы заказать фунт электромух, которые летают по квартире и жужжат, это возможно?

— Вы заказываете для электрочерепахи, мэм?

— Для жабы,— уточнила Айрен.

— Тогда я осмелюсь предложить смешанный ассортимент: поддельных червей и жуков всех типов, включая...

— Я остановлю свой выбор на мухах,— сказала Айрен.— Вы доставите их на дом? Я не хочу выходить из квартиры. Мой муж спит, и мне необходимо знать наверняка, что с ним все о'кей.

— Для жабы,— подсказала продавщица,— я бы предложила постоянно возобновляющуюся лужицу, если у вас не рогатая жаба; тогда мы предложим набор: песок, галька и органические остатки. И если вы собираетесь наладить постоянный цикл питания жабы, я предложу нашу мастерскую для профилактического осмотра и регулировки деятельности языка вашей жабы. Язык для жабы — самое главное.

— Прекрасно,— ответила Айрен,— я хочу, чтобы она работала как следует. Мой муж очень к ней привязан.— Айрен сообщила свой адрес и отключила видеофон.

И, чувствуя себя лучше, она наконец сделала себе чашку черного горячего кофе.

Убик

Посвящается ТОНИ БУЧЕРУ

Ich sih die liehte heide
in gruner varwe stan
dar suln wir alle gehen,
die sumerzeit enphahen.

Я вижу лес зеленый,
весь залитый светом.
Туда пойдем мы скоро,
чтобы встретить лето.

Глава 1

Друзья! Настало время распродаж! Бесшумные восхитительные «Убики» мы отдаем почти даром! Не смотрите на ценники!

Но помните: каждый «Убик» должен использоваться строго по инструкции.

Пятого июня одна тысяча девятьсот девяносто второго года в три часа тридцать минут пополуночи лучший телепат Солнечной системы исчез с карты нью-йоркского бюро Ассоциации Рансайтера. Впрочем, за последние два месяца Ассоциация потеряла след стольких людей Холлиса, что еще одно исчезновение погоды не делало. Дежурный техник набрал нужный номер...

— Мистер Рансайтер, простите за беспокойство...— техник поперхнулся, когда на экране видеофона появилась массивная взлохмаченная голова Глена Рансайтера.— Пришло сообщение

от одного из инерциалов... сейчас найду...— Он зарылся в груду телетайпных лент.— Ага, вот. Мисс Дорн сообщает... вы помните, конечно, она отправилась за ним в Грин-Ривер, штат Юта...

— За ним — это за кем? — Как всякий разбуженный среди ночи человек, Рансайтер быстро потерял терпение.— Не могу же я помнить наперечет, кто за каким телепатом гоняется!..— Он пригладил жесткие седые волосы.— Ладно. Кого мы проворонили на этот раз?

— С. Доула Мелипоуна,— сказал техник.

— Издеваетесь?

— Сэр!.. Эди Дорн проследила его до мотеля «Пещера Эротических Кошмаров», это такое подземелье на шестьдесят номеров, там бизнесмены развлекаются со своими девками и не терпят посторонних. Эди уверена, что он бездействовал, но мы на всякий случай послали туда нашего телепата, мистера Эшвуда, и он засек характерные помехи вокруг сознания Мелипоуна. Поэтому сделать он ничего не мог и вернулся в Топику, там он вербует нового сотрудника...

Рансайтер закурил. Струйка дыма потекла вверх, пересекая экран.

— А вы уверены, что это действительно был Мелипоун? Никто ведь не знает, как он выглядит. Матрицу лица он меняет каждый месяц...

— Джо Чип произвел замеры. Напряженность телепатической ауры в некоторых точках превысила шестьдесят восемь единиц. Это Мелипоун. Поэтому мы воткнули его флажок в карту. А теперь он исчез.

— Может быть, он на полу? Или завалился за карту?

— Сэр!.. Нет, этого человека уже нет на Земле. И, насколько мы можем судить, нет вообще в колонизованной зоне.

— Придется обращаться к моей умершей жене,— сказал Рансайтер.

— Ночь,— напомнил техник.— Мораториумы закрыты.

— Наш мораториум в Швейцарии...— Улыбка Рансайтера страдальчески исказилась, будто полуночные флюиды затрудняли дыхание.— Продолжайте работать.

Он положил трубку. Экран погас.

Как владелец Мораториума Возлюбленных Собратьев, Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг приходил на работу раньше своих сотрудников. Сегодня, входя в заледенелое гулкое здание, он

увидел, что его уже ждут. Мужчина в черных, почти непрозрачных очках, одетый в блейзер из переливающегося меха и остроносые желтые ботинки, сжимал в руке бланк требования. Очевидно, он хотел повидаться с кем-то из родственников. Приближался День Воскрешения — праздник полуживущих,— и следовало ожидать скорого наплыва посетителей.

— Да, сэр? — Герберт вежливо улыбнулся.— Позвольте, я лично приму ваше требование.

— Это старая леди,— сказал клиент.— Около восьмидесяти, очень маленькая и худенькая. Моя бабушка.

— Один момент,— Герберт направился в сторону холодильных камер, чтобы отыскать номер 3054039-Б.

Найдя его, он изучил персональную карту. Из записей следовало, что старушке осталось всего пятнадцать дней полужизни. Не так уж много, подумал Герберт, прикладывая переносной усилитель протофазонов к прозрачной пластиковой крышке гроба. Он настроил его и прислушался.

Из динамика донесся слабый голос:

— ...как раз тогда Тилли повредила лодыжку, и мы думали, что она никогда не поправится, она была глупенькая и хотела сразу же начать ходить...

Удовлетворенный, он отключил динамик и вызвал служителя, распорядившись доставить номер 3054039-Б в зал свиданий, где клиент мог бы пообщаться со старой леди.

— Вы проверили, все в порядке? — спросил клиент, отсчитывая положенную сумму.

— Проверил лично,— сказал Герберт.— Все работает прекрасно.— Он пощелкал переключателями и сделал шаг назад.— Счастливого Дня Воскрешения, сэр.

— Спасибо.— Клиент сел, наклонился над окутанным морозным паром гробом, надел наушники и твердо заговорил в микрофон: — Флора! Флора, дорогая, ты слышишь меня? Я тебя уже слышу. Флора!

Когда я сыграю в этот ящик, подумал Герберт, я распоряжусь, чтобы меня оживляли на один день в столетие. Так я смогу проследить судьбу всего рода людского. Правда, платить за это придется... уж он-то знал сколько. В конце концов, родственники взбунтуются и распорядятся — храни, Господь! — закопать тело...

— Варварство,— пробормотал он вслух.— Похороны — это каменный век.

— Разумеется, шеф,— оторвавшись от пишущей машинки, согласилась секретарша.

В зале свиданий собралось уже несколько клиентов, беседующих со своими родственниками. Они сидели чинно, поодаль друг от друга, каждый наедине со своим гробом. Вид людей, регулярно навещающих умерших, сохраняющих им верность и почтение, поддерживающих в них бодрость,— вид этих людей успокаивал Герберта. Кроме того, они ему платили. Это был неплохой бизнес — содержать мораторий.

Молодой человек жестом привлек к себе внимание Герберта.

— Мой отец, кажется, не очень хорошо себя чувствует,— сказал он.— Будьте любезны, уделите ему немного времени и проверьте, в чем дело. Я был бы весьма признателен...

— Разумеется,— ответил Герберт.

Одного взгляда на контрольную карту было достаточно, чтобы понять причину происходящего. Старику осталось всего несколько дней полужизни. Впрочем... Герберт повозился с настройкой усилителя, и голос полуживущего стал чуть яснее. Он на грани истощения, подумал Герберт. Сын не посмотрел в контрольную карту, потому что на самом деле не желал знать о том, что это его последняя встреча с отцом. И Герберт ушел, не сказав ему ни слова. Зачем? Скоро все выяснится само собой.

На погрузочную платформу, расположенную позади моратория, въехал грузовик. Из кабины вышли двое, одетые в знакомую голубую униформу: «Атлас Интерплэн, перевозки и хранение». Или привезли еще одного полуживущего, подумал Герберт, или забирают кого-то, кто уже выдохся. Он лениво повернулся, чтобы пойти и узнать, в чем дело, но тут его окликнула секретарша:

— Герр фон Фогельзанг, простите, что прерываю вашу медитацию, но один из клиентов просит, чтобы вы лично помогли разбудить его родственника,— и голос ее как-то по-особому изменился, когда она добавила: — Это мистер Глен Рансайтер, он только что прилетел прямо из Североамериканской Конфедерации.

Крупный стареющий мужчина с большими руками быстрым энергичным шагом подошел к Герберту. На нем был немнущийся разноцветный дакроновый костюм, вязаный пояс и шарф немыслимого цвета, наводящего на мысли об утопленниках. Голова его, по-кошачьи круглая, качнулась в поклоне, в то время как глаза, выпуклые, быстрые и настороженные, перебегали с предмета на предмет, задержались на миг на Гер-

берте и тут же пустились дальше, и Герберту показалось, что — в будущее.

— Как там моя Элла? — прогудел Рансайтер; казалось, его голос усиливает какое-то электронное устройство.— Готова к побудке? Вообще-то в двадцать лет положено просыпаться мгновенно — не в пример нам, старым развалинам...

Он рассмеялся посторонним смехом; он вообще всегда смеялся, улыбался, голос его гудел — но в действительности он никого не замечал и ни о ком не думал. Это тело его улыбалось, кивало, пожимало руки; мысли его блуждали далеко отсюда. Рассеянно-дружелюбным жестом он пригласил Герберта следовать за ним и быстро зашагал к холодильным камерам, где лежали полуживущие, и среди них — его жена.

— Давненько же вы не навещали нас, мистер Рансайтер,— сказал Герберт; он никак не мог вспомнить данных контрольной карты миссис Рансайтер и какой срок полужизни ей еще остается.

Не останавливаясь, Рансайтер приобнял Герберта за плечи и сказал:

— Слишком ответственная работа, герр Фогельзанг. Мы — то есть я и мои сотрудники — столкнулись с явлением, которое не находит пока никакого разумного объяснения. Я не могу раскрывать детали, но мы прослеживаем некоторые очень зловещие признаки... хотя надежды не теряем. Источник всей этой гадости не выявляется, вот что плохо. Где Элла? — Он остановился, озираясь.

— Я доставлю ее вам в зал свиданий,— сказал Герберт. Клиентам не полагалось входить в хранилища.— У вас есть жетон с ее номером?

— Господи, нет, конечно. Я давно его потерял. Но вы же знаете мою жену. Элла Рансайтер, двадцати лет. Шатенка, глаза карие,— он нетерпеливо огляделся.— Где этот ваш зал? Сделайте так, чтобы я его долго не искал.

— Проводите мистера Рансайтера в зал свиданий,— приказал Герберт одному из служащих, который крутился неподалеку, желая рассмотреть получше известного на весь мир владельца организации анти-пси.

Заглянув в зал, Рансайтер с отвращением бросил:

— Тут переполнено. Я не могу разговаривать с Эллой на таком базаре. Мистер Фогельзанг!

Догнав Герберта, он вновь водрузил на его плечо свою мощную лапу, и Герберт почувствовал ее тяжесть и убеждающую силу.

— Неужели у вас не найдется более уединенного места для беседы? Я хотел бы обсудить со своей женой вопросы, которые Ассоциация не намерена делать предметом публичного диспута.

— Может быть, вы побеседуете с женой в одном из наших офисов, сэр? — предложил Герберт. Голос и энергия Рансайтера подавляли его. Интересно, что могло произойти и какая сила заставила Рансайтера покинуть свою резиденцию и отправиться в позднее паломничество сюда, в Мораториум Возлюбленных Собратьев, чтобы разбудить — так он это назвал — свою полуживущую жену. Какой-нибудь деловой кризис, скорее всего. В последнее время тон реклам, помещаемых в телепрограммах и домашних газетах, стал невозможно крикливым и навязчивым. Берегите ваши тайны! — призывали различные компании анти-пси в любое время и по всем каналам. Вы уверены, что вы одни? Что вы действительно одни? Это насчет телепатов... а еще этот тошнотворный страх перед предсказателями... Вдруг твои действия заранее известны кому-то, с кем ты даже не знаком? С кем не хотел бы встречаться и уж тем более — впускать в свой дом? Избавься от неуверенности: в ближайшем пункте предупреждения установят, не являешься ли ты жертвой негласного вторжения, а затем — по твоему желанию — защитят тебя от него. Плата умеренная.

Пункты предупреждения... Герберту нравился этот термин. В нем сочетались достоинство и точность. Два года назад ему пришлось прибегнуть к их услугам. Из каких-то неизвестных соображений неустановленный телепат подверг инфильтрации здание мораториума. Возможно, для перехвата информации, которой обменивались клиенты с полуживущими родственниками. А может быть, дело касалось какой-то определенной особы, хранящейся в мораториуме. Так или иначе, разведчик одной из компаний анти-пси обнаружил телепатическое поле и сообщил об этом. Герберт подписал контракт, и антителепат расположился на территории мораториума. Выловить телепата не удалось, но воздействие его было нейтрализовано в полном соответствии с рекламными проспектами. Мораториум был освобожден от пси-влияния, но пункт предупреждения подвергал проверке ежемесячно весь персонал...

— Благодарю вас, мистер Фогельзанг,— прогудел Рансайтер, входя в сопровождении Герберта в пустую пропылившуюся комнату, хранилище микродокументации.

Конечно, продолжал размышлять Герберт, я поверил им на слово, что телепат действительно пытался проникнуть сюда.

Да, они показали мне какой-то график, на который и ссылались как на доказательство — но откуда я знаю, что этот график не был сфабрикован ими? И точно так же на слово я поверил им, что телепат убрался. Пришел, ушел — а я заплатил две тысячи поскредов. Вполне может оказаться, что пункты предупреждения — это банды рэкетиров, которые навязывают всем свои услуги по устранению придуманной опасности...

Размышляя об этом, он направился в архив. На этот раз Рансайтер не пошел вместе с ним; опустившись на стул, он заворочался, пытаясь устроиться поудобнее. Стул жалобно скрипел, Рансайтер вздыхал, и Герберт понял вдруг, что этот крепкий, расточающий энергию человек страшно, смертельно устал... Когда вас забрасывает на такую высоту, подумал Герберт, поневоле приходится вести себя определенным образом. Корчить из себя супермена, не подверженного человеческим слабостям. Наверняка в тело Рансайтера всажена дюжина-другая искусственных органов, чтобы поддержать или заменить те, которые не справляются с перегрузками. И все для того, чтобы мозг работал на пределе возможного... и без того великолепный мозг. Интересно, сколько ему лет? Теперь по внешнему виду вообще невозможно определить чей-либо возраст, особенно если человеку за девяносто...

— Мисс Бисон,— сказал он секретарше,— найдите, пожалуйста, миссис Эллу Рансайтер и сообщите мне ее номер. И пусть ее доставят в офис 2-А.

Он опустился на стул напротив нее и подцепил щепоть нюхательного табака «Принцы» производства Фрайбурга и Трэйера, а мисс Бисон приступила к исполнению этого сравнительно простого поручения.

Глава 2

Хотите пива? Закажите «Убик»! Из отборного хмеля и чистейшей воды, подвергнутое медленному брожению, пиво «Убик» обладает уникальным вкусом и, без сомнения, является лучшим пивом в стране!

Производится только в Кливленде.

Элла Рансайтер лежала, вытянувшись, в своем прозрачном заиндевевшем гробу. Глаза ее были закрыты, а руки, недонесенные до лица, замерли раз и навсегда. Три года прошло с тех пор, когда он видел ее в последний раз... Конечно, она не

изменилась — и никогда уже не изменится. По крайней мере внешне. Но каждое возвращение к полужизни, каждая активация приближали ее к окончательной смерти.

Знание того, что общение с ней стоит так дорого, заставляло Рансайтера делать это как можно реже. Главным желанием Эллы, высказанным еще до смерти и при первых пробуждениях, было продолжение участия в делах Ассоциации. Что ж, он исполнял это. Например, сейчас. И шесть или семь раз в прошлом. Он действительно советовался с ней в критические моменты. Как, например, сегодня...

К дьяволу эти наушники, раздраженно подумал он, приспосабливая на голове пластмассовые диски. И этот микрофон... Какое тут может быть общение?.. Его все раздражало: и неудобный стул, который Фогельзанг — или как его там? — подсунул ему, и то, как медленно Элла приходит в чувство. Его вдруг охватила паника: а что, если силы ее уже исчерпаны, а они ему этого не сказали? Скрывают или даже не знают сами? Может быть, стоит вызвать этого типа, Фогельзанга, и потребовать объяснений? Может быть, они совершили какую-то чудовищную ошибку?..

Элла, нежная, незабываемая... как блестели ее глаза, когда она могла открывать их... Этого больше не будет никогда. С ней можно говорить, можно слышать ее голос... но она никогда не откроет глаза и не шевельнет губами. Не улыбнется ему. Не заплачет, когда он уйдет. Чем все это лучше старого доброго исхода, прямой дороги от жизни к могиле? Выбора нет, оборвал он себя. Она все еще со мной...

В наушнике неразборчиво зазвучали слова, путаные, бессмысленные фразы, фрагменты того таинственного сна, в котором она сейчас пребывала. Что там, в полужизни? — не раз задумывался он. Из рассказов Эллы понять этого не удавалось. Ни понять, ни представить. Тяжесть, сказала она однажды. Тяжесть постепенно исчезает, и ты паришь, паришь... а когда полужизнь прекращается, ты покидаешь Систему и летишь прямо к звездам. Впрочем, точно она этого не знала, а лишь предполагала. В то же время страха она не испытывала.

Что же, хорошо и это...

— Привет, Элла,— смущенно сказал Рансайтер в микрофон.

— Ох...— в ее голосе послышалась растерянность.— Здравствуй, Глен,— нет, не растерянность — радостное детское изумление.— Что... Столько времени прошло?

Лицо ее оставалось неподвижным, и Рансайтер отвел глаза.

— Пара лет,— сказал он.

— Расскажи, что происходит?

— Боже мой,— сказал он,— все разваливается. Вся организация. Потому я и здесь: ведь ты сама хотела участвовать в планировании перспективной политики Ассоциации... и — Господь свидетель — нам позарез нужна именно новая политика или, по крайней мере, создание новой системы разведки.

— Мне снилось...— сказала Элла.— Я видела клубящийся красный свет. Это было ужасно. И все-таки я шла к нему. Я не могла остановиться.

— Да,— сказал Рансайтер.— «Бардо Тодол», «Тибетская Книга Мертвых»... ты помнишь ее? Доктора рекомендовали тебе перечитать ее, когда ты...— он запнулся, потом продолжил: — Когда ты умирала.

— Клубящийся красный свет,— повторила Элла.— Это что-то плохое, да?

— Да, его следует избегать.— Он откашлялся.— Слушай, Элла, у нас большие проблемы. Ты в силах выслушать меня? Не хотелось бы тебя перегружать, и если ты устала, то мы можем просто поболтать...

— Непонятно... Кажется, это снилось мне непрерывно с того нашего последнего разговора. Неужели действительно прошло два года? Знаешь, Глен, что я думаю? Что мы — те, которые здесь,— все больше и больше проникаем друг в друга. Все больше моих снов вовсе не обо мне. Я то мужчина, то старуха, то маленький ребенок... я бываю в местах, которых никогда в жизни не видела, и совершаю не свои поступки...

— Говорят, так бывает, когда изменяешься, готовясь к новой жизни. А клубящийся красный свет означает плохое перерождение, и тебе не следует идти в том направлении. Так что, скорее всего, ты уже начинаешь предчувствовать свою следующую жизнь.

Он испытывал неловкость, произнося все это. Собственных теологических убеждений у него не было. Но явление полужизни было реальностью, а такая реальность кого хочешь сделает теологом...

— Так вот,— начал он, меняя тему.— Я расскажу тебе, что произошло и почему я решил тебя побеспокоить. С. Доул Мелипоун исчез из-под наблюдения.

Повисла мгновенная тишина, а потом Элла рассмеялась.

— С. Доул Мелипоун — кто он или что это? Даже не верится, что может существовать нечто с таким названием.

Смех Эллы, теплый, грудной, заставил Рансайтера сжаться; прошло уже столько лет, а этот смех не забывался. Да, больше десяти лет...

— Ты, наверное, забыла,— сказал Рансайтер.

— Такое не забудешь. С. Доул Мелипоун... Это, случайно, не хоббит?

— Это лучший телепат Раймонда Холлиса. Полтора года назад его засек Джи-Джи Эшвуд, и с тех пор на нем постоянно висит кто-то из наших инерциалов. Мы никогда не теряем его из виду — просто не можем позволить себе такой роскоши. Потому что он по крайней мере вдвое сильнее любого известного нам телепата. И вот он исчез — в числе множества прочих людей Холлиса. Никто ничего не понимает. Вот я и подумал: черт побери, надо спросить Эллу, что она думает по этому поводу. Ты же писала об этом в завещании...

— Да, я помню...— сказала она тихо.— Дайте объявление по ТВ. Предупредите людей...— голос ее слабел и исчезал.— Скажите им...

— Это изматывает тебя,— с сожалением заметил Рансайтер.

— Нет, просто...— Она будто уплывала — все дальше и дальше.— Исчезают только телепаты? — спросила она после паузы.

— Телепаты и предсказатели. На Земле их нет, это точно. Множество наших инерциалов болтаются без дела, потому что их подопечные испарились. И это меня страшно тревожит — не то, конечно, что заказов на услуги инерциалов стало меньше, а то, что мы ничего не понимаем в происходящем. Я подозреваю, что все эти исчезнувшие сидят где-то и работают над чем-то — все вместе и над одной задачей. Кто-то их нанял, всю их банду, но только Холлис знает, кто и зачем. И что вообще все это значит.

Он говорил, а мрачные сомнения все больше овладевали им. Чем может Элла помочь ему? Лежащая в гробу, вымороженная из мира — она знала только то, что он сам ей говорил. И все же... какая-то особая проницательность, женская форма мудрости, основанная не на знаниях и опыте, а на чем-то глубинном, необъяснимом, была ей присуща. Вникнуть в это невозможно, он убедился еще тогда, когда Элла была жива, и тем более невозможно было вникнуть в это теперь... Другие женщины, которых он знал — их сменилось несколько за последние

десять лет,— обладали этими способностями в зачаточной степени. Природа только намекнула им на огромные возможности... в отличие от Эллы.

— Что он за человек, этот Мелипоун? — спросила Элла.

— У него мозги набекрень.

— Но работает он за деньги? Или энтузиаст? Меня всегда мутит, когда они начинают рассуждать обо всей этой пси-мистике, об ощущении смысла бытия и о космической идентификации. Как тот мерзкий Сарапис, помнишь его?

— Сараписа уже нет,— сказал Рансайтер.— Похоже, Холлис его убрал, потому что Сарапис хотел основать собственное дело. Но кто-то из предсказателей Холлиса раскрыл этот план... Мелипоун куда более крепкий орешек. Когда он в ударе, требуется минимум трое инерциалов для нейтрализации его поля, а это крайне невыгодно — ведь заказчик платит те же самые деньги. Объединение ввело прейскурант, который связал нас по рукам и ногам...— Объединение было давней головной болью Рансайтера. Одни расходы и гонор — при полной бесполезности.— Насколько я могу судить, Мелипоуна в первую очередь интересуют деньги. Но что это нам дает?

Ответа не последовало.

— Элла! — позвал он.

Тишина.

— Элла, Элла, я здесь, я слушаю тебя! Ты меня слышишь? Элла, что случилось? — О боже, подумал он, это конец...

Долгое молчание нарушилось далеким шепотом:

— Меня зовут Джори.

Это была не Элла: совсем другой темп и тембр голоса.

— Положите трубку,— крикнул Рансайтер, охваченный внезапной паникой.— Я говорю со своей женой, откуда вы тут взялись?

— Я Джори, и никто не хочет говорить со мной. Я хочу побыть с вами, если вы не возражаете. Как вас зовут?

Задыхаясь, Рансайтер проговорил:

— Мне нужна моя жена, миссис Элла Рансайтер. Я заплатил за разговор с ней, а это значит, что я хочу говорить именно с ней, а не с вами!

— Я знаю миссис Рансайтер,— голос стал намного сильнее,— она разговаривает со мной, но ведь она одна из нас, и беседовать с ней — это совсем не то, что с вами. Она не знает ничего такого, чего не знают все остальные. А какой сейчас год, мис-

тер? Уже отправили тот большой корабль к Проксиме? Я этим очень интересуюсь, не расскажете ли мне что-нибудь? Если хотите, я потом перескажу это миссис Рансайтер, хорошо?

Рансайтер сорвал с себя наушники и прочие приспособления и выбежал из душной, пропыленной комнаты. Он несся между рядами промороженных саркофагов, и служащие мораториума возникали перед ним и тут же исчезали. Он искал владельца.

— Что-нибудь случилось, мистер Рансайтер? — Фон Фогельзанг шагнул ему навстречу.— Я могу чем-то помочь?

— Какая-то штука завелась в проводах,— Рансайтер остановился, переводя дыхание.— Вместо Эллы. Черт побери вашу банду и ваш показушный бизнес. Если бы я так вел свои дела...— Продолжая бормотать ругательства, он двинулся следом за владельцем мораториума в направлении офиса 2-А.

— Тот, кто с вами говорил,— он представился? — спросил фон Фогельзанг.

— Да, он сказал, что его зовут Джори...

— Это, должно быть, Джори Миллер,— в голосе фон Фогельзанга зазвучала тревога.— Кажется, он в саркофаге лежит рядом с вашей женой...

— Но я же вижу, что это Элла!

— Дело в том, что со временем ментальности полуживущих осуществляют взаимопроникновение, своеобразный осмос. Активность мозга Джори чрезвычайно высока, вашей жены — сравнительно низка. Это вызывает однонаправленное перераспределение протофазонов...

— Исправить вы это можете? — хрипло спросил Рансайтер. Он чувствовал, что потрясение еще не прошло. Потрясение, злость и усталость.— Уберите эту дрянь из сознания моей жены и верните ее назад. Это ваша работа.

— Если такое положение вещей сохранится,— официальным тоном сказал фон Фогельзанг,— ваши деньги будут вам возвращены.

— К черту деньги! — Они вошли в комнату 2-А. Рансайтер неуверенно сел; сердце его стучало так, что он едва мог говорить.— Если вы не выкинете этого Джори, я возбужу против вас судебное дело. Я закрою к дьяволу вашу лавочку!

Наклонившись над гробом, фон Фогельзанг прижал к уху динамик и заговорил в микрофон:

— Выйди из фазы, Джори, ты же хороший мальчик.— Покосившись на Рансайтера, он объяснил: — Джори умер пятнадца-

тилетним, поэтому в нем столько энергии. Честно говоря, уже случалось, что он появляется там, где появляться не должен.— Он снова заговорил в микрофон: — Джори, Джори, ты ведешь себя некрасиво. Мистер Рансайтер прилетел издалека, чтобы побеседовать со своей женой. Не заглушай ее голос, Джори, это невежливо.— Он замолчал, слушая ответ.— Я знаю, что ее сигналы слабые...— Какое-то время он слушал, важный, как большая лягушка, потом отложил наушники и встал.

— Что он сказал? — Рансайтер приподнялся.— Он уберется из Эллы? Я смогу с ней поговорить?

— Джори ничего не может сделать,— сказал фон Фогельзанг.— Представьте себе два радиопередатчика: один расположен поблизости, но мощность его мала, а другой — далеко, но мощность его в десять раз больше. Когда наступает ночь...

— Она наступила,— сказал Рансайтер.

Наступила для Эллы — а может быть, и для него. Если не удастся найти всех этих телепатов, паракинетиков, предсказателей, воскресителей...

— Там, в саркофаге, мы постараемся отделить ее от Джори,— продолжал болтать фон Фогельзанг,— а если вы согласитесь на некоторое удорожание обслуживания, мы переместим ее в отдельную, надежно изолированную камеру с покрытием из тефлона-26, который подавляет гетеропсихическую инфузию, будь то Джори или кто-нибудь еще...

— Еще не поздно? — мгновенно переходя от отчаяния к надежде, спросил Рансайтер.

— Да, ее возвращение вполне возможно, как только Джори выйдет из ее фазы. Плюс те, кто еще проник в нее. Она слишком слаба и доступна...— Фон Фогельзанг покусал губу, обдумывая ситуацию.— Но ей может не понравиться изоляция, мистер Рансайтер. Мы не случайно помещаем контейнеры — или гробы, как их неправильно называют,— так близко друг к другу. Блуждание в чужих мыслях для полуживущих — это их единственная...

— Поместите ее отдельно прямо сейчас,— перебил его Рансайтер.— Пусть уж она побудет в изоляции, чем перестанет существовать.

— Она не перестала существовать. Она существует. Она просто не может вступить в контакт с вами.

— Это метафизическая разница. Для меня она значения не имеет.

— Хорошо, я помешу ее отдельно,— согласился фон Фогельзанг.— Но в каком-то смысле вы правы: уже поздно. Джори поселился в ней навсегда. Мне очень жаль.

— Мне тоже,— резко сказал Рансайтер.

Глава 3

Растворимый «Убик» наполнит вашу кухню свежим ароматом только что сваренного кофе. Муж скажет: «Боже, Салли, а я думал, что кофе — это та бурда, которую ты обычно варишь. Нет, это — потрясающе!!!»

Сохраняет свои качества только при соблюдении инструкции.

Все еще в своей полосатой клоунской пижаме, Джо Чип осторожно присел у кухонного стола, закурил и, опустив десятицентовик в прорезь, стал вяло накручивать диск взятого недавно напрокат газетного автомата. Страдая с похмелья, он пропустил «межпланетные новости», поколебался, но тоже пропустил «местные новости» и, наконец, остановился на «сплетнях».

— К вашим услугам, сэр,— проникновенно произнес газетный автомат.— Сплетни. Угадайте, чем занят сейчас Стэнтон Мик, отшельник и всемирно известный биржевик и финансист?

Аппарат зажужжал и выплюнул тут же свернувшийся в трубочку лист бумаги. Трубочка, мелькнув разноцветными буквами, скатилась на пол. Морщась от нахлынувшей головной боли, Чип поднял ее и развернул.

МИК ПРОСИТ У МИРОВОГО БАНКА ДВА ТРИЛЛИОНА!

(АП) Лондон. Для чего могут понадобиться такие деньги СТЭНТОНУ МИКУ, отшельнику и всемирно известному биржевику и финансисту? — этот вопрос не дает покоя бизнесменам с тех пор, когда сквозь стены Уайтхолла просочился слух о том, что полный энергии эксцентричный магнат, в свое время предложивший Израилю бесплатную космическую флотилию для возрождения пустынь Марса, попросил — и, возможно, получил — невообразимый кредит в размере...

— Это не сплетни,— сказал Джо Чип автомату.— Это спекуляции вокруг финансовых сделок. А я хочу почитать о том, как какая-нибудь телезвезда спит сейчас с чьей-нибудь наркоманкой-женой...

Джо, как обычно, не выспался. По крайней мере, у него был недобор «быстрого сна» — того подлинного сна, когда мозг отдыхает. Принимать же снотворное на ночь он не стал, так как запас стимуляторов в аптечке жилого блока иссяк. Иссяк, конечно, из-за собственной его невоздержанности, винить некого; теперь, согласно закону, он мог воспользоваться аптечкой только во вторник — то есть через два дня. Два невозможно долгих дня...

— Прошу вас настроить меня на «бульварные сплетни»,— сказал автомат.

Джо повернул диск, и автомат выплюнул еще одну бумажную трубочку. Сначала Джо рассмотрел замечательную карикатуру, изображавшую Лолу Хертцбург-Райт, и даже облизнулся от удовольствия при виде ее правого ушка, игриво выставленного на всеобщее обозрение. Потом он прочитал текст.

«Минувшим вечером в одном из модных ночных клубов Нью-Йорка внимание ЛОЛЫ ХЕРТЦБУРГ-РАЙТ привлек карманный вор. Мощным ударом правой в челюсть она отправила его на стол, за которым король Швеции ЭГОН ГРОТ и неизвестная мисс, обладательница изумительно большого...»

Вздрогнув от резкого звука дверного звонка, Джо Чип удивленно поднял глаза и обнаружил, что его сигарета намеревается прожечь бакелитовую поверхность отделанной под тик столешницы. Справившись с этой проблемой, он потащился, волоча ноги, к переговорному устройству. Кто бы это мог быть, ворчал он, еще нет и восьми? Скорее всего, робот, собирающий квартирную плату. Или кредитор. Поэтому дверь отпирать он не стал.

Из динамика донесся бодрый мужской голос:

— Я знаю, что еще очень рано, Джо, но я только что приехал. Это я, Джи-Джи Эшвуд. Я привез рекрута, которого нашел в Топике. По-моему, это великолепная находка. Я хочу, чтобы ты подтвердил это, прежде чем предлагать товар Рансайтеру. Тем более, он в Швейцарии.

— Контрольных приборов у меня дома все равно нет,— сказал Джо.

— Я сгоняю в контору и привезу.

— Они не в конторе,— неохотно признался Джо.— Они в моей машине. Мне не хотелось вчера таскаться туда-сюда...— На самом деле он надрался до такой степени, что был просто не в состоянии открыть багажник.— Неужели ты не можешь подождать до девяти?

Настроение у него окончательно испортилось. Со своей маниакальной целеустремленностью Эшвуд мог достать кого угодно, и сейчас, в семь сорок утра, он сразил Джо наповал — хуже даже, чем кредитор...

— Чип, дружочек, у меня тут с собой совершенно потрясающий экземпляр, ходячая кунсткамера, которая разнесет в клочки все твои тестеры, а в придачу вдохнет новую жизнь в нашу фирму. Кроме того...

— Это анти-кто? — спросил Джо.— Телепат?

— Я выложу вам всю правду о делах на фронте,— продекламировал Эшвуд.— Понимаешь, Джо, я сам не знаю. Но дело очень серьезное. Слушай, я не могу стоять тут и трепаться на всю округу. Я уже поймал мысли какого-то типа с первого этажа, и он...

— Ладно,— сказал Джо Чип, сдаваясь. Однажды начав свой монолог, Джи-Джи мог продолжать его до бесконечности. Он мог заставить прислушаться к себе.— Дай мне пять минут, чтобы одеться и проверить, не осталось ли где немного кофе...

Джо смутно помнил, что вчера вечером делал покупки в супермаркете и что, в частности, отрывал зеленый талон, дававший право на покупку чая, кофе, сигарет или модного импортного нюхательного табака.

— Она тебе понравится,— сказал Эшвуд.— Хотя, как это часто бывает, она дочь...

— Она? — встревожился Джо.— Но моя квартира не убрана! Я задолжал роботам-уборщикам, и они две недели не показываются...

— Я спрошу, волнует ли это ее.

— Не спрашивай. Это волнует меня. Приводи ее в контору в рабочее время.

— Судя по ее мыслям, ей это безразлично — порядок у тебя или...

— Сколько ей лет? — Может, она еще ребенок, подумал он, у многих инерциалов способности развивались в детстве — особенно у тех, чьи родители были наделены пси-способностями.

— Сколько тебе лет, дорогая? — голос Джи-Джи прозвучал тихо, видимо, он отвернулся от микрофона.— Девятнадцать,— сообщил он Чипу.

Не ребенок. В Джо пробуждалось любопытство. Лихорадочную активность Джи-Джи вызывали только очень привлекательные женщины. Может быть, и эта из той же категории?

— Через пятнадцать минут,— сказал он. За это время надо провернуть уборочную кампанию, даже пожертвовав кофе и завтраком. По крайней мере, сделать такую попытку...

Он дал отбой и принялся искать в кухонных шкафах метлу (простую или механическую) или пылесос (с автономным или сетевым питанием), но ни того ни другого не было. Возможно, из службы эксплуатации ему не приносили ни того ни другого. Черт возьми, узнать об этом только сейчас... а я живу здесь уже четыре года... Он включил видеофон и набрал номер 214 — службу эксплуатации здания.

— Послушайте,— сказал он, когда на экране появилось синтезированное изображение.— Я намерен перевести некоторую часть моих капиталов в счет оплаты услуг ваших роботов-уборщиков. Я хотел бы, чтобы они поднялись ко мне прямо сейчас. Когда они закончат, я оплачу весь счет полностью.

— Сэр, вы должны вначале погасить задолженность, и только после этого роботы примутся за работу.

Чип открыл свою расчетную книжку и достал из нее стопку Магических Кредитных Ключей — большая часть из которых, впрочем, была уже недействительна. Вероятно, его сложные отношения с деньгами, платежами и налогами останутся такими навечно...

— Я переведу свою задолженность на счет, контролируемый Треугольным Магическим Ключом,— сказал он своему туманному противнику.— Таким образом, эти обязательства выйдут из-под вашей юрисдикции, а в ваших книгах это пройдет как полное погашение долга.

— Остаются еще штраф и проценты.

— Их я погашу своим Ключом В Форме Сердца...

— Мистер Чип, агентство Ферриса и Брокмана по надзору за розничными кредитами уже опубликовало циркуляр по поводу вашей платежеспособности. Мы получили его только вчера. Начиная с июля вы лишены статуса «Ж-3» и переведены в статус «Ж-4». Наш отдел — а по сути, все здание — теперь запрограммированы против обслуживания вас по каким бы то ни было кредитам. Такие жалкие аномалии, как вы, сэр, оплачивают любые услуги только наличными. Боюсь, что в таком положении вам предстоит оставаться до конца жизни, сэр.

Джо выключил видеофон. Надежды заманить роботов-уборщиков в этот хаос, служащий ему жилищем, не осталось. Он побрел в спальню одеваться. Слава богу, это он мог сделать без посторонней помощи.

Облачившись в спортивный халат каштанового цвета, туфли с загнутыми носами и феску с кисточкой, Джо обследовал кухню на предмет остатков кофе. Безрезультатно. Тогда он сосредоточил внимание на комнате — и за дверью, ведущей в ванную, нашел заляпанную грязью голубую накидку от дождя и пластиковый пакет с банкой настоящего кенийского кофе — величайшей роскошью, которую он мог позволить себе только в состоянии отключки. Особенно при нынешнем финансовом нокауте...

На кухне Джо порылся в карманах, нашел десятицентовик и с его помощью включил кофейник. Вдыхая необычный — для него — аромат, он взглянул на часы и обнаружил, что пятнадцать минут уже истекли. Он подошел к двери, повернул ручку и потянул задвижку. Дверь не поддавалась.

— Пять центов, пожалуйста,— сказала она.

Джо обшарил карманы — ничего. Пусто.

— Я заплачу тебе завтра,— сказал он двери. Снова подергал ручку — безрезультатно.— То, что я тебе плачу,— это, в сущности, чаевые. Я не обязан тебе платить.

— Я придерживаюсь иного мнения,— сказала дверь.— Загляните в контракт, который вы подписали при покупке этой квартиры.

Контракт лежал в ящике стола; Джо уже не раз к нему обращался. Да, плата за открывание и закрывание двери представляла собой обязательный сбор, а не чаевые.

— Вот видите, я права,— сказала дверь самодовольно.

Из посудного ящика Джо достал нож из нержавеющей стали и начал отвинчивать замок своей двери.

— Я подам на вас в суд,— сказала дверь, когда вывалился первый болт.

— Никогда в жизни еще не судился с дверью,— сказал Чип.— Но думаю, что смогу это пережить.

Раздался стук.

— Эй, Джо, мальчуган, открывай, это я, Эшвуд! Я привел ее.

— Брось пять центов в щель,— сказал Джо.— С моей стороны этот механизм заело.

Монета звякнула, упав, и дверь распахнулась. На пороге стоял Джи-Джи, сияя, как бриллиант. Полный триумф был написан на его лице, когда он посторонился, пропуская вперед себя девушку.

Она на секунду остановилась, рассматривая Джо. На вид ей было не больше семнадцати. Тонкая, загоревшая до бронзового оттенка. Огромные темные глаза. Боже, подумал Джо, да она прекрасна... На ней были рабочая рубашка из эрзацхолста и джинсы, а тяжелые ботинки, казалось, вымазаны настоящей грязью. Роскошная грива блестящих вьющихся волос была зачесана назад и перевязана красным цветастым платком. Закатанные рукава рубашки открывали сильные загорелые руки. На ремне висели нож, радиотелефон и сумка с аварийным запасом воды и пищи. На обнаженном предплечье Джо разобрал татуировку. CAVEAT EMPTOR. Хотел бы он знать, что это такое.

— Это Пат,— сказал Эшвуд, с показной фамильярностью обнимая девушку за талию.— Просто Пат, и все.— Квадратный и плотный, как кирпич, в своем повседневном мохеровом пончо, шляпе абрикосового цвета, лыжных гетрах и ковровых туфлях без задника, он двинулся к Чипу, излучая самодовольство каждой молекулой тела. Ведь он нашел нечто ценное и собирался взять от этого все.— Пат, а это лучший в нашей фирме специалист по тестам электрического типа.

Холодно улыбнувшись, девушка посмотрела на Джо.

— Это вы электрического типа? Или ваши тесты?

— Уже не понять,— сказал Джо.— Все так смешалось...

Дух запустения и разрухи, царящий в его жилище, пропитывал все, и Джо понял, что эти миазмы коснулись и Пат...

— Садитесь, пожалуйста,— смущенно сказал он.— Выпьем по чашечке свежего кофе...

— Какая роскошь! — воскликнула Пат, усаживаясь за кухонный стол. Инстинктивно она сложила валяющиеся в беспорядке газеты в ровную стопу.— Неужели вы можете позволить себе натуральный кофе?

— Джо гребет деньги лопатой,— сказал Джи-Джи.— Незаменимый работник...— Протянув руку, он вытащил сигарету из лежащей на столе пачки.

— Клади обратно! — потребовал Джо.— Сигареты кончаются, а последний зеленый талон я потратил на кофе.

— Я заплатил за вход,— напомнил Джи-Джи. Он протянул пачку девушке.— Джо разыгрывает вас, не обращайте внимания. Почему, думаете, у него такая квартира? Демонстрирует, что он творческая личность: все, мол, гении так живут. Так где твоя аппаратура, Джо? Мы теряем время.

— Вы странно одеты,— сказал Джо девушке.

— Я ведь работаю под землей. Обслуживаю линии связи в кибуце Топика. По нашим законам, только женщины могут работать руками. Поэтому я там, а не, например, в кибуце Уичита-Фолз.— В ее темных глазах сверкнула гордость.

— А эта надпись на вашей руке, эта татуировка — она на еврейском? — спросил Джо.

— Нет, это латынь...— улыбка чуть тронула ее губы.— Слушайте, я никогда еще не видела такой захламленной квартиры. У вас что, нет любовницы?

— У этих типов — компьютерных экспертов — никогда нет времени для подобных глупостей,— проворчал Эшвуд.— Слушай, Чип, дело вот в чем: родители этой девушки работают на Холлиса. Если они узнают, что она была здесь, они сделают ей фронтальную лоботомию.

— Они знают о ваших способностях... э-э... противоположного свойства? — спросил Джо.

— Нет,— покачала она головой.— Я и сама не знала этого, пока ваш разведчик не подсел ко мне в кафе и не рассказал кое-что. Может быть, все это правда. Может быть, нет. Но он сказал, что вы можете установить это с помощью аппаратуры...

— Предположим, мы установили у вас наличие этих способностей,— сказал Джо.— Что дальше?

— Ну... это как-то так... неприятно. Ничего не можешь: ни перемещать предметы, ни обращать камни в хлебы, ни зачинать без порока, ни лечить... ни читать мысли, ни заглядывать в будущее... Зато можно мешать другим делать все это. Смешно и глупо,— она махнула рукой.

— Как фактор выживания человечества,— сказал Джо,— это ничуть не менее важно, чем сами пси-способности. Особенно для нас, нормальных. Скажем, одни насекомые умеют летать — значит, другие должны уметь ткать паутину. Согласитесь, умение ткать паутину вовсе не равнозначно неумению летать. Устрицы отрастили себе раковину для защиты — птицы научились поднимать их в воздух и бросать на камни. То же самое и с людьми: вы охотитесь и — извините за сравнение — пожираете пси-одаренных, а они, в свою очередь, пожирают нормальных. Таким образом, вы друг нормальных. Баланс, замкнутый цикл, хищник — жертва... вечный круговорот.

— Меня могут обвинить в измене,— сказала Пат.

— Вас это волнует?

— Конечно. Многие станут относиться ко мне враждебно. Хотя... невозможно, наверное, жить и не вызывать чьей-то неприязни. Люди желают разного, и, доставляя удовольствие одному, ты раздражаешь другого...

— Так в чем же состоит ваш талант? — спросил Джо.

— Трудно сказать...

— Я тебе говорю — это нечто небывалое, я даже не слышал о подобном! — вмешался Эшвуд.

— И все же — какого рода пси-способности вы нейтрализуете?

— Предвидение,— сказала Пат.— Я так думаю.— Она кивнула на Эшвуда, все еще лучащегося энтузиазмом.— Ваш разведчик, мистер Эшвуд, растолковал мне кое-что... Я ведь знала, что могу делать нечто странное, еще с шести лет. Родителям я не признавалась — знала, что это им не понравится.

— Они предсказатели?

— Да.

— Тогда это им действительно не понравилось бы. Но если бы вы воспользовались своими способностями в их присутствии хоть раз — они поняли бы все. Как вам удалось сохранить это в тайне? Не пытались противодействовать им — или?..

— М-м...— Пат сделала неопределенный жест.— Похоже, что я им противодействовала, но они этого не заметили...— она замолчала в замешательстве.

— Минутку,— сказал Джо.— Дайте разберемся, как работает антипредсказатель. По крайней мере, как мы это понимаем. Предсказатель воспринимает варианты будущего как, скажем, ячейки сот: он видит их все сразу, сверху, плотно упакованными... И одно из них, из будущих, светится — его он и выбирает. И после этого анти-пси сделать уже ничего не может. Он должен присутствовать при выборе. Тогда он делает так, что все варианты будущего выглядят одинаково, и предсказатель не может совершить выбор. Конечно, он немедленно понимает, что рядом работает инерциал...

— Она перемещается в прошлое,— сказал Эшвуд.

Джо уставился на него.

— В прошлое,— повторил Эшвуд.— Назад по времени...— Он был многозначителен, как толкователь древних текстов.— Предсказатель, на которого она воздействует, продолжает видеть доминирующий вариант будущего — как ты сказал, светящуюся ячейку сот. Но почему он видит именно эту ячейку? Потому что она,— махнул он рукой в сторону Пат,— потому

что Пат уже побывала в прошлом и изменила его так, чтобы засветилась та самая ячейка. Изменяя прошлое, она изменяет и самого предсказателя. На него повлияли, а он и не подозревает об этом, он думает, что его талант работает, а на самом деле он предсказывает то, что сотворила для него Пат. Это первейшее преимущество ее таланта перед прочими анти-пси. Другое — не менее важное — это то, что она способна вмешаться уже после того, как предсказатель сделал свой выбор. Она способна вмешаться в любой момент! Ты же знаешь, какая это проблема — мы ведь всегда не успевали. Вообще, с предвидением было невозможно трудно бороться — труднее, чем со всем прочим, вместе взятым. Это было самое слабое звено в нашем сервисе, не так ли? — Он замолчал и выжидающе посмотрел на Джо.

— Интересно...— протянул Джо после короткого молчания.

— Да черт бы тебя побрал: интересно ему! — закричал Джи-Джи.— Это же величайший анти-талант, который только появлялся в мире до сих пор!

Тихо, почти шепотом, Пат сказала:

— Я не перемещаюсь в прошлое... Я действительно могу что-то делать, но мистер Эшвуд преподнес все в таких вселенских масштабах...

Она посмотрела Джо прямо в глаза, и он не понял, чего в ее взгляде больше: смущения или вызова.

— Я же читаю твои мысли! — раздраженно бросил Джи-Джи.— И я знаю, что ты способна именно изменять прошлое. И ты уже делала это.

— Да, я могу его изменить, но я вовсе не перемещаюсь в него, я не путешествую во времени, как вы это описали...

— Тогда как вы изменяете прошлое? — спросил Джо.

— Думаю о нем. О чем-то одном, конкретном... о происшествии, о том, что кто-то сказал. Или о каком-нибудь незначительном эпизоде, который был, а мне хотелось бы, чтобы его не было. Впервые это получилось у меня в шесть лет...

— В детстве она жила с родителями в Детройте,— перебил ее Эшвуд.— И разбила однажды керамическую антикварную статуэтку, которой отец очень дорожил...

— А разве он этого не мог предвидеть? — удивился Джо.— Ведь он же предсказатель.

— Он предвидел,— сказала Пат,— и даже наказал меня за неделю до того. Но вы же понимаете: они все знают, но ничего не могут поделать. И вот, после того как статуэтка действительно разбилась — точнее, после того как я ее расколотила,— я долго

переживала и все вспоминала о той неделе, когда мне не давали сладкого и отправляли спать в пять часов вечера. Боженька, думала я — или как там еще дети думают? — неужели нельзя сделать так, чтобы эти несчастья миновали меня? Способности отца к предвидению не особенно занимали меня — потому, наверное, что он не мог влиять на события; я до сих пор испытываю к предсказателям что-то вроде презрения. И вот целый месяц я старалась заставить эту проклятую статуэтку снова стать целой. Я мысленно возвращалась в те дни, когда она еще не разбилась, и вспоминала, вспоминала ее... это было ужасно. И вот как-то раз я проснулась — а ночью мне все это снилось и снилось — и вдруг увидела, что она стоит, как стояла, на своем месте...— Взволнованная, Пат склонилась к Джо и закончила громким шепотом: — И ни мать, ни отец этого не заметили! Они считали, что она все время тут стояла! Только я одна помнила все...

Откинувшись на спинку стула, Пат взяла еще одну сигарету и закурила.

— Надо забрать приборы из машины,— сказал Джо и пошел к двери.

— Пять центов, пожалуйста,— сказала дверь.

— Заплати ей,— бросил Джо Эшвуду.

Притащив из автомобиля комплект тестеров, Джо заявил, что Эшвуд здесь лишний.

— Как это? — возмутился Эшвуд.— Это же я ее нашел, это мой приз. Десять дней я отслеживал ее поле...

— Ты знаешь не хуже меня, что я не могу производить измерения в зоне действия твоего поля,— сказал Джо.— Пси и антипси взаимно искажаются — а если бы этого не было, то откуда бы взялся наш бизнес? — И, когда Джи-Джи недовольно поднялся с кресла, добавил: — И оставь нам пару пятицентовиков, чтобы мы могли потом выйти отсюда.

— У меня есть монетки,— сказала Пат.— Там, в сумочке.

— Ты же можешь измерять силу ее поля, фиксируя степень ослабления моего,— сказал Эшвуд.— Ты сто раз так делал, я знаю.

— Не тот случай,— коротко возразил Джо.

— У меня больше нет мелочи,— сказал Эшвуд,— я не могу выйти отсюда.

— Возьмите,— сказала Пат, посмотрев на Джо, а потом на Джи-Джи. Она подала ему монетку, которую тот принял со смущенной миной. Потом смущение перешло в обиду.

— Ловко вы меня выставили,— сказал он, опуская пятицентовик в дверную прорезь.— Оба вы...— бормотал он, пока дверь

закрывалась за ним.— Я ее нашел. Бандитизм, настоящий бандитизм...

Дверь закрылась, и голос его пропал.

— Такое впечатление, что из него выпустили воздух,— сказала Пат.

— Ничего особенного,— сказал Джо.— Свое дело он сделал. Это, конечно, грех, подумал Джо. Но не такой уж большой...

— Теперь ваш черед,— сказала Пат.— Если можно так выразиться... Могу я разуться?

— Пожалуйста,— сказал Джо. Он начал настраивать свои тестеры, проверяя барабаны и питание. Потом сделал пробный замер.

— А где душ? — спросила Пат, отставляя ботинки в сторону.

— Четвертак,— буркнул Джо.— Душ стоит четвертак.— Он поднял глаза от приборов и увидел, что Пат начала расстегивать рубашку.— Четвертака у меня нет...

— В кибуце все бесплатно,— сказала она.

— Бесплатно? — Он не поверил.— Но это же экономически бессмысленно! Разве может общество...

Пат невозмутимо расстегивала рубашку.

— Наше жалованье вносится в кассу, а нам выдается лишь свидетельство о выполнении работы. Деньгами распоряжается кибуц в целом. Последние несколько лет наш кибуц имеет доход больший, чем расход. И наша группа вносит денег больше, чем расходует...— Сняв рубашку, она аккуратно повесила ее на спинку стула. Под грубой синей тканью надето ничего не было, и взгляду Джо предстали крепкие высокие груди и сильные, но изящные плечи.

— Ты действительно хочешь этого? — растерянно спросил Джо.— Раздеться, я имею в виду...

— Ты все забыл,— сказала Пат.

— Что я забыл?

— Что я не разделась. В другом настоящем. И тебе это не понравилось. Я переделала. Теперь будет так...— Она изогнулась.

— А что сделал я, когда ты не разделась? — спросил Джо.— Отказался тебя тестировать?

— Буркнул, что Эшвуд переоценил мои способности.

— Не может быть. Я таких вещей не делаю.

— Посмотри.— Она наклонилась — груди ее качнулись — и достала из кармана рубашки сложенный лист бумаги.— Это из того, другого настоящего. Которое я стерла.

Он посмотрел на лист, прочел свое экспертное заключение: «Анти-пси-поле слабое, ниже стандартных норм. Использова-

ние против существующих групп предсказателей нецелесообразно». Далее следовал условный знак: круг, перечеркнутый наискось. «На работу не принимать»,— означал этот символ. И знали это только он сам и Глен Рансайтер... Джо молча вернул ей бланк. Пат сложила его и снова сунула в карман блузы.

— Стоит ли тратить время на тесты? — сказала она.— Теперь, когда я все показала...

— Существует процедура,— сказал Джо.— Измерения по шести параметрам, которые...

— Ты жалкий и ничтожный формалист, погрязший в долгах банкрот, который не может наскрести мелочи для собственной двери и потому не выходит из дома,— ее голос, тихий и совершенно неинтонированный, ударил Джо по ушам. Он вздрогнул, сжался и мучительно покраснел.

— Просто сейчас идет черная полоса,— пробормотал он.— Но я в любой момент могу поправить свои финансы. Могу взять ссуду. В нашей же фирме, например...— Он встал, отыскал две чашки, налил кофе из кофейника.— Сахар? Сливки?

— Сливки,— сказала Пат. Она так и стояла: обнаженная по пояс и босая.

Джо взялся за ручку холодильника.

— Десять центов,— сказал холодильник.— Пять за то, чтобы открыть дверцу, и пять за сливки.

— Какие это сливки? — сказал Джо.— Это простое молоко,— он подергал ручку.— Ну, еще разочек. Вечером я заплачу, ей-богу!

— Прошу,— Пат метнула монету через стол.— Она должна иметь деньги,— продолжала она, наблюдая, как Джо опускает монету в прорезь холодильника.— твоя любовница. Ты ведь на мели, я это поняла сразу, как только мистер Эшвуд...

— Это не так,— сказал Джо.— По крайней мере, не всегда...

— А не хотите ли разом решить все проблемы, мистер Чип? — Она стояла, сунув руки в карманы джинсов и бесстрастно рассматривая его. Ничего, кроме бдительности, не отражалось на ее лице.— Я могла бы помочь, знаете. Напишите экспертное заключение. Тесты здесь все равно бессмысленны: мое поле находится в прошлом, а приборы — в настоящем. По рукам?

— Покажи-ка мне еще раз тот лист, который у тебя в кармане,— сказал Джо.

Она молча достала сложенный желтый листок и протянула его через стол. Джо перечитал заключение. Да, мой почерк, подумал он. Все верно. Он вернул ей документ и взял чистый бланк.

Проставив имя, он вывел неимоверно высокие результаты тестов и написал заключение: «Обладает поразительной силой. Возможно, способна аннулировать данные, полученные всеми предсказателями, вместе взятыми». После этого он нацарапал символ: два подчеркнутых крестика. Пат, заглядывая через его плечо, спросила:

— Что значат эти кресты?

— Принять,— сказал Джо.— Не считаясь с расходами.

— Спасибо.

Она достала из сумочки пачку ассигнаций, вынула одну и протянула Джо. Таких сумм он не видел давно.

— Расплатишься с долгами,— сказала Пат.— Раньше дать не могла — это выглядело бы как подкуп. Ты бы тогда такого понаписал... Додумался бы, может быть, до того, что у меня вообще нет никаких антиспособностей...

Она расстегнула «молнию» на джинсах и стала непринужденно раздеваться дальше.

Джо, стараясь не глазеть на нее, еще раз просмотрел свое заключение. Подчеркнутые крестики означали совсем не то, что он ей сообщил. «Следите за ней. Она представляет угрозу для фирмы. Она крайне опасна!»

Поставив подпись, Джо сложил бланк и подал Пат. Она спрятала его в сумочку.

— Когда мне можно будет перевезти вещи? — спросила она, направляясь в ванную.— За квартиру я заплатила...

— В любое время,— сказал Джо.

— Прошу пятьдесят центов,— сказала ванная.— До того, как откроете кран.

Пат буквально швырнуло в кухню — прямо в сумочку.

Глава 4

Потрясающая салатная заправка «Убик»! Где былая слава французской и итальянской кухни? Она давно миновала. Лишь «Убик» откроет вам, что такое подлинное наслаждение! Очнитесь! Мир новых, неведомых ощущений ждет вас! Это — «Убик»!!!

Сохраняет свои качества только при соблюдении инструкции.

Паломничество Рансайтера в Мораториум Возлюбленных Собратьев завершилось в Нью-Йорке. Роскошный бесшумный лимузин плавно приземлился на крышу центрального корпуса

Ассоциации, скоростной лифт донес Рансайтера до кабинета на пятом этаже, и в девять тридцать утра он уже сидел в своем старомодном кресле из орехового дерева с кожаной обивкой и разговаривал по видеофону с отделом по связи с общественностью.

— Тэмиш, я только что вернулся из Цюриха. Совещался с Эллой... Что вы хотите, миссис Фрик? — Он свирепо развернулся к секретарше, вошедшей в кабинет и тихонечко прикрывавшей за собой дверь.

Робкая миссис Фрик, чью старческую бесцветность кое-как прикрывали яркие пятна грима, виновато развела руками: выбора нет, она просто вынуждена побеспокоить шефа...

— Ладно,— кивнул Рансайтер.— Что там случилось?

— Новая клиентка, мистер Рансайтер. Я думаю, вам стоит принять ее.— Произнося это, миссис Фрик приближалась к Рансайтеру, одновременно пятясь. Это был ее коронный маневр. Отработка его заняла наверняка не менее ста лет.

— Хорошо, сразу после разговора,— сказал Рансайтер. Он повернулся к экрану.— Как часто идут наши ролики по Всепланетному ТВ? Каждые три часа?

— Не совсем так, мистер Рансайтер. На протяжении дня наши ролики появляются в среднем через три часа, но в лучшее время оплата...

— Сделайте так, чтобы их крутили каждый час,— перебил Рансайтер.— И именно в лучшее время. Так считает Элла. Помните то решение Верховного суда, согласно которому муж имеет право убить свою жену, если сможет доказать, что она ни при каких обстоятельствах не дала бы ему развода?

— Да, это так называемая...

— Плевать, как оно там называется, главное, что у нас есть ролик на эту тему. Как там было?..

— Бывший муж сидит на скамье подсудимых. Камера показывает присяжных, судью, потом наплыв на прокурора, ведущего допрос. Он говорит: «Похоже, сэр, что ваша жена...»

— Да, именно этот,— кивнул Рансайтер. Когда-то он сам участвовал в написании сценариев для рекламных роликов. Такие проявления универсальности интеллекта поднимали Рансайтера в собственных глазах.

— Кажется, не вызывает сомнений,— заговорил Тэмиш,— что исчезнувшая группа пси работает на каких-то финансовых магнатов. Почему бы тогда не сделать упор на сюжеты, предназначенные для бизнесменов? Например, на этот, вспомните:

муж приходит с работы. На нем ярко-желтая куртка с бахромой, обтягивающие брюки и кепочка защитного цвета. Он утомленно садится на тахту, начинает стягивать перчатки, потом, сгорбившись, хмурится и говорит: «Черт побери, Джилл, хотел бы я знать, что происходит со мной в последнее время. Можно подумать, что кто-то читает мои мысли!» Она отвечает: «Если тебя это тревожит, то почему ты не обратишься в пункт предупреждения? За умеренную плату они пришлют тебе инерциала, и ты будешь чувствовать себя, как раньше». И тут на лице мужчины расплывается лучезарная улыбка, и он говорит: «Не может быть! Я чувствую, что это изводящее меня ощущение уже...»

Вновь открылась дверь, и миссис Фрик возникла на пороге.

— Мистер Рансайтер, я...— ее очки подрагивали на носу.

Рансайтер кивнул:

— Потом договорим, Тэмиш. Короче, завалите ТВ нашими материалами — и пусть дают их каждый час.

Он дал отбой и молча повернулся к миссис Фрик.

— Я мотался в Швейцарию,— сказал он после паузы.— Я разбудил Эллу, чтобы получить от нее этот совет...

— Мистер Рансайтер уже освободился, мисс Вирт,— секретарша неуверенно отступила назад, и в кабинет вкатилась посетительница. Ее голова подпрыгивала при ходьбе, как мячик, в то время как грузное круглое тело нацелилось на кресло, цели достигло и умостилось, свесив худые ножки. На ней был немодный плащ из паучьего шелка, делавший ее похожей на дружелюбного жука, забравшегося в чужой кокон. Казалось, ее заботливо упаковали. Тем не менее она улыбалась и явно чувствовала себя абсолютно свободной. Далеко за сорок, прикинул Рансайтер. Если она и имела когда-то приличную фигуру, то время это кануло...

— Сожалею, мисс Вирт, но посвятить вам много времени я не смогу,— сказал он.— Давайте сразу к делу. Какие у вас проблемы?

— У нас кое-какие неприятности с телепатами,— начала мисс Вирт неуместно радостным, сочным голосом.— Это мы так думаем — но не уверены до конца. Среди наших служащих есть телепат, он работает негласно, и если обнаружит кого-нибудь из пси, он обязан сообщить об этом моему...— ее глаза сверкнули,— моему патрону. На прошлой неделе он представил такой отчет. Тогда мы поручили одной из частных фирм подыс-

кать для нас лучшее агентство по предупреждению. Лучшим было названо ваше.

— Это я знаю,— сказал Рансайтер. Его агентство действительно считалось лучшим. Правда, никаких дивидендов с этого он пока не получил. Может быть, этот заказ?..— Сколько он обнаружил телепатов?

— Минимум двоих.

— То есть не исключено, что их больше?

— Не исключено.

— Работаем мы по следующей схеме: вначале проводим замеры пси-поля, чтобы понять, с чем имеем дело. Это занимает семь-десять дней в зависимости...

Мисс Вирт перебила его:

— Мой патрон хотел бы, чтобы вы сразу направили своих инерциалов, пропустив эту формальность. Время дорого.

— Тогда мы оказались бы не в состоянии определить количество и профиль инерциалов, а также не знали бы, как их следует расположить. При проведении пси-операций следует действовать систематически: это же вам не помахать волшебной палочкой и не насыпать дуста по углам. Нейтрализовать людей Холлиса можно только индивидуально, противопоставляя их пси-способностям соответствующие антиспособности. Думаете, Холлис действует иначе? Вначале кто-то из его людей устраивается, допустим, в отдел кадров, берет на работу другого; тот организует новый отдел или пробивается к руководству уже существующим, и так далее... иногда это занимает многие месяцы. А вы хотите, чтобы мы в двадцать четыре часа ликвидировали такую структуру. Крупные пси-операции похожи на изготовление мозаики; и ни мы, ни они не могут позволить себе ни малейшей торопливости.

— Но мой патрон,— бодро заметила мисс Вирт,— как раз очень торопится.

— Я поговорю с ним,— сказал Рансайтер, протянув руку к видеофону.— Как его зовут и какой у него номер?

— Я уполномочена вести эти переговоры.

— Тогда мы можем ни о чем не договориться. Почему вы не хотите сказать, кого представляете?

Он нажал на потайную кнопку, давая знак дежурной телепатке, Нине Фрид, приступить к работе. Нет, с этими людьми мне не хочется сотрудничать, подумал он. Похоже, что нанимателя зовут Рэй Холлис.

— Не будьте догматиком,— сказала мисс Вирт.— Единственное, что нас сейчас интересует,— это скорость. И только об этом мы вас просим. Скажу больше: предприятие, которому они угрожают, проводится вне Земли. Как с точки зрения уже вложенных средств, так и с точки зрения потенциальной прибыли это наш самый главный проект. Патрон вложил в него все свободные средства. Никто не должен был знать об этом. Нас буквально подкосила информация о телепатах...

— Простите, я на минутку...— сказал Рансайтер, поднялся из кресла и пошел к двери.— Хочу узнать, есть ли у нас кто в резерве.

Нина Фрид сидела в маленькой соседней комнате и курила.

— Узнайте, кого она представляет,— сказал Рансайтер,— и сколько они готовы заплатить.— У нас тридцать восемь бездействующих инерциалов, подумал он, может быть, удастся пристроить их всех. И, похоже, наконец-то объявились пропавшие люди Холлиса. Вся эта проклятая банда...

Он вернулся за свой стол.

— Если в вашу фирму проникли телепаты,— сказал он,— само предприятие перестало быть секретом. Это вы понимаете, надеюсь. Независимо от того, какую именно информацию им удалось умыкнуть. Так, может быть, вы скажете мне, что это за проект?

Мисс Вирт замялась.

— Я сама не знаю.

— И где он разворачивается?..

— Тоже.

— А как зовут вашего патрона, вы знаете?

— Видите ли, я работаю в дочернем предприятии и знаю своего непосредственного шефа, мистера Шепарда Говарда, но кого представляет мистер Говард, мне не сообщили.

— Если мы выделим вам инерциалов — будем мы знать, куда они отправлены?

— Не исключено, что нет.

— Ну а если вы их нам не вернете?

— Как это? Они обезопасят наш проект и сразу после этого...

— Дело в том,— сказал Рансайтер,— что люди Холлиса иногда убивают наших инерциалов. А за безопасность сотрудников отвечаю я. Поэтому я просто обязан знать, где они будут находиться.

Микродинамик в левом ухе включился, и Рансайтер услышал голос Нины Фрид: «Шефа мисс Вирт зовут Стэнтон Мик. Она его доверенное лицо. Никакого Говарда не существует. Проект, о котором шла речь, сконцентрирован в основном на Луне. Выполняет его "Техпрайз", исследовательская фирма Мика, контрольный пакет которой формально принадлежит мисс Вирт. Чем занимается эта ее фирма, она не знает: Мик не посвящает ее в технические и научные детали, что очень ее обижает. Впрочем, от сотрудников Мика она узнала, в чем общий смысл проекта. Если ей сказали правду, то суть лунного проекта — это разработка радикально нового и очень дешевого способа межзвездных полетов. Похоже, что Мик задался целью создать систему, позволяющую любой этнической или политической группе заняться колонизацией планет. Если это так, то монополия правительств будет подорвана».

Нина Фрид отключилась. Рансайтер поудобнее устроился в своем кресле из орехового дерева и задумался.

— О чем вы думаете? — тут же спросила его мисс Вирт.

— Прикидываю, хватит ли у вас денег на оплату. Поскольку замеров поля нет и не предвидится, то о количестве инерциалов говорить можно только приблизительно... боюсь, что их должно быть не менее сорока.— Рансайтер знал, что Мик способен оплатить услуги любого количества инерциалов или, по крайней мере, сделать так, чтобы их оплатил кто-нибудь другой.

— Сорока...— эхом отозвалась мисс Вирт.— Хм. Весьма солидно.

— Чем больше людей мы введем в операцию, тем быстрее и надежнее будет результат. Поскольку вы торопитесь, мы введем их в действие одновременно. Если вы уполномочены подписать контракт от имени своего патрона,— он направил на нее указательный палец, мисс Вирт даже не моргнула,— и если выплатите аванс, мы, думаю, сможем уложиться в семьдесят два часа.

Он замолчал и стал выжидающе смотреть на нее.

Микродинамик в ухе забубнил: «Как владелец "Техпрайза", она имеет право подписывать любые обязательства, располагая всеми активами фирмы. Сейчас она прикидывает их сумму, исходя из сегодняшнего биржевого курса акций... несколько миллиардов поскредов, так она считает. Но принимать обязательства на себя она не хочет, предпочитая, чтобы это сделали непосредственно поверенные Мика — даже если это приведет к задержке в несколько дней».

А так торопились вначале, подумал Рансайтер... или делали вид, что торопятся.

«Интуиция ей подсказывает,— продолжала Нина Фрик,— что вы догадываетесь, кто за ней стоит. И она боится, что вы заломите непомерную цену. Мик знает, какая у него репутация, поэтому предпочитает действовать через посредников и подставных лиц. Впрочем, им все равно необходимо получить как можно больше инерциалов, поэтому с предстоящими затратами они смирились».

— Сорок инерциалов,— проговорил Рансайтер.— Посмотрим: шесть на пятьдесят и на три... и еще на сорок...— он зацарапал ручкой по листу бумаги.

Мисс Вирт, сохраняя на лице застывшую счастливую улыбку, ждала с видимым напряжением.

— Интересно,— пробормотал Рансайтер,— кто заплатил Холлису за внедрение в ваш проект?

— Какая разница? — сказала мисс Вирт.— Важно, что они там есть.

— Иногда так и не удается этого установить,— продолжал Рансайтер.— Но вы правы: когда на кухне заводятся муравьи, никто не спрашивает, откуда они пришли, а начинают их травить...— Он наконец вывел итоговую сумму.

Она была колоссальной.

— Это... это надо обдумать,— сказала мисс Вирт. Она оторвала взгляд от шокирующих результатов вычислений и привстала.— Здесь есть место, откуда бы я могла связаться с мистером Говардом? Конфиденциально?

Рансайтер, тоже вставая, сказал:

— Нечасто случается, чтобы какая-либо организация располагала таким количеством инерциалов одновременно. Если вы промедлите, ситуация может измениться. Так что лучше берите их сразу.

— А вы считаете, что нам нужно так много?

Взяв мисс Вирт за руку, Рансайтер вывел ее из кабинета и провел прямо в зал контроля.

— На этой карте,— показал он,— мы обозначаем расположение наших — да и чужих тоже — инерциалов. Кроме того, здесь же обозначено расположение людей Холлиса... правильнее сказать, было обозначено.— Он пересчитал лежащие тут же флажки с именами исчезнувших пси, покрутил в пальцах последний:

это был флажок С. Доула Мелипоуна.— Теперь-то понятно, где они все.

Механически-счастливая улыбка исчезла с лица мисс Вирт: она все поняла. Рансайтер взял ее за руку, положил на ладонь флажок и сжал в кулачок ее внезапно повлажневшие пальцы.

— Подумайте,— сказал он.— Видеофон вон там. Никто вам мешать не будет.

Он вышел из зала. Положим, я не вполне уверен, что все исчезнувшие пси находятся именно там, подумал он. Но это не исключено. Кроме того, Мик отказывается от нормальной процедуры. Если в результате некоторые инерциалы окажутся лишними — что ж, это его проблемы.

По закону Рансайтер должен был сообщить Объединению, что многие, если не все, исчезнувшие люди Холлиса выявлены. Впрочем, по тому же закону на подачу такого извещения отводилось пять дней... Он решил тянуть до последнего. Такой шанс резко поправить свои дела выпадает раз в жизни.

— Миссис Фрик,— сказал он, входя в собственную приемную,— напечатайте договор на сорок...— он замолчал.

В приемной сидели двое: Джо Чип — как всегда, с похмелья, но мрачный более, чем обычно,— и длинноногая девушка с блестящими вьющимися волосами, черными, как и ее глаза. Она буквально излучала красоту, и казалось, что приемная освещена медленным мрачным пламенем... такое впечатление, подумал Рансайтер, что она сопротивляется собственной привлекательности, что ей отвратительна гладкость ее кожи и чувственность, притягательность, томная нежность ее губ. Будто бы она только что из постели, еще в полном беспорядке... и недовольна приходом дня... да, каждого дня.

— Я так понимаю, что Джи-Джи вернулся из Топики,— сказал Рансайтер вслух, подходя.

— Это Пат,— сказал Джо.— Просто Пат. А это мистер Рансайтер...— он махнул рукой.

Готовность к поражению, к безоговорочной капитуляции читалась в этом жесте, но Рансайтер знал, что это у Джо напускное. В действительности его сопротивляемость была весьма и весьма высокой.

— Анти-кто? — спросил Рансайтер девушку, которая все так же, развалясь и вытянув ноги, сидела в кресле.

— Антикетогенетик,— промурлыкала она.

— Это как? Что именно вы делаете?

— Предотвращаю кетоз*,— непонятно сказала она.— Но без использования глюкозы.

— Джо, расшифруй,— сказал Рансайтер.

— Покажи мистеру Рансайтеру заключение,— сказал Джо девушке.

Не вставая, девушка дотянулась до сумочки, порылась в ней и вынула желтый бланк. Развернула его, просмотрела и протянула Рансайтеру.

— Невероятно,— сказал Рансайтер.— Она и в самом деле так хороша? — Он задал вопрос и только после этого заметил два подчеркнутых креста: знак ненадежности.

— Она лучшая из всех, кого я знал,— сказал Джо.

— Пойдемте в кабинет.— Рансайтер повернулся, и они поднялись за ним.

И тут в приемную влетела толстенькая мисс Вирт; ее глаза вращались, и дышала она, как загнанная.

— Я говорила с мистером Говардом! — налетела она на Рансайтера.— И получила от него инструкции! — Тут она увидела Джо и Пат, заколебалась на мгновение, но продолжила: — Мистер Говард желает, чтобы мы немедленно покончили со всеми формальностями. Это возможно? Время слишком дорого...— Она показала всем свою неподвижную блестящую улыбку.— Не подождут ли молодые люди? Дело, по которому я здесь, не терпит отлагательств.

Пат оскорбительно захохотала.

— Подождать придется вам, мисс Вирт,— сказал Рансайтер. Его вдруг охватил беспричинный страх. Он еще раз взглянул на Пат, перевел взгляд на Джо, и его страх усилился.— Посидите здесь, мисс Вирт,— он показал на кресло.

— Мистер Рансайтер! — сказала она.— Я уже могу точно сказать вам, сколько инерциалов мы закажем. Мистер Говард считает, что сам способен оценить наши потребности.

— Ну?

— Одиннадцать.

— Через пять минут мы подпишем контракт,— сказал Рансайтер.— Как только я освобожусь.— Жестом руки он пригласил Джо и девушку войти в кабинет, захлопнул дверь и опустился на свое место.— Ничего у них не получится,— сказал он, обра-

---

* Болезнь обмена веществ у дойных коров и свиноматок.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

щаясь к Джо.— Одиннадцать. Да хоть и пятнадцать. Что такое пятнадцать против Мелипоуна? — Гадкая смесь усталости и страха бродила в нем.— Ладно. Это, как я понимаю, наша новая потенциальная сотрудница, которую Джи-Джи откопал в Тониксе? И ты считаешь, что мы должны принять ее? И Джи-Джи, и ты — оба так считаете? Тогда, конечно, примем...— Обкатаем ее на Мике, подумал Рансайтер.— Но только никто еще не сказал мне, на что она способна.

— Миссис Фрик говорила, что вы летали в Цюрих,— сказал Джо.— Что предложила Элла?

— Больше рекламы,— сказал Рансайтер.— По ТВ. Каждый час.— Он повернулся к интеркому: — Миссис Фрик, подготовьте договор о приеме на работу новой сотрудницы. Начальный оклад согласно декабрьскому соглашению с профсоюзами. Кроме того...

— И каков же этот начальный оклад? — перебила его Пат. В голосе ее прозвучал какой-то детский сарказм.

Рансайтер внимательно посмотрел на нее.

— Я до сих пор не знаю, на что вы способны,— сказал он.

— Она справляется с предсказателями, Глен,— сказал Джо.— Но особым способом...— Объяснять, что это за способ, Джо не стал. Казалось, что у него кончился заряд аккумулятора.

— Она может приступать к работе сразу? — повернулся к нему Рансайтер.— Или мы должны ее тренировать, обучать?.. У нас и так сорок инерциалов сидят без дела — а мы принимаем еще одного. Хотя нет, уже не сорок — тридцать. Все равно — тридцать сотрудников ковыряют в носу, получая за это жалованье. Может быть, поувольнять к чертям наших агентов? Да, кстати, Джо: по-моему, люди Холлиса нашлись. Расскажу чуть позже.— Он снова повернулся к интеркому и продолжил: — Обязательно отметьте, что мы имеем право в любой момент расторгнуть этот договор без уплаты какой-либо неустойки. В течение первых девяноста дней сотрудница не имеет права на пособие, а также на оплату отпуска по болезни и лечению. Ваш начальный оклад,— Рансайтер посмотрел на Пат,— будет равен четыремстам поскредам в месяц при двадцатичасовой рабочей неделе. Кроме того, вы должны вступить в профсоюз. Это профсоюз работников горно-обогатительной и металлургической промышленности — именно он представляет интересы работников предупредительных служб. Тут я ничего не могу поделать.

— На профилактике видеофонных линий я заколачиваю больше,— сказала Пат.— Ваш мистер Эшвуд...

— Наши агенты лгут,— перебил ее Рансайтер.— Их обещания нас ни к чему не обязывают.

Дверь открылась, и вошла миссис Фрик, осторожно неся заполненный бланк договора.

— Спасибо, миссис Фрик,— сказал Рансайтер, принимая бумагу. Потом он повернулся к Джо и Пат.— У меня есть жена, молодая прекрасная женщина. Она лежит в холодильнике. Когда я говорил с ней, вмешался какой-то неприятный парень по имени Джори, и потом я говорил уже с ним, а не с ней. Она угасает — а я вынужден любоваться этой старой развалиной, моей секретаршей...— Он видел перед собой Пат, девушку с черными густыми волосами и чувственным ртом, и чувствовал в себе зарождение темной страсти, смутных и неясных желаний, которые уносились в никуда и возвращались пустыми, замыкая круг...

— Я подпишу,— сказала Пат и потянулась к авторучке.

Глава 5

Ты неэкономна, Хелен: желудок опять переполнен.

Постой! Я подарю тебе «Убик»! «Убик» сделает тебя стройной, как в юности! «Убик» приносит облегчение голове и желудку.

Помните: «Убик» улетучивается за несколько секунд. Избегайте длительного использования.

Когда выпадали долгие дни вынужденного бездействия, Типпи Джексон, антителепатка, спала до полудня. Вживленный в ее мозг электрод стимулировал быстрый сон, то есть сон со сновидениями; так что, пока Типпи спала, укутанная с головой в простыню, ей, можно сказать, было чем заняться.

В данный момент события, происходящие исключительно в ее сознании, разворачивались вокруг фигуры могущественного сотрудника Холлиса, наделенного колоссальными психическими способностями. Все прочие инерциалы в Солнечной системе отступили перед ним или были раздавлены. И вот последней, кто принял на себя удар сверхъестественного поля, стала она, Типпи.

«Со мной что-то не в порядке, пока ты здесь»,— сообщил ей ее туманный противник. На лице его возникла гримаса дикой ненависти, придавшая ему сходство с сумасшедшей белкой.

«Должно быть, ты ошибся, считая свои способности неограниченными,— сказала ему Типпи в своем сне.— Ты воздвиг необоснованную концепцию собственной личности, опираясь на элементы подсознания, которые тобой не контролируются. Поэтому ты и боишься меня».

«Ты случайно не сотрудница какой-нибудь службы предупреждения?» — спросил телепат Холлиса, нервно озираясь.

«Если ты так могуч, как утверждаешь,— сказала Типпи,— то прочти мои мысли!»

«Я не могу читать мысли, мой талант куда-то исчез. Давай ты поговоришь с моим братом Биллом? Эй, Билл, побеседуй с леди. Она нравится тебе?»

Билл, достаточно похожий на своего брата-телепата, сказал:

«Нравится, потому что я предсказатель, и мне она ничего не может сделать.— Переступая с ноги на ногу, он улыбнулся, показывая лопатообразные белые резцы.— "Хитрой природой отлитый почти человеком, только лишенный разумных пропорций..." — он остановился.— Как там дальше, Мэтт?»

«...Я, недоделанный, высланный в мир прежде срока, в мир сих дышащих, слепленный наполовину...» — сказал похожий на белку Мэтт-телепат, почесывая в задумчивости свою шкурку.

«А, да,— кивнул Билл-предсказатель.— Помню: "И вот такой я, горбатый, костлявый, ужасный так, что собаки звереют, меня лишь увидя..." Это из "Ричарда III"»,— пояснил он Типпи. Оба брата ухмыльнулись. Резцы их были сточены, будто они сидели на диете и питались невареным зерном.

«И что это все значит?» — спросила Типпи.

«Это значит, что мы собираемся тебя прикончить»,— сказали оба брата в унисон...

Звонок видеофона вырвал Типпи из сна.

Сквозь толчею разноцветных пузырей она кое-как доплелась до аппарата и, жмурясь, подняла трубку. Боже, как поздно, подумала она, увидев часы. Я превращаюсь в растение...

— Слушаю,— сказала она вслух. На экране появился Рансайтер.— Добрый день, мистер Рансайтер. Что, нашлась для меня работа? — Она старалась не попадать в поле зрения камеры.

— О, миссис Джексон, я рад, что застал вас дома,— сказал Рансайтер.— Мы с Джо Чипом формируем оперативную группу из одиннадцати инерциалов. Задание крайне важное. Пойдут самые лучшие. Джо выбрал вас, и я с ним согласен.

Сколько вам нужно времени, чтобы добраться до бюро? — голос Рансайтера был самый оптимистичный, но лицо на экране выглядело усталым и озабоченным.

— Если это связано с выездом...— начала было Типпи, но он ее прервал:

— Понимаю, вам нужно собраться, да? Однако по уставу вы обязаны быть наготове каждую минуту. Плохо, когда устав нарушается, особенно тогда, когда время так дорого.

— Вы меня не поняли. Я собрана. В бюро я буду через пятнадцать минут. Все, что я хочу,— это оставить записку мужу, он сейчас на работе.

— Хорошо, тогда все в порядке,— сказал Рансайтер рассеянно: наверное, он уже искал следующее имя в списке.— До встречи, миссис Джексон.

Странный был сон, подумала Типпи, снимая пижаму и возвращаясь в спальню за одеждой. Что за стихи они там читали? «Ричард III», вспомнила она, снова, как наяву, увидев их огромные плоские резцы и шишковатые головы с торчащими пучками рыжих волос. Я же не читала «Ричарда III», вдруг поняла она, а если и читала, то так давно... Но как могут человеку присниться строки неизвестной ему поэзии? Наверное, это настоящий, не приснившийся телепат пытался влиять на меня... или даже дуэт телепата и предсказателя — те, кого я видела во сне? Стоит, наверное, узнать в нашем отделе информации: не работают ли у Холлиса братья Билл и Мэтт?

Встревоженная и озабоченная, она начала торопливо одеваться.

Раскуривая зеленую гаванскую сигару «Куэста-Рэй» класса «палмасупрема», Глен Рансайтер откинулся на спинку своего великолепного кресла, нажал на кнопку интеркома и сказал:

— Миссис Фрик, выпишите Джи-Джи Эшвуду чек на сто поскредов.

— Хорошо, мистер Рансайтер.

Джи-Джи продолжал безостановочно кружить по кабинету, стуча каблуками по паркету из настоящего дерева.

— Джо Чип так и не сказал мне, что она может,— сказал ему Рансайтер.

— Джо — болван,— бросил Джи-Джи.

— Как получилось, что эта девушка, Пат, может перемещаться в прошлое — а никто больше не может? Я сомневаюсь,

что это принципиально новый талант — просто раньше вы, агенты, не обращали на это внимания. С другой стороны, нелогично принимать ее на работу в предупреждающую организацию — у нее прямые псионические способности, а не анти...

— Я уже говорил, и Джо подтвердил это, что она способна нейтрализовать предвидение.

— Это побочный эффект... Джо, например, считает, что она представляет опасность для фирмы. Почему?

— А как он это сам объясняет?

— Никак. Пробормотал что-то. Это же Джо — никаких доводов, одни предчувствия. Но в группу для Мика он ее хочет включить...— Рансайтер перелистал лежащие перед ним личные карты инерциалов. Сложил их стопкой, подравнял. Нажал на кнопку интеркома: — Пригласите Джо сюда, посмотрим, что за группу он набрал. Они должны быть уже здесь,— сказал он, взглянув на часы.— Я намерен сказать Джо прямо в глаза, что он чокнулся, раз включил эту Пат Конли в группу. Он же сам утверждает, что она опасна. Что вы скажете, Эшвуд?

— Он слишком привязан к ней.

— Не понял?

— У них сексуальное взаимопонимание.

— У Джо не может быть сексуального понимания. Нина Фрид читала его мысли — он слишком беден даже...— он оборвал себя: дверь открылась, и миссис Фрик в своей характерной манере проследовала к столу, неся на подпись чек для Джи-Джи.— Я догадываюсь, почему он взял ее,— сказал Рансайтер, выводя свою подпись на чеке.— Чтобы не спускать с нее глаз. Он ведь тоже летит с нами: будет проводить замеры поля, что бы там ни говорил заказчик. Мы должны знать, с чем имеем дело. Благодарю вас, миссис Фрик,— взмахом руки он отпустил секретаршу.— Ваш чек, Эшвуд. Допустим, мы не проведем замеров, и пси-поле окажется слишком сильным для одиннадцати инерциалов. Кто будет виноват?

— Мы,— сказал Эшвуд.

— Я им говорил, что одиннадцати может не хватить. Хотя мы и отобрали лучших людей и вообще делаем все, что можем. Влезть под крылышко Стэнтона Мика было бы очень неплохо. Но поражает, что такой богатый человек может оказаться таким скупым и недальновидным... Миссис Фрик, где Джо? Джо Чип?

— Мистер Чип в приемной. С ним еще несколько человек.

— Сколько их? Десять-одиннадцать?

— Где-то примерно так. Я могу ошибиться на одного-двух.

— Это наша группа, Джи-Джи,— сказал Рансайтер.— Я хочу посмотреть, как они выглядят вместе. Прежде чем отправляться на Луну.— Он затянулся своей сигарой с зеленым ободком.— Мисс Фрик, скажите им, пусть войдут.

Она выскользнула из кабинета.

— Каждый в отдельности — отличный работник. Это мы знаем,— Рансайтер приподнял и снова бросил на стол пачку документов.— Но как они будут работать в группе? Насколько сильным окажется их совместное антиполе? Мне хотелось бы, чтобы вы задались этим вопросом, Джи-Джи. Именно этим вопросом.

— Только время сможет ответить на него,— сказал Эшвуд.

— Я так давно занимаюсь всем этим... Можно сказать, что это мой вклад в современную цивилизацию,— сказал Рансайтер.

В дверь стали входить его сотрудники.

— Хорошо сказано,— подхватил Эшвуд.— Вы — полицейский, охраняющий право на одиночество.

— А вот Рэй Холлис говорит, что мы пытаемся пустить время вспять...

Он внимательно посмотрел на людей, которые вошли в кабинет и теперь стояли кучкой и молчали, ожидая, когда он заговорит с ними. Ну и дерьмо, подумал он с тоской. Этот недозрелый фасолевый стручок в очках и с лимонного цвета волосами, в ковбойской шляпе, черной кружевной мантилье и бермудах, надо полагать, не кто иная, как Эди Дорн. Интересная смуглая дама с быстрыми беспокойными глазами, одетая в шелковое сари, опоясанное нейлоновым оби, и толстые носки — это Фрэнси, шизофреничка, временами посещаемая пришельцами с Бетельгейзе. Волосатого парня в цветастом балахоне и спиральных рейтузах, стоящего с цинично-снисходительным видом, Рансайтер раньше не встречал. Ну и так далее. Пять женщин и пять мужчин. Кого-то еще не хватает...

Вошли Джо Чип и перед ним — девушка, Патриция Конли. Теперь стало одиннадцать — полный состав.

— Вы показали отличное время, миссис Джексон,— сказал Рансайтер тридцатилетней мужеподобной даме в эрзац-кожаных брюках и серой футболке с портретом лорда Бертрана Рассела.— Вам я звонил последней, тем не менее вы успели.

Типпи Джексон улыбнулась бледной бескровной улыбкой.

— Некоторых из вас я знаю,— сказал Рансайтер, поднимаясь из своего кресла и давая сотрудникам знак садиться, устраиваться поудобнее и курить, если появится такое желание.— Вас, мисс Дорн, мы с мистером Чипом назвали первой — имея в виду результаты нейтрализации С. Доула Мелипоуна, и не ваша вина, что с ним был утерян контакт.

— Спасибо, мистер Рансайтер,— тонким, прерывающимся голосом сказала Эди Дорн; она покраснела и уставилась в стену.— Я рада, что могу принять участие в новой акции...— добавила она не слишком уверенно.

— Кто из вас Эл Хэммонд? — спросил Рансайтер, бросив взгляд на личные карты.

Высокий сутуловатый негр с благородным удлиненным лицом показал на себя.

— Нам еще не приходилось встречаться,— сказал Рансайтер.— Среди антипредсказателей у вас самый высокий рейтинг. Мне следовало познакомиться с вами раньше... Кто у нас еще антипредсказатель? — Подняли руки трое.— Для вас наверняка будет интересно знакомство с мисс Конли. Она нейтрализует деятельность предсказателей совершенно иным способом. Может быть, мисс Конли сама объяснит нам это? — он кивнул Пат...

...и обнаружил себя стоящим перед витриной нумизматического магазина на Пятой авеню. Внимание его привлекала золотая монета в один доллар, никогда не выпускавшаяся в оборот. Было бы здорово включить ее в коллекцию...

В какую коллекцию?! Я ведь не коллекционирую монеты. Что я тут делаю? И сколько времени я тут болтаюсь, когда должен быть в своем кабинете... у меня есть кабинет? Да, я же руковожу... Он не мог вспомнить, чем именно руководит. Какой-то фирмой. Да, я нанимаю людей с необычными способностями... Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Нет, уже год, как я на пенсии. Стенокардия. Но ведь я только что был там! Только что! В своем кабинете. Обсуждал с сотрудниками новый проект. В глазах померкло. Все исчезло, подумал он, все, что я создал,— исчезло...

Он открыл глаза и снова оказался в своем кабинете. Напротив него сидели Эшвуд, Джо Чип и смуглая, чрезвычайно привлекательная девушка, имени которой он не мог вспомнить. Больше в кабинете никого не было, и это почему-то показалось странным.

— Мистер Рансайтер,— сказал Джо,— вот это и есть Патриция Конли. Я рад, что вы наконец встретились.

— Я тоже очень рада, мистер Рансайтер,— сказала девушка. Она засмеялась, и глаза ее полыхнули победным блеском.

Она что-то сделала, понял Джо Чип.

— Пат,— сказал он вслух,— я не могу ткнуть пальцем — но тут что-то изменилось...— Он внимательно осмотрелся: все тот же чересчур яркий ковер, нагромождение не гармонирующих между собой произведений искусства, безвкусные картины на стенах... и сам Глен Рансайтер, взъерошенный и седой, морщинистое лицо — и растерянный взгляд... Джо посмотрел на Эшвуда. Эшвуд, в обычных своих нижонских брючках под березовую кору, подпоясанных конопляным ремнем, в маечке-моргалке и фуражке железнодорожного инженера, пожал плечами. Он перемен не видел.

— Ничего не изменилось,— сказала Пат.

— Изменилось все,— сказал Джо.— Должно быть, ты переместила нас всех в другую временную ветвь. Доказать этого я не могу — как и определить характер перемен...

— Не надо семейных споров в рабочее время,— сказал Рансайтер.

— Семейных? — поперхнулся Джо. Тут он заметил обручальное кольцо на руке Пат. Кованое серебро и ведьмин камень. Он сам выбирал его. За два дня до свадьбы — то есть год назад. Мы поженились год назад — и это несмотря на мое катастрофическое финансовое положение; хотя с тех пор заработок Пат и ее умение распоряжаться деньгами привели все в норму. Навсегда.

— Итак, продолжим,— сказал Рансайтер.— Мы должны выяснить, почему Стэнтон Мик поручил свое дело другой предупреждающей организации. Хотя по логике вещей этот контракт должны были получить мы: как лучшие в этой отрасли, с одной стороны, и как расположенные в Нью-Йорке, в традиционной зоне интересов Мика,— с другой. Есть ли у вас какие-нибудь соображения по этому поводу, миссис Чип?

— Вы *действительно* хотите это выяснить? — с нажимом спросила Пат.

— Да,— кивнул головой Рансайтер.— Я действительно хотел бы знать истинную причину.

— Так вот — это сделала я.

— Каким образом?

— Используя свой талант.

— Талант? — Рансайтер посмотрел на нее.— У вас нет никаких талантов. Вы жена Джо Чипа, и все.

— Вы пришли, чтобы пообедать с Джо и со мной,— подал голос от окна Джи-Джи.

— Есть у нее талант,— сказал Джо. Он безуспешно пытался пробиться к чему-то в глубинах своей памяти: дотрагивался, и оно исчезало. Иная временная ветвь, произнес он про себя. И прошлое — тоже другое... Бесполезно: память исчезла. Моя жена — уникум, подумал он. Она умеет что-то такое, чего никто на Земле больше не умеет. Но почему тогда она не сотрудница Ассоциации? Нет, что-то здесь не так...

— Это ты его выявил? — спросил Рансайтер.— Впрочем, такова твоя работа. Подчеркиваю — работа, а не заслуга. Так что не надо самоуверенности в голосе...

— В себе-то я как раз не уверен,— пробормотал Джо. А вот в ней — да, подумал он.— Сейчас принесу тестеры, и посмотрим, какое поле она создает.

— Оставь, Джо,— сердито сказал Рансайтер.— Если бы твоя жена создавала поле, ты определил бы это еще год назад. Какой смысл искать его сейчас? — Он нажал кнопку интеркома.— Кадры? Посмотрите, есть ли у нас карта миссис Чип? Патриции Чип?

После недолгой паузы интерком произнес:

— Нет такой карты. Может быть, она зарегистрирована под девичьей фамилией?

— Конли,— подсказал Джо.— Патриция Конли.

Еще пауза.

— На мисс Конли мы имеем два документа: отчет агента, мистера Эшвуда, и данные тестирования, выполненного мистером Чипом.

Из прорези интеркома немедленно выползли копии документов.

— Подойди сюда, Джо,— сказал Рансайтер. Он ткнул пальцем в бланк, и Джо увидел два подчеркнутых крестика. Они уставились друг на друга, потом перевели взгляд на Пат.

— Я знаю, что там написано,— безмятежно сказала Пат.— «Наделена чрезвычайным могуществом. Спектр анти-пси-поля уникален...— Она сосредоточилась, пытаясь поточнее вспомнить формулировку: — Вероятно, способна...»

— Мы получили тот заказ Мика,— сказал Рансайтер.— Я собрал группу из одиннадцати инерциалов. Они сидели здесь, и я предложил Пат...

— ...показать, на что она способна,— подхватил Джо.— И она показала. Ваше пожелание она выполнила точно. И моя оценка тоже была точной,— он ткнул пальцем в подчеркнутые крестики.— Надо же, моя собственная жена...

— Я не твоя жена,— сказала Пат.— Это я тоже сделала сама. Изменила реальность. Хотите, я верну все назад — сделаю, как было? До мельчайших деталей? Правда, группе я тогда ничего не докажу — просто никто ничего не заметит. Разве что у кого-то сохранятся остаточные воспоминания — вот как у Джо, например. Но это быстро выветривается...

— Я, по крайней мере, хотел бы получить назад заказ Мика,— сказал Рансайтер ядовито.

— Когда я что-то нахожу,— сказал Эшвуд,— я нахожу такое...— лицо его посерело.

— Да, вы действительно наткнулись на талант,— сказал Рансайтер.

Раздался зуммер интеркома. Старческий голос миссис Фрик проквакал:

— Мистер Рансайтер, группа наших инерциалов ждет встречи с вами. Они говорят, что приглашены для участия в новом совместном проекте. У вас найдется для них время?

— Пусть войдут,— сказал Рансайтер.

— Кольцо я сохраню,— сказала Пат. Серебряное, с ведьминым камнем, кольцо из альтернативного мира, подумал Джо, она решила его сохранить... не с правами ли на меня самого? Надеюсь, что нет... но лучше не уточнять.

Дверь открылась, и парами начали входить инерциалы; после короткой заминки они стали рассаживаться вокруг стола Рансайтера. Рансайтер смотрел сначала на них, потом перевел глаза на валяющиеся в беспорядке личные карты. Как узнать, внесла Пат изменения в состав группы или нет?..

— Эди Дорн,— сказал он.— Так, вы здесь. Хэммонд. Отлично, Хэммонд. Типпи Джексон...— он вопросительно посмотрел на нее.

— Я торопилась изо всех сил,— сказала миссис Джексон.— Вы дали так мало времени...

— Йон Илд,— сказал Рансайтер.

Волосатый взъерошенный юноша буркнул что-то неразборчивое. Пожалуй, с него слетела спесь, подумал Джо, более того — он растерян. Интересно, что он помнит? И что помнят все остальные?

— Франческа Спэниш,— продолжал Рансайтер.

Отозвалась яркая, похожая на цыганку смуглая женщина с нервным, тревожным лицом.

— Мистер Рансайтер! За те несколько минут, пока мы ждали в приемной, я услышала мистические голоса и узнала от них кое-что.

— Вы Франческа Спэниш? — терпеливо переспросил Рансайтер. Он выглядел смертельно усталым.

— Да, я. Всегда была и всегда буду,— в голосе мисс Спэниш звенела непоколебимая уверенность.— Могу я передать вам, что именно открыли мне голоса?

— Чуть позже, если вы позволите.— Рансайтер взял следующую карту.

— Но я обязана это сказать! — голос мисс Спэниш опасно напрягся и задрожал.

— Хорошо,— сказал Рансайтер.— Минутный перерыв. Послушаем, что мистические голоса открыли мисс Спэниш.— Он достал из ящика стола таблетку амфетамина и проглотил ее, не запивая. Потом взглянул на Джо и пожал плечами.

— Кто-то только что перенес нас из нашего мира в другой,— начала мисс Спэниш.— И мы находились там, мы жили в нем, как подлинные жители того мира — но потом величественная, всеобъемлющая духовная сила вернула нас сюда, в наш собственный родной мир...

— Это была Пат,— сказал Джо Чип.— Пат Конли, с сегодняшнего дня — наша сотрудница.

— Тито Апостос,— продолжил перекличку Рансайтер.— Где вы?

Лысеющий мужчина с эспаньолкой наклонил голову. Одет он был в старомодные обтягивающие бедра брюки из золотой парчи, но выглядел при этом вполне элегантно. Возможно, причиной тому были крупные, с яйцо, пуговицы на болотного цвета лайковой блузе. В любом случае, чувство собственного достоинства он имел в избытке. Джо это поразило.

— Дон Денни,— прочел Рансайтер.

— Здесь, сэр,— вкрадчивым баритоном, более приличествующим, пожалуй, сиамскому коту, отозвался худошавый, серьезного вида мужчина, сидящий в кресле прямо и положив руки на колени. На нем была длинная лавсановая юбка, ковбойский передник, украшенный звездами из фальшивого серебра, и сандалии. Волосы были собраны в пучок на затылке.

— Вы у нас антивоскреситель,— сказал Рансайтер, глядя в его карту.— Единственный, который у нас работает. Джо, может быть, стоит взять вместо него еще одного антителепата? Сомневаюсь, что нам понадобится специалист такого профиля.

— А вдруг? — сказал Джо.— Мы же не знаем, с чем мы там столкнемся.

— Ладно,— кивнул Рансайтер.— Согласен. Сэмми Мэндо?

Механическим движением поднял руку молодой человек с крошечным носиком и головкой размером с кокосовый орех. Джо знал его. На самом деле он был вовсе не молод, просто процессы развития, физического и умственного, прекратились для него давным-давно. По интеллекту он не превосходил енота: умел ходить, есть, мыться и даже — в некотором роде — говорить. Поле он, однако, генерировал солидное и однажды нанес крупное поражение самому С. Доулу Мелипоуну.

— Так, есть,— сказал Рансайтер.— Следующая — Венди Райт.

Пользуясь предоставившейся возможностью, Джо разглядывал девушку, которую — если бы это от него зависело — он охотно сделал бы своей любовницей, а еще лучше — женой. Глядя на Венди, невозможно было представить себе, что она состоит, как все прочие люди, из плоти и крови. В ее присутствии Джо всегда чувствовал себя маленьким, толстеньким, невоспитанным и потным обжорой с вечно бурчащим желудком и заложенным носом. Около нее он сразу начинал представлять себя неким набором жизнеобеспечивающих механизмов: трубок, клапанов, насосов, фильтров и прочего — и это сразу обрекало его на полный провал. При взгляде на ее лицо собственное казалось ему крикливой маской. Любуясь ее телом, он ощущал свое дешевой заводной игрушкой. Цвета ее были приглушены и утончены. Зеленовато-серые глаза смотрели спокойно, он никогда не видел в них ни страха, ни презрения. Венди не просто казалась спокойной — она поражала его своей стойкостью и хладнокровием. Ей было лет двадцать пять-двадцать шесть, и похоже, что она никогда не выглядела моложе — но зато она никогда не будет выглядеть старше, потому что слишком хорошо владеет собой, чтобы подчиняться воздействию времени...

— Я здесь,— мягко сказала Венди.

— Хорошо... И остался у нас Фред Зафски.— Взгляд Рансайтера остановился на средних лет мужчине с выпирающим кадыком. Выглядел он как-то неестественно: полный, больше-

ногий, с гладко зачесанными волосами и нечистой кожей, одетый, по случаю командировки, в одноразовый комплект цвета павианьей задницы.— Должно быть, это вы?

— Совершенно верно,— захихикал Зафски.— И что из этого?

— Боже мой,— сказал Рансайтер, покачав головой.— Впрочем, на всякий случай одного антипаракинетика мы должны взять. Это вы и есть.— Он отодвинул документы и стал искать свою сигару.— Вот и вся группа,— сказал он Джо,— и еще ты да я. Заменить кого-нибудь не хочешь?

— Я доволен,— сказал Джо.

— Ты считаешь, что это лучший состав, который мы можем выставить на эту игру?

— Да.

— И против команды Холлиса она потянет?

— Да.

Но помимо этого «да» существовало что-то еще...

Джо не мог определить, что именно его угнетало. Потенциально противополе, создаваемое одиннадцатью инерциалами, было колоссальным. И тем не менее...

— Мистер Чип,— тронул его за руку Тито Апостос.— Не могли бы вы уделить мне минутку? Дело в том, что этой ночью я, похоже, находился в контакте с одним, а возможно, что и с двумя людьми Холлиса: телепатом, работающим, похоже, в паре с предсказателем. Как вы думаете, стоит сообщить об этом мистеру Рансайтеру?

Джо с сомнением посмотрел на Рансайтера. Тот сидел в своем драгоценном кресле и пытался заново раскурить свою «гавану». Щеки его запали, и выглядел он до невозможности усталым.

— Не стоит,— сказал Джо,— обойдется...

— Леди и джентльмены,— заговорил Рансайтер, пытаясь перекрыть шум в кабинете.— Мы отправляемся на Луну: вы, одиннадцать инерциалов, мистер Чип, я и представитель заказчика мисс Зэу Вирт — всего четырнадцать человек. Полетим мы на нашем корабле. Сейчас,— он взглянул на свои старинные золотые часы,— три тридцать. «Прэтфолл-2» стартует с главной площадки в четыре.— Он закрыл крышку часов и спрятал их в карман.— Вот и все, Джо. К добру ли, к худу ли... Неплохо было бы иметь собственного предсказателя, а? — И лицо, и голос его выдавали крайнюю озабоченность и уже почти полное отсутствие сил тащить на себе тяжкий груз забот, необратимых решений, ответственности, прожитых лет...

Глава 6

Слушайте: пришло время уделить немного любви и ласки мужским лицам! Вечное самозатачивающееся лезвие «Убик»! Швейцарское хромирование! Дни сражений со щетиной канули в далекое прошлое! Пользуйтесь только «Убиком» — и вас найдет любовь! Обращаться с осторожностью.

Применять только согласно инструкции.

— Добро пожаловать на Луну,— бодро сказала Зэу Вирт; ее глазки, увеличенные треугольными очками в красной оправе, радостно сияли.— Мистер Говард поручил мне от своего лица приветствовать вас всех и каждого в отдельности, а особенно мистера Глена Рансайтера, и поблагодарить его за то, что дал нам возможность воспользоваться вашими услугами. Мы находимся в отеле, расположенном под поверхностью Луны. Отделку отеля производила сестра мистера Говарда, Лейда, чей художественный талант несомненен. В трехстах ярдах от отеля находятся промышленные и научные сооружения, которые, как считает мистер Говард, и подверглись инфильтрации. Ваше присутствие здесь и сейчас уже, должно быть, мешает деятельности агентов Холлиса, что бесконечно радует нас.— Она замолчала и обвела глазами собравшихся.— Есть ли вопросы?

Настраивающий свои тестеры Джо проигнорировал ее. Несмотря на подозрительное упорство клиента, он был намерен провести замеры поля. Во время часового перелета они с Рансайтером посовещались и твердо решили это сделать.

— У меня вопрос,— сказал Фред Зафски и захихикал.— Где тут ванная?

— Вы получите по миниатюрной карте, где все обозначено,— Зэу Вирт кивнула бледной ассистентке, и та стала раздавать всем яркие глянцевые карты.— Вы видите кухню: там есть все необходимое для приготовления пищи. Пользоваться кухней можно бесплатно. В свое время стоимость постройки этого жилого комплекса на двадцать человек была колоссальной. Комплекс полностью автономен, он располагает системой воздухоснабжения, отопления, подачи воды и пищи. Есть здесь также кабельное ТВ и высококлассная полифоническая звуковоспроизводящая аппаратура. Однако, в отличие от кухни, пользование ею возможно только за плату. В зале игр вы найдете разменный автомат, и это значительно упростит вашу жизнь.

— На моем плане только девять спален,— сказал Эл Хэммонд.

— В каждой спальне имеются две кровати, одна над другой,— пояснила мисс Вирт.— То есть на восемнадцать человек. Пять из них достаточно широки, чтобы можно было спать вдвоем — если кому-то захочется именно этого.

— Есть специальное распоряжение насчет того, можно ли моим сотрудникам спать вместе,— раздраженно сказал Рансайтер.

— Ну и?..

— Только порознь,— он смял свою карту и бросил ее на теплый металлический пол.— И не пытайтесь приучить меня к мысли...

— Но ведь вы не собирались оставаться,— сказала мисс Вирт.— Разве вы уже не намерены покинуть Луну, как только ваши сотрудники приступят к делу? — Она улыбнулась Рансайтеру своей высокопрофессиональной улыбкой.

Не ответив ей, Рансайтер повернулся к Джо:

— Что там с полем?

— Вначале надо определить антиполе нашей команды,— сказал Джо.

— Это ты должен был сделать еще в полете,— бросил Рансайтер.

— Вы проводите замеры? — забеспокоилась мисс Вирт.— Мистер Говард категорически против этого, я уже говорила!

— Тем не менее замеры мы проведем,— сказал Рансайтер.

— Но мистер Говард!..

— В нашем бизнесе Стэнтон Мик не авторитет,— сказал Рансайтер.

Мисс Вирт обратилась к своей бледной ассистентке:

— Пожалуйста, попросите мистера Мика спуститься сюда. А вас, мистер Рансайтер, я убедительно прошу не делать ничего до встречи с мистером Миком.

— По нашему полю данные уже есть,— прошептал Джо Рансайтеру.— Оно чрезвычайно сильное.— Наверное, это из-за Пат, подумал он.— Гораздо сильнее, чем можно было ожидать.— Какое им дело до наших измерений, думал он, мы на месте и времени зря не тратим...

— Тут есть шкафы для одежды? — спросила Типпи Джексон.— Я хотела бы распаковать багаж.

— В каждой комнате,— сказала мисс Вирт,— есть большой шкаф, срабатывающий после опускания монеты. А пока я хочу вручить вам этот подарок,— она жестом фокусника достала отку-

да-то большой пластиковый пакет,— этот запас монет для начала. Не могли бы вы раздать их? — спросила она Йона Илда.— Это жест доброй воли со стороны мистера Мика.

Эди Дорн подняла руку:

— Нет ли здесь медсестры или врача? У меня бывает раздражение кожи, если я много работаю. Тогда я пользуюсь гидрокортизоновой мазью, но сейчас в спешке я ее забыла.

— Разумеется, есть. В научных и промышленных комплексах есть врачи и даже небольшая больничная палата.

— Они тоже включаются от монетки? — спросил Сэмми Мэндо.

— Медицинское обслуживание бесплатное,— сказала мисс Вирт,— если пациент докажет, что он действительно болен. Правда, автоматы, отпускающие лекарства, работают от монет. Кроме того, в зале для игр имеется автомат, продающий транквилизаторы. Если хотите, мы можем установить и автомат, торгующий стимуляторами.

— А как насчет галлюциногенов? — спросила Франческа Спэниш.— Я работаю намного лучше, если употребляю психоделические препараты. Тогда я вижу своего противника, и это помогает сосредоточиться.

— Наш мистер Мик не одобряет употребление психоделических препаратов, так как спорынья, входящая в их состав, вредно действует на печень. Если вы привезли их с собой, то можете применять, но мы их не распространяем, хотя не исключено, что они где-то есть.

— С каких это пор тебе потребовались галлюциногены? — наклонился к Франческе Дон Дэнни.— Вся твоя жизнь — это сплошная галлюцинация.

— Две ночи назад у меня было поразительное видение,— ровным голосом сказала Франческа.

— Ничуть не удивлен,— сказал Дон.

— Толпа предсказателей и телепатов спустилась на мой балкон по веревочной лестнице из чистейшей натуральной пеньки. Они прошли сквозь стену и обступили мою кровать. Они читали мне стихи и прекрасную прозу из старинных книг — это было восхитительно! Они показались мне такими... такими...— она замерла, выбирая слово.— Такими блистательными! Один из них, по имени Билл...

— Секунду,— перебил ее Тито Апостос.— Я тоже видел сон, похожий на этот.— Он повернулся к Джо: — Помните, я гово-

рил вам перед отлетом? Помните? — Руки его судорожно сжались.

— Мне они тоже снились,— сказала Типпи Джексон.— Билл и Мэтт. Сказали, что прикончат меня.

— Ты был обязан сказать мне,— повернулся Рансайтер к Джо. Лицо его налилось темной кровью.

— Да, но... мне показалось, что...— Джо замолчал.— Ты выглядел таким уставшим,— закончил он.

— Это был не сон,— уверенно сказала Франческа.— Это было видение. Уж я-то знаю.

— Это точно,— сказал Дон Дэнни и подмигнул Джо.

— Я тоже видел сон,— сказал Йон Илд.— Про автомобили. Я старался запомнить их номера. Запомнил шестьдесят пять — и помню их до сих пор. К чему бы это?

— Глен, мне очень жаль,— пробормотал Джо.— Я ведь думал, что это привиделось только Апостосу. О других я не знал. Я...

Открылась дверь лифта. Джо обернулся. Низенький и толстоногий Стэнтон Мик важно шел по направлению к ним. Одет он был в пурпурные брючки до щиколоток, розовые меховые тапочки и безрукавку из змеиной кожи. Длинные обесцвеченные волосы перехватывал ремешок. Его нос, подумал Джо, похож на грушу от клаксона — как у тех такси, что ездят по Нью-Дели: такой же мягкий и такой же шумный. Самый шумный нос, какой мне когда-нибудь встречался.

— Привет вам, лучшие анти-пси! — Мик развел руки, как будто бы хотел всех обнять.— Вот они, истребители нечисти! — голос его был на редкость неприятный, писклявый и скрипучий. Такой звук, подумал Джо, мог бы издавать рой металлических пчел...— Банда подонков, обладающих пси-способностями,— продолжал Мик,— обрушилась на наш мирный, дружелюбный, безвредный городок Стэнтона Мика — Миквилл, как мы его зовем. Нам пришлось несладко здесь, в этом уютном милом поселении,— но вы, надеюсь, уже принялись за работу? Ведь вы лучшие в мире специалисты — и это понимает всякий, кто хоть краем уха слышал об Ассоциации Рансайтера. Я уже в восторге от вашей деятельности — за одним исключением: я вижу, что ваш сотрудник возится здесь со своей аппаратурой. Эй, контролер, не слышите, что ли, я с вами разговариваю!

Джо отключил тестеры и вырубил питание.

— Так вы удостоите меня вниманием? — продолжал Мик.

— Да,— сказал Джо.

— Зачем ты выключил? — сказал Рансайтер.— Ты на службе у меня, а не у Мика.

— Уже все,— сказал Джо.— Он пришел слишком поздно.

— Ну и?..

— Никакого поля нет.

— Наши ребята нейтрализовали его?

— Нет. В зоне действия аппаратуры нет источников поля. Антиполе я регистрирую четко — значит, тестеры работают. Наши ребята создают две тысячи единиц — со всплесками до двух тысяч ста. Думаю, со временем напряженность антиполя еще возрастет. Возможно, до...

— Ничего не понимаю,— сказал Рансайтер.

Все инерциалы сгрудились вокруг Джо. Дон Денни взял в руки ленту самописца, посмотрел на прямую, без малейших отклонений, линию, потом протянул ленту Типпи Джексон. Все инерциалы по очереди изучили ее, потом посмотрели на Рансайтера. Тот повернулся к Стэнтону Мику:

— С чего вы взяли, что здесь есть люди Холлиса? И почему возражали против проведения предварительных замеров? Вы что, знали, что мы получим отрицательный результат?

— Конечно же знал,— с уверенностью сказал Джо.

Рансайтер вспыхнул. Он хотел что-то сказать Мику, но передумал и шепнул Джо: «Возвращаемся. Все на корабль — немедленно». Вслух он произнес:

— Собирайте вещи, через пятнадцать минут мы вылетаем обратно в Нью-Йорк. Опоздавшие рискуют застрять на Луне. Джо, все свое барахло стаскивай в кучу, я помогу дотащить...

Он снова повернулся к Мику, и в этот момент Мик, раскинув руки, всплыл к потолку, продолжая скрипеть своим невыносимым голосом:

— Мистер Рансайтер, не позволяйте своим эмоциям восторжествовать над разумом. Попросите своих людей успокоиться, соберемся вместе, все обсудим, придем к взаимопониманию...— Раздувшееся тело Мика качалось под потолком, медленно вращаясь.

— Это бомба-андроид,— прошептал Рансайтер,— я слышал о таких. Джо, выводим людей. Она уже на авторежиме...

В этот момент бомба взорвалась.

Едкий вонючий дым, застилавший глаза, всосался в щели на стенах и в полу — и все увидели лежащее у ног Джо Чипа конвульсивно вздрагивающее тело.

— Это же мистер Рансайтер! — закричал в ухо Джо Дон Денни, заикаясь от волнения.— Они убили Рансайтера!

— Остальные целы? — спросил Джо хрипло. Дым забил легкие и не давал говорить. В голове звенело, и по шее текла теплая струйка. Зацепило...

— Остальные, кажется, целы,— сказала Венди Райт.— Разве что ранены.

Наклонившись над Рансайтером, Эди Дорн сказала:

— Может быть, вызвать воскресителя? У Холлиса есть воскресители...

— Он жив,— сказал Джо, выпрямившись.

Да, Рансайтер был еще жив, но с минуты на минуту слова Денни могли стать правдой.

— Слушайте меня,— сказал Джо.— Поскольку мистер Рансайтер ранен, руководство переходит ко мне — по крайней мере, пока мы не вернемся на Землю.

— Если мы вообще туда вернемся,— сказал Эл Хэммонд, прижимая свернутый носовой платок к ране над правым глазом.

— У кого есть оружие? — спросил Джо.— Я знаю, что это противоречит уставу, но кто-то наверняка захватил его. Забудьте о том, что это незаконно, забудьте вообще все, что вам говорили раньше...

— У меня есть,— сказала Типпи Джексон.— В багаже. В соседней комнате.

— А мой здесь, со мной,— сказал Тито Апостос. В правой руке он держал старомодный пулевой пистолет.

— Короче, у кого оружие в багаже — несите,— сказал Джо. Шесть человек направились к двери.

— Рансайтера надо поместить в холодильник,— сказал Джо оставшимся с ним Элу Хэммонду и Венди Райт.

— На корабле? — уточнил Хэммонд.

— Да. Беритесь с той стороны — и понесли. Апостос, идите впереди нас и стреляйте в любого из людей Холлиса, которые попробуют встать на пути.

— Думаете, в этом деле за мистером Миком стоял Холлис? — спросил Йон Илд, появляясь в дверях с лазером в руке.

— За ним или даже вместо него,— сказал Джо.— Возможно, никакого Мика здесь не было с самого начала...— Поразительно, что взрывом бомбы нас не поубивало всех, подумал Джо. И что случилось с мисс Вирт? Или она ушла до взрыва? Не помню... Интересно, как бы она отреагировала, узнав, что

работает не на Мика, а на Холлиса и что ее подлинный работодатель нанял нас только для того, чтобы убить? Наверное, ее тоже прикончат. Просто для гарантии. Зачем им лишний свидетель?..

С оружием в руках вернулись остальные. Учитывая ситуацию, все одиннадцать вели себя великолепно.

— Если мы успеем поместить Рансайтера в холодильник,— на ходу говорил Джо, неся вместе с Хэммондом тело своего шефа,— он сможет и дальше руководить фирмой, как Элла...— Локтем он нажал кнопку лифта.— Мало шансов — они, скорее всего, отключили энергию.

Лифт, однако, подошел.

— Еще трое с оружием — с нами,— скомандовал Джо.

— К черту! — сказал Сэмми Мэндо.— Вы уедете, а нас здесь перережут? А если этот лифт не вернется? — Лицо его было перекошено.

— Рансайтер поедет первым,— твердо сказал Джо и нажал кнопку. Лифт пошел вверх, унося его, Хэммонда, Апостоса, Венди Райт, Дона Денни — и Рансайтера.— Приходится так поступать,— как бы оправдываясь, сказал он.— Впрочем, если нас там ждут, мы первыми попадем к ним в руки. Впрочем, они вряд ли ждут, что мы вооружены...

— Существует закон...— начал Дон Денни.

— Посмотри, он жив? — попросил Джо Тито Апостоса.

— Слабо, но дышит,— сказал Апостос.— Шанс есть.

— Да, шанс есть...— С момента взрыва Джо испытывал непонятное оцепенение, и психологическое, и физическое. Казалось, что повреждены барабанные перепонки. И этот холод... Когда будем на корабле, подумал Джо, и поместим Рансайтера в холодильник, то сразу же по радио вызовем помощь. Если не сможем стартовать сами — нас заберут отсюда...

Он знал, что обманывает сам себя. Шансов у них не было. Пока помощь придет, здесь никого уже не останется в живых.

— Можно было взять в лифт хотя бы женщин,— сказал Апостос. У него тряслись руки.

— Мы в большей опасности,— повторил Джо.— Я думаю, Холлис рассчитывал на то, что выжившие воспользуются лифтом...

— Ты уже говорил это, Джо,— сказала Венди Райт.

— Я просто пытаюсь объяснить, почему я так поступил. Почему оставил тех, других...

— Слушай, а способности этой новенькой? — спросила Венди.— Как ее — Пат? Может быть, она сможет переместиться в момент перед взрывом и все изменить? Как ты думаешь, Джо?

— Я совсем забыл об этом,— сказал Джо.

— Давайте тогда вернемся,— предложил Апостос.— Не будем соваться в засаду.

— Приехали,— сказал Дон Денни. Он побледнел и облизал губы, глядя, как раздвигаются створки двери.

За дверью никого не было. Движущаяся лента тротуара вела к посадочной галерее, в дальнем конце которой за воздушными мембранами можно было различить основание их корабля. Странно, подумал Джо, неужели они были так уверены, что взрывом убьет всех нас? Почему они не отключили ток? Что-то у них не сработало...

— Я думаю,— сказал Дон Денни, пока Хэммонд и Джо переносили Рансайтера из лифта на ленту тротуара,— нас спасло то, что бомба взорвалась под потолком. Осколки прошли над головами... Они не думали, что кто-нибудь уцелеет, поэтому не отключили ток.

— Возблагодарим Господа, что бомба всплыла,— сказала Венди Райт.— Но как же здесь холодно, боже! Наверное, бомба повредила систему отопления.

Тротуар двигался до невозможности медленно. Джо показалось, что прошло минут пять, прежде чем они достигли воздушных шлюзов. Это движение, больше всего напоминающее прогулку улиток, показалось ему едва ли не самым тяжелым из всего происшедшего. Сам Холлис не придумал бы худшей пытки...

— Подождите! — крикнул кто-то позади. Послышался звук шагов. Тито Апостос с пистолетом наготове обернулся, потом опустил оружие.

— Это наши,— сказал Дон Денни. Хэммонд и Джо, не в состоянии обернуться, проносили тело Рансайтера сквозь сложную систему мембранных дверей.— Все в порядке. Скорее сюда! — он помахал рукой.

Соединительный туннель связывал корабль с посадочной галереей. Услышав характерный тупой звук своих шагов, Джо не поверил: они что, отпускают нас? Или ждут нас на корабле? Мы похожи сейчас на мышек в лабиринте, и кто-то, развлекаясь, гоняет нас из тупика в тупик... до мышеловки? Щелчок — и наши размозженные трупики лягут на пол, как... Он посмотрел на Рансайтера.

— Денни,— сказал он вслух.— Иди первым. Посмотришь, не ждут ли нас там.

— А если ждут? — спросил Денни.

— Тогда возвращайся,— криво улыбнулся Джо,— и скажи нам об этом. Мы капитулируем, и они спокойно перебьют нас.

— Джо,— тихо, но настойчиво сказала Венди,— попроси эту Пат использовать свои способности. Пожалуйста, Джо.

— Давайте сначала проберемся на корабль,— сказал Тито Апостос.— Не доверяю я этой девушке, не нравится она мне почему-то...

— Ты просто не уловил, в чем суть ее таланта,— сказал Джо, не отрывая глаз от маленького и тощего Дона Денни, который, повозившись с замком, открыл дверь и исчез в недрах корабля.— Он не вернется,— Джо тяжело задышал; Рансайтер вдруг показался ему неимоверно тяжелым.— Давай положим его,— сказал он Хэммонду. Вдвоем они опустили тело на пол туннеля.— Тяжеловат старик,— Джо выпрямился.— Я поговорю с Пат,— повернулся он к Венди.

Отставшие подтянулись. Группа стояла, сбившись в плотную кучку.

— Да-а,— сказал Джо, вглядываясь в лица.— А мы-то думали, что провернем выгодное дельце... никогда не знаешь, на чем споткнешься. Сволочь Холлис... Пат. Слушай, Пат...— он замолчал. Лицо Пат было черным от копоти, а сквозь дыры в безрукавке виднелся эластичный лиф, модно уплощавший грудь. Лиф украшал рисунок из элегантных бледно-розовых лилий. Непонятно почему эта бессмысленная деталь запечатлелась в памяти Джо. Он протянул руку и положил ее на плечо Пат: — Ты не могла бы вернуться в прошлое? В момент перед взрывом? Спасти жизнь Глену Рансайтеру?

— Поздно,— сказала Пат.

— Почему?

— Потому что так оно и есть. Слишком много времени прошло. Надо было сразу...

— А почему же ты не сделала этого сразу? — тихо, но яростно спросила ее Венди Райт.

— А сама ты об этом подумала? — повернулась к ней Пат.— А если подумала, то почему не сказала? Почему никто ничего не сказал?

— Значит, ты не чувствуешь своей вины,— сказала Венди.— Вины за смерть Рансайтера. Ты могла его спасти...

Пат вдруг засмеялась.

— Там никого нет! — высунувшись из корабля, крикнул Денни.

— Вперед,— сказал Джо.— Теперь главное — холодильник...

Вместе с Хэммондом они подняли тело Рансайтера и понесли его к кораблю. Инерциалы толкали их, торопясь скорее оказаться в безопасности. Похоже, что замаячившая возможность выбраться отсюда живыми заставила их забыть о достоинстве и дисциплине, так замечательно проявившихся вначале...

— Ключ! Где ключ?! — пронзительно закричал прямо на ухо Джо Йон Илд, когда Рансайтера вносили в холодильный отсек.— Ключ, мистер Чип!

— Стартовый ключ. От корабля,— пояснил Хэммонд, видя, что Джо ничего не понимает.— Должно быть, он у Рансайтера...

Они обыскали многочисленные карманы Рансайтера и нашли наконец кожаный чехольчик с ключами. Илд забрал его.

— Теперь-то наконец мы можем положить Рансайтера в холодильник? — свирепея от задержек, заорал Джо.— Скорее, Эл, скорее, ради всего святого! — Поздно, думал он, поздно, поздно, мы двигались слишком медленно, все кончено, все кончено...

Взвыли стартовые ускорители, корабль задрожал. Где-то у пульта инерциалы пытались договориться с бортовым компьютером.

Почему они позволяют нам улететь? — этот вопрос не давал покоя Джо. Вместе с Элом они закрепили мертвое — или только кажущееся мертвым? — тело Рансайтера в морозильной камере. Автоматические захваты фиксировали и поворачивали его, создавая впечатление живого, но холодного и бездушного существа.

— Не понимаю,— сказал Джо вслух.

— Они просто ошиблись,— сказал Эл.— У них не было запасного плана на случай, если бомба подведет. Как у тех, которые покушались на Гитлера: удостоверились, что бомба взорвалась, и решили, что все в порядке...

— Давай-ка выбираться, пока не замерзли,— сказал Джо. Оказавшись снаружи, они вдвоем закрутили запирающий штурвал.— Господи, ну и холод! Как тут поверишь, что он сохраняет жизнь? Или хотя бы подобие жизни...

В коридоре их перехватила Фрэнси. Ее длинные волосы были опалены.

— Холодильник имеет систему связи? — спросила она.— Может быть, мы сразу посоветуемся с мистером Рансайтером?

— Это невозможно,— сказал Джо.— Связи нет. Протофазонов нет. Самой полужизни — тоже нет. Все это откладывается до Земли. До мораториума.

— Тогда как мы можем узнать, что заморозили его вовремя? — спросил Дон Денни.

— Никак,— сказал Джо.

— Его мозг мог успеть протухнуть! — Сэмми Мэндо скорчил рожицу и захихикал.

— Может быть, и так,— сказал Джо.— Значит, мы никогда больше не услышим голоса Глена и не узнаем, о чем он думает. Может быть, нам придется руководить Ассоциацией без него. Скажем, опираясь на то, что осталось от Эллы. Перенесем директорат в Цюрих, в мораториум...— Он опустился на боковое сиденье, тупо глядя, как четверо за пультом спорят, пытаясь разобраться в системе управления корабля. Как лунатик, преодолевая вязкую боль и слабость, он достал смятую пачку сигарет и выцарапал одну.

Сигарета рассыпалась в пальцах, будто была сделана из пепла. Странно, подумал он.

— Это от взрыва,— сказал, заметив, что произошло, Хэммонд.— От высокой температуры.

— И постарели мы тоже от этого? — спросила Венди, вынырнув из-за плеча Хэммонда и сев рядом с Джо.— Я чувствую себя такой старой. Да я и есть старая. Старая старуха. И твоя сигарета — старая. Мы все постарели, ты разве не видишь? Такого дня у нас еще не было...

Отчаянным усилием корабль оторвался от поверхности Луны, волоча за собой пластиковый рукав соединительного туннеля.

Глава 7

Приобретите чудодейственный «Убик» — и все в вашем доме засияет! Вам нечего будет делать на кухне!

Абсолютно безвреден при использовании согласно инструкции.

— Лучше всего нам сесть в Швейцарии,— сказал Джо Чип. Он включил коротковолновый аудиофон и набрал код Швейцарии.— Если мы поместим Рансайтера в тот же мораториум,

где лежит Элла, мы сможем одновременно советоваться с обоими. Если соединить их электронными связями...

— Протофазонными,— поправил его Дон Денни.

— Пусть так. Кто-нибудь помнит, как звать владельца того мораториума?

— Герберт... забыла,— сказала Типпи Джексон.— Какой-то Герберт.

— Сейчас,— Венди нахмурилась, вспоминая.— Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг. Герберт-Красота-Птичьего-Пения. Мистер Рансайтер перевел мне однажды, и я запомнила. Как жаль, что меня не назвали так.

— Выходи за него замуж,— посоветовал Тито Апостос.

— Я собираюсь замуж за Джо Чипа,— с детской серьезностью в голосе сказала Венди.

— О-о? — Глаза Пат блеснули.— Неужели?

— Ты можешь изменить и это? — спросила Венди.— Твоих способностей хватит?

— Я уже живу с ним,— сказала Пат.— Я его любовница. Я оплачиваю его счета. Утром я заплатила двери, чтобы она его выпустила. Без меня он так и сидел бы в своем блоке.

— И наш полет на Луну сорвался бы,— сказал Эл Хэммонд, глядя на Пат с каким-то сложным выражением на лице.

— Пусть не сегодня — но мы бы все равно полетели,— сказала Типпи Джексон.— Я вот думаю, как славно для Джо иметь любовницу, которая сама платит его входной двери.— Она игриво толкнула Джо плечом, и на лице ее мелькнуло выражение, озадачившее его: выражение одобрения и даже какого-то сексуального соучастия. Этакий легкий вуайеризм, подумал Джо. Получение удовольствия от чужой личной жизни...

— Найдите кто-нибудь телефонную книгу,— попросил он.— Сообщу в мораториум, пусть встретят нас.

Он посмотрел на часы. Еще десять минут полета...

— Вот она, мистер Чип,— сказал Йон Илд после недолгих поисков. Он протянул Джо тяжелую прямоугольную коробку с клавиатурой и микросканером.

Джо набрал «ШВЕЙЦ», затем «ЦЮР», затем «ВЗЛБ СОБР МОРА».

— Как на иврите,— сказала Пат.— Семантические сокращения.

Микросканер подергался, отбирая необходимую информацию, и выдавил из себя перфокарту, которую Джо ввел в аудиофон.

Аудиофон механическим голосом произнес:

— Номер устарел. Если вам необходима помощь, поместите красный бланк...

— Какого года телефонная книга? — повернулся Джо к Йону Илду. Тот перевернул ее и посмотрел на штамп.

— Тысяча девятьсот девяностого. Двухлетней давности.

— Не может быть,— сказала Эди Дорн.— Два года назад этого корабля не существовало. Тут все наиновейшее.

— Всегда случаются накладки,— сказал Тито Апостос.

— Только не в этом случае,— возразила Эди.— В «Прэтфолл-2» Рансайтер вложил столько денег и сил... Это предмет его гордости.

— Был предметом его гордости,— сказала Фрэнси.

— Не согласен,— вмешался Джо. Он ввел красный бланк в соответствующую прорезь аудиофона и сказал: — Дайте мне номер Мораториума Возлюбленных Собратьев в Цюрихе, Швейцария.— Потом вновь обратился к Фрэнси: — Рансайтер все еще с нами — следовательно, этот корабль продолжает оставаться предметом его гордости.

Карта, обработанная аппаратом, выползла обратно; Джо взял ее и ввел в считывающее устройство. Тут же на экране появилось отрешенное елейное лицо управляющего Мораториумом Возлюбленных Собратьев. Он похож на стервятника в сиропе, подумал Джо.

— Я Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг,— владелец мораториума произнес свое имя с апломбом урожденного аристократа.— Вы хотите поделиться со мной вашей печалью, сэр?

— Да, произошел несчастный случай,— сказал Джо.

— То, что мы называем несчастным случаем,— возразил фон Фогельзанг,— в действительности являет собой проявление воли Господней. В определенном смысле вся наша жизнь не более чем несчастный случай. Тем не менее...

— Я не хочу вступать в теологический спор,— сказал Джо.— Как-нибудь в другой раз.

— Но согласитесь, что именно сейчас — более, чем когда-либо,— теология стала самой надежной опорой для вас. Умерший был вашим родственником?

— Работодателем,— сказал Джо.— Это Глен Рансайтер. «Ассоциация Рансайтера», Нью-Йорк. У вас находится его жена, Элла. Через несколько минут мы совершим посадку. Вы пришлете транспорт?

— Сейчас он находится в холодильнике?

— Нет, он загорает на пляже во Флориде,— с раздражением сказал Джо.

— Я понял так, что ваш необычный ответ означает «да»?

— Короче, встречайте нас в космопорту Цюриха,— сказал Джо и отключился. Теперь нам постоянно иметь дело с этим типом, ничего себе...— Холлис заплатит за все.

— Холлис будет платить мистеру Фогельзангу? — спросил Сэмми Мэндо.— Как интересно.

— Нет,— сказал Джо.— Я имею в виду, что мы прикончим Холлиса. Убьем его. За все его делишки.

За Глена Рансайтера, например, подумал Джо. Замороженного в прозрачном ящике и обложенного пластмассовыми розочками. Пробуждаемого к активной полужизни на один час в месяц, гаснущего, исчезающего, вот уже почти неслышимого... Господи, подумал Джо, почему именно он? Из всех — именно он? Самый живой, энергичный...

— Зато теперь он будет рядом с Эллой,— сказала Венди.

— Да, в каком-то смысле... Не люблю мораториумы,— сказал Джо.— И не люблю их владельцев. Этот Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг... Почему Рансайтер выбрал Швейцарию? Чем хуже Нью-Йорк?

— Швейцарцы пионеры в этом деле,— сказала Эди Дорн.— У них лучше получается. Средняя продолжительность полужизни в Швейцарии на два часа больше, чем где-либо.

— ООН следует запретить поддержание полужизни,— сказал Джо.— Это извращение природного порядка рождений и смертей.

— Будь Господь приверженцем полужизни, мы так и рождались бы в гробу, набитом сухим льдом,— поддразнил его Эл Хэммонд.

— Мы в створе порта Цюриха,— сказал Дон Денни.— Они принимают управление нашим кораблем.— Он, сгорбившись, отошел от пульта.

— Не унывай так, Дон,— сказала Эди Дорн.— Грубо говоря, нам всем безумно повезло. По идее, мы должны быть мертвыми — все. Разорванными бомбой, порезанными лазерами... Только представь себе это — и сразу станет легче.

— Уже сам факт, что лететь надо было на Луну, должен был вызвать подозрения,— сказал Джо.— В законах этой планеты столько дыр... Рансайтер всегда говорил: если предлагают работу

за пределами Земли — насторожись. Будь он жив, он и сейчас сказал бы то же самое. А особо, говорил он, будьте бдительны, если вас приглашают на Луну. Слишком многие там погорели...— Если он оживет в мораториуме, подумал Джо, первой его фразой будет вот эта: «Я всегда с подозрением относился к Луне». Но слишком уж лакомой оказалась приманка... Его поймали именно так, как он сам предполагал.

Заработали тормозные двигатели. Корабль задрожал.

— Джо,— сказал Апостос,— тебе придется сообщить Элле, что случилось с Гленом. Понимаешь, да?

— Я всю обратную дорогу только об этом и думаю,— сказал Джо.

Управляемый автоматами, корабль завис над посадочным столом.

— А кроме того,— сказал Джо,— я должен информировать Объединение о том, что произошло. А они нам вставят хороший фитиль — за то, что дали заманить себя на бойню, как бараны.

— Но ведь Объединение — наш друг,— сказал Сэмми Мэндо.

— После такой параши у нас не останется никаких друзей,— сказал Эл Хэммонд.

Весь в квадратиках солнечных батарей, грузовичок-трансформер с надписью «МОРАТОРИУМ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ СОБРАТЬЕВ» ждал у края посадочного стола. Рядом стоял чем-то напоминающий жука человечек в континентальном одеянии: твидовой тоге, мокасинах, малиновом шарфе и пурпурном летном шлеме времен «этажерок». Владелец мораториума увидел Джо и мелкими шажками побежал ему навстречу, еще издали протягивая обтянутую перчаткой руку.

— Судя по всему, вы возвращаетесь не из увеселительной прогулки,— сказал фон Фогельзанг, пожимая Джо руку.— Мои люди могут начинать?

— Да,— сказал Джо.— Идите на борт и забирайте его...

Сунув руки в карманы, он побрел в сторону кафетерия. На душе было гадко. Опять все как обычно, подумал он. Мы снова на Земле. Холлис нас не прикончил — и мы счастливы. Лунная экспедиция, ловушка, кошмары и ужасы — все в прошлом. Начинается новая фаза — и мы ни при чем...

— Пять центов, пожалуйста,— сказала дверь кафетерия.

Джо подождал, пока из кафе не выйдет сидевшая там парочка, и ловко проскочил мимо них. Нашел свободное место, сел, облокотившись о стойку, и принялся изучать меню.

— Кофе,— сказал он наконец.

— Со сливками или с сахаром? — спросил автомат.

— И с тем и с другим.

В маленьком окошечке появилась чашечка кофе, два бумажных пакетика с сахаром и похожий на колбу молочник. Все это двинулось по стойке и остановилось напротив Джо.

— С вас один международный поскред,— сказал автомат.

— Отправьте счет Глену Рансайтеру в Нью-Йорк,— сказал Джо.

— Воспользуйтесь кредитной карточкой,— сказал автомат.

— Мне уже пять лет не позволяют пользоваться кредитными карточками, пока я не расплачусь за...

— Один поскред, пожалуйста,— сказал автомат и начал зловеще тикать.— Иначе через десять секунд я вызову полицию.

Джо бросил монету в прорезь. Тиканье смолкло.

— Такие клиенты нам не нужны,— заявил автомат.

— В один прекрасный день такие, как я, восстанут и свергнут иго машин,— зло сказал Джо.— Тогда вернутся нормальные отношения, вернется теплота, и человеку, прошедшему через черт знает что, дадут чашку кофе независимо от того, есть у него наготове поскред или нет.— Он взял молочник и брезгливо заглянул в него: — И вообще, ваши сливки, или молоко, или что вы туда налили — прокисли.

Автомат не ответил.

— Вы намерены что-нибудь делать? Вы были так многословны, когда хотели получить поскред.

Платная дверь кафетерия открылась и пропустила Эла Хэммонда. Он подошел и сел рядом.

— Эти ребята уже перенесли Рансайтера в свой трансформер. Они спрашивают, не поедешь ли ты с ними?

— Посмотри на это,— Джо встряхнул молочник; жидкость, бывшая в нем, прилипла к стенкам густыми комочками.— А я заказывал сливки. Вот что получаешь за поскред в кафетерии самого современного космопорта Земли. Я не уйду, пока не получу обратно свой поскред или нормальные сливки. Я хочу кофе.

Эл Хэммонд положил руку на плечо Джо и внимательно всмотрелся в его лицо.

— Что происходит, Джо?

— Сначала эта сигарета,— принялся перечислять Джо,— потом старая телефонная книга, теперь — сливки недельной давности... Я не понимаю, Эл.

— Выпей без сливок,— сказал Эл,— и пойдем проводим Рансайтера. Остальные наши пока побудут на корабле. А потом обратимся в ближайшее бюро Объединения и дадим им полный отчет.

Джо поднял чашечку: кофе был холодный, мерзкий, и то, что сначала казалось пеной, оказалось плесенью. С отвращением он оттолкнул чашку. Да что же такое делается? — растерянно подумал он. Что со мной происходит? Внезапно ему стало страшно.

— Забудь ты об этом кофе,— сказал Эл.— Пойдем же. Нужно, чтобы Рансайтера...

— Знаешь, кто дал мне этот поскред? — сказал Джо.— Пат Конли. И я сразу сделал с ним то, что обычно делаю с деньгами: потратил на ерунду. На чашку прошлогоднего кофе.— Под дружеским нажимом руки Эла он встал и направился к двери.— Может быть, съездишь со мной? Поможешь? Особенно при разговоре с Эллой. Как ей объяснить? Валить все на Глена? Сказать, что это была его идея — лететь на Луну? Так ведь это правда... А может, соврать — сказать, что была авария или что он умер своей смертью...

— Через какое-то время Рансайтер сможет общаться с ней,— сказал Эл.— И сам расскажет ей все.

— Так, может быть, подождем — пусть он сам ей все и расскажет? — предложил Джо, направляясь к трансформеру.— Почему нет? Он сам решил, что нам надо лететь на Луну,— вот пусть сам все ей и рассказывает. Он умеет с ней разговаривать. Он привык.

Вместе с Элом они вошли в кабину трансформера. За пультом управления сидел фон Фогельзанг.

— Вы готовы, джентльмены? — спросил он.— Тогда мы отправляемся в траурное путешествие к месту вечного упокоения мистера Рансайтера...

Джо издал невнятный звук и уставился в окно. Там были только инженерные сооружения космопорта.

— Снимайтесь,— сказал Эл.

Трансформер оторвался от земли. Владелец мораториума вдавил на пульте клавишу, и полились звуки «Торжественной мессы» Бетховена. «Agnus dei,— снова и снова повторяли голоса,— qui tollis peccata mundi...» Звуки симфонического оркестра электронных инструментов наполняли кабину.

— А ты знаешь, что Тосканини частенько подпевал, когда дирижировал при исполнении опер? — спросил Джо.— И в запи-

си «Травиаты» его голос слышен, когда исполняют арию Виолетты в первом акте?

— Никогда не знал этого,— сказал Эл. Он смотрел вниз на аккуратные кварталы Цюриха. Джо поймал себя на том, что и сам не может оторвать глаз от проплывающих внизу крыш.

— Libera me, Domine,— сказал он.

— Что это значит?

— Это значит: помилуй меня, Господи. Ты что, не знал? Я думал, это все знают.

— А что это тебе пришло в голову?

— Проклятая музыка. Выключите ее,— сказал он фон Фогельзангу.— Рансайтер все равно ничего не слышит. Слышу только я, а мне не хочется ее слушать. Тебе тоже, наверное, не хочется, а? — спросил он Хэммонда.

— Успокойся, Джо,— сказал Эл.

— Мы сопровождаем нашего мертвого шефа в заведение под названием «Мораториум Возлюбленных Собратьев», а ты говоришь — успокойся. Ты же знаешь, он вовсе не обязан был лететь на Луну. Послал бы нас, а сам остался бы в Нью-Йорке. А получилось, что человек, который больше всех нас любил жизнь, который лучше всех нас умел ею пользоваться...

— Ваш темнокожий приятель дал вам добрый совет,— сказал фон Фогельзанг.

— Какой совет?

— Успокоиться.— Фон Фогельзанг выдвинул ящичек под пультом и подал Джо веселенькую разноцветную коробочку.— Возьмите одну, мистер Чип.

— Жвачка с транквилизаторами,— сказал Джо, принимая коробочку и машинально открывая ее.— «Абрикосовая успокоительная резинка». Как ты считаешь, взять? — спросил он Хэммонда.

— Лучше взять,— сказал Эл.

— А вот Рансайтер не стал бы глотать транквилизаторы,— сказал Джо.— В нашей ситуации — никогда бы не стал. Никогда он не принимал транквилизаторов. Никогда в жизни. Знаешь, что я понял, Эл? Он отдал свою жизнь, чтобы спасти наши. Не так, чтобы прямо...

— Очень не прямо,— сказал Эл.— Ну вот, прилетели. Ты как — сможешь взять себя в руки?

— Когда я услышу голос Рансайтера, я буду полностью спокоен,— сказал Джо.— Когда буду знать, что хоть какая-то искорка жизни в нем еще сохранилась.

— Не стоит так волноваться, мистер Чип,— сказал владелец мораториума.— Обычно мы получаем вполне удовлетворительный поток протофазонов. По крайней мере, вначале. Уже потом, когда срок полужизни подходит к концу, наступает печальная минута. Но при разумном планировании эту минуту можно отсрочить на много лет...

Трансформер коснулся земли. Фон Фогельзанг выключил мотор и нажатием кнопки открыл дверь.

— Добро пожаловать в Мораториум Возлюбленных Собратьев,— сказал он, пропуская Джо и Эла вперед.— Моя секретарша, мисс Бисон, сопроводит вас в зал свиданий. Побудьте там, и обстановка восстановит мир в ваших душах. Туда же вам доставят мистера Рансайтера, как только техники установят с ним связь.

— Я хотел бы присутствовать при этом,— сказал Джо.— Видеть, как его возвращают к жизни.

— Может быть, вы, как друг, объясните ему? — обратился владелец мораториума к Элу.— Вас он поймет лучше.

— Мы посидим в зале,— сказал Эл.

— Дядя Том,— презрительно сказал Джо.

— Все мораториумы таковы,— сказал Эл.— Пойдем, посидим в зале.

— Сколько времени вы будете работать?

— Через пятнадцать минут мы определимся. Если за это время не удастся получить устойчивый сигнал...

— Пятнадцать минут? Вы собираетесь пытаться вернуть его к жизни всего за пятнадцать минут? — Он повернулся к Элу: — Ты слышишь, Эл? Всего пятнадцать минут они хотят потратить на человека, который на голову выше их всех...— он понял, что сейчас заплачет. Навзрыд.— Пойдем отсюда, Эл. Пойдем...

— Пойдем,— сказал Эл.

Они поплелись в зал свиданий.

— Сигарету хочешь? — спросил Эл, садясь на диван, обтянутый синтетической кожей.

— Они истлели,— сказал Джо, не прикасаясь к пачке.

— В самом деле...— Эл сунул пачку обратно в карман.— Как ты узнал? — С минуту он ждал ответа.— Джо, ты падаешь духом легче, чем все, с кем я сталкивался. Нам повезло — мы живы. Могло быть наоборот: мы все лежали бы по холодильникам, а Рансайтер сидел бы в этом дурацком зале...

— Все сигареты в мире истлели,— сказал Джо. Посмотрел на часы: прошло десять минут. Он попытался понять, о чем

думает. Мысли проплывали насквозь, как серебряные рыбки. Скользкие, неуправляемые, неприятные... Потом они исчезли, и пришел страх.— Если бы Рансайтер был жив и сидел бы здесь — все было бы как надо. Не знаю почему, но это так... Ты застал дантистов?

— Нет,— сказал Эл,— но я знаю, чем они занимались.

— Раньше у людей портились зубы,— сказал Джо.

— Я слышал об этом...

— Отец рассказывал, как ждал однажды приема. Каждый раз, когда медсестра открывала дверь, он думал: ну, все... сейчас начнется то, чего я боялся всю свою жизнь...

— Как ты сейчас,— сказал Эл.

— Да боже мой, почему этот кретин, который тут заправляет, не придет и не скажет, что Рансайтер жив?! Или что он мертв? Да или нет?

— Почти всегда — да. Статистика...

— На этот раз будет нет.

— Ты не можешь этого знать.

— У Холлиса есть отделение в Цюрихе?

— Безусловно. Но к тому времени, когда он пришлет сюда своего предсказателя, мы и так будем знать все.

— Я позвоню, пусть скажут по телефону.— Джо встал, пытаясь вспомнить, видел ли где видеофон-автомат.— Дай мне двадцать пять центов.

Эл помотал головой.

— Эл, в определенном смысле — ты мой подчиненный. Значит, ты должен подчиняться. После смерти Рансайтера руководство фирмой перешло ко мне. С момента взрыва бомбы. Это я решил доставить его сюда. Теперь я решил нанять предсказателя. Дай мне двадцать пять центов.

— Подумать только: Ассоциацией Рансайтера управляет человек, у которого в кармане нет ни цента. Держи. Увеличишь мне жалованье на эту сумму.

Джо потащился по коридору, потирая виски. Если разобраться, думал он, это совершенно противоестественное место. Нейтральная полоса между жизнью и смертью. Если не считать Эллы, перескочил он на другое, то я действительно сейчас глава Ассоциации. И буду им оставаться, пока Элла или Рансайтер не назовут того, кто займет этот пост на постоянной основе. А вдруг они назовут меня? Нет, ерунда. Не может управлять Ассоциацией человек, у которого такое финансовое положение.

Впрочем, предсказатель Холлиса может знать и это. Займу ли я официально пост главы фирмы? Да, это надо выяснить — вкупе с остальным. Предсказателя придется нанять в любом случае...

— Есть тут где-нибудь видеофон? — спросил он одетого в униформу сотрудника мораториума.— А, вижу, спасибо...

Подняв трубку и услышав гудок, он бросил в прорезь полученную от Эла монетку.

— Простите, сэр, но я не могу принимать монеты, вышедшие из обращения,— сказал видеофон и выплюнул монетку к ногам Джо.

— Как это понять? — Пыхтя, Джо нагнулся, чтобы поднять монету.— С каких это пор двадцатипятицентовики Североамериканской Конфедерации вышли из обращения?

— Простите, сэр, но монета, которую вы в меня опустили, была устаревшей монетой в четверть доллара бывших Соединенных Штатов Америки. Теперь она представляет собой только нумизматическую ценность.

Джо внимательно осмотрел монету. На ее потускневшей поверхности был с трудом различим профиль Вашингтона. И дата. Монета была сорокалетней давности...

— У вас проблемы, сэр? — спросил, подходя, служащий мораториума.— Я видел, что автомат выбросил вашу монету. Можно мне взглянуть на нее?

Джо протянул ему четвертак Соединенных Штатов.

— Не согласитесь ли вы принять за нее монету в десять швейцарских франков, которой вы вполне могли бы оплатить разговор?

— Отлично,— сказал Джо. Совершив обмен, он опустил монету в щель и набрал номер службы Холлиса — одинаковый во всех странах.

— Фирма «Таланты Холлиса»,— хорошо поставленным голосом сказала возникшая на экране девушка с преображенным новейшей косметикой лицом.— О, мистер Чип! Мистер Холлис весь день ждет вашего звонка.

Естественно, подумал Джо, предвидение...

— Мистер Холлис поручил нам сразу же соединить вас с ним, он хочет лично заняться вашим делом. Подождите одну секунду, я соединяю, сейчас вы услышите мистера Холлиса, такова воля Божья...— Лицо девушки исчезло, и несколько секунд экран был пуст. Потом появилось лицо, только лицо, без шеи и туловища. Синее, мрачное, с глубоко запавшими глазами, напоминающими неправильно ограненные драгоценные

камни: они сверкали, но блеск их был каким-то ненатуральным...

— Здравствуйте, мистер Чип,— сказало лицо.

Вот, значит, каков он, подумал Джо. Да, фотографии не передавали всего: неровностей и странных искажений, будто когда-то это лицо разбили вдребезги, а потом склеили, но не слишком тщательно...

— Объединение получит наш рапорт об убийстве Глена Рансайтера,— сказал Джо.— У них достаточно юристов, чтобы остаток жизни вы провели в тюрьме.— Он помолчал, но ответной реакции не дождался.— Мы знаем, что это сделали вы,— он уже понимал всю бессмысленность своего поступка.

— Что касается цели вашего звонка,— сказал Холлис змеиным голосом,— то мистер Рансайтер не будет...

Джо повесил трубку. Рука его дрожала.

Он вернулся в зал свиданий. Там сидел мрачный Эл и крошил в пальцах то, что было когда-то сигаретой.

— Нет,— сказал Джо.

— Приходил Фогельзанг,— сказал Эл.— Хочет тебе что-то сказать. Шесть против восьми, что у них сложности и он сейчас начнет крутить. Вместо того, чтобы прямо сказать: нет... И что же теперь?

— Холлис должен ответить за это.

— Безнадежно. Нам его не достать.

— Объединение...— Джо оборвал себя. Вошел владелец мораториума, бледный и измученный. Видно было, сколько сил он прилагает, чтобы выглядеть мужественно и твердо.

— Мы сделали все, что могли,— сказал он.— При таких низких температурах электрическое сопротивление отсутствует. Мы должны были получить сильный и чистый сигнал. Но усилитель воспроизводит лишь шум с частотой около шестидесяти герц. Прошу учесть, что далеко не сразу клиент попал в необходимые температурные условия. Прошу не забывать об этом.

— Мы не забываем,— сказал Эл и тяжело поднялся.— Вроде бы все?

— Надо поговорить с Эллой,— сказал Джо.

— Сразу? — Эл покачал головой.— Отложи на утро. Выспишься, обдумаешь ситуацию... Поезжай домой и поспи.

— Ехать домой,— сказал Джо,— это ехать к Пат Конли. Она меня замучает...

— Тогда возьми номер в отеле,— сказал Эл.— Исчезни. Я вернусь на корабль, расскажу нашим, как дела, и подготовлю ра-

порт в Объединение. Дай мне письменное поручение заняться этим...— он повернулся к Фогельзангу: — Нет ли у вас ручки и листа бумаги?

— Знаешь, с кем бы я поговорил? — сказал Джо.— С Венди Райт. Она может подсказать, что делать. Я ценю ее мнение. Сам не знаю почему. Что-то в ней есть такое...

Он вдруг заметил, что звучит тихая музыка. Та же, что на борту трансформера. «День гнева, день страдания,— мрачно выводили голоса,— мир обращается в пепел, как предрекала Сивилла...» Реквием Верди. Наверное, каждое утро, приходя на работу, фон Фогельзанг собственноручно включает эту музыку...

— Возьмешь номер в отеле,— сказал Эл,— а я шепну Венди Райт, чтобы навестила тебя там.

— Неловко,— сказал Джо.

— Что? — воззрился на него Эл.— В такое время? Когда вся организация может пойти ко всем чертям в пекло, потому что ты никак не можешь взять себя в руки? Сейчас годится все, что приведет тебя в форму. Иди звони в отель, потом скажешь мне...

— Наши деньги ни черта не стоят,— сказал Джо.— Я не смогу никуда позвонить, пока не найду коллекционера, готового обменять наши монеты на современные.

— О Иисус! — тяжело вздохнул Эл и покачал головой.

— Я, что ли, состарил эти монеты? — взвился Джо.

— В каком-то смысле — в очень странном смысле, Джо,— да, ты. Я пока не могу этого объяснить... я не могу даже понять... но смогу. Когда-нибудь. Ладно, пойдем на корабль. Заберешь Венди и тихо смоешься.

«И страх Господень овладеет призванными на суд Его...» — пел хор.

— Чем я буду расплачиваться — они не принимают наших денег! — не мог остановиться Джо.

Выругавшись, Эл достал бумажник.

— Так, эти годятся, хотя и старые... а эти уже нет,— он брезгливо отшвырнул от себя потерявшие ценность монеты.— На, возьми,— он насильно всунул в руку Джо несколько кредиток.— Хватит на ночь в отеле, на завтрак и на легкую выпивку. Отправлю за вами корабль из Нью-Йорка.

— Я тебе все верну,— сказал Джо.— Как исполняющему обязанности директора мне положено неплохое жалованье. Тогда я расплачусь с долгами, с налогами, заплачу все штрафы и пени...

— Без Пат Конли?

— Я пошлю ее к черту.

— Могу себе представить...

— Начну новую жизнь. Сначала.— Я смогу руководить фирмой, подумал Джо. И никогда не допущу подобной ошибки... не позволю выманить нас с Земли и засунуть в мышеловку...

— Мне кажется,— сказал Эл,— ты слишком любишь проигрывать. И вряд ли перемена обстоятельств может тебя от этого отучить...

— Наоборот, я всегда стремился к успеху,— возразил Джо.— Рансайтер видел это, потому и назначил меня в завещании своим преемником. Там сказано, что я становлюсь главой фирмы, если не удастся вернуть его к полужизни в Мораториуме Возлюбленных Собратьев либо в другом респектабельном мораториуме, который я выберу...— Самоуважение Джо все росло и росло; он видел уже впереди самые блестящие возможности, видел так четко, как видят их предсказатели... и тут он вспомнил о способностях Пат. «Грянут трубы, и мертвые встанут, чтобы предстать пред троном Всевышнего...» — выводил хор.

— К черту ты ее послать не сможешь,— поняв по лицу Джо, о чем он подумал, сказал Эл.— С ее способностями...

— Я сниму номер в «Раут-отеле»,— сказал Джо.— Воспользуюсь твоим советом.— Эл прав, подумал он, ничего у меня не получится... Пат просто сотрет меня в порошок. Я обречен — в самом классическом смысле этого слова. Ему представилась птица в силке... мгновенно постаревшая птица. Он поежился: образ этот показался ему пророческим. Эти монеты. Вышедшие из обращения. Нужные только нумизматам. Для музейных коллекций... Не в этом ли все дело? Не знаю...

«Смерть отступает, и природа внимает гласу Судии, покуда прах восстает из гроба»,— хор пел, и пел, и пел...

Глава 8

Если вас одолели денежные проблемы — идите прямо в сберегательную и ссудную кассу «Убик»! От ваших проблем не останется и следа! Предположим, вы возьмете пятьдесят девять поскредов по беспроцентному займу. А теперь смотрите, что из этого получится...

Дневной свет заливал элегантный номер. Щуря глаза, Джо рассматривал внутреннюю отделку: неошелковые экраны с ручной росписью, изображающей восхождение человека от кем-

брийской амебы до пилота первого аэроплана. Прекрасный стол под красное дерево, четыре пестрых кресла с откидывающимися спинками; их хромированные детали выглядят серебряными... Спросонок Джо пришел в восторг от роскоши номера, а потом его настиг укол острого разочарования: Венди так и не пришла. Не постучала в его дверь... или постучала, а он не услышал? Слишком крепко спал?

Планам основания новой империи не суждено было сбыться...

Преодолевая боль во всем теле — последствие вчерашних приключений — он сполз с необъятного ложа, нашел свою одежду и натянул ее на себя. Было почему-то страшно холодно. Позвонить в сервис, какого черта... Он взял трубку и вдруг услышал знакомый голос.

— ...отплатить ему, если это возможно. Во-первых, конечно, установить, замешан ли в этом деле сам Стэнтон Мик, или поскольку в акции против нас участвовал его муляж, то почему и как...— голос был монотонен, говорящий явно не обращался к собеседнику.— ...поскольку обычно Мик действует легальными и законными средствами, что и отражено в докладах. В свете этого...

Джо бросил трубку. Голова его кружилась. Голос Рансайтера. Без сомнения — голос мертвого Рансайтера. Он снова поднес трубку к уху.

— ...потому что для Мика процессы такого масштаба — дело привычное. Следует привлечь наших юристов, пусть как следует подумают, прежде чем подавать официальный рапорт Объединению. Не следует давать поводов для возможных обвинений в клевете, а такое развитие событий вполне возможно, если...

— Рансайтер! — позвал Джо.

— ...в конце концов, возможно доказать...

Джо положил трубку.

Ничего не понимаю.

В ванной он умылся ледяной водой и причесался бесплатной дезинфицированной расческой. Потом подумал и побрился бесплатной одноразовой бритвой, намазал лицо бесплатным кремом и попил из бесплатного одноразового стаканчика. Может быть, эти ребята из мораториума все-таки оживили его? О-полу-живили? И подсоединили к моему фону? Ну да, Рансайтер в первую очередь решил поговорить со мной. Но раз

так, то почему он меня не слышит? Односторонняя связь? Или какая-то техническая накладка?

Он в третий раз снял трубку.

— ...далеко не лучший кандидат на пост директора, особенно если учесть некоторые сложности в личной жизни...

В мораториум мне не позвонить, подумал Джо. Даже горничную не вызвать...

В углу звякнул звоночек, и тонкий механический голосок сказал:

— Здравствуйте! Я ваша бесплатная домашняя газета. Только в номерах-люкс «Раут-отеля» — и больше нигде в мире такого не бывает. Скажите, какие новости вас интересуют,— и через минуту вы получите свежую газету, изготовленную только для вас. Позвольте напомнить — услуга абсолютно бесплатная.

— Отлично.— Джо подошел к машине. Может быть, новость об убийстве Рансайтера уже попала к газетчикам... они же следят за мораториумами...

Он нажал клавишу «Важнейшие межпланетные новости». Из машины немедленно пополз отпечатанный лист.

Та-ак... Никаких упоминаний о Рансайтере. Может быть, еще рано? Или Объединению удалось как-то скрыть это? Или Эл сунул хозяину мораториума сколько-то поскредов?.. Нет, все это ерунда... да и деньги он отдал все...

Раздался стук в дверь.

Уронив газету, Джо подкрался к двери. Может быть, это Пат? Поздравляю с добычей, Пат... А может быть, кто-то из Нью-Йорка — прилетел забрать меня. Или даже Венди, хотя это маловероятно. Уже так поздно... А может быть, это убийца, нанятый Холлисом. Будет убивать нас одного за другим...

Он открыл дверь.

За дверью стоял, нервно сцепив руки, Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг. От самой двери он начал говорить.

— Я не могу этого понять, мистер Чип. Мы бились над ним всю ночь. Ни единой искорки. Но когда мы подключили электроэнцефалограф, то зафиксировали слабую, но устойчивую работу мозга. Какая-то форма полужизни есть, однако использовать ее мы не в состоянии. Мы взяли пробы из всех участков коры. Я не знаю, что мы еще можем сделать, сэр.

— То есть метаболизм мозга вы зафиксировали?

— Да, сэр. Мы пригласили эксперта из другого мораториума, и он подтвердил это. Метаболизм мозга протекает так, как это обычно бывает после смерти.

— Как вы узнали, где я? — спросил Джо.

— Я позвонил в Нью-Йорк мистеру Хэммонду. Потом я несколько раз пытался дозвониться до вас, но ваш номер был занят все утро. Мне не оставалось ничего другого, как лично...

— Он сломан,— сказал Джо.— Мой видеофон сломан. Я тоже никуда не могу позвонить.

— Мистер Хэммонд не мог связаться с вами, поэтому попросил меня передать вам следующее: он считает, что вы должны кое-что еще сделать в Цюрихе.

— Напоминает, чтобы я проконсультировался с Эллой,— сказал Джо.

— И сообщили ей о трагической и безвременной кончине ее мужа.

— Не могли бы вы одолжить мне несколько поскредов — позавтракать? — попросил Джо.

— Мистер Хэммонд предупредил меня, что вы будете просить деньги в долг, и сказал, что уже обеспечил вас достаточной суммой...

— Эл не рассчитывал, что я возьму номер-люкс,— сказал Джо.— А других уже не было. Поставьте эту сумму в счет, который вы предъявляете Ассоциации. Как вы знаете, наверное, теперь я исполняю обязанности директора фирмы. Вы имеете дело с позитивно мыслящим и наделенным полномочиями человеком, который упорно поднимался по служебной лестнице — и вот достиг вершины. И вы должны понимать, что я имею все возможности пересмотреть политику фирмы в области выбора мораториума. Мы могли бы подумать о мораториумах поближе к Нью-Йорку.

Сморщившись, фон Фогельзанг достал из недр своей твидовой тоги бумажник из искусственной крокодиловой кожи и раскрыл его.

— Мы живем в безжалостном мире,— сказал Джо, забирая деньги.— Здесь человек человеку волк...

— Мистер Хэммонд просил передать еще одно сообщение,— сказал фон Фогельзанг.— Корабль будет в Цюрихе через два часа. Приблизительно.

— Великолепно,— сказал Джо.

— Чтобы предоставить вам достаточно времени на совещание с Эллой Рансайтер, мистер Хэммонд пришлет корабль непосредственно к мораториуму. В связи с этим мистер Хэммонд предложил мне забрать вас с собой. Мой трансформер припаркован на крыше отеля.

— Так сказал Эл Хэммонд? Что я должен вернуться в мораториум с вами?

— Совершенно верно.

— Высокий сутуловатый негр лет тридцати? Передние зубы золотые, с рисунком, слева направо: черви, трефы, бубны...

— Тот самый человек, с которым вы вчера вместе были в мораториуме.

— А были ли на нем зеленые вельветовые штаны, серые гольфы, короткая куртка из барсучьего меха и лакированные туфли?

— Этого я видеть не мог, потому что на экране видеофона было только лицо.

— Он не произносил каких-нибудь кодовых слов, чтобы я знал, что имею дело именно с ним?

— Я не понимаю, в чем ваши затруднения, мистер Чип,— сказал хозяин мораториума, с трудом сдерживая раздражение.— Человек, разговаривавший со мной,— это тот же самый человек, который был вчера с вами.

— Я не могу рисковать, отправляясь с вами на вашем трансформере,— сказал Джо.— А вдруг вас подослал Холлис? Ведь именно Холлис убил Рансайтера.

С остекленевшими глазами, фон Фогельзанг спросил:

— Вы проинформировали Объединение Предупреждающих Организаций?

— Проинформируем в свое время. Пока мы должны соблюдать крайнюю осторожность. Холлис уже пытался убить нас — там, на Луне.

— Тогда вам нужна охрана,— сказал фон Фогельзанг.— Позвоните в полицию, они выделят телохранителя, я вам настоятельно советую это сделать...

— Я же сказал — мой фон неисправен. В нем голос мистера Рансайтера. Именно поэтому никто не может до меня дозвониться.

— Не может быть...— фон Фогельзанг обогнул Джо и покатился к видеофону.— Я могу послушать? — Он поднял трубку и вопросительно посмотрел на Джо.

— Один поскред,— сказал Джо.

Раздраженно сунув руку в карман, владелец мораториума извлек горсть монет, несколько из них подал Джо и покачал головой в летном пурпурном шлеме.

— Столько здесь стоит чашечка кофе,— сказал Джо.— И хорошо, что не больше.— Он вспомнил, что давным-давно не

ел и что в таком вот виде должен встретиться с Эллой. Лучше принять амфетамин, подумал он, наверное, это здесь бесплатно...

— Ничего не слышно,— сказал фон Фогельзанг.— Ничего абсолютно. Нет даже сигнала. Только какие-то помехи, но очень слабые — как будто на огромном расстоянии.— Он протянул трубку Джо. Джо взял ее и стал слушать.

Далекие статические разряды. За тысячи миль отсюда. Жутко. Так же жутко, как и голос Рансайтера — если только он действительно был.

— Придется вернуть вам ваш поскред,— сказал Джо, опуская трубку.

— Это не имеет значения,— сказал фон Фогельзанг.

— Но вы же не услышали голоса.

— Давайте вернемся в мораториум. Как нам рекомендовал сделать мистер Хэммонд.

— Мистер Хэммонд — мой подчиненный. Это я формирую политику фирмы. И я считаю, что мне следует вернуться в Нью-Йорк немедленно, до беседы с Эллой, потому что составление рапорта Объединению — более важное дело. Когда вы разговаривали с Хэммондом, не сказал ли он: Цюрих покинули все инерциалы или нет?

— Все, за исключением девушки, проведшей ночь в этом отеле с вами,— сказал фон Фогельзанг, в недоумении озираясь.— Но... где же она? Ее здесь нет?

— Какой девушки? — похолодел Джо.

— Мистер Хэммонд не сообщил мне ее имени. Он был уверен, что вы знаете. Кроме того, упоминание имени в данных обстоятельствах было бы нетактичным...

— Здесь никого не было,— сказал Джо. Кто это был, Пат или Венди, в панике думал он. Господи, сделай так, чтобы это была Пат...

— В шкафу,— сказал фон Фогельзанг.

— Что?

— Попробуйте заглянуть туда. В этих дорогих апартаментах огромные стенные шкафы...

Джо нажал кнопку, и пружинный механизм распахнул дверцу шкафа.

На полу, свернувшись калачиком, лежало маленькое тельце. Высохшее, мумифицированное, прикрытое истлевшими клочьями одежды. Спутанные черные волосы прикрывали лицо. Оно такое маленькое, в ужасе подумал Джо, что не может принад-

лежать взрослому человеку. Наклонившись, он перевернул мумию. С шелестом, будто были бумажными, скрюченные конечности распрямились. Волосы продолжали прикрывать лицо, и Джо замер, не имея мужества посмотреть наконец, кто перед ним.

— Это старые останки,— сказал фон Фогельзанг.— Совершенно обезвоженные. Будто лежат здесь целый век. Я спущусь вниз и сообщу управляющему.

— Невозможно, чтобы это была взрослая женщина,— убеждая себя, сказал Джо.— Какой-то ребенок. Не Пат и не Венди...— Такое впечатление, что труп сушили в печи для обжига кирпича. Под воздействием высокой температуры в течение долгого времени... Это взрыв, подумал Джо. Термическая волна от взрыва бомбы...

Джо откинул волосы и молча вгляделся в маленькое, сморщенное, потемневшее от жара лицо. Он узнал, кто это. С трудом, но узнал.

Венди Райт.

Она вошла в комнату ко мне, думал Джо, и вдруг с ней что-то стало происходить, и она почувствовала это и спряталась в шкафу, чтобы я не услышал... в свои последние минуты — или часы? — она не издала ни звука, только чтобы не разбудить меня... а может быть, она не могла разбудить меня, пыталась и не могла, и только когда убедилась, что не может разбудить меня, она укрылась в этом шкафу...

Господи, только бы это не длилось долго...

— Вы можете сделать что-нибудь? — спросил он фон Фогельзанга.— В вашем мораториуме?

— Очень поздно. При столь полном обезвоживании никаких проявлений полужизни в ней остаться не могло. Это что — та девушка?

— Да.

— Тогда вам необходимо немедленно покинуть этот отель. Для вашей же безопасности. Иначе Холлис — ведь это Холлис, не так ли? — сделает с вами то же самое.

— Сигареты истлели,— сказал Джо.— Телефонная книга оказалась двухлетней давности. Прокисшие сливки и заплесневелый кофе. Устаревшие деньги. Старение, везде старение... И Венди говорила о старении — еще там, на Луне. Она сказала: я чувствую себя такой старой...— И этот голос по фону, подумал он. Что бы все это могло значить?

Страх, давно уже сидевший в нем, стремительно распухал, превращаясь в неудержимый ужас.

Все это не лезло ни в какие ворота, а главное — голос, который он слышал — совершенно точно, слышал — в трубке видеофона...

— Радиация,— сказал фон Фогельзанг.— Это похоже на последствия сильного радиационного облучения. Чрезвычайно высокая доза радиации, говорю вам совершенно ответственно.

— Ее убило тем взрывом,— сказал Джо.— Тем самым, что и Рансайтера...— Радиоактивный кобальт, подумал он, частицы кобальта, горячая пыль, осевшая в легких. Значит, всех нас ждет такая вот смерть, и уже не открутиться... поздно. Да, об этом мы не подумали. Никому и в голову прийти не могло, что взрыв был микроядерный...

Вот почему Холлис позволил нам улететь. Впрочем...

Да, это объясняло высыхание сигарет и смерть Венди. Но не голос в трубке, не устаревшие монеты и не кофе с плесенью. Главное — голос, который пропал, когда его попытался услышать кто-то другой...

В Нью-Йорк, причем немедленно, подумал Джо. Встретиться там с теми, кто пережил взрыв. Обсудить все, что происходит. Успеть раньше, чем мы все по очереди превратимся в мумии — как Венди. Если не случится чего похуже...

— Вы не могли бы добыть у управляющего простой пластиковый пакет? — попросил Джо Фогельзанга.— Я заберу останки в Нью-Йорк.

— Мне кажется, следует дать знать полиции,— сказал фон Фогельзанг.— Такое кошмарное убийство.

— Добудьте пакет,— повторил Джо.

— Как хотите. Это ваша служащая,— фон Фогельзанг повернулся и вышел.

— Однажды она попыталась мне услужить,— тихо сказал Джо.— И все...— Ты была первая. Венди, подумал он. Может быть, это и к лучшему. Венди, мы едем домой. Я забираю тебя с собой...

Маленькая Венди.

Я так хотел забрать тебя с собой — по-настоящему...

Все сидели вокруг массивного дубового стола и молчали. Эл Хэммонд посмотрел на часы. Казалось, часы стоят.

— Джо прилетит с минуты на минуту,— сказал он, только чтобы нарушить тяжелое сосредоточенное молчание.

— Давайте пока посмотрим полуденные новости,— сказала Пат.— В фирме Холлиса тоже случаются утечки информации...

— В газетах не было ничего,— сказала Эди Дорн.

— ТВ всегда успевает раньше,— сказала Пат. Она подала Элу монету в пятьдесят центов, чтобы включить телевизор, стоящий в дальнем углу кабинета. Этот наиновейший полифонический, с объемным изображением аппарат тоже был предметом гордости Рансайтера.

— Хотите, я включу? — Сэмми Мэндо в нетерпении потянулся за монеткой.

— Валяй,— сказал Эл.

Уолтер У. Уэйлис, адвокат Рансайтера, беспокойно ворочался в кресле. Его тонкие пальцы терзали замочек кейса.

— Вам не следовало оставлять мистера Чипа в Цюрихе,— сказал наконец он.— До его возвращения мы не можем ничего предпринять, а неотложных вопросов множество.

— Вы читали завещание,— сказал Эл.— Джо его тоже читал. Мы знаем, кого Рансайтер хотел видеть во главе фирмы.

— Но формальности должны быть соблюдены!

— Ждать уже недолго,— сказал Эл.

Чтобы отвлечься, он стал рисовать орнамент на листке бумаги, лежащем перед ним. Какое-то время он был погружен в это занятие. Потом отложил ручку и перечитал то, что было написано на листке.

ИСТЛЕВШИЕ СИГАРЕТЫ
УСТАРЕВШАЯ ТЕЛЕФОННАЯ КНИГА
НЕ ИМЕЮЩИЕ ХОЖДЕНИЯ МОНЕТЫ
ИСПОРЧЕННАЯ ПИЩА
НАДПИСЬ НА СПИЧЕЧНОЙ КОРОБКЕ

— Давайте попробуем еще раз,— сказал Эл.— Может быть, удастся сообразить, что объединяет эти пять... называйте их как угодно. Пять этих самых...— он махнул рукой.

— Глюков,— подсказал Йон Илд.

— Четыре первых объединить легко,— сказала Пат.— Но спички сюда не помещаются. Выпадают.

— Дайте-ка еще посмотреть на эту коробку,— попросил Эл, протягивая руку. Пат подала ему спички. Эл в который раз перечитал рекламу:

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗБОГАТЕТЬ
ДЛЯ ВСЕХ, КТО ПОЙМЕТ СУТЬ ДЕЛА!

М-р Глен Рансайтер из Мораториума Возлюбленных Собратьев, Цюрих, удвоил за неделю свой доход — как только получил наши бесплатные выкройки и описания, как изготовить и продать ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МОКАСИНЫ ИЗ ИСКУССТВЕННОЙ КОЖИ!!! Хотя м-р Рансайтер ЗАМОРОЖЕН — он заработал четыреста...

Эл не стал читать дальше. Постукивая по зубам ногтем большого пальца, он глубоко задумался. Да, эта рекламка из другой области. Там были распад и тлен, а здесь...

— Интересно,— сказал он наконец,— а если нам попробовать написать этим,— он встряхнул коробку.— Почтовый ящик такой-то, Де-Мойн, Айова.

— Получим бесплатные выкройки и инструкции, как самим изготовить и продать замечательные...— начала Пат, но Эл перебил ее:

— Я думаю, что таким образом мы смогли бы вступить в контакт с мистером Рансайтером.— Все, включая адвоката, уставились на Эла.— Я абсолютно серьезен. Держи,— он подал коробку Типпи Джексон.— Напиши им экспресс-письмо.

— А что написать?

— Наш адрес. Эди,— Эл повернулся к Эди Дорн,— ты уверена, что купила эти спички на прошлой неделе? Не могла коробка попасть к тебе сегодня?

— В прошлую среду я купила несколько коробок и бросила их в сумку. А утром по дороге сюда мне захотелось выкурить сигарету. И я увидела это... Эл, я ведь все это уже говорила. Коробка лежала в моей сумке с прошлой недели, я купила ее задолго до нашего полета на Луну.

— С этой самой рекламкой? — спросил Эл.

— Никогда не обращала внимания на то, что пишут на спичках. Заметила я это только сегодня, а было ли написано раньше — не знаю. Да и может ли кто знать?

— Никто не может,— сказал Дон Денни.— Слушай, Эл, а вдруг это какие-то шуточки Рансайтера? Взял и напечатал зачем-то? Или — Холлиса? Этакая бравада — он ведь знал, что готовит ловушку для Рансайтера. Намек: через пару дней Рансайтер будет лежать в цюрихском рефрижераторе.

— А как он мог узнать, что мы поместим Рансайтера в цюрихский мораторий? А не в нью-йоркский? — спросил Тито Апостос.

— Там Элла,— сказал Дон.

Сэмми Мэндо, стоя около телевизора, молча рассматривал монету, которую ему дал Эл. Узенький его лобик был весь сморщен от умственных усилий.

— Что там, Сэм? — повернулся к нему Эл Хэммонд. Его вдруг охватила внутренняя дрожь: он понял, что сейчас произойдет что-то еще.

— Разве на пятидесятицентовой монете изображен не Уолт Дисней? — спросил Сэмми.

— Обычно Дисней,— сказал Эл.— А если монета старая, то Фидель Кастро. Дай-ка посмотреть.

— Еще одна старая монета? — спросила Пат.

— Нет,— сказал Эл.— Отчеканена в прошлом году. Ее принял бы любой автомат...

— Так в чем же дело? — сглотнув, сказала Эди Дорн.

— Сэм все сказал. На ней изображен не тот человек.— Эл встал, подошел к Эди и положил монету на ее внезапно вспотевшую ладонь.— Кто это?

— Я... я не знаю...— после долгого молчания сказала Эди.

— Знаешь.

— Ну, знаю,— с раздражением, будто ее вынудили сознаться в чем-то постыдном, сказала Эди.

— Это Рансайтер,— сказал Эл, обводя всех взглядом.

— Занеси и это в свой список,— тихим голосом сказала Типпи Джексон.

— Я думаю, мы имеем дело с двумя независимыми процессами,— деловито заговорила Пат.— Один из них — это процесс старения и разложения. Все согласны?

— А второй? — спросил Эл, подняв голову.

— Я не совсем уверена...— заколебалась Пат.— Но это что-то, связанное с мистером Рансайтером. Я думаю, мы увидим его и на других монетах... Проверьте пока свои деньги, а я еще подумаю.

Все, один за другим, стали доставать кошельки и бумажники, рыться в карманах.

— Пять поскредов с великолепным портретом мистера Рансайтера,— провозгласил Йон Илд.— Остальные... нет, остальные обычные. Хотите посмотреть, мистер Хэммонд?

— У меня два таких,— сказал Эл.— Пока. У кого еще? — Поднялось шесть рук.

Эл долго задумчиво смотрел на них.

— Ну что ж... У восьмерых из нас завелись деньги Рансайтера — назовем их так. Думаю, к концу дня все наши наличные превратятся в них. Или завтра. Или еще через день... Главное, что мы можем ими пользоваться: их принимают автоматы, примут и в погашение кредита.

— А вдруг нет? — сказал Дон Денни.— Откуда ты это знаешь? Эти, как ты их назвал, деньги Рансайтера...— он помахал банкнотой.— По какой причине банки должны принимать их? Они не были пущены в оборот правительством. Это игрушечные, ненастоящие деньги.

— Допустим,— сказал Эл.— Допустим, они не настоящие. Допустим, банк их реквизирует. Ну и что? В этом ли проблема?

— Проблема в том,— сказала Пат,— что мы не понимаем, в чем суть этого процесса, этих *проявлений* Рансайтера.

— Ты правильно сказала,— подхватил Дон Денни.— «Проявления Рансайтера» — это и есть второй процесс. Одни монеты исчезают, выходят из оборота — на других появляется Рансайтер. Процессы идут в противоположных направлениях. Один основан на уходе, на исчезновении из мира чего-то — другой на появлении в мире того, чего никогда не существовало.

— На исполнении желаний,— сказала Эди Дорн тихо.

— Что-о? — удивился Эл.

— А вдруг это было тайной мечтой мистера Рансайтера — чтобы его портрет был на государственных денежных знаках? Это грандиозно...

— А на спичечных коробках? — прищурился Тито Апостос.

— Наверное, нет,— сказала Эди.— Это не очень грандиозно.

— Вообще-то реклама фирмы была и на спичечных коробках,— размышляя, заговорил Дон Денни.— На коробках, в газетах, по ТВ, в журналах. Рекламные бюллетени рассылались по почте. Этим всем занимался наш отдел по связям с общественностью. Рансайтер в его дела не вникал. Спичечные коробки не интересовали его и подавно. Так что, будь это все реализацией его скрытых стремлений, мы скорее увидели бы его лицо на экране телевизора, а не на деньгах или спичечных коробках.

— Может быть, он есть и на экране,— сказал Эл.

— Точно,— подхватила Пат.— Мы ведь так и не включили телевизор.

— Сэмми,— сказал Эл, подавая монету,— включи этот ящик.

— Не знаю, хочу ли я все это смотреть,— сказала Эди Дорн, когда Сэмми, опустив монету, стал манипулировать с кнопками.

Открылась дверь, и вошел Джо Чип. Эл увидел его лицо.

— Выключи,— скомандовал Эл и встал. Остальные молча смотрели, как он шел к Чипу.— Джо, что случилось? В чем дело?

— Я взял корабль в Цюрихе, чтобы прилететь сюда,— сказал Джо.

— Ты с Венди?

— Выпиши чек, надо расплатиться. Корабль ждет на крыше. У меня не хватило денег.

— Вы можете это уладить? — спросил Эл Уэйлиса.

— Да, конечно...— Прихватив кейс, тот вышел. Джо так и стоял у дверей. Элу он показался постаревшим на сотню лет.

— В моем кабинете...— он отвернулся от стола и заморгал.— Я не знаю... вам не стоит смотреть на это... Человек из мораториума сказал, что не может ничего сделать, потому что прошло слишком много времени. Годы...

— Годы? — сказал Эл, холодея.

— Пойдем со мной,— сказал Джо. Вместе с Элом они вышли из конференц-зала и пересекли холл по направлению к лифту.— Я наглотался таблеток на корабле. Их тоже включили в счет. Теперь вот ничего не чувствую. Наверное, потом почувствую опять...

Подошел лифт. Они спустились на четвертый этаж, где находился кабинет Джо.

— Никому не пожелал бы увидеть такое,— сказал Джо.— Но, думаю, ты выдержишь. Раз уж я выдержал, то ты как-нибудь...— он включил свет.

— Боже всевышний! — выдохнул Эл.

— Не открывай,— сказал Джо.

— Конечно... Утром или ночью?

— Я думаю, все произошло быстро. У дверей в мой номер я нашел клочья одежды, а через холл она прошла нормально, никто ничего не заметил. То есть то, что она добралась до номера...— Джо замолчал.

— Свидетельствует о том, что передвигалась она самостоятельно — ты это хочешь сказать?

— Я думаю о нас. Об оставшихся.

— Не понял?

— Что-то такое... случается с нами...

— Вот это? С нами? С чего бы?

— А с ней — с чего? Это все взрыв, говорю тебе. Мы все перемрем один за другим. По очереди. Пока не останется ни одного. Пока от каждого не останется по десять фунтов волос и кожи и по паре тонких косточек...

— Ты прав,— сказал Эл.— Какая-то сила страшно ускоряет распад. И она начала действовать с момента взрыва. Или была им вызвана... Это мы уже знаем. Кроме того, мы знаем — надеемся, что знаем,— что существует и противоположно направленная сила. И она как-то связана с Рансайтером. На деньгах стали появляться его портреты. На коробке спичек...

— Рансайтер появился в моем видеофоне.

— Как это?

— Не знаю. Просто он там был. Не на экране, не изображение. Голос.

— И что он сказал?

— Ничего существенного.

— А тебя он слышал?

— Нет. Я кричал, но... Односторонняя связь.

— Так вот почему я не мог до тебя дозвониться.

— Да.

— Мы хотели включить телевизор, когда ты вошел. Понимаешь, о смерти Рансайтера ничего не было в газетах. Такая путаница...— Элу не нравилось, как Джо выглядит. Он казался гораздо старше, ниже и худее, чем был. Вот так это и начинается, подумал Эл. Нет, надо установить контакт с Рансайтером. Надо как-то постараться услышать его; наверняка и он пытается прорваться к нам с той стороны... И если мы намерены выжить, мы должны пробиваться навстречу ему.

— Ну, увидим мы его,— сказал Джо.— Ничего это не даст. Будет, как у меня,— односторонняя связь. Хотя, может быть, он сможет сообщить нам, как с ним общаться? Может быть, он понимает, что происходит?

— По крайней мере, он должен знать, что произошло с ним самим. То, чего не знаем мы.— Понятно, что он жив, подумал Эл, хотя в мораториуме не могут наладить с ним связь. Хотя над клиентом такого калибра трудились, наверное, из последних сил...— А фон Фогельзанг слышал его голос?

— Попытался. Но в трубке была тишина. Я потом послушал — тишина и далекие разряды. Звук абсолютной пустоты. Очень странный звук.

— Не нравится мне все это,— сказал Эл. Он и сам не знал почему.— Было бы лучше, чтобы и Фогельзанг его слышал. Тогда бы мы точно знали, что это не твои галлюцинации. Или, если уж на то пошло, не наши общие галлюцинации... взять ту спичечную коробку...

Но кое-что галлюцинациями быть не могло. Автоматы отказывались принимать монеты — непредвзятые автоматы, понимающие только присутствие или отсутствие тех или иных физических свойств. Воображения у автоматов нет, галлюцинировать они не умеют.

— Сделаем так,— сказал Эл.— Сейчас я выйду... Назови наугад какой-нибудь город, в котором ты не был. В котором никто из нас не был...

— Балтимор,— сказал Джо.

— Балтимор... Отлично. Еду в Балтимор. Посмотрим, можно ли там что-нибудь купить на «деньги Рансайтера».

— Купи сигарет,— сказал Джо.

— Ладно. Заодно посмотрим, не окажутся ли трухой сигареты, купленные в Балтиморе. Заодно проверю другие продукты. Давай поедем вместе? Или хочешь подняться наверх и рассказать нашим о Венди?

— Поедем вместе,— сказал Джо.

— Может быть, лучше вообще не говорить им?

— Надо сказать. Пока это не случилось еще раз. А может быть, это произойдет еще до нашего возвращения. Или уже происходит?..

— Тогда едем, и немедленно.— Эл решительно шагнул к дверям. Джо двинулся за ним.

Глава 9

Ах, у меня такие сухие, такие непослушные волосы! Что делать бедной девушке? Что делать?! А ничего — просто взять и купить бальзам для волос «Убик»! Какие-то пять дней — и вы не сможете оторваться от зеркала: ах, неужели это я?

В аэрозольной упаковке, применяемый согласно инструкции, «Убик» полностью сохраняет свои качества.

Они выбрали супермаркет «Для счастливчиков» на окраине Балтимора.

— Дайте мне пачку «Пэлл Мэлл»,— сказал Эл автоматическому продавцу.

— «Уингз» дешевле,— сказал Джо.

— «Уингз» давно сняты с производства,— раздраженно сказал Эл.— Уже сколько лет...

— Не сняты,— сказал Джо.— Их выпускают, только не рекламируют. Не нуждаются эти сигареты в рекламе... Пачку «Уингз» вместо «Пэлл Мэлл»,— сказал он автоматическому продавцу.

Пачка сигарет скользнула на прилавок.

— Девяносто пять центов,— сказал автомат.

— Вот десять поскредов,— Эл вложил банкноту в автомат. Тихо жужжа, тот отвернулся и стал изучать ее.

— Ваша сдача, сэр,— сказал автомат, выкладывая перед Элом аккуратный столбик монет и несколько банкнот.— Прошу вас, двигайтесь дальше.

Итак, «деньги Рансайтера» принимают, подумал Эл. Они с Джо посторонились, уступая место следующей покупательнице, полной пожилой леди в плаще черничного цвета и с плетеной мексиканской сумкой в руках. Эл настороженно раскрыл пачку...

Сигареты распались в пыль.

— Это доказало бы что-то, будь это «Пэлл Мэлл»,— сказал Эл.— Вернусь в очередь...

Он повернулся и увидел, что пожилая леди ругается с автоматом.

— Когда я пришла домой, она была уже мертвая! — настойчиво втолковывала она автомату.— Вот — заберите ее назад.— Она толкнула по прилавку горшочек с увядшим растением — кажется, азалией.

— Деньги я вам вернуть не могу,— сказал автомат.— Растения продаются без гарантии. «Смотри, что берешь!» — вот наш девиз. Следующий.

— А «Сэтэрдей Ивнинг Пост» с вашего газетного стенда — она же прошлогодняя! — продолжала леди.— Что у вас тут происходит? И по телевизору — в какой глубокой марсианской помойке они откопали эти программы...

— Следующий,— повторил автомат. Леди он игнорировал.

Эл прошел мимо прилавка и углубился в магазин. Огляделся по сторонам и увидел высокие, футов по восемь, штабеля, сложенные из сигаретных блоков.

— Возьмем сразу блок,— сказал он Джо.

— «Домино»,— прочитал Джо.— Это примерно в цену «Уингз».

— Господи, да поищи ты лучше что-нибудь знакомое. «Уинстон» или «Кул».— Эл вытащил блок из штабеля.— Пустой...— Встряхнул его. Внутри все-таки что-то было — легкое, маленькое. Эл разорвал тонкий картон и заглянул внутрь коробки.

Это был клочок бумаги, исписанный мелким, хорошо знакомым им обоим почерком.

Мне необходимо войти в контакт с вами. Ситуация сложная и становится все более сложной. Есть несколько проблем, которые я хотел бы с вами обсудить. Не поддавайтесь панике. Мне очень жаль Венди Райт, но мы сделали все, что могли.

— Он знает о Венди,— сказал Эл.— Может быть, это значит, что с остальными ничего не случится?

— Случайно взятый блок,— сказал Джо,— в случайно найденном магазине в городе, выбранном наугад. И что? Мы получаем предназначенную нам записку от Глена Рансайтера. А что в других блоках? Тоже записки? — Он поднял блок «ЛМ», встряхнул его, открыл. Десять пачек сигарет сверху и десять во втором ряду.— Все в норме...

— В норме? — Эл достал одну из пачек.

— Здесь полный порядок, видишь, да? — Джо вытащил еще один блок из середины штабеля, взвесил на руке, не вскрывая.— Этот тоже полный...— Взял еще один. Потом еще...

Эл стряхивал с пальцев табачную труху.

— Удивительно, как он узнал, что мы придем именно сюда? — сказал Эл.— И возьмем именно этот блок? — Впрочем, все эти вопросы лишены смысла, подумал Эл. Хотя... Процесс разложения против Рансайтера. И так во всем мире. В мироздании. Может быть, солнце погаснет, и Глен Рансайтер повесит на это место что-то, заменяющее солнце. Если сможет, конечно.

Сможет или не сможет, вот в чем вопрос, подумал Эл. Кто знает, на что способен Рансайтер?

И как далеко может зайти процесс разложения?

— Попробуем что-нибудь еще,— сказал Эл. Он двинулся по проходу вдоль стеллажей, уставленных банками, коробками и пачками, и дошел до отдела бытовой техники. Там его внимание привлек шикарный немецкий магнитофон.— Выглядит солидно,— сказал он идущему следом Джо. Выбрал такой же, в упаковке.— Возьмем с собой в Нью-Йорк.

— Может, распакуем и проверим? — предложил Джо.

— И так все понятно,— сказал Эл.— А полной проверки мы здесь все равно не сможем провести.— Он взял магнитофон и пошел к кассе.

Вернувшись в Нью-Йорк, они передали магнитофон в мастерские Ассоциации. Четверть часа спустя мастер сообщил:

— Все движущиеся части изношены. Резина крошится на кусочки. Тормозные колодки лентопротяжного механизма стерты начисто. Эта штука требует капитального ремонта и замены многих частей.

— Как после многолетнего пользования? — спросил Эл.

— Именно так. Давно он у вас?

— Сегодня купил.

— Это исключено,— сказал мастер.— Или вам подсунули...

— Я знал, что беру,— сказал Эл.— Знал, еще не сняв упаковку... Новый, только что с завода магнитофон — изношен полностью,— повернулся он к Джо.— Куплен за игрушечные деньги, которые магазин согласился принять. Ничего не стоящие деньги, ничего не стоящая вещь — в этом что-то есть.

— Сегодня вообще плохой день,— сказал мастер.— Утром я проснулся, а мой попугай лежит мертвый...

— Отчего он умер? — спросил Джо.

— Просто умер. Лежит твердый, как дощечка...— Мастер посмотрел на Эла.— Я вам скажу еще кое-что, если вы не знаете. Ваш магнитофон не просто изношен — он еще и устарел лет на сорок. Теперь не используют ни резиновых валиков, ни пассиковых передач. Запчастей вам просто не найти — разве что кто-нибудь сделает их вручную. А какой в этом смысл? Проклятая машинка — доисторическая. Выкиньте ее и забудьте.

— Да, этого я не знал...— Вслед за Джо Эл вышел из мастерских.— Это уже не просто процесс распада, это что-то новенькое. Возникают проблемы с питанием. Какие продукты годятся в пищу через столько лет?

— Консервы,— сказал Джо.— Я видел множество консервов в том супермаркете в Балтиморе.

— И понятно почему,— сказал Эл.— Сорок лет назад продукты в основном консервировали, а не замораживали. Да, ты прав — это может оказаться нашим спасением.— Он помолчал, потом добавил: — Но за сегодняшний день все вокруг съехало с двух лет до сорока. Завтра утром все может оказаться уже столетней давности. А такого срока хранения никакие продукты не выдержат — в банке ли, без банки...

— Китайские яйца,— сказал Джо.— Тысячелетней давности яйца, их закапывают в землю.

— И все это происходит не только с нами,— продолжал Эл.— Вспомни ту старуху в Балтиморе. То, что происходит, отразилось на ее азалии...— Неужели весь мир пострадал из-за взрыва на Луне, подумал Эл. Почему это отражается не только на нас?

— Войдя сюда...— начал Джо, но Эл перебил:

— Подожди секунду. Я думаю: а что, если Балтимор существовал лишь тогда, когда мы там были? И супермаркет «Для счастливчиков» исчез, как только мы вышли из него? Тогда получается, что взрыв на Луне подействовал только на нас.

— Это старый философский парадокс, не имеющий практического смысла,— сказал Джо.— Поскольку невозможно доказать, так это все или не так.

— Для той старухи это имело бы практический смысл,— сказал Эл.— Да и для остального человечества, пожалуй, тоже.

— Нас догоняет мастер,— сказал Джо.

— Смотрите, что я нашел в инструкции,— заговорил мастер. Он подал Элу буклет, тут же отобрал его и стал листать.— Вот где говорится, кто изготовил эту дрянь и кто производит гарантийный ремонт.

— «Сделано Рансайтером, Цюрих»,— вслух прочитал Эл.— Гарантийная мастерская на территории Североамериканской Конфедерации: Де-Мойн... То же, что и на спичках.— Он передал буклет Джо.— Надо ехать в Де-Мойн. Теперь это уже ясно. «Интересно, почему именно Де-Мойн?» — подумал он.— Ты не помнишь, какая-нибудь связь между Рансайтером и этим городком есть?

— Рансайтер там родился,— сказал Джо.— Прожил там до пятнадцати лет. Он как-то говорил об этом.

— Значит, после смерти он туда вернулся. Неизвестно, правда, каким образом...— Теперь он одновременно и в Цюрихе, и в Де-Мойне, подумал Эл. В Цюрихе находится его тело, в мозгу которого происходят метаболические процессы, но контакт установить невозможно. В Де-Мойне Рансайтера в физическом смысле нет, но именно там с ним можно установить контакт... в общем-то, контакт уже установлен, пусть и односторонний — с помощью, скажем, вот этого буклета... А тем временем наш мир опрокидывается в прошлое и забытая реальность выходит на первый план. В конце недели мы можем проснуться и увидеть, как вниз по Пятой авеню катятся дребезжащие древние автомобильчики. «Тралли Доджерс», вспомнил он — и удивился, что вспомнил. Забытый звук, пришедший из прошлого... эманация давно прошедшего, но действительность тает под ее воздействием. Ему стало не по себе.— «Тралли Доджерс»,— повторил он вслух. Сто лет тому назад. Название запало в память, теперь он не смог бы забыть его, даже если бы захотел.

— Откуда вы это знаете? — спросил его мастер.— Этого уже никто не помнит. Это старое название «Бруклин Доджерс»*.— Он пристально посмотрел на Эла.

— Пойдем наверх, Эл,— сказал Джо.— Убедимся, что все в порядке, и рванем в Де-Мойн.

— Да, надо поторапливаться, иначе мы рискуем затянуть наше путешествие,— согласился Эл. Средства передвижения тоже

---

* Бейсбольная команда.

подвержены регрессу, подумал он, на смену ракетным кораблям приходят самолеты, сначала реактивные, потом поршневые. Не пришлось бы возвращаться на поезде, а то и дилижансом... Или регресс не зайдет так далеко? Магнитофон сорокалетней давности мы уже имеем. Да, может дойти и до дилижансов...

Они быстро направились к лифту. Каждый был погружен в свои мысли. Джо нажал на кнопку. В нетерпении они ожидали подхода кабины.

Лифт остановился с громким лязгом. Машинально Эл распахнул железную дверь — и обнаружил, что стоит перед открытой кабиной с поручнями из полированной латуни. Скучающего вида лифтер в ливрее сидел на стульчике и держался за рычаг, равнодушно глядя на них. Но то, что испытал Эл, равнодушием никак не было.

— Не входи! — сказал он, оттаскивая Джо назад.— Ну-ка, сосредоточься, вспомни, каким был тот лифт: гидравлика, автоматика, полная бесшумность...

Он осекся. Вместо лязгающего подъемного приспособления перед ними возобновил свое бытие прежний лифт. Но Эл продолжал ощущать тайное присутствие той древней кабины — будто она притаилась, невидимая, рядом, готовая подставить себя, как только они отвлекутся... Она хочет вернуться, понял Эл. Она намерена вернуться. Мы можем оттянуть этот момент — самое большее, вероятно, на несколько часов. Нарастает момент ретросилы — назовем ее так. Архаика врывается в наш мир интенсивнее, чем мы думали. Шаг становится равным веку — тому лифту никак не меньше ста лет. Но какой-то контроль мы сохраняем. Вернулся современный лифт. Если бы мы действовали все вместе — не два, а двенадцать сознаний...

— Что ты там увидел? — спросил Джо.— Почему ты не пустил меня в лифт?

— Ты что, не видел этого лифта? Это же был тысяча девятьсот десятый год! Открытая кабина, лифтер на стульчике...

— Ничего такого я не видел,— сказал Джо.

— Но хоть что-то ты видел?

— Вот это,— Джо ткнул пальцем.— Нормальный лифт, я вижу его каждый день, приходя на работу. Его я и видел.— Он вошел в кабину и, повернувшись к Элу, внимательно посмотрел на него.

Наше восприятие начинает различаться, подумал Эл. Что бы это могло значить?

Внезапно это показалось ему зловещим. Каким-то неясным, шестым, десятым чувством он ощутил, что это самая катастрофическая, самая смертельная перемена из всех, что происходили с ним и вокруг него с момента смерти Рансайтера. Венди Райт чувствовала то же самое, пронзило его...

И пришел холод — тот холод, что прикоснулся к нему в последние минуты пребывания на Луне и не оставлял с тех пор, постоянно напоминая о себе. Холод искажал очертания предметов, заставляя их поверхности вздуваться пузырями и лопаться. Холод втекал в поры и щели, замораживая сердца вещей, делая хрупкими те стержни, которые поддерживали души предметов. То, что Эл видел теперь, было ледяной пустыней с вмороженными кое-где валунами. Ветер гулял там, где только что была иная реальность... ветер намораживал и намораживал лед, и валуны почти исчезли под его наслоениями... и темнота воцарилась там, куда не достигал его взгляд, и лишь слабые проблески...

Но ведь это все разыгралось только в моем воображении, подумал Эл. Вселенная вовсе не погребена подо льдом, темнотой, ветром и холодом, все это только мнится мне, мерещится... Странно, подумал он, неужели во мне действительно заключен целый мир? Мир, ограниченный моей телесной оболочкой? Никогда не замечал раньше... Наверное, это признаки умирания, подумалось ему. Вялость, скольжение в энтропию — это и есть начало умирания, и лед я вижу поэтому же, лед — лишь проявление этого процесса. С моей смертью погибнет целая вселенная, с ужасом понял он. Но где же те миры, которые я должен пройти на пути к новому рождению? Где, в частности, туманный красный свет, символизирующий животную страсть? Все, что я вижу,— это вымороженная равнина и подступающая со всех сторон темнота...

Это не просто смерть, сказал он себе. Это что-то искусственное, навязанное: вместо распада, растворения — раздавливание, решительное и бесповоротное. Может быть, я еще смогу собраться с силами и понять, что происходит... но для этого нужно лечь, лечь и отдохнуть, отдохнуть...

— Что с тобой? — спросил Джо. Они все еще поднимались в лифте.

— Ничего,— сказал Эл. Меня уже можно не брать в расчет, подумал он.

Они молчали, пока лифт не закончил подъем.

Входя в зал, Джо почувствовал вдруг, что Эла рядом с ним нет. Он выглянул в коридор. Эл стоял, не двигаясь с места.

— Что случилось? — снова спросил Джо. Эл не шевельнулся.— С тобой все в порядке?

— Устал,— сказал Эл.

— Ты плохо выглядишь,— сказал Джо, подходя. Страшное предчувствие нахлынуло на него.

— Пойду умоюсь,— сказал Эл.— А ты иди проверь остальных. Все ли с ними в порядке. Я присоединюсь.— Он неуверенно двинулся вперед; его покачивало.— Все будет хорошо,— добавил он.

— Я с тобой,— сказал Джо.— Хочу быть уверен, что ты доберешься.

— Может, если умоюсь теплой водой...— Эл попытался открыть бесплатную дверь в туалет, не смог, и Джо пришлось помочь ему; Эл скрылся внутри. Джо прошелся по коридору. Определенно, что-то случилось с ним, подумал он. После того, как ему померещился какой-то древний лифт... Не в этом ли дело?

Эл снова показался в дверях. Джо увидел выражение его лица.

— Что? — страшным шепотом спросил он.

— Посмотри сам,— сказал Эл. Втащив Джо в туалет, он ткнул пальцем в дальнюю стену: — Граффити. Знаешь, что обычно пишут в сортирах. Читай.

Красной пастой — а может, карандашом — на стене было выведено:

ПРЫГАЙ В СРАЛЬНИК ГОЛОВОЙ —
ВЫ УБИТЫ, Я ЖИВОЙ.

— Почерк Рансайтера, верно? — спросил Эл.— Узнаешь?

— Да,— кивнул Джо.— Это его рука.

— Что ж,— сказал Эл,— теперь мы знаем правду.

— Разве это правда?

— Конечно,— сказал Эл.— Вне всяких сомнений.

— И мы узнаём ее таким идиотским способом — со стенки в мужском сортире...— Горькое чувство обиды пересилило у Джо все остальное.

— Зато, как и прочие граффити — четко и прямо. Мы могли бы месяцами смотреть телевизор, болтать по фону, читать газеты — и ни черта не узнали бы. Да что месяцами — до конца жизни... или пока нас не ткнули бы носом — как здесь.

— Но мы же не умерли. Никто, кроме Венди...— начал Джо, но Эл перебил:

— Мы в полужизни. Может быть, на борту «Прэтфолл-2» — возвращаемся с Луны, где нас — нас, а не Рансайтера — убило взрывом. А он старается уловить поток протофазонов, и ему этого пока не удается. Никакие сигналы из нашего мира не проникают к нему. Но ему удалось-таки добраться до нас. Мы встречаем его везде, в самых случайных местах. Его присутствие ощущается на каждом шагу, потому что он, и только он, пытается докопаться до нас...

— Скорее, добраться,— сказал Джо.— Докопаться — это по другому поводу.

— Меня тошнит,— сказал Эл. Он пустил воду в раковину и стал плескать себе в лицо. Кристаллики льда распадались со звоном...— Иди в конференц-зал, Джо. Мне надо побыть одному. Станет лучше, и я приду... если когда-нибудь станет лучше...

— Я думаю, мне лучше побыть с тобой,— сказал Джо.

— Нет, черт побери, убирайся! — На посеревшем лице Эла проступил панический ужас. Он толкнул Джо к двери, развернул лицом к коридору.— Иди посмотри, все ли в порядке у наших? — Согнувшись и закрывая ладонями лицо, он вернулся в туалет. Дверь закрылась за ним.

— Ну ладно,— после минутного колебания сказал Джо.— Я буду в конференц-зале вместе с остальными...— Он подождал, прислушался: молчание.— Эл! — Господи, подумал он, это ужасно, с ним что-то происходит на самом деле...— Эл, я хочу убедиться, что с тобой все нормально!

— Уже поздно, Джо,— тихо и очень спокойно ответил Эл.— Не надо тебе этого видеть...

Свет был погашен — очевидно, Эл сумел как-то дотянуться до выключателя.

— Ты все равно мне не поможешь,— продолжал он слабым, но ровным голосом.— Мы не должны разделяться — именно из-за этого погибла Венди. Ты сможешь уцелеть — на какое-то время хотя бы,— только если вернешься к остальным и будешь всегда с остальными. Скажи им об этом — и сделай все, чтобы они тебя поняли.

Джо потянулся к выключателю.

Слабый, бессильный, невесомый удар коснулся его руки в темноте. Ужаснувшись этого бессилия, Джо отдернул руку. Теперь не оставалось никаких сомнений. Не было нужды смотреть...

— Пойду соберу остальных,— сказал он.— Я все понял, Эл. Тебе очень плохо?

Тишина, потом слабый шепот:

— Нет, не сказать, чтобы очень. Просто...

Шепот оборвался.

— Может быть, еще увидимся,— сказал Джо. Он сам не знал, почему так сказал, и даже удивился, услышав от себя такую бессмыслицу. Но это было лучшее, что он мог сказать.— Другими словами,— он продолжал, хотя и понимал, что Эл уже ничего не слышит,— я надеюсь, что тебе теперь лучше... Я вернусь, как только расскажу остальным о надписи на стене. Я расскажу им, но попрошу, чтобы они сами сюда не ходили...— Он задумался, как бы выразиться правильно.— Чтобы не беспокоить тебя.

Ответа не последовало.

— Прощай, Эл,— сказал Джо.

Выйдя из темноты в освещенный коридор, он неверными шагами направился к конференц-залу. На секунду остановился, перевел дыхание и толкнул дверь.

Телевизор в дальнем углу зала шумно рекламировал какой-то стиральный порошок. На огромном трехмерном экране домохозяйка критически рассматривала полотенце из синтетической выдры и пронзительно верещала, что ничего подобного в ее ванной не будет! На экране появилась эта ее ванная — в том числе и граффити на стенке. Знакомый почерк...

УТОПИСЬ СКОРЕЙ В КОРЫТЕ —
Я ЖИВОЙ, А ВЫ УБИТЫ.

Джо стоял, тупо глядя на экран. В конференц-зале, кроме него, никого не было.

Интересно, подумал он, хватит ли мне жизни, чтобы их найти?

Глава 10

У тебя запах изо рта, да? Тебя не любят девушки, да? Это ужасно. Купи аэрозольный дезодорант «Убик» — и можешь смело мчаться туда, где происходит все самое интересное. Успех тебе обеспечен!

«Убик» сохраняет свои свойства при использовании согласно инструкции.

Диктор сказал:

— А теперь вернемся к выпуску новостей Джима Хантера.

На экране возникла сияющая лысиной голова ведущего теленовостей.

— Глен Рансайтер возвращается сегодня к месту своего рождения. Вряд ли это известие может обрадовать кого-нибудь. Ассоциацию Рансайтера, самую, должно быть, известную предупреждающую организацию на Земле, вчера настиг роковой удар. Бомба террористов, взорвавшаяся в секретном бункере на Луне, смертельно ранила мистера Рансайтера, который скончался раньше, чем его удалось поместить в холодильник. В Мораториуме Возлюбленных Собратьев, несмотря на все усилия, его не удалось привести в состояние полужизни. В силу полной бесперспективности дальнейших попыток полуоживления было решено доставить тело Глена Рансайтера на родину, в Де-Мойн, и поместить в Мортуарий Истинного Пастыря, где состоится гражданская панихида.

На экране появился старомодный деревянный дом, вокруг которого стояло немало людей.

Интересно, кто распорядился поступить так, подумал Джо.

— Это печальное решение, подводящее черту под жизнью Глена Рансайтера, приняла его жена, миссис Элла Рансайтер, находящаяся в том же Мораториуме Возлюбленных Собратьев, где они с мужем рассчитывали воссоединиться когда-нибудь, но судьба так страшно разрушила их планы.— На экране появилась фотография Эллы, сделанная еще при жизни.— Скорбящие подчиненные мистера Рансайтера только что прибыли, чтобы проводить в последний путь своего шефа.

На экране появилась крыша мортуария и стоящий вертикально корабль, из которого выходили мужчины и женщины. Репортер с микрофоном в руках шагнул им навстречу.

— Не скажете ли, сэр, каковы ваши впечатления от Глена Рансайтера — не начальника, а человека? Вам удалось узнать его с этой стороны, пока вы у него работали?

Дон Денни, мигая, как сова, ослепленная светом, сказал в протянутый к нему микрофон:

— Мы все знали Глена Рансайтера именно как человека. Как настоящего человека и гражданина, которому мы могли доверять. Думаю, все подтвердят это.

— Мистер Денни, все ли сотрудники Рансайтера — теперь уже бывшие сотрудники — присутствуют на траурной церемонии?

— Многие,— сказал Денни.— Мистер Лин Ниггельман, президент Объединения, известил нас о смерти нашего директора. Он сообщил, что тело будет доставлено в Де-Мойн и что нам следует прибыть сюда. Он предоставил в наше распоряжение

свой корабль, вот этот,— Денни показал на корабль, из которого только что вышел.— Мы благодарны мистеру Ниггельману за то, что он сообщил нам о перемещении тела мистера Рансайтера из Цюриха сюда, в этот мортуарий. К сожалению, не все из нас знают об этом, поскольку их не было в тот момент в нью-йоркском бюро фирмы. Я имею в виду инерциалов Эла Хэммонда и Венди Райт и специалиста по измерению полей Джо Чипа. Мы не знаем, где они, но, может быть, вместе...

— Да, может быть, эти люди увидят эту программу, транслируемую по всей Земле, и прибудут в Де-Мойн, чтобы принять участие в этой печальной церемонии,— прервал репортер Денни.— Думаю, именно этого ожидали бы от них мистер Рансайтер и его супруга. А мы вернемся в студию к Джиму Хантеру!

Снова возникший на экране лысый Джим Хантер сказал:

— Рэй Холлис, чей персонал является главным объектом интересов всех предупреждающих организаций, выразил соболезнование по поводу трагической гибели Глена Рансайтера и заявил, что хотел бы принять участие в траурной церемонии в Де-Мойне. Однако, скорее всего, Лин Ниггельман, представляющий Объединение предупреждающих организаций, приложит все усилия, чтобы не допустить участия Холлиса в похоронах, поскольку, как сообщили представители некоторых предупреждающих организаций, первоначальной реакцией Холлиса на смерть Рансайтера было явное облегчение.— Ведущий теленовостей на секунду замолчал, взял в руки лист бумаги и сказал: — Переходим к другим новостям дня...

Джо ногой нажал педаль на блоке питания. Экран погас, голос ослаб и умолк.

С граффити все это не увязывается, подумал Джо. Может быть, Рансайтер все-таки умер? Так говорят по ТВ, так считает Холлис. Так считает Ниггельман... Все они уверены в том, что он мертв, и все, что можно противопоставить, это два дурацких стишка, которые мог нацарапать кто угодно, что бы там ни говорил Эл...

Снова засветился экран телевизора. Джо вздрогнул: к педали блока питания он не прикасался. Сами собой стали переключаться каналы. Неуловимо менялись изображения, пока не осталось одно, последнее.

Это было лицо Глена Рансайтера.

— Тебе уже не хочется ничего вкусного? — сказал Рансайтер знакомым ехидным голосом.— Свет клином сошелся на тушеной капусте, так, что ли? Все стало старым, стылым, уны-

лым, надоевшим, как утро понедельника, сколько монет ни суй в кухонный автомат? «Убик» изменит все! «Убик» вернет пище сочность, вкус и аромат! — На экране вместо Рансайтера появился ярко раскрашенный аэрозольный баллончик.— Лишь одно прикосновение невесомых частичек препарата — кстати, очень недорогого,— и вас покинут навязчивые ощущения, что весь мир превращается в скисшее молоко, изношенные магнитофоны и допотопные лифты в виде железных клеток. И другие, еще не обнаруженные вами признаки распада тоже исчезнут! Дело в том, что подобные ощущения типичны для большинства людей, находящихся в состоянии полужизни, особенно в начале ее, пока связи с прежним миром еще сильны. В медленно умирающей вселенной сохраняется их собственный изолированный мирок, который, однако, нестабилен, потому что лишен какой бы то ни было энергетической подпитки. Особенно это характерно для вашего случая, когда этот псевдомир формируют несколько взаимодействующих сознаний. Но с появлением нового чудодейственного препарата «Убик» все изменится!

Джо нащупал за собой стул и сел. На экране нарисованная фея кружилась, разбрызгивая «Убик». Потом ее сменила решительная домохозяйка с крупными зубами и лошадиной челюстью. Голос у нее был подстать облику.

— Я перешла на «Убик», опробовав все прочие стабилизаторы действительности. Все они никуда не годятся. Мои кастрюли и сковороды превратились в груду ржавчины. Полы в квартире просели. Мой Чарли толкнул ногой дверь спальни и пробил ее насквозь! Но теперь я использую дешевый современный препарат «Убик», и это дает потрясающий результат! Посмотрите на мой холодильник! — На экране появилась очень старая модель: «Дженерал Электрик» на вращающейся подставке.— Ему не меньше восьмидесяти лет!

— Шестьдесят два,— непроизвольно поправил ее Джо.

— А посмотрите теперь! — Она направила на холодильник струю из баллончика. Искры магического света пробежали по старому холодильнику, обволокли его — а когда рассеялись, на его месте стоял во всем великолепии новейший шикарнейший шестидверный платный холодильник.

Вновь заговорил Рансайтер. Голос у него был серьезный.

— Итак, мы видим, что использование последних достижений науки может обратить вспять процесс обращения вещей в свои предшествовавшие формы. «Убик» продается во всех хозяй-

ственных магазинах Земли, причем по общедоступным ценам. Предназначен только для наружного применения. Не распылять при открытом огне. Использовать только в соответствии с инструкцией, помещенной на этикетке. Так что ищи его, Джо. Не сиди на месте, шевелись, выйди из дома, купи баллончик с «Убиком» и распыляй его вокруг себя днем и ночью!

— Ты знал, что я здесь,— сказал Джо, поднимаясь.— Значит, ты видишь и слышишь меня?

— Нет, конечно. Этот ролик был записан две недели назад. Точнее, за двенадцать дней до моей смерти. Я знал, что дело кончится взрывом. Воспользовался услугами предсказателя.

— То есть ты мертв на самом деле?

— Мертв, конечно. Разве ты не смотрел репортаж из Де-Мойна? Впрочем, смотрел — мой предсказатель видел тебя.

— А граффити?

Голос Рансайтера загрохотал из динамиков:

— Еще один пример распада! Иди купи себе «Убик», и все эти пакости прекратятся!

— Эл думает, что это мы мертвы.

— Эл распался,— Рансайтер вдруг захохотал, и зал завибрировал от этого хохота.— Слушай, Джо, я записал эту чертову рекламу, чтобы помочь вам — особенно тебе,— потому что мы всегда были друзьями. Я знал, что ты запутаешься во всем этом,— так оно и оказалось. Что неудивительно, учитывая твое обычное состояние. Так что держись. Приедешь в Де-Мойн, увидишь мой труп и успокоишься.

— Что такое «Убик»? — спросил Джо.

— Ты ему уже не поможешь. Слишком поздно.

— Что такое «Убик»? Как он действует?

— Мне кажется, сам Эл индуцировал появление той надписи на стене. Если бы он не позвал тебя, ты ничего бы не увидел.

— Ты что, действительно записан? — спросил Джо.— Да, ты меня не слышишь. Это правда...

— Кроме того, Эл...

— Ч-черт...— в сильнейшем раздражении бросил Джо. Бесполезно. Он сдался.

На экране возникла все та же дама с лошадиной челюстью. Чуть смягченным голосом она пророкотала:

— Если в ближайшем к вам магазине еще нет «Убика», возвращайтесь домой, мистер Чип, там вы найдете образец, выслан-

ный вам по почте, бесплатный образец для пробы, мистер Чип, с его помощью вы сможете продержаться, пока не приобретете обычный баллон.

Она исчезла. Экран стал темным и немым. То, что включило телевизор, теперь выключило его.

Итак, во всем следует винить Эла, подумал Джо. Не очень это все вяжется... логика есть, но очень уж специфическая, намеренно нечеткая. Эл в роли козла отпущения, Эл в роли мальчика для битья — Джо назвал его так про себя и почувствовал, как бессмысленно это звучит. И действительно ли Рансайтер не слышал меня? Или только притворялся, что записан на пленку? Сначала он неплохо поддерживал разговор, только потом реплики стали расходиться...

Я как бабочка, которая бьется в мутное стекло, подумал Джо. Почти ничего не видно, а разбить преграду я не в силах...

А если так: Рансайтер записывает этот ролик, потому что предсказатель ошибся и неправильно предсказал, что погибнем не мы, а Рансайтер? А погибли мы. Но ролик все равно пошел в эфир, потому что Рансайтер забыл отменить трансляцию. Это объясняет несоответствие граффити словам с экрана. Да, пожалуй, другого объяснения не найти...

Разве что Рансайтер играет с нами в какую-то злую и насмешливую игру, специально запутывает, делает ложные ходы, сбивает с направления, выступая в роли могущественной силы, жонглирующей нашими жизнями. Силы, действующей в мире живущих или полуживущих?.. в обоих этих мирах, внезапно пришло в голову Джо. Влияет ли она на процесс распада? Почему же нет? Пусть Рансайтер и не захотел в этом признаться... Рансайтер и «Убик». «Убик» — это от слова «ubiquity» — то есть «вездесущность», понял Джо. Рансайтер и «Вездесущий»... что бы это значило? Впрочем, может быть, никакого «Убика» не существует, и все это не более чем очередная мистификация...

Кроме того, если Рансайтер жив, то существует минимум два Рансайтера: тот, который находится в реальном мире и пытается добраться до нас, и тот, чье тело выставлено для прощания в Де-Мойне, штат Айова. И — по логике — все прочие люди: Рэй Холлис или Лин Ниггельман — не более чем фантомы в этом мире полуживущих, тогда как в мире живущих они существуют реально...

Как все запутано, подумал Джо. Конечно, более-менее симметрично — но до чего беспорядочно.

Домой, решил он. Посмотрю, что там за бесплатный образец,— и в Де-Мойн. В конце концов, этого от меня добивались по телевизору. Что с «Убиком» я буду в большей безопасности. К таким вещам следует прислушиваться — если хочу остаться в живых. Или в полуживых...

Теперь это уже не имеет значения.

Он вышел из такси на крышу своего жилого блока, спустился на эскалаторе и оказался перед дверью своей квартиры. Монеткой, которую кто-то — Пат или Эл? — ему дал, он открыл дверь и вошел.

В комнате почему-то пахло горелым жиром — этот запах не встречался ему с самого детства. На кухне он понял, в чем дело: кухонный автомат регрессировал в газовую плиту фирмы «Бак» — старую, с грязными горелками и покореженной дверцей духовки. Он стоял, тупо разглядывая этот допотопный агрегат, а потом обнаружил, что метаморфозы произошли со всем кухонным оборудованием. Тостер превратился в реликтовый аппарат, из которого готовые гренки приходилось вытаскивать вручную. Холодильник, который здоровался с ним по утрам, стал громоздким железным шкафом с ременным приводом. Бог знает, из какой древности он выплыл. Он был куда старше, чем модель, показанная в рекламном ролике. Меньше всего изменился кофейник — и даже в лучшую сторону: у него исчезла щель для монет. Впрочем, это коснулось всей кухонной утвари. Некоторые аппараты исчезли совсем, скажем, газетный автомат и мусородробилка. Он попытался вспомнить, не было ли здесь еще чего-нибудь, но так и не вспомнил.

В гостиной дела обстояли не лучше. Телевизор зашвырнуло так далеко в прошлое, что он превратился в радиоприемник: с амплитудной модуляцией, в корпусе темного дерева, с наружной антенной и заземлением. Боже милостивый, ужаснулся про себя Джо.

Да, но почему телевизор превратился в радио, а не в груду деталей? Ведь если распад — то на составные части? А телевизоры не производят из старинных радиоприемников... Получается, прав был Платон, когда говорил об «идеях вещей», наполняемых инертной материей. Идея телевизора сменила идею радио, ее сменит что-то еще — это как кадры в киноленте... в любом предмете живет воспоминание о предшествующей форме, и прошлое — затаившись в глубине — продолжает жить и выныривает на поверхность, как только нарост последующих

форм исчезает почему-либо... Мужчина — это продолжение не мальчика, а всех мужчин, существовавших до него. А история началась так давно...

Обезвоженные останки Венди... Кинолента оборвалась, следующего кадра не последовало. Так, наверное, происходит и старение — только здесь все кончилось за час.

Но по этой старой теории: разве Платон не считал, что есть что-то, что может пережить распад, что-то внутреннее и вечное? Издревле было так: душа и тело. Тело Венди перестало существовать, а душа вспорхнула как птица и улетела... может быть — чтобы родиться заново. Так говорит «Книга Мертвых», и это действительно так. Боже, как я надеюсь на это... Потому что в этом случае мы, может быть, встретимся вновь. В Зачарованном Месте на вершине Холма в Лесу, где маленький мальчик будет всегда-всегда играть со своим медвежонком... Так в «Винни-Пухе», так и у нас — это неизменно. И все мы, каждый со своим Пухом, обнаружим себя в новом, чистом, устойчивом мире...

Зачем-то он включил доисторический приемник. Желтая целлулоидная шкала осветилась, динамик заскрежетал, а потом, сквозь треск и свист, прорезался голос.

— А сейчас — «Семья Пеппера Янга»,— объявил диктор. Зазвучал орган.— Программа подготовлена фирмой-производителем мягкого мыла «Камэй», мыла для прекрасных женщин. Итак, вчера Пеппер узнал, что его работа, длившаяся многие месяцы, подошла к непредвиденному концу, поскольку...

Джо выключил радио. Мыльная опера, тридцатые годы, подумал он. Что же, это отвечает логике нашего скользящего назад, умирающего полумира — если можно так выразиться.

Продолжая осмотр гостиной, Джо увидел кофейный столик со стеклянной крышкой и ножками в стиле барокко. На столике лежал номер журнала «Либерти». Тоже до Второй мировой... публикуется очередная глава сериала «Молния в ночи», фантазия на тему атомной войны. Джо долистал журнал до конца, потом стал выискивать остальные перемены, происшедшие в гостиной.

Вместо упругого, нейтрально окрашенного покрытия пола лежали широкие доски из настоящего дерева. Посреди комнаты пылился выцветший турецкий ковер. На стенах осталась только одна картина: застекленный эстамп, изображающий умирающего индейца верхом на лошади. Раньше Джо его не видел. По крайней мере, не помнил, что видел. Эстамп ему не понравил-

ся. Видеофон превратился в черный настенный телефон — еще без диска. Джо снял трубку и услышал женский голос: «Номер, пожалуйста». Ничего не сказав, он повесил трубку.

Система кондиционирования и отопления исчезла. В углу комнаты Джо обнаружил газовый нагреватель с огромной жестяной трубой, проходящей вдоль стены почти до потолка.

Пройдя в спальню, он открыл платяной шкаф и стал копаться в нем, выбирая, во что переодеться. Так... черные туфли, шерстяные носки, бриджи, голубая хлопчатобумажная рубашка, спортивный пиджак из верблюжьей шерсти и кепи. И для более торжественных случаев: синий в мелкую черную полоску двубортный костюм, подтяжки, цветастый галстук и белая рубашка с жестким целлулоидным воротничком. Боже мой, ахнул Джо, обнаружив сумку с клюшками для гольфа, это что еще за древность?..

Он вернулся в гостиную. На этот раз взгляд его задержался на том, что было раньше полифонической радиоаппаратурой: тюнером с частотной модуляцией, проигрывателем с высоким гистерезисом и невесомым иглодержателем, колонками и многоканальным усилителем. Вместо этого он увидел высокий деревянный ящик с торчащей сбоку заводной ручкой. Ему не было нужды поднимать крышку, чтобы знать, что теперь представляет из себя его аудиосистема. Пакет бамбуковых игл лежал на полке рядом с патефоном «Виктрола». Там же лежала десятидюймовая пластинка на 78 оборотов. Рэй Нобл, «Турецкое наслаждение». Вот и все, что осталось от его лент и долгоиграющих пластинок...

Завтра здесь будет стоять фонограф с валиком. С записью молебна...

На мягкой софе лежала свежая на вид газета. Джо взял ее в руки. Вторник, 12 сентября 1939 года...

ФРАНЦУЗЫ ПРОРВАЛИ ЛИНИЮ ЗИГФРИДА!
НАСТУПЛЕНИЕ В РАЙОНЕ СААРБРЮКЕНА!

Начинается крупнейшая битва на Западном фронте!

Забавно, подумал Джо. Вторая мировая только-только началась, и французам кажется, что они побеждают...

ПО СООБЩЕНИЯМ ИЗ ПОЛЬШИ,
ПРОДВИЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ЧАСТЕЙ ОСТАНОВЛЕНО

Агрессор бросает в бой все новые и новые силы, но не продвигается вперед.

Газета стоила три цента. Это тоже заинтересовало его. Что можно купить на три цента?.. Еще раз оглядев газету, Джо убедился, что она совсем свежая. Ну что же, теперь я знаю дату, подумал он. Знаю, куда меня отбросило.

На комоде стояли фотографии в рамочках. Это были фотографии Рансайтера. Не того, которого он знал; мальчик, юноша, молодой мужчина — но все равно узнать можно. Я его никогда не видел таким, подумал Джо, откуда же?..

Он полез в карман и достал бумажник. В бумажнике было несколько моментальных фотографий — Рансайтер, один только Рансайтер, никаких родственников или друзей. Джо опустил бумажник в карман и тут только сообразил, что бумажник не пластиковый, а из натуральной кожи. Впрочем, так и должно быть, в те — эти — времена кожа была общедоступна. Ну и что из этого? Ничего... Однако он еще раз достал бумажник и подержал в руке. Прикосновение было невыразимо приятным. Да, это вам не пластик...

Вернувшись в гостиную, он осмотрелся в поисках почтовой ниши, где должна была находиться предназначенная ему корреспонденция. Ничего похожего. Он сосредоточился, пытаясь вспомнить, как в это время почта попадала к адресатам. Ее подсовывали под дверь? Нет, как-то иначе. «Почтовый ящик», вспомнилось ему. Ага... и где же он расположен? Скорее всего, у подъезда. Да, скорее всего.

— Пять центов, пожалуйста,— сказала дверь. Она не изменилась — единственная из всего, что было здесь. Видимо, врожденное упрямство помогало ей не поддаться регрессу. Она уцелеет, даже если весь мир...

Эскалатора не было. Вниз вели неподвижные бетонные ступени. Двадцать этажей... шаг за шагом... Это невозможно. Никто не в силах преодолеть столько ступенек. Нет, только лифт. Он шагнул к лифту и вдруг вспомнил, что произошло с Элом. А вдруг я увижу то же, что и он? Железная клетка на железном тросе, полоумный старикашка в форменной фуражке... видение не из тридцать девятого, а из девятого года, падение продолжается... Нет уж, лучше лестница. Шаг за шагом. Двадцать этажей.

Набравшись терпения, он начал спуск.

На половине пути его посетила кошмарная мысль: обратной дороги не было! Он не мог вернуться ни в квартиру, ни на крышу, где его ждало такси. Он обречен остаться внизу — может быть, навсегда. Разве что «Убик» окажется настолько

могуч, что способен будет оживить эскалатор или лифт. Интересно, каким окажется наземный транспорт, когда я спущусь? Это будет трамвай? Или конка?..

Перепрыгивая через ступеньку, он продолжил свой путь. Слишком поздно было сворачивать с него.

Лестница кончилась. Перед Джо был просторный вестибюль. Посредине стоял длинный мраморный стол с двумя керамическими вазами. В вазах были цветы — кажется, ирисы. Четыре ступени вели к затянутым портьерами входным дверям. Джо повернул стеклянную рифленую ручку и открыл дверь.

Так. Снова ступени. А справа — ряды медных почтовых ящиков. На каждом — имя, каждый заперт на ключ. Он оказался прав: почту доставляли только до этого места. Он нашел свой ящик с полоской бумаги, на которой было написано: «Джозеф Чип, 2075», и кнопкой звонка. Ее нажимают, и в квартире слышно...

Ключ! У него не было ключа! Или был? Лихорадочно обшарив карманы, Джо обнаружил колечко с несколькими металлическими ключами. Интересно, от чего они? Вот этот, самый маленький, наверное, от почтового ящика... Он вставил ключик в скважину, осторожно повернул — дверца открылась. Он заглянул внутрь.

Там было два письма и квадратный пакет, обернутый бумагой и оклеенный лентой. Трехцентовые красные марки с портретом Вашингтона... Джо, затаив дыхание, рассматривал эти замечательные раритеты, потом, игнорируя письма, стал вскрывать пакет. Какой-то он тяжелый... и для аэрозольного баллончика у него не совсем подходящая форма... Вернулся страх. А если это не «Убик»?.. Не может быть, такого просто не может быть. Иначе повторится история Эла... Чему быть, того не миновать, подумал Джо, бросая на пол обертку и поднося к глазам картонную коробочку...

УБИК
ПОЧЕЧНЫЙ БАЛЬЗАМ

Внутри находился флакон голубого стекла с широким горлышком. Этикетка: *«СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ.* Этот уникальный болеутоляющий препарат разрабатывался доктором Эдвардом Сандабаром на протяжении сорока лет. Применяя его, вы избавитесь от утомительной необходимости вставать по ночам. Растворите чайную ложку бальзама в стакане теплой воды и выпейте перед сном. Если сохраняются боль и раздражитель-

ность, увеличьте дозу до столовой ложки. Не давать детям. Состав: лист олеандра, каменная соль, мятное масло, N-ацетил-Р-аминофенол, окись цинка, древесный уголь, хлорид кобальта, кофеин, экстракт наперстянки, стероиды в следовых количествах, цитрат натрия, аскорбиновая кислота, пищевые красители и ароматизаторы. Использовать только согласно инструкции! Беречь от огня! Избегать попаданий на кожу! Длительное употребление и передозировка могут вызвать привыкание».

Бред, подумал Джо. Он еще раз перечитал список ингредиентов, борясь с подступающей злостью. Нет, это бессмысленно... Чувство полнейшей беспомощности овладело им. Все, мне конец... Это вовсе не то, что Рансайтер рекламировал по телевизору. Идиотская смесь из допотопных лекарств, кожной мази, обезболивающего, ядов, инертных веществ — с добавкой кортизона, которого в тридцать девятом году и в помине не было. «Убик» тоже регрессировал — по крайней мере, тот баллончик, который прислали по почте. Какая ирония: то, что должно предотвратить регресс, само подвергается регрессу. Да, можно было сразу понять это — как только увидел трехцентовые марки с Джорджем Вашингтоном...

Джо вышел на улицу — и первое, что увидел, был автомобиль. Настоящий классический автомобиль — как только что из музея. Вот он, стоит у тротуара. «Ла Салле».

Доберусь ли я до Де-Мойна на таком автомобиле? За неделю — да. Но к этому времени мне уже все будет безразлично... Да и автомобиль изменится. Все изменится, за исключением, наверное, упрямой двери...

Он подошел к машине. Может быть, это моя? Тогда один из ключей должен быть ключом зажигания... так, кажется, заводились эти старинные автомобили. С другой стороны — заведу, а что дальше? Водить я не умею, особенно с этим... как его?.. ручным переключением передач. Он открыл дверцу и сел на водительское место. Ах, черт, что же делать? Бессильно закусив губу, он уставился прямо перед собой.

Может быть, принять столовую ложку почечного эликсира «Убик»? Судя по его составу, он умертвит меня достаточно надежно. Хотя это, конечно, не идеальный способ. От хлорида кобальта слишком мучительная агония... если, конечно, наперстянка не подействует раньше. И листья олеандра. Это уже вообще... Такой коктейль превратит все кости в желе. Дюйм за дюймом.

Минуточку! Это же тридцать девятый год! Самолеты! Если удастся добраться до аэропорта, можно будет нанять трехмоторный «Форд» с пилотом — и к вечеру я буду в Де-Мойне!

Он перебрал все ключи, пока не нашел тот, что включает зажигание. Раздался звук стартера, потом заработал двигатель. Мерный мощный рокот мотора понравился Джо. Это было как с бумажником из натуральной кожи — регресс, который грел душу. В бесшумном транспорте девяносто второго ему не хватало чего-то такого: грубого, надежного, ощутимого. Теперь сцепление, вспомнил он. Слева внизу. Ногой он нащупал педаль. Нажал на нее, тронул рычаг переключения скоростей. Резкий звук трущегося металла! Слишком слабо нажал на педаль. Он вдавил ее до упора и еще раз попробовал включить скорость. На этот раз все получилось, как надо.

Медленно и неуверенно автомобиль тронулся с места. Он двигался рывками — но двигался! Кое-как выехав на дорогу, Джо испытал прилив оптимизма. Теперь найти этот чертов аэродром — пока не началась эра хлипких этажерок с ротативными моторчиками «Гном»... вращающийся картер и брызги касторки... полеты на высоте забора со скоростью семьдесят пять миль в час...

Час спустя Джо припарковался около летного поля. Ангары, полосатый матерчатый «чулок», указывающий направление ветра, бипланы с деревянными пропеллерами... Ну и картинка, подумал он. Прямо исторический фильм. Впрочем, и этому всему суждено исчезнуть, как исчезли предыдущие формы. Регресс сметет все... Он выбрался из «Ла Салле», чувствуя, что его укачало. Постоял и поплелся к центральной постройке.

— Что я могу нанять на это? — Джо показал все свои деньги первому же более-менее похожему на официальное лицо человеку.— Мне нужно в Де-Мойн. Прямо сейчас.

Лысый, с намащенными усами и в крохотных очках служащий молча уставился на деньги.

— Эй, Сэм! — повернув круглую, как арбуз, голову, крикнул он.— Иди-ка сюда. Посмотри на эти деньги.

Подошел тот, кого назвали Сэмом,— мужчина в полосатой рубашке, лоснящихся брюках и полотняных туфлях.

— Ненастоящие,— сказал он, посмотрев на деньги.— Игрушечные, наверное. Здесь нет ни Джорджа Вашингтона, ни Александра Гамильтона.

Оба служащих с подозрением уставились на Джо.

— У меня есть «Ла Салле» тридцать девятого года — здесь, на стоянке. Я могу отдать ее за полет до Де-Мойна. Это вас не заинтересует?

После недолгого молчания тот, что в маленьких очках, сказал задумчиво:

— Может быть, Огги Брент?..

— Брент? — сказал другой.— Да его «Дженни» двадцать лет от роду. Она не дотянет и до Филадельфии.

— А Макги?

— Он же в Ньюарке.

— Тогда Сэнди Джасперсон. «Кэртис-Райт» у него в полном порядке — до Айовы дотянет. Рано или поздно.— Он повернулся к Джо.— Идите к третьему ангару, там ищите красно-белый «Кэртис». Это такой биплан. И там же будет толстенький коротышка, который в нем копается. Если он не возьмет вас, тогда придется ждать до завтра — вернется Айк Макги на трехмоторном «Фоккере».

— Спасибо.— Джо вышел из здания. У ангара номер три, видимый издалека, стоял красно-белый самолетик. «Кэртис», подумал Джо. Хорошо, что не «Джей-Эн». Стоп. Откуда мне известно, что «Дженни» — это «Джей-Эн», учебный самолет времен Первой мировой? Как я это узнал? Боже правый, подумал он, внутри меня тоже что-то происходит, мои мысли подстраиваются под то, что вокруг... неудивительно, что я смог управлять «Ла Салле» — я полностью втягиваюсь в это время!

Рыжий толстенький коротышка тер промасленной тряпкой колесо своего биплана.

— Мистер Джасперсон? — спросил Джо, останавливаясь перед ним.

— Да, это я,— коротышка встал, удивленно рассматривая одежду Джо.— Чем могу быть полезен?

Джо сказал, чем.

— Вы хотите отдать «Ла Салле», совершенно новую «Ла Салле», за полет до Де-Мойна? — не поверил Джасперсон. Брови его сошлись над переносицей.— Можно было бы и в оба конца, мне все равно лететь обратно... Впрочем, давайте посмотрим, что за машина. Я ничего не обещаю, я еще ничего не решил...

Они дошли до стоянки.

— Но тут нет никакой «Ла Салле»,— сказал Джасперсон, озираясь.

Он был прав. Вместо «Ла Салле» стоял маленький жестяной «Форд» с брезентовым верхом. «Форд» модели «А» производ-

ства двадцать девятого года — не имевший никакой ценности в глазах Джасперсона...

Теперь — все. Ни малейшей надежды. Он никогда не доберется до Де-Мойна. А это, как утверждал Рансайтер в том ролике — верная смерть. Ее уже встретили Венди и Эл...

Его собственная смерть стала лишь вопросом времени.

Стоит ли тянуть, подумал Джо. Он распахнул дверцу своего «форда» и сел за руль. Флакон «Убика» лежал на сиденье. Он взял его...

Это был совсем другой флакон. Бутылочка, как и машина, претерпела регресс. Бесшовная и плоская, она имела следы царапин на стенках: бутылки такого типа, Джо знал, выдувают в деревянные матрицы. Очень старое изделие: винтовая пробка, похоже, изготовлена вручную. На этикетке... Джо поднес бутылочку к глазам и прочитал текст.

ЭЛИКСИР УБИКЬЮ. Гарантированно восстанавливает мужскую силу и изгоняет болезненные фантазии любого рода, а также избавляет от бесплодия, как мужского, так и женского. Используемый по указаниям, благотворен для рода людского.

Ниже шел еще текст; Джо прищурился, стараясь разобрать крошечные буковки.

Не делай этого, Джо. Есть другой путь. Ищи его.
Желаю удачи.

Рансайтер, понял Джо. Продолжает свои садистские игры. Хочет, чтобы мы продержались еще какое-то время. Зачем? Бог его знает. Может быть, его забавляют наши страдания? Вряд ли, он не такой — насколько я его знаю...

Джо отложил бутылочку «Эликсира УБИКЬЮ», решив повременить с его использованием.

Интересно, что он имел в виду под «другим путем», подумал Джо.

Глава 11

Применяемый строго по инструкции, «Убик» гарантирует вам крепкий сон до утра. Утром вы проснетесь полным сил и энергии, и все вчерашние проблемы окажутся легко разрешимы!

Не превышайте рекомендованной дозы.

— Подождите-ка, а это что у вас такое? — совсем другим голосом спросил Джасперсон, заглядывая в машину.— Не дадите ли взглянуть?

Джо молча протянул ему плоскую бутылку.

— Моя бабушка частенько толковала об этом зелье,— рассматривая бутылку на просвет, проговорил пилот.— Где вы его взяли? Этого не производят, наверное, со времен гражданской войны...

— Наследство,— сказал Джо.

— Не иначе... Да, ручная работа, теперь такого не встретишь. Их и изготовили-то всего ничего. Впервые этот эликсир появился в Сан-Франциско году в 1850. В продажу его не пускали, делали только по заказам. Три сорта, разной силы... у вас как раз самый сильный. Вы знаете, из чего он состоит? — Джасперсон испытующе посмотрел на Джо.

— Разумеется,— сказал Джо.— Мятное масло, окись цинка, цитрат натрия, древесный уголь...

— Замнем,— сказал Джасперсон. Несколько секунд он молча хмурил брови, о чем-то размышляя.— Давайте сделаем так: вы отдаете мне эту бутылку, а я отвожу вас в Де-Мойн. Вылетаем немедленно, я хочу большую часть пути проделать днем.

С бутылкой «Эликсира УБИКЬЮ» он решительно зашагал от «форда».

Десять минут спустя биплан «Кэртис-Райт», заправленный под пробку, затрясся по неровной взлетной полосе, то подпрыгивая, то снова задевая колесами землю. Джо вцепился в сиденье, чтобы не выпасть из кабины.

— Мы слишком перегружены,— беззаботно сказал пилот.

Наконец биплан кое-как зацепился за воздух и потянул над самыми крышами домов, разворачиваясь на запад.

— Когда мы будем на месте? — спросил Джо. Приходилось кричать, чтобы преодолеть рев мотора.

— Все зависит от того, какой будет ветер,— ответил пилот.— Если попутный, то завтра к полудню.

— Слушайте, а что такого ценного в этой бутылке? Можете вы мне сказать?

— Там в качестве наполнителя — золотая пыль. Все лекарство — это золотая пыль и смесь минеральных масел.

— И много там золота?

Джасперсон молча ухмыльнулся. Ответ был ясен.

Старенький биплан «Кэртис-Райт» барахтался в воздушных течениях, держа направление примерно на Айову.

В три часа на следующий день они приземлились на аэродроме Де-Мойна. Сразу же после посадки пилот испарился, прихватив с собой бутылку с золотой пылью. Джо с трудом,

преодолевая боль в затекших ногах, выбрался из аэроплана, постоял немного и нетвердой походкой направился в сторону крошечного аэровокзальчика на краю летного поля.

— Можно от вас позвонить? — спросил он пожилого служащего, склонившегося над картой погоды.

— Пять центов,— не отрываясь, бросил тот.

Джо порылся в своей мелочи и среди монеток с профилем Рансайтера нашел подходящую, с бизоном.

— Звоните,— сказал служащий.

Раскрыв телефонную книгу, Джо нашел в ней нужный номер и назвал его телефонистке.

— Мортуарий Истинного Пастыря, мистер Блисс слушает вас.

— Я прибыл на похороны Глена Рансайтера,— сказал Джо.— Я не опоздал?

— Церемония отпевания только что началась,— ответил мистер Блисс.— Где вы находитесь, сэр? Я могу выслать автомобиль.— В голосе его слышалось плохо скрытое неодобрение.

— На аэродроме,— сказал Джо.

— Вам следовало бы прибыть раньше,— заметил мистер Блисс.— Боюсь, что на отпевание вы уже не успеете. Но тело мистера Рансайтера будет открыто для прощания до завтрашнего утра. Ждите наш автомобиль, мистер?..

— Чип,— сказал Джо.

— Здесь вас очень ждут, мистер Чип, и нам многократно напоминали, чтобы мы были готовы встретить вас, мистера Хэммонда и... и мисс Райт. Они с вами?

— Нет,— сказал Джо и повесил трубку.

Он сел на скамью из гнутой полированной фанеры. Отсюда ему была видна дорога из города. Успел, подумал он, наши еще не уехали... а именно это меня и заботило.

— Мистер, нельзя ли вас на минутку? — Пожилой служащий был чем-то удивлен.

— Да? — Джо встал и пересек «зал ожидания».

— Эти пять центов... На них дата: 1940,— он смотрел на Джо, не мигая.

Ворча, Джо вытащил оставшиеся у него монеты и начал сортировать их. Нашел наконец пятицентовик 1938 года и бросил его на стол.

— Иногда попадаются фальшивые деньги,— в спину ему сказал служащий.

Джо не ответил. Он сделал вид, что полностью поглощен радиолой, стоящей в углу. Диктор рекламировал зубную пасту «Айпана». Интересно, сколько мне ждать?.. Сейчас, когда он находился так близко к цели, нервы могли не выдержать. Быть в нескольких милях от своих — и... нет, это невозможно... Он заставил себя не думать об этом.

Просто сидеть и ждать...

Через полчаса подъехала машина, «Виллис-Кавалер» 1930 года. Из нее вышел мужчина в элегантном черном костюме. Приложив руку ко лбу, он стал вглядываться в окна зала ожидания.

— Мистер Блисс? — спросил Джо, выходя к нему.

— Совершенно верно.— Блисс пожал Джо руку и пригласил в машину. В салоне сильно пахло мужским одеколоном.— Поторопимся, мистер Чип, у нас есть шанс успеть на часть церемонии. В особо торжественных случаях отец Эбернети произносит довольно длинные проповеди.

Джо уселся рядом с мистером Блиссом, и машина, постреливая выхлопами, покатилась по автостраде, временами выжимая миль сорок в час.

— Вы служащий мистера Рансайтера, не так ли? — спросил Блисс.

— Да.

— Он занимался каким-то необычным бизнесом. Боюсь, что я не совсем понимаю даже, каким именно...— Блисс посигналил рыжему сеттеру, который выбежал на дорогу; собака оглянулась и отошла, признавая преимущественное право проезда за «Виллис-Кавалером».— Что значит «псионический»? Некоторые из служащих мистера Рансайтера использовали этот термин.

— То же самое, что и «парапсихологический»,— сказал Джо.— Способность воздействовать на что-либо мыслью непосредственно, без физических посредников.

— Вы имеете в виду некие мистические силы? Наподобие предвидения будущего? Я спрашиваю потому, что ваши люди говорили о будущем так, будто оно уже реально существует. Они говорили не со мной, а между собою, но я слышал эти беседы — вы понимаете, как это бывает... Значит, вы все медиумы?

— Можно и так сказать.

— И что вы можете предвидеть относительно войны в Европе?

— Германия и Япония будут разбиты. Соединенные Штаты вступят в войну седьмого декабря сорок первого года,— Джо сказал это и замолчал, не желая развивать тему.

— Лично я изоляционист,— сказал Блисс.

Интересно, остальные наши чувствуют все это? Вот эту реальность? Соединенные Штаты тридцать девятого года? Или, когда я соединюсь с ними, падение в прошлое сменится некоторым подъемом, и мы попадем в более поздние времена? Хороший вопрос. Потому что вместе мы, может быть, сумеем зацепиться за какие-то устойчивые элементы реальности и преодолеть эти пятьдесят три года... Впрочем, если наши находятся именно в этом времени, то присоединюсь я к ним или нет — ни на что это не повлияет. Разве что распад мира приостановится... или даже прекратится. Или уже прекратился? За последние сутки ничего не случилось... Может быть, это произошло из-за моего приближения к остальным? Хотя нет... флакончик с почечным бальзамом провалился лет на восемьдесят. И тот лифт, который увидел Эл...

Но ведь пилот тоже видел «Эликсир УБИКЬЮ» и держал его в руках! Значит, это не иллюзия! Конечно, ведь благодаря этой бутылке ручной работы я и добрался до Де-Мойна! И метаморфозу автомобиля «Ла Салле» пилот тоже видел! Может быть, то, от чего умер Эл, имело совсем не такую природу?.. Господи, только бы это было так! Джо молился об этом.

Предположим, мы не сможем обратить вспять регресс, размышлял Джо, стараясь успокоиться. Ну и что? Да, мы останемся в этой действительности до конца жизни. И приспособимся к девятиламповым приемникам «Филко», похожим на комод,— впрочем, супергетеродин уже изобретен, просто эта аппаратура мне не попадалась. Мы научимся управлять автомобилями «Американ Остин» по четыреста сорок пять долларов за штуку (цифра сама собой возникла в его голове, и он был уверен, что она истинная). Устроимся на работу и начнем зарабатывать здешние деньги — и тогда нам не придется летать бипланами «Кэртис», которые годятся только в музей; уже в тридцать пятом году открылась транстихоокеанская линия, обслуживаемая четырехмоторными «Клипперами». Трехмоторные монопланы Форда появились одиннадцать лет назад и уже устарели. А мой автомобиль «Ла Салле» был вполне приличным механизмом, прежде чем претерпел регресс; управлять им было приятно...

— А как насчет России? — спросил мистер Блисс.— В смысле войны? Мы их раздавим, этих красных? Вы можете заглянуть так далеко в будущее?

— Россия будет воевать на нашей стороне,— сказал Джо.— На стороне США.— А как же насчет всего остального, думал Джо, насчет продуктов, медицины, всего такого? Кажется, уже есть сульфамиды. Прямо скажем, не густо. Если заболеем... И дантисты с их бормашинами — ужас какой-то. Зубная паста с фтором появится лет через двадцать...

— На стороне США? — забеспокоился Блисс.— Коммунисты? Это невозможно! У них же пакт с нацистами.

— Германия нарушит пакт,— сказал Джо.— Гитлер нападет на Советский Союз в июне сорок первого.

— И раздавит его, надеюсь...

Оторванный так бесцеремонно от размышлений, Джо повнимательнее присмотрелся к тому, кто вез его на стареньком «Виллис-Кавалере».

— Настоящая угроза — это коммунисты, а не Германия,— продолжал тот.— Взять еврейский вопрос. Кто имеет со всего этого? Евреи, конечно. Понаехали к нам, гражданства не имеют, живут на пособия благотворительных фондов. Нет, кое в чем нацисты взяли слишком круто, но согласитесь — как-то же еврейский вопрос решать надо! Ну, не концлагеря... В Штатах ведь те же проблемы — не с евреями, так с ниггерами. И я думаю — рано или поздно придется и нам разбираться и с теми, и с другими.

— Никогда не слышал, как кто-то говорит «ниггер»,— сказал Джо. В его восприятии этой эры появился новый оттенок. Да, об этом я позабыл...

— Линдберг — вот у кого верный взгляд на Германию,— заявил Блисс.— Вы слышали его? Нет, не то, что пишут в газетах, а по-настоящему...— Он тормознул перед стоп-сигналом, похожим на семафор.— Или взять сенаторов Бориха и Ная. Если бы не они, Рузвельт продал бы оружие Англии — и Штаты бы оказались втянутыми в чужую войну. Рузвельту не терпится ввести оговорки в эмбарго на торговлю оружием. Он спит и видит, как бы ввязаться в войну! Но американский народ не пойдет за ним. Американский народ не будет воевать за англичан и прочую шушеру...

Звякнул колокольчик, и зеленая стрела семафора поднялась. Блисс включил первую скорость, и «Виллис-Кавалер» покатился дальше, вливаясь в уличную суету.

— Ближайшие пять лет у вас не будет причин для радости,— сказал Джо.

— Почему это? Все жители Айовы такого же мнения, что и я. А знаете, что я думаю о вас, служащих Рансайтера? Что вы просто-напросто банда профессиональных агитаторов, вот и все,— Блисс метнул в Джо взгляд, полный непоколебимой самоуверенности.

Джо промолчал. Он разглядывал проплывающие мимо деревянные, кирпичные, бетонные дома — почему-то черные в большинстве своем — и думал, только ли ему предстал этот аспект общей проблемы? В Нью-Йорке будет иначе, сказал он себе, а здесь «библейский пояс», сверхконсервативный Средний Запад... Нет, здесь мы жить не станем — поселимся на побережье, восточном или западном. Инстинктивно он чувствовал, что только что коснулся главной проблемы, которая встанет перед ними. Мы слишком много знаем, чтобы жить спокойно... если бы нас отбросило лет хотя бы на тридцать, было бы легче — в смысле психологической адаптации; лучше без особых треволнений пережить полеты «Джемини» и аварии первых «Аполлонов», чем здесь, сейчас... Они тут слушают «Два черных ворона» на пластинках в семьдесят восемь оборотов, и Джо Пеннера, и «Мерт и Марджи». Отголоски Великой депрессии все еще чувствуются. Мы были свидетелями колонизации Луны и Марса, вот-вот должны были начаться регулярные межзвездные перелеты — а здесь неспособны справиться с пустынями Оклахомы. Для них Уильям Дженнингс Брайан — великий оратор, а «обезьяний процесс» Скопса* — живая реальность. Никогда мы не сможем адаптироваться по-настоящему, привыкнуть к их мировоззрению, морали, политике, социальному расслоению... Для них мы профессиональные агитаторы, более чуждые, чем нацисты, и более опасные, чем вся их коммунистическая партия. Да, мы действительно самая большая угроза для этой эпохи, и в этом Блисс абсолютно прав.

— Откуда вы родом? — спросил Блисс.— Вы ведь не из Соединенных Штатов? Я прав?

— Да, вы правы,— сказал Джо.— Мы — граждане Североамериканской Конфедерации.— Он достал из кармана четверть

---

* Судебный процесс 1925 года в городе Дейтоне, штат Теннесси, над учителем Д. Скопсом, который обвинялся в том, что излагал в школе эволюционную теорию Дарвина; обвинителем на суде выступил крайне правый политик, один из лидеров демократической партии У. Дж. Брайан.

доллара с профилем Рансайтера и подал его Блиссу.— Это сувенир,— сказал он.

Рассмотрев монету, Блисс задохнулся от изумления:

— Да ведь это умерший! Вот, на монете! Это мистер Рансайтер! И дата — 1990 год...— упавшим голосом закончил он.

— Не потеряйте,— сказал Джо.

«Виллис-Кавалер» подкатил к Мортуарию Истинного Пастыря, когда отпевание уже закончилось. На широком деревянном крыльце белого двухэтажного дома стояла группа людей... да, это были они, Джо узнал их издалека: Эди Дорн, Типпи Джексон, Йон Илд, Фрэнси, Апостос, Дон Денни, Сэмми, Фред Зафски и — Пат. Моя жена, подумал Джо, вновь ослепленный ее внешностью — необыкновенными темными волосами, яркими оттенками глаз и кожи — тем, что делало ее столь властно-привлекательной... Нет, вспомнил он, выходя из машины, она мне больше не жена, она это вычеркнула... но перстень оставила, оставила это оригинальное обручальное кольцо из кованого серебра и ведьминого камня, мы вместе выбирали его... и это все, что осталось. И все равно — при виде Пат его будто ударило током. На миг он вернулся туда, в счастливое супружество, в семейную жизнь, которой как бы и не существовало никогда, от которой осталось только серебряное колечко — и от него Пат в любой миг может избавиться, как избавилась от всего остального...

— О, Джо Чип! — сказала она холодным насмешливым тоном; взгляд ее был острый и оценивающий.

— Привет,— испытывая непонятную неловкость, ответил Джо. Остальные тоже здоровались с ним, и он отвечал им, но это казалось ему неважным. Пат завладела всем его вниманием.

— А где Эл? — спросил Дон Денни.

— Эл умер,— сказал Джо.— Венди Райт тоже умерла.

— О Венди мы знаем,— сказала Пат. Сказала спокойно.

— Нет, мы ничего не знали,— сказал Дон.— Мы предполагали, но уверены не были. Я, по крайней мере, не был. Что случилось с ними? Кто их убил?

— Изнеможение,— сказал Джо.

— С чего бы это? — Тито Апостос протолкался поближе к Джо.

— Джо Чип,— сказала Пат,— последней фразой, которую ты обронил там, в Нью-Йорке, когда уходил с Хэммондом...

— Я помню,— сказал Джо.

— Ты сказал что-то про время. «Слишком много лет прошло»,— так, да? Что это значило? Что ты имел в виду?

— Мистер Чип,— взволнованно заговорила Эди Дорн,— с тех пор, как мы прилетели сюда, здесь произошли огромные изменения! Никто ничего не понимает. Скажите, вы видите то же, что и мы? — Движением руки она обвела окружающие дома, улицу, здание мортуария.

— Но я же не знаю, что вы видите,— сказал Джо.

— Иди-ка ты, Чип,— сердито сказал Апостос.— Не крути, просто скажи нам, бога ради, как ты все это видишь? Вот эта тачка, на которой ты приехал,— скажи-ка нам, на что она похожа? На чем ты приехал, Джо?

Все стояли вокруг и молча ждали ответа.

— Мистер Чип,— прошептал Сэмми Мэндо,— ведь это настоящий старинный автомобиль, правда? Сколько же ему лет?

— Шестьдесят два,— сказал наконец Джо.

— Значит, из девятьсот тридцатого,— сказала Типпи Джексон.— Ну что же, так мы и предполагали...

— Мы предполагали, что сейчас тридцать девятый,— ровным голосом сказал Дон Денни. Даже в этих обстоятельствах голос его звучал абсолютно спокойно.

— Дату я установил легко,— сказал Джо.— Еще в своей квартире в Нью-Йорке. Там оказалась газета. Вчера было двенадцатое сентября тридцать девятого года. Сегодня, получается, тринадцатое. Французы утверждают, что прорвали линию Зигфрида.

— Обхохочешься,— сказал Йон Илд.

— Я надеялся, что вы, поскольку вас много, задержались в более позднем времени. Да, ничего теперь не поделаешь...

— Ну, тридцать девятый, тридцать девятый,— раздраженно начал Фред Зафски. Голос у него был высокий и с визгливыми нотками.— Ладно, выяснили — и что дальше? — Он размахивал руками, как бы призывая остальных поддержать его.

— Спокойно, Фред,— сказал Апостос.

— А ты что думаешь обо всем этом? — повернулся Джо к Пат.

Пат только пожала плечами.

— И все-таки?

— Мы переместились в прошлое,— сказала Пат.

— Неверно,— сказал Джо.

— Что ты хочешь этим сказать? Что мы попали в будущее, что ли?

— Мы никуда не попали. Где были, там и остались. Но весь окружающий нас мир по какой-то причине — есть несколько возможных причин,— мир претерпел регрессивное развитие. Все предметы, вся реальность откатилась к предшествовавшим формам. К тем, которые она принимала пятьдесят три года назад. Впрочем, регресс может и продолжиться. Но меня интересует Рансайтер — были ли его *проявления* с тех пор?

— Рансайтер лежит вон там,— сказал Дон Денни с необычной для него экспрессией,— мертвый как селедка. Это единственное его проявление.

— Мистер Чип, скажите, пожалуйста,— начала Фрэнси Спэниш,— у вас ни с чем не ассоциируется слово «Убик»?

До Джо не сразу дошел смысл вопроса.

— О господи,— выдохнул он,— да вы просто не можете отличить проявление от...

— Фрэнси видела сон,— сказала Типпи.— Она всегда их видит. Расскажи Джо свой убиковый сон, Фрэнси. Это она его так назвала, Джо. Убиковый сон. Она видела его прошлой ночью.

— Я так назвала его, потому что это на самом деле был убиковый сон,— сказала Фрэнси. Ее пальцы нервно сплелись.— Понимаете, мистер Чип, этот сон отличался от всех, что были прежде. Огромная рука опустилась с неба — словно рука Господа нашего. Неимоверная, как гора. Сжатая в кулак, подобный скале. Я поняла, что в этом таится наиважнейший смысл, что там, в кулаке, находится что-то такое, что повлияет на мою жизнь и на жизнь всех людей на Земле. Я ждала, когда пальцы разожмутся,— и они разжались. Они разжались, и я увидела, что скрывалось там...

— Аэрозольный баллончик,— сухо сказал Дон Денни.

— А на аэрозольном баллончике,— продолжала Фрэнси,— было одно только слово, огромными золотыми буквами, горящими как пламя: «УБИК». И ничего больше. Такое странное слово. А потом пальцы сжались, обхватили баллончик, и рука поднялась и скрылась в темных тучах. Сегодня утром я пошла в библиотеку, но в словарях этого слова не нашли, и никто не знал, что оно значит. Библиотекарь сказал мне, что в английском языке этого слова нет; есть в латинском, похожее на него: «ubique». Оно значит...

— «Везде»,— сказал Джо.

Франческа кивнула.

— Да, именно так. Но слова «убик» не существует, а именно его я видела в своем сне.

— Это одно и то же,— сказал Джо.— Просто разное написание.

— Откуда ты знаешь? — спросила Пат.

— Вчера я видел Рансайтера,— сказал Джо. Все уставились на него.— По телевизору. В рекламном ролике. Записанном им незадолго до смерти...— В детали Джо вдаваться не стал, и так все было запутано до невозможности.

— Ты потрясающий идиот,— сказала Пат.

— Объясни?

— Ты наверняка счел это проявлением мертвеца, да? С таким же успехом ты мог бы считать таким проявлением письма, отправленные перед смертью, или деловые заметки, или...

— Пойду попрошаюсь с ним,— сказал Джо.— Посмотрю на него в последний раз...— Он открыл дверь и, оставив всех, вошел в темное прохладное помещение мортуария.

Пустота. Ни души; пустой зал со скамейками, как в церкви, а в дальнем его конце — гроб, усыпанный цветами. Старинный орган в стороне, несколько складных деревянных стульев. Запах пыли и цветов; эта приторная, вязкая смесь показалась ему отвратительной. Подумать только, как много жителей Айовы приобщились к вечности в этих глухих бездушных стенах... Вощеные полы, носовые платочки, тяжелые черные костюмы... и прочее, и прочее — вплоть до медяков на глазах. И простенькие гимны на органе...

Он подошел к гробу и, поколебавшись, склонился над ним.

Кучка сухих истонченных костей и бумажный череп. Из глубины глазниц глаза, как высохшие виноградины, искоса следят за ним. Все усеяно истлевшими лоскутьями, лохмотьями — будто их нанесло сюда ветром. Будто труп пытался укрыться ими от наступающего льда... А теперь — абсолютная неподвижность, все замерло, все остановилось навсегда... таинственный процесс, унесший Венди и Эла, прокатился и тут. Много лет назад...

Остальные это видели? Или все произошло после отпевания? Джо отошел, с трудом поднял тяжелую дубовую крышку гроба — и закрыл гроб. Звук удара дерева о дерево прокатился по темному залу, но никто его не услышал.

Ничего не видя сквозь слезы, Джо выбрался из пропыленного тихого душного помещения на свет. Слабый предвечерний свет...

— Что-то случилось? — спросил Дон Денни.

— Ничего,— сказал Джо.

— Ты там, наверное, сам себя напугал, дурачок,— сказала Пат.

— Я же говорю — ничего! — ненавидя ее, рявкнул Джо.

— Эди Дорн туда не входила? Вы ее там не видели? — спросила Типпи Джексон.

— Она куда-то пропала,— пояснил Йон Илд.

— Но она же была здесь, с вами,— сказал Джо.

— Весь день она мерзла и говорила, что устала,— сказал Дон Денни.— Я думаю, она вернулась в отель — ей хотелось лечь и поспать. Наверняка с ней все в порядке.

— Наверняка она уже мертва,— медленно сказал Джо.— Как вы не можете понять: как только кто-то отделяется от группы — он умирает. Венди, Эл, Рансайтер...— он осекся.

— Рансайтер был убит взрывом,— возразил Дон Денни.

— Это мы были убиты взрывом,— сказал Джо.— Я это знаю точно, потому что мне сказал Рансайтер. Он написал это на стене туалета в нашем нью-йоркском офисе. И то же самое я видел...

— Все это бессмысленно,— сказала Пат.— Рансайтер жив или мертв? Мы — мертвы или нет? Сначала ты говоришь одно, потом другое. Нет связи...

— Да, постарайся говорить связно,— сказал Йон Илд. Остальные жестами, кивками головы, выражением лиц выразили примерно то же самое. Страх их был почти осязаем.

— Я могу рассказать про граффити, про изношенный магнитофон и инструкцию к нему, про тот ролик с Рансайтером, про записку, которую мы нашли в запечатанном блоке сигарет в Балтиморе, об этикетке на бутылке с «Эликсиром УБИКЬЮ» — но логического целого из всего этого не получится. В любом случае, мы должны ехать в отель и постараться поддержать Эди Дорн, пока она не исчерпала все свои силы и не распалась... Где тут такси?

— Мортуарий предоставил в наше распоряжение автомобиль,— сказал Дон Денни.— «Пирс-Эрроу». Он где-то здесь, неподалеку.

Все двинулись следом за Денни на поиски автомобиля.

— Мы тут не поместимся,— сказала Типпи Джексон, когда Дон открыл тяжелую железную дверцу автомобиля и влез внутрь.

— Надо попросить Блисса, чтобы он одолжил нам «Виллис-Кавалер»,— сказал Джо. Он завел мотор «Пирса-Эрроу» и, как только все, кто смог, уместились в машине, вывел ее на главную улицу Де-Мойна. «Виллис-Кавалер» катился следом, гудками давая знать, что не отстает.

Глава 12

Приготовленный только из свежих плодов и на смеси растительных масел, подрумяненный в тостере, «Убик» превратит ваш завтрак в пиршество! Как засияет ваша посуда от одного его прикосновения!

Сохраняет свойства при использовании строго по инструкции.

Продолжаем умирать, подумал Джо, ведя свой солидных размеров автомобиль через уличную толчею. Где-то я ошибся... Эди находилась со всеми вместе, значит, должна бы уцелеть. А я...

Это я должен был умереть. Во время своего неторопливого воздушного путешествия...

— Впредь мы должны стараться не отлучаться от группы и не терять друг друга из виду. А главное — если кто почувствует усталость, пусть сразу говорит об этом,— сказал Джо сидевшему рядом Дону.

— Все слышали? — обернулся Дон Денни через плечо назад.— Как только кто-то почувствует, что устал,— пусть сразу говорит об этом мистеру Чипу или мне.— Он снова повернулся к Джо: — А что потом?

— Да, что потом, Джо? — подхватила Пат.— Что мы будем с этим делать? Скажи же нам, Джо. Мы все слушаем тебя.

— Странно, что ты не пользуешься своими способностями,— сказал Джо, не оборачиваясь.— Ситуация как специально для тебя создана. Почему бы тебе не вернуться на четверть часа и не сказать Эди, чтобы она не уходила? Почему ты не сделаешь того фокуса, который продемонстрировала, когда я представлял тебя Рансайтеру?

— Это Эшвуд представлял меня Рансайтеру,— сказала Пат.

— То есть ты ничего не намерена делать,— сказал Джо.

— Мисс Конли и мисс Дорн поссорились вчера за обедом,— хихикнул Сэмми.— Мисс Конли не любит мисс Дорн. Она не хочет ей помогать.

— Неправда, мне нравится Эди,— сказала Пат.

— Так все-таки есть какая-нибудь причина, по которой ты не пользуешься своими возможностями? — спросил Дон Денни.— Я согласен с Джо: это выглядит как-то странно.

— Я потеряла свои способности,— после минутного молчания сказала Пат.— Видимо, это последствия взрыва...

— Что же ты молчала? — спросил Джо.

— Черт побери, да я просто не хотела об этом говорить,— вспылила Пат.— Думаешь, приятно признаваться в бессилии? Я все время пробую — и у меня ничего не получается. Никогда со мной такого не было, ни разу в жизни...

— Когда?..— начал Джо, но Пат перебила:

— Сразу. Когда убило Рансайтера. Еще до того, как ты вспомнил обо мне.

— То есть знаешь ты об этом давно,— сказал Джо.

— Я пробовала в Нью-Йорке, когда ты вернулся такой обломанный из Цюриха,— я поняла, что с Венди случилось что-то ужасное. И сейчас, когда ты сказал, что Эди, видимо, умерла. Может быть, это потому, что нас зашвырнуло в такое архаическое время. Может быть, в тридцать девятом году психонические таланты вообще не могут проявляться. Хотя нет, это не объясняет, почему у меня сорвалось на Луне... разве что мы уже сместились во времени, но еще не осознали этого...— Пат замолчала, мрачно поглядывая на бегущие за окном улицы Де-Мойна.

Да, это возможно, подумал Джо. Конечно же, ее способность перемещаться в прошлое должна исчезнуть. Сейчас не настоящий тридцать девятый год — мы находимся вообще вне потока времени. Значит, Эл был прав. И тот, кто писал на стенах, тоже был прав. Это полужизнь, и времени здесь нет...

Говорить об этом он не стал. Зачем? Они и так скоро сами убедятся в этом. А Денни, скорее всего, уже и сейчас понимает все...

— Ты, я вижу, по-настоящему обеспокоен, что ее талант перестал существовать? — спросил Дон Денни, наклонившись к Джо.

— Да, конечно,— кивнул Джо.— Я надеялся, что с ее помощью мы сможем влиять на ситуацию.

— По-моему, тут есть что-то еще,— усомнился Денни, демонстрируя свою интуицию.— Что-то у тебя в голосе этакое

прозвучало... Мне кажется, что тебе этот факт позволил что-то понять. Что-то важное. Я прав?

— Куда ехать? — спросил Джо, притормаживая у перекрестка.

— Направо,— сказала Типпи Джексон.

— Увидишь кирпичный дом с мигающей неоновой надписью: «Отель "Лысая Гора"» — так и называется, правда. Кошмарное заведение. Одна ванная комната на два номера с деревянной лоханью, представляешь, и без душа. А чем кормят! Неописуемо! И всего один сорт выпивки, которую они называют «Нехай».

— А мне еда понравилась,— сказал Дон Денни.— Свежая говядина, это вам не синтетический белок. И настоящий лосось...

— Деньги годятся? — спросил Джо. Внезапно раздался высокий воющий звук, эхом разнесшийся по всей улице.— Что это? — спросил он Денни.

— Не знаю,— нервно ответил тот.

— Это полицейская сирена,— сказал Сэмми Мэндо.— Вы свернули, не дав сигнала.

— А какой сигнал я мог дать? Тут нет никаких указателей поворота.

— Надо было показать рукой,— сказал Сэмми.

Сирена раздалась совсем рядом, и с машиной поравнялся полицейский мотоцикл. Джо притормозил, не зная, что делать дальше.

— Остановите у тротуара,— сказал Сэмми.

Джо свернул к тротуару и остановил машину.

Сойдя с мотоцикла, полицейский быстро подошел к ним. Это был молодой человек с острым крысиным лицом, большими глазами и пронзительным взглядом.

— Ваши права, мистер,— сверля взглядом Джо, потребовал он.

— У меня нет прав,— сказал Джо.— Я заплачу штраф, и позвольте нам ехать дальше.— Отель был виден отсюда. Джо повернулся к Денни и сказал: — Бегите бегом, так будет быстрее.

«Виллис-Кавалер» обогнал их. Дон Денни, Пат, Сэмми и Типпи Джексон вышли из машины и, оставив Джо разбираться с полицейским, направились к отелю. «Виллис» остановился, чтобы подобрать их.

— Какое-нибудь удостоверение личности у вас есть? — спросил полицейский.

Джо подал ему свой бумажник. Красным карандашом полицейский заполнил бланк, вырвал его из блокнота и подал Джо.

— Поворот без сигнала. Езда без прав. На обороте написано, куда и когда вы должны явиться,— он вернул Джо бумажник, спрятал свой блокнот и неторопливо зашагал к мотоциклу. Дал газ и, не оборачиваясь, быстро сорвался с места и исчез в уличной толчее.

Зачем-то, прежде чем спрятать повестку в карман, Джо заглянул в нее. Потом — медленно — прочитал. Потом — еще медленнее — перечитал. Почерк был знакомый.

ВЫ В БОЛЬШЕЙ ОПАСНОСТИ, ЧЕМ Я ДУМАЛ. ТО, ЧТО ГОВОРИЛА ПАТ КОНЛИ, БЫЛО...

На этом текст обрывался. Что же там дальше? Покрутив повестку и не найдя продолжения, Джо снова внимательно изучил лицевую ее часть. От руки больше ничего не написано, зато типографским шрифтом внизу было следующее:

Аптека Арчера
реализует медикаменты и моющие средства.
Цены снижены!

Не густо, подумал Джо. И все-таки это наверняка еще один знак — потому что встретить такой текст на повестке, врученной дорожным полицейским, просто невозможно. Конечно, знак — как и текст, написанный карандашом...

Выйдя из машины, Джо вошел в табачную лавочку напротив.

— Я не мог бы попросить у вас телефонную книгу? — спросил он хозяина лавки, толстяка средних лет.

— Где-то среди того говна,— хозяин ткнул толстым пальцем в захламленную полку.

Джо раскопал книгу. Аптеки Арчера там не было. Положив книгу обратно, он подошел к хозяину, поглощенному продажей маленькому мальчику пачки вафель «Никко». Дождавшись конца этой процедуры, Джо спросил:

— Вы не знаете, где находится аптека Арчера?

— Не здесь,— последовал ответ.— А то и вообще нигде.

— Как это?

— Она закрылась несколько лет назад.

— Тогда скажите, где она была. Примерно. Или, лучше, нарисуйте.

— Я и так объясню, без рисунков,— хозяин подошел к двери магазинчика и показал рукой: — Видите парикмахерскую? От

нее свернете направо. Увидите старый дом с фронтонами. Желтый такой. Верхний этаж там используется, а нижний заколочен. Узнаете вы этот дом, там еще надпись есть: «Аптека Арчера». Найдете, не сомневайтесь. Дело-то там такое было: Эд Арчер дал дуба — рак горла, понимаете...

— Спасибо,— сказал Джо и устремился на улицу. Солнце садилось. Торопясь, он пересек улицу и у парикмахерской свернул, как было указано.

Он сразу же увидел желтый обветшалый дом. Однако с этим домом творилось что-то странное. Он как бы мерцал, то появляясь на несколько секунд, то исчезая. Это напоминало пульсацию какого-то органа.

Может быть, это конец пути? Джо стал приближаться к заколоченной аптеке, не отводя взгляда. Наконец, подойдя достаточно близко, он уловил, что именно происходит.

Возникая из ничего, перед ним попеременно появлялись то автоматизированный магазин хозяйственных товаров из его собственного времени — самообслуживание, десять тысяч наименований товаров и все такое прочее — в общем, то, к чему он привык; то архаическая, с фасадом в стиле рококо, аптека с какими-то бандажами и набрюшниками, рядами очков и ступками, банками с пиявками и бутылями с притертыми пробками на витринах — сундучок Пандоры с полной коллекцией врачебных поисков и ошибок... и надпись «АПТЕКА АРЧЕРА» на полированной деревянной доске над дверью... То, что было здесь в тридцать девятом — заброшенное, заколоченное помещение,— каким-то образом исчезло, выпало. Значит, войдя туда, подумал Джо, я либо вернусь в свое время, либо провалюсь еще глубже в прошлое... причем второй вариант кажется куда более вероятным.

Но именно это было написано в повестке. «Посети аптеку Арчера...»

Ему казалось, что от дома исходят какие-то колебания, раскачивающие его взад-вперед, подобно волнам. Странно, что прохожие ничего не замечают... Джо дождался, когда появится старинная аптека, и шагнул в дверь.

Он оказался в аптеке Арчера. Справа от входа шел длинный прилавок с мраморной крышкой. Темные ящики на стенах — и вообще все помещение темное, и не из-за отсутствия света, а из-за окраски. Все сделано так, чтобы постоянно присутствовал мрак, тень, темнота — без этого здесь нельзя. Мрачное,

тяжелое благородство... но как гнетет — будто гири на плечах... Пульсация прекратилась, как только Джо оказался внутри помещения,— по крайней мере, здесь она не воспринималась. Он уже не был уверен, что сделал правильный выбор. Ведь можно было попытаться совершить прыжок в свой мир — из этого, деградирующего... Поздно. Дело сделано. Он прошелся по аптеке, обозревая медь и резное дерево — кажется, орех — панелей внутренней отделки... Наконец он подошел к окошечку рецептурного отдела в глубине помещения.

Худой юноша в сером костюме со множеством путовиц молча поднялся ему навстречу. Долгое время они смотрели друг на друга. Тишину нарушал только звук настенных часов. Маятник их раскачивался, беспардонно и громко тикая. Впрочем, такова манера всех часов в мире.

— Я хотел бы флакон «Убика»,— сказал Джо.

— Мази? — уточнил аптекарь. Его губы двигались не в такт с произнесенным словом: сначала Джо увидел, как открывается рот, шевелятся губы и язык — и лишь потом услышал дошедший до него звук.

— Разве это мазь? — спросил Джо.— Я считал, что его принимают внутрь.

Аптекарь какое-то время не отвечал — будто их разделяло огромное пространство... или эпоха. Потом его рот приоткрылся, губы зашевелились. Через минуту Джо услышал ответ.

— «Убик» пережил множество изменений. Производитель постоянно совершенствует препарат. Наверное, вы имеете в виду старый «Убик».— Аптекарь отошел немного в сторону; его манера двигаться, напоминающая то ли замедленное кино, то ли бальный танец, могла показаться красивой, но страшно раздражала. Через минуту он подплыл к окошку и положил на прилавок плоскую жестяную банку с запаянной оловом крышкой.— Последнее время у нас появились трудности с поставками «Убика»,— сказал он.— Это новый препарат, он изготовляется в виде порошка, который следует смешивать с дегтем. Деготь приобретается отдельно за очень умеренную цену. Но порошок «Убик» весьма дорог. Сорок долларов.

— Что же в него входит? — холодея от названной цифры, спросил Джо.

— Это секрет изготовителя,— сказал аптекарь.

Джо взял банку в руку и поднес ее к глазам.

— Могу я прочитать надпись? — спросил он.

— Разумеется.

Джо повернулся так, чтобы слабый свет, проникающий через окно, падал на этикетку. С трудом, но ему удалось-таки разобрать печатный текст. Он начинался с того места, на котором обрывалась фраза, написанная красным карандашом дорожного полицейского.

...полным враньем. Она вовсе не пыталась — повторяю, не пыталась — применить свой талант ни после взрыва, ни для спасения Венди, Эла или Эди Дорн. Она солгала, и это проливает новый свет на ситуацию. Я дам тебе знать, как только что-нибудь выясню. Пока что соблюдай крайнюю осторожность. И последнее: порошок «Убик» сохраняет свои уникальные лечебные свойства, если точно и скрупулезно следовать рекомендациям по его применению.

— Могу я заплатить чеком? — спросил Джо.— У меня нет при себе сорока долларов, а «Убик» мне крайне необходим. Буквально вопрос жизни и смерти.— Он достал из кармана чековую книжку.

— Вы ведь не житель Де-Мойна, верно? — сказал аптекарь.— Я это понял по вашему акценту. Видите ли, я должен знать вас лично, чтобы принять чек на такую крупную сумму. В последние дни мы получили слишком много чеков без обеспечения.

— А кредитной карточкой?

— Что такое кредитная карточка? — спросил аптекарь.

Джо поставил банку с «Убиком» на прилавок и с трудом разжал пальцы. Это безнадежно... Молча он вышел из аптеки, перешел улицу и остановился на тротуаре. Оглянулся...

Он увидел лишь дряхлый желтый дом. Окна верхнего этажа занавешены, внизу — забиты досками. Между досок — абсолютная чернота. Ни следа жизни.

Вот, значит, как... Теперь мне никогда не купить «Убик». Даже если я найду сорок долларов на тротуаре. Зато теперь я знаю, что имел в виду Рансайтер. Если он сам, конечно, не ошибается. А если ошибается? Если все, что он говорит и пишет,— плод умирающего сознания? Или полностью умершего? Господи, подумал он с ужасом, ведь это, наверное, правда...

Прохожие вокруг него стали поднимать головы и смотреть вверх, и Джо тоже поднял голову и, прикрывая глаза ладонью

от низкого оранжевого солнца, стал смотреть в небо. За белой точкой тянулась белая струйка дыма. Маленький аэроплан усердно расписывал небо. На глазах у Джо возникла надпись:

ДЕРЖИ ХВОСТ ПИСТОЛЕТОМ, ДЖО!

Легко сказать, подумал Джо. Написать тоже легко...

Горбясь от навалившейся вдруг усталости и предчувствуя возвращение былого ужаса, он поплелся, спотыкаясь, в сторону отеля «Лысая гора».

Дон Денни ждал его в вестибюле, высоком, сводчатом, выстланном темно-красными коврами,— в общем, невыносимо провинциальном.

— Мы нашли ее,— сказал Денни.— Все кончено. По крайней мере, для нее. Все это ужасно. Теперь исчез Фред. Я думал, он едет в той машине, а они думали — он в нашей. Короче, он остался в мортуарии.

— Все пошло вразнос,— сказал Джо. Интересно, мог бы «Убик», все время маячивший перед глазами и не дававшийся в руки, повлиять на ситуацию? Не знаем и не узнаем...— Выпить тут можно где-нибудь? И как насчет денег? Мои тут ничего не стоят.

— Мортуарий платит за все. Так распорядился Рансайтер.

— И за отель тоже? — Странно, подумал он, каким же образом Рансайтер умудрился все это организовать? — Денни, пока никого нет, я хочу показать тебе одну вещь...— Он достал повестку.— Есть и продолжение этой записки, за ним я и ходил сейчас.

Денни прочитал записку — раз и еще раз. Потом замедленным движением вернул ее Джо.

— Рансайтер считает, что Пат лжет нам,— без малейшей вопросительной интонации сказал он.

— Да,— сказал Джо.

— Ты понимаешь, что это значит? — голос его стал жестким.— Это значит, что она вполне могла аннулировать все это — все, начиная со смерти Рансайтера!

— Я думаю, что это означает совсем другое,— сказал Джо.

Денни посмотрел ему прямо в глаза, и впервые за все время Джо увидел в этих глазах страх.

— Ты прав. Да, ты абсолютно прав...— лицо Денни болезненно исказилось. Он все понял.

— Об этом даже не хочется думать,— сказал Джо.— Вообще ничего не хочется. Все это мерзко. Хуже, чем я думал. Хуже, чем думал Эл. А он считал, что хуже быть уже не может...

— Значит, может,— сказал Денни.

— Все это время я старался понять — почему, из-за чего, какая причина? Я был уверен, что если узнаю это...— Эл о подобном даже не заикнулся, подумал Джо. Мы оба как сговорились — не предполагать ничего похожего. Из лучших побуждений...

— Пока никому ничего не говори,— сказал Денни.— Может быть, это все неправда. А если и правда, то какой смысл в том, что они ее узнают? Это не поможет...

— Что не поможет? — раздался сзади голос Пат.— Чего это мы не должны знать? — Пат обогнула их и встала напротив. Ее пронзительно-черные глаза смотрели мудро и спокойно. Слишком спокойно.— Вам не стыдно что-то скрывать, когда умерла Эди Дорн? И Фред — он, наверное, тоже умер? Не слишком ли многих мы потеряли? Кто будет следующим, интересно? — Она полностью владела собой и говорила негромко и почти равнодушно.— Типпи лежит в своей комнате. Она не говорит, что устала, но я думаю, что это следует понимать именно так. Вы не согласны?

— Согласны,— помолчав, ответил Денни.

— Что тебе написали в повестке, Джо? — протягивая руку, спросила Пат.— Можно посмотреть?

Джо протянул ей листок.

Вот и все, подумал он. Все линии пересеклись в одной точке. Вот сейчас...

— Как этот полицейский узнал мое имя? — спросила Пат. Она посмотрела на Джо, потом на Денни.— Откуда здесь я?

Она не узнала почерк, подумал Джо. Она просто не видела его никогда...

— Это писал Рансайтер,— сказал он.— Получается, что все это — твоих рук дело, да, Пат? То есть не рук — таланта? Мы оказались здесь из-за тебя?

— И ты нас потихонечку убиваешь,— сказал Денни.— Одного за другим. Но почему? — Он повернулся к Джо: — Действительно, почему? Она же нас и не знает толком...

— Ты для этого пришла в Ассоциацию Рансайтера? — Джо изо всех сил старался сохранять спокойствие, но голос предательски дрожал.— Тебя разыскал и привел Джи-Джи Эшвуд.

Он работал на Холлиса, да? Так, значит, все, что происходит с нами,— не из-за бомбы, а из-за тебя?

Пат улыбнулась.

И в этот момент холл отеля взорвался перед глазами Джо.

Глава 13

На вас перестали оглядываться мужчины? Это потому, что вы не пользуетесь бюстгальтерами и лифами «Убик»! Эластичное и невесомое белье обеспечит молодую упругость и пышность вашей груди.

Строго придерживайтесь инструкции!

Темнота окружала его, липла к лицу, как спутанная, влажная, теплая шерсть. То, чего он так боялся, наступило. Зря я не послушался Рансайтера, мелькнуло где-то на границе сознания, не надо было показывать ей эту записку...

— Что с тобой, Джо? — с тревогой в голосе спросил Денни.— Тебе плохо?

— Все в порядке...— Джо начал что-то видеть вокруг. Мрак расслоился, отступил вверх и вниз, образуя пустое серое пространство.— Просто я переутомился, наверное.— Черт возьми, ему никогда в жизни не приходилось испытывать такой сокрушающей усталости...

— Давай-ка я помогу тебе сесть в кресло,— сказал Денни, подхватывая его под локоть. Джо чувствовал, что Дон его ведет, и это его испугало — необходимость того, чтобы кто-то обязательно помогал ему идти. Он освободился от поддержки.

— Я сам. Со мной все в порядке.— Призрак Денни понемногу принимал реальные очертания, Джо сосредоточил на нем все свое внимание и через несколько секунд уже мог различить обстановку холла, хрустальную люстру под потолком, источающую желтый свет...— Мне надо бы присесть,— сказал он, нашаривая плетеное кресло.

— Что ты с ним сделала? — яростно повернулся Денни к Пат.

— Ничего она со мной не делала,— сказал Джо, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал твердо. Но все равно получался какой-то писк: будто голос был записан на магнитофон, а потом проигран с повышенной скоростью. Тонкий, пронзительный, совсем не его голос.

— Это правда,— сказала Пат.— Я ничего не делала ни с ним, ни с остальными.

— Я хочу лечь,— сказал Джо.— Где тут можно лечь?

— Пойду сниму тебе номер,— сказал Денни нервно; все это время он парил где-то рядом, то исчезая, то возникая вновь — в такт изменениям яркости света в холле: от тускло-красного до желтого и обратно.— Посиди пока здесь, я сейчас.

Он пропал, а Пат осталась.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — ласково спросила она.

— Нет,— вытолкнул из себя Джо. Это потребовало от него огромного усилия, потому что слово зацепилось за какую-то каверну в сердце.— Разве что сигарету...— эти три слова полностью истошили его силы. Сердце колотилось бешено. Тяжелая рука все сильнее и сильнее вдавливала его в кресло.— У тебя есть?

Скосив глаза, он стал смотреть на Пат. Ее силуэт был еле виден в клубящемся багровом свете. В полыхающих отсветах иной реальности...

— Нет,— сказала Пат.— К сожалению, нет.

— Что это... что со мной?

— Сердечный приступ, должно быть,— предположила Пат.

— Как ты думаешь... здесь есть врач... в отеле?

— Вряд ли.

— Ты не могла бы... поискать?

— Я думаю, у тебя это нервное,— сказала Пат.— Ты не болен. Все пройдет само.

Вернулся Денни.

— Номер я снял,— сказал он.— Двести третий...— он замолчал, и Джо ощутил исходящую от него тревогу.— Джо, ты скверно выглядишь. Из тебя будто выпустили воздух... Боже, Джо, ведь так выглядела Эди, когда...

— Ничего похожего,— сказала Пат.— Эди умерла. А Джо жив. Да, Джо?

— Я хочу подняться в номер и лечь,— сказал Джо. Кое-как он встал на ноги. Сердце его продолжало работу с каким-то сомнением: то пропускало удары, то вновь начинало биться. Оно грохотало, будто тяжелой кувалдой проламывали бетонную стену. Каждый удар сотрясал все тело.— Где лифт? — спросил он.

— Я отведу тебя,— Денни снова взял его под локоть.— Ты как перышко, Джо. Что с тобой? Ты можешь мне сказать? Ты знаешь, в чем тут дело? Постарайся объяснить...

— Он ничего не знает,— сказала Пат.

— Я думаю, надо вызвать врача,— сказал Денни.— Немедленно.

— Нет,— сказал Джо. Я лягу, и станет легче, подумал он. Какая-то неодолимая, как океанское течение, сила овладела им и приказывала: ляг. Ляг, вытянись, отдохни... в покое, в одиночестве... Я должен, должен дойти, должен остаться один... почему? Нужен ли ответ? Его просто охватила непреодолимая жажда одиночества.

— Пойду приглашу врача,— сказал Денни.— Пат, побудь с ним. Не спускай с него глаз. Я постараюсь скоро вернуться.

Он ушел, и Джо еще несколько секунд мог видеть удаляющуюся фигурку. Денни сжимался, усыхал, потом просто исчез. Осталась Пат, но ее присутствие не делало Джо менее одиноким. Его изоляция от мира стала абсолютной.

— Итак, Джо,— чего ты хочешь? Что я могу для тебя сделать?

— Лифт,— сказал Джо.

— Ты хочешь, чтобы я довела тебя до лифта? С радостью.— Она зашагала вперед, и Джо изо всех сил устремился за ней. Ему казалось, что она движется со сверхъестественной скоростью. Пат не останавливалась и не оглядывалась, и только чудом ему удавалось не терять ее из виду. Не может быть, что она на самом деле идет так быстро, подумал Джо, это я замедлен, придавлен силой тяжести... весь окружающий мир был скоплением чистой массы, а у него самого осталось единственное свойство: притягиваться к ней, испытывать давление колоссального собственного веса... и единственная способность: ощущать инерцию...

— Не так быстро,— выдохнул он. Пат исчезла из поля зрения. Упорхнула. Джо остановился, не в силах сделать ни шагу. Пот заливал глаза.— Подожди...— прошептал он.

Пат снова оказалась рядом. Наклонилась, чтобы посмотреть на него поближе. Его поразило ее лицо: спокойное, бесстрастное, выражающее разве что научную заинтересованность.

— Вытереть тебе лицо? — спросила она, доставая кружевной платочек.

— Посади меня в лифт...— Джо заставил свои ноги сделать шаг. Потом еще шаг. Он уже видел вдали дверь лифта и ожидающих кабину людей. Стрелка старомодного указателя стояла на цифре 4. Потом она заколебалась и поползла влево, прошла 3...

— Сейчас подойдет,— Пат достала из сумочки сигареты и зажигалку, закурила и выпустила дым из ноздрей.— Это очень древний лифт. По-моему, там такая открытая железная клетка. Ты не боишься?

Стрелка миновала цифру 2, задержалась на единице, потом опустилась до конца. Дверь распахнулась.

Джо увидел ажурные железные решетки кабины, лифтера в форме... Лифтер сидел на табуретке, держа руку на рычаге.

— Поднимаемся наверх,— сказал лифтер.— Входите.

— Я не поеду,— сказал Джо.

— Почему? — удивилась Пат.— Ты боишься, что оборвется трос? Да? Ты этого боишься? Я же вижу, что ты чего-то боишься.

— Это то, что видел Эл,— сказал Джо.

— Как хочешь,— сказала Пат.— Остается лестница. Но ты ведь не дойдешь...

— Дойду,— сказал Джо. Он двинулся вперед в поисках лестницы. Ничего не вижу, ничего... не могу найти... Перехватило дыхание. Он остановился и сосредоточенно сделал вдох. А вдруг это и вправду сердечный приступ, подумал он. Тогда никаких лестниц... Жажда одиночества становилась нестерпимой. Лечь, вытянуться, закрыть глаза — в тишине, без свидетелей, никто не войдет, ни с кем не надо разговаривать... И чтобы никто не знал, где я. Это казалось ему самым важным: стать невидимым, неслышимым, просто исчезнуть. Особенно это касается Пат... ее присутствие непереносимо...

— Это здесь,— Пат развернула его влево.— Прямо перед тобой. Просто держись за перила и ковыляй к постельке. Ну? — Легким танцующим шагом она поднялась на несколько ступенек.— Ты сможешь?

— Я не хочу... чтобы ты... шла со мной...— сказал Джо.

— О, дорогой! — Она вздохнула с наигранным огорчением. Ее черные глаза блестели.— Боишься, что я воспользуюсь твоим состоянием? Опасаешься за свою невинность, да?

— Просто... хочу быть... один...

Цепляясь за перила, он одолел первую ступеньку. Остановился и посмотрел вверх, пытаясь сосчитать, как далеко до конца пролета и сколько ступенек предстоит ему преодолеть.

— Мистер Денни не велел мне отлучаться от тебя. Я могу читать тебе что-нибудь, приносить разные вещи. Заботиться о тебе.

Джо вскарабкался на следующую ступеньку.

— Один...— прохрипел он.

— Но я же могу просто посмотреть, как ты поднимаешься? Мне интересно, сколько времени уйдет на это. Если ты, конечно, дойдешь.

— Дойду...— Джо поставил ногу на следующую ступеньку, ухватился за перила и потянул себя вверх. Сердце билось где-то в горле. Он закрыл глаза и с трудом вздохнул.

— Я воображаю, как себя чувствовала Венди,— сказала Пат.— Она была первой, да?

— Я ее... любил...— прошептал Джо.

— О, я знаю. Джи-Джи говорил мне. Он прочел это в твоих мыслях. Мы с ним были хорошими друзьями. Немало времени провели вместе. Как ты выразился бы, у нас была интрижка. Да, ты сказал бы именно так.

— Мы были... правы...— сказал Джо. Он сделал глубокий вдох. Преодолел еще одну ступеньку. Потом еще одну.— Ты и Джи-Джи... работали на Холлиса. Внедрились... чтобы...

— Именно так,— согласилась Пат.

— Лучших инерциалов... и Рансайтера... прикончить...— Еще ступенька.— Мы не в полу... жизни... мы не...

— Да, вам предстоит полная смерть,— сказала Пат.— Вы еще живы — хотя тебя это уже не касается. Но умрут все. Только зачем нам говорить об этом? Снова напрягаться, думать? Ты же уже все это сказал мне, причем совсем недавно. И как ты мне надоел, повторяя опять то же самое. Ты просто тупой педант, Джо. Такой же тупой, как Венди Райт. Из вас получилась бы замечательная пара.

— Вот почему Венди... умерла первой... не потому... что была одна... а потому...— Он испугался внезапного прилива сердечной боли; нога соскользнула со следующей ступеньки, и Джо повис на перилах. Наверное, он потерял сознание, потому что внезапно обнаружил себя сидящим скрючившись, сжавшись... Как Венди в шкафу, подумал он. Подняв руку, он вцепился в рукав своего пиджака и потянул...

Материя расползлась. Сухая, истлевшая, она рвалась, как оберточная бумага... Сомнений не оставалось: скоро за ним потянется след из клочков распадающейся одежды. След, ведущий к двери, за которой его ждет желанное одиночество. И до которой он доползет, влекомый той же силой, что лишает его жизни... он околдован, и завершение его пути — в могиле...

Он поднялся еще на ступеньку.

Дойду, понял он. Сила, уничтожающая меня, мне же дает энергию, чтобы дойти. Мое тело тает — вот почему тела Венди, Эла, Эди... Фреда, видимо, тоже... выглядели как пустые коконы, отброшенные за ненадобностью. Эта сила позволяет мне бороться с неимоверно возросшей силой тяжести, и плата за это, плата за подъем — это само мое тело. И тела этого хватит, чтобы доставить меня наверх, за желанную дверь... и даже Пат, запустившая этот процесс, не сможет прервать его. Интересно, что она чувствует, наблюдая за этим восхождением? Испытывает восторг? Или презрение? Он поднял голову, присматриваясь. Никаких сильных эмоций на ее живом лице. Только интерес. Никакого злорадства. Совершенно нейтральное выражение. Удивления в себе он не ощутил. Пат пальцем не пошевелила, чтобы помешать — или помочь — ему. Это почему-то казалось естественным.

— Тебе получше? — спросила Пат.

— Нет,— он преодолел уже половину пути. Встал на следующую ступеньку...

— Ты выглядишь несколько лучше. Не таким бессильным.

— Потому что я поднимусь. Я знаю точно.

— Уже не шибко далеко,— согласилась Пат.

— Не так далеко,— поправил ее Джо.

— Ты невозможный. Такой мелочный, тривиальный. Даже в агонии... вернее, в том, что тебе кажется агонией,— поправила она себя.— Мне не следовало так говорить: «в агонии». Это может подорвать твой оптимизм.

— Лучше скажи мне... сколько ступенек... осталось...

— Шесть.— Она отбежала от него, легко и бесшумно взлетела наверх.— Нет, извини: десять. Или девять? Кажется, девять.

Он поднялся еще на ступеньку. Потом еще. И еще. Он молчал и никуда не смотрел. Карабкаясь вверх, как улитка, чувствуя твердую поверхность, на которую он мог опереться, он положился на инстинкт, на вырабатывающийся навык, позволяющий экономно расходовать остатки сил.

— Ты почти на месте,— весело сказала стоящая наверху Пат.— Что ты можешь сказать, Джо? Будут ли комментарии по поводу этого величайшего восхождения? Величайшего в истории человечества? Хотя нет — до тебя его уже совершили Венди, Эл, Эди и Фред. Но только твое я видела своими глазами.

— Тебе... понравилось?

— О, конечно! Ты так старался. Как тогда, в Цюрихе — когда устроил все так, чтобы Венди провела с тобой ночь в отеле. Но сегодня будет по-другому. Сегодня ты будешь один, Джо.

— Тогда... тоже... один...— Еще ступенька. Он вдруг судорожно закашлялся. С каплями пота вытекали и исчезали без толку сэкономленные силы...

— Ну почему же,— засмеялась Пат.— Венди была с тобой, в твоем номере. Правда, не в твоей постели. Не стоило так крепко спать, дружок.

— Постараться... не кашлять...— Джо поднялся еще на две ступеньки. Конец уже близко... Сколько прошло времени? Не знаю...

И, боже, как холодно! Он понял вдруг, что промерз насквозь. Никогда в жизни он не замерзал так. Все внутри изо льда. Кости изо льда. Хуже, чем было на Луне, хуже, чем в Цюрихе. Там был легкий озноб... Кто сказал, что в аду пекло? Там стужа, стылость, там все превращается в лед... Тело — это вес и тепло. Но вот мой вес убивает меня, а тепло меня покидает. Оно уйдет и не вернется — если я не пройду через новое рождение. Тепловая смерть — это то, что ждет Вселенную. Что ж, я буду не одинок...

Одинок... все равно одинок. Слишком рано пришло это чувство, подумал он. Будто кто-то в нетерпении подгоняет процесс — по злобе или из любопытства... невидимый, мерзкий, подсматривающий, как я ползу — полураздавленный жук... мальчишка-дебил, получивший власть надо мной и развлекающийся моими страданиями... то есть девчонка, грязная, порочная, жестокая... Пат.

— А ключ от номера у тебя есть? — спросила она.— Представь, ты подходишь к номеру — а ключ потерял где-то...

— Ключ есть,— сказал Джо и стал обшаривать карманы. Пиджак совсем расползся, и из какого-то кармана выпал и покатился по ступеням ключ. На одну... на две ступеньки вниз. Не достать...

— Ничего, я подниму.— Пат промелькнула мимо него, подняла ключ, посмотрела, тот ли, и положила его на перила над последней ступенькой.— Вот он, поднимешься и возьмешь. Это будет приз за восхождение. Твой номер, кажется, четвертый налево. Потихоньку дойдешь, это легче, чем лестница.

— Вижу... ключ... дойду... я дойду...— Отчаянным усилием он одолел три ступеньки подряд, не отдыхая. На это ушло слишком много сил, сила тяжести возросла, а холод стал еще невыносимее — если это только возможно.

Но он дошел.

— Я ухожу, Джо,— сказала Пат. Она стояла над ним, наклонившись и уперев руки в колени. Он хорошо видел ее лицо.—

И ты, наверное, не хочешь, чтобы к тебе ввалился Денни с врачом, да? Врач ведь не поможет. Так вот, я ему скажу, что отправила тебя в больницу. Так? Никто не будет тебя беспокоить. Ты будешь совсем один, наедине с собой. Согласен?

— Да,— сказал Джо.

— Вот твой ключ,— она вложила ему в руку холодный металлический предмет и сжала его пальцы.— Держи хвост пистолетом, как говорят в этом тридцать девятом. А еще тут говорят: самый вкусный сыр лежит в мышеловке...— Она выпрямилась, постояла, разглядывая его, а потом повернулась и быстро пошла через холл к лифту. Нажала кнопку. Створки двери разошлись, потом сошлись. Пат исчезла.

Сжимая ключ, Джо медленно распрямился — насколько позволил холод. Опираясь о стену, он стал медленно, шаг за шагом, продвигаться по коридору. Пот заливал глаза, и непонятно было, то ли в коридоре просто не горит свет, то ли глаза утратили способность видеть.

Наконец, он добрался до первой двери — ползущая закорючка. Поднял голову. Увидел номер. Нет, не тот.

Он пополз дальше.

Он дополз.

Теперь нужно распрямиться настолько, чтобы можно было вставить ключ в скважину. Это усилие отняло все, что еще оставалось, ноги подогнулись, и Джо упал лицом на пыльную ковровую дорожку. Он лежал, вдыхая запах тлена, распада, равнодушной смерти. Мне никогда не подняться, подумал он.

И все-таки он поднялся. Здесь его могли увидеть.

Повиснув на дверной ручке, он слепо совал ключ туда, где мог быть замок. Как только ключ повернется, дверь распахнется и пропустит его внутрь, он упадет, захлопнет дверь за собой... Потом ему удастся как-нибудь доползти до кровати.

Замок заскрежетал, язычок сдвинулся, и дверь распахнулась. Джо рухнул головой вперед, успев вытянуть руки. Рисунок на ковре: зигзаги, узоры, цветы — все красное с золотом, но уже изрядно потертое. Очень старый ковер, подумал Джо, лежа на нем и почти не чувствуя боли, старый номер, старый дом... наверное, когда его строили, действительно использовали те допотопные лифты в виде железных клеток...

Он долго лежал без движения, потом шевельнулся, будто кто-то позвал его. Подтянул колени, уперся руками... Боже, это мои руки! Узловатые, покрытые желтой пергаментной кожей, как гузка пережаренной индейки... нечеловеческая кожа,

в зачатках перьев, будто меня отбросило на миллионы лет, превратив в яшера с кожными перепонками вместо крыльев...

Открыв глаза, он огляделся в поисках кровати. Он увидел окно, из которого сочился серый свет. Маленький столик на тонких кривых ножках. Кровать... облезлые деревянные спинки с медными шарами по краям... всему этому тысяча лет. Как же я хочу лечь на нее! Он рванулся вперед, бессильно скребя ковер локтями и коленями...

...и тут увидел наконец сидящего в глубоком кресле человека. Молчаливого наблюдателя. Он подумал так, и, словно отозвавшись на эту его мысль, человек встал и подошел к нему.

Это был Глен Рансайтер.

— Извини, я не мог помочь тебе раньше — не хотел, чтобы она меня увидела,— сказал Рансайтер. Лицо его было сурово.— Я очень опасался, что она войдет за тобой, и тогда появились бы серьезные проблемы...— Он наклонился, подхватил Джо и поставил его на ноги так легко, будто веса в нем совсем не осталось.— Поговорим позже. А пока...— Он подхватил Джо на руки, перенес через комнату и опустил в кресло, в котором до этого сидел.— Продержись еще пару секунд, я запру дверь. Вдруг она изменит свои планы?

— Да,— сказал Джо.

Рансайтер подскочил к двери, повернул ключ и тут же вернулся к Джо. Открыв ящичек туалетного столика, он достал аэрозольный баллончик с ярко разрисованной этикеткой.

— Это «Убик»,— сказал он.— Все, что могу...

Встряхнув баллончик, он направил струю на Джо. Воздух засверкал, будто в нем высвобождались спрятанные частицы света. Солнечный блеск озарил полутемный гостиничный номер...

— Тебе лучше? — с тревогой спросил Рансайтер.— Он действует мгновенно. Ты уже должен почувствовать...

Глава 14

Это не просто упаковка, сохраняющая запах продуктов. Это четырехслойное пластиковое покрытие «Убик»! Это гарантия сохранения свежести, воздухо- и водонепроницаемости! Давайте поставим небольшой эксперимент...

— У тебя найдется сигарета? — спросил Джо. Голос его подрагивал, но уже не от холода и не от слабости. Я просто нервничаю, подумал он. Но уже не умираю. «Убик» остановил этот процесс...

Как, собственно, и говорил Рансайтер в том рекламном ролике. Найдешь «Убик» — и все будет хорошо... Но поиски заняли слишком много времени.

— Без фильтра,— сказал Рансайтер.— Здесь еще не додумались до сигарет с фильтром. Держи,— он протянул Джо пачку «Кэмела».— Сейчас дам огня,— он зажег спичку.

— Свежие,— удивился Джо.

— А какие же, черт возьми? Боже мой, да я же купил их только утром. Мы погрузились достаточно глубоко, период скисших сливок и истлевших сигарет прошел... вернее сказать, мы прошли его.— Он закурил и устроился поудобнее. Его глаза неподвижно смотрели куда-то, совсем не отражая света.— В этом-то и разница...

А он устал, подумал Джо. Хотя, пожалуй, не так, как я...

— Остальным ты можешь помочь? — спросил он.

— У меня только один баллончик,— сказал Рансайтер.— И большую его часть я уже израсходовал на тебя...— он в отчаянии махнул рукой и сжал пальцы, чтобы скрыть их дрожь.— Мои возможности ничтожны, все, что мог, я уже сделал. Я старался пробиться к вам — к каждому. Я ловил любой шанс. Я использовал малейшую возможность. Делал все, что мог,— слишком мало. Почти ничего...— он замолчал, тяжело дыша.

— Эти граффити... на стенах?..— начал Джо.— Ты писал, что мы умерли, а ты живой...

— Да, я живой,— сказал Рансайтер отрывисто.

— А мы — умерли?

Помолчав, Рансайтер кивнул:

— Да.

— Но в том ролике...

— Понимаешь, нужно было подтолкнуть тебя. Направить на поиски «Убика». Так и получилось: ты принялся гоняться за ним. Я все время пытался тебе его подсунуть, но ты же видел, что происходило: она успевала сместить вас еще глубже в прошлое. «Убик» тоже смещался, становился бесполезным, и все, что мне удавалось — это передавать тебе коротенькие записочки...— Рансайтер направил на Джо свой толстый указательный палец, как бы желая подчеркнуть значимость своих слов: — Ты пойми, чему мне приходилось противостоять! Той самой силе, которая подхватила вас всех и уничтожала одного за другим! Вообще удивительно, что мне удалось сделать хотя бы это...

— Когда ты догадался, что именно происходит? Или ты всегда знал? С самого начала?

— С какого начала? — скривился Рансайтер.— Что значит «начало»? Это началось черт знает когда, годы назад. Холлис, Мик, Пат Конли, Мелипоун, Эшвуд... Они давно к нам подбирались. И вот получилось: заманили нас на Луну. Причем мы прихватили с собой Пат Конли, новую сотрудницу, способностей которой по-настоящему не знали... не понимали... и вряд ли сам Холлис понимал, на что она способна. По крайней мере, это не перемещения во времени. Ведь она не может, скажем, сбежать в будущее. И с возвращением в прошлое не все так ясно. Мне представляется, что она вызывает процесс, который воскрешает более ранние формы действительности. Впрочем, вы с Элом ведь сами до этого додумались...— Рансайтер откинулся в кресле, скрипнул зубами.— Ах, какая потеря — Эл Хэммонд! Но я ничего не смог сделать, ничего...

— А почему смог сейчас? — спросил Джо.

— Мы перестали погружаться в прошлое. Начинается нормальный ход времени... Я думаю, она использовала свои возможности до конца, тридцать девятый — это ее предел. Теперь ее дар перестал действовать. Впрочем, задание Холлиса она выполнила...

— Сколько людей попало под ее воздействие?

— Только мы — те, кто оказался в том бункере. Даже Зэу Вирг не попала. Пат может регулировать зону действия своего поля. Так что в глазах остальных людей мы все погибли на Луне вследствие случайного взрыва; несчастный случай... Заботливый Мик поместил нас в холодильник, но наладить контакт с нами не удалось: слишком много времени прошло...

— Почему им показалось, что одного только взрыва будет недостаточно?

Рансайтер, подняв бровь, посмотрел на него.

— Зачем вообще понадобилась Пат Конли? — продолжал Джо. Он чувствовал, что что-то здесь не так.— Зачем громоздить все это — регресс, обратный поток времени... Какой в этом практический смысл?

— Интересная мысль...— Рансайтер медленно кивнул и нахмурился. Его морщины обозначились резче.— Над этим стоит подумать.— Он встал и подошел к окну. На другой стороне улицы светились витрины.

— Мне почему-то кажется,— сказал Джо,— что мы имеем дело не с разумно действующей силой, а...— он поискал слово,— с чем-то дурацким, зловредным... Нас не просто убивают

или нейтрализуют как сотрудников предупреждающей организации — нашими мучениями кто-то забавляется. Так вот, одного за другим... это не похоже на Холлиса. Он холоден и практичен. А из того, что я знаю о Мике, вообще...

— Может, это сама Пат? — повернулся к нему Рансайтер.— Она несомненная садистка. Любит, наверное, обрывать крылья мухам. Теперь вот — забавляется с нами...

— Мне все же кажется, что это — как ребенок...

— Она злобная и завистливая. Убила Венди первой из-за личной неприязни. А как она шла рядом с тобой по лестнице, любуясь твоими мучениями? Она же чуть не кончила, ей-богу.

— Откуда ты знаешь? — прищурился Джо. Он же не мог этого видеть, он ждал меня в номере... А откуда он узнал, что я приду именно в этот номер?!

Рансайтер засопел. Он сопел долго и шумно, и Джо терпеливо ждал, чем же это кончится.

— Ладно,— сказал наконец Рансайтер.— Я тебе не сказал всего. На самом деле мое положение в этом мире отличается от твоего... от вашего. Ты прав, я слишком много знаю. Это потому, что я смотрю на этот мир снаружи. И проникаю в него — тоже со стороны.

— Проявления,— сказал Джо.

— Да. Появляюсь в стратегических пунктах. Как с тем полицейским, как с аптекой Арчера...

— И ролик ты не записывал,— сказал Джо.— Это было вживую.

Рансайтер неохотно кивнул.

— Так в чем между нами разница? — спросил Джо.— Почему ты это все можешь, а мы...

— Ты хочешь, чтобы я сказал?

— Да.— Он внутренне собрался, хотя и знал заранее, что именно сейчас услышит.

— Я не мертв, Джо. Все обстоит так, как гласили надписи на стенах... Вы все лежите в холодильнике, а я...— Рансайтер не выдержал взгляда Джо и отвел глаза,— я сижу в зале свиданий Мораториума. Возлюбленных Собратьев. Я велел, чтобы установили связь между всеми вами; вы остаетесь единой группой. А я сижу и все пытаюсь наладить контакт с вами... Это и есть — снаружи. Со стороны. Отсюда и проявления — так ты это назвал. Уже неделю я пытаюсь пробудить вас к активной полужизни, но бесполезно — вы угасаете один за другим...

— А что с Пат Конли? — помолчав, спросил Джо.

— Она с вами. В полужизни, связанная с остальными.

— Глен... Весь этот регресс — он вызван ее талантом? Или это обычные при полужизни явления? — Напрягшись, он ждал ответа; почему-то казалось, что от этого зависит теперь все.

Рансайтер фыркнул, скривившись, и сказал неохотно:

— Обычные явления. Это же пережила Элла. Все это переживают...

— Ты все врешь,— сказал Джо. Разочарование было смертельным — как ножевая рана.

— Господи, Джо, да я же спас тебе жизнь,— удивленно сказал Рансайтер.— Я пробился к тебе так близко, что смогу, наверное, вытащить тебя в состояние полноценной полужизни. Ты будешь жить долго. Черт, да если б я не сидел и не ждал бы тебя в этом дерьмовом номере, когда ты вполз сюда... да, дьявол, ты бы валялся бы давно на этой дрянной кровати, мертвый, как гвоздь. Слушай, это я, Глен Рансайтер, твой босс, и я бьюсь, чтобы сохранить жизнь тебе и остальным... Тут, в реальном мире, я — единственный человек, который пытается что-то сделать.— Он смотрел на Джо с обидой и негодованием.— Эта Пат Конли убила бы тебя тем же способом, как и остальных...

— Венди, Эла, Эди, Фреда... наверное, и Тито Апостоса,— сказал Джо.

Тихим ровным голосом Рансайтер продолжал:

— Нынешняя ситуация очень сложна. Она не допускает простых решений...

— Особенно, когда ты их не знаешь,— сказал Джо.— Так вот обстоят дела. Ты все выдумал — чтобы объяснить свое присутствие здесь. Все твои присутствия, так называемые проявления...

— Я этого так не называл. Это вы с Элом придумали название. Не сваливайте на меня...

— Ты не знаешь ничего сверх того, что знаю я,— задумчиво сказал Джо,— ни о том, кто нас преследует, ни о том, что вообще происходит. Да, Глен, ты не можешь сказать, кто наш противник, потому что ты сам не знаешь...

— Я знаю, что жив. Знаю, что сижу здесь, в мораториуме...

— Твое тело лежит в гробу. Тут, в Мортуарии Истинного Пастыря. Ты не видел его?

— Нет. Но все это не так...

— Тело мумифицировано. И скорчено — так, как тела Венди, Эла, Эди, как скоро будет скорчено мое. И твое так же — не лучше, не хуже.

— В твоем случае все решил «Убик»,— сказал Рансайтер. На лице его возникло вдруг странное выражение: смесь страха, озарения, чего-то еще, чему Джо не мог найти названия...— Я достал для тебя «Убик»...— Рансайтер замолчал.

— Что такое «Убик»? — спросил Джо.

Рансайтер не ответил.

— Этого ты тоже не знаешь,— сказал Джо.— Не знаешь, что это такое, не знаешь, как он действует. Ты не знаешь даже, откуда он берется.

После мучительно долгой паузы Рансайтер сказал:

— Ты прав, Джо. Абсолютно прав.— Дрожащими руками он пытался достать сигарету.— Я хотел сохранить тебе жизнь — это чистая правда. Черт, я хотел спасти вас всех...— Сигарета выпала из его пальцев и покатилась по полу. Рансайтер с трудом наклонился, чтобы поднять ее. На лице его появилось выражение полнейшего несчастья. Почти отчаяния.

— Это потому, что мы здесь, а ты там, в том чертовом зале свиданий,— сказал Джо.— Ты не знаешь, что происходит с нами, и ничего не можешь сделать...

— Да, все так,— сказал Рансайтер.

— Мы заморожены — но с нами происходит что-то необычное. Что-то такое, чего не бывает в нормальной полужизни. Мне кажется, что идет схватка двух сил: одна пытается нас уничтожить, другая — спасти. Ты сотрудничаешь со второй, хотя не знаешь, что она собой представляет. Человек это, или дух, или... не знаю, что. Именно от нее ты получил «Убик».

— Да.

— Так что никто из нас не знает до сих пор, с чем мы имеем дело. Кто на нас охотится и кто нас спасает. Ни ты, который там, ни мы, которые здесь... Разве что Пат?

— Думаю, да,— сказал Рансайтер.— Враг — это она.

— Это правдоподобно... но не более того.— Похоже, что мы еще не встречались лицом к лицу ни с нашим врагом, ни с нашим другом, подумал Джо. Но встреча произойдет, и скоро мы будем знать все...

— Скажи мне, ты абсолютно уверен, что ты — единственный человек, переживший взрыв? — спросил он Рансайтера.

— Я уже говорил: Зэу Вирт...

— Из наших. Зэу Вирт в тот момент с нами не было. А, например, Пат Конли?

— У Пат Конли размозжена грудная клетка. Смерть наступила от шока и коллапса обоих легких. Кроме того, множество разрывов внутренних органов, в частности кишечника. Переломы костей ног. В физическом смысле она находится в четырех футах от тебя. Ее тело, конечно.

— А остальные? Они все здесь же?

— Все, кроме Сэмми Мэндо. У него необратимые повреждения мозга, он в коме, из которой его никогда не выведут. Он стал растением. Ни личности, ни сознания, ничего.

— Поэтому, естественно, ты его не упомянул...

— Упомянул же.

— Когда я спросил...— Джо задумался.— Где он? В Цюрихе?

— В Цюрихе. В больнице Карла Юнга. В четверти мили отсюда.

— Найми телепата,— сказал Джо.— Или используй Эшвуда. Пусть взглянут на его подсознание.— Мальчишка. Недоразвитый и глупый. Жестокая, непредсказуемая, причудливая личность. Похоже, что это то самое... Да, это объяснило бы все — все эти обрывания крыльев и приставления их заново. С возвращением сил после смертного изнеможения...

— Я это уже сделал,— вдохнул Рансайтер.— Сразу же... Не обнаружено ничего. Ни малейшего следа высшей нервной деятельности. Мне очень жаль, Джо...— он покачал своей массивной головой, явно разделяя разочарование Джо.

— Мы поговорим еще, попозже,— сказал Рансайтер, снимая наушники. Он отложил в сторону всю коммуникационную аппаратуру и тяжело поднялся со стула. Постоял, разглядывая неподвижное тело Джо Чипа, лежащее в заиндевевшем пластиковом гробу. Вытянувшийся и молчаливый Джо... таким он никогда не был, но именно таким ему придется оставаться до скончания времен...

— Вы меня вызывали, сэр? — Герберт Шэнхайт фон Фогельзанг оказался рядом. Он был похож на средневекового льстеца.— Соединить мистера Чипа с остальными? Вы уже закончили, сэр, не так ли?

— Закончил.

— И?..

— Все получилось. Я поговорил с ним.— Он взял сигарету, первую за много часов. Долгие и безуспешные попытки

связаться с Джо вымотали его до предела.— Где-нибудь есть автомат с амфетамином?

— В холле, пожалуйста,— фон Фогельзанг предупредительно показал направление.— Прошу вас...

Рансайтер вышел из зала свиданий и подошел к автомату. Бросил монетку, установил уровень дозы, и маленькая знакомая капсула скользнула в лоток. Проглотив ее, он сразу почувствовал прилив сил. И тут же вспомнил, что через два часа у него должна состояться встреча с Лином Ниггельманом. Я просто не успею составить официальный рапорт, подумал он, надо позвонить и договориться о переносе встречи...

Найдя платный видеофон, Рансайтер набрал номер бюро Ниггельмана.

— Лин,— сказал он,— я сегодня просто не в состоянии ничего делать. Я двенадцать часов подряд пытался установить контакт с моими людьми. Я вымотался, понимаешь? Это ничего, если мы перенесем наши дела на утро?

— Чем раньше ты представишь рапорт, тем скорее мы сможем начать действовать. Мои юристы говорят, что пора поджигать фитиль. У них уже руки чешутся.

— Они намерены затевать гражданский процесс?

— И гражданский, и уголовный. Дело уже у главного прокурора Нью-Йорка. Но, сам понимаешь, без твоего рапорта...

— Завтра,— сказал Рансайтер.— Мне надо поспать хоть несколько часов. Иначе — все, крышка...— Крышка, подумал он. Я потерял лучших людей, я потерял Джо... да, особенно Джо. Фирма обескровлена, бог знает, когда удастся возобновить деятельность. Где взять инерциалов? Где взять такого специалиста по полям?..

— Конечно, Глен,— сказал Ниггельман.— Выспись как следует, а завтра встретимся — скажем, в десять часов по нашему времени.

— Спасибо, Лин,— сказал Рансайтер. Он положил трубку и тяжело опустился на розовый пластиковый диванчик, стоящий в коридоре напротив видеофонной кабины. Нет, такого специалиста, как Джо, мне не найти никогда, подумал он. В сущности, то, что случилось — это конец Ассоциации Рансайтера...

Вновь возник владелец мораториума — как всегда, вовремя.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Рансайтер? Может быть, чашечку кофе? Или амфетамин продленного дей-

ствия? В моем кабинете есть капсулы, рассчитанные на сутки. Всю ночь вы сможете...

— Этой ночью я буду спать,— сказал Рансайтер.

— Тогда, может быть...

— Сгинь,— сказал Рансайтер, и фон Фогельзанг сгинул. Какого черта я выбрал именно эту фирму, спросил себя Рансайтер. Ну да, здесь находится Элла. В конце концов, это лучший мораторium в мире... сначала сюда попала Элла, а за ней — все остальные. Подумать только, так много людей еще недавно находились по эту сторону гроба...

Элла, вспомнил он. Я так и не поговорил с нею. Надо рассказать, какая сложилась ситуация...

Он поднялся с кресла и двинулся вперед в поисках владельца мораториума.

Но этот чертов Джори — или как его там? Он опять встрянет в наш разговор? Или Элле удастся продержаться достаточно долго, чтобы я успел пересказать ей то, что услышал от Джо? Проклятый Джори, он паразитирует на ней... а может быть, и на остальных полуживущих? Мораториум давно должен найти на него управу, это же настоящее бедствие... Почему они позволяют ему так себя вести?

Не могут с ним справиться?

Может быть, среди полуживущих никогда таких не было?

Глава 15

У вас так пахнет изо рта, что девушки не желают целоваться с вами? Положите револьвер на место и попробуйте вот этот новейший «Убик». Убивать надо микробов, а не себя!

Эффективен и безвреден при использовании строго по инструкции!

Дверь распахнулась, и появился запыхавшийся Дон Денни в сопровождении солидного пожилого мужчины с седоватым «ежиком» на голове.

— Как ты, Джо? — с тревогой спросил Денни.— Почему ты не лег? Ради бога, ложись в постель!

— Прошу вас лечь, мистер Чип,— сказал врач и поставил на столик свой чемоданчик.— Боль никуда не отдает? Дышать не трудно? — Он достал из чемоданчика старомодный стетоскоп и громоздкий аппарат для измерения давления.— Раньше вас

сердце не беспокоило? Ваши родители от этого не страдали? Расстегните рубашку, пожалуйста.

— Да у меня все в порядке,— сказал Джо.

— Пусть доктор послушает,— сказал Денни настойчиво.

— Ладно,— Джо лег и расстегнул рубашку.— Рансайтер пробился ко мне,— сказал он Денни.— Мы заморожены. Он пытается наладить с нами связь. И кто-то другой пытается причинить нам вред. Не Пат — по крайней мере, не она одна. Никто не знает, что именно происходит,— ни Пат, ни Рансайтер... Кстати, ты вошел — не заметил его?

— Нет,— сказал Денни.

— Он сидел вон там, напротив меня. Сказал: «Мне очень жаль, Джо»,— и исчез. Прервал связь. И тут входишь ты... Посмотри вон там, на столике — он должен был оставить баллончик «Убика».

Денни взял в руки пестрый баллончик.

— Этот? Похоже, он пустой.

— Наполовину. Побрызгай на себя. Ну, давай же! — Джо требовательно взмахнул рукой.

— Не разговаривайте, мистер Чип,— сказал доктор.

Он выслушал его с помощью стетоскопа, потом закатал ему рукав и наложил резиновую манжету, собираясь измерить давление.

— Как там мое сердце? — спросил Джо.

— Работает нормально,— сказал доктор.— Немного торопится...

— Вот видишь? — сказал Джо Денни.— Я уже здоров.

— Остальные умирают, Джо,— сказал Денни.

— Все? — подскочил Джо.

— Все,— Денни покрутил в пальцах баллончик, не решаясь воспользоваться им.

— И Пат?

— Я встретил ее, выходя из лифта. У нее это только-только началось. Она была страшно удивлена этим. Просто не могла поверить. Наверное, считала, что сама вызывает этот процесс...— Денни поставил баллончик на стол.— С помощью своих способностей.

— Так она и думала,— сказал Джо.— Почему ты не хочешь воспользоваться «Убиком»?

— Черт побери, Джо, мы ведь все равно не продержимся долго! И мы оба прекрасно это знаем.— Денни снял свои очки в роговой оправе и потер глаза.— Понимаешь, когда я увидел,

что случилось с Пат, я обошел остальных... Остальных из нас, ты понимаешь это? Доктор Тейлор осмотрел их... Я все как-то не верил, что силы могут истощиться так быстро. Но за последние часы...

— Обрызгай себя «Убиком»,— сказал Джо.— Или это сделаю я.

Денни взял баллончик, встряхнул его и направил на себя.

— Ладно, раз ты так настаиваешь... Действительно, нет причин отказываться. Все равно конец, не так ли? Думаю, остальные уже умерли. Остались мы двое, а через несколько часов «Убик» перестанет действовать... и больше ты его не достанешь. Тогда останусь только я.

Решившись, Денни вдавил головку распылителя, и тотчас же его окутало мерцающее туманное облако, все в искрах и пробегающих молниях. Дон Денни исчез, невидимый за их сиянием.

Забыв о своем аппарате, доктор, повернув голову, смотрел на происходящее. Туман конденсировался, оседая сверкающими каплями на ковер, стекая по стене...

Облако, скрывавшее Денни, рассеялось.

Там, где только что был он, теперь стоял совершенно другой человек.

Болезненно-тощий подросток, косоглазый, с густыми кустистыми бровями. Одежда явно не из этого периода: белая синтетическая рубашка, джинсы и кожаные мокасины. Пятидесятые годы?.. На лице его Джо заметил улыбку — точнее, мерзкую издевательскую усмешку. Вообще лицо казалось слепленным из разнородных деталей: крупные уши не подходили к детским глазам, прямые редкие волосики — к буйным бровям. Нос был слишком узким и длинным, а подбородок как бы подчеркивал разбалансированность лица: на нем виднелась глубокая вмятина, до кости и глубже... похоже, что творец этого создания в сердцах так врезал ему... впрочем, парнишка оказался достаточно прочным, чтобы уцелеть и продолжать жить — назло всему...

— Ты кто? — спросил Джо.

Пальцы мальчишки судорожно сжались, ногти впились в ладони — похоже, так он боролся с заиканием.

— Иногда я говорю, что меня зовут Мэтт,— сказал он.— А иногда — Билл. Но вообще-то я Джори. Это мое настоящее имя. Джори.— Когда он открывал рот, видны становились серые, испорченные зубы и обложенный налетом язык.

— А где Денни? — спросил Джо после паузы.— Или его вообще здесь не было? — Мертв, подумал он, мертв, как и все остальные...

— Денни я съел давно,— сказал мальчишка.— В самом начале, еще в Нью-Йорке. Первой я съел Венди Райт. А вторым — Денни.

— Что значит — съел? — спросил Джо. Неужели буквально, вздрогнув от отвращения, подумал он. По телу его медленно прошла волна вязкой судороги — будто сама плоть стремилась отпрянуть назад. С трудом ему удалось подавить это.

— Ну, как обычно,— сказал Джори.— Трудно объяснить... Я давно так делаю. Многие полуживущие... я съедаю их жизнь, которая еще осталась. В каждом ее остается понемногу, поэтому приходится съедать одного за другим. Раньше я давал им тут пожить, а теперь приходится приниматься сразу. Само-то я намерен выжить. Вот если ты подойдешь и послушаешь — я открою рот, и ты послушаешь,— то услышишь их голоса. По крайней мере, голоса тех, кого я съел недавно. Кого ты знал.— Он постучал ногтем по верхним зубам и, наклонив голову, с интересом уставился на Джо.— Почему ты молчишь?

— Это из-за тебя я начал умирать там, в холле?

— Ага. А ты думал, из-за Пат? Нет, это я. А Пат я съел около лифта. А потом пошел и съел остальных. Я думал, ты уже мертвый.— Он повертел в руках баллончик.— Странно, я не могу его исчезнуть. Что там, внутри? И где Рансайтер его взял? Сам он сделать этого не мог. Потому что он не здесь — а эта штука здесь. Ее сделал кто-то по эту сторону. От Рансайтера сюда могут проникать только слова...

— Значит, ты ничего не можешь сделать мне,— сказал Джо.— Не сможешь меня съесть — потому что «Убик»...

— Он выветрится. Тогда смогу.

— Положим, этого ты не знаешь — поскольку не знаешь, что он собой представляет...— Попробовать убить его — он такой тощий, подумал Джо. Надо же, я стою лицом к лицу с чудовищем, которое убило Венди, убило Эла, убило Денни и всех остальных... сожрало даже тело Рансайтера... и вот я стою перед ним...

— Мистер Чип,— сказал врач,— прошу вас лечь. В такой позе я не могу измерить ваше давление.

Джо в изумлении уставился на него.

— Джори, он что, не заметил твоего перевоплощения? Или он не слышит того, что мы говорим?

— Доктор Тейлор существует только в моем воображении,— сказал Джори.— Как и все, что есть в этом псевдомире.

— Не верю,— сказал Джо.— Доктор, вы слышали, что он сказал?

С легким хлопком доктор исчез.

— Убедился? — спросил Джори.

— И что же произойдет после моей смерти? — спросил Джо.— Все это вокруг — оно сохранится?

— Зачем? Нет, конечно.

— Получается, все это ради меня? Весь этот мир?

— Он ведь небольшой,— сказал Джори.— Отель в Де-Мойне. Улица под окном, несколько прохожих и машин. Еще несколько домов напротив, магазинчики — чтобы тебе было что увидеть, когда ты подойдешь к окну.

— То есть от Нью-Йорка и Цюриха...

— Не осталось ничего. А зачем? Там ведь никого нет. Просто там, где появлялся ты или кто-то из вашей группы, я создавал действительность, которую вы ожидали. Когда ты летел из Нью-Йорка, пришлось выдумывать сотни миль пейзажа, город за городом — это было очень тяжело. Пришлось много есть, чтобы восстановить силы. Поэтому я съел всех так быстро...

— А почему именно тридцать девятый? — спросил Джо.— Почему не девяносто второй?

— Не хватило сил. Я не могу противостоять регрессу. Слишком много всего... Я создал девяносто второй, но все стало портиться. Монеты, сливки, сигареты — ну, ты заметил. И Рансайтер постоянно вламывался с той стороны, мешал... Было бы лучше для всех, если бы он этого не делал.— Джори усмехнулся.— Я знал, что вы обвините во всем Пат Конли, и не беспокоился. Правда, было похоже на то, что это все вытворяет она? Я даже думал, что в конце концов вы навалитесь на нее всем скопом и убьете. Это было бы забавно...

— А зачем ты сохраняешь этот отель и улицу за окном? — спросил Джо.— Ведь я уже все знаю.

— Но я всегда так делаю...— Глаза Джори удивленно расширились.

— Убью...— выдохнул Джо и шагнул к мальчишке, протянув вперед руки. Вцепиться в горло, вцепиться, и сжать, и сдавить, и держать...

Взвизгнув, Джори укусил его. Огромные плоские зубы глубоко вонзились в правую руку. Не разжимая зубов, Джори под-

нял голову и встретился взглядом с Джо. Так он смотрел — глаза в глаза — и сжимал, сжимал, сжимал челюсти... Боль была невыносимая. Он же жрет меня, подумал Джо.

— Не можешь! — выкрикнул он.— Не можешь!

Кулаком он ударил Джори в лицо — раз, и еще раз, и еще...

— Это «Убик»... защищает меня... ты ничего не можешь мне сделать...— Он молотил кулаком по глумливым глазкам. Ворча, как овчарка, Джори двигал челюстями, вгрызаясь все глубже. Такой боли Джо не испытывал никогда. Наконец он оторвал от себя и отшвырнул мальчишку.

Из раны хлестала кровь. Ноги сразу стали ватными. Господи, подумал Джо, какая же мерзость...

— Ты ничего не можешь... против меня...— Найдя баллончик, он направил отверстие распылителя на рану.— Ничего, понял? — Из баллончика вылетела слабая струйка вспыхивающих частичек. Рана тут же затянулась, боль утихла.— Я — это тебе не остальные...

— А ты не можешь меня убить,— сказал Джори, продолжая ухмыляться.

— Я пошел вниз,— сказал Джо. Кое-как он дошел до двери и открыл ее. За дверью был темный коридор. Осторожно ставя ноги, Джо двинулся вперед. Пол, однако, был вполне материальным. Как и не из псевдомира...

— Не уходи слишком далеко,— сказал Джори ему в спину.— Я не могу создавать слишком обширное пространство. Например, если ты сядешь в машину и поедешь вперед... в конце концов ты достигнешь точки, где исчезнут и дорога, и машина. А мне бы этого не хотелось — как, наверное, и тебе.

— Вряд ли я могу еще что-то потерять,— сказал Джо, подходя к лифту и нажимая кнопку.

— Я не очень хорошо делаю лифты,— сказал Джори.— Может быть, ты спустишься по лестнице?

Лифт так и не подошел. Джо постоял минуту, потом направился к лестнице. Вот он, тот самый пролет, по которому он так недавно совершал восхождение — шаг за шагом... Что ж, подумал он, с одной из сил я встретился. За Джори явно нет никого, он — последнее звено. А вот удастся ли мне встретить того, кто... Он посмотрел на свою правую руку. На ней не осталось и следа раны.

Или от этой встречи уже ничего не будет зависеть?

Оказавшись в вестибюле, Джо огляделся. Да, Джори, следует отдать ему должное, сработал великолепно. Эта люстра...

Все настоящее, подумал он, чувствуя пол под ногами. Непостижимо...

Впрочем, у Джори, очевидно, богатый опыт. Сколько раз он делал подобное?..

— Какой ресторан вы порекомендовали бы мне? — спросил Джо у портье.

— Выйдите на улицу — и направо,— оторвавшись от сортировки почты, ответил портье.— Называется «Матадор». Это великолепное заведение, сэр.

— Я очень одинок,— повинуясь внезапному импульсу, сказал Джо.— У отеля нет ничего в запасе? Какой-нибудь девушки?

— У нашего,— портье выделил голосом «нашего»,— отеля ничего такого нет, сэр.

— Вы приличный семейный отель,— сказал Джо.

— Да, и мы этим гордимся.

— Я всего лишь проверял вас,— сказал Джо.— Хотел узнать, туда ли я попал.

Он оттолкнулся от стойки, пересек холл и, спустившись по широким мраморным ступеням, вышел на тротуар.

Глава 16

Что может быть лучше хлопьев «Убик» по утрам! Хрустящих хлопьев, дарующих бодрость! Завтрак для любимцев удачи — питательные хлопья «Убик»! Каждая порция — наслаждение!

Не употреблять более одной упаковки за один раз.

Множество машин на улицах. Разнообразные марки разных лет выпуска. Разные цвета — хотя черный, безусловно, преобладает. Впрочем, не вкус Джори тому причиной — просто так оно и было в эти годы...

Но откуда Джори все это знает?

Чрезвычайно странно... ведь никого, кроме Рансайтера, в то время еще не было на свете.

Не было... не было... Внезапно Джо все понял. Конечно же, Джори не врал. Он *действительно* был творцом мира — того мира, их мира, мира девяносто второго года. А регресс — регресс не был его делом, напротив, он даже пытался помешать ему... все те атавизмы возникали сами собой, как только Джори терял силы. Конечно, ему было трудно, адское напряжение и все такое... и, наверное, он впервые творил мир для

стольких людей одновременно. Нечасто бывает, чтобы столько людей были объединены в своей полужизни...

Мы потребовали неимоверных усилий от Джори — и поплатились за это.

Мимо протрещал старенький «Додж» — такси. Джо махнул рукой, и такси, взвизгнув тормозами, свернуло к тротуару. Сейчас проверим, правду ли говорил этот сукин сын...

— Покажите мне город,— сказал Джо шоферу.— Езжайте, куда вам захочется — я просто хочу увидеть всего побольше. А потом, когда мы осмотрим Де-Мойн, съездим в какой-нибудь городок поблизости...

— Простите, сэр, но за городскую черту я не выезжаю,— сказал шофер.— Но наш город покажу вам с удовольствием. Очень красивый город, сэр. Вы ведь не из нашего штата, не так ли?

— Да, я из Нью-Йорка,— сказал Джо, устраиваясь поудобнее.

— И что у вас в Нью-Йорке думают насчет этой войны? — спросил шофер, выруливая на проезжую часть и вливаясь в общий поток.— Думаете, нас втянут в нее? Рузвельт хотел бы...

— Я совершенно не расположен говорить о войне и о политике,— не слишком вежливо прервал его Джо.

Некоторое время они ехали молча. Разглядывая людей, машины, дома, Джо вновь задумался, как Джори удается создавать все это. Столько деталей... Наверное, скоро все это должно кончиться.

— Водитель,— позвал он.— А публичные дома в вашем городе есть?

— Нет,— сказал шофер.

Может быть, Джори не создал их, потому что не знал об их существовании? Он ведь еще так юн... Или он принципиальный противник проституции? Внезапно Джо почувствовал, что ему все надоело. Или он просто устал... Какого черта я еду куда-то? Зачем? Убедиться наконец, что Джори говорил правду? Я и так знаю, что это правда. Когда исчез доктор... когда сам Джори вынырнул из тела Денни... этого достаточно, чтобы... Ведь то, что я делаю сейчас, только заставляет Джори напрягаться — а значит, усиливает его аппетит. Надо вернуться. Тем более, что действие «Убика» рано или поздно кончится — так стоит ли тратить свои последние часы, чтобы колесить по Де-Мойну? Не лучше ли придумать что-нибудь поинтереснее?

Плавной, легкой походкой по тротуару шла девушка со смешными косичками. Казалось, она разглядывает витрины.

На ней был свитер, ярко-красная юбка и туфли на высоком каблуке.

— Притормозите,— сказал Джо.— Вон там, около той девушки с косичками.

— Она не станет с вами разговаривать,— сказал шофер.— Позовет копа, и все.

— Наплевать,— сказал Джо. Пусть зовет, подумал он, какая теперь разница?

Сбросив скорость, старенький «Додж» тормознул у тротуара. Тормоза завизжали, и девушка посмотрела в их сторону.

— Добрый день, мисс! — сказал Джо.

Она рассматривала его с любопытством. Ее глаза, теплые, голубые, умные, слегка расширились, но в них не было ни тревоги, ни страха. Скорее — удивление.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Я умираю,— сказал Джо.

— О боже! — воскликнула она.— Неужели вы?..

— Не слушайте его, мисс,— сказал шофер.— Он достаточно жив, чтобы интересоваться девушками. Он просто хочет подцепить вас.

Девушка рассмеялась. Без малейшей враждебности. И не отошла.

— Уже почти время обеда,— сказал Джо.— Вы позволите пригласить вас в «Матадор» — я слышал, это приличный ресторан...

Утомление наваливалось, он уже ощущал на себе огромную тяжесть — и холод, холод морозильной камеры... все то же самое, что тогда, в холле, когда он показал Пат полицейскую повестку... «Убик» выветрился, понял он, это конец...

Должно быть, все это отразилось на его лице, потому что девушка шагнула к машине и наклонилась к окошку.

— Что с вами? — с тревогой спросила она.

— Умираю, мисс,— вытолкнул из себя Джо. Снова заболела рана на руке, проступили следы зубов... Одного этого хватило бы для паники.

— Скажите шоферу, пусть отвезет вас в больницу,— сказала девушка.

— А пообедать со мной вы не хотите? — спросил Джо.

— А вы хотите? В таком состоянии? Вы больны? Вы правда больны? — Девушка открыла дверцу машины.— Хотите, я поеду с вами в больницу?

— В «Матадор»,— сказал Джо.— Съедим по порции тушеных ножек марсианских кузнечиков.— Он вспомнил, что в это время о таком деликатесе еще не имеют представления.— По бифштексу. Говяжьему бифштексу. Вы любите говядину?

— Он хочет в «Матадор»,— сказала девушка водителю, садясь рядом с Джо.

— Хорошо, мисс,— сказал водитель. Машина вновь влилась в поток уличного движения. На перекрестке водитель развернулся, чтобы ехать в противоположном направлении. В ресторан, подумал Джо. Интересно, успею ли я?.. Изнеможение и холод охватывали его все сильнее. Тело отказывало постепенно. Органы переставали служить: печень — вырабатывать красные кровяные тельца, почки — фильтровать кровь, кишечник... Лишь сердце билось через силу, да легкие с трудом всасывали воздух. На груди будто лежал огромный камень... мой надгробный камень, подумал Джо. Рана на руке стала вновь кровоточить — густая черная кровь текла медленно, капля за каплей...

— Вы любите «Лаки Страйк»? — спросила девушка, доставая сигареты.— «Курите на здоровье!» — так пишут на рекламах. «"Лаки Страйк" — лучший друг!» — сами понимаете, это...

— Меня зовут Джо Чип,— сказал Джо.

— Хотите, чтобы я тоже назвалась?

— Да,— выдохнул Джо. Снова набрал воздуха: — Вам нравится Де-Мойн? — Снова вдох, трудный, тяжелый: — Вы давно здесь живете?

— У вас усталый голос, мистер Чип,— сказала девушка.— Очень усталый.

— О, черт,— сказал Джо.— Да какая разница?

— Есть разница...— Девушка, открыв сумочку, стала в ней что-то искать.— Видите ли, я — не творение Джори. Не то что он,— она кивнула на шофера.— Или все эти домики и магазинчики, эти грязные улицы, все эти люди и их допотопные машины... Вот, мистер Чип.— Она протянула ему конверт.— Читайте. Прямо сейчас. Не будем тянуть...

Непослушными свинцовыми пальцами Джо разорвал конверт.

В конверте был сертификат, солидного вида, с орнаментом. Но буквы расплывались, и прочесть, что там написано, Джо не мог.

— Что это? — бессильно спросил он.

— Этим документом фирма, производящая «Убик», гарантирует вам пожизненные бесплатные поставки этого препара-

та,— сказала девушка.— Бесплатные — потому что нам известна ваша, если можно так выразиться, идиосинкразия к деньгам. Кроме того, здесь указаны адреса аптек, в которых «Убик» есть постоянно. В Де-Мойне таких две, и в одну из них мы сейчас заедем... Водитель,— наклонилась она вперед,— отвезите нас вот по этому адресу. И пожалуйста, побыстрее: они рано закрываются.

Джо, откинувшись на спинку сиденья, хватал ртом воздух.

— Ничего, успеем,— сказала девушка.

— Кто вы? — спросил Джо.

— Элла. Элла Гайд Рансайтер. Жена вашего шефа.

— Вы здесь,— сказал Джо.— Ну да, вы же здесь. По эту сторону...

— И довольно давно, как вы знаете... Похоже, скоро мне предстоит новое рождение — так, по крайней мере, считает Глен. Я все время вижу во сне клубящийся красный свет, а это скверно. По крайней мере, общественная мораль осуждает такой способ появления на свет...— она засмеялась в полный голос.

— Вы и есть тот, второй...— Джо задохнулся.— Ну да. Джори пытается уничтожить нас, вы пытаетесь спасти... Этот мир стоит на двух слонах, и я увидел обоих...

— Вы находите, что я похожа на слона? — ехидно заметила Элла.— Вот уж никогда бы не подумала.

— В переносном смысле,— сказал Джо.

— Ну, если в переносном... Если в переносном, то вы правы,— она уже не смеялась.

— Скажите, а *почему* так все сложилось? Почему вы противостоите Джори?

— Потому что Джори вторгся в меня. Вы же знаете, чем он занимается. Он был по-настоящему опасен. Правда, я научилась справляться с ним — когда с помощью «Убика», когда просто так. Впрочем, иногда он становится таким сильным, что может мешать и мне. Когда я в последний раз говорила с Гленом, он влез в разговор и не дал нам побеседовать...

— Понятно,— сказал Джо. Действительно, все было понятно. В этой истории больше не оставалось темных мест...

— Когда я пройду через новое рождение,— продолжала Элла,— Глен уже не сможет со мной консультироваться. Так что я помогала вам из самых эгоистических соображений...— она усмехнулась.— Мистер Чип, я очень хочу, чтобы вы заме-

нили меня... м-м... на этом посту. Чтобы был человек, на которого Глен мог бы положиться в трудную минуту. В этом смысле лучше вас никого нет. Вы будете заниматься тем же, чем занимались в реальном мире. Как видите, я действовала, исходя из интересов дела...— она помолчала, потом, совсем другим голосом, добавила: — Господи, как же я ненавижу этого Джори!

— А он не одолеет меня после того, как вы родитесь заново? — спросил Джо.

— У вас же будет «Убик»,— сказала Элла.— Пожизненное и бесплатное снабжение — согласно сертификату.

— Тогда, может быть, мне удастся убрать Джори...— задумчиво сказал Джо.

— Убрать — в смысле убить? — с сомнением в голосе сказала Элла.— Вряд ли... Со временем вы научитесь нейтрализовать его, это да, а вот убить... сожрать — пользуясь его терминологией... как сам он жрет полуживущих, лежащих неподалеку от него в мораториуме... Нет, это вряд ли.

— Дьявол,— сказал Джо.— Надо объяснить Глену ситуацию, пусть он уберет этого подонка из мораториума.

— Глен не имеет на это права.

— Но разве фон Фогельзанг?..

— Семья Джори платит ему большие деньги, чтобы все оставалось, как есть. Поэтому Герберт держит его в общем холодильнике и выдумывает убедительные объяснения, почему он должен так поступать. Вот и все. В каждом мораториуме есть такие джори... да и вообще — где появляются полуживущие, там сразу же начинается битва за выживание. Это закон нашего существования... наше проклятие...— Она тяжело замолчала. Впервые Джо увидел на ее лице выражение гнева. Нет, не гнева — привычного, тягостного напряжения, которое она так удачно прятала под маской спокойствия.— И с этим придется бороться нам самим, тем, кто живет по эту сторону. Тем, на кого охотится Джори. И ими будете руководить вы, мистер Чип... Понимаете, что это значит? Джори постоянно будет висеть на вас, истощать ваши силы, наваливать тяжесть, отнимать тепло... вам будет казаться, что приближается...— она заколебалась,— что приближается смерть. Впрочем, так ведь оно и есть. Потому что вся полужизнь — это медленное таяние. Джори лишь ускоряет этот процесс. Усталость и вечный холод неизбежны. Дело разве что в сроках.

Не забывай, что он сделал с Венди, сказал себе Джо. Помни Венди, и этого достаточно, чтобы находить силы для сопротивления. Венди...

— Вот эта аптека, мисс,— сказал шофер. «Додж», скрипя всеми сочленениями, остановился.

— Я не пойду с вами,— сказала Элла.— До свидания. Спасибо вам за вашу лояльность Глену. И за то, что вы будете делать для него...— Она наклонилась и поцеловала Джо в щеку. Ее губы были полны жизни, и часть этой жизни — так ему показалось — она подарила ему. Чуть прибавилось сил.— Удачи вам на вашей тропе войны!

Джо захлопнул дверцу такси и, помедлив секунду, направился к аптеке. За его спиной затрещал мотором и тронулся «Додж». Джо не оглянулся.

Он вошел в помещение аптеки и тут же увидел идущего ему навстречу провизора в форменной одежде: темном жилете, галстуке-бабочке и отутюженных атласных брюках.

— Простите, сэр, но мы закрываемся. Я как раз иду, чтобы запереть дверь.

— Но я уже вошел,— сказал Джо.— Обслужите меня.

Он показал провизору сертификат. Провизор, поправив очки, стал изучать готический шрифт.

— Вы что, не намерены меня обслуживать? — не выдержал Джо.

— «Убик»,— сказал провизор.— Мне кажется, весь запас уже распродан. Сейчас проверю,— он повернулся и пошел за прилавок.

— Джори,— сказал Джо.

Провизор оглянулся:

— Сэр?

— Ты Джори,— сказал Джо. Теперь-то я умею распознавать тебя в любом обличье, подумал он.— Ты Джори, ты создал эту аптеку и все, что в ней, кроме «Убика». «Убик» создала Элла, и он не в твоей власти...

С трудом передвигая ноги, Джо обогнул прилавок и подошел к полке с лекарствами. Внимательно осматривая их, он пытался обнаружить «Убик». Свет стал меркнуть, предметы делались почти неразличимы.

— Я регрессировал весь «Убик»,— сказал провизор высоким мальчишеским голосом Джори.— Теперь это опять почечный бальзам.

— Я дойду до другой аптеки,— упрямо сказал Джо.

— Она будет закрыта.

— Тогда завтра. До утра я дотяну.

— Не дотянешь,— хихикнул Джори из тела провизора.— Впрочем, завтра и тот «Убик» регрессирует.

— Тогда — в другом городе.

— И там тоже. Куда бы ты ни пришел, «Убик» превратится в мазь, порошок, эликсир, бальзам. Аэрозольного баллончика тебе не видать, как своих ушей. Так вот, Джо Чип.— Джори в образе провизора расхохотался, демонстрируя будто бы целлулоидные десны.

— Я могу...— Джо замолчал, собираясь с силами,— ...перенести все это... в настоящее. В девяносто второй год.

— Неужели, мистер Чип? — Провизор подал ему кубическую картонную коробочку.— Вот, пожалуйста. Откройте, и вы увидите...

— Знаю,— сказал Джо.— Знаю, что я увижу.— Он закрыл глаза и сосредоточился. Вперед, приказал он флакону почечного бальзама. Переместись вперед, *в настоящее*...— Аэрозольный баллон,— сказал он вслух.

— Нет, мистер Чип, это не баллон,— сказал провизор. Он ходил по аптеке и гасил лампы. Потом открыл кассу, переложил деньги в металлический ящик и запер его на ключ.

— Ты — аэрозольный баллон,— вкладывая в эти слова всю энергию, какая у него еще оставалась, сказал Джо.— Сейчас девяносто второй год,— добавил он напряженно.

Погасла последняя лампа. В свете уличного фонаря, проникающем в окно, Джо видел коробочку, кубическую коробочку на своей ладони.

— Все, мистер Чип,— сказал провизор, распахивая дверь.— Пора по домам. Она допустила ошибку, как видите. И саму ее вы больше не встретите, слишком далеко она ушла по пути к своему новому рождению. Она и не вспоминает о нас — ни о вас, ни о Рансайтере, ни обо мне. Ей видится свет: может быть, грязно-красный, а может быть, ярко-оранжевый...

— То, что я держу в руке,— это аэрозольный баллон,— сказал Джо.

— Нет, мистер Чип,— сказал провизор.— Мне очень жаль — мне *на самом деле* очень жаль,— но — нет.

Джо поставил картонную коробочку на прилавок, повернулся и, пытаясь сохранить достоинство, начал свое долгое, мед-

ленное путешествие через аптеку — к прямоугольнику двери, которую провизор держал открытой для него. Оба молчали, пока Джо наконец не миновал дверь и не оказался на ночном тротуаре.

Аптекарь вышел следом и запер дверь.

— Я буду жаловаться изготовителю,— сказал Джо.— На вашу...— он замолчал, что-то сдавило горло и не давало ни дышать, ни говорить. Потом это прошло.— На вашу регрессивную аптеку,— закончил он.

— Спокойной ночи,— сказал провизор. Он еще постоял, глядя на Джо, потом пожал плечами и зашагал по тротуару.

Слева от себя Джо различил во мгле скамейку. Наверное, там была автобусная остановка. Или трамвайная. Джо заставил себя дойти до скамейки и сесть. Там уже сидели два или три человека, они брезгливо отодвинулись, освобождая место — наверное, приняли за пьяного. Ему было все равно. Он чувствовал только, как прогибается под ним скамейка, не выдерживая огромного веса. Остались минуты, подумал он, несколько минут... если я все правильно помню... Боже, за что это все? Второй раз, второй!

А все-таки мы не сдались, с мрачным удовлетворением подумал он. Мимо неслись огни машин, мигали неоновые надписи, светились окна. Сопротивлялся Рансайтер, и Элла так долго билась, дралась, царапалась... А я — я чуть было не превратил этот чертов бальзам для почек в настоящий «Убик»... Да, еще бы немного — и мне бы удалось сделать это. Почему-то он был абсолютно уверен, что именно так оно и есть.

Трамвай, грохочущее железное чудовище, с жутким скрипом остановился перед ним. Сидевшие рядом люди вскочили и стали подниматься на заднюю площадку, чтобы потом пройти в салон.

— Эй, мистер! — окликнул Джо кондуктор.— Вы едете или нет?

Джо не ответил. Кондуктор подождал немного, потом дал сигнал отправления. Трамвай шумно тронулся с места и вскоре исчез из поля зрения. Желаю удачи, подумал Джо вслед трамваю. Всего самого лучшего...

Он откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза.

— Извините, пожалуйста, вы мистер Чип?

Джо вздрогнул. К нему наклонялась незнакомая девушка в плаще из синтетической страусиной кожи. Он смотрел на нее, быстро приходя в себя. Хорошенькая и стройная, в шляпке,

перчатках, английском костюме и сапожках на высоком каблучке. В руке она что-то держала, и Джо уже понял, что именно.— Вы из Нью-Йорка, из Ассоциации Рансайтера? Мне не хотелось бы по ошибке передать эту вещь кому-то другому.

— Да, я Джо Чип,— он внимательно всмотрелся в ее лицо. В первый миг ему показалось, что это Элла, но нет — он никогда не видел этой девушки раньше.— Кто вас послал?

— Доктор Сандабар,— сказала девушка.— Молодой доктор Сандабар, сын основателя фирмы.

— А кто это? — Имя ему ничего не говорило. Хотя нет — на флаконе бальзама...— Это человек, создавший почечный бальзам? Вытяжка из листьев олеандра, ментоловое масло, древесный уголь, хлорид кобальта, окись цинка...— Силы покинули его, и он замолчал.

— Использование последних достижений науки может обратить вспять процесс обращения вещей в свои предшествовавшие формы. «Убик» продается во всех хозяйственных магазинах Земли по общедоступным ценам. Предназначен только для наружного применения. Загляните за ним туда, где вы обычно совершаете покупки, мистер Чип.

— Заглянуть — *куда?* — Джо окончательно пришел в себя. Он с трудом поднялся на ноги.— Вы ведь из девяносто второго года. То, что вы процитировали, взято из рекламного ролика Рансайтера.— Вечерний ветер обдувал и раскачивал его, и казалось, что еще немного — и его просто унесет куда-нибудь. Он сам себе казался кучей тряпья, которая каким-то чудом сохраняет форму человека.

— Да, мистер Чип,— девушка вручила ему сверток.— Вы вызвали меня из будущего, когда там, в аптеке, пытались преодолеть регресс. Я прибыла прямо с фабрики, мистер Чип. Если вы слишком слабы, я могу распылить препарат, хотите? Я официальный представитель фирмы и технический консультант. Я знаю, как его применять.

Она осторожно вынула пакет из его трясущихся рук, разорвала упаковку и направила на него струю «Убика». В сумерках баллончик блестел, буквы счастливо сверкали...

— Спасибо,— сказал он немного погодя.

— Вам лучше?

— Да. Да, конечно.

— На этот раз потребовалось гораздо меньше препарата, чем тогда, в гостинице. Вы потеряли меньше сил. Того, что осталось в баллончике, вам хватит до утра.

— А потом? Смогу я раздобыть еще?

— Ну конечно же. Раз уж сейчас у вас получилось вызвать меня сюда, то почему не получится снова? Теперь вы знаете, как это делать.— Девушка медленно отступала в тень.

— Что такое «Убик»? — спросил Джо, желая, чтобы она задержалась.

— Распылитель «Убика» представляет собой портативный газовый ионизатор с автономным питанием от гелиевой батареи напряжением двадцать пять киловольт,— заученно начала девушка.— Отрицательные ионы, разгоняясь в циклотроне, приобретают центростремительную тенденцию, то есть стремятся больше к адгезии, чем к рассеиванию. В поле, создаваемом отрицательными ионами, антипротофазоны, которые, как вы знаете, постоянно присутствуют в атмосфере, теряют скорость, а следовательно, и способность взаимодействовать с протофазонами. Поэтому, по законам паритета, поток протофазонов, излучаемых находящимися в состоянии полужизни людьми, возрастает, при этом полуживущий чувствует прирост жизненных сил и исчезновение ощущения холода, вызванного низкой температурой хранилища. Как вы понимаете, регрессировавшие формы «Убика» не в состоянии...

— Вы постоянно говорите одно лишнее слово,— сказал Джо.— «Отрицательный». Ионы все отрицательные.

— Может быть, мы еще встретимся,— сказала девушка.— Это большая честь — доставить вам «Убик». Может быть, и в следующий раз...

— Может быть, в следующий раз вы позволите пригласить вас на ужин? — сказал Джо.

— Поживем — увидим,— сказала девушка. Она вновь начала удаляться, уходить в тень...

— Слушайте, а кто изобрел «Убик»? — спросил Джо.

— Несколько очень хороших людей. Полуживущих. Бывают, знаете, такие, у которых душа болит за всех. Элла Рансайтер, в первую очередь. Они очень долго работали над этим препаратом, но все равно он еще не очень доступен...— Она незаметно отдалялась и отдалялась от него и, наконец, исчезла.

— Встретимся в «Матадоре»! — крикнул вслед Джо.— Похоже, что Джори там неплохо поработал. Или неплохо регрессировало то, над чем он поработал! — Он прислушался, но ответа не услышал.

Бережно держа в руках баллончик, Джо направился на поиски такси. Под фонарем он поднес баллончик к глазам, чтобы прочесть надпись на этикетке.

КАЖЕТСЯ, ЕЕ ЗОВУТ МАЙРА ЛАЙНИ.
ПОСМОТРИ НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ,
ТАМ ЕЕ АДРЕС И ТЕЛЕФОН.

— Спасибо,— сказал Джо «Убику». Мы одно целое с теми, кто находится по ту сторону. С полностью живущими. Пусть только словом — но они пробиваются к нам, мудрые, врачующие духи, вестники из подлинного мира. И то, что они приносят нам, греет сердце. Спасибо, Глен. Спасибо за твои стишки, этикетки, инструкции, записки. Спасибо. Ты очень помог мне.

Так думал Джо Чип.

Потом он помахал рукой, и старенький «Грэхем», бормоча, остановился у тротуара.

Глава 17

Я — Убик. Я был до того, как возникла Вселенная. Я создал солнца. Я создал миры. Я создал живые существа и расселил их там, где они обитают. Они идут туда, куда я приказываю, и делают то, что я велю. Я — слово, и никто не знает моего подлинного имени. Оно никогда не будет произнесено. Я назвал себя Убиком, но это не имя. Я — есть. Я буду во веки веков.

Глен Рансайтер никак не мог найти владельца мораторнума.

— Неужели вы действительно не знаете, где он? — спросил он мисс Бисон, секретаршу.— Ясно же, что мне нужно еще раз поговорить с Эллой.

— Я обо всем распоряжусь,— сказала мисс Бисон.— Подождите в офисе 4-В, вашу жену доставят туда. В самый кратчайший срок.

В офисе 4-В Рансайтер расхаживал из угла в угол, пока не появился служащий, везущий на ручной тележке гроб с телом Эллы.

— Простите, я заставил вас ждать,— сказал он и начал настраивать коммуникационный механизм, напевая себе под нос. Через минуту работа была закончена. Проверив контакты, служащий направился к двери.

— Возьмите вот это,— Рансайтер протянул ему несколько монет по пятьдесят центов, собранные по карманам.— Мне понравилось, как вы работаете.

— Спасибо, мистер Рансайтер,— сказал служащий. Он посмотрел на монеты и вдруг нахмурился.— Какие интересные деньги...

Рансайтер долго рассматривал монету. Действительно, необычные деньги, иначе не скажешь. Чей это профиль? Явно не того, кто должен быть. Но я его знаю, знаю очень хорошо...

И вдруг он узнал его.

Что же это может означать, подумал Рансайтер. В жизни своей не встречался ни с чем более странным. Все можно объяснить, но это?..

Откуда Джо Чип взялся на монетах в пятьдесят центов?

Рансайтера вдруг пронзило леденящее душу предчувствие, что, если он вывернет сейчас карманы и бумажник, все его деньги окажутся с этим надменным профилем...

Впрочем, все еще было впереди.

Сдвиг времени по-марсиански

Глава 1

Сквозь толщу фенобарбитуратной дремы до Сильвии Болен донесся чей-то зов. Резко прорвав напластования, в которых она утопала, зов мгновенно разрушил идеальное состояние несамости.

— Мам,— снова позвал сын с улицы.

Приподнявшись на кровати, она отпила из стакана воды, опустила босые ноги на пол и с трудом встала. На часах было девять тридцать. Отыскав халат, она двинулась к окну.

«Надо завязывать. Лучше сдаться на милость шизофрении, присоединившись ко всем остальным».

Сильвия подняла штору, и ее ослепил солнечный свет привычного красновато-пыльного оттенка. Она прикрыла глаза рукой.

— В чем дело, Дэвид?

— Мам, приехал объездчик канала!

Значит, сегодня среда. Она кивнула и, повернувшись, направилась неуверенным шагом на кухню, где ей удалось поставить на плиту добротный старый глиняный кофейник.

«Что я должна? Для объездчика все готово. Так или иначе, Дэвид проследит». Она включила воду и побрызгала себе на лицо. Вода была мутной и неприятной, и Сильвия закашлялась. «Надо спустить воду в баке. Вычистить, добавить хлорки, проверить, сколько засорилось фильтров; возможно, засорились все. Неужели объездчик не может?.. Нет, это не его дело».

— Я тебе нужна? — спросила Сильвия, открывая заднюю дверь. Вокруг вихрем закружился холодный воздух, забивая легкие мелким песком. Она отвернулась, прислушиваясь к ответу сына. Его воспитание требовало отказаться от помощи.

— Думаю, нет,— проворчал мальчик.

Позднее, сидя в халате за кухонным столом и попивая кофе с тостами и яблочным пюре, Сильвия наблюдала, как приближается объездчик в плоскодонке, которая не спеша тарахтела вверх по каналу, тем не менее появляясь всегда точно по расписанию. Стоял 1994 год, вторая неделя августа. Они уже ждали одиннадцать дней и теперь наконец получат свою порцию воды из большого канала, который пролегал вдоль цепочки домов.

Объездчик пришвартовался к воротам шлюза и, захватив папку с застежками, в которой хранились его записи и инструменты, спрыгнул на землю. На нем была серая форма, забрызганная грязью, и высокие сапоги, почти доверху покрытые коричневым илом. Немец, что ли? Но когда он повернул голову, Сильвия увидела плоское славянское лицо, а над козырьком фуражки — красную звезду. Теперь очередь русских; она уже сбилась со счета.

И, судя по всему, не она одна потеряла нить последовательных смен, осуществлявшихся руководством Объединенных Наций. На крыльце соседнего дома появилось все семейство Стайнеров, намеревающееся идти к объездчику: все шестеро — отец, тяжеловесная мамаша и четверо белокурых пухленьких и шумных девочек.

Именно им отключал воду объездчик.

— Bitte, mein Herr*,— начал Норберт Стайнер, но, увидев красную звезду, прикусил язык.

Сильвия улыбнулась и про себя подумала: «Да, не повезло».

Через заднюю дверь в дом поспешно вошел Дэвид.

— Мам, ты знаешь? У Стайнеров вчера ночью протек бак, и они лишились половины своей воды! Так что теперь у них не хватит воды для сада, и мистер Стайнер говорит, что тот погибнет.

Сильвия кивнула, доедая последний кусочек тоста и закуривая сигарету.

— Ну разве это не ужасно, мама? — настаивал Дэвид.

— И Стайнеры хотят, чтобы объездчик перекрыл им воду попозже,— произнесла Сильвия.

— Мы не можем допустить, чтобы их сад погиб. Помнишь, когда у нас были неприятности со свеклой? Мистер Стайнер поделился с нами химикалиями, которые он привез из Дома, и все жуки передохли. А мы собирались поделиться с ними свеклой, да так и не поделились, забыли.

---

* Пожалуйста, господин *(нем.)*.

Верно. Она вздрогнула от внезапно нахлынувшего чувства вины; мы обещали... а они даже не напомнили, хотя сами наверняка не забыли об этом. И Дэвид всегда играет у них.

— Пожалуйста, выйди, поговори с объездчиком,— упрашивал Дэвид.

— Думаю, воду в конце месяца мы им дадим,— ответила Сильвия.— Мы же можем протянуть рукав в их сад. Но вот насчет утечки я не верю — им всегда не хватает своей доли.

— Знаю,— откликнулся Дэвид, опустив голову.

— Они не заслуживают больше, чем остальные, Дэвид. Все должны получать одинаковое количество.

— Они просто не умеют управляться с хозяйством,— заметил Дэвид.— Мистер Стайнер ничего не понимает в инструментах.

— Значит, сами виноваты.

Сильвия почувствовала раздражение и попыталась объяснить его тем, что еще не совсем проснулась. Нужен дексамин, иначе глаза у нее не раскроются до самого вечера, когда наступит время для очередного фенобарбитурата. Аптечка находилась в ванной, и, вынув бутылочку с маленькими зелеными таблетками в форме сердечка, она пересчитала их: осталось всего двадцать три штуки, вскоре придется сесть на огромный гусеничный автобус и пересечь пустыню, чтобы пополнить запасы в городе.

Над головой раздалось громкое гулкое бульканье — огромный жестяной бак на крыше начал заполняться. Объездчик закрывал ворота шлюза, мольбы Стайнеров были напрасны.

Ощущая себя все больше виноватой, Сильвия налила в стакан воды, чтобы запить утреннюю таблетку. «Если бы Джек чаще бывал дома; как без него одиноко,— подумала она.— До какой мелочности мы дошли — просто какое-то варварство. К чему все эти пререкания, нервозность, неусыпная тревога о каждой капле воды, которые пронизывают нашу жизнь? Неужели только это и ничего больше... Нам ведь столько обещали вначале».

Из соседнего дома внезапно громко завопило радио: танцевальная музыка, а потом реклама какой-то сельскохозяйственной техники.

«Глубина и угол вспашки,— разглагольствовал диктор, и его голос отзывался эхом в холодном, бодрящем утреннем воздухе,— саморегулировка и автоматический контроль обеспечат даже неопытному владельцу быстрое...»

Продолжение заглушила музыка — приемник настроили на другую волну.

Донеслась детская перебранка. И так целый день? Интересно, удастся ли ей вынести это? Да еще Джека не будет до конца недели — словно она и не замужем. Неужели ради этого она покинула Землю?.. Прижав руки к ушам, Сильвия попыталась заглушить вопли радио и крики детей.

«Надо вернуться в постель, нечего было и подниматься»,— подумала она наконец, начав одеваться для дня, который предстояло прожить.

Джек Болен, сидя в кабинете своего шефа в Банчвуд-парке, беседовал по радиотелефону с отцом, который находился в Нью-Йорке. Связь, пролегавшая через систему спутников и покрывавшая миллионы миль безвоздушного пространства, как всегда не отличалась высоким качеством, но, как бы то ни было, за звонок платил Лео Болен.

— Что ты называешь горами Франклина Рузвельта? — громко спрашивал Джек.— Ты, наверно, ошибся, папа,— там ничего нет, это совершенно пустынная местность. Можешь справиться у любого агента по недвижимости.

— Нет, Джек, я узнавал,— донесся слабый голос отца.— Хочу приехать посмотреть и обсудить все с тобой. Как Сильвия и мальчик?

— Отлично. Но послушай, не ввязывайся в это — всем известно, что на Марсе земельные участки на продажу расположены вдали от работающей сети каналов. Запомни, функционирует только одна десятая их часть. Это же чистое надувательство.

Поразительно, каким образом отец с его многолетним опытом, особенно в инвестировании необработанных земель, легко попался на крючок. Неужели за эти годы так постарел! Джеку стало страшно. По письмам ни о чем нельзя было судить: отец диктовал их стенографисткам компании.

Или, может, время течет по-разному на Земле и на Марсе — он читал статью, посвященную этой гипотезе в каком-то психологическом журнале. И когда его отец появится здесь, он будет напоминать трясущиеся седовласые мощи. Неужели никак не отвертеться от этого визита?.. Хотя Дэвид будет рад деду, да и Сильвия его любит.

Тем временем слабый голос издалека сообщал Джеку Болену нью-йоркские новости, не представлявшие для него никакого интереса. Все это казалось Джеку совершенно нереальным. Десять лет назад в результате титанического усилия ему удалось вырваться с Земли, и он не желал ничего о ней слышать.

И все же связь с отцом сохранялась, а в ближайшем будущем она еще и укрепится в результате первого путешествия старика за пределы Земли; он всегда хотел слетать на другую планету, пока не поздно. Другими словами — до своей смерти. Лео был настроен решительно. Несмотря на усовершенствование крупных межпланетных кораблей, путешествие оставалось рискованным, но его это не волновало. Ничто не могло ему помешать, на самом деле он уже зарезервировал себе место.

— Господи, отец, это же замечательно, что ты готов к такому трудному пути! Надеюсь, ты справишься,— смирился Джек.

С противоположной стороны стола на него взирал шеф, мистер И, в руках сжимавший лист желтой бумаги со служебным запросом. Тощий длинный И в однобортном костюме и галстуке бабочкой... китайский стиль одежды прекрасно укоренился здесь, на чужой почве, смотрелся так же естественно, как если бы И вел дело в Кантоне.

И указал на листок бумаги, после чего молча изобразил, что в нем содержится: сначала он слегка подрожал, потом продемонстрировал, как переливает что-то из одной руки в другую, а затем утер лоб и расстегнул воротничок, будто изнемогая от жары. Потом поднял костлявое запястье и уставился на часы. Полетела холодильная установка на какой-то молочной ферме — понял Джек Болен. Причем дело срочное — если не поспешить, молоко испортится на дневной жаре.

— Ладно, пап, буду ждать от тебя сообщений.— Джек попрощался и повесил трубку.— Извините, что так долго,— сказал он шефу и взял у него листок.

— Пожилому человеку не стоило бы ехать сюда,— спокойно, но категорично заметил И.

— Ему хочется взглянуть, как мы тут живем,— ответил Джек.

— И чем он сможет помочь, если ваши дела окажутся не настолько хороши, как ему хотелось бы? — презрительно улыбнулся И.— Может, он предполагал, что вы тут разбогатеете? Так сообщи ему, что здесь нет алмазов. Их успели прикарманить Объединенные Нации. Что касается вызова по поводу холодильной установки, то согласно записям мы уже чинили ее два месяца назад, та же самая неисправность. Там что-то с источником питания или изоляцией. Время от времени двигатель начинает барахлить, пока не выскакивает предохранитель.

— Я посмотрю, что у них еще подключено к генератору,— ответил Джек.

«Работать на И нелегко»,— думал он, поднимаясь на крышу, где стояли вертолеты компании. Все поставлено на ра-

циональную основу. И выглядел и вел себя словно механизм. Шесть лет тому назад — ему тогда было двадцать два — он высчитал, что более доходно вести дело на Марсе, где крайне нуждались в ремонте и профилактике разнообразной техники, так как стоимость перевозки новых деталей с Земли была непомерно высока. Старый тостер, безрассудно выкидывавшийся на Земле, на Марсе подлежал починке. И была симпатична сама идея сохранения вещей. Будучи воспитан в пуританской атмосфере всеобщей бережливости Народного Китая, он не одобрял расточительства. А работая инженером в провинции Хэнань, приобрел необходимый опыт. Таким образом он спокойно и методично подошел к решению, которое большинству людей грозило катастрофическим эмоциональным стрессом. И готовился к расставанию с Землей, словно собирался нанести визит дантисту для вставления пары нержавеющих челюстей. Он рассчитал до последнего доллара сумму накладных расходов при открытии своего дела на Марсе. Предприятие выглядело не слишком прибыльным, зато требовало высокого профессионализма. За шесть лет, начиная с 1988 года, дело настолько разрослось, что в неотложных случаях обращались только к мастерам его компании — а что нельзя считать неотложным случаем в колонии, которая с трудом выращивает себе редиску и охлаждает мизерные надои молока?

Джек Болен захлопнул дверцу, завел мотор и начал подниматься над зданиями Банчвуд-парка в подернутое дымкой тусклое небо, отправляясь на свой первый вызов.

Вдалеке справа совершал посадку огромный корабль с Земли, опускаясь на широкий базальтовый круг посадочной площадки для пассажирского транспорта. Вскоре к кораблю поспешат автоматы с дистанционным управлением, которые продезинфицируют пассажиров, избавив их от всевозможных вирусов, бактерий, насекомых и приставших семян сорняков; пассажиры выйдут голенькими, словно новорожденные, и пройдут через химические ванны, где им предстоит плескаться в течение восьми часов всевозможных проверок. А когда будет обеспечена безопасность колонии, их выпустят на свободу, чтобы самостоятельно заботиться о собственной жизни. Возможно, некоторых даже отправят назад на Землю — тех, у кого в результате трудного путешествия проявятся генетические дефекты.

Джек подумал, что его отец терпеливо перенесет иммиграционную процедуру. «Так нужно, мальчик,— скажет он.— Так необходимо». Задумчивый старик с сигарой во рту... философ,

все образование которого свелось к семи классам нью-йоркской общеобразовательной школы, да еще в самый тяжелый ее период. Каким-то образом отец всегда чувствовал, как надо себя вести, причем не в социальном плане, а в более глубоких, неизменных отношениях. «Он приспособится к этой жизни,— решил Джек.— Даже за короткое посещение он акклиматизируется лучше, чем мы с Сильвией. Почти как Дэвид...»

Они подружатся, дед и внук. Оба умные и практичные и в то же время неуемные романтики — чем еще объяснить неожиданное желание отца купить землю где-то в горах Франклина Рузвельта? Это была последняя вспышка надежды, вечно питавшей отца: земля, продающаяся почти за бесценок, не имеющая покупателей, на границе обитаемых областей Марса.

Внизу Джек заметил канал имени сенатора Тафта и выровнял вертолет по нему. Канал приведет его к молочной ферме Мак-Олифа с тысячами акров засохшей травы и когда-то призовым стадом джерсиек, теперь лишь отдаленно напоминавших своих предков. Таков был обитаемый Марс — паутина расходящихся и пересекающихся каналов, которые едва поддерживали жизнь, не более того. Канал сенатора Тафта, оказавшийся непосредственно под вертолетом, являл собой отвратительную зелень: здесь воду еще не отфильтровали и не пропустили сквозь шлюзы, она содержала в себе все вековые наносы — донный ил, песок и грязь, делавшие ее непригодной для питья. Одному Господу известно, какие щелочи поглощает здешнее население. Однако оно продолжало жить. Эта желто-коричневая мутная жижа не смогла погубить их. А к западу лежат земли, все еще ожидавшие, когда наука человечества явит им свое чудо.

Археологические экспедиции, прибывшие на Марс в начале 70-х, бойко рисовали этапы отступления старой цивилизации, которую должно было заменить человечество. Она так и не сумела как следует освоить пустыню. Вероятно, подобно земной цивилизации Тигра и Евфрата, аборигены жались к источникам орошения. Даже в пору своего расцвета старая марсианская культура занимала лишь пятую часть планеты, предоставив остальным землям пребывать в первозданном состоянии. Например, дом Джека Болена, находившийся невдалеке от слияния каналов Уильяма Батлера Йитса и Геродота, стоял почти на границе земель, которые культивировались в течение последних пяти тысяч лет. Болены считались недавно прибывшими, хотя одиннадцать лет назад никто не предполагал, что эмиграция так резко прекратится.

В радиопередатчике зазвучали шумы, которые внезапно прервал металлический голос И:

— Джек, у меня есть для тебя дополнительный вызов. Представитель Объединенных Наций сообщил о неполадках в общеобразовательной школе, а собственного мастера у них сейчас под рукой нет.

Джек взял микрофон.

— Простите, мистер И, мне кажется, я уже говорил вам — моя квалификация не распространяется на школьные приборы. Лучше попросите заняться этим Боба или Пита. («Я-то точно знаю, что говорил»,— добавил он про себя.)

Но логика шефа оставалась непробиваемой:

— Это необходимо, и мы не можем отказываться, Джек. Мы никогда не отказывались от ремонтных работ. У тебя неправильное отношение к делу. Я вынужден настаивать, чтобы ты принял вызов. При первой возможности я пошлю к тебе в школу еще одного мастера. Спасибо, Джек.— И повесил трубку.

«И вам спасибо»,— ядовито заметил Джек Болен про себя.

Теперь внизу показалось второе поселение — Льюистаун, столица союза водопроводчиков колонии. Организованный на планете одним из первых, союз объединял ремонтных рабочих. И не имел к нему никакого отношения. Если работа у И станет совсем уж невыносимой, Джек Болен всегда может перебраться в Льюистаун, вступить в союз и работать, получая даже еще большую зарплату. Однако ему не по душе были последние политические события в союзе водопроводчиков. Арни Котта избрали президентом местного отделения работников водного хозяйства только в результате очень своеобразной предвыборной кампании с явными нарушениями при голосовании. И установленный им режим не вызывал у Джека никакого желания становиться его подчиненным: то, что он видел, сильно напоминало тиранию раннего Средневековья с оттенком семейственности. Тем не менее с экономической точки зрения колония процветала. В ней осуществлялась передовая программа общественных работ, а налоговая политика позволяла собрать огромную сумму наличных средств. Колония была не только богата, но и могла обеспечить приличной работой всех своих обитателей. За исключением израильского поселения на севере, она являлась самой жизнеспособной на всей планете. Главным козырем израильтян были ударные сионистские бригады, которые расселялись в пустыни для осуществления всевозможных проектов — от выращивания апельсинов до очистки химических удобрений. Новый

Израиль в одиночку поднял чуть ли не треть пустынных земель. Более того, это было единственное марсианское поселение, в любых количествах экспортирующее свою продукцию на Землю.

Столица водопроводчиков, Льюистаун, пропала из виду, внизу проплыл памятник Алджеру Хиссу — первому мученику Объединенных Наций, и снова началась пустыня. Джек откинулся на спинку кресла и закурил сигарету. Из-за настырных подгоняний он забыл взять термос с кофе, отсутствие которого теперь очень угнетало. Глаза у Джека слипались. «Им не заставить меня работать в школе,— заметил он про себя; впрочем, в этом замечании было больше злости, чем убеждения.— Брошу все». Но он знал, что не бросит. Он отправится в школу, повозится там около часа, делая вид, что занят починкой, а потом приедет Боб и все сделает. Репутация фирмы будет спасена, и все будут довольны, включая И.

Джеку доводилось несколько раз бывать в школе с сыном. Но это было совсем другое. Дэвид учился лучше всех в классе, занимаясь с самыми совершенными обучающими машинами. Он засиживался допоздна, выполняя почти всю университетскую программу, которой так гордились Объединенные Нации... Джек взглянул на часы — десять утра. Сейчас, как он помнил из своих посещений и рассказов Дэвида, тот занимается с Аристотелем, изучая основы философии, логики, грамматики, поэтики и архаической физики. Из всех обучающих машин Дэвид, похоже, больше всего получал от Аристотеля, что радовало — многие дети предпочитали более лихих преподавателей: сэра Фрэнсиса Дрейка (английская история и основы мужской вежливости) или Авраама Линкольна (история Соединенных Штатов, основы современного ведения войны и государства), а иногда и таких мрачных персонажей, как Юлий Цезарь и Уинстон Черчилль. Сам Джек родился слишком рано, чтобы воспользоваться преимуществами нынешней системы автоматического обучения, мальчиком ему приходилось сидеть в одном классе с шестьюдесятью ребятами, а в старших классах — и в тысячной аудитории, слушая преподавателя, выступавшего на телеэкране. Однако, если бы ему довелось попасть в современную школу, он быстро бы выбрал себе любимого учителя: при посещении школы с Дэвидом, в первый же родительский день, он увидел обучающую машину Томас Эдисон, и больше ему уже ничего не требовалось. Дэвид потратил почти целый час, пытаясь оттащить отца от машины.

Внизу, под вертолетом, пустыня уступала место прериям, поросшим редкой травой. Ограда из колючей проволоки от-

мечала владения Мак-Олифа и одновременно область, находящуюся под управлением Техаса. Отец Мак-Олифа был техасским нефтяным миллионером и финансировал полеты на Марс собственных кораблей; он обскакал даже союз водопроводчиков.

Джек вынул изо рта сигарету и начал опускаться, пытаясь отыскать в слепящих солнечных лучах здания фермы.

Небольшое стадо коров шарахнулось от шума вертолета и галопом бросилось врассыпную. Лучше бы Мак-Олиф — низкорослый мрачный ирландец — не заметил этого. Мак-Олиф не без оснований нервничал по поводу своих коров: ему казалось, что весь уклад марсианской жизни направлен против них, что все заставляет их худеть, болеть и уменьшать надои.

Джек включил передатчик и произнес в микрофон:

— Это мастер из компании И, Джек Болен, по вашему вызову. Прошу посадки.

Он подождал, пока с ранчо не донесся ответ:

— О'кей, Болен, площадка готова. Конечно, бессмысленно спрашивать, что вас так задержало,— сварливо добавил Мак-Олиф.

— Сейчас буду,— скорчив гримасу, откликнулся Джек. Он уже различал впереди здания, белевшие на фоне песка.

— У нас здесь пятнадцать тысяч галлонов молока,— продолжал Мак-Олиф.— Если вы в ближайшее время не почините этот чертов холодильник, все испортится.

— Мигом сделаем.— Джек зажал уши большими пальцами и скорчил рожу громкоговорителю.

Глава 2

Бывший водопроводчик, президент марсианского союза работников водоснабжения Арни Котт поднялся с постели в десять утра и сразу же по обыкновению направился в парилку.

— Привет, Гус.

— Привет, Арни.

Его все называли по имени, и правильно. Арни Котт кивнул Биллу, Эдди и Тому, когда они поздоровались с ним. Пар оседал у его ног, стекал по изразцам, и влага выводилась наружу. Эта мелочь доставляла ему удовольствие: обычные ванны конструировались таким образом, чтобы воспрепятствовать утечке воды. У него же вода вытекала в раскаленный песок и исчезала навсегда. Кто еще мог себе позволить такое? «Хотелось бы мне посмотреть, кто из этих богатых евреев в Новом Иерусалиме имеет такие парилки»,— ухмылялся он про себя.

Встав под душ, Арни Котт обратился к приятелям:

— До меня дошел слушок, который нужно как можно скорее проверить. Знаете картель португальцев из Калифорнии, которые приобрели горный кряж Франклина Рузвельта и пытались там добывать железную руду, но содержание ее оказалось слишком невысоким по сравнению с затратами? Я слышал, они продали свои участки.

— Да, мы тоже слышали,— закивали присутствующие.— Интересно, сколько они на этом потеряли. Наверно, страшные деньги.

— Нет,— возразил Арни,— говорят, они нашли покупателя, готового с лихвой возместить все убытки, так что они останутся даже в прибыли. Хотел бы я знать, что за сумасшедший покупает эту землю! У меня ведь есть кое-какие права на добычу минералов. Узнайте, кто купил землю и что там замышляется.

— Да, хорошо бы выяснить.— Все снова покивали, только Фред, выйдя из-под душа, заметил:

— Я узнаю, Арни,— и добавил, не оборачиваясь: — Займусь этим прямо сейчас.

Арни старательно намылился и обратился к оставшимся:

— Должен же я защищать свои права на добычу минералов! Я не потерплю, чтобы сюда явился какой-нибудь бездельник с Земли и начал превращать эти горы, например, в национальный парк для пикников. Я говорю вам только то, что слышал. Мне известно, что около недели назад туда ездила группа коммунистических начальников из России и Венгрии — приглядывались. Вы думаете, проиграв в прошлом году, они сдались? Как бы не так! У них мозги, как у насекомых, и, как насекомые, они всегда возвращаются к одному и тому же. Красным не терпится устроить коммунизм на Марсе; они там на Земле спят и видят это. Не удивлюсь, если выяснится, что португальцы из Калифорнии продали землю коммунистам и в ближайшем будущем они переименуют горы Франклина Рузвельта в горы Иосифа Сталина.

Все понимающе рассмеялись.

— А теперь меня ждут дела,— заключил Арни Котт, смывая мыльную пену под яростными струями горячей воды.— Надеюсь, остальное вы раскопаете сами. Например, я тут ездил на восток, где у нас идет эксперимент с дынями. Похоже, нам удалось внедрить новоанглийский сорт и приспособить его к здешним условиям. Я-то знаю, как все любят кусочек мускусной дыни на завтрак.

— Верно, Арни,— согласились все.

— Но в голове у меня не только дыни. На днях нас посетили представители Объединенных Наций с протестом против нашего отношения к черномазым. Или мне не следует так говорить; наверное, я должен называть их, как эти ребята из Объединенных Наций,— «остаточное местное население» или попросту — бликмены. Имелось в виду наше решение оплачивать труд занятых на шахтах бликменов ниже установленного уровня, я имею в виду — ниже минимальной ставки. Потому что даже эти ангелы из Объединенных Наций не могут всерьез рассчитывать, что мы станем платить им целую ставку. Как бы там ни было, перед нами стоит проблема: с одной стороны, мы не можем платить бликменам минимальную ставку, потому что они работают настолько плохо, что мы разоримся, а с другой — мы вынуждены использовать их в шахтах, потому что никто другой там дышать не может. Нам не по карману специальное оборудование в достаточных количествах. Кто-то Дома здорово наживается на кислородных баллонах, компрессорах и прочем. Это настоящий рэкет, и мы не дадим обвести себя вокруг пальца.

Все мрачно молчали.

— Ну так вот, нельзя позволить бюрократам из Объединенных Наций диктовать нам, как нам жить в нашем поселении,— продолжил Арни.— Мы начали здесь трудиться еще до того, как они вкопали свой флаг в песок; у нас уже были дома, а им еще и писать было некуда.

— Верно, Арни,— закивали ребята.

— И тем не менее беда в том, что эти фрукты из Объединенных Наций контролируют каналы, а нам тоже нужна вода: она нужна нам для транспортировки грузов, как источник энергии, нужна для питья и для такого вот купания. Я хочу сказать, что эти гады в любой момент могут перекрыть воду; так что мы у них в руках.

Он вышел из-под душа и прошлепал по теплым влажным изразцам за полотенцем, которое наготове держал служитель. От мыслей об Объединенных Нациях у Арни заболел живот, а с левой стороны заныла старая язва двенадцатиперстной кишки. «Лучше позавтракать»,— подумал он.

Служитель помог ему облачиться в серые фланелевые брюки, футболку, ботинки из мягкой кожи и военно-морское кепи. Арни вышел из парилки, пересек коридор и вошел в свою столовую, где Гелио, повар из бликменов, уже приготовил завтрак. Не раздумывая он сел за стол, на котором ждали горячие

лепешки, бекон, кофе, стакан апельсинового сока и воскресный номер нью-йоркской «Таймс» за предыдущую неделю.

— Доброе утро, мистер Котт,— выглянула из приемной секретарша в ответ на нажатие кнопки — он еще не видел эту девушку.

«Не слишком симпатичная»,— решил Арни, бросив на нее оценивающий взгляд, и вернулся к газете. К тому же еще и называет его «мистер Котт».

Он отхлебнул сок и прочитал статью о гибели межпланетного корабля с тремя сотнями пассажиров на борту, принадлежавшего японскому коммерсанту и транспортировавшего велосипеды. Это рассмешило его. Велосипеды в космическом пространстве, и все погибли. Жаль, на планете с такой маленькой массой, как Марс, где нет никаких источников энергии, если не считать системы грязных каналов, и где даже керосин стоит целое состояние, велосипеды представляли бы существенную экономическую ценность. Можно было бы совершенно бесплатно путешествовать на сотни миль, даже через пустыню. Единственные, кто мог себе позволить турбинный транспорт, работающий на керосине, это жизненно важные службы: монтеры, команды технического обслуживания, ну и, конечно, официальные представители, такие как он сам. Разумеется, существовал и общественный транспорт — трассы гусеничных автобусов соединяли одно поселение с другим. Но автобусы ходили нерегулярно и зависели от доставки топлива с Земли. К тому же, что касается лично Арни, они вызывали у него приступы клаустрофобии — так медленно передвигались.

Чтение «Таймс» напомнило Арни Дом, и ему ненадолго показалось, что он снова на Земле, в Южной Пасадене: его семья подписывалась на «Таймс», и он вспомнил, как мальчиком носил газету из почтового ящика, висевшего на улице, усаженной абрикосовыми деревьями. Теплая пыльная улочка, вдоль которой стояли аккуратные одноэтажные домики с припаркованными машинами и еженедельно подстригавшимися газонами. Именно этих газонов ему и недоставало — с тачками удобрений, семенами, садовыми ножницами и сетчатой оградой для домашней птицы по ранней весне... и все лето напролет работающими обрызгивателями, насколько это допускалось законом. На Земле тоже недостаток воды. Как-то его дядю Пола даже оштрафовали за то, что тот мыл машину в день экономии воды.

Дальше в газете встретилась статья о приеме в Белом доме в честь миссис Лизнер, осуществившей восемь тысяч терапевтических абортов в качестве представителя агентства по контролю

за рождаемостью и давшей тем самым пример всему женскому населению Америки. «Что-то вроде медсестры,— решил Арни Котт.— Благородное занятие для женщин».

Он перевернул страницу.

Там крупным шрифтом на четверть страницы сияло приглашение эмигрировать на Марс, которое он сам помогал составлять. Арни откинулся на спинку кресла и сложил газету, испытывая истинную гордость,— на его взгляд, приглашение выглядело прекрасно. Оно, несомненно, должно привлечь людей, если у тех еще осталась доля здравого смысла и искренняя страсть к приключениям, как говорилось в газете.

В приложении перечислялись все профессии, требующиеся на Марсе. Список был довольно длинным, отсутствовали там разве что проктологи да специалисты по разведению канареек. Там указывалось также, насколько сложно получить работу на Земле лицу даже с магистерской степенью, в то время как на Марсе хватало высокооплачиваемых должностей и для бакалавров.

«Это должно пронять их»,— подумал Арни. Он сам эмигрировал из-за своей бакалаврской степени. На Земле для него было все закрыто, поэтому он прилетел на Марс в качестве простого водопроводчика, а теперь, по прошествии нескольких лет, посмотрите, чего он достиг. На Земле водопроводчик-бакалавр мог рассчитывать только на уборку дохлой саранчи в Африке в составе американских рабочих бригад. Кстати, его брат Фил этим и занимался в настоящее время: он закончил Калифорнийский университет, но так и не смог найти работу лаборанта по анализу качества молока. Одновременно с ним университет выпустил еще сотню таких специалистов, и кому они нужны? На Земле для них работы не осталось. «Летите на Марс,— заключил про себя Арни.— Здесь мы найдем вам применение. Стоит лишь поглядеть на дохлых коров с молочных ферм за городом. Вот пусть и тестируют им молоко».

Но приложение хитро умалчивало, что на самом деле эмигрантам на Марс ничего не гарантировалось, даже возможность вернуться домой, так как полеты на Землю стоили гораздо дороже из-за неадекватных возможностей взлетных площадок. И уж конечно, никому ничего не гарантировалось с точки зрения занятости. А виноваты в этом крупные державы на Земле, такие как Китай, Соединенные Штаты, Россия и Западная Германия, которые, вместо того чтобы поддерживать планомерное развитие планет, занялись дальнейшими исследованиями.

Они тратили время, мозги и деньги на звездные проекты, например, на полет к Центавру уже потрачены миллиарды долларов и человеко-часов. Арни Котт не видел никакого смысла в этих звездных проектах. Кто захочет четыре года лететь в другую систему, где и планет-то, наверное, нет?

Но в то же время Арни боялся, как бы космическая политика крупных земных держав не изменилась. Что, если в одно прекрасное утро они проснутся и пересмотрят свое отношение к колониям на Марсе и Венере? Что, если они отдадут себе отчет в их слаборазвитости и решат что-нибудь предпринять? Другими словами, что будет с Арни Коттом, если великие державы образумятся? Тут есть над чем поразмыслить.

Впрочем, великие державы не проявляли признаков разумности. Они все еще были одержимы соперничеством и сейчас, к облегчению Арни, продолжали борьбу между собой на расстоянии двух световых лет от Марса.

Перелистывая газету, он наткнулся на небольшую заметку о женской организации в Берне, Швейцария, которая в очередной раз выражала беспокойство по поводу колонизации.

Колониальный Комитет Безопасности встревожен состоянием посадочных площадок на Марсе.

В петиции, адресованной Колониальному департаменту Объединенных Наций, дамы снова высказывали свою обеспокоенность тем, что посадочные площадки на Марсе, на которые прибывали корабли с Земли, слишком удалены от мест поселений и системы водоснабжения. Иногда пассажирам, включая женщин, детей и стариков, приходится преодолевать сотни миль по пустынной местности. Колониальный Комитет Безопасности просил Объединенные Нации издать постановление, обязывающее корабли совершать посадку лишь на космодромы, находящиеся в радиусе двадцати пяти миль от главного канала.

«Заботливые наши»,— подумал Арни Котт, прочитав заметку. Вероятнее всего, никто из них никогда не покидал Землю: они узнали об этом из какого-нибудь письма, от какой-нибудь престарелой тети, живущей здесь на пенсию на бесплатных землях Объединенных Наций. Ну и конечно, их сведения черпались у постоянного члена организации, обитательницы Марса, некой миссис Энн Эстергази: она распространяла ксерокопии этого письма среди общественно активных дам в разных поселениях. Арни получал и читал ее информационный бюллетень «Заметки ревизора», название которого неизменно вызывало у

него смех. Смешили его и вставки, состоявшие из одной-двух строк и публиковавшиеся между статьями:

Боритесь за высокое качество очистки питьевой воды! Общение с церковнослужителями гарантирует такую степень фильтрации, которой можно гордиться!

Суть некоторых статей «Заметок ревизора» Арни и вовсе не понимал — на таком странном жаргоне они были написаны. Однако совершенно очевидно, что этот бюллетень имел широкую аудиторию сторонниц, которые все серьезно принимали к сердцу и предпринимали требующиеся от них акции. Можно было не сомневаться, что в настоящее время они присоединились к жалобам Колониального Комитета Безопасности на опасную отдаленность посадочных площадок на Марсе от источников воды и человеческих поселений. Они выполняли свою роль в очередной великой битве, и на этот раз Арни Котт был вполне доволен, так как из двадцати с небольшим посадочных площадок на Марсе лишь одна располагалась в двадцати пяти милях от главного канала, и обслуживала она именно его поселение. Если каким-нибудь образом настойчивость Колониального Комитета увенчается успехом, все прибывающие с Земли пассажирские корабли станут совершать посадку у Арни Котта, и таможенные сборы будут поступать в его поселение.

То, что миссис Эстергази со своим бюллетенем и организацией на Земле боролась за экономически выгодное для Арни дело, было далеко не случайным. Энн Эстергази являлась бывшей женой Арни. Они и сейчас сохраняли дружеские отношения, совместно владея целым рядом предприятий, основанных или приобретенных ими за время брака. Они сотрудничали на самых разных уровнях, несмотря на то что в личных отношениях никогда не могли найти общего языка. Арни считал ее агрессивной, властной и мужеподобной. Высокая и худая, она ходила широкими шагами в туфлях на низком каблуке, носила твидовый пиджак, темные очки и огромную кожаную сумку на ремне. Однако она была умна, интеллигентна и обладала прирожденными организаторскими способностями. Так что в деловой сфере Арни прекрасно с ней ладил.

То, что Энн Эстергази была его женой и они до сих пор сохраняли финансовые связи, не предавалось широкой огласке. Когда ему требовалось связаться с ней, он не пользовался услугами своих стенографисток. Вместо этого он наговаривал сообщение на диктофон, хранившийся у него в столе, и отправлял

кассету с пленкой со специальным посыльным. Посыльный доставлял кассету в художественный магазин, который принадлежал Энн в Израильском поселении, а ее ответ, если в нем была необходимость, оставлялся в офисе цементного завода, которым владел зять Арни — Эд Рокингхэм, муж его сестры.

Год назад, когда Эд выстроил дом для себя, Патриции и своих троих детей, он приобрел бесценное сокровище — собственный канал. Грубо нарушив закон, он вырыл канал для себя и теперь забирал воду из общественной сети. Даже Арни это привело в ярость. Но в то время иск не предъявили, и теперь канал, скромно названный в честь старшего сына Эда, катил свои воды на восемьдесят миль в открытую пустыню, так что Пат Рокингхэм могла позволить себе жить в прелестном уголке со своим газоном, бассейном и хорошо орошаемым цветником. В основном она выращивала большие кусты камелий, которые лишь ей удалось успешно культивировать на Марсе. Обрызгиватели вращались и поливали камелии целыми днями напролет, не давая им засохнуть и погибнуть.

Двенадцать огромных камелий, прямой вызов Арни Котту! У него были не слишком хорошие отношения с сестрой и Эдом. «И зачем они явились на Марс? — недоумевал он.— Чтобы тратить то, на что здесь идут неимоверные средства и усилия. Но для этого можно было оставаться и на Земле». Ему это представлялось абсурдным. Для Арни Марс был неизведанным местом, символизировавшим новый образ жизни. Вместе с другими поселенцами, и взрослыми и детьми, ему пришлось в процессе адаптации к новой жизни ежеминутно приспосабливаться к новым условиям, так что теперь они превратились в совершенно новых существ. И дети их, рожденные на Марсе, тоже были особенными, странными и в некоторых отношениях загадочными даже для собственных родителей. Двое его сыновей — его и Энн — сейчас жили в лагере, в пригороде Льюистауна. И когда он навещал их, ему не удавалось найти с ними общий язык: парни смотрели на отца пустыми глазами, словно ожидая, когда же наконец он уедет. Насколько мог судить Арни, мальчики были абсолютно лишены чувства юмора. И тем не менее они тонко чувствовали: могли бесконечно говорить о животных, растениях, пейзаже. У обоих были свои любимцы — марсианские существа, которые приводили Арни в ужас: огромные насекомые вроде богомолов, но размером с осла. Чертовы твари назывались боксерами, так как частенько становились на задние лапы и принимались колотить друг друга в ритуальной битве,

которая порой заканчивалась смертью и пожиранием побежденного. Но Берт и Нед выдрессировали своих боксеров, чтобы те не слишком усердствовали и не съедали друг друга. И эти твари превратились в их друзей: дети на Марсе чувствовали себя одиноко, отчасти потому, что их было еще очень мало, а отчасти... Впрочем, Арни не знал почему. В огромных детских глазах прятался страх, словно им чего-то не хватало. Они становились замкнутыми, при каждом удобном случае уходили в пустыню. Назад в поселения они приносили совершенно бесполезные вещи — кости и остатки старой марсианской цивилизации. Совершая полеты на вертолете, Арни иногда видел сверху фигурки детей: они углублялись в пустыню и копались в песке, будто стремясь вскрыть поверхность Марса и уйти вглубь...

Арни открыл нижний ящик стола, достал маленький диктофон и нажал кнопку записи.

— Энн, нам надо встретиться и поговорить,— начал он.— В комитете слишком много женщин, и он неправильно действует. Например, в последнем приложении к «Таймс» меня встревожило...

Он умолк, так как лента в диктофоне со скрипом остановилась. Арни поковырялся в нем — пленка медленно двинулась и снова замерла.

«Я-то считал, что все отрегулировано,— раздраженно подумал Арни.— Неужели эти бездельники ничего не могут наладить? Неужели придется идти на черный рынок и покупать там новый за бешеные деньги?» Он даже вздрогнул от этой мысли.

Не слишком симпатичная секретарша, тихо сидевшая напротив в ожидании поручений, тут же откликнулась и достала карандаш и записную книжку.

— Обычно мне понятно,— принялся диктовать Арни,— как сложно содержать оборудование в рабочем состоянии при почти полном отсутствии запасных частей, учитывая местные климатические условия. И тем не менее я устал от постоянных просьб присылать компетентных мастеров для ремонта жизненно необходимых приборов, таких как, например, мой диктофон. Мне нужно, чтобы он работал,— вот и все. Так что если вы, ребята, не можете обеспечить его работу, я разгоню вас и лишу привилегий заниматься ремонтными работами в нашем поселении и в дальнейшем буду обращаться к сторонним компаниям.— Он кивнул, и девушка перестала писать.

— Отнести диктофон в мастерскую, мистер Котт?

— Нет,— прорычал Арни.— Занимайтесь своим делом.

Как только она вышла, он снова взял «Таймс» и принялся читать. Дома, на Земле, приобрести диктофон ничего не стоило; к тому же дома можно было... черт! Нет, вы только посмотрите, что они рекламируют: от старых римских монет до шуб, походного оборудования, бриллиантов, космических кораблей и яда против сорняков. Господи Иисусе!

Впрочем, сейчас ему требовалось срочно связаться со своей бывшей женой. «Может, просто заскочить к ней? — подумал Арни.— Неплохой повод, чтобы выбраться из офиса».

Взяв телефонную трубку, он распорядился, чтобы на крыше приготовили вертолет, затем покончил с остатками завтрака, торопливо вытер рот и направился к лифту.

— Привет, Арни,— поздоровался с ним симпатичный молодой пилот, выглянув из кабины.

— Привет, сынок,— откликнулся Арни.

Пилот помог ему забраться в специальное кожаное кресло, которое было выполнено по заказу Арни в местной мастерской, занимавшейся обивкой и драпировкой. Пилот занял место впереди, а Арни удобно откинулся на спинку и, положив ногу на ногу, распорядился:

— Поднимайся, а в воздухе я тебе скажу куда. И не волнуйся, я никуда не тороплюсь. Похоже, сегодня славный денек.

— Действительно хороший день,— откликнулся пилот, и лопасти вертолета начали вращаться.— Если не считать той дымки над грядой Франклина Рузвельта.

Не успели они взлететь, как в кабине включился радиопередатчик:

— Срочное сообщение. В открытой пустыне небольшая группа бликменов, умирающих от голода и жажды. Местонахождение по гирокомпасу — 4.65003. Всем воздухоплавательным приспособлениям к северу от Льюистауна немедленно направиться по указанным координатам и оказать помощь. Закон Объединенных Наций требует, чтобы откликнулись все коммерческие и частные корабли.

Сообщение было повторено еще раз холодным голосом диктора, говорившего с искусственного спутника Объединенных Наций где-то у них над головой.

Арни, чувствуя, что пилот меняет направление полета, заметил:

— Лети дальше, мальчик.

— Я вынужден им подчиниться, сэр,— возразил пилот.— Таков закон.

«О господи!» — с отвращением подумал Арни и отметил про себя, что парня надо уволить или по крайней мере отстранить от полетов, когда они вернутся.

Они летели над пустыней на приличной скорости, быстро приближаясь к месту, указанному в сообщении. «Черномазые бликмены,— думал про себя Арни.— И мы должны все бросать, чтобы вызволить этих несчастных идиотов,— не могут перейти свою собственную пустыню. А что они тут пять тысяч лет делали без нас?»

Джек Болен уже садился на ферму Мак-Олифа, когда до него донеслось срочное сообщение со спутника Объединенных Наций. Болен неоднократно слышал такие сообщения, и каждый раз они заставляли его вздрагивать.

«...группа бликменов в открытой пустыне...— бесстрастно сообщил передатчик,— погибают от голода и жажды. Всем летательным аппаратам к северу от Льюистауна...»

«Понял»,— проговорил Джек Болен про себя, потом взял микрофон:

— Вертолет компании И поблизости с точкой 4.65003. Буду на месте через две-три минуты.

Он развернул вертолет к югу, прочь от фермы Мак-Олифа, ощутив несказанную радость при мысли о ярости Мак-Олифа, видящего, как он удаляется, и, вероятно, догадывающегося о причине. Меньше всего на свете бликмены были нужны крупным фермерам: обнищавшие кочевники, они то и дело являлись за пищей, водой, медицинской помощью, а то и просто по старинке просили милостыню. Казалось, ничто так не бесило преуспевающих фермеров, как то, что их использовали существа, землю которых они захватили.

Теперь откликнулся еще один вертолет.

— Мои координаты по гирокомпасу 4.78995,— говорил пилот.— Я на окраине Льюистауна. Скоро буду на месте. Имею на борту пищу и пятьдесят галлонов воды.— Сообщив принадлежность своего вертолета, он отключился.

Молочная ферма удалялась, а Джек Болен пристально всматривался в пустынную поверхность, пытаясь разглядеть группу бликменов. Вот они, точно. Пятеро, в тени небольшой каменистой горки. Не шевелятся. Может, уже умерли? Обнаруживший их спутник Объединенных Наций ничем бликменам помочь не мог. «А мы, которые можем им помочь,— какое нам дело?» — подумал Джек. Так или иначе, бликмены вымирали, а остав-

шиеся впадали все в большее отчаяние. Объединенные Нации защищали их. «Хоть какая-то защита»,— подумал Джек.

Но что можно сделать с вымирающим народом? Эпоха коренного населения Марса закончилась задолго до того, как в 60-х годах в их небе появился первый советский корабль с телекамерами. Никто не пытался аборигенов уничтожить — в этом просто не было необходимости. И все же вначале они вызывали огромное любопытство. Открытие этого народа оправдывало миллиарды долларов, затраченных на посещение Марса. Настоящая внеземная цивилизация!..

Джек приземлился на ровный песок рядом с бликменами, выключил винт, открыл дверь и вышел.

Жаркое утреннее солнце тут же обрушилось на него, пока он шел к неподвижным бликменам. Они были живы: глаза у них были открыты и смотрели на него.

— Да хлынут дожди от меня на ваши бесценные особы,— произнес он классическое приветствие бликменов на их родном диалекте.

Подойдя ближе, Джек увидел, что группа состоит из двух морщинистых стариков, молодых мужчины и женщины, вероятно мужа и жены, и их ребенка. Очевидно, семья, пустившаяся пешком через пустыню в поисках воды и пищи; может, оазис, где они обитали, высох. Такие вынужденные переходы были типичны для бедственного состояния бликменов. Они лежали, не в силах двинуться дальше, иссохшие до такой степени, что напоминали груду овощной ботвы. В ближайшем будущем они, без сомнения, погибли бы, если бы их не заметил спутник Объединенных Наций.

Молодой бликмен медленно поднялся, преклонил колена и произнес слабым дрожащим голосом:

— Дожди, пролившиеся от твоего благословенного присутствия, мистер, придают нам силу и возвращают к жизни.

Джек Болен бросил свой термос молодому бликмену, тут же опустившемуся на колени. Тот отвинтил крышку и передал его неподвижно лежащим старикам. Старуха схватила термос и принялась пить.

Перемены в ней наступили мгновенно. Она на глазах возвращалась к жизни, с лица сходил грязно-серый оттенок смерти.

— Можно нам наполнить скорлупу? — спросил Джека молодой бликмен. На песке лежало несколько яиц пака — бледных пустых скорлупок. В этих сосудах бликмены переносили воду; уровень их технического развития был настолько низок, что у

них не имелось даже глиняной посуды. «И тем не менее,— подумал Джек,— их предки создали великую систему каналов».

— Конечно. Сейчас прилетит еще один вертолет с водой.— Он вернулся к вертолету, взял свой ленч и передал его бликмену.— Еда,— объяснил он. Как будто они не знали. Старики уже вскочили на ноги и протягивали к нему руки.

За спиной Джека нарастал рев второго вертолета. Большая двухместная машина наконец опустилась, и вращение лопастей замедлилось.

— Я вам нужен? — крикнул пилот.— Если нет, полечу дальше.

— У меня не хватает для них воды,— ответил Джек.

— Ладно.— Пилот выключил пропеллер. Соскочив вниз, он вытащил большую пятигаллоновую канистру.— Пусть берут.

Вместе с пилотом Джек наблюдал, как бликмены наполняют свои скорлупы водой. Имущество их было скудным: колчан с отравленными стрелами, по звериной шкуре на каждого да ступки у женщин — единственная их ценность; женщина без ступки даже не считалась за женщину, в ступках бликмены готовили мясо и растирали зерна — все, что им удавалось добыть. Еще у них было несколько сигарет.

— Моему пассажиру не очень-то по душе такие распоряжения Объединенных Наций,— прошептал молодой пилот Джеку на ухо.— Он просто не понимает, что у них там наверху спутник, который регистрирует всех уклоняющихся от выполнения приказа. И штраф за это придется платить немалый.

Джек обернулся и посмотрел на вертолет. Внутри с самодовольным видом сидел плотный лысый мужчина. На хорошо упитанном лице было написано раздражение, и он не обращал никакого внимания на пятерых бликменов.

— Надо ладить с законом,— оправдывающимся тоном продолжил пилот.— Штраф-то наложат на меня!

Джек подошел к вертолету и обратился к лысому пассажиру:

— Вы разве не чувствуете удовлетворения, что спасли жизни пятерым людям?

— Вы хотели сказать — пятерым черномазым.— Лысый взглянул на него сверху вниз.— Я не называю это спасением людей. А вы?

— А я называю,— ответил Джек.— И буду называть впредь.

— Ну давай-давай.— Побагровев, лысый бросил взгляд на вертолет Джека и прочел название фирмы, которую тот представлял.— Посмотрим, к чему это тебя приведет.

— Человек, с которым вы разговариваете,— Арни, Арни Котт,— поспешно подойдя к Джеку, зашептал пилот.— Можем лететь дальше, Арни! — крикнул он.

Пилот исчез в кабине, и лопасти винта пришли в движение.

Вертолет поднялся в воздух, оставив Джека наедине с бликменами. Они уже напились и теперь приступили к ленчу, который отдал им Джек. Пустая канистра валялась в стороне. Яичная скорлупа пака была наполнена доверху. Бликмены даже не взглянули на поднимавшийся вертолет. Впрочем, на Джека они тоже не обращали внимания, что-то бормоча между собой на своем диалекте.

— Куда вы направляетесь? — спросил Джек.

Молодой бликмен назвал оазис, находившийся далеко к югу.

— И вы надеетесь дойти до него? — поинтересовался Джек, указывая на стариков.— Они дойдут?

— Да, мистер,— ответил молодой бликмен.— Теперь, когда мы получили пищу и воду от вас и другого мистера, мы дойдем.

«Неужели им действительно это под силу? — подумал Джек.— Впрочем, они все равно не признаются, даже если сами понимают, что это невозможно. Расовая гордость».

— Мистер,— продолжил молодой бликмен,— мы хотим сделать вам подарок за то, что вы остановились.— И протянул что-то Джеку.

Пожитки их выглядели настолько бедными, что Джек был уверен — им нечего ему дать. Однако он протянул руку, и молодой бликмен вложил в нее маленький холодный предмет, что-то сморщенное и сухое, напоминавшее древесный корень.

— Это — водяная ведьма,— заметил бликмен.— Она принесет вам воду, источник жизни, мистер, в любое время, когда понадобится.

— А вам она помогла? — спросил Джек.

— Помогла, мистер,— хитро улыбнулся бликмен.— Она привела вас.

— А что же вы будете делать без нее? — поинтересовался Джек.

— У нас еще есть. Мы сами делаем водяных ведьм, мистер.— Бликмен кивнул на пожилую пару.— Они — не простые люди.

Рассмотрев водяную ведьму повнимательнее, Джек обнаружил у нее лицо и что-то отдаленно напоминающее конечности. Это была мумия какого-то живого существа: он разглядел скрюченные ножки, уши и... вздрогнул. Выражение лица чем-то

напоминало человека, на нем застыла маска страдания, словно смерть застала существо, когда оно взывало о помощи.

— А как она действует? — спросил Джек.

— Раньше, когда человеку нужна была вода, он просто мочился на нее, и она оживала. Но теперь мы так не делаем; вы, мистеры, научили нас, что мочиться нехорошо. Так что теперь мы плюем на нее, и она откликается — открывает глаза, оглядывается, а потом открывает рот и призывает воду. Как призвала вас, мистер, и другого мистера, который сидел там и не вышел, большого мистера без волос на голове.

— Этот мистер — очень важный мистер,— заметил Джек.— Он глава поселения Союза водопроводчиков, ему принадлежит весь Льюистаун.

— Может быть,— откликнулся молодой бликмен.— Тогда мы не станем останавливаться в Льюистауне, потому что поняли: мы не понравились безволосому мистеру. Мы не дали ему водяную ведьму в благодарность за его воду, на самом деле он не хотел нам помочь: сердце его было не с ним, и руки его действовали не по доброй воле.

Джек попрощался с бликменами и вернулся в вертолет. Через мгновение он уже поднимался, а бликмены неторопливо махали ему снизу.

«Отдам водяную ведьму Дэвиду,— решил Джек.— Когда вернусь домой в конце недели. Пусть писает на нее или плюет, пусть делает с ней все, что угодно».

Глава 3

Норберт Стайнер считал себя достаточно независимым человеком, так как был сам себе начальником. В небольшом металлическом ангаре на окраинах Банчвуд-парка он производил диетическое питание, полностью изготовленное из земных растений и минералов без консервантов, химических препаратов и неорганических добавок. Фирма в Банчвуд-парке упаковывала продукцию в специальные ящики, коробки, бутылки и свертки, после чего Стайнер развозил их по Марсу, доставляя непосредственно покупателям.

Получаемая им прибыль была абсолютно честной, так как конкурентов у него не имелось: на Марсе он один занимался производством диетического питания.

Но, кроме этого, он занимался и побочным бизнесом, импортируя с Земли различные деликатесы для гурманов: трюфе-

ли, гусиный паштет, икру, суп из кенгуриных хвостов, датский голубой сыр, копченых кальмаров, перепелиные яйца, ром-бабы. Доставка всего этого на Марс была запрещена — Объединенные Нации добивались, чтобы колонии перешли на самообеспечение. Эксперты Объединенных Наций утверждали, что транспортировка пищи в космическом пространстве небезопасна из-за вредного проникающего облучения. Но Стайнер знал, что истинная причина запрета связана с опасениями за судьбу колоний в случае военного конфликта на Земле. Поставки продовольствия прекратятся, и, если колонии не смогут самостоятельно обеспечить себя, они просто погибнут от голода.

Восхищаясь их аргументацией, Стайнер совершенно не собирался прекращать свою деятельность. Несколько тайком вывезенных банок французских трюфелей не помешают фермерам производить молоко, разводить свиней, бычков и овец и бороться за то, чтобы их угодья приносили хоть какой-нибудь доход. Если в поселениях время от времени будут появляться стеклянные баночки икры по двадцать долларов за штуку, яблони, груши и абрикосовые деревья не прекратят выращивать, и это не повлияет на уход за ними и своевременную поливку.

Сейчас Стайнер находился на своем складе неподалеку от крохотной посадочной площадки в горах Франклина Рузвельта; он сам ее построил — при помощи бликменов. Стайнер инспектировал партию халвы, прибывшую накануне вечером на автоматическом корабле. Халва прекрасно расходилась, особенно в Новом Израиле, и сейчас, проверяя целость товара, Стайнер прикинул, что сможет запросить за каждую порцию не менее пяти долларов.

Арни Котт в Льюистауне покупал любые сладости, которые только мог предложить Стайнер, плюс сыры, всяческую консервированную рыбу, не говоря уже о канадском беконе и датской ветчине. Арни Котт вообще был его лучшим покупателем.

На незаконной посадочной площадке, где стоял прибывший накануне корабль, хлопотал техник Стайнера — сам Стайнер ничего не умел делать руками,— готовя его к обратному полету в Манилу. Небольшой — всего двадцать футов в высоту — корабль был сделан в Швейцарии и обладал достаточной надежностью.

В красноватом свете марсианского солнца вершины окружающих гор отбрасывали длинные тени, и Стайнер включил керосиновый обогреватель, чтобы согреть склад. Техник, заметив, что Стайнер выглядывает в окно, кивнул ему, давая знать,

что ракету можно загружать. Стайнер временно оторвался от банок с халвой, взял ручки тележки и принялся проталкивать ее сквозь дверь наружу.

— Боюсь, потянет больше чем на сотню фунтов,— критически заметил техник при виде груженной коробками тележки.

— Нет, они очень легкие,— откликнулся Стайнер. В них была упакована высушенная трава, которая после обработки на Филиппинах очень напоминала гашиш. Ее смешивали с обычным вирджинским табаком и продавали в Соединенных Штатах за баснословные деньги. Сам Стайнер никогда не пробовал этой смеси — для него физическое и нравственное здоровье были одним целым, он верил в диетическое питание, никогда не пил и не курил.

Ракету загрузили и запечатали, после чего Отто включил часовой механизм автопилота. Через несколько дней Хосе Пескуито разгрузит корабль в Маниле и, ознакомившись со вложенным заказом, начнет собирать товары для обратного путешествия.

— Возьмешь меня с собой обратно? — спросил Отто.

— Сначала я лечу в Новый Израиль.— ответил Стайнер.

— Годится. У меня куча времени.

Некогда Отто Цитте имел свое дело на черном рынке: он занимался исключительно электронным оборудованием, хрупкими миниатюрными деталями, которые контрабандой перевозили с Земли. А еще раньше пытался импортировать такие дефицитные на черном рынке товары, как пишущие машинки, камеры, магнитофоны, меха и виски, но был изгнан конкурентами. Торговлю этими необходимыми предметами и оптовую продажу их в колонии захватили крупные профессиональные воротилы черного рынка, которые обладали не только огромными капиталами, но и собственной системой транспортировки. Да и все равно душа Отто не лежала к этому делу. Он хотел заниматься ремонтом, для этого и приехал на Марс, не зная еще, что все ремонтное дело монополизировано двумя-тремя фирмами, такими как компания И, на которую работал сосед Стайнера Джек Болен. Отто прошел профессиональное тестирование, но результаты его оказались недостаточно высокими. Поэтому по прошествии года он начал работать на Стайнера, заодно занимаясь своими операциями по импорту. Положение достаточно унизительное, но все же оно освобождало от необходимости заниматься физическим трудом в рабочих бригадах колонии, под палящим солнцем возделывавших пустыню.

— Лично я не переношу этих израильтян, хотя и приходится все время иметь с ними дело,— заметил Стайнер по дороге к складу.— Вся их жизнь в этих бараках какая-то неестественная, и все время они сажают сады, апельсины, лимоны. У них перед нами огромные преимущества: они и на Земле жили почти так же, как мы здесь,— та же пустыня и никаких источников энергии.

— Верно,— откликнулся Отто.— Но чего у них не отнимешь, так это умения работать. Они не лентяи.

— И еще они — лицемеры по части еды. Обрати внимание, сколько банок свинины они у меня покупают! Никто из них не соблюдает своих законов!

— Если тебе не нравится, что они покупают у тебя копченых кальмаров, не продавай,— заметил Отто.

— Это их должно волновать, а не меня,— отрезал Стайнер.

Он ехал в Новый Израиль по другой причине, о которой Отто даже не догадывался. У Стайнера там жил сын — в особом лагере для тех, кто назывался «аномальными детьми». Этот термин относился к любому ребенку, который физически или психологически настолько отклонялся от нормы, что не мог получать образование в Общественной Школе. Сын Стайнера страдал аутизмом, и уже три года с ним в лагере работал воспитатель, пытаясь привить мальчику навыки общечеловеческой культуры.

Рождение аутичного ребенка было особым позором, так как психологи считали, что это состояние вызывалось генетическим дефектом родителей и чаще всего связано с их шизоидным темпераментом. Манфред Стайнер за десять лет своей жизни ни разу не произнес ни слова. Он бегал на цыпочках, избегая людей, словно те были опасными острыми предметами. С физической точки зрения он являлся абсолютно здоровым крупным светловолосым ребенком, и первый год после рождения Стайнеры не могли на него нарадоваться. Однако сейчас даже воспитательница в Бен-Гурионе мало что обещала, а уж тамошние воспитатели всегда были оптимистами — это входит в их профессию.

— Возможно, мне придется провести в Новом Израиле целый день,— заметил Стайнер, загружая в вертолет банки с халвой.— Надо объехать все их чертовы кибуцы, на это уйдет не один час.

— Почему ты не хочешь взять меня с собой? — вспылил Отто.

Стайнер опустил голову и зашаркал ногой.

— Ты не понял,— с виноватым видом откликнулся он.— Я бы очень хотел, чтобы ты составил мне компанию, но...— На мгно-

вение он даже подумал, не сказать ли Отто правду.— Я подброшу тебя к автобусному кольцу и высажу тебя там, ладно? — На него навалилась усталость.

Когда он приедет в Бен-Гурион, Манфред будет все в том же состоянии, будет бродить в одиночестве, избегая взглядов, больше похожий на настороженного, подозрительного звереныша, чем на ребенка... Какой смысл в этом визите? И все же он поедет.

Про себя Стайнер во всем винил жену: когда Манфред был совсем маленьким, она почти не разговаривала с ним и не проявляла к нему никаких чувств. По профессии она была химиком, обладала высокоразвитым интеллектом и деловыми способностями, совершенно бесполезными для материнства. Она кормила и купала ребенка с таким видом, словно малыш был лабораторным животным, какой-нибудь белой крысой. Она содержала его в чистоте и заботилась о его питании, но никогда не пела ему, не смеялась вместе с ним, никогда не обращалась к нему на простом человеческом языке. Ничего удивительного, что он стал аутичным. Стайнер мрачнел, размышляя об этом. Вот расплата за женитьбу на женщине с магистерской степенью. Ему вспоминался мальчик Боленов, живших по соседству, как он кричит и играет; стоит лишь взглянуть на Сильвию Болен — она-то прирожденная мать, энергичная, симпатичная женщина и главное — живая. Конечно, она властна и эгоистична... у нее хорошо развито чувство собственности. И все же он восхищался ею. Она не была сентиментальной, в ней чувствовалась сила. Например, случай с протечкой в баке, из-за которой они потеряли двухнедельный запас воды! Вспоминая об этом, Стайнер уныло улыбнулся. Сильвия Болен не поверила им даже на мгновение.

— Ладно, высади меня на автобусной остановке,— прервал его размышления Отто.

— Хорошо,— с облегчением ответил Стайнер.— И тебе не придется терпеть всех этих израильтян.

— Я ничего против них не имею,— взглянул на него Отто,— я тебе уже говорил, Норберт.

Они залезли в вертолет, Стайнер сел за пульт управления и завел мотор. Он не стал отвечать Отто.

Посадив вертолет к северу от Нового Израиля, Стайнер вдруг испытал резкий стыд за то, что плохо отзывался об израильтянах. Весь его пафос был рассчитан лишь на то, чтобы отговорить Отто ехать с ним, и тем не менее в этом было что-то дур-

ное — это противоречило его искренним чувствам. «А все из-за того, что мне стыдно,— понял он.— Стыдно за своего дефективного сына в Бен-Гурионе... Какое сильное чувство, этот стыд, он может заставить человека признаться в чем угодно».

Если бы не израильтяне, кто бы заботился о его сыне? На Марсе это было единственное учреждение для аномальных детей в отличие от Земли, где количество их исчислялось десятками, да мало ли что еще было на Земле. И стоило пребывание Манфреда в лагере так дешево, что плата эта была чистой формальностью.

Пока Стайнер припарковывал вертолет и выходил из него, он ощущал, как стыд растет в нем, так что он уже начал опасаться, сможет ли вообще заговорить с израильтянином. Ему казалось, они прочтут его мысли и, не дай бог, услышат недавно сказанные им слова.

Однако израильский обслуживающий персонал летного поля любезно поздоровался со Стайнером, и его чувство вины начало затихать; похоже, они ничего не поняли. Взяв свои тяжелые чемоданы, он потащил их через поле к посадочной площадке, где стоял гусеничный автобус, доставлявший пассажиров в центральный деловой район.

Стайнер уже залез в автобус и начал устраиваться поудобнее, как вспомнил, что не купил сыну никакого подарка. Мисс Милх, воспитательница, просила его всегда привозить с собой подарок, что-нибудь, что могло долго храниться и напоминать Манфреду об отце. «Надо купить игрушку или игру»,— решил Стайнер. И тут вспомнил, что одна из родительниц, посещавшая своего ребенка в Бен-Гурионе,— хозяйка подарочного магазина в Новом Израиле, миссис Эстергази. Можно зайти к ней. Миссис Эстергази видела Манфреда и вообще разбиралась в аномальных детях. Она сообразит, что выбрать, и не будет задавать бестактных вопросов типа «сколько лет вашему мальчику?».

Он вышел из автобуса на ближайшей к магазину остановке и зашагал по тротуару, наслаждаясь видом маленьких ухоженных магазинчиков и офисов. Во многих отношениях Новый Израиль напоминал ему Дом, он гораздо больше походил на настоящий город, нежели Банчвуд-парк или Льюистаун. Вокруг спешили прохожие, и Стайнеру нравилась деловая атмосфера Нового Израиля.

На нужном ему магазине висела современная вывеска, и, если не считать марсианских растений на подоконнике, его вполне можно было принять за лавочку на окраинах Берлина.

Когда он вошел, миссис Эстергази, стоявшая за прилавком, расплылась в улыбке, словно узнав посетителя. Симпатичная респектабельная дама сорока с небольшим лет, с темными волосами, неизменно безупречно одетая, интеллигентная и свежо выглядевшая. Всем было известно, что миссис Эстергази принимает активное участие в политических и общественных делах; она издавала бюллетень и то и дело вступала в какие-нибудь комитеты.

То, что у нее ребенок в Бен-Гурионе, было тайной. Ребенку исполнилось всего три года, и его неизлечимые физические недостатки были вызваны гамма-облучением, которому он подвергся еще в период внутриутробного развития. Однажды Стайнеру довелось его увидеть; в Бен-Гурионе ему довелось увидеть вообще немало страшных патологий. При первой встрече ребенок Эстергази поразил Стайнера — маленький, сморщенный, с огромными, как у лемура, глазами. Между пальцами располагались перепонки, словно он был создан для жизни в подводном мире. И еще Стайнер не мог отделаться от ощущения, что у малыша на редкость обострены все чувства — он рассматривал незнакомца так пристально, словно мог докопаться до самых глубин его сознания, неведомых даже самому Стайнеру... А выведав все тайны, дитя успокоилось и стало воспринимать Стайнера уже на основе почерпнутых сведений.

Ребенок, как заключил Стайнер, был марсианином, то есть был рожден на Марсе миссис Эстергази от мужчины, который не являлся ее мужем, так как она давно уже была разведена. Об этом он узнал от нее самой — она рассказывала спокойно, без всяких сожалений. С мужем ей пришлось расстаться несколько лет назад. Так что ребенок в Бен-Гурионе был рожден не в законном браке, но миссис Эстергази, как и большинство современных женщин, не считала это позором. И Стайнер разделял ее мнение.

— Какой у вас прекрасный магазинчик, миссис Эстергази,— заметил он, опуская тяжелые чемоданы.

— Спасибо.— Она вышла из-за прилавка и направилась к нему.— Чем могу быть полезна, мистер Стайнер? Хотите продать мне йогурт или пшеничные колосья молочной спелости? — Ее темные глаза блеснули.

— Мне нужен подарок Манфреду,— ответил Стайнер.

Лицо ее тут же смягчилось, и на нем появилось сочувственное выражение.

— Понимаю. Так-так-так...— Она направилась к одной из полок.— Я недавно заезжала в Бен-Гурион, видела вашего сына.

Он не проявляет никакого интереса к музыке? Часто аутичным детям нравится музыка.

— Он любит рисовать. Он все время рисует.

Она взяла в руки маленький деревянный инструмент, похожий на флейту.

— Это сделано здесь, и, кстати, очень хорошо сделано.

— Да. Я возьму.

— Мисс Милх использует музыку как один из методов установления контакта с аутичными детьми.— Миссис Эстергази повернулась, чтобы упаковать флейту.— Особенно танцы.— Что-то ее тревожило, и наконец она решилась: — Мистер Стайнер, вы знаете, что я постоянно в курсе политических событий Дома. И я... ходит слух, что Объединенные Нации собираются...— Она побледнела и понизила голос.— Мне очень не хочется огорчать вас, мистер Стайнер, но если это правда, а похоже, тут есть доля истины...

— Говорите.— Но он уже пожалел, что зашел. Да, он знал, что миссис Эстергази имела отношение ко всем важным событиям, и уже этого было достаточно, чтобы почувствовать неловкость.

— В Объединенных Нациях сейчас обсуждаются меры по отношению к аномальным детям,— закончила миссис Эстергази дрожащим голосом.— Они планируют закрыть Бен-Гурион.

На мгновение он онемел.

— Зачем?..

— Они боятся... ну, не хотят, чтобы на колониальных планетах появлялось то, что они называют «дефективной расой». Они намерены сохранить расу чистой. Понимаете? Я понимаю, и все же... не могу с этим согласиться. Возможно, потому, что там находится мой собственный ребенок. Нет, я не могу с этим согласиться. Дома аномальные дети их не волнуют, потому что они не возлагают на них таких надежд, как на нас. Вы же понимаете смысл их псевдозаботы о нас... Вспомните, что вы ощущали перед тем, как эмигрировать сюда со своей семьей? Там, на Земле, существование аномальных детей на Марсе воспринимается как один из признаков того, что одна из сложнейших земных проблем перенесена в будущее, потому что мы для них являемся воплощением будущего и...

— Вы уверены относительно этого законопроекта? — перебил ее Стайнер.

— Да.— Она смотрела на него спокойно, подняв голову.— Если они закроют Бен-Гурион, это будет ужасно, тогда...—

Она не договорила, но он прочел в ее взгляде то, что невозможно было выразить словами. Аномальные дети, его сын и ее ребенок будут убиты каким-нибудь научным безболезненным способом. Разве не это она хотела сказать?

— Продолжайте.

— Дети будут усыплены.

— То есть убиты,— чувствуя нарастающее негодование, уточнил Стайнер.

— Боже, как вы можете так говорить, словно вам это безразлично? — в ужасе уставилась на него миссис Эстергази.

— Господи, если в этом есть хоть доля правды...— начал он с горечью. Впрочем, на самом деле он не верил ей. Может, потому, что не хотел верить? Потому что это было слишком ужасно? Нет, потому что он не доверял ее подозрениям, ее чувству реальности. До нее просто дошли истерически искаженные слухи. Возможно, и существовал какой-нибудь законопроект, косвенно имеющий отношение к Бен-Гуриону и содержащимся там детям. Они — и аномальные дети, и их родители — всегда находились под определенной угрозой. В частности, предписывалась обязательная стерилизация и родителей, и их потомства в тех случаях, когда доказано существенное нарушение функции половых органов, особенно в результате превышающего норму гамма-облучения.

— Кто авторы этого проекта в Объединенных Нациях? — спросил Стайнер.

— Считается, что проект принадлежит перу шести членов комитета здравоохранения и соцобеспечения Метрополии. Вот их имена.— Она принялась писать.— Мы бы хотели, чтобы вы написали этим людям и попросили бы кого-нибудь из своих знакомых...

Стайнер едва слушал ее. Заплатив за флейту, он поблагодарил, взял сложенный листок бумаги и вышел из магазина.

Черт побери, и зачем он только зашел сюда! Неужели ей доставляет удовольствие рассказывать эти сказки? Неужели вокруг не хватает неприятностей, чтобы еще усугублять их бабьими россказнями! Да как она при этом еще может заниматься общественными делами?

И в то же время что-то еле слышно подсказывало ему: «Она может оказаться права. Такую возможность исключать нельзя». В смятении и страхе, вцепившись в ручки тяжелых чемоданов, Стайнер спешил к Бен-Гуриону и своему сыну, почти не обращая внимания на новые магазинчики.

Войдя в огромный солярий со стеклянным куполом, он сразу увидел молодую светловолосую мисс Милх в рабочем комбинезоне и сандалиях, заляпанных глиной и краской. Брови у нее были беспокойно нахмурены. Тряхнув головой и откинув с лица волосы, она подошла к Стайнеру.

— Привет, мистер Стайнер. Ну и денек у нас сегодня! Двое новеньких, и один из них — сущее наказание.

— Мисс Милх,— начал Стайнер,— я только что разговаривал с миссис Эстергази у нее в магазине...

— Она рассказала вам о предполагающемся законопроекте? — У мисс Милх был усталый вид.— Да, он существует. Энн получает с Земли самые подробные сведения, хотя, как ей это удается, я не знаю. Постарайтесь не проявлять при Манфреде своего волнения, если, конечно, возможно, он и так не в себе из-за этих новичков.

Она направилась из солярия по коридору к игровой комнате, где обычно проводил время его сын, но Стайнер, догнав, остановил ее.

— Что мы можем сделать относительно законопроекта? — Он поставил чемоданы на пол, и в руках у него остался лишь бумажный пакет, в который миссис Эстергази положила флейту.

— Не думаю, чтобы от нас что-нибудь зависело,— откликнулась мисс Милх. Не спеша она подошла к двери и открыла ее. Шум детских голосов оглушил их.— Естественно, руководство Нового Израиля и самого Израиля на Земле вместе с правительствами еще нескольких стран яростно возражают. Но все держится в тайне, как и само содержание законопроекта, все делается исподтишка, чтобы не вызывать паники. Вопрос слишком щекотливый. И истинное общественное мнение по этому вопросу никому не известно.— Ее усталый срывающийся голос затих, словно больше она не могла говорить. Однако потом мисс Милх будто воспрянула.— Я думаю, самое худшее, что они могут сделать, если закроют Бен-Гурион, так это отправить аномальных детей на Землю; надеюсь, они не дойдут до того, чтобы уничтожать их.— Она ласково похлопала его по плечу.

— В лагеря на Землю,— поспешно повторил за ней Стайнер.

— Пошли, найдем Манфреда, хорошо? По-моему, он знает, что вы должны сегодня приехать: он стоял у окна, хотя, конечно, он часто это делает.

— А вдруг они правы? — к собственному удивлению, неожиданно вырвалось у Стайнера.— К чему нужны дети, не умеющие разговаривать и жить среди людей?

Мисс Милх ничего не сказала и лишь взглянула на него.

— Он никогда не сможет найти работу,— продолжал Стайнер.— Будет вечной обузой для общества, точно так же как и сейчас. Разве это не правда?

— Аутичные дети до сих пор ставят нас в тупик,— ответила мисс Милх,— тем, что они из себя представляют, каким образом такими становятся и как вдруг неожиданно, без всяких видимых причин начинают ускоренно интеллектуально развиваться по прошествии многих лет безуспешных попыток добиться от них реакции.

— Боюсь, в здравом рассудке я бы не стал выступать против этого законопроекта,— возразил Стайнер.— После того как первое потрясение миновало. Это целесообразно. Я считаю это целесообразным.— Голос у него дрогнул.

— Ну что ж, хорошо, что вы не сказали это Энн Эстергази, потому что она не оставила бы вас в покое: она бы убеждала вас до тех пор, пока вы не согласились бы с ее точкой зрения.— Воспитательница открыла дверь, ведшую в большую игровую комнату.— Манфред там, в углу.

«Кто бы мог сказать, глядя на него...» — подумал Стайнер, увидев своего сына. Большая голова красивой формы, вьющиеся волосы, приятные черты лица... Мальчик сидел, согнувшись над каким-то предметом, который держал в руках. По-настоящему симпатичный парень с огромными глазами, в которых мелькала то насмешка, то возбужденное веселье. И какая потрясающая координация движений! Как он бегал на цыпочках, словно танцуя под звуки какой-то неслышимой музыки, звучащей у него внутри.

«По сравнению с ним мы неуклюжи,— думал Стайнер.— Тяжеловесны. Ползаем, как улитки, а он танцует и прыгает, словно неподвластен силе притяжения. Может, он состоит из каких-нибудь других, новых атомов?»

— Привет, Манфред,— обратился Стайнер к сыну.

Мальчик не поднял головы и не проявил к нему никакого интереса, продолжая заниматься со своим предметом.

«Я напишу авторам законопроекта, что у меня содержится ребенок в этом лагере,— подумал Стайнер.— И что я согласен с ними».

Эта мысль испугала его. Она означала убийство Манфреда.

«Эти известия спровоцировали вспышку моей ненависти к нему. Я понимаю, почему обсуждения ведут в тайне,— могу поручиться, такую ненависть испытывают многие. Неосознанно».

— Не будет тебе флейты, Манфред,— проговорил Стайнер.— Почему я должен дарить ее тебе? Тебя хоть на йоту она интересует? Нисколько.— Мальчик не проявлял никаких признаков того, что слышит отца.— Ничто,— добавил Стайнер.— Пустота.

Сзади подошел высокий и стройный доктор Глоб в белом халате. Стайнер вздрогнул, внезапно ощутив его присутствие.

— Появилась новая теория аутизма,— проговорил доктор Глоб.— Из Швейцарии. Я хотел обсудить ее с вами, так как она дает нам возможность использовать новые подходы к вашему сыну.

— Сомневаюсь,— ответил Стайнер.

Глоб продолжал, будто не слыша:

— Она предполагает, что у аутичного индивида нарушено чувство времени и внешние события представляются ему в таком ускоренном темпе, что он не может поспеть за ними, то есть правильно воспринять. Точно так же, как если бы мы смотрели телевизионную программу, где предметы мелькают с такой скоростью, что практически становятся невидимыми, а осмысленная речь превращается в бормотание — понимаете? Полная мешанина. Так вот, новая теория предлагает поместить аутичного ребенка в закрытую комнату и прокручивать ему события на экране в замедленном темпе. И звук, и видеоряд должны быть замедлены до такой степени, что ни вы, ни я даже не сможем различить какого-то движения или вычленить человеческую речь.

— Потрясающе,— устало заметил Стайнер.— В психотерапии все время появляется что-нибудь новенькое, не правда ли?

— Да,— кивнул доктор Глоб.— Особенно из Швейцарии. Швейцарцы обладают удивительной способностью проникать в мировосприятие людей с больной психикой, замкнутых индивидуумов, отрезанных от обычных средств коммуникации, понимаете?

— Понимаю,— ответил Стайнер.

Не переставая кивать, Глоб двинулся дальше и снова остановился, на этот раз рядом с женщиной, которая рассматривала иллюстрированную книжку с маленькой девочкой.

«Последняя надежда перед потопом,— подумал Стайнер.— Интересно, доктор Глоб знает, что руководство Земли собирается закрыть Бен-Гурион? Или добрый доктор продолжает трудиться в идиотическом неведении... счастливый от своих планов».

Стайнер двинулся за Глобом и дождался, пока в его беседе с матерью девочки не наступила пауза:

— Доктор, я бы хотел продолжить обсуждение с вами этой новой теории.

— Да-да-да,— откликнулся Глоб, извинившись перед женщиной. Он отвел Стайнера в сторону, где они могли побеседовать с глазу на глаз.— Эта концепция движения времени способна открыть путь к душам, стоящим перед неразрешимой проблемой общения с миром, где все происходит с такой неимоверной скоростью, что...

— Предположим, ваша теория верна,— перебил его Стайнер.— Как вы сможете помочь такому индивиду? Вы что, намереваетесь всю жизнь продержать его в закрытой комнате, показывая замедленное кино? По-моему, доктор, вы все здесь играете в какие-то игры. Вы не отдаете себе отчета в реальности. Все вы такие благородные здесь, в Бен-Гурионе, без страха и упрека. Однако внешний мир не таков. Бен-Гурион — убежище великодушных идеалистов, но не надо обманывать себя. И не надо обманывать пациентов, простите за прямоту. Эта закрытая комната с замедленным кино — символ всего вашего мировоззрения.

Доктор Глоб слушал, кивая, и на лице его появлялось напряженное выражение.

— Нам обещали оборудование,— заметил он, когда Стайнер закончил.— Из «Вестингауза», с Земли. Контакт с окружающими в обществе достигается прежде всего за счет звука. В «Вестингаузе» разработали для нас звукозаписывающий аппарат, который воспринимает информацию, направленную к психонеустойчивому пациенту — например, к вашему Манфреду. Сообщение записывается на магнитную ленту, тут же воспроизводится в замедленном виде, потом самостирается, и записывается следующая информация. А в результате — непрерывный контакт с внешним миром в собственном временном ритме пациента. А потом мы надеемся получить и видеомагнитофон, который будет постоянно демонстрировать замедленную версию реальности, синхронизированную с аудиоинформацией. Да, нужно признать, не решена проблема осязания. Но я не могу согласиться с вами, что все это слишком идеалистично для претворения в жизнь. Вспомните широко распространенную химиотерапию, которая начала использоваться не так давно. Вам известно, что стимулянты ускоряют внутренний ход времени у больных, и те начинают активно воспринимать раз-

дражители, поступающие из окружающей среды. А когда действие лекарства заканчивается и восстанавливается нарушенный обмен веществ, реактивность больных снижается. Так что на этом примере нам удалось многое узнать: мы выяснили, что в основе психозов лежат химические нарушения, а не нарушения психики. Шестьдесят лет ошибочных представлений были сметены одним экспериментом с амиталом натрия...

— Пустые мечты,— перебил его Стайнер.— Вам никогда не удастся установить контакт с моим сыном.

Он повернулся и зашагал прочь от доктора Глоба.

Выйдя из Бен-Гуриона, он сел на автобус и отправился в шикарный ресторан «Рыжая лиса», который всегда закупал у него большие партии товара. Закончив дела с владельцем, Стайнер остановился в баре выпить пива.

Вот такая идиотическая болтовня доктора Глоба и повинна в том, что они оказались на Марсе. На планете, где стакан пива стоит в два раза дороже, чем стакан виски, потому что в нем содержится больше воды.

Владелец «Рыжей лисы» — толстенький лысый очкарик — тоже устроился рядом со Стайнером:

— Что у тебя такой мрачный вид, Норб?

— Собираются закрыть Бен-Гурион,— ответил Стайнер.

— Ну и хорошо. Зачем нам эти ублюдки на Марсе — они служат плохой рекламой.

— В некотором отношении я согласен с тобой.

— Это как те дети, родившиеся в шестидесятые с тюленьими плавниками из-за того, что их родители пользовались немецким лекарством. Надо было всех их уничтожить. Когда вокруг масса здоровых нормальных детей, зачем тратить время на таких выродков? Если бы у тебя был ребенок с лишней парой рук или вообще без рук, ну ненормальный, неужели ты захотел бы, чтобы он жил с тобой?

— Нет,— откликнулся Стайнер. Он не стал говорить, что брат его жены на Земле был ластоногим: он родился без рук, но научился пользоваться превосходными протезами, сделанными для него канадской фирмой, которая специализировалась в этой области.

Он ничего не сказал толстому человечку, он пил пиво и смотрел на ряд бутылок перед собой. Ему не нравился этот человек, и он никогда не рассказывал ему о Манфреде. В нем глубоко укоренились предрассудки, и этим он не сильно отли-

чался от других. Так что Стайнер не мог его в чем-либо обвинять, он просто ощутил усталость, и ему не хотелось продолжать обсуждение этой темы.

— Это было только начало,— продолжил владелец ресторана.— Я имею в виду младенцев шестидесятых. А теперь они, наверное, и в Бен-Гурионе — не знаю, я там никогда не был, и ноги моей там не будет.

— Ну как они могут быть в Бен-Гурионе? — возразил Стайнер.— Они не относятся к аномалиям; аномалия — это то, что существует в единственном числе.

— Да, я понимаю,— согласился его собеседник.— И все же, если бы их вовремя уничтожили, у нас не было бы таких мест, как Бен-Гурион. Потому что, на мой взгляд, между теми монстрами шестидесятых и всеми уродами, рожденными как бы от воздействия радиации, существует прямая связь, ведь все зависит от мутации генов, верно? Так что думаю, здесь нацисты были правы. Они еще в тридцатых поняли необходимость вырвать с корнем генетически низшие нации, они знали...

— У меня сын...— начал Стайнер и тут же оборвал себя. Он понял, что проболтался. Толстяк смотрел на него круглыми глазами.— У меня там сын,— наконец продолжил Стайнер,— и значит он для меня ничуть не меньше, чем твой для тебя. Я знаю, что со временем он снова вернется в общество.

— Позволь, я поставлю тебе выпивку, Норберт,— пробормотал толстяк,— чтобы загладить свои слова, то есть я хочу сказать, что очень виноват.

— Если закроют Бен-Гурион, это будет страшное несчастье для всех, у кого там дети. Я не перенесу.

— Понимаю тебя. Я понимаю, что ты чувствуешь.

— Если ты понимаешь, что я чувствую, значит, ты умнее меня,— заметил Стайнер,— потому что я ничего не могу понять.— Он поставил пустой стакан и слез с табуретки.— Я больше не хочу пить. Прости, мне пора.— И он поднял свои тяжелые чемоданы.

— Ты так давно бываешь здесь, и мы столько раз говорили об этом лагере, и все это время ты скрывал, что у тебя там сын... Ты был не прав.— Теперь толстяка охватило раздражение.

— Почему не прав?

— Черт, да если б я знал, я не стал бы говорить такого! Ты безответственный человек, Норберт, ты мог сказать мне, но умышленно промолчал. Мне это не нравится.— Лицо его покраснело от негодования.

Стайнер вышел из бара.

— Сегодня не мой день,— проговорил он вслух. «Со всеми поругался, придется в следующий приезд просить прощения... если следующий приезд вообще будет. Да нет, конечно, я приеду сюда — от этого зависят мои дела. Да и в Бен-Гурион нужно зайти — другого выхода нет».

И вдруг его осенило: проще всего покончить с собой. Эта мысль всплыла в голове в совершенно законченном виде, словно всегда там была, всегда являлась составной его частью. И легко выполнимо — разбить вертолет. «Как я устал быть Норбертом Стайнером. Я не хочу быть Норбертом Стайнером, не хочу быть дельцом черного рынка и никем другим не хочу быть. Какой смысл продолжать жить? Я ничего не умею делать руками — ни починить, ни сделать ничего не могу, не умею думать, я — простой торговец. Я устал от насмешек жены из-за того, что не могу наладить наш водопровод, я устал от Отто, которого пришлось нанять потому, что я беспомощен даже в собственном бизнесе».

«Да и зачем ждать возвращения в вертолет?» — подумал он. Навстречу ехал огромный автобус с потускневшими от песка боками — он только что пересек пустыню и въезжал со своими пассажирами в Новый Израиль. Стайнер поставил чемоданы и бросился наперерез автобусу по проезжей части.

Автобус загудел, заскрежетали тормоза. Транспорт начал останавливаться, а Стайнер несся вперед, закрыв глаза и опустив голову. И лишь в последний момент, когда из-за оглушительного рева невыносимо заломило уши, он открыл глаза: перед ним мелькнул водитель автобуса, изумленно смотревший на него, затем рулевое колесо и номер на фуражке водителя. А потом...

В солярий Бен-Гуриона до мисс Милх донеслись звуки сирен, и она замерла, оборвав на середине танец Сахарной Головы из балета Чайковского «Щелкунчик», который играла детям на рояле.

— Пожар! — закричал один из мальчуганов, подбегая к окну. За ним бросились остальные.

— Нет, мисс Милх, это «скорая помощь»,— заметил другой, стоя у окна.

Мисс Милх продолжила игру, и дети под звуки музыки вернулись на свои места.

Манфред стоял в стороне, не обращая внимания на музыку, опустив голову; выражение его лица было задумчивым. Когда

вой сирен стал особенно громким, он на мгновение поднял голову. Мисс Милх, заметив это, замерла в изумлении и поспешно произнесла про себя молитву. Мальчик слышал! Она с вдохновением доиграла Чайковского несколько громче, чем обычно. Врачи правы — именно через звук возможен контакт с мальчиком.

Манфред медленно подошел к окну и выглянул наружу: он скользил взглядом по зданиям и улицам, лежащим внизу, пытаясь отыскать источник звука.

«Не так уж все безнадежно,— подумала мисс Милх.— Поскорей бы сообщить его отцу. Значит, мы никогда не должны терять надежду».

И она снова заиграла громко и радостно.

Глава 4

Когда полицейский вертолет опустился перед домом Стайнеров, Дэвид Болен строил дамбу из сырой земли на краю огорода под жарким марсианским солнцем. Мальчик сразу понял: что-то случилось.

Из вертолета вышел полицейский в синей форме и блестящей каске и направился по дорожке к дверям дома Стайнеров. Навстречу ему выбежали две маленькие дочки Стайнеров, и он поздоровался с ними, потом обратился к миссис Стайнер и исчез в доме, закрыв за собой дверь.

Дэвид вскочил на ноги, перепрыгнул канаву, миновал грядки, где миссис Стайнер безуспешно пыталась выращивать анютины глазки, и за углом дома неожиданно наткнулся на одну из дочек Стайнеров: абсолютно бледная, она стояла неподвижно, теребя стебелек травинки. Вид у нее был такой, словно ее вот-вот стошнит.

— Эй, что случилось? — спросил Дэвид.— Зачем к твоей маме приехал полицейский?

Девочка бросила на него испуганный взгляд и убежала.

«Похоже, я знаю, в чем дело,— подумал Дэвид.— Мистер Стайнер арестован за что-то противозаконное.— Он стал подпрыгивать от возбуждения.— Интересно, что он сделал». Потом повернулся, бросился обратно, еще раз перепрыгнул канаву и наконец распахнул дверь своего дома.

— Мам! — позвал он, перебегая из комнаты в комнату.— Эй, помнишь, вы с папой говорили, что мистер Стайнер нарушает закон, ну, в смысле своих дел? Так знаешь, что случилось?

Но матери нигде не было. «Наверно, ушла в гости»,— подумал мальчик. Например, к миссис Хинесси, которая жила к северу по каналу. Его мать часто ходила в гости — пила кофе с соседками и обменивалась сплетнями. «На этот раз они пропускают действительно кое-что стоящее»,— решил про себя Дэвид и, подбежав к окну, выглянул наружу, чтобы самому что-нибудь не пропустить.

Полицейский с миссис Стайнер уже вышли на улицу и медленно направлялись к вертолету. Миссис Стайнер прижимала к лицу большой носовой платок, а полицейский обнимал ее за плечи, словно был ее родственником или еще кем-нибудь из близких. В полном изумлении Дэвид смотрел, как они залезают в вертолет. Девочки Стайнеров со странным выражением на лицах стояли в стороне. Полицейский отошел от вертолета и обратился к ним, потом снова двинулся к вертолету и тут заметил Дэвида. Знаками он попросил Дэвида выйти на улицу. Мигая от яркого солнца, мальчик вышел из дома и несмело приблизился к полицейскому, который стоял в своем сверкающем шлеме, в нарукавной повязке и револьвером на боку.

— Как тебя зовут, сынок? — с акцентом спросил полицейский.

— Дэвид Болен.— Колени у Дэвида дрожали.

— Мама или папа дома, Дэвид?

— Нет, я один.

— Когда придут твои родители, попроси их присмотреть за девочками Стайнеров, пока не вернется миссис Стайнер.— Полицейский включил мотор, и лопасти винта начали вращаться.— Не забудешь, Дэвид? Ты все понял?

— Да, сэр,— откликнулся Дэвид, замечая, что повязка у полицейского синего цвета,— это означало, что он швед. Дэвид разбирался во всех опознавательных знаках, которые носили разные службы Объединенных Наций.

«Интересно, какую скорость может развить полицейский вертолет,— начал прикидывать он.— Похоже на специальную скоростную службу... хорошо бы полетать на таком». Дэвид больше не боялся полицейского и готов был поговорить с ним еще, но вертолет уже оторвался от земли, и вихрь воздуха, поднявший песчаную пыль, заставил Дэвида отвернуться и закрыться рукой.

Четверо девочек стояли молча, сбившись в кучку. Старшая плакала — слезы беззвучно сбегали по ее щекам. Младшая, которой было всего три года, робко улыбалась Дэвиду.

— Хотите помочь мне строить дамбу? — окликнул их Дэвид.— Пошли! Полицейский сказал, что можно.

Подумав, младшая девочка тронулась за ним, ее примеру последовали остальные.

— А что сделал ваш папа? — спросил Дэвид старшую. Она была старше его, ей было уже двенадцать.— Полицейский сказал, что ты можешь не скрывать,— добавил он для убедительности.

Но девочка ответила ему лишь безразличным взглядом.

— Я никому не стану рассказывать. Честное слово.

Сильвия Болен услышала дневные новости по радио, загорая на увитом плющом патио Джун Хинесси, где они потягивали с ней холодный чай и сонно беседовали.

— Послушай, это не ваш сосед? — приподнявшись, поинтересовалась Джун.

— Тс-с-с,— оборвала ее Сильвия, прислушиваясь к диктору. Но, кроме краткой информации, ничего не последовало: Норберт Стайнер, торговец диетическим питанием, покончил жизнь самоубийством на улице Нового Израиля, бросившись под автобус. «Да, тот самый Стайнер, наш сосед»,— поняла Сильвия.

— Как ужасно,— садясь и застегивая бретельки своего купальника в горошек, заметила Джун.— Я видела его всего пару раз, но...

— Отвратительный тип,— откликнулась Сильвия.— Ничего удивительного, что он сделал это.— И все же она чувствовала, как ее охватывает ужас. Невозможно поверить!..— С четырьмя детьми — он оставил ее одну с четырьмя детьми. Разве это не ужасно? Что теперь с ними будет? Они же совершенно беспомощны.

— Я слышала, он вел дела на черном рынке,— заметила Джун.— Ты знала? Может, его вынудили.

— Пойду, пожалуй, домой, наверное, миссис Стайнер требуется помощь,— сказала Сильвия.— Может, надо присмотреть за детьми.

«Неужели в этом виновата я? — спрашивала она себя.— Неужели он сделал это из-за того, что я отказалась дать им сегодня утром воды? Очень может быть, ведь он еще не уехал на работу и был дома. Так что, возможно, виноваты мы, наше отношение к ним... разве кто-нибудь из нас относился к ним по-настоящему хорошо? Но они всегда так противно скулили, всегда просили помочь, попрошайничали, брали в долг... как можно было их уважать?»

Войдя в дом, Сильвия переоделась в спальне, натянув брюки и футболку. Джун Хинесси последовала за ней.

— Да, ты права,— согласилась Джун,— мы все должны им помочь. Интересно, останутся они здесь или вернутся на Землю. Я бы вернулась. Я и сейчас готова вернуться, здесь так скучно.

Взяв сумку и сигареты, Сильвия попрощалась с Джун и поспешила вдоль канала к своему дому.

Задыхаясь, она примчалась как раз в тот момент, когда на горизонте исчезал полицейский вертолет. «Это они поставили ее в известность». На заднем дворе Дэвид играл с четырьмя девочками.

— Они забрали миссис Стайнер с собой? — крикнула она ему.

Мальчик тут же вскочил на ноги и в возбуждении подбежал к ней.

— Мама, она улетела. А я приглядываю за девочками.

«Этого-то я и боялась»,— подумала Сильвия.

Девочки медленно и вяло копались в мокрой жиже, никто из них не поднял глаз и не поздоровался с ней. Они казались пришибленными — несомненно, это было следствием шока, который вызвало известие о смерти их отца. Только младшая проявляла какую-то оживленность, но она, вероятно, и не могла понять, что произошло. «Смерть этого человека уже затронула окружающих,— подумала Сильвия,— и холодок ее распространяется.— Она почувствовала его и в собственном сердце.— А ведь мне он даже не нравился».

Вид четырех девочек поверг ее в дрожь. «Неужели я должна заниматься этими вялыми, толстыми, недоразвитыми детьми?.. Не хочу!» — сметая в сторону все доводы, рвался ответ. Ее охватила паника, так как было очевидно, что выбора нет; уже сейчас они играли на ее участке, в ее саду — они уже были у нее.

— Миссис Болен, можно мы возьмем еще немного воды для нашей дамбы? — с надеждой спросила младшая.

«Вода, все время вода,— подумала Сильвия.— Все время попрошайничают, словно иначе не могут». Она не ответила и вместо этого обратилась к сыну:

— Пойдем в дом, я хочу поговорить с тобой.

Они вместе вошли в дом.

— Дэвид, по радио сообщили, что их отец погиб. Именно поэтому сюда прилетела полиция и забрала миссис Болен. Нам придется немного помочь.— Сильвия тщетно попыталась улыбнуться.— Как бы плохо мы ни относились к Стайнерам...

— Я хорошо к ним отношусь, мама,— перебил Дэвид.— А почему он погиб? Сердечный приступ? На него напали дикие бликмены?

— Неважно, как это произошло. Сейчас нужно подумать, что мы можем сделать для этих девочек.— В голове было абсолютно пусто, ни единой мысли. Ясно одно: она не хочет видеть этих девочек рядом.— Так что мы должны сделать?

— Организовать им ленч? Они сказали мне, что еще не ели; их мама как раз собиралась готовить.

Сильвия вышла из дома.

— Я собираюсь приготовить ленч, девочки, для тех, кто захочет. У вас дома.— Она немного подождала и направилась к дому Стайнеров. Когда она оглянулась, за ней шла лишь младшая.

— Нет, спасибо,— ответила старшая, давясь слезами.

— Вам всем хорошо бы перекусить,— заметила Сильвия, но в душе ощутила облегчение.— Пойдем,— обратилась она к младшей.— Как тебя зовут?

— Бетти,— робко ответила девочка.— Можно мне бутерброд с яйцом? И какао?

— Посмотрим, что там есть,— откликнулась Сильвия.

Пока девочка ела бутерброд, запивая его какао, Сильвия воспользовалась возможностью осмотреть дом. В спальне она наткнулась на предмет, очень ее заинтересовавший. Это была фотография мальчика с темными волосами и огромными блестящими глазами. Сильвия подумала, что он похож на какое-то фантастическое существо из другого мира, божественного, но и более страшного, чем наш.

Принеся фотографию на кухню, она спросила маленькую Бетти, кто этот мальчик.

— Мой брат Манфред,— с набитым ртом ответила Бетти и тут же принялась хихикать. Долетавшие среди этого хихиканья до Сильвии слова дали ей понять, что девочкам не разрешалось рассказывать кому-либо о своем брате.

— А почему он не живет с вами? — мучимая любопытством, поинтересовалась Сильвия.

— Он в лагере,— ответила Бетти.— Потому что не умеет разговаривать.

— Ай-ай-ай,— откликнулась Сильвия и подумала: «Конечно, в лагере, в Новом Израиле. Неудивительно, что девочкам запрещено говорить о нем: он — аномальный ребенок». Это опечалило ее. Трагедия в доме Стайнеров — а она даже не дога-

дывалась. И именно в Новом Израиле мистер Стайнер покончил жизнь самоубийством. Наверняка он ездил к своему сыну.

«Значит, это не имеет никакого отношения к нам»,— решила Сильвия, возвращаясь в спальню, чтобы поставить фотографию на место. Стайнера вынудили к самоубийству личные причины. Она почувствовала облегчение.

«Странно,— пришло ей в голову,— что когда слышишь о самоубийстве, первая реакция — чувство вины. Если бы я поступила не так, а этак... я бы могла предотвратить это. Я виновата». Но в данном случае все не так, совсем не так: она была совершенно чужой для Стайнеров, не имела никакого отношения к их реальной жизни и только вообразила в невротическом приступе свою вину.

— Так ты никогда не видела своего брата? — спросила она Бетти.

— Кажется, видела в прошлом году,— с сомнением проговорила та.— Он играл в пятнашки с другими большими мальчиками.

В кухню молча вошли три другие девочки и остановились около стола.

— Мы передумали, мы тоже хотим есть,— наконец вырвалось у старшей.

— Хорошо,— откликнулась Сильвия.— Поможете мне почистить яйца. И позовите Дэвида, я покормлю его вместе с вами... Ведь правда, вместе есть веселее?

Они молча кивнули.

Идя по главной улице Нового Израиля, Арни Котт увидел впереди толпу и сбившиеся к обочине машины и, прежде чем повернуть к магазину Энн Эстергази, остановился. «Что-то произошло. Ограбление? Уличная драка?»

Впрочем, выяснять времени нет. Он двинулся дальше и вскоре вошел в магазинчик, принадлежащий его бывшей жене.

— Есть кто-нибудь?! — весело крикнул Арни, засунув руки в карманы.

В магазине было пусто. «Наверное, пошла посмотреть на происшествие. Ну и бизнесмен — даже не закрыла магазин».

Не прошло и минуты, как в магазин, задыхаясь, вбежала Энн.

— Арни! — изумленно промолвила она.— О господи, ты знаешь, что случилось? Я только что разговаривала с ним, только что, не прошло и часа. И вот он мертв.— Слезы подступили к ее глазам.

Энн рухнула в кресло, достала бумажную салфетку и высморкалась.

— Просто ужасно,— проговорила она сдавленным голосом.— И это не несчастный случай, он умышленно...

— Так вот в чем дело,— проговорил Арни, жалея теперь, что не посмотрел.— И кто это?

— Ты не знаешь. У него сын в лагере, там мы и познакомились.— Она вытерла слезы.— Ну, чем я могу тебе помочь? Я рада тебя видеть.

— Мой чертов диктофон сломался,— ответил Арни.— Приличного мастера ведь не найти. Вот и пришлось приехать самому. Позавтракаем вместе? Закрой ненадолго магазин.

— Конечно,— рассеянно ответила она.— Сейчас, только вымою лицо. У меня такое ощущение, что это случилось со мной. Я видела его, Арни. Автобус прямо переехал его — он не мог остановиться... Да, хорошо бы поесть — я хочу уйти отсюда.— И она поспешила в ванную, прикрыв за собой дверь.

Вскоре оба уже шли по тротуару.

— Почему люди кончают жизнь самоубийством? — спрашивала Энн.— Такое ощущение, что я могла бы помешать ему. Утром я продала ему флейту для его мальчика — она лежала рядом на обочине,— он так и не подарил ее. Может, случившееся имеет какое-то отношение к флейте? К флейте или...

— Ну хватит,— оборвал ее Арни.— Ты здесь ни при чем. Если человек собирается покончить жизнь самоубийством, его ничто не остановит. И заставить человека сделать это ничто не может — это его судьба, рок. Готовность совершить самоубийство зреет долгие годы, а потом ни с того ни с сего — бабах, понимаешь? — Он обнял ее и похлопал по плечу.

Энн кивнула.

— Я хочу только сказать, что ведь у нас тоже ребенок в Бен-Гурионе, но нас это не сломило,— продолжил Арни.— Это ведь еще не конец света, правда? Мы продолжаем жить. Куда ты хочешь пойти завтракать? Как насчет «Рыжей лисы» напротив? Хорошее место? Я бы не отказался от жареных креветок, но, черт, я уже год нигде их не видел. Если не будет решена проблема с транспортировкой, сюда никто не поедет.

— Только не «Рыжая лиса»,— запротестовала Энн.— Терпеть не могу ее владельца. Давай попробуем зайти вон туда: этот ресторан только что открылся, и я еще не была в нем. Я слышала, его хвалили.

Пока они сидели в ожидании заказа, Арни продолжал развивать свою точку зрения.

— Когда узнаешь о самоубийстве, по крайней мере в одном можешь быть точно уверен: человек, его совершивший, знал, что не является полезным членом общества. В этом-то и заключается истинная причина — в осознании, что ты никому не нужен. Если я в чем и уверен, так именно в этом. Закон природы — она избавляется от ненужных членов их собственными руками. Так что когда я слышу о самоубийстве, меня это нисколько не смущает. Ты не поверишь, сколько так называемых естественных смертей здесь, на Марсе, на самом деле являются самоубийствами. Суровость окружающей среды отсеивает неприспособленных.

Энн Эстергази кивнула, но настроение у нее не улучшилось.

— Этот парень,— продолжила она.— Стайнер...

— Стайнер! — уставился на нее Арни.— Норберт Стайнер, делец черного рынка?

— Он продавал диетические продукты.

— Так вот это кто! — Арни был поражен.— О нет, только не Стайнер.

Господи, все свои товары он получал от Стайнера — он полностью зависел от этого человека.

К столу подошел официант.

— Это ужасно,— промолвил Арни.— Действительно ужасно. Что я буду делать?

Все его вечеринки, все уютные обеды на две персоны, которые он устраивал для себя и какой-нибудь девушки, например Марти, а особенно Дорин... Нет, для одного дня это слишком: сначала диктофон, а теперь еще и Стайнер!

— А ты не думаешь, что это имеет отношение к тому, что он был немцем? — спросила Энн.— Немцы стали такими подавленными после этой чумы, вызванной их лекарствами, после детей, рождавшихся с ластами. Я разговаривала с одним из них, так он прямо сказал, что они считают это божьим наказанием за годы нацизма. И это был не религиозный человек, а бизнесмен здесь, на Марсе.

— Чертов тупица Стайнер! — взорвался Арни.— Кретин!

— Ешь, Арни.— Энн развернула свою салфетку.— Суп выглядит очень аппетитно.

— Я не могу есть. Не желаю есть эти помои.— Он оттолкнул тарелку.

— Ты все еще ведешь себя как большой ребенок,— заметила Энн.— Все так же капризничаешь.— Она говорила мягко и сочувственно.

— Черт побери, да я иногда ощущаю на своих плечах тяжесть всей планеты, а ты называешь меня ребенком! — Он уставился на нее с нескрываемой яростью.

— Я не знала, что Норберт Стайнер был дельцом черного рынка,— заметила Энн.

— Естественно. Откуда тебе знать, тебе и всем твоим женским комитетам? Что ты вообще знаешь об окружающем мире? Для этого-то я и приехал — я прочитал твое последнее приложение к «Таймс», и меня воротит от него. Прекрати печатать подобную чушь — интеллигентных людей от нее тошнит, она годится только для таких идиоток, как ты.

— Пожалуйста, ешь. И успокойся,— ответила Энн.

— Я собираюсь назначить своего человека, который будет проверять материал, который ты распространяешь. Профессионала.

— Неужели? — спокойно откликнулась она.

— Перед нами стоит настоящая проблема — с Земли перестали приезжать профессионалы, в которых мы действительно нуждаемся. Мы гнием — и все это понимают. Мы распадаемся на части.

— Кто-нибудь займет место мистера Стайнера,— улыбнулась Энн,— есть же на черном рынке другие дельцы.

— Ты сознательно пытаешься представить меня жадным и мелочным, в то время как на самом деле я — один из самых ответственных участников колонизационного процесса на Марсе, потому-то наш брак и распался — ты специально принижала меня из ревности и соперничества. Не знаю, зачем я сюда приехал, с тобой невозможно разумно разговаривать, тебе обязательно надо во всем переходить на личности!

— Ты слышал о законопроекте Объединенных Наций, предполагающем закрытие Бен-Гуриона? — невозмутимо спросила Энн.

— Нет.

— И тебя не волнует, что Бен-Гурион могут закрыть?

— Черт, мы в силах обеспечить Сэму индивидуальный уход.

— А как насчет остальных детей?

— Не уходи от темы. Послушай, придется тебе смириться с тем, что ты называешь мужским засильем, и давать редактировать свою писанину моим людям. Честное слово, от тебя больше вреда, чем помощи,— мне очень неприятно говорить тебе такое, но это правда. Враг не напакостит больше, чем ты своим дружеским расположением. Ты — дилетантка! Как большинство женщин. И абсолютно безответственная.

Арни кипел от гнева, но на лице Энн ничего не отражалось — все, что он говорил, не производило на нее никакого впечатления.

— А ты не можешь надавить на кого-нибудь, чтобы Бен-Гурион не закрывали? — спросила она.— Может, мы с тобой заключим сделку. Мне надо, чтобы лагерь сохранился.

— Соглашение,— свирепо поправил Арни.

— Да.

— Хочешь, скажу тебе откровенно?

Энн спокойно кивнула.

— Меня этот лагерь раздражал с самого начала, как только евреи его открыли.

— Да благословит тебя Господь, честный и откровенный Арни Котт, спаситель человечества.

— Он оповещает весь мир, что у нас тут на Марсе есть свои полудурки, и если вы предпримете космическое путешествие на Марс, очень может быть, ваши половые органы претерпят такие изменения, что вы родите урода, по сравнению с которым немецкие ластоногие покажутся милейшими созданиями.

— Ты такой же, как хозяин «Рыжей лисы».

— Я просто трезвый реалист. Мы здесь боремся за существование: мы должны заставить людей эмигрировать с Земли, иначе мы пропадем, Энн. И ты сама это знаешь. Если бы у нас не было Бен-Гуриона, мы могли бы аргументировать преимущества жизни на Марсе, показав, что ядерные испытания и зараженность атмосферы на Земле являются единственными причинами рождения аномальных детей. Но Бен-Гурион портит все.

— Не Бен-Гурион, а факт рождения таких детей.

— Если бы не Бен-Гурион...

— И ты бы рекламировал заведомую ложь, убеждал бы людей, что здесь они в большей безопасности?

— Естественно,— кивнул Арни.

— Это аморально.

— Нет. Это ты ведешь себя аморально вместе со всеми твоими женщинами. Настаивая на сохранении Бен-Гуриона, вы...

— Не будем спорить, нам никогда не договориться. Давай поедим, а потом возвращайся в Льюистаун. У меня больше нет сил.

Они завершили трапезу в гробовой тишине.

Доктор Мильтон Глоб, член общества психиатров Бен-Гуриона, на ставке Межпланетного Союза водителей, выполнив свои обязанности по лагерю, вернулся в офис, где и сидел теперь в

полном одиночестве, держа в руках счет за крышу, починенную месяц назад. Он приостановил работы, так как возникла необходимость в железных сетках для защиты от скапливающегося песка, однако строительный инспектор поселения вынудил его продолжить их. Так что пришлось снова обратиться к кровельщикам, заранее зная, что счет не оплатить. Но выхода не оставалось. Он разорен. Хуже, чем в этом месяце, дела еще не шли никогда.

Если бы только его жена Джин меньше тратила!.. Но это все равно не решение вопроса, выход только в увеличении количества пациентов. Межпланетный Союз водителей ежемесячно выплачивал ему зарплату, но за каждого пациента Мильтон дополнительно получал пятьдесят долларов — это называлось прогрессивной заработной платой. В действительности в ней заключалась разница между долгом и платежеспособностью. Никто бы не мог сводить концы с концами на зарплату психиатра, имея жену и ребенка, а Союз водителей славился своей особенной скупостью.

И все же Глоб продолжал жить в поселении водителей. Это был спокойный город, очень напоминающий земные. Новый Израиль, как и другие национальные поселения, был слишком взбудораженным, взрывоопасным.

К тому же доктор Глоб уже жил однажды в национальной колонии, принадлежащей Объединенной Арабской Республике. Место славилось своей пышной растительностью, которую импортировали с Земли. Но постоянная враждебность поселенцев к обитателям соседних колоний сначала раздражала его, а затем начала и возмущать. Мужчины круглосуточно размышляли о нанесенных им обидах. Самые симпатичные люди предпочитали избегать обсуждения определенных тем. А по ночам эта враждебность приобретала практическое воплощение: национальные колонии жили ночной жизнью.

«Да ну их к черту»,— отмахнулся Глоб. Они даром тратят свою жизнь, перенеся с Земли старые распри и забыв высшую цель колонизации. Например, в сегодняшней утренней газете он прочел о потасовке на улицах поселения электрорабочих; в сообщении говорилось, что виновны в ней жители соседней итальянской колонии, поскольку у нескольких нападавших были длинные напомаженные усы, распространенные среди обитателей этого поселения...

Стук в дверь прервал ход его размышлений.

— Да,— откликнулся Глоб, убирая в ящик стола счет за починку крыши.

— Ты готов принять члена союза Перди? — официальным тоном спросила его жена, открывая дверь.

— Пусть войдет. Хотя подожди пару минут, я хочу прочитать его историю болезни.

— Ты завтракал? — спросила Джин.

— Конечно. Как все.

— У тебя усталый вид.

«Это плохо»,— подумал Глоб. Он вышел из кабинета в ванную, где тщательно попудрил лицо модной тонировочной пудрой. Это улучшило его внешний вид, но не состояние духа. Необходимость использовать пудру диктовалась тем, что правящие круги Союза водителей принадлежали к испанской и пуэрториканской национальной группе, и им могло не понравиться, что нанятый ими человек имеет более светлую кожу. Естественно, это не афишировалось, обычно служащим в поселении указывали, что «марсианский климат вызывает неприглядное посветление кожи и потерю ею естественного оттенка».

Пора было принять пациента.

— Добрый день, уважаемый Перди.

— Здравствуйте, доктор.

— Из вашей истории болезни я выяснил, что вы — пекарь.

— Да, верно.

Пауза.

— В связи с чем вы хотели со мной проконсультироваться?

— Я еще никогда не был у психиатра,— пробормотал Перди, глядя в пол и комкая в руках фуражку.

— Да, я чувствую.

— Эта вечеринка, которую устраивает мой зять... Я не большой любитель вечеринок.

— А вы должны на ней присутствовать? — Глоб спокойно завел часы на столе, и они начали отсчитывать отведенные Перди полчаса.

— Он ее устраивает вроде как для меня. Хочет, чтобы я взял своего племянника в ученики; парню надо в союз,— монотонно бубнил Перди.— Я всю ночь пролежал без сна, прикидывая, как бы мне вывернуться. Вы же понимаете, они мои родственники, я не могу им прямо отказать. И пойти я к ним не могу — у меня нет на это сил. Потому-то я и обратился к вам.

— Понимаю,— откликнулся Глоб.— Ну а теперь расскажите мне все подробно, где и когда проводится вечеринка, как зовут участников, чтобы я мог по-настоящему помочь вам, отправившись туда.

Перди с облегчением принялся копаться в кармане куртки, пока не извлек аккуратно отпечатанный документ.

— Я вам очень благодарен, доктор, что вы готовы заменить меня. Вы, психиатры, и правда снимаете тяжесть с плеч. Я не шучу, я ведь действительно потерял всякий сон из-за этого.— И он с благоговением уставился на человека, сидящего напротив него, обученного манерам социального поведения, способного маневрировать на извилистом и узком пути межличностных отношений, на котором потерпели поражение столь многие члены союза.

— Можете больше не беспокоиться,— добавил Глоб.

«Ибо, в конце концов, что такое шизоидный радикал? — добавил он про себя.— А именно он повинен в вашем состоянии. Я сниму с вас социальную нагрузку, и вы еще несколько месяцев сможете пребывать в своем хроническом состоянии слабой приспособляемости. Пока на ваши ограниченные способности не обрушится очередная тяжелая социальная необходимость...»

После ухода уважаемого Перди доктор Глоб погрузился в размышления о практической форме, которую обрела психотерапия здесь, на Марсе. Вместо того чтобы лечить пациента от его фобий, врач становился своего рода адвокатом, замещая его на...

В кабинет заглянула Джин:

— Милт, тебе звонят из Нового Израиля. Босли Тувим.

«О господи,— подумал Глоб.— Что-то случилось».

Тувим был президентом Нового Израиля. Глоб поспешно снял трубку:

— Доктор Глоб слушает.

— Доктор, это Тувим,— послышался суровый властный голос.— У нас здесь мертвец, насколько я понимаю, ваш пациент. Не будете ли вы столь любезны заняться им? Речь идет о Норберте Стайнере, западногерманском...

— Он не был моим пациентом, сэр,— вставил доктор Глоб.— Однако его сын, страдающий аутизмом, находится в Бен-Гурионе. А как это случилось? Господи, я разговаривал с ним сегодня утром... Вы уверены, что это тот самый Стайнер? Если это он, у меня есть на него папка, то есть на всю семью, учитывая природу недуга мальчика. При детском аутизме, прежде чем начать терапию, мы изучаем историю и особенности семьи. Да, я сейчас буду.

— Судя по всему, это самоубийство,— добавил Тувим.

— Не может быть,— изумился доктор Глоб.

— Последние полчаса я обсуждал это с персоналом Бен-Гуриона, и мне сообщили, что, перед тем как покинуть лагерь, Стайнер имел продолжительную беседу с вами. На допросе наша полиция заинтересуется, проявлял ли Стайнер признаки подавленного состояния и что он говорил. Короче говоря, была ли у вас возможность предложить ему прохождение курса терапии. Как я уже понял, ничего в его поведении не насторожило вас, не дало оснований догадываться о его намерениях.

— Совершенно верно,— подтвердил Глоб.

— Тогда я на вашем месте не стал бы тревожиться,— заметил Тувим.— Просто будьте готовы изложить его клиническую историю... и выдвинуть предположение относительно того, что могло побудить несчастного к совершению самоубийства. Понимаете?

— Спасибо, мистер Тувим,— слабо откликнулся Глоб.— Возможно, он был огорчен из-за своего сына, но я рассказал ему о новом методе лечения, на который мы возлагаем большие надежды. Правда, Стайнер отнесся к нему довольно критически и оборвал разговор. его реакция совершенно не соответствовала моим ожиданиям. Но чтобы покончить жизнь самоубийством!..

«А если я потеряю работу в Бен-Гурионе? — спрашивал себя доктор.— Нет, это немыслимо». Посещение лагеря раз в неделю существенно поддерживало его бюджет, хотя и не обеспечивало финансового благосостояния. Чеки из Бен-Гуриона, по крайней мере, придавали некоторую реалистичность его целям.

«Неужели этот идиот Стайнер не понимал, как повлияет его смерть на окружающих? Он просто хотел отомстить нам. Отплатить — но за что? За то, что мы пытались вылечить его ребенка?

Все это очень серьезно. Самоубийство, последовавшее сразу вслед за беседой с врачом. Слава богу, что мистер Тувим предупредил меня. Но газеты все равно поднимут шум, и жаждущие закрытия Бен-Гуриона только выиграют от этого».

Закончив с починкой холодильной установки на ферме Мак-Олифа, Джек Болен вернулся в вертолет, убрал ящик с инструментами под сиденье и связался с мистером И.

— Школа,— сообщил И.— Отправляйся немедленно, у меня до сих пор никого нет, чтобы послать туда.

— О'кей, мистер И.— Смирившись, Джек завел мотор.

— Тебе звонила жена.

— Да? — Джек удивился — его начальник плохо относился к звонкам жен своих сотрудников, и Сильвия это знала. Может, что-нибудь случилось с Дэвидом...— Она что-нибудь просила передать?

— Миссис Болен просила девушку у нас на коммутаторе сообщить тебе, что ваш сосед, мистер Стайнер, покончил жизнь самоубийством. Миссис Болен передала, что сейчас занимается детьми Стайнера. Она также спрашивала, не можешь ли ты прилететь сегодня домой, но я сказал, что, к сожалению, мы не сумеем обойтись без тебя. Ты должен доработать до конца недели, Джек.

«Стайнер мертв,— повторил Джек про себя.— Бедный беспомощный дурак. Ну что ж, может, оно и к лучшему».

— Спасибо, мистер И,— сказал он в микрофон.

«Его смерть окажет сильное влияние на всех нас,— думал Джек, поднимаясь с пастбища, покрытого редкой травой. Это интуитивное ощущение было резким и отчетливым.— Я и десятком слов не обмолвился со Стайнером, и тем не менее в его смерти есть что-то очень важное. Смерть сама по себе имеет огромное значение. Трансформация, столь же загадочная, как и сама жизнь, абсолютно необъяснимая для нас».

Он развернул вертолет в сторону штаба Объединенных Наций, направляясь к великому и уникальному автоматическому организму, которым являлась Общественная Школа — место, которого он боялся больше всего на свете.

Глава 5

И почему его так нервировала Общественная Школа? Сверху он различил белое на темном фоне здание в форме утиного яйца, которое словно кто-то обронил в спешке — настолько оно не гармонировало с окрестностями.

Посадив вертолет на асфальтированную площадку перед входом, Джек заметил, что кончики пальцев у него побелели и потеряли чувствительность; этот хорошо известный ему симптом означал, что он испытывает сильное напряжение. А вот Дэвида школа нисколько не смущала — мальчик посещал ее три раза в неделю вместе с другими ребятами, имевшими такой же уровень успеваемости. Вероятно, это отношение определялось какими-то личными качествами: возможно, Джек настолько хорошо знал технику, что не мог участвовать в этой игре. На него

школьные машины одновременно производили впечатление и одушевленных существ, и безжизненных механизмов.

Джек вошел в здание школы и устроился в приемной, поставив рядом ящик с инструментами. Взяв с полки журнал «МотоМир», он уловил своим профессиональным слухом легкий щелчок: школа отметила выбранный им журнал и время, проведенное им в кресле. Она анализировала его.

Дверь открылась, и в приемную вошла женщина средних лет в твидовом костюме.

— Наверное, вы мастер от мистера И.

— Да.— Джек встал.

— Как я вам рада.— И она пригласила его следовать за ней.— Мы столько возились с этим преподавателем, а он ни с места.

Пройдя по коридору, женщина распахнула дверь.

— Сердитый Привратник,— указала она.

Джек узнал его, вспомнив описание Дэвида.

— Сломался совершенно неожиданно, видите? Прямо в середине цикла — шел по улице, кричал и как раз собирался поднять кулак.

— А специалист-электронщик не знает...

— Специалист-электронщик — это я,— жизнерадостно улыбнулась женщина, и глаза ее блеснули за стальной оправой очков.

— Ах да,— с досадой проговорил Джек.

— Мы подумали, может, дело в этом.— И женщина, вернее ходячий школьный механизм, протянула ему сложенный лист бумаги.

Развернув его, Джек обнаружил массу электронных схем.

— Это представитель власти, не так ли? — поинтересовался он.— Учит детей уважать собственность. Очень правильный тип.

— Да,— откликнулась женщина.

Вручную он вернул Сердитого Привратника к началу цикла и запустил его. Некоторое время Привратник просто щелкал, потом покраснел и, подняв руку, завопил: «Эй, мальчики, уйдите оттуда, слышите меня?» Глядя, как дрожат от негодования его покрытые щетиной щеки, как открывается и закрывается рот, Джек Болен подумал, что он может оказывать сильное влияние на ребенка. Лично у него робот вызывал только неприязнь. И тем не менее это создание было образцовой обучающей машиной, оно делало доброе дело вместе с двумя десятками других автоматов, расположенных в коридорах школы, словно киоски в увеселительном парке. За углом виднелся еще

один обучающий автомат, вокруг которого почтительно застыли несколько ребятишек, внимая его разглагольствованиям.

— ...И тогда я подумал,— вещал автомат приветливым дружелюбным голосом,— господи, и какие мы можем сделать из этого выводы? Кто-нибудь из вас знает, ребята? Салли?

— Ну, наверное, мы можем сделать вывод,— начала девочка,— что в каждом человеке есть что-то хорошее, как бы плохо он себя ни вел.

— А ты что думаешь, Виктор? — запинаясь, спросила машина.— Давайте послушаем Виктора Планка.

— Я думаю то же самое, что Салли,— неуверенно произнес мальчик.— Большинство людей в сущности хорошие, если только как следует присмотреться. Правильно, мистер Добрый Тюремщик?

Дэвид часто рассказывал об этой обучающей машине, к которой он испытывал особую симпатию. Доставая инструменты, Джек прислушивался к беседе. Добрый Тюремщик был пожилым седовласым джентльменом с незначительным местным акцентом, возможно канзасским... Он был добр и не мешал ребятам высказывать свои мнения — ничего от грубоватой авторитарности Сердитого Привратника. Что-то среднее между Сократом и Эйзенхауэром, насколько мог судить Джек.

— Смешные существа — овцы,— продолжал автоматический наставник.— Взгляните, как они себя ведут, когда через ограду им кидают что-нибудь съедобное, вроде пшеницы. Пищу чуют за милю.— Добрый Тюремщик откашлялся.— Они очень умные, когда дело касается их. Наверно, это и поможет нам понять, что такое истинный ум: это не количество прочитанных толстых книжек и не знание длинных слов, это — способность определить, что нам пойдет на пользу. Поэтому быть умным очень полезно.

Встав на колени, Джек начал отвинчивать спину Сердитого Привратника. Женщина стояла рядом, наблюдая за ним.

Как он знал, автомат работал в соответствии с программой, но на любом этапе его поведение могло изменяться в зависимости от поведения аудитории. Слова детей соотносились с записью, подгонялись, классифицировались, и только затем следовал ответ. Возможность неожиданного ответа исключалась, так как обучающая машина воспринимала лишь ограниченное число вариантов. И тем не менее автомат производил убедительное впечатление живого и подвижного существа — истинный триумф инженерного искусства.

Его преимущество по сравнению с человеком заключалось в способности индивидуально общаться с каждым ребенком. Он не просто учил, но и воспитывал. Обучающий автомат может одновременно иметь дело с тысячью учеников и тем не менее отличать одного от другого: в зависимости от индивидуальности ребенка ответы его слегка видоизменялись, и каждый раз он представлял собой чуть-чуть иное существо. Почти бесконечно сложное, хотя и действующее механически. Обучающие автоматы подтверждали факт, хорошо известный Джеку Болену: понятие «искусственный» обладало поразительной глубиной.

И тем не менее его раздражали эти автоматы. Потому что вся деятельность Общественной Школы противоречила природе Джека: вместо того чтобы обучать, сообщать ученикам новые сведения, она загоняла их в жесткие рамки шаблона. Школа соединяла детей с унаследованной культурой и внедряла ее в их сознание. Она подгоняла детей под эту культуру: цель заключалась в ее увековечивании, и, если индивидуальные особенности ученика могли увести его в сторону, они целенаправленно вытравлялись.

Весь процесс обучения представлялся Джеку сражением между сложным механизмом школы и душами детей, причем выигрышные карты были на руках у школы. Неадекватно реагирующий ребенок признавался аутичным, то есть констатировалось, что в нем преобладает субъективный фактор, мешающий восприятию реальности. И такой ребенок изгонялся из школы в другое заведение, на самом деле действующее по такому же принципу, где его должны были реабилитировать,— в Бен-Гурион. Ребенка отказывались учить и начинали относиться к нему как к больному.

«Аутизм,— размышлял Джек, отвинчивая спину Сердитого Привратника,— превратился в удобную теорию для руководства Марса. Она заменила более старый термин "психопат", который, в свою очередь, вытеснил понятие "морального урода"». В Бен-Гурионе педагогами работали люди, но они выполняли скорее врачебные, чем воспитательные обязанности.

С первого же дня учебы Дэвида в школе Джек готовился к неприятным известиям о том, что мальчик не попадает в шкалу успеваемости, по которой обучающие автоматы классифицировали своих учеников. Однако Дэвид охотно занимался и даже достиг высоких результатов. Большинство учителей ему нравилось, и он с энтузиазмом рассказывал о них дома. Парень прекрасно ладил даже с самыми строгими, и сейчас уже видно,

что у него не будет никаких проблем — он не страдал аутизмом и мог не бояться Бен-Гуриона. Но это не делало Джека счастливее. Ничто, как заметила Сильвия, не приносило ему радости. На Марсе перед ребенком открывались лишь две возможности: Общественная Школа или Бен-Гурион; Джеку не внушало доверия ни то ни другое. А почему — он и сам не знал.

Возможно, проблема заключалась в самом состоянии аутизма — детской форме шизофрении, которой страдало большинство людей. Шизофрения была самым распространенным заболеванием, которое рано или поздно затрагивало любую семью. Она попросту означала, что человек не в состоянии выполнять обязанности, возлагаемые на него обществом. Шизофреник выпадал, а вернее, никогда и не принимал участия в реальности, предполагающей межличностные отношения и существование в данной культуре с данными ценностями. Это была не биологическая жизнь, а жизнь, которой требовалось учиться, черпая понемногу от окружающих — родителей, учителей, высокопоставленных лиц... от всех, с кем ребенок вступал в контакт в период становления личности.

Таким образом, Общественная Школа имела полное право отторгать ребенка, не поддававшегося обучению. Потому что то, чему его учили, включало не просто факты или основы преуспевания и полезной карьеры. Речь шла о более серьезных вещах. Ребенку внушали, что определенные компоненты окружающей его культуры должны быть сохранены любой ценой. Его личные ценности включались в объективный ход развития человечества, таким образом он становился частью переданной ему традиции. В течение своей жизни ему следовало сохранять и даже совершенствовать ее. «При внимательном рассмотрении выясняется, что истинный аутизм — это апатия к каким бы то ни было общественным устремлениям,— решил Джек,— это частная жизнь, предполагающая, что любые ценности создаются самим человеком, и тот не является лишь простым вместилищем унаследованных традиций». Потому-то Джек Болен и отказывался считать Общественную Школу с ее обучающими автоматами единственным арбитром, определяющим, что имеет ценность, а что нет. Общественные ценности находились в непрестанном движении, а школа стремилась законсервировать их, разложить по полочкам, навечно закрепив на своих местах. Общественная Школа — настоящий источник неврозов. Она отрицает все новое, неожиданное, создает нездоровый мир испуганно-покорного невротика.

Как-то раз, года два назад, Джек изложил свою теорию жене. Сильвия выслушала его достаточно внимательно, а потом заметила: «Ты не видишь главного, Джек. Попробуй понять. На свете существуют гораздо более страшные вещи, чем невроз.— Она говорила тихо и уверенно, и он прислушался к ее словам.— Мы только сейчас начали это понимать. Ты знаешь, о чем идет речь. Ты уже прошел через это».

И он кивнул, понимая, что она имеет в виду. Джек сам пережил нарушение психики в двадцать с небольшим лет — широко распространенное и довольно обычное явление. Но, надо признать, это было страшно. По сравнению с тем состоянием прямолинейная, жесткая, принудительная система Общественной Школы представлялась якорем, благодарно уцепившись за который человек мог вернуться к человечеству и воспринимаемой сообща действительности. Так что он был вынужден признать, что невроз является искусственным порождением, сознательно создаваемым больным индивидуумом или обществом в состоянии кризиса. Это изобретение вызывалось необходимостью.

— Не надо бороться с неврозом,— добавила Сильвия, и Джек понял ее. Невроз был сознательной остановкой на каком-то отрезке жизненного пути. Потому что дальше лежала...

Что было дальше, прекрасно знал любой шизофреник. «И бывший шизофреник»,— добавил про себя Джек, вспоминая собственный опыт.

Сидевшие напротив мужчины смотрели на него очень странно. Что он такое сказал?

— Каррингтону никогда не стать таким руководителем ФБР, каким был Герберт Гувер. Я в этом уверен. Могу доказать.— В голове у него мутилось, и он отхлебнул пива. Все тело налилось тяжестью, проще было смотреть вниз, чем вверх... Он принялся рассматривать упаковку спичек на кофейном столике.

— Ты хотел сказать, не Герберт Гувер, а Эдгар...— заметил Лу Ноттинг.

«Да, я действительно сказал Герберт,— в растерянности подумал Джек; пока они не обратили на это внимания, ему казалось, что все в порядке.— Что со мной? Такое ощущение, что я полусплю». А ведь накануне он лег в десять вечера и проспал почти двенадцать часов.

— Простите, конечно, я имел в виду...— начал Джек и тут же ощутил, с каким трудом ворочается язык,— Эдгара Гувера,— старательно договорил он.

Но голос его звучал искаженно и растянуто, словно запись, пущенная не на той скорости. Теперь он уже и вовсе не мог поднять голову — засыпал на месте, прямо в гостиной Ноттинга, хотя глаза у него были открыты, более того, ему даже не удалось их закрыть, когда он попытался это сделать. Все его внимание сосредоточилось на спичечном коробке.

Пока Лу Ноттинг и Фред Кларк обсуждали такие отвлеченные темы, как ущемление свобод и демократические процессы, Джек продолжал смотреть не мигая... Он отчетливо различал слова, но не вслушивался в суть беседы. Не было никакого желания включаться в разговор, хотя он и знал, что оба собеседника не правы. Пусть себе спорят — так было проще. Все происходило само собой, и он не хотел мешать этому.

— Джек сегодня как будто не с нами,— заметил Кларк.

Вздрогнув, Болен понял, что их внимание переключилось на него: теперь надо что-то говорить или делать.

— Да нет, я здесь,— произнес он; это стоило ему неимоверных усилий, словно он всплывал на поверхность со дна моря.— Продолжайте, я слушаю.

— Господи, да ты как неживой,— возразил Ноттинг.— Ступай домой и выспись, ради бога!

— Тебе не удастся добраться до Марса в таком состоянии, Джек,— заметила Филис, жена Лу, входя в гостиную. Она включила проигрыватель и поставила какую-то модную джазовую группу — виброфоны, ударники... или это электронные инструменты?

Светловолосая развязная Филис уселась на кушетку рядом с Джеком и принялась его рассматривать.

— Джек, ты на нас не обиделся? Ты такой замкнутый!

— Просто он не в настроении,— ответил Ноттинг.— Когда мы служили в армии, с ним такое регулярно случалось, особенно по субботним вечерам. Насупится, молчит и все думает о чем-то. О чем ты сейчас думаешь, Джек?

Вопрос показался ему странным: он ни о чем не думал, в голове была полная пустота. Спичечный коробок все еще владел его вниманием. Тем не менее требовалось дать им отчет о своих размышлениях — они этого ждали, и он смирился.

— О Марсе. О том, сколько мне потребуется времени, чтобы привыкнуть. У разных людей по-разному.— Подавленный зевок распирал грудь, уходя обратно в легкие. Рот у него полуоткрылся, и Джек с трудом сомкнул челюсти.

— Пожалуй, пойду завалюсь в койку.— Собрав все оставшиеся силы, он поднялся.

— В девять часов? — удивился Фред Кларк.

Позже, идя домой по темным прохладным улицам Окленда, Джек почувствовал себя лучше. Он даже не мог понять, что с ним приключилось у Ноттинга. Может, духота.

Но все было не так просто.

В голове крутился Марс. Джек оборвал все связи, особенно на работе, продал свой «плимут», известил хозяина квартиры. А ведь он целый год боролся за ее получение! Огромное здание, частично уходящее под землю, вмещавшее тысячи квартир, собственный супермаркет, прачечные, детский центр, больницу и целый ряд магазинов в аркаде под цокольным этажом, принадлежало некоммерческому кооперативу Западного побережья. На последнем этаже располагалась радиостанция, транслировавшая классическую музыку по заявкам жителей, а в центре — театр и концертный зал. Это был новейший проект многоквартирного кооперативного дома — и внезапно он от всего отказался.

Уже известив руководство об уходе, Джек как-то бродил по аркаде своего кооперативного монстра и набрел на доску с объявлениями. Автоматически остановившись, он принялся их читать. Мимо бежали дети, направляясь на площадку за домом. Одно большое отпечатанное объявление привлекло его внимание:

«Способствуйте распространению кооперативного движения в недавно колонизированных районах. В ответ на начавшуюся разработку богатых минералами областей Марса в Сакраменто организован эмиграционный кооперативный совет. Записывайтесь!»

Объявление мало чем отличалось от других таких же, и все же — почему бы и нет? Много молодежи уже отправилось туда. И что ему делать на Земле? Он отказался от квартиры, но пока еще оставался членом кооператива и продолжал владеть своей долей акций.

Позднее, когда Джек уже записался и начал обходить врачей и фотографироваться, последовательность событий перемешалась в голове: ему казалось, что сперва пришло решение отправиться на Марс, после чего он уже уволился и отказался от квартиры. Это представлялось более разумным, и именно в таком виде он рассказывал это друзьям. Но на самом деле все было не так. А как? Почти два месяца Джек бродил в растерянности и отчаянии, не думая ни о чем, кроме того, что четырнадцатого ноября двести членов кооператива отправятся на Марс и все переменится. Временами смятение покидало его,

и картина виделась невероятно отчетливо. Когда-то он умел выстраивать порядок вещей в пространстве и во времени; теперь же по неизвестным причинам временные и пространственные координаты сместились, и он не мог сориентироваться.

Прежнее существование потеряло смысл. Четырнадцать месяцев он жил, движимый одной великой целью: получить квартиру в новом кооперативном доме, а когда получил ее, то оказался перед пустотой. Он слушал сюиты Баха, исполнявшиеся по его заявкам, покупал продукты в супермаркете, рылся на полках книжного магазина... «Но для чего? — спрашивал он себя.— Кто я?» На службе его продуктивность тоже снизилась. Это было первым признаком, и во многих отношениях самым зловещим; заметив его, Джек впервые испугался.

Началось все со странного инцидента, который он так и не смог объяснить для себя до конца. Вероятно, отчасти этот случай был чистой галлюцинацией. Но в какой именно части? Все происходило как во сне, и в какой-то момент его захлестнула паника — захотелось убежать, исчезнуть любой ценой.

Джек работал в электронной фирме в Редвуд-Сити, к югу от Сан-Франциско, управлял системой, осуществлявшей контроль качества на сборочном конвейере. В его обязанности входило следить, чтобы прибор ни по одному параметру не отклонялся от стандартного допуска. В один прекрасный день Джека неожиданно пригласили в кабинет заведующего кадрами. Он не знал, чем это было вызвано, и, поднимаясь на лифте, вдруг начал страшно волноваться. Позднее он вспомнил, что волнение было каким-то необычным.

— Входите, мистер Болен,— пригласил его в кабинет заведующий — опрятный мужчина с курчавыми седыми волосами.— Я вас долго не задержу.— Он внимательно рассматривал Джека.— Мистер Болен, почему вы не тратите получаемую вами заработную плату?

Тишина.

— Разве? — откликнулся Джек. Сердце колотилось у него в груди с такой силой, что все тело сотрясала дрожь. Ноги не держали, словно он смертельно устал. «Мне кажется, что трачу»,— проговорил он про себя.

— Вы вполне в состоянии купить себе новый костюм,— продолжил заведующий,— и вам надо подстричься. Конечно, это ваше личное дело.

Джек в замешательстве провел рукой по волосам: надо подстричься? Разве он не стригся только что, на прошлой неделе? Хотя, возможно, с тех пор прошло больше времени.

— Спасибо. Хорошо, я так и сделаю. Как вы сказали.

Тут-то и началась галлюцинация, если это была она. Он увидел заведующего кадрами в новом свете. Тот был мертв.

Через человеческую оболочку проступал его скелет. Кости соединялись между собой тончайшей медной проволокой. Внутренние органы — почки, сердце, легкие — засохли и были заменены искусственными из пластика и нержавеющей стали. Все они прекрасно функционировали, однако настоящая жизнь в них отсутствовала. Голос заведующего воспроизводился с пленки через усилитель.

Возможно, когда-то в прошлом он и был живым, но теперь все было кончено — дюйм за дюймом осуществлялась незаметная подмена органов, пока она не охватила весь организм, чтобы вводить в заблуждение окружающих. «На самом деле, чтобы ввести в заблуждение меня»,— решил Джек Болен. Никакого заведующего кадрами не было, он стоял один в кабинете. Никто к нему не обращался, а когда он отвечал, его никто не слышал.

Джек не знал, что делать, пытаясь не слишком глазеть на человекоподобный механизм, сидевший перед ним. Он старался спокойно и естественно продолжать разговор о своей работе и даже о своих личных трудностях. Механизм зондировал его, пытаясь чего-то добиться. Естественно, Джек пытался отвечать как можно лаконичнее. Но, даже устремив взгляд на ковер, он не мог не видеть все трубки, клапаны и прочие рабочие части, двигавшиеся внутри «заведующего»,— он не мог заставить себя не смотреть.

Единственное, чего ему хотелось,— уйти как можно скорее. Он покрылся крупными каплями пота, его била дрожь, сердце стучало все громче и громче.

— Болен, вы нездоровы? — осведомился механизм.

— Да,— ответил он.— Я могу идти? — Он повернулся и направился к двери.

— Минуточку,— послышался механический голос за его спиной.

И тут Джека охватила паника; распахнув дверь, он выскочил в коридор.

Час спустя он обнаружил, что идет по незнакомой улице в Берлингейме. Он не помнил, что с ним произошло за этот час и как он оказался здесь. Ноги болели, так что, судя по всему, он добрался сюда пешком.

Голова была почти ясной. «Я — шизофреник,— сообщил себе Джек.— Симптомы всем известны: кататоническое возбуж-

дение с параноидальной окраской — врачи объясняли нам это еще в школе. Я — один из них. Это-то и пытался выяснить заведующий кадрами. Я нуждаюсь в медицинской помощи».

Джек извлек из Сердитого Привратника источник питания и положил его на пол.

— Вы очень искусны,— заметила женщина.

Джек поднял глаза на женскую фигуру и подумал: «Неудивительно, что это место так выводит меня из себя. Сразу вспоминаются обстоятельства, при которых произошел мой первый нервный срыв. Мог ли я тогда предвидеть будущее?»

В ту пору таких школ не существовало. А если они и были, то он не знал и не видел их.

— Спасибо,— ответил Джек.

После эпизода с заведующим кадрами корпорации «Корона» больше всего его мучило одно: а что, если это была не галлюцинация? Что, если так называемый заведующий кадрами был автоматом, таким же механизмом, как эти обучающие машины?

Если так, то он не страдал никаким психозом.

Он снова и снова возвращался к мысли о том, что это могло быть просто видением, проникновением в абсолютную реальность, когда внешняя оболочка снята. Мысль была настолько необычной, что никак не согласовывалась с его привычными представлениями, в результате этого-то и возникло психическое нарушение.

Вскрыв проводку Сердитого Привратника, Джек принялся профессионально ощупывать ее своими длинными пальцами, пока не обнаружил то, о чем догадывался,— сорванную пломбу.

— Кажется, нашел,— сообщил он школьному мастеру. «Слава богу, не старая печатная плата, иначе пришлось бы заменять весь блок. И починить его было бы невозможно».

— Насколько я понимаю, основная проблема при создании обучающих автоматов — это проблема надежности,— заметила дама.— Пока нам везло — никаких существенных поломок не случалось. Однако я думаю, что профилактический осмотр не помешает. Пожалуйста, посмотрите еще одного учителя. Признаков поломки в нем пока не наблюдается, но он имеет исключительно важное значение для работы всей школы.— Она вежливо умолкла, видя, как Джек пытается пропихнуть тонкое сопло паяльника через переплетения проводков.— Я бы хотела, чтобы вы осмотрели Доброго Папу.

— Доброго Папу,— повторил Джек. «Интересно, нет ли у них тут Ласковой Мамы,— едко подумал он.— Сладкие мамочкины домашние байки для вскармливания малышей». Он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

— Вы знакомы с этим учителем?

Он не был знаком — Дэвид ничего о нем не рассказывал.

Издали доносились детские голоса, обсуждавшие жизнь с Добрым Тюремщиком; все время, пока Джек лежал на спине, держа над головой паяльник, и ковырялся во внутренностях Сердитого Привратника, они продолжали беседовать.

— Именно,— невозмутимо и спокойно излагал Добрый Тюремщик.— Енот. Удивительный парень, старый енот Джимми. Мне не раз доводилось встречаться с ним. Между прочим, этот приятель довольно большой, с мощными, длинными, очень проворными лапами.

— Я однажды видел енота,— возбужденно пропищал какой-то ребенок.— Я видел его, он был совсем рядом!

«Видел енота на Марсе?!» — подумал Джек.

— Нет, Дон, боюсь, ты ошибаешься,— захихикал Добрый Тюремщик.— Здесь нет енотов. Чтобы увидеть этих замечательных зверюшек, надо проделать длинный путь обратно на старушку Землю. Но вот почему я вспомнил о нем, мальчики и девочки. Вам всем известно, как старый енот Джимми берет пищу, тащит украдкой к воде и начинает ее полоскать. И как мы смеялись, когда старина взял кусочек сахара, и тот растворился в воде, так что зверек остался с пустыми лапами. Так вот, мы вспомнили сейчас Джимми-енота потому...

— Кажется, все,— заметил Джек, убирая паяльник.— Помочь поставить на место кожух?

— Вы торопитесь?

— Мне не нравится эта штука, которая там разглагольствует,— ответил Джек. Автомат так раздражал его, что он едва мог работать.

Роликовая дверь в коридор закрылась, и голоса затихли.

— Так лучше? — осведомилась сопровождающая.

— Спасибо.— Но руки у него все еще дрожали. Школьный мастер видела это — Джек чувствовал ее внимательный взгляд. «Интересно, а из чего она сделана?» — внезапно пришло ему в голову.

Комната, в которой содержался Добрый Папа, была декорирована под гостиную с камином, диваном, кофейным столиком и занавешенным окном, нарисованным на стене. Сам Добрый

Папа восседал в кресле с газетой в руках. Когда Джек Болен со школьным мастером вошли в комнату, на диване сидело несколько ребятишек: они внимательно слушали разглагольствования автомата и даже не обратили внимания на вошедших.

Дама отпустила детей и сама тоже направилась к выходу.

— Я не очень хорошо понимаю, чего вы от меня хотите,— остановил ее Джек.

— Пропустите его через полный цикл. Похоже, он либо частично повторяет отдельные участки цикла, либо застревает; как бы то ни было, время цикла увеличивается. Он должен возвращаться к исходному положению в течение трех часов.

Дверь открылась, и мастер ушла. Джек остался наедине с Добрым Папой, не испытывая от этого никакого восторга.

— Привет, Добрый Папа,— без всякого энтузиазма поздоровался он. Установив ящик с инструментами, Джек принялся отвинчивать заднюю панель.

— Как тебя зовут, молодой человек? — добродушно отозвался Папа.

— Меня зовут Джек Болен, и я такой же добрый папа, как ты, Добрый Папа,— заметил Джек, отвинтив панель и положив ее перед собой.— Моему сыну десять лет, Добрый Папа. Так что не надо называть меня молодым человеком, ладно? — Его снова сотрясала дрожь, а по лбу катился пот.

— Понимаю,— откликнулся Добрый Папа.

— Что ты понимаешь? — Джек с удивлением заметил, что чуть ли не кричит.— Знаешь, начинай лучше свой чертов цикл, ладно? Если тебе так проще, можешь считать меня маленьким мальчиком.

«Надо побыстрее заканчивать со всем этим и убираться отсюда, причем как можно спокойнее.— Он ощущал, как его переполняют странные чувства.— Работы часа на три».

— Крошка Джекки, похоже, у тебя сегодня тяжело на сердце. Я угадал? — начал Добрый Папа.

— И сегодня, и каждый день.— Джек щелкнул выключателем фонарика и посветил внутрь. Пока механизм действовал нормально, в соответствии с программой.

— Вдруг я тебе чем-нибудь помогу,— предложил Добрый Папа.— Часто становится легче, когда тебя выслушает более опытный человек, готовый разделить твои беды и вроде как облегчить их.

— Ладно,— согласился Джек, присаживаясь на корточки.— Я буду тебе подыгрывать — мне все равно здесь торчать три часа.

Хочешь, чтобы я начал с самого начала? С инцидента, происшедшего еще на Земле, когда я работал в «Короне»?

— Начинай с чего хочешь,— великодушно согласился Добрый Папа.

— Знаешь ли ты, что такое шизофрения, Добрый Папа?

— Думаю, что очень хорошо знаю, Джекки,— откликнулся Добрый Папа.

— Это самая таинственная болезнь во всей медицине, вот что это такое. И проявляется она в каждом шестом человеке, это очень много людей.

— Да, безусловно.

— Так вот, когда-то у меня было то, что называется реактивным полиморфным шизофреническим приступом,— сообщил Джек, наблюдая за движениями механизма.— И это было круто, Добрый Папа.

— Верю-верю.

— Теперь я понял твое назначение. Я знаю, для чего ты создан, Добрый Папа. Мы далеко от Дома. За миллионы миль. Наши связи с земной цивилизацией еле ощутимы. И многие испытывают ужасный страх, Добрый Папа, потому что с каждым годом эти связи становятся все тоньше и тоньше. И вот школа решила организовать для детей, рожденных здесь, земную обстановку. Например, камин. У нас на Марсе нет каминов; мы обогреваемся маленькими атомными печками. А это нарисованное стеклянное окно — песчаные бури давно бы сделали его непрозрачным! Да вокруг тебя вообще нет ни одной вещи, которой мы бы в действительности пользовались здесь. Ты знаешь, что такое бликмен, Добрый Папа?

— Не стал бы утверждать однозначно, Джекки. А что такое бликмен?

— Бликмены — коренная марсианская раса. Ты хоть знаешь, что ты на Марсе, а?

Добрый Папа кивнул.

— Шизофрения,— продолжал Джек,— одна из сложнейших проблем человеческой цивилизации. Короче говоря, Добрый Папа, я эмигрировал на Марс из-за этого приступа шизофрении, который пережил в возрасте двадцати двух лет. Я был разбит вдребезги. Из-за сложных городских условий мне пришлось уехать и перебраться в более примитивную среду, предоставляющую большую свободу. Обстоятельства так на меня давили, что оставалось только два выхода — эмигрировать или сойти с ума. Этот кооперативный дом! Ты можешь себе предста-

вить здание, этаж за этажом уходящее под землю и возносящееся вверх, как небоскреб, с таким количеством людей, что им необходим специальный супермаркет? Я сходил с ума, стоя в очередях. И все стоящие в очереди — в книжном магазине или супермаркете — жили в одном доме, представляешь, Добрый Папа? Целое общество, живущее в одном доме. А сегодня даже этот дом кажется маленьким по сравнению с теми, что строятся. Ну, что скажешь?

— Боже мой,— покачал головой Добрый Папа.

— Так вот что я думаю,— продолжил Джек.— Я считаю, что Общественная Школа вместе с вами, автоматами, готовит новое поколение шизофреников. Вы расщепляете психику детей, потому что учите их ориентироваться в среде, которой не существует. Ее даже на Земле уже нет. Она устарела. Спроси Доброго Тюремщика, и он тебе скажет, что настоящая интеллигентность должна быть практичной — или это не интеллигентность. Я слышал, как он говорил, что она должна быть средством адаптации. Ну что, Добрый Папа?

— Да, Джекки, должна.

— Вы должны учить, как нам...

— Да, Джекки, должна быть,— перебил его Добрый Папа.— И тут при свете фонарика Джек увидел, как соскользнула зубчатая передача, и фаза программы повторилась.

— Вот я тебя и поймал,— заметил Джек.— У тебя стерся один зубец в передаче, Добрый Папа.

— Да, Джекки, должно быть.

— Ты прав, все рано или поздно снашивается, ничто не вечно. Перемены — единственная постоянная жизни. Правильно, Добрый Папа?

— Да, Джекки, должно быть.

Отключив автомат от источника питания, Джек начал разбирать цепь, подбираясь к износившейся передаче.

— Вам снова повезло,— заметила школьный мастер, когда полчаса спустя Джек вышел из комнаты, утирая рукавом пот.

— Да.— Он был абсолютно изможден. Часы показывали четыре; скоро рабочий день закончится.

Школьный мастер проводила его до стоянки.

— Я очень довольна тем, как любезно вы откликнулись на наши просьбы. Я позвоню мистеру И и поблагодарю его.

Джек кивнул и залез в вертолет — сил не оставалось даже на прощание. Вскоре он уже поднимался — утиное яйцо школы внизу уменьшалось и уменьшалось. Ее удушающая атмосфера рассеялась, и он снова задышал полной грудью.

Включив передатчик, Джек сообщил:

— Мистер И, говорит Джек. Со школой покончено. Что дальше?

После паузы деловой голос И сообщил:

— Джек, нам звонил мистер Арни Котт из Льюистауна, просил починить диктофон, представляющий для него огромную ценность. Поскольку все остальные заняты, я посылаю тебя.

Глава 6

Арни Котту принадлежал единственный на Марсе клавесин. Впрочем, инструмент был расстроен, а на Марсе, как ни крути, настройщиков клавесинов не было.

Вот уже месяц, как он пытался обучить этому делу своего ручного бликмена. Бликмены обладали замечательным музыкальным слухом, и конкретно этот, кажется, понимал, чего от него добивается Арни. Гелиогабалу был предоставлен перевод инструкции по настройке инструмента на бликменский диалект, и Арни ожидал результатов со дня на день. Но пока на клавесине играть было невозможно.

Вернувшись в Льюистаун после посещения Энн Эстергази, Арни Котт пребывал в мрачном расположении духа. Смерть Норберта Стайнера уже сама по себе была ударом ниже пояса, и Арни чувствовал, что ему придется предпринять решительные шаги, дабы как-то компенсировать его исчезновение. Часы показывали три. И что он получил в результате своей поездки в Новый Израиль? Только неприятности. Энн, как всегда, убедить ни в чем не удалось: она намерена продолжать свои любительские кампании и акции, ее совершенно не волновала перспектива стать посмешищем для всего Марса.

— Черт побери, Гелиогабал, или ты настроишь этот проклятый инструмент сейчас же, или я вышвырну тебя из Льюистауна! — в ярости обрушился Арни на бликмена.— Можешь убираться в пустыню и жрать свеклу и коренья вместе с остальными тебе подобными.

Бликмен, сидевший на полу, мигнул, бросил на Арни внимательный взгляд и снова вернулся к инструкции.

— Здесь ничего невозможно починить,— проворчал Арни.

«Весь Марс — один большой Шалтай-Болтай. Все ржавеет и превращается в бесполезный хлам»,— думал Арни. Иногда ему казалось, что он возглавляет огромную свалку.

Снова он вспомнил вертолет компании И, с которым повстречался в пустыне, и нахала, который им управлял. «Независимые гады,— отметил про себя Арни.— Надо бы посшибать с них спесь. Знают себе цену! Чувствуют свое значение в экономике планеты — и это прямо на лицах у них написано: "Никому не станем кланяться", ну и так далее». С хмурым видом Арни мерял шагами приемную своего дома в Льюистауне, который держал помимо квартиры в здании союза.

«Нет, только подумать, чтобы кто-нибудь со мной так разговаривал! — размышлял Арни.— Наверное, чертовски хороший мастер, если так уверен в себе».

«Я раздобуду этого парня, чего бы это мне ни стоило. Еще никому не удавалось улизнуть от меня».

Однако из двух этих соображений первое постепенно начало брать верх, так как Арни был практичным человеком и знал, что прежде всего надо делать дело. Нормы поведения — вопрос второй. «У нас здесь не средневековое общество,— напомнил себе Арни.— И если парень профессионал, он может говорить мне все, что угодно. Единственное, что меня волнует, это результат».

Именно поэтому он набрал номер компании И в Банчвуд-парке, и через мгновение мистер И собственной персоной был на проводе.

— Послушайте, у меня забарахлил диктофон, и если ваши ребята его починят, я мог бы пользоваться вашими услугами на основе временного контракта, улавливаете?

Сомнений не было — И улавливал. Он прекрасно все понимал.

— Посылаю нашего лучшего мастера, сэр. Прямо сейчас. И будьте уверены: в любой час дня и ночи мы гарантируем полное удовлетворение ваших потребностей.

— Мне нужен совершенно конкретный человек.— Арни описал мастера, которого встретил в пустыне.

— Молодой, стройный, темноволосый,— повторил И.— Очки и немного нервная манера поведения. Джек Болен. Наш лучший мастер.

— Хочу сообщить вам,— продолжил Арни,— что этот Болен общался со мной в такой манере, в какой я никому не разрешаю с собой разговаривать. Но, поразмыслив, я решил, что он был прав, и при встрече собираюсь сообщить ему это.— Хотя в действительности Арни не мог уже и припомнить их беседу.— Похоже, у Болена неплохая голова,— продолжил он.— Сегодня он сможет быть у меня?

Без колебаний мистер И пообещал, что мастер будет в пять.

— Очень благодарен,— откликнулся Арни.— И передайте ему, что Арни не держит зла. Само собой, он меня разозлил, но что было, то быльем поросло. Скажите ему...— Арни замялся.— Передайте Болену, что относительно меня он может не беспокоиться.— Арни повесил трубку и откинулся с чувством выполненного долга.

Так что в конечном итоге день оказался не таким уж потерянным. К тому же он получил интересные сведения от Энн, пока был в Новом Израиле. Он коснулся слухов о готовящихся переменах в горах Франка Рузвельта, и, как всегда, оказалось, что Энн известны кое-какие сведения с Земли. Передавались они, конечно же, из уст в уста, тем не менее должны были содержать долю истины. Объединенные Нации планировали очередную акцию, они собирались осесть в районе гор Рузвельта в ближайшие недели и объявить их общественной собственностью, не принадлежащей никому конкретно. И это было вполне вероятно. Но зачем Объединенным Нациям потребовались огромные площади бесполезной земли? Тут версия Энн становилась запутанной. По слухам, доходившим из Женевы, на Марсе собирались разбить огромный супернациональный парк, что-то вроде садов Эдема для привлечения эмигрантов с Земли. По другой версии, технические работники Объединенных Наций намеревались предпринять решительное наступление на нехватку энергоресурсов и начать строительство уникальной как по размерам, так и по возможностям атомной энергостанции. Система водоснабжения расширится. При соответствующих энергоресурсах наконец станет возможным перевод на Марс отраслей тяжелой промышленности, что чрезвычайно выгодно, учитывая обилие свободной земли, меньшую силу тяжести и низкие налоги.

Третий вариант: Объединенные Нации намерены разместить в горах военную базу, чтобы расстроить аналогичные планы Советов и Соединенных Штатов.

Какой бы из этих слухов ни оказался верным, одно было очевидно: покупка земли в горной цепи Франклина Рузвельта может дать в ближайшем будущем крупный доход. Сейчас земля продавалась по всей гряде участками от полуакра до нескольких тысяч акров и по баснословно низким ценам. Как только до спекулянтов дойдут вести о намерениях Объединенных Наций, все переменится... наверняка они уже начали действовать. Чтобы застолбить участок на Марсе, владельцу нужно прилетать

на Марс, с Земли это сделать невозможно — таков закон. Если сведения Энн соответствовали действительности, дельцы начнут прибывать с минуты на минуту. Так что скоро здесь станет так же, как в первый год колонизации, когда они шныряли повсюду.

Усевшись за расстроенный клавесин, Арни раскрыл сборник сонат Скарлатти и принялся исполнять свою любимую, которую разбирал уже несколько месяцев. Это была энергичная, решительная музыка, и он с удовольствием ударял по клавишам, не обращая внимания на фальшивые звуки. Гелиогабал, отодвинувшись в сторону, вновь углубился в инструкцию — исполнение Арни резало ему слух.

— У меня есть долгоиграющая пластинка с этой записью,— заметил Арни, не прерывая исполнения.— Она такая старая и такая ценная, что я боюсь даже ставить ее.

— Что такое долгоиграющая пластинка? — спросил бликмен.

— Ты все равно не поймешь. В исполнении Глена Гульда. Ей уже сорок лет, она принадлежала моей семье. Уж кто-кто, а этот парень умел исполнять сонаты!

Раздосадованный собственным исполнением, Арни бросил играть. «Я никогда ничего не добьюсь, даже если инструмент приведут в идеальное состояние, каким он был на Земле до транспортировки сюда».

Арни снова вернулся мыслями к золотой жиле, открывавшейся в горах Рузвельта. «Располагая союзным фондом, я могу приобрести эту землю в любой момент,— размышлял он.— Но где именно? Гряда большая, нельзя купить ее целиком. Кто знает эти горы? Вероятно, их знал Стайнер, потому что, насколько я понимаю, его база располагается, вернее располагалась, где-то там. По этим местам ходят старатели. Да еще бликмены там живут».

— Гелио, ты знаешь горы Франклина Рузвельта?

— Я знаю их, мистер,— откликнулся бликмен.— Я опасаюсь их. Они пустые, холодные, и там никто не живет.

— А правда, что у вас, бликменов, есть скала оракула, к которому вы обращаетесь, когда хотите узнать будущее?

— Да, мистер. Нецивилизованные бликмены делают так. Но это глупый предрассудок. Скала называется Грязная Башка.

— А сам ты никогда к ней не обращался?

— Нет, мистер.

— А если потребуется, сможешь ее найти?

— Да, мистер.

— Если ты задашь от меня вопрос вашей проклятой Грязной Башке, я дам тебе доллар,— пообещал Арни.

— Спасибо, мистер, но я не могу.

— Почему, Гелио?

— Я выкажу свое невежество, если ввяжусь в это шарлатанство.

— О господи,— возмутился Арни,— ну вроде как играя, неужели ты не можешь это сделать? Ради шутки.

Бликмен ничего не ответил, однако на лице его была написана обида, и он предпочел сделать вид, что снова углубился в чтение инструкции.

— Вы, ребята, сглупили, отказавшись от своей местной религии,— продолжил Арни.— Лишний раз доказали, насколько вы слабы. Я бы не стал так поступать. Расскажи мне, где искать Грязную Башку, и я сам задам ей свой вопрос. Я отлично знаю, что ваша религия учит вас предсказывать будущее, ну и что особенного? У нас Дома тоже есть экстрасенсы, некоторые из них обладают даром предвидения и умеют читать будущее. Естественно, нам приходится сажать их за решетку вместе с другими ненормальными, потому что это признак шизофрении, если тебе известно, что это такое.

— Да, мистер,— ответил Гелиогабал.— Я знаю шизофрению, это дикарь, обитающий в человеке.

— Верно, это возвращение к примитивному мышлению. Так что из того, что вы умеете читать будущее? В наших оздоровительных психлагерях Дома содержатся сотни предсказателей...— Тут Арни осенило: может, здесь, на Марсе, в Бен-Гурионе тоже есть парочка таких?

«К чертям тогда Грязную Башку,— решил Арни.— Лучше я заскочу в Бен-Гурион, пока его не закрыли, и добуду себе психа с даром предвидения. Вытащу его из лагеря и устрою на работу здесь, в Льюистауне».

Арни подошел к телефону и набрал номер управляющего союза Эдварда Гоггинса.

— Эдди,— начал он,— отправляйся в психиатрическую клинику и вытряси из врачей истории болезней полудурков с даром предвидения, я имею в виду симптомы. И спроси, нет ли таких в Бен-Гурионе, чтобы мы могли им воспользоваться.

— О'кей, Арни. Сделаю.

— Кто считается лучшим психиатром на Марсе, Эдди?

— Черт, Арни, надо выяснить. У водителей есть приличный — Мильтон Глоб. Я потому знаю, что мой деверь — водитель и консультировался у Глоба в прошлом году.

— Надеюсь, этот Глоб хорошо знает Бен-Гурион.

— Конечно, Арни: он работает там раз в неделю, они все там работают по очереди. Евреи очень прилично платят — денег у них много. Знаешь ведь, они получают «капусту» с Земли, из Израиля.

— Свяжись с этим Глобом, и пусть он как можно скорее найдет мне шизофреника с даром предвидения. Можешь включить его в платежную ведомость, но только если будет необходимость — психиатры обычно сами не свои до денег, им так редко доводится их видеть. Все понятно, Эдди?

— Да, Арни.— Управляющий повесил трубку.

— Ты когда-нибудь был у психоаналитика, Гелио? — почувствовав прилив энергии, поинтересовался Арни.

— Нет, мистер. Психоанализ — тщеславная глупость.

— Отчего же?

— Врачи никогда не задаются вопросом, что они хотят сделать с больным. Потому что они этого не знают, мистер.

— Я не понял тебя, Гелио.

— Смысл жизни неизвестен, а потому и пути ее скрыты от глаз живых существ. Кто, например, может утверждать, что шизофреники не правы? Они предпринимают отважное путешествие, мистер. Они отворачиваются от простых вещей, которые можно пощупать и которым можно найти практическое применение, они обращаются вглубь, к смыслу. А там-то и находится бездна — черная как ночь. Кто знает, вернутся ли они оттуда? А если вернутся, то какими станут, узрев смысл? Я восхищаюсь ими.

— Господи Иисусе,— усмехнулся Арни,— ты, полуобразованный болван... могу поспорить, если человеческая цивилизация исчезнет с Марса, ты уже через десять секунд будешь со своими дикарями поклоняться идолам и тому подобное. Зачем ты делаешь вид, что хочешь походить на нас? Зачем ты читаешь это руководство?

— Человеческая цивилизация никогда не покинет Марс, мистер,— ответил Гелиогабал,— потому-то я и изучаю эту книгу.

— Ты бы лучше настроил мой проклятый клавесин по этой книге, а не то вернешься в пустыню, останется человеческая цивилизация на Марсе или нет.

— Да, сэр,— ответил ручной бликмен.

После того как Отто Цитте потерял карточку своего союза и лишился законного права на работу, его жизнь превратилась в сплошной кошмар. С карточкой он был бы сейчас перво-

классным мастером. Он держал в тайне, что когда-то она у него была, а он умудрился ее потерять: об этом не знал никто, даже Норб Стайнер. По каким-то причинам, которые Отто не мог объяснить и самому себе, он предпочитал, чтобы окружающие считали, что он просто не прошел аттестационные тесты. Возможно, легче считать себя неудачником. Попасть в ремонтное дело было практически невозможно, а быть выгнанным из него...

Он сам во всем виноват. Три года назад он был членом Союза с хорошей репутацией и гарантированной работой, иными словами, уважаемым добропорядочным гражданином. Перед ним открывались широкие возможности: он был молод, у него имелись подружка и собственный вертолет. На последний он имел лицензию, первую, как выяснилось позднее, делил с соперником. Что могло ему помешать? Ничто, кроме собственной глупости.

Отто нарушил постановление союза, которое являлось основным законом. Постановление было дурацким — на его взгляд,— и тем не менее... «Аз воздам» было записано в марсианском отделении Внеземного союза ремонтников. Как он их ненавидел: ненависть к ним пронизывала всю его жизнь, и ему это даже нравилось — он хотел ненавидеть. Ему необходимо было ненавидеть всю эту огромную монолитную структуру.

Он был пойман на том, что чинил за бесплатно.

На самом деле даже не за бесплатно, потому что надеялся извлечь выгоду. Просто это был новый вид обслуживания клиентов. Да и не такой уж новый, если разобраться. На самом деле это был самый старый способ — бартер. Но на его годовом доходе это никак не отражалось, так что союз не мог получить свою долю. Отто осуществлял свои сделки с домохозяйками, одинокими женщинами, жившими вдали от дорог, чьи мужья появлялись дома лишь на выходные, проводя пять дней в неделю в городе. Симпатичный, стройный, с зачесанными назад длинными черными волосами, он проводил время то с одной, то с другой. И один из разгневанных мужей, обнаружив это, вместо того чтобы пристрелить его на месте, отправился в Совет по найму и вручил иск: ремонт без соответствующей оплаты.

Отто был вынужден признать это.

И теперь работал на Норба Стайнера, что вынуждало его жить в пустынных горах Франклина Рузвельта, неделями не видя людей. А ведь пострадал он именно из-за своей страсти к личным интимным связям, и что теперь? «Даже бликмены не согла-

сились бы влачить такое существование и быть отрезанными от всех, как я,— размышлял Отто, сидя на складе в ожидании прибытия следующей ракеты.— Вот если бы пошли мои собственные дела на черном рынке!..» Тогда бы он каждый день крутился по планете, как Норб Стайнер, заглядывая то к одному, то к другому покупателю. Неужели и тут он свалял бы дурака, выбрав товары, которые не смогли бы заинтересовать крупных воротил? Нет, все было правильно, просто торговля его шла не слишком удачно.

Крупных рэкетиров Отто ненавидел так же, как и крупные союзы. Он вообще ненавидел все крупное: гигантомания уничтожила американскую систему свободного предпринимательства, разорила мелких бизнесменов. Возможно, он был последним мелким бизнесменом во всей Солнечной системе. В этом на самом деле и заключалось его преступление: вместо того чтобы болтать об американском образе жизни, он попытался реализовать его на деле.

— Чтоб они провалились,— выругался Отто, сидя на корзине среди ящиков, коробок и картонок. За окном виднелись пустынные горы, покрытые редким засыхающим кустарником.

И где сейчас Норб Стайнер? Можно не сомневаться — прячется в баре, или ресторане, или в веселенькой гостиной какой-нибудь дамы — предлагает товары, вручает банки с копченым лососем, а взамен...

— Чтоб они все провалились,— пробормотал Отто и, встав, принялся мерять склад шагами.— Пусть получают то, чего хотят. Стадо животных.

Эти молодые еврейки... у которых сейчас Стайнер,— жаркие, черноглазые, круглобедрые, полногрудые, загоревшие от работы в полях в одних шортах и обтягивающих рубашках, под которыми видны полные груди, не стесненные бюстгальтерами, видны соски, облегаемые влажной тканью...

«Потому-то он и не хотел брать меня с собой»,— решил Отто.

Единственные женщины здесь в горах — иссохшие черные аборигенки, которых и за женщин-то считать нельзя. Его не убеждали антропологи, утверждавшие, что бликмены принадлежат к тому же роду гомо сапиенс, что и человек, и что, вероятно, обе планеты миллион лет тому назад были колонизированы одной и той же межпланетной расой. Эти жабы — люди? Лечь с одной из них в постель? Да лучше собственноручно себя кастрировать!

И в это самое мгновение Отто увидел, как по северному склону спускается группа бликменов, осторожно ступая босы-

ми ногами по неровной каменистой поверхности. «Идут сюда»,— заметил Отто. Как всегда.

Он открыл дверь сарая и стал ждать. Четыре мужика, двое из них пожилые, одна старуха, несколько тощих ребятишек с луками, ступками и яичной скорлупой пака.

Остановившись, они молча оглядели его, потом вперед вышел один из мужчин и произнес:

— Да хлынут дожди от меня на твою бесценную особу.

— И вам того же,— откликнулся Отто, прислоняясь к сараю и ощущая безнадежную скуку.— Чего вы хотите?

Бликмен протянул листик бумаги, и Отто, взяв его в руки, увидел, что это наклейка от черепахового супа. Бликмены съели суп и сохранили этикетку именно для этой цели: они не могли объяснить, чего хотели, потому что не знали, как это называется.

— О'кей. Сколько? — Отто принялся показывать на пальцах. При пяти они закивали. Пять банок.— А что у вас есть? — не шелохнувшись, осведомился Отто.

Из группы выступила молодая женщина и указала на ту часть своего тела, которая так долго занимала все мысли Отто.

— О боже,— в отчаянии вымолвил Отто.— Нет. Уходите. Проваливайте. Хватит, с меня довольно.— Он повернулся к ним спиной, зашел в сарай и с такой силой захлопнул за собой дверь, что содрогнулись стены. Упав на упаковочную корзину, он сжал голову руками.

— Я схожу с ума,— проговорил Отто, сжав зубы. Язык во рту так распух, что еле ворочался, грудь болела. И, к собственному изумлению, он начал плакать. «Господи, я действительно схожу с ума, я сломался». Слезы катились по щекам. Он даже не мог вспомнить, когда плакал в последний раз. «Что это?» — недоумевал он. Его тело сотрясалось от рыданий, а он будто был зрителем.

Но слезы принесли облегчение. Носовым платком Отто утер глаза, лицо и выругался, увидев свои руки, сведенные судорогой и ставшие похожими на птичьи лапы.

Бликмены все еще стояли за окном — возможно, наблюдая. Лица их были совершенно безучастны, и в то же время Отто был почти уверен, что они видели его и так же удивлены, как и он сам. «Действительно, загадочная история. Полностью с вами согласен».

Бликмены собрались в кучку и принялись совещаться, потом один из них отделился от группы и подошел к сараю. Раздался

стук. Подойдя к порогу и открыв дверь, Отто увидел молодого бликмена, который что-то протягивал ему.

— Тогда это,— произнес бликмен.

Отто взял предмет в руки, но никак не мог понять, что это такое. Он состоял из стеклянных и металлических частей с нанесенной на них калибровкой. Потом Отто сообразил, что это геодезический прибор. Сбоку на нем было выгравировано: «Собственность ООН».

— Мне это не нужно,— раздраженно буркнул Отто, вертя предмет в руках. Наверняка украли. Он вернул прибор, и юноша, стоически приняв его, вернулся к группе. Отто закрыл дверь.

На этот раз они тронулись прочь: он смотрел из окна, как они медленно удаляются в сторону гор. «А все-таки интересно, что делали геодезисты ООН в здешних горах?»

Чтобы немножко взбодриться, он открыл банку копченых лягушачьих ножек и принялся сосредоточенно их поглощать, не получая никакого удовольствия от деликатеса.

— Не посылайте меня туда, мистер И,— произнес Джек Болен в микрофон,— я уже виделся сегодня с Коттом и обидел его.— Снова навалилась усталость.

«Я действительно оскорбил его. Как все складывается: сегодня я впервые повстречал Арни, и он тут же звонит в нашу компанию и вызывает мастера. Очень характерно для той игры, в которую я играю с могущественными, но неодушевленными силами природы».

— Мистер Котт рассказал мне о вашей встрече в пустыне,— ответил мистер И.— Более того, его решение позвонить нам было вызвано как раз вашей встречей.

— Что вы говорите! — поразился Джек.

— Не знаю, что у вас там было, Джек, но можешь не волноваться. Отправляйся в Льюистаун. Если задержишься после пяти, получишь полуторную оплату. И мистер Котт, известный своей щедростью, настолько сгорает от нетерпения увидеть свой диктофон работающим, что обещал плотно накормить тебя.

— Ладно,— откликнулся Джек, которому уже надоело сопротивляться. В конце концов, он не знал, что творится в голове у Арни Котта.

Вскоре он уже опускался на крышу зала Союза водопроводчиков в Льюистауне.

Выглянувшая прислуга с подозрением оглядела его.

— Мастер из компании И,— сообщил Джек.— По вызову Арни Котта.

— О'кей, сынок,— ответил ему смотритель и проводил к лифту.

Джек нашел Арни в красиво меблированной гостиной, выглядевшей совсем как на Земле. Арни говорил по телефону и при виде Джека кивнул, чтобы тот заходил. Следующим кивком он указал на стол, где стоял портативный диктофон. Джек подошел к столу, снял с диктофона крышку и перевернул его. Арни Котт продолжал беседовать.

— Конечно, я понимаю, что дар этот ненадежен. Я прекрасно понимаю, почему никому еще не удалось использовать его,— ну и что? Я должен сдаться, сделать вид, что его не существует, из-за того, что люди благодаря своей проклятой тупости не пользовались им пятьдесят лет? Нет, я все равно хочу попытаться.— Длинная пауза.— Хорошо, доктор. Спасибо.

Арни повесил трубку и повернулся к Джеку:

— Ты когда-нибудь был в Бен-Гурионе?

— Нет,— откликнулся Джек, сосредоточенно рассматривавший диктофон.

Арни подошел к нему и остановился рядом. Джек ощущал на себе пристальный взгляд Арни. Работать под таким присмотром было неприятно. Впрочем, приходилось не замечать. «Еще один школьный мастер»,— заметил он про себя. А потом ему пришло в голову: а не начнется ли у него сейчас приступ? Правда, с тех пор уже много воды утекло, но мощная нависшая фигура, сверлящая его взглядом, вызывала у Джека те же чувства, что и тогда, во время беседы с заведующим кадрами «Короны».

— Я сейчас разговаривал с Глобом,— сообщил Котт.— Психиатром. Слышал когда-нибудь о нем?

— Нет,— откликнулся Джек.

— Неужели вся твоя жизнь заключается только в ковырянии в различных механизмах?

Джек поднял голову и посмотрел Арни в глаза.

— У меня жена и сын. Вот моя жизнь. А то, чем я занимаюсь сейчас, просто зарабатывание средств к их существованию.— Джек говорил спокойно, и, кажется, Арни не воспринял это как обиду — он даже улыбнулся.

— Что-нибудь выпьешь?

— Кофе, если у вас есть.

— У меня есть натуральный кофе с Земли. Черный?

— Черный.

— Да, ты похож на кофемана. Как думаешь, сможешь починить диктофон прямо здесь или заберешь с собой?

— Здесь.

— Потрясающе,— просиял Арни.— Я действительно без него как без рук.

— А где кофе?

Арни покорно вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с керамической кофейной кружкой, которую поставил на стол рядом с Джеком.

— Послушай, Болен. Сейчас ко мне должен прийти один человек. Девушка. Тебе это не помешает работать?

Джек поднял глаза, решив, что Арни над ним издевается. Но тот был абсолютно серьезен: он внимательно смотрел то на Джека, то на частично разобранный механизм, наблюдая за тем, как продвигается починка. «Ему действительно это важно,— подумал Джек.— Странно, как люди привязываются к своей собственности, словно она является продолжением их тел. От такого человека, как Арни Котт, можно было бы ожидать, что он вышвырнет этот диктофон и купит себе новый».

В дверь постучали, и Арни бросился открывать.

— О, привет,— донесся до Джека его голос.— Заходи. Мне тут чинят мою машину.

— Тебе ее никогда не починят, Арни,— послышался женский голос.

Арни напряженно засмеялся.

— Познакомься с моим новым мастером. Джек Болен. Болен, это Дорин Андертон, наш казначей.

— Привет,— откликнулся Джек. Краем глаза, не отрываясь от работы, он заметил, что у нее рыжие волосы, удивительно светлая кожа и огромные прекрасные глаза. «И все получают зарплату,— едко подумал он.— Потрясающий мир. Неплохо ты здесь устроился, Арни».

— Он очень занят? — спросила женщина.

— Да,— откликнулся Арни,— эти ремонтники сами не свои до работы. Я имею в виду, из чужих фирм, не наших, конечно. Наши — банда лентяев, которые бьют баклуши за чужой счет. Но я с ними разделаюсь, Дор. Этот Болен — настоящий волшебник. Диктофон заработает с минуты на минуту, да, Джек?

— Да,— откликнулся Джек.

— Ты не здороваешься со мной, Джек? — спросила женщина.

Отложив диктофон, Джек повернулся и спокойно оглядел ее. Она стояла с невозмутимым, понимающим видом, а в глазах сквозила едва заметная насмешка, которая тревожила и не давала отвести от нее взгляда.

— Привет,— повторил Джек.

— Я видела на крыше твой вертолет,— заметила женщина.

— Не мешай ему работать,— сварливо промолвил Арни.— Давай мне свой плащ.

Встав сзади, он помог ей раздеться. На женщине был темный шерстяной костюм, судя по всему, с Земли, и следовательно, неимоверно дорогой. «Могу поспорить, он сильно ударил по пенсионному фонду союза»,— подумал Джек.

Рассматривая женщину, Джек заметил, что она являет собой подтверждение старинной мудрости. Прекрасные глаза, волосы, кожа делали ее привлекательной, но истинную красоту придавал ей безупречный нос: волевой, прямой, организующий вокруг себя все черты лица. «Потому-то женщины Средиземноморья, будь то испанки, еврейки, турчанки или итальянки, смотрятся лучше ирландок или англичанок,— подумал Джек,— их носы совершенны от природы». У его собственной жены, Сильвии, был веселенький курносый ирландский носик. Она, по общему признанию, была хороша собой. Но ее красота существенно отличалась от красоты этой женщины.

На вид Дорин было тридцать с небольшим, и тем не менее от нее веяло свежестью. Такие свежие краски Джек встречал только у старшеклассниц, приближающихся к брачному возрасту, но ему доводилось замечать их и в пятидесятилетних женщинах. Дорин останется привлекательной и через двадцать лет. Наверное, Арни правильно делал, вкладывая в нее доверенные ему деньги,— она не износится никогда. Уже сейчас в ее чертах присутствовала зрелость — свойство, редкое среди женщин.

— Мы собираемся пойти выпить,— сообщил ему Арни.— Если ты успеешь починить мою машину...

— Уже готово.— Джек обнаружил порвавшийся пассик и заменил его на новый из своего ящика.

— Отлично сработано! — Арни просиял, как счастливый ребенок.— Тогда пошли с нами. У меня встреча с Мильтоном Глобом, знаменитым психиатром,— объяснил он девушке,— наверное, ты слышала о нем. Я только что разговаривал с ним по телефону, и, по-моему, он — отличный парень. Могу поспорить,— Арни звонко шлепнул Джека по плечу,— когда ты приземлялся, ты и представить себе не мог, что будешь выпивать с известнейшим в Солнечной системе психоаналитиком, а?

«Идти или не идти? — подумал Джек.— А почему, собственно говоря, нет?»

— Хорошо, Арни,— согласился он.

— Доктор Глоб собирается подыскать мне шизофреника,— продолжал Арни.— Я нуждаюсь в его профессиональной помощи.— И он рассмеялся, считая свое высказывание невероятно смешным; глаза у него блестели.

— Правда? — переспросил Джек.— Ну что ж, я — шизофреник.

Арни оборвал смех.

— Без шуток. Я бы никогда не подумал... то есть я хочу сказать, ты выглядишь совершенно нормально.

— Сейчас со мной все в порядке. Меня вылечили,— добавил Джек, заканчивая собирать диктофон.

— От шизофрении еще никого не удалось излечить,— заметила Дорин совершенно бесстрастным тоном, словно констатировала факт.

— Удавалось, если это реактивная шизофрения,— ответил Джек.

Арни смотрел на него с возрастающим интересом, даже с некоторым подозрением.

— Ты просто дурачишь меня. Хочешь втереться ко мне в доверие.

Джек пожал плечами, чувствуя, что краснеет, и предпочел вернуться к работе.

— Не обижайся. Послушай, ты не шутишь? — допытывался Арни.— Джек, скажи мне, а ты случайно не обладаешь способностью предвидения?

— Нет,— помолчав, откликнулся Джек.

— Ты уверен? — недоверчиво спросил Арни.

— Уверен.— Теперь он уже жалел, что согласился пойти вместе с ними. Пристальное внимание вызывало у него ощущение беззащитности. Арни прямо-таки нависал над ним. Джек почувствовал, что ему становится трудно дышать, и отодвинулся к краю стола, чтобы быть подальше от шефа водопроводчиков.

— В чем дело? — резко отреагировал Арни.

— Ни в чем.— Джек продолжал заниматься своим делом, не глядя ни на Арни, ни на женщину. Но те неотрывно продолжали следить за ним, и он заметил, что руки у него начинают дрожать.

— Джек, давай я тебе расскажу, как добился своего положения,— наконец промолвил Арни.— Только благодаря одной способности — умению правильно судить о людях. Я могу распознать, какие они на самом деле, не обращая внимания на

то, что они говорят или делают. Так вот, я тебе не верю. Я убежден, что ты врешь и скрываешь свой дар предвидения. Правда ведь? Впрочем, можешь не отвечать.— Арни повернулся к женщине: — Пошли. Я хочу выпить.— И он пригласил Джека следовать за ними.

Оставив свои инструменты, Джек неохотно повиновался.

Глава 7

«Неужто ко мне пришла удача?» — спрашивал себя Мильтон Глоб, направляясь к Льюистауну на встречу с Арни Коттом. Он даже представить себе не мог, что в его жизни произойдет такая решительная перемена.

Правда, не совсем ясно, что Арни требуется. Звонок был таким неожиданным и Арни так быстро говорил, что доктор остался в полном недоумении. Вроде бы речь шла о парапсихологических способностях душевнобольных. Ну что ж, он мог рассказать Арни почти все, что известно на эту тему. Однако Глоб чувствовал: за этим интересом скрывается что-то еще.

Обычно интерес к шизофрении свидетельствовал о собственной предрасположенности субъекта к заболеванию. Хотя первым симптомом нарастающего шизофренического процесса была неспособность больного принимать пищу на людях. Арни же усиленно настаивал на встрече не у себя дома и не в офисе, а в известном ресторане и баре «Ивы». Может, это попытка противодействия начавшемуся процессу? Испытывая неожиданную напряженность в публичных местах, особенно в ситуациях, связанных с приемом пищи, Арни пытается восстановить покидающую его норму...

Глоб размышлял об этом, ведя вертолет, но мало-помалу мысли его вернулись к собственным проблемам.

Арни Котт контролировал фонд союза, насчитывающий несколько миллионов долларов, и был выдающейся личностью, признанной во всем колониальном мире, хотя и совершенно неизвестной Дома. По сути, феодальный барон. «Если бы Котт взял меня в штат,— фантазировал Глоб,— я бы смог оплатить все накопившиеся долги, все кредитные чеки, сумма которых словно и не уменьшается. И тогда мы бы зажили, уже не влезая в долги, существуя на собственные средства... и довольно большие».

К тому же Арни был шведом или датчанином, что-то вроде этого, так что Глобу не пришлось бы каждый раз гримировать

лицо перед приемом пациента. Плюс Арни известен своей простотой в отношениях; Милт и Арни — вот как это будет, улыбнулся про себя Глоб.

Главное, что необходимо соблюсти на первом свидании, это не перечить Арни, подыгрывать ему и не разочаровывать, даже если его идеи абсолютно ошибочны. Чертовски глупо пытаться переубедить его! И зачем?

«Я понял тебя, Арни,— приступил к репетиции доктор Глоб, подлетая все ближе к Льюистауну.— Да, это хорошая мысль».

Он принимал участие в таком количестве разнообразных мероприятий, замещая своих пациентов, представляя интересы этих робких, замкнутых шизоидных типов, которые съеживались при малейшем внешнем воздействии, что можно не сомневаться — все будет проще простого. А если шизоидный процесс у Арни уже пошел вовсю, то он станет жизненно необходимым ему.

«Прекрасно»,— заметил Глоб и увеличил скорость вертолета до максимума.

«Ивы» были обнесены рвом с холодной прозрачной водой, фонтаны разбрызгивали струи, а все одноэтажное стеклянное строение ресторана окружали огромные багряные, желтые и ржаво-красные бугенвиллеи. Спустившись по черной стальной лестнице с крыши, Глоб сразу же увидел компанию: Арни Котт сидел в обществе какой-то рыжей красотки и запредельного вида мужчины в монтерском комбинезоне и холщовой рубашке.

«Поистине бесклассовое общество»,— подумал Глоб.

Он перешел через ров по горбатому мостику, миновал бар, задержался у небольшого джазового оркестра, который что-то задумчиво наигрывал, и наконец поздоровался с Арни.

— Привет, Арни!

— Привет, док.— Арни поднялся, чтобы представить его присутствующим.— Это доктор Глоб, Дор. Дорин Андертон. А это мой мастер Джек Болен, настоящий кудесник. Джек, это самый знаменитый из всех ныне живущих психиатров Милт Глоб.

Все покивали и пожали друг другу руки.

— Ну уж прямо-таки самый знаменитый,— пробормотал Глоб, пока все усаживались.— Ведущими в нашей области до сих пор являются экзистенциальные психиатры из Швейцарии.— Но каким бы преувеличением ни был комплимент Арни, он испытывал глубокую благодарность. Глоб ощущал, как его лицо прямо-таки заливается краской от удовольствия.— Простите,

что так долго добирался,— пришлось заскочить в Новый Израиль. Бо... Босли Тувим нуждался в моем совете по неотложному делу.

— Хороший парень, этот Бос,— заметил Арни. Он закурил сигарету — настоящую земную «Адмирал Оптимо».— Но давайте вернемся к нашему делу. Постой, я закажу тебе выпить.— И, вопросительно глядя на Глоба, он принялся махать официантке.

— Скотч, если есть,— сказал Глоб.

— «Катти Сарк», сэр,— ответила официантка.

— О, замечательно. Без льда, пожалуйста.

— Ладно,— нетерпеливо промолвил Арни.— Послушайте, доктор, вы раздобыли для меня имена продвинутых шизиков или нет?

— М-м-м,— начал Глоб, но тут же вспомнил свой недавний визит в Новый Израиль.— Манфред Стайнер.

— Имеет какое-нибудь отношение к Норберту Стайнеру?

— Его сын. В Бен-Гурионе... Полагаю, сообщая вам это, я не нарушаю врачебную тайну. Полностью аутичный ребенок, с самого рождения. Мать — холодная, интеллектуальная шизоидная личность, занимавшаяся воспитанием по учебнику. Отец...

— Отец мертв,— оборвал его Арни.

— Совершенно верно. К прискорбию. Хороший парень, но страдал депрессиями. Покончил с собой. Типичный порыв для стадии подавленного состояния.

— По телефону ты сказал, что у тебя есть теория про выпадание шизофреников из обычного времени,— продолжил Арни.

— Да, суть заключается в том, что у них нарушено внутреннее чувство времени.— Доктор Глоб заметил, что его слушают все трое, и с воодушевлением принялся развивать любимую тему: — Мы еще не получили исчерпывающего экспериментального подтверждения, однако за этим дело не станет.

И без какого бы то ни было колебания или смущения он изложил теорию швейцарцев, присвоив авторство себе.

— Очень интересно,— не скрывая впечатления от рассказа доктора, откликнулся Арни и повернулся к Джеку Болену: — Можно создать такую камеру?

— Конечно,— пробормотал Джек.

— И датчики,— добавил доктор Глоб,— чтобы пациент мог покинуть камеру и ориентироваться в реальном мире. Зрительные, слуховые...

— Запросто,— повторил Болен.

— А как насчет такого...— нетерпеливо подхватил Арни,— способен ли шизофреник двигаться так быстро во времени по сравнению с нами, что фактически окажется в нашем будущем? Не объясняет ли как раз это феномен предвидения? — Его светлые глаза возбужденно блестели.

Глоб пожал плечами, изображая согласие.

— Вот оно, Джек! — повернувшись к Болену, пробормотал Арни.— Черт побери, во мне погиб гениальный психиатр. Замедлить его восприятие — черта с два! Я говорю — ускорить! Пусть опережает время, если ему так нравится. Только пусть делится своей информацией с нами, а, Болен?

— Вот здесь-то и лежит камень преткновения,— заметил Глоб.— При аутизме способность к межличностным контактам кардинально нарушена.

— Понимаю,— согласился Арни, но это его явно не смущало.— Я достаточно хорошо это понимаю, чтобы найти выход из положения. Разве этот парень, Карл Юнг,— разве ему не удалось давным-давно расшифровать язык шизофреников?

— Да,— ответил Глоб,— несколько десятилетий назад Юнгу удалось разгадать индивидуальную лексику шизофреников. Но при детском аутизме, которым страдает Манфред, отсутствует вообще какой бы то ни было язык, по крайней мере в вербальном смысле. Возможно, мальчик переполнен личными индивидуальными переживаниями, но они не выражаются в словах.

— Черт,— выругался Арни.

Женщина бросила на него укоризненный взгляд.

— Серьезная проблема,— объяснил ей Арни.— Надо как-то заставить этих несчастных аутичных детишек общаться с нами и рассказывать нам о том, что им известно, не правда ли, док?

— Да,— откликнулся Глоб.

— Теперь этот Манфред — сирота,— продолжил Арни.

— Ну, у него еще есть мать,— заметил Глоб.

— Но они не настолько беспокоились о своем ребенке, чтобы забрать его домой,— возбужденно отмахнулся Арни,— предпочли сплавить мальчонку в лагерь. Черт, я вытащу его оттуда и возьму сюда. А ты, Джек, сконструируешь прибор, который нам поможет понимать его, улавливаешь?

— Не знаю, что и сказать,— подумав, рассмеялся Джек.

— Уверен, ты справишься. Черт, да тебе это будет раз плюнуть, учитывая, что ты сам шизофреник.

— Ах вот как? — заинтересованно повернулся к Болену доктор Глоб. Автоматически он уже отметил про себя его напря-

женный позвоночник, ригидность мускулатуры, не говоря уже об общем астеническом телосложении.— Похоже, вы гигантскими шагами движетесь к выздоровлению.

Болен поднял голову, и взгляды их встретились.

— Я совершенно здоров. И уже давно.— На его лице застыло неестественное выражение.

«От этого еще никому не удавалось окончательно выздороветь»,— заметил про себя Глоб, хотя вслух ничего подобного не сказал. Вместо этого он предпочел вернуться к основной теме:

— Возможно, Арни прав, и вы сумеете вступить в эмпатическую связь с аутичным ребенком. Здесь-то и заключена основная сложность, так как аутичные субъекты не осуществляют наших ролевых функций и воспринимают мир иначе, чем мы. А поскольку мы тоже не можем их понять, нас разделяет бездна.

— Построй мост через эту бездну, Джек! — воскликнул Арни и хлопнул Болена по спине.— Вот твоя работа, я включаю тебя в свой штат.

Глоба переполнила зависть. Чтобы скрыть ее, он опустил голову и уставился в стакан. Однако женщина уже обратила внимание на его переживания и улыбнулась ему. Впрочем, доктор не ответил ей.

Глядя на доктора Глоба, сидевшего напротив, Джек Болен ощутил, как постепенно видоизменяется его восприятие и рассеивается внимание — как раз то, чего он больше всего боялся. Именно с этого все началось в кабинете заведующего кадрами в «Короне», и с тех пор это ощущение не покидало его, грозя проявиться в любую минуту.

Сейчас он видел психиатра в абсолютном приближении к реальности: не как человека из кожи и плоти, а как механизм, собранный из проводов и переключателей. Плоть таяла и обретала прозрачность, за ней проступали механические устройства. Пытаясь скрыть свое состояние, Джек сжал стакан, продолжая прислушиваться к разговору и время от времени кивать. Ни Глоб, ни Арни ничего не замечали.

Зато женщина обратила внимание.

— Вам нехорошо? — перегнувшись через стол, тихо спросила она Джека.

Он покачал головой, пытаясь дать ей понять, что с ним все в порядке.

— Давайте оставим их,— шепотом продолжила женщина.— Мне они тоже надоели... Мы с Джеком оставим вас наедине,— громко сообщила она Арни.— Идемте.

Она дотронулась до плеча мастера и встала. Он почувствовал прикосновение ее легких сильных пальцев и тоже поднялся.

— Не исчезайте надолго,— заметил Арни и вернулся к беседе с Глобом.

— Спасибо,— поблагодарил Джек женщину, когда они шли по проходу между столами к выходу.

— Вы обратили внимание, какая его охватила зависть, когда Арни сказал, что берет вас на работу? — спросила Дорин.

— Нет. Вы имеете в виду Глоба?.. Со мной такое бывает,— извиняющимся тоном продолжил Джек.— Что-то с глазами — наверное, астигматизм. В результате напряжения.

— Хотите посидеть в баре? — предложила Дорин.— Или выйдем на улицу?

— На улицу,— ответил Джек.

Они остановились на мосту. В воде, смутно мерцая, скользили рыбы, казавшиеся полуреальными существами,— здесь, на Марсе, они были настоящим раритетом. Они казались чудом, и Джек с Дорин, ощущая это, не могли оторвать от них глаз. Оба чувствовали, что думают об одном и том же, и знали, что не обязательно говорить об этом вслух.

— Как хорошо здесь,— наконец промолвила Дорин.

— Да.

— В разное время, так или иначе, все были знакомы с каким-нибудь шизофреником,— заметила Дорин,— если, конечно, сами не болели. У меня страдал шизофренией младший брат, еще там, Дома.

— Со мной все будет хорошо,— откликнулся Джек.— Со мной уже все в порядке.

— Нет,— покачала головой Дорин.

— Нет,— согласился он,— но что я могу поделать? Вы же сами сказали: шизофреник навсегда останется шизофреником.— Он замолчал, устремив взгляд на бледную, плавно передвигавшуюся рыбу.

— Арни о вас очень высокого мнения,— заметила Дорин.— Он действительно обладает способностью правильно судить о людях. И уже понял, что Глоб отчаянно жаждет продаться и пролезть в штат. Кажется, психиатрией теперь прилично не заработаешь, в отличие от старых времен. Слишком многие ею занимаются. У нас в поселении двадцать психиатров, а толку никакого. А ваше состояние... не явилось препятствием, когда вы получали разрешение на эмиграцию?

— Пожалуйста, мне бы не хотелось говорить об этом,— ответил Джек.

— Давайте погуляем,— предложила Дорин.

Они шли по улицам мимо магазинов, большинство из которых было закрыто в этот день.

— А что вы вдруг увидели, когда смотрели на доктора Глоба там, за столом? — спросила женщина.

— Ничего,— ответил Джек.

— Вы и об этом предпочитаете не говорить?

— Пожалуй.

— Думаете, если скажете мне, положение может ухудшиться?

— Скорее, не положение, а то, что внутри меня.

— Откуда вы знаете, что причина внутри? Может, дело в вашем зрении, искажающем действительность?.. Я всегда изо всех сил пыталась понять то, что видел и слышал мой брат Клей. Он не мог сам это выразить. Я чувствовала, что он живет в совершенно ином мире. Клей покончил жизнь самоубийством, так же как Стайнер.— Она остановилась у газетного стенда и принялась читать заметку на первой странице о Норберте Стайнере.— Экзистенциальные психиатры считают, что не надо им мешать сводить счеты с жизнью, мол, для них это единственный выход... когда видения становятся непереносимо ужасными.

Джек промолчал.

— Это действительно так страшно? — спросила Дорин.

— Нет. Просто приводит в замешательство,— попытался объяснить Джек.— Они никак не согласуются с тем, что ты до сих пор видел и знал, поэтому продолжать привычное существование оказывается невозможным.

— И вам часто приходится делать вид, что все в порядке, ну, изображать? Как актеру? — Он не ответил, и она продолжила: — Как вы пытались это сделать сегодня.

— Я бы с радостью согласился дурачить окружающих,— кивнул Джек.— Чего бы я только не отдал, чтобы научиться прикидываться. Но тут-то и происходит настоящий распад личности, до этого мгновения все идет как по маслу — врачи ошибаются, утверждая, что расщепляется сознание. Я бы вполне мог сохранять его целостность, но тогда мне пришлось бы наклониться к доктору Глобу и сказать ему...— Он внезапно замолчал.

— Что сказать? — спросила Дорин.

Джек сделал глубокий вдох.

— Ну, я бы сказал: док, я вижу вас в перспективе вечности, и вы — мертвы. В этом заключается суть болезненного восприятия. Оно не нужно мне, я не желаю его.

Женщина взяла его за руку.

— Я никому не говорил об этом раньше,— продолжил Джек,— даже Сильвии, своей жене, и сыну Дэвиду. Я каждый день наблюдаю за ним, слежу — не проявляется ли это и в нем. Такие вещи легко передаются по наследству, как у Стайнеров. Я не знал, что у них сын в Бен-Гурионе, пока Глоб не сказал об этом. А ведь мы уже много лет как соседи. Стайнер никогда и словом не обмолвился.

— Нас ждут назад к обеду,— сказала Дорин.— Вы не возражаете? Знаете, если хотите, вы можете отказаться работать на Арни и остаться у мистера И. У вас прекрасный вертолет. Оттого, что Арни решил вас купить, вы не обязаны все бросать.

— Создать прибор для коммуникации аутичного ребенка с нашим миром — очень увлекательная задача,— пожал плечами Джек.— Думаю, в задумке Арни есть глубокий смысл. Я мог бы стать посредником и принести пользу.

«И на самом деле не важно, зачем Арни нужен сын Стайнера,— подумал Джек.— Возможно, он движим чисто эгоистическими мотивами, рассчитывает на значительный доход в звонкой монете. Но меня это совершенно не волнует. К тому же не обязательно порывать с мистером И. И может просто сдать меня Союзу водопроводчиков в аренду: мне будет платить мистер И, а тот, в свою очередь, будет получать деньги от Арни. И все будут счастливы. Уж конечно, возиться с нарушенным сознанием ребенка гораздо интереснее, чем копаться в холодильниках и диктофонах. Если мальчика мучают какие-нибудь известные мне галлюцинации...»

Джек был знаком с временной теорией, которую Глоб выдал за собственное изобретение. Он читал о ней в «Научной Америке»; естественно, он читал о шизофрении вообще все, что удавалось достать. Он знал, что теорию разработали швейцарцы и Глоб не имеет к ней никакого отношения. «Странная теория. Но что-то в ней есть».

— Давай вернемся в «Ивы»,— сказал Джек. Он был страшно голоден, а трапеза обещала быть обильной.

— Ты смелый человек, Джек Болен,— ответила Дорин.

— Почему? — поинтересовался он.

— Потому что возвращаешься туда, где плохо себя чувствуешь, к людям, которые вызвали у тебя, как ты выразился, видение вечности. Я бы на твоем месте сбежала.

— Но в этом-то и заключается самое главное: все задумано, чтобы человек сбежал. Для того и существуют видения, чтобы уничтожить взаимоотношения с другими людьми, чтобы изо-

лировать тебя. И если им удается добиться своего, твоя жизнь среди людей закончена. Именно это и имеют в виду, когда говорят, что шизофрения не диагноз, а прогноз; она не описывает то, чем человек страдает, она только предсказывает, что будет дальше.

«Но со мной такого не произойдет. Я не превращусь в немого Манфреда Стайнера, запертого в психиатрическом заведении. У меня есть жена, сын, друзья, я буду работать и сохраню их. Да и любовные связи, если таковые возникнут,— добавил про себя Джек, взглянув на женщину, державшую его за руку,— я буду стараться продолжать».

Он сунул руки в карманы и нащупал что-то твердое и холодное. Удивившись, он извлек наружу нечто похожее на сморщенный засохший древесный корешок.

— Господи, что это такое? — спросила Дорин.

Это была водяная ведьма, которую подарили ему бликмены утром в пустыне. Он совершенно забыл о ней.

— Амулет на счастье,— объяснил Джек.

— Какой уродливый!

— Да,— согласился он,— но добрый. А мы, шизофреники, как раз страдаем из-за враждебности окружающих, мы притягиваем к себе их бессознательную неприязнь.

— Я знаю. Телепатический фактор. С Клеем тоже так было — все хуже и хуже, пока...— Дорин бросила на него взгляд.— С параноидальным исходом.

— Это самое неприятное в нашем состоянии — постоянное осознание подавленных, загнанных вглубь садизма и агрессии в окружающих нас людях, даже незнакомых. Мы впитываем это в ресторанах...— он вспомнил о Глобе,— в автобусах, театрах, ощущаем в толпе.

— Вы не знаете, чего хочет Арни от этого мальчика Стайнера? — спросила Дорин.

— Ну, теория предвидения...

— Но что Арни хочет узнать о будущем? Не знаете? И вам даже не придет в голову попытаться это выяснить.

Действительно. Он не был любопытен.

— Вы удовлетворены своей технической задачей,— медленно проговорила она, изучающе глядя на него,— созданием необходимой аппаратуры. Это плохо, Джек Болен, это — нехороший признак.

— Да,— кивнул он,— это особенность шизоидов — удовлетворяться чисто техническими проблемами.

— И вы не спросите Арни?

Он почувствовал неловкость.

— Не мое дело. Работа интересная, и мне нравится Арни, нравится больше, чем мистер И. Я не любопытен. Таков уж я уродился.

— А я думаю, вы боитесь. Только не могу понять почему — вы смелый человек, но где-то глубоко внутри чего-то страшно боитесь.

— Возможно,— с грустью ответил Джек.

И они вместе направились обратно к «Ивам».

Вечером, когда все разошлись, включая Дорин Андертон, Арни Котт сидел один в своей гостиной в самом прекрасном расположении духа. Ну и денек выдался!

Он приобрел прекрасного мастера, который уже починил его бесценный диктофон, а в дальнейшем создаст электронное устройство, которое будет расшифровывать провидческие сведения, полученные от аутичного ребенка.

Он выдоил необходимую информацию из психиатра и тут же избавился от него.

Так что в целом день выдался исключительный. Не удалось разрешить только две проблемы: клавесин до сих пор не настроен, и... что же еще? Вылетело из головы. Арни попытался вспомнить, сидя перед телевизором и глядя на бои, транслировавшиеся из Прекрасной Америки — американской колонии на Марсе.

Наконец память прояснилась. Смерть Норба Стайнера. Он лишился источника контрабандных продуктов.

— И это устрою,— вслух произнес Арни.

Он выключил телевизор, взял диктофон и произнес текст, адресованный Скотту Темплу, с которым он сотрудничал в бесчисленном количестве важных деловых предприятий. Темпл был двоюродным братом Эда Рокингхэма и твердым орешком: ему удалось договориться с ООН и получить контроль над большей частью медицинских поставок на Марс со всеми преимуществами, вытекающими из этой монополии.

Пленка диктофона быстро вращалась.

— Скотт! — начал Арни.— Привет. Ты знал беднягу Норба Стайнера? Жаль, что он умер. Кажется, он был психически сам знаешь кто. Как и все мы.— Арни раскатисто рассмеялся.— В общем, у нас теперь небольшая проблемка, я имею в виду — с поставками. Так? Послушай, Скотт, старина, я бы хотел

обсудить это с тобой. Я буду дома. Понимаешь? Заскочи завтра или послезавтра, чтобы мы могли точно обо всем договориться. Думаю, старый механизм Стайнера мы использовать не будем. Начнем все заново: сделаем себе посадочную площадочку подальше от людей, добудем ракеты и что там еще надо. И полетят к нам копченые устрицы, как и положено.

Арни выключил диктофон и задумался: нет, он все сказал, такой человек, как Скотт Темпл, не нуждался в длинных объяснениях — сделка была заключена.

— О'кей, Скотт,— добавил он.— Жду тебя.

Арни вынул кассету. Потом ему пришло в голову прослушать ее, чтобы убедиться в правильной передаче текста. Какая будет неприятность, если код не сработал!

Но нет, все было в порядке и в наилучшем виде: семантические блоки были вставлены в пародию на современную электронную музыку, напоминавшую кошачий концерт. Слушая вой, посвистывание, урчание и шипение, Арни хохотал, пока по щекам у него не потекли слезы; пришлось идти в ванную и смочить лицо холодной водой, чтобы успокоиться.

Вернувшись в комнату, он положил кассету в коробку и аккуратно надписал: «Песня Духа Ветра. Кантата Карла Уильяма Диттершанда».

Этот Диттершанд был сейчас кумиром интеллектуалов там, на Земле, но Арни терпеть не мог так называемую электронную музыку; его вкусы твердо остановились на Брамсе. Арни очень веселило, что закодированное послание Скотту с предложением противозаконного импорта продуктов озаглавлено как кантата Диттершанда. Набрав номер одного из членов союза, он распорядился, чтобы кассету отправили на север в Новую Британнику — английскую колонию на Марсе.

Таким образом, завершив к половине девятого все дела, Арни вернулся к телевизору, чтобы досмотреть финальные бои. Закурив еще одну сигару, он откинулся на спинку кресла, блаженно выпустил дым и расслабился.

«Как бы я хотел, чтобы все дни были похожи на этот. Тогда можно было бы жить вечно». Такие дни не увеличивали его возраст, а, наоборот, молодили. Он снова чувствовал, что ему еще нет и сорока.

«Ну и ну, чтобы я орудовал на черном рынке! И во имя чего? Пары банок ежевичного желе, маринованных угрей и тому подобного». Но это тоже важно, а особенно для него. «Я никому не позволю лишить меня лакомств,— мрачно подумал он.—

И если Стайнер возомнил, будто, покончив с собой, причинит мне...»

— Давай! — закричал он чернокожему парню, которого сбили с ног на экране телевизора.— Вставай, педераст! И вмажь ему как следует!

Негр поднялся, словно услышав его, и Арни захихикал от острого чувства удовольствия.

Джек Болен курил у окна в маленьком гостиничном номере в Банчвуд-парке, где он обычно ночевал в течение недели.

То, чего он боялся все эти годы, снова вернулось. Теперь это уже было не болезненное предчувствие, а реальность. «Боже,— в отчаянии думал он,— они правы: от этого не вылечиваешься никогда». Посещение школы спровоцировало приступ, а в «Ивах» болезнь проявилась и подмяла под себя с такой же силой, будто ему снова было двадцать и он работал на Земле в корпорации «Корона».

И еще он чувствовал, что смерть Норберта Стайнера каким-то образом имеет к этому отношение. Смерть затрагивает всех окружающих, заставляет их совершать неожиданные поступки: она словно включает цепную реакцию эмоций и действий, которая все расширяется, захватывая все большее количество людей.

«Надо позвонить Сильвии и узнать, как там фрау Стайнер и девочки».

Но он тут же отказался от этой мысли. «Все равно я ничем не могу помочь, я круглосуточно должен находиться здесь, чтобы мистер И мог в любой момент меня вызвать». А теперь он еще мог потребоваться и Арни Котту.

Впрочем, за последнее была компенсация, прекрасная, нежная и вдохновляющая — в его бумажнике лежали адрес и номер телефона Дорин Андертон.

Может, позвонить ей? Подумать только — найти человека, к тому же женщину, с которой можно свободно разговаривать, которая понимает его положение, искренне желает выслушать и не испытывает при этом страха.

Это очень обнадеживало.

С женой он ни за что не стал бы обсуждать свою болезнь. В нескольких случаях, когда он пытался ей что-то объяснить, она просто вся сжималась от ужаса. Подобно остальным, Сильвия впадала в панику при одной мысли о том, что в ее жизнь может войти шизофрения. Сама она боролась с ней при помощи современных магических средств — лекарственных препаратов,

словно фенобарбитурат мог остановить самый зловещий и разрушительный процесс, когда-либо известный человечеству. Один бог знает, сколько таблеток за последние десять лет проглотил сам Джек,— наверное, их хватило бы, чтобы вымостить дорогу от гостиницы до дома, а возможно, и обратно.

После некоторых размышлений он решил не звонить Дорин. Лучше оставить это на потом, когда положение станет нестерпимо тяжелым. Сейчас он был довольно спокоен. А в будущем могут возникнуть случаи, когда без Дорин Андертон ему не обойтись.

Конечно, следует вести себя осторожно — Дорин, очевидно, любовница Арни. Но, кажется, она понимала, что делает, и уж наверняка она знала Арни. Конечно, Дорин учитывала это, когда, выходя из ресторана, дала ему свой адрес и номер телефона.

«Я верю ей»,— промолвил Джек про себя, а для субъекта с шизоидным радикалом это было кое-что.

Джек Болен погасил сигарету, достал пижаму и собрался спать.

Он уже залезал под одеяло, когда зазвонил телефон.

«Служебный вызов»,— подумал он, машинально вскакивая.

Но это был не вызов.

— Джек? — тихо произнес женский голос.

— Да.

— Это Дорин. Я просто хотела узнать, все ли у тебя в порядке.

— Все прекрасно,— ответил он, садясь на кровати.

— Ты не хочешь прилететь сейчас? Ко мне?

— М-м-м,— колеблясь, промычал он.

— Мы бы послушали пластинки, поговорили. Арни дал мне массу редких стереофонических записей из своего собрания... некоторые, конечно, поцарапаны, но есть просто замечательные. Знаешь, он ведь настоящий коллекционер, у него самая большая коллекция Баха на всем Марсе. И ты видел его клавесин.

Так вот что стояло у Арни в гостиной.

— А это не опасно? — спросил Джек.

— Нет. Об Арни можешь не волноваться, он не собственник, если ты понимаешь, о чем я.

— Хорошо. Сейчас буду,— откликнулся Джек и только тут понял, что не может лететь из-за возможных вызовов. Разве что переключить их на ее номер телефона...

— Никаких проблем,— ответила Дорин, когда он объяснил ей.— Я позвоню Арни и скажу ему.

— Но...— Джек онемел.

— Джек, ты просто не в своем уме, если считаешь, что у нас есть другой выход. Арни известно все, что происходит в поселении. Положись на меня, дорогой. Если будут какие-нибудь вызовы, пока ты в дороге, я запишу их, хотя сомневаюсь, чтобы они были. Арни совершенно не заинтересован, чтобы ты чинил людям тостеры, ты ему нужен для его собственных нужд — создать прибор для общения с этим мальчиком.

— Хорошо,— откликнулся Джек.— Сейчас буду. До свидания.— И он повесил трубку.

Не прошло и двух минут, как его вертолет уже летел по ночному марсианскому небу к Льюистауну, к возлюбленной Арни Котта.

Глава 8

Дэвид Болен знал, что у его деда Лео тьма денег и он не скупится их тратить. Например, не успели они выйти из здания космического вокзала, а дед в своем строгом костюме с жилеткой и золотыми запонками — именно по нему-то мальчик и отличил его среди пассажиров, спускавшихся по пандусу,— остановился у цветочного прилавка и купил Сильвии букет крупных синих земных цветов. Он хотел и Дэвиду что-нибудь подарить, но игрушек в продаже не было, только конфеты, которые дедушка Лео и взял — целую двухфунтовую коробку.

Под мышкой дед сжимал белую картонку, перевязанную белым шнурком, которую он отказался сдать в багаж. Выйдя из здания вокзала и устроившись в отцовском вертолете, Лео раскрыл картонку. Она была заполнена мацой, пикулями и тонкими ломтями солонины, обернутыми в пластикат, общим весом фунта в три.

— Господи,— восхищенно воскликнул Джек.— Прямо из Нью-Йорка. Здесь, в колониях, нет ничего подобного!

— Я знаю, Джек,— откликнулся Лео.— Один еврей посоветовал, где достать это, и мне так понравилось, что я понял: тебе тоже понравится, у нас ведь одинаковые вкусы.— И он рассмеялся от радости, видя, какое всем доставил удовольствие.— Я тебе сделаю бутерброд, когда доберемся до дому. Сразу же, не откладывая.

Вертолет взмыл над ракетодромом и поплыл над темной пустыней.

— Как у вас тут с погодой? — поинтересовался Лео.

— Часто штормит,— ответил Джек.— Неделю назад чуть целиком не занесло песком. Пришлось брать в аренду электронасос, чтобы откопаться.

— Плохо,— покачал головой Лео.— Надо возвести бетонную стену, о которой ты писал в письмах.

— Придется выложить целое состояние,— заметила Сильвия.— Здесь не так, как на Земле.

— Я знаю, но вы же должны защищать свою собственность; ваш дом и земля — это большая ценность, у вас ведь поблизости вода, не забывайте.

— Пожалуй, забудешь! — воскликнула Сильвия.— Боже милосердный, да без этой канавы мы бы вымерли.

— Канал не стал шире в этом году? — поинтересовался Лео.

— Такой же,— ответил Джек.

— Его углубили,— вмешался Дэвид.— Я смотрел: приехали люди из ООН с большой машиной, которая отсасывала песок со дна, и вода стала гораздо чище. Так что папа даже отключил систему фильтров. Поэтому теперь, когда объездчик открывает нам шлюз, мы накачиваем столько воды, что папа позволил мне засадить еще один огород. У меня там растет пшеница, и кабачок, и несколько морковок, только кто-то пожрал всю свеклу. А вчера вечером мы ели кукурузу с моего огорода. А чтобы маленькие зверьки не могли туда проникнуть, мы построили забор. Как их зовут, папа?

— Песчаные крысы, Лео,— подсказал Джек.— Как только у Дэвида начал поспевать урожай, они — раз! — тут как тут. Вот такого размера.— Он показал руками.— В общем-то, вполне безобидные, если не считать, что за десять минут могут съесть столько, сколько весят сами. Старые переселенцы предупреждали нас, но надо же было самим убедиться.

— Это хорошо, что вы выращиваете собственные овощи,— заметил Лео.— Я помню, ты писал мне о своем огороде, Дэвид,— завтра обязательно взгляну на него. Сегодня уже слишком устал: путешествие было длинным, несмотря даже на эти новые корабли, как они называются? Быстрее света? Ерунда! Пока взлетит, пока сядет, и та же тряска... Рядом со мной сидела женщина, так она решила, что мы горим, и перепугалась — а все из-за жары, даже кондиционеры не помогают. Не понимаю, почему они допускают, чтобы корабли перегревались, неужели не хватает мощности на охлаждение? Хотя по сравнению с тем, что было — помните, когда вы эмигрировали, перелет занимал два месяца,— большой прогресс!

— Лео, я надеюсь, ты взял с собой кислородную маску. Наши очень старые и барахлят,— сменил тему Джек.

— Конечно, в коричневом чемодане. Не волнуйся обо мне, я теперь принимаю другие сердечные средства, значительно эффективнее. Все меняется к лучшему на Земле. Да, она перенаселена. Но все больше и больше людей собираются эмигрировать сюда, поверь моему слову. Смог так сгустился, что мы еле дышим.

— Знаешь, дед, наш сосед, мистер Стайнер, покончил жизнь самоубийством,— снова вступил Дэвид.— Теперь его сын Манфред вернулся домой из лагеря для аномальных детей, и папа создает для него прибор, чтобы он мог разговаривать с нами.

— Что ты говоришь! — добродушно откликнулся Лео.— Это очень интересно, Дэвид.— Он расцвел в улыбке.— А сколько лет мальчику?

— Десять,— ответил Дэвид,— хотя он еще совсем не может разговаривать. Но папа ему поможет своим прибором. А знаешь, на кого папа сейчас работает? На мистера Котта — президента Союза водопроводчиков, он очень большой и важный человек.

— Кажется, я о нем слышал,— откликнулся Лео, подмигнув Джеку.

— Отец, ты все еще собираешься покупать землю в горах Франклина Рузвельта? — спросил Джек.

— Конечно. Можешь не сомневаться, Джек. Естественно, я прилетел, чтобы повидать всех вас, но если бы не дело, я бы не смог впустую потратить столько времени.

— Я надеялся, ты передумаешь.

— Джек, тебе нечего беспокоиться, я знаю, что делаю. Я занимаюсь земельными инвестициями уже много лет. Послушай, ты свозишь меня туда, чтобы я смог все посмотреть собственными глазами? У меня есть куча карт, но я бы хотел взглянуть сам.

— Вас ждет серьезное разочарование,— заметила Сильвия.— Заброшенная, безводная местность, практически лишенная жизни.

— Давайте не станем сейчас спорить,— улыбнулся Лео Дэвиду, слегка толкнув его локтем.— Как приятно видеть здорового и веселого молодого человека вдали от зараженного воздуха, которым мы дышим Дома.

— Ну, на Марсе есть свои недостатки,— возразила Сильвия.— Поживите здесь при плохой погоде и без воды, и вы поймете.

— Это я знаю,— серьезно откликнулся Лео.— Чтобы жить здесь, нужны недюжинные силы. И тем не менее здесь здоровая атмосфера, не забывайте.

Внизу уже сияли огни Банчвуд-парка. Джек развернул вертолет к северу по направлению к дому.

Ведя вертолет, Джек Болен взглянул на отца и поразился тому, как мало он постарел, каким бодрым и крепким выглядел для человека, приближающегося к восьмидесяти. И до сих пор целиком отдается делам, получая от них удовольствия ничуть не меньше, чем раньше!

Все же, хотя Лео не показывал вида, было заметно, что путешествие сильно утомило его. Впрочем, они почти долетели. Гирокомпас показывал 7.08054, значит, через несколько минут они окажутся дома.

Сойдя на землю, Лео тут же бросился выполнять свое обещание: устроившись на кухне, начал весело готовить им бутерброды с мацой и кошерной солониной. Вскоре все уже сидели в гостиной, уплетая их за обе щеки и ощущая покой и умиротворенность.

— Вы не можете себе представить, как мы изголодались по такой еде,— наконец промолвила Сильвия.— Даже на черном рынке...— Украдкой она бросила взгляд на Джека.

— На черном рынке иногда можно достать деликатесы,— продолжил Джек,— хотя в последнее время это становится все труднее. Лично мы им не пользуемся. И не по каким-то моральным причинам, просто очень дорого.

Они поговорили еще некоторое время, обсудив поездку Лео и положение на Земле, после чего в половине одиннадцатого Дэвид был отправлен спать. В одиннадцать Сильвия извинилась и сказала, что тоже, пожалуй, ляжет. Лео и Джек остались в гостиной одни.

— Может, выйдем на улицу, взглянем на огород мальчика? — предложил Лео.— У тебя есть фонарь?

Отыскав аварийный фонарь, Джек вышел из дома в ночную прохладу.

— Как у тебя сейчас с Сильвией? — тихо спросил Лео, когда они остановились у грядки с кукурузой.

— Прекрасно,— ответил Джек, застигнутый врасплох этим вопросом.

— А мне показалось, что между вами какая-то холодность,— заметил Лео.— Это действительно будет ужасно, Джек, если вы расстанетесь. Она — прекрасная женщина, одна на миллион.

— Я знаю,— неловко ответил Джек.

— Дома, когда ты был еще молод, ты достаточно погулял. Теперь-то, полагаю, ты остепенился.

— Да,— откликнулся Джек,— и мне кажется, ты просто выдумываешь.

— У тебя замкнутый вид, Джек,— продолжил отец.— Надеюсь, тебя не беспокоят старые болячки — ты знаешь, о чем я. Я говорю о...

— Я знаю, о чем ты говоришь.

— Когда я был молодым, таких психических заболеваний, как сейчас, не было,— безжалостно продолжал Лео.— Это — знамение времени, результат перенаселения. Я вспоминаю, что еще задолго до того, как ты заболел, еще лет с семнадцати ты был холоден в отношениях с людьми, не испытывал к ним никакого интереса. Был задумчив. Мне кажется, сейчас ты тоже в таком состоянии.

Джек не мигая уставился на отца: с родителями всегда так, они просто не способны противостоять искушению, не впасть в старое амплуа Всезнающих и Вездесущих. Для Лео Джек был не взрослым человеком с женой и сыном, а все таким же ребенком.

— Послушай, Лео, на Марсе еще очень мало людей, пока планета скудно заселена. Естественно, люди здесь общаются меньше, они более замкнуты по сравнению с тем, что делается Дома, где, по твоим собственным словам, идет тусовка с утра до вечера.

— Гм-м, верно,— кивнул Лео.— Тем более ты должен радоваться при виде соплеменника.

— Если ты имеешь в виду себя, то я очень рад тебя видеть.

— Конечно, Джек, конечно,— ответил Лео.— Наверное, я просто устал. Но ты так мало рассказываешь о своей жизни, словно постоянно чем-то озабочен.

— Работой,— откликнулся Джек.— Я все время думаю о Манфреде, об этом аутичном ребенке.

Но, как и в былые времена, отец прекрасно разгадывал его отговорки истинным родительским инстинктом.

— Ну-ну. Я знаю, чем занята твоя голова, и мне известна твоя работа: она делается руками, а я говорю о твоих мыслях, обращенных внутрь. Здесь, на Марсе, существует психотерапия? Только не говори мне «нет».

— Я и не собираюсь говорить «нет», я хочу сказать только одно — тебя это не касается.

Отец словно отпрянул в темноте.

— Хорошо, мальчик,— пробормотал он.— Прости, что вмешиваюсь.

Оба замолчали, ощутив неловкость.

— Черт, давай не будем ссориться, папа. Пошли домой, выпьем чего-нибудь и ляжем. Сильвия приготовила для тебя мягкую постель, так что ты сможешь хорошо отдохнуть.

— Сильвия очень внимательна,— с легкой обидой на сына промолвил Лео.— Джек, я все время беспокоюсь о тебе,— продолжил он уже более спокойно.— Может, я старомоден и ничего не понимаю, но это психическое заболевание... похоже, им сегодня страдают все. Оно стало таким же распространенным, как грипп или полиомиелит в старые годы; в мои времена так все болели корью. А теперь ты... Я как-то слышал по телевизору, что шизофренией страдает каждый третий. Не понимаю, Джек, почему надо отворачиваться от жизни, когда в ней столько всего, ради чего стоит жить?

Перед тобой лежит целая планета. Завтра, например, мы полетим в горы Франклина Рузвельта, и ты мне все покажешь, а потом я пойду и оформлю документы — я собираюсь купить эту землю. И ты купи, слышишь? Я одолжу тебе денег.— Он улыбнулся, обнажив стальные зубы.

— Это не мое дело. Хотя спасибо,— ответил Джек.

— Я выберу тебе участок,— предложил Лео.

— Нет. Меня это не интересует.

— Ты... тебе нравится твоя работа, Джек? Ну, создать машину, чтобы разговаривать с ребенком? Похоже, это достойное занятие. Я горжусь тобой. И Дэвид, прекрасный парень, он тоже гордится тобой.

— Я знаю,— ответил Джек.

— У Дэвида ведь не проявляются никакие симптомы шизо?..

— Нет.

— Не знаю, где ты ее подцепил. Уж точно не от меня — я люблю людей.

— Я тоже.

«Интересно,— подумал Джек,— что бы сказал отец, если бы ему стало известно о Дорин. Вероятно, его бы это огорчило; он принадлежит к поколению со строгими правилами — родился в 1924-м — давным-давно. Теперь мир совсем другой. Удивительно, как отец приспособился к новому миру, просто чудо какое-то. Лео, родившийся в период бума сразу после Первой мировой войны, стоит здесь, на краю марсианской пустыни...»

И все же он ничего не поймет о Дорин и почему Джеку так важно любой ценой сохранить эти отношения.

— Как ее зовут? — спросил Лео.

— Ч-что? — заикаясь, переспросил Джек.

— Я немножко телепат,— бесцветным голосом произнес Лео.— Ты согласен?

— Вероятно,— помолчав, ответил Джек.

— Сильвия знает?

— Нет.

— Я сразу понял, потому что ты стараешься не смотреть мне в глаза.

— Чушь! — раздраженно оборвал его Джек.

— Замужем? У нее есть дети, у женщины, с которой ты путаешься?

— Почему бы тебе не использовать свои телепатические способности? — изо всех сил сдерживаясь, ответил Джек.

— Я просто не хочу, чтобы это ранило Сильвию,— произнес Лео.

— Она тут ни при чем.

— Не очень приятно проделать огромный путь, чтобы узнать такие новости,— сказал Лео.— Ну что ж...— вздохнул он.— Как бы там ни было, у меня есть свои дела. Завтра утром встанем пораньше и отправимся.

— Не суди слишком строго, папа,— попросил Джек.

— Хорошо,— согласился Лео.— Я знаю, теперь другие времена. Ты думаешь, что таким образом поддерживаешь себя, да? Может, оно и так. Может, это способ сохранить здравый смысл. Я не хочу сказать, что ты сумасшедший...

— Просто слегка тронутый,— с горечью уточнил Джек. «Господи, и это мой родной отец,— подумал он.— Какая пытка! Какая жуткая трагедия».

— Я знаю, с тобой все будет в порядке,— продолжил Лео.— Я вижу, ты борешься, а не просто заводишь шашни. Я слышу по твоему голосу, что тебе нехорошо. То же самое, что у тебя было, только с возрастом сил становится меньше и переносить это тяжелее, верно? Да, я понимаю. Эта планета очень пустынна. Странно, что вы все, эмигранты, вообще не посходили с ума. Так что я понимаю: вы должны ценить любовь, как бы она ни выражалась. Тебе пригодится и то, что есть у меня,— эта моя земля; возможно, для тебя тем же самым сможет стать твоя машина, которую ты делаешь для бедного немого ребенка. Я хотел бы посмотреть на него.

— Ты его увидишь,— пообещал Джек,— возможно, завтра.

Они еще постояли немного и направились обратно к дому.

— Сильвия все еще принимает наркотики?

— Наркотики? — Джек рассмеялся.— Фенобарбитурат. Да, принимает.

— Какая она славная девочка,— заметил Лео.— Плохо, что у нее такое нервное напряжение. А она ведь еще помогает несчастной вдове по соседству, как ты говорил.

В гостиной Лео сел в кресло, откинулся на спинку и вздохнул, устроившись поудобнее, чтобы продолжить разговор. Было видно, что ему есть что сказать и молчать он не намерен.

Приняв, как всегда перед сном, сто миллиграммов барбитурата, Сильвия спала. Со двора до нее смутно долетали голоса мужа и свекра; в какой-то момент реплики вдруг стали резкими, и она, встревожившись, села.

«Неужели ссорятся? Дай бог, чтобы нет; надеюсь, прилет Лео ничего не разрушит».

Голоса снова затихли, и она расслабилась.

«Без всяких сомнений, он — замечательный старик. Очень похож на Джека, разве что более решительный».

В последнее время, с тех пор как ее муж начал работать на Арни, он сильно изменился. Дело ему действительно было поручено жуткое. Молчаливый аутичный мальчик пугал Сильвию, и одновременно ей было его жаль. Но жизнь и так достаточно сложна. Мальчик то и дело вбегал и выбегал из дома на цыпочках с таким взглядом, словно видел невидимое и различал не слышимые окружающими звуки. Если бы время можно было обратить вспять и каким-нибудь образом вернуть Норберта Стайнера к жизни! Если бы только...

И в ее затуманенном сознании, как при яркой вспышке, возник продавец-неудачник, отправляющийся с утра со своими чемоданами объезжать покупателей: йогурт и ром с черной патокой.

Может, он до сих пор где-то жив? Может, Манфред, затерявшийся в искаженном времени, как говорит Джек, видит его?.. Впрочем, скорее всего они правы, и он видит будущее, то, что лежит впереди. Они получат то, что им надо. Но почему Джек? Джек, зачем тебе это надо? Родство между тобой и этим больным ребенком, да? О-о-о...

Мысли ее покрыла тьма.

А что потом? Буду ли я тебе снова нужна?

Не может быть родства между здоровым и больным. Ты другой — это-то и мучает меня. И Лео это знает, и я это знаю. А ты? Ты любишь меня?

Она спала.

Высоко в небе кружили хищные птицы. У фундамента здания валялись их экскременты. Он поднял несколько комков — те шевелились и набухали в его руках, и он знал, что внутри них — живое. Осторожно он понес их в пустой коридор здания. Комок раскрылся и вывалился из рук, его волосатый бок треснул. Кокон лежал на боку, и шель в нем так расширилась, что можно было различить скрывавшееся внутри существо.

Какая гадость! Там лежал червь, свернувшийся кольцом, с влажными белесыми складками, настоящий глист. Если бы только птицы увидели его и сожрали!..

Он бросился вниз по лестнице: при каждом шаге ступеньки прогибались, а кое-где доски и вовсе отсутствовали. Сквозь деревянное решето ступеней он посмотрел вниз в угрюмый стылый пролет и увидел, что тот полон древесины, до такой степени сгнившей, что она превратилась в мокрую труху. Гадость.

Взмахнув руками, он взмыл к парящим птицам и полетел, одновременно чувствуя, что падает. Они клевали его голову.

Потом внезапно он оказался на мосту, перекинувшемся через морскую гладь. У самых его ног скользили акулы с острыми плавниками. Одну из них ему удалось поймать на леску, и, появившись из воды с разверстой пастью, она начала приближаться, чтобы проглотить его. Он отступил назад, но мост прогнулся, и вода захлестнула его.

Теперь пошел еще отвратительный дождь. Всюду, куда ни посмотри, была одна гадость. С противоположного конца моста к нему приближалась группа людей. Они не любили его. Когда они приблизились, он увидел в их руках связку акульих зубов. Он был императором. Они водрузили ожерелье из зубов ему на голову, и он попытался поблагодарить их. Но они опустили ожерелье ему на шею и начали душить его. Они затянули петлю, и врезавшиеся в шею зубы срезали голову прочь.

Он опять сидел в темном сыром подвале на гниющей древесной трухе, прислушиваясь к вездесущему хлюпанью воды. В этом мире правила гадость, и у него не было права голоса; акульи зубы навсегда лишили его голоса.

— Я — Манфред,— промолвил он.

— Говорю тебе, когда нам удастся установить с ним контакт, будет потрясающе! — разглагольствовал Арни, возлежа рядом с Дорин на широкой кровати.— Я имею в виду контакт с тем, что происходит у него внутри; тогда мы узнаем будущее, а где, как не в будущем, все и происходит?

Дорин Андертон что-то невнятно пробормотала.

— Не засыпай.— Арни наклонился, чтобы прикурить следующую сигарету.— Представляешь, сегодня с Земли прибыл крупный торговец недвижимостью. У нас есть на космодроме свой парень, и он узнал его, хотя, естественно, тот зарегистрировался под вымышленным именем. Впрочем, торговец сошел с транспортера и улизнул от нашего парня. Я же предсказывал, что они появятся! Как только мы услышим маленького Стайнера, никаких секретов не останется. Понятно? — Арни потряс спящую Дорин.— Если ты будешь спать, я тебя сейчас скину пинком под зад с кровати... и можешь пешком отправляться к себе домой.

Дорин застонала, перевернулась и села. В матовом свете спальни ее тело будто светилось. Она откинула с глаз волосы и зевнула. Бретелька ночной рубашки соскользнула с плеча, и Арни восхищенно замер, увидев высокую упругую грудь с ровно посередине расположенным соском.

«Черт, вот это девка! — подумал Арни.— Действительно стоящая. И она неплохо поработала, удержав Болена, не дав ему ускользнуть, как это водится с тупоумными шизофрениками. Их же нельзя удержать на приколе — совершенно безответственные люди, витают в облаках. Взять хотя бы Болена — ученый идиот, идиот, который умеет делать вещи, так что придется нам смириться с его идиотизмом и дожидаться результата его трудов. Этих ребят невозможно заставить; вот я и не заставляю».

Арни взялся за одеяло и откинул его в сторону, с улыбкой глядя, как Дорин натягивает рубашку на свои обнаженные колени.

— От чего ты могла устать? Ты же ничего не делала, только лежала. Разве нет? Разве лежать так уж тяжело?

— Все,— пристально взглянув на Арни, ответила Дорин.

— Ты что, шутишь? — возмутился он.— Мы же только начали. А ну снимай рубашку! — И, ухватившись за оборку, одним рывком сдернул ее с Дорин и положил на стул рядом с кроватью.

— Я хочу спать.— Дорин закрыла глаза.— Так что не обессудь.

— А я и не возражаю,— рассмеялся Арни.— Ты же здесь, не так ли? Спишь ты или бодрствуешь, тело твое на месте, а мне только того и надо.

— О-о-о.

— Прошу прощения.— И он поцеловал ее в губы.— Не хотел сделать тебе больно.

Голова ее откинулась назад — она действительно собиралась спать. Арни почувствовал себя обиженным. Хотя какого черта — она никогда не проявляла особого энтузиазма.

— Когда закончишь, надень на меня рубашку,— пробормотала Дорин.

— Но я еще не закончил.

«Я могу еще час, а то и два,— подумал Арни.— Так меня тоже вполне устраивает, даже нравится. Спящая женщина хоть не разговаривает. Хуже нет, когда они начинают болтать,— это все портит. Или еще стонут». Он терпеть не мог этих стонов.

«Поскорее бы получить результаты от Болена,— думал Арни.— Я знаю, что нас ждут потрясающие новости, когда мальчишка заговорит. Замкнутый мир аутичного ребенка: подумать только, какие он может таить в себе сокровища! Наверное, как в сказке — сплошная красота, чистота и истинная невинность».

Дорин застонала в полудреме.

Глава 9

Джек вложил в руку Лео Болена большое зеленое семечко. Лео внимательно рассмотрел его и протянул обратно.

— Что ты видел? — спросил Джек.

— Семя, конечно.

— С ним что-нибудь произошло?

Лео задумался, но ничего не мог припомнить.

— Нет.

— А теперь смотри.— Джек уселся за кинопроектор.

Он погасил свет, проектор зажужжал, и на экране появилось изображение. Это было то же семечко, но уже посаженное в землю. На глазах у Лео оно треснуло, из него проклюнулись два росточка: один начал проталкиваться вверх, другой разделился на тончайшие волосинки и ощупью пополз вниз. Семечко перевернулось, из верхнего ростка появились многочисленные ответвления.

Лео смотрел, затаив дыхание.

— Послушай, Джек, это ваше марсианское растение? Ты только посмотри, как оно растет! Господи, как сумасшедшее!

— Это обыкновенная фасоль,— ответил Джек.— Точно такая же, как я тебе только что давал. Просто ты все видишь в ускоренном виде: пять дней спрессованы в несколько секунд. Благодаря этому можно наблюдать процессы, происходящие в прорастающем семени; они идут так медленно, что мы их обычно не замечаем.

— Послушай, Джек, это действительно здорово,— воскликнул Лео.— Значит, мальчик воспринимает время с такой же скоростью, как мы сейчас видели на экране. Понимаю. А то движение, которое воспринимаем мы, кажется ему ускоренным до такой степени, что он его вообще не замечает. Зато верно видит такие замедленные процессы, как прорастание семени: может выйти во двор, сесть и смотреть, и пять дней покажутся ему все равно что десять минут для нас.

— В этом-то и заключается вся идея,— подтвердил Джек и пустился в объяснения, каким образом будет действовать камера. Однако они были настолько перенасыщены техническими терминами, что постепенно в Лео нарастало раздражение. На часах было одиннадцать утра, а Джек все еще не проявлял никакого намерения лететь к горам Франклина Рузвельта — настолько он был поглощен своей теорией.

— Очень интересно,— пробормотал Лео.

— Мы берем пленку, записанную со скоростью пятнадцать дюймов в секунду, и прокручиваем ее для Манфреда со скоростью три и три четверти дюйма в секунду. Например, слово «дерево». Мы включаем изображение дерева, под которым записано само слово, и держим его минут пятнадцать — двадцать. Потом записываем то, что говорит Манфред, на скорость три и три четверти дюйма в секунду, а прослушиваем на скорости пятнадцать.

— Послушай, Джек, нам пора отправляться,— заметил Лео.

— О господи, это же моя работа! — возмущенно жестикулируя, воскликнул Джек.— Я думал, ты хочешь познакомиться с ним — Манфред сейчас будет здесь. Его присылают...

— Послушай, сын,— перебил Лео,— я пролетел миллионы миль, чтобы взглянуть на этот участок. Мы отправимся туда или нет?

— Давай подождем мальчика и возьмем его с собой,— примирительно ответил Джек.

— Ладно,— согласился Лео. Он изо всех сил хотел избежать стычек с сыном и готов был на любые компромиссы, лежащие в рамках человеческих возможностей.

— Господи, ты впервые в жизни оказался на другой планете. Я думал, тебе будет интересно пройтись, взглянуть на канал...— Джек показал рукой направо.— Ты даже не посмотрел на него, а люди веками жаждали их увидеть, спорили о самом их существовании!

Лео пристыженно кивнул.

— Хорошо, покажи мне.— И двинулся вслед за Джеком из мастерской на красноватый солнечный свет.

— Прохладно,— заметил Лео, принюхиваясь.— А ходить здесь легко, не правда ли? Я еще вчера вечером почувствовал, словно вешу фунтов пятьдесят-шестьдесят, не больше. Это из-за небольших размеров Марса, да? Наверное, оказывает благоприятное воздействие на сердечников, если не считать, конечно, разреженности воздуха. Вчера вечером я решил, что из-за солонины...

— Лео, помолчи и посмотри вокруг, ладно? — попросил Джек.

Лео огляделся. Перед ним лежала ровная пустыня, а на горизонте маячили голые горы. Прямо у ног пролегала глубокая канава с грязно-коричневой водой; какая-то растительность, напоминающая мох, покрывала берега. Больше вокруг ничего не было, если не считать чуть подалее домов Джека и Стайнера. За домом Джека виднелся еще огород, но Лео уже видел его накануне.

— Ну как? — спросил Джек.

— Очень впечатляюще,— по необходимости вынужден был согласиться Лео.— У вас здесь прекрасные места, выглядят вполне современно. Если бы еще немного растительности в пейзаже, я бы вообще сказал, что лучше быть не может.

— Миллионы лет люди мечтали оказаться здесь и увидеть все это,— косо взглянув на Лео, заметил Джек.

— Я знаю, сын, и страшно горжусь тем, что сделано тут тобой, тобой и этой замечательной женщиной.— Лео кивнул в сторону дома.— Теперь мы можем отправляться? Ты сам зайдешь за мальчиком или пошлешь за ним Дэвида? Похоже, Дэвид уже пошел к нему — что-то я его не вижу.

— Дэвид в школе. Его забрали, когда ты еще спал.

— Я могу сам сходить за мальчиком, Манфредом или как его там, если не возражаешь,— предложил Лео.

— Пошли вместе,— согласился Джек.

Они прошли вдоль канавы, пересекли песчаную пустошь, на которой кое-где росли папоротникообразные растения, и подошли к соседнему дому. Из дома доносились девчоночьи голоса. Лео без колебаний поднялся на крыльцо и нажал кнопку звонка.

Дверь открылась, на пороге возникла высокая светловолосая женщина с уставшими страдальческими глазами.

— Доброе утро,— поздоровался Лео.— Я — отец Джека Болена, а вы, наверное, хозяйка дома. Не возражаете, если мы возьмем с собой вашего мальчика, а потом привезем его обратно целым и невредимым?

Женщина перевела взгляд на Джека, подошедшего к крыльцу, потом повернулась и, не говоря ни слова, ушла в глубь дома. Когда она вернулась, с ней был мальчик.

«Так вот он, этот маленький шизик,— подумал Лео.— Симпатичный, ни за что бы не догадался».

— Мы собираемся на прогулку, молодой человек,— обратился к нему Лео.— Ты как? — Вспомнив, что говорил Джек о восприятии времени, он повторил вопрос очень медленно и растягивая слова.

Мальчик проскользнул мимо него, сбежал по лестнице и, бросившись к каналу, исчез за домом Боленов.

— Миссис Стайнер, разрешите представить вам моего отца,— промолвил Джек.

Женщина с рассеянным видом протянула руку. «Кажется, с ней тоже не все в порядке»,— заметил Лео про себя. Однако пожал ей руку.

— Рад познакомиться,— вежливо промолвил он.— Примите мои соболезнования в связи со смертью мужа — ужасная неприятность и такая неожиданная, как гром среди ясного неба. У меня был приятель в Детройте, так он как-то на выходных сделал то же самое: попрощался, вышел из магазина, и только его и видели.

— Приятно было познакомиться, мистер Болен,— наконец ответила миссис Стайнер.

— Пойдем за Манфредом,— заметил Джек.— Мы вернемся к вечеру.

Лео с Джеком двинулись прочь, а она так и осталась стоять на крыльце, глядя им вслед.

— Довольно странная особа,— пробормотал Лео, но Джек ничего не ответил.

Они нашли мальчика в огороде Дэвида и, забрав его с собой, залезли в вертолет компании И.

Вскоре они уже летели над пустыней, направляясь к северной гряде гор. Лео разложил на коленях огромную карту, которую привез с собой, и начал делать на ней пометки.

— Я так понял, мы можем безбоязненно разговаривать,— заметил он Джеку, кивнув в сторону мальчика.— Он не... ну ты понимаешь.

— Если он нас поймет, это будет...— сухо откликнулся Джек.

— Ладно, ладно,— закивал Лео.— Я просто хотел уточнить.

Тем не менее он не стал отмечать на карте место, которое должно было отойти под участок ООН, и обозначал лишь маршрут их полета, сверяясь по гирокомпасу, вмонтированному в пульт управления.

— До тебя не доходили никакие слухи, сынок? — спросил он.— О намерениях ООН в горах Франклина Рузвельта?

— Что-то о создании парка или электростанции? — откликнулся Джек.

— Хочешь узнать, что там будет на самом деле?

— Конечно.

Лео залез во внутренний карман пиджака и достал оттуда конверт. Вынув из него фотографию, он передал ее Джеку.

— Тебе это ничего не напоминает?

Взглянув на фотографию, Джек увидел, что на ней изображено длинное узкое здание.

— Вот их-то и собирается строить ООН,— пояснил Лео.— Многоквартирные дома. Целые улицы, милю за милей, с торговыми центрами, супермаркетами, скобяными лавками, аптеками, прачечными и мороженицами. И все при помощи автоматизированных самопрограммирующихся роботов.

— Похоже на тот кооперативный дом, в котором я жил на Земле,— заметил Джек.

— Точно. Здесь ООН поддерживает кооперативное движение. Как известно, эти горы были когда-то плодородной областью, изобилующей водой. Гидротехники ООН убеждены, что им удастся поднять воду на поверхность из-под горного плато. Нигде на Марсе вода не залегает так близко под горными породами, как там. Инженеры Объединенных Наций считают, что именно там берет свое начало вся сеть каналов.

— Кооперативы на Марсе,— странно изменившимся голосом промолвил Джек.

— Это будут прекрасные современные строения,— продолжил Лео.— Планы у них очень обширные. ООН бесплатно перевезет сюда людей, обеспечивая им проезд прямо к новым домам, и цена квартир будет низкой. Как ты можешь догадаться, под это дело пустят немалый участок, и, насколько я слышал, строительство намерены закончить в течение десяти-пятнадцати лет.

Джек ничего не ответил.

— Массовая эмиграция,— продолжил Лео.— Вот к чему они стремятся.

— Догадываюсь,— откликнулся Джек.

— Ассигнования выделены гигантские. Одно кооперативное движение вкладывает почти миллиард долларов. У них денег куры не клюют — одна из богатейших организаций на Земле, их капиталы больше, чем у любой страховой или банковской компании. При таких вкладах нет ни малейшего шанса, что дело может прогореть. ООН вела с ними переговоры по этому поводу в течение шести лет,— добавил Лео.

— Какие перемены это принесет Марсу,— наконец вымолвил Джек.— Уже одно то, что в этих горах появится вода...

— И то, что они станут густонаселенными,— напомнил Лео.

— Трудно даже поверить,— откликнулся Джек.

— Да, я понимаю, мальчик, но можешь не сомневаться — это станет известно в течение ближайших недель. Я узнал месяц назад и уговорил знакомых инвесторов вложить капитал... Я представляю здесь их интересы. Одному мне просто не хватило бы денег.

— То есть твоя задача заключается в том, чтобы опередить ООН. Ты собираешься задешево купить землю, а потом продать втридорога.

— Мы собираемся купить ряд крупных участков,— продолжал объяснять Лео,— и тут же поделить их. Разрезать на полосы, скажем, сто футов на восемьдесят. Таким образом земля попадет в собственность довольно большому числу лиц: женам, кузинам, подчиненным и друзьям членов моей группы.

— Твоего синдиката,— уточнил Джек.

— Да, так это называется,— довольно улыбнулся Лео.— Синдикат.

— И ты не считаешь, что делаешь что-то дурное? — хриплым голосом спросил Джек.

— В каком смысле дурное? Я не понял тебя.

— О господи! Да это же очевидно,— воскликнул Джек.

— Только не мне. Объясни.

— Ты обкрадываешь все население Земли — ведь именно им придется выкладывать деньги. Ты в целях наживы увеличиваешь стоимость проекта.

— Но, Джек, спекуляция недвижимостью именно это и предполагает,— в недоумении сказал Лео.— А ты как думал? Так было испокон веку: покупаешь никому не нужную землю задешево, потому что по тем или иным причинам убежден: со временем цена ее возрастет. Руководствуешься исключительно интуицией. Любой биржевой делец, получив какие-то сведения, пытается вложить свои деньги в выгодный проект — именно это сейчас и происходит. Могу поспорить, через пару дней здесь появится уйма таких дельцов. А заставит их приехать ваш закон о необходимости физического присутствия для совершения сделки на Марсе — они еще не готовы в мгновение ока явиться сюда. Ну что ж, значит, они опоздают. Потому что к вечеру я надеюсь внести деньги за эту землю.— И он указал на темнеющие горы.— Где-то там. У меня масса карт, так что найти это место не составит труда. Участок расположен в широком каньоне, называемом Генри Уоллес. В соответствии с законом я должен застолбить участок, который намереваюсь купить, и оставить на видном месте хорошо идентифицируемый маркер. У меня он с собой — стальной колышек с выгравированным на нем моим именем. Мы сядем в каньоне, и ты поможешь вбить его в землю. Это чистая формальность и не займет больше нескольких минут.— Лео улыбнулся сыну.

«Он сумасшедший»,— думал Джек, глядя на отца. Но Лео спокойно улыбался, и Джек знал, что на самом деле он вполне нормален, и его слова соответствовали истине: спекулянты недвижимостью действительно поступали именно так, так они вели свои дела, и грандиозный проект ООН вполне подходил для этого. Такой хитрый и опытный бизнесмен, как его отец, не мог ошибиться. Лео Болен и его люди не действовали на основе слухов. У них имелись связи на самом высоком уровне. Или в кооперативе, или в ООН,— где-то произошла утечка информации, и Лео бросил все силы, чтобы воспользоваться своим преимуществом.

— Для развития Марса это грандиозные новости,— промолвил Джек, все еще с трудом веря услышанному.

— Давно бы так,— ответил Лео.— Это следовало делать с самого начала. Но они надеялись на вложения частного капитала, полагали, что за них это сделают другие.

— Изменится жизнь всех обитателей Марса,— продолжил Джек.— Нарушится баланс власти, возникнет абсолютно новый правящий класс; как только здесь появится ООН в союзе с кооперативами, Арни Котт, Босли Тувим и все их профсоюзные и национальные поселения потеряют всякое значение.

«Бедный Арни,— подумал Джек.— Он этого не переживет. Время, прогресс, цивилизация... его обгонят, оставив позади наедине с парилкой — крохотным символом изобилия».

— Только знаешь, Джек, ты особо не распространяйся,— попросил Лео,— эти сведения строго конфиденциальны. Нужно остерегаться конкурентов, потому-то и необходима регистрация права собственности. Я имею в виду, что, когда мы внесем свой взнос, остальные спекулянты, особенно местные, тут же пронюхают, в чем дело...

— Понимаю,— откликнулся Джек,— для того-то вам и нужна эта компания, дающая видимое преимущество перед местными инвесторами.

«Да, в этой игре много хитростей,— заметил про себя Джек,— неудивительно, что Лео так осторожен».

— Мы нашли здесь такую компанию, вроде бы надежную. Но когда дело касается таких сумм, поручиться никогда нельзя.

Внезапно их прервал хриплый стон Манфреда Стайнера.

Джек и Лео, вздрогнув, одновременно повернулись к нему. Они совсем позабыли о мальчике: он сидел в глубине кабины и, прижавшись к окну, смотрел вниз, время от времени возбужденно на что-то показывая.

Далеко внизу Джек различил группу бликменов, двигавшихся по горной тропе.

— Верно,— обратился Джек к мальчику,— там люди, наверное, охотятся.

Ему пришло в голову, что Манфред, вероятно, никогда не видел бликменов. «Интересно, как бы он отреагировал, если бы случайно столкнулся с ними?» — подумал Джек. И как легко это было бы сейчас устроить, просто приземлиться перед этой группой.

— Кто это? — спросил Лео, бросая взгляд вниз.— Марсиане?

— Да, они,— откликнулся Джек.

— Черт возьми,— рассмеялся Лео.— Выглядят совсем как негритянские аборигены, какие-нибудь африканские бушмены!

— Они очень близки к ним,— пояснил Джек.

Возбуждение Манфреда достигло предела: глаза его блестели, он пересаживался от иллюминатора к иллюминатору, бросая взгляды вниз и что-то бормоча.

«А что бы вышло, если бы Манфред пожил некоторое время в семье бликменов? — подумал Джек.— Они движутся медленнее нас, и жизнь у них не такая сложная и беспорядочная. Возможно, их чувство времени близко восприятию Манфреда... Наверное, мы, земляне, тоже представляемся им безумцами, которые суетятся с невероятной скоростью, впустую тратя огромную энергию».

Но это не вернет Манфреда в его собственную культуру. Более того, это может настолько отдалить его от людей, что он вообще никогда не вернется к ним.

И, подумав об этом, Джек решил, что приземляться не стоит.

— И что, эти типы где-нибудь работают? — поинтересовался Лео.— Ну, марсиане?

— Говорят, некоторых удалось приручить,— ответил Джек.— Но большинство продолжает влачить то же существование, охотясь и собирая плоды. Они даже не достигли стадии оседлого земледелия.

Джек посадил вертолет в каньоне Генри Уоллеса, и все трое вышли на каменистую запекшуюся поверхность. Манфред получил бумагу и карандаши, а Джек с Лео отправились искать подходящее место для столбика.

Место было выбрано в ложбине, куда Джек и вколотил опознавательный знак. Лео, раздраженно хмурясь, нетерпеливо обходил окрестности, осматривая груды камней и редкую растительность. Похоже, эта безлюдная местность не доставляла ему никакого удовольствия; впрочем, он ничего не говорил и, когда Джек обратил его внимание, вежливо рассмотрел окаменевшие ископаемые.

Они сфотографировали столб и близлежащую местность, после чего, покончив с делами, вернулись к вертолету. Манфред сидел на земле и сосредоточенно рисовал. Полное безлюдье ничуть не тревожило его. Поглощенный своим занятием, он и на них не обратил никакого внимания. Время от времени мальчик смотрел по сторонам, но взгляд его не останавливался на Лео и Джеке и, ничего не отражая, скользил мимо.

«Что он рисует?» — заинтересовался Джек и обошел мальчика со спины, чтобы взглянуть.

Манфред, то и дело поднимая голову и оглядывая окрестности невидящим взглядом, изображал длинное плоское здание.

— Ты только взгляни, папа,— выговорил Джек, пытаясь говорить как можно спокойнее и сдержаннее.

Пристроившись за спиной Манфреда, они оба впились в лист бумаги, на котором все более отчетливо проступали силуэты зданий.

«Ошибки быть не может,— решил Джек.— Мальчик рисует дома, которые здесь построят. Он изображает пейзаж будущего, невидимый нам».

— Интересно, не видел ли он фотографию, которую я тебе показывал? — спросил Лео.— Тип здания такой же, как на рисунке.

— Возможно,— откликнулся Джек. Хоть какое-то более или менее правдоподобное объяснение: мальчик подслушал их разговор, взглянул на фотографию, и это его вдохновило. Но на фотографии здания были сняты сверху, а рисунок показывал их в совершенно иной перспективе — Манфред изобразил их так, как они были бы видны с земли. «Как раз оттуда, где мы стоим сейчас»,— отметил про себя Джек.

— Не удивлюсь, если эта ваша временная теория окажется верной,— заметил Лео и взглянул на часы.— Кстати о времени, я бы сказал...

— Да,— задумчиво согласился Джек,— пора обратно.

На рисунке Манфреда он заметил и еще кое-что. Интересно, обратил ли на это внимание отец? Огромные многоквартирные строения зловеще расползались во все стороны прямо у них на глазах. Пока они смотрели, на рисунке появились завершающие детали, от которых у Лео глаза полезли на лоб, он засопел и испуганно взглянул на сына.

Строения выглядели старыми и обветшавшими. Фундаменты прорезали огромные трещины, тянувшиеся вверх. Окна были разбиты. А вокруг все заросло высокими сорняками. На рисунке были изображены руины, от которых веяло отчаянием и непоколебимой вечной безысходностью.

— Джек, он рисует трущобы! — воскликнул Лео.

И действительно, это были разлагающиеся трущобы. Здания, простоявшие не одно десятилетие, миновавшие пору своего расцвета и пришедшие в запустение.

— Гадл,— произнес Манфред, указывая на только что нарисованную им трещину. Рука его заскользила по сорнякам, разбитым окнам, и снова из него вырвалось то же слово: — Гадл.

Он поднял глаза и уставился на испуганно улыбающихся мужчин.

— Что это значит, Манфред? — спросил Джек.

Ответа не последовало, мальчик вернулся к своему рисунку. И по мере того, как он рисовал, здания у них на глазах стано-

вились все старее и старее, количество руин увеличивалось с каждым мгновением.

— Пошли,— хрипло произнес Лео.

Джек забрал у мальчика бумагу и карандаши и поднял его на ноги. Все трое снова залезли в вертолет.

— Взгляни-ка, Джек,— произнес Лео, внимательно рассматривая рисунок.— Что это здесь написано над входом?

Кривыми буквами Манфред вывел: AM-WEB.

— Наверное, название здания,— предположил Лео.

— Да,— узнав сокращение, ответил Джек,— это начальные буквы кооперативного лозунга «Alle Menshen werden Brüder» — «Все люди станут братьями».

Манфред снова взял карандаши. Под пристальным наблюдением мужчин он рисовал теперь что-то на самом верху. Темных птиц. Огромных, сумрачных и зловещих.

В одном из разбитых окон Манфред изобразил чье-то лицо с разинутым в ужасе ртом. Кто-то безнадежно выглядывал из здания, словно из ловушки.

— М-да,— проговорил Лео.— Интересно. Ну и зачем ему это понадобилось? — с мрачной брезгливостью поинтересовался он.— Не сказал бы, что картина жизнеутверждающая; почему бы не нарисовать их новыми, чистыми, с играющими вокруг детьми и домашними животными, с довольными людьми?

— Вероятно, он рисует то, что видит,— ответил Джек.

— Ну если он видит такое, значит, он болен,— возразил Лео.— На свете существует столько ярких прекрасных вещей, почему же ему больше нравится видеть это?

— Возможно, у него нет выбора,— предположил Джек.— Гадл,— вспомнил он,— может, это означает время? Ту силу, которая выражает для него разрушение, тлен, упадок и, наконец, смерть? Силу, действующую везде и во всем во Вселенной.

И больше он ничего не видит?

«Если так, то неудивительно, что он страдает аутизмом,— подумал Джек,— неудивительно, что он не может общаться с нами. Такое выборочное восприятие лишает его полноты ощущения времени. Потому что время приносит и новое, оно содержит в себе процессы созревания и роста. А Манфред, вероятно, не воспринимает этот аспект времени.

Может, его болезнь вызвана именно подобным видением? Или он видит это из-за того, что болен? Наверное, бессмысленный вопрос — по крайней мере вопрос, лишенный ответа. Таково видение реальности Манфредом, и с нашей точки зрения

он безнадежно болен; он не воспринимает реальность, известную нам. И видит он самую ужасную ее часть, самый отвратительный аспект действительности.

А еще говорят, что душевная болезнь является бегством!» — вспомнил Джек и вздрогнул. Ничего себе бегство — в сужающуюся, сжимающуюся жизнь, постепенно превращающуюся в мрачную гробницу, куда ничто не проникает и где ничего не происходит — иными словами, в пространство тотальной смерти.

«Бедный несчастный ребенок. И как у него хватает сил жить изо дня в день в такой действительности?»

Джек мрачно вернулся к управлению вертолетом. Лео смотрел в иллюминатор, разглядывая пустыню. Манфред с испуганным, напряженным выражением лица продолжал рисовать.

«Гадл-гадл»,— звучало вокруг. Он зажал уши, но звуки поползли в него через нос. Он рассмотрел это место: здесь он состарился. Его выбросили прочь; гадло, наваленное кучами, закрывало его до пояса, гадло пронизывало воздух.

— Как тебя зовут?

— Манфред Стайнер.

— Возраст?

— Восемьдесят три.

— Вакцинирован против ветряной оспы?

— Да.

— Страдаешь венерическими заболеваниями?

— Легкий триппер, и все.

— Лечение в венерическом отделении.

— Сэр, мои зубы. Они в мешке вместе с глазами.

— Ах, твои глаза, да. Отдайте ему глаза и зубы, перед тем как везти в отделение. А как насчет ушей, Стайнер?

— Они при мне, сэр. Спасибо, сэр.

Его руки примотали бинтами к перекладинам кровати, потому что он пытался вытащить катетер. Он лежал лицом к окну и смотрел сквозь грязное треснувшее стекло.

За окном виднелся жук на длинных ножках. Жук что-то ел, потом что-то обрушилось на него и раздавило, и он так и застрял раздавленный, впившись зубами в то, что намеревался съесть. Потом его мертвые зубы вытекли изо рта и поползли в разные стороны.

Он лежал там сто двадцать три года, пока наконец его искусственная печень не отказала, тогда он лишился сознания и умер. К этому времени ему уже ампутировали руки и ноги до самых тазовых костей, потому что они начали разлагаться.

Все равно он ими не пользовался. А лишившись рук, он уже не пытался выдернуть катетер, и им это нравилось.

«Я долго пробыл здесь. Может, вы мне принесете транзистор, чтобы я поймал утреннюю программу дружища Фреда; я люблю слушать музыку, они часто исполняют старые популярные песни.

У меня от чего-то аллергия. Может, от этих желтых цветов? Зачем им разрешают так высоко расти?»

Два дня он лежал на полу в большой луже, а потом хозяйка вызвала грузовик, чтобы перевезти его сюда. Он храпел всю дорогу и проснулся от собственного храпа. Когда его попытались напоить грейпфрутовым соком, он мог пользоваться только одной рукой, другая так и осталась навсегда неподвижной. Как бы ему хотелось снова вернуться к своим кожаным ремням: делать их было интересно, и они занимали большую часть времени. Иногда он продавал их людям, приезжавшим на выходные.

— Ты знаешь, кто я, Манфред?

— Нет.

— Я — Арни Котт. Почему ты никогда не смеешься, не улыбаешься, Манфред? Неужели тебе не хочется побегать, поиграть?

Гадло стекало из обоих глаз мистера Котта.

— Вероятно, нет, Арни, но дело сейчас не в этом.

— Что ты видишь, Манфред? Впусти нас в свой мир. Все эти люди, они будут там жить, да, Манфред? Ты видишь там множество людей?

Он закрыл лицо руками, и гадло прекратилось.

— Я не понимаю, почему этот ребенок никогда не смеется.

Гадл, гадл.

Глава 10

Внутри оболочки мистера Котта скрывались мертвые кости, влажные и блестящие. Череп разевал свою пасть и поглощал овощи, превращавшиеся внутри в гниль. Он видел, как внутри мистера Котта кишмя кишела гадкая жизнь. А внешняя оболочка тем временем изрекала:

— Люблю Моцарта. Я поставлю эту запись.— На коробке было написано: «Сороковая симфония соль минор. Ор. 550». Мистер Котт повертел ручки усилителя.— Дирижирует Бруно Вальтер,— сообщил он своим гостям.— Большой раритет эпохи золотого века звукозаписи.

Из динамиков вырвались отвратительные крики и скрежет, словно трупы сотрясались в конвульсиях. Мистер Котт выключил пленку.

— Прошу прощения,— пробормотал он. Это было старое закодированное послание не то от Рокингхэма, не то от Скотта Темпла, ненароком попавшее в фонотеку.

— Ничего себе,— заметила Дорин Андертон, потягивая свой напиток.— Так можно и напугать, Арни. Твое чувство юмора...

— Случайная ошибка,— раздраженно огрызнулся Арни, роясь в поисках нужной записи. «А ну его к черту!» — наконец отчаялся он.— Послушай, Джек, мне очень жаль, что я заставил тебя приехать сейчас, когда у тебя в гостях отец, но я спешу. Покажи, чего ты добился со Стайнером, хорошо? — От нетерпения он даже начал заикаться.

Но Джек Болен не слышал его — он что-то говорил Дорин, сидя рядом с ней на диване.

— У нас кончилось спиртное,— сообщил Джек, опуская на столик свой стакан.

— Ради бога, Джек, я хочу знать, чего ты добился! — воскликнул Арни.— Ты мне можешь что-нибудь показать? Вы так и собираетесь сидеть там вдвоем и шептаться? Меня это не устраивает.— Неуверенными шагами он двинулся на кухню, где, сидя на высокой табуретке, Гелиогабал с тупым видом читал журнал.— Налей мне стакан теплой воды с содой. Что-то мне нехорошо,— попросил Арни.

— Сейчас, мистер.— Гелиогабал закрыл журнал и слез с табуретки.— Я все слышал. Почему вы их не гоните? Они нехорошие, совсем нехорошие, мистер.— Из шкафчика над раковиной он достал пакетик с бикарбонатом соды и положил в стакан чайную ложку.

— Меня не интересует твое мнение,— отрезал Арни.

На кухню вошла Дорин с осунувшимся и уставшим лицом.

— Пожалуй, я пойду домой, Арни. Я не могу долго выносить Манфреда: он все время движется, мелькает, ни секунды не посидит спокойно. Это невыносимо.— Подойдя к Арни, она поцеловала его в ухо.— Спокойной ночи, милый.

— Я как-то читал о ребенке, который думал, что он — машина,— ответил Арни.— Он был уверен: для того, чтобы заставить его работать, его следует включить в сеть. Я хочу сказать, что надо уметь общаться с такими типами. Не уходи. Останься ради меня. Не знаю почему, но Манфред ведет себя гораздо спокойнее в присутствии женщин. У меня такое чувство, что

Болен ничего не сделал. Сейчас пойду и скажу ему это прямо в лицо. Спасибо.— Арни выпил.

— Джек Болен сделал очень много, несмотря на невероятные сложности,— откликнулась Дорин.— И я не желаю слушать о нем гадости. По-моему, я пьяна.— Она улыбнулась, слегка покачиваясь.

— А кто трезв? — Арни обнял ее за талию.— Я так надрался, что меня даже тошнит. О'кей, этот ребенок и меня достал. Представляешь, включил старую шифровку, совсем с ума сошел.— Поставив стакан, он принялся расстегивать ее блузку.— Отвернись, Гелио. Читай свою книгу.

Бликмен отвернулся. Прижимая Дорин к себе, Арни до конца расстегнул блузку и приступил к юбке.

— Я знаю, эти разбойники с Земли обогнали меня — прибывают каждый день толпами. Мой человек на космодроме уже сбился со счета. Пошли в постель.

Он поцеловал ее в плечо, опускаясь губами все ниже и ниже, пока она резко не подняла голову Арни руками.

В гостиной его классный мастер, нанятый у мистера И, тем временем крутил магнитофон, неловко пытаясь поставить новую кассету, а в результате уронил пустой стакан.

«А что, если меня действительно опередят?» — спрашивал себя Арни Котт, прижимаясь к Дорин и медленно топчась по кухне. «Что, если мне ничего не удастся? — Он начал клонить Дорин к полу, не прекращая при этом думать.— Неужели для меня не найдется места? Я ведь люблю эту планету».

Джек Болен включил магнитофон, раздалась музыка.

Дорин больно ущипнула Арни, и тот отпустил ее. Выйдя из кухни, он вернулся в гостиную и убавил звук.

— Давай займемся делами, Джек.

— Ладно,— согласился Болен.

Из кухни появилась Дорин, застегивая блузку, и сделала широкий круг, чтобы обойти Манфреда, стоявшего на четвереньках и занимавшегося наклейкой вырезок из журналов на лист бумаги. Ковер вокруг мальчика покрывали белые капли клея.

— Ты знаешь, кто я, Манфред? — подойдя и склонившись к нему, спросил Арни.

Мальчик не ответил, ничем не показав, что слышал вопрос.

— Я — Арни Котт,— продолжил Арни.— Почему ты никогда не смеешься, не улыбаешься, Манфред? Неужели тебе не хочется побегать, поиграть? — Этот ребенок тревожил его и вызывал сочувствие.

— Вероятно, нет, Арни, впрочем, нас интересует другое,— слабым, неуверенным голосом ответил Джек Болен. Взгляд его помутился, стакан в руке дрожал.

Но Арни продолжал:

— Что ты видишь, Манфред? Впусти нас в свой мир.

Ответом ему было молчание. Мальчик был полностью поглощен своим занятием: он создавал коллаж — неровная зеленая полоска, из которой перпендикулярно вздымался темно-серый обрывок.

— Что это означает? — спросил Арни.

— Одно место,— ответил Джек.— Здание. Я захватил его с собой.

Он вышел и тут же вернулся с конвертом, из которого достал большой помятый рисунок Манфреда. Арни взял его в руки и принялся рассматривать.

— Вот,— пояснил Джек.— Вы хотели, чтобы я установил контакт с мальчиком; что ж, мне это удалось.— Язык плохо его слушался, он с трудом выговаривал слова.

Арни, впрочем, не волновала степень опьянения мастера. Он привык к тому, что его гости напивались в стельку: крепкие напитки были редкостью на Марсе, и когда люди получали к ним доступ в доме Арни, они поступали так же, как Джек Болен. Имело значение лишь задание, которое он дал Джеку.

— Что это? — рассмотрев рисунок, спросил Арни.— Что ты еще можешь мне дать?

— Больше ничего.

— А что по поводу замедляющей камеры?

— Ничего.

— Может ли мальчик читать будущее?

— Несомненно,— ответил Джек.— И рисунок является тому доказательством, если только он не слышал наш разговор. А ты как думаешь, слышал? — хриплым голосом спросил он Дорин.— Ах да, тебя там не было. Я был с отцом. Вряд ли он слышал. Послушай, Арни. Вообще не предполагалось, чтобы ты это видел, но, я думаю, все уже на мази. Эту картинку вообще никто не должен был видеть: так будет выглядеть это место через сто лет, когда все превратится в руины.

— Какого черта, что это такое? — воскликнул Арни.— Я не могу разобраться в рисунке безмозглого ребенка, объясни его мне!

— Это AM-WEB,— пояснил Джек.— Большой, большой жилой район. С тысячами жителей. Самый большой на Марсе. Только на картинке он изображен в период разрушения.

Арни молчал, совершенно сбитый с толку.

— Может, тебя это не интересует,— предположил Джек.

— Естественно, интересует! — вспылил Арни.— Ты что-нибудь понимаешь? — обратился он к Дорин, стоявшей в стороне с задумчивым видом.

— Нет, дорогой,— откликнулась она.

— Джек, я просил тебя приехать, чтобы ты отчитался,— терпеливо начал Арни.— И единственное, что ты мне привозишь,— идиотский рисунок. Где расположен этот жилой район?

— В горах Франклина Рузвельта,— ответил Джек.

Арни почувствовал, как у него замедляется пульс.

— Ах вот как,— с трудом совладав с собой, вымолвил он.— Понимаю.

— Я так и думал,— ухмыльнулся Джек.— Тебя ведь это интересует, не так ли? Я знаю, Арни, ты считаешь меня шизофреником, и Дорин считает меня шизофреником, и мой отец... Но на самом деле я думаю о ваших желаниях. Я могу предоставить тебе кучу сведений о проекте ООН в горах Франклина Рузвельта. Что ты еще хочешь знать о нем? Там будет не электростанция и не парк. Совместный проект ООН и кооперативного движения. Там возведут многоквартирные здания с пекарнями и супермаркетами — прямо в центре каньона Генри Уоллеса.

— Ты все это узнал от ребенка?

— Нет, от своего отца,— ответил Джек.

Арни замер, не спуская с него глаз.

— Твой отец спекулирует землей?

— Да,— ответил Джек.

— Он только что прибыл с Земли?

— Да.

— Господи Иисусе,— повернулся Арни к Дорин.— Господи Иисусе, это его отец. Он уже закупил.

— Да,— подтвердил Джек.

— И ничего не осталось?

Джек покачал головой.

— О Господи Иисусе,— повторил Арни.— И он работает у меня. Никогда еще со мной такого не бывало!

— Но до настоящего момента я не знал, Арни, что тебя интересует именно это,— промолвил Джек.

— Да, верно. Я не сказал ему, сам виноват. И так это будет выглядеть...— Арни машинально взял в руки рисунок.

— Вероятно. Со временем,— заметил Джек.

— Ты все знал, но сообщил нам слишком поздно,— повернувшись к Манфреду, сказал Арни.

— Слишком поздно,— как эхо откликнулся Джек.— Прости, Арни.— Он выглядел абсолютно подавленным.— Надо было тебе раньше все объяснить.

— Я не виню тебя,— сказал Арни.— Мы останемся друзьями, Болен. Просто не повезло. Ты был со мной честен, я знаю. Черт побери, действительно плохо. Он уже оформил бумаги, твой отец?

— Он представляет группу инвесторов,— хрипло ответил Джек.

— Естественно. С неограниченным капиталом. Да и что я мог сделать? Состязаться с ними? Я — один.— Арни наклонился к Манфреду: — Все эти люди...— он показал на рисунок,— они будут жить здесь, да? Так, Манфред? Ты видишь здесь толпы людей? — Он непроизвольно повысил голос.

— Пожалуйста, Арни,— подошла к нему Дорин.— Успокойся. Ты слишком расстроен.

— Я не понимаю, почему этот ребенок никогда не смеется,— подняв голову, низким голосом произнес Арни.

— Гадл-гадл,— неожиданно вымолвил Манфред.

— Да,— с горечью согласился Арни.— Это верно. Хорошо разговариваешь, малыш. Гадл-гадл. Я вижу, тебе удалось установить с ним контакт,— заметил он Джеку.

Джек ничего не ответил. Он помрачнел, испытывая неловкость.

— Но для того, чтобы заставить его разговаривать с нами, потребуется еще много времени,— продолжил Арни.— Не правда ли? Жаль, что придется прервать наш эксперимент. Я не намерен продолжать его.

— Да, теперь нет никаких причин,— бесцветным голосом подтвердил Джек.

— Да. Значит, так. Конец твоей работы.

— Но ты ведь можешь использовать его для...— вмешалась Дорин.

— Да, конечно, мне все равно нужен опытный мастер для всяких мелочей, как этот диктофон, например. У меня тысяча механизмов, которые ломаются каждый божий день. Я имел в виду это конкретное задание. А ребенка отправь обратно в Бен-Гурион... AM-WEB. Да, кооперативным зданиям часто дают такие смешные названия. Значит, кооперативы приходят на Марс! Эти кооперативы — серьезная компания. Они много дадут за землю, у них бабки есть. Передай от меня своему отцу, что он настоящий бизнесмен.

— Пожмем руки, Арни? — спросил Джек.

— Конечно, Джек.— Арни протянул руку, и они обменялись долгим крепким рукопожатием, глядя друг другу в глаза.— Надеюсь, мы будем часто видеться, Джек. Наши отношения с тобой не заканчиваются; все только начинается.

Он отпустил руку Джека, вернулся на кухню и остановился там, погрузившись в глубокие размышления.

— Очень неприятные известия? — входя на кухню, участливо спросила Дорин. Она подошла к Арни и обняла его.

— Очень. Давненько так не было. Но со мной все будет в порядке, я не боюсь кооперативов. Льюистаун и Союз водопроводчиков пришли сюда первыми, они здесь и останутся. Если бы я раньше начал весь этот проект со Стайнером, все было бы иначе, и, уж конечно, Джек ни в чем не виноват.— Но в глубине души он ощущал иное: «Ты работал против меня, Джек. Все это время. Ты был на стороне отца. С самого начала, с самого первого дня, когда я нанял тебя».

Арни вернулся в гостиную. Джек мрачно стоял у магнитофона, играя с кнопками.

— Не переживай,— бросил ему Арни.

— Спасибо, Арни,— ответил Джек.— У меня такое чувство, как будто я обманул тебя.

— Нет, Джек, ты не обманывал меня,— заверил его Арни.— Потому что еще никому не удавалось меня обмануть.

Манфред Стайнер, не обращая на них внимания, продолжал клеить вырезки на полу.

Направляясь с отцом к дому, Джек размышлял — показывать Арни рисунок или нет, взять его в Льюистаун или нет. «Рисунок — какая-то ерунда... К этому моменту я должен был достичь гораздо большего».

Он знал, что в любом случае вечером ему предстоит встретиться с Арни.

— Очень пустынная местность,— заметил отец, кивнув на раскинувшуюся внизу пустыню.— Потрясающе, сколько вам, ребята, удалось тут сделать; вам есть чем гордиться.— Но говорил он рассеянно, все его внимание было занято картами.

Джек включил радиопередатчик и вызвал Арни в Льюистауне.

— Прости, папа, мне надо поговорить с шефом.

Попискивание и шуршание радиопередатчика отвлекло Манфреда от его занятия, и он поднял голову, внимательно прислушиваясь.

— Я возьму тебя с собой,— пояснил Джек мальчику.

Наконец Арни откликнулся:

— Привет, Джек,— бодро зазвучал его голос.— Я пытался связаться с тобой. Ты можешь...

— Я буду у вас сегодня вечером,— перебил его Джек.

— А пораньше?

— Боюсь, раньше вечера не удастся,— ответил Джек.— Тут...— Он заколебался.— Раньше вечера я все равно ничего не смогу показать. («Как только я окажусь у него, он все из меня выудит про этот совместный проект,— подумал Джек.— Надо дождаться, пока отец не зарегистрирует свое право собственности, а тогда это уже не будет иметь значения»).

— Ладно, до вечера,— согласился Арни.— Жду с нетерпением, Джек. Чувствую, ты приедешь не с пустыми руками, я очень надеюсь на тебя.

Джек поблагодарил его, попрощался и выключил связь.

— Похоже, твой шеф настоящий джентльмен,— заметил Лео, когда они закончили разговор.— И он, несомненно, считается с тобой. Человек с твоими способностями бесценен в любой организации.

Джек ничего не ответил — на него уже навалилось чувство вины.

— Нарисуй мне картинку,— попросил он Манфреда,— как у меня сегодня сложится вечер с мистером Коттом.

Он забрал у мальчика рисунок, над которым тот трудился, и дал ему чистый лист.

— Хорошо, Манфред? Ты же можешь увидеть, что будет сегодня вечером. Ты, я и мистер Котт в его доме.

Мальчик взял синий карандаш и принялся рисовать. Джек, управляя вертолетом, искоса посматривал на него.

Манфред рисовал очень осторожно. Сначала Джек ничего не мог разобрать; когда же контуры проступили, у него перехватило дыхание. На бумаге были изображены двое мужчин, один ударял другого в глаз.

Манфред зашелся в заливистом нервном смехе и прижал к себе рисунок.

Похолодев, Джек вернулся к управлению. Он чувствовал, как его покрывает липкий пот тревоги. «Вот, значит, как оно? — безмолвно вопрошал он себя.— Драка между мной и Арни? И ты будешь присутствовать при этом...»

— Джек, подбрось меня в нашу подставную компанию,— попросил Лео.— Высади меня там. Мне нужно оформить до-

кументы. Мы можем отправиться туда сразу, не заезжая домой? Должен признаться, я немножко нервничаю. Уверен, местные дельцы наблюдают за нами, так что лучше перестраховаться.

— Я могу только повторить: то, что ты делаешь, аморально,— ответил Джек.

— Предоставь мне самому разбираться. Это мой бизнес, Джек. И я не намерен что-либо в нем менять.

— Барышник.

— Я не буду с тобой спорить,— сказал отец.— Это не твоего ума дело. Если ты не хочешь помочь мне, после того как я преодолел миллион миль, прилетев сюда с Земли, я могу воспользоваться общественным транспортом.— Он говорил спокойно, но его лицо покрылось краской.

— Я отвезу тебя,— бросил Джек.

— Не выношу, когда меня поучают.

Джек молча развернул вертолет к югу и направился к зданиям ООН, расположенным в Роще Мира.

Манфред продолжал рисовать: один из дерущихся, тот, кого ударили в глаз, теперь лежал на земле мертвым. Джек видел, как фигура на рисунке начала обмякать и вытянулась.

«Интересно, это я или Арни. Когда-нибудь — возможно, очень скоро — я узнаю это».

Под оболочкой мистера Котта скрывались помертвевшие кости, влажные и блестящие. Весь мистер Котт был мешком с костями, грязными, но все еще влажно-блестящими. Его череп поедал овощи, тут же превращавшиеся в гниль.

Джек Болен тоже был мешком с дохлятиной, в котором кишмя кишела гадость. Но внешняя оболочка, раскрашенная и благоухающая, продолжала всех дурачить. Он видел, как она склоняется над мисс Андертон, сочась вожделением, как из нее изливается мокрая липкая сущность и мертворожденные слова вываливаются из челюстей.

— Люблю Моцарта,— произносит мистер Котт.— Сейчас я поставлю эту запись.— Он вертит ручку громкости.— Дирижирует Бруно Вальтер. Большой раритет эпохи золотого века звукозаписи.

Ужасные крики и визги раздаются из динамиков, напоминающие конвульсии мертвецов. Арни выключает запись.

— Прошу прощения,— бормочет он.

Джек Болен моргает от неожиданности, принюхиваясь к женскому телу, расположившемуся рядом с ним. Над верхней гу-

бой женщины, резко очерченной губной помадой, поблескивает пот. Джеку хочется укусить эти губы, ему хочется крови. Большие пальцы его рук тянутся к ее подмышкам, ему хочется взять ее грудь, почувствовать ее своей собственностью, с которой можно делать все, что угодно. Вот он уже прикоснулся к ней, и ему это нравится.

— Ничего себе,— замечает женщина.— Так можно и напугать, Арни. Твое чувство юмора...

— Случайная ошибка,— отвечает Арни и роется в поисках нужной записи.

Джек Болен протягивает руку и прикасается к коленям женщины. У нее под юбкой нет нижнего белья. Он гладит ее ноги, она поднимает их и вся поворачивается к нему, прижавшись к нему коленями, и застывает, как животное в ожидании. «Я не могу дождаться, когда мы сможем отсюда уйти и остаться наедине,— думает Джек.— Господи, как я хочу ощущать твое тело без всякой этой одежды». Он сжимает ее обнаженную коленку, и она, не переставая улыбаться, вскрикивает от боли.

— Послушай, Джек, мне очень жаль...— оборачивается к ним Арни Котт, но Джек не слышит его. Сидящая рядом женщина что-то говорит ему.

— Скорей,— говорит она,— я тоже не могу больше ждать.

Дыхание с отрывистым шипением вырывается из ее рта, словно из продырявленного воздушного шарика, она не мигая смотрит на него огромными глазами. Ни он, ни она не слышали Арни. В комнате стоит полная тишина.

«Арни что-то сказал?» — Джек протягивает руку за своим стаканом. Тот пуст.

— У нас кончилось спиртное,— замечает Джек, ставя его обратно на кофейный столик.

— Ради бога, Джек, я хочу знать, чего ты добился,— произносит Арни.— Ты мне можешь что-нибудь показать?

Продолжая говорить, он выходит на кухню, и голос его становится глуше. Женщина рядом с Джеком неотрывно на него смотрит, рот ее обмяк, словно он так крепко прижимает ее к себе, что ей трудно дышать. «Надо уйти отсюда и быть самими собой»,— думает Джек. Потом, оглянувшись, замечает, что они одни; Арни вышел из комнаты и не может их видеть. Его голос доносится из кухни, где он разговаривает со своим ручным бликменом. Значит, они наедине.

— Не здесь,— прерывисто говорит Дорин. Но все ее тело дрожит, и она не сопротивляется, когда он обнимает ее за

талию; она готова ко всему, потому что тоже хочет его. У нее тоже нет сил сдерживаться.— Да,— произносит она.— Только быстро.— Она впивается ногтями в его плечи, глаза у нее закрыты, она стонет и вздрагивает.— Сбоку,— шепчет она,— юбка на пуговицах.

Склонившись над ней, он видит, как распадается ее томная, почти перезревшая красота. Зубы покрываются желтыми трещинами и раскалываются, десны зеленеют и становятся иссохшими, словно дубленая кожа, а когда она закашлялась, в лицо полетели целые пригоршни праха. «Гадло обогнало меня»,— осознает он. Он не успел. Он отпускает ее, и она откидывается назад с резким треском рассыпающихся костей.

Глаза у нее заволакиваются дымкой и становятся мутными, а из одного высовывается волосатое щупальце мохнатого насекомого, пытающегося выбраться наружу. Его крохотные глазки краснеют в пустой глазнице незрячего глаза и снова скрываются в глубине. Насекомое начинает возиться внутри, и глаз женщины вспучивается. На мгновение оно снова высовывается из ее зрачка и озирается, не в силах понять, что происходит вокруг,— оно еще не научилось пользоваться разлагающимся механизмом, внутри которого обитает.

Груди ее, как перезревшие дождевики, выбросили клубы спор в его лицо и тут же осели и сморщились, сея гнилостный запах времени, запах Гадло, давно уже поселившегося в ней и сейчас пробирающегося на поверхность.

Мертвый рот подергивался, пока из глубины, с самого дна трубочки, шедшей через ее горло, не просипело: «Ты не успел». После чего голова полностью отвалилась, оставив вместо себя белый заостренный конец выступающего позвоночника.

Джек отпустил ее, и она осела грудой плоских, почти прозрачных колец, словно высохшая змеиная кожа; он посмотрел на них и стряхнул с себя. И тут же, к собственному изумлению, услышал, как из кухни доносится ее голос.

— Пожалуй, я пойду домой, Арни. Я не могу долго выносить Манфреда: он все время движется, мелькает, ни секунды не посидит спокойно.— Обернувшись, Джек увидел, что она стоит там, совсем рядом с Арни, и целует его в ухо.— Спокойной ночи, милый.

— Я как-то читал о ребенке, который думал, что он — машина,— произнес Арни, и тут дверь захлопнулась — больше Джек не слышал и не видел их.

«Я действительно пьян,— решил он, потерев лоб.— Что со мной? Сознание расщепляется...»

Он закрыл глаза, пытаясь собраться с силами. На ковре, рядом с диваном, Манфред Стайнер вырезал из журнала картинку, чему-то улыбаясь. Бумага шуршала, и этот звук еще больше отвлекал Джека, мешая ему сосредоточиться.

Из кухни доносилось тяжелое дыхание и натужные стоны. Что они там делают? Втроем, она, Арни и его ручной бликмен... Стоны стали реже и наконец совсем затихли. Опять наступила полная тишина.

«Как я хочу домой,— с отчаянием подумал Джек.— Как хочу выбраться отсюда!» Его тошнило, он был так слаб, что не мог подняться, и так и остался сидеть на диване.

«Гадл-гадл-гадл,— звучало у него в голове,— я — гадл-гадл-гадл».

«Прекрати»,— скомандовал он.

«Гадл-гадл-гадл-гадл»,— ответило ему.

Со стен осыпалась пыль. Стены комнаты трещали от ветхости, разлагаясь у него на глазах. «Гадл-гадл-гадл»,— звучала комната. «Гадло здесь, он гадл-гадл тебя, и ты станешь гадостью».

Неуверенно поднявшись на ноги, Джек с трудом добрался до магнитофона Арни, достал кассету и после нескольких неудачных попыток все-таки умудрился ее поставить.

Дверь на кухню с шумом раскрылась, и кто-то вперился в него взглядом.

«Нало удирать отсюда,— повторил про себя Джек.— Надо сопротивляться, надо вырваться, иначе мне конец. Оно пожирает меня».

Он судорожно рванул регулятор звука, и музыка, взвыв, оглушила его, затопила комнату, обрушившись на стены, мебель — всех и вся.

Дверь на кухню сорвалась с петель и упала плашмя. Что-то поспешно выбежало из кухни, встревоженное ревом. Оно пробралось мимо него и дотянулось до ручки громкости — звук отхлынул.

И ему стало лучше. Слава тебе господи, он в своем уме.

Высадив отца у офиса подставной компании, Джек Болен вместе с Манфредом отправился в Льюистаун к Дорин Андертон.

— Что с тобой, Джек? — открыв дверь и глянув на него, спросила она.

Джек с Манфредом вошли внутрь.

— Сегодня вечером случится несчастье,— ответил Джек.

— Ты уверен? — Она расположилась напротив него.— А ты обязательно должен быть? Хотя, кажется, обязательно. Может, ты ошибаешься?

— Манфред рассказал мне,— ответил Джек.— Он видел.

— Не бойся,— нежно промолвила Дорин.

— Но я уже боюсь,— заметил он.

— А что будет такого плохого?

— Не знаю. Этого Манфред не может мне рассказать.

— Но...— Она взмахнула рукой.— Тебе же удалось установить с ним контакт, это же замечательно. Именно этого Арни и хотел.

— Надеюсь, ты будешь у него,— продолжил Джек.

— Да, буду. Хотя от меня мало что зависит. Что для него значит мое мнение? Но я уверена, Арни будет доволен; думаю, ты тревожишься без всяких причин.

— Это конец,— произнес Джек,— между мной и Арни. Я знаю, что это произойдет сегодня вечером, но не знаю почему.— Он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.— Более того, мне кажется, что Манфреду не просто известно будущее, он в каком-то смысле сам его организует, он способен заставить его реализоваться в наихудшем виде, потому что это представляется ему естественным — именно так он воспринимает действительность. Выходит, когда мы находимся рядом с ним, мы погружаемся в пучину его реальности. Она захлестывает нас, подменяя наш привычный взгляд на вещи, и последовательность событий, усвоенная нами, каким-то образом нарушается и замещается другими событиями. Для меня совершенно не свойственно такое отношение к будущему; со мной раньше никогда такого не было.

Он умолк.

— Ты проводишь с ним слишком много времени. Ты и так склонен...— Дорин замялась,— к нестабильности. Это у вас общее. Предполагалось, что ты вернешь его в наш мир, научишь соразделять реальность нашего общества... а вместо этого он затянул тебя в свой? Я не верю во все эти предвидения — по-моему, это была ошибка с самого начала. Лучше тебе все бросить и расстаться с мальчиком.— Она взглянула на Манфреда; тот стоял у окна, высунувшись на улицу.— Если ты больше ничего не можешь с ним сделать.

— Слишком поздно,— ответил Джек.

— Ты не психотерапевт и не врач,— продолжила Дорин.— Это обязанность Мильтона Глоба изо дня в день иметь дело с

аутичными и шизоидными личностями, а ты... ты всего лишь мастер, впутанный в это по безумному капризу Арни. Ты случайно оказался рядом, чиня диктофон, и тебя вовлекли. Джек, нельзя быть таким податливым. Ты позволяешь случаю управлять своей жизнью... И эта пассивность, боже праведный, неужели ты не понимаешь, о чем она говорит?

— Думаю, понимаю,— помолчав, ответил он.

— Ну, скажи.

— Шизоидная личность склонна к пассивности — мне это известно.

— Будь решительнее. Откажись от продолжения. Позвони Арни и скажи, что ты просто не в состоянии справиться с Манфредом. Его нужно отправить обратно в Бен-Гурион, где им займется доктор Глоб. Пусть там сами создадут замедляющую камеру. Они ведь уже приступили к этому, не так ли?

— Им никогда ее не сделать. Они надеются на импорт оборудования с Земли, а ты понимаешь, что это значит.

— Ты тоже никогда не сделаешь, потому что еще раньше ты окончательно свихнешься. Я тоже умею предсказывать будущее. И знаешь, что я в нем вижу? Что тебе предстоит перенести куда как более серьезный коллапс, чем случались до сих пор. Я предвижу, Джек, полное разрушение твоей психики, если ты будешь продолжать. Тебя уже преследуют шизоидная тревога, паника, разве не так? Не так?

Джек кивнул.

— Я видела, как это было с моим братом,— продолжала Дорин,— эту панику — а раз увидев, ее невозможно забыть. Когда действительность сжимается вокруг, сжимается восприятие пространства и времени, причины и следствия... разве не это с тобой сейчас происходит? По твоим словам получается, что ты никак не можешь повлиять на исход вашей сегодняшней встречи с Арни — а ведь это полный личностный распад, потеря зрелости и ответственности; это совсем на тебя не похоже.— Грудь Дорин высоко вздымалась от глубокого дыхания.— Я позвоню Арни и скажу, что ты отказываешься, пусть ищет кого-нибудь другого для возни с Манфредом. Я скажу, что у тебя ничего не получилось и что продолжать бессмысленно. Я уже наблюдала у Арни эти задвиги: он носится с ними несколько дней или недель, а потом полностью забывает. Точно так же он может и об этом забыть.

— Об этом он не забудет,— возразил Джек.

— Ты хоть попробуй!

— Нет. Я должен встретиться с ним сегодня вечером и сообщить о результатах. Я обещал ему — я должен.

— Чертов идиот! — воскликнула Дорин.

— Знаю,— откликнулся Джек.— Только не из-за того, о чем ты думаешь. Я идиот потому, что взялся за дело, не подумав о последствиях. Я...— Он умолк.— А может, ты и права. Я просто не гожусь для работы с Манфредом.

— Но ты ведь продолжаешь с ним работать. Что ты собираешься показать сегодня Арни? Покажи мне это сейчас.

Джек достал конверт и вынул из него рисунок Манфреда. Дорин долго рассматривала его, после чего вернула обратно.

— Дурной, болезненный рисунок,— почти неслышно промолвила она.— Я знаю, что это такое. Это гробница мира, да? Вот что он нарисовал. Мир после смерти. Вот что он видит, а благодаря ему и ты начинаешь видеть. Ты хочешь показать это Арни? Ты потерял всякое чувство реальности: неужели ты думаешь, что Арни понравился бы этот распад? Сожги рисунок.

— Ну, не так уж он плох,— глубоко встревоженный ее реакцией, ответил Джек.

— Нет, он очень дурен. И то, что ты не видишь этого,— паршивый признак. Ведь сначала он тебе тоже показался страшным?

Джек был вынужден кивнуть.

— Значит, я права.

— Мне надо лететь. Увидимся вечером.— Джек подошел к окну и похлопал Манфреда по плечу.— Нам пора. Вечером увидимся с этой дамой и мистером Коттом.

— До свидания, Джек,— промолвила Дорин, проводив его до двери. В ее больших темных глазах таилось отчаяние.— Что бы я ни сказала, я не смогу удержать тебя. Ты изменился. Еще несколько дней назад ты был гораздо живее... Ты чувствуешь это?

— Нет, я этого не чувствую,— ответил он, впрочем, ничуть не удивившись; на самом деле он чувствовал, как налились тяжестью конечности, как сжимает сердце.— Увидимся вечером.— Джек склонился и поцеловал ее в полные сладкие губы.

Она осталась стоять в дверях, молча глядя им вслед.

В оставшееся до вечера время Джек Болен решил заскочить в Общественную Школу, чтобы забрать сына. Именно там, в том месте, которого он боялся больше всего на свете, он и проверит, права ли Дорин; там-то он и узнает, потерял ли способность отличать действительность от проекций собственного подсознания. Общественная Школа станет для него пробным камнем,

и, когда Джек разворачивал вертолет компании И в ее направлении, что-то глубоко внутри говорило ему, что он в состоянии вынести повторный визит туда.

К тому же его мучило желание посмотреть, как отреагирует на новую обстановку и искусственные обучающие машины Манфред. Его давно преследовало чувство, что Манфред, столкнувшись с автоматическими учителями, проявит сильную реакцию, возможно, схожую с его собственной, а может, и противоположную. Так или иначе, Манфред не останется безучастным.

«Хотя разве уже не поздно? — тут же мелькнула робкая мысль.— Разве все уже не кончено и Арни не отменил своего распоряжения? Разве я уже не виделся с ним сегодня? Который сейчас час? — в ужасе думал Джек.— Я потерял чувство времени».

— Мы летим в Общественную Школу,— промямлил он Манфреду.— Как тебе это нравится? Посмотришь школу, где учится Дэвид.

Глаза Манфреда вспыхнули пониманием, словно он говорил: «Да, я хочу туда, полетели».

— Договорились,— откликнулся Джек, с трудом справляясь с управлением. У него было такое чувство, будто он лежит на дне неподвижного океана, не в силах двинуться и способный лишь на то, чтобы дышать. Что с ним?

Он не знал.

Глава 11

Под оболочкой мистера Котта скрывались помертвевшие кости, влажные и блестящие. Весь мистер Котт был мешком с костями, грязными, но все еще влажно-блестящими. Его череп поедал овощи, тут же превращавшиеся в гниль. Джек Болен тоже был мешком с дохлятиной, в котором кишмя кишела гадость. Но внешняя оболочка, раскрашенная и благоухающая, продолжала всех дурачить. Он видел, как она склоняется над мисс Андертон, сочась вожделением, как из нее изливается ее мокрая липкая сущность и мертворожденные слова вываливаются из челюстей. Некоторые из них заползали в складки ее одежды, впивались в ее кожу и пролезали внутрь.

— Люблю Моцарта,— произнес мистер Котт.— Сейчас я поставлю эту запись.

Все тело мисс Андертон чешется от липнущей одежды, приставших волос, праха и помета мертворожденных слов. Она

чешется, разрывая в клочья одежду, потом хватает обрывки в зубы и проглатывает их.

— Дирижирует Бруно Вальтер,— замечает мистер Котт, вертя ручки усилителя.— Большой раритет эпохи золотого века звукозаписи.

Ужасные крики и визги заполняют помещение, и она понимает, что исходят они из нее. Ее сотрясают судороги — вся скопившаяся в ней мертвечина вздыбилась и поползла, стремясь вырваться на свет. Господи, как ее остановить? Она выступала из пор и струилась на пол, просачиваясь в щели между досками.

— Прошу прощения,— пробормотал Арни Котт.

— Ничего себе, так можно и напугать, Арни.— Поднявшись с дивана, она оттолкнула большую, темную, дурно пахнущую массу, облепившую ее.— Твое чувство юмора...

Он оборачивается и видит, как она срывает с себя последний лоскут одежды. Он откладывает кассету и приближается к ней, протягивая руки.

— Сделай это,— просит она, и оба опускаются на пол. Он быстро сдирает с себя одежду. Слившись в объятиях, они укатываются в темноту под плиту и замирают там в пыли и выделениях собственных тел, тяжело дыша.— Еще,— требует она и впивается ногтями в его тело.

— Случайная ошибка,— замечает он, вдавливая ее в пол и тяжело дыша ей в лицо.

Из-за плиты появляются чьи-то глаза, кто-то наблюдает за ними. Оно забросило клей, ножницы и журналы для того, чтобы злорадно упиваться каждым их телодвижением.

— Прочь,— задыхаясь, произносит она. Но оно не уходит.— Еще,— просит она, и оно заливается смехом. Чем тяжелее обрушивается на нее сокрушительный груз, тем громче становится смех.

— Гадлай меня еще,— повторяет она.— Гадлай, гадлай, гадлай меня, влей в меня свое гадло, мне нравится твое гадло. Не останавливайся. Гадл-гадл-гадл-гадл-гадл!

Джек Болен снижался над посадочной площадкой школы, поглядывая на Манфреда и пытаясь угадать, о чем тот думает. Погруженный в себя, Манфред Стайнер невидящим взглядом смотрел вниз, и черты его лица были искажены в такой отвратительной гримасе, что Джек тут же отвернулся.

«Какое мне дело до этого ребенка? Дорин права: выше головы не прыгнешь, а в результате постоянного присутствия Ман-

фреда начали просыпаться шизоидные аспекты моей собственной личности».

И все же он не знал, как ему вырваться, почему-то у него было ощущение, что уже слишком поздно, словно время свернулось и навеки сковало его с этим несчастным немым существом, которое снова и снова ворошило и всматривалось в порожденный им мир.

Каким-то образом он впитал в себя мировоззрение Манфреда, и теперь оно исподволь разлагало его психику.

«Надо дождаться вечера, надо как-то дотянуть до встречи с Арни Коттом. Потом я смогу все бросить и вернуться в собственный мир, в собственное пространство и больше никогда не видеть Манфреда Стайнера. Арни, ради бога, спаси меня»,— повторял он.

— Вот мы и прибыли.— Вертолет замер, коснувшись поверхности крыши, лопасти остановились.

Манфред тут же с нетерпением бросился к дверце.

«Значит, тебе хочется здесь осмотреться,— отметил про себя Джек.— Интересно, почему?» Он подошел к дверце и открыл ее; Манфред, не мешкая, выпрыгнул на крышу и побежал к уходящему вниз скату, словно знал дорогу наизусть.

Когда Джек вылез из вертолета, мальчик уже исчез из виду. Джек поспешил за ним к спуску и окунулся в школьную атмосферу.

«Дорин Андертон и Арни Котт,— говорил себе Джек,— два самых близких мне человека, которые значат для меня больше всего, благодаря которым я сохраняю связь с самой жизнью — и именно в эти отношения сумел внедриться Манфред: он разрушил самые важные для меня связи. Что же осталось? Оторванный от них, я автоматически потерял и все остальное — своего сына, жену, отца, мистера И. Я знаю, что меня ждет, если я шаг за шагом буду отступать перед этим ребенком. Теперь я понимаю, что такое психоз: полное отчуждение от объектов внешнего мира, особенно от значимых — от тепла живых людей. А что приходит взамен? Постоянная сосредоточенность на собственном сумеречном состоянии, на возникающих внутри флуктуациях, влияющих только на внутренний мир. Так расщепляются два мира, внешний и внутренний, теряя взаимосвязь. Они просто расходятся в разные стороны. И я стою на пороге отчуждения. Возможно, всегда стоял, возможно, что-то таилось во мне с самого начала. Но мальчик значительно продвинул меня вперед. Вернее, благодаря ему я проделал большой путь».

Мощная зацикленная энергия Манфреда, стирая все вокруг себя, проникает во внешний мир и поражает его. Таким ребенок был с самого начала, являя собой высшую точку развития шизоидного процесса.

— Манфред, подожди,— позвал Джек, медленно спускаясь за мальчиком в недра здания Общественной Школы.

Сильвия Болен, потягивая кофе, сидела на кухне Джун Хинесси и делилась с ней своими проблемами.

— А самое ужасное,— рассказывала она про Эрну Стайнер и ее детей,— как ни закрывай глаза, они вульгарны. Жаль, что приходится об этом говорить, но в последнее время мне так часто пришлось с ними общаться, что скрывать правду я просто не могу: я каждый день наталкиваюсь на их дурное воспитание.

Джун Хинесси в белых шортах и открытом лифчике шлепала босиком то туда, то сюда, поливая из стеклянного кувшина комнатные растения.

— И мальчик у них действительно странный. Он хуже всех, не правда ли?

— И он все время у нас, дни напролет,— передернув плечами, сообщила Сильвия.— Ты же знаешь, Джек занимается с ним, пытаясь вернуть в общество. Что до меня, так я бы таких уродов просто уничтожала; в конечном итоге, позволять им жить даже негуманно, ложное милосердие и по отношению к ним, и по отношению к нам. Мальчик будет нуждаться в уходе всю свою жизнь, он никогда не сможет покинуть лечебное заведение..

— Я хочу рассказать тебе, что сделал недавно Тони,— возвращаясь на кухню с пустым кувшином, перебила подруга. Тони был ее нынешним любовником, их связь длилась уже полгода, и Джун держала всех соседок, а особенно Сильвию, в курсе событий.— Мы обедали вместе в Женеве, во французском ресторане, ели улиток. Улиток подают прямо в ракушках, выковыриваешь их оттуда огромными вилками чуть ли не в фут длиной. Естественно, большинство продуктов там с черного рынка. Во всех таких ресторанах деликатесы исключительно с черного рынка. Я этого не знала, пока Тони не сводил меня туда.

— Улитки,— с отвращением вымолвила Сильвия, тут же начав размышлять, какие великолепные блюда заказала бы она, будь у нее любовник, приглашающий в рестораны.

Интересно, что чувствуешь, заводя любовную связь? Дело, конечно, непростое, но стоящее, если удается все скрыть от мужа. Вся сложность в Дэвиде. Впрочем, и Джек сейчас в ос-

новном работал дома, да еще свекор. К тому же она никогда не смогла бы принимать его, любовника, у себя дома из-за Эрны Стайнер — толстая мешковатая фрау тут же сообразит, в чем дело, и из истинно прусского чувства долга поставит об этом в известность Джека. С другой стороны, разве риск не являлся обязательной составной частью такой связи? Разве он не добавляет особой... прелести, что ли?

— А что сделает твой муж, если узнает? — спросила Сильвия.— Разрежет тебя на мелкие кусочки? Джек бы не преминул.

— У Майка у самого было несколько любовных интрижек. Конечно, он рассердится и может на недельку отправиться к одной из своих подружек, бросив меня с детьми. Но он переживет.

«Интересно, а были ли у Джека романы? — вдруг подумала Сильвия.— Маловероятно. Интересно, а что я буду делать, если выяснится, что были? Сможет ли это разрушить наш брак? Да. Я тут же обращусь к адвокату. Или не обращусь? — тут же усомнилась она.— Заранее ничего нельзя сказать...»

— Как ты ладишь со своим свекром? — спросила Джун.

— Неплохо. Он с Джеком и Манфредом отправился сегодня куда-то по делам. На самом деле я не так уж много провожу времени с Лео, он ведь приехал не отдыхать. Джун, а сколько у тебя было романов?

— Шесть,— ответила Джун Хинесси.

— Вот это да. А у меня ни одного.

— Некоторые женщины просто не созданы для них.

Сильвия восприняла это чуть ли не как личное оскорбление, намек на анатомическое несовершенство.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Психологически не приспособлены,— поспешила заверить ее Джун.— Для того чтобы сочинить и изо дня в день поддерживать некую версию, женщина должна обладать определенными качествами. Мне доставляет удовольствие, когда я выдумываю, что сказать Майку. Ты другая. У тебя простое и конкретное мышление: обман и вымысел не твой конек. К тому же у тебя прекрасный муж.— Она подчеркнула авторитетность собственного суждения, подняв брови.

— Джека целыми неделями не бывает дома,— ответила Сильвия.— Так что мне бы не помешал роман. Сейчас это, конечно, стало гораздо сложнее.— Она лихорадочно мечтала о чем-нибудь важном, неожиданном, увлекательном, что могло бы заполнить длинные пустые дни; ей до смерти наскучило сидеть на чужих

кухнях, часами поглощая кофе. Неудивительно, что столь многие женщины пускались в любовные авантюры. Выбора не оставалось: или авантюры, или сумасшествие.

— Ты не можешь судить, если весь твой чувственный опыт ограничивается отношениями с мужем,— продолжила Джун Хинесси.— Ты так или иначе зависишь от него. А когда ты спишь с другими мужчинами, ты можешь более объективно судить о его недостатках. И если тебе кажется, что он должен что-то изменить в себе, ты можешь более решительно настаивать на этом. И себя ты сможешь лучше понять, имея дело с другими мужчинами, что-то исправить в себе, чтобы доставлять мужу большее удовольствие. По-моему, здесь никто ничего не теряет.

В таком виде супружеская измена действительно представлялась как полезное и здоровое занятие для всех заинтересованных лиц. В выигрыше оставались даже мужья.

Продолжая размышлять об этом и попивать кофе, Сильвия выглянула из окна и, к собственному изумлению, увидела приземляющийся вертолет.

— Кто это? — спросила она Джун.

— Понятия не имею,— тоже выглянув из окна, ответила та.

Вертолет замер около дома, дверца раскрылась, и из него вышел темноволосый симпатичный мужчина в яркой нейлоновой рубашке, галстуке, узких брюках и модных европейских туфлях из мягкой кожи. За ним появился бликмен, нагруженный двумя тяжелыми чемоданами.

Сильвия Болен почувствовала, как заколотилось ее сердце. Именно так она представляла себе любовника Джун Тони.

— Господи, кто это? Торговец? — В дверь постучали, и Джун бросилась открывать. Сильвия поставила чашку и последовала за ней.

— Кажется, я не совсем одета,— замешкавшись у дверей, заметила Джун, нервно ощупывая свои шорты.— Поговори с ним, а я пока сбегаю в спальню и переоденусь. Я не ожидала сегодня никаких визитов: знаешь, надо быть осторожными — мы здесь одни, мужей нет...— И она бросилась в спальню.

Сильвия открыла дверь.

— Добрый день,— произнес мужчина, обнажая в улыбке зубы идеальной белизны.— Вы хозяйка? — Он говорил с легким акцентом.

— Допустим,— робко и настороженно ответила Сильвия и окинула себя взглядом, проверяя, достаточно ли скромно она сама одета, чтобы стоять здесь и беседовать с незнакомым мужчиной.

— Хочу вам предложить прекрасный набор диетических продуктов, с которыми вы, возможно, уже знакомы,— промолвил мужчина. Он смотрел ей прямо в глаза, и тем не менее Сильвия не могла отделаться от ощущения, что он дюйм за дюймом изучающе разглядывает все ее тело. Она чувствовала себя все более неловко, однако возмутиться ей не приходило в голову: его манеры были обаятельны — в них сквозила скромность и в то же время неожиданный напор.

— Диетические продукты,— пробормотала она.— Ну, я...

Мужчина кивнул, и вышедший из-за его спины бликмен поставил один из чемоданов и раскрыл его. Корзинки, бутылки, коробки... все это ее очень заинтересовало.

— Рафинированное арахисовое масло, бескалорийные диетические сладости, чтобы ваша фигурка сохраняла стройность. Пшеничные побеги, дрожжи, витамин Е — витамин жизни... Но конечно, для такой молодой женщины он еще необязателен.— Речь незнакомца плавно струилась. Сильвия заметила, что склонилась над чемоданом так близко от него, что они почти касались плечами, и, испугавшись, отпрянула.

В дверях появилась Джун в юбке и шерстяном свитере. Увидев их, она тут же отступила и закрыла за собой дверь, так что продавец ее не заметил.

— Еще могу предложить широкий ассортимент деликатесов. Если мисс интересуется...— Он поднял кувшин, и у нее перехватило дыхание — это была икра.

— Боже милостивый,— как заколдованная, промолвила Сильвия.— Где вы это достали?

— Дорого, но стоит того.— Торговец сверлил ее своими темными глазами.— Не так ли? Воспоминания о днях, проведенных Дома: теплое пламя свечей, танцевальная музыка... дни любви в кругу приятных для слуха и зрения вещей.— Он широко улыбнулся.

«Черный рынок»,— догадалась она.

— Понимаете, я живу не здесь,— произнесла Сильвия и почувствовала, как сердце заколотилось у нее в горле.— Я живу в миле отсюда по каналу.— Она указала рукой.— И... меня все это очень интересует.

Его улыбка озаряла ее безграничным сиянием.

— Вы здесь впервые? — заикаясь, спросила Сильвия.— Я раньше вас не видела. Как вас зовут?

— Отто Цитте.— Он вручил ей карточку, но она едва взглянула на нее, не в силах отвести взгляда от его лица.— Я давно

занимаюсь делами, однако лишь недавно... в результате несчастного случая... дело было полностью реорганизовано, так что теперь я имею возможность непосредственно общаться с новыми покупателями.

— Вы еще заедете?

— Да, загляну попозже... и мы на досуге сможем рассмотреть весь мой прекрасный ассортимент импортных товаров. Всего хорошего.— Торговец выпрямился с кошачьей грацией.

— Привет,— настороженно произнесла Джун Хинесси, снова появляясь в дверях.

— Моя визитная карточка.— Отто Цитте протянул и ей рельефный белый квадратик. Дамы принялись внимательно изучать карточки.

Отто Цитте улыбнулся всезнающей белоснежной улыбкой и дал знак бликмену раскрыть второй чемодан.

Доктор Глоб сидел в своем кабинете в Бен-Гурионе, когда до него донесся резкий властный голос, явно женский. Потом он услышал извиняющиеся интонации сестры и догадался, что первый голос принадлежал Энн Эстергази, которая пришла навестить своего сына Сэма.

Он раскрыл папку на букву «Э» и нашел дело Эстергази Самуэля.

Мальчик был рожден вне брака через год с небольшим после того, как миссис Эстергази развелась с Арни Коттом, и поступил в лагерь под ее именем. Однако вне всяких сомнений он являлся сыном Арни Котта: все врачи безоговорочно признавали их кровное родство.

Вероятно, несмотря на развод, Арни и Энн Эстергази продолжали общаться, и достаточно близко, чтобы произвести на свет ребенка. Значит, их отношения были не просто деловыми.

Глоб задумался, каким образом можно использовать эти сведения. Есть ли у Арни враги? Ему по крайней мере об этом ничего не известно: Арни все любили, все, за исключением его. Мильтона Глоба. Похоже, он был единственным человеком на Марсе, пострадавшим от рук Арни, и эта мысль не добавила ему радости.

«Он поступил со мной бесцеремонно и антигуманно»,— в миллионный раз повторил себе Глоб. И чем следует на это ответить? Он, конечно, может надеяться на другие компрометирующие мелочи. Какой, впрочем, от них толк?

Доктор Глоб еще раз перелистал папку. Странный мальчик, этот Самуэль Эстергази, уникальный случай в практике. Он

напоминал какого-то доисторического человека, разновидность, отсеянную в процессе эволюции и обитавшую изначально в водной стихии. В голову сразу приходила теория, выдвинутая некоторыми антропологами, о том, что человек произошел от водных обезьян, обитавших на отмелях и в прибрежной полосе.

Интеллектуальный коэффициент Сэма равнялся всего лишь семидесяти трем.

И вдруг Глобу пришла мысль, что Сэм скорее относится к умственно отсталым, нежели аномальным детям. А Бен-Гурион не рассчитан для содержания умственно отсталых, и его директор Сьюзен Хейнес уже отослала обратно несколько малолетних пациентов, страдавших псевдоаутизмом и впоследствии оказавшихся обыкновенными имбецилами. Конечно, отбор все еще был затруднен из-за диагностических сложностей. Но в случае с Эстергази присутствовали и физические дефекты...

«Вот оно,— решил Глоб.— У меня есть все основания отослать этого ребенка домой. И пусть им занимается Общественная Школа, подлаживаясь под его уровень. Только с физиологической точки зрения он может быть назван "аномальным", а в нашу задачу не входит забота об инвалидах».

«Но почему я это делаю? — спрашивал он себя.— Хочу отомстить Арни Котту за его жестокое обращение со мной? Нет, вряд ли; я не отношусь к мстительному типу людей — к ним относятся анально-экспульсивные особи и орально-кусающие». А Глоб давно уже отнес себя к генитальному разряду, предающемуся зрелому половому соперничеству.

С другой стороны, размолвка с Арни Коттом заставила его рыться в деле ребенка Эстергази... так что между этими событиями прослеживается хоть и небольшая, но связь, причинно-следственная связь.

Он вернулся к документам и вновь недоуменно нахмурился: что за странные отношения, в которых спустя несколько лет после развода сохранялась сексуальная связь! Зачем тогда было разводиться? Не столкновение ли честолюбий тому причиной? Энн Эстергази, несомненно, относится к властному типу женщин с доминирующими мужскими признаками. Юнг называл таких «духовно-одержимыми». Для успешных отношений с женщиной подобного типа необходимо сразу же захватить инициативу в свои руки и не отпускать ее. Одно из двух — или властвовать над ней, или быстро потерпеть поражение.

Глоб отложил папку и направился по коридору к игровой комнате. Посетительница играла в кости со своим сыном. Он

подошел к ним и остановился, наблюдая за игрой, пока миссис Эстергази сама не подняла голову.

— Здравствуйте, доктор Глоб,— весело поприветствовала его она.

— Здравствуйте. Когда закончите, не заглянете ли ко мне в кабинет?

Приятно было видеть, как самонадеянное, уверенное выражение лица этой женщины исчезло, уступив место тревоге.

— Конечно, доктор Глоб.

Через двадцать минут она уже сидела напротив него.

— Миссис Эстергази, когда ваш мальчик впервые появился в Бен-Гурионе, у нас имелось много сомнений относительно природы его состояния. Сначала мы считали, что оно вызвано психическими нарушениями, возможно, травматическим неврозом или...

— Доктор, вы хотите сообщить мне, что, поскольку Сэм обнаруживает лишь интеллектуальную дефективность, вы собираетесь исключить его, верно? — решительно спросила женщина.

— Ну и физическую неполноценность,— добавил Глоб.

— Это не ваше дело.

Покорно соглашаясь, он взмахнул руками.

— Когда я должна его забрать? — Она побледнела, руки, вцепившиеся в сумочку, дрожали.

— Ну, дня через три-четыре, можно через неделю.

Прижав руку к лицу, миссис Эстергази невидящим взглядом уставилась на ковер, покрывающий пол кабинета. Время шло.

— Возможно, вам известно, доктор,— начала она дрожащим голосом,— что уже в течение некоторого времени я провожу кампанию против законопроекта ООН, предполагающего закрытие Бен-Гуриона.— Постепенно ее голос обретал силу и уверенность.— Если вы вынудите меня забрать Сэма, я прекращу свою деятельность в данной области, и можете не сомневаться: законопроект будет одобрен. Более того, я поставлю в известность Сьюзен Хейнес, почему я отказываюсь вам помогать.

Холодная волна ужаса захлестнула Мильтона Глоба. Он буквально оцепенел.

— Вы поняли, доктор? — осведомилась миссис Эстергази.

Ему удалось кивнуть.

— Доктор, я давно занимаюсь политикой,— вставая, продолжила Энн.— Арни Котт считает, что все это на самодеятельном уровне, но он ошибается. Уж поверьте мне, в некоторых сферах политики я достаточно проницательна.

— Да, я чувствую,— ответил Глоб. Он тоже поднялся и проводил ее до двери.

— И пожалуйста, больше никогда не возвращайтесь к этому разговору о Сэме. Для меня он слишком болезнен. Мне гораздо легче считать его аномальным.— Миссис Эстергази посмотрела доктору прямо в глаза.— Считать сына умственно отсталым выше моих сил.— И, повернувшись, она легкой походкой зашагала прочь.

«Не слишком-то хорошо получилось,— заметил про себя доктор Глоб, трясущимися руками закрывая дверь.— Совершенно очевидно, она страдает садистскими наклонностями — мощные всплески неприязни в сочетании с направленной вовне агрессией».

Он снова сел за стол, закурил сигарету и задумчиво затянулся, пытаясь вернуть себе уверенность.

Когда Джек Болен вышел в коридор, Манфреда и след простыл. Мимо пробежали несколько ребятишек, вероятно, спеша к своим учителям. Джек двинулся вслед за ними, недоумевая, куда делся Манфред, да еще с такой скоростью. Что-то тут не так.

Впереди он заметил группу детей, стоявших вокруг высокого седовласого джентльмена с кустистыми бровями, в котором Джек признал Марка Твена. Манфреда среди них не было.

Когда Джек уже миновал их, Марк Твен вдруг прервал свой монолог, обращенный к слушателям и, затянувшись сигарой, поинтересовался:

— Дружище, я ничем не могу быть вам полезен?

— Я ищу маленького мальчика, который прилетел со мной,— остановившись, ответил Джек.

— Я знаю всех здешних мальчуганов,— ответила обучающая машина Марк Твен.— Как его зовут?

— Манфред Стайнер.— И он описал мальчика внимательно слушающему автомату.

— Гм-м,— ответила машина, когда он умолк, и еще раз затянулась сигарой.— Полагаю, вы найдете его с римским императором Тиберием. По крайней мере так мне сообщает руководство, которому поручено попечение над этим заведением, я имею в виду школьного мастера.

Тиберий. Джеку и в голову не приходило, что в школе представлены такие фигуры — развратные и безумные персонажи истории. Вероятно, Марк Твен догадался, о чем он думал, по выражению его лица.

— Здесь, в школе, вы встретите, сэр, не только образцы для подражания, но и примеры того, чего нужно избегать с наивысшим тщанием. Путешествуя по этим залам, вы встретите много разбойников, пиратов и негодяев, честно излагающих свои поучительные истории для просвещения юношества.— Марк Твен выпустил кольца дыма и подмигнул Джеку. Джек смущенно поспешил дальше.

Следующий раз он остановился у Иммануила Канта, чтобы справиться о направлении. Рядом с великим философом стояло несколько подростков.

— Тиберия вы найдете вон там,— ответила машина с сильным акцентом и с полной уверенностью указала дальше.

Джек последовал совету и через мгновение увидел хрупкую фигуру. Казалось, римский император стоял задумавшись, но как только Джек приблизился к нему, он повернулся и промолвил:

— Мальчик, которого вы ищете, пошел дальше. Ведь это ваш мальчик, не так ли? На редкость симпатичный юноша.— Тиберий умолк, вновь погрузившись в свои размышления. Джек знал, что на самом деле он подключается сейчас к школьному мастеру, который, задействовав все автоматы, пытается определить местонахождение Манфреда.

— В данную минуту он ни с кем не беседует,— сообщил Тиберий.

Джек двинулся дальше. Мимо промелькнула женская фигура среднего возраста, одарив его улыбкой: рядом с ней не было детей, и он не смог догадаться, кто это.

— Ваш мальчик с Филиппом Вторым Испанским,— проинформировала она и указала направо по коридору, добавив странным тоном: — Будьте добры, поспешите; мы будем вам крайне признательны, если вы выдворите его из школы, и чем быстрее, тем лучше. Спасибо большое.

Машина умолкла, и Джек поспешил в указанном направлении.

Как только он свернул, перед ним выросла бородатая аскетичная фигура Филиппа Второго. Манфреда рядом не было, но его неуловимый дух все еще витал здесь.

— Он только что отбыл, любезный сэр,— произнес автомат таким же обеспокоенным тоном, как и предшествовавший.— Найдите и выдворите его, чем заслужите всеобщую признательность.

Джек бегом бросился по коридору, чувствуя, как его подгоняет леденящий ужас.

— ...всеобщую признательность,— проводила его чья-то сидящая фигура в белой тоге, когда он проносился мимо.

— ...как можно скорее,— подхватил другой седовласый мужчина в сером смокинге ту же литанию.

Джек повернул за угол и увидел Манфреда.

Он сидел на полу, прислонившись к стене и опустив на грудь голову.

— Почему ты убежал? — наклонившись к нему, спросил Джек.

Мальчик молчал. Он прикоснулся к его плечу; тот никак не отреагировал.

— С тобой все в порядке? — спросил Джек.

Манфред шевельнулся, поднялся на ноги и повернулся лицом к Джеку.

— В чем дело?

Манфред молчал, на лице мальчика отражались противоречивые чувства, не находящие выхода; он смотрел на Джека и словно не видел его, полностью погруженный в себя и не умеющий прорваться в окружающий мир.

— Что случилось? — повторил Джек. Но он и сам понимал, что ему никогда не удастся это выяснить: стоящее перед ним существо не умело выражать свои мысли. Между ними могла существовать лишь тишина, полное отсутствие понимания, бездна, которую никогда ничем не заполнить.

Мальчик отвернулся и снова сел на пол.

— Оставайся здесь,— сказал Джек.— Я попрошу их найти мне Дэвида.

Он устало поплелся прочь; Манфред даже не пошевелился. Дойдя до ближайшей обучающей машины, Джек попросил:

— Мне нужен Дэвид Болен, пожалуйста. Я — его отец. Я заберу его домой.

Машина являла собой Томаса Эдисона. Пожилой джентльмен вздрогнул, устремил на него взор и приложил руку к уху. Джек повторил свою просьбу.

— Гадл-гадл,— закивал автомат.

Глаза у Джека полезли на лоб. Он обернулся, но Манфред все так же сидел на полу, привалившись к стене.

— Гадл-гадл,— снова сообщил Томас Эдисон, открыв рот, и умолк.

«Это я? — в панике спрашивал себя Джек.— Это финальный психический срыв? Или...»

Но альтернативы он так и не нашел.

Дальше по коридору был виден еще один обучающий автомат, обращавшийся к группе детей: его металлический гулкий голос разносился по всему коридору.

— Гадл-гадл,— сообщал он детям.

Джек закрыл глаза. С удивительной отчетливостью он понял, что его восприятие, его психика не обманывают его, что все происходит на самом деле.

Манфред Стайнер проник в структуру Общественной Школы, разрушив ее потаенный механизм.

Глава 12

Когда Мильтону Глобу поступил срочный вызов, он все еще сидел за столом в своем кабинете, размышляя над поведением Энн Эстергази. Звонила школьный мастер из Общественной Школы ООН.

— Доктор, простите за беспокойство,— зашелестел ее бесцветный голос,— но мы нуждаемся в вашей помощи. По нашей территории бродит гражданин мужского пола с ярко выраженным психическим расстройством. Мы бы хотели, чтобы вы выдворили его.

— Конечно,— пробормотал доктор Глоб.— Сейчас буду.

Вскоре он уже летел над пустыней по направлению к школе.

Школьный мастер, ожидавшая на посадочной площадке, поспешно повела его через здание к перекрытому отсеку коридора.

— Мы решили, что лучше оградить детей,— объяснила она, нажимая кнопку в стене и открывая выдвижную дверь.

В коридоре стоял человек, лицо которого показалось Глобу знакомым. И тут, совершенно непроизвольно, он почувствовал глубокое удовлетворение. Значит, шизофрения все-таки достала Джека Болена. Взгляд Болена блуждал, на лице застыло изумленное выражение — совершенно очевидно, что он находится в состоянии кататонического ступора, возможно, перемежавшегося повышенным возбуждением. Вид у него был абсолютно изможденный. Рядом стояло еще одно существо, также знакомое доктору Глобу,— Манфред Стайнер.

«Да, ваши отношения не принесли блага ни одному из вас»,— заметил про себя Глоб.

С помощью школьного мастера он погрузил обоих в свой вертолет и, взмыв в воздух, направил машину к Бен-Гуриону.

— Давайте я вам расскажу, что случилось,— промолвил Болен. Он сидел согнувшись, сжав кулаки.

— Пожалуйста,— откликнулся Глоб, наконец взяв себя в руки.

— Я прилетел в школу, чтобы забрать сына,— начал Джек срывающимся голосом.— И взял с собой Манфреда.— Он повернулся и взглянул на мальчика, который еще не вышел из своей каталепсии и совершенно неподвижно, как изваяние, лежал на полу.— Манфред убежал от меня. А потом... связь между мной и школой нарушилась. Единственное, что я воспринимал...

— Folie a deux,— пробормотал Глоб.— Безумие на двоих.

— Вместо школы я начал слышать его,— договорил Болен.— Я слышал, как обучающие автоматы произносят его слова.

— Манфред обладает очень мощным личностным началом,— заметил Глоб.— Пребывание с ним в течение длительного времени истощает. Я думаю, вам лучше оставить этот проект. Мне кажется, вы слишком рискуете.

— Я должен увидеться сегодня с Арни,— прерывистым хриплым шепотом ответил Джек.

— А что будет с вами?

Болен не ответил.

— На данной стадии я еще могу вам помочь,— продолжил Глоб.— Затем... трудно сказать.

— Там, в этой проклятой школе, я совершенно растерялся,— произнес Болен.— Просто не знал, что делать. И все время искал, с кем бы поговорить, кто не был бы похож на него.— Он показал на Манфреда.

— Общаться со школой — это огромная проблема для шизофреника,— ответил Глоб.— Всякий шизофреник, как и вы, общается с людьми на уровне подсознания. А обучающие автоматы, естественно, не обладают им, у них все на поверхности. Поскольку шизофреник привык игнорировать внешнюю данность, он продолжает доискиваться подтекста и наталкивается на пустоту.

— Я не мог понять, что они говорят,— согласился Болен,— это была такая же бессмыслица, какую произносит Манфред.

— Вам еще повезло, что вы вышли из этого состояния,— заметил доктор Глоб.

— Я знаю.

— Ну так что вы будете делать дальше, Болен? Отдыхать и поправляться? Или снова вступите в опасный контакт с ребенком, который настолько нестабилен, что...

— У меня нет выбора,— ответил Джек.

— Это верно. У вас нет выбора, вы должны оставить его в покое.

— Но кое-что я понял,— сказал Джек.— Я понял, как высоки ставки в этой игре лично для меня. Теперь я знаю, что такое быть отрезанным от мира, как Манфред. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы избежать этого. Теперь я не сдамся.— Дрожащими руками он вынул из кармана сигарету и закурил.

— Ваш прогноз неблагоприятен,— заявил Глоб.

Джек Болен кивнул.

— Сейчас наступила ремиссия, несомненно вызванная тем, что вы покинули школьную среду. Хотите начистоту? Я не поручусь, что она продлится долго,— может, еще десять минут, а может, час; может, вам удастся дотянуть до вечера, когда начнется еще более сильный приступ. Ведь особенно тяжелы для вас ночные часы, не так ли?

— Да,— кивнул Болен.

— Есть два варианта. Я могу забрать Манфреда обратно в Бен-Гурион и представлять сегодня вечером ваши интересы у Арни, как ваш официальный психиатр. Я регулярно этим занимаюсь, это мой бизнес. Оплачивайте счет, и я подброшу вас домой.

— Возможно, я воспользуюсь этим позднее,— ответил Болен.— Вы сможете представлять меня, если мне станет хуже. Но сегодня я с Манфредом должен быть у Арни Котта.

Доктор Глоб пожал плечами. «Невосприимчивость к рациональным предложениям,— отметил он про себя.— Признак аутизма. Джека Болена невозможно убедить: он уже слишком отъединен от окружающего мира, чтобы слышать и понимать. Язык превратился для него в пустой ритуал, лишенный какого бы то ни было смысла».

— Мой сын Дэвид,— внезапно вспомнил Болен.— Мне надо вернуться в школу и забрать Дэвида. И вертолет компании И, он тоже там остался.— Взгляд его стал более осмысленным.

— Не надо возвращаться туда,— попытался убедить Глоб.

— Отвезите меня обратно.

— Тогда хотя бы не возвращайтесь в школу; оставайтесь на площадке. Я распоряжусь, чтобы вам прислали сына, а вы, пока он выходит, подождете в вертолете. Это по крайней мере будет менее опасно. Я вместо вас переговорю со школьным мастером.— Доктор Глоб внезапно почувствовал прилив симпатии к этому человеку, к тому, с каким упорством он настаивал на своем.

— Спасибо,— ответил Болен.— Вы очень любезны.— Джек улыбнулся, и доктор тоже ответил ему улыбкой.

— Где Джек Болен? — жалобно спросил Арни Котт. На часах было шесть вечера. Арни сидел в одиночестве в своей гостиной, попивая слегка переслащенный коктейль, который приготовил ему Гелио.

Сейчас ручной бликмен возился на кухне с обедом, используя при этом исключительно товары с черного рынка — из нового источника, открытого Арни. При мысли о том, что их теперь доставляют к нему по оптовым ценам, он ощутил прилив радости. Насколько это лучше старого положения вещей, когда весь доход поступал в карман Норберту Стайнеру! Арни потягивал коктейль и поджидал гостей. Из динамиков в углу лилась музыка, заполняя комнату и убаюкивая уважаемого члена Союза водопроводчиков.

Он пребывал почти в полудреме, когда его разбудил резкий звонок телефона.

— Арни? Это Скотт.

— Да,— недовольно откликнулся Арни — он предпочитал общаться через свою хитрую шифровальную машину.— Послушай, у меня тут важное дело сегодня вечером, и если ты...

— У меня тоже важное,— перебил его Скотт.— Кто-то встал нам поперек дороги.

— Что? Ты имеешь в виду с продуктами? — До Арни наконец дошло, что имел в виду Скотт Темпл.

— Да,— откликнулся Скотт.— И у него все на мази. Своя посадочная площадка, свои ракеты, торговые маршруты — наверное, он унаследовал все после Стай...

— Можешь не продолжать,— прервал Арни.— Лети сюда сейчас же.

— Будет сделано.— И Скотт повесил трубку.

«Ну и как вам это понравится,— огорчился Арни.— Только я начал вставать на ноги, как появляется какой-то негодяй! И главное — я ведь даже не собирался впутываться в черный рынок, почему этот парень сразу не сообщил мне, что хочет подхватить дело Стайнера? А теперь поздно: я уже взялся, и никто не заставит меня бросить его».

Через полчаса в дверях появился возбужденный Скотт: ворвавшись в гостиную, он принялся мерять ее огромными шагами, поедая закуски и тараторя на ходу.

— Этот парень — настоящий профи, в деле не новичок — уже облазил весь Марс, включая самые отдаленные дома, где хозяйки покупают в лучшем случае по одной баночке; всюду успел сунуть свой нос. Учитывая, что мы только начинаем,

боюсь, он не оставит нам ни малейшей лазейки. Если говорить начистоту, парень перекрывает нам весь кислород.

— Понимаю,— откликнулся Арни, потирая лысину.

— Надо что-то делать.

— А ты знаешь, где у него база?

— Нет, но, вероятно, где-то в горах Франклина Рузвельта — там была площадка у Норба Стайнера. Надо поискать там.— И Скотт сделал пометку в записной книжке.

— Найди его площадку и сообщи мне. А я отправлю туда полицейский корабль из Льюистауна.

— Тогда он поймет, кто на него точит зуб.

— Верно. Пусть знает, что ему придется бороться не с обычными конкурентами, а с самим Арни Коттом. А я позабочусь, чтобы полиция сбросила на его площадку тактическую бомбу. Пусть негодяй сообразит, что мы искренне недовольны его деятельностью. Подумать только, прийти и мешать мне, когда я даже не хотел ввязываться в это дело! И без него-то несладко!

Скотт кончил записывать: «И без него-то несладко!»

— Ты все узнаешь, а я прослежу, чтобы им занялись,— подытожил Арни.— Сам он нам не нужен, только оборудование — зачем впутываться в неприятности с ООН. Уверен, это образумит его. Как ты думаешь, он один? Не какая-нибудь большая компания с Земли?

— Как я понял из рассказов, он определенно один.

— Вот и хорошо.— Арни распрощался со Скоттом и снова остался в одиночестве в гостиной, только на кухне колдовал бликмен.

— Как наша рыбная похлебка с чесноком? — крикнул Арни.

— Отлично, мистер,— откликнулся Гелиогабал.— Могу я спросить, кого вы собираетесь кормить сегодня? — Он трудился у плиты, расположив вокруг несколько видов рыбы, травы и различные специи.

— У меня будут Джек Болен, Дорин Андертон и один аутичный ребенок, с которым работает Джек по совету доктора Глоба... сын Норба Стайнера,— ответил Арни.

— Все подлые типы,— пробормотал Гелиогабал.

«Как и ты»,— ответил ему про себя Арни.

— Лучше как следует занимайся едой,— раздраженно добавил он, закрыл дверь на кухню и вернулся в гостиную. «Это ты, чернокожий мошенник, втянул меня во все это,— подумал он,— ты со своим пророческим камнем натолкнул меня на эту мысль. И лучше бы она сработала, потому что я все поставил на эту карту. К тому же...»

Дверной звонок заглушил звуки музыки.

Открыв дверь, Арни увидел Дорин: нежно улыбаясь, она вошла в гостиную. На ней были туфли на высоких каблуках, плечи окутывал мех.

— Привет. Чем это так вкусно пахнет?

— Да какая-то несчастная рыба.— Арни снял с гостьи накидку, обнажив гладкие, загорелые, чуть веснушчатые плечи.— Нет-нет-нет,— тут же запротестовал он,— это совершенно не подходит, у нас сегодня вечером дела. Входи и надень приличную блузку.— Он подтолкнул ее к спальне.— А с этим подожди до следующего раза.

«Какая потрясающая, первоклассная баба мне досталась»,— думал Арни, стоя в дверях и глядя, как она переодевается. Она разложила свое декольтированное платье на кровати. «Это я ей подарил»,— вспомнил Арни. Вспомнил он и манекенщицу, которая демонстрировала платье в магазине, но Дорин выглядела в нем гораздо лучше — эти огненно-рыжие волосы, ниспадавшие по шее, словно всполохи пожара...

— Арни,— повернулась она к нему, застегивая блузку,— будь сегодня помягче с Джеком Боленом.

— Какого черта, ты о чем? Единственное, что мне нужно от старины Джека, это результаты — он и так провозился, время кончилось.

— Полегче, Арни,— повторила Дорин.— Или я никогда не прощу тебе этого.

Ворча, он вышел в гостиную и направился к буфету, чтобы сделать ей коктейль.

— Что будешь пить? У меня есть бутылка десятилетнего ирландского виски, очень неплохого.

— Хорошо,— ответила Дорин, появляясь из спальни. Она села на диван и расправила юбку на коленях.

— Ты, как всегда, что бы ни надела, прекрасно выглядишь,— оценил Арни.

— Спасибо.

— Послушай, все, чем вы занимаетесь с Боленом, делается с моего ведома, как тебе известно. И все это лишь видимость, верно? В глубине души ты принадлежишь мне.

— Что ты имеешь в виду — «в глубине души»? — лукаво поинтересовалась Дорин, не спуская с него глаз, пока он не рассмеялся.— Конечно, я твоя, Арни. Здесь, в Льюистауне, все принадлежит тебе до последнего кирпича и соломинки. Каждый раз, когда я включаю воду на кухне, я думаю о тебе.

— Почему обо мне?

— Потому что ты — тотемное божество утекающей воды.— Она улыбнулась.— Шучу, я просто вспоминаю твою парилку с уходящей навсегда водой.

— Да, помнишь, как мы с тобой пошли туда поздно ночью,— я открыл ее своим ключом, и мы, как пара шалунов, включили горячие краны, пока все не заполнилось густым паром. А потом разделись — ну и пьяны же мы были — и начали бегать и прятаться друг от друга в этом пару...— Он усмехнулся.— А потом я поймал тебя на скамье массажистки, и там-то уж мы развлеклись на славу.

— В очень первобытном духе,— припоминая, откликнулась Дорин.

— В ту ночь я чувствовал себя девятнадцатилетним,— заметил Арни.— Я вообще чувствую себя очень молодым для своего возраста, во мне осталось много сил, если ты понимаешь, что я имею в виду.— Он прошелся по комнате.— Господи, да когда же придет Болен?

Зазвонил телефон.

— Мистер,— закричал Гелиогабал из кухни.— Я не могу подойти, вынужден вас просить ответить самостоятельно.

— Это звонит Болен сказать, что ему ничего не удалось...— заметил Арни и, прочистив горло, снял трубку.

— Арни,— послышался в ней мужской голос.— Простите, что беспокою вас, это доктор Глоб.

— Привет, док,— с облегчением ответил Арни и пояснил Дорин: — Это не Болен.

— Арни, я знаю, вы сегодня встречаетесь с Джеком Боленом,— начал Глоб.— Он еще не у вас?

— Нет.

Глоб замешкался.

— Арни, мне довелось сегодня провести некоторое время с Джеком, и хотя...

— В чем дело? У него что, был приступ? — Арни интуитивно чувствовал, что так и есть; потому-то доктор и звонил.— Ладно, он в цейтноте, его поджимает время, понимаю. Но оно всех нас поджимает. Придется разочаровать вас, если вы намерены придумывать за него отговорки, как за ребенка, прогулявшего школу. Я не смогу его извинить. Болен знал, за что брался. Если он сегодня не представит мне результатов, я устрою так, что до конца жизни ему и сгоревшего тостера никто не доверит здесь на Марсе.

— Именно такие, как вы, с вашими бессердечными понуканиями, и порождают шизофреников,— помолчав, заметил Глоб.

— Ну и что? У меня есть свои требования, он должен им соответствовать, вот и все. Требования высокие — я знаю.

— Но и у него есть высокие требования.

— Не такие высокие, как мои,— возразил Арни.— Что-нибудь еще хотите сказать, док?

— Нет,— ответил Глоб.— Разве что...— Его голос дрогнул.— Нет, ничего. Спасибо, что уделили мне время.

— Спасибо и вам за звонок,— откликнулся Арни и повесил трубку.— Безмозглый болван — боится сказать, что думает на самом деле.— Он брезгливо отошел от аппарата.— Боится даже защитить то, во что верит. Ничего, кроме презрения, Глоб у меня не вызывает. Зачем было звонить, если не хватает мужества?

— Странно, что он вообще позвонил,— заметила Дорин.— Что высунулся. Что он сказал о Джеке? — Ее глаза потемнели от тревоги. Она встала и, подойдя к Арни, взяла его за руку.

— А-а, просто он сегодня виделся с Боленом; кажется, у того был какой-то припадок — ну знаешь, его болезни.

— Он прилетит?

— Господи, понятия не имею! Почему все нужно так усложнять? Врачи звонят, ты лапаешь меня, как побитая собака.— Он негодующе расцепил на своей руке ее пальцы и оттолкнул Дорин.— И еще этот черномазый на кухне! Он что, ведьмовское зелье готовит? Сидит там часами!

— Послушай, Арни,— тихо, но твердо произнесла Дорин.— Если ты начнешь жать на Джека слишком сильно и причинишь ему боль, я больше никогда не лягу с тобой в постель. Имей в виду.

— Господи, все его защищают, неудивительно, что он болеет.

— Он хороший человек.

— Лучше бы он был хорошим техником, лучше бы он раскрыл передо мной сознание этого ребенка, чтобы я смог читать по нему, как по дорожной карте.

Дорин встряхнула головой, взяла свой коктейль и отошла от Арни.

— Ладно. Я не могу тебе приказывать. Найдется еще десяток женщин, которые в постели будут ничуть не хуже меня. Кто я такая, чтобы указывать Арни Котту?

— Черт, Дор, ты же знаешь, ты неповторима, другой такой не найти.— Арни неловко тронулся за ней.— Твоя спина такая гладкая...— Он погладил ее шею.— Отпад, даже по земным меркам.

Раздался звонок в дверь.

— Это он.— Арни бросился к выходу.

На пороге стоял Джек Болен. Вид у него был изможденный. Рядом пританцовывал на цыпочках мальчик, взгляд которого перебегал с одного предмета на другой, ни на чем подолгу не задерживаясь. Как только дверь раскрылась, он тут же проскользнул в гостиную и скрылся из виду.

— Заходи,— смущенно промолвил Арни.

— Спасибо, Арни,— ответил Джек. Арни закрыл дверь, и оба принялись озираться в поисках Манфреда.

— Он пошел на кухню,— пояснила Дорин.

Арни открыл дверь на кухню и увидел Манфреда, который стоял, уставившись на Гелиогабала.

— В чем дело? — поинтересовался Арни.— Ты никогда раньше не видел бликмена?

Мальчик ничего не ответил.

— Что ты готовишь на десерт, Гелио? — спросил Арни.

— Фруктовый пирог,— ответил Гелиогабал.— И сладкий крем в карамельном соусе. Из кулинарной книги мадам Ромбо.

— Познакомься, Манфред, это — Гелиогабал,— сказал Арни.

Дорин и Джек, стоя в дверях, наблюдали за сценой. Арни тоже заметил, что бликмен произвел на мальчика неотразимое впечатление. Словно завороженный, Манфред следил за каждым его движением. С хирургической осторожностью Гелиогабал залил фруктовую начинку в готовые формочки, после чего аккуратно перенес их в морозилку.

— Привет,— робко промолвил Манфред.

— Вот это да! Он произнес настоящее слово! — воскликнул Арни.

— Я должен попросить всех вас покинуть кухню,— раздраженно заявил Гелиогабал.— Присутствие посторонних нервирует меня, я не могу работать.— Он уставился на людей, переводя взгляд с одного на другого, пока не вынудил их выйти. Захлопнувшаяся дверь скрыла Гелиогабала из виду.

— Немного чудаковат,— извинился Арни.— Но готовит изумительно.

— Я впервые слышу, чтобы Манфред заговорил,— наклонился Джек к Дорин и потрясенный отошел к окну, не обращая внимания на остальных.

— Что будешь пить? — обратился к нему Арни.

— Бурбон с водой.

— Сейчас смешаю,— согласился Арни.— Не могу надоедать Гелио с такими пустяками,— рассмеялся он. Джек остался безучастным к его веселью.

Наконец все трое уселись. Манфред получил старые журналы и растянулся с ними на ковре, полностью игнорируя присутствующих.

— Подождите, пока он подаст свою стряпню,— промолвил Арни.

— Пахнет замечательно,— ответила Дорин.

— Все с черного рынка.

Сидящие на диване Джек и Дорин согласно кивнули.

— Сегодня у нас особенный вечер,— произнес Арни.

Они снова кивнули.

— За взаимопонимание,— провозгласил Арни, поднимая стакан.— Без которого мы были бы ничем.

— Я выпью за это,— мрачно откликнулся Джек. Однако в стакане у него уже было пусто, и он в растерянности замолчал.

— Сейчас налью,— вскочил Арни, забирая стакан.

Подойдя к буфету и смешивая для Джека виски, он заметил, что Манфреду уже наскучили журналы, мальчик снова встал и слоняется по комнате. «Может, ему понравится вырезать и наклеивать»,— подумал Арни. И, вернув Джеку стакан, направился на кухню.

— Гелио, добудь мальчугану клей и ножницы и какой-нибудь лист бумаги, чтобы можно было наклеивать.

Гелио уже покончил с десертом и теперь восседал с номером «Лайф». Он неохотно поднялся и отправился искать необходимые предметы.

— Забавный мальчуган, не правда ли? — спросил Арни, когда Гелио вернулся.— Что ты думаешь о нем? Наши мнения совпадают?

— Все дети одинаковы,— уклонился Гелио и отправился обратно на кухню.

— Скоро будем есть,— объявил Арни.— Все попробовали датский сыр? Кто-нибудь еще чего-нибудь хочет?

Зазвонил телефон, и Дорин, сидевшая к нему ближе всех, сняла трубку.

— Тебя. Мужчина,— передавая трубку Арни, сообщила она.

Это снова был доктор Глоб.

— Мистер Котт,— высоким натянутым голосом произнес Глоб,— профессиональная честь обязывает меня защищать своих

пациентов. Я тоже умею играть в ваши игры. Как известно, в Бен-Гурионе находится ваш внебрачный сын Сэм Эстергази...

Арни издал стон.

— Если вы дурно обойдетесь с Джеком Боленом,— продолжил Глоб,— если вы начнете применять к нему свои жестокие, бесчеловечные, агрессивные методы, я исключу Сэма Эстергази из лагеря на основании того, что он является умственно отсталым. Усвоили?

— Господи Иисусе,— простонал Арни.— Завтра поговорим. Ляпте вы в постель и усните. Примите таблетку. Только отстаньте от меня.— И он бросил трубку.

Кассета закончилась, музыка давно стихла, и Арни, подойдя к своей фонотеке, вытащил наугад какую-то коробку. «Ох уж этот доктор,— вертелось в голове.— Ну я до него доберусь. Только не сейчас. Сейчас нет времени. Верно, он это неспроста». Арни перевернул коробку и прочел: «В. А. Моцарт. Симфония 40 соль минор. Ор. 550».

— Люблю Моцарта,— сообщил Арни присутствующим.— Я поставлю эту запись.— Он вынул кассету из коробки и вставил ее в магнитофон, затем повертел ручки усилителя, пока не раздалось тихое шипение пленки, проходящей через головку.— Дирижирует Бруно Вальтер,— сообщил он своим гостям.— Большой раритет эпохи золотого века звукозаписи.

Из динамиков вырвались отвратительные крики и скрежет. «Словно мертвецы сотрясаются в судорогах»,— с ужасом мелькнуло в голове Арни, и он бросился выключать.

Манфред Стайнер сидел на ковре, вырезая из журналов картинки и наклеивая их в новых сочетаниях, когда раздался шум. Он поднял голову и увидел, как Котт бросается к магнитофону. Однако двигался он так быстро, что был почти невидим: казалось, мужчина просто исчез из одной части комнаты и появился в другой. Мальчику стало страшно.

Звук тоже напугал его. Он кинул взгляд на диван, где сидел мистер Болен, но тот был так странно переплетен с Дорин Андертон, сидевшей рядом, что Манфред тревожно съежился. Как эти двое могут находиться так близко друг от друга? Манфреду показалось, что они слились воедино, и ему стало страшно. Он сделал вид, будто не видит их, устремив взгляд мимо, на безопасную голую стену.

Раздался резкий прерывистый голос мистера Котта, хотя смысла сказанного Манфред не понял. Потом заговорила До-

рин Андертон, затем вступил и Джек Болен — и все они говорили, перебивая друг друга; возник такой хаос, что мальчик зажал уши руками. И тут же без всякого предупреждения мистер Котт пересек комнату и окончательно исчез.

Мальчик тщетно оглядывался по сторонам, его охватила дрожь — он не знал, что будет дальше. А потом, к собственному изумлению, увидел, как мистер Котт вновь возник — в помещении, где находилась пища, и начал беседовать с темнокожей фигурой.

Темная фигура с грациозным изяществом соскользнула с высокого табурета и пересекла комнату. Завороженный движениями, Манфред смотрел на него, не сводя глаз, и вдруг тот обернулся.

— Ты должен умереть,— произнес темнокожий, словно издалека.— Тогда ты возродишься. Понимаешь, дитя? Такого, как ты есть сейчас, ничего впереди не ждет. Что-то не сложилось, ты не умеешь ни видеть, ни слышать, ни чувствовать. И никто тебе не поможет. Понимаешь, дитя?

— Да,— ответил Манфред.

Темная фигура скользнула к раковине, налила в стакан воды, добавила какой-то порошок и вручила его мистеру Котту, который, не умолкая, выпил его. Как прекрасна была эта темная фигура! «Почему я не могу быть таким?» — подумал Манфред. Он никогда еще не видел таких красивых людей.

А затем его связь с этим призрачным человеком была нарушена: на кухню вбежала Дорин Андертон, что-то тараторя высоким голосом. Манфред снова заткнул уши, но заглушить шум ему не удалось. Тогда он решил сбежать, чтобы избавиться и от звуков, и от этих внезапных появлений и исчезновений.

Перед ним тянулась горная тропа. Над головой нависало тяжелое красное небо с едва различимыми мелкими точками: тысячи пятен приближались и увеличивались в размерах. Из них начали вываливаться и рассеиваться вокруг люди. А потом они принялись что-то чертить на земле, а сверху стали опускаться огромные предметы, похожие на улиток. Коснувшись колесами поверхности, те сразу же начинали копать.

Он увидел дыру, огромную как мир; земля исчезла, все стало черным и пустым... Люди прыгали в эту дыру и исчезали, пока никого не осталось. Он снова был один в безмолвном мире-дыре.

Подобравшись к краю, Манфред заглянул вниз. На самом дне копошилось какое-то скрюченное создание. Оно начало

распрямляться, расширяться, обрело цвет и заполнило собой все пространство.

«Я в тебе снова»,— подумал Манфред.

— Он здесь старожил,— произнес чей-то голос.— Он уже был здесь, когда мы прибыли. Он невероятно стар.

— Ему нравится здесь?

— Кто знает? Он не может ни ходить, ни кормить себя. Все документы погибли при пожаре. Ему ампутировали конечности и, естественно, извлекли большую часть внутренних органов. В основном он жалуется на аллергию.

«Нет,— подумал Манфред,— я этого не вынесу — в носу все горит. Я не могу дышать. И это начало жизни, которое обещал темный человек? Новый зачин, когда я буду иным и мне смогут помочь? Пожалуйста, помогите! Мне нужен кто-то, кто угодно! Я не могу дожидаться здесь вечность: скорее — или уже не приходите вовсе. Если вы не поспешите, я вырасту и превращусь в дыру, которая пожрет все».

Дыра под кооперативными зданиями застыла в ожидании тех, кто пройдет и прошел над ней, она жаждала стать всем и вся. И только Манфред Стайнер еще удерживал ее.

Джек Болен поставил пустой стакан, чувствуя, как тело распадается на мельчайшие частички.

— У нас кончилось спиртное,— пробормотал он своей соседке.

— Джек, помни, у тебя есть друзья,— быстро прошептала ему Дорин.— Я — твой друг, звонивший сюда доктор Глоб — твой друг.— Она тревожно заглянула ему в глаза.— С тобой все в порядке?

— Ради бога, Джек, я хочу знать, чего ты добился,— воскликнул Арни.— Ты можешь мне что-нибудь показать? — Он кинул на них ревнивый взгляд, и Дорин незаметно отодвинулась от Джека.— Вы так и собираетесь сидеть там вдвоем и шептаться? Меня это не устраивает.— Он повернулся и двинулся на кухню.

— Я люблю тебя,— прошептала Дорин, наклонившись к Джеку, ее губы почти касались его лица.

Он попытался улыбнуться.

— Спасибо,— ответил он, мечтая дать ей понять, как много она для него значит, и поцеловал ее. Ее губы были теплыми и мягкими от любви — они отдавали ему все, что могли, ничего не оставляя про запас.

— Я чувствую, как ты ускользаешь, уходишь все глубже и глубже внутрь себя,— со слезами на глазах промолвила Дорин.

— Нет,— откликнулся Джек.— Со мной все в порядке.— Но он знал, что это неправда.

— Гадл-гадл,— промолвила женщина.

Джек закрыл глаза. «Теперь мне не выбраться,— мелькнуло в голове.— Оно сомкнулось надо мной навсегда».

Когда он снова открыл глаза, то увидел, что Дорин встала и направляется на кухню. Через некоторое время оттуда донеслись голоса ее и Арни:

— Гадл-гадл-гадл.

— Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь? — повернувшись к Манфреду, спросил Джек.

Манфред поднял на него глаза и улыбнулся.

— Поговори со мной. Помоги мне,— попросил Джек.

Ответа не было.

Джек поднялся и подошел к магнитофону. «Остался бы я живым, если бы послушался доктора Глоба? Если бы отказался лететь сюда и поручил ему представлять меня? Вероятно, нет. Как и предыдущий приступ, это все равно бы случилось. Процесс постепенно развивается и должен достичь своего логического завершения».

В следующий момент он увидел, что стоит на темном пустом тротуаре. Комната, люди — все исчезло, он был один.

С обеих сторон высились серые ровные здания. Уже AM-WEB?.. В панике Джек начал озираться. Повсюду светились фонари — он был в городе, в котором наконец узнал Льюистаун.

— Постой,— окликнул его голос, женский голос.

Из парадного к нему спешила женщина в меховой накидке, высокие каблуки выстукивали по тротуару и отдавались эхом. Джек остановился.

— В конечном итоге все вышло не так уж плохо,— произнесла она, догоняя его и отдуваясь.— Слава тебе, господи, все позади. Ты был так напряжен — я ощущала это весь вечер. Арни ужасно расстроен сведениями о кооперативах. Они так богаты и могущественны, что он сразу начинает ощущать себя мелкой сошкой.

Женщина взяла его за руку, и они пошли куда глаза глядят.

— И еще он сказал, что оставит тебя на работе,— добавила она.— Я уверена, он так и сделает. Хотя и обиделся, видно было.

Джек пытался что-нибудь вспомнить, но ничего не получалось.

— Ответь мне,— взмолилась Дорин.

— Он был бы опасным врагом,— помолчав, выдавил из себя Джек.

— Боюсь, ты прав.— Она заглянула ему в лицо.— Пойдем ко мне? Или ты хочешь еще куда-нибудь зайти и выпить?

— Давай просто погуляем,— предложил Джек.

— Ты все еще любишь меня?

— Конечно.

— Ты боишься Арни? Его мести? Он не понял тебя, когда ты говорил об отце; он считает, что ты каким-то образом...— Дорин помотала головой.— Джек, он с тобой поквитается, он считает, что ты виноват. У него такие допотопные взгляды.

— Да,— согласился Джек.

— Скажи что-нибудь,— снова попросила Дорин.— Ты как деревянный, как неживой. Разве все было так ужасно? Ведь нет же, правда?

— Я... я не боюсь его,— с усилием вымолвил Джек.

— Ты оставишь ради меня жену, Джек? Ты сказал, что любишь меня. Мы могли бы вернуться на Землю...

Они брели все дальше и дальше.

Глава 13

Отто Цитте казалось, что жизнь вновь распахнула для него свои горизонты: после смерти Норба Стайнера он, как в былые дни, ездил по Марсу, рекламировал, продавал, встречался и болтал с людьми.

И что самое главное, ему уже удалось познакомиться с несколькими симпатичными женщинами — одинокими домохозяйками, живущими далеко в пустыне и изнывающими по обществу... если можно так выразиться.

Он пока не навестил миссис Сильвию Болен, но точно знал, где расположен ее дом, и пометил его на своей карте.

Сегодня он планировал туда заглянуть.

По этому случаю Отто надел самое лучшее: английский однобортный облегающий пиджак из блестящей ткани, который не носил уже тысячу лет. Ботинки и рубашка, к сожалению, были местного производства. Зато галстук! Только что из Нью-Йорка — самых модных ярких цветов и с расщепленным концом. Он любовался им, держа в руках, и, надев, тоже не мог скрыть восхищения.

Его длинные темные волосы лоснились. Он ощущал себя счастливым и уверенным. «С такой женщиной, как Сильвия, я словно родился заново»,— заметил про себя Отто, надевая

сверху шерстяную куртку, беря чемоданы и выходя со склада — вперед, к цивилизации.

Вертолет дугой взмыл в воздух и взял курс на восток. Туманные горы исчезли в дымке позади, внизу лежала пустыня и канал Джорджа Вашингтона — основной ориентир. Следуя вдоль него, он достиг сети более мелких каналов и вскоре уже летел над пересечением каналов Геродота и Уильяма Батлера Йетса, неподалеку от которого жили Болены.

Вспоминая обеих женщин, Отто был вынужден признать, что привлекательностью обладали и Джун Хинесси, и Сильвия Болен, но Сильвия пришлась ему больше по вкусу: в ней чувствовалась дремлющая страстность, свойственная глубоко эмоциональным натурам. Джун выглядела слишком бойкой и развязной — такие только знай себе болтают. «Мне нужна женщина-слушательница»,— решил про себя Отто.

Ему вспомнился прошлый скандал. «Интересно, какой у нее муж? Надо будет узнать. Многие из этих мужчин всерьез ведут жизнь пионеров, особенно те, что живут вдалеке от города, держат дома оружие, ну и все такое».

Однако дело стоило риска.

А на случай неприятностей у Отто Цитте имелся и собственный пистолет двадцать второго калибра — в потайном кармашке одного из чемоданов. Он и сейчас был там с полной обоймой.

«Не советую связываться со мной,— заметил про себя Отто.— А будете напрашиваться, так получите».

Вдохновившись этой мыслью, он пошел на снижение, бросил взгляд вниз — у дома Боленов вертолета не было — и приготовился к посадке.

Врожденная осторожность заставила его припарковать вертолет в миле от дома Боленов у истока служебного канала. Оттуда придется идти пешком, с чемоданами — выбора не было. По дороге стояло еще несколько домов, но он не остановился ни у одного из них, целенаправленно двигаясь вдоль канала.

Подойдя к своей цели, Отто Цитте замедлил шаг и перевел дыхание. Из соседнего дома вылетела группа ребятишек... «Родители дома»,— отметил он про себя, оглядываясь по сторонам. Он подошел к дому Боленов с противоположной стороны, бесшумно ступая и все время держась так, чтобы дом заслонял его от соседей.

Наконец он поднялся на крыльцо и позвонил.

Красные шторы на окне гостиной раздвинулись, кто-то выглянул. На всякий случай Отто изобразил на лице официальную вежливую улыбку.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла Сильвия Болен — волосы аккуратно уложены, на губах помада, свитер джерси, узкие розовые брюки, на ногах — сандалии. Краем глаза Отто заметил, что ногти у нее покрыты ярко-красным лаком. Совершенно очевидно — она готовилась к его приходу. Впрочем, сейчас она, естественно, приняла равнодушную, отстраненную позу и молча разглядывала его, не отпуская дверной ручки.

— Миссис Болен,— произнес он задушевным тоном и поклонился.— Возможность лицезреть вас снова — достойная награда за бесконечные просторы безлюдной пустыни. Вас не заинтересует наш особый суп из кенгуриных хвостов? Невероятно вкусно — продукт, недоступный на Марсе ни за какую цену. Я прибыл с ним именно к вам, заметив, что вы разбираетесь в деликатесах и в состоянии оценить их, невзирая на стоимость.— Произнося все это, он осторожно подталкивал чемоданы к открытой двери.

— Заходите,— слегка натянуто и неуверенно промолвила Сильвия и распахнула дверь.

Отто тут же прошел в дом и разложил свои чемоданы у низенького столика в гостиной. Взгляд его остановился на детском луке и колчане со стрелами.

— Ваш сын дома?

— Нет.— Сильвия, сложив руки, нервно ходила по комнате.— Он сегодня в школе.— Она попыталась улыбнуться.— А свекор уехал в город, его не будет до вечера.

«Что ж, понимаю»,— отметил про себя Отто.

— Садитесь, пожалуйста, и я все как следует вам покажу.— Одним движением он пододвинул стул, и Сильвия опустилась на краешек, соединив колени и не опуская рук. «Напряжена... Хороший знак. Она понимает смысл происходящего: цель визита, отсутствие сына и то, что она предусмотрительно заперла входную дверь, да и шторы остались задернутыми».

— Может, кофе? — Сильвия вскочила и нырнула на кухню. Через мгновение она появилась с подносом, на котором дымился кофейник, стояли сахар, сливки и две фарфоровые чашки.

— Благодарю вас,— промурлыкал Отто. Пока ее не было, он успел пододвинуть второй стул.

Они сели пить кофе.

— И вам не страшно проводить здесь так много времени одной? В столь безлюдной местности?

— Да нет, похоже, я привыкла,— украдкой глядя на него, ответила Сильвия.

— А где вы жили на Земле?

— В Сент-Луисе.

— Да, здесь все совсем иначе. Новая, более свободная жизнь, в которой можно расслабиться и чувствовать себя самим собой, вы согласны? А старые нравы и обычаи устаревшего мира следует забыть. Вот...— Отто окинул взглядом гостиную со стереотипной обстановкой: он уже сотню раз видел такие стулья, ковры, безделушки в других, похожих на этот, домах.— Здесь перед нами открываются неожиданные, бьющие через край возможности, встречающиеся лишь раз на пути отважного человека.

— А что у вас есть еще, кроме кенгуриных супов?

— Ну, перепелиные яйца,— сосредоточенно нахмурился Отто,— очень хорошие. Натуральное коровье масло. Сметана. Копченые устрицы. Или вот — принесите, пожалуйста, обычные крекеры, а я на пробу намажу их маслом и икрой.— Он улыбнулся, и женщина ответила ему сияющей улыбкой.

Она вскочила и с возбужденным блеском в глазах, подпрыгивая, бросилась на кухню, как маленькая девочка. Через минуту, склонившись над столом, они уже намазывали черные маслянистые икринки на крекеры.

— Ничто не может сравниться с настоящей икрой,— вздохнула Сильвия.— Я ела ее только один раз в жизни в ресторане в Сан-Франциско.

— Обратите внимание, что у меня есть еще.— И он извлек из чемодана бутылку.— Зеленое венгерское из погребов Буэно-Висты в Калифорнии — старейших погребов этого штата!

Сильвия достала узкие бокалы на длинных ножках, хотя Отто и захватил с собой предусмотрительно стаканы.

— Боже! Как в сказке.— Сильвия полузакрыла глаза и откинулась на спинку дивана.— Я не верю, что это наяву.

— Но это наяву.— Отто отставил бокал и склонился над ней. Дыхание ее замедлилось, словно она заснула, но из-под опущенных ресниц Сильвия зорко следила за ним. Она знала, что происходит, и не шевельнулась, не ускользнула, пока он склонялся все ближе и ближе.

Продукты и вино, подсчитал Отто, обнимая ее, обошлись по меньшей мере в сотню долларов ООН. Но дело стоит того.

Старая история повторялась. Снова без всякой прибыли. И даже с убытком — прикидывал Отто, когда они перешли в спальню с задернутыми шторами, гостеприимно принявшую их в свой полумрак.

— Со мной еще никогда такого не было за всю мою жизнь,— пробормотала Сильвия.— Я пьяна, да? О господи.— Лицо ее выражало удовольствие и покой.

— Я сошла с ума? — прошептала она после долгой паузы.— Наверное, я сошла с ума. Просто не могу поверить, наверное, это все наваждение. Так какая разница? Разве может быть дурным то, что делаешь во сне? — После этого она уже не произнесла ни слова.

Это-то ему и нравилось в ней, он не любил болтушек.

«Что есть безумие?» — размышлял Джек Болен. Для него оно заключалось в том, что он потерял Манфреда Стайнера, и даже не мог вспомнить когда и как. Он почти ничего не помнил из того, что случилось вчера у Арни, и только из рассказов Дорин по кусочкам сложил какую-то картинку. Полное безумие — конструировать картину собственной жизни по рассказам окружающих.

Провал в памяти свидетельствовал о более серьезных глубинных нарушениях психики. Произошло это после того, как он несколько раз проиграл про себя и прожил ожидающееся событие, истинное содержание которого и оказалось утерянным для него.

Снова и снова Джек представлял себе заранее вечер в гостиной Арни Котта, а когда тот наконец в самом деле начался, пропустил его. Фундаментальное нарушение восприятия пространства и времени, основа шизофрении, по мнению доктора Глоба.

Все, что происходило у Арни, существовало для Джека вне всякой последовательности. Восстановить события он не мог, да и ни к чему это было, ибо вчерашний вечер уже принадлежал прошлому. А нарушение восприятия прошлого свидетельствовало не о шизофрении, а о навязчивом неврозе. Основную же проблему представляло будущее.

Будущее Джека, по его личной оценке, состояло в основном из Арни Котта и инстинктивной жажды мести.

«Что мы можем против Арни? — спрашивал он себя.— Почти ничего».

Джек отошел от окна и медленно вернулся в спальню, где на широкой кровати все еще спала Дорин.

Пока он стоял, глядя на нее, она проснулась.

— Мне приснился странный сон,— сказала она с улыбкой.— Я дирижировала мессой Баха в си миноре, написанной на четы-

ре четверти. Но когда я дошла до середины, кто-то забрал мою дирижерскую палочку, заявив, что она написана в другом размере.— Дорин нахмурилась.— Но она действительно на четыре четверти. И с чего бы мне дирижировать ею? Я даже не люблю эту мессу. У Арни есть запись, он слушает ее по вечерам.

Джек вспомнил свои сны, которые снились ему в последнее время: странные блуждающие силуэты, здания с огромным количеством помещений, бесконечно кружащие хищные птицы над головой. И какая-то гадость в буфете: он не видел, а лишь чувствовал ее присутствие.

— Сны обычно связаны с будущим,— заметила Дорин.— Они отражают потенциал человека. Арни хотел организовать симфонический оркестр в Льюистауне — он уже обсуждал это с Босли Тувимом. Возможно, я стану его дирижером.— Она выскользнула из-под одеяла и встала — нагая, высокая, стройная.

— Дорин,— решительно сказал Джек,— я не помню вчерашний вечер. Что с Манфредом?

— Он остался с Арни. Потому что теперь ему надо вернуться в Бен-Гурион, и Арни его отвезет. Он постоянно ездит в Новый Израиль навещать своего сына, Сэма Эстергази. Арни сказал тебе, что и сегодня туда поедет. Джек... а у тебя раньше бывали случаи амнезии?

— Нет.

— Вероятно, тебя так потрясла ссора с Арни; я уже замечала, с ним очень тяжело иметь дело.

— Возможно,— откликнулся Джек.

— Как насчет завтрака? — Дорин выдвинула ящик комода и достала оттуда свежее белье и блузку.— Я сделаю яичницу с ветчиной — прекрасная консервированная датская ветчина. Из запасов Арни с черного рынка,— поколебавшись, добавила она.— Но действительно очень вкусно.

— Годится,— ответил Джек.

— Когда мы легли вчера, я несколько часов не спала — все думала, что предпримет Арни. Я имею в виду, что он сделает с нами. Полагаю, это будет касаться твоей работы, Джек; наверное, он нажмет на мистера И, чтобы тот уволил тебя. Ты должен подготовиться. Мы оба должны быть готовы. Ну и, естественно, он вышвырнет меня, это очевидно. Но меня это не волнует — у меня есть ты.

— Да, так. У тебя есть я,— машинально повторил Джек.

— Месть Арни Котта,— плещась в ванной, продолжала Дорин.— Но он же обыкновенный человек, так что нечего тут

бояться. Лучше уж иметь дело с ним, чем с твоим Манфредом,— я действительно не могу выносить этого ребенка. Вчерашний вечер был сплошным кошмаром, мне казалось, будто вся комната пронизана какими-то холодными мокрыми щупальцами, проникающими мне в мозг... чем-то злобным и грязным. И я знаю, где находился их источник.— Она помолчала.— В Манфреде. Это были его мысли.

Дорин вышла на кухню и занялась яичницей и кофе, Джек накрыл на стол. Они сели завтракать. Пища благоухала, и Джек почувствовал себя гораздо лучше: ее вид, вкус, запах вселяли радость в его душу, как и то, что напротив сидела Дорин с перехваченными сзади веселой ленточкой волосами.

— Твой сын похож на Манфреда? — спросила она.

— Черт, конечно, нет.

— Он похож на тебя или...

— На Сильвию. Он похож на свою мать.

— Она красивая, да?

— Да.

— Знаешь, Джек, я лежала сегодня ночью и думала... Мне пришло в голову... Может, Арни и не будет возвращать Манфреда в Бен-Гурион. Только что он с ним будет делать? Арни — страшный фантазер. Теперь, когда идея с покупкой земли рухнула, он запросто придумает какое-нибудь новое приложение способностям Манфреда. Знаешь — ты будешь смеяться,— вдруг ему удастся установить контакт с Манфредом через Гелиогабала? — Она умолкла и занялась завтраком.

— Может, ты и права.— Последнее замечание Дорин расстроило Джека. Оно выглядело вполне правдоподобным.

— Ты никогда не разговаривал с Гелио,— продолжила Дорин.— В жизни не встречала таких едких и циничных людей, как он. Он всех ненавидит, в нем есть что-то сардоническое. Он весь какой-то изломанный.

— Это я попросил Арни забрать мальчика? Или это была его идея?

— Арни предложил, но ты сначала отказался. А потом ты замкнулся и стал жутко безвольным. Было уже поздно, и мы все много выпили — ты помнишь?

Джек кивнул.

— Арни поил «Джеком Дэниелсом». По-моему, я одна выпила четверть бутылки.— Дорин горестно покачала головой.— Ни у кого на Марсе нет такого выбора спиртного, как у Арни; порой я очень не прочь выпить.

— В этом смысле я мало чем могу быть полезен,— предупредил Джек.

— Я знаю. Ну ничего. Я и не надеюсь на это: я вообще ни на что не надеюсь. Все вчера произошло так быстро: только что мы были заодно — ты, я и Арни, и вдруг оказались по разные стороны баррикады, и стало понятно, что мы уже никогда не будем вместе. А жаль.— Она подняла руку и отерла сбегавшую по щеке слезинку.— Господи! Я плачу,— вырвалось у нее с неожиданной злостью.

— Если бы можно было вернуться и снова проиграть вчерашний вечер...

— Я бы ничего не стала менять. Я ни о чем не жалею. И тебе не советую.

— Спасибо.— Джек взял ее за руку.— Я постараюсь сделать все, что от меня зависит. Как говаривал мой приятель — я не ахти что, но другого нету.

Дорин печально улыбнулась, и они продолжили завтрак.

Энн Эстергази стояла за прилавком своего магазина, аккуратно заворачивая посылку. Она уже надписывала адрес, когда в дверь вошел высокий худой мужчина в больших очках. Энн с неприязнью узнала в нем доктора Глоба.

— Миссис Эстергази, если можно, я хотел бы поговорить с вами,— произнес Глоб.— Я очень сожалею о нашей ссоре: я вел себя не лучшим образом, прошу прощения.

— Что вам угодно, доктор? — холодно поинтересовалась она.— Я занята.

— Миссис Эстергази,— понизив голос, быстро начал Глоб,— разговор касается Арни Котта и его проекта с аномальным мальчиком из Бен-Гуриона. Я прошу использовать ваше влияние на мистера Котта. Зная вашу приверженность идеалам гуманизма, я прошу вас помешать ему, не дать совершить жестокую несправедливость по отношению к невинному интровертному шизофренику, занятому в проекте. Этот человек...

— Постойте,— перебила его Энн.— Я ничего не понимаю.— Она пригласила посетителя внутрь магазина, где их не могли услышать.

— Этот человек — Джек Болен,— продолжил доктор Глоб еще быстрее,— может навсегда остаться невменяемым в результате жажды мести, которую испытывает Котт, и я прошу вас, миссис Эстергази...— Далее последовал поток подобострастных молящих слов.

«О боже,— подумала она,— еще одна кампания, в которой я должна участвовать. Не хватит ли?»

Доктор Глоб все бормотал и бормотал, и постепенно наконец начала вырисовываться ситуация, которую он пытался описать. Ей было ясно, что Глоб затаил зло против Арни. Но дело было не только в этом. В характере доктора Глоба странно сочетались идеализм с детской ревностью.

— Да, это похоже на Арни,— прервала его Энн.

— Я думал обратиться в полицию,— продолжил Глоб,— или в ООН, но потом вспомнил о вас, и вот я здесь.— И он решительно посмотрел ей в глаза.

Тем же утром Арни Котт входил в офис компании И в Банчвуд-парке. Навстречу ему поднялся высокий, интеллигентного вида китаец и поинтересовался, что ему угодно.

— Я — мистер И,— представился он. Они пожали друг другу руки.

— Мне нужен этот парень, Болен, которого я нанял у вас.

— Да, конечно. Не правда ли, первоклассный мастер? — И рассматривал Арни с опаской.

— Мне он так нравится, что я хотел бы выкупить у вас его контракт,— продолжил Арни, доставая чековую книжку.— Называйте цену.

— Но мы не можем отдать вам мистера Болена! — возмущенно взмахнул руками И.— Нет, сэр, мы можем предоставить его вам лишь на время.

— Ваша цена,— повторил Арни и подумал: «Ах ты хитрый косоглазый!»

— Чтобы мы расстались с мистером Боленом!.. Нам никогда его не заменить!

Арни ждал.

— Надо просмотреть документы,— наконец заявил И.— Для того чтобы определить хотя бы приблизительную стоимость мистера Болена, потребуется не один час.

Арни ждал с чековой книжкой в руках.

Выкупив трудовой контракт Джека Болена, Арни Котт вернулся домой в Льюистаун. Он застал Гелио с Манфредом в гостиной — Гелио читал мальчику.

— Что это здесь творится? — осведомился Арни.

— Мальчик страдает затруднением речи, от которого я пытаюсь его избавить,— опустив книгу, ответил Гелио.

— Ни черта у тебя не выйдет. Пустая трата времени.— Арни снял куртку и протянул ее Гелио. Бликмен неохотно отложил книгу и, взяв одежду Арни, отправился в коридор повесить ее в шкаф.

Арни заметил, что Манфред искоса посматривает на него.

— Как дела, малыш? — дружелюбно осведомился он и похлопал мальчика по спине.— Послушай, ты хочешь вернуться в дурдом, в этот несчастный Бен-Гурион? Или предпочитаешь остаться со мной? Десять минут тебе на размышления.

«Что бы ты там ни решил, ты все равно останешься здесь,— добавил про себя Арни.— Со всеми своими плясками на цыпочках, молчанием и полным равнодушием к окружающему. И с даром предвидения, который, как я вчера убедился, хранится в твоей бестолковой голове».

— Он хочет остаться с вами, мистер,— сказал вернувшийся Гелио.

— Ничего удивительного,— довольно откликнулся Арни.

— Его мысли прозрачны для меня, как стекло, а мои — ему,— добавил Гелио.— Мы оба пленники в чужой земле, мистер.

Арни громко рассмеялся.

— Правда всегда кажется невеждам смешной,— обиделся Гелио.

— Хорошо, я — невежда,— согласился Арни.— Просто меня позабавило, что тебе нравится этот ребенок, вот и все. Я не хотел тебя обидеть. Так у вас двоих есть что-то общее? Неудивительно.— Он перевернул книгу, которую читал Гелио.— Паскаль, «Провинциальные письма». Господь Вседержитель, зачем? Какой в этом смысл?

— Ритм,— терпеливо пояснил Гелио.— Великая проза обладает каденцией, привлекающей и удерживающей блуждающее внимание мальчика.

— А почему оно блуждает?

— От страха.

— Чего он боится?

— Смерти.

— А, ну да,— помрачнев, согласился Арни.— Своей смерти? Или смерти вообще?

— Этот мальчик переживает собственную старость, которая наступит через много-много лет. Он лежит в доме престарелых — тому еще только предстоит быть построенным здесь, на Марсе,— в обители смерти и увядания, которую ненавидит все-

ми силами души. В этом будущем он проживает пустые бессмысленные годы, прикованный к постели,— скорее неодушевленный предмет, чем личность, в коем жизнь поддерживается лишь из-за предрассудков. И как только он пытается сосредоточиться на настоящем, его тут же сметает это ужасное видение.

— Расскажи мне о доме престарелых,— попросил Арни.

— Его скоро построят,— ответил Гелио.— Правда, не для этой цели, а как большой спальный квартал для эмигрантов на Марс.

— Да, в горах Франклина Рузвельта,— догадался Арни.

— Прибывшие люди обоснуются там и будут жить, изгнав диких бликменов из их последнего прибежища. Бликмены, в свою очередь, наложат проклятье на эту землю. Поселенцев с Земли станут преследовать неудачи, год за годом их дома будут разрушаться, и они вернутся на Землю еще быстрее, чем прибыли сюда. В конце концов дома станут использовать для престарелых, обнищавших, дряхлых и больных людей.

— А почему парень молчит? Объясни мне.

— Чтобы избавиться от страшного видения, он возвращается к более счастливым дням — времени, проведенному в утробе матери, где не было ни перемен, ни времени, ни страданий. Утробная жизнь. Он стремится туда, к единственному известному ему счастью. Он отказывается выходить из этого тупика, мистер.

— Понимаю,— недоверчиво кивнул Арни.

— Он страдает так же, как мы, как все люди. Только ему еще хуже, потому что он обладает предвидением, которого мы лишены. Страшно обладать таким знанием. Неудивительно, что он... почернел внутри.

— Да, он так же черен, как и ты,— подхватил Арни,— и не снаружи, а, как ты сказал, внутри. Как ты только его выносишь?

— Я могу вынести все,— ответил бликмен.

— Знаешь, что я думаю,— продолжил Арни.— Я думаю, Манфред не просто видит будущее, он его организует.

Глаза бликмена потемнели, абориген пожал плечами.

— Как ты думаешь? — настойчиво повторил Арни.— Послушай, Гелиогабал, черный мошенник, он тут играл вчера весь вечер. Он все предвидел и пытался помешать? Он пытался предотвратить это? Хотел остановить время?

— Возможно,— откликнулся Гелио.

— Это огромный талант! — воскликнул Арни.— Может, ему под силу вернуться в прошлое и изменить настоящее? Продол-

жай заниматься с ним, следи за ним. Послушай, Дорин Андертон не звонила, не заходила сегодня? Я хочу поговорить с ней.

— Нет.

— Ты думаешь, я рехнулся? Думаешь, я все сочиняю об этом ребенке?

— Вы движимы страстью, мистер,— отозвался бликмен.— Страсть может подтолкнуть человека к истине.

— Что за ерунда,— недовольно отрезал Арни.— Неужели ты не можешь ответить просто — да или нет? К чему эта твоя болтовня?

— Мистер, я скажу вам кое-что о мистере Болене, которому вы хотите причинить вред. Он очень храним...

— Раним,— поправил Арни.

— Спасибо. Он нежен и легко уязвим. С ним нетрудно разделаться. Но у него есть кем-то подаренный амулет. Амулет бликменов — водяная ведьма. Она спасет его.

— Посмотрим,— помолчав, ответил Арни.

— Да, поживем — увидим, какая сила хранится в этих древних предметах,— странно изменившимся голосом добавил Гелио.

— Весь этот хлам совершенно бесполезен, ты сам — лучшее тому доказательство! Лучше уж тебе быть здесь, готовить мне пищу, подметать пол и выполнять мои распоряжения, чем скитаться по марсианской пустыне. Ведь когда я тебя нашел, ты клянчил воду, как подыхающая тварь!

— М-м-м, возможно,— пробормотал бликмен.

— Не забывай об этом,— добавил Арни.— Иначе снова окажешься в пустыне с яйцами пака и стрелами, будешь брести неведомо куда.

«Я тебе делаю большое одолжение, что позволяю жить, как человеку»,— договорил уже про себя Арни.

Днем Арни Котт получил послание от Скотта Темпла. Поставив кассету на дешифровальный аппарат, он уселся слушать.

— Арни, мы обнаружили посадочную площадку. Все верно — в горах Франклина Рузвельта. Того типа там не было, зато стояла только что прибывшая автоматическая ракета — по нейто мы и определили место. В общем, у парня огромный склад всяких товаров. Продукты мы забрали, и сейчас они в нашем пакгаузе. Потом сбросили атомный заряд и все разнесли.

«Хорошо»,— подумал Арни.

— А для того, чтобы он знал, с кем связался, оставили ему записку. Прикрепили ее к обломку ориентировочной выш-

ки: «Арни Котту не нравится, чем ты занимаешься». Ну как, Арни?

— Отлично,— вслух ответил Арни, хотя на его вкус в этом и было что-то... как это называется? — банальное.

— Когда вернется, он найдет ее,— продолжал записанный голос.— И еще я подумал — это на твое усмотрение,— может, нам наведаться туда через пару дней, вдруг он займется ремонтом? Эти независимые предприниматели — хитрые ребята, как те, что в прошлом году пытались организовать собственную телефонную сеть. В общем, я полагаю, не мешает проследить. Кстати, он пользовался старым оборудованием Норба Стайнера — мы обнаружили документы с его именем. Так что ты был прав. Хорошо, что мы разобрались с этим парнем, он мог доставить нам немало хлопот.

Послание закончилось. Арни поставил кассету в свой диктофон, взял микрофон и начал отвечать.

— Скотт, ты все сделал правильно. Спасибо. Надеюсь, мы больше не услышим об этом парне, и я одобряю, что ты конфисковал его склад: мы найдем ему применение. Заглядывай как-нибудь вечерком, выпьем.— Он остановил и перемотал пленку.

Из кухни доносился приглушенный голос Гелиогабала, читавшего Манфреду. Арни почувствовал раздражение, а потом и злость на бликмена. «Зачем я связался с Джеком Боленом, если ты можешь читать мысли мальчика? Почему ты сразу не сказал мне об этом? Ты предал меня,— уже с настоящей ненавистью подумал он,— как и все остальные: Энн, Джек, Дорин... все».

— Ну что, есть результаты или нет? — заорал он, подходя к дверям кухни.

— Мистер, это дело требует времени и сил,— ответил Гелиогабал.

— Время! В нем-то вся загвоздка. Отошли его в прошлое, скажем, года на два, и пусть купит каньон Генри Уоллеса на мое имя. Можешь ты это сделать?

Бликмен не ответил: вопрос был слишком глупым, чтобы думать над ним. Арни, помрачнев, захлопнул дверь и вернулся в гостиную.

«Тогда заставь его послать меня в прошлое,— продолжал он беседовать сам с собой.— Эта способность путешествовать во времени — стоящая штука. Почему я не могу добиться желаемого? Что с ними со всеми творится? Специально хотят меня позлить? Но долго я терпеть не стану».

К часу дня из компании И не поступило еще ни одного вызова. Джек Болен, сидевший в ожидании перед телефоном у Дорин Андертон, понял: что-то случилось.

В половине второго он сам позвонил И.

— Я думал, мистер Котт поставил тебя в известность, Джек,— невозмутимо ответил И.— Ты больше не работаешь у меня. Ты принадлежишь ему. Спасибо за службу.

— Котт приобрел мой контракт? — с отчаянием спросил Джек.

— Именно так.

Джек повесил трубку.

— Что он сказал? — спросила Дорин, не спускавшая с него глаз.

— Я принадлежу Арни.

— И что он собирается делать?

— Не знаю. Наверное, надо позвонить ему и спросить. Похоже, сам он не собирается мне сообщать.

«Играет со мной,— подумал Джек.— Садистские игры».

— Незачем ему звонить,— возразила Дорин.— Он никогда ничего не говорит по телефону. Надо идти к нему. И я хочу пойти с тобой — пожалуйста, позволь мне.

— Ладно,— ответил Джек, направляясь за своей курткой.— Пошли.

Глава 14

Около двух часов дня Отто Цитте высунул голову из боковой двери дома Боленов и убедился, что вокруг никого нет. «Он может спокойно идти»,— подумала Сильвия Болен, наблюдая за ним.

«Что я наделала? — спрашивала она себя, стоя посреди спальни и неловко застегивая блузку.— И я еще надеюсь сохранить это в тайне? Даже если его не видела миссис Стайнер, он, безусловно, сам все расскажет Джун Хинесси, а уж она разболтает по всему побережью канала Уильяма Батлера Йетса — она обожает сплетни. И Джеку все станет известно. Уже не говоря о том, что Лео может раньше приехать домой...»

Но теперь было слишком поздно. Дело сделано. Отто собирал чемоданы, готовясь идти.

«Лучше бы я умерла»,— подумала Сильвия.

— До свидания, Сильвия,— торопливо проговорил Отто, направляясь к двери,— я позвоню тебе.

Она не ответила, сосредоточенно надевая туфли.

— Ты не хочешь попрощаться со мной? — спросил Отто, останавливаясь у двери.

— Нет. Убирайся отсюда,— ответила она, метнув в него яростный взгляд.— И не вздумай вернуться — я ненавижу тебя.

— За что? — пожал он плечами.

— За то, что ты отвратительный человек! Я никогда в жизни не имела дел с таким отвратительным человеком. Наверное, я просто сошла с ума, это все из-за одиночества.

Похоже, он действительно обиделся и, залившись краской, остановился у дверей, переминаясь с ноги на ногу.

— Между прочим, идея принадлежала в равной степени и тебе,— наконец пробормотал Отто.

— Убирайся,— повторила она, поворачиваясь к нему спиной.

Наконец раздался звук открывающейся двери, потом хлопок — дверь закрылась, и он ушел.

«Больше никогда, никогда в жизни»,— произнесла Сильвия и направилась в ванную за бутылочкой фенобарбитала: поспешно налила стакан воды, приняла сто пятьдесят миллиграммов и запила их одним большим глотком.

«Напрасно я так вела себя с ним,— неожиданно пронзило ее чувство стыда.— Это нечестно: он ни в чем не виноват, я сама во всем виновата. К чему винить его, если вся беда во мне? Не он, так кто-нибудь другой рано или поздно... Интересно, он еще вернется? Или я выгнала его навсегда?» Сильвия снова почувствовала себя одинокой и несчастной, обреченной на бесконечное блуждание в беспросветной мгле. «На самом деле он был очень мил. Мягок и предусмотрителен. Могло быть гораздо хуже».

Она вышла на кухню, уселась на стол, взяла телефон и набрала номер Джун Хинесси.

— Алле? — откликнулась Джун.

— Угадай, что со мной было,— начала Сильвия.

— Что?

— Постой, я закурю сигарету.— Сильвия закурила, достала пепельницу, поудобнее поставила кресло и приступила к рассказу, снабжая его бесконечными подробностями, некоторые из которых сочинялись тут же.

К ее удивлению, процесс повествования доставил ей такое же удовольствие, как и само происшествие.

А может, даже несколько большее.

Летя над пустыней к своей базе, Отто Цитте вспоминал свидание с миссис Болен и поздравлял себя с успехом: приступ раскаяния и обвинений, происшедший с Сильвией при расставании, он считал совершенно нормальным и пребывал в прекрасном расположении духа.

«Такую реакцию можно было ожидать»,— утешал себя Отто. Он с этим уже сталкивался. Конечно, пора привыкнуть к маленьким уловкам, столь свойственным женскому сознанию: рано или поздно наступал момент, когда им хотелось закрыть глаза на действительность, и они начинали обвинять всех, оказывавшихся рядом.

На самом деле Отто это мало заботило: ничто не могло отнять у него воспоминаний о счастливых мгновениях, которые они разделили.

Что теперь? Перекусить, отдохнуть, побриться, принять душ и переодеться... И еще останется время на коммивояжерскую поездку без всяких побочных намерений, только для чистого бизнеса.

Впереди виднелась рваная гряда горных вершин: скоро он будет на месте.

Ему показалось, что прямо впереди над горами поднимаются клубы отвратительного серого дыма.

Отто испуганно прибавил скорость. Сомнений нет — дым поднимался с его посадочной площадки. «Они обнаружили меня! — со сдерживаемым всхлипом догадался он.— Меня ждут люди ООН». Но ему ничего не оставалось, как добраться до места и все выяснить.

Внизу виднелись развалины посадочной площадки. Он бесцельно снова и снова кружил над дымящимися руинами, громко и не таясь рыдая. Впрочем, никаких признаков ООН не было видно — ни военных ракет, ни солдат.

Неужели взорвалась челночная ракета?

Отто поспешно посадил вертолет и бросился бегом по дымящейся почве к развалинам, которые еще недавно были его складом.

Достигнув ориентировочной вышки, он заметил, что к ней приколот обрывок картонки: «Арни Котту не нравится, чем ты занимаешься».

Он перечел записку несколько раз, но никак не мог уловить ее смысл. Арни Котт... он как раз собирался к нему отправиться... Арни был лучшим покупателем Норба. Что это значит? Неужели он успел чем-то обидеть Арни? А если нет, то чем еще можно объяснить его гнев? Чем он заслужил его?

«За что? — повторял Отто.— Что я тебе сделал? Зачем ты меня уничтожил?»

Еще надеясь, что что-то могло уцелеть среди руин, он пробрался к бывшему складу... Там не было ничего: склад был предварительно обобран — ни единой банки, коробки, бутылки. Лишь обломки самого здания, не более того. Те, кто сбросили бомбу, сначала все обчистили.

«Ты разбомбил меня, Арни Котт, и обокрал!» — думал Отто, бродя кругами, сжимая и разжимая кулаки и бросая ненавидящие взгляды в небо.

И все равно он не мог понять, зачем это потребовалось Арни.

«Должна же быть какая-то причина. И я найду ее, будь ты проклят, Арни Котт, я до нее докопаюсь. А когда докопаюсь, отомщу за все, что ты сделал».

Отто высморкался и, еле-еле шевеля ногами, направился обратно к вертолету, опустился на сиденье и уставился в пустоту.

Так он сидел довольно долго. Потом достал из одного чемодана пистолет и, положив его к себе на колени, снова погрузился в размышления об Арни Котте.

— Простите, что отвлекаю вас, мистер,— начал Гелиогабал, входя в гостиную.— Но если вы готовы, я могу объяснить, что вам надо делать.

— Валяй,— просияв, откликнулся Арни.

На лице Гелио появилось скорбно-надменное выражение.

— Вы должны взять Манфреда и пешком пересечь пустыню до гор Франклина Делано Рузвельта. Цель вашего паломничества — Грязная Башка, священная скала бликменов. У нее вы получите все ответы, когда доставите туда мальчика.

— А ты говорил мне, что это одно мошенничество,— погрозив пальцем Гелио, хитро заметил Арни. Он все время ощущал, что в религии бликменов что-то есть, а Гелио просто пытается обмануть его.

— В святилище скалы вы должны объединиться с ним. Дух скалы примет вашу коллективную душу и, если проявит к вам благосклонность, даст то, что вы у него просите. На самом деле все зависит от способностей мальчика,— добавил Гелио.— Сама по себе скала бессильна. Однако там, где она расположена, напряжение времени является наименьшим. Именно этим и пользуются бликмены уже много веков.

— Понимаю,— откликнулся Арни.— Что-то вроде разрыва во времени. И вы, ребята, проникаете через него в будущее.

Ну, меня-то сейчас больше интересует прошлое, не говоря о том, что все это, на мой взгляд, выглядит довольно сомнительно. Но я попытаюсь. Ты мне уже нарассказывал столько сказок об этой скале...

— Я говорю правду. Сама по себе Грязная Башка ничего не может.— Бликмен не мигая смотрел Арни в глаза.

— И ты думаешь, Манфред согласится помочь?

— Я рассказал ему о скале, и он очень хочет ее увидеть. Я сказал ему, что в этом месте человек способен убежать в прошлое. Он в восторге от этой идеи. Хотя...— Гелио помедлил,— вам придется заплатить мальчику за его помощь.

— Можешь предложить ему все, что угодно...

— Вы должны вычеркнуть перспективу AM-WEB из его жизни, мистер. Пообещайте, что отправите его обратно на Землю. Тогда, что бы с ним ни случилось, он навсегда утратит возможность лицезреть это отвратительное здание. Если вы сделаете это, он все свои душевные силы обратит вам на пользу.

— Согласен,— кивнул Арни.

— Не обманите мальчика.

— Черт, конечно нет. Я сейчас же начну переговоры с ООН — это не просто, но у меня есть адвокаты, которым такие дела по плечу,— заверил Арни.

— Хорошо,— кивнул Гелио.— Будет слишком подло, если вы обманете его ожидания. Если вы хотя бы на мгновение могли испытать ту ужасную тревогу относительно своего будущего, которую испытывает он...

— Да, звучит страшновато,— согласился Арни.

— Как было бы неприятно, если бы вам самому предстояло пережить это,— не спуская с него глаз, продолжал Гелио.

— Ладно, где Манфред?

— Гуляет по Льюистауну, осматривает достопримечательности.

— Черт, а это не опасно?

— Думаю, нет. Ему очень нравятся люди, магазины, оживленное движение — все это ново для него.

— Ты действительно помог мальчику,— заметил Арни.

В дверь позвонили, и Гелио пошел открывать. Арни выглянул в коридор и увидел Джека Болена и Дорин Андертон — оба с неестественными, застывшими выражениями лиц.

— О, привет, заходите,— деловито приветствовал их Арни,— я как раз собирался звонить тебе, Джек. У меня есть для тебя работа.

— Зачем вы выкупили мой контракт у мистера И? — спросил Джек.

— Затем, что ты мне нужен,— ответил Арни.— Сейчас я все объясню. Я собираюсь отправиться в паломничество с Манфредом, и мне нужно, чтобы кто-нибудь кружил у нас над головой, а то вдруг мы еще потеряемся и умрем от жажды. Мы должны пересечь пустыню пешком, верно, Гелио?

— Да, мистер,— подтвердил Гелио.

— Выступаем прямо сейчас,— заявил Арни.— По моим подсчетам, до гор дней пять пути. Возьмем с собой переносной передатчик, чтобы сообщать, когда нам что-нибудь понадобится. По вечерам будешь приземляться и расставлять для нас палатку. Проверь набор медикаментов на борту на случай, если меня или Манфреда укусит какое-нибудь пустынное животное: я слышал, там полным-полно крыс и змей.— Он взглянул на часы.— Сейчас три, я собираюсь отправиться через час.

— А какова цель паломничества? — поинтересовалась Дорин.

— У меня там дела,— ответил Арни.— С пустынными бликменами. Личные дела. Ты полетишь? Если да, то лучше переоденься — надень сапоги, брюки. Кружить пять дней — это немало. Главное, удостоверьтесь, что достаточно воды.

Дорин и Джек переглянулись.

— Я не шучу,— продолжил Арни.— Так что давайте не будем тратить попусту время, ладно?

— Насколько я понимаю, у меня нет выбора,— заметил Джек Дорин.— Я вынужден выполнять его распоряжения.

— Истинная правда, дружок,— подтвердил Арни.— Так что начинай собираться. Портативную плиту, портативный движок, ванну, пищу, мыло, полотенца, какое-нибудь оружие. Ну, сам знаешь, что нам может понадобиться, ты ведь живешь на краю пустыни.

Джек неторопливо кивнул.

— А что у тебя за дела? — осведомилась Дорин.— И почему надо идти пешком? Если тебе хочется туда попасть, почему не лететь, как обычно?

— Потому что мне надо идти пешком,— огрызнулся Арни.— Но обратно я ведь смогу лететь, не правда ли? — повернулся он к Гелио.

— Да, мистер,— ответил тот.— Обратно вы можете добираться как угодно.

— Хорошо еще, что я в прекрасной физической форме, иначе все накрылось бы,— заметил Арни.— Надеюсь, Манфред осилит дорогу.

— Он очень выносливый, мистер,— подтвердил Гелио.

— Вы берете с собой мальчика? — удивился Джек.

— Беру. А что, у тебя есть возражения?

Джек ничего не ответил, только еще больше помрачнел.

— Вы не имеете права заставлять его пять дней идти через пустыню, вы его погубите! — внезапно взорвался он.

— А каким-нибудь наземным транспортом ты не можешь воспользоваться? — спросила Дорин.— Например, почтовым гусеничным микроавтобусом? Скорость у него небольшая, так что все равно получится паломничество.

— Что скажешь? — обратился Арни к Гелио.

— Думаю, сгодится,— после некоторых размышлений согласился бликмен.

— Замечательно! — обрадовался Арни.— Сейчас позвоню кое-кому из знакомых и добуду автобус. Какую прекрасную идею ты подала, Дорин, очень тебе благодарен. Естественно, вам все равно нужно лететь над нами на случай какой-нибудь поломки.

Джек и Дорин кивнули.

— Возможно, когда я доберусь до места, вы узнаете о моих планах,— добавил Арни и подумал про себя: «На этот счет можете не сомневаться».

— Пока все это выглядит очень странно,— засомневалась Дорин, держа за руку Джека.

— Я тут ни при чем,— ухмыльнулся Арни.— Идея Гелио.

— Верно,— согласился Гелио.— Идея моя.

Но ни на Джека, ни на Дорин это не произвело никакого впечатления.

— Ты разговаривал сегодня с отцом? — спросил Арни Джека.

— Да.

— Оформил право собственности? Все в порядке?

— Говорит, что все оформлено по закону. Собирается возвращаться на Землю.

— Разумно,— заметил Арни.— Я восхищаюсь им. Прилетел, застолбил, оформил через подставных лиц и улетел. Неслабо.

— Что ты собираешься делать, Арни? Что ты задумал? — еле слышно спросил Джек.

— Просто священное паломничество с Манфредом,— пожал плечами Арни.— Ничего особенного.

Однако ухмылка продолжала играть у него на губах, он ничего не мог с этим поделать; впрочем, он и не пытался ее скрыть.

Почтовый автобус сокращал время паломничества до восьми часов, как подсчитал Арни. «Всего и делов-то — раз плюнуть»,— успокаивал он себя, меряя шагами гостиную.

На улице у тротуара уже стоял гусеничный автобус, в котором сидели Гелио с Манфредом. Арни видел их через окно. Вынув из ящика письменного стола пистолет, он вложил его в кобуру, пришитую к внутренней стороне куртки, запер ящик и поспешил вниз.

— Вот и мы,— помахал он Манфреду. Гелио вышел из автобуса, и Арни уселся за пульт управления. Завел крохотный турбинный двигатель, и тот зажужжал, как шмель в бутылке.

— Приятный звук,— искренне заметил Арни.— Пока, Гелио. Если все сложится удачно, тебя ждет награда, запомни.

— Мне не нужны награды,— заявил Гелио.— Я всего лишь выполняю свой долг, мистер.

Арни отпустил тормоза и влился в полуденный поток машин. Над головой кружили Джек с Дорин — Арни даже не позаботился взглянуть вверх, настолько был уверен в их присутствии. Он еще раз помахал рукой Гелио, и того сразу скрыл из виду огромный гусеничный автобус.

— Ну, как тебе нравится? — спросил Арни мальчика, направляясь к границе города и начинающейся за ним пустыне.— Это тебе не хухры-мухры. Пятьдесят миль в час.

Манфред не ответил, но все его тело дрожало от возбуждения.

— Болваны,— произнес Арни, отвечая собственным мыслям.

Они почти выехали из Льюистауна, когда Арни заметил, что за ними, не отставая, следует машина. Внутри он разглядел две фигуры — мужскую и женскую, сначала приняв их за Джека и Дорин. Но, приглядевшись внимательнее, он увидел, что женщина — его бывшая жена Энн Эстергази, а мужчина — доктор Мильтон Глоб.

«Какого черта им надо? — взвился Арни.— Они что, не видят, что я занят, не понимают, что мне сейчас не до них?»

— Котт! — закричал Глоб.— Останавливайтесь, сворачивайте к обочине — нам надо поговорить! Вопрос жизни и смерти!

— Черта с два! — пробормотал Арни, прибавляя скорость и нащупывая левой рукой пистолет.— Мне не о чем с вами разговаривать. А что вы делаете здесь вдвоем? — Ему эта встреча совершенно не нравилась.

«Похоже, они спелись. Да, следовало ожидать...» Он включил передатчик и вызвал стюарда союза Эдди Гоггинса:

— Это Арни. Точка по гирокомпасу — 8.45702, прямо на окраине города. Быстренько ко мне — тут компания, о которой надо позаботиться. И поторопись — они меня нагоняют.

Для них действительно не составляло труда не только догнать микроавтобус Арни, но и обогнать его.

— Сейчас будем, Арни,— откликнулся Эдди Гоггинс.— Сейчас пошлю ребят на перехват, не волнуйся.

Машина доктора и Энн пошла на обгон и резко затормозила, встав поперек дороги. Арни пришлось последовать ее примеру. Из машины выскочил Глоб и, размахивая руками, бросился ему навстречу.

— Конец твоей карьере вранья и властвования! — кричал он.

«Боже милостивый,— подумал Арни.— Надо же — именно сейчас!»

— Чего тебе? — высунулся он из окна.— Давай быстро, я тороплюсь.

— Оставь Джека Болена,— задыхаясь, выпалил Глоб.— Я представляю его интересы, он нуждается в покое и отдыхе. Будешь иметь дело со мной.

Из машины вышла Энн Эстергази и тоже подошла к автобусу.

— Насколько я понимаю...— начала она.

— Ты ничего не понимаешь,— злобно оборвал ее Арни.— Дайте мне проехать, иначе я займусь вами обоими.

Над головами появился вертолет с маркировкой Союза водопроводчиков и начал опускаться. «Это Джек и Дорин»,— догадался Арни. За ними на предельной скорости появился еще один вертолет — а это уже, вне всяких сомнений, Эдди с членами союза. Оба вертолета приготовились садиться.

— Арни, я чувствую, произойдет что-то непоправимое, если ты сейчас не остановишься,— предупредила Энн Эстергази.

— Со мной? — весело поинтересовался Арни.

— Да, Арни. Пожалуйста. Что бы ты ни собирался сделать, подумай сначала. На свете так много хорошего, неужели надо обязательно мстить?

— Отправляйся обратно в Новый Израиль и занимайся своим несчастным магазином.— Он заглушил мотор.

— Этот мальчик — Манфред Стайнер — с тобой? — спросила Энн.— Отдай его Мильтону, пусть он отвезет его обратно в Бен-Гурион; так будет лучше для всех: и для тебя, и для него.

Один из вертолетов уже опустился, и из него выпрыгнули три или четыре члена союза. Они бегом кинулись через улицу, и Глоб, заметив их, горестно ухватился за рукав Энн.

— Я вижу,— твердо ответила она.— Пожалуйста, Арни. Я всегда с тобой работала бок о бок... ради меня, ради Сэма... Я знаю, если ты не остановишься, мы больше никогда не будем вместе. Неужели ты сам не чувствуешь? Неужели для тебя это так важно, что ты готов все поставить на карту?

Арни молчал.

Эдди Гоггинс подбежал к автобусу, остальные окружили Энн Эстергази и доктора Глоба. Теперь опустился и второй вертолет, из него вылез Джек Болен.

— Можете сами спросить его,— произнес Арни.— Он здесь по доброй воле: он — взрослый человек и отдает отчет в своих поступках. Спросите его: по собственной воле он отправился в это паломничество?

Как только Энн и Глоб повернулись к Джеку, Арни дал задний ход и, рванувшись вперед, объехал их машину. Глоб кинулся к машине, но его тут же схватили за руки, и началась потасовка. Арни мчался вперед, оставляя позади людей и машины.

— Вот мы и снова едем,— обратился он к Манфреду.

Впереди улица постепенно превращалась в еле заметную ровную полоску, уходящую в пустыню и теряющуюся в направлении отдаленных гор. Автобус подскакивал на выбоинах, двигаясь почти на предельной скорости. Арни про себя улыбался. Лицо Манфреда тоже сияло от возбуждения.

«Никто не в состоянии остановить меня»,— повторял Арни.

Звуки драки замерли за спиной, и теперь до его ушей доносилось лишь слабое жужжание мотора. Он умиротворенно откинулся на спинку кресла.

«Ну готовься, Грязная Башка»,— сказал он про себя и тут же вспомнил про волшебный амулет Джека Болена, о котором ему рассказывал Гелио. Это воспоминание заставило его нахмуриться, но ненадолго. Он мчался вперед, не снижая скорости.

— Гадл-гадл! — возбужденно каркал рядом Манфред.

— Что это за гадл-гадл? — поинтересовался Арни, но не был удостоен ответа.

Впереди маячили горы Франклина Рузвельта. «Может, мне удастся выяснить, когда доберемся до них,— подумал Арни.— Хотел бы я знать, что это такое». По какой-то причине звуки, издаваемые мальчиком, эти лишенные всякого смысла слова, вселяли в него необъяснимую тревогу. Ему вдруг нестерпимо захотелось, чтобы рядом был Гелио.

— Гадл-гадл! — кричал Манфред, а автобус несся все дальше и дальше.

Глава 15

В сиянии раннего утра перед ними возвышался выступ из вулканического стекла, который и назывался Грязной Башкой. Ночь паломники провели в пустыне, в палатке с припаркованным поблизости вертолетом. Ни Джек Болен, ни Дорин Андертон не разговаривали с ними, и уже на рассвете вертолет поднялся в воздух. Арни с Манфредом плотно позавтракали, собрались и продолжили путешествие.

Теперь они уже достигли цели своего паломничества — священной скалы бликменов.

«Вот место, которое вылечит нас от всех наших болячек»,— думал Арни. Он пустил Манфреда за пульт управления и углубился в карту, нарисованную для него Гелиогабалом. На ней была изображена тропа, шедшая вверх к скале. Там, с северной стороны, как говорил Гелио, расположена пещера, в которой обычно можно найти бликмена-священнослужителя. «Если он, конечно, не спит где-нибудь спьяну»,— добавил про себя Арни. Знает он этих священнослужителей — все они по преимуществу старые пьяницы. Их презирали даже сами бликмены.

Арни остановил автобус в тени, у подножия первого же холма, и выключил двигатель.

— Отсюда пойдем пешком,— сказал он Манфреду.— Поклажи возьмем, сколько сможем,— естественно, пищу, воду, переносной передатчик, а если потребуется что-нибудь приготовить, вернемся сюда за плитой. Здесь недалеко, всего несколько миль.

Мальчик выскочил из автобуса, помог Арни выгрузить снаряжение, и вскоре они поднимались по каменистой тропе, уходящей в глубь горного кряжа.

Тревожно посматривая по сторонам, Манфред дрожал и ежился. «Может, он опять ощущает присутствие AM-WEB?» — подумал Арни. Каньон Генри Уоллеса сравнительно недалеко. На таком расстоянии мальчик вполне мог воспринимать эма-

нации будущего здания. Даже сам Арни, кажется, чувствовал их.

Или это давала знать о себе скала бликменов?

Ему не нравился ее вид. «Нашли из чего делать святилище! Пустынная, таинственная местность... хотя, может, давным-давно она и была плодородной». По обеим сторонам тропы виднелись следы стоянок бликменов. Возможно, именно здесь марсиане и появились на свет — местность хоть и выглядела заброшенной, но явно сохранила следы былого обитания. Словно из века в век черно-серые существа хранили и обрабатывали ее. И чем она стала теперь? Прибежищем вымирающей расы. Памятником культуры, от которого скоро не останется и следа.

Обессилев от подъема с тяжелым грузом, Арни остановился. Манфред взбирался следом по крутому склону, продолжая время от времени бросать вокруг тревожные взгляды.

— Не бойся,— подбодрил его Арни.— Тут нет ничего страшного. «Может, способности мальчика уже соединились со свойствами скалы? — подумал он.— Может, скала осознает его присутствие? Способна ли она на это?»

Тропа стала более пологой и широкой. Все окутала сырая холодная тень, словно они входили в огромный склеп. Растительность, покрывавшая скалы, казалась мертвой, будто вобравшей в себя яд. Впереди на тропинке лежал полусгнивший труп мертвой птицы, который мог здесь находиться уже несколько недель — по его высохшему виду трудно было что-то сказать.

«Нет уж, не нравится мне здесь»,— подумал Арни.

— Гадл-гадл,— склонившись над птицей, заговорил Манфред.

— Да,— пробормотал Арни,— шагай дальше.

И вскоре они подошли к подножию скалы.

Ветер шуршал травой и листьями, обнаженный, словно ободранный, кустарник торчал из почвы, как ископаемые скелеты. Поток воздуха вырывался из расселины Грязной Башки и приносил какой-то звериный запах. «Может, это запах священнослужителя»,— предположил Арни и, ничуть не удивившись, заметил у дорожки пустую бутылку и остатки съестного, запутавшиеся в колючках.

— Есть здесь кто-нибудь?! — крикнул он.

Прошло довольно много времени, и наконец из пещеры появился старый бликмен, седой, как кокон паутины. Его будто вынес порыв ветра — покачиваясь, старик прислонился к стене

пещеры и сделал неуверенный шаг навстречу гостям. Глаза у него опухли и слезились.

— Ну ты, старый пьяница,— тихо произнес Арни, потом достал листок, который дал ему Гелио, и поприветствовал его по-бликменски.

Священнослужитель механически прошамкал ответ беззубым ртом.

— Вот.— Арни протянул ему пачку сигарет. Священнослужитель, что-то бормоча, сделал еще шаг, взял пачку и запихал ее под свое одеяние.

— Нравится, да? — поинтересовался Арни.— Я так и думал.

По бумажке он прочел цель своего визита и попросил священнослужителя отвести их в пещеру и оставить там на час, чтобы они могли вызвать дух горы.

Не прекращая бормотать, священнослужитель подобрал подол своей одежды, повернулся и пошел прочь, свернув на боковую тропу.

Арни перевернул бумажку и приступил к выполнению инструкции, написанной ему Гелио.

1) Войти в пещеру.

Арни взял Манфреда за руку и осторожно ступил в темную расселину. Там он зажег фонарь и повел мальчика вглубь, пока стены пещеры не расступились и они не оказались в широком зале. В нос ударил затхлый запах, словно здесь не проветривали уже несколько веков. «Воняет, как из ящика с полусгнившими тряпками»,— подумал Арни.

Он снова заглянул в инструкцию Гелио.

2) Разжечь костер.

Неровный круг камней окаймлял черное пепелище, в котором валялись остатки сучьев и костей. Похоже, старик готовил здесь себе пищу.

У Арни в сумке была растопка — он вывалил ее наземь и негнущимися пальцами начал обстругивать.

— Смотри не потеряйся здесь, малыш,— предупредил он Манфреда. «Интересно, удастся ли нам когда-нибудь отсюда выбраться?» — мелькнула у него мысль.

Впрочем, когда затрещал костер, они оба почувствовали себя лучше. В пещере потеплело, хотя и не стало суше: сырой запах не только не ослаб, но усилился, словно огонь выманивал его из всех закоулков.

Следующее указание удивило Арни. Впрочем, каким бы несуразным оно ему ни казалось, он дотошно выполнил и его.

3) Включить портативный передатчик на 574 кГц.

Арни достал маленький японский транзистор и включил его. На частоте 574 кГц не было ничего, кроме статических шумов. И тем не менее скала, кажется, откликалась на них, звук как будто разбудил ее, и она изменилась, осознав постороннее присутствие.

Следующее указание было таким же неожиданным.

4) Принять нембутал (мальчику не надо).

Открыв походный ящик, Арни проглотил нембутал, недоумевая: не для того ли это, чтобы затуманить его сознание и сделать более доверчивым? Или просто для того, чтобы приглушить его волнение?

Оставалась последняя инструкция:

5) Бросить в огонь пакет.

Гелио вручил Арни маленький пакетик, сделанный из страницы «Нью-Йорк таймс», со вложенной в него какой-то травой. Арни встал на колени у костра, аккуратно развернул пакетик и высыпал темную сухую труху в огонь. Его тут же окутал тошнотворный запах, и огонь погас. Повалил дым, заполняя все пространство. Арни услышал, как закашлялся Манфред. «Черт, если так пойдет дальше, мы здесь задохнемся»,— испугался Арни.

Но дым почти мгновенно иссяк. Пещера потемнела и словно раздалась в стороны, а скала отступила вглубь. У Арни закружилась голова, земля поплыла из-под ног, он потерял чувство равновесия. Оставалось только ждать.

— Манфред, слушай меня,— начал он.— Как тебе объяснил Гелио, ты можешь больше не волноваться из-за AM-WEB. Понял? Ладно. Теперь давай вернемся в прошлое на три недели. Можешь ты это сделать? Постарайся.

Мальчик смотрел на него из мрака расширившимися от ужаса глазами.

— К тому времени, когда я еще не был знаком с Джеком Боленом,— продолжил Арни.— До того, как встретил его в пустыне, где умирали от жажды бликмены. Понял? — Он двинулся к мальчику...

И тут же плашмя упал лицом вниз.

«Нембутал. Надо поскорее подняться, пока я окончательно не вырубился». Ухватившись за что-то, он начал приподниматься. Вокруг затрепетал свет, он вытянул руки... и оказался в воде. По его телу, омывая лицо, струилась теплая вода: он вдохнул, захлебнулся и увидел вокруг шипящий пар — ноги нащупали на полу знакомые изразцы.

Он был в своей парилке.

Вокруг слышались голоса. «Верно, Арни»,— донесся до него голос Эдди. Постепенно вокруг начали вырисовываться силуэты других мужчин.

Внизу живота заныла язва двенадцатиперстной кишки. На слабых непослушных ногах Арни вышел из-под душа и прошлепал по теплым влажным изразцам за полотенцем, которое держал наготове служитель.

«Я уже был здесь. Я уже делал все это, говорил то, что собираюсь сказать... Что за чушь! Это как-то называется... французским словом... Лучше позавтракать». Живот у него бурчал, и боль усиливалась.

— Эй, Том,— крикнул он служителю,— вытри меня как следует и помоги одеться. Я голоден, как волк; проклятая язва, никогда она еще так не болела.

— Хорошо, Арни,— подходя, ответил служитель и протянул огромное мягкое белое полотенце.

Служитель помог ему облачиться в серые фланелевые брюки, футболку, ботинки из мягкой кожи и военно-морское кепи. Арни вышел из парилки, пересек коридор и вошел в свою столовую, где Гелиогабал уже приготовил завтрак.

Не раздумывая, он сел за стол, на котором ждали горячие лепешки, бекон, кофе, стакан апельсинового сока и воскресный номер нью-йоркской «Таймс» за предыдущую неделю.

Дрожа от напряжения, Арни протянул руку за ледяным сладким соком из апельсинов Нового Израиля — стакан был скользким и гладким на ощупь. «Надо быть осторожным. Не спешить, успокоиться. Значит, все так и есть: я вернулся туда, где находился несколько недель назад. Манфред и скала бликменов сделали это. Ну и ну!» Он отхлебнул сока, наслаждаясь каждым глотком, пока не обнаружил, что стакан пуст.

«Я получил, чего хотел! — поздравил он себя.— Теперь надо быть очень осторожным, потому что кое-что я совершенно не хочу менять. Например, я совершенно не хочу отказываться от своего бизнеса с черным рынком, так что не надо мешать Норбу Стайнеру свести счеты с жизнью. То есть, конечно, все это очень прискорбно, но не надо ему препятствовать — пусть все остается так, как есть. То есть как будет»,— поправил он себя.

«Главное, нужно сделать два дела. Во-первых, официально закрепить свое право на землю в районе каньона Генри Уоллеса, опередив на несколько недель отца Болена. Пусть старый спекулянт летит сюда с Земли. Глядь — а земля уже куплена. По-

ездка туда и обратно без всяких результатов. В худшем случае заработает сердечный приступ,— похихикал Арни.— Не повезло».

А во-вторых, сам Джек Болен.

«Я с ним разделаюсь, с парнем, которого еще не встретил и который не знает меня, хотя я его уже знаю. Я теперь для Болена — его судьба».

— Доброе утро, мистер Котт.— Арни, раздраженный тем, что помешали его размышлениям, поднял глаза и увидел девушку, которая вошла в комнату и в ожидании замерла у его стола. «Новенькая секретарша,— сообразил он,— за утренними распоряжениями».

— Называй меня Арни,— пробормотал он.— Меня все так называют. Ты разве не знала? Ты что, здесь новенькая?

«Не слишком симпатичная,— подумал он и вернулся к газете.— С другой стороны, полненькая и фигурка хорошая. И под черным шелковым платьем, кажется, ничего нет,— рассматривая ее поверх газеты, решил Арни.— К тому же не замужем». На пальце отсутствовало обручальное кольцо.

— Подойди сюда,— обратился он к ней.— Ты боишься меня, потому что я знаменитый Арни Котт, которому принадлежит весь этот город?

Девушка бочком приблизилась, словно обтекая стол, и ответила хрипловатым голосом:

— Нет, Арни, я не боюсь тебя.— Ее открытый взгляд не свидетельствовал о невинности, напротив, он свидетельствовал о поразительном опыте. Казалось, она чувствовала каждый его каприз, каждое желание, особенно имеющие отношение к ней.

— Давно здесь работаешь?

— Нет, Арни.— Она подвинулась ближе и облокотилась на стол таким образом — он с трудом поверил своим глазам,— что одно ее колено дотянулось до его ноги.

С задумчивым видом секретарша принялась ритмично подталкивать его ногу, отчего Арни почувствовал себя неловко и слабо пробормотал:

— Эй!

— В чем дело? — улыбнулась девушка.

Никогда в жизни он не видел такой улыбки — одновременно холодной и полной страсти, как бы отштампованной машиной, придавшей нужное расположение губам, зубам, языку... И тем не менее ее чувственность волной нахлынула на Арни Котта. Она изливалась на него слащаво-сентиментальным жаром, не дававшим ему отвести от нее глаза. «Главное — этот

вибрирующий язык,— подумал он.— И кончик у него такой острый, словно заточенный: язык, который может порезать, которому доставляет удовольствие причинять боль чужой живой плоти и заставлять ее молить о милости. Особенно — заставлять молить. И зубы тоже — белые и острые...»

Арни вздрогнул.

— Я тебе не мешаю, Арни? — промурлыкала девушка. Дюйм за дюймом она так продвинулась к нему, что теперь почти вся прильнула к его телу.

«Боже мой, она невыносима»,— подумал он.

— Послушай.— В горле у Арни пересохло, и он нервно сглотнул.— Оставь меня в покое и дай дочитать газету.— Схватив «Таймс», он попробовал пропихнуть ее между собой и девушкой.— Ступай!

Ее силуэт слегка качнулся.

— В чем дело, Арни? — зажурчал ее голос.

«Словно скрип металлических жерновов, словно автоматическая запись»,— подумал он.

Арни ничего не ответил и принялся читать, вцепившись в газету.

Когда он оторвался от нее, девушка уже ушла. Он был один.

«Я такого не помню,— произнес про себя Арни.— Что это было за создание?»

Машинально он начал читать статью о потерпевшем в открытом космосе катастрофу японском корабле с партией велосипедов. Это рассмешило его, даже несмотря на гибель трехсот пассажиров: он представил себе тысячи велосипедов, которым навсегда суждено вращаться вокруг Солнца,— в этом было что-то невероятно забавное. Конечно, они не помешали бы на Марсе, где полностью отсутствуют источники энергии. При его малой гравитации можно было бы совершенно бесплатно путешествовать на сотни миль.

Дальше он наткнулся на статью о приеме в Белом доме, который был дан в честь... Арни прищурился. Слова начали сливаться, и он с трудом разбирал их смысл. Брак в наборе? О чем тут речь? Он поднес газету к глазам...

Гадл-гадл — было там написано. Полная бессмыслица — одни «гадл-гадл» друг за другом. Боже милостивый! Арни почувствовал отвращение, к горлу подкатила тошнота, язва жгла еще сильнее, чем до завтрака. Он весь напрягся от ярости — наихудшее состояние для язвенного больного, особенно во время приема пищи. «Черт бы побрал эти гадл-гадл! Это же слова Манфреда! Они исказили всю статью».

Он начал просматривать газету дальше, замечая, как все статьи превращаются в бессмыслицу после первых же строк. Раздражение охватывало его все сильнее, пока наконец он не отшвырнул газету.

«Вот что такое шизофреническая речь,— понял Арни.— Индивидуальный язык. Мне это совершенно не нравится! Если ему нравится, пусть сам так разговаривает! Он не имеет права замусоривать мою жизнь своей болтовней. Хотя ведь это он вернул меня сюда, так, может, он считает, что это дает ему право... Мальчик возомнил, что это его мир?»

Эта мысль совершенно не понравилась Арни — лучше бы она никогда не приходила ему в голову.

Он вышел из-за стола, подошел к окну и взглянул вниз на улицы Льюистауна. По ним сновали люди — и с какой скоростью! Машины мелькали туда и обратно, двигаясь неприятными рывками, словно вот-вот должны были столкнуться друг с другом. Здания, как бильярдные шары, твердые и таящие угрозу, топорщились острыми углами. Но как он ни пытался определить, что изменилось в этом мире — а в нем явно что-то изменилось,— понять ему не удавалось. Эту привычную картину он видел изо дня в день. И все же...

Все двигалось слишком быстро!.. Нет, не так все просто. Все излучало враждебность: предметы не просто сталкивались, они умышленно ударяли друг друга.

А потом Арни заметил нечто такое, от чего у него перехватило дыхание. Снующие по улице люди были лишены лиц — так, какие-то фрагменты или остатки... словно им не удалось сформироваться до конца.

«Ну нет, так дело не пойдет,— возмутился Арни, чувствуя, как в него вползает страх.— Что происходит? Что они мне подпихнули?»

Потрясенный, он вернулся к столу и снова сел, вцепившись в чашку с кофе,— надо было вернуться к обычной утренней жизни, надо было забыть об увиденном.

Кофе имел кисловато-горький незнакомый вкус, и после первого же глотка пришлось отставить чашку. «Наверное, мальчику все время кажется, что его пытаются отравить,— подумал Арни.— Неужели из-за его навязчивых галлюцинаций я должен ощущать, что питаюсь помоями? Господи, как ужасно!»

«Лучше всего покончить с делами как можно скорее и вернуться в настоящее»,— решил он.

Арни открыл нижний ящик стола, достал из него маленький диктофон на батарейках и нажал кнопку записи.

— Скотт, сообщаю тебе чрезвычайно важные сведения. Необходимо срочно купить землю в горах Франклина Рузвельта, особенно в каньоне Генри Уоллеса, так как ООН намерена возвести там огромный жилой район. Переведи все фонды союза, естественно от моего имени, и убедись в оформлении купчей, потому что через две недели...

Он умолк, так как лента в диктофоне со скрипом остановилась. Арни поковырялся в механизме — пленка медленно двинулась и снова замерла.

«Я считал, что все отрегулировано,— раздраженно подумал Арни.— Разве Джек Болен не починил его?» Но тут же вспомнил, что все происходит до вызова Болена; конечно же, магнитофон еще не починен.

«Придется диктовать этому странному созданию,— понял Арни и протянул руку к кнопке на столе, но тут же ее отдернул.— Как, позволить ей вернуться?» Однако выбора не было, и он нажал кнопку.

Дверь тут же открылась, и в комнату вошла секретарша.

— Я знала, что понадоблюсь тебе, Арни.— Она торопливо направилась к нему.

— Послушай,— начальственным тоном произнес он,— не подходи ко мне слишком близко, я не переношу, когда люди подходят ко мне слишком близко.

Арни еще не кончил говорить, а уже понял, что его преследует классическая фобия шизофреника — боязнь, что окружающие слишком приблизятся к нему и оккупируют его пространство. «Боязнь близости» — так это называлось, ее вызывало постоянное ощущение всеобщей враждебности, свойственное шизофреникам. «Вот что это такое»,— подумал Арни. И все равно близость девушки представлялась ему невыносимой. Он резко поднялся и отошел к окну.

— Как скажешь, Арни,— хищно проговорила она и снова начала подползать к нему, пока их тела опять не соприкоснулись. Он слышал звук ее дыхания, ощущал запах несвежего тела... и ему показалось, что он задыхается, что ему не хватает воздуха.

— Диктую,— сказал Арни, отходя в сторону.— Скотту Темплу, зашифровать, чтобы никто не смог прочитать.

«Никто»,— отметил он про себя. Но он всегда боялся конкурентов, так что нечего валить на мальчика.

— Чрезвычайно важное дело. Действуй безотлагательно; речь идет о настоящем золотом дне. ООН готовится приобрести крупный участок в горах Франклина Рузвельта...

Он диктовал дальше, чувствуя, как с каждым моментом его все сильнее охватывает страх. «А что, если она там пишет одни гадл-гадл? Надо проверить. Надо подойти и заглянуть». Но одна мысль о том, что к ней надо приблизиться, повергла его в ужас.

— Послушайте, мисс,— оборвал он себя.— Дайте-ка мне ваш блокнот, я хочу взглянуть, что вы там пишете.

— Арни, ты ничего не разберешь,— ответила секретарша ленивым низким голосом.

— П-почему? — в ужасе спросил он.

— Это же стенография.— Она холодно улыбнулась, и он почти физически ощутил ее неприязнь.

— Хорошо,— согласился он, уступая.

Закончив диктовку, Арни распорядился зашифровать текст и тут же отослать Скотту.

— А что потом? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сам знаешь, Арни.— Это было сказано таким тоном, что он даже содрогнулся от чисто физического отвращения.

— Потом ничего. Ступай и больше не возвращайся.— Проводив ее до порога, Арни захлопнул за ней дверь.

«Надо было самому связаться со Скоттом, ей нельзя доверять». Он уселся за стол и набрал номер телефона.

Длинные гудки следовали один за другим, но никто не снимал трубку. «В чем дело? — недоумевал Арни.— Неужели он предал меня? Переметнулся? Работает на других? И ему я не могу доверять, я никому не могу доверять...»

— Алло, говорит Скотт Темпл,— внезапно раздался голос, и Арни понял, что прошло всего лишь несколько секунд — все эти мысли о предательстве и крахе успели посетить его за считанные мгновения.

— Это Арни.

— Привет, Арни. В чем дело? По твоему голосу слышу, что ты что-то затеваешь. Давай рассказывай.

«У меня изменилось чувство времени,— понял Арни.— Мне казалось, что телефон звонил полчаса, а не прошло и пяти секунд».

— Арни, говори! Арни, ты здесь?! — кричал Скотт.

«Симптом шизофрении — коренное нарушение восприятия времени. Я страдаю от него, потому что от него страдает этот ребенок».

— Господи Иисусе! — воскликнул взбешенный Скотт.

— Послушай, Скотт.— Арни с трудом прорвался сквозь цепь своих размышлений.— У меня есть тайные сведения: надо действовать прямо сейчас, понимаешь? — И он подробно пересказал о намерениях ООН в горах Франклина Рузвельта.— Нужно как можно быстрее купить там все, что продается. Ты согласен?

— А сведения верные? — переспросил Скотт.

— Конечно! Конечно!

— От кого? Короче, Арни, я тебя очень люблю, но мне известны твои бредовые идеи — ты часто витаешь в облаках. Мне бы не хотелось остаться в дураках.

— Поверь мне на слово,— перебил его Арни.

— Не могу.

Арни не верил своим ушам.

— Мы с тобой сотрудничаем уже много лет, и ты никогда не требовал от меня официальных гарантий,— прохрипел он.— Что происходит, Скотт?

— Вот и меня интересует то же самое,— спокойно откликнулся Скотт.— Как человек с твоим опытом мог клюнуть на эту удочку? Ты же знаешь, что кряж Франклина Рузвельта — бесплодная земля. И я знаю, что ты это знаешь. Это всем известно. Так чего же ты добиваешься?

— Ты не доверяешь мне?

— А почему я должен тебе доверять? Докажи, что у тебя достоверные сведения из первоисточника, а не очередные слухи.

— Знаешь, парень, если бы я мог доказать это, я не нуждался бы в твоем доверии,— с трудом вымолвил Арни.— Ладно. Я займусь этим самостоятельно, и когда ты узнаешь, что упустил, можешь рвать волосы у себя на голове.— Он бросил трубку, дрожа от бешенства и отчаяния. Подумать только! Невообразимо! Скотт Темпл — единственный человек, с которым он мог обо всем договориться по телефону. Остальные были мошенниками, о них можно и не думать...

«Это — непонимание,— говорил он себе.— Но основано оно на фундаментальном, глубинном недоверии. Шизофреническом недоверии».

«Потеря способности к общению»,— диагностировал Арни.

— Придется самому отправляться в Рощу Мира и оформлять покупку,— произнес он вслух.

И тут вспомнил, что сначала придется застолбить участок непосредственно на месте, и почувствовал, как все в нем противится этому. Лететь в ужасное место, где скоро возникнет здание...

Но выхода не было. Сначала заказать кол в одной из мастерских, потом сесть в вертолет и отправиться в каньон Генри Уоллеса.

Он представлял себе всю последовательность дел, и она казалась ему невыполнимо трудной. Как со всем этим управиться? Сначала нужно найти какого-нибудь слесаря, чтобы тот выгравировал его имя на колышке,— только на это может уйти несколько дней. Кто в Льюистауне быстро выполнит заказ? А как он может доверить такое дело незнакомому?

Наконец, словно сопротивляясь непреодолимому течению, Арни поднял телефонную трубку и сделал заказ в мастерской.

«Я так устал, что еле могу двигаться,— почувствовал он.— Почему? Что я сделал за сегодня? Тело словно раздавлено страхом. Если б я только мог отдохнуть.. Если б только мог поспать».

Лишь к вечеру Арни получил металлический кол со своим именем и договорился о вертолете, который должен был отвезти его в горы Франклина Рузвельта.

— Привет, Арни,— поздоровался с ним симпатичный молодой пилот, выглянув из кабины.

— Привет, сынок,— откликнулся Арни.

Пилот помог ему забраться в специальное кожаное кресло, выполненное по заказу Арни в местной мастерской, а сам занял место впереди.

— Теперь поторапливайся, потому что я спешу: в каньон Генри Уоллеса, а оттуда — в Рощу Мира.

«И я знаю, что мы все равно не успеем,— добавил про себя Арни.— Просто потому, что мне не хватит времени».

Глава 16

Не успел вертолет с Арни Коттом на борту подняться в воздух, как в кабине включился радиопередатчик: «Срочное сообщение. В открытой пустыне небольшая группа бликменов, умирающих от голода и жажды. Местонахождение по гирокомпасу — 4.65003. Всем воздухоплавательным аппаратам к северу от Льюистауна немедленно направиться по указанным координатам и оказать помощь. Закон Объединенных Наций требует, чтобы откликнулись все коммерческие и частные корабли».

Сообщение было повторено еще раз холодным голосом диктора, говорившего с искусственного спутника ООН, который находился сейчас где-то у них над головой.

— Лети дальше, сынок,— заметил Арни, чувствуя, что пилот меняет направление. Это была последняя капля. Теперь они никогда не доберутся до гор, не говоря уже о Роще Мира.

— Я вынужден подчиниться, сэр. Таков закон,— возразил пилот.

Они летели над пустыней на приличной скорости, быстро приближаясь к месту, указанному в сообщении. «Ах вы, черномазые,— думал про себя Арни.— И мы должны все бросать, чтобы вызволять этих несчастных идиотов. Хуже всего, что я теперь встречу Джека Болена. Этого уже не избежать. Я забыл об этом, а теперь уже слишком поздно».

Он похлопал себя по карману куртки — пистолет все еще там. Это несколько улучшило его настроение. И когда вертолет пошел на снижение, он сжал рукоятку оружия. «Придется разделаться с ним прямо на месте»,— подумал Арни. Но, к собственному разочарованию, он увидел, что вертолет компании И уже стоит на песке, а сам Джек Болен занимается раздачей воды пятерым бликменам. «Черт бы его побрал!»

— Я вам нужен? — высунулся из вертолета пилот Арни.— Если нет, полечу дальше.

— У меня мало воды,— ответил Джек, отирая вспотевшее под жарким солнцем лицо носовым платком.

— Ладно,— откликнулся пилот и выключил винт.

— Попроси его подойти сюда,— распорядился Арни.

Соскочив вниз и вытащив большую пятигаллонную канистру, пилот направился к Джеку, и через мгновение тот уже шел к вертолету.

— Я вам нужен? — поинтересовался Джек, глядя вверх на кабину.

— Да, я хочу убить тебя,— ответил Арни и, достав пистолет, прицелился.

Бликмены, наполнявшие водой скорлупу пака, замерли. Молодой сухощавый, почти обнаженный под красным марсианским солнцем мужчина протянул руку к своему колчану, вынул из него отравленную стрелу и, одним движением вставив ее в лук, выстрелил. Арни Котт ничего не видел, он только почувствовал резкую боль и, опустив глаза, удивленно обнаружил, что у него из живота торчит стрела.

«Они читают мысли»,— понял Арни. Он попытался вытащить стрелу, но та плотно засела в его внутренностях. И в следующий момент он понял, что умирает. Стрела была отравлена, и он чувствовал, как яд холодит конечности, тормозит кровообращение, поднимается все выше к мозгу.

— Почему ты хотел убить меня? — спросил Джек Болен.— Ты даже не знаешь меня.

— Не волнуйся, знаю,— прохрипел Арни.— Ты починишь мой диктофон и отнимешь у меня Дорин, а твой отец украдет у меня все, что я имею, все самое дорогое — землю в горах Франка Рузвельта и все, что с ней связано.— Арни закрыл глаза.

— Ты сумасшедший,— произнес Джек.

— Нет,— откликнулся Арни.— Просто мне известно будущее.

— Давай я отвезу тебя к врачу,— предложил Джек и, впрыгнув в вертолет, отодвинул молодого пилота, чтобы внимательнее рассмотреть торчащую стрелу.— Если поторопиться, можно успеть принять противоядие.— Он включил двигатель, и винт медленно завращался, постепенно набирая скорость.

— Отвези меня в каньон Генри Уоллеса,— пробормотал Арни.— Чтобы я застолбил участок.

— Ты ведь Арни Котт, да? — внимательно глядя на него, спросил Джек. Отодвинув пилота в сторону, он сел за пульт управления, и вертолет взмыл в воздух.— Я отвезу тебя в Льюистаун: это ближе всего, и тебя там знают.

Арни молча откинулся назад и закрыл глаза. Все его планы были разрушены: он не застолбил участок, и ему ничего не удалось сделать с Джеком Боленом. Все кончено.

«И все эти бликмены!» — думал Арни, чувствуя, как Болен вытаскивает его на руках из вертолета. В глазах темнело от боли, но сквозь дымку он различал людей и дома — это был Льюистаун. «С самого начала во всем были виноваты бликмены — если бы не они, я бы никогда не повстречался с Джеком Боленом. Да будут они прокляты!»

«Почему я еще не умер?» — недоумевал Арни, чувствуя, как Болен пересекает с ним на руках посадочную площадку на больничной крыше и устремляется к спуску для неотложных больных. Прошло уже столько времени: яд наверняка проник повсюду. И тем не менее он до сих пор все ощущал, мыслил, понимал... «Наверное, я просто не могу умереть в прошлом, так и буду влачить существование, не в силах ни вернуться, ни скончаться».

И как это бликмен так быстро среагировал? Они обычно не стреляют в землян — это страшное преступление.

«Выходит, меня ждали,— мелькнула мысль.— Они старались спасти Болена, потому что он дал им воду и пищу. Могу поспорить, они-то и подарили ему водяную ведьму. Ну конечно. И уже тогда знали все, что случится.

Я бессилен в этом страшном шизофреническом прошлом Манфреда Стайнера. Верните меня в мой мир, пустите меня обратно в мое время; я хочу выбраться отсюда, не нужны мне никакие земли, не желаю я никакого зла Джеку Болену. Я хочу обратно в Грязную Башку, в пещеру с несчастным мальчиком. Пожалуйста, Манфред, сделай, как было»,— думал Арни.

Его везли на каталке по темному коридору. Голоса. Открывающиеся двери, блеск металла — хирургические инструменты. Лица в масках, склоняющиеся над ним... его кладут на стол... «Манфред! Помоги мне! Меня хотят убить! Забери меня отсюда. Сейчас или никогда, потому что...»

Темная маска склоняется к нему все ближе, ближе, заслоняя собой все пространство.

«Нет! — кричит Арни.— Еще не все! Я не могу так погибнуть! Манфред, ради бога, пока еще не поздно, пока не поздно. Я должен снова увидеть нормальный мир, в котором нет места шизофреническим убийствам, отчуждению, звериной похоти и смерти. Помоги мне избавиться от смерти, верни обратно. Помоги, Манфред! Помоги мне...»

— Вставайте, мистер, ваше время истекло,— произнес над ним голос.

Арни открыл глаза.

— Еще сигарет, мистер.— Грязный священнослужитель в напоминавших паутину лохмотьях тряс его за плечо, безостановочно повторяя свою литанию: — Если хотите остаться, мистер, надо заплатить.— В поисках сигарет он принялся ощупывать куртку Арни.

Арни сел и огляделся. Манфреда в пещере не было.

— Отстань от меня,— оттолкнул он бликмена, поднимаясь на ноги. Он ощупал живот — стрелы в нем не было.

Неуверенными шагами Арни подошел к выходу из пещеры и выглянул наружу, на холодный полуденный свет марсианского солнца.

— Манфред!

Вокруг не было никаких следов мальчика. «Ну что ж, по крайней мере я вернулся в свою действительность, остальное не важно».

К тому же он избавился от ненависти к Джеку Болену. И потерял всякий интерес к приобретению земли в горах Франклина Рузвельта.

«Можешь и Дорин Андертон оставить себе,— заключил Арни, направляясь к тропе, по которой они пришли сюда.— Надо толь-

ко сдержать слово, данное Манфреду, и поскорее отправить его на Землю. Возможно, эта перемена излечит мальчика, к тому же, вероятно, на Земле теперь хватает хороших психиатров, лучше здешних. Как бы там ни было, ему не будет грозить АМ-WEB».

Спускаясь вниз и посматривая по сторонам в поисках Манфреда, он заметил вертолет, который кружил низко над землей. «Может, они видели, куда пошел мальчик»,— подумал Арни. И Джек, и Дорин все это время должны были наблюдать за ними.

Арни остановился и замахал руками.

Вертолет начал осторожно снижаться, пока не опустился на тропу чуть впереди, там, где она расширялась перед входом в Грязную Башку. Дверца распахнулась, и из вертолета вышел мужчина.

— Я ищу мальчишку,— начал Арни и только тут понял, что это не Джек Болен. Это был совершенно незнакомый ему мужчина. Симпатичный, темноволосый, с горящими страстью глазами, он мчался к нему навстречу, размахивая чем-то поблескивавшим в солнечном свете.

— Ты — Арни Котт! — резким визгливым голосом закричал он.

— Да, и что из этого? — поинтересовался Арни.

— Ты уничтожил мою посадочную площадку! — заорал мужчина и, подняв оружие, выстрелил.

С первого выстрела он промахнулся. «Кто ты такой и почему стреляешь в меня?» — недоуменно подумал Арни, вытаскивая свой пистолет. Он выстрелил в бегущего человека, и тут до него дошло, кто это такой: несчастный мелкий делец черного рынка, пытавшийся встать у него на пути. «Тот самый, которого мы проучили»,— вспомнил Арни.

Бежавший споткнулся, упал, перекатился через спину и снова выстрелил. Арни тоже промазал. На этот раз пуля просвистела так близко, что Арни показалось, будто она его задела. Он инстинктивно прижал руку к животу. «Нет, разбойник, ты меня не достал!» — удовлетворенно заметил он и еще раз прицелился, собираясь выстрелить.

Мир взлетел на воздух. Солнце упало с неба, и все погрузилось во тьму вместе с Арни Коттом.

Прошло довольно много времени, прежде чем лежавший мужчина шевельнулся. С расширенными от ужаса глазами он медленно поднялся и начал осторожно приближаться к Арни.

Перед собой на вытянутых руках он держал пистолет, не спуская Арни Котта с мушки.

Донесшийся сверху рокот мотора отвлек его и заставил посмотреть наверх. В небе скользнула тень, и тут же на дорожку между ним и Арни опустился второй вертолет. Его фюзеляж заслонил противников друг от друга, и мелкий делец черного рынка исчез из поля зрения Арни. Из вертолета выскочил Джек Болен и бегом бросился к Арни.

— Поймай этого парня,— прошептал Арни.

— Не могу.— Джек указал на поднимающийся вертолет: он качнулся над Грязной Башкой, рванул вперед, миновал вершину и скрылся из виду.— Забудь о нем. Ты серьезно ранен — надо подумать о себе.

— Не волнуйся, Джек. Послушай,— прошептал Арни, хватая Джека за рубашку и притягивая его к себе.— Я открою тебе тайну. Я кое-что понял. Это просто еще один из этих шизоидных миров. Вся эта чертова ненависть, похоть и смерть уже были со мной и не смогли меня убить. Тогда это была отравленная стрела; теперь — пуля.— Он закрыл глаза, пытаясь сохранить сознание.— Отыши мальчика, он где-то здесь. Можешь спросить его, он тебе расскажет.

— Ты ошибаешься, Арни,— склонился над ним Джек.

— Как это ошибаюсь? — Арни уже с трудом различал Джека, все погрузилось в сумрак, и силуэт Джека стал призрачным и туманным.

«Ты меня не обманешь,— подумал Арни.— Я знаю, что я все еще в мире Манфреда, скоро я проснусь и все будет в порядке, я буду живым и невредимым, отыщу путь обратно в свой мир, где такое не может случиться».

— Он умирает? — спросила подошедшая Дорин Андертон.

Джек не ответил. Он пытался перекинуть Арни через плечо, чтобы дотащить до вертолета.

«Еще один из гадл-гадл-миров,— думал Арни, чувствуя, как Джек поднимает его на руки.— Так мне и надо. В следующий раз не буду таким дураком... Ты уже делал это,— пытался он объяснить Джеку.— Уже отвозил меня в больницу Льюистауна, чтобы извлечь стрелу. Неужели не помнишь?»

— Ни малейшего шанса на спасение,— произнес Джек, устроив Арни в вертолете и усаживаясь за пульт.

«Какая ерунда! — негодующе подумал Арни.— Что с тобой такое? Почему ты не стараешься? Старайся, черт бы тебя по-

брал!» Он попытался сказать это Джеку, но у него ничего не получилось, он ничего не мог сказать.

Вертолет начал подниматься, тяжело оседая под весом троих пассажиров.

Арни Котт умер по дороге к Льюистауну.

Джек передал управление Дорин и сел рядом с умершим. Арни умер, продолжая считать, что просто потерялся в темных лабиринтах сознания Манфреда. «Может, это и к лучшему,— подумал Джек.— Может, это хоть ненамного облегчило ему смерть».

Как ни странно, мысль о том, что Арни мертв, наполнила Джека невыносимой болью. Что-то в этом было нечестное, грубое. Арни не заслуживал смерти. То, что он делал, было дурно, но не настолько, чтобы его убивать.

— Что он тебе говорил? — спросила Дорин. На нее смерть Арни, кажется, не произвела никакого впечатления: она с деловым видом продолжала вести вертолет.

— Он считал, что это не на самом деле,— ответил Джек.— Думал, что запутался в какой-то шизофренической фантазии.

— Бедный Арни.

— Ты не знаешь того типа, который в него стрелял?

— За годы карьеры он завел немало врагов.

Оба замолчали.

— Надо поискать Манфреда,— заметила Дорин.

— Да,— согласился Джек. «Но я знаю, где теперь мальчик,— добавил он про себя,— нашел каких-нибудь диких бликменов в горах и присоединился к ним. Нисколько не сомневаюсь. Ну и что, все равно рано или поздно это должно было произойти». Его не волновала судьба Манфреда. Возможно, впервые тот обрел покой, приобщившись к естественной жизни бликменов и лишившись необходимости приспосабливаться к искаженному отражению чужих жизней.

— Может, Арни был прав? — спросила Дорин.

Сначала он не понял ее, а сообразив, что она имела в виду, решительно покачал головой:

— Нет.

— Тогда почему он был так уверен?

— Не знаю,— ответил Джек. «Но это как-то связано с Манфредом — так по крайней мере сказал Арни перед самой смертью».

— В каком-то смысле Арни был очень умен,— заметила Дорин.— Если он так думал, значит, у него имелись очень веские причины.

— Он был умен,— согласился Джек,— но всегда верил в то, во что ему хотелось верить.— «И поступал только так, как ему хотелось поступать,— добавил Джек про себя.— Что и привело его к смерти, которую он сам для себя подготовил».

— Что теперь с нами будет? — промолвила Дорин.— Без него? Трудно даже представить себе мир без Арни... Ты меня понимаешь? Думаю, понимаешь. Жаль, мы сразу не сообразили, что будет, когда увидели приземлившийся вертолет... Если бы мы оказались там на несколько минут раньше...— Она замолчала.— Да что теперь говорить.

— Да, бессмысленно,— согласился Джек.

— Знаешь, что теперь с нами будет? — продолжила Дорин.— Нас с тобой разнесет в разные стороны. Может, не сразу, а через несколько месяцев, а может, даже и лет, но без него рано или поздно мы расстанемся.

Джек ничего не ответил. Возможно, она права. Он устал от попыток угадать будущее, ожидающее их впереди.

— Ты еще любишь меня? — спросила Дорин.— После всего, что с нами случилось?

Она повернулась к нему, чтобы видеть его лицо.

— Конечно, люблю,— ответил Джек.

— И я,— произнесла она тихим тусклым голосом.— И все же, боюсь, этого недостаточно. У тебя ведь жена и сын — а это очень много, если подумать. Так или иначе, мне с тобой было хорошо. Я никогда не стану жалеть об этом. Мы не виноваты в смерти Арни, так что не надо переживать. Он сам навлек ее на себя своими деяниями. И мы никогда не узнаем, чего он хотел на самом деле. Но я точно знаю, что он хотел причинить нам зло.

Джек кивнул.

Они молча продолжали лететь к Льюистауну, везя с собой мертвое тело Арни Котта, возвращая Арни домой, в его поселение, где он был и, возможно, навсегда останется председателем Союза водопроводчиков Четвертого планетарного отделения.

Манфред Стайнер поднимался по еле заметной тропинке все выше и выше в горы, пока перед ним не замаячила группа темнокожих призрачных людей. Они двигались со своими яйцами пака, наполненными водой, и колчанами отравлен-

ных стрел, женщины несли ступки. Все курили, двигаясь гуськом вперед.

При виде Манфреда они остановились.

Один из них — молодой мужчина — вежливо произнес:

— Дожди, проливающиеся от твоего бесценного присутствия, поддерживают и укрепляют нас, мистер.

Манфред не понял слов, но уловил их мысли: осторожные и нежные, без всякого присутствия ненависти. Они не хотели причинить ему боль, и это было радостно. Он забыл о своем страхе и принялся рассматривать звериные шкуры, которые несли бликмены. «Что это за звери?» — недоумевал мальчик.

Бликмены тоже рассматривали его с интересом — они постепенно приближались к нему, пока не обступили со всех сторон.

«В горах садятся чудовищные корабли,— думал один из бликменов,— людей на них нет, и они сами тут же берутся за работу. Не с них ли ты случайно?»

«Нет»,— мысленно ответил Манфред так, чтобы его услышали.

Бликмены взмахнули руками, и над самым центром горного кряжа он увидел целый флот челночных кораблей ООН, зависших в воздухе. «Они прибыли с Земли,— понял Манфред.— Продолбят здесь землю и начнут возводить дома. Скоро лицо четвертой планеты покроют здания AM-WEB».

«Мы покидаем горы из-за них,— подумал один из более старых бликменов.— Теперь мы не сможем здесь жить. Мы давно предвидели это, и вот они пришли».

«Можно я пойду с вами?» — спросил про себя Манфред.

Бликмены в удивлении расступились и принялись совещаться. Они не знали, как отнестись к его просьбе, им никогда еще не доводилось слышать такое от эмигрантов.

— Мы идем в пустыню,— наконец сказал молодой мужчина.— Мы не знаем, сумеем ли выжить там. Ты уверен, что хочешь для себя такой жизни?

— Да,— ответил Манфред.

— Тогда пойдем,— решили бликмены.

И они продолжили свой путь. Несмотря на усталость, они шли широким шагом, и сначала Манфред подумал, что отстанет от них, но они соразмеряли свою скорость с его возможностями.

Перед ними лежала пустыня. Но никто не сожалел о принятом решении: возврат к прошлому был невозможен.

«Я не буду жить в AM-WEB,— повторял про себя Манфред, подстраиваясь под поступь бликменов.— Темные тени помогут мне сбежать».

Ему было хорошо, так хорошо ему еще никогда не было.

Одна из женщин робко предложила Манфреду сигарету, и он принял ее.

И чем дальше они шли, тем более значительные изменения ощущал в себе Манфред. Он становился другим.

Сильвия Болен в сумерках готовила обед для Дэвида, себя и своего тестя, когда внезапно заметила, что по берегу канала движется темная фигура. «Мужчина,— испуганно подумала она и бросилась к двери.— Господи, только бы не снова этот Отто или как его там».

— Это я, Сильвия,— послышался из темноты голос Джека.

— Эй, а почему ты без вертолета? — выскочил из дома Дэвид.— Ты приехал на автобусе? Могу поспорить, что на автобусе. А что случилось с твоим вертолетом, папа? Сломался в пустыне?

— Нет больше вертолета,— устало ответил Джек.

— Я слышала по радио,— промолвила Сильвия.

— Об Арни Котте? — Он кивнул.— Да, это правда.

Джек вошел в дом, снял куртку, и Сильвия повесила ее в шкаф.

— Ты очень расстроен? — спросила она.

— Я лишился работы,— ответил Джек.— Арни выкупил мой контракт.— Он посмотрел по сторонам.— А где Лео?

— Спит. Его не было почти целый день — бегал по делам. Я рада, что ты вернулся домой до его отъезда: он сказал, что завтра возвращается на Землю. Ты знаешь, что ООН начала приобретать землю в горах Франклина Рузвельта? Это тоже передали по радио.

— Не знал,— ответил Джек и, выйдя на кухню, сел за стол.— Как насчет чая?

— Наверное, это не мое дело, но насколько серьезно обстоит дело с твоей работой? — спросила Сильвия, готовя чай.

— Я могу заниматься любыми ремонтными работами. К тому же мистер И наверняка возьмет меня обратно. Наверняка он неохотно расстался с моим контрактом.

— Так что же ты так отчаиваешься? — успокоилась она и тут же вспомнила об Арни.

— Я вылез из автобуса за полторы мили отсюда и просто устал.

— Я и не ждала, что ты сегодня вернешься.— Нервы у нее были напряжены до предела.— У нас на обед только печень, бекон и тертая морковь с синтетическим маслом. Лео сказал,

что ему хочется какого-нибудь пирога на сладкое, и мы с Дэвидом собирались приготовить его попозже: все-таки он улетает, и мы, возможно, больше никогда не увидимся.

— Пирог — это замечательно,— пробормотал Джек.

— Господи, да скажи же, что с тобой такое! — взорвалась Сильвия.— Я еще никогда не видела тебя в таком состоянии.

— Я просто думал о том, что Арни сказал перед самой смертью,— после долгой паузы откликнулся Джек.— Я был рядом. И Арни сказал, что находится не в реальном мире: что это всего лишь шизоидная фантазия, въевшаяся в его мозг. Мне никогда не приходило в голову, насколько похож наш мир на мир Манфреда, мне всегда казалось, что они во всем противоположны. Теперь же я чувствую, что все дело просто в степени.

— Ты не хочешь рассказать мне о смерти мистера Котта? По радио передали, что он погиб в результате аварии на пересеченной местности в горах Рузвельта.

— Это была не авария. Арни убил человек, которого тот обидел. Месть. Естественно, его сейчас разыскивает полиция. Арни умер, считая, что стал жертвой бессмысленной ненависти сумасшедшего, но, судя по всему, эта ненависть была вполне оправданной, без всяких элементов психоза.

«Такую ненависть ты бы начал испытывать ко мне, если бы знал, какую ужасную вещь я сегодня совершила»,— подумала Сильвия, подавленная чувством вины.

— Джек,— начала она неловко, не зная, как выразить свою мысль, но чувствуя необходимость сделать это.— Ты считаешь, наш брак окончен?

— Почему ты спрашиваешь? — изумился Джек.

— Я просто хочу, чтобы ты сказал «нет».

— Нет,— сказал он, не спуская с нее глаз. Она чувствовала себя совершенно обнаженной, ей казалось, что каким-то образом ему известно все.— А у тебя есть какие-нибудь основания считать, что да? Зачем же мне тогда возвращаться домой? Если бы между нами не было никаких отношений, неужели я появился бы здесь сегодня, после того...— Джек умолк.— Я хочу чаю,— наконец пробормотал он.

— После чего? — спросила Сильвия.

— После смерти Арни,— ответил Джек.

— А куда бы ты отправился?

— У человека всегда существует альтернатива: дом или весь остальной мир со всеми населяющими его людьми.

— Какая она? — спросила Сильвия.

— Кто?

— Та женщина. Ты же сам только что сказал.

Он так долго молчал, что Сильвия решила — он вообще не ответит.

— У нее рыжие волосы,— наконец произнес он.— Я чуть не остался с нею. Но я этого не сделал. Тебе достаточно?

— Но ведь я тоже могу выбирать,— парировала Сильвия.

— Я не знал,— деревянным голосом откликнулся Джек.— Я не думал об этом. Ну что ж, хорошо, что ты сказала, это отрезвляет. Ты ведь не теоретически об этом говоришь, да? Ты говоришь о ком-то вполне конкретном?

— Да,— ответила Сильвия.

На кухню с криком вбежал Дэвид:

— Дедушка Лео проснулся! Я ему сказал, что ты дома, папа, и он так обрадовался, он хочет узнать, как у тебя дела.

— Все отлично,— ответил Джек.

— Джек, я хочу, чтобы мы остались вместе,— предложила Сильвия.— Если ты не против.

— Конечно,— согласился Джек.— Ты же видишь, я пришел.— И он улыбнулся ей так жалобно, что у нее чуть не разорвалось сердце.— Я проделал долгий путь — сначала на этом проклятом автобусе, потом пешком.

— И у тебя больше не будет... других альтернатив, да, Джек? Правда?

— Да,— решительно кивнул он.

Сильвия обошла стол и, нагнувшись, поцеловала его в лоб.

— Спасибо тебе.— Джек взял ее за руку.— Как хорошо.

Она почувствовала, как он изнурен: его усталость перетекала в нее.

— Тебе надо как следует поесть,— заявила она.— Я никогда не видела тебя таким... усталым.

Ей пришло в голову, что на него могла снова навалиться шизофрения,— тогда это многое объясняло. Но ей не хотелось мучить его, допытываясь истинных причин.

— Сегодня ляжем пораньше, ладно?

Джек вяло кивнул.

— Ты доволен, что вернулся? — спросила Сильвия. «Или уже жалеешь об этом?» — договорила она про себя.

— Доволен,— твердо, без тени сомнения ответил он.

— Тебе надо поговорить с Лео перед его отъездом...— начала она, и тут из соседнего дома раздался страшный крик, заставивший ее подскочить и броситься к Джеку.

— Рядом. У Стайнеров.

Джек кинулся к двери. У дверей дома Стайнеров он наткнулся на одну из девочек.

— Мой брат...— проговорила она.

Джек и Сильвия вбежали в дом, и Сильвия даже не поняла, что предстало ее взору. Зато Джек, кажется, что-то уловил, так как взял ее за руку, чтобы остановить.

Гостиная была полным-полна бликменов. А посреди различалось какое-то живое существо — старик, вернее, его обрубок от талии и выше. Нижняя часть тела представляла собой переплетение шлангов, насосов, счетчиков и прочих механизмов, которые непрерывно тикали и булькали. Они-то и поддерживали жизнь в дряхлом существе, заменяя отсутствующие в нем жизненно важные органы.

«О боже! — подумала Сильвия.— Кто это? Что это восседает здесь с улыбкой на иссохшем лице?»

— Джек Болен,— проскрежетало существо. Голос доносился из автоматического громкоговорителя, а не изо рта.— Я здесь, чтобы попрощаться со своей матерью.— Звук замер, словно в механизме что-то застопорилось.— И поблагодарить тебя.

— За что? Я ничего не сделал для тебя,— откликнулся Джек, продолжая держать Сильвию за руку.

— А я считаю, сделал.— Существо кивнуло бликменам, и они пододвинули его поближе к Джеку и повернули его лицо так, чтобы он мог видеть его.— На мой взгляд...— он умолк и через некоторое время продолжил уже более громким голосом: — Давным-давно, много лет назад, ты пытался общаться со мной. Я благодарен тебе за это.

— Это было совсем недавно,— перебил его Джек.— Ты забыл? Это было сегодня. А теперь твое детство в далеком прошлом для тебя.

— Что это? — спросила Сильвия.

— Это — Манфред.

Всплеснув руками, она закрыла глаза, она больше не могла это видеть.

— Тебе удалось избежать AM-WEB? — спросил Джек.

— Да,— с ликующей дрожью прошипел он.— Я со своими друзьями.— И он указал на окружающих его бликменов.

— Джек,— попросила Сильвия,— уведи меня отсюда, я больше не могу.

Она прижалась к нему, и он осторожно вывел ее из дома в вечернюю прохладу.

— Послушай, сын, что случилось? — Взволнованные и испуганные, их встретили Дэвид и Лео.— Почему так кричала эта женщина?

— Все в порядке,— ответил Джек.— Уже все в порядке. Она, наверное, выбежала из дома,— добавил он Сильвии.— Наверное, не поняла, в чем дело.

— Я тоже не понимаю и не хочу понимать,— трясясь крупной дрожью, ответила Сильвия.— И не пытайся объяснять мне.— Она поспешно направилась к плите, убавила газ и заглянула в кастрюли — не подгорело ли что.

— Не бойся,— погладил ее Джек.

Сильвия попыталась улыбнуться.

— Вероятно, больше это не повторится,— заметил Джек.— А если и повторится...

— Нет уж, спасибо,— перебила Сильвия.— Когда я его увидела, я сначала решила, что это его отец — Норберт Стайнер, потому так и перепугалась.

— Надо взять фонарь и поискать Эрну Стайнер,— заметил Джек.— Надо удостовериться, что с ней все в порядке.

— Да,— откликнулась Сильвия.— Идите с Лео, пока я тут заканчиваю. Я не могу уйти с кухни, иначе тут все сгорит.

Джек и Лео, взяв фонарь, вышли из дома. Дэвид остался с Сильвией, чтобы помочь накрыть на стол. «Что с тобой будет? — думала она, глядя на сына.— Когда ты достигнешь такого же возраста и половину твоего тела заменят механизмами... Неужели тебя тоже ждет такое?.. Лучше не заглядывать вперед. Слава богу, что мы не обладаем даром предвидения».

— Я тоже хочу с ними на улицу,— жалобно заскулил Дэвид.— Почему ты не рассказываешь мне, что так напугало миссис Стайнер?

— Может, как-нибудь потом расскажу.

«Только не сейчас,— добавила она про себя.— Слишком рано для всех нас».

Обед был готов, и Сильвия машинально вышла на крыльцо, чтобы позвать Джека и Лео, прекрасно понимая, что делает это напрасно: они не придут, они слишком заняты, у них слишком много дел сейчас. Но она все равно продолжала звать — это была ее обязанность.

В марсианском мраке ее муж и свекор искали Эрну Стайнер: то там, то здесь мелькал свет фонаря и доносились их голоса, спокойные, деловые, терпеливые.

Три стигмата Палмера Элдрича

Глава 1

Барни Майерсон проснулся с сильнейшей головной болью в незнакомой спальне незнакомого дома. Рядом с ним, натянув одеяло по самые плечи, спала, полуоткрыв рот, незнакомая девица с белыми, как хлопок, волосами.

«Наверняка я опоздал на службу»,— подумал Барни, выскользнул из-под одеяла и неуверенно принял вертикальное положение. Вполне могло оказаться, что сейчас он вовсе не в Штатах, а где-нибудь у черта на куличках. Единственное, что можно сказать точно,— он, Барни Майерсон, находится на планете Земля. Убеждала привычная сила тяжести — родная планета неудержимо влекла к себе.

И тут он заметил знакомый чемоданчик, стоявший возле дивана в соседней комнате. Чемоданчик психиатра доктора Смайла.

Барни босиком прошлепал в гостиную, сел возле чемоданчика и, раскрыв, щелкнул парой тумблеров, подключаясь к доктору Смайлу. Стрелки приборов мгновенно ожили.

— Где это я? — спросил Барни.— За сколько времени я смогу добраться до Нью-Йорка? — Прочее в эту минуту его особенно не волновало. Он взглянул на часы, висевшие на кухне. Семь тридцать утра. Рань несусветная.

Чемоданчик являлся, по сути, портативным вариантом доктора Смайла, связанным через передатчик с базовым компьютером, стоявшим в цокольном этаже нью-йоркского дома Барни на Ринаун, 33. Машина проговорила металлическим голосом:

— Ах, это вы, мистер Байерсон...

— Майерсон,— поправил доктора Барни, приглаживая дрожащей рукой всклокоченные волосы.— Что ты скажешь мне с прошедшей ночи?

Он поднял глаза и увидел на кухонном буфете полупустые бутылки с бурбоном и содовой, тоник, лимоны и формочки для льда. Зрелище ничего, кроме омерзения, не вызывало.

— Что это за девица?

— Это мисс Рондинелла Фьюгейт,— ответил доктор Смайл.— Она просила называть ее Рони.

Имя это Барни уже слышал, вроде как-то связано с работой.

— Послушай,— обратился Барни к чемоданчику, но тут девица проснулась и заворочалась под одеялом. Пришлось срочно прервать сеанс связи. Он отключил питание, поднялся на ноги и застыл, смущенный тем обстоятельством, что до сих пор ползает в одних трусах. Видок наверняка по меньшей мере нелепый.

— Ты уже поднялся? — спросила девица сонным голосом. Она уселась и, посмотрев на Барни своими большими красивыми глазами, добавила: — Сколько сейчас времени? И кстати, как насчет кофе?

Он отправился на кухню и, включив плиту, поставил на нее кастрюльку с водой для кофе. Где-то хлопнула дверь, потом через пару секунд послышался шум воды. Рони принимала душ.

Барни прошлепал в гостиную и вновь подключился к Смайлу.

— Какое отношение она имеет к «Пи-Пи Лэйаутс»?

— Мисс Фьюгейт — ваш новый ассистент. Не далее чем вчера она вернулась из Китая, где занимала должность регионального консультанта фирмы. Мисс Фьюгейт, несомненно, талантлива, но ей явно не хватает опыта. Именно по этой причине господин Булеро решил на какое-то время прикрепить ее к вам.

— Замечательно! — усмехнулся Барни. Вернувшись в спальню, он поднял с пола свою одежду и стал неспешно облачаться, стараясь не совершать при этом резких движений. Покончив с этой малоприятной процедурой, он вновь склонился к чемоданчику.

— Все равно. В докладной, полученной в пятницу, речь шла именно о мисс Фьюгейт. Она действительно работает очень неровно. Взять хотя бы эту историю с американской выставкой в Китае. Хотите верьте, хотите нет, но она сумела убедить ее организаторов, что панно, посвященное войне Севера и Юга, будет пользоваться у посетителей выставки особым успехом! — Барни рассмеялся.

Дверь ванной комнаты открылась, и взору Барни предстало розовое упругое тело его новой ассистентки.

— Ты меня звал, милый?

— Нет,— отрицательно покачал головой Барни.— Я беседую со своим врачом.

— Никто не застрахован от ошибок,— ответствовал доктор Смайл достаточно безразличным тоном.

Барни кашлянул и жестом указал на спальню.

— Как это мы так сразу?

— Химия,— тут же отозвался доктор Смайл.

— А попроще?

— Вы оба скоперы* — верно? Вы с самого начала знали, что ваша встреча в любом случае приведет к взаимному влечению. Вы немного выпили и решили не тратить время понапрасну. Ибо — «жизнь коротка, искусство...»

Договорить доктору Барни не дал.

Он выключил агрегат, стоило Рони Фьюгейт выйти из ванной. Она прошествовала мимо во всем великолепии своей наготы и направилась к спальне. Походка своим изяществом ничуть не уступала фигуре.

— Я хотела спросить еще ночью,— проворковала ангельским голоском Рони,— зачем тебе эти дурацкие консультации? Подумать только, постоянно таскать с собой психиатра! Ты выключил его только тогда...

— Ну и что с того? — удивился Барни.

Рони Фьюгейт пожала плечами и, подняв над головой руки, потянулась.

— Я тебе нравлюсь?

— Неужели ты можешь кому-то не понравиться? — пробурчал Барни в ответ и замер от изумления, увидев, что Рони принялась прыгать на месте.

— Я бы весила целую тонну, если б не делала этот комплекс по утрам,— объяснила Рони, заметив удивленный взгляд Барни.— Его разработали в Отделе Вооружений ООН. Может быть, ты пока займешься кофе, милый?

— Рони, ты и в самом деле моя новая ассистентка?

— Неужели ты не помнишь? Впрочем, чему я удивляюсь? Говорят, настоящие скоперы видят будущее так ясно, что совершенно забывают о прошлом. Кстати, ты хоть что-нибудь запомнил из наших ночных похождений? — Она остановилась и перевела дух.

---

* Скопер — слово образовано от греческого skopos — смотреть, наблюдать *(прим. пер.)*.

— О! Такие вещи не забывают! — соврал Барни.

— Послушай, могу поспорить на что угодно! Ты таскаешь с собой этот дурацкий чемодан потому, что получил повестку. Я права?

Немного поразмыслив, Барни кивнул. Об *этом* он не забывал ни на минуту. Голубовато-зеленый продолговатый конверт пришел неделю назад. В следующую среду нужно отправляться в Бронкс, там расположен военный госпиталь ООН. Призывная комиссия выдаст заключение о психическом здоровье Барни Майерсона.

— Ну и как, помог он тебе? — Рони указала на чемоданчик.— Достаточно он промыл тебе мозги?

Повернувшись к портативной версии доктора Смайла, Барни спросил:

— Достаточно ли, док?

— К сожалению, нынешнее состояние вашей психики таково, что комиссии не останется ничего другого, как только признать вас годным к службе. До патологии вам еще далеко. Вы легко выдерживаете десятифрейдовые стрессы. И все же унывать пока рано, у нас в запасе еще несколько дней.

Рони Фьюгейт вошла в спальню и стала не спеша одеваться.

— Это же надо! — фыркнула она.— Если вас признают годным и отправят служить куда-нибудь в колонии, я займу ваше место, господин Майерсон! — Она улыбнулась, обнажив свои ровные белые зубы.

Подобная перспектива представлялась Барни чересчур мрачной. Однако возразить нечего. Подобный исход столь же вероятен, как и исход положительный, когда его признают негодным к службе в колониях.

— Ты вряд ли справишься с моей работой,— заметил Барни.— Там, в Китае, ты решала пустяковые проблемы. У нас ситуации во много раз сложнее и серьезнее. Тем не менее ты запуталась и чуть не провалила все дело, хотя распределение вероятностей было, мягко говоря, тривиальным.

Барни говорил чистую правду. Однако при этом прекрасно понимал, что уже в скором времени Рони нагонит его. Она обладает блестящими способностями, к тому же молода и красива. Единственное, чего ей не хватало, так это опыта Майерсона, считавшегося по сию пору лучшим специалистом в своей области. Лишь теперь Барни смог оценить всю серьезность положения. С большой вероятностью он мог залететь на службу — удовольствие не из самых лучших. Но угрожало не только это.

Вне зависимости от решения призывной комиссии он мог потерять свое замечательное место, к которому шел долгих тринадцать лет.

Уж не потому ли он оказался в одной постели с Рони, что близость с нею представилась вдруг возможным выходом из этого тупика?

Барни склонился над чемоданчиком и еле слышно пробормотал:

— Док, скажи, бога ради, что заставило меня...

— Лучше будет, если на твой вопрос отвечу я,— послышалось из спальни. Рони Фьюгейт застегивала перед зеркалом туалетного столика свою светло-зеленую блузку.— Ночью, после пятой рюмки, ты сказал мне...— В глазах Рони засверкали озорные искорки.— Прозвучит, конечно, достаточно грубо, но я попробую передать смысл сказанного. Ты заявил примерно следующее: «Не можешь победить — присоединись». Вот только вместо слова «присоединись» сказано кое-что иное.

Барни покачал головой и направился на кухню — срочно приготовить себе чашечку кофе. В любом случае он находился не дальше ближайших окрестностей Нью-Йорка, ибо мисс Фьюгейт, так же как и он сам, состояла на службе в «Пи-Пи-Лэй-аутс». Судя по всему, они сейчас в ее квартире. Значит, на службу поедут вместе.

«Вот и прекрасно»,— решил Барни.

Интересно, как это понравится их шефу, Лео Булеро? Хотелось бы знать, как относится компания к тем сотрудникам, которые спят друг с другом? Приветствует она это или нет? Во всем остальном жизнь сотрудников расписана до мельчайших деталей. Обстоятельство это было замечательно тем, что человек, составивший табели о рангах и уставы, только и делал, что загорал на пляжах Антарктики и принимал в немецких клиниках сеансы Э-терапии.

«Когда-нибудь я стану таким же, как Лео Булеро,— подумал Барни,— не торчать же мне вечно в этой безумной восьмидесятиградусной нью-йоркской жаре».

Пол под ногами завибрировал — включилась система охлаждения. День начался.

Из-за соседних зданий появилось пышущее жаром, грозное солнце. День снова обещал превратиться в пекло. В полдень температура могла подняться и до двадцати вагнеров. Для того чтобы понять это, не обязательно быть скопером.

В доме с жалким номером 492, стоявшем на окраине Мэрилин Монро, штат Нью-Джерси, жили Хнатты. Ричард Хнатт индифферентно поглощал свой завтрак, просматривая утренний обзор климатических изменений за предыдущий день.

За предыдущие сутки главный ледник, носивший имя Олд-Скинтоп, отступил на 4,62 грабля. Полуденная температура в Нью-Йорке была на 1,46 вагнера выше, чем за день до этого. Вследствие повышенного испарения с поверхности океана влажность возросла на шестнадцать селкирков. Таким образом, температура и влажность продолжали расти, мир катился к назначенному ему концу... Хнатт отложил газету в сторону и стал просматривать утреннюю корреспонденцию, доставленную ему еще до рассвета... С восходом солнца движение почтальонов прекращалось, и так было уже не год и не два.

Первым на глаза попался счет за охлаждение квартиры. Хнатт задолжал домовладению 492 десять с половиной скинов. На три четверти скина больше, чем за апрель.

«Когда-нибудь,— подумал Хнатт,— станет так жарко, что все здесь расплавится. И спасти от этого не сможет уже ничто...» Он вспомнил тот страшный день, когда вся его коллекция граммофонных пластинок превратилась в один черный ком. Это случилось в четвертом году. Тогда у дома отказала система охлаждения...

Теперь он собирал записи, сделанные на оксидных лентах, они плавились при более высоких температурах. Что же до случая с дисками, то пострадали не только записи. Тогда же издохли все попугайчики и венерианские птахи-мини, обитавшие в доме под номером 492. Черепашка, жившая у соседа, и вовсе сварилась заживо... Разумеется, все это произошло днем, когда жильцы дома — по крайней мере мужская половина — находились на работе.

Эмили потом все подробно рассказала. Женщинам удалось переждать эти страшные часы в подвале. Они, не сговариваясь, решили, что миру пришел конец. И не через сто лет, как о том говорили физики из Калтеха, а прямо сейчас... Разумеется, на физиков женщины грешили зря. Причиной катастрофы стал обрыв силового кабеля, находящегося в ведении коммунальщиков. Роботы-спасатели быстро установили источник бедствия и столь же быстро устранили неполадки.

Сегодня Эмили, нарядившись в халатик небесно-голубого цвета, сосредоточенно расписывала необожженный глиняный горшок. Кончик языка зажат между зубами, глаза горят...

Движения Эмили уверенные и точные; можно не сомневаться, что горшок выйдет на славу. Вид работающей жены напомнил Хнатту о предстоящем деле, которое трудно отнести к категории приятных.

Он раздраженно бросил:

— Может быть, подождем с ним?

Не поднимая глаз, Эмили ответила:

— Лучшей возможности для показа у нас не будет.

— А если он скажет «нет»?

— Пусть болтает, что хочет. Или ты предлагаешь бросить дело только потому, что мой бывший муж не сможет — или не захочет — должным образом оценить перспективы? Я лично ни минуты не сомневаюсь в том, что наши горшочки будут иметь грандиозный успех!

— Тебе, конечно, виднее,— пробормотал Ричард Хнатт.— Скажи, а не мог он затаить на тебя обиду? — Сам Ричард считал это маловероятным. Чем мог быть недоволен этот Барни Майерсон? Если верить Эмили, то виноват во всем был именно бывший муженек.

Ричард постоянно слышал рассказы о Барни Майерсоне, однако до сих пор не сталкивался с ним. Что ж, у всякой истории есть свой финал... На девять утра назначена встреча с Майерсоном. Свидание состоится в кабинете у Барни в офисе компании «Пэт-Комплект». Все зависело именно от Майерсона. Он мог посмотреть на их коллекцию керамики равнодушным взглядом человека, повидавшего все чудеса мира, и печально покачать головой. Он мог заявить: «Подобные бездельники "Пэт-Комплект" не устраивают. Вы уж поверьте моему опыту специалиста по маркетингу и моему провидческому дару...» И тогда Ричарду не останется ничего другого, как только взять коробку с горшками под мышку и отправиться куда глаза глядят...

Он взглянул в окно и удрученно вздохнул. Жара стояла такая, что в пешеходных канавках не было видно ни души.

Часы показывали восемь тридцать. Ричард нехотя поднялся со стула и отправился в прихожую. Там он достал из шкафа силовой шлем и персональный охладитель. В соответствии с законом каждый пассажир обязан иметь на спине охладитель. Иначе он не допускался к пользованию общественным транспортом.

— Пока,— бросил он жене, чуть замешкавшись в дверях.

— Удачи тебе, Ричард! — Она так и не подняла взгляд от стола. Конечно, она нервничает, понять ее можно... Ричард

открыл дверь и тут же почувствовал прохладное дуновенье — это заработал персональный охладитель. Не успел он прикрыть за собой дверь, как Эмили подняла голову и, откинув назад свои длинные каштановые волосы, прокричала мужу вслед:

— Как только выйдешь от Барни, позвони мне!

— Разумеется! — отозвался Ричард и захлопнул дверь.

Он спустился вниз, в банк дома 492, отстегнул от стены семейный несгораемый ящик и, перекатив его в комнату для индивидуального пользования, достал коробку с образцами керамики.

Через минуту он уже ехал в пассажирском вагоне с усиленной теплозащитой к одной из окраин Нью-Йорка, туда, где высилась серая синтетическая громада «Пэт-Комплект». Из нее когда-то вышли и сама Прыткая Пэт, и весь ее крощечный мирок. Кукла, сумевшая овладеть теми, кто овладел всей Солнечной системой. Прыткая Пэт — мечта колонистов. Факт этот говорил сам за себя. Столь странное увлечение могло возникнуть лишь у тех, кто был раздавлен беспросветностью существования. Еще бы! Несчастные люди, угодившие под действие закона ООН о призыве на действительную службу, покидали родную планету, чтобы осваивать необжитые просторы Марса, Венеры, Ганимеда и прочих малоприятных небесных тел. Любой астероид чуть больше булыжника, по мысли бюрократов из ООН, мог принести в обозримом будущем какую-нибудь прибыль. На новом месте колонисты выживали далеко не всегда.

«А мы-то считаем, что здесь плохо»,— подумалось Хнатту.

Рядом с ним сидел человек средних лет, в сером силовом шлеме, безрукавке и алых шортах, выдававших в нем бизнесмена.

— Ох и жара сегодня будет! — начал разговор бизнесмен.

— Да, да...

— Интересно, что у вас в коробке? Не иначе, решили устроить ланч для марсианских колонистов!

— Это керамика,— отозвался Хнатт.

— Готов биться об заклад, вы обжигаете ее, выставляя на улицу! — Бизнесмен захихикал и, взяв в руки утреннюю газету, отчертил ногтем одну из передовиц.— Здесь сказано, что при попытке сесть на Плутон потерпел аварию корабль, прилетевший из какой-то другой системы. На его поиски отправился наш звездолет... Хотелось бы знать, кто в корабле летел! Терпеть не могу всех этих тварей из других систем!

— Скорее всего, возвращался один из наших кораблей,— предположил Хнатт.

— Вам не доводилось видеть обитателей Проксимы?

— Только на картинках.

— Зрелище не из приятных,— усмехнулся бизнесмен.— Если они найдут корабль и увидят, что им управляла эта образина, они с ней церемониться не станут. Помяните мое слово, они ее лазерами на куски порежут. Не зря же мы закон принимали о нерушимости наших границ!

— Все правильно.

— Могу я взглянуть на вашу керамику? Вы не бойтесь, у меня совсем другая работа. Я занимаюсь галстуками. Живые галстуки Вернера, имитирующие ручную вязку, всех титанийских цветов и оттенков. Видите мой галстук? Его окрашивают живые существа, которых мы импортируем из другой системы. Разводим же мы их здесь, на Терре. Только не спрашивайте, как мы заставляем их размножаться. Это наш секрет. Не станет же производитель «кока-колы» делиться с другими ее формулой, сколь бы замечательной она ему ни казалась, верно?

— По той же причине я не стану показывать вам своей керамики. Для этого она еще слишком нова. Я хочу показать ее скоперу из отдела маркетинга «Пэт-Комплект». Кто знает, быть может, он решит, что ее стоит миниатюризировать и включить в набор вещей Прыткой Пэт. Ему достаточно связаться с рекламным агентом компании, и — пошло-поехало!

— Галстуки Вернера входят в Пэт-комплект,— проинформировал Ричарда бизнесмен.— У вертушки Пэт есть дружок Уолт. Парень набил полный шкаф таких галстуков. Когда компания решила миниатюризировать наши галстуки...

— Уж не с Майерсоном ли вы встречались? — перебил Ричард.

— Я не встречался ни с кем! Это дело нашего торгового агента. Что до Майерсона, то работать с ним, говорят, очень непросто. Он импульсивен и упрям. Единожды приняв какое-нибудь решение, он уже ни за что не откажется.

— Но ведь он мог отказываться и от того, что впоследствии вошло в моду,— верно?

— Конечно. Хоть он и скопер, однако живой человек, как мы с вами... Я хочу дать вам один совет. Барни Майерсон не доверяет женщинам. Его прежний брак распался пару лет назад. Нового же он так и не заключил. Жена его *дважды* была в положении, и домоуправление решило исключить из состава жильцов всю семью. Причиной стало грубое нарушение супругами установленных норм. Это ведь не просто дом, а дом с

номером 33! Можете представить, каких трудов стоило Майерсону попасть в него! Соответственно, он не стал уходить оттуда сам. Вместо этого он развелся с женой и спровадил ее и ребенка неведомо куда. Однако на этом история не закончилась. Стоило супругам развестись, как Майерсон решил, что совершил непоправимую ошибку. И, похоже, пребывает в унынии до сих пор. Комплексы — штука серьезная! Поэтому парня можно понять... Чего бы мы с вами не сделали, лишь бы попасть в дом номер 33 или даже 34! Как я уже сказал, в новый брак Барни Майерсон так и не вступил. Вполне возможно, он неохристианин. Как бы то ни было, но к женщинам с той поры он стал относиться с подозрением. Когда будете показывать ему свою керамику, избегайте фраз типа «женщинам такие вещи нравятся». Запомните одну простую истину: большая часть сделок...

— Спасибо за совет,— сказал Хнатт, поднимаясь со своего места. Взяв с сиденья коробку с керамикой, он направился к выходу. Положение было крайне сложным, может быть, даже безнадежным — но время уже не повернуть вспять. Все произошло задолго до того, как в жизни Ричарда появились Эмили и эти горшочки...

Ему посчастливилось поймать такси едва ли не сразу. Пока машина несла его по перегруженным центральным автострадам, он успел прочесть статью о звездолете, вернувшемся с Проксимы. Ирония судьбы — только затем, чтобы добраться до дому и погибнуть среди ледяных пустошей Плутона. В заметке высказывалось предположение, будто корабль мог принадлежать известному межпланетному промышленнику Палмеру Элдричу. Он отправился в систему Проксимы десять лет назад с целью хорошенько раскрутить тамошнюю хилую индустрию. Причем полетел не просто так, а по просьбе такой известной организации, как Совет Гуманоидов Проксимы. Все эти десять лет об Элдриче не было ни слуху ни духу. И вот теперь — загадочная катастрофа.

«Пусть бы разбился кто-нибудь другой, только не Элдрич,— решил про себя Хнатт.— Палмер Элдрич слишком блистательная, слишком деятельная личность». Он явил миру чудеса изобретательности и предприимчивости, понастроив в колониях массу автоматических фабрик. Однако при этом он явно перемудрил: продукция этих фабрик, как правило, скапливалась в самых неподходящих местах, необитаемых и необжитых, где нет ни единого потребителя. Безжалостная стихия обращала товары в груды хлама, в горы праха, разносимого ветрами и штормами,

ураганами и вьюгами... «А ведь есть места, где и поныне свистят вьюги! — подумал вдруг Ричард.— Места, где мрут не от жары, а от холода!»

— Приехали! — сообщил автоводитель, когда машина остановилась перед огромным сооружением. Под землей строение занимало не менее внушительные размеры. Войти в «Пэт-Комплект» можно было через туннели, оснащенные надежной системой теплозащиты.

Ричард расплатился и, выскочив из такси, понесся к ближайшему туннелю, прижимая коробку к груди. Лучи солнца на миг коснулись кожи, и Ричарду показалось (или это было на самом деле?), что тело его зашипело... «Жаба, запеченная в собственном соку»,— пронеслось в сознании. Наконец Ричард вбежал под спасительные своды туннеля.

Секретарша приемной повела его по лабиринту коридоров и комнат к кабинету Майерсона. В комнатах царили полумрак и прохлада, располагавшие к отдохновению, но Хнатт и не думал расслабляться. Он вовсе не считал себя неохристианином, однако произнес про себя молитву и еще крепче прижал коробку к груди.

Секретарша, поразившая Хнатта ростом, глубиной декольте и высотой каблуков, обратилась к мужчине, сидевшему за столом:

— Мистер Майерсон, позвольте представить вам мистера Хнатта.— Она повернулась к Ричарду: — Позвольте представить вам мистера Майерсона, мистер Хнатт.

Рядом с Майерсоном стояла девица с белыми, как снег, волосами, одетая в светло-зеленую блузку. Волосы ее были излишне длинными, а блузка — слишком тесной.

— Это — ассистентка мистера Майерсона, мисс Фьюгейт.

Барни Майерсон продолжал изучать лежавшие перед ним документы, делая вид, будто не видит и не слышит ничего вокруг. Ричарду не оставалось ничего другого, как только ждать. На миг им овладела ярость, но тут же место ее занял ужас, а еще через мгновение — всепобеждающее любопытство. Так вот как выглядит бывший супруг Эмили. Если верить тому бизнесмену с живым галстуком, Майерсон до сих пор не может простить себе развода... Майерсон оказался коренастым мужчиной лет сорока, со спутанной гривой волнистых с проседью волос. Он явно скучал, но в нем тем не менее не чувствовалось ничего похожего на враждебность. Впрочем, он мог просто не понять...

— Показывайте свои горшки! — бросил Майерсон вдруг.

Ричард поставил коробку на стол, достал из нее один за другим все горшочки и сделал шаг назад.

Выдержав небольшую паузу, Барни Майерсон проговорил:

— Нет.

— Нет?! — изумился Хнатт.— Но почему?

— Их это не устроит.— Барни вновь погрузился в изучение документов.

— Вы хотите сказать, что все уже решено? — изумился Ричард.

— Именно так,— кивнул Майерсон. Керамика его больше не интересовала. Он вел себя так, словно ни ее, ни Хнатта в комнате уже не было.

— Прошу прощения, мистер Майерсон,— подала голос мисс Фьюгейт.

Барни удивленно уставился на нее:

— В чем дело?

— Мне не хотелось этого говорить, мистер Майерсон,— проговорила мисс Фьюгейт, взяв в руки один из горшочков,— но у меня возникло прямо противоположное впечатление. Я чувствую, что эта керамика должна пойти.

— Дайте-ка! — Майерсон указал на темно-серую вазочку. Хнатт подал ее и замер в ожидании. Майерсон внимательно осмотрел изделие, нахмурился и наконец заявил:

— Нет. Мне так не кажется. Полагаю, вы ошиблись, мисс Фьюгейт.— Он поставил вазочку на стол и глянул на Ричарда.— Поскольку к единому мнению прийти нам не удалось...— Он задумчиво почесал нос.— Вы можете оставить вашу керамику на несколько дней. Я над ней поработаю.

Несмотря на последнюю фразу, Хнатт нисколько не сомневался в том, что этого Майерсон теперь не станет делать в любом случае.

Мисс Фьюгейт взяла со стола маленькую вазочку крайне странной формы и едва ли не нежно прижала ее к груди.

— Эта штучка нравится мне больше всего! Я прямо-таки чувствую исходящие от нее эманации! Она просто обречена на успех!

Барни тихо пробормотал:

— Ты сошла с ума, Рони,— видно было, что он разгневался не на шутку.— Я позвоню вам,— повернулся он к Ричарду.— Приму решение и тут же позвоню. Особенно надеяться вам не на что. Решения свои я меняю редко. В принципе вы можете и не оставлять все это. У меня отличная память,— он бросил на свою ассистентку полный гнева взгляд.

Глава 2

В десять часов утра того же дня в кабинете Лео Булеро, председателя совета директоров компании «Пэт-Комплект», раздался звонок видеофона. Звонили из частного полицейского агентства «Межпланетное бюро охраны порядка». Уже через минуту Лео знал, что межпланетный корабль, возвращавшийся с Проксимы, потерпел аварию на Плутоне.

Несмотря на крайнюю важность события, Лео Булеро слушал сообщение вполуха, ибо думал совсем о другом.

То, что произошло, до сих пор казалось ему чьей-то глупой шуткой. Компания «Пэт-Комплект» ежегодно уплачивала ООН гигантскую дань, в обмен на которую военные обеспечивали неприкосновенность всех грузов компании. И вот теперь, в нарушение всех договоренностей, военный корабль, принадлежавший одному из отделов ООН, а именно — Бюро по контролю за наркотиками, захватил целый груз Кэн-Ди стоимостью примерно в миллион скинов. Груз был захвачен неподалеку от одной из полярных шапок Марса. Его доставили под надежной охраной с венерианских плантаций. Причина могла быть только одна — взятки для вполне определенных сотрудников ООН не нашли своих адресатов, исчезнув где-то на низших ступенях громоздкой иерархии всесильного ведомства.

Подступиться к ООН не мог даже он, могущественный Лео Булеро,— ООН была *вещью в себе.*

Он прекрасно понимал, чего хотят от него люди из Бюро по контролю за наркотиками. Они хотят, чтобы компания «Пэт-Комплект» начала тяжбу с их ведомством на предмет возвращения груза. При этом выяснилось бы, что запрещенный законом Кэн-Ди, пользующийся поразительным успехом у колонистов, производит и продает не кто-нибудь, а именно компания «Пэт-Комплект». Сколько бы ни стоил груз, дешевле навсегда распрощаться с ним.

— Предположения газетчиков оправдались,— сказал ему с экрана видеофона Феликс Блау, глава полицейского агентства,— звездолет действительно принадлежал Палмеру Элдричу. Сам он получил серьезные ранения, однако остался жив. Линейный корабль ООН должен доставить его в госпиталь одной из баз, о местоположении которой ничего не сообщается.

Лео многозначительно хмыкнул.

— Если же говорить о том, что именно обнаружил Палмер Элдрич в системе Проксимы, то...

— Вы никогда не сможете узнать этого,— усмехнулся Булеро,— разве только он сам не скажет.

— И все же кое-что нам известно. Факт представляется мне любопытным. На борту корабля Элдрича находилась — и находится поныне — культура экзотического лишайника, очень похожего на те лишайники Титана, из которых вырабатывают Кэн-Ди. Полагаю, в связи с инцидентом...— Блау выразительно кашлянул и замолчал.

— Можно ли уничтожить проклятый лишайник? — выпалил Булеро, сраженный последним известием наповал.

— К сожалению, люди Элдрича уже прибыли на место аварии. Я думаю, они будут активно противодействовать любому вмешательству извне.— Блау, похоже, сочувствовал Булеро.— Разумеется, мы попытаемся что-нибудь предпринять. Однако грубой силой много не добьешься. Может, удастся кого-нибудь подкупить... Весьма слабо верится!

— И все-таки попробуйте! — рявкнул Булеро, прекрасно понимавший, что из этой затеи, скорее всего, ничего не выйдет.— Кстати, о силовом решении. Разве один из основных декретов ООН не запрещает ввоз каких бы то ни было форм жизни из других систем?

«Неплохо, если бы ооновские генералы решили разбомбить останки корабля Элдрича»,— подумал про себя Булеро и сделал в блокноте пометку: «Поговорить с юристами. Известить ООН о ввозе в систему лишайника».

— Я свяжусь с вами попозже,— сказал он и отключил свой видеофон. Медлить в этой ситуации опасно. Уже в следующую минуту Лео вознамерился выйти на руководство ООН напрямую, минуя посредничество юристов. Он вызвал на связь свою секретаршу и распорядился:

— Руководство ООН, Нью-Йорк. Генерального секретаря Хепберн-Гильберта.

Через мгновение на экране видеофона появилась улыбающаяся физиономия хитроумного индийского политикана, занявшего год назад пост Генерального секретаря ООН.

— Ах, это вы, господин Булеро! Хотите опротестовать захват корабля, груженного Кэн-Ди...

— Впервые об этом слышу! — усмехнулся Лео.— Я звоню вам совсем по другому поводу. Вы знаете, что сделал Палмер Элдрич? Он привез с собой лишайник! Нисколько не удивлюсь, если нас поразит эпидемия, наподобие той, что была в девяносто восьмом.

— Мы в курсе. Люди Элдрича, однако, утверждают, что лишайник этот был взят Палмером Элдричем с Земли. Если верить им, растение служило экипажу источником протеина.— Индиец широко улыбнулся, блеснув своими белоснежными зубами. Похоже, это объяснение немало забавило его.

— И вы им верите?

— Разумеется, нет.— Улыбка Хепберна-Гильберта стала еще шире.— Я никак не могу понять, отчего вас так занимает эта проблема? У вас что — страсть к лишайникам?

— Я — гражданин Солнечной системы и потому не могу оставаться безучастным, глядя, что происходит с моей родиной! Я вправе требовать от вас конкретных действий!

— Вы зря считаете, что мы сидим сложа руки,— ответил Хепберн-Гильберт,— расследование этого дела уже началось. Его ведет небезызвестный вам господин Ларк. Вас удовлетворяет такой ответ?

Дальше продолжать разговор было бессмысленно. Лео повесил трубку, чувствуя себя последним идиотом и кляня политиков на чем свет стоит. Они могли предпринимать решительные шаги, если речь шла о *нем* самом. В отношении же Палмера Элдрича подобные действия исключались...

— Видите ли, мистер Булеро, это дело щекотливое...— передразнил он Генерального секретаря.

Ларка, упомянутого Хепберн-Гильбертом, Лео действительно знал. Нед Ларк — шеф Бюро по контролю за наркотиками. Именно по его распоряжению задержан груз Кэн-Ди, принадлежавший «Пат-Комплект». Генеральный секретарь не случайно поручил заниматься делом Элдрича именно Ларку. Если Булеро не будет настаивать на расследовании, имеется небольшой шанс получить груз обратно. Если же Лео заартачится — прости-прощай денежки... Лео понял, на что намекал ему старый мерзавец. Мол, услуга за услугу...

Все переговоры с ООН неизбежно кончаются одним и тем же. Виной всему — чертова афро-азиатская политика. Болото сплошное. Куда ни плюнь, кругом иностранцы. Лео посмотрел на пустой экран видеофона.

Тягостные раздумья прервал звонок секретарши, мисс Глисон.

— Господин Булеро, в приемной мистер Майерсон. Он хотел бы переговорить с вами.

— Пусть войдет.

В следующее мгновение в кабинет вошел хмурый, сердитый консультант, отслеживавший изменения моды и, соответст-

венно, спроса на те или иные товары. Барни Майерсон сел напротив шефа и уставился на него долгим немигающим взглядом.

— Что тебя так расстроило, Майерсон? — спросил Лео.— Говори мне все. Именно для этого я здесь и сижу! Если кто-то и сможет поддержать тебя, так это я! — последние слова он произнес еле слышно.

— Я хотел поговорить с вами о моей ассистентке, мисс Фьюгейт.

— Ах, да! Говорят, что ты уже успел переспать с нею! Это правда?

— Я хотел поговорить не об этом.

— Все понятно,— кивнул Лео.— Действительно, чего о таких пустяках болтать!

— Я пришел сюда, чтобы обсудить совершенно иной аспект ее поведения, господин Булеро! Только что мы разошлись во мнениях. Торговец...

— Ты что-то отклонил, а она с тобой не согласилась? — перебил Лео.

— Да.

— Ох, что мне с вами, скоперами, делать... Если я правильно тебя понял, надо приказать мисс Фьюгейт впредь тебе не перечить. Так?

Барни смущенно кивнул:

— Примерно. Видите ли, она прикреплена ко мне в качестве ассистентки. Это значит, она должна следовать моим указаниям. По крайней мере, сам я понимаю ее роль именно так.

— Да-с... Одно твое указание она уже выполнила. Я имею в виду сегодняшнюю ночь.— Лео довольно ухмыльнулся.— Что до этой истории, то ей, конечно же, не следовало спорить с тобой в присутствии посторонних. Она могла бы сделать это и попозже.

— Такой вариант меня тоже не устраивает,— еще больше насупился Майерсон.

— Ты знаешь, после того как я стал принимать сеансы Э-терапии, у меня чрезвычайно развились фронтальные отделы мозга. Я так в этом деле насобачился, что сам превратился в скопера! Этот торговец предлагал тебе горшочки? Керамические горшочки и вазочки?

Барни нехотя кивнул.

— Их делала твоя бывшая супруга,— сообщил Лео. Керамика Эмили имела спрос. Он видел в газетах объявления о роз-

ничной продаже ее работ в престижных салонах Нью-Орлеана, Восточного побережья и Сан-Франциско.

— Ну и как они тебе, Барни? — Лео внимательно посмотрел на своего консультанта.— *Может быть, мисс Фьюгейт права?*

— Они сто лет никому не нужны! — бесстрастно произнес Барни.

Лео не понравились интонации в голосе собеседника, более того, они показались напускными. Выходит, Барни попросту соврал.

— По крайней мере, таково мое мнение,— закончил Барни.

— Хорошо,— согласился Лео.— Я принимаю сказанное тобой. Но если работы Эмили произведут фурор, а в нашем распоряжении не будет их уменьшенных копий, которые мы смогли бы продать колонистам,— Булеро на миг задумался, но тут же закончил мысль,— твое кресло займет Рони. Делить его, как вы делили постель, вам уже не придется.

Барни поднялся со стула.

— Так вы проинструктируете мисс Фьюгейт касательно того, какую позицию ей следует занимать?

Лео захохотал.

— О'кей, Барни! Я ей задам перцу! Она молодая — переживет! А вот ты у нас старый, того и гляди на пенсию отправим! — Он подошел к Барни и дружески похлопал его по спине.— Слушай, Барни, брось ты себя терзать! Забудь о своей жене!

— Я о ней и так уже забыл!

— Вот и прекрасно. Можно подумать, на ней свет клином сошелся.

Лео вспомнил о своей нынешней пассии, Скотти Синклер. Скотти, хрупкая блондинка с огромным бюстом, ждала его на космической вилле в пятистах милях над поверхностью Земли.

— В отличие от первых американских марок и скинов — то бишь кожицы трюфелей, заменяющей нам денежные знаки,— которых, как известно, всегда не хватает, женщин обычно не просто много, но даже слишком много! — Лео вдруг подумал о том, что все проблемы можно снять, подложив Барни в постель одну из прежних своих любовниц.— Я хочу одарить тебя...— начал было Лео, но Барни тут же оборвал его, возмущенно всплеснув руками.

— Нет? — удивился Лео.

— Нет,— тряхнул головой Барни.— У меня уже есть Рони Фьюгейт. Мне хватает и ее.— Барни взирал на своего шефа с явным неодобрением.

— Согласен. Ты только не подумай, что у меня в «Угодьях Винни-Пуха» их целый гарем...— возмущенно проворчал Лео, пораженный неблагодарностью подчиненного.

— Когда я был там в последний раз,— начал Барни,— кажется, в январе, на вашем дне рождения...

— Это не в счет. Это был праздник, Барни.— Лео проводил Майерсона до двери своего кабинета и вдруг, словно невзначай, заметил: — Ты знаешь, до меня дошел один крайне неприятный слух. Говорят, что ты повсюду таскаешь с собой портативный узел связи с электронным психиатром... Скажи мне честно, Барни, ты что — *получил повестку?*

Повисла зловещая тишина. Барни едва заметно кивнул.

— И ты нам ничего не сказал? — возмутился Лео.— Когда же ты хотел известить нас об этом? В день твоей отправки на Марс?

— Я постараюсь выкрутиться.

— Я понимаю. Но не забывай, что то же самое пытались сделать все те, кого ООН кинула на освоение новых жизненных пространств. И таких, Барни, было совсем немало. Они заселили уже четыре планеты и шесть спутников!

— Их не удовлетворит состояние моей психики,— ответил Барни.— Говорю вам это как скопер. Я не смогу выдержать стольких фрейдов стресса, Лео. Посмотрите, что делается с моими руками! — Он вытянул перед собой руки. Они заметно дрожали.— Вспомните о том, как я отреагировал на слова мисс Фьюгейт, как я разговаривал с Хнаттом, как...

— О'кей...— вздохнул Лео, желая прекратить это словоизвержение. Радости отнюдь не прибавилось. Обычно повестки вручались новобранцам за девяносто дней до призыва. За это время мисс Фьюгейт вряд ли успела бы перенять от Барни все необходимые навыки. Конечно, он мог выписать из Парижа Мака Ронстона, но и Ронстон, несмотря на его пятнадцатилетний стаж, не смог бы тягаться с Майерсоном. Мак был многоопытен и зауряден. Барни был гением.

«Похоже, ООН решила добраться и до меня»,— подумал вдруг Лео. То, что Барни получил свою повестку не когда-нибудь, а именно теперь, вряд ли обычное совпадение. Скорее всего, кто-то пытался нащупать слабые места компании. И в данном случае это недругам удалось. Самое скверное, что невозможно защитить Майерсона и тем самым защитить себя.

«И все это лишь потому, что я снабжаю колонистов Кэн-Ди,— подумал Лео.— В конечном итоге это может делать кто-

то другой. В противном случае они там все спятят! На кой черт им тогда сдался этот дурацкий Пэт-комплект?»

В довершение ко всему, торговля наркотой приносила такую прибыль, какая и не снилась обычным промышленникам. Число скинов, выражающее оную прибыль, столь велико, что его вполне можно было назвать астрономическим.

В ООН знали и об этом.

В двенадцать тридцать по нью-йоркскому времени Лео Булеро уже расположился за столиком ресторана «Багряный Лис». Напротив сидела его новая сотрудница, зачисленная на должность секретаря, очаровательная Пиа Юргенс. Движения девушки были точными и уверенными; не менее уверенно двигалась и ее нижняя челюсть, тщательно пережевывавшая пищу. Пиа была рыженькой, Лео такие всегда нравились. Они либо откровенные образины, либо на удивление привлекательные. Мисс Юргенс относилась к последним. Лео ломал голову над тем, под каким же предлогом ему отправить свою новую сотрудницу в «Угодья Винни-Пуха»... При этом он исходил из того, что Скотти возражать против этого особенно не будет. Предположение это, разумеется, было достаточно условным. Скотти обладала свободной волей, что делало ее человеком опасным... Что может быть страшнее норовистой женщины?

«И как же я не всучил Скотти этому болвану? — сокрушался Лео.— Разом разрешил бы две проблемы — успокоил Барни и разгрузил себя...»

«Болван! — прервал он собственную мысль.— Барни нельзя успокаиваться. Иначе он вмиг окажется где-нибудь на Марсе. Не случайно же он таскает с собой этот говорящий чемодан. Я безнадежно отстал от мира. Это в двадцатом столетии психоаналитики успокаивали людей, теперь происходит прямо противоположное».

— Вы всегда такой молчаливый, мистер Булеро? — спросила мисс Юргенс.

— Нет,— бросил вслух Лео, продолжая размышлять:

«А не смогу ли я помочь Барни? Сделать так, чтобы он... как бы это точнее выразиться... да! Сделать так, чтобы он на какое-то время потерял ориентацию?»

Задачка, конечно, не из самых простых, придется поднапрячься и поломать голову изрядно. Одним распоряжением здесь не отделаешься...

Впрочем...

Он извинился, подозвал к себе робота и распорядился принести на столик видеофон.

Через минуту он уже говорил с мисс Глисон, находившейся на своем рабочем месте.

— Послушайте, милочка, сделайте так, чтобы по возвращении с обеда я мог переговорить с мисс Фьюгейт, ассистенткой Барни Майерсона. Сам господин Майерсон об этом знать не должен. Вы поняли меня?

— Да, сэр,— ответила мисс Глисон, сделав пометку в блокноте.

— Я все слышала,— сказала Пиа Юргенс, стоило Лео положить трубку.— И я могу передать весь этот разговор Барни Майерсону. Едва ли не каждый день я встречаю его в...

Лео захохотал. Ход мыслей Пии Юргенс показался ему донельзя забавным.

— Послушай, детка,— проговорил он, взяв ее за руку.— К сфере обычных отношений меж мужчиной и женщиной это не относится. Доедай свою ганимедскую лягушку. Нам пора возвращаться на работу.

— Вы меня неправильно поняли,— заметила мисс Юргенс холодно.— Просто мне показалось странным, что вы стали откровенничать при человеке, которого практически не знаете.— Она выразительно посмотрела на Лео. При этом и без того высокая грудь выросла едва ли не вдвое.

— Я жажду узнать тебя получше, деточка! — пролепетал Лео Булеро, сраженный этим зрелищем наповал.— Ты когда-нибудь пробовала Кэн-Ди? Ты обязательно должна это сделать, милая. Бог с ним, с привыканием. Главное — получить удовольствие. Верно? — В «Угодьях Винни-Пуха» он всегда держал под рукой изрядное количество Кэн-Ди высшей пробы. Особенно оно выручало по праздникам, когда в доме собирались гости...— Я спросил об этом не случайно. Ты производишь впечатление человека с развитым воображением, реакция же на Кэн-Ди определяется именно воображением! Уверяю, тебе будет очень хорошо. Уж я-то в этих вещах толк знаю!

— О, я бы с удовольствием попробовала,— ответила мисс Юргенс. Она посмотрела по сторонам, наклонилась вперед и прошептала: — Но ведь это запрещено законом!

— Разве? — изумленно воззрился на нее Лео.

— Неужели вы этого не знаете! — Пиа, похоже, начинала сердиться.

— Послушай,— сказал Лео,— я смог бы достать для тебя немного Кэн-Ди!

Разумеется, он примет наркоту вместе с девушкой. В таких случаях сознания участников растворялись друг в друге, образуя новую чудесную сущность... По крайней мере, *это* ощущалось именно так. Несколько совместных приемов, и Лео будет знать о Пии Юргенс все. О, как он жаждал узнать ее! И влекло его не только поразительное тело Юргенс, нет! Влекло нечто в ней самой, нечто таинственное и завораживающее...

«Мы обойдемся без комплексов».

По странной иронии судьбы он, создатель и творец миниатюрного мира Прыткой Пэт, предпочитал принимать Кэн-Ди вне этого мира. Впрочем, ничего удивительного! Лео находился на Терре и имел возможность лицезреть воочию все то, скромной копией чего была продукция его компании. Для поселенцев какого-нибудь уныльго, продуваемого всеми ветрами спутника, укрывающихся в своих хижинах от кристаллов застывшего метана и прочих неприятностей, все обстояло иначе. Для них Прыткая Пэт и ее комплект были окном в мир, столь притягательный и столь недоступный. Он же, Лео Булеро, сыт этим самым миром по горло. От этого мира его тошнило. Даже «Угодья Винни-Пуха» с их милыми забавами не могли избавить от ощущения пустоты и тщеты всего происходящего. Впрочем...

— Кэн-Ди — замечательная штука,— нашептывал он мисс Юргенс.— Именно по этой причине оно и находится под запретом! Кэн-Ди — религия колонистов! — Лео рассмеялся.— Откусил. Подождал пятнадцать минут. И...— он взмахнул руками,— хижины твоей нет и в помине! Нет этого проклятого застывшего метана! Ты понимаешь? У людей появляется хоть какой-то стимул для жизни! Неужели одно это не оправдывает смертельного риска и бешеных денег на производство?

«А как же мы?» — вдруг тоскливо подумал Лео.

Изготавливая Пэт-комплекты, выращивая лишайник и производя из него в качестве конечного продукта Кэн-Ди, он делал сносной жизнь более чем миллиона невольных переселенцев с Терры. Но что, черт возьми, он получал взамен?!

«Моя жизнь отдана другим, она не принадлежит мне, и это ужасно!» Конечно, у него имелась вилла в космосе, на которой его ждала Скотти... Но прежде всего у него было нечто совсем иное — бесконечные проблемы, связанные с легальным и нелегальным бизнесом. На решение этих проблем и уходила жизнь... Так неужели же ничего иного в ней никогда не будет?

Он не знал. Более того, этого не знал никто. Все они походили друг на друга, все они были его, Булеро, подобием. Взять

хотя бы Майерсона. Барни и его Рондинелла Фьюгейт — всего лишь подпорченные копии Лео Булеро и мисс Юргенс... Куда ни посмотри — повсюду одно и то же... Наверное, и этот Нед Ларк, глава Бюро по борьбе с наркотиками, жил так же, как и все остальные. И Хепберн-Гильберт такой же, как все. Спит с какой-нибудь скандинавской актрисой и делает вид, будто больше ему ничего не надо. И Палмер Элдрич от других вряд ли отстанет...

«Нет! — вспыхнуло вдруг в сознании.— Он — *другой*. Палмер Элдрич стал другим. Он что-то нашел. На путешествие в систему Проксимы у него ушло целых десять лет — времени предостаточно! *Но что он мог найти?* И стоило ли *это* таких стараний?»

— Ты не заглядывала в сегодняшние газеты? — спросил Лео у мисс Юргенс.— Я говорю об этой аварии на Плутоне. Таких, как Элдрич, один человек на миллиард! По крайней мере, с такими, как он, встречаться мне не доводилось.

— Читала, читала,— ответила девушка.— Псих он, этот ваш Элдрич.

— Никто в этом и не сомневается. На десять лет уйти из жизни, заняться черт знает чем — надеясь неведомо на что!

— Думаю, что он с лихвой оправдал все свои труды! — фыркнула мисс Юргенс.— Пусть он и псих, но находчивости и сообразительности ему не занимать. Если вы считаете его олухом, то вы здорово ошибаетесь. Он себе на уме, этот ваш Элдрич.

— Хотел бы я с ним повидаться,— задумчиво произнес Булеро.— Хотя бы минуту с ним побеседовать...

И мгновенно принял решение отправиться в госпиталь, в котором теперь находился Палмер Элдрич. Проникнуть туда можно двумя путями: силой или подкупом. И тот и другой путь в силу своей простоты Булеро устраивал.

— Помните те времена, когда звездолеты впервые покинули Солнечную систему? — спросила его мисс Юргенс.— Мне тогда казалось...— Она осеклась, но тут же продолжила: — Это звучит глупо, но я тогда была еще ребенком... Да, да! Арнольдсон вернулся с Проксимы, когда мне было лет шесть-семь.— Она опустила глаза.— Мне тогда почему-то казалось, что он должен найти Бога.

Лео рассеянно кивнул.

«Я думал точно так же,— горько размышлял он.— Пусть в то время мне было уже далеко за тридцать. Мы частенько спорили о таких вещах с Барни. Проклятье, я мечтаю об этом до сих пор...»

Когда Булеро вернулся в свой кабинет, мисс Рондинелла Фьюгейт была уже там. Видел ее Лео впервые.

«А она ничего,— подумал он, прикрывая за собой дверь.— Красивые глаза, ладная фигура».

Она сидела нога на ногу, то и дело оправляя свою юбочку. Видно было, что она чем-то взволнована. Лео уселся в свое кресло и строго посмотрел на Рони.

«Она же совсем ребенок,— неожиданно понял он,— капризный ребенок, который не привык слушаться старших...»

— Вы знаете, для чего я пригласил вас сюда? — спросил он сухо.

— Я думаю, вы разозлились на меня из-за того, что я стала спорить с мистером Майерсоном. Но я просто не могла поступить иначе. Дело в том, что керамика эта пойдет. Я увидела это совершенно ясно. Вы считаете, что я поступила неправильно? — Девушка чуть привстала, но тут же вернулась на место.

— Я вам верю,— ответил ей Лео.— Проблема в другом. Видите ли, мистер Майерсон крайне чувствителен. Если бы вы пожили с ним, то узнали, что он не делает ни шагу без своего портативного психиатра.— Лео открыл ящик стола и достал из него пачку «Куеста Рейс». Мисс Фьюгейт благодарно приняла предложенную ей тонкую сигару. Лео дал ей прикурить, закурил сам и, откинувшись на спинку кресла, спросил:

— Вы знаете что-нибудь о Палмере Элдриче?

— Да.

— А не согласились бы вы использовать свои провидческие таланты не по назначению? Через месяц-другой газеты будут сообщать о том, где именно находился Элдрич после аварии. Причем сообщения эти никоим образом нельзя будет считать сенсационными. Мне хотелось бы, чтобы вы просмотрели одну из этих газет и назвали мне это место. Уверен, вы справитесь!

«А если вы этого не сделаете,— добавил он уже про себя,— мы тут же с вами и распрощаемся».

Лео замолчал, давая мисс Фьюгейт возможность высказаться. С каждой минутой эта молоденькая девчушка нравилась ему все больше и больше. Барни можно только позавидовать.

Мисс Фьюгейт еле слышно пробормотала:

— Я вижу это сообщение очень смутно, мистер Булеро.

— И все же мне хотелось бы его выслушать,— ответил Лео, потянувшись за ручкой.

Рони пыталась сосредоточиться в течение нескольких минут. В конце концов Булеро удалось записать в блокноте следую-

щее: «Третья База, Ганимед, госпиталь для ветеранов им. Джеймса Риддла». Вне всяких сомнений, заведение принадлежало ООН. Впрочем, именно этого Лео и ожидал. Отчаиваться в любом случае он был не вправе.

— Он находится там под чужим именем,— проговорила Рони, побледневшая и осунувшаяся от напряжения. Она зажгла потухшую сигару, выпрямилась и скрестила свои стройные ноги.— В газете сказано, что Элдрич был зарегистрирован под именем...— Она зажмурила глаза.— Черт! Никак не выходит! Всего один слог. Франт. Брент... Нет, не так. Ага! Кажется, Трент. Совершенно точно — Элдон Трент! — Рони улыбнулась. Глаза ее засветились по-детски наивной радостью.— Они сделали все возможное, чтобы спрятать его получше. Тут говорится и о том, что его допрашивали. Стало быть, он в состоянии отвечать.— Девушка вдруг нахмурилась: — Подождите! Вижу заголовок. Я в своей квартире. Одна. Читаю утреннюю газету, первую страницу... О боже!

— Что такое? — Лео подался вперед, чувствуя, что бедняжка испугалась не на шутку.

— Здесь сказано,— прошептала Рони,— что Палмер Элдрич умер.— Она часто заморгала, испуганно посмотрела по сторонам и наконец устремила свой взор, полный ужаса и смятения, прямо на Булеро.— Повинным в его смерти названы вы, мистер Булеро. Клянусь вам, именно так здесь и написано!

— Вы хотите сказать, что я *убью* его?

Она кивнула.

— Да. Но только это может и не произойти. Не забывайте, открылась лишь одна из... возможностей. Вы понимаете? Может быть, случится нечто другое! Мы, скоперы, видим...

— Мне все известно и без вас! — Со скоперами он работал уже не один год. Барни трудился на фирму тринадцать лет, остальные — и того больше.— И все же есть вероятность...— раздраженно пробормотал Лео.— Что могло подтолкнуть его к этому? Понять сейчас невозможно. Вот когда он разыщет Элдрича и поговорит с ним, все разом встанет на свои места... А поговорить с Элдричем ему, похоже, удастся.

— Мне кажется, что вам не следует искать контактов с мистером Элдричем, господин Булеро,— заметила Рони.— Видите, к чему это может привести? Риск слишком велик. Вероятность названного события находится в районе сорока.

— Сорока чего?

— Процентов, разумеется! Это почти одна вторая! — Мисс Фьюгейт, похоже, приходила в себя. Она затянулась сигарой

и без тени смущения стала разглядывать своего шефа. Наверное, и она хотела понять, что могло заставить Лео Булеро совершить сей неожиданный поступок... Впрочем, вдаваться в эти детали Лео не хотел. Он выбрался из-за стола и направился к двери.

— Благодарю вас, мисс Фьюгейт. Вы очень помогли мне.— Всем своим видом он показывал ей, что аудиенция закончена.

Мисс Фьюгейт, однако, и не думала вставать со своего места. Она вновь демонстрировала то самое тупое упрямство, о котором говорил ему Барни.

— Мистер Булеро,— сказала она тихо,— я, наверное, сообщу об увиденном в полицию. Мы, скоперы...

Лео поспешил затворить приоткрытую дверь.

— Вы, скоперы, любите совать нос в чужие дела!

Булеро покачал головой. Подумать только, ни с того ни с сего он вдруг оказался во власти этой дрянной девчонки. Интересно, как она распорядится полученной информацией?

— Мистера Майерсона в любой момент могут призвать на службу,— продолжила Рони.— Вы, конечно же, знаете об этом... Вы не собираетесь хлопотать об отсрочке?

Лео Булеро решил не скрывать ничего.

— Кой-какие идеи на этот счет у меня действительно есть.

— Мистер Булеро,— проговорила Рони тихо и в то же время достаточно жестко.— Я хочу заключить с вами сделку. Не мешайте им — пусть они забирают Барни на службу. Вашим новым консультантом стану я.

Лео остолбенел.

— Что вы на это скажете? — Видно было, что такого рода переговоры вести ей еще не приходилось, пусть она и пыталась выглядеть непринужденной. Лео вновь покачал головой. Кто знает, может быть, он стал свидетелем начала блестящей карьеры...

И вдруг он кое-что вспомнил. Он вспомнил, почему девчонку перевели из Пекина в Нью-Йорк. Ее предсказания были нестабильны. Некоторые из них — а таких получилось непозволительно много — оказались ошибочными.

Вполне допустимо, что и последнее предсказание — насчет убийства Палмера Элдрича — очередная пустышка. К тому же девчонка могла попросту соврать.

— Дайте мне все хорошенько обдумать. Мне потребуется на это пара дней.

— Я буду ждать до завтрашнего утра,— твердо проговорила мисс Фьюгейт.

Лео рассмеялся.

— Как я понимаю Барни! — Майерсон, который тоже был скопером, наверняка ожидал от своей ассистентки чего-то подобного.— Послушайте меня, мисс. Вы ведь любовница Майерсона, не так ли? Что, если я предложу вам кое-что получше? В вашем распоряжении будет целая космическая вилла.

«Если, конечно, мне удастся спровадить оттуда Скотти»,— добавил он уже про себя.

— Нет уж, спасибо!

— Но почему? — изумился Булеро.— Ваша карьера...

— Мне нравятся такие люди, как мистер Майерсон,— ответила Рони.— Чего я не могу сказать о раздо...— Она замялась на мгновение, но тут же нашлась: — О тех людях, которые принимали сеансы в этих клиниках.

Булеро вновь открыл дверь своего кабинета.

— Завтра утром я дам вам ответ.

Наблюдая, как она шествует по приемной, Лео подумал: «За это время я успею смотаться на Ганимед и переговорить с Палмером Элдричем. И тогда я смогу ответить на все вопросы разом».

Он закрыл дверь, вернулся к столу и защелкал кнопками видеофона, вызывая дежурного оператора Большого Нью-Йорка.

— Пожалуйста, госпиталь для ветеранов имени Джеймса Риддла. Третья База, Ганимед. Я хочу переговорить с пациентом Элдоном Трентом. Разговор будет носить частный характер.— Лео назвал свою фамилию, условный код и, нажав на рычажок, стал набирать номер космодрома имени Кеннеди.

Он забронировал для себя место на экспрессе, вылетавшем этим вечером на Ганимед, и принялся мерить шагами кабинет, ожидая ответного звонка из госпиталя.

«Раздолбай» — вот как хотела назвать его мисс Фьюгейт. Его, своего начальника.

Через десять минут зазвонил видеофон.

— Примите мои извинения, мистер Булеро,— проговорил оператор.— Но мистеру Тренту врачи строго-настрого запретили говорить по видеофону.

«Ага,— подумал Булеро,— стало быть, Рондинелла Фьюгейт не ошиблась».

Элдон Трент действительно существовал, и он находился не где-нибудь, но именно в госпитале имени Джеймса Риддла. Скорее всего, под этим именем действительно скрывается Пал-

мер Элдрич. «Ну что ж, значит, я слетаю на Ганимед не впустую...»

«Хорошенькое дело,— тут же пришла мысль.— Я встречусь с Элдричем, разругаюсь с ним бог знает из-за чего и в конце концов или сам его прикончу, или стану косвенной причиной. Как бы ни повернулось дело, в преступлении обвинят именно меня, обвинят во всеуслышание». Лео сокрушенно покачал головой.

Любопытство его, однако, с каждой минутой росло. Чем бы ему ни приходилось заниматься в этой жизни, до убийства он не скатывался еще никогда. Причины, которые могли толкнуть на такой шаг, должны быть по-настоящему серьезны. Судя по всему, на Ганимеде ему предстояло встретиться с чем-то необычайным...

Менять что-либо уже поздно. Интуиция подсказывала — он сможет найти то, что ищет. Помимо прочего, Рондинелла Фьюгейт не упоминала, что обвинение, выдвинутое в его адрес, будет доказано. О приговоре не было сказано ни слова.

Осудить такого человека, как он, им будет ох как непросто! Для этого всей ООН придется попотеть.

Булеро вздохнул.

«Ладно. Чему быть — того не миновать. Мы еще посмотрим, чья возьмет».

Глава 3

Ричард Хнатт сидел в баре неподалеку от «Пэт-Комплект», заливая свою печаль терпкой текилой. Коробка с керамикой лежала рядом на столе. С горшочками и вазочками все в полном порядке. Работы Эмили всегда шли нарасхват. Проблема убога и банальна до идиотизма — пост консультанта фирмы занимал бывший благоверный Эмили.

Этот урод Майерсон не замедлил отомстить.

«Надо позвонить Эмили и рассказать ей все как есть».

Хнатт поднялся из-за стола.

Дорогу ему преградил пухлый человечек на тонких ножках.

— Кто вы такой? — изумился Ричард.

Незнакомец закачался на своих длинных ножках и начал рыться в глубоком кармане пиджака с таким видом, словно пытался поймать там знакомую блоху. Извлек он, однако, визитку.

— Мы интересуемся вашим товаром, мистер Натт. Хатт. Простите, у меня этот звук не выходит.

«Ихольц»,— прочел Ричард на карточке. Кроме имени — ничего, даже номера видеофона.

— Со мной только образцы. Если вы хотите, я могу дать вам адреса салонов, торгующих нашими работами. Эти же вещи мы собирались...

— Вы хотели миниатюризировать их, не так ли? — спросил смешной человечек.— Именно этим мы и собираемся заняться, господин Хатт. Мы нисколько не сомневаемся в том, что Майерсон ошибся. Они обязательно войдут в моду; и произойдет это быстрее, чем вы думаете.

Хнатт удивленно уставился на мистера Ихольца.

— Собираетесь взять наши работы и при этом не служите «Пэт-Комплект»?

Загвоздка заключалась в том, что, кроме «Пэт-Комплект», миниатюризацией не занимался никто. Компания Булеро владела монополией на подобную продукцию.

Мистер Ихольц молча уселся за столик, достал из своего необъятного кармана бумажник и принялся отсчитывать скины.

— Вначале никто даже не заметит. Но со временем...— Он протянул Ричарду горсть бурых сморщенных шкурок трюфелей. Шкурки эти, называвшиеся скинами, являлись основной валютой Солнечной системы. В их состав входили молекулы уникальной аминокислоты, которые невозможно воспроизвести даже с помощью копиров. Удивительные твари с Билтонга составляли основу любого мало-мальски развитого производства.

— Я должен посоветоваться с женой,— пробормотал Хнатт.

— Вот как? А я, признаться, считал вас полномочным представителем вашей фирмы!

— Да, так оно и есть.— Ричард подхватил скины и положил их перед собой на стол.

— Вот и контракт.— Ихольц достал из кармана бланк документа и ручку.— В соответствии с ним мы получаем исключительные права на ваш товар.

Склонившись над столом, чтобы подписать бланк, Ричард прочел название компании Ихольца: «Ассоциация производителей Чу-Зи. Бостонское отделение». О компании с таким названием слышать ему еще не приходилось. Чу-Зи... Словечко вызывало в памяти что-то очень знакомое... Он вспомнил лишь после того, как контракт уже был подписан. Ихольц вручил ему один из трех экземпляров.

Кэн-Ди. Весьма похоже звучит... Запрещенный законом галлюциноген, чрезвычайно популярный у колонистов. Источником образов при этом служили комплекты Прыткой Пэт.

Ричарду стало не по себе. Но отступать, увы, уже поздно. Ихольц взял со стола коробку с образцами. Они теперь являлись законной собственностью компании «Ассоциация производителей Чу-Зи», одно из отделений которой находилось в Бостоне, США, планета Терра.

— Как я смогу связаться с вами? — спросил Хнатт дрогнувшим голосом.

— Вы не сможете этого сделать. Если понадобится, мы найдем вас сами,— улыбнулся Ихольц и направился к выходу из бара.

Как же, черт возьми, сказать об этом Эмили? Хнатт пересчитал скины и прочел контракт. Денег хватит даже на то, чтобы отдохнуть дней пять где-нибудь на фешенебельном курорте Антарктики. Там нежатся в тенечке богачи Терры — Лео Булеро и ему подобные. Они проводили свои летние отпуска среди приятной прохлады. Лето же, как известно, длится теперь круглый год...

Или... От волнения у него перехватило дыхание. Не стоит швырять деньги на ветер. При желании можно отправиться в Германию и пройти безумно дорогой курс Э-терапии в одной из закрытых клиник доктора Денкмаля. От восторга Ричард даже присвистнул.

Он закрылся в видеофонной кабинке бара и позвонил Эмили.

— Пакуй чемоданы. Мы отправляемся в Мюнхен! — Он на миг замешкался, вспоминая название клиники, рекламу которой видел в каком-то модном парижском журнале.— Вспомнил! Это называется «Айхенвальд»! Доктор Денкмаль!

— Значит, Барни взял их! — обрадованно воскликнула Эмили.

— Ничего подобного. Оказалось, что миниатюризацией теперь занимаются не только в «Пэт-Комплект»! — Голова у Ричарда шла кругом.— Барни отклонил наш товар, но это оказалось нам только на руку. У тех, других, денег куры не клюют! Увидимся через полчаса. Я хочу заказать два места на экспресс. Только подумай! И ты, и я сможем пройти курс Э-терапии!

— Если уж говорить начистоту,— тихо проговорила Эмили,— то я совсем не хочу эволюционировать!

— Ты, наверное, шутишь! — изумился Хнатт.— Это нас здорово выручит. Не нас, так наших детей! Могут же они быть у нас, верно? Пусть мы пробудем там совсем недолго, пусть мы проэволюционируем на самую малость. Одного этого уже будет достаточно, чтоб перед нами раскрылись все двери. Ты представляешь?! Ты знакома хотя бы с одним человеком, проходившим терапию? Нет! Ты можешь прочесть о них в газете, ты...

— Я не хочу покрываться шерстью! И мне совсем не хочется иметь другую голову, Ричард. Неужели ты этого не понимаешь? В «Айхенвальд» я не поеду! — Лицо ее при этом оставалось спокойным, голос же звучал твердо, в нем не было и тени сомнения.

— Ну что ж, тогда я отправлюсь туда сам! — заявил Ричард.

Одному можно не только сэкономить на билетах, но и пробыть в клинике в два раза дольше. Разумеется, если сеансы пройдут успешно. С некоторыми пациентами у доктора Денкмаля возникали проблемы. Тут повинен не метод воздействия, а скорее личная предрасположенность клиента. Способностью к быстрой эволюции обладали далеко не все. Касательно себя Хнатт ничуть не сомневался. Ему хватит и пары сеансов, чтобы не только догнать большинство этих ублюдков, считающих себя великими людьми, но и обставить их, словно малых несмышленых детей...

— А что ты прикажешь делать мне? Лепить горшки?

— Конечно!

Теперь заказы хлынут со всех сторон. Иначе «Ассоциация производителей Чу-Зи» не стала бы заниматься миниатюризацией. Судя по всему, они так же, как и «Пэт-Комплект», пользуются услугами скоперов, поскольку... Тут Ричарду припомнилась фраза Ихольца. *«Вначале никто даже не заметит этого»*. Слова эти, помимо прочего, свидетельствовали и о том, что у новой фирмы не существовало сети рекламных агентов — диск-жокеев, круживших над обитаемыми планетами и спутниками. В отличие от «Пэт-Комплект» у них не было ни Аллена, ни Шарлотты Фэйн, к мнению которых прислушивалась вся Терра...

Построить, снарядить и запустить на орбиту массу спутников совсем непросто. На это могли уйти если не годы, то уж во всяком случае месяцы... Ричард Хнатт задумался. Здесь что-то не так. А вдруг... Вдруг это какой-то подпольный синдикат?!! Может быть, это самое Чу-Зи запрещено так же, как и Кэн-Ди? Как же меня угораздило, ни в чем толком не разобравшись...

— Ты знаешь, что такое Чу-Зи? — спросил он у Эмили.

— Понятия не имею.

Ричард взял со стола контракт и вновь пробежал взглядом по строчкам.

«Что за чушь. Как я в это мог вляпаться! Если бы этот мерзавец Майерсон сказал "да"...»

В десять утра ужасный рев сирен, привыкнуть к которому невозможно, пробудил Сэма Ригана от сна. Сэм чертыхался, кляня зависший над бараками корабль ООН на чем свет стоит. Экипаж корабля поднял шум единственно для того, чтобы обитатели Чумных Бараков собрали сброшенные с корабля свертки. Иначе их запросто сожрали бы представители местной фауны.

— Как будто мы и так их не соберем,— буркнул Сэм, застегнул молнию на своем утепленном комбинезоне, надел высокие сапоги и не спеша направился к выходу.

— Раненько они сегодня,— недовольно проворчал Тод Моррис.— Готов биться об заклад, кроме обычных пайков там ни черта нет! Нет бы по ошибке ящик Кэн-Ди заслали!

Норман Шайн приложился плечом к люку, и тот со скрипом отошел в сторону. На колонистов хлынули слепящие потоки холодного света.

В вышине поблескивал транспортный корабль ООН. На фоне черного как смоль марсианского неба он казался чем-то чудесным, больше всего похожим на гигантскую елочную игрушку, неведомо кем подвешенную к пустым небесам.

«Хороший, видно, на нем пилот,— подумал Тод.— И Файнберг-Кресчент он, похоже, как свои пять пальцев знает». Тод замахал руками, однако рев сирены раздался вновь. Пришлось снова заткнуть уши. Из люка, расположенного в задней части корабля, выпал контейнер, оснащенный стабилизаторами.

Сэм Риган с отвращением сплюнул. «Я ж говорил, что это жратва. Без парашюта спускают». Он отвернулся, совершенно потеряв интерес к контейнеру.

«Как здесь сегодня мерзко,— подумал он, окинув взглядом безжизненные марсианские просторы.— Жуть. И зачем только их сюда закинули?»

Контейнер уже лежал на земле. Оболочка, не выдержав соударения с поверхностью Марса, лопнула, и через образовавшуюся трещину можно было разглядеть стоявшие внутри ящики. Обычно в таких яшиках доставляли соль. Риган окончательно пал духом.

— Эй! — крикнул вдруг Шайн, продолжавший разглядывать контейнер.— Тут, кажется, есть что-то полезное.

— Похоже, в этих коробках лежат приемники,— кивнул Тод.— Транзисторные приемники.— Он подошел к Шайну.— Может, удастся использовать их в наших комплектах?

— В моем радио уже есть,— отозвался Шайн.

— Тогда построй из них электронную косилку для газонов,— фыркнул Тод.— Ее тебе явно не хватает! — Моррис знал все о

комплекте Шайнов. Чета Шайнов составляла с четой Моррисов едва ли идеальную пару.

— Если вам эти приемники не нужны, я с удовольствием возьму их. Уж мне-то они всяко пригодятся! — вмешался в разговор Сэм Риган. В его комплекте не хватало устройства для автоматического открывания гаража. Трудно угнаться за всеми. Разумеется, со временем подобными штуками можно разжиться, но проблема состояла в том, что у Ригана вышли все скины. Все заработанные деньги он истратил на нечто куда более важное и значимое. Он взял у барыги приличное количество Кэн-Ди и схоронил его, зарыв в землю под своей кроватью, стоявшей на последнем, нижнем, уровне их коллективного жилища.

Сэм был верующим. Он свято верил в переселение души, во время которого миниатюрные предметы из комплекта переставали быть символом Земли и становились самой Землей. И он сам, и все те, кто прибегал к помощи Кэн-Ди для того, чтобы воплотиться в этом игрушечном мирке, действительно путешествовали во времени и пространстве. Многие колонисты такой веры пока не имели. Для них «Пэт-Комплект» — лишь символ навсегда утраченного мира. Впрочем, такое безверие — явление временное. Среди колонистов со стажем неверующих уже не было.

Несмотря на ранний час, Сэм решил немедленно спуститься вниз, достать из тайника пластинку Кэн-Ди и вновь пережить с товарищами чудо преображения.

Он повернулся к Тоду и Норму Шайну.

— Как насчет путешествия, ребята? — тем самым он приглашал их к совместному опыту.— Насчет Кэн-Ди не беспокойтесь. Могу поделиться своим.

Соблазн слишком велик, чтобы оставить предложение Сэма без внимания. И Тод, и Норм разом ожили.

— Так рано? — удивился Норм Шайн.— Мы же только что встали! Дел особых у нас, конечно, нет...

Он пнул ногой колесо огромного экскаватора, который стоял на месте уже не один день. Ни у одного из них не хватало энергии на то, чтобы, поднявшись на поверхность, возобновить работы по расчистке территории, торжественно начатые месяц тому назад.

— Мне все-таки кажется, что в это время мы должны находиться наверху. Возделывать свои огороды и все такое прочее.

— Хотелось бы знать, что ты называешь огородом? — усмехнувшись, полюбопытствовал Сэм Риган.— Как называется то, что ты выращиваешь, а?

Норм Шайн сунул руки в карманы комбинезона и прошелся по своему заросшему чахлой растительностью участку, надеясь найти новые ростки. Разумеется, напрасно...

— Это у тебя испанский артишок, да, Норм? — решил подбодрить товарища Тод.— Хотя он и мутировал, я его вмиг по листьям узнал!

Норм сорвал с растения лист, решил попробовать на вкус, но тут же сморщился и сплюнул. От едкой горечи перехватило дыхание.

К ним подошла Элен Моррис, от холода у нее зуб на зуб не попадал.

— У нас с Фрэн вышла размолвка,— сообщила она мужчинам.— Я сказала, что на Земле психоаналитики берут пятьдесят долларов за час, а она утверждает, что столько стоят сорок пять минут! Дело в том, что мы хотим ввести в наш комплект психоаналитика. Мы его только что купили. Сделан он, естественно, на Земле, так что и качество у него соответственное. Его привезли на корабле Булеро. Помните, на той неделе...

— Мы все помним,— угрюмо буркнул Норм Шайн. «Особенно цены»,— добавил он уже про себя. Если Аллен и Шарлотта Фэйн и дальше будут продолжать в том же духе, ни у одного из колонистов не останется за душой ни гроша.

— Обратись к Фэйнам,— посоветовал своей супруге Тод.— Свяжись с ними по радио, когда их спутник будет пролетать над нами.— Он посмотрел на часы.— Примерно через час. У них есть сведения по всем изделиям фирмы. По-хорошему им следовало бы прилагать свежие данные в качестве инструкции. Денег-то этот психоаналитик стоит немалых...

Беспокоился Тод не случайно. Именно его скины пошли на оплату этой покупки — крошечной фигурки психоаналитика-гуманоида. К фигурке прилагались кушетка, стол, коврик и полка с мудреными книгами соответственного размера.

— Норм, ты ведь бывал у аналитика,— обратилась Элен к Норму Шайну.— Неужели ты не помнишь, сколько он с тебя брал?

— Видишь ли, я посещал сеансы групповой терапии,— ответил Норм.— Муниципальная клиника ментальной гигиены в городе Беркли. Там каждый платил столько, сколько мог. Прыткая Пэт и ее дружок наверняка ходят в какую-нибудь частную клинику.

Он продолжал бродить вдоль грядок, разглядывая блеклые, изъеденные местными паразитами листья. Найди он хоть одно

здоровое, не тронутое вредителями растение, и ему тут же стало бы легче. Однако земные инсектициды на этих тварей, похоже, не действовали. Еще бы! Паразитам пришлось ждать целых десять тысяч лет, прежде чем на их планету вернулась растительная жизнь...

— Ты бы свои грядки полил,— посоветовал Тод.

Норм кивнул и с унылым видом побрел в направлении насосной станции. Разветвленная система оросительных каналов должна была обеспечить водой все отведенные под огороды земли Чумного Барака. Теперь каналы наполовину забиты песком. Прежде чем пускать воду, следовало очистить их, это Норм понимал, но он не понимал, кому следует заняться тяжкой работой. Если их замечательный экскаватор не заработает в ближайшие дни, огородов своих полить они уже не смогут. И все же вкалывать за других не хотелось.

С другой стороны, он не мог, подобно Сэму Ригану, плюнуть на все происходящее и отправиться вниз, чтобы играться со своим комплектом, достраивая и вводя новые детали и элементы. Тем более Шайн не мог вот так просто набраться с утра пораньше Кэн-Ди и отчалить на Землю, оставив здесь все как есть...

«Нет,— подумал он,— нам ни в коем случае нельзя забывать о лежащей на нас ответственности».

Норм обратился к Элен:

— Попроси мою жену подняться к нам.— Сам он сядет за руль экскаватора, а Фрэн будет руководить работой, оставаясь снаружи. Для этого она подходит как нельзя лучше, к тому же и глаз у нее острый...

— Я ее сам позову,— отозвался Сэм Риган и направился к люку.— Пойдете со мной или нет?

За ним не пошел никто. Чета Моррисов занялась огородом. Норм Шайн принялся стаскивать с экскаватора защитный чехол.

Спустившись вниз, Сэм Риган быстро разыскал Фрэн Шайн. Она сидела на корточках перед комплектом, составленным Моррисами и Шайнами.

Не поднимая головы, Фрэн прошептала:

— Мы с Прыткой Пэт добрались до центра на ее новом «форде» с жестким откидным верхом. Она остановилась рядом с колонкой, опустила в счетчик десять центов и отправилась по магазинам. Сейчас она сидит в приемной психоаналитика и читает «Форчун». Непонятно, сколько будет стоить этот визит. Ужас, правда? — Она подняла глаза, пригладила рукой свои

длинные темные волосы и улыбнулась. Вне всяких сомнений, Фрэн была самой красивой и самой необычной женщиной в их общежитии. Во всяком случае, Сэму казалось именно так.

— Как ты можешь играться с комплектом, не пожевав? — Он посмотрел по сторонам и, убедившись в том, что рядом никого нет, встал на колени и прошептал: — Идем со мной — я дам тебе чистейшего Кэн-Ди! Все будет как в прошлый раз. Хочешь?

Сердце его готово было выскочить из груди. Воспоминание о том, что недавно случилось с ними, ожило в памяти, затмив собою все...

— А если Элен Моррис...

— Они пытаются завести экскаватор. Раньше чем через час не появятся.— Сэм подал Фрэн руку и помог ей встать.

— То, что приходит в обычной коричневой обертке, нельзя долго хранить — со временем оно портится,— проговорил он, выводя Фрэн в коридор.— Такое Кэн-Ди лучше использовать сразу, иначе оно потеряет силу. «Именно за эту силу мы и платим»,— подумал Риган с тоской. Терять эту силу — все равно что терять свои скины. Конечно, находились и такие умники — слава богу, в их общежитии подобные не водились,— которые утверждали: мол, переходу в *тот мир* помогает не Кэн-Ди, а совершенство Пэт-комплекта, классно сделанные реалии земной жизни. Как ни странно, но этого абсурдного взгляда придерживались очень и очень многие.

Когда они вбежали в отсек и заперли за собой дверь, Фрэн сказала:

— Я буду жевать его вместе с тобой, Сэм, но давай договоримся с самого начала о том, что мы не станем... Ну, в общем, ты понимаешь, что я имею в виду? Мы ведь будем не самими собой, а Пэт и Уолтом. Они бы так себя ни за что не стали вести.— Она нахмурила свой лобик, выражая возмущение тем, как Сэм вел себя с нею в прошлый раз, и предостерегая его от повторения той же оплошности.

— Значит, ты все-таки веришь, что мы действительно окажемся на Земле!

Об этом они спорили уже не раз и не два. Фрэн склонялась к мысли, что переход был чисто *воображаемым,* не реализацией, но лишь *акциденцией,* лишенной какого-либо сущностного наполнения.

— Я считаю,— медленно проговорила Фрэн, высвободив руку,— что мы должны воздержаться в любом случае. Будь это

игрой воображения, наркотической галлюцинацией или реальным переносом на Землю, которая существовала когда-то... Так мы только опошляем наше общение.

Она вновь строго посмотрела на Ригана. Сэм вздохнул и пристегнул свою откидную железную койку к стене.

— Это переживание должно быть очистительным! — продолжила Фрэн.— Мы теряем свои бренные тела, свою — как они говорят — вещественность. Вместо них мы обретаем тела бессмертные, тела вечные! Некоторые верят в то, что это и есть подлинная реальность. Она существует вне пространства и времени, мы всегда были в ней и всегда будем! Ты понимаешь меня, Сэм? — Женщина вздохнула.— Я знаю, в душе ты не согласен со мной.

— Что такое духовность? — усмехнулся Сэм, выудив из тайника в полу пакет с Кэн-Ди.— Отрицание реальности. Что мы получаем взамен? Ничего.

— Разумеется, на словах трудно объяснить положительные качества воздержания,— сказала Фрэн, следя за тем, как Сэм распечатывает пакет.— Такие вещи не втолковать похотливым сластолюбцам вроде тебя. Запомни, когда мы жуем Кэн-Ди и оставляем свои тела, *мы умираем*. И, умирая, мы сбрасываем с себя бремя...— Она замялась.

— Ну-ну, продолжай! — Сэм раскрыл пакет и отделил ножом от бурой плотной массы, напоминающей видом растительные волокна, тоненькую пластинку.

— Бремя греха,— еле слышно прошептала Фрэн.

Сэм Риган захохотал.

— Ну ты даешь! А я, грешным делом, и не знал, что ты ортодокс! — На самом деле Сэм нисколько не удивился. Почти все колонисты придерживались тех же взглядов, что и Фрэн. Сэм запечатал пакет и вернул его в тайник.— Я жую Кэн-Ди совсем с другой целью. Я делаю это не для того, чтобы освободиться от чего-то, нет! Я хочу не терять, а обретать! — Он достал свой Пэт-комплект и стал спешно раскладывать его на полу.— Обретать то, о чем я не мог и мечтать!

Его жена или ее муж, или они оба, или кто-то из их соседей по общежитию могли явиться сюда в любую минуту. Потому надо сесть подальше друг от друга, чтобы никто не заподозрил их в супружеской неверности. Там, куда они направлялись, можно заниматься чем угодно, здесь же приходилось соблюдать правила внешнего приличия. Кстати говоря, люди, попадая в тот мир, могли вести себя в нем как угодно, не опасаясь обви-

нений в каких-нибудь преступлениях. С точки зрения закона, все происходящее *там* было пустой химерой, порождением нездоровой фантазии.

Именно это небезынтересное обстоятельство заставляло Сэма так часто употреблять наркотик. Будь иначе, он, скорее всего, нашел бы себе какое-нибудь иное занятие.

— У меня такое ощущение, что ты снова задумал какую-то гнусность,— заметила Фрэн. Она села на пол и устремила взгляд своих печальных темных глаз туда, где на крошечных плечиках висел немыслимый сказочный гардероб Прыткой Пэт. От нечего делать она стала поигрывать крошечной шубкой из собольего меха.

Сэм разломил полоску Кэн-Ди надвое и, отдав половинку Фрэн, стал жадно жевать оставшийся у него кусочек.

Фрэн со скорбным видом поглощала свою дозу.

Он был Уолтом. У него был новенький спортивный «ягуар-XXB», делавший по прямой до пятнадцати тысяч миль в час. Рубашки он носил только итальянские, а туфли — только английские. Стоило ему открыть глаза, как крошечный телевизор производства «Дженерал Электрик», стоявший у изголовья кровати, настроился на волну, по которой транслировалось утреннее шоу великого комика-обозревателя Джима Брискина. Вот появилась знакомая физиономия. Сегодня комик натянул на голову дурацкий огненно-рыжий парик. Уолт сел, нажал на кнопку, превращавшую кровать в кресло, и прислушался к тому, что говорил Брискин.

— Я стою на углу Ван-Несс и Маркет-Роу, в самом центре Сан-Франциско,— весело провещал Брискин.— Мы присутствуем на церемонии открытия замечательного сооружения — дома имени Фрэнсиса Дрейка, первого в мире дома, *целиком находящегося под землей!* Рядом со мной стоит известная исполнительница баллад. Она хочет посвятить свою...

Уолт выключил телевизор, поднялся с кровати, подошел к окну и отдернул гардины. Перед ним открылась панорама утреннего Сан-Франциско; светлые здания, рощицы, наполненные птичьим щебетаньем, пологие, сбегающие к морю холмы. Сегодня суббота, и потому не нужно ехать на работу (Уолт работал в «Ампекс Корпорейшн», Пало-Альто). Нет, сегодня он должен встретиться со своей девушкой Пэт Кристенсен, она живет в новом доме на Потреро-Хилл. Уолт улыбнулся.

Здесь всегда была суббота.

В ванной он сполоснул лицо холодной водой и приступил к бритью. К зеркалу была прикреплена записка, написанная его собственной рукой.

Это — иллюзия. Ты — Сэм Риган, марсианский колонист. Не трать время на пустяки, парень. Сразу же позвони Пэт.

Послание подписано именем Сэма Ригана.

«Иллюзия? — удивился Уолт.— В каком это смысле?»

Он попытался собраться с мыслями. Сэм Риган и Марс, жуткая нора, в которой живут колонисты... Образы чрезвычайно смутные и крайне неубедительные. Он пожал плечами и вернулся к бритью, чувствуя, что настроение уже безнадежно испорчено. Предположим, сказанное в записке — правда и подлинная жизнь проходит именно там, в марсианских норах, куда загнала его злая судьба. Какая разница? Почему он должен лишать себя того, чем обладает *сейчас?* Здесь и сейчас? Уолт сорвал бумажку с зеркала и, смяв, бросил в урну.

Покончив с бритьем, он позвонил Пэт.

Светлые волосы Пэт слабо мерцали. Она сушила их своим замечательным феном.

— Честно говоря,— заметила Пэт,— я нисколечко не хочу видеть тебя, Уолт. Я знаю, что у тебя на уме. Меня же это не интересует. Ты понимаешь? Не интересует! — Ее серо-голубые глаза смотрели холодно и отрешенно.

Уолт промычал что-то нечленораздельное, пытаясь сообразить, как же следует поступить.

— Ты знаешь... Да! Сидеть в такую погоду дома — преступление! Может быть, смотаемся в парк у Золотых Ворот?

— Сегодня будет слишком жарко...

— Ну и что! Во-первых, до жары еще далеко, а во-вторых, мы могли бы провести это время на море! Разве не так?

Пэт явно колебалась.

— А как же тот разговор...

— Не было у нас никакого разговора! Я тебя целую неделю не видел. Мы с той субботы ни разу не встречались! — Он старался придать своему голосу твердость и уверенность.— Я заскочу за тобой через полчасика, идет? Надень тот желтый купальник — испанский, с завязками.

— Ты что?! — фыркнула Пэт.— В таких купальниках уже сто лет никто не ходит! Я купила себе другой, шведский,— ты его еще не видел. Девушка из магазина считала, что в старом на пляже появляться нельзя!

— Вот и прекрасно,— сказал Уолт и положил трубку.

Через полчаса «ягуар» уже приземлился на крыше ее дома.

Пэт надела свитер и брюки. Купальный костюм, как она сказала, был уже на ней. Она взяла корзинку с едой, и они направились к пандусу, ведущему на крышу. Полная очарования и задора, Пэт шла чуть впереди, легонько постукивая каблучками босоножек. Все складывалось как нельзя лучше, день обещал быть прекрасным. Былые тревоги и сомнения совершенно оставили Уолта.

— Подожди, ты еще мой купальник увидишь! — сказала Пэт, усевшись в машину и поставив корзинку себе на колени.— Он просто прелесть! Его почти нет. Чтобы его заметить, надо верить в то, что он существует! — Она прижалась к Уолту.— Я все думаю о том нашем разговоре.— Пэт коснулась его губ своими пальчиками, призывая Уолта к молчанию.— Я знаю, разговор у нас *был*, Уолт. Более того, тогда прав был ты, а не я. Мы должны брать от жизни как можно больше. Времени у нас и так слишком уж мало... По крайней мере сейчас я считаю именно так.— Она слабо улыбнулась.— Так что лети побыстрее. Я жду не дождусь, когда мы окажемся на берегу океана.

Уже через пару минут они были на берегу.

— Скоро будет еще жарче,— заметила Пэт.— С каждым днем — все жарче и жарче... А потом жара станет невыносимой.— Она стянула с себя свитер и, не вставая с сиденья, стала снимать брюки.— Но мы до этого не доживем... Это случится лет через пятьдесят...— Пэт открыла дверцу машины и вышла наружу. Касательно того, что в существование ее купального костюма нужно было верить, она была, несомненно, права. Впрочем, ни ее, ни тем более его это ничуть не расстраивало.

Они пошли по мокрому плотному песку, разглядывая медуз и ракушки, выброшенные морем на берег.

— Какой сейчас год? — спросила Пэт, неожиданно остановившись. Ветер играл с длинными распущенными прядями ее волос, обращая их в сказочное золотистое облако...

— Я полагаю,— пробормотал Уолт,— полагаю, что идет...— и с изумлением понял, что не имеет о времени ни малейшего понятия.— Черт возьми, ты представляешь, я этого не помню!

— Ну и ладно. В конце концов, не имеет значения.— Она взяла его под руку и повела за собой.— Смотри, там, за скалами, есть укромное местечко! — Пэт шла все быстрей и быстрей, борясь с ветром, дувшим прямо в лицо, и рыхлым песком, в котором вязли ее сильные стройные ноги. Древняя забытая Земля пыталась удержать, оставить их с собою...

— Я Фрэн? — спросила вдруг женщина. Она встала на камень, лежавший у самой кромки прибоя, и почувствовала прохладное дыхание океана.

— Или я — Патриция Кристенсен? — Она поднесла к лицу пряди волос.— Они светлые. И это значит, что меня зовут Пэт. Прыткая Пэт.— В следующий миг она исчезла за скалой, и Уолт поспешил за ней вослед.

— Я была Фрэн,— сказала женщина, не оборачиваясь,— но теперь это уже не важно. С тем же успехом я могла бы быть и Элен, и Мэри. Верно?

— Нет,— проговорил Уолт, поравнявшись с нею.— Важно, что ты была именно Фрэн! Это очень существенно!

— Существенно! — усмехнулась Пэт. Она легла на песок и, опершись на локоть, стала чиркать по песку острым черным камешком. Занятие это ей быстро наскучило, и она, швырнув камешек в воду, села лицом к морю.

— Здесь так легко поддаться наваждению...— Она положила ладони на грудь и в изумлении пробормотала: — Это не моя грудь. Моя была куда меньше, я помню!

Он молча сидел рядом с нею.

— Мы можем заниматься здесь чем угодно, верно? — Пэт выразительно посмотрела на него.— В норе нашей все иначе... В ней мы оставили наши бренные тела. Пока будут целы наши комплекты, этот мир...— Она провела рукой, указывая на море и песок, и прибрежные скалы, и солнце над головой... И вновь коснулась своей груди.— Этот мир будет существовать. Здесь мы бессмертны...— Женщина легла на спину, прикрыв глаза рукой.— В соответствии с твоей теорией мы можем заниматься здесь тем, в чем нам отказано там. Наверное, в этом и кроется смысл наших визитов сюда, так?

Уолт обнял ее и поцеловал в губы.

В тот же миг в сознании его прозвучало: «А я могу делать это и *там!*» В своем теле Уолт был теперь не один. Тело село. «Муж я ей или нет, в самом деле!» — прозвучал тот же голос. Принадлежал он Норму Шайну.

— Кто тебе позволил пользоваться моим комплектом? — возмутился Сэм Риган.— И вообще, выйди вон из моей комнаты и прикрой за собой дверь! Голову могу дать на отсечение, ты жевал мой Кэн-Ди!

— Ты сам его нам предложил,— сказал бесплотный голос соседа по телу.— Неужели ты этого не помнишь?

— И я тоже здесь, Сэм,— раздался в сознании еще один голос, кажется, Тода Морриса.— Если ты хочешь узнать, как я отношусь к тому, что ты и она...

— Заткнись! — неожиданно рассвирепел Норм Шайн.— Кого-кого, а уж тебя-то сюда действительно никто не приглашал! Ты, по-моему, хотел заняться огородом!

После небольшой паузы Тод Моррис ответил:

— Я с тобой, Сэм! Двум смертям не бывать, а одной не миновать!

Воля Тода соединилась с волей Сэма, и Уолт вновь обнял Пэт — на этот раз объятия его были исполнены куда большей страсти.

Не открывая глаз, Пэт промурлыкала:

— Привет! Меня зовут Элен! — Еще через мгновение добавила: — А это я — Мэри. Ты, Сэм, не расстраивайся, мы твоего Кэн-Ди не трогали. У нас и свое есть.

Она обняла его и крепко поцеловала в губы. Сэм Риган тут же разорвал союз с Тодом Моррисом и перешел на сторону Норма Шайна. Уолт оттолкнул от себя Пэт и сел, повернувшись лицом к морю.

Океанские волны плескались у ног двух тел, заключавших в себе шесть сущностей. «Пара на шестерых»,— подумал Сэм. Загадка, мучившая его все это время. Впрочем, сейчас его больше беспокоило, не за его ли счет все они сюда прикатили. Сами они могли говорить все, что угодно, верить им было в любом случае нельзя.

Прыткая Пэт поднялась на ноги и зевнула.

— Пойду-ка я поплаваю. С тобой от скуки сдохнуть можно.

Они грустно следили из своего тела за тем, как женщина заходит все глубже и глубже в воду...

— Эх, упустили мы шанс,— вздохнул Тод Моррис.

— Это я во всем виноват,— согласился с товарищем Сэм. Совместными усилиями они заставили тело встать и пойти вслед за Пэт. Уолт вошел в воду по щиколотку и неожиданно замер.

Действие наркотика ослабевало с каждым мгновением. Сэм Риган чувствовал себя старым и слабым, ему было страшно... «Как быстро все кончилось». Сейчас он вернется в свою каморку, в свою нору, в которой он, словно червь, скрывается от света солнца. Бледный, дрожащий червь. Его передернуло.

И тут... тут Сэм увидел свою комнатенку. Койку, умывальник, стол, плиту... Он увидел тела Тода и Элен Моррисов,

Норма и Фрэн Шайнов, тело Мэри... Глаза их были пусты и недвижны, словно у кукол. Сэм в ужасе отвернулся.

На полу меж телами людей был расставлен его Пэт-комплект. Сэм разглядел фигурки Уолта и Пэт, стоявшие на берегу океана, возле «ягуара», принадлежавшего Уолту. Как и следовало ожидать, на Прыткой Пэт не было ничего, кроме невидимого шведского купальника. Рядом с фигурками стояла крошечная корзинка с едой.

Здесь же, на полу, лежали и обрывки коричневой обертки. Ни кусочка наркоты не наблюдалось, ее словно корова слизнула. Сэм присмотрелся к лежащим на полу телам и заметил, что у всех пятерых изо ртов сочится липкая бурая жидкость. Его замутило.

Фрэн Шайн зашевелилась и с трудом разлепила веки. Увидев Сэма, она тяжело вздохнула.

— Они нас застукали.

— Мы сами во всем виноваты,— отозвалась Фрэн.— Чего было тянуть.— Она кое-как поднялась на ноги и ухватила Сэма за плечо.— Это, конечно же, я... Я не люблю, когда все происходит вот так, сразу... Мне хочется сначала погулять по бережку, покрасоваться в модном купальнике, который больше открывает, чем скрывает, и все такое прочее.— Она едва заметно улыбнулась.

— Они придут в себя только через несколько минут,— сказал Сэм.

— Ты прав! — округлив глаза, прошептала Фрэн и, не раздумывая ни мгновения, метнулась к двери.— Бежим к нам!

Сэм побежал за ней, чувствуя себя самым счастливым человеком на Марсе. Он догнал Фрэн уже на пороге ее комнаты.

Глава 4

Лео Булеро вошел в приемную Госпиталя для ветеранов имени Джеймса Риддла, что находился на территории Третьей базы Ганимеда, лихо отсалютовал своей безумно дорогой шляпой молоденькой девчушке в накрахмаленном белом халате и спросил:

— Могу я встретиться с пациентом Элдоном Трентом?

— Очень сожалею, сэр...— начала было девчушка, но Лео Булеро тут же грубо оборвал ее:

— Скажите, что его ждет Лео Булеро. Запомнили? Лео Булеро!

Он заглянул в регистрационный журнал и тут же увидел запись, в которой напротив имени означенного пациента был указан номер палаты. Едва девица повернулась к коммутатору, Лео резко зашагал в направлении означенной палаты. «Пошли они все к черту,— думал он, вышагивая по коридору,— зря я, что ли, сюда летел!»

У двери в палату его остановил молоденький ооновский солдатик, сжимавший в руках винтовку; в его чистых, ясных глазах Булеро не заметил ни тени дружелюбия.

— Все понял,— проворчал Лео, повинуясь силе оружия.— Но смотрите, когда Трент узнает, кого к нему не пропускали, он будет очень недоволен!

За спиной раздался резкий женский голос. Булеро вздрогнул.

— Как вы узнали, что мой отец находится здесь, мистер Булеро?

Лео обернулся и увидел перед собой грузную женщину лет тридцати пяти, внимательно разглядывавшую его. Он тут же понял, что это Зоя Элдрич. Фотография ее часто появлялась на страницах светской хроники.

В тот же миг в коридоре появился еще один человек. Судя по всему, он представлял здесь ООН.

— Мисс Элдрич,— важно проговорил он,— одно ваше слово, и мы выдворим мистера Булеро из здания. Все будет так, как вы захотите.

Только теперь Лео понял, с кем имеет дело. Это был шеф Отдела безопасности ООН, Фрэнк Сантина. Темноглазый, энергичный Сантина переводил взгляд то на Булеро, то на Зою Элдрич, очевидно, ожидая указаний.

— Нет,— сказала наконец Зоя Элдрич.— Пока этого делать не стоит. Сначала я должна понять, как он узнал, что папа здесь. Он не мог знать этого в принципе!

— Зря вы так думаете. Ему могли помочь его скоперы,— спокойно заметил Сантина.— Я не ошибся, господин Булеро?

Лео нехотя кивнул.

— Видите ли, мисс Элдрич,— пояснил Сантина,— такие люди, как Булеро, могут подкупить кого угодно. Для них тайн не существует. За ним нужен глаз да глаз.— Он указал на двух вооруженных до зубов полицейских, охранявших вход в палату: — Теперь вы понимаете, что эта предосторожность не была лишней?

— Неужели я не смогу поговорить с ним? — спросил Булеро и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Я ведь сюда прилетел

по срочному делу. Ничего противозаконного у меня и в мыслях не было! Либо все вы посходили с ума, либо пытаетесь что-то скрыть. Значит, у вас совесть не чиста, вот что я вам скажу! — В ответ, однако, не прозвучало ни слова.— Голову даю на отсечение, Палмера Элдрича здесь нет! — Никто не отреагировал и на это замечание.— Я устал... Я так долго сюда летел...— Стояла гробовая тишина.— Все! С меня хватит! Сначала поесть, а потом — спать! Идите вы все к черту! — Лео развернулся на сто восемьдесят градусов и решительным шагом направился туда, откуда только что пришел.

Ни Сантина, ни мисс Элдрич даже не пытались остановить его. Чем дальше он шел, тем тяжелее становилось у него на сердце.

Скорее всего, теперь на Палмера Элдрича ему придется выходить через посредников. Например, через Феликса Блау, у него в распоряжении целое сыскное бюро.

Сейчас, однако, думать об этом не хотелось. На какое-то время нужно вообще выбросить из головы Элдрича, расслабиться... забыться...

«Пусть катятся к чертовой матери! — Лео выбрался из госпиталя.— Одна его дочка чего стоит. Лесбиянка, ни дать ни взять. Стрижка короткая, косметики никакой. Словом — гадость».

Булеро быстро поймал такси и через пару минут уже летел к своему отелю.

Он набрал код Земли и служебный номер Феликса Блау.

— Очень рад вашему звонку,— улыбнулся Блау, стоило ему понять, кто с ним говорит.— В Бостоне при загадочных обстоятельствах появилась одна весьма странная организация. Как гром среди ясного неба!

— И чем же эта организация занимается?

— Они собираются чем-то торговать. Для этого у них есть все — в том числе и три рекламных спутника — на Марсе, Ио, Титане. По слухам, они хотят выйти на рынок с товаром, который составит конкуренцию Пэт-комплекту. Его рабочее название «Куколка Конни»,— он усмехнулся.— Как вам это нравится?

— А что слышно насчет...— пробормотал Лео.— Ну, ты понимаешь, о чем я... Насчет начинки к комплекту?

— Пока сведений никаких нет. Если таковая и существует, то она, очевидно, будет распространяться нелегально. Я хотел в этой связи задать вам один вопрос: обладает ли ценностью комплект, лишенный «начинки»?

— Конечно же нет!

— Стало быть, я уже ответил вам.

Лео почесал за ухом.

— Я вызывал тебя совсем по другому поводу. Сможешь ли ты устроить мне встречу с Палмером Элдричем? Я обнаружил его здесь, на Третьей базе Ганимеда.

— Вы должны помнить мое сообщение про лишайник, весьма похожий на сырье для Кэн-Ди. Помните? Так вот. Вам не кажется, что эта бостонская фирма может иметь непосредственное отношение к Элдричу? Сам он вряд ли успел бы все это обстряпать, однако вполне мог отдать соответствующие распоряжения своей дочери еще несколько лет назад.

— Я должен его увидеть! — рявкнул Лео Булеро.

— Скорее всего, Элдрич находится в Госпитале имени Джеймса Риддла. Кстати, вам приходилось когда-нибудь слышать о Ричарде Хнатте?

— Никогда.

— Представитель бостонской фирмы встретился с ним и заключил некий договор. Представителя этого звали Ихольц.

— О боже! — воскликнул Лео.— А я ведь на самом деле не могу до Элдрича добраться! Возле его дверей постоянно крутится этот мерзавец Сантина. Да и дочка Палмера торчит там же.

«Лесбиянка чертова!» — добавил он уже про себя.

Он дал Феликсу Блау адрес своего отеля на Третьей базе и отключил связь.

Скорее всего, Блау прав. Кроме Палмера Элдрича, конкурентов у него быть не может. Лео покачал головой. Везет как утопленнику. Угораздило же его в свое время заняться тем, на что по возвращении с Проксимы решил поставить Элдрич. Нет бы заниматься чем-нибудь простым и степенным, вроде ракетных систем наведения. Тогда у него и конкурентов бы, кроме «Дженерал Электрикс» и «Дженерал Дайнэмикс», не было.

Интересно, что за лишайник привез с собой Элдрич? Скорее всего, какая-нибудь модификация Кэн-Ди. И производство, наверное, попроще, и действует эта штука, по всей видимости, дольше... Лео сжал кулаки.

И тут ему в голову пришла странная мысль. В Объединенной Арабской Республике существовала организация, готовившая наемных убийц. Впрочем, на дело такого рода они не согласятся. Это явно не их уровень...

Ему вспомнилось пророчество Рондинеллы Фьюгейт: в недалеком будущем его обвинят в убийстве Элдрича.

Само собой, Лео постоянно таскал при себе оружие. Правда, столь крошечное и незаметное, что его не смогли бы найти и при тщательном обыске. Несколько лет тому назад в одной из клиник Вашингтона, округ Колумбия, хирург вшил ему в язык самонаводящуюся стрелочку, начиненную смертоносным ядом. Оружие изготовлено по русскому образцу, но существенно доработано. Главное изменение заключалось в том, что после выстрела стрелочка бесследно рассасывалась. Яд тоже был достаточно необычен — он никак не влиял на деятельность сердца или легких; на деле он являлся экзотическим вирусом, поражавшим человека в течение сорока восьми часов с момента попадания в организм. Вирус ввозился на Землю с одного из спутников Урана и был практически неизвестен ученым. Нечего и говорить, операция влетела Булеро в копеечку... Для того чтобы произвести выстрел, достаточно показать неприятелю язык и чуть прикусить. Дальность стрельбы, конечно, небольшая — не больше полуметра. Если удастся встретиться с Элдричем...

И чем скорее это произойдет, тем лучше. Главное теперь — не дать развернуться бостонской компании, иначе они смогут обойтись и без него. Сорняк или вырывают сразу, или не трогают вообще.

Оказавшись в своем номере, Лео тут же связался с правлением «Пэт-Комплект». Его интересовал один вопрос — не поступило ли за время отсутствия шефа каких-либо важных сообщений.

— Да, да,— ответила ему мисс Глисон.— Вам звонила некая Импейшнс Уайт, если я правильно записала ее имя. Вот номер. Она говорила, что это вопрос жизни и смерти. Да, я не сказала, мисс Уайт находится в данный момент на Марсе.— Мисс Глисон показала листок с номером телефона.

Лео нахмурился. Он знал только одну женщину, носившую фамилию Уайт. Но *она* звонить не могла.

— Спасибо, мисс Глисон,— буркнул он и выключил видеофон.

«Господи, сделай так, чтобы этот телефон не прослушивался!» — мысленно взмолился он и стал набирать код Марса. Импи Уайт была основным сбытчиком Кэн-Ди на Марсе. Таких торговцев, как она, в мире больше нет.

На экране видеофона появилась Импи Уайт. Личико у нее было маленькое, но достаточно выразительное. Лео представлял ее себе тяжеловесной грубой матроной, она же скорее походила на поджарого бойцового петушка.

— Мистер Булеро, я вот по какому делу...

— Неужели нельзя было связаться иначе? Вы что, забыли о существовании других каналов?

Импи Уайт должна держать связь с шефом только через Коннера, начальника венерианского отделения фирмы «Пэт-Комплект».

— Сегодня утром, мистер Булеро, я побывала в одной из нор на юге Марса. Хотите верьте, хотите нет, но обитатели этой норы не взяли у меня ничего! Они сказали, что все их скины ушли на новый продукт. Он — э-э-э — относится к тому же классу, что и наш. Называется «Чу-Зи»...

Лео Булеро чертыхнулся и отключил связь.

«Главное — не нервничать,— решил он.— В конце концов, я отношусь к разряду продвинутых людей. Зря, что ли, ходил на эти сеансы! Так, так. Вот, значит, какая продукция! Вот что они делают из того лишайника... Он лежит на больничной койке в миле от меня, командуя парадом через Зою, а я сижу здесь, как последний идиот! И не могу ничего с этим поделать! Компания действует уже полным ходом, я опоздал. Теперь мне не помогла бы и эта штуковина на моем языке. Все напрасно...

И все же я что-нибудь обязательно придумаю! Не может быть, чтобы не придумал!»

В любом случае «Пэт-Комплект» хоронить пока рано.

Осталось понять одно — *что же делать?* Именно этого Лео и не мог понять. И бесился пуще прежнего.

«Приди ко мне, взращенная разросшейся корой идея,— взмолился он.— Помоги мне одолеть моих врагов, этих поганых ублюдков!..

...Может быть, мне следует поговорить со своими скоперами, Рони и Барни? Вдруг они мне что-нибудь интересное посоветуют? Особенно старый лось Барни...»

Лео тут же набрал код Терры и связался с офисом «Пэт-Комплект». На этот раз он набрал номер Майерсона.

В ту же минуту он вспомнил, что Барни пытался открутиться от призыва на службу, искусственно повышая чувствительность к стрессовым ситуациям. Барни, похоже, совсем не хотелось на Марс.

«Ну что ж,— решил про себя Булеро,— будем считать, что я его уже отмазал».

Когда прозвучал звонок, Барни находился кабинете один.

Разговор длился недолго. Повесив трубку, Барни взглянул на часы и поразился — прошло всего пять минут. Минуты эти показались ему вечностью.

Он поднялся из-за стола и, нажав на кнопку селектора, приказал:

— Никого ко мне не пускать! Особенно — мисс Фьюгейт!

Затем подошел к окну и посмотрел на пустынную, залитую солнцем улицу.

Лео взвалил на него решение всех своих проблем. Впервые он видел своего начальника в таком смятении. «Подумать только,— усмехнулся Барни,— стоило появиться хоть одному конкуренту, и Булеро тут же скис!» Он не привык бороться с противником. Появление бостонской компании совершенно сбило его с толку, превратив из взрослого здравомыслящего человека в малого беспомощного дитятю.

Со временем Лео должен был оправиться от этого шока; пока же... *Что я могу с этого поиметь?* — спросил Майерсон у самого себя. Над ответом на этот вопрос стоило подумать хорошенько. Конечно же, он мог помочь Лео. Главное сейчас не это, главное — *не просчитаться.* К своекорыстию его приучил не кто-нибудь, но сам Лео Булеро, полагавший корысть двигателем прогресса.

Некоторое время Барни сидел, размышляя над сообщением шефа. Потом, следуя указаниям Булеро, обратил свой взор в будущее, одновременно пытаясь понять, чем же закончится эта история с повесткой.

Последнее событие слишком незначительное и вряд ли попадет в заголовки новостей. Совсем другое дело — случай с Лео. Барни просмотрел множество газетных статей, так или иначе связанных с Лео и с Палмером Элдричем. Естественно, все выглядело достаточно невнятно и смутно, альтернативы сливались в одно серое пятно. Лео Булеро встретился с Палмером Элдричем. Лео Булеро не удалось встретиться с Палмером Элдричем... Так, а это еще что? Лео Булеро обвиняется в организации убийства Палмера Элдрича! Дело становится интересным...

Если Лео Булеро арестуют и посадят в тюрьму, компания «Пэт-Комплект» пойдет с молотка, а все ее служащие будут уволены без выходного пособия. И это станет концом его, Майерсона, карьеры, в жертву которой он принес не только всю свою жизнь, но и свою любовь! Барни взмок от волнения.

Нет, нет! Надо предупредить Лео! Иначе он сам окажется в проигрыше. И все же... все же на информации следовало как-то подзаработать...

Он позвонил шефу.

— У меня есть для вас кое-что.

— Слава богу! — облегченно вздохнул Лео.— Валяй, Барни, рассказывай!

— В скором времени должна возникнуть выигрышная для вас ситуация. Вы сможете увидеться с Палмером Элдричем, но произойдет это не в госпитале, а в каком-то ином месте. Он сам прикажет, чтобы его увезли с Ганимеда.— Осторожно, чтобы случайно не сболтнуть лишнего, Барни добавил: — Между ним и ООН тут же возникнут трения. Сейчас он прибегает к их защите. Но лишь потому, что пока беспомощен. Как только он оправится от...

— Попрошу поподробнее! — перебил Булеро, весь обратившись в слух.

— Сначала мы должны обговорить условия.

— Что? — нахмурился шеф.

— В обмен на точное место и время вашей встречи с Палмером Элдричем я попрошу вас о нескольких одолжениях.

— И чего же твоя душенька желает? — пробормотал Булеро, явно встревоженный таким оборотом дела.

— Четверть процента от прибыли. Я говорю только о Пэт-комплект, остальное меня не интересует.— Под остальным Барни Майерсон имел в виду венерианские плантации, где выращивали исходное сырье для производства Кэн-Ди.

— О боже! — Лео почувствовал что-то вроде удушья.

— Это не все.

— Не все?! Да ты ведь и так будешь богачом!

— Я хочу, чтобы вы изменили структуру нашего отдела.— Я имею в виду Отдел прогнозов. Внешне все будет выглядеть так же, как и прежде, никого не нужно ни сокращать, ни переводить на новые должности. Изменится одно. Последнее слово будет за мной, к какой бы сфере или к какому бы региону ни относилось принятое моими коллегами решение. Тем самым я перестану быть связанным дурацкой географией. Кстати, на вашем месте я бы поручил Нью-Йорк Рони...

— Ты жаждешь власти! — прохрипел Булеро.

Барни пожал плечами. Терминологический аспект этой проблемы его нисколько не интересовал. Сейчас, можно сказать, решалась его судьба, определялась его будущность — именно под этим углом он и рассматривал все происходящее.

— О'кей! — кивнул Лео.— Можешь делать со своими скоперами все, что тебе вздумается. Меня это, признаться, особенно не волнует. Теперь скажи — где и когда...

— Вы сможете встретиться с Палмером Элдричем через три дня. Принадлежащий ему корабль без опознавательных знаков

перевезет его послезавтра с Ганимеда на Луну, в поместье Элдрича. Там он продолжит свое лечение. При этом, заметьте, он покинет территорию, контролируемую ООН. Фрэнк Сантина, соответственно, перестанет что-либо решать, о нем можно будет забыть. Двадцать третьего Элдрич примет у себя дома журналистов и представит им свою версию долгого космического путешествия. Он будет в прекрасном расположении духа... По крайней мере в газетах будет написано именно так. Практически здоровый, полный сил и энергии, он поведает о...

— Скажи мне, как туда попасть? Наверняка дом будет охраняться.

— «Пэт-Комплект» издает ежеквартальник «Проблемы миниатюризации». Тираж настолько мал, что даже вы можете не знать о его существовании.

— Ты хочешь сказать, что я пойду туда в качестве репортера принадлежащего мне издания? — возмутился Лео.— Да ни за что! Если б я знал, какие жалкие сведения ты мне сообщишь, ни за что не согласился бы на твои условия! Как ты сам не понимаешь — об этом в тот же день станет известно всему миру!

Барни пожал плечами и ничего не ответил.

— Ты просто надул меня, воспользовавшись моим состоянием! — закричал Лео, но тут же, умерив свой пыл, спросил спокойным, едва ли не безразличным тоном: — Ну ладно, проехали... Скажи мне лучше, о чем он будет говорить с журналистами? Он расскажет о грузе с Проксимы? Будет ли идти речь о лишайнике?

— Разумеется. Он сообщит журналистам, что лишайник является сырьем для производства совершенно безвредного препарата, одобренного Отделом по борьбе с наркотиками. Этот препарат сможет заменить...— Барни на миг задумался,— те чрезвычайно опасные, вызывающие привыкание препараты, которые имеют ныне столь широкое хождение. И...

— И,— закончил за него Лео,— он объявит об открытии компании по производству новой панацеи.

— Совершенно верно,— кивнул Барни.— Препарат носит название «Чу-Зи». Я вижу рекламный плакат, вижу надпись: *«Притормози — хочу Чу-Зи!»*

— Чушь какая!

— Подготовительную работу уже проделали. Элдрич все это время поддерживал связь со своей дочерью. Согласие на производство и продажу Чу-Зи компанией Элдрича дали уже и Сантина, и Ларк, и даже Хепберн-Гильберт. Тем самым они предотвратят распространение опасного Кэн-Ди.

Повисло тягостное молчание.

— О'кей,— проворчал наконец Лео.— Тебе, Барни, должно быть стыдно. Ты мог предупредить меня о надвигающейся беде еще пару лет назад... Впрочем, чего тебя винить? Ты всего лишь подчиненный, и поручения такого тебе не давали...

Барни вновь пожал плечами.

Булеро отключился от связи.

«Дурак я, дурак,— подумал Барни.— Нарушил главное правило подчиненного — никогда не говори начальнику того, что может вызвать у него неудовольствие. Теперь можно ожидать чего угодно».

В тот же миг видеофон вновь заработал, и опять на экране появилась мрачная физиономия Лео Булеро.

— Послушай, Барни. Я, кажется, кое-что придумал. Тебя это вряд ли обрадует, так что приготовься ко всему.

— Давно готов.

— Я совсем забыл, что намедни мне довелось побеседовать с Рони Фьюгейт. Она в курсе некоторых событий, которые будут иметь отношение и ко мне, и к Палмеру Элдричу. Не хочу, чтобы она делилась своими познаниями с кем-либо еще. Если же ты станешь ее полновластным хозяином, девчонка наверняка проболтается. Она у нас лошадка с норовом! Более того, ту же информацию, в принципе, могли выудить и другие скоперы. Раздражать их всякими новшествами и перестановками мне совсем не хотелось бы!

— Насколько я могу понять, имеется в виду ваше обвинение в убийстве Палмера Элдрича, верно?

Лео мрачно чертыхнулся, заерзал на стуле и наконец утвердительно кивнул.

— Я не позволю вам нарушать только что данное слово! — заявил Барни.— Вы взяли на себя вполне определенные обязательства, и я вправе надеяться...

— Но эта дура,— простонал Булеро.— Эта дура тут же приведет ко мне громил из ООН! Неужели ты этого не понимаешь? Она ведь приперла меня к стенке!

— Не только она,— тихо проговорил Барни.— Я тоже.

— Да! Но ведь с тобою мы знакомы уже столько лет! — Лео, судя по всему, продолжал по ходу дела анализировать создавшуюся ситуацию своими могучими, продвинутыми мозгами следующего за хомо сапиенс вида.— Ты в отличие от нее — мой приятель, Барни! Не забывай, кстати, твоего процента с прибыли я не отбираю! — Он смотрел на Барни с тревогой и одно-

временно со злобной решимостью.— Может быть, на этом и поставим точку?

— Мы ее уже поставили.

— Но, черт возьми! Неужели ты настолько туп, что не можешь войти...

— Если вы не выполните названных мной условий, я тут же уволюсь,— сказал Барни.— С моим талантом меня всюду примут! — Слишком много лет он ждал этого момента, для того чтобы осторожничать,— он шел ва-банк.

— Да? — с недоверием в голосе спросил Лео.— И пойдешь ты, насколько я понимаю, совсем не в ООН, а к этому мерзавцу Элдричу!

Барни промолчал.

— Дерьмо ты вонючее,— прошипел Лео.— Как тебя ни топи, ты все всплыть норовишь! Ну а теперь послушай, что я тебе скажу. Я совсем не уверен в том, что Палмер возьмет тебя к себе. Скоперы у него наверняка уже есть. Если это так, то он знает и о том, что я...— Булеро умолк на мгновение, потом продолжал: — Лучше вернемся к твоей персоне. Надо заметить, гордыня у тебя прямо-таки дьявольская! Но всему есть предел, Барни, понимаешь? Всему есть предел! Можешь идти куда хочешь, мне на это плевать! Скатертью дорога! Как устроишься на новое место, черкни мне письмецо. И в следующий раз, прежде чем шантажировать своих...

Барни отключил видеофон. Экран померк. «Стал серым, как я,— подумал Барни,— серым, как этот поганый мир...» Он сунул руки в карманы и принялся расхаживать по комнате.

В этой ситуации лучшим ходом с его стороны было бы заключение союза с Рони. Лео боялся ее, и на это у шефа имелись веские причины: Булеро понимал, что Рони способна на все.

Барни вновь сел за стол и вызвал по селектору Рони.

— Привет! — едва ли не тут же раздалось с порога. Одета Рони была в цветастое платье из китайского шелка.— Что происходит? Минуту назад я пыталась зайти...

— Ты не перестаешь поражать меня своими нарядами,— сказал Барни.— Прикрой-ка за собой дверь.

Она закрыла дверь.

— Должен признать, минувшая ночь произвела на меня сильное впечатление.

— Спасибо,— юное личико Рони зарделось.

— Ответь мне на один вопрос, Рони. Ты *определенно* знаешь, что наш шеф убьет Палмера Элдрича, или же у тебя есть сомнения?

Девушка покачала головой и промурлыкала:

— Умный ты, Барни, прямо спасу нет! — Она села, закинув ногу на ногу.— Сомнения есть всегда. Во-первых, мистер Булеро далеко не идиот. Он прекрасно понимает, чем это может для него закончиться. Конечно, ни репортеры, ни мы с тобой никогда не узнаем истинную причину гипотетического преступления. Ясно лишь одно — шефу грозит нечто по-настоящему ужасное. Верно?

— Например, угроза его карьере,— заметил Барни.— Кстати говоря, в этом случае мы с тобой потеряем работу.

— Кто его знает,— покачала головой Рони.— Я, признаться, так не считаю. Палмер Элдрич пытается занять место Лео Булеро. Мы, соответственно, можем на время остаться не у дел. По сути же ничего не изменится. Будет все тот же бизнес, ориентированный на тех же людей. Даже в случае смерти Элдрича компания его вряд ли сменит специфику...

— Ты считаешь, что мы просто-напросто перейдем к Элдричу?

Рони сосредоточилась.

— Не совсем так. Я хотела сказать другое. Если Булеро потопят, нам вовсе не обязательно следовать за ним... Мне еще жить и жить, тебе тоже помирать рановато.

— Спасибо и на том,— буркнул Барни.

— Что нам действительно следует сделать, так это спланировать действия. Какие же мы скоперы, если...

— Я передал Лео информацию. И вполне возможно, он сумеет встретиться с Элдричем. Ты не думала о том, что они могут объединиться, организовав некий синдикат? — Барни пристально посмотрел на девушку.

— Ничего подобного я не увидела. По крайней мере в газетах.

— О таких вещах газеты не пишут, милочка,— усмехнулся Барни.

Рони смущенно опустила голову.

— Да, да, я понимаю...

— Если же это произойдет,— продолжил Барни,— мы окажемся не у дел. В консультанты они нас уже не возьмут.— Вывод показался ему самоочевидным, выражение лица Рони укрепляло его в этой мысли.— Если мы предложим свои услуги Палмеру Элдричу...

— Если предложим? Да ведь нам ничего другого не останется!

— Ну почему же,— улыбнулся Барни.— Мы можем существовать и сами по себе.

«Оставаясь при этом подчиненными Булеро»,— закончил он про себя.

— Я тебе скажу, что нам следует сделать. Мы должны собрать всех скоперов «Пэт-Комплект» и организовать свой собственный синдикат. Направление работы — прогнозы ближайшего будущего! — Эту идею Барни вынашивал уже не один год.— Вместе мы составим нечто вроде гильдии, обладающей абсолютной монополией. И тогда мы сможем диктовать наши условия и Палмеру Элдричу, и Лео Булеро!

— Ты забываешь, что у Элдрича наверняка есть свои скоперы,— девушка улыбнулась ему.— Я смотрю, ты вконец запутался. Ай-я-яй... Столько лет работал, а так ничему и не научился,— она грустно покачала головой.

— Теперь я понимаю, почему Лео не хотел связываться с тобой! — пробормотал Барни, явно не ожидавший такого разворота событий.

— Да, я всегда говорю правду в глаза.— Рони посмотрела в лицо Барни.— Наверное, это людям и не нравится. Они-то привыкли к постоянной лжи. Взять хотя бы тебя. Ты решил сказать «нет» несчастному торговцу только потому, что твоя бывшая жена...

— Заткнись! — прохрипел Барни.

— А ты знаешь дальнейшую судьбу торговца керамикой? Он подписал договор с Палмером Элдричем! Обязан он этим тебе и твоей бывшей супруге! Скажи ты ему «да», и он связал бы себя с нашей умирающей компанией, навсегда лишившись возможности...— Она внезапно замолчала.— Тебе не по вкусу мои слова, Барни?

— Дело не в том... Просто я вызвал тебя совсем для другого разговора.

— Без тебя знаю,— фыркнула Рони.— Ты вызвал меня для того, чтобы мы предали Лео Булеро. Вместе — и ты, и я!

— Рони, ты болтай, да не...

— А разве не так? В одиночку тебе с ним не совладать, без меня ты — никто! И вообще, чего ты нервничаешь? Разве я сказала «нет»? Для разговора ты нашел далеко не лучшие время и место. Вот вернемся домой, там и поговорим. Идет? — Она одарила его такой улыбкой, что ему даже стало не по себе.

Разумеется, она была права.

— Представляешь, как будет скверно, если здесь есть «жучки»? Булеро с нас три шкуры спустит! — Улыбка ее стала еще

ослепительнее. Похоже, девица и в самом деле не боялась никого и ничего.

Сказать того же о себе Барни, к сожалению, не мог. Его сильно смущало одно обстоятельство, о котором он предпочитал не говорить вслух.

Барни так до конца и не верилось, что на корабле, вернувшемся с Проксимы, прилетел именно Палмер Элдрич.

Глава 5

Подписав контракт с «Чу-Зи», Ричард Хнатт отхватил кругленькую сумму, и тратить деньги на пустяки по меньшей мере неразумно. Он заказал для себя и Эмили места в центральной мюнхенской клинике доктора Вилли Денкмаля и стал готовиться к Э-терапии.

«Я ничем не буду отличаться от сильных мира сего»,— думал он, сидя в роскошном приемном покое клиники. Доктор Денкмаль имел обыкновение проводить беседу со всеми своими пациентами, прежде чем те отправлялись в кабинет интенсивной терапии и попадали в руки младшего персонала. Именно доктора Ричард сейчас и ждал.

— Я боюсь,— прошептала Эмили. На коленях у нее лежал журнал, но читать она не могла.— Это так странно...

— К черту,— отмахнулся Хнатт,— в чем-чем, а уж в этом-то ты явно не права! Всего лишь ускорение *естественного* процесса эволюции, который идет постоянно. Мы не замечаем его только потому, что разум наш крайне медлителен. Посмотри на наших пещерных предков. Тела их были покрыты развитым волосяным покровом, подбородки практически отсутствовали, передние отделы мозга почти не развиты. Верно? А какие у них были коренные зубы! Да этими зубами можно камни грызть!

— Ладно, ладно, ты прав, Ричард,— еще больше задергалась Эмили.

— Чем дальше мы уйдем от них, тем лучше. Они были развиты настолько, что сумели пережить ледниковый период. Нам же приходится готовить себя к прямо противоположному — к периоду огненному... Соответственно, нам нужны хитиновый панцирь и новая кожа. Другой обмен веществ, соответствующий ночному образу жизни, и иная система вентиляции организма, при которой основную...

Из кабинета вышел доктор Денкмаль, крутленький маленький человечек с лицом типичного бюргера, белоснежными во-

лосами и усиками, делавшими его похожим на Альберта Швейцера. Рядом с доктором важно шагал чрезвычайно продвинутый человек, пугавший степенью своей продвинутости. Кстати говоря, выглядела эта важная птица существенно иначе, чем можно было ожидать, знакомясь с жизнью высшего света по снимкам в газетах.

Голова этого человека заставила Хнатта вспомнить о фотографии, виденной в каком-то старом учебнике. Под фотографией стояла подпись: *«Гидроцефал»*. То же самое вздутие над линией бровей, когда черепушка выглядит удивительно хрупкой... Ричард теперь сообразил, почему высокопоставленных особ называют «дутоголовыми». Ему вдруг подумалось, что эта непомерно раздутая голова в любую минуту может лопнуть. Впрочем, впечатляла голова не только своими размерами. Череп покрывали не волосы, а плотная темная хитиновая корка. Ее так и хотелось назвать коростой. Прямо не голова, а какой-то кокосовый орех.

— Герр Хнатт и фрау Хнатт,— обратился к супругам доктор Денкмаль.— Вам придется немного подождать.— Он повернулся к человеку с раздутой головой.— Мне чудом удалось втиснуть вас в сегодняшний график, герр Булеро. От посетителей просто отбоя нет. Но в любом случае вы от этого ничуть не проиграли.

Булеро, однако, и не думал слушать Денкмаля. Он во все глаза смотрел на Ричарда Хнатта.

— Я уже где-то слышал о вас. Ах да! Мне говорил о вас Феликс Блау! — Его в высшей степени разумные глаза потускнели.— Намедни вы подписали контракт с бостонской фирмой, которая называется...— лицо Булеро искривилось,— называется «Ассоциация производителей Чу-Зи».

— А вам-то какое дело? — слегка запинаясь от волнения, ответил Хнатт.— В-ваши с-скоперы дали мне от ворот п-поворот!

Лео Булеро внимательно посмотрел в глаза Хнатту и, пожав плечами, вновь повернулся к доктору Денкмалю.

— Увидимся через две недели.

— Две?! — Доктор протестующе замахал руками.— Но ведь...

— На следующей неделе у меня не будет времени. Мне вновь придется покинуть Терру.— Булеро оглянулся напоследок на чету Хнаттов и тут же вышел.

Доктор Денкмаль пробормотал, проводив его взглядом:

— В высшей степени продвинутый человек, как физически, так и духовно.— Он повернулся к чете Хнаттов: — Добро пожаловать в «Айхенвальд»!

— Спасибо,— отозвалась Эмили.— Скажите, а это больно?

— Это вы о нашей терапии? — Доктор изумленно захихикал.— Нисколечко. Хотя вначале кое-что может вас шокировать. Только не надо понимать меня буквально... Разрастание кортикальных зон сопровождается весьма своеобразными ощущениями. Вас посетит масса захватывающих идей, преимущественно религиозного характера. Живи Лютер и Эразм сегодня — у них исчез бы повод для споров. Э-терапия легко разрешила бы все их сомнения. Они поняли бы, zum Beispiel*, истину, подлежащую пресуществлению...— ну вы знаете...— blüt und**,— доктор кашлянул.— По-английски это, кажется, называется «облатка». Вы понимаете, о чем я? Причастие, да! Кстати, вам никогда не приходило в голову, что с Кэн-Ди происходит нечто похожее? Впрочем, не будем об этом. Я и так наболтал вам лишнего. Пора заняться делом.

Он похлопал Ричарда по спине и повел супругов в свой кабинет, украдкой поглядывая на Эмили исполненным похоти и напрочь лишенным духовности взглядом. По крайней мере, Ричарду взгляд доктора показался именно таким.

Они оказались в гигантской палате, буквально напичканной всевозможным оборудованием. В центре стояло два стола, оснащенных зажимами для рук и ног. Такие штуковины сделали бы честь самому доктору Франкенштейну. Увидев их, Эмили охнула и попятилась назад.

— Бояться здесь совершенно нечего, фрау Хнатг! Зажимы сделаны с одной-единственной целью — уберечь пациентов от случайных травм. Вы, должно быть, слышали, как при электрошоке происходит непроизвольное сокращение мышц? С тою же проблемой сталкиваемся и мы,— Денкмаль опять захихикал.— А теперь, мои хорошие, вам придется снять с себя одежду. Разумеется, делать это вы будете не здесь. Вы переоденетесь в халаты, и тогда... мы сможем auskommen***... понимаете? Вам поможет наша сестра. Ваши медицинские карты уже прибыли из Nord Amerika****. Вы оба здоровые, полноценные Nord Amerikanische*****.

Он проводил Ричарда в соседнюю комнатку, отделенную от основного помещения занавеской, и вернулся к Эмили. Ричард слышал, как доктор говорит с ней. В голосе его слышались одновременно и мягкие, и властные нотки. Сочетание это

---

* Например *(нем.)*.

** Кровь и *(нем.)*.

*** Поладить *(нем.)*.

**** Северная Америка *(нем.)*.

***** Североамериканцы *(нем.)*.

очень не понравилось Ричарду и тут же испортило ему настроение. Впрочем, настроение стало портиться еще там, в приемном покое. Он ждал чего-то сверхъестественного, получилось же все до обидного буднично. И не просто буднично, а...

Ричард вспомнил о том, что именно из этого кабинета вышел великий Лео Булеро. А уж он-то всяко не стал бы бросать денег на ветер.

Успокоенный этим, он принялся раздеваться.

Из палаты послышался писк Эмили.

Ричард тут же оделся и распахнул дверь, снедаемый страшными подозрениями. Доктор Денкмаль, сидя за столом, изучал медицинскую карту Эмили. Сама же Эмили, судя по всему, переодевалась в такой же комнатке, куда ее отвела медсестра.

«И чего это я стал таким подозрительным?» — подумал он, вернувшись обратно, и опять стал стягивать одежду. Руки его сильно дрожали.

Через несколько минут он уже лежал, пристегнутый к столу; на соседнем столе лежала Эмили. Она была бледна как полотно, бледна и безмолвна.

— Ваши железы,— довольно потирая руки и бесцеремонно разглядывая лежащую перед ним Эмили, заговорил доктор Денкмаль.— Ваши железы подвергнутся определенной стимуляции. Особенно это относится к железе Креси, которая отвечает за эволюцию человека как вида,— nicht war?* Вы, должно быть, знаете, как произошло это открытие. Теперь написано даже в школьных учебниках... Сегодня вы не почувствуете ни того, что на вашей голове появится хитиновый панцирь, ни того, что вы теряете ногти на руках и ногах,— нет! Это будет незаметное, но очень-очень значимое изменение. Фронтальные отделы мозга несколько вырастут в размерах. И вы тут же станете мозговитее! — Доктор мерзко захихикал.

Ричард чувствовал себя отвратительно. Ему казалось, что он — бессловесное, безмозглое животное, покорно ожидающее своей участи.

«Хороший способ делать карьеру, ничего не скажешь»,— подумал он про себя и зажмурил глаза.

Невесть откуда в палате появился ассистент-мужчина. Белокурый представитель нордической расы, напрочь лишенный разума.

— Мы играть тихий задумчивый Musik**,— сказал доктор Денкмаль, нажимая на кнопку. Из динамиков многоканальной

---

* Не так ли? *(нем.)*

** Музыка *(нем.)*.

стереосистемы зазвучали начальные аккорды какой-то популярной итальянской оперы, принадлежавшей перу Пуччини или Верди. Исполнители, казалось, делали все возможное, чтобы музыка звучала совершенно бесцветно.

— Höre*, херр Хнатт,— höre! — Денкмаль склонился над столом и внезапно стал серьезен.— Я хочу, чтобы вы поняли меня правильно. Время от времени наша метода... как бы это выразиться поточнее?.. да, время от времени она делает сбуй.

— Дает сбой! — раздраженно поправил доктора Ричард. Об этом он знал и сам.

— Но это бывает крайне редко. Теперь я хочу объяснить вам, что же это за сбой, херр Хнатт. Железа Креси начинает не развиваться, но дегенерировать. Понимаете меня? Дегенерировать! Я правильно выразился?

— Да,— кивнул Хнатт.— И как далеко это может зайти?

— О, изменения эти на деле пустячные! Но в любом случае достаточно неприятные. Мы выявляем такие случаи едва ли не мгновенно и тут же прекращаем сеанс. Обычно этого достаточно, чтобы предотвратить дальнейший регресс личности. Но, к сожалению, так происходит далеко не всегда. Порой железа Креси...— Он сделал рукой неопределенный жест.— Короче говоря, процесс уже не прекращается. Я должен предупредить вас об этом до начала сеанса. Теперь соберитесь с мыслями и ответьте: вы согласны проходить курс Э-терапии?

— Я рискну,— ответил Хнатт.— Рисковали же все остальные.

Он с трудом повернул голову и посмотрел на Эмили. Она взглянула на мужа остекленевшими от ужаса глазами и едва заметно кивнула.

«Вполне возможно, что эволюционировать будет только Эмили,— подумал он с тоской.— Я же вернусь в своем развитии к какому-нибудь синантропу, с мощными клыками, крохотным мозгом, кривыми ногами и наклонностями каннибала! С таким букетом только торговлей и заниматься!»

Доктор Денкмаль, самозабвенно насвистывая в такт музыке, замкнул рубильник.

Сеанс Э-терапии начался.

Ричарду показалось, что он начинает стремительно терять вес. По крайней мере, таким было первое его ощущение. Через минуту у него стала страшно раскалываться голова. Будто

---

* Слушайте *(нем.)*.

кто-то колотил по ней огромным стотонным молотом. Одновременно с болью пришла и мысль, страшная в своей простоте,— он и Эмили рискуют зря; ни ему, ни особенно Эмили все это не нужно. Не случайно она так возражала... А вдруг Эмили начнет деградировать и лишится всех своих способностей? Это привело бы к краху не успевшей еще толком начаться карьеры. Все держалось только на таланте Эмили. Благодаря удивительному дару она стала одним из лучших керамистов планеты.

— Стойте! — попробовал крикнуть Ричард, но слово так и не слетело с его губ. Хотя казалось, что с речевым аппаратом все в порядке. Он не успел даже испугаться, как вдруг ощутил нечто столь неожиданное, что забыл и думать о чем-то еще. Он эволюционировал! Мысль, так смутившая его, могла возникнуть лишь благодаря новым способностям мозга. В этом можно не сомневаться! — Ричарду тут же стало легче. Если Эмили тоже в порядке, значит, все идет как нельзя лучше.

Теперь он ясно видел доктора Вилли Денкмаля. Невежественный, жалкий шарлатан! Из породы тех, кто наживает свои миллионы, играя на стремлении смертных стать чем-то более значительным. При этом в расчет брались лишь самые поверхностные и грубые аспекты существования. С высот, внезапно открывшихся ему, Ричард Хнатт видел, как все мирские дела, все мирские устремления меркнут пред теми далями, что открываются пробуждающемуся от летаргии видовой определенности существу. Сознание, восходя в пределы, не доступные ему прежде...

Где-то там, внизу, лежал мир, скованный смертью; демонический мир, подвластный лишь одному закону — закону причинно-следственной связи, мир-кристалл, отмеченный печатью абсолютной регулярности... Над ним находился уровень вегетации и разума, служивший обителью человечеству, не подозревавшему, что один шаг в сторону может низринуть в страшные ледяные бездны ада на веки вечные. Над миром же людей простирался третий, последний уровень, эфирный мир. Его могли сподобиться лишь немногие. Жизнь человека проходит в этом узком пространстве, и он в любую минуту готов рухнуть вниз. Однако он способен подняться в мир, исполненный благодати. Для него существовали обе возможности, произойти могло *и то и другое!* При этом для достижения небес или ада вовсе не нужно умирать. *Это могло произойти в любую минуту!* Депрессия, ментальная слабость — признаки постепенного сползания вниз. Путь наверх становился возможен благодаря... Благодаря...

Благодаря способности к сопереживанию! Возможности заглянуть в душу ближнему, понять его, стать им самим. Смотрел ли он когда-нибудь на работы Эмили как на отражение ее внутреннего мира? Нет! Он видел в них только товар и оценивал их именно с этих позиций...

И тут Ричард вспомнил о контракте с «Ассоциацией производителей Чу-Зи». Ведь он подписал его, даже не спросив у жены дозволения. Как это неэтично! Он одним росчерком пера связал ее с фирмой, которая, может статься, не стоит того! Никто еще не видел их продукции. Вполне возможно, это очередная дешевка! Впрочем, сожалеть уже поздно. Что сделано, то сделано. Сама же фирма могла заниматься чем угодно, даже производством и сбытом наркотиков. Не зря название ее товара — Чу-Зи — почему-то вызывало в памяти страшный наркотик-транслятор. Чу-Зи — Кэн-Ди... Впрочем, существовало одно серьезное возражение, сводившее все опасения к нулю. Занимайся фирма темными делишками, она не стала бы заявлять об этом открыто.

И тут Хнатга вновь осенило. Некто сумел найти такой транслятор, который Отделу по борьбе с наркотиками не по зубам. Они смогли добиться разрешения на торговлю Чу-Зи. Тогда вполне возможно распространение транслятора не только в далеких, забытых богом и полицией колониях, но и здесь, на Терре.

Вывод напрашивается сам собой: комплекты Чу-Зи — в отличие от Пэт-комплектов — тоже пользовались бы здесь спросом. И с каждым годом, по мере того как климат становился бы все более и более ужасным, спрос только бы усиливался. Рынок, контролируемый конторой Лео Булеро, выглядел до смешного убогим рядом с этим грядущим монстром.

Значит, он все же не ошибся, подписав контракт. В том, что производители Чу-Зи отвалили ему такую огромную сумму, не было ничего удивительного. Уровень гонораров соответствовал уровню претензий новой компании — и только.

Но откуда у них такие гигантские средства? Значит, исходный капитал компании, необходимый для раскрутки в Солнечной системе, нажит не на Терре. Сомнений нет! Вероятно, основой капитала стали средства, полученные Палмером Элдричем от обитателей Проксимы. Скорее всего, именно им принадлежала большая часть акций компании. ООН, судя по всему, решила до времени не вмешиваться в происходящее, чтобы раз

и навсегда покончить с таким опасным противником, как Лео Булеро.

Решение это было не просто скверным: оно могло привести мир к катастрофе.

* * *

Ричард очнулся от легкого хлопка по щеке. Открыв глаза, он увидел доктора Денкмаля.

— Как наши дела? Вы думали о вечном, не так ли?

— Да-да,— с трудом выговорил Хнатт и попытался сесть. Ремни были уже расстегнуты.

— Тогда бояться нам нечего,— просиял Денкмаль. Седые усики топорщились, словно антенны.— Теперь поговорим с фрау Хнатт.

Медсестра расстегнула ремни на запястьях и лодыжках Эмили. Она неуверенно села и, потянувшись, зевнула. Доктор Денкмаль неожиданно занервничал.

— Как ваши дела, фрау?

— Прекрасно,— пробормотала в ответ Эмили.— Мне в голову пришла масса замечательных идей касательно того, как будут выглядеть мои новые работы. Вазочки, горшочки и все такое прочее...— Она робко глянула на доктора и тут же отвела глаза в сторону.— Это что-нибудь значит?

— Бумага,— сказал Денкмаль, доставая из кармана блокнот.— А это — ручка. Попробуйте набросать на листочке свои идеи.

Эмили взяла ручку и стала делать наброски. Ричард заметил, что рисование дается ей с трудом, но тут же отогнал от себя вспыхнувшую было тревогу, решив, что неловкость вызвана долгим лежанием на столе.

— Прекрасно,— заметил доктор Денкмаль, когда наброски были готовы. Он взял листик в руку и показал его Хнатту.— Высокоорганизованная активность мозга. Особенно поражают изобретательность и находчивость, выдающие в вашей супруге большого мастера.

Рисунки действительно были хороши, и не просто хороши — они были по-настоящему *замечательны*. И все же Хнатту не потребовалось и минуты для того, чтобы понять, что с ними не все ладно. Причина же стала ясна ему только тогда, когда они вышли из здания и, укрывшись под антитермальным козырьком, дожидались попутного экспресса.

Идеи действительно хороши, но Эмили уже использовала их. Однажды она показывала ему такие же наброски, еще в те времена, когда и не думала всерьез заниматься керамикой. В ту далекую пору они еще не успели пожениться. Помнила ли она об этом? Судя по всему, нет.

Хнатту стало не по себе. Во время сеанса его волновала судьба человечества и Солнечной системы как целого, теперь же его больше тревожило состояние Эмили. Кто знает, быть может, это какие-то проявления нового сознания, к которому он начал расти из жалких пределов своего прежнего *косного* естества? Ричард попытался как-то успокоиться, отмахнуться от неприятных тягостных мыслей.

И тут ему стало по-настоящему страшно.

Лео Булеро прибыл на Луну в качестве сотрудника издания, принадлежавшего компании «Пэт-Комплект». Статус журналиста позволил занять одно из мест в битком набитом репортерами вездеходе, отправлявшемся в имение Палмера Элдрича.

Вскоре вездеход уже прибыл на место, и репортеры один за другим выходили на залитую бетоном площадку. Вместе со всеми к выходу направился и Лео Булеро. Однако не успел он сойти с подножки, как послышалось грозное: «Документы!» Булеро застыл на месте и подал вооруженному охраннику в униформе, лишенной знаков различия, свое удостоверение.

— Мистер Булеро! — ухмыльнулся охранник.— Господин Элдрич ждет вас не дождется! Следуйте за мной! — Он повел Лео за собой; его место тут же занял другой головорез, продолживший проверку документов у прибывших в имение Элдрича репортеров.

Лео занервничал, однако без лишних слов отправился вслед за своим провожатым. Они спустились вниз и дальше уже шли по наполненному воздухом теплому туннелю.

Не прошло и минуты, как перед ними выросла фигура еще одного громилы, облаченного в ту же униформу. Он поднял руку и направил в сторону Булеро тонкую блестящую трубку.

— Что вы делаете! — еле слышно пробормотал Лео и замедлил шаг. Теперь только одна мысль билась в голове: как бы улизнуть из этого проклятого туннеля. Бежать, однако, он уже не сумел. Стоило ему повернуться к охраннику спиной, как таинственный луч коснулся затылка, и Булеро рухнул как подкошенный.

Когда Лео пришел в себя, оказалось, что он сидит, привязанный к стулу, посреди пустой комнаты. Он заставил себя оглядеться и заметил поодаль небольшой столик. Там лежало хитроумное электронное устройство.

— Выпустите меня отсюда! — прохрипел Лео.

В устройстве кто-то довольно хрюкнул, потом проговорил:

— Доброе утро, мистер Булеро. Я — Палмер Элдрич. Если не ошибаюсь, вы хотели встретиться со мной?

— Как вы грубы и циничны! — отозвался Булеро.— Сначала вы оглушили меня, потом решили связать. Я заявляю вам решительный протест!

— Возьмите сигару.

Устройство произвело на свет длинную зеленую сигару, раскурило ее с одного конца и, выбросив в сторону Лео резиновое щупальце, поднесло сигару к его губам.

— Я вез с Проксимы десять ящиков таких сигар, но после аварии у меня остался всего один. Представляете, какая досада? Это не табак, а кое-что получше! Что-что? Я не совсем понимаю вас, Лео.

Булеро промямлил:

— Вы находитесь внутри этой штуковины, Элдрич? Или же вы где-то в другом месте, а?

— Вы излишне любознательны, Лео,— сказало устройство, втягивая в себя и резиновое щупальце, и зажженную сигару.— Может быть, вас заинтересуют слайды, снятые на Проксиме?

— Вы издеваетесь надо мной?

— Ну что вы! — обиженно протянул Палмер Элдрич.— Прекрасные трехмерные слайды. Без них представить тамошние места просто невозможно!

— Нет, спасибо! Меня слайды мало интересуют.

— Кстати, мы нашли у вас в языке маленькую стрелочку. Ее пришлось удалить,— сообщил Элдрич.— Не иначе, у вас еще что-нибудь подобное найдется, а, Лео?

— Вы уделяете мне слишком много внимания,— отозвался Булеро,— больше, чем я заслуживаю.

— Четыре года, проведенные на Проксиме, научили меня многому. Добавьте к этому шесть лет полета. Я ведь все это время только и делал, что думал... Ну да бог с ним. Я хотел поговорить с вами о другом. Дело в том, что жители Проксимы хотят захватить Землю.

— Вы разыгрываете меня.

— Ваша реакция меня нисколько не удивляет. ООН в лице Хепберна-Гильберта реагировала на мое сообщение точно так же. Мои слова — чистая правда. Только не думайте, что они пойдут на нас войной. Нет! Они прибегнут к иным средствам. Каким? Честно говоря, не знаю, хоть и провел на Проксиме не один год! Насколько я могу понять, они способны вызывать такие процессы, как глобальное потепление или еще что похуже. Вы понимаете?

— Давайте лучше поговорим о лишайнике. Вы привезли его оттуда?

— Я вывез его нелегально. Они и понятия об этом не имеют. Тамошний народец использует лишайник во время религиозных церемоний. Он для них вроде мескалина или пейотля наших индейцев. Именно об этом ты и хотел со мной поговорить, Лео?

— Разумеется! Дело в том, что вы можете помешать моему бизнесу. Я знаю, вы уже зарегистрировали свою корпорацию и готовы в любую минуту приступить к производству продукции. Меня нисколько не интересуют планы обитателей Проксимы в отношении Солнечной системы. Меня интересуете только вы. Вы и ваша треклятая корпорация! Неужели вы не можете найти себе другое занятие? Неужели на комплектах свет клином сошелся?

Стены комнаты закачались. Откуда-то сверху хлынули потоки ослепительно-белого света, заставившего Булеро зажмуриться. «О господи! — подумал он с тоскою,— этот мерзавец плетет всю эту чушь о вторжении в нашу систему инопланетян только для того, чтобы отвлечь внимание от себя. В этом-то и состоит его стратегия».

Он открыл глаза и с удивлением обнаружил, что сидит теперь не на стуле, а на поросшем мягкими травами холмике на берегу реки. Возле него играла в йо-йо маленькая девочка.

— Я смотрю, эта игрушка пользуется большой популярностью и у жителей Проксимы,— заметил Лео и в тот же миг почувствовал, как веревки исчезли. Поднявшись на ноги, он стал массировать занемевшие конечности.

— Как тебя зовут, девочка?

— Моника,— ответила ему девочка и улыбнулась.

— Гуманоиды Проксимы носят парики и делают себе вставные челюсти,— пробормотал себе под нос Лео и, схватив девочку за ее милые кудряшки, сильно дернул.

— Ой! — взвизгнул ребенок, отскочив в сторону.— Ты плохой, ты злой дядька! — Она вновь принялась играть с йо-йо, время от времени дерзко поглядывая на обидчика.

— Прошу прощения,— пробормотал смущенно Лео. Волосы у девочки настоящие, можно не сомневаться. Значит, он пока еще не на Проксиме. Лео припомнились слова Палмера Элдрича.

— Скажи, вы действительно хотите захватить Землю? — спросил он у девочки.— Видишь ли, у меня появились кое-какие сомнения. Понимаешь? Вот и я пытаюсь во всем разобраться.

«А не ошибся ли Элдрич? — подумал Булеро.— Мог же он, в конце концов, не понять их истинных намерений! Элдрич ведь не продвинутый. Самый что ни на есть обычный человек, с обычными, заурядными мозгами».

— Мой йо-йо — волшебный,— заявил ребенок.— Что захочу, то и будет! Ты только скажи, чего бы тебе хотелось, и я это сделаю! Ты ведь на самом деле добрый, правда?

— Отведи меня домой, деточка,— усмехнулся Лео.— Ты меня не слушай! Это я так, шучу.

Он огляделся вокруг, но следов разумной жизни в обозримом пространстве не наблюдалось. Повсюду, насколько хватало глаз, стелилась поросшая пышными травами равнина. Для Земли тут слишком холодно. Лео задрал голову. Небо было синим. Булеро с силой втянул в себя свежий упругий воздух, поразивший своей плотностью.

— Тебе, случаем, меня не жалко? Проклятый Элдрич хочет испортить мне весь бизнес и пустить по миру. Чтобы этого не произошло, я должен как-то договориться с ним. Договориться — значит убрать,— бормотал Лео злобно.— Сделать же это очень непросто. Все козырные карты у него, я же практически остался ни с чем. Честно говоря, я и понятия теперь не имею, на каком я свете! В принципе, не так важно... Где бы я сейчас ни находился, место под контролем у Элдрича.

— Карты? — неожиданно обрадовалась девочка.— У меня в чемодане есть колода карт!

— В каком таком чемодане? — удивился Лео.

Встав на колени, девочка стала шарить в траве. Земля беззвучно разверзлась, из образовавшегося углубления девочка действительно извлекла чемоданчик.

— Мне приходится прятать его от спонсора,— объяснила она Лео.

— Что ты хочешь этим сказать, милая? И что это еще за «спонсоры»?

— Понимаешь, для того чтобы здесь быть, надо иметь спонсора. Спонсоры есть у всех. Они платят за нас до той поры, пока мы не выздоровеем. После этого те, у кого есть дом, отправляются домой.

Моника села возле чемоданчика и попыталась его открыть. Попытки ее, однако, не увенчались успехом.

— Тьфу ты! Это же совсем другой чемодан! Это — доктор Смайл!

— Психиатр? — тут же оживился Лео.— Психиатр Смайл из больших-пребольших домов? Включи-ка его, Моника! Включи его поскорее!

Девочка открыла чемоданчик и нехотя защелкала переключателями.

— Привет, Моника,— проговорил чемоданчик металлическим голосом.— Здравствуйте, господин Булеро! — Он произнес фамилию Лео неправильно, сделав ударение на третьем, последнем слоге.— Что это вас сюда привело, сэр? Вы слишком стары для посещения подобных мест! — Доктор Смайл гаденько засмеялся.— Может быть, во всем Э-терапия виновата? Процесс пошел в обратном направлении, а? — С минуту доктор Смайл производил какие-то странные гортанные звуки.

— Я чувствую себя прекрасно,— заверил доктора Лео.— Скажи-ка мне, Смайл, кто из числа моих знакомых, известных тебе, мог бы вызволить меня отсюда? Назови мне хотя бы одно имя! Можешь себе представить, как мне здесь все опостылело!

— Я знаком с господином Байерсоном,— тут же ответил доктор Смайл.— Более того, в данный момент именно у него я и нахожусь! Разумеется, речь идет не обо мне самом, а о такой же портативной модели, что стоит перед вами.

— У меня нет знакомых с такой фамилией,— сказал Лео.— Скажите мне, где я сейчас нахожусь? Насколько я могу понять, это своего рода лагерь для больных детей или для детей-сирот или нечто в этом духе. Я было решил, что угодил на Проксиму, но ваше присутствие убеждает в обратном. Байерсон. Байерсон...— И тут его осенило.— К черту! Наверное, вы имели в виду Майерсона! Барни Майерсона! Скопера из «Пэт-Комплект»!

— Да, да, именно так! — согласился доктор Смайл.

— Свяжитесь с ним,— сказал Лео.— Попросите его разыскать Феликса Блау из «Межпланетного бюро охраны порядка», или

как оно там называется. Пусть Блау проведет расследование и пришлет за мною корабль. Вам все понятно?

— Все ясно,— ответил доктор Смайл.— Я свяжусь с Майерсоном сию же минуту. В данный момент он беседует со своей ассистенткой, мисс Фьюгейт, которая одновременно является и его нынешней любовницей. Кстати говоря, одета она сегодня просто замечательно... Они говорят о вас, господин Булеро. Представляете, какое совпадение? Разумеется, содержание разговора я вам передавать не стану. Профессиональная тайна, сами понимаете. Так вот, мисс одета в...

— Да прекратите вы трепаться, в самом деле! — не выдержал Лео.

— Простите,— проскрипел чемоданчик обиженным голосом.— Но мне придется на минутку отключиться.

— Я тебя сейчас расстрою,— сказала вдруг Моника.

— В чем дело?

— Я пошутила. Никакой это не Смайл. Этот тоже живой, но он существует сам по себе. Понимаешь? Просто без него нам было бы очень скучно.

Булеро понял, что имеет в виду Моника. Устройство, стоявшее перед ними, был совершенно автономным. Оно замкнуто само на себя. Однако оставалось непонятным, откуда могут быть известны этому лже-Смайлу не только сами Барни и мисс Фьюгейт, но и подробности их личной жизни. «Нет,— решил про себя Лео,— ребенок наверняка говорит неправду».

— Кто ты? — вновь обратился он к девочке.— Имя твое Моника, верно? А фамилия у тебя какая? — Ему вдруг показалось, что он уже где-то видел эту девочку...

— Я уже здесь,— подал голос чемоданчик.— Итак, мистер Булеро...— он опять сделал ударение на последнем слоге.— Я обсудил вашу проблему с мистером Майерсоном, и он пообещал мне как можно быстрее связаться с Феликсом Блау. Мистер Майерсон говорит, что о таком месте ему доводилось читать в газете. Где-то в районе Сатурна находится база ООН, предназначенная для детей с дефектами в развитии. Это своего рода интернат...

— К черту! — рявкнул Лео.— Эта девочка куда развитее нас с вами!

Он призадумался. Ясно только одно — Элдрич не спешил избавляться от него. Он, Лео Булеро, для чего-то был нужен ему.

На горизонте появилась огромная серая тень. С каждой секундой она становилась все ближе, все больше... Безобразные

белесые усы чудища отвратительно топорщились, когда оно раскрывало свою жуткую пасть.

— Это крыса,— спокойно промолвила девочка.

— Такая большая? — изумился Лео.

Ни на одной из планет Солнечной системы подобных тварей никогда не существовало. Но больше всего его поразило другое: девочка продолжала вести себя как ни в чем не бывало.

— Чего она от нас хочет? — спросил он у Моники.

— Она хочет нас съесть!

— И ты ее совсем не боишься? — Булеро сорвался на крик.— Ты хочешь, чтобы нас с тобой сожрала крыса величиной с гору? — Он схватил одной рукой девочку, другой — чемоданчик и пустился наутек.

В то же мгновение крыса настигла их и, беззвучно проплыв над головами, устремилась прочь. Не прошло и минуты, как чудовище исчезло за горизонтом.

Девочка презрительно фыркнула.

— А ты ее испугался! Я-то знала, что она нас не увидит. Они нас никогда не видят.

— Вот оно в чем дело! — Теперь-то он понимал, куда именно его занесло. Займись Феликс Блау поисками, и у него ушла бы на них целая вечность. Найти его здесь невозможно.

Элдрич сделал ему укол наркотика-транслятора. Скорее всего, именно Чу-Зи. Место, в котором Лео оказался, в действительности не существовало. Оно походило на ту «Землю», куда переносились колонисты, пожевав Кэн-Ди.

Крыса же, в отличие от всего прочего, самая что ни на есть настоящая. Ненастоящими были они — Лео и девочка. Вернее — *здесь* они были ненастоящими. Их подлинные тела находились сейчас в каком-то другом месте. Бессмысленные, бессознательные вместилища, на время лишенные своего содержимого. Вне всяких сомнений, оные вместилища валялись сейчас где-то на Луне, точнее — в лунных владениях Палмера Элдрича...

— Ты Зоя! — вырвалось у Лео.— Верно? Такая, какой ты хочешь стать вновь. Девочка лет восьми, белокурая маленькая девочка!

«Даже собственное имя тебе противно»,— добавил Лео мысленно.

— Никаких Зой здесь нет! — насупилась девочка.

— Одна ты. Твоего папу зовут Палмер Элдрич, правда?

Девочка потупила глаза и с явной неохотой кивнула.

— Это место предназначено специально для тебя? — осторожно спросил Лео.— Ты часто здесь бываешь?

— Это *мое* место! — ответила девочка с вызовом.— Без моего разрешения сюда никто прийти не может!

— Тогда почему же ты позволила прийти сюда мне? — Он прекрасно понимал, что Зое он не понравился с первого взгляда.

— Потому,— ответил ребенок,— что ты можешь помешать прыскунам делать всякие пакости.

— Опять двадцать пять! — вздохнул Лео.— Твой папа уже рассказал мне про обитателей Проксимы. Или, как ты их называешь, прыскунов...

— Мой папа хочет спасти нас всех! Он не хотел везти сюда этот Чу-Зи. Его заставили! Они через него-то нас и захватят, понимаешь?

— Каким это образом?

— Они контролируют все те миры, куда попадают люди, наглотавшись Чу-Зи!

— Глядя на тебя, я бы этого не сказал. Вон ты мне какие вещи говоришь!

— Под их власть люди подпадают не сразу,— покачала головой девочка.— Рано или поздно со мной произойдет то же, что и с папой. Ему дали эту штуку еще на Проксиме. С тех пор прошло уже лет пять. Папа и сам понимает, что его песенка спета.

— Неужели ты думаешь, я поверю тебе на слово? — спросил Лео.— Вон ты мне сколько понаговорила, а доказательства — ни одного. Верно?

Чемоданчик вежливо откашлялся и пробулькал:

— Моника сказала правду, мистер Булеро.

— А ты откуда знаешь? — Чемоданчик начинал действовать Лео на нервы.

— Дело в том,— забормотал чемоданчик,— что и я сам нахожусь под влиянием прыскунов. Именно по этой причине...

Лео поставил чемоданчик на землю.

— Черт бы побрал этот Чу-Зи! — закричал он, глядя на своих странных собеседников.— Теперь все так перепуталось! Я и сам не понимаю, на каком я свете! Ты не Зоя, ты непонятно кто. Ты, доктор, тоже непонятно кто. Ты не выходил на связь с Барни, и он не беседовал сейчас с мисс Фьюгейт. Все это галлюцинации, фантомы. В них обратились мои страхи, связанные с Элдричем, прыскунами и прочей мутью... Где это видано, чтобы чемоданом овладевал разум из другой звездной системы! — Он резко развернулся и решительно зашагал прочь.

«Я знаю, что со мной происходит,— думал Булеро.— Этот негодяй Элдрич пытается установить контроль над моим созна-

нием. Раньше такие штуки называли "промывкой мозгов". Он хочет меня запугать».

Лео шел вперед не оглядываясь. И это едва не кончилось для него плачевно. Кто-то или что-то набросилось сзади, явно намереваясь откусить Лео ногу. Он чудом успел отскочить в сторону, но неведомый враг тут же вновь пошел в атаку.

— Крысы большие, а не видят ничего! — крикнула Моника.— Глюки маленькие, зато видят все! На твоем месте я бы попыталась от него убежать.

Лео Булеро, так и не сумевший толком разглядеть злобного глюка, тут же перешел на бег.

Впрочем, он успел увидеть достаточно, чтобы понять природу нападавшего на него существа. Оно не было ни порождением Чу-Зи, ни творением самого Палмера Элдрича. Более того, оно не имело никакого отношения ни к Терре, ни к разуму обитающих на ней гуманоидов.

Теперь следом за Лео бежала и девочка.

— А как же я? — испуганно воскликнул доктор Смайл.

Ему никто не ответил.

— Я обработал материалы, предоставленные вами, мистер Майерсон,— сказал с экрана видеофона Феликс Блау.— Из них следует, что сейчас ваш шеф господин Булеро, кстати мой постоянный клиент, находится на небольшом искусственном спутнике Земли под названием Сигма 14-Б. Мне удалось отыскать сводную ведомость на спутники такого класса и установить, что владельцем интересующего нас объекта является фирма из Сент-Джорджа, штат Юта. Фирма занимается производством ракетного топлива.— Он заглянул в лежащие перед ним бумаги.— «Робард Летэйн Сэйлс». Летэйн — это торговое название производимого...

— О'кей,— перебил Барни Майерсон.— Я с ними свяжусь.

«Какого черта Лео Булеро туда забрался?» — подумал он про себя.

— Возможно, вас заинтересует и следующая информация. Фирма «Робард Летэйн Сэйлс» была зарегистрирована в тот же день, что и «Ассоциация производителей Чу-Зи». Правда, произошло это на четыре года раньше. Мне представляется, что это не просто совпадение, а нечто более серьезное.

— Можно ли как-то снять Лео с этого спутника?

— Вы можете обратиться в суд с жалобой...

— Слишком много возни,— фыркнул Барни. Он чувствовал себя едва ли не главным виновником всего происшедшего.

Наверняка Палмер Элдрич устраивал свою пресс-конференцию с одной-единственной целью — заманить Булеро в свои лунные владения. И он, лучший скопер компании, точно сыграл отведенную ему роль.

— Я могу предоставить в ваше распоряжение около ста человек. В «Пэт-Комплект» вы можете набрать еще человек пятьдесят. С таким воинством вы наверняка сумеете завладеть спутником.

— Для чего? Чтобы найти на нем труп Булеро?

— Ваша правда,— согласился Феликс Блау обиженным тоном.— Тогда остается одно — обратиться напрямую к Хепберн-Гильберту и потребовать от ООН решительных действий в отношении похитителей. Или... Или связаться с самим Палмером Элдричем. А может, с тем, кто выдает себя за него. Попытаться как-то договориться. Вполне вероятно, Булеро можно выкупить.

Барни нажал на рычажок и тут же набрал код межпланетной связи.

— Пожалуйста, соедините меня с Луной, мисс. Я хочу поговорить с Палмером Элдричем. Заказ срочный.

Из дальнего угла кабинета послышалось: «Я смотрю, мы запродаться Элдричу не успеем». Это была Рони Фьюгейт.

— Похоже на то,— согласился Барни. Как хорошо все продумано. Элдрич позволил своему противнику сделать за него всю работу, дав возможность поучаствовать в ней и ему с Рони. Наверняка теперь Элдрич ждет их на своем спутнике. Для этого он и подкинул Булеро доктора Смайла.

— Интересно, стали бы мы работать на такого умника,— сказала Рони, поигрывая заколкой.— Вряд ли человек на такое способен. Чем больше я обо всем этом думаю, тем больше склоняюсь к мысли, что это никакой не Палмер, а кто-то из них. Ты понимаешь, о ком я. Теперь следует ждать, когда Чу-Зи завоюет рынок. Произойдет это, заметь, с одобрения ООН.— Рони горько рассмеялась.— В конце концов, Лео один из нас. Он хотел заработать пару лишних скинов и получил за это по шее. И все дела.— Она смотрела прямо перед собой.

— Я гляжу, ты патриотка,— заметил Барни с усмешкой.

— Обычный инстинкт самосохранения. Я не хочу жевать эту дрянь. Кто его знает, куда она людей заносит. Одно можно сказать точно — где бы это место ни находилось, к стране Прыткой Пэт оно не имеет никакого отношения!

— На линии мисс Зоя Элдрич, сэр,— сказала видеофонистка.— Вы будете говорить с нею?

— О'кей! — кивнул Барни.

На экране появилась броско одетая женщина средних лет, с пронзительным взглядом.

— Чем обязана вашему звонку?

— С вами говорит Майерсон из «Пэт-Комплект». Что нам следует предпринять для возвращения Лео Булеро?

Мисс Элдрич сделала вид, будто не слышит его. Барни немного подождал и добавил:

— Может быть, вы не знаете, о чем идет речь, мисс?

— Прибыв в наше лунное имение, мистер Булеро вдруг почувствовал себя дурно. В данный момент он отдыхает в нашем госпитале. Как только он поправится...

— Могу ли я прислать за ним врача нашей фирмы?

— Разумеется.— Мисс Элдрич даже бровью не повела.

— Почему же вы не известили нас об этом? — поинтересовался Барни.

— Это случилось пару минут назад. Папа как раз собирался позвонить вам. Мне кажется, что ничего серьезного с ним не произошло. Подобные приступы бывают при резком изменении силы тяжести. Вы, очевидно, знаете. Господин Булеро — человек немолодой, и подобная реакция его организма на лунную гравитацию не вызывает у меня беспокойства. Это вещь настолько обычная, что на нее можно даже не обращать внимания. Не случайно же господин Булеро поддерживает на своих «Угодьях Винни-Пуха» гравитацию, близкую к земной, верно? — Она улыбнулась.— Не волнуйтесь, сегодня же ваш шеф вернется к вам. Или вы до сих пор считаете, что с ним стряслось неладное?

— Мне кажется,— ответил Барни,— Лео давно уже не на Луне. По моим сведениям, он находится на спутнике Сигма 14-Б, принадлежашем одной фирме из Сент-Джорджа. Фирмой, как ни странно, владеете вы. Ответьте мне, мисс Элдрич, так это или нет? И еще. Я нисколько не сомневаюсь, что в вашем лазарете мы действительно нашли бы Лео Булеро. Однако Булеро Булеро рознь. Вы, очевидно, понимаете, что я имею в виду? Не так ли?

Рони изумленно уставилась на него.

— Можете приехать к нам сами,— усмехнулась Зоя Элдрич.— Насколько мне известно, человек, прибывший к нам с документами Лео Булеро, на самом деле был тем, за кого себя выдавал. Кстати говоря, он прибыл сюда в качестве собственного корреспондента какой-то захудалой газетенки.

— Я тотчас отправляюсь в ваше имение,— сказал Барни, чувствуя, какую непоправимую ошибку совершает. Для того чтобы понять это, не обязательно быть провидцем. Рони Фьюгейт, до этой минуты спокойно сидевшая в углу, тоже ощутила странную тревогу за его будущность и испуганно вскочила.

Барни выключил видеофон и повернулся к Рони:

— Служащий «Пэт-Комплект» решил свести счеты с жизнью. Так или примерно так будут выглядеть заголовки завтрашних передовиц.

— Если уж быть до конца точным, то...— начала было Рони, но Барни тут же перебил ее:

— К черту точность!

Он и без того знал, что причиной его смерти станет тепловой удар. На одном из пешеходных переходов в центре Нью-Йорка будет найдено обугленное тело мужчины. Сюда его сбросят люди Элдрича.

Больше всего Барни расстраивал снимок на первой полосе завтрашних газет... Ничего более омерзительного он еще не видел.

Он остановился у двери.

— Тебе нельзя туда лететь,— прошептала Рони.

— Я это и без тебя знаю.— Снимок потряс его настолько, что про шефа Барни уже думать забыл. Он вернулся к столу и заставил себя сесть.

— Даже если проблема разрешится, рано или поздно тебе все равно придется объясняться с Лео,— заметила Рони.

— Я понимаю.

В любом случае, сами по себе неприятности не испарятся. Проблем хватит на хороший букет. Поэтому объяснение с начальством вообще можно не брать в расчет. Тем более еще не известно, в каком состоянии Булеро пребывает — в твердом, жидком или уже газообразном.

Глава 6

Глюк вцепился Лео в лодыжку и, погрузив в нее добрую дюжину своих тоненьких хоботков-ресничек, стал сосать кровь. Булеро истошно завопил и в тот же миг увидел рядом с собой Палмера Элдрича.

— Ты был не прав,— важно сказал ему Элдрич.— Бога на Проксиме я не встретил. Зато нашел там кое-что получше! — Он откинул глюка своей тросточкой, и тот, разом вобрав в

себя хоботки, свалился наземь и нехотя потрусил прочь.— Бог обещал даровать нам жизнь вечную. Я могу дать ее прямо сейчас, не отходя от кассы!

— Каким образом? — Лео тяжело опустился на траву и перевел дух.

— С помощью того самого лишайника, из которого мы производим Чу-Зи,— ответил Элдрич.— Оно совсем не похоже на твое хваленое Кэн-Ди. Что может дать людям Кэн-Ди? Минутное забвение? Бегство в страну грез? Кому все это будет нужно теперь? Теперь, когда я вернулся к вам!

— Предположим, что ты в чем-то прав,— усмехнулся Лео.— Но если ты считаешь, что у нас найдутся такие чудаки, которые выложат свои кровные скины за это...— Он показал на глюка. Зверюга продолжала бродить неподалеку, то и дело постреливая в Лео откровенно хищным взглядом.— Значит, ты лишился не только тела, но и рассудка!

— Тут особый случай! Я хотел доказать тебе, что ты имеешь дело не с химерами, но с реальностью! Для этой цели физическая боль и страх подходят как нельзя лучше. Глюки мгновенно смогли убедить тебя в подлинности происходящего! Они действительно могли убить тебя. И твоя смерть здесь была бы истинной смертью, понимаешь? Разве с Кэн-Ди такое возможно? — Ситуация явно забавляла Элдрича.— Когда я открыл этот лишайник, изумлению моему не было предела. Еще бы! Я ведь прожил за это время целую сотню лет! Мне помогали их медики. Я принимал Чу-Зи и орально, и анально, и внутривенно. Я воскуривал его и вдыхал дым, я растворял его в воде и пробовал на себе действие растворов разной концентрации. Короче говоря, принимал всеми мыслимыми и немыслимыми способами. На самих проксов снадобье почти не действует. Для них оно — что-то вроде нашего табака, понимаешь? А хочешь, я поведаю тебе о вещах еще более любопытных?

— Не очень-то.

Элдрич присел на корточки рядом с Булеро и принялся поигрывать тростью, не спуская глаз с голодного глюка. Лео заметил, что вместо руки у Палмера протез.

— Когда мы вернемся в наши прежние тела... Слово «прежние» я употребил не случайно, скоро ты в этом убедишься. Так вот, *ты обнаружишь, что для них не прошло и мгновения!* Мы можем провести здесь и пятьдесят лет. Это ничего не изменит. В любом случае мы вернемся на мою лунную виллу. При этом сторонние наблюдатели даже не заметят, что в течение

какого-то времени мы отсутствовали. Представляешь?! Самое большее, что они смогут заметить, так это слабое подрагивание век!

— А чем же определяется продолжительность нашего пребывания здесь? — поинтересовался Лео.

— Нашим отношением к происходящему. Доза на это никак не влияет. Мы можем вернуться назад, стоит нам этого захотеть. Легко сделать вывод...

— Чушь какая! Будь так, меня давно бы отсюда вынесло!

— Нет,— возразил Элдрич.— Дело в том, что этот... этот мир создан не вами, а мной. Он принадлежит только мне — и этот простор, и эти глюки — все здесь мое.— Он описал тростью широкую дугу.— Все, что вы здесь видите, включая и ваше собственное тело.

— Мое тело? — Лео опустил голову и оглядел себя. Тело как тело. Вполне привычное, родное и знакомое. Сомнений быть не может, это именно *его* тело, но никак не тело Элдрича.

— Я повелел тебе предстать предо мною в том же обличье, в каком ты являл себя в нашем мире. Именно названная возможность позволила мне склонить на нашу сторону Хепберн-Гильберта. Ты можешь воплотиться во что угодно. Все определяется желанием, которое, как ты теперь понимаешь, принадлежит не только тебе. Хепберн-Гильберт — буддист, и поэтому Чу-Зи устраивает его как нельзя лучше. Оно абсолютно адекватно его концепции мироздания.

— Так вот почему ООН легко проглотило наживку! — воскликнул Лео. Многое тут же стало понятным.

— С помощью Чу-Зи человек может странствовать по мирам, переходя из одной формы в другую: стать клопом, учителем физики, соколом, бациллой, шлюхой с Монмартра 1904 года...

— И даже глюком,— добавил Лео.— Одного только понять не могу, кто из нас глюк?

— Очень просто. Данный глюк является частью меня. На самом деле можно стать кем угодно. Попробуй сам. Ты должен сосредоточиться на каком-то аспекте своей самости. Он воплотится в конкретную материальную форму автоматически, овеществляя самое себя, и только.

— Проще некуда,— буркнул в ответ Лео, пытаясь хоть както сосредоточиться. Не прошло и минуты, как неподалеку появилось диковинное строение из проволочек, прутиков и решеток.

— Что это еще за чертовщина? — изумился Лео.

— Это — глюколовка.— Элдрич захохотал.— Очень хорошо! Только не вздумай устраивать подобного и для меня! Я тебе еще не все сказал, слышишь?

Глюк подошел к ловушке и принялся обнюхивать ее со всех сторон. Увидев перед собой открытый лаз, он полез внутрь и тут же поплатился. Ловушка, сухо щелкнув, захлопнулась. В следующее мгновение он превратился в маленькое облачко дыма, быстро растаявшее на ветру...

Воздух перед Лео затрепетал, и в руки его упала небольшая книга в черном кожаном переплете. Лео перелистал ее и, удовлетворенно хмыкнув, положил себе на колени.

— Это еще что такое? — полюбопытствовал Элдрич.

— Это — Библия. Надеюсь, она мне поможет.

— Только не здесь,— усмехнулся Элдрич.— Здесь единственный правитель — я.— Он взмахнул рукой, и книга тотчас исчезла.— Вот попадешь в свой мир — делай с ним все, что угодно. Можешь завалить его Библиями, если уж они тебе так нравятся. Ты только подумай! Станешь подлинным творцом! И не только ты, то же самое произойдет со всеми! Скоро — скоро настанет счастливое время! Разумеется, помимо прочего, мы будем производить и свои комплекты, дабы облегчить переход из одного мира в другой. Но это никоим образом не поставит Чу-Зи в зависимость от игрушек. Нет! Комплект будет играть роль ритуальную, и не более того! Он будет нашим символом, нашей эмблемой! Кэн-Ди и Чу-Зи столкнутся на равных условиях. Мы не собираемся проводить какой-то особой рекламной кампании. Пусть все решится в честной борьбе! Религия, сам понимаешь, штука тонкая. Лучше не задевать чувств верующих, правда? Пусть они сами во всем разберутся. Они пару раз испробуют Чу-Зи и убедятся, что опыт посещения другого мира не обладает временной длительностью в обыденном мире. К тому же открывшийся новый мир куда реальнее привычного бытия.

— После Кэн-Ди многие испытывают примерно то же самое,— сказал Лео.— Они верят в то, что Кэн-Ди позволяет им перенестись на подлинную Землю.

— Фанатики! — поморщился Элдрич.— Чистой воды галлюцинации, и не более того! На деле не существует ни Прыткой Пэт, ни Уолта Эссекса. Атрибутика видений ограничивается составом комплекта, о прочем я и не говорю. Если на кухне у Пэт нет автоматической мойки, ее не будет и в той кухне, куда попадет любитель Кэн-Ди, верно? Далее. Сторонний наблю-

датель может засвидетельствовать, что во время сеанса куклы остаются неподвижными. Соответственно глупо говорить о том, будто фигурки оживают. И еще, легко можно показать...

— Попробуй объяснить то же самое им! — усмехнулся Лео.— Я нисколько не сомневаюсь в их верности Кэн-Ди и Прыткой Пэт. Я не могу даже представить, как они расстаются с комплектами...

— Об этом скажу тебе я. Как бы хорошо ни было Пэт и Уолту, рано или поздно им приходится расставаться. Сказка кончается, и они вновь возвращаются в родные трущобы. Так? Ты можешь вообразить себе, что они при этом испытывают? После двадцати минут, исполненных неги и блаженства, ты вдруг оказываешься в гнусной продувной дыре, где-нибудь на Ганимеде! Я думаю, подобное потрясение ты запомнишь на всю оставшуюся жизнь!

— Н-да...

— И это далеко не все! Когда минутной свободе приходит конец, колонист уже не принадлежит самому себе. Он возвращается в свою убогую реальность, но при этом в мыслях он только там — на вожделенной Земле! Он совершенно деморализован, он теряет и то немногое, чем обладал... Совсем иная картина наблюдается при использовании Чу-Зи.

Элдрич внезапно замолчал. Лео не слушал его — он был занят постройкой нового сооружения.

В воздухе возникла лестница, ведущая к светящейся арке.

— И куда же она ведет? — изумился Элдрич.

— Прямиком в Нью-Йорк,— ответил Лео.— Я должен оказаться в правлении «Пэт-Комплект».— Он взбежал на лесенку.— Элдрич, мне почему-то кажется, что с твоим Чу-Зи нелады. Боюсь, поймем мы это слишком поздно.— Он поднимался все выше и выше и вдруг вспомнил о Монике. Вряд ли в мире Палмера Элдрича девочка чувствовала себя уютно. Булеро остановился.

— А как же девочка?

Элдрич по-прежнему сидел на травке, беззаботно поигрывая тросточкой.

— Глюки ее не тронут?

— Этой девочкой был я,— отозвался Элдрич.— Я уже пытался тебе объяснить. Здесь, в этом мире, ты имеешь дело с подлинными перевоплощениями. Здесь смерть уже не властна над тобой!

Лео зажмурился.

«Вон оно как... Тот-то девочка показалась мне такой знакомой...» Он открыл глаза и посмотрел вниз. Элдрича там уже не было. Вместо него на травке сидела Моника с чемоданчиком, набитым доктором Смайлом, Элдрич оказался прав.

Он сказал — она сказала — они сказали — чистую правду.

Лео вздохнул и стал спускаться вниз.

— Я рада, что ты не ушел, Лео! — закричала Моника.— С такими продвинутыми людьми, как ты, нечасто приходится беседовать! — Она похлопала по чемоданчику: — Я вернулась и прихватила его с собой, он очень боится глюков.— Девочка посмотрела на глюколовку.— А ты, я смотрю, времени зря не терял. Мне, честно говоря, такое даже и в голову не приходило. Я просто от них убегала. Непроизвольная диэнцефалическая реакция, сам понимаешь...

Лео нерешительно пробормотал:

— Ты ведь Палмер, верно? Я имею в виду внутри, там, в глубине...

— Вспомни, что говорили об этом в средние века. Всякие там субстанция и акциденция. Моя сущность изъявляет себя посредством тела ребенка. Если мы рассмотрим пресуществление...

— Все понятно,— перебил Элдрича Лео.— Я верю, что ты это ты. Но мне по-прежнему не нравится это место. Эти глюки...

— Только не подумай, что они вызваны Чу-Зи,— сказала девочка.— Во всем виновата одна лишь я. Они порождены моим сознанием, но никак не лишайником. И вообще, разве может существовать в мире только *хорошее?* В каком-то смысле я даже люблю своих глюков. В них есть нечто такое...

— Бог с ними, с глюками. Лучше ответь мне на такой вопрос. Предположим, я тоже займусь сотворением своего собственного мира. Во мне наверняка существует масса негативного, верно? Так вот... Значит ли это, что названное негативное обязательно примет участие в порождении моей Вселенной, что оно так или иначе воплотится в ней? С Пэт-комплектами все обстояло куда проще. Все приметы и законы того мира задавались заранее, и это страховало участников сеансов от всякого рода неприятностей и неожиданностей.

Моника удивленно пожала плечами.

— Как сотворил, так и устранил! Честно говоря, с проблемами такого рода ты бы не столкнулся. Пусть уж все остается как есть! Зачем что-то менять? Кому мешают те же самые глю-

ки? Ведь в твоем мире, кроме тебя самого...— Девочка внезапно замолчала, испуганно прижав к губам свои пухлые ручки.

— Выходит, каждый человек оказывается в собственном мире? — спросил Лео.— С Кэн-Ди все обстоит иначе. Женщины всегда воплощаются в Пэт, мужчины в Уолта. Иных возможностей попросту не существует. Кстати, если верить твоим последним словам, то выходит, тебя здесь нет.

«Или меня здесь нет»,— подумал он уже про себя.

Девочка внимательно посмотрела на Булеро, пытаясь понять скрытый смысл последней фразы.

— Мы не принимали Чу-Зи,— прошептал Лео.— Все, что я вижу и слышу,— результат внушения. Всего этого нет. Мы находимся там же, где и прежде. Я имею в виду твое лунное поместье. Никакого нового мира Чу-Зи не создает, и ты, Элдрич, прекрасно знаешь об этом! О каких-то перевоплощениях можно даже и не говорить! Здесь все — иллюзия, здесь все — обман!

Ребенок смотрел на него не мигая. Взгляд его был холоден и пуст.

— Ну давай, Палмер, валяй! — подзуживал Лео.— Скажи мне, что происходит на самом деле.

— Я уже все сказал! — прохрипела Моника.

— Мир Пэт куда реальней! Но даже в его реальности мы не можем быть уверены. Правильно? То ли мы имеем дело с чем-то предметным, то ли с галлюцинациями. Здесь же и говорить не о чем. Совершенно очевидно — обыкновенное внушение.

— Ты ошибаешься,— покачала головой девочка.— Уж лучше бы ты поверил мне. В противном случае ты не сможешь выбраться из этого мира живым...

— В воображаемом мире умереть невозможно! — возразил Лео.— Ну а если ты все-таки умрешь там, то тут же родишься вновь. Только и делов! Нет, с меня хватит, я возвращаюсь в «Лэйаутс».

Он вновь направился к лестнице.

— Давай-давай,— послышался детский голос.— Посмотрим, куда она тебя приведет.

Лео поднялся по лесенке и нырнул в залитый слепящим светом овал люка.

Палящее солнце стояло в зените. Лео юркнул под козырек ближайшего парадного. И тут же к нему спланировал реактивный кэб.

— Куда желаете, сэр? Вы выбрали для прогулок не самое лучшее время. Близится полдень.

— Да, да, благодарю вас. «Лэйаутс», пожалуйста,— еле слышно пробормотал Лео и, забравшись в кэб, рухнул на прохладное сиденье. Кэб послушно взмыл в небо и едва ли не тут же, попав в замкнутое поле главного корпуса правления компании, начал снижаться. Оказавшись в своей приемной, Лео распорядился:

— Мисс Глисон, срочно свяжитесь с Майерсоном. Выясните, почему он даже не попытался спасти меня.

— Спасти? — изумилась мисс Глисон, прошествовав за своим шефом в его кабинет.— В чем дело, господин Булеро? Куда вы запропали и каким...

— Все, хватит. Мне нужен Майерсон.

Лео сел за знакомый стол и довольно откинулся на спинку кресла. «К черту Элдрича»,— мысленно произнес он, доставая из ящика стола свою любимую английскую трубку, вырезанную из верескового корня, и коробку с табаком «Сэйл».

Не успел он раскурить трубку, как в дверях робко появился Барни Майерсон.

— Ну? — хмыкнул Лео, яростно попыхивая трубкой.

— Я,— пробормотал Барни и беспомощно оглянулся на появившуюся вслед за ним мисс Фьюгейт.— Я... Вы все-таки вернулись...

— Еще бы я не вернулся! Для этого мне пришлось выстроить лестницу. А теперь ответьте мне, почему вы не предприняли никаких действий? Я полагаю, ответить на этот вопрос вы не сможете. Только не надо корчить из себя идиота. Ладно... Теперь я знаю, что такое Чу-Зи — и это главное. С Кэн-Ди оно и сравниться не может. На этот счет у меня нет и тени сомнения. Обычный галлюцинаторный опыт — только и всего. Теперь к делу. Элдрич сторговал ООН свой Чу-Зи, сыграв на религиозных предпочтениях доброй половины членов Ассамблеи, включая и этого болвана Хепберн-Гильберта. Он сумел убедить их в том, что наркота вызывает подлинные перерождения. Так вот, все это чушь, Чу-Зи на это не способно. Самое скверное в нем — его солипсизм... Кэн-Ди наделяет индивида ценными интерперсональными переживаниями. Ваши соседи...— Лео неожиданно замолк и раздраженно поинтересовался: — Мисс Фьюгейт! Куда это вы все время пялитесь?

— Простите, господин Булеро,— пролепетала Рони Фьюгейт,— но под вашим столом кто-то сидит!

Лео заглянул под стол. Возле тумбы действительно сидело странное существо, уставившееся на него своими зелеными глазами.

— Пшел отсюда! — прошипел Лео и, обратившись к Барни, попросил: — Слушай, притащи-ка сюда швабру!

Барни тут же скрылся за дверью.

— Вот те раз,— протянул Лео.— Это ж надо, какая гадость... Хотелось бы знать, что все это значит...

Значить это могло лишь то, что Элдрич, принявший образ Моники, был прав... «Посмотрим, куда она тебя приведет...»

Тем временем тварь вылезла из-под стола и преспокойно направилась к двери. В следующее мгновение она протиснулась в щель под дверью и исчезла.

«Жуть какая. Хуже всех глюков вместе взятых...»

— Н-да...— произнес Лео.— Итак, мисс Фьюгейт, вы можете вернуться в свой кабинет. Обсуждать Чу-Зи в подобной обстановке вряд ли имеет смысл, ибо в данный момент я беседую единственно сам с собой.

Лео устало вздохнул. Да, ничего не скажешь, с Элдричем шутки плохи... Никуда ты от него теперь не денешься... Так ведь можно вечно кружить по этому дурацкому миру. Все, как он и говорил. Мир-эрзац. Вот влип, так влип.

— Мисс Фьюгейт, что вам непонятно? Ступайте на свое рабочее место.

Он поднялся из кресла и, подойдя к холодильнику, налил стаканчик холодной минералки. Воображаемая вода для воображаемого тела в присутствии воображаемого сотрудника.

— Кстати, мисс Фьюгейт,— поинтересовался Лео,— вы действительно стали любовницей господина Майерсона?

— Да, господин Булеро,— кивнула Рони,— я ведь уже говорила вам об этом.

— А вот мне вы отказали... Я для вас слишком стар и слишком продвинут. Но в этом мире у меня есть кое-какие способности. Скажем, я могу омолодить свое тело.

«Или состарить тебя. Интересно, что ты на это скажешь...» Лео выпил минералку и швырнул пустой стаканчик в урну. Стараясь не смотреть на мисс Фьюгейт, он мысленно произнес: «Тебе столько же лет, сколько и мне, и даже чуть побольше — скажем, девяносто два... Во всяком случае, в этом мире. Будешь знать, как перечить начальству. Сморщенное иссохшее тело, ни зубов тебе, ни глаз...»

Он услышал странный писк и сдавленный крик:

— Господин Булеро!

«Нет, нет, я передумал. Ты вновь стала такой же, какой и была. Забираю свои слова обратно». Он поднял глаза и по-

смотрел на то место, где всего минуту назад стояла Рони. Серая паутина, дрожащие ножки бледных поганок, провалы глазниц, поблескивающие белесой жижей, силящейся вновь стать глазами...

— Ты должна стать такой же, какой и была! — воскликнул Лео, зажмурившись.— Скажешь, когда это произойдет.

Шаги. Мужские шаги. В кабинете вновь появился Барни.

— Боже...— ошарашенно ахнул остолбеневший от ужаса Барни.

Так и не открывая глаз, Лео поинтересовался:

— Она так и не приняла свой прежний вид?

«Она? О ком это вы, мистер Булеро? И вообще — где Рони?»

Лео открыл глаза.

Теперь он не видел ни Рони, ни ее ужасного столетнего обличья — на месте давешнего столпа поблескивала лужица престранного вида. В лужице плавали сероватые плотные образования неправильной формы. И она жила своей собственной жизнью.

Густая липкая жижа, растекавшаяся по полу, стала вдруг стягиваться к центру лужи. Не прошло и минуты, как из серых плотных кусочков составилось нечто вроде головы с пустыми глазницами и длинными прядями бесцветных волос вокруг макушки. Это был череп какого-то нового, еще не ведомого миру существа, вызванного к жизни его, Лео, неосознанным желанием отомстить девушке, ввергнув ее в переживание самых темных сторон эволюционного процесса.

Челюсти, продолжавшие плавать по лужице, клацнули и стали мерно открываться-закрываться. Лео внезапно услышал:

— Понимаете, мистер Булеро, все дело в том, что до этого возраста она просто не дожила.— Голос при всей его странности мог принадлежать только Монике.— Ты заставил ее дожить до ста лет, в то время как она на деле проживет всего около семидесяти. Ты оживил то, что осталось от нее через тридцать лет после смерти. Более того, ты заставил ее останки эволюционировать! — Челюсти еще раз клацнули и тут же растворились в серой однородной массе. Та же участь постигла и не успевший толком сформироваться череп.

Барни пробормотал:

— Лео, выпусти нас отсюда!

Лео стоял ни живой ни мертвый от ужаса.

— Эй, Палмер! — пропищал он каким-то крысиным голосом.— Я хочу сказать тебе одну очень важную вещь, слышишь? Я сдаюсь, Палмер! Сдаюсь!

Ковер, лежавший у него под ногами, в один миг сгнил и обратился в мягкую зеленую массу. Лео вдруг понял: теперь он стоит на поросшей травой земле. Стены и потолок кабинета разом исчезли, обратившись в облако пыли, медленно оседавшей на землю. Над головой вновь глубокое синее небо, дышащее прохладой и покоем.

Рядом с ним сидела Моника. На коленях у нее лежала трость Палмера Элдрича, а рядом стоял чемоданчик с доктором Смайлом.

— Ты хотел, чтобы Майерсон остался с нами? — спросила девочка.— Я решила, что все, сотворенное тобой, нам сейчас не понадобится, верно? — Она посмотрела него с улыбкой.

— Верно,— согласно кивнул Лео. Он глянул по сторонам и с грустью отметил, что пыль его родной конторы уже осела. Он горестно вздохнул и стал отряхивать свой пиджак.

Моника довольно захихикала.

— Ибо прах ты, и в прах возвратишься...

— О'кей! — громко сказал Лео.— Я понял, можешь не беспокоиться. Все это было иллюзией, не так ли? Здесь хозяин ты, а не я, я же — никто, я — фантом!

Теперь он по-настоящему возненавидел Палмера Элдрича. «Если мне удастся бежать,— мелькнуло в сознании,— этому гаду...»

— Ну, ну! — остановила его девочка.— Тебе подобные обороты не к лицу! Я ведь не распространяюсь о том, что могу сотворить с тобой, если ты вконец обнаглеешь. Думаю, ты и сам догадываешься, какой может быть моя реакция. Верно, Лео?

— Верно,— нехотя отозвался Лео. Он сделал пару шагов назад, достал из нагрудного кармана пиджака носовой платок и отер выступивший на лице и шее пот. «Помоги мне, Боже,— взмолился он про себя.— Я сделаю все, что Ты хочешь, я отдам Тебе всю мою жизнь, только вызволи меня отсюда! Я болен и слаб. Этот мир доконает меня, пусть самого меня здесь нет, пусть тело это лишь эктоплазма, фантом...»

Его стало тошнить. Раз за разом Лео выворачивало наизнанку, и так продолжалось целую вечность. Когда приступ тошноты прошел и Лео стало получше, он вернулся к тому месту, где сидела Моника.

— Условия таковы,— сказала девочка сухо.— Наши компании заключают договор о деловом сотрудничестве. Нам понадобятся: сеть твоих рекламных спутников, система распределе-

ния и доставки — с использованием межпланетных кораблей последних моделей — и твои огромные венерианские плантации. Короче говоря, нам нужно все, Булеро. Свой лишайник мы будем выращивать там же, где ты сегодня разводишь Кэн-Ди. Торговцев и рекламных агентов менять мы тоже не будем — пусть уж этим делом занимаются настоящие профессионалы, типа Аллена и Шарлотты Фэйнов. Конкуренции меж Чу-Зи и Кэн-Ди не случится, поскольку будет существовать только один продукт — Чу-Зи. Ты же объявишь во всеуслышание о своем уходе из большого бизнеса. Ты понял меня, Лео?

— Разумеется,— пожал плечами Лео.— Надо быть последним идиотом, чтобы не понять.

— И ты это сделаешь?

— Ясное дело,— ответил Лео и набросился на ребенка.

Он схватил Монику за горло и принялся душить. Она, однако. даже не пыталась сопротивляться. Руки Булеро разжал только через несколько минут. Девочка была мертва.

Детское тельце недвижно лежало на траве. Если бы не багровые пятна на шее, можно было бы подумать, что девочка спит.

Лео Булеро стоял над нею, размышляя о том, к чему это привело в реальности. Означала ли смерть Моники гибель самого Элдрича?

Как бы то ни было, но мир, созданный Элдричем, не изменился ни на йоту, хотя по идее он должен был исчезнуть.

Лео стоял озадаченный, боясь пошелохнуться. Он принюхивался, он вслушивался в шум далекого ветра. Все в этом мире оставалось прежним, все, кроме девочки... «Почему?» — спрашивал себя Лео. Очевидно, он в чем-то ошибся — да вот только в чем?

Он наклонился и включил доктора Смайла.

— Объясните мне, что все это значит?

Доктор Смайл, не задумываясь, отрапортовал:

— Здесь он мертв, господин Булеро. В лунных же своих владениях...

— Понял,— оборвал доктора Лео.— Тогда скажите, как я могу выбраться отсюда? Как мне вернуться на Луну, в ту комнату...— Он неопределенно повел рукой.— Вы понимаете, что я имею в виду. Я говорю о реальном мире.

— В это самое мгновение,— ответствовал доктор Смайл,— Палмер Элдрич, донельзя рассерженный и обеспокоенный, готовится ввести вам в вену препарат, нейтрализующий Чу-Зи. В течение ближайших минут вы вернетесь в мир, назван-

ный вами реальным.— Доктор кашлянул и добавил: — Несколько минут пройдет там — здесь это займет чуть больше времени.

— На сколько больше? — насторожился Лео.

— Может пройти и несколько лет, и несколько дней,— ответил доктор Смайл.— Чувство времени — вещь субъективная. В каком-то смысле срок вашего пребывания здесь будет зависеть только от вас.

Лео сел на траву рядом с недвижным телом ребенка, тяжело вздохнул и мысленно приготовился к худшему.

— Я составлю вам компанию,— сказал доктор Смайл.— Разумеется, если вы не станете возражать. Хотя, если быть до конца откровенным, я боюсь, что без живительного присутствия мистера Элдрича...— Голос его действительно стал слабнуть.— Этот мир сотворен мистером Элдричем. Элдрич был его творцом и властителем. Без него здесь...

Голос Смайла окончательно стих.

Стих и далекий певучий ветер.

«Сколько времени я здесь пробуду? — спросил себя Лео.— Возможно ли найти какой-нибудь выход?»

Он принялся водить перед собою руками, силясь изваять реактивное такси.

Через минуту перед ним возникло бледное подобие требуемой машины — призрачное белесое облачко, отдаленно напоминающее своими очертаниями нью-йоркские такси. Лео чертыхнулся, поднялся с земли и, собрав все силы, сделал еще одну попытку. Облачко стало уплотняться, но тут с ним произошло нечто неожиданное — оно порвалось на дюжину совершенно плоских (!) кусков. Осколки разлетелись в разные стороны, тая на глазах. Лео сплюнул и зашагал прочь.

Он шел все дальше и дальше, пока не приметил в траве нечто странное. Он подошел поближе и увидел мертвого глюка. Лео пнул тварь носком башмака и с ужасом увидел, что глюк невеществен — нога прошла сквозь него, не встретив никакого сопротивления.

Булеро сунул руки в карманы брюк, зажмурил глаза и зашагал дальше. Теперь им владело единственное желание, и оно с каждой минутой становилось все сильнее и сильнее — желание покончить с Элдричем раз и навсегда, покончить не здесь — вернее, не только здесь,— но повсюду, и прежде всего *там*, как о том и писали газеты. Он хотел сделать это не для себя и даже не для того, чтобы спасти свою компанию и свой бизнес,— нет! Желание пробудили причины куда более серьезные:

Лео хотел сделать это ради всех обитателей Солнечной системы — ни больше ни меньше! Палмер Элдрич на деле оказался грозным недругом, безжалостным захватчиком, жаждущим переправить души живущих в этот странный, мертвый мир-обморок, составленный из наспех подогнанных друг к другу осколков чего-то иного. «Перевоплощение», обещанное им Хепберн-Гильберту, было таким же обманом, как и все остальное.

Незаметно для себя Лео описал широкий круг и вернулся к тому же месту, откуда пришел.

Перед чемоданчиком доктора Смайла кто-то сидел. Человек или, вернее сказать, гуманоид.

Увидев Лео, незнакомец выпрямился, подскочил на месте, блеснув своей совершенно лысой головой, и, не оглядываясь, понесся прочь.

Прокс.

Лео разом понял все. Палмер Элдрич населил свою страну тварями, подобными этой. Он вернулся в свою родную систему не один, а прихватил с собой и новых своих хозяев. Инопланетянин, увиденный им в этом странном месте, позволил Лео заглянуть в сокровенные глубины души Палмера Элдрича, которые могли быть неведомы самому Элдричу. Подлинными властителями страны грез были проксы.

Впрочем, возможен и принципиально иной вариант. Он, Лео Булеро, мог находиться на Проксиме.

В любом случае имело смысл отправиться по следу прокса.

Именно так Лео и поступил. Он шел час, другой, третий, но, как и прежде, повсюду, насколько хватало глаз, стелилась совершенно плоская равнина, поросшая пышными мягкими травами. Он уже начинал подумывать о том, что продолжать поиски подобным образом по меньшей мере неразумно, когда вдруг на горизонте появился некий объект. Лео подошел поближе и понял: перед ним звездолет неведомой конструкции! Таких кораблей не было не только на Терре, но и в системе Проксимы, и это настораживало Лео больше всего.

Рядом со звездолетом прогуливалась парочка существ престранного вида. Как и предполагал Лео, их нельзя отнести ни к людям, ни к проксам. Ничего подобного ему еще не доводилось видеть. Высокие стройные существа с тонкими, как спички, конечностями и огромными яйцевидными головами, производившими впечатление чего-то очень хрупкого. Лео тут же понял, что видит представителей неведомой миру высокоразвитой цивилизации, родственной, судя по всему, не проксам, но именно землянам.

Он поднял руку в приветственном жесте и медленно направился к ним.

Одно из существ тут же заметило его и, разинув от удивления рот, толкнуло в бок своего напарника. Какое-то время инопланетяне смотрели на Лео молча, затем первый сказал:

— Господи, Алек, это же одна из примитивных форм. Еще не человек, но уже и не обезьяна!

— Похоже, ты прав,— отозвался второй.

— Стойте! — закричал потрясенный Лео.— Вы же говорите на одном из языков Терры — на английском языке двадцать первого века! Вы что — общались с терранцами?

— Что значит — общались? — удивилось существо по имени Алек.— Мы и есть терранцы. Лучше скажи, кто ты сам, приятель? Такие, как ты, вымерли несколько столетий назад. Ну, может быть, не столетий, но...

— Вероятно, здесь им удалось выжить,— перебило Алека второе существо. Немного подумав, оно обратилось к Лео: — Скажи нам, сколько таких, как ты, на этой планете? Только давай так: говори все как есть! Есть ли среди вас женщины? Не утратили ли вы способность к размножению? — Оно вновь повернулось к своему спутнику.— Я думаю, с той поры прошло не так уж и много времени. Ты забываешь о том, что мы эволюционировали достаточно быстро — сто тысяч лет на год или что-то вроде того. Если бы не Денкмаль, эти дауны до сих пор...

— Вы сказали — Денкмаль? — воскликнул Лео. Вот оно что. Он видел перед собой конечный продукт Э-терапии. Судя по всему, от этих людей (а это все-таки были люди) его отделяло всего несколько десятилетий. Сейчас их разделяли миллионы лет, но это ощущение иллюзорно — Лео сам мог нагнать их, продолжи он свои сеансы. Главное, что отличало их от него,— полное отсутствие у них хитинового покрова.

— Я хожу в его клинику. Раз в неделю. В его мюнхенскую клинику. Я — один из самых продвинутых людей своего времени.— Лео подошел поближе к своим собеседникам и стал с интересом разглядывать их.— А где же ваш хитиновый покров? Что защищает вас от солнечной радиации?

— Вон ты о чем! Период мнимого потепления давно миновал! — усмехнулся Алек.— Это дел рук проксов! Проксов и Предателя. Ты о нем должен был слышать.

— Палмера Элдрича! — прохрипел Лео.

— Кого ж еще? — вновь усмехнулся Алек.— Но нам, людям, удалось совладать с ним. И произошло это не где-нибудь, но

именно на этой самой планете, точнее, на этом спутнике. Теперь это святыня. Конечно, не для нас, а для проксов... Они время от времени наведываются сюда, чтобы поклониться этим местам. Может быть, ты с ними даже встречался. Впрочем, бог с ними. Не слишком-то это и важно. Мы все равно их ловим как преступников. Здесь территория Солнечной системы, и единственная власть тут — ООН.

— Вокруг какой планеты вращается этот спутник? — спросил Лео.

Терранцы из будущего довольно улыбнулись.

— Вокруг Терры,— ответил Алек.— Это искусственный спутник. Его название — Сигма 14-Б. Он старый-престарый — наверное, еще в ваше время строили.

— Как знать,— пожал плечами Лео.— Выходит, что вы можете вернуть меня на Землю?

— Разумеется! — утвердительно кивнули оба терранца.— Более того, туда мы полетим уже через полчаса. Мы можем прихватить с собой не только тебя, но и всех этих собратьев. Скажи только, куда вас отвезти.

— Я здесь один,— сказал Лео, не в силах скрыть раздражения.— Не надо считать меня представителем какого-то доисторического племени. Нас разделяет всего несколько десятилетий, а это, согласитесь, пустяк!

«Интересно, как меня занесло в будущее?» — подумал он. Или это очередная иллюзия, предложенная ему мастером химер Палмером Элдричем? Чем эти люди из будущего отличаются от Моники, глюков и невесомой громады «Пэт-Комплект», обратившейся в ничто за считанные секунды? Будущее, измышленное Палмером Элдричем, терпеливо ожидавшим, когда же наконец он, Лео Булеро, очнется от транса. И только.

Лео посмотрел на звездолет и тут же понял, что ему явно недостает материальности — сквозь корпус корабля просвечивала линия горизонта. То же самое можно сказать и о терранцах из будущего: как Лео ни пытался, он не мог сфокусировать на них свой взгляд — образы их были слегка смазаны и лишены подобающей грубой телесности.

Он протянул первому терранцу руку:

— Позвольте поприветствовать вас!

Терранец Алек улыбнулся и подал Лео руку.

Пожать ее, однако, не удалось. С тем же успехом можно здороваться с тенью.

— Черт! — пробормотал Алек, отдернув руку.— Что все это значит? — Он повернулся к своему напарнику: — Этого парня вроде как нет. Нам следовало приготовиться к этому заранее. Как их называют? Я об этих несчастных, пожирающих страшную наркоту Проксимы. Чузеры — так, вроде? Значит, это совсем не человек, это — призрак.— Он выразительно посмотрел на Лео.

— Я, по-вашему, призрак? — изумился было Лео, но тут же понял, что так оно и есть. Здесь его быть не могло, ибо тело его все это время находилось на Луне.

Оставалось понять, откуда здесь могли появиться терранцы. Вполне возможно, они в отличие от окружающего пейзажа не имели к Палмеру Элдричу никакого отношения. Не иллюзия, не фантомы, а самые настоящие люди — из плоти и крови. Впрочем, теперь они и сами взирали на Лео еще внимательнее.

— Ты знаешь,— сказал Алек своему товарищу,— кажется, что я этого чузера уже видел. Точно, видел! Его фотография в газете была! — Он обратился к Лео: — Слушай, чузер, скажи нам, как тебя зовут?

— Лео Булеро.

Терранцы остолбенели.

— Вот те на! — воскликнул Алек.— Не мудрено, что я его узнал! Этот парень убил Палмера Элдрича! — Он обратился к Лео: — Ты ведь у нас герой, дружище! Могу поспорить, ты об этом понятия не имеешь. Ты ведь обыкновенный чузер! Ты вернулся сюда потому, что память...

— Он никуда не возвращался,— перебил Алека его напарник.— Он из прошлого.

— Ну и что из того? — возразил Алек.— Он был здесь *тогда,* а теперь снова вернулся. Верно, приятель? — Алек посмотрел на Лео.— Ты пришел сюда, поскольку это место связано с таким памятным событием, как убийство Палмера Элдрича? — Не дожидаясь ответа, он вдруг ринулся к звездолету.— Я хочу известить об этом газетчиков! — прокричал он на бегу.— Может быть, им удастся тебя снять. Только представь, мы с тобой стоим рядом с нашим кораблем, а под картинкою подпись: «Дух спутника Сигма 14-Б»! Теперь от туристов отбоя не будет! А ты, парень, того — особенно не расслабляйся,— не ровен час сюда *чузер* Палмера Элдрича пожалует! Представляю, как он тебя ненавидит! — Мысль об этом заметно расстроила Алека.

— Элдрич давно уже здесь,— ответил Лео.

Алек остановился как вкопанный.

— Не понял.— Он стал нервно озираться по сторонам: — Где он? Неужели где-то здесь?

— Он мертв,— ответил Лео.— Я его убил. Задушил этими вот руками.— Его вновь охватило отчаяние. Чему радоваться? Тому, что он задушил ребенка?

— Они, должно быть, повторяют эту сцену постоянно! — восторженно пробормотал Алек и покачал огромной яйцеобразной головой.

— Я ничего не повторяю! — возразил Лео.— Это происходит впервые! — И тут же сознание озарила чрезвычайно забавная мысль. *Этого* еще не произошло! Происшедшее относилось к сфере воображаемого.

— Ты хочешь сказать,— пробормотал Алек еле слышно,— что...

— Я сделаю это в ближайшее время,— подхватил Лео.— По крайней мере, один из моих скоперов считает подобный исход весьма вероятным.— Лео ни на минуту не забывал, что речь идет всего лишь о *вероятном* событии. Разумеется, Элдрич тоже был в курсе происходящего. Он устроил весь этот маскарад с одной-единственной целью — ему не хотелось умирать.

— Пойдем,— легким кивком головы Алек пригласил Лео следовать за ним.— Я хочу показать тебе мемориальную доску.

Лео недоуменно пожал плечами, однако решил последовать за провожатыми. Повернувшись к нему, Алек сказал:

— Проксы постоянно норовят... Как это? Рассквернить?

— Осквернить,— поправил его товарищ.

— Во-во! Они всю дорогу пытаются осквернить святыню.

Через пару минут они уже стояли перед гранитной колонной, точнее, перед ее имитацией. К памятнику крепилась небольшая медная табличка. Лео — вопреки всякому здравому смыслу — поднял взгляд и прочел следующее:

В 2016 ГОДУ НА ЭТОМ МЕСТЕ
УРОЖЕНЦЕМ ТЕРРЫ ЛЕО БУЛЕРО
БЫЛ ПОВЕРЖЕН ВРАГ НАШЕЙ СИСТЕМЫ
КОВАРНЫЙ ПАЛМЕР ЭЛДРИЧ

— Гип-гип-ура! — не смог сдержаться Лео. Он прочел надпись еще раз, и еще — буквы не исчезали.

— Интересно,— пробормотал он тихо.— Знает ли об этом Элдрич?

— Если он *чузер,* то, конечно, знает,— ответил Алек.— Дело в том, что Чу-Зи, говоря словами самого Палмера Элдрича,

вызывает «отголоски», то есть переносит чузера не только в иное пространство, но и в иное время. Вернее, в некое их подобие, или — как я уже сказал — «отголосок». Именно это с тобой и произошло. Ты попал в то время, когда тебя, судя по всему, уже не было в живых.— Он обратился к напарнику: — Ты не знаешь, жив Лео Булеро или нет?

— Конечно, знаю! — отозвался напарник.— Он умер лет сорок назад.

— По-моему, ты ошибаешься. Я недавно читал, что...— Алек внезапно замолчал и уставился куда-то в сторону. Его напарник и Лео посмотрели туда же.

К ним приближалась тощая, нескладная белая собака.

— Твоя? — спросил Алек.

Лео отрицательно замотал головой.

— Сдается мне, это тоже *чузер,*— решил Алек.— Видишь, как он просвечивает?

Собака пробежала мимо людей, не обратив на них ни малейшего внимания, и направилась к монументу.

Алек поднял с земли камешек и швырнул в пса. Камешек пролетел сквозь животное и упал в траву. Пес действительно был *чузером.*

Пес тем временем подбежал к гранитной колонне, задрав голову, посмотрел на медную табличку и...

— Он же все обосрет! — заорал Алек, побагровев от негодования. Он ринулся к памятнику, пытаясь выхватить на бегу лазерный пистолет, пристегнутый к широкому поясу.

— Ты хотел сказать — осквернит,— поправил Алека его невозмутимый напарник.

— Это — Палмер Элдрич! — пробормотал Лео. Элдрич явился сюда, чтобы выказать свое презрение и к памятнику, и к будущему. Он не боялся ничего. Собака глянула на людей своими наглыми желтыми глазами и не спеша потрусила прочь.

— Ты уверен в том, что это не твоя собака? — спросил Алек.— Ты здесь единственный *чузер,* верно? — Он подозрительно посмотрел на Лео.

Лео вздохнул и стал объяснять пришельцам из будущего всю свою историю, все злоключения. Ему очень хотелось, чтобы они поняли его. И вдруг оба терранца исчезли. Более того, вместе с ними исчезли и монумент, и бегущая собака, и поросшая нежными травами равнина. Впечатление такое, словно кто-то отключил проектор. Лео оказался в сверкающем белизной

пустом пространстве. «Свет,— пришел к выводу Булеро,— является частью истинной реальности...»

И вот Лео вновь оказался в лунной усадьбе Палмера Элдрича. Как и прежде, он сидел на стуле перед столиком, где лежало странное электронное устройство.

Устройство проговорило:

— Да, я видел этот памятник. Вероятность его появления составляет около сорока пяти процентов. Как видишь, иной исход более вероятен, так что волноваться мне рано. Будешь курить? — Резиновое щупальце вновь предложило Лео зажженную сигару.

— Нет, спасибо,— ответил Лео.

— Я хочу отпустить тебя на какое-то время,— сказало устройство.— Скажем, на двадцать четыре часа. Ты сможешь вернуться в свою контору и еще разок пораскинуть мозгами. Ты видел Чу-Зи в действии и теперь понимаешь, что допотопному Кэн-Ди до него далеко. Соответственно...

— Чушь какая,— перебил Лео.— Кэн-Ди куда совершенней!

— Ладно, ладно,— сказало устройство примирительным тоном.— Об этом ты тоже подумаешь.

— Хорошо,— кивнул Лео, поднимаясь со стула. Неужели он действительно побывал на спутнике Сигма 14-Б? Ладно, пусть теперь поработают Феликс Блау и его волкодавы. Ему же сейчас следовало думать о другом — он все еще находился во власти Палмера Элдрича.

И мог обрести свободу единственно по доброй воле самого Элдрича. Иного выхода попросту не существовало.

— Хочу подчеркнуть еще раз,— дребезжало устройство,— этот небольшой отпуск — акт моей доброй воли. Думаю, ты и сам это понимаешь. В любой момент я мог бы поставить в этой истории точку. Закончить, так сказать, твою и без того краткую жизнь. Однако заметь, я пока терплю. Надеюсь, ты оценишь это должным образом.

— Я обо всем подумаю,— буркнул Лео. Он чувствовал себя, мягко говоря, изрядно измочаленным. Подобное случалось, когда он перебирал кофе — в голове муть, в ушах трезвон, ноги ватные. Лео молча распахнул дверь и вышел в коридор.

Он уже ступил за порог, как из комнаты донеслось:

— Если ты, Лео, так ничего и не надумаешь, ждать я не буду. Мне придется убить тебя, ибо в противном случае ты убьешь меня. Надеюсь, ты понимаешь?

— Еще бы! — буркнул в ответ Лео и тут же захлопнул за собой дверь.

«Я вынужден поступить точно так же,— подумал он.— Убить тебя. Зачем только мы употребляем это страшное слово? Почему бы не пользоваться тем же термином, который мы употребляем, говоря о животных? Усыпить тебя. Усыпить тебя на веки вечные.

Я должен поступить так не ради собственной шкуры, но ради тех, кто живет в Солнечной системе. Вот моя опора, вот что дает мне силы, Палмер. И если ты не понимаешь этого, ты не понимаешь ничего. Я сделаю это ради тех ребят, которые охраняют памятник на Сигме, ибо в противном случае им просто нечего будет охранять».

В дальнем конце коридора Булеро увидел толпу журналистов — они спешили на встречу с Палмером Элдричем. Палмер сказал правду: в этом мире Лео отсутствовал всего несколько секунд.

Он присоединился к журналистам и сразу же почувствовал себя лучше. Похоже, теперь Элдрич действительно отпустил его. Он вновь может радоваться жизни — видеть, чувствовать, обонять прекрасный, яркий, настоящий мир!

И все же в глубине души Лео знал, что это совсем не так. Элдрич не отпустит его так просто. Один из них должен был забыться вечным сном.

Лео надеялся, что это будет не он. Стараясь успокоиться, он вспоминал давешний памятник. Однако особой уверенности воспоминания не приносили. И оттого ему было особенно тоскливо.

Глава 7

Дверь в кабинет Барни Майерсона распахнулась, и на пороге появился осунувшийся, посеревший от усталости Лео Булеро.

— Ты даже не пытался помочь мне, Барни.

Барни кивнул. Объяснять Булеро причины своих поступков бессмысленно, ибо они наверняка показались бы ему неубедительными и смехотворными.

— Майерсон, ты больше у меня не работаешь!

«Уж лучше быть безработным, чем вовсе исчезнуть,— подумал Барни.— Отправься я на поиски Лео, и получился бы свеженький труп».

Непослушными пальцами он стал собирать со стола свои вещи и складывать их в пустую коробку из-под образцов.

— Где мисс Фьюгейт? — спросил Лео.— Твое место займет именно она! — Он подошел к Барни и испытующе посмотрел ему в лицо.— *Почему* ты этого не сделал?

— Я заглянул в будущее. Это стоило бы мне слишком многого. Если уж говорить начистоту, то за это я поплатился бы собственной жизнью.

— Но разве на Луну не могли слетать другие? Компания у нас, слава богу, не маленькая, есть кого послать! Или я в чем-то не прав?

Разумеется, Лео Булеро был совершенно прав. Самым же поразительным было то, что столь простая идея не могла прийти в голову самому Барни.

— Единственный вывод, который я могу сделать, заключается в том, что ты *хотел* моей смерти. Иначе объяснить твое поведение попросту невозможно. Я могу допустить, что желание крутилось у тебя в подсознании. Надеюсь, что это так, Барни?

— Скорее всего,— кивнул Барни. Он действительно мог отдаться на волю темных мыслишек. Отсутствуй в нем подобное желание, и он наверняка последовал бы совету Феликса Блау — направил бы на Луну охранников из «Пэт-Комплект». Самое простое и самое разумное решение. Более того — оно очевидно.

— Ты себе даже не представляешь, каково мне там пришлось, в усадьбе Палмера Элдрича! — ворчал Лео.— Он самый настоящий колдун, Барни. Он делал со мной все, что хотел. Ни мне, ни тебе о подобных вещах не доводилось даже слышать! Сначала он превратился в маленькую девочку, потом — как будто невзначай — приоткрыл мне будущее, затем сотворил целый мир, в котором, помимо прочего, живут злые глюки, питающиеся кровью. В том же самом мире есть и свой Нью-Йорк, там живете и вы с Рони. И так далее, и тому подобное.— Он сокрушенно покачал головой.— И куда же ты теперь отправишься, Барни?

— Я могу отправиться только в одно место.

— И что же это за место? — насторожился Лео.

— Вы сами знаете, что мои провидческие таланты могут понадобиться только одному человеку.

— Так, значит, ты мой враг? — ахнул Лео.

— Выходит, что так. Тебе оно теперь виднее.

— Ничего, ничего! Если я с этим чокнутым колдуном, с этим якобы Элдричем смог сладить, то с тобой-то я разберусь и подавно!

— Что значит «якобы»? — Барни перестал собирать вещи и уставился на Булеро.

— А то и значит! Я нисколько не сомневаюсь, что он — не человек! Я видел его только тогда, когда находился под действием Чу-Зи. Все остальное время он общался со мной через дурацкую электронную штуковину.

— Вон оно как! — удивился Барни.

— Да, я не оговорился. Именно так все и было! Ты же извратился настолько, что готов служить кому угодно, лишь бы тебе деньги вовремя платили! Что, разве не так? Твой Элдрич может оказаться замаскированным проксом или чем-то еще похлеще! Пока он летал на Проксиму, кто-то или что-то забралось в его корабль и сожрало его подчистую! Если бы ты увидел этих глюков...

— О господи! — вздохнул Барни.— Тогда зачем вы меня выгоняете? Оставьте все как есть.

— Не могу, Барни. Ты ведь меня все-таки предал.— Лео смотрел куда-то в сторону.— Поверь, мне больно поступать так...— Он вдруг сжал кулаки.— Это было по-настоящему ужасно. Он практически сломил меня. Мне здорово помогла встреча с парочкой терранцев из будущего. Но этот мерзавец Элдрич тут же появился в облике эдакого дрянного пса. Он выразил свое отношение к происходящему, помочившись на одну из святынь будущего. Он не боится никого и ничего — даже надпись на мемориальной доске его ничуть не смутила!

— Пожелайте мне удачи,— сказал Барни, протянув своему недавнему шефу руку. После ритуального холодного рукопожатия Барни вышел в приемную, а затем в коридор. Он чувствовал себя опустошенным, ему казалось, что голова набита соломой. Жухлой прошлогодней соломой.

Он вызвал лифт, и в то же мгновение к нему подбежала раскрасневшаяся, взволнованная Рони Фьюгейт.

— Барни, он выгнал тебя?

Майерсон молча кивнул.

— Миленький ты мой! — пробормотала она.— И что же ты собираешься теперь делать?

— Я перейду на другую сторону. Иных вариантов у меня просто нет.

— Но как же мы сможем жить вместе? Я буду работать у Лео, а ты...

— Понятия не имею! — ответил Барни. Двери лифта раскрылись, и он вошел вовнутрь.— Пока! — Он нажал на кнопку.

«Встретимся мы, похоже, только в том месте, которое неохристиане называют адом,— подумал он,— не раньше. Впрочем, может быть, мы и так уже в аду — уж больно здесь страшно».

Спустившись на нулевой уровень, он вышел из здания «Пэт-Комплект» и, укрывшись под антитермальным козырьком, стал дожидаться такси.

Не прошло и минуты, как перед ним остановилась машина. Он уже направлялся к ней, как вдруг его окликнул голос Рони:

— Барни, постой!

— Ты с ума сошла! — проворчал он.— Иди-ка ты лучше на свое новое рабочее место. Из-за такого ничтожества, как я, ты можешь всю карьеру себе испортить!

— Ты, наверное, забыл, что мы собирались работать вместе. Я ушла бы вместе с тобой от Лео, и мы стали бы работать на пару. Помнишь?

— Теперь все изменилось. Причина же всего скрыта в моем нежелании лететь на Луну и помогать Лео.— Барни говорил совершенно искренне — в эту минуту он прямо-таки ненавидел себя и свое болезненное малодушие.— На самом деле, милая, тебе не следует оставаться со мной. Когда-нибудь ты можешь попасть в беду, когда-нибудь тебе может понадобиться моя помощь. Я же поступлю с тобою так, как поступил с Лео. Понимаешь? Ты погибнешь у меня на глазах, а я даже пальцем не шевельну для того, чтобы тебя спасти!

— Но ведь твоя собственная жизнь была...

— Так и должно быть. Когда человек делает что-то стоящее, жизнь его при этом оказывается поставленной на карту. Так уж устроен наш мир, милочка.

Пустые, напыщенные фразы, попытка хоть как-то себя оправдать. Ладно, по крайней мере он сказал честно. Барни залез в такси, назвал адрес своего дома и, откинувшись на спинку мягкого сиденья, прикрыл глаза. Рони Фьюгейт все еще стояла под козырьком. Наверное, она надеялась, что Барни передумает и вернется к ней...

Он, однако, этого не сделал.

«Для того чтобы честно посмотреть в глаза самому себе и назвать вещи своими именами, потребно немалое мужество,— размышлял Барни.— Я поступил дурно. И буду поступать так

же и впредь. Это зло, эта грязь исходят из моей подлинной сущности, которую я пытаюсь всячески приукрасить...»

Такси снижалось. Барни полез в карман за бумажником и вдруг с ужасом понял, что назвал чужой адрес. Это был дом 492. Он назвал адрес Эмили.

Вот тебе и раз! Он оказался в собственном прошлом. Там, где все обладало значением и смыслом. «Тогда я знал, что мне нужно,— подумал он с тоской.— Я знал, что мне следует делать и зачем. Теперь же...»

Он пожертвовал карьерой, спасая свою жизнь. Когда-то по той же самой причине он пожертвовал Эмили. Он бросил ее на произвол судьбы, спасая собственную шкуру. Все просто как дважды два. Ничего возвышенного, ничего морально чистого Барни не совершил, сколько бы он себя потом ни пытался убедить. Его поступки определялись самыми примитивными инстинктами, и в этом он ничем не отличался от каких-нибудь ленточных червей.

«Господи! Я ведь действительно предал их. Сначала Эмили, потом Лео! Не скажи я правду Рони, и с нею рано или поздно произошло бы то же самое...

Может быть, Эмили как-то поможет мне? Может быть, именно по этой причине я оказался не где-нибудь, но именно здесь? Она прекрасно разбирается в подобных вещах. Как бы я ни старался уйти от реальности, как бы ни пытался оправдать свои поступки, она возвращала меня на грешную землю, что, естественно, не могло не раздражать меня. Кто знает, возможно, именно это качество Эмили побудило меня бросить ее. Остается надеяться, что сейчас я буду реагировать на нее как-то иначе».

Вскоре он уже звонил в дверь Эмили.

«Если она скажет, что я должен поступить на службу к Палмеру Элдричу, я так и сделаю. Если же она скажет "нет", я воздержусь от этого. Впрочем, она и ее нынешний муж заключили с Элдричем выгодный контракт, и считать ее незаинтересованной стороной уже невозможно...»

Дверь открылась, и он увидел перед собой Эмили. Она была одета в синий халатик, перепачканный глиной.

— Это я,— смущенно пробормотал Барни.— Ты представляешь, Лео вышиб меня с работы!

В ответ Эмили не сказала ни слова.

— Может быть, ты пустишь меня в дом? — спросил он тихо.

— Да, да, конечно.— Она впустила его в квартиру и провела в гостиную. Посреди комнаты стоял хорошо знакомый гончарный круг.

— Я как раз работала. Мне очень приятно видеть тебя, Барни. Если хочешь кофе, можешь...

— Я пришел к тебе за советом,— перебил ее Барни.— Впрочем, теперь я понимаю, что это ни к чему.— Он подошел к окну, поставил коробку с вещами на подоконник и посмотрел на улицу.

— Ты не будешь возражать, если я займусь работой? У меня возникла одна хорошая идея. По крайней мере, мне она нравится...— Эмили потерла виски.— Сказать честно, я так от всего устала... Может быть, это как-то связано с сеансами Э-терапии.

— Э-терапии? — удивился Барни.— Ты стала посещать сеансы? — Он повернулся к ней.

Ему показалось, что черты ее лица стали более грубыми. Впрочем, ничего удивительного — Барни не видел Эмили уже несколько лет.

«Возраст свое берет. И все же...»

— Ну и как тебе процедуры? — спросил он.

— Я побывала на них всего только раз. Честно говоря, у меня до сих пор голова кругом идет. Представляешь, никак не могу собраться с мыслями!

— Я бы на твоем месте одним сеансом и ограничился. Мода на стимуляцию мозга рано или поздно пройдет. Касательно же сказок о том, что миром правят продвинутые люди, могу сказать только одно: кто платит деньги, тот и заказывает музыку!

— Может быть, ты и прав. Но, знаешь, они оба остались довольны мной. И Ричард, и доктор Денкмаль.— Она склонила голову набок.— Будь со мной что-нибудь не так, они тут же обратили бы на это внимание.

— Видишь ли, сфера эта такова, что наперед никто ничего не знает. Выброси ты все это из головы! Ты просто привыкла, что на тебе все ездят, и других к этому приучила! — Барни говорил с ней нарочито грубо. Раньше такой прием обычно срабатывал.

На сей раз, однако, ничего не вышло. Она поджала губы и с вызовом посмотрела на него.

— Знаешь что, родимый, не лез бы ты не в свое дело, а? Что до меня, то я думаю продолжить эти сеансы.

Барни пожал плечами и стал расхаживать из угла в угол. Он не мог повлиять на нее, но это его особенно и не волновало.

Так же как не волновала его и она сама. Впрочем... Да, конечно, он врал себе... Эмили ему далеко не безразлична. Он представил себе деградирующую Эмили, пытающуюся лепить свои горшки, творить и... Ему вдруг стало страшно.

— Слушай! — проговорил он резко.— Если этот тип действительно любит тебя...

— Я уже все сказала,— отрезала Эмили.— Ты ведь знаешь — я своих решений никогда не меняю! — Она вернулась к работе — большой высокой вазе.

Барни стал оценивающе рассматривать ее. «Красивая. Вот только... По-моему, я ее уже видел». Однако решил лучше помолчать.

— И что же ты теперь собираешься делать? — нарушила тишину Эмили.— На кого ты будешь работать? — Она явно сочувствовала ему.

Барни вдруг вспомнил, что накануне он отклонил ее работы. Эмили вправе обидеться, но это не в ее правилах.

— Судя по всему, мне придется покинуть Терру,— ответил он.— Я получил повестку.

— О боже! Не могу представить, как ты вдруг окажешься где-нибудь на Марсе!

— Нет худа без добра,— грустно усмехнулся он.— Я буду целыми сутками жевать Кэн-Ди.

«Вот только прихвачу я с собой не комплект Крошки Пэт, а комплект Эмили,— заметил Барни про себя.— И я вновь вернусь к тебе, любимая. Вернусь туда, где был по-настоящему счастлив... Каким же идиотом надо быть, чтобы по собственной воле оставить все...»

Разумеется, тогда он и представить себе не мог, что же именно он теряет. Ему просто не с чем было сравнивать его тогдашнюю жизнь.

— Скажи, Эмили, мог бы я рассчитывать на то, что однажды ты приедешь ко мне?

Она замерла от неожиданности.

— Я говорю серьезно,— добавил Барни.

— Когда ты это надумал? — спросила Эмили шепотом.

— Это не имеет значения. Главное — чувство.

— Но чувствуешь ведь не только ты — чувствую и я,— сказала Эмили тихо.— Я должна сказать, что мы с Ричардом прекрасно ладим, и потому такая постановка вопроса кажется мне, мягко говоря, странной.

Лицо Эмили оставалось совершенно безмятежным. Разумеется, она говорит совершенно искренне.

Он был проклят, он был обречен провести остаток жизни в пустоте и холоде скорбного одиночества... И он получил по заслугам. Это понимал не только сам Барни, это понимала и Эмили.

— Я, пожалуй, пойду...

Эмили не стала возражать. Напротив, согласно кивнула.

— Остается надеяться, что это не деградация,— проговорил Барни.— Я о тебе, Эмили. Мне кажется, с тобой происходит что-то неладное. Ты посмотрела бы на себя в зеркало!

С этими словами он вышел из квартиры и хлопнул дверью. Теперь он сожалел о сказанном, одновременно с этим понимая, что не сказать об этом не мог — может быть, его слова сыграют в ее судьбе не последнюю роль.

«Я ведь все вижу. И не хочу, чтобы это произошло. Этого не хочет никто. В том числе и нынешний болван-муженек. Судя по всему, он считает женитьбу чем-то весьма и весьма серьезным». Судьба подарила ей в супруги Ричарда Хнатта, и это означает, что ему, Барни Майерсону, надеяться больше не на что. Невозможно направить время вспять.

«Разве что с помощью Кэн-Ди,— усмехнулся он про себя.— Или этого нового препарата Чу-Зи. Все колонисты долбят наркоту. На Земле транслятор днем с огнем не сыщешь, в колониях же нет ни одного места, где не припрятано хоть немного волшебной дури, заживляющей все душевные раны и невзгоды».

Если он проиграет, ему останется только жевать отраву.

Похоже, он уже проиграл, ибо...

На самом деле он не мог пойти к Палмеру Элдричу. То, что этот человек сделал или, по крайней мере, пытался сделать с Лео, начисто отбило у Барни охоту обращаться к нему. Тем более по вопросу устройства на работу. Барни понял это, поджидая такси. Полуденное солнце раскалило воздух. Можно свариться и под защитным козырьком. Если же сделать пару шагов в сторону, то через несколько минут превратишься в горелую запеканку. Только дымок закружится. И никто даже не хватится — он никому не нужен...

«Прости-прощай, последняя надежда. Представляю, как радовался бы Лео, узнай он, что творится со мной. Подобные ситуации его всегда забавляли.

И все же — все же я позвоню Элдричу! Пусть хоть что-нибудь ответит. Не может же он в самом деле промолчать!»

Барни быстро нашел видеофонную будку и набрал номер лунного поместья Элдрича.

— С вами говорит Барни Майерсон,— объяснил он менеджеру компании.— До сего дня я работал руководителем Отдела прогнозов «Пэт-Комплект». На деле я был вторым лицом в фирме. Надо мной стоял один только Лео Булеро.

Менеджер нахмурился и озадаченно спросил:

— Очень приятно с вами познакомиться. Чего же вы хотите от нас?

— Я хотел бы получить у вас работу.

— Мне не хочется расстраивать вас, но нам не нужны скоперы! Нам не приходится прибегать к их помощи. Не та, знаете ли, специфика.

— И все же не могли бы вы обратиться с этим вопросом к самому Палмеру Элдричу?

— В этом нет никакого смысла, тем более что он уже высказал свое мнение по этому поводу.

Барни повесил трубку и вышел из будки.

Он не только не расстроился, но даже не удивился.

Мало того, в глубине души он знал, что, пригласи они его на Луну, он полетел бы туда с одной-единственной целью. Сначала он убедился бы в том, что они берут его, а затем послал бы их подальше.

Он вновь вернулся в будку и набрал номер своего призывного пункта.

— С вами говорит Барни Майерсон.— Он назвал свой официальный цифровой код.— Недавно я получил повестку. Мне не хотелось бы тянуть с отправкой. Я предпочел бы отправиться в ближайшее время.

— Медицинскую комиссию вам придется проходить в любом случае,— проинформировал его чиновник из ООН.— Кроме того, вы должны пройти и психологическое тестирование. Разумеется, в любое удобное для вас время — хоть сейчас!

— Я буду у вас через несколько минут.

— Поскольку инициатива в данном вопросе исходит от вас, вы могли бы выбрать ту...

— Меня устраивает любая планета! Я согласен даже и на спутник!

Барни повесил трубку и уже через минуту поймал такси. Расположившись на сиденье поудобнее, он назвал адрес призывного пункта.

Они уже приближались к центру Нью-Йорка, как вдруг прямо по курсу возникла появившаяся неведомо откуда машина. Она тревожно сигналила бортовыми огнями.

— Они пытаются связаться с нами,— известил Барни бортовой компьютер.— Вы хотите ответить им?

— Нет. Прибавь скорости,— буркнул Барни и тут же, передумав, добавил: — Ты можешь узнать, кто это?

— Для этого мне надо связаться с ними по радио,— какое-то время автопилот молчал.— Они говорят, что их послал к вам Палмер Элдрич. Он с удовольствием примет вас на работу в правление своей компании, и потому...

— Повтори еще раз!

— Мистер Палмер Элдрич через своих представителей сообщает, что согласен принять вас на работу, хотя по действующим в его компании правилам...

— Дай-ка я поговорю с ними сам!

К его лицу тут же придвинулся микрофон.

— С кем я говорю? — спросил Барни.

Незнакомый мужской голос ответил:

— Это Ихольц. Я работаю в бостонском филиале «Ассоциации производителей Чу-Зи». Предлагаю вам приземлиться в каком-нибудь спокойном, тихом местечке и обсудить все проблемы, связанные с вашим трудоустройством.

— Дело в том, что в настоящий момент я направляюсь на призывной пункт. Хочу записаться в отряд колонистов.

— Надеюсь, вы еще ничего не подписывали?

— Ничего.

— Прекрасно. Это самое главное.

— На самом деле, я с нетерпением жду момента, когда приземлюсь на Марс и попробую наконец Кэн-Ди!

Ихольц кашлянул и полюбопытствовал:

— Это еще вам зачем?

— Так я смогу вернуться к Эмили!

— К Эмили? Кто это?

— Моя бывшая жена. Я выгнал ее только потому, что она ждала от меня ребенка. Теперь я понял, что годы, проведенные с нею, были самым счастливым временем моей жизни. Честно говоря, сейчас я люблю ее куда сильнее, чем тогда. Чувство не ослабло, нет. Оно стало только сильнее, сильнее и чище!

— Ну, это не беда,— усмехнулся Ихольц.— Мы можем снабдить вас таким количеством Чу-Зи, что о каком-то там Кэн-

Ди вы и думать забудете. Вы попадете в мир, где, кроме вас и Эмили, не будет никого. И мир этот вечен. Вы представляете, как это чудесно? Вы, она и вечность...

— Кто знает, может, я не захочу работать на Палмера Элдрича.

— Но разве не вы предложили нам свои услуги?

— Так-то оно так, да вот только есть у меня на этот счет кой-какие сомнения,— ответил Барни.— Давайте договоримся: если меня не призовут, я вам позвоню. Мне звонить не стоит.— Он вернул микрофон на прежнее место.— Все. Можешь его вырубить.

— Я смотрю, вы патриот,— заметил автопилот.— В наши дни редко кто добровольно отправляется на службу!

— Занимайся своим делом,— бросил в ответ Барни.

— Думаю, вы поступаете правильно,— задумчиво прожужжал автомат.

— Если б я отправился на Сигму 14-Б спасать Лео...— пробормотал Барни.— Или это была Луна? Впрочем, теперь уже не важно... Приди я на помощь Лео, он бы меня не выкинул, и все у меня было бы в полном порядке... Охо-хо-хо-хо...

— Зря вы так расстраиваетесь,— опять заговорил автопилот,— от ошибок никто не застрахован.

— Ошибка ошибке рознь,— ответил Барни.— Бывают и фатальные ошибки. Сначала Эмили. Эмили и дети. Потом Лео Булеро...

Больше автомат не проронил ни слова.

«В один прекрасный день,— бормотал про себя Барни,— мы делаем нашу последнюю ошибку. Ошибку, перечеркивающую всю жизнь. Можно поступить на работу в компанию Палмера Элдрича. Можно записаться в добровольцы и отправиться куда-нибудь на Марс. Что теперь ни выбери, куда ни кинься, получается: непоправимое уже свершилось».

Барни быстро прошел медицинскую комиссию, потом его протестировал психиатр, кстати, удивительно походивший на доктора Смайла.

Он проскочил и этот этап.

В состоянии, близком к обмороку, он произнес слова присяги («Клянусь относиться к Земле, как к матери и владычице...»), после чего его отправили домой собирать вещи, всучив напоследок гигантский гроссбух со всей необходимой начинающему колонисту информацией. До отправления корабля оставалось ровно двадцать четыре часа. Место назначения держа-

лось в тайне. Он представлял себе предписание, начинающееся со слов: «Мене, мене, текел»*. Сам он начал бы его именно так.

Барни ощутил разом и радость, и облегчение, и ужас, и грусть. И все же самым острым и самым сильным было совсем иное чувство — всепроникающее осознание полного краха. «Ничего, ничего,— пытался успокоить себя Барни,— уж лучше жить где-нибудь на Марсе, чем греться на здешнем солнышке».

Впрочем, пустые, лишние слова. И не более.

Вся разница состояла лишь в том, что *там это происходило медленнее.* Здесь он умер бы почти мгновенно, там умирание могло продолжаться десятилетиями. Хотя медленный процесс все-таки предпочтительнее. Самое главное, при необходимости всегда можно ускорить развязку. В колониях для этого есть все необходимое.

Едва Барни начал укладывать вещи, как зазвонил видеофон.

— Мистер Байерсон,— судя по всему, эта молоденькая девчушка работала в одном из второстепенных отделов Колониального Департамента ООН. Уж слишком широко она улыбалась.

— Майерсон.

— Да, да, простите меня, бога ради! Я звоню, чтобы сообщить о месте вашей *приписки.* Вам страшно повезло, мистер Майерсон. Это плодородная зона Марса, известная под именем Файнберг-Кресчент! Я уверена в том, что вам там понравится! Успеха вам, сэр!

Экран уже угасал, а девушка все еще улыбалась. Это была улыбка человека, остающегося дома.

— И тебе всего хорошего, милочка! — сказал Барни.

Файнберг-Кресчент... Он уже слышал об этом месте. Там действительно что-то росло. По крайней мере, колонисты в этом районе занимаются огородничеством. А ведь Марс по большей части — совершенно безжизненная метановая пустыня. Пустыня, над которой свирепствуют жестокие бури, не позволяющие колонистам выходить из своих подземных жилищ. Здесь же он сможет позволить себе пройтись по Марсу. Чего Барни не любил, так это долгого сидения взаперти...

---

* См: Дан., 5:25–27: «И вот что начертано: *мене, мене, текел, упарсин.* Вот и значение слов: *мене* — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; *текел* — ты взвешен на весах и найден очень легким». *(Прим. пер.)*

В углу гостиной стоял чемоданчик доктора Смайла. Барни включил рубильник:

— Док, ты, наверное, мне не поверишь, но я в ваших услугах больше не нуждаюсь. Как сказала девочка, которая никуда не летит,— удачи вам, сэр! — Чувствуя, что Смайл не понимает смысла его речей, он добавил: — Меня забрили, док.

— Дррр-гррр! — проскрежетал доктор.— Но ведь с вашим психотипом это практически невозможно! Что произошло, мистер Майерсон? Что вас подтолкнуло к этому?

— Желание смерти,— ответил Барни и тут же выключил агрегат. «Какой кошмар! — думал он, продолжая собирать вещи.— Совсем недавно у нас с Рони были прямо-таки наполеоновские планы: мы собирались по-крупному продать Лео и с шумом перейти к Палмеру Элдричу. И что же? А вот что! Лео нас опередил!

Теперь в моем кресле сидит Рони. Именно к этому она и стремилась. Больше в этой жизни желать ей нечего».

Чем больше Барни размышлял, тем сильнее вскипала в нем ярость. Но что он мог сделать теперь? На что реально повлиять? В этом мире он уже никто. Оставались лишь миры, порождаемые Кэн-Ди и Чу-Зи, его миры...

В дверь постучали.

— Привет,— на пороге появился Лео.— Ты позволишь мне войти? — Он вытер свой широченный лоб платочком.— Жарища стоит прямо несусветная. В газетах пишут, будто вчера температура поднялась еще на шесть десятых вагнера!

— Если ты пришел для того, чтобы отменить свое недавнее решение,— проворчал Барни,— то ты немного опоздал. Теперь я человек подневольный. Не далее как завтра я улетаю в Файнберг-Кресчент, планета Марс.

«Вот будет смеху, если Лео пришел ко мне мириться! — подумал Барни.— Воистину судьба слепа!»

— Я никоим образом не предлагаю тебе вернуться назад. Что до твоего назначения в Файнберг-Кресчент, то об этом я узнал раньше тебя. Зря, что ли, мои агенты зарплату получают? Помимо прочего, со мной и доктор Смайл связан...

— Чего же ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты поступил в распоряжение Феликса Блау. Мы с ним все обговорили.

— Остаток своей жизни я хочу провести в Файнберг-Кресчент,— тихо сказал Барни.— Неужели это непонятно?

— Не надо так нервничать, Барни! Я пытаюсь найти хоть какой-то выход из этой, прямо скажем, скверной ситуации. Заметь, твоя судьба мне небезразлична! Мы оба явно погорячились: я в два счета выгнал тебя, ты направился прямиком к этим дракулам из Департамента колоний... Ну да ладно, перейдем к делу. Я, похоже, знаю, как мы можем обставить Палмера Элдрича. Я поделился своей идеей с Блау, и он ее тут же одобрил. Ты должен будешь сыграть роль. Ты станешь колонистом и вольешься в одну из реально существующих групп. В ближайшие дни — скорее всего, в начале будущей недели — Элдрич доставит в ваш район первую порцию Чу-Зи. Они могут обратиться и к тебе, понимаешь? Мы очень рассчитываем на это.

Барни встал.

— И я должен тут же откликнуться на их предложение, верно?

— Да.

— Но почему?

— Ты должен будешь подать в ООН официальную жалобу. Наши ребята напишут ее за тебя, можешь не беспокоиться. Ты заявишь, что этот страшный, омерзительный препарат на деле обладает высокой токсичностью. Мол, его действие отразилось на твоем здоровье, и все такое прочее. Ясно? Мы устроим показательное дело, в результате чего Чу-Зи попадет в список запрещенных к употреблению и производству препаратов. Соответственно на Терре его уже не будет. Честно говоря, я даже рад, что ты ушел от нас именно сегодня. Тебе выпала великая честь спасти нашу компанию от полного разорения! Гордись, Барни!

Барни покачал головой.

— Что это значит? — спросил Лео.

— Я в такие игры не играю.

— Это еще почему?

Барни пожал плечами. Ответить ему действительно нечего.

— Видишь ли, Лео, после того, как я оставил тебя...

— Ты просто поддался панике, Барни. Ты даже не сумел сообразить, что же тебе следует делать. Твоей вины здесь нет. Если кто в том и повинен, так это я сам. Мне следовало связать Смайла не с тобой, а с шефом охраны нашей фирмы, Джоном Зельцером. Так что не думай об этом. Давай лучше так — кто старое помянет, тому глаз вон!

— Нет,— покачал головой Барни.— Я так не могу.

«Того, что я узнал о себе, мне не забыть по гроб жизни,— подумал он.— Нутро, исполненное яда и скверны,— подлинный мой лик».

— Бога ради, оставь ты эти терзания! Это же полный идиотизм! Тебе ведь еще жить и жить. Пусть даже на Файнберг-Кресчент! Тебя ведь все равно призвали бы. Ты согласен со мной? — Лео стал возбужденно расхаживать из угла в угол.— Какой бред, господи, какой бред! Ладно, Барни, ты можешь не помогать нам! Пусть Палмер Элдрич и его молодцы с Проксимы захватывают нашу любимую систему, пусть они подчиняют себе всю Вселенную. Наплевать! Только подумать — его обидели, и вот теперь из-за этого должен погибнуть весь мир! — Он устремил на Барни пылающий, исполненный негодования взор.

— Позволь я... позволь мне еще раз все обдумать!

— Когда ты испробуешь на себе действие Чу-Зи, ты разом поймешь все, но, боюсь, тогда будет уже поздно! Эта штука отравит и осквернит нас — сначала душу, потом и тело! Мир обратится в кромешный маразм, из которого не будет выхода! — Лео закашлялся. «Чертов кашель. Наверное, я слишком много курю». Он пристально посмотрел на Барни.— Этот тип дал мне всего одни сутки. Ты понимаешь? Если я не признаю себя проигравшим, он сделает со мной...— Лео щелкнул пальцами.

— Но я ведь не смогу тебе помочь! — удивленно воскликнул Барни.— До Марса не успею долететь.

— Я все это понимаю,— в голосе Лео зазвучали металлические нотки.— Но ты зря думаешь, что ему удастся быстро расправиться со мною. Это может занять у него и недели, и даже месяцы! Времени вполне достаточно, чтобы найти человека, который сможет выступить на суде против них. То, что я тебе скажу, возможно, покажется чепухой...

— Свяжись со мной, когда я буду уже на Марсе.

— Всенепременно, Барни! Я знал, что ты не подведешь! — воскликнул Лео и тут же тихим голосом добавил: — И жизнь твоя вновь исполнится смысла...

— Что-что?

— Ничего, Барни, это я так.

— Нет уж, ты мне объясни!

Лео пожал плечами.

— Бог с тобой, слушай. Я прекрасно представляю твое нынешнее положение. Естественно, Рони заняла твое место.

Я следил за тобой и потому в курсе всех твоих дальнейших перемещений. Оказавшись не у дел, ты тут же помчался к своей бывшей супруге. Ты любишь ее до сих пор, чего, увы, нельзя сказать о ней. Ты хотел прихватить ее с собой. Так? Не поражайся моей осведомленности, просто я знаю тебя лучше, чем ты сам! Скажем, мне ведома подлинная причина твоего нежелания вызволить меня от Палмера Элдрича. Всю свою сознательную жизнь ты стремился только к одному — сесть в мое кресло! И вот теперь все надежды рухнули, приходится начинать жизнь практически сызнова. Ничего хорошего в этом, разумеется, нет, но в случившемся повинен только один-единственный человек — ты сам! Ты возжелал слишком многого. Уровень твоих претензий превысил уровень твоей компетенции. Ты хороший скопер, и только. Ты слишком мелочен, для того чтобы быть начальником. Отклонив вазочки Ричарда Хиатта, ты выдал себя с головой. Ты жалкий, мелочный человечишка, Барни. Прости меня за эти слова, но ничего иного сказать тебе я не могу!

— О'кей,— кивнул Барни мрачно.— Скорее всего, ты прав.

— О! Я смотрю, ты делаешь успехи! Ты ведь действительно можешь начать все сначала! Пусть даже в такой дыре, как Файнберг-Кресчент! — Лео похлопал Барни по плечу.— Ты станешь руководителем своего отсека, выведешь его в лучшие отсеки района, и пошло-поехало! Мало того, при этом ты будешь личным агентом Феликса Блау!

— А я ведь и на самом деле мог перейти к Элдричу,— сказал Барни.

— Я в курсе. Ты поступил правильно, отказавшись! И вообще, Барни, кого волнует, что ты мог? Главное не это — главное то, что ты сделал!

— Ты считаешь, что, записавшись в добровольцы, я поступил правильно?

— Разве у тебя были какие-то альтернативы, дружище? — тихо спросил Лео.

Барни покачал головой. Он не мог ответить на этот вопрос. И Лео прекрасно понимал это.

— Когда тебе вдруг станет жалко самого себя, вспомни о том, что *Палмер Элдрич хочет убить Лео...* Я думаю, сама мысль об этом должна подействовать на тебя отрезвляюще. Мое положение куда хуже твоего. Разве не так?

— Да, да, конечно,— поспешил согласиться Барни, осознав вдруг одну простую истину.

Как только он начнет тяжбу с Палмером Элдричем, его собственная ситуация ничем не будет отличаться от ситуации Лео Булеро.

Перспектива ничуть не обрадовала.

Ночью он уже был на борту транспортного корабля ООН, летевшего на Марс. В соседнем кресле сидела хорошенькая, чрезвычайно испуганная брюнетка, отчаянно пытавшаяся скрыть испуг под маской деланного равнодушия. Черты ее лица были настолько правильными, что казалось, будто она сошла со страниц какого-нибудь журнала мод. Как только корабль набрал маршевую скорость, соседка представилась. Звали ее Энн Готорн. Разумеется, она могла бы уклониться от призыва, но решила не делать этого, ибо считала службу в колониях почетной обязанностью всех подлинных патриотов.

— И как же вы смогли бы уклониться? — полюбопытствовал Барни.

— Шумы в сердце,— ответила Энн.— Шумы в сердце, аритмия и пароксизмальная тахикардия.

— А как насчет тахикардии аурикулярной и вентрикулярной, не говоря уже о стенозе? — неожиданно заинтересовался Барни. В свое время он пытался обнаружить у себя хоть один из названных симптомов.

— Я могла бы представить результаты медицинских обследований, заверенные не только врачами, но и страховой компанией! — Она с интересом посмотрела на Барни.— Я смотрю, вы тоже могли отвертеться от призыва, мистер Пайерсон!

— Мистер Майерсон,— поправил ее Барни.— Все правильно. Но я отправился на Марс по своей собственной воле, мисс Готорн.

— Говорят, что все колонисты очень религиозны. Вы, вероятно, тоже слышали об этом? Кстати, к какому вероисповеданию вы принадлежите?

Барни сделал вид, что не расслышал вопроса.

— Думаю, вам следует решить проблему веры прямо сейчас. Там ведь спрашивают... Они ожидают, что мы будем принимать участие в совместных службах,— она немного помолчала и добавила: — Именно для этого им и нужен наркотик Кэн-Ди. Вы, должно быть, о нем уже слышали. Он привлекает в ряды верующих массу людей. Пусть некоторые из них и создают какие-то свои культы, главной святыней в которых становятся само Кэн-Ди или эти пошлые комплекты... Но, как говорится, каждо-

му свое. Мне подробно все описали мои марсианские родственники. Да, если не секрет, в какое место вы направляетесь? Я должна сойти в Файнберг-Кресчент, а вы?

«Вот те на!» — подумал Барни, немало удивившись.

— Там же,— сказал он вслух.

— Вполне возможно, что мы с вами попадем в один и тот же отсек,— задумчиво проговорила Энн Готорн.— Значит, так. Я принадлежу к реформаторскому направлению Неоамериканской Церкви, или, как ее еще называют, Неохристианской Церкви Соединенных Штатов Америки и Канады. Наша церковь отличается особенной древностью — уже в 300 году новой эры епископы наших праотцов принимали участие в поместных соборах, которые проходили где-то во Франции. Считать, что мы откололись от других церквей достаточно поздно,— неправда, наша церковь с самого момента своего возникновения шла своим особым путем. Таким образом, она восходит непосредственно к апостолам! — Энн важно улыбнулась.

— Я вам верю,— кивнул Барни.— Честное слово!

— В Файнберг-Кресчент есть церковь, принадлежащая нашей миссии. Соответственно, там есть и викарий, или, если угодно, священник. Надеюсь, я смогу причащаться хотя бы раз в месяц. Исповедываться по заведенным у нас правилам достаточно два раза в году. Наша церковь признает все семь таинств. Кстати, вы крещеный или нет?

Барни окончательно растерялся.

— Господь заповедал нам соблюдать два таинства,— стала объяснять Энн Готорн.— Крещение водой и Святое Причастие. Последнее совершается в память о Нем — вы должны были слышать. Тайная Вечеря...

— Да, да, конечно, я слышал об этом. Хлеб и вино, которые...

— Отведав Кэн-Ди, вы переноситесь в иной мир. Однако названный мир на деле является слабым подобием этого грубого мира, в котором мы сейчас находимся. Если же мы говорим о причастии...

— Вы меня простите, мисс Готорн,— перебил ее Барни,— но я, честно говоря, не верю в пресуществление. Для меня это слишком уж мудрено.— «Слишком многое приходится принимать на веру»,— добавил он уже про себя. В чем Энн действительно была права, так это в том, что на Марсе ему так или иначе придется столкнуться с религиозными фанатиками. Их

там — хоть пруд пруди, и повинно в этом все то же Кэн-Ди — старое доброе Кэн-Ди...

— Вы что, собираетесь попробовать Кэн-Ди? — спросила его Энн.

— Вы попали в точку.

— Как странно... Люди склонны верить тому, чего в действительности нет, отвергая при этом вещи совершенно очевидные! — Энн нахмурилась.— Должна предупредить вас, что эта так называемая Истинная Земля, по сути дела, является обманом чувств, и не более того!

— Я не хочу с вами спорить,— ответил ей Барни.— Тем более что метафизика меня нисколько не интересует.

— Но ведь галлюцинации ничем не отличаются от обычных снов!

— Здесь вы ошибаетесь,— возразил Барни.— Они куда ярче! Ярче и чище! — Он хотел было сравнить процесс приема наркотика с *причастием,* но тут же понял, что этого делать не стоит.— Кэн-Ди принимается обычно целой группой, при этом коллективными становятся и переживания. Так что это далеко не сон, мисс Готорн! Реальность сна абсолютно субъективна, именно поэтому мы и относимся к ней как к иллюзии. Крошка Пэт, в свою очередь...

— Хотелось бы мне узнать, что думают по этому поводу люди, занимающиеся производством Пэт-комплектов! — фыркнула Энн.

— Я могу ответить и за них. Для них это самый обычный бизнес. Люди, занимающиеся производством вина и просвирок, вряд ли испытывают...

— Давайте не будем об этом! — перебила его Энн.— Лучше договоримся о следующем. Я вижу, все ваши надежды так или иначе связаны с Кэн-Ди. В любом случае вы поступите так, как вам заблагорассудится. Я не пытаюсь ограничить вашу свободу. Но пообещайте мне, что вы креститесь и примете причастие в Неоамериканской Христианской Церкви! Вы можете вступить и в другую церковь — я говорю о Первохристианской Всеевропейской Церкви, которая, конечно же, тоже совершает таинства. Единожды поучаствовав в причастии...

— Делать мне больше нечего! — оборвал ее Барни.— Я буду принимать Кэн-Ди или, на худой случай, Чу-Зи. Вот и вся моя вера. Ты склонна верить тому, что идет от века, я же предпочитаю старому новое. И чем новей, тем лучше.

— Если уж быть до конца откровенной, мистер Майерсон,— нахмурилась мисс Готорн,— то основная причина, побудившая меня сокрыть результаты медицинских обследований, состоит в том, что я собираюсь заняться миссионерской деятельностью. Я хочу вернуть в лоно церкви души заблудших, хочу отвлечь их от иллюзорных ценностей, вызванных к жизни Кэн-Ди, и склонить к исполнению церковных заповедей.— Она одарила Барни такой нежной улыбкой, что он не мог не улыбнуться в ответ.— Вы считаете меня глупой? Я могу сказать вам еще одну важную вещь: я нисколько не сомневаюсь, что тяга людей к Кэн-Ди связана с тем, что некогда они лишились благодати, даруемой церковью, остающейся...

— На вашем месте я оставил бы людей в покое,— сказал Барни мягко.

«И меня в том числе,— добавил он про себя.— У меня проблем и без того предостаточно. Только религиозного фанатизма и не хватает».

Впрочем, на фанатика Энн нисколько не походила, скорее наоборот — в ней было что-то на удивление мягкое и привлекательное. И в лице, и в манерах, и в речи. Барни был заметно удивлен этим обстоятельством. Удивляло его и то, что всему этому Энн научилась не где-нибудь в колониях, но именно на Терре, где люди могли думать о чем угодно, но только не о вере.

Феномен этот невозможно было объяснить ни Кэн-Ди, ни коллективными трансами. Вероятно, вера таких людей, как Энн Готорн, каким-то неведомым образом связана со всепроникающим ощущением приближающегося конца света. Страх перед будущим заставлял их искать утешение в религии. Бренности и бессмысленности своего нынешнего существования эти люди противопоставляли жизнь вечную...

«Что касается меня самого,— с грустью размышлял он,— то я, Барни Майерсон, бывший сотрудник компании "Пэт-Комплект", до недавнего времени проживавший в невероятно престижном доме номер тридцать три, уже умер. Меня больше нет... И все же...»

Все же нечто возродилось вновь. Нравится мне это или нет.

— Жизнь марсианских колонистов вряд ли похожа на жизнь терранцев,— проговорил Барни.— Кто знает, возможно, попав туда, я...— Фразы он не закончил. Не хотелось подводить мысль к тому, что его отношение к церкви со временем могло измениться.

— Вы уж договаривайте до конца, мистер Майерсон,— улыбнулась Энн.

— Давайте поговорим об этом как-нибудь в другой раз,— предложил Барни.— Сначала я должен *там* пожить. И я, и вы. Мы начнем совершенно новую жизнь. Разумеется, если можно назвать жизнью жалкое существование колонистов.— Слова эти он произнес с такой тоскою в голосе, что ему даже стало стыдно.

— Вот и прекрасно,— невозмутимо ответила Энн Готорн.— Тогда и поговорим.

Наступила долгожданная тишина. Барни стал просматривать свежий выпуск газеты, соседка погрузилась в чтение книги. Барни склонил голову набок и посмотрел на обложку. Это был знаменитый опус Эрика Ледермана «Беспутный пилигрим», посвященный жизни колонистов. Книгу давно запретила ООН, и потому достать ее весьма непросто, тем более она стоила бешеных денег. Читать литературу такого рода на борту корабля, принадлежащего ООН, мог только по-настоящему отважный человек. Барни почувствовал невольное уважение к своей соседке.

Он еще раз взглянул на нее и тут же решил, что Энн Готорн — самая привлекательная и обаятельная из всех виденных им доселе женщин. Пусть она излишне худа, пусть на лице нет и следа косметики, пускай одета по меньшей мере странно. Впрочем, одежда сейчас ничего не значила. В конце концов, и он, и она летели навстречу неведомой новой жизни... Интересно, удастся ли им встретиться на Марсе?

Барни очень надеялся на это. Ему хотелось поскорее вкусить Кэн-Ди не с кем-нибудь, но именно с Энн. Намерения при этом он имел вполне определенные.

Глава 8

Норм Шайн протянул Барни руку.

— Привет, Майерсон! Мне поручено от имени нашего замечательного отсека встретить вас. Так сказать, добро пожаловать на Марс!

— Меня зовут Фрэн Шайн,— представилась супруга Норма, пожимая Майерсону руку.— Надеюсь, наша нора придется вам по вкусу. Ничего особенно хорошего у нас нет, но, как говорится, чем богаты, тем и рады!

Она улыбнулась, но Майерсон этого словно и не заметил. Он был мрачен, зол и подавлен, как и большинство колони-

стов, начинавших новую, трудную и совершенно бессмысленную жизнь.

— Только не подумайте, что мы начнем расписывать наши красоты,— усмехнулась Фрэн,— пусть это делает ООН. Мы — такие же жертвы системы, как и вы. Единственная разница в том, что мы попали сюда чуть-чуть раньше.

— Тебя послушаешь — повесишься с тоски,— угрюмо буркнул Норм.

— Разве я в чем-то соврала? — пожала плечами Фрэн.— Какой смысл было вешать лапшу на уши, тем более — новичку? Мистер Майерсон и так все понимает. Верно, мистер Майерсон?

— Так-то оно так,— согласился Барни.— Но отказываться от всех иллюзий разом мне, признаться, как-то не хочется.— Он присел на металлическую скамью, стоявшую у входа в отсек. Пескоход, доставивший его сюда, сейчас занят разгрузкой багажа.

— Простите, если чем-то обидели! — извинилась Фрэн.

— Здесь курить можно? — Барни достал из кармана пачку терранских сигарет и, заметив выражение, с которым на него посмотрели Шайны, предложил каждому из них по сигарете.

— Вы прибыли к нам в непростое время,— сказал Норм Шайн.— У нас идет обсуждение одного очень серьезного вопроса. Дебаты, как говорится, в полном разгаре.— Он выразительно посмотрел на соседей по отсеку.— Поскольку вы теперь будете жить вместе с нами, вас эта проблема не обойдет стороной. Думаю, имеет смысл ознакомить вас с ней прямо сейчас.

— Может быть, он того... Ну ты понимаешь, Норм. Скажи ему! — прошипел Тод Моррис.

— Мы можем взять с него слово,— подал голос Сэм Риган.— Видите ли, мистер Гейзерсон. Наше обсуждение касается...

— Майерсон,— поправил Барни.

— Не важно. Мы тут мозгуем над одной сложной задачей. Надо сделать выбор: либо старый добрый транслятор Кэн-Ди, либо новый, никому не ведомый Чу-Зи. Либо мы раз и навсегда распрощаемся с Кэн-Ди, либо...

— Ты подождал бы, пока мы спустимся вниз, Сэм! — прохрипел, озираясь по сторонам, Норм Шайн.

Тод Моррис придвинулся к Барни и зашептал ему на ухо:

— Кэн-Ди накрылось! Его и достать непросто, и стоит оно слишком дорого! Помимо прочего, я устал от Крошки Пэт. Она такая искусственная, такая поверхностная! У нее на уме

одни шмотки! Не зря же говорится: не хлебом единым, и все такое прочее. Верно? А она? Ей бы только на каком-нибудь шикарном лимузине покататься да на пляже позагорать! Понимаете, о чем я толкую, а, Майерсон?

— Ты все правильно сказал, Тод,— согласился Норм Шайн.— Но не забывай — Майерсон пока ничего не знает. Может быть, ему самому больше ничего не надо!

— Ему придется через это пройти,— сказала Фрэн Шайн.— Мы пока не голосовали. Стало быть, должны дать Майерсону и того и другого. Выбор, соответственно, останется за ним. Впрочем, минуточку! Может быть, вы уже пробовали Кэн-Ди, мистер Майерсон?

— Один-елинственный раз,— ответил Барни.— Правда, очень давно. Честно говоря, я уже ничего толком и не помню.

Тогда Кэн-Ди его угощал не кто иной, как Лео. Он обещал Майерсону дать столько Кэн-Ди, сколько тот захочет. Майерсон, однако, отказался — наркотик ему очень не понравился.

Норм Шайн покачал головой.

— Мне очень жаль, что вместо нормального разговора мы устроили балаган. Майерсон, войдите в наше положение. Кэн-Ди у нас кончилось. И теперь перед нами стоит очень непростой вопрос: что мы должны сделать — перейти на Чу-Зи или пополнить запасы Кэн-Ди? Импи Уайт, которая все это время продавала нам Кэн-Ди, пытается убедить нас, что старый друг лучше новых двух. Странно, если б она заговорила по-другому... Короче, к утру надо что-то решить. Или — или.

— Видите, как хорошо, что вы приехали именно сегодня,— улыбнулась Фрэн.— Завтра все было бы уже решено! — Она пыталась хоть немного подбодрить Барни. В мире песка, ветра и холода все держалось только на взаимовыручке.

«Что за место! — подумал с тоской Майерсон.— *И это на всю жизнь...*» Странный у них, однако, спор. Решение, отменить которое уже нельзя...

Устав Колониального Департамента ООН не предполагал увольнения со службы. Значит, люди, которых Барни видел сейчас, должны стать для него всем человечеством — другим в его новой Вселенной места просто нет. Впрочем, могло быть и хуже. Две женщины из трех достаточно интересные. Барни чувствовал, что интерес взаимен. Он уловил это влечение, эту тончайшую вибрацию, робкое прикосновение ауры трепетных обитательниц отсека, по-дурацки названного «Чумным Бараком». И все же...

— Выйти отсюда в принципе можно,— сказала, усаживаясь на скамью, Мэри Риган,— но для этого надо принять один из наркотиков-трансляторов, мистер Майерсон. В противном случае...— Она вдруг положила руку ему на плечо.— В противном случае вам станет так тошно, что вы без лишних слов сведете счеты с жизнью.

— Да,— кивнул Барни.— Я вас понимаю.— Он слышал об этом и раньше. Соблазн покончить с собой в колониях так велик, что большинство колонистов уходило на тот свет именно таким образом.

Не случайно терранцы пытались избежать призыва любой ценой. Тем самым они боролись за собственную жизнь.

— Сегодня ночью мы должны сделать выбор — или Кэн-Ди, или Чу-Зи,— напомнила ему Мэри Риган.— Импи появится здесь в семь часов по местному времени.

— Я полагаю, теперь мы можем проголосовать,— сказал Норм Шайн.— Мне кажется, что мистер Майерсон к этому уже готов. Я не ошибся, мистер Майерсон?

— Вы правы,— согласился Барни. Пескоход к этому времени уже закончил разгрузку. Его пожитки постепенно заносило марсианской пылью... «Если не убрать сейчас,— хмуро размышлял Барни,— их поглотят хищные марсианские пески... Наверное, это даже хорошо. Тем самым прервется последняя связь с прошлым...»

Не успел он подумать об этом, как обитатели отсека разом поднялись со скамьи и стали переносить его чемоданы на транспортер, уносивший их куда-то под землю. Барни овладела странная апатия, ему было глубоко наплевать на убогое тряпье. Колонисты же относились к вещам едва ли не с трогательной заботой.

— Здесь надо жить настоящим,— с улыбкой обратился с нему Сэм Риган.— Обед, ужин, сон и так далее. Ничего не планируйте наперед, иначе долго не протянете.

Барни бросил сигарету и взял в руки один из чемоданов.

— Спасибо за совет.

— Пардон,— сказал вдруг Сэм Риган и, наклонившись, поднял окурок.

Расположившись в своеобразной кают-компании отсека или норы, как называли отсек сами его обитатели, они приступили к процедуре голосования. На часах было шесть. Общий ужин уже закончился, теперь за дело взялась посудомоечная машина.

Норм Шайн сосчитал голоса и объявил:

— Четверо — за Чу-Зи! Трое — за Кэн-Ди! Результат ясен. Остается определить, кто возьмет на себя труд сообщить об этом Импи Уайт? — Он обвел присутствующих взглядом.— Мы должны быть готовы к чему угодно. Импи наше решение вряд ли понравится.

— Давайте это сделаю я,— предложил Барни.

Три супружеские четы изумленно уставились на него.

— Но ведь вы даже не знаете ее! — сказала Фрэн Шайн.

— Я скажу, что в происшедшем повинен прежде всего я,— ответил Барни.— Ведь именно я склонил чашу весов в пользу Чу-Зи.— Барни ни минуты не сомневался в том, что спорить с ним обитатели Чумного Барака не станут. Задача, за выполнение которой он взялся, была, мягко говоря, неблагодарной.

Через полчаса он уже сидел у входа в барак, покуривая и настороженно прислушиваясь к таинственным звукам марсианской ночи.

По небу, прямо над головой, пронеслось что-то сверкающее. В следующее мгновение он услышал рев тормозных двигателей. Барни сложил руки на груди, приосанился и стал готовиться к приходу гостей.

Через минуту-другую перед ним появилась невысокая коренастая женщина, одетая в просторный комбинезон из плотной ткани.

— Шайн? Моррис? Или это ты, Риган? — Она сощурилась, пытаясь получше разглядеть встречающего. В одной руке она держала инфракрасный фонарик, в другой — лазерный пистолет.— Я тебя не знаю. Говори, что все это значит!

— Давай для начала отойдем подальше от норы. Я не хочу, чтобы наш разговор кто-то слышал.

Импейшнс Уайт кивнула и пошла вслед за Барни, ни на минуту не выпуская пистолет из рук. Барни достал из кармана пиджака удостоверение личности и подал его Импи. Та какое-то время молча рассматривала его, затем, хмыкнув, вернула.

— Вон оно что. Ты и у Булеро успел поработать!

— Слушай, что я тебе скажу, Импи,— тихо начал Барни.— Чумной Барак решил перейти на Чу-Зи!

— Это еще почему?

— Не горячись. Просто прими к сведению то, что я сказал. Можешь сообщить об этом Лео — хоть напрямую, хоть через Коннера Фримэна с Венеры. В твоих услугах здесь больше не нуждаются!

— Я это обязательно сделаю! — пробормотала Импейшнс.— Чу-Зи — жуткая дрянь. Оно вызывает привыкание, токсинов в нем выше крыши и, что хуже всего, ведет куда-то не туда...— Она провела стволом пистолета перед собой.— Это совсем не Терра, это что-то уродливое и ужасное — мир-выродок, фантазия идиота! Неужели вы этого не понимаете?

В ответ Барни только пожал плечами. Что его немало удивило и позабавило, так это преданность Импи старой наркоте. После беседы с христианкой на борту корабля любые проявления фанатизма казались ему чем-то по-настоящему отвратительным. Он и прежде не особенно жаловал таких людей, теперь же, когда он познакомился с мягчайшей и тишайшей Энн Готорн, они и вовсе казались существами ущербными. При этом предмет фанатизма совершенно не важен — Барни понял это только сейчас.

— Я увижусь с тобой завтра в то же время,— заявила Импи Уайт.— Если ты сказал правду — хорошо. Если же ты вздумал вилять...

— Слушай, Импи, ты что — всучишь нам Кэн-Ди силой? Не забывай о том, что оно запрещено законом. Нам достаточно связаться с ООН, и от твоих...

— Да ты, я смотрю, еще ничего не понимаешь! — фыркнула она презрительно.— В этой части мира на Кэн-Ди держится все, и ООН это прекрасно знает! Я ведь им постоянно какую-то часть выручки отстегиваю! Если же они вздумают защищать этих проходимцев, занимающихся производством Чу-Зи...

— Ты просто-напросто перейдешь к ним,— закончил за нее Барни.

Ничего не сказав в ответ, она резко развернулась и пошла прочь. Маленькая фигурка тут же растворилась во мраке марсианской ночи. Постояв еще немного, Барни направился ко входу в нору, ориентируясь в темноте по огромной тени трактора, который, похоже, стоял тут уже целую вечность.

— Ну и как? — поинтересовался Норм Шайн, стоявший у самого входа.— А я, признаться, вылез посмотреть, сколько лырок она сделала в твоей черепушке!

— Она восприняла эту новость философски.

— Импи Уайт? — Норм захохотал.— Бизнес приносит ей миллионы скинов, приятель. Тут, знаешь, не до философии! Скажи честно, что она тебе сказала?

— Она вернется, как только получит указания из центра,— ответил Барни, спускаясь вниз.

— Да, да, это уже похоже на правду. Импи слишком мелко плавает, чтобы принимать серьезные решения самостоятельно. На самом деле все определяет один-единственный человек — Лео Булеро. Он обычно находится на Терре и...

— Я знаю.

Барни и не думал скрывать от новых соседей свое прошлое, тем более что в любую минуту они могли раскрыть пришедшее с ним дело, в котором обо всем сказано достаточно подробно.

— Я был руководителем Отдела Прогнозов «Пэт-Комплект».

— И ты, несмотря на это, проголосовал за Чу-Зи? — Норм Шайн не верил собственным ушам.— Наверное, ты с ним повздорил, так?

— Когда-нибудь я расскажу тебе все.— Он спустился вниз и вошел в кают-компанию, где дожидались обитатели Чумного Барака.

Фрэн Шайн облегченно вздохнула и проворковала:

— А я думала, она изжарит вас лазером! Наверное, вы ей приглянулись!

— Выходит, мы избавились от Импи! — улыбнулся Тод.

— Не спеши, дружище! — сказал Барни.— Это станет известно только завтра вечером.

— Вы очень смелый человек, мистер Майерсон! — воскликнула Мэри Риган.— Я буду называть вас Барни, можно? Вы подходите нам как нельзя лучше. А то у нас болото болотом!

— Ну, ну, милочка! — усмехнулась Элен Моррис.— Боюсь, мы переусердствуем. Вместо того чтобы произвести на нашего нового соседа благоприятное впечатление...

— Ничего такого у меня и в мыслях не было! — вспыхнула Мэри Риган.

— Значит, ты просто решила польстить гостю,— мягко вставила Фрэн Шайн.

— И ты туда же! — огрызнулась Мэри.— Ты, наверное, забыла о том, что первой накинулась на него не я, а ты! Представляю, как бы ты себя вела, будь вы здесь одни!

Норм Шайн кашлянул.

— Очень жаль, что мы не сможем напоследок свидеться с Крошкой Пэт! Я уверен в том, что Барни она понравилась бы. И еще. Он бы понял, что потерял, проголосовав против Кэн-Ди.— Норм внимательно оглядел колонистов.— А теперь мне хотелось бы послушать вас... Без сомнения, у некоторых из вас где-нибудь в трещине под окном или под баком с аварийным

запасом воды спрятана хорошая доза Кэн-Ди. Прошу вас, друзья! Пусть наш новый, так сказать, гражданин попробует...

— Хорошо,— воскликнула Элен Моррис и тут же зарделась от смущения.— У меня немножко есть, минут на сорок — сорок пять. Но прежде чем принести, я хочу спросить: а вы уверены, что завтра мы получим это хваленое Чу-Зи? Поймите меня правильно, я принесу свою последнюю дозу, а потом придет утро...

— Тащи его сюда, все будет в порядке! — заверил Норм. Стоило Элен выйти, как он добавил: — Можете не беспокоиться, *Чу-Зи уже на подходе!* Сегодня днем, когда я забирал сверху мешок с солью, ко мне подошел их торговец. Вот его карточка! — Он показал присутствующим какую-то визитку и тут же спрятал в карман.— Надо только пульнуть в семь тридцать стронциевую ракету — и все дела! Они тут же спустятся к нам со своего спутника.

«Спутника!»

От неожиданности присутствующие даже повскакивали со своих мест.

— Если это так,— сказала Фрэн дрожащим голосом,— значит, они добились от ООН разрешения на свою деятельность. Интересно, может, у них и свои комплекты есть, и рекламные агенты на спутниках?

— Пока неизвестно,— ответил Норм.— Честно говоря, я и сам пока ничего не понимаю. Поживем — увидим. Вся эта пыль со временем осядет...

— Здесь, на Марсе, пыль никогда не оседает,— угрюмо заметил Сэм Риган.

Они сели в кружок. Перед ними был расставлен полный комплект Крошки Пэт, во всем своем многообразии и великолепии. Стало как-то немного грустно. Норм Шайн вздохнул и тяжело качнул головой. Они уже никогда не смогут вернуться туда... к Пэт... Хотя кто знает... Интересно, что будет при сочетании Пэт-комплекта и Чу-Зи?

И тут вдруг он ни с того ни с сего понял, что ничего хорошего не выйдет.

Скорее всего, опыт поверг бы их в смятение и уныние...

Норм снова вздохнул.

— Во время нашего путешествия мы собираемся поработать с новым приобретением Пэт. Это — книжный аниматор,— сказал Сэм Риган, обратившись к Барни Майерсону.— Эти штуки только-только начали выпускать там, на Терре. Честно сказать,

мы толком и не представляем, что это такое. Может, вы нам, темным, объясните?

Барни на миг задумался и тут же стал отвечать:

— Вы должны опустить какую-нибудь книгу, например «Моби Дик», в приемное устройство. Затем поставьте переключатель «Долгое/Краткое» в одно из двух положений. Далее. Выбираете вариант версии. Их всего три: «смешная», «грустная» и «исходная». Следующий этап — выбор художника. В аниматорах среднего класса художников обычно десять-двенадцать. При покупке устройства вы можете заказать тот или иной набор. Обычно это: Дали, Пикассо, Ван Гог и тому подобное. Существуют и другие возможности, но я, признаться, как-то их подзабыл...

— Вот это блеск! — засмеялся Норм Шайн.— Этим же можно забавляться до бесконечности! Только представьте, *грустная* версия «Ярмарки тщеславия» в манере Джека Райта!

Фрэн вздохнула и, мечтательно закатив глаза, прошептала:

— Как сильно чувствуется, что новичок только прибыл с Терры! Твоя душа полна земного!

— Сейчас и наши души наполнятся тем же самым! — заверил Норм Шайн и взял со стола свою порцию Кэн-Ди.— Поехали! Я уже знаю, что мне делать с этим самым аниматором. Это будет полнометражный *смешной* мультик в манере Де Кирико, основанный на... труде Марка Аврелия «Наедине с собой»!

— Очень умно, ничего не скажешь! — фыркнула Элен Моррис.— Я предложила бы «Исповедь» Августина в стиле Лихтенштейна. Версия, разумеется, смешная!

— Я ведь серьезно! Только представьте: сюрреалистическая перспектива, полуразрушенные здания с дорическими колоннами, рухнувшими наземь. Земля, усыпанная черепами...

— Давайте не будем отвлекать друг друга,— поморщилась Фрэн.— Иначе мы окажемся там в разное время!

Барни взял свою дозу. «Конец старого мира,— подумал он, разжевывая горьковатую пластинку,— эта нора уже никогда не будет такой, как прежде. И эти люди тоже. Им придется стать другими. Если Лео сказал правду, то все изменится к худшему. Сладкие грезы сменятся беспросветным кошмаром. Впрочем, Лео явно лицо заинтересованное... Велемудрый Лео...»

Он узнал в предметах, расставленных на полу, миниатюрные копии тех образцов, которые сам лично когда-то отбирал. Еще немного — и он окажется в их мире. В отличие от колонистов ему есть с чем сравнить свои ощущения, ибо память о Земле

была не просто свежа в нем — он до сих пор продолжал жить исключительно *земным*.

«Скоро мне придется проделать то же самое и с Чу-Зи».

Вдруг раздался радостный голос Норма Шайна.

— Барни, ты и не представляешь, насколько странное это ощущение! Ты окажешься в теле, в котором, кроме твоей собственной души, будут и души трех твоих товарищей! К чему бы ни относилась деятельность нашего тела, каждый раз нам нужно будет приходить к соглашению. Иначе тело попросту откажется повиноваться нам! Представляешь, как забавно!

— В половине случаев,— добавил Тод Моррис,— именно это и происходит.

Один за другим они заглатывали свои дозы. Барни в этом деле заметно отставал от остальных — челюсти двигались крайне вяло. Ни с того ни с сего он вдруг вскочил со своего места и, подбежав к раковине, сплюнул. «А пошли они все к черту!» — подумал он и выплюнул непрожеванную пластинку.

Этого никто не заметил. Все обитатели Чумного Барака уже находились в состоянии глубокой комы. Барни остался в полном одиночестве. В течение сорока минут нора должна принадлежать только ему.

Он принялся бесцельно бродить по комнатам.

«Я не могу сделать этого. Я не хочу глотать эту дрянь! Сейчас, во всяком случае. Что будет потом, я не знаю».

И тут в дверь позвонили.

Кто-то стоял у входа, кто-то хотел попасть в отсек. Решить, пускать или не пускать неведомого гостя вовнутрь, мог только Барни. Он поспешил наверх, надеясь, что это не сотрудники Отдела по борьбе с наркотиками. Те вмиг обнаружили бы его новых товарищей — застали бы их, как говорится, на месте преступления. Впрочем, тогда ему тоже несдобровать...

У входа стояла молодая женщина с фонарем в руке. Она была одета в мешковатый утепленный комбинезон, явно затруднявший движения.

— Здравствуйте, мистер Майерсон,— сказала она.— Вы меня помните? Я пришла к вам потому, что мне очень одиноко! Вы меня не пустите к себе? — Это была Энн Готорн.— Если я чем-то помешала вам, вы так и скажите. Тогда я зайду в другой раз — хорошо? — Голосок ее дрожал.

— Я смотрю, Марс вас потряс! — улыбнулся Барни.

— Я знаю, что это грех,— пробормотала Энн,— но я с первой же минуты прямо-таки возненавидела его! Я знаю, что лише-

ния надо терпеть, и, поверьте, я пытаюсь смирять себя. Но у меня ничегошеньки не выходит! — Она подняла фонарь над головой.— Посмотрите вокруг! Вы видите?! Теперь у меня осталось одно-единственное желание — поскорее вернуться на Землю! Теперь я уже никого не хочу обращать в истинную веру. Я вижу, что здешним людям все это просто не нужно! Я хочу побыстрее улететь отсюда! Понимаете, мистер Майерсон, улететь! — С минуту помолчав, она печально добавила: — Понимаю всю нелепость мечты... Поэтому-то и пришла к вам.

Барни взял ее за руку и повел вниз, в ту комнату, которая с этого дня стала его новым домом.

— А где ваши соседи?

— Вышли.

— Наружу? — изумилась Энн, но в тот же миг Барни открыл дверь в кают-компанию, и девушка все поняла.

— Вон вы что имеете в виду! А почему же вы не отправились вместе со всеми? — Она закрыла дверь и наморщила свой лобик.— Вы меня просто поражаете. Я бы сделала это с радостью. Мне просто необходимо, иначе я сойду с ума! А вы вон каким непробиваемым оказались. Вам все нипочем!

— Думаю, на то существуют вполне определенные причины. Мое присутствие здесь куда более осмысленно.

— Ну да! В чем-чем, а уж в этом-то вы точно не правы! — Энн сняла неудобный комбинезон и, присев на диван, стала наблюдать, как Барни варит кофе.— Кстати говоря, в моей норе — а это всего в полумиле отсюда — весь народ отправился туда же, куда и ваши соседи. Скажите мне, мистер Майерсон, стали бы вы искать меня или нет?

— Разумеется, стал бы! — Он нашел в буфете безобразные пластиковые чашки и блюдца, поставил их на складной столик и придвинул складные стулья.— Вероятно,— задумчиво произнес он,— на Марсе Бога нет. Вместе с Террой мы оставили...

— Чушь! — воскликнула Энн, вскочив на ноги.

— Успокойтесь, мисс Готорн. Просто мне вдруг захотелось немного позлить вас. И только. Кстати, что вы сами думаете по этому поводу?

— Он всюду, ибо Он вездесущ! Он существует даже здесь! — Она обвела взглядом груду чемоданов и коробок.— Я смотрю, вы взяли с собой только самое необходимое... Что до меня, то мой багаж все еще в пути. Я отправила его тихой скоростью — на грузовике.

Энн увидела на полу стопку книг и принялась с интересом изучать названия.

— О подражании Христу,— пробормотала она изумленно.— Оказывается, вы, ко всему прочему, еще и Фому Кемпийского читаете! Я очень за вас рада — это великая книга!

— Я ее купил,— смущенно заметил Барни.— Но так ни разу еще и не открывал...

— А вы попробуйте!

Она открыла книгу наугад и прочла вслух: «Знай, и малое велико, ибо даровано Им; то же, что люди привыкли почитать презренным, знак особой Его благодати».

— Прямо о нас, верно? Эта жалкая жизнь в норах. Господи, почему все так? Почему через какое-то время мы не можем вернуться назад?

Барни покачал головой.

— Колония по определению должна быть чем-то постоянным. Вспомните об острове Роанок*. Помните?

— Да, я понимаю, о чем вы,— кивнула Энн Готорн.— И все же я предпочла бы, чтобы Марс был большим Роаноком, все население которого разошлось по домам.

— Только для того, чтобы изжариться на медленном огне.

— Разве мы не можем проэволюционировать, как это делают богатые люди? Можно охватить Э-терапией всех — от мала до велика! — Она решительно отложила книгу Фомы Кемпийского в сторону.— Честно говоря, мне совсем не хотелось бы покрываться хитиновым панцирем! По мне, так уж лучше умереть! Скажите, мистер Майерсон, есть ли из этой ситуации хоть какой-то выход? Вы, наверное, знаете, что в соответствии с учением неохристиан все мы являемся путниками в чужой, чуждой нам земле! Теперь мы видим это и воочию: Земля изменилась настолько, что назвать ее своей ни у кого язык не поворачивается. Об *этом* я вообще молчу. Марс нашим никогда не будет! Что из этого следует, спросите вы? А вот что! Мы утратили свой мир! У нас больше нет дома!

— Н-да... Но ведь помимо прочего существуют и наркотики, так сказать, трансляторы. Я говорю о Кэн-Ди и Чу-Зи.

— У вас они есть?

— Нет.

---

* Роанок — островок у берегов Северной Каролины; первые поселения основаны в 1585 году, первая английская колония в Северной Америке; к 1591 году островок совершенно опустел. *(Прим. пер.)*

Она вздохнула.

— Делать нечего. Придется возвращаться к Фоме Кемпийскому.

Книгу, однако, Энн так и не взяла. Девушка стояла, погрузившись в тягостные раздумья.

— Мистер Майерсон, а хотите, я вам скажу, что будет дальше? Или лучше так: Барни. Я не обращу в христианство ни единого человека. Обращать буду совсем не я — обращать будут меня. Главным для меня станут все эти Чу-Зи и Кэн-Ди и вообще все то, что позволяет как-то уйти от реальности. Например, секс. Марсианские колонисты настолько неразборчивы в связях, что спят со всеми подряд. Вы представляете? Со временем я стану такой же. Да что там стану! Я готова к этому уже и сейчас! Единственное, что мне мешает,— брезгливость. Меня от всего прямо тошнит! Барни, скажите честно — вы видели, что представляет собой эта планета?

— Да.

Его здешние пейзажи ничуть не удручали. В свое время он пересмотрел массу учебных фильмов об освоении Аляски и Антарктиды, из которых, помимо прочего, вынес и зримый образ фронтира. Чертополох, кучи мусора, ржавеющая техника. Здесь то же самое — фронтир, ни дать ни взять.

Энн Готорн оглянулась на дверь и тихо сказала:

— Я хотела поговорить с вами о ваших соседях и об их комплекте. Что будет, если мы похитим у них фигурку Крошки Пэт и разобьем ее на мелкие кусочки?

— Ничего не будет. Они останутся там же, где лежат,— ответил Барни. Этот факт был установлен исследователями совсем недавно. После трансляции необходимость в опорном комплекте отпадала.— Но почему вы спрашиваете меня об этом? — Вопрос предполагал наличие у задававшей известных садистских наклонностей, что никак не сочеталось с образом милой юной христианки.

— Считайте, что я — иконоборец! Я борюсь с идолами, где бы и когда бы я их ни встречала! Я скажу вам сейчас одну серьезную вещь, вы только не смейтесь. Крошка Пэт и Уолт — идолы! Самые настоящие идолы! — Немного помолчав, она продолжила: — Честно говоря, я завидую им. Религиозные чувства здесь ни при чем. Самая обычная жестокость... если уж я не могу присоединиться к ним.

— Это временное явление. Пройдет совсем немного времени, и вы станете такими же, как все. И не только вы — я тоже.

Он поставил перед ней чашечку кофе. Только теперь Барни заметил, как она стройна. Ростом Энн была практически с него, и потому она казалась тонкой, словно соломинка. Он обратил внимание и на странную форму ее носа. Его округлый кончик почему-то ассоциировался у него с чем-то нормандским или валлийским. Ухоженные поля, крошечные аккуратные домики...

Недаром Марс так ненавистен ей. Теперь уж Барни не сомневался, что предки мисс Готорн жили именно на Земле. Они любовно возделывали ее, она же одаривала их своими щедрыми плодами. Родная почва являлась, по сути, разложившимися останками тысяч и тысяч существ, некогда топтавших прах своих предшественников... Нет, не утлый прах, но жирный гумус. Ну что ж, значит, ей и карты в руки. Пусть займется огородом. Кто знает, быть может, ей удастся сделать то, что не под силу остальным. Ведь в этом деле главное — память предков, гены... И все же... почему она так подавлена? Может быть, все новички так себя чувствуют? Но тогда почему спокоен он сам? Барни вздохнул. Где-то в глубине души он был абсолютно уверен в том, что рано или поздно обязательно вернется на Землю. Ненормальной была не Энн. Ненормальным был он сам.

— Барни, а у меня есть немного Кэн-Ди! — заявила вдруг Энн. Она полезла в карман парусиновых брюк и извлекла оттуда небольшой пакетик.— Купила в своей норе. Кстати говоря, она называется Флакс Бэк-Спит. Продавец взял недорого. Он почему-то уверен, что с появлением Чу-Зи о Кэн-Ди люди забудут и думать. Я попыталась жевать, но потом, так же как и вы, выплюнула эту гадость. Реальность, как бы жалка она ни была, всегда лучше самой завлекательной иллюзии. Вы согласны со мной, Барни? Но возникает еще один вопрос. Может быть, иллюзией является как раз *это?* Я ничего не смыслю в философии и хочу, чтобы вы растолковали мне, что к чему. Я хочу понять, что же это такое — наркотики-трансляторы? — Она раскрыла пакет и дрожащими пальцами извлекла из него маленькую бурую пластинку.— Я больше не могу, Барни!

— Постой! — он, поставив чашку на стол, вскочил. Поздно! Девчонка проглотила наркоту.— А как же я? — спросил Барни с усмешкой.— Ты не боишься того, что *там* тебе будет скучно?

Он взял Энн за руку, вывел из комнаты и поспешил в кают-компанию. Там усадил девицу рядом с другими обитателями и сказал с сочувствием:

— Ты сможешь разделить свои переживания с этими ребятами. Иногда очень помогает.

— Спасибо,— промямлила Энн заплетающимся языком. Глаза ее закрылись, и тело тут же обмякло.

Барни понял, что христианочка превратилась в Крошку Пэт. Она перенеслась в мир, лишенный проблем.

Он наклонился к ней и поцеловал в губы.

— Я еще здесь,— прошептала Энн.

— В любом случае ты это забудешь.

— Постараюсь не забыть,— еле слышно пробормотала Энн Готорн и в тот же миг отчалила к берегам иного мира. Барни остался один. На полу у его ног лежало семь сброшенных физических оболочек.

Барни поспешил в комнату, где ждал горячий кофе.

«Я мог бы в нее влюбиться. Влюбиться так, как я не влюблялся еще никогда. А может быть, во всем повинно отчаяние? Оказавшись пред этой мрачной бездной, я ищу спасения в любви. Так же как другие ищут забвения в наркотиках, моя доза Кэн-Ди — это любовь. Не будь ее — и мрак сомкнется навсегда».

Барни в одиночестве попивал кофе, рассматривая свои скромные пожитки и предаваясь размышлениям, пока наконец соседи начали понемногу приходить в себя. Он поставил чашку на столик и поспешил в кают-компанию.

— Майерсон, ты что — испугался? — спросил Норм Шарп, потирая виски.— Черт! Голова аж раскалывается! — Он вдруг заметил Энн Готорн. Она лежала у стены, опустив голову на грудь.

— А это еще кто? — изумился Норм.

Фрэн с трудом поднялась на ноги.

— Она присоединилась к нам в самом конце. Подружка Барни. Они познакомились по дороге сюда — в звездолете. Она милая, но у нее есть один серьезный недостаток — шиза на почве религии! Скоро сами увидите! — Она стала рассматривать Энн.— Вроде и внешне миленькая. А я-то думала, что увижу какого-нибудь крокодила!

К Барни подошел Сэм Риган.

— Слушай, Майерсон, пусть она с тобой и живет, а? Мы с удовольствием примем ее в наши ряды! Места у нас предостаточно, вам же супругой обзавестись всяко придется. Чего тянуть с этим делом? Берите быка за рога, Барни!

Он посмотрел на Энн.

— Да она же прямо красавица! Волосы одни чего стоят!

— Что-то я тебя не пойму, Сэм. Тебе-то какая забота? — ехидно спросила Мэри Риган.

— Не твое дело! — огрызнулся Сэм.

— Я уже говорил с ней на эту тему,— сказал Барни.

Присутствующие посмотрели на него с нескрываемым изумлением.

— Это очень странно,— заметила Элен Моррис.— Мы только что были вместе, но она не сказала об этом ни слова. И вообще, насколько я понимаю, со времени вашего знакомства...

Фрэн Шайн перебила подругу:

— Неужели вы хотите жить с долбанутой неохристианкой, Барни? Вы просто не знаете, что это такое! У нас уже жила такая парочка. Мы вышибли их из нашей норы с год тому назад. С ними мороки столько, что и самому свихнуться впору! Этих фанатиков на Марсе полно. Вы только не подумайте, что я треплюсь. Только что я жила с ней в одном теле! Она действительно верующая. Она входит в какую-то там церковь, придерживается предписываемых правил и ритуалов, принимает таинства и все прочее... жуткая муть, доставшаяся нам в наследство от прошлого.

— Я знаю,— кивнул Барни.

Тод Моррис заметил словно невзначай:

— Поверь мне, Майерсон, Фрэн дело говорит. Мы живем слишком тесно, чтобы терпеть фанатиков. Такие вещи на Марсе не редкость. Не мы первые, не мы последние. Живи как знаешь, но не мешай жить другим — вот основа наших отношений. Иначе здесь просто невозможно. Если же появляется кто-то со своими задвигами, то пиши пропало! Для таких нора слишком мала.— Он закурил и посмотрел на Энн Готорн.— Одного не могу понять, как такая красивая девушка может стать фанатичкой!

— Как вы думаете, ей понравилось там? — спросил Барни у Элен Моррис.

— В известном смысле, да. Конечно, ее шокировало первое ощущение... Это случается со всеми. Привыкнуть к тому, что ты в теле не один, очень непросто. Приходится считаться и с другими. Впрочем, она была полна решимости научиться этому... Сейчас ей полегче — она осталась там одна.

Барни наклонился и поднял с пола маленькую куколку. На сей раз Крошка Пэт была одета в желтые шорты и красно-белую футболку. Он держал в руках Энн Готорн. Именно Энн

Готорн, и никого другого. Ни один человек на свете не смог бы ответить ему, что означало на самом деле это преображение. Он знал только одно: жизнь Энн *там* теперь не связана с этой куклой.

— Я хочу жениться на ней,— сказал он вдруг.

— На ком? — полюбопытствовал Тод.— На Крошке Пэт или на этой новой девице?

— Наверняка он имел в виду Крошку Пэт! — Норм Шайн мерзко ухмыльнулся.

— А я уверена в другом! — заявила Элен.— Ну что ж, так даже лучше. Теперь у нас будет четыре пары.

— Скажите,— обратился к присутствующим Барни,— где здесь можно выпить?

— Да где угодно,— ответил Норм.— Джин у нас дерьмовый, зато крепкий, восемьдесят градусов.

— Я могу купить у вас бутылочку? — Барни полез в карман за бумажником.

— Мы выдаем его бесплатно. Снабженцы из ООН сбрасывают выпивку целыми цистернами.— Норм достал из кармана ключ и открыл буфет.

— Слушай, Майерсон,— спросил Сэм Риган,— чего это ты надумал? Что тебе так не понравилось — мы, нора или вообще Марс?

— Да нет, это я так...— Надраться хотелось по вполне конкретной причине. Энн приняла Кэн-Ди в первый же день — она сдалась без борьбы. Сей дикий факт не мог не испугать. Теперь очередь за Барни.

Помочь ей — значит спасти себя. Если нет, тогда... на жизни можно поставить жирный крест. Марс станет для них синонимом смерти. Скорой смерти.

Глава 9

Энн Готорн очнулась. Барни сразу приметил, что девчонка настроена крайне мрачно. Это ему очень не понравилось. Судя по всему, ее мучили те же предчувствия. Тем не менее Барни решил не донимать ее расспросами раньше времени. Они вернулись в комнату. Энн натянула мешковатый комбинезон и направилась к выходу.

— Мне пора ползти в свою нору,— объяснила она и, обратившись к колонистам, стоявшим в проходе, добавила: — Спасибо за комплект.— Девушка немного постояла, потупив гла-

за, потом взглянула в лицо Майерсону и прошептала: — Прости меня, Барни. Я и сама не понимаю, как я могла тебя оставить.

Он отправился провожать ее. Они молча шли по ночной марсианской пустыне, то и дело озираясь по сторонам, поскольку успели узнать, что помимо прочего на Марсе обитают и хищные звери-телепаты, мерзкие твари, напоминающие гибрид земного шакала и скорпиона. К счастью, сегодня хищники искали добычу в другом месте.

— Ну и как тебе Кэн-Ди? — спросил наконец Барни.

Энн передернула плечами.

— Не знаю даже... Крошка Пэт — маленькая бесстыдная блондинка, на уме одни тряпки, мужчины, машины и... Одним словом, ужасно! Это все не то. Непонятно, какой в этом может быть смысл. Если с чем-то сравнивать, то, наверное, больше всего похоже на мечтания подростка. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Барни кивнул. Вот тебе и Крошка Пэт.

— Барни,— тихо сказала Энн.— Мне нужно совсем другое. Ты не мог бы помочь мне в этом? Ты человек умный и зрелый. Все эти трансляции не для меня. Что-то во мне противится этому, понимаешь? Я думаю, понимаешь. Ты ведь эту гадость побоялся даже в рот взять.— Она схватила Барни за руку и прижалась к нему.— Я могу сказать тебе одну любопытную вещь. *Им все это тоже надоело.* Все то время, что я была *там с* ними, они ссорились! Никакой радости или удовольствия — сплошная ругань!

— О боже,— пробормотал Барни.

Энн подняла фонарь над головой и посмотрела по сторонам.

— Стыдно сказать, но мне хотелось, чтобы прошло по-другому. Хотя мне гораздо больше жаль этих ребят из норы. Понимаешь, Барни, я вдруг стала другой. Совсем другой. Я это чувствую. Мне хочется... чтобы мы вдвоем... понимаешь? Ты и я — и больше никого! Наверное, мне не стоило говорить тебе... Прости!

— Ну почему же? — пожал плечами Барни.— Знаешь, чего я боюсь? Что потом ты пожалеешь о содеянном. Соответственно, пожалею и я.

— Я буду молиться за наше счастье,— прошептала Энн.— Молиться совсем непросто. Ты должен это понимать. На самом деле ты молишься не за себя — нет! Ты молишься за других! И ты молишься не одному Богу на небесах — ты молишься и

Святому Духу, и Ангелу-Хранителю. Ты когда-нибудь читал Павла?

— Какого еще Павла?

— Я говорю о Новом Завете. Послания к коринфянам или к римлянам — читал? Павел говорит, что наш враг — смерть. Это наш последний враг. И потому враг первейший. Не только тела наши бренны, но и души — умереть для мира должно и то и другое. Лишь тогда мы сможем родиться вновь, но уже не во плоти, а в теле нетленном. Понимаешь? Только что я была Крошкой Пэт, и у меня возникло одно очень странное ощущение... Конечно, говорить так нельзя, но я почувствовала вдруг...

— Нечто похожее,— усмехнувшись, продолжил за нее Барни.— Но разве ты не слышала об этом любопытном ощущении и прежде? По-моему, мы с тобой уже говорили об этом. Подобное испытали едва ли не все колонисты.

— Да, конечно, помню,— согласилась девушка.— Но тогда я не понимала одной очень важной вещи! — Она повернулась к Барни.— Мир Крошки Пэт — пародия на Вечность! Если бы не эта дурацкая кукла...

— А что ты скажешь о Чу-Зи?

— Именно о нем я и думала. Если с его помощью смертный может обрести свое бессмертное тело, не покидая этого мира, то я не смогу удержаться — я тут же приму его! Я не стану ждать конца жизни. Ведь я могу прожить еще лет пятьдесят, зачем столько мучиться, когда все можно получить прямо сейчас!

— Последний человек, с которым я разговаривал на Терре,— спокойно заметил Барни,— испробовал действие Чу-Зи на себе. Он сказал, что ничего более ужасного он еще не испытывал.

Слова Барни насторожили Энн.

— В каком это смысле?

— Он попал во власть силы, якобы олицетворяющей абсолютное зло. Выбраться же оттуда ему помог случай. И теперь он живет под беспрерывным страхом новой встречи.

— Барни,— спросила вдруг Энн,— как ты угодил на Марс? Только не говори мне о том, что получил повестку, и все такое прочее. Я никогда не поверю, что такой умный человек, как ты, не смог бы найти способ выкрутиться...

— Я оказался здесь не случайно,— спокойно ответил Барни.— Я совершил ошибку.

«В терминологии Энн это называлось бы грехом»,— подумал Барни и тут же поймал себя на том, что он относится к этой ошибке примерно так же.

— Ты сделал кому-то плохо?

Барни пожал плечами.

— И теперь ты будешь жить здесь,— грустно усмехнулась Энн.— Слушай, а не мог бы ты достать немного Чу-Зи?

— Запросто,— ответил Барни уверенно. Он нисколько не сомневался в том, что не сегодня-завтра он обязательно встретится с торговцами Палмера Элдрича. Он положил руку на плечо Энн и прошептал: — Ты сможешь без особых проблем купить его и сама.

Они пошли дальше. Барни обнял Энн за талию. Девушка и не думала возражать. Напротив, она вздохнула с облегчением.

— Барни, я хочу кое-что тебе показать. Это — листовка. Ее дал мне один из моих соседей. Он говорит, вчера ими вся земля была усыпана.— Энн остановилась и стала рыться в карманах комбинезона. На поиски ушло не меньше минуты, но в конце концов искомый листок был найден.— Прочти. Я не случайно столько об этом Чу-Зи говорю.

Она поднесла листок поближе к фонарю. На бумажке огромными черными буквами было написано:

БОГ ОБЕЩАЕТ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ —
МЫ ТОРГУЕМ ЕЮ

— Видишь? — прошептала Энн.

Барни кивнул. Сложив листок вчетверо, он отдал его Энн, чувствуя, как на сердце вновь возвращается былая тяжесть.

— Ох и надоели мне эти лозунги!

— Это — правда!

— В какой-то мере рекламка отражает истину. Конечно, ты вкладываешь в слово «истина» совсем другой смысл.

«Что хуже? Большая ложь или ложь малая, скрывающая собой великую истину? Впрочем, ложь не может быть лучше или хуже. Ложь — всегда только ложь... И как это Бог не поразил Палмера Элдрича за богохульство? Злой гость, пришедший с Проксимы, предлагает именно то, чего всегда ждали, о чем молились вот уже две тысячи лет. И все же дары его имеют привкус воплощенного зла. Почему?» — Ответить на этот вопрос Барни не мог. Возможно, ощущения эти порождал страх перед злым гостем из преисподней, то бишь Палмером Элдричем. Вдруг чудовище Элдрич станет властителем твоих иллюзий и ты уже

никогда не сможешь выбраться? Тот же, кто берег тебя с детства, останется в том мире, который ты покинул во слепоте своей и гордыне...

Там ты встретишься не с Богом, но с Палмером Элдричем...

— А если это все-таки обман? — пробормотал Барни.

— Не говори так.

Они уже подобрались к шлюзу во Флэкс Бэк-Спит. Тьму марсианской ночи рассеивал свет фонаря, висевшего над входом.

— Вот ты и дома.

Барни не хотелось расставаться с нею. Он прижал девушку к груди и прошептал:

— Слушай, малышка, выходи за меня! Мы официально зарегистрируемся, и ты поселишься в Чумном Бараке.

Она изумленно подняла на него глаза и ни с того ни с сего рассмеялась.

— Мне следует понимать это как отказ? — Барни чувствовал себя последним идиотом.

— Что это еще за Чумной Барак? — спросила Энн сквозь смех.— Ты живешь в норе с таким названием? Только не обижайся, Барни, но я действительно хочу ответить тебе отказом! — Она легко выскользнула из его объятий и приоткрыла наружную дверь шлюза. Барни хотел уже было попрощаться, и тут девушка вновь подбежала к нему, оставив фонарь у порога.

— Полюби меня! — прошептала она.

— Прямо здесь? На песке? — испугался Барни.

— Где хочешь. Возьми меня, где хочешь.— Она обвила его шею руками.— Ну что же ты, Барни? Ну?

* * *

На обратном пути к своей норе Барни не давала покоя странная мысль. Что, если он завербован Элдричем? Ведь он общался с девушкой так, словно ее уже не существовало. Словно их *обоих* уже не существовало.

Впереди обозначился какой-то темный объект.

Барни замер и, не вынимая руки из кармана комбинезона, нащупал выданное по прибытии оружие. На Марсе жили не только шакалы-телепаты. Местная фауна чрезвычайно богата и многообразна. Барни с опаской зажег фонарик, боясь увидеть перед собой что-нибудь многоногое, студенистое и кровожад-

ное. Опасения его, к счастью, оказались излишними. Перед ним стоял маленький легкий корабль, дюзы еще дымились. Очевидно, машина опустилась на грунт минуту-другую назад. Барни расслабился, но вдруг вспомнил, что не слышал рева работающих двигателей, и вновь насторожился.

Человек, появившийся из корабля, включил фонарь и направил луч прямо в лицо Барни.

— Меня зовут Аллен Фэйн. Я вас едва разыскал. Лео будет держать с вами связь через меня. Вот книга кодов, возьмите. Во время обычного сеанса связи я буду передавать информацию, предназначенную специально для вас. Естественно, она будет зашифрована.— Фэйн сунул в руки Барни небольшую книжечку.— Надеюсь, вы знаете, кто я?

— Диск-жокей.

Эта странная встреча с человеком из «Пэт-Комплект» казалась нереальной. Барни принял книгу и пробормотал:

— Спасибо. Теперь скажите, что я должен с этим делать. Записывать все подряд, а потом с помощью этой книжечки подбирать нужные слова?

— В вашей комнате будет телевизор. Нам удалось провернуть это дело, напирая на то, что вы новичок со слабой психикой.

— Я понял,— кивнул Барни.— Можете не продолжать.

— Видите, расклад совсем неплохой,— усмехнулся Фэйн.— Девушка у вас уже есть, теперь еще и телевизор. Вы уж меня извините за то, что мне пришлось воспользоваться прибором ночного видения, но у меня попросту...

— Ни за что не извиню,— буркнул в ответ Барни.

— Вы просто еще не привыкли к нашей жизни. Марс — та же деревня, здесь про тебя все всё знают. Естественно, к новостям такого рода колонисты проявляют особый интерес. У меня же, как вы сами понимаете, это чисто профессиональное. Теперь я должен знать о вас все. Кстати, что это за девица?

— Не знаю,— усмехнулся Барни.— Было темно. Я ее не разглядел.

Барни хотел было уйти, но Аллен Фэйн тут же остановил его.

— Зря вы так спешите. Я сказал вам далеко не все. Продавец Чу-Зи уже вылетел в ваш район. По нашим прогнозам, он появится не далее как завтра утром. Будьте готовы. И еще. Позаботьтесь о том, чтобы сделка ваша состоялась в присутствии

свидетелей. Пусть соседи видят, как вы покупали наркоту и как приняли дозу. Без их показаний дело не будет иметь смысла, вы, очевидно, это понимаете. Вам все ясно? — Немного помолчав, Фэйн добавил: — Еще один совет. Не пытайтесь *покупать* Чу-Зи, пусть торговец *всучит* его вам, дав словесные гарантии его безопасности. Главное — ничего не просить!

— Ну хорошо,— вздохнул Барни.— А что же я получу взамен?

— Не понял?

— Лео так и не сказал мне, как он собирается расплачиваться...

— Я могу ответить на ваш вопрос,— Фэйн перешел на шепот.— Мы заберем вас с Марса. Это и будет нашей платой.

Барни долго молчал.

— Вы это серьезно? — наконец спросил он.

— Разумеется, операция будет нелегальной. Законным образом вернуть вас на Терру может только ООН; рассчитывать на это, естественно, не приходится. Однажды ночью мы заберем вас отсюда и переправим в «Угодья Винни-Пуха».

— Я буду торчать там до самой смерти?

— Разумеется, нет! Хирурги компании изменят вашу внешность, отпечатки пальцев и даже энцефалограмму. Вы станете совершенно другим человеком. После этого вы, скорее всего, вернетесь на службу в «Пэт-Комплект». Насколько я знаю, вы работали в самом Нью-Йорке? Вот и прекрасно. Года через два — два с половиной вы окажетесь на своем прежнем месте. Так что не отчаивайтесь.

— А если я передумаю?

— Бросьте. Этого хотят все колонисты без исключения.

— Хорошо. Будущее покажет. Но, вполне возможно, мои планы могут измениться.

Он думал об Энн. Вернуться на Терру и начать все сначала — одному или в паре с Рони Фьюгейт... Что ж, перспектива не особо привлекательная. Его словно подменили; возможно, причиною всего был Марс, возможно — близость с Энн... Впрочем, это началось еще раньше. Ведь он явился сюда добровольно. И об этом забывать ни в коем случае не следовало.

— Мне известны некоторые из обстоятельств, заставивших вас покинуть Терру. Вы пытаетесь таким странным образом загладить некую свою вину. Я прав?

Барни изумленно уставился на Фэйна.

— Что-то я вас не понимаю... Вы что, тоже исповедуете какую-то религию?

— Вероятно, вас обидели или насторожили мои слова, мистер Майерсон? Но поверьте, я не оговорился. Именно так все и обстоит. К тому времени, когда мы заберем вас в «Угодья Винни-Пуха», вы искупите свою вину сполна. Посмотрите на это.— Он извлек из кармана маленькую пластиковую ампулу.

У Барни внутри все похолодело.

— Что это? — спросил он дрожащим голосом.

— Ваша болезнь. Ваших показаний на суде может быть недостаточно — эксперты, скорее всего, захотят обследовать вас.

— Ну-ну. И что же это за болезнь?

— Это эпилепсия, Майерсон. Так называемая форма «Кью». На ней мы остановились не случайно. Никто не знает ее точный источник — органические поражения мозга, которые не фиксируются на энцефалограмме, или же психические расстройства.

— Вы могли бы сказать мне о симптоматике?

— Припадки,— ответил Фэйн скорбно и, немного помолчав, добавил: — Я вам сочувствую.

— Понятно,— пробормотал Барни.— И долго это будет со мной продолжаться?

— Мы сможем дать вам антидот только после того, как суд примет окончательное решение. В любом случае больше года это не продлится. Теперь вам понятно, почему я заговорил об искуплении? В свое время вы не помогли Лео, и теперь вам приходится *искупать* свою вину. Мы заявим, что болезнь, внезапно поразившая вас, является прямым следствием употребления Чу-Зи. При этом...

— Да,— покачал головой Барни.— Здорово вы придумали. Эпилепсия — штука действительно страшная. Раньше был рак, теперь — эпилепсия. Люди боятся ее как огня. Ведь заболеть-то может любой.

— Особенно той формой, которая будет обнаружена у вас. Вы мне, возможно, не поверите, но, по слухам, ученые до сих пор бьются над загадкой ее возникновения! Есть и еще одна причина, заставившая нас остановиться именно на этой форме. При заболеваниях такого рода в мозгу не наблюдается органических изменений. Значит, мы всегда сможем вас вылечить. Возьмите ампулу. Здесь метаболический токсин, его действие подобно метразолу: не только вызывает припадки, но и определенным образом влияет на энцефалограмму.

— А как же анализ крови?

— Он покажет присутствие в крови *какого-то* токсина, а это именно то, что нам нужно! Мы представим на суд результаты вашего недавнего медицинского обследования. Там ведь никаких отклонений от нормы нет. Уж во всяком случае ни эпилепсии, ни токсинов в крови. Верно? Таким образом, появление названного токсина в крови расценят как одно из побочных действий новой наркоты.

— Ну а если я проиграю этот процесс? — поинтересовался Барни.

— В любом случае уровень продажи Чу-Зи тут же упадет. Ни для кого не секрет, что большинство колонистов, долго сидящих на дури, страшно боятся испортить здоровье. На этой почве у них возникают различные фобии.

Фэйн кашлянул и добавил:

— Кстати, токсин, который вы держите в руках, фантастически редок. Лео доставал его через какие-то свои каналы. Если не ошибаюсь, производят его где-то на Ио. Один доктор...

— Этого доктора зовут Вилли Денкмаль,— вырвалось у Барни.

Фэйн пожал плечами.

— Это не важно. Важней другое. Приняв Чу-Зи, вы тут же должны выпить содержимое ампулы. Постарайтесь, чтобы ваш первый припадок произошел на глазах у соседей по отсеку, а не где-нибудь в безлюдной пустыне. Как только вы придете в себя, звоните в ООН и просите о медицинской помощи. Своего доктора вызывать не стоит, пусть пришлют государственного эксперта.

— Наверное, неплохо бы во время припадка снять с меня энцефалограмму. Как вы на это смотрите?

— Вы совершенно правы. Поэтому попытайтесь тут же попасть в один из госпиталей ООН. На Марсе их всего три. На то у вас будут весьма веские причины.— Фэйн на мгновение задумался, но тут же продолжил: — Если уж быть откровенным до конца, припадки весьма агрессивны. Всплеск жестокости не только против других, но и против самого себя. Исполненные агрессии, истероидные приступы будут заканчиваться частичной или полной потерей сознания. Природа заболевания очевидна — сначала типичная тоническая стадия, отличающаяся особенно сильными судорогами, затем — стадия клоническая, для которой характерны ритмически повторяющиеся судороги, перемежающиеся с полным расслаблением. После этого, разумеется, наступает кома.

— Говоря иначе, это обычная судорожная форма. Так?

— Неужели это вас пугает?

— Я думаю. Перед Лео я, конечно, в долгу. Двух мнений тут быть не может. И все же не стоит козырять словом «искупление».

Барни вдруг вспомнилась Энн. Интересно, повлияет ли болезнь на их отношения?

Наверняка все тут же закончится...

Выходит, придется пожертвовать не только собой. И все ради него, ради Лео. Впрочем, и Лео тоже делает шаг навстречу — он вытащит его отсюда...

— Должен предупредить,— прервал его размышления Аллен Фэйн,— вероятно, они попытаются убрать вас. Скорее всего, это произойдет в тот момент, когда вы потребуете адвоката. На самом деле они...

— Пора мне возвращаться в свою нору. Вы не возражаете?

— Конечно нет! Идите, осваивайтесь. Но прежде позвольте мне дать вам один совет в отношении той девицы. Доберман первым из колонистов и женился, и развелся здесь, на Марсе. В соответствии с законом Добермана в этом богом забытом месте эмоциональная привязанность и интимные отношения являются вещами взаимоисключающими. Я думаю, роман ваш закончится уже через две недели. И не потому, что вы заболеете,— нет, просто так уж устроена жизнь на Марсе. Вечное движение. ООН такое положение вещей устраивает. Чем больше детей, тем больше колонистов. Вы меня понимаете?

— В таком случае ООН может воспрепятствовать нашим отношениям, ибо они основаны на чем-то совершенно ином.

— Не тешьте себя иллюзиями, Майерсон, вы уже не мальчик. Я наблюдаю за этой планетой день и ночь уже много лет подряд. Я ни к чему вас не призываю — я просто констатирую факт. Откровенно говоря, вы мне нравитесь. Именно поэтому я вас предостерегаю.

— Спасибо,— буркнул Барни и зашагал к своему отсеку, освещая путь фонариком. Радиомаяк, висевший у Барни на шее, тут же ожил. Сигналы удивительно напоминали квакание лягушки. Лягушки, предвкушавшей возвращение в родное болото.

«Хорошо, я сожру отраву! И подам на этих ублюдков в суд. Пусть Лео не сомневается. Не хочу оставаться у него в долгу. Однако на Землю не полечу. Если не выживу здесь, я не смогу

жить нигде. С ней — с Энн Готорн. Эта убогая дыра станет для меня землей обетованной.

Завтра утром начну расчистку моего первого огорода. Завтра утром я начну новую жизнь».

Глава 10

Тод Моррис и Норм Шайн полдня провели с Барни Майерсоном. Они учили его управлять бульдозерами, экскаваторами и грейдерами. Вся эта техника, естественно, находилась в весьма плачевном состоянии. Машины кое-как двигались, однако частенько приходилось брать отвертку и гаечный ключ. Машинами никто не пользовался вот уже несколько лет, и, само собой, механизмы разладились.

К полудню Барни устал. Он уселся в тени гигантского, рыжего от ржавчины трактора и съел холодный завтрак, запивая его тепловатым чаем из термоса: его любезно одолжила Фрэн Шайн.

Соседи разбрелись по своим норам и занимались всякой чепухой. Впрочем, Барни это мало интересовало.

Со всех сторон его окружали заброшенные, поросшие сорняком огороды. Когда-то хозяева отдавали им все свои силы, но потом... Скорее всего, с каждым прибывавшим сюда колонистом происходило примерно одно и то же: сначала — отчаянные попытки как-то утвердить себя в этой новой жизни, затем — уныние, чувство собственного бессилия и пустота... Но неужели все действительно так безнадежно? Нет! Этого просто не может быть!

«Все определяется тем, как ты к этому относишься,— размышлял Барни.— Ребята из компании "Пэт-Комплект" указали несчастным изгоям простой выход. Вернее, иллюзию выхода. Мы продавали — они покупали. И каждый жил в своей иллюзии. И вот в мир пришел Палмер Элдрич. Пришел, чтобы открыть адские врата. Не кто-нибудь, но именно торгаши грезами — и я в том числе — проложили ему путь. Сможем ли мы когда-нибудь искупить свою вину пред миром?»

От тягостных мыслей Барни отвлекла Элен Моррис.

— Как ваши успехи? — Она улыбнулась, присела рядом и стала перелистывать толстенный каталог с эмблемой ООН на обложке.— Здесь приведен список всех семян, которые поставляются бесплатно. Все культуры, включая, кстати, и обычную репу, способны расти на здешних почвах.— Элен захихикала.—

В этих местах обитает множество грызунов, вроде земных мышей. Они выходят на поверхность в ночное время и сжирают все подчистую. Вам придется поставить на участке несколько ловушек-самоходок.

— Обязательно!

— Вы не представляете себе, какое это зрелище! Ловушка носится за мышкой! Бегают они быстро! И мышки, и ловушки. Еще интереснее наблюдать за происходящим, сделав ставки. Я обычно ставлю на ловушку. Знали бы вы, как я их обожаю!

— Наверное, это забавно.

«К ловушкам следует относиться уважительно,— подумал он.— К ловушкам и к безвыходным ситуациям».

— Помимо прочего, ООН бесплатно выделит вам двух роботов. Вы вправе распоряжаться ими в течение шести месяцев. Вам следует сразу же спланировать их деятельность. Лучше всего бросить на рытье оросительных каналов. Те, что проложены прежде, давно уже занесло песком. Порой длина каналов достигает двухсот миль, но здесь, как вы, наверное, понимаете, все определяется фантазией фермера. Можно откупить...

— Я ничего не собираюсь откупать.

— Вы меня даже не дослушали до конца. Я предлагаю вам не какую-то там грандиозную сделку — нет! Просто вы можете откупить у владельцев их ирригационную систему и довести ее до ума. Им-то она все равно ни к чему! Да, Барни, я вот о чем хотела вас спросить... Вы действительно хотите перевезти к себе эту девицу из Флэкс Бэк-Сплит?

Барни ничего не ответил. Задрав голову вверх, он разглядывал кружащий по черным, сверкающим звездам, полуденным марсианским небесам корабль. Неужели это продавец Чу-Зи? Если так, то в скором времени ему, Барни Майерсону, придется отравить себя. Чтобы гигантская корпорация, к которой он с недавнего времени не имел никакого отношения, росла и процветала.

Его вдруг поразила собственная готовность принести себя в жертву неизвестно чему.

Элен Моррис подняла взгляд и тут же воскликнула:

— К нам гости! Корабль явно не правительственный! Пойду вниз — позову наших!

Барни сунул руку в левый карман комбинезона и нащупал в нем крошечную ампулу. «Неужели я действительно это сделаю?» — промелькнуло в сознании. Все естество, вся его человеческая сущность протестовали против безумного шага. В гор-

нило страдания его толкало отнюдь не отчаяние, но нечто иное — что именно, он не понимал.

Корабль сел шагах в тридцати от жилого модуля. «Если я приму токсин,— подумал вдруг Барни,— *она не станет пробовать Чу-Зи*». Он улыбнулся. Вот истинная причина. Вот откуда он черпал уверенность.

Из корабля вышел Палмер Элдрич.

Не узнать его просто невозможно. После аварии звездолета на Плутоне газеты буквально пестрели фотографиями Элдрича. Разумеется, фотографиям этим было не меньше десяти лет, однако за прошедшие годы Палмер Элдрич практически не изменился: седой худощавый человек, ростом за шесть футов. Легкая, едва ли не юношеская походка. И наконец, лицо... Лицо настолько изможденное, что казалось, обладатель его ел поедом самого себя. Вызывали удивление огромные стальные зубы, вставленные ему перед путешествием на Проксиму чешскими дантистами. Жуткие клыки, намертво приваренные к челюстям,— с ними он сойдет в могилу.

Правая рука — искусственная. Настоящую руку Элдрич потерял на Каллисто. Лет двадцать назад... Протез практически ни в чем не уступал настоящей руке и даже имел определенные преимущества, особенно возможность менять кисть. В настоящий момент Элдрич пристегнул к руке пятипалую кисть гуманоида, отличавшуюся от обычной разве что металлическим блеском.

И еще. Палмер Элдрич был слеп. По крайней мере, глаз у него не было. Бразильские окулисты за бешеные деньги вставили в глазницы окуляры. Произошло это незадолго до отправления Элдрича на Проксиму. Надо заметить, окулисты действительно поработали на славу. Окуляры, естественно, не имели зрачков и не могли двигаться, что компенсировалось применением широкоугольных линз, скрытых узкими щелями защитных экранов. Зрение Элдрич потерял в Чикаго: наемные убийцы по неведомой широкой публике причине плеснули ему в лицо кислотой. Элдричу причина эта, скорее всего, была известна, поскольку в полицию он заявлять не стал, а кинулся прямиком в Бразилию. Новые глаза пришлись ему по вкусу. Сразу же после операции он прилетел в штат Юта, где проходили торжества, посвященные открытию нового оперного театра. И сделал он это с одной-единственной целью — пощеголять перед публикой жуткими глазами-щелями. Подобные операции считались уникальными, поэтому вид широкоугольных окуляров системы

Йенсена потряс Барни до глубины души. Страшные глаза, зловещий протез... С одного взгляда можно рехнуться...

— Мистер Майерсон? — спросил Палмер Элдрич и оскалился. Стальные зубы блеснули в холодном свете марсианского солнца. Он протянул Барни руку, и тот поспешил пожать ее. Однако...

«Голос звучит откуда-то со стороны!» — осенило вдруг Барни. Он обалдело вытаращился. Фигура стоявшего перед ним человека была призрачной: рука оказалась неосязаемой, а сквозь тело можно разглядеть стоявший поодаль трактор. Барни чуть не рассмеялся. Этот монстр и так почти легенда, миф, теперь же он лишился самого главного — плоти и крови. Неужели с Проксимы вернулся только призрак? Если так, значит, Хепберн-Гильберт действительно обманулся. Палмер Элдрич — не человек. Более того — его вообще *нет!*

— Я все еще нахожусь на борту корабля,— пояснил Элдрич, заметив его замешательство. Голос действительно доносился со стороны ракеты.— Предосторожность совсем не лишняя, особенно если вспомнить, что вы являетесь сотрудником Лео Булеро.

Призрачная рука коснулась Барни, обдав холодом. Понимая, что руки этой вроде как не существует, Барни не обратил внимания на странное ощущение.

— Являлся,— поправил он Элдрича.— Являлся сотрудником.

Из норы один за другим выбрались все обитатели: Шайны, Моррисы и Риганы. Больше всего они напоминали сильно перепуганных детей.

— Что это еще за чертовщина,— пробормотал Норм Шайн,— терпеть не могу призраков.— Он подошел к Майерсону.— Понимаешь, Барни, мы живем в пустыне. Здесь частенько появляются миражи — корабли, люди, животные, все, что угодно. Это я к тому веду, что ни этого типа, ни его дурацкой ракеты на самом деле нет!

— Обыкновенная оптическая иллюзия, ничего особенно замечательного в ней нет. И ракета, и пилот находятся где-нибудь в шестистах милях отсюда, понимаешь? — добавил Тод Моррис.

— Тогда бы вы не слышали моего голоса,— усмехнулся Палмер Элдрич.— Я нахожусь именно там, где вы меня видите. Более того, я пришел по делу. Кто тут главный?

— Ну я! — хмуро отозвался Норм Шайн.

— Моя визитка.

Элдрич достал из нагрудного кармана карточку и подал ее Норму. Тот машинально потянулся за ней, но визитка прошла сквозь его пальцы и упала на песок. Элдрич улыбнулся. Улыбка была холодной и страшной. Казалось, он в один миг вобрал в себя все, что окружало его. Вобрал, чтобы уже никогда не отдать.

— Вы прочтите, что на ней написано,— посоветовал Элдрич.

Норм Шайн послушно присел на корточки и принялся изучать визитку.

— Надеюсь, теперь у вас нет никаких сомнений касательно меня,— Элдрич продолжал скалиться.— Я прибыл сюда с одной-единственной целью — хочу оформить наши дальнейшие отношения контрактом. Дабы доставить вам то...

— Что Бог лишь обещает,— перебил его Норм.— Лучше скажите нам, сколько это будет стоить.

— Цена вдесятеро меньше той, которую запрашивают наши конкуренты. Поскольку препарат наш куда эффективнее, вам не придется обзаводиться комплектами — сбережете немалые деньги.

Барни показалось, что Элдрич обращается непосредственно к нему, хотя толком понять нельзя — широкоугольные линзы смотрели сразу во все стороны.

— Как вам нравится на Марсе, мистер Майерсон? — полюбопытствовал Элдрич.

— Здесь здорово,— отозвался Барни.

— Этой ночью вы беседовали с Алленом Фэйном. О чем именно вы говорили?

— О деле,— процедил сквозь зубы Барни. Не успел он опомниться от первого вопроса, как тут же последовал второй.

— И вы продолжаете утверждать, что не работаете на Лео? Ну да ладно. Поговорим о другом. Вашу переброску на Марс организовали специально. Не зря вы прибыли сюда за день до начала кампании по распространению Чу-Зи. Возникает вопрос — какова цель вашего прилета? Никакого компромата в вашем багаже не обнаружено. Скорее всего, вы должны стать источником разного рода слухов. Чу-Зи, мол, то-то и то-то. Я угадал, мистер Майерсон? Как, вы меня не понимаете? Скажу иначе. Например, постоянное употребление Чу-Зи может вызвать нежелательные реакции. Что вы на это скажете?

— Что я могу сказать? Я его еще не пробовал. Вот попробую, тогда и отвечу.

— Мы все этого ждем не дождемся,— подала голос Фрэн Шайн. Она сжимала в ладонях горсть скинов.— Скажите, когда же мы сможем купить его, неужели мы должны еще чего-то ждать?

— Первую партию я продам вам прямо сейчас,— ответил Элдрич.

В тот же миг люк корабля распахнулся, и оттуда выехала небольшая самоходная тележка. В метре от людей она остановилась и положила к их ногам коробку, завернутую в знакомую коричневую бумагу. Норм Шайн наклонился и осторожно поднял коробку с земли. Никакого обмана, коробка настоящая.

— Чу-Зи,— еле слышно пробормотала Мэри Риган.— Да как много! Сколько мы вам должны, мистер Элдрич?

— В общей сложности — пять скинов,— ответил призрак. Из верхней части тележки выдвинулся маленький ящичек, предназначенный для приема оплаты.

Колонисты начали было спорить друг с другом, но тут же пришли к согласию и положили в ящичек требуемые пять скинов. Ящичек задвинулся, тележка развернулась и уже через минуту исчезла в недрах корабля. Элдрич, однако, явно никуда не спешил. Он так и стоял, довольный собой и миром. Его не могли смутить даже коварные происки Лео Булеро.

Все случившееся окончательно расстроило Барни, и он решительно зашагал к своему крошечному, плохо очищенному от песка участку земли. Барни включил ржавый громоздкий агрегат, и тот, вновь утробно завывая, принялся заглатывать в себя песок. Барни мгновенно и думать забыл об Элдриче, Чу-Зи и прочей дряни. Сейчас его заботило лишь одно — успеет ли он расчистить участок прежде, чем машина окончательно выйдет из строя. Судя по всему, ремонтом таких механизмов на Марсе заниматься некому.

И вдруг сквозь грохот и вой движка вновь прорезался голос Палмера Элдрича.

— Теперь, мистер Майерсон, вы будете жевать его по гроб жизни!

Барни выключил машину и резко обернулся, внезапно осознав, что на сей раз с ним говорит не призрак, но живой человек.

— Подобная перспектива очень радует меня, мистер Элдрич. Не знаю даже, как мне вас благодарить! — Он подошел к землечерпалке и взялся за один из ее стальных клыков.— Мистер Элдрич, вы случаем не знаете, где здесь технику чинят?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю! — ухмыльнулся Элдрич.

Металлический клык выпал из направляющих и остался у Барни в руке. Он прикинул все железяки.

«А ведь этой штукой запросто прибить можно! Что, если я Элдрича пристукну? Тогда все проблемы разом снимутся. Не понадобятся ни токсин, ни суд, ничего такого... Конечно, меня тут же на тот свет отправят, но это, как говорится, уже детали...»

Барни повернулся и...

Дальнейшие события произошли так стремительно, что трудно стало отличать реальность от фантазии. Автоматическая лазерная пушка, установленная на корабле, выбила железяку из рук. В тот же миг Палмер Элдрич, легко пританцовывая, отскочил назад и неожиданно взмыл вверх, подобно воздушному шару. Он взирал на Барни глазами-щелочками и скалил в довольной ухмылке огромные стальные зубищи, затем помахал Барни своей железной лапой. Что и говорить, зрелище нелепое и страшное!

Повинуясь какой-то неведомой силе, Элдрич описал в воздухе что-то вроде синусоиды и скрылся во чреве космического корабля. Он вновь оказался в безопасности.

— Что у вас произошло? — спросила снедаемая любопытством Фрэн Шайн.— Что все это значит?

Барни упрямо молчал.

— Сдается мне, ребята что-то не поделили! — заметил Тод Моррис.

— Бог с ними, какая, в конце концов, разница? — проворчал Норм Шайн.— Главное — у нас теперь есть Чу-Зи! А тебе, Майерсон, мой совет на будущее: держись от Элдрича подальше! Впредь с ним буду говорить я. Если бы знать заранее, что ты работаешь у Лео Булеро...

— Не работаю, а работал! — крикнул Барни. И снова занялся землечерпалкой.

Итак, первая попытка убить Палмера Элдрича закончилась неудачей. Интересно, представится ли подобная возможность в будущем? И еще — можно ли сделать это в принципе?

Немного подумав, Барни пришел к выводу, что на оба вопроса следует отвечать одинаково: нет.

В тот же день обитатели Чумного Барака собрались в каюткомпании, чтобы провести первый опыт с Чу-Зи. В комнате царило напряженное молчание, все ждали той минуты, когда они отправятся *туда*. В свой новый мир, исполненный чудес и тайн...

— Тьфу ты...— скривилась Фрэн Шайн.— Какое же все-таки оно гадкое на вкус!

— Подумаешь, цаца какая! — хмыкнул Норм Шайн, но тут его самого перекосило.— А ты на сей раз права. Вкус — как у гнилого гриба.— Он сглотнул было слюну, но мгновенно согнулся от приступа рвоты.

— Ничего не понимаю,— схватившись за голову, простонала Элен Моррис.— Если у нас нет комплекта, то где мы после этого окажемся? Скажи мне, Норм, ты уверен, что *там* мы будем вместе?

— Какая разница? — пожал плечами Сэм Риган.

— Смотрите все на меня! — громко проговорил Барни.

Все удивленно посмотрели в его сторону.

— Вот я положил Чу-Зи в рот. Видите? Вот я начинаю жевать.— Сердце его готово было выскочить из груди.

«О боже! — подумал он.— Как же я все это вынесу!»

— Ну и что с того? — усмехнулся Тод Моррис.— Тоже решил немного полетать? Тебе слабо — ты у нас не Элдрич!

Теперь Чу-Зи жевали уже все семеро. Барни вздохнул и закрыл глаза.

Когда он открыл их, то увидел склонившуюся над ним жену.

— Ответь мне толком,— говорила она,— тебе второй «Манхэттен» смешивать или нет? Ведь надо сначала лед приготовить...

— Эмили,— прошептал Барни.

— Да, мой дорогой,— женщина горько улыбнулась.— Каждый раз, когда ты называешь меня по имени, я готовлюсь получить очередную порцию нотаций. Ну давай, говори, что тебе не понравилось на сей раз.— Она уселась на кушетку и небрежным жестом пригладила свою роскошную мексиканскую юбку, которую Барни когда-то подарил ей на Рождество.— Говори, я теперь ко всему готова.

— Никаких нотаций читать не собираюсь!

«Неужели я действительно такой зануда?» — подумал Барни про себя. Он с трудом поднялся с дивана, но тут же понял, что передвигаться самостоятельно не способен,— он был вдребезги пьян.

Эмили смерила его насмешливым взглядом.

— Вон оно в чем дело. Ты опять нарезался!

Нарезался. Последний раз Барни слышал это выражение в бытность свою студентом. Так уже давно никто не говорил. Никто, кроме Эмили.

— Милая... Милая, сейчас говорят «набрался». Понимаешь? Набрался!

Потом Барни каким-то чудом добрался до кухни. Он точно знал: в буфете должно остаться спиртное.

— Набрался так набрался,— вздохнула Эмили. Вид при этом у нее был печальный.— Барни,— добавила она,— ты бы не пил столько, а? Конечно, во всем виновата только я... Ты пьешь потому, что я такая... Потому что я тебе не подхожу, вот! — Она стала поглаживать правую бровь, движение это было у нее чем-то вроде нервного тика.

— Ты здесь ни при чем,— буркнул он в ответ.— Просто я слишком многого хочу.

«Меня приучили быть требовательным к другим,— подумал он,— я подхожу ко всем со своей меркой. Мне кажется, что человек должен владеть собой, собой и своими чувствами».

«Но ведь Эмили не просто женщина,— размышлял Барни,— как ни крути, а все-таки художник. Какая, в конце концов, разница — живописец, прикладник... Все одно, богема. Во-во, точно... Богема. Жить так, как живут все художники, и при этом быть совершенно бесталанным».

Барни принялся готовить коктейль, решив на сей раз обойтись безо льда — просто бурбон и содовая.

— Что на тебя опять нашло? — спросила Эмили.— Зачем ты меня мучаешь?

— Шла бы ты куда подальше!

— А вот и не пойду, не дождешься! Никуда я от тебя не уйду, понял? — Она горестно заломила руки.— Неужели ты не можешь относиться ко мне хоть немного иначе? Мало того, что я сама из-за своих недостатков страдаю, так ты еще норовишь меня носом в них ткнуть!

— Я рад бы их не замечать, да не могу. Ты ведь ничего не доводишь до конца. Все время какие-то безумные планы — то одно, то другое — и что в результате? Вот, например...— Барни махнул рукой. Что толку с этих разговоров? Перевоспитывать Эмили уже поздно. Такое ощущение, что ей, кроме дурацкого гончарного круга и красок, ничего не нужно. Был бы в этом хоть какой-то толк, а так...

Время летело стремительно. Мир, в котором существовали Лео Булеро и сотрудники Отдела прогнозов, так же стремительно рос и мужал. Сам же Барни топтался на месте...

«Никогда мне не стать консультантом Нью-Йорка. Я так и буду торчать в этом богом забытом Детройте.

Хорошо бы возглавить нью-йоркское отделение, вот тогда я был бы счастлив. Что у меня есть, кроме работы? Ничего, ровным счетом ничего. Работать в полную силу и занимать соответственное положение — вот что важно. Все прочее — чушь».

— Я ухожу.— Барни поставил стакан на стол, пошатываясь, добрался до прихожей и снял с вешалки плащ.

— Надеюсь, ты вернешься не поздно? — Эмили проводила его до самой двери.

Барни покачал головой. Какой кошмар, вот уже целых два года они живут в этом жутком доме. Доме номер 11139584.

— Как получится,— буркнул он в ответ и открыл дверь.

В коридоре кто-то стоял. Высокий седой человек с непомерно большими стальными зубами, с неподвижными, лишенными зрачков глазами-щелями, с поблескивающей металлической кистью...

— Привет, Майерсон! — гость сверкнул железной улыбкой.

— Палмер Элдрич,— пробормотал Барни и, повернувшись к Эмили, добавил: — Его фотографии появляются в газетах каждый день! Это самый знаменитый промышленник планеты! — И в тот же миг Барни посетило странное чувство — ему вдруг стало казаться, что все это когда-то уже происходило с ним. Окончательно смутившись, он спросил: — Неужели вы пришли ко мне?

— Вы позволите мне поговорить с вашим супругом? — обратился Элдрич к Эмили. Та кивнула и послушно прикрыла за Барни дверь. Улыбка тут же исчезла с лица Элдрича. Он зло зашептал:

— Майерсон, вы как-то странно распоряжаетесь своим временем. Зачем вы полезли в прошлое? Не стоило давать вам Чу-Зи. Честно говоря, таких извращенцев, как вы, я еще не встречал! У вас осталось совсем немного времени. Через десять минут я отправлю вас назад, в ваш Чумной Барак. Если вы чего-то действительно хотите, то решайтесь побыстрее, слышите!

— Что такое Чу-Зи? — еле слышно спросил Барни.

Металлический кулак со страшной силой ударил Барни в грудь, и он полетел куда-то в кромешную тьму.

Барни хотел закричать, но вдруг сообразил, что никуда не летит, а наоборот — лежит. Лежит на спине... В голове звенит, виски ломит... Он открыл глаза. Комната, в которой он находился, совершенно ему незнакома.

«Я попал в чужую квартиру! Лег в чужую постель, натянул чужую пижаму...»

Барни повернул голову и увидел рядом с собой молоденькую девицу с белыми, как хлопок, волосами.

— Я опоздал,— захрипел Барни чужим голосом.

— Нет, милый,— прошептала девица, не открывая глаз.— Успокойся. От моего дома до нашей работы минут пятнадцать езды.— Зевнув, она открыла глаза и, заметив его тревогу, улыбнулась.— Каждое утро ты говоришь одно и то же. Лучше пошел бы приготовил нам кофе. Без чего не могу, так это без кофе.

— Нет проблем.— Барни тут же выбрался из-под одеяла.

— Зайчик ты мой,— сказала девица насмешливо.— Всего-то ты пугаешься. То из-за меня волнуешься, то на службу боишься опоздать... И все бегаешь, и бегаешь...

— О боже! — простонал Барни.— Как я мог все оставить!

— Что значит «все»?

— Эмили.— Барни посмотрел на девицу и припомнил, что ее зовут Рони. Фамилию же забыл напрочь.— Я потерял все.

— Вон ты о чем! — усмехнулась Рони.— Может быть, теперь мне следует сказать что-нибудь ласковое, чтобы твоя бедная душенька так не терзалась?

— Ведь я только что ушел из дома! Можно подумать, пронеслись годы, а не жалкая пара минут! Я расстался с ней перед самым приходом Элдрича!

— О каком приходе можно говорить, когда Палмер Элдрич валяется на больничной койке где-то в районе Сатурна! Его звездолет попал в аварию, и ООН определила Элдрича в один из своих госпиталей. Неужели ты об этом не слышал? — Рони говорила с легким презрением, однако в голосе чувствовалась изрядная доля любопытства.

— Палмер Элдрич только что был у меня! — отрезал Барни. *Я должен вернуться к Эмили.*

Он поднял с пола свою одежду и, пошатываясь, направился к ванной. Заперев за собой дверь, Барни вымылся, кое-как побрился и оделся. Потом выполз из ванной и бросил девице, все еще нежившейся в постели:

— Мне пора уходить. Не сердись на меня — по-другому я просто не могу.

Через минуту Барни уже стоял внизу, под антитермальным козырьком, в ожидании такси.

Такси — сверкающая новая машина — едва ли не мгновенно довезло его до дома Эмили. Барни расплатился и поспешил

к знакомой парадной. Еще через мгновение он уже поднимался на лифте. Со временем происходило что-то странное — оно замерло на месте. В этом застывшем мире Барни был единственным движущимся объектом.

Он подошел к двери и позвонил.

Дверь открыл какой-то мужчина.

— Я вас слушаю?

Мужчина был достаточно благообразен; особую значительность его лицу придавали густые брови и темные, зачесанные на пробор волосы.

— Я вас знаю,— проговорил Барни.— Вы — Ричард Хнатт.

— Да, вы не ошиблись,— удивленно пробормотал Хнатт.— А вот я вас, честно говоря, что-то не припомню...

За спиной Хнатта появилась Эмили, одетая в серый свитер и старенькие, заляпанные краской джинсы.

— Господи! — воскликнула она.— Да это же Барни! Мой бывший муж. Заходи!

Она распахнула дверь пошире, и он вошел в квартиру, отметив про себя, что Эмили, кажется, обрадовалась его приходу.

— Очень приятно! — бесцветным голосом проговорил Хнатт и хотел было подать Барни руку, но тут же передумал и спрятал ее за спину.— Кофе хотите?

— С удовольствием.— Барни сел за стол. И тут же как чокнутый, выпалил:

— Эмили, мне не следовало разводиться с тобой. Я хочу, чтобы ты вновь стала моей супругой. Пусть у нас все будет так, как раньше.

Эмили залилась звонким смехом и отправилась на кухню за чашкой и блюдцем. Скорее всего, смех и был ответом на вопрос... Барни вздохнул и горестно покачал головой.

Хнатт расположился по другую сторону стола и, немного помолчав, заметил:

— Эмили — моя жена.— Лицо его было мрачным как туча, однако он держал себя в руках.

— Так можно ведь развестись! — заявил Барни громко, обращаясь скорее к Эмили, чем к ее новому мужу.— Я хочу знать — выйдешь ты за меня замуж или нет? — Барни собрался уже пойти на кухню, но в это мгновение Эмили вернулась и поставила перед ним посуду.

— Конечно же нет! — ответила она с милой улыбкой на устах.

Она прекрасно понимала, что Барни говорит искренне, что им движет не минутный порыв переменчивых чувств, а нечто неизмеримо большее,— Барни видел это в ее прекрасных, полных сострадания очах. Так же, как видел он в них и кое-что другое — вечное «нет» ему самому и тому миру, к которому он принадлежал.

«Когда-то я бросил ее, и вот теперь пожинаю плоды предательства. Тот хлеб, что был брошен мною в воду, вернулся ко мне. Неумолимое течение принесло его назад — напитанный водою хлеб встал мне поперек горла — ни проглотить, ни отрыгнуть его уже невозможно... Я получил именно то, что должен был получить. Причем сотворил все собственными руками».

Он тупо взирал, как Эмили наливает кофе. Ее руки. Руки жены. Он отказался от всего. И означать это могло лишь то, что он стремился к смерти, иначе объяснить этот разрыв просто невозможно. Не настолько же он, в конце концов, глуп, чтобы...

— Барни, скажи лучше, как ты живешь? — спросила Эмили.

— Превосходно! — прохрипел он.

— Я слышала, ты теперь живешь с какой-то молоденькой девицей?

Эмили вновь села за стол.

— Это уже в прошлом,— еле слышно пробормотал Барни.

— И кто же у тебя теперь? — Она спросила его об этом таким тоном, словно говорила не со своим бывшим мужем, а с каким-нибудь старинным приятелем или даже с соседкой. Ужас! Как только у нее язык поворачивается!

— Кажется, я понял тебя,— проговорил Барни.— Ты боишься, что рано или поздно я тебя вновь оставлю. Как говорится, обжегшись на молоке... будешь дуть и на воду. Ну так вот, этого не случится. Могу поклясться.

Тон Эмили ничуть не изменился.

— Мне очень жаль тебя, Барни. На твоем месте я обратилась бы к психоаналитику. Кстати, я слышала, что ты обзавелся портативным психиатром. Это правда?

— Да. Его зовут... доктор Смайл.

«Где же я его оставил? — Барни вспомнил о своем чемоданчике.— Не иначе — у Рони Фьюгейт...»

— Мне нужна помощь,— вновь начал он.— Неужели мы не можем...— и не договорил.

«Разве мы можем изменить прошлое? Нет. Причина всегда предшествует следствию. Потерянное уже не вернуть».

Барни поднялся из-за стола.

— Похоже, я сошел с ума,— заявил он, обращаясь к Эмили и Ричарду.— Вы уж меня простите. Я и сам чувствую, что со мной творится неладное!

— Значит, вам тем более надо хлебнуть кофейку! — воскликнул Хнатт.— Если хотите, могу налить чего-нибудь покрепче.— Хмурое настроение у Ричарда как рукой сняло, теперь он выглядел вполне жизнерадостным.

— Я сам не понимаю, что происходит,— сказал Барни.— Меня просил прийти сюда Палмер Элдрич.

«Хотя, вполне возможно, мне это только чудится...»

Он собрался с мыслями, но так и не смог вспомнить того, как попал сюда. Единственное, что он помнил точно, что это как-то связано с Палмером Элдричем...

— Понимаете, я считал, что все тут же выяснится,— пробормотал Барни и развел руками.

Хнатт и Эмили переглянулись.

— В данную минуту Элдрич находится в госпитале где-то на...

— Просто все пошло наперекосяк. Скорее всего, Элдрич перестал контролировать ситуацию. Надо срочно отыскать его. Должен же я все-таки понять, в чем дело!

И тут Барни почувствовал, что его начинает захлестывать волна ужаса — темная леденящая волна.

— Прощайте,— просипел он, двинувшись к двери.

— Стой! — приказал ему Хнатт.

Барни обернулся. Улыбающаяся Эмили продолжала пить кофе, рядом с ней сидел ее нынешний супруг Ричард Хнатт. И он, и она смотрели на Барни. Только теперь Барни разглядел, что у Хнатта нет правой руки — он держал вилку пятипалым протезом. Хнатт поднес вилку с яичницей ко рту, и Барни увидел жуткие стальные зубы. Хнатт был совершенно сед — сед и слеп. Его огромное тело занимало собой полкухни, и все же...

Все же это был Хнатт.

Барни недоуменно замер в дверях. Неужели это Элдрич? Так-так... Искусственная рука, стальные зубы, йенсеновские линзы... Все совпадает. И все-таки это не Элдрич!

— Должен признаться честно,— проговорил Хнатт,— на самом деле Эмили вспоминает вас до сих пор. На мой взгляд,

она делает это излишне часто.— Он глянул на жену.— Я знаю, что для тебя превыше всего долг!

Ты считаешь, что тебе следует забыть о Барни, но это пока не очень-то удается, верно? Я не хочу, чтобы наш брак держался единственно на чувстве долга! Это просто невозможно. Если в нем нет ни капли искренности, ни толики взаимности, то грош ему цена! Мне от тебя жертв не надо. А то, я смотрю, ты привыкла оправдывать ими все и вся! Будь самой собой, Эмили! Выброси ты из головы весь этот вздор! Вспомни: когда Барни выставил тебя за дверь, ты не стала возражать против этого, ибо считала, что твой долг — пожертвовать собою ради карьеры своего любимого супруга. Ты совершаешь ту же ошибку и сейчас! Еще раз говорю тебе, будь самой собой, Эмили,— и все разом встанет на свои места! — Он посмотрел на Барни, улыбнулся и — как показалось Барни — подмигнул ему искусственным глазом.

Теперь это действительно был Палмер Элдрич. Как говорится, в натуральную величину.

Эмили, однако, вела себя так, словно перед нею по-прежнему сидел ее супруг. Она покраснела и сказала с неожиданной злостью:

— Ох, ты договоришься! Я уже сказала все, что думаю. Понял? А раз я так сказала, значит, так оно и есть!

— Но ведь у тебя всего одна-единственная жизнь, Эмили! Зачем ты будешь ее гробить? Если хочешь жить с Барни...

— Я же тебе уже ясно сказала — я этого не хочу! — Она посмотрела на Хнатта, вернее, на Элдрича, казавшегося ей Хнаттом, с такой ненавистью, что Барни стало как-то не по себе. Он тут же решил ретироваться. Было ясно, что надеяться ему здесь не на что.

— Постой,— крикнул ему вдогонку Палмер Элдрич,— я с тобой!

Вниз они спускались уже вдвоем.

— Не сдавайся! — прошептал Элдрич.— Не забывай о том, что ты воспользовался Чу-Зи только один раз. У тебя еще все впереди, Барни. Ты можешь приходить сюда хоть тысячу раз, и когда-нибудь — ты слышишь меня? — когда-нибудь тебе это удастся!

Барни посмотрел в линзы Йенсена.

— Мистер Элдрич, скажите мне, бога ради, что такое Чу-Зи?

Женский голос повторял раз за разом: «Барни! Барни! Вставай, Барни!» Кто-то стал трясти его за плечо. Он открыл глаза и увидел рядом с собой стоявшую на коленях Энн Готорн.

— Как ты? — спросила она, заметив, что он очнулся.— Что это было, Барни? Я долго не могла найти вас, а потом вспомнила, где вы обычно отлетаете. Прихожу, все лежат на полу. Представляешь, что было бы, будь на моем месте инспектор ООН?

— Ты меня разбудила,— проворчал он. Ему было тошно, тошно и мерзко, поскольку первое путешествие закончилось так бездарно. Он хотел одного — поскорее вернуться *туда*. Все остальное не имело для него никакого значения — ни нора, ни его товарищи-колонисты, ни Энн Готорн.

— О-о, я смотрю, тебе действительно было хорошо! — понимающе протянула Энн. Она коснулась рукой кармана: — Торговец и у нас побывал. Я тоже немного этой штуки купила! Странный такой человек, и зубы у него странные, и глаза. Большой и весь седой.

— Элдрич. Или его призрак.— Все тело ныло, словно он провел несколько часов в неудобной позе. Барни посмотрел на часы и ахнул — с того времени, как он принял Чу-Зи, не прошло и минуты.— Элдрич всюду,— бросил он Энн.— Дай мне свое Чу-Зи!

— Не дам!

Он пожал плечами и сделал вид, что сказал это так, к слову, хотя на деле испытывал вполне определенные чувства. Он хотел Чу-Зи, он готов был отдать за него все, что угодно.

Палмер Элдрич наверняка знал об этой особенности своего товара, и потому появиться здесь он должен был уже в ближайшие дни. Во всяком случае, Барни очень на это надеялся.

— Расскажи мне о нем,— попросила Энн.

— Что тебе сказать... Это иллюзорный мир, в котором Элдрич играет роль бога. Он может дать тебе шанс изменить прошлое по твоему усмотрению — так, чтобы ты могла исправить все свои ошибки и разрешить все свои проблемы. Как ты понимаешь, дело это очень непростое. Непростое оно и для Элдрича. Оно требует времени.— Барни замолчал и принялся массировать занывшие вдруг виски.

— То есть просто так желания там не исполняются... Во сне оно как? Щелкнул пальцами — все и готово. А здесь все как-то иначе.

— На сон это совсем не похоже.

«Это куда хуже,— понял он вдруг.— Больше всего это похоже на ад. Да, да, именно так — ад. Бесконечное повторение одного и того же, зримая тьма. Элдрич считал иначе, он говорил: *"терпенье и труд все перетрут"*, или что-то еще в том же роде...»

— Если ты туда вернешься...— начала Энн.

— Если! — усмехнулся Барни.— Теперь я просто не могу не вернуться туда. На этот раз у меня ничего не вышло. Возможно, мне придется проделать этот путь еще не одну сотню раз. Послушай, Энн, бога ради, отдай мне свое Чу-Зи! Я ни минуты не сомневаюсь в том, что мне удастся переубедить ее. Мне сам Элдрич помогать взялся, ты представляешь! Она сейчас в дурном настроении, но это даже хорошо...— Он замолк на полуслове. Энн Готорн странно трансформировалась. Вместо правой руки у нее был протез — блестящие металлические пальцы находились всего в нескольких дюймах от лица Барни. Ошибиться он просто не мог. Он перевел взгляд повыше и вздрогнул — ему открылись межзвездные дали, породившие Элдрича. Сквозь щели глазокуляров он видел пространства, лежащие по ту сторону света...

— Сегодня я тебе его не дам,— улыбнулась Энн.— С тебя и одного сеанса достаточно. Не забывай и о том, что Чу-Зи стоит денег — и немалых! Что ты станешь делать, если в один прекрасный день у тебя кончатся все скины, а?

Энн улыбнулась еще шире, разом обнажив огромные зубы, выточенные из нержавеющей стали.

* * *

Обитатели Чумного Барака один за другим приходили в себя. Энн исчезла неведомо куда. Барни заставил себя подняться на ноги. «Кофе,— подумал он.— Наверняка она отправилась готовить мне кофе».

— Уф! — устало вздохнул Норм Шайн.

— Где вы были? — спросил Тод Моррис. Он встал и помог подняться с пола своей жене Элен.— Я вернулся в то счастливое время, когда начинал учебу в колледже. Первое настоящее свидание. В том смысле, что оно было удачным. Ну, вы понимаете...— Он с опаской взглянул на Элен.

— Это *куда лучше* Кэн-Ди! — воскликнула Мэри Риган.— Если бы я могла поведать вам о том, что со мной происходило! — Она захихикала и густо покраснела.— Об этом как-то не принято говорить в приличном обществе.

Барни отправился в свою комнату, запер за собой дверь и достал из кармана маленькую ампулу с токсином, которую вручил ему Аллен Фэйн. *Время пришло.* Если... если только они действительно вернулись *оттуда.* Ему вспомнился образ Элдрича, наложенный на образ Энн. Что это было? Иллюзия? Или ему вдруг приоткрылась подлинная реальность, подлежащая не только его собственному опыту, но и переживаниям всех остальных участников сеанса?

Что-то подсказывало ему, что он видел именно Элдрича, но никак не Энн Готорн, и это означало, что принимать токсин сейчас было бессмысленно.

Тем не менее он раскрыл ампулу.

И тут же услышал тоненький голосок, шедший изнутри: «Ты находишься под наблюдением, Майерсон. Если ты задумал какую-то гнусность, мы вынуждены будем остановить тебя. Как это ни печально, но нам придется строго наказать тебя».

Он тут же вернул колпачок на прежнее место и дрожащими пальцами закрутил его до упора. И тут — тут он заметил, что ампула совершенно пуста!

В дверях маленькой кухоньки, смежной с его комнатой, появилась Энн.

— Что это у тебя? — испуганно спросила она, глядя на ампулу.

— Способ уйти,— прохрипел в ответ Барни.— Уйти от всего этого...

— От чего именно, Барни? — Энн выглядела так же, как всегда, и от этого ему сразу стало как-то полегче.— Ты как-то странно выглядишь. Может быть, это у тебя от Чу-Зи?

— Ты думаешь, после него бывает похмелье? — Он снова посмотрел на ампулу. Неужели Палмер Элдрич действительно сидит там, внутри? — Энн, ты случайно не знаешь, как можно связаться со спутником Фэйнов?

— Скорее всего, по обычному видеофону.

— Пойди к Норму Шайну и попроси его заказать разговор.

Энн покорно вышла, прикрыв за собой дверь.

Барни достал из-под кухонной плиты книжечку с шифрами. Он должен общаться с Алленом Фэйном на условном языке, ведомом только им двоим.

Страницы книжечки были пусты.

«Ну что ж,— подумал Барни,— значит, придется говорить открытым текстом. Главное теперь — не сболтнуть лишнего».

В комнату заглянула Энн.

— Мистер Шайн заказ уже сделал. Он говорит, что к ним можно звонить в любое время дня и ночи.

Барни пошел вслед за Энн по узкому коридору. Вскоре они уже стояли в маленькой комнатке, отведенной под радиорубку. Норм Шайн, сидевший у передатчика, оглянулся и спросил у Барни:

— Шарлотта тебя случайно не устроит?

— Мне нужен Аллен,— ответил Барни.

— О'кей! Старый лось Эл уже на связи. Говори.— Он подал Барни микрофон. На крошечном экране видеофона появилось улыбающееся лицо Аллена Фэйна.— С вами хочет поговорить наш новенький,— пояснил Норм, на миг забрав у Барни микрофон,— Барни Майерсон. Знай, если бы не этот человек и его супруга, мы давно околели бы от скуки! — Он покинул кресло и направился в коридор, бормоча на ходу: — Господи, как голова раскалывается! Кто б знал!

— Мистер Фэйн,— тихо сказал Барни.— Сегодня мне посчастливилось побеседовать с Палмером Элдричем. Помимо прочего, он упомянул в разговоре и нашу ночную беседу. Он все знает, и потому дальнейшие...

Аллен Фэйн холодно осведомился:

— О какой такой ночной беседе вы говорите?

На какое-то время Барни лишился дара речи.

— Я полагаю,— сказал он наконец,— что они наблюдали за происходящим со спутника. Факт встречи отрицать бессмысленно; содержание же нашего разговора, похоже, неизвестно.

— Да вы же просто сумасшедший! — пробормотал Фэйн, внезапно побледнев.— Я вас впервые вижу! Говорите — будете заказывать что-нибудь или нет? — Лицо Фэйна не выражало ничего определенного. Или он был суперагентом, или Барни действительно заблуждался на его счет.

— Так вы, выходит, меня не знаете? — потерянным голосом спросил Барни.

Фэйн зло посмотрел на него и тут же отключил свой видеофон. Маленький экран погас, и вместе с ним погасла последняя надежда Барни. Все, он попался. Он вышел в коридор и, достав из кармана пачку (последнюю?) земных сигарет, заку-

рил. Элдрич делал с ним то же самое, что он делал с Лео Булеро. Со временем он изловит нас всех, подумал Барни. Теперь понятно, как он это делает: он полностью отключает человека от мира, переводя его в изолированное, ограниченное пределами самого Палмера Элдрича пространство. Начал он с Лео. Теперь пришла очередь Барни.

«И я еще должен бороться с ним — бороться с помощью этой пустой ампулы, в которой некогда содержался редчайший токсин, стоивший целое состояние,— подумал Барни.— Ампулы, в которой с недавних пор поселился все тот же Элдрич, вернее, малая его толика, его голос...»

Спичка обжигала ему пальцы, он же словно и не замечал этого.

Глава 11

Феликс Блау заглянул в свои записи и сказал:

— Пятнадцать часов тому назад корабль производителей Чу-Зи с разрешения ООН совершил посадку на Марсе. Место посадки — Файнберг-Кресчент. Торговля началась практически сразу.

Лео Булеро прильнул к экрану.

— В Чумном Бараке они уже побывали?

Феликс кивнул.

— К этому времени он должен был заглотить эту дрянь,— пробормотал Лео.— Более того, он должен был связаться с нами через спутниковую систему...

— Все правильно,— согласно кивнул Феликс Блау.

— Как дела у Уильяма Кларка? — Кларк был лучшим юристом компании «Пэт-Комплект».

— Майерсон не связывался и с ним, он не контактировал *ни с кем*.— Блау отодвинул бумаги в сторону.— Вот, собственно, и все, что я могу сообщить вам.

— Может быть, он умер? Может быть, судороги были настолько сильными.

— Мы тут же узнали бы об этом. На Марсе всего три госпиталя, соседи Майерсона должны были бы позвонить в один из них — иных вариантов попросту нет.

— Ладно. Следующий вопрос. Где в настоящее время находится Палмер Элдрич?

— Наши люди этого не знают,— ответил Феликс.— Он оставил Луну и исчез, след его окончательно потерян.

— Чего бы я только не отдал ради того, чтобы узнать, что же происходит сейчас в Чумном Бараке! Я не пожалел бы и своей правой руки!

— Так полетите на Марс сами — кто вас держит?

— Э, нет! — покачал головой Лео.— После того что случилось со мной на Луне, я из «Пэт-Комплект» ни на шаг! Скажи мне, Феликс, может быть, у тебя есть там свои люди, а? Мы бы просто-напросто связались с ними и узнали обо всем, не покидая своих кабинетов, верно?

— Там уже работает наш сотрудник, мисс Энн Готорн. Правда, на связь она пока не выходила, но я надеюсь, что это произойдет уже в ближайшее время. В противном случае я полечу на Марс сам.

— Нет уж — увольте!

— Но ведь первым человеком, который пострадает от этого, будете именно вы, разве не так? Ну да бог с ним, это, в конце концов, ваше дело. Давайте лучше договоримся об оплате.

— Я заплачу столько, сколько нужно,— сказал Лео.— Так у нас появится хоть какая-то надежда — в противном случае можно было бы считать, что все уже кончено.— «На самом деле так оно и есть,— подумал он с тоской,— надеяться нам теперь не на что».— Вы представляете мне счет, и я подписываю его не глядя, идет?

— Хорошо. Теперь надо понять, что произойдет, если я погибну. Мне хотелось бы...

— Слушай, Феликс, давай не будем об этом! Тебя послушаешь, можно решить, что Марс — это огромное кладбище, по которому рыщет кровожадный Палмер Элдрич! Барни Майерсона он уже сожрал, теперь пришла твоя очередь, так, что ли? Давай договоримся — как только доберешься до Чумного Барака, ты свяжешься со мной, хорошо? — Не дожидаясь ответа, он отключил связь.

Сидевшая рядом с ним Рони Фьюгейт, его новый консультант-прогностик, все это время внимательно прислушивалась к разговору.

— Ну и как — уши не заболели? — поинтересовался Лео.

— Сейчас вы поступаете с ним так же, как когда-то он поступил с вами! — ответила Рони.

— Что-что?

— Барни побоялся отправиться на Луну. Вы — в свою очередь.

— С моей стороны это было бы просто глупо! Палмер испугал меня так, что я из этого здания теперь ни ногой! Естественно, на Марс я не полетел бы в любом случае — и в этом смысле вы, конечно же, правы!

— В свое время за такой же проступок вы выгнали Барни с работы. Вас же, насколько я понимаю, выгнать некому.

— Я выгнал себя сам. Внутри. Это еще труднее, милочка. Знали бы вы, как мне тяжело!

— И все же на Марс лететь вы не хотите.

— О боже! — Он снова включил видеофон и набрал номер Феликса Блау.— Блау, я забираю все свои слова обратно. Я полечу туда сам, хотя затея эта вряд ли кончится чем-то хорошим! Это чистейшей воды безумие!

— Честно говоря,— сказал Феликс Блау,— мне кажется, что вы собираетесь сделать именно то, чего ждет от вас Элдрич. Одно дело — быть смелым, другое...

— Сила Элдрича неразрывно связана с наркотиками,— перебил Лео.— Пока я не приму его, ему со мной не совладать. Я возьму с собой несколько охранников из нашей фирмы, они будут следить за тем, чтобы мне не сделали укола. Да, Блау, я надеюсь, что ты не откажешься сопровождать меня, а? — Он повернулся к Рони.— Как теперь?

— Теперь все в порядке.

— Ты слышал? Она считает, что я поступаю правильно! Ну так как, Феликс, летишь ты или нет?

— Конечно, Лео! — ответил с экрана Феликс Блау.— Должен же быть рядом с тобой хотя бы один здравомыслящий человек! Я буду в твоем кабинете,— он посмотрел на часы,— ровно через два часа, мы обсудим все детали этой акции. Готовьте быстроходный корабль. Я же прихвачу с собой парочку надежных людей.

— Вот так,— Лео отключил видеофон.— Видишь, Рони, во что я по твоей милости ввязался. Сначала ты заняла кресло Барни, теперь, боюсь, метишь и на мое! — Он посмотрел на Рони и покачал головой. Женщина может сподвигнуть мужчину на все, при этом не важно, кто она — мать, жена или даже твоя подчиненная. Они крутят нами, как хотят.

— Вы что, действительно этого боитесь? — нахмурилась Рони.

Он посмотрел ей в глаза и, едва заметно кивнув, ответил:

— Да, моя хорошая. Я говорил серьезно. Твое тщеславие беспредельно.

— Вы ошибаетесь!

— Если я не вернусь с Марса, полетишь ли ты за мной? — Лео выдержал паузу и ответил на свой вопрос сам: — Разумеется, нет!

— Мне нужно идти к себе,— процедила сквозь зубы Рони.— Меня ждет работа — столовый прибор из Кейптауна.— Она поднялась из кресла и вышла из его кабинета. Лео проводил ее взглядом и вновь покачал головой. Это не какой-нибудь Палмер Элдрич. Это — Рони Фьюгейт!

«Если мне удастся вернуться назад,— подумал он,— я придумаю способ потихоньку выжить ее из нашей конторы. Страсть как не люблю, когда мной пытаются манипулировать».

И тут в голову ему пришла одна очень странная мысль. Палмер Элдрич являл себя ему и в образе маленькой девочки, и в образе подзаборной дворняги... Ему ничего не стоило обратиться и в Рони Фьюгейт.

От этой мысли ему стало по-настоящему страшно.

Нет, это не вторжение проксов на Землю — нет! Это не экспансия гуманоидов соседней системы! Это — Палмер Элдрич, разрастающийся подобно чудовищному сорняку, Палмер Элдрич, которому нет ни конца, ни края! Есть ли предел его росту? Не может ли он в один прекрасный день лопнуть, не справившись со своим непомерно разросшимся телом? БАБАХ!!! Как там у Шекспира? Что-то о булавке, латах и короле... Просунешь, мол, булавку в щель — и прости-прощай, король!

«Но что в нашем случае может сыграть роль булавки? — спросил себя Лео.— И еще, где та щель, в которую я могу разить? Этого не знает никто — ни я, ни Феликс, ни Барни... Могу побиться об заклад, Барни понятия не имеет, что ему теперь следует делать. Может быть, имеет смысл похитить Зою, перезревшую, безобразную дочку Палмера? Скорее всего, ему на нее наплевать. К тому же Зоя вполне может оказаться самим Палмером — кто знает, быть может, другой Зои просто не существует. Хорошенькое дело, похитить Палмера у Палмера и пытаться шантажировать его этим... Так мы все и кончим, если, конечно, прежде не изыщем оного уязвимого места и булавки. Бесконечные копии, бесчисленные подобия человека, наводняющие собой мир. Квазипротоплазма, растущая, словно на дрожжах, на дьявольской закваске ужасного, явившегося к нам из иных измерений Чу-Зи».

Он вновь подключил видеофон к сети и связался со спутником Аллена Фэйна. В тот же миг на экране появилось растерянное лицо знаменитого диск-жокея:

— Я весь внимание, мистер Булеро.

— Ты уверен в том, что Майерсон не связывался с тобой? У него есть книга кодов?

— Книга-то у него есть, но только это мало что меняет! Мы ведем прослушивание всех переговоров, ведущихся из Чумного Барака. Несколько часов назад корабль Элдрича приземлился неподалеку от отсека, и все его обитатели, включая господина Майерсона, вышли на встречу с ним. Элдрич беседовал с ними лично — нет никаких сомнений в том, что сделка состоялась во время этого разговора.

— Кажется, я начинаю понимать, что же с ним случилось,— пробормотал Лео.— Спасибо тебе, Эл.— Он отключил связь и надолго задумался. Скорее всего, во всем было повинно все то же Чу-Зи. Как только они сели и стали жевать его, они уже были его безвольными жертвами... То же самое он испытал на Луне. Весь их план был основан на том, что Барни должен будет принять Чу-Зи. И это было главной их ошибкой, они сами в очередной раз подыграли Элдричу — как только наркотик стал действовать, Барни уже не принадлежал самому себе. Неким таинственным образом Элдрич контролировал все порожденные Чу-Зи миры — он присутствовал в каждом из них!

И тут Лео разом понял все. Все эти фантастические миры существовали не где-нибудь, но именно *в голове* Палмера Элдрича. Он, Лео, имел возможность самолично убедиться в этом.

Главная проблема состояла в том, что, единожды оказавшись *там,* ты уже не мог быть только *здесь* — та реальность оставалась с тобой, вернее, в тебе, сколько бы ты ни тешил себя мыслью о том, что свободен. Эта дорога вела только в одну сторону, вернуться по ней назад было просто невозможно. Он, Лео Булеро, был *там* и поныне.

И все же это казалось маловероятным. Скорее всего, сама мысль об этом была порождена страхом. «Рони не ошиблась: я готов бросить Барни в беде, как некогда бросил меня он сам. Его испугало предвидение, меня — опыт...

Кто из нас будет принесен в жертву? Я, Барни или Феликс Блау? Кого из нас он заглотит первым? Мы для него никто — лишь трапеза, лишь пища, лишь то, что должно поглотить... Гигантский зев, чудовищная пасть...

Но каннибалом назвать Палмера нельзя, ибо он — не человек. Под маскою его сокрыто нечто неведомое нам — неведомое и нечеловеческое!

И все же кто он? Что с ним могло случиться? Кто знает, быть может, все эти десять лет он занимался единственно тем, что пожирал проксов, покончив же с ними, решил вернуться к нам...» Лео поежился.

«Итак, в моем распоряжении два относительно свободных часа на Терре плюс время полета на Марс. Десять часов жизни и — и я буду проглочен.— Этот зловещий, этот страшный наркотик был уже повсюду. От одной мысли о том, какой улов принесли Элдричу его коварно расставленные сети иллюзий, становилось страшно.— Как это у буддистов? Майя? Да, да, майя. Пелена иллюзии. Да-а, мы влипли в это дерьмо не на шутку...» Он нажал кнопку на селекторе, вспомнив о том, что ему следует заказать звездолет. Звездолет с хорошим пилотом. Автопилотам Лео не доверял.

— Кто у нас лучший пилот? — спросил он у мисс Глисон.

— Дон Дэвис,— тут же ответила мисс Глисон.— Он особенно отличился во время полетов на Венеру.— О Кэн-Ди секретарша не сказала ни слова, она прекрасно понимала, что прослушиваться может и селекторная связь.

На решение вопросов, связанных с полетом, у Барни ушло не больше десяти минут.

Покончив с делами, Лео Булеро откинулся на спинку кресла и закурил большую гаванскую сигару, хранившуюся долгие годы в специальной, заполненной гелием камере. Он надкусил ее кончик и разочарованно поморщился — сигара была явно пересохшей. «Увы, но именно так мир и устроен,— подумал он,— за внешним блеском таит себя убожество...»

Дверь бесшумно открылась. Это была мисс Глисон, она несла к нему на подпись путевые листы звездолета.

Рука, в которой она держала бумаги, была искусственной — он тут же заметил ее поблескивание. Лео изумленно поднял глаза на ее лицо и вздрогнул. Стальные зубы неандертальца — такими они были у людей двести тысяч лет назад, но, конечно же, тогда они были не из стали... Глаза-прорези, без малейшего намека на зрачки. Фирма-изготовитель — «Йенсеновские лаборатории».

— Черт возьми, да это же ты, Элдрич! — пробормотал Лео.

— И одновременно твой пилот! — сказала мисс Глисон голосом Элдрича.— Помимо этого, я же буду встречать тебя и

там, на Марсе. Если тебе мало и этого, придумаем что-нибудь еще.

— Дай сюда эти бумаги! На них должна стоять моя подпись!

— Ты что — все еще собираешься туда лететь? — изумился Элдрич.

— Да,— кивнул Лео, протянув руку за документами.

Единожды приняв Чу-Зи, ты подпадаешь под его власть на веки вечные. Энн Готорн сказала бы мне что-нибудь эдакое, она ведь у нас набожная... Порабощение грехом. Грехопадение. И даже искушение — оно все то же...

Вся разница в том, что там был путь к спасению, здесь же — нет. Неужто искать его следует где-нибудь на Проксиме? Кто знает... Быть может, его вообще не существует.

Энн Готорн появилась в дверях радиорубки.

— С тобой все в порядке?

— Что со мной может случиться? — пожав плечами, ответил Барни.— Ты понимаешь, мы ведь сами во все это вляпались! Жевать Чу-Зи нас не заставлял никто! Мы сами хотели этого! — Он швырнул сигарету на пол и положил конец еще теплившейся в ней жизни, растерев окурок носком башмака.— А ты еще не хочешь отдавать мне свою порцию! — Тут же Барни вспомнил о том, что Энн здесь ни при чем. Это была не она. За ее спиной стоял Палмер Элдрич.

«И все же я это сделаю,— сказал Барни самому себе,— пусть за ней стоит хоть сам черт».

— Перестань! — завизжала она. Или это было оно?..

— Эй, Майерсон! — закричал Норм Шайн, выскочив из своей рубки.— Что это ты делаешь, а?! А ну-ка отпусти ее!

Сильная рука схватила его за горло. Но поздно, наркотик был уже у него.

— Не делай этого, Барни! — прошептала Энн.— Прошло еще слишком мало времени. Умоляю тебя, не делай этого!

Не обращая на нее внимания, он направился к своей комнате.

— Ты можешь сделать ради меня одну вещь? — прокричала она ему вслед.— Давай разделим его пополам — половина тебе, половина мне? Я хочу быть с тобой, Барни, слышишь?

— Это еще почему?

— Может быть, я хоть как-то смогу помочь тебе.

— Как-нибудь обойдусь и сам! — отрезал Барни. «Мне нужно одно,— подумал он,— попасть в то время, когда мы с Эмили еще жили вместе. До развода, до того, как появился Хнатт...

Это моя единственная надежда, я должен сделать все, чтобы оказаться там! Все! Иначе — грош мне цена!»

Он запер за собой дверь и тут же сунул в рот Чу-Зи. Ни с того ни с сего на ум ему пришел Лео Булеро. «Ты выбрался, Лео. И выбрался ты, скорее всего, потому, что Палмеру Элдричу такие, как ты, не по зубам. Или — или Палмер Элдрич просто-напросто играется с тобой, как кошка с мышкой. Ты мог прилететь сюда, Лео, прилететь и удержать меня от этого безумия, но теперь уже поздно, слишком поздно... Даже сам Палмер Элдрич устами Энн Готорн предупреждал меня о том, что этого делать не стоит,— даже ему стало казаться, что я явно перебираю. Что это может означать? Может быть, я рухну в такие бездны, над которыми не властен и он? Туда, где нет ничего, где буду лишь я,— вернее, так: где будет одно лишь мое я.

Вернуться оттуда я, конечно, уже не смогу. И все же я это сделаю, пусть даже я рухну на дно преисподней. Пусть все будет так, как будет!»

В висках заломило так, что он зажмурился от боли. Ему казалось, что мозг вдруг пришел в движение и рвется наружу, не желая оставаться в опостылевшей черепной коробке. Он понял, что странное это ощущение вызвано резким изменением метаболизма. Шоком. «Прости меня, если можешь! — сказал он своему телу.— Прости, бога ради».

— Спасите! — сказал он вслух.

— Как же, как же, держи карман шире...— прохрипел странно знакомый мужской голос.— Ты что, думаешь, мне больше делать нечего, кроме как с тобой нянчиться? Или бросай это дело, или иди отсюда на все четыре стороны! Марсианская жизнь вон до чего тебя довела — даже мне на тебя смотреть тошно!

— Заткнись! — прошипел Барни.— Я больной человек — ты слышишь? Я слишком далеко зашел. Тебе же лишь бы поорать...— Он открыл глаза и увидел перед собой Лео Булеро. Булеро сидел за огромным столом из мореного дуба.— Слушай! — прошептал Барни.— Я как сел на Чу-Зи, так с него и не слезал — ты понимаешь? Иначе я просто не могу! Если ты мне не поможешь, мне конец, Лео! — С трудом держась на ногах, он добрался до ближайшего кресла и рухнул в него как подкошенный.

Лео раскурил сигару и задумчиво заметил:

— Ты что — принимаешь его и сейчас? Ведь оно вот уже два года как...

— Ты хочешь сказать, что оно теперь вне закона?

— Да. Именно так — вне закона. Теперь попробуй понять меня правильно. У меня масса дел, понимаешь? Я же, вместо того чтобы заниматься ими, болтаю с тобой, не зная даже того, кто ты на деле — живой человек или призрак, явившийся из прошлого.

— Разве ты не понял? Это я, Барни Майерсон,— просто я под кайфом!

— Ладно, ладно! — Лео запыхтел своей сигарой с удвоенной энергией.— Только не надо так возбуждаться! В будущем бывал и я, и, как видишь, ничего страшного со мной не случилось! Ты ведь скопер, Барни,— что тебя так удивляет? — Он откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.— Ты знаешь, что я там видел? Памятник самому себе, вот что! — Он бросил на Барни победный взгляд.

— Мне все это не нужно. Мне вообще ничего не нужно. Только одно. Я хочу, чтобы моя жена вернулась ко мне. Я хочу жить вместе с Эмили! — Ему вдруг стало грустно как никогда. Грустно и горько. Горечь утраты. Желчь.

— Ах да, Эмили...— Лео закивал головой и, нажав на кнопку селектора, сказал:

— Мисс Глисон, ко мне никого не пускать! — Он вновь повернулся к Барни.— Этого типа по имени Хнатт забрала полиция ООН. Помнишь, они брали людей Элдрича? Ну так вот. У Хнатта с ними был подписан договор. В тюрьму его сажать, конечно, не стали, но из страны выслали. Он сам так решил — уж лучше, мол, в другую страну, чем за решетку.

— А как же Эмили?

— Ты имеешь в виду ее горшки? Как бы она лепила их в марсианской норе? Разумеется, ей пришлось оставить этого идиота. Если бы ты был потерпеливее...

— Слушай! Ты кто — Лео Булеро или Палмер Элдрич? — пробормотал Барни.— У меня такое ощущение, что ты говоришь мне все это с одной-единственной целью — сделать мне еще хуже!

Лео удивленно поднял брови.

— Палмер Элдрич мертв.

— Это неправда. Это такая же иллюзия, как и все остальное!

— К черту иллюзии! — неожиданно рассвирепел Лео.— Кто тебе дал право считать меня иллюзией? Я настоящий — ты понял? Здесь единственный призрак — ты сам! Именно поэтому ты и выворачиваешь все шиворот-навыворот! — Он изо всех сил

ударил кулаками по крышке стола.— Ты это видел? О том же, что Хнатты развелись, я узнал случайно — твоя бывшая жена с недавнего времени стала работать на нас. Она была у Рони в прошлый четверг,— он зажег потухшую сигару и яростно запыхтел.

— Значит, мне достаточно разыскать ее, так? — спросил Барни, не веря своим ушам.

— Так, да не совсем,— ответил Лео.— Есть одно «но». Куда ты собираешься деть Рони Фьюгейт? В этом иллюзорном мире ты живешь не один — ты живешь вместе с ней.

— Постой! Если так, значит...

— Да, Эмили в курсе, у них друг от друга секретов нет. Эмили можно понять. Вернись она к тебе, и Рони тут же перестанет принимать ее работы. Эмили это прекрасно понимает. Рони, как ты знаешь, особенно не прикажешь — она у нас сама себе голова.

— Эмили всегда ставила во главу угла личную жизнь, карьера для нее не значит почти ничего.

— Но для тебя-то это было совсем не так! Возможно, она переучилась, изменила свой взгляд на вещи, глядя на тебя, возможно, ее научила этому жизнь, но она действительно стала другой! И потом, почему ты считаешь, что она захочет вернуться к тебе? Сейчас все складывается у нее как нельзя лучше: она знаменита на весь мир, скины ей просто девать некуда — если уж говорить до конца, то и мужчин у нее предостаточно. Ты ей не нужен ни в каком качестве, Барни! И потом, чем тебе так не нравится Рони? Лично я предпочел бы...

— Ты Палмер Элдрич! — сказал Барни.— Я тебя раскусил!

— Ты так считаешь? — удивился Лео.— Ладно, Барни, мне твоя болтовня надоела. Я тебе уже сказал о том, что Элдрича давно нет в живых. И убил его не кто-нибудь, но именно я! В честь этого события и был установлен тот памятник! — Он говорил совершенно бесстрастно, однако лицо его вдруг побагровело.— Где мои стальные зубы? Где протез? — Лео поднял руки.— Так, может быть, у меня что-то не так с глазами?

Барни направился к двери.

— Куда это ты? — спросил Лео.

— К Эмили,— сказал, открывая дверь, Барни,— если я поговорю с ней, она...

— Вряд ли ты сможешь это сделать, дружище! — покачал головой Лео.

«Кто его знает,— думал Барни, направляясь к лифту.— Может быть, это действительно был Лео. Может быть, все это правда... Нет, без Палмера Элдрича тут не обойтись!

Энн была права, мне следовало дать ей половину той дозы, вместе нам было бы легче, как говорится, ум — хорошо, а два — лучше. Энн, Палмер, Лео... кругом он, один только он — творение и творец. Вот что он такое, вот кто он такой — творение и творец. Властелин всех этих миров. Мы можем лишь населять их, наполнять собою то, что послушно одному ему, Палмеру Элдричу, вольному бродить по тем же мирам рядом с нами. Он может манипулировать следствиями, отменяя причины; он может обращать реальность в иллюзию, а иллюзию в реальность; он может стать любым из нас, если только пожелает того. Бессмертный, не ведающий, что такое время, живущий, за пределами коснеющих в себе пространств, *он может существовать даже там, где он мертв!*»

Палмер Элдрич отправился на Проксиму человеком, вернулся же оттуда богом.

Стоя перед лифтом, Барни пробормотал:

— Палмер Элдрич, помоги мне! Верни мне жену!

Двери лифта раскрылись. В кабине стояло шестеро: четверо мужчин и две женщины.

Все они были Палмером Элдричем — и мужчины, и женщины... Искусственная рука, стальные зубы, изможденные серые лица с линзами Йенсена вместо глаз.

Все шестеро посмотрели на него и сказали дружным хором:

— Майерсон, ты уже не сможешь вернуться в свой мир. На сей раз ты зашел слишком далеко — ты принял слишком большую дозу. Я предупреждал тебя об этом!

— Ты не мог бы помочь мне, Палмер? — пробормотал Барни.— Мне нужно как-то вернуть ее!

— Ты меня, похоже, не понял,— ответили Палмеры Элдричи, покачав головами точно так же, как минуту назад это сделал Лео.— Тебе ведь уже было сказано — это будущее. Соответственно, тебя, в известном смысле, здесь нет. Кому я должен вернуть Эмили? Тебе или настоящему Барни Майерсону, для которого твое будущее является настоящим? Ты зря считаешь, что Барни не пытался вернуть ее. Как только Хнатты развелись, он только и делал, что обхаживал свою Эмили. Я тоже помогал ему как мог, но у нас, как видишь, так ничего и не вышло. Это было несколько месяцев тому назад. Когда Хнатта отправляли на Марс, он страшно возмущался, и я его прекрасно пони-

маю. В чем был виноват этот бедняга? Ни в чем! Это грязное дельце обстряпал сам Лео — он по этой части дока! Ну да ладно, я что-то отвлекся. Вернемся к тебе.— Палмеры Элдричи вновь покачали головами.

— Лео назвал тебя призраком не случайно — ты настолько прозрачен, что через тебя читать можно! Самый что ни на есть настоящий призрак!

Барни обвел Элдричей взглядом — они взирали на него совершенно бесстрастно.

— Попробуй построить свою жизнь, основываясь именно на этой предпосылке,— продолжили Элдричи.— Ты обрел именно то, о чем говорил апостол Павел,— Энн Готорн наверняка беседовала с тобой и об этом,— вместо тленного, скроенного из плоти тела ты получил тело эфирное! Кстати, как ты его находишь, Барни? — Элдричи говорили с ним насмешливым тоном, однако лица их были полны сострадания.— Ты не можешь умереть; тебе не нужно ни есть, ни пить, ни дышать... при желании ты можешь проходить сквозь стену, какой бы толщины она ни была. Всему этому ты со временем научишься. Судя по всему, по дороге в Дамаск Павел испытал нечто подобное, я в этом почти уверен. Честно говоря, я отношусь с уважением не только к ранним, но и к новым христианам, таким как Энн Готорн. Их точка зрения позволяет объяснять очень и очень многое.

— Элдрич, а что ты можешь сказать о себе самом? Ты ведь мертв, два года тому назад тебя убил Лео Булеро. «И сочувствуешь ты мне совсем не случайно,— подумал Лео про себя,— в свое время ты тоже перебрал Чу-Зи, тем отрезав себе путь в свои пространство и время».

— Тот памятник любопытен лишь как исторический курьез.— Голоса Элдричей стали казаться Барни ветром, завывающим где-то в высоте...— Неподалеку от Венеры мой звездолет столкнулся со звездолетом Лео. Я находился — вернее, считается, что я находился,— на борту своего корабля; Лео, соответственно, летел на своем. Мы возвращались с конференции, в которой участвовал и Хепберн-Гильберт. Лео решил воспользоваться этой возможностью для того, чтобы свести со мной счеты. Впоследствии в память об этом событии был сооружен монумент — за него Лео пришлось выложить кругленькую сумму. Но он денег не жалел — уж очень ему хотелось попасть в школьный курс истории!

Мимо раскрытой кабины лифта прошли двое — представительный молодой человек и молоденькая девица, которая была, судя по всему, его секретаршей. Они удивленно посмотрели на Барни и шестерку его собеседников.

Шестерка на глазах изумленного Барни перестала быть коллективом Палмеров Элдричей, теперь перед ним стояло шестеро совершенно не похожих друг на друга людей — четверо мужчин и две женщины.

Барни развернулся и пошел прочь от лифта. Бесконечно долго он слонялся по коридорам, пока наконец не оказался на первом этаже здания. Он нашел на указателе свою фамилию и прочел напротив: «Главный инспектор Отдела Прогнозов». «Такие вот дела,— подумал он с грустью,— подожди я немного, сбылось бы и это...»

Значит, Лео все же вытащил его с Марса. Вызволил его из норы. Значит, процесс закончился — вернее, закончится — достаточно быстро.

Морок, созидаемый Палмером Элдричем, ловцом человеческих душ, был всесилен, он мог сбить с толку любого, однако у него был один серьезный изъян. Он не мог быть долгим. Не прими он Чу-Зи во второй раз, и все в его жизни сложилось бы иначе...

Очевидно, наркотик у Энн Готорн оказался не случайно. Именно это обстоятельство заставило его принять Чу-Зи вторично. Она *хотела,* чтобы это произошло, ибо за ней стоял все тот же Палмер Элдрич.

Пути назад не было.

Если верить Элдричу, говорившему устами Лео, устами всей компании «Пэт-Комплект», пути назад не было... Если. *Если.*

Он поднялся на лифте на свой этаж и открыл дверь своего кабинета. Человек, сидевший за столом, поднял голову и сказал: «Заходи, заходи. У нас мало времени». Это был он сам. Барни вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь. «Спасибо,— сказало его будущее «я» ледяным голосом.— Хочу сообщить тебе, что ты в любом случае вернешься в свое время, так что можешь не волноваться. Самое большее, на что способен Элдрич, — это изменение внешнего аспекта мира. Он делал — или, как ты считаешь, делает — поверхность вещей иной, но это не значит, что он действительно меняет их,— понимаешь?»

«Я верю тебе, как себе».

Его будущее «я» продолжило:

— Сейчас вся эта история кажется мне едва ли не забавной, но я прекрасно понимаю, что для тебя это не так, верно?

И все же послушай, что я тебе скажу. Так или иначе Элдрич напоминает о себе и сейчас, иногда он даже появляется на публике — но и я, и все остальные здравомыслящие люди понимают, что это не более чем галлюцинация. Могила Палмера Элдрича находится на Сигме 14-Б, это установлено точно. Для тебя же пока все обстоит иначе. Настоящий, реальный Палмер Элдрич может появиться в любую минуту. То, что для меня реально, для тебя — галлюцинация; то, что представляется мне иллюзией, для тебя реально. Когда ты вернешься на Марс, ты встретишь Палмера Элдрича во плоти и крови. Я, признаться, тебе не завидую!

— Скажи, как мне вернуться назад?

— А как же Эмили? Или она тебя больше не интересует?

— Мне страшно! — Его будущность понимающе посмотрела на него и кивнула.— Мне страшно, Барни! К чему скрывать это от самого себя?

— Видишь ли, Элдрич пользуется тем, что после приема Чу-Зи нормальное состояние сознания восстанавливается крайне медленно; проходит некая последовательность уровней, каждый последующий из которых обладает большей степенью достоверности по сравнению с предыдущим. Человек как будто выныривает — понимаешь? Порой этот процесс растягивается на годы. Эта особенность, кстати говоря, и была одной из главных причин запрета Чу-Зи. Хепберн-Гильберт какое-то время считал, что наркотик этот облегчает переход в некую реальность, которой суждено стать новой родиной человечества. Когда же оказалось, что действие Чу-Зи мало чем...

— Так, значит, во время приема второй дозы я все еще был не в себе?

— Совершенно верно, сознание твое оставалось крайне замутненным. Воздержись ты от приема наркотика в течение суток, и все вернулось бы в норму — призраки Элдрича оставили бы тебя в покое, и ты вновь почувствовал бы себя свободным человеком. Элдрич прекрасно понимал это и потому подсунул тебе вторую, куда большую дозу Чу-Зи. Он знал, что тебя прислали на Марс для борьбы с ним, но не имел ни малейшего понятия о том, как ты будешь это делать. Он боялся тебя как огня.

Слышать это было по меньшей мере странно. У Элдрича в распоряжении было, кажется, все, и тем не менее он кого-то боялся. И еще этот памятник... Он ведь знал наперед, что его как-то убьют...

Дверь кабинета внезапно открылась.

Рони Фьюгейт замерла на пороге, разинув рот от изумления.

— Господи, да это же призрак! Тот, который стоит поближе ко мне,— призрак! — Она наконец вошла в кабинет и закрыла за собой дверь.

— Все правильно,— сказал Барни из будущего.— Ты можешь проверить это предположение, попробовав коснуться его рукой.

Она так и сделала: рука ее исчезла в теле Барни.

— Я разных призраков навидалась, а вот с твоим встречаться как-то не приводилось,— сказала Рони.— У каждого, кто пробовал эту мерзость, так или иначе существует призрак. С год тому назад их было столько, что проходу от них не было. Теперь-то, слава богу, их почти не стало. Даже Хепберн-Гильберт со своим призраком встречался — представляю, какую он рожу при этом скорчил!

— Понимаешь,— сказал Барни из будущего,— он полностью подчинен Палмер Элдричу, хотя для нас последнего уже не существует. Нам нужно быть очень осторожными. В любую минуту Элдрич может воздействовать на его восприятие и тем самым вызвать нужную ответную реакцию.

Рони обратилась к самому Барни:

— Что мы можем для тебя сделать?

— Он хочет вернуться на Марс,— ответило за Барни его будущее «я»,— они задумали уничтожить Элдрича, подав на него в суд. Для того чтобы эта машина закрутилась, необходимо, чтобы Барни принял «КВ-7». Ты это помнишь?

— Но ведь дело это так и не попало в суд,— ответила Рони,— Элдрич все уладил, Лео отозвал свое заявление.

— Мы можем отвезти тебя на Марс в корабле нашей компании,— сказал Барни из будущего.— Но тебе это вряд ли что-то даст: Элдрич будет сопровождать тебя во время путешествия и вдобавок устроит тебе торжественную встречу на Марсе — он такие вещи любит. Не забывай о том, что призрак по своему желанию может переноситься в любое место и в любое время. Эта его способность, а также отсутствие у него метаболизма — в нашем понимании этого термина — вот главные его приметы. Крайне странным является то, что на него действует гравитация. В последнее время учеными был сделан ряд попыток как-то объяснить этот феномен, я имею в виду призраков, но, насколько я понимаю, ничего сколь-нибудь определенного установить им так и не удалось. Решение этой проблемы имело бы и при-

кладное значение — мы смогли бы возвращать призраков в их время и на их место,— он выразительно посмотрел на Барни.

Внутри у Барни все похолодело.

— Вы хотите от меня избавиться? — спросил он дрожащим голосом.

— Разумеется. И этого хотим не только мы, этого хочешь и ты — ты вернешься назад, в то время, когда вы...— Двойник Барни неожиданно осекся и с опаской посмотрел на Рони. Говорить при ней об Эмили он явно побаивался.

— Я знаю, что они проводят какие-то эксперименты с использованием высоковольтной аппаратуры. В Колумбийском университете занимаются магнитными полями, а...

— Лучшие результаты получены Калтехе, на Западном побережье. Призрак подвергается бомбардировке бета-частицами, это жесткое бета-излучение приводит к распаду информационной матрицы.

— Все понятно,— кивнул Барни.— На том позвольте откланяться. Я отправляюсь в Беркли — послушаю, что мне скажут физики.— Он чувствовал себя полным идиотом — он сам начинал подумывать о том, как бы ему от себя избавиться!

— Странные вещи ты говоришь,— пробормотала Рони.

— Что тебя так удивляет? — спросил двойник Барни, сложив на груди руки.

— То, что ты сказал о Калтехе,— ответила Рони.— Насколько я знаю, они никогда не занимались призраками,— она взглянула на Барни и еле слышно прошептала:

— Попроси его показать руки!

— Покажи мне свои руки,— обратился Барни к двойнику. Он уже и сам видел, что с тем происходит что-то не то: челюсть приобрела знакомые угловатые очертания, глаза сузились в щелочки...— Впрочем, не стоит,— добавил Барни слабеющим голосом.

Его будущее насмешливо сказало ему:

— Бог помогает тем, кто сам себе помогает, Майерсон. Ты шляешься по закоулкам своего сознания, пытаясь найти того, кто пожалел бы тебя — пожалел, обогрел и все такое прочее. Я тебя жалею, Барни, я! Когда ты решил принять наркотик во второй раз, кто отговаривал тебя? Я! Я освободил бы тебя отсюда, знай я, как это делается. А я, как ты, наверное, понимаешь, знаю об этих делах куда больше всех остальных.

— Что же с ним будет? — спросила Рони у его будущего «я», которое с недавнего времени таковым уже не являлось; к

тому моменту, когда она сформулировала свой вопрос, метаформоза уже закончилась, теперь за столом сидел Палмер Элдрич, седой высокий человек с изможденным лицом и крупными стальными зубами.— Неужели с ним это *навсегда?*

— Хороший вопрос! — кивнул Палмер Элдрич.— Мне тоже хотелось бы это понять. Меня это касается не в меньшей степени,— он повернулся к Барни.— Ты, вероятно, уже понял, что отслеживать свой обычный гештальт вовсе не обязательно,— ты можешь превратиться в камень, дерево, ракету, секцию антитермального козырька и так далее. Лично я перепробовал едва ли не все. Если ты становишься чем-то неодушевленным, например бревном, для тебя перестает существовать такая категория, как время. Для того кто жаждет поскорее вернуться в свой мир, этот вариант является прекрасным — возврат происходит мгновенно! Я же, признаться, возвращаться туда не спешу,— он понизил голос.— Если я вернусь в свои пространство и время, меня тут же убьет Лео Булеро. Таким образом, жить я могу только здесь. Что до тебя, Барни...— он заулыбался,— то я посоветовал бы тебе стать камнем. Я понятия не имею, сколько времени будет действовать наркотик — может быть, десять лет, может быть, сто, может быть, миллион! Есть и другой вариант: ты можешь стать какой-нибудь окаменелостью и лечь под стекло музейной витрины! — Элдрич смотрел на Барни едва ли не с нежностью.

Немного помолчав, Рони сказала:

— Может быть, он прав, Барни...

Барни подошел к столу, поднял с него стеклянное пресспапье и тут же вернул его на место.

— Мы его коснуться не можем,— пробормотала Рони,— он же свободно...

— Способность призраков манипулировать материальными объектами — вещь достаточно хорошо известная. Она доказывает то, что призраки или духи не просто *отображаются* в какой-то конкретной реальности, но *присутствуют* в ней! Вспомните о полтергейсте: духи резвятся так, что стены ходуном ходят, при этом они остаются духами!

На одной из стен поблескивала металлическая пластинка. Это был памятный жетон — приз, которого удостоились работы Эмили на выставке, состоявшейся за три года до того, как Барни был призван на службу в колонии. Пластинка висела там же, где и прежде.

— Я хочу стать этим! — воскликнул Барни, указывая на жетон, представлявший собой табличку, вырезанную из крас-

ного дерева и взятую в медную рамку; он был уверен в том, что его двойник ни за что не выбросит ее. Оставалось понять, каким образом он, человек, мог стать памятным жетоном, висящим па стене.

— Майерсон, тебе помочь? — обратился к нему Палмер Элдрич.

— Да!

И в тот же миг таинственная сила властно подхватила его и понесла в неведомые дали. Он раскинул руки в стороны, чтобы удержаться на ногах, и вдруг почувствовал, что он действительно летит, точнее, падает! Падает в бездонный сходящийся колодец. Он вдруг понял, что Элдрич снова обманул его, этот монстр с железными зубами обвел его вокруг пальца и сделал нечто такое, о чем он, Барни Майерсон, не имеет ни малейшего понятия...

— Будь ты проклят, Элдрич! — беззвучно прокричал своими, теперь уже бесплотными, губами Барни, падая все дальше и дальше, проваливаясь все глубже и глубже. Теперь над ним не была властна и гравитация — он утратил свой вес, он не был теперь даже призраком!

«Оставь мне хоть что-нибудь, Палмер! Молю тебя, оставь мне хоть частичку меня! — вспыхнуло в сознании, но тут же поползли тяжелые мысли, в которых невозможно было усомниться. Палмер Элдрич сделал это не сейчас. Он сделал это еще там, на Марсе, а может быть, и еще раньше, где-то на заре этого мира...— Я... Я отомщу ему! Я вернусь на Марс, приму токсин и подам на него в суд! Я сделаю это не ради Лео и не ради его гнусной компании, нет! Я сделаю это ради себя самого! Держись, Элдрич!!!»

Кто-то смеялся, кто-то заливался дурацким смехом. Это был смех Палмера Элдрича, но исходил он...

«Это смеюсь я, Барни Майерсон».

Он посмотрел на свои руки. Левая — морщинистая, бледно-розовая, покрытая мелкими бесцветными волосками. Правая — блестящая, гладкая, мощная...

Он разом понял все. Палмер Элдрич последовательно шел именно к этому — он заместил его, Барни, собой.

«И убьет Лео Булеро не кого-нибудь, но именно меня,— подумалось ему.— И в память об этом люди возведут памятник...

Я — Палмер Элдрич. И дай бог, чтобы Эмили ответила мне отказом».

Глава 12

Одной рукой он касался Терры, другой доставал системы Проксимы Центавра. Человеком он уже не был, назад вернулось нечто другое. Он обладал огромной силой. Он мог одолеть смерть.

Но он не был счастлив, ибо был совершенно одинок. И потому он пытался повести за собой других — он хотел, чтобы они стали такими же, как он.

Среди прочих был и Барни Майерсон.

— Майерсон,— сказал он.— Скажи мне, черт возьми, что же ты при этом теряешь? Женщину, которую ты некогда любил, вернуть невозможно, и повинен в этом только ты сам. Дальше. Ты вдруг решил, что все это время ты жил неправильно. Но скажи мне, кто в этом виноват? И разве возможно исправить всю твою прошлую жизнь? И наконец, последнее — то, что ты сознательно исключил из своей жизни, не сможет вернуться к тебе в прежнем своем качестве. Ты, надеюсь, понимаешь смысл сказанного?

Молчание.

— И еще. Ты забываешь об одном немаловажном обстоятельстве,— продолжил он.— Она стремительно деградирует, и повинна в этом так называемая эволюционная терапия, изобретенная немецким костоправом, которому самое место в каком-нибудь нацистском концлагере! Она вовремя остановилась, вернее, ее вовремя остановил супруг, но даже тех двух-трех сеансов было достаточно для того, чтобы она стала другой. Как и прежде, она продолжает лепить вазочки, как и прежде, они пользуются успехом, но на деле она уже не та, что была прежде! Я думаю, она вряд ли понравилась бы тебе, встреться ты с нею сейчас. Ни прежней глубины, ни прежнего ума... Вернись она к тебе, и ты тут же захочешь уйти. *Того, что было прежде, уже не будет.*

Он выдержал долгую паузу и наконец услышал в ответ:

— Ты прав.

— Тогда скажи, куда бы ты хотел отправиться? — спросил он у Барни.— Марс? Если не Марс, то что — Терра?

Тот, другой, которого звали Барни Майерсон, ответил:

— Нет. Я ведь по своей воле ее покинул, мне там делать нечего.

— Хорошо, значит, не подходит и Терра... Что у нас остается? — Немного подумав, он продолжил: — Остается Прок-

сима. Ты никогда не видел ни Проксимы, ни ее обитателей. Кстати, ты, наверное, уже догадался, что я являюсь мостом — мостом между двумя нашими системами. Они в любой момент могут прийти сюда через меня, и не приходят только потому, что я их пока не пускаю! Но их нетерпение растет с каждым днем.— Он захихикал: — Они уже выстроились в длинную очередь, прямо как дети перед входом в цирк!

— Преврати меня в камень!

— Это еще зачем?

— Чтобы я ничего не чувствовал,— ответил Барни Майерсон.— Меня уже от всего этого тошнит!

— А если я предложу тебе стать частью моего организма?

Молчание.

— Мы будем работать на пару. Как ты понимаешь, Лео мне не чета — я занимаюсь делами куда более серьезными! Все эти грязные делишки не для меня! — «Охо-хо,— подумал он про себя.— Скоро Лео меня убьет; правда, это скоро только для них, но никак не для меня...» — Я хочу познакомить тебя с одним из моих замыслов. Может быть, он как-то вдохновит тебя, пусть он и прост.

— Меня уже ничто не вдохновит.

— Я собираюсь стать планетой.

Барни рассмеялся.

— Что тебя так развеселило? — воскликнул он, оскорбившись.

— Ты окончательно свихнулся! Кто бы ты ни был — человек или что-то совсем иное,— ты тронулся, понимаешь? Тронулся!

— Я ведь даже не успел объяснить тебе, что под этим следует понимать,— сказал он с достоинством.— На этой планете я должен стать всем и каждым! Ты, конечно же, понимаешь, о какой планете идет речь.

— О Терре?

— Черт возьми, конечно же нет! Я говорю о Марсе!

— Но почему именно о Марсе?

— Он новый. Все еще в потенции, все в будущем. Я стану всеми прибывающими на него колонистами, всем его населением. Я буду определять лицо их цивилизации, или — точнее — я *буду* их цивилизацией!

Молчание.

— Ну давай! Скажи хоть что-нибудь!

— Объясни мне одну простую вещь,— сказал наконец Барни Майерсон.— Ты можешь превратиться во что угодно, даже в целую планету, я же не могу стать и памятным жетоном! Почему это так?

— Хм...— Он смутился.— Ладно. Мне вообще-то глубоко наплевать на это, но тебе я скажу все как есть. Слушай меня внимательно и не перебивай, я хочу открыть тебе свой главный секрет. После принятия наркотика ты можешь стать чем угодно, было бы на то твое желание. Но все это, разумеется, не более чем иллюзия. Да, да, я не оговорился, именно иллюзия! Ощущение реальности происходящего связано с тем, что определенные черты видений неким образом предваряют будущее. Если подумать, ничего особенно удивительного в этом нет; вспомни о вещих снах и о скоперах. Я посетил миллион этих «миров», и потому мне известна их подлинная природа. Они — ничто. Если уж с чем-то их и сравнивать, то больше всего они похожи на электрические импульсы, с помощью которых исследователь производит раздражение тех или иных участков мозга лабораторной крысы.

— Я это уже понял,— заметил Барни.

— И несмотря на это, ты хочешь закончить жизнь в одном из этих миров?

Барни Майерсон утвердительно кивнул.

— Вот и прекрасно! Я обращу тебя в камень, лежащий у самой кромки прибоя. Ты будешь слушать шум волн — представляешь, как это здорово? И так миллионы лет! Это именно то, что тебе нужно! — «Ну и баран,— подумал он про себя.— Это же надо, он решил стать камнем!»

— Ты что, издеваться вздумал? — сказал вдруг Барни.— Объясни, что тебе от меня надо? Этого хотят проксы? За этим они тебя сюда и прислали, так?

— Меня никто не присылал! Я прибыл сюда по своей собственной воле! Уж лучше здесь, чем в межзвездном пространстве! — он засмеялся.— Ты глуп, Барни, именно поэтому ты и хочешь стать камнем! Послушай, я, кажется, все понял! Просто-напросто ты хочешь умереть!

— Умереть?

— Только не говори мне, что для тебя это новость!

— Так оно и есть, Палмер.

— Тогда слушай, что я тебе скажу. Я перенесу тебя в такой мир, где ты будешь лежать в придорожной канаве. И будешь ты даже не камнем, но гниющим трупом пса! Ты будешь мной,

более того, ты уже стал мной! И убьет Лео Булеро не меня, но тебя!

«Я же буду жить,— подумал он,— и это будет моим подарком тебе, ибо я сберегу твое тело. Ты умрешь вместо меня, и в память об этом люди поставят памятник на Сигме 14-Б. Когда ты вернешься с Марса и снова займешь свой кабинет в "Пэт-Комплект", ты уже будешь мною. Так я избегну своей участи. Все до смешного просто».

— Ладно, Майерсон,— сказал он вслух.— Можешь считать, что я оставил тебя в покое — единым организмом мы больше не являемся. Теперь мы будем существовать отдельно друг от друга. У тебя своя судьба, у меня — своя. Ты отправишься на корабль Фримэна, стартующий с Венеры, я — в родной Чумной Барак. Тамошняя жизнь меня вполне устраивает; мало того что у меня есть Энн Готорн, у меня есть и огород — а это по нашим временам, согласись, редкость. Надеюсь, что и тебе твоя будущая жизнь понравится.

Он стоял на кухне своей марсианской квартирки. На сковороде жарились здешние грибы, в воздухе пахло специями, магнитофон играл Гайдна. Мир и покой. Все, что нужно человеку,— мир и покой... Там, в межзвездной пустоте, я так привык к ним. Он зевнул, с удовольствием потянулся и сказал вслух:

— Я это сделал.

Энн Готорн, сидевшая в комнате, подняла глаза от свежего номера газеты и спросила:

— Что ты имеешь в виду, Барни?

— Это я о грибах,— ответил он. Он был Палмером Элдричем, но находился здесь, а не где-то еще. Он переживет нападение Лео и будет наслаждаться тем, что подарила ему судьба.

Барни Майерсон зажмурился. Мгновение спустя он понял, что находится на корабле. Вся мебель в комнате была привинчена к полу. Сила тяжести не походила ни на земную, ни на марсианскую — очевидно, гравитация была искусственной.

Он заметил на стене небольшой — размером с ячейку пчелиных сот — иллюминатор. Он заглянул в него и увидел огромный ослепительный диск Солнца, закрывавший собой полнеба. Он щелкнул переключателем фильтров и только тут заметил, что у него нет правой руки. Вместо нее у него был протез. Прекрасный механический протез.

Он вышел из каюты и поспешил к кабине управления. Он постучал в тяжелую, обитую стальными листами дверь металлическими костяшками своих искусственных пальцев, и дверь тут же отошла в сторону.

— Слушаю вас, мистер Элдрич,— сказал молодой светловолосый пилот.

— Мне нужно послать радиограмму.

Пилот достал из нагрудного кармана ручку, поправил закрепленный на пульте управления блокнот и приготовился писать.

— Кому, сэр?

— Лео Булеро.

— Лео... Булеро... Так. Теперь скажите, где он находится. Если на Терре, то...

— Нет. Его корабль находится где-то поблизости. Передайте ему...— Он задумался, лихорадочно перебирая в голове варианты радиограммы.

— Может быть, вы поговорите с ним сами, сэр?

— Я не хочу, чтобы он убивал меня,— отозвался Барни.— Больше мне сказать ему нечего. Помимо прочего, при этом погибну не только я, погибнет и весь экипаж этого проклятого корыта! Ты в том числе!

«Все это лишено смысла,— подумал он про себя.— Кто-то из венерианских агентов Феликса Блау видел, как я садился в этот корабль. Лео знает о том, где я нахожусь, и он не преминет привести свой план в исполнение».

— Вы хотите сказать, что конкуренция зашла так далеко? — изумился пилот.

В кабине появилась Зоя Элдрич; на ней было платье с широкой юбкой и отороченные мехом мягкие шлепанцы.

— Что происходит?

— Лео находится где-то поблизости, ООН разрешила ему сесть на боевой корабль. Мы попали в ловушку. Нам не следовало отправляться на эти дурацкие переговоры. Ох уж этот мне Хепберн-Гильберт...— Он повернулся к пилоту: — Ты все-таки попробуй с ним связаться. Ну, я пойду к себе.

— Стойте же, черт побери! — воскликнул пилот.— Вы себя ведете так, словно вас это не касается! Поговорите с ним — ведь это не мы, это вы ему нужны! — Он поднялся со своего кресла и жестом руки предложил Барни занять его.

Барни со вздохом сел и, включив передатчик, настроил его на частоту экстренной связи.

— Лео, ты мерзавец! — прокричал он в микрофон.— Тебе удалось обмануть меня, и я нисколько не сомневаюсь, что все это было задумано тобой еще до того, как я вернулся с Проксимы! — Барни исполнился праведного гнева.— Где твоя совесть, Лео? С кем ты собрался воевать? Ведь ты прекрасно понимаешь, что мы летим на грузовом корабле и оружия у нас нет! — Он на миг задумался, пытаясь понять, что ему следует говорить дальше. Сказать Лео о том, что он не Палмер Элдрич, а Барни Майерсон? Втолковать этому старому идиоту то, что Эмерсона убить невозможно?

— Что же ты молчишь! — взвизгнула Зоя.

Барни вновь взял микрофон в руку.

— Лео, позволь мне вернуться на Проксиму! Я уйду отсюда навсегда, слышишь? — Он выдержал паузу, прислушиваясь к потрескиванию динамиков.— Все понял,— сказал он наконец.— Тогда я забираю все свои слова обратно. Я никогда не покину Солнечную систему, и тебе придется свыкнуться с этим. Теперь тебе и ООН не поможет! — Он повернулся к Зое: — Как тебе моя речь?

Ответа не услышал. Одного выстрела лазерного орудия было достаточно для того, чтобы разорвать корабль практически надвое...

Барни Майерсон лежал на полу кабины управления, слушая вой сирен. «Я получил то, чего желал,— подумал он.— По крайней мере Элдрич считал, что я хочу именно этого. Жажда смерти».

Боевой перехватчик ООН вышел на позицию для второго, решающего выстрела. Он был так близко, что Барни видел даже пламя, вырывающееся из его дюз...

Он недвижно лежал на полу. Он ждал, когда к нему придет смерть.

К нему подошел Лео Булеро.

Энн Готорн поднялась с кресла.

— Так вы и есть Лео Булеро! У меня к вам множество вопросов, и прежде всего о производимом вами Кэн-Ди.

— Я не производжу Кэн-Ди,— сухо заметил Лео,— и категорически отвергаю все и всяческие слухи об этом. Ни одно из моих коммерческих подразделений не занимается и никогда не занималось нелегальной деятельностью! — Он наклонился и хрипло прошептал: — Барни, ты принял эту штуку? Ну ты меня понимаешь, да?

— Я лучше выйду,— пробормотала Энн.

Лео вопросительно посмотрел на Барни и отрицательно покачал головой.

— Вы можете остаться. Я знаю, что вы — агент Блау.— Он раздраженно ткнул Барни Майерсона в бок и еле слышно пробормотал: — Наверняка этот мерзавец его не принял. Обыскать его, что ли? — Он принялся рыться в карманах Барни и едва ли не тут же обнаружил то, что искал. В следующее мгновение он уже снял с ампулы колпачок и заглянул вовнутрь.— Так я и знал! Он просто струсил! А мы-то все голову ломали, чего это Барни не связался с Фэйном! Тьфу! Противно даже!

— Никто не трусил,— сказал вдруг Барни. «Я был далеко-далеко,— подумал он про себя,— так далеко, что отсюда не видно».— Чу-Зи,— добавил он.— Много Чу-Зи...

— Да, но ты потерял сознание всего две минуты назад,— заметил Лео с явным презрением.— Мы оказались перед твоей дверью через мгновение после того, как ты ее запер. Ваш старший — Норм или что-то в таком роде — открыл ее своими ключами.

— Вы забываете о том,— вмешалась Энн,— что для человека, принявшего Чу-Зи, время идет существенно иначе. Он мог находиться *там* многие часы или даже дни! — Она бросила на Барни взгляд, полный сочувствия: — Это так?

— Я умер,— пробормотал Барни. Он сел, чувствуя, что его вот-вот вытошнит.— Ты убил меня.

— Вы имеете в виду меня? — полюбопытствовал Феликс Блау.

— Нет,— ответил Барни. На самом деле все это не имело никакого значения. Когда он примет Чу-Зи, ему тут же придет конец. Вместо него отныне и во веки вечные будет Палмер Элдрич. Его огорчала отнюдь не смерть — рано или поздно она все равно наступила бы. Нет, его смущало другое — то, что Палмер Элдрич стал бессмертным. «Смерть,— подумал он.— Смерть, неужели ты действительно не властна над ним?»

— Не знаю, как вы, мистер Булеро, но я чувствую себя оскорбленным! — возмутился Феликс Блау.— Что вы хотите этим сказать, мистер Майерсон, а? Я как-то не понимаю, на что именно вы намекаете! Мы вывели вас из этой комы, мы предприняли из-за вас это утомительное и, на мой взгляд, рискованное путешествие, а вы? — Он с опаской посмотрел на дверь и приглушенным голосом добавил: — Пусть он примет этот свой токсин, и мы тут же отправимся назад, на Терру. Иначе, боюсь, здесь может произойти что-нибудь по-настоящему ужасное.

— Ты примешь токсин, Барни? — спросил Лео.

— Нет! — ответил тот твердо.

— Но почему? — голос уставшего до смерти человека.

— Я слишком люблю жизнь, Лео.— «Будем считать,— подумал Барни про себя,— что искупление уже состоялось».

— Что с тобой происходило *там?* — спросил Лео.

Барни, собрав остаток сил, поднялся на ноги.

— Он вам этого все равно не скажет,— сказал Блау, отойдя к самой двери.

— Барни, ты же понимаешь, иных вариантов у нас просто не было! Я заберу тебя с Марса, можешь в этом не сомневаться. Эпилепсия же на самом деле — сущий пустяк, сегодня она есть, завтра...

— Вы только зря теряете время,— процедил сквозь зубы Блау. Открыв дверь, он еще раз взглянул на Барни.— Как вы могли на него понадеяться? Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что он — человек крайне ненадежный!

— Он прав, Лео,— сказал Барни.

— Прекрасно, теперь послушай, что скажу тебе я. Ты не покинешь Марс уже никогда, Терры тебе не видать, как собственных ушей! По крайней мере я помогать тебе уже не стану!

— Я это знаю.

— Выходит, тебя это уже не волнует? Ну да, как же я мог забыть! Теперь у тебя есть этот треклятый наркотик! — Лео явно был обескуражен.

— Я не собираюсь принимать его!

— Тогда как прикажешь тебя понимать?

— Я буду просто жить, Лео, просто жить! Буду копаться в своем огороде, буду как-то обустраивать свой быт, заниматься строительством каналов и так далее, и так далее, и так далее. Мне очень жаль, что все так вышло.

— Мне тоже,— печально кивнул Лео.— Тем более что я так ничего и не понял.— Он посмотрел на Энн Готорн, надеясь увидеть ответ в ней, пожал плечами и направился к двери. На пороге он на миг остановился, начал было что-то говорить, но тут же передумал и поспешил вслед за Феликсом Блау. Через минуту шаги их смолкли и установилась тишина. Барни подошел к раковине и налил себе полный стакан воды.

— Кажется, я тебя поняла,— сказала Энн.

— Думаешь? — У воды был прекрасный вкус, особую сладость придавало ей то, что она могла очистить его от Чу-Зи...

— Часть тебя стала Палмером Элдричем,— сказала Энн,— а часть Палмера Элдрича стала тобой! Ни ты, ни он уже не сможете существовать друг без друга, отныне вы...

— Ты рехнулась! — пробормотал Барни, опершись на край раковины,— он все еще был слишком слаб для того, чтобы стоять на ногах.

— Элдрич получил именно то, что хотел!

— Ты ошибаешься,— покачал головой Барни.— Я вернулся назад слишком быстро, мне же следовало задержаться там еще минут на пять—десять. К тому времени, когда корабль Лео произведет второй выстрел, там буду уже не я — там будет он, Палмер Элдрич.— «Именно поэтому я и не хочу принимать эту отраву,— сказал он себе.— В скором времени то, что принято называть Палмером Элдричем, будет уничтожено».

— Кажется, я поняла тебя,— сказала Энн.— Но ты уверен в том, что твое видение будущего было правильным?

— Да.

Увиденное по большей части никак не было связано с ним самим, что свидетельствовало об объективном характере происходившего. Кому как не ему было разбираться в этих материях, ведь он был скопером, и не просто скопером, а скопером экстра-класса!

— Это понимаю не только я,— продолжил Барни.— Это понимает и Палмер Элдрич. Он сделает все от него зависящее, чтобы не допустить этого. Но это ему уже не удастся.— *«Скорее всего,* не удастся,— подумал он.— Что такое будущее, как не совокупность ряда возможностей?» Работа скопера состояла именно в том, чтобы выбирать из ряда вариантов или *сценариев* развития событий тот единственный, которому суждено было стать реальностью. Он, Барни Майерсон, делал это как бог.

— И все же на Землю вернуться тебе уже не удастся! — сказала Энн грустно.— Лео действительно не станет этим заниматься, это можно было понять по выражению его лица. Пока он жи...

— Землей я сыт по горло,— Барни сказал это, прекрасно понимая, какая жизнь может ждать его здесь, на Марсе.

И все же, если уж она могла устроить Палмера Элдрича, она должна была устроить и его самого. К Палмеру Элдричу можно было относиться по-разному, но нельзя было отрицать его мудрости: он был поистине мудр, ибо жил множеством жизней одновременно — людских, звериных и прочих. Слияние с Элдричем, происшедшее *там,* оставило на Барни неизгла-

димый след — он обрел нечто такое, что несло в себе отблески абсолютного знания. Он в свою очередь мог одарить Элдрича чем-то другим — своей интуицией, своими чувствами, своей памятью...

И все же этого, скорее всего, не произошло. Наш враг — безобразный и бесконечно чуждый нам — поселился в одном из представителей нашего вида во время его путешествия с Земли на Проксиму. Он не был похож на нас ничем, и все же он знал о нас и о смысле нашего появления в этом мире куда больше нас самих. Он или оно промеряло хладные просторы космоса в поисках определенной формы жизни, в которую оно смогло бы вселиться. Но при том оно оставалось чем-то куда больше нас — тех, кого оно избрало своим вместилищем...

На пороге его комнаты стояли двое. Это были Норм и Фрэн Шайны.

— Привет, Майерсон! Как тебе второй раунд? — Не дожидаясь приглашения, они вошли в комнату и застыли в ожидании ответа.

— Оно не будет пользоваться успехом,— ответил Барни.

— Не знаю, что тебе и сказать...— удивленно покачал головой Норм.— Мне оно показалось куда лучше Кэн-Ди,— он нахмурился и с опаской посмотрел на свою супругу.— Единственное, что мне в нем не понравилось, это то, что ты все время чувствуешь чье-то незримое присутствие — такое ощущение, будто за тобой подсматривают! На одном моменте я даже решил...

— Мистер Майерсон устал, разве ты этого не видишь? — перебила супруга Фрэн.— Расскажешь ему об этом как-нибудь в другой раз.

Норм Шайн посмотрел Барни в глаза.

— Странный ты парень, Барни. Не успел закончиться первый сеанс, как ты силой забрал Чу-Зи у мисс Готорн и уединился в своей комнате, чтобы повторить его еще раз. И после этого ты вдруг заявляешь, что Чу-Зи тебе пришлось не по вкусу.— Он недоуменно пожал плечами.— Кто знает, может быть, ты взял лишку... Это ведь дело опасное, тут надо быть осторожным! Что до меня, то я хочу повторить опыт еще раз; мне оно действительно понравилось.

— А как же это самое присутствие, о котором ты говорил?

— Я ведь тоже его чувствовала,— вмешалась в разговор Фрэн.— И я ни за что не стану принимать Чу-Зи еще раз. Мо-

жет быть, вам это покажется смешным, но я его боюсь! — Она поежилась и прижалась к своему супругу, который тут же привычным движением обнял ее за талию.

— Бояться его не надо,— усмехнулся Барни.— Ему ведь тоже надо как-то жить!

— Но оно такое...

— Все дело в том, что оно — очень и очень древнее,— перебил Барни.— Отсюда и это неприятное чувство. В нашем понимании оно вечно!

— Ты говоришь так, словно лично знаком с ним,— проворчал Норм.

«В каком-то смысле так оно и есть,— подумал Барни,— ибо часть его поселилась в моей груди. Через несколько месяцев его не станет, и оно вернет мне то, что стало частью его нынешней структуры. Вернет, лишив дарованного мне прежде. Момент его смерти должен отозваться во мне болью. Трудно представить...»

Он обратился к стоявшим перед ним:

— У него есть имя, ведомое вам, хотя само оно не знает его. Лишь мы привыкли величать его этим именем. Величать на расстоянии в тысячи лет. Рано или поздно мы должны были столкнуться с ним лицом к лицу. И вот эта встреча состоялась.

— Если я правильно тебя поняла, ты говоришь о Боге,— пробормотала Энн.

Он еле заметно кивнул.

— Но почему же мы ощущаем его как зло? — спросила шепотом Фрэн Шайн.

— Значит, с нами что-то не так,— ответил Барни. Он вдруг вспомнил о том, как оно пыталось помочь ему, как оно боролось с тенетами судьбы, в которых увязли не только мы, но и оно само...

— О господи! — вздохнул Норм Шайн. В эту минуту он походил на дитятю, узнавшего вдруг о коварстве и подлости взрослых.

Глава 13

Едва унялась дрожь в ногах, Барни повел Энн Готорн наверх, на то место, где со временем должен был появиться новый огород.

— Сказать «нет» может только по-настоящему мужественный человек! — сказала Энн.— Я до последней минуты не верила в то, что ты им откажешь.

— Это ты о Лео? — спросил Барни. Он прекрасно понимал, что имеет в виду Энн, но говорить о Лео Булеро, Феликсе Блау и делах «Пэт-Комплект» ему как-то не хотелось.— Лео человек взрослый, он может постоять за себя и сам.— «Помимо прочего,— подумал он,— тот процесс ему все равно не удалось бы выиграть». Он знал это точно, ибо был провидцем.

— Свекла,— сказала Энн, поморщившись. Она сидела на бампере самоходного трактора, изучая пакетики с семенами.— Что ненавижу, так это свеклу. Ты уж, пожалуйста, ее у себя не сажай: как бы она ни мутировала, лучше она все равно не станет.

— Ты не хотела бы переселиться к нам? — спросил вдруг Барни.

— Нет.— Она стала смущенно разглядывать пульт управления трактора, соскребая с кабеля старую рассохшуюся изоляцию.— Время от времени я буду к вам заходить. Вы все-таки наши ближайшие соседи.

— Послушай, трущобы, в которых ты живешь...— Он вдруг осекся. Его потрясло то, что он стал ассоциировать себя со своим отсеком, который на деле ничем не отличался от той норы, в которой жила Энн; для того чтобы хоть как-то отремонтировать его, специалистам потребовалось бы лет пятьдесят.— Короче, если ты не хочешь переезжать, то хотя бы заходи почаще. Я жду тебя в любой день, кроме воскресенья.

— Интересно, чем отличается воскресенье от всех прочих дней?

— По воскресеньям мы читаем Библию.

— Не надо так шутить, Барни,— сказал Энн тихо.

— Я не шучу,— он действительно говорил серьезно.

— То, что ты говорил мне о Палмере Элдриче...

— Я хотел, чтобы ты кое-что поняла. Тот, о ком я говорю, действительно существует, более того, он находится именно здесь! Мы и представить себе не могли, что он может быть таким... Ну ты понимаешь, что я имею в виду, да? И второе...— он вдруг замялся.

— Ну что же ты? Договаривай до конца!

— Он не может помочь нам, разве что самую малость... Он хочет этого, но у него ничего не получается. Почему это так — я не знаю, скорее всего, этого не знает и он сам. Просто все

оказалось куда сложнее, чем казалось вначале...— «А ведь у него было столько времени на раздумья,— подумал он,— и будет еще столько же, если, конечно, ему удастся скрыться от одного из нас, от Лео Булеро. Понимает ли Лео, с чем он борется? И если бы понимал, то стал бы менять что-либо в своих планах?»

Барни покачал головой, понимая, что этого не произошло бы в любом случае.

— То, что вошло в Элдрича, то, с чем столкнулись мы, является существом, неизмеримо превосходящим нас, людей, именно поэтому мы не понимаем ни того, что оно хочет, ни того, что оно с нами делает. Оно навеки скрыто от нас завесой тайны. Но ты серьезно заблуждаешься, Барни. Это никак не Бог. То, что не может, и то, что не знает, не есть Бог. Мы имеем дело с существом сотворенным! Но никак не с Творцом!

— Я чувствую исходящую от него благодать. Если я не прав, то как ты это объяснишь?

— Я не вижу в этом ничего странного. Он находится в каждом из нас, находится он и в том существе, о котором у нас идет речь. В нем он проявляется полнее, чем в нас... Впрочем, я лучше объясню это на примере. Хозяйка пригласила в дом гостей. Прекрасную вырезку весом в целых пять фунтов она оставляет на кухонном столе. Поболтав с подружками, она возвращается на кухню, с тем чтобы приготовить мясо, и вдруг, к своему ужасу, замечает, что мяса на столе нет! На полу сидит любимец семьи, огромный кот, тщательно вылизывающий себе шерстку.

— Кот все сожрал?

— Ты удивительно умен, Барни. Но позволь мне закончить свой рассказ. Хозяйка зовет гостей на кухню и рассказывает им о случившемся. Кто-то из гостей советует взвесить кота. Все, и гости, и хозяйка, к этому времени уже не совсем трезвы, и поэтому кота действительно начинают взвешивать. Оказывается, что он весит ровно пять фунтов. Один из гостей говорит: «Так вот она, ваша вырезка!» — Все соглашаются с этим, недовольна одна хозяйка — она никак не может понять, куда же запропастился ее кот.

— Я этот анекдот уже слышал,— сказал Барни,— и я не понимаю, какое отношение может иметь...

— Если подумать, здесь как нельзя лучше выражена суть главной проблемы онтологии.

— Но ведь это же чушь! — сказал он со злостью.— Если весы работали правильно, значит, вырезки кот не ел!

— А что ты скажешь о пресуществлении?

Барни остолбенел от неожиданности. Так вот куда она клонит!

— Да,— спокойно продолжила Энн,— кот не был вырезкой, но он мог быть в данный момент формой ее проявления в мире! Теперь слушай меня внимательно. Бог неведом тебе, потому ты не вправе говорить о том, что он вошел в Элдрича. То, о чем мы говорим, могло быть только неким Его проявлением — оно, подобно нам самим, создано по Его образу и подобию, и только! Карта страны — еще не страна, горшок — еще не горшечник! И потому, Барни, не гневи Бога понапрасну! — она улыбнулась, надеясь на то, что он поймет хоть что-то из ее слов.

— Может так статься, этому памятнику мы будем поклоняться как святыне! — пробормотал Барни. «Вот только Лео Булеро при этом вспоминать не будут,— подумал он.— Поклоняться будут тому, явленному нам, запредельному...»

— Я смотрю, тебе приятнее заниматься огородом, чем беседовать со мной,— сказала Энн.— Поползу-ка я в свою нору. Удачи тебе, Барни.— Она крепко сжала ему руку.— И запомни одну вещь. Никогда и ни перед кем не пресмыкайся. Я думаю, то, что ты величаешь Богом, в этом не нуждается.— Она поцеловала его в щеку и зашагала в сторону своего дома.

— Ты думаешь, я затеял это зря? Я сейчас об огороде. Ну так как, стоит этим заниматься или нет? — крикнул Барни ей вслед.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. Я в этом ничего не понимаю.

— Ах, да! Как это я мог забыть! Ты же только о спасении души и думаешь — всего остального для тебя вроде как нет!

Глаза Энн потемнели. Она тут же развернулась и вновь подошла к Барни.

— К сожалению, это не так. С какого-то времени я перестала что-либо понимать. Меня здесь все раздражает! — Она заглянула ему в глаза.— Когда ты требовал у меня Чу-Зи, я кое-что видела, понимаешь? Видела вот этими вот глазами!

— Протез. Квадратную челюсть. Мои замечательные...

— Да, твои замечательные глаза-шели! Что это все значит, Барни? Что это значит?

— Это значит, что ты прозрела подлинную реальность, скрытую за поверхностными ее проявлениями,— ответил Барни, подумав про себя: «Говоря твоим языком, ты видела стигматы...»

Она смотрела на него не моргая.

— Ты хочешь сказать, что на самом деле...— Она отшатнулась от него с гримасой отвращения на лице.— Почему ты не такой, каким ты кажешься?! Ты ведь действительно другой!!! Зачем только я стала рассказывать тебе эту притчу о кошке...

— Хочу сообщить тебе одну вещь, которая вряд ли тебя обрадует. Когда я пытался забрать у тебя Чу-Зи, ты выглядела не краше моего. И отталкивала ты меня совсем не рукой.— «Все это в любой момент можно вернуть,— подумал он.— Он всегда с нами — пусть и не актуально, а потенциально».

— Это как проклятье...— пробормотала Энн.— На нас уже лежало проклятье первородного греха, теперь еще и это...

— Кому как не тебе знать это. Три клейма греха: мертвая рука, глаза-щели, железные зубы. Три стигмата.

Знаки его присутствия средь нас. Его — незваного. Нечаянного. И ни одного таинства, посредством которого мы смогли бы защитить себя, сведя его к чему-то одному, простому, как хлеб... как вода... Он всюду, он во всем — он смотрит нам в глаза нашими глазами...

— Что делать — такова цена,— вздохнула Энн.— В тот раз это было яблоко, теперь это — Чу-Зи...

— Да,— кивнул Барни.— И я ее уже заплатил.

«Или почти заплатил,— подумал он.— То, что было ведомо нам в своем терранском обличье, восхотело за миг до гибели поменяться со мной местами. Бог принял смерть за людей, *это* же хотело, чтобы за него умер человек...»

«Можно ли на этом основании считать *его* злом? — спросил он у себя.— Верю ли я сам в то, что было сказано мною Норму Шайну? Конечно, две тысячи лет назад происходило нечто совершенно иное, тогда это был сам Бог, здесь же речь шла о чем-то соразмерном человеку... Существо, слепленное из праха, хотело стать бессмертным. Кому из нас не хотелось бы этого? Но для этого кто-то должен был принести себя в жертву. Увы, жертвовать собою люди особенно не спешили...»

— Прощай,— сказала Энн.— Можешь сидеть в своем экскаваторе до скончания времен — желаю тебе докопаться до истины! Кто знает, может быть, к тому времени, как мы увидимся

вновь, ты действительно выстроишь целую оросительную систему! — Она презрительно усмехнулась и поспешила прочь.

Барни вздохнул, взобрался по ржавой лесенке в кабину экскаватора и запустил двигатель. Тот возмущенно взвыл и глухо зарычал. Но не было в стальном теле машины былой стати и силы. «А жаль,— подумал Барни.— Я ведь толком-то и рыть еще не начал».

Он прорыл траншею длиною в полмили, когда вдруг заметил неподалеку представителя местной фауны. Он тут же выключил двигатель и, выглянув наружу, принялся рассматривать его.

Животное странным образом напоминало тощую старуху, вставшую на четвереньки. Скорее всего, это был шакал-телепат, о котором ему то и дело говорили его соседи по норе. Вне зависимости от того, к какому виду относилось это животное, можно было с уверенностью сказать, что не ело оно давненько. Оно жадно смотрело на Барни, однако боялось приближаться к экскаватору, предпочитая держаться поодаль. В мозгу Барни прозвучало нечто достаточно неожиданное: «Можно тебя съесть?»

— Господи, конечно же нет! — ответил Барни вслух. Он порылся в ящике под сиденьем и достал оттуда тяжелый гаечный ключ. Он показал его марсианскому хищнику, причем сделал это так, что шакал и без слов должен был понять истинное назначение оного ключа.

— Слезал бы ты оттуда,— обратился к нему хищник.— Иначе как я тебя съем? — Последний вопрос, очевидно, задавался шакалом самому себе, однако был услышан и Барни. Шакал бы страшно голоден и бесхитростен.— Подожду-ка я его здесь,— подумал шакал вслух.— Рано или поздно он с этой штуковины все равно слезет.

Барни развернул экскаватор и поехал в направлении Чумного Барака. Экскаватор страшно грохотал и скрежетал, при этом скорость его никак не соответствовала уровню поднимаемого им шума. Мало того, с каждой минутой он полз все медленнее и медленнее... Барни вдруг понял, что доехать на нем до норы он не сможет. Шакал, видимо, был прав, в скором времени Барни предстояло покинуть свое ржавое убежище.

«Как это символично,— подумал он с горечью,— то немыслимо высокое, что осчастливило меня своим прикосновением, сохранило мне жизнь, но вот уже презреннейшее из животных готовится забрать ее... Конец пути. Финал, которого он — гени-

альный скопер — не смог предвидеть. Доктор Смайл, будь он сейчас здесь, сказал бы так — "не хотел провидеть"...»

Экскаватор пронзительно взвыл, забился в конвульсиях и... замер. Жизнь покинула его.

Какое-то время Барни сидел в кабине. В нескольких метрах от него находился гнусный марсианский хищник, удивительно похожий на старуху. Шакал не сводил с него глаз.

— Ну ладно,— сказал Барни вслух.— Я иду! — Он спрыгнул с подножки экскаватора и, размахивая перед собой гаечным ключом, пошел на зверя.

Шакал ринулся к нему.

В паре шагов от него зверь вдруг взвыл и, резко изменив направление, проскочил мимо. Барни удивленно обернулся и посмотрел ему вослед.

— *Нечистый*,— подумал шакал вслух, отбежав на безопасное расстояние.— Ты нечистый,— проинформировал он Барни.

— Нечистый? — изумился Барни.— Что это может значить?

— Что это значит? — провещал хищник.— Ты посмотри на себя получше. Я такое есть не могу.— Мысли шакала были исполнены крайнего разочарования и отвращения.

— Наверное, все мы покажемся тебе нечистыми,— сказал Барни.— Мы ведь прилетели сюда с другой планеты. Мы здесь чужие.

— Что ты заладил: мы, мы... Я не о других. Я о тебе говорю! Ты посмотрел бы на свою правую руку — разве руки такими бывают? И вообще, ты весь какой-то не такой! Как ты это терпишь? Неужели ты не можешь как-то очистить себя?

На руку Барни смотреть не стал. Он заранее знал, что он увидит.

Стараясь сохранять хоть какое-то достоинство, он медленно пошел в сторону Чумного Барака.

* * *

Он уже собирался лечь, когда кто-то постучал в дверь.

— Эй, Майерсон! Открой!

Он надел халат и открыл дверь.

— Тот корабль прилетел снова! — радостно сообщил ему Норм Шайн, схватив его за рукав.— Тот самый, который Чу-Зи продает! Если у тебя остались скины...

— Если я им понадоблюсь,— сказал Барни, отстраняя от себя руку Шайна,— пусть они спустятся сюда сами. Так им и передайте.— С этими словами он закрыл дверь.

Норм потопал к выходу.

Барни сел за стол, достал из выдвижного ящика последнюю пачку терранских сигарет и задумчиво закурил. Сверху слышалась какая-то беготня. «Прямо как мыши,— усмехнувшись, подумал он,— большие-пребольшие мыши, почувствовавшие запах приманки».

Дверь его комнаты отворилась. Барни продолжал смотреть на лежавшие перед ним пачку «Кэмела» и коробок спичек.

— Мистер Майерсон.

— Я знаю наперед все, что ты мне скажешь,— ответил Барни.

Палмер Элдрич прикрыл за собой дверь и сел напротив Барни.

— Твоя прозорливость меня только радует, дружище. Я позволил тебе уйти за миг до того, как Лео сделал второй выстрел. И сделал я это сознательно. О том, как мне следует поступить, я думал целых триста лет. Впрочем, истинных причин, заставивших меня поступить именно так, я тебе называть не стану.

— Они меня и не волнуют! — буркнул в ответ Барни. Глаз он так и не поднимал.

— Ты что — не можешь смотреть на меня? — поинтересовался Палмер Элдрич.

— Я — нечистый,— сообщил в ответ Барни.

— КТО ТЕБЕ ЭТО СКАЗАЛ?

— Зверь в пустыне. Стоило ему приблизиться ко мне, как он это тут же увидел!

— Гм. Но, может быть, причиной его...

— О каких причинах ты говоришь?! Он был голоден, как слон, и готов был сожрать все, что угодно! Соврать в такой ситуации он просто не мог!

— Для неразвитого ума святость и нечистота являются вещами одного порядка. И на то и на другое налагается табу. Ритуал, основание которого...

— Иди ты,— печально покачал головой Барни.— Ты ведь и сам понимаешь, что это правда. Я жив, и я не умру на этом самом корабле, но я стал нечистым.

— И в этом повинен я?

— Ну а как ты думаешь?

После непродолжительного молчания Элдрич пожал плечами и произнес:

— Хорошо... Меня изгнали из одной звездной системы — не буду называть ее, это не имеет никакого значения,— и вот я

оказался здесь. Да, тебе действительно кое-что перепало. Но это так, мелочи. Пройдет несколько лет, и ты забудешь об этом — все пройдет. Твои приятели-колонисты ничего не заметили, потому что это коснулось и их. Ведь все они попробовали эту нашу штуку.

— Скажи,— спросил Барни,— для чего ты продаешь нашим людям Чу-Зи?

— Для того чтобы продлить себя,— негромко ответило существо, сидевшее напротив.

— Это что — такая форма размножения?

— Да. Все прочие мне недоступны.

— Бог ты мой,— произнес Барни с видимым отвращением.— Все мы должны стать твоими детьми.

— Господин Майерсон,— довольно хмыкнуло существо,— пусть это вас особенно не беспокоит. У вас и так забот предостаточно: и огород, и водоснабжение... Сказать честно, я жду не дождусь смерти. Как я буду радоваться, когда Лео Булеро осуществит свой новый замысел — он стал вынашивать его после того, как ты отказался взять токсин. И вообще, я хочу, чтобы тебе было хорошо на Марсе. Что до меня, то тут все куда сложнее.

Элдрич поднялся на ноги.

— Ты можешь вернуться к прежнему состоянию,— возразил Барни.— Принять форму, в которую некогда и вошел Палмер. Какой смысл сидеть в этом теле в тот момент, когда Лео откроет огонь по твоему кораблю?

— Ты думаешь, это возможно? — усмехнулся Элдрич.— Если я там не появлюсь, меня может ждать нечто куда худшее. Подобных вещей ты не знаешь — отпущенный тебе и тебе подобным срок слишком мал для того, чтобы вы...

— Замолчи! — воскликнул Барни.— Я не хочу всего этого знать!

Он вновь поднял глаза и увидел, что Палмера Элдрича в комнате уже нет.

Он достал из пачки еще одну сигарету. «Что за бред! — подумалось ему.— И это диалог двух разумных существ! Со мной все понятно, но оно-то, оно! Кто б мог подумать, что оно будет таким *скверным*. И сделать с этим ничего нельзя. Поздно, слишком поздно...

А этот идиот Лео считает, что он может справиться с ним с помощью какого-то дурацкого токсина!

Вот он я. Тот человек, который не стал делать того, чего от него ждали другие. Нечистый. Грязный».

«Может быть, Энн сможет помочь мне? — подумал он вдруг.— Может быть, существует какой-то способ, позволяющий вернуться к изначальному своему состоянию, свободному от скверны и порока?» Сам он знал о неохристианстве слишком мало, но понимал, что надеяться он теперь может только на него. Без надежды же, как известно, человек жить не может...

Существо, поселившееся в душе Палмера Элдрича, не могло явиться ниоткуда, оно тоже было частью творения и потому оно тоже было подвластно Творцу.

Существует же такая вещь, как спасение души. Но...

Но она существует, увы, не для всех...

Полет на Марс закончился полной неудачей. Все то время, что они летели назад, Лео Булеро и Феликс Блау посвятили обсуждению новой стратегии.

— Он постоянно болтается в космосе — то он в лунных своих владениях, то он где-то на Марсе, то еще где-нибудь,— резюмировал Феликс Блау.— Все мы прекрасно понимаем, что нет ничего более хрупкого, чем корабль, летящий в межпланетном пространстве. Крошечной дырочки достаточно для того...— он сделал весьма красноречивый жест.

— Все правильно,— мрачно кивнул Лео Булеро.— Но нам следует заручиться поддержкой ООН.

По действующему законодательству, частным лицам и работникам коммерческих фирм не разрешалось иметь ничего, кроме обычных пистолетов. Им же требовалось нечто куда более мощное.

— У меня есть для вас любопытная информация,— сказал Феликс, открывая свой дипломат.— Наши люди в ООН имеют доступ в кабинет Хепберн-Гильберта. *Заставить* его поступить неким образом мы конечно же не сможем, но переговорить с ним нам в любом случае удастся.

Он достал из дипломата какой-то документ.

— Наш Генеральный секретарь весьма обеспокоен тем, что во время так называемых «перевоплощений», вызванных употреблением Чу-Зи, постоянной компонентой опыта является присутствие в нем Палмера Элдрича. Понять, что это может означать, несложно. Если это будет продолжаться и впредь, в лице Хепберн-Гильберта мы обретем союзника, готового к негласному сотрудничеству.

— Феликс,— перебил своего собеседника Лео,— все это, конечно, замечательно, но объясни мне одну вещь — с каких это пор у тебя вместо руки стальной протез?

Феликс посмотрел на свои руки и удивленно ахнул. После этого он перевел взгляд на Лео и ахнул еще раз.

— У тебя то же самое, дружище! Мне кажется, что и с зубами у тебя непорядок!

Так и не раскрывая рта, Лео поспешил в туалет, где на стене висело большое — в человеческий рост — зеркало.

Он посмотрел на свое отражение. Все правильно — так оно и есть. Даже глаза стали другими. Он вздохнул и, вернувшись в салон, вновь подсел к Феликсу Блау. Феликс *механически* перелистывал какие-то бумаги. Лео отвернулся от него и посмотрел в иллюминатор на крошечные искорки звезд, затерянные в бездонной непроницаемой тьме...

— Здорово по мозгам шибает, верно? — сказал вдруг Феликс Блау.

— И не говори,— прохрипел в ответ Лео.— Слушай, что же мы теперь будем делать?

— Мы должны относиться к этому как к должному.— Он посмотрел на людей, сидящих по соседству. У всех было то же самое. Квадратная челюсть, стальная рука, глаза-щели. И так до самой кабины пилота. У самого пилота наверняка было то же самое.

— Хоть убей, не понимаю, что все это может означать! — пожаловался Лео.— Как это могло произойти? Неужели мы оба разом сошли с ума?

— Ты принимал Чу-Зи? — дрожащим голосом спросил Феликс Блау.

— Нет, после того укола на Луне — ни разу!

— Я тоже его не принимал,— сказал Феликс.— Значит, оно может распространяться и как-то иначе! Он или — точнее — оно уже повсюду! Прекрасно. Хепберн-Гильберту придется пересмотреть свою позицию. Думаю, здесь Палмер Элдрич ошибся — он зашел слишком уж далеко!

— Может быть, все это происходило уже помимо его воли,— пробормотал Лео.— Возможно, эта треклятая тварь постоянно нуждалась в притоке новой протоплазмы — она поглощала вокруг себя все, разрастаясь подобно чудовищной раковой опухоли.

Рост этот можно было прекратить одним-единственным способом: следовало уничтожить ядро этой клетки. И кто как не он сам — хомо сапиенс эвольвенс — должен был это сделать! Человек из будущего спасет настоящее своей расы. Главное теперь — чтобы ООН не отказала в помощи.

Я — Защитник своей расы...

Интересно, достигла ли эта зараза Терры? Цивилизация Палмеров Элдричей — седых, худосочных, страшно высоких — цивилизация сверкающих протезов и зубов из нержавеющей стали, цивилизация глаз-щелок... Лео поежился. Ему, Защитнику Расы, стало вдруг страшно. «А если эта пагуба затронет и наш разум? — спросил он себя.— Я ведь тогда и убивать эту дрянь не пожелаю, ибо стану ею и сам...»

— Нет, этого не может быть! Наверняка все это вижу только я — это следствие того самого укола, я все еще нахожусь под действием наркотика! — От этой мысли Лео тут же стало легче. Терра оставалась такою же, какой была и прежде, все, что происходило, происходило только внутри него. И Феликс, и этот корабль, и визит к Барни Майерсону существовали только в его отравленном сознании.

Он толкнул Блау в плечо:

— Феликс, проснись, ты призрак, на самом деле тебя нет, понимаешь? Все это происходит внутри меня! Естественно, доказать это...

— Лео, ты меня, конечно, прости,— ответил Блау,— но ты заблуждаешься.

— Да ну тебя! Когда-нибудь я все равно проснусь, и весь этот кошмар тут же исчезнет! Мне сейчас надо побольше пить — мой организм так быстрее очистится! — Он помахал рукой: — Стюардесса! Будьте добры, принесите нам выпить. Мне — виски с содовой.

— Мне тоже,— буркнул Феликс Блау.— Только не забудьте положить туда лед — маленький такой кусочек, иначе вы все испортите!

Через минуту стюардесса вернулась уже с подносом.

— Это вы просили со льдом? — обратилась она к Блау. Это была хорошенькая блондинка с зелеными, как у кошки, глазами и высокой грудью. Ее можно было бы назвать красавицей, если бы не квадратная челюсть... На глазах у изумленного Лео исчезли и длинные ее ресницы, обратившиеся вдруг в защитные...

Он отвернулся. Хуже всего, когда это происходит с женщиной. Особенно если женщина эта красива...

— Ты видел? — спросил Блау, залпом выпив свой виски.

— Да. И это лишний раз говорит о том, что медлить нельзя! Как только прилетим на Терру, тут же отправимся на прием к этому мерзавцу Хепберн-Гильберту.

— Зачем? — спросил Феликс Блау.

Лео удивленно посмотрел на него и молча указал на блестящий стальной протез Феликса.

— А мне эта штука, честно говоря, нравится,— ответил тот.

«Именно этого я и боялся,— подумал Лео.— Рано или поздно это должно произойти со всеми. И все же я так просто не сдамся! Кого-кого, а меня-то ему не сломить! Теперь все будет зависеть только от меня, от меня одного. Впрочем, так даже лучше. Я слишком хорошо представляю себе грядущее, для того чтобы согласиться с этим, пусть даже я останусь единственным человеком, живущим по законам доэлдрической эры. Опираться я могу лишь на то, чем я обладал от рождения. Эта сила — а это действительно сила — недосягаема для Палмера Элдрича, она не принадлежит мне, и потому я не могу утратить ее... Я чувствую ее. Над нею не властен никто. Она существует вне этого мира, где рука превращается в протез, а глаза — в линзы... Там, где она, всего этого нет.

Тысячелетиями мы жили под гнетом древнего проклятья, однако и оно не смогло лишить нас того единственного, что все это время делало нас людьми — людьми, а не скотами! Если то, что стоит за Палмером Элдричем, вознамерилось обратить нас в часть себя, оно совершило роковую ошибку. То, на что оно покусилось, *неуничтожимо* извне.

Все это говорит мне мой продвинутый разум — как я и полагал. Э-терапия не прошла даром. Сто тысяч лет, пройденных по пути эволюции, даровали мне эту мудрость. Нет, я не выбросил деньги на ветер! Нет! Как только мы вернемся на Терру, я отправлюсь на курорты Антарктиды, именно там я смогу найти единомышленников! Мы образуем Лигу Защитников Расы!»

— Эй, Блау! — Он ткнул искусственным локтем то, что сидело рядом с ним.— Я — твой потомок. Элдрич пришел из иных пространств, я же — из иных времен! Ты понимаешь?

— Ну и что из того? — спросил Блау сонным голосом.

— Как что? Ты только посмотри, как развиты мои лобные доли. Я ведь действительно башковитый! А этот панцирь! Он ведь не только на макушке, скоро он покрост собой всю мою голову! Я — ваше будущее, понимаешь? Вы должны верить в меня и держаться до конца!

— Все будет, как ты говоришь, Лео,— сказал Феликс Блау позевывая.

— Держись меня, слышишь! Ты мне в скором времени понадобишься. И помни — даже тогда, когда я буду смотреть на тебя линзами Йенсена, это буду все тот же я, понял?

— Чего ж тут не понять, Лео.

— Лео? Как у тебя язык поворачивается называть меня этим дурацким именем? И потом, что это за фамильярность?

Феликс Блау застонал и посмотрел на своего соседа с мольбой во взгляде:

— Лео, прошу тебя, кончай ты это дело! Подумай сам, что ты мне говоришь!

Лео потряс головой и внезапно почувствовал себя протрезвевшим.

— Ну да, все правильно! Ты уж меня прости, Феликс! Это было какое-то помрачение сознания! Ты не думай, на самом деле я понимаю все как надо!

Корабль набрал маршевую скорость. Через пару часов они уже будут на Земле.

Человек в Высоком Замке

Глава 1

Целую неделю мистер Чилдэн дожидался ценной бандероли из Штатов Скалистых Гор. В пятницу утром, отворив дверь магазина и так и не обнаружив извещения среди лежащих под щелью для почты писем, он подумал: «Предстоит неприятный разговор с заказчиком». Встроенный в стену автомат за пятицентовик налил ему чашку растворимого чая. Напившись, Чилдэн взял швабру и тряпку, и вскоре магазин «Художественные промыслы Америки» был готов к приему посетителей: все вокруг сияло чистотой, в цветочной вазе стояли свежие ноготки, по радио звучала спокойная музыка.

Чилдэн постоял в дверях, посмотрел на клерков, спешивших по тротуарам Монтгомери-стрит в свои учреждения, полюбовался проносившимся над крышами вагончиком канатной дороги. Поглазел он и на женщин в длинных цветастых платьях... На прилавке зазвонил телефон. Он вернулся в зал, взял трубку и, услышав знакомый голос, помрачнел.

— Алло? Это мистер Тагоми. Сэр, я беспокою вас насчет вербовочного плаката времен Гражданской войны, обещанного вами на прошлой неделе. Скажите, он еще не прибыл? — Голос звучал нервно, отрывисто. Чувствовалось, что Тагоми сдерживается с трудом.

— Разве я не уплатил задатка, как вы настаивали? Поймите, мне самому плакат не нужен, он предназначен в подарок. Я ведь это уже объяснял, сэр.

— Уважаемый мистер Тагоми,— сбивчиво заговорил Чилдэн,— я постоянно направляю на почту запросы, оплачивая их из собственного кармана, но, видите ли, поставщик живет за пределами ТША, и, следовательно...

— Значит, плаката у вас нет? — перебил Тагоми.

— Увы, мистер Тагоми.

— Я больше не могу ждать,— прозвучало после долгой паузы.

— Понимаю, сэр.— Чилдэн угрюмо разглядывал залитые теплым солнцем вывески учреждений на противоположной стороне улицы.

— Ну что ж... Вы можете предложить что-нибудь взамен, мистер Чилдан? — Тагоми намеренно исказил его фамилию, это было оскорблением в вежливой форме. Чилдэн покраснел до корней волос. Вот она, горькая участь его и его соотечественников! Одно язвительное слово — и в душе Роберта Чилдэна просыпаются легионы чувств: страх, мука, сдерживаемые страсти — и обуревают его, мешая думать, не позволяя говорить. Он переступил с ноги на ногу и судорожно сжал телефонную трубку. В магазине все было по-прежнему: пахло ноготками, тихо звучала музыка — но казалось, будто его уносит в открытое море.

— Да...— с трудом произнес Чилдэн.— Маслобойку. А также аппарат для приготовления мороженого, выпущенный в тысяча девятисотом году или около того...— Мысли путались. Если бы он мог забыть обо всем, если бы он мог стать полным идиотом! Ему было тридцать восемь, он помнил иные, довоенные времена, Франклина Рузвельта, Всемирную выставку — короче говоря, добрый старый мир.— Если не возражаете, я доставлю кое-какие вещицы к вам на работу.

Тагоми назначил встречу на два часа. Вешая трубку, Чилдэн с досадой подумал, что магазин придется закрыть. Но выбора не было — такими клиентами, как Тагоми, не разбрасываются.

Пока Чилдэн пытался совладать с нервами, в магазин вошли юноша и девушка. Красивые, хорошо одетые — идеальные покупатели. Он улыбнулся и направился к ним профессионально-бодрой походкой. Посетители рассматривали сквозь стекло прилавка изящную пепельницу. «Молодожены,— решил он,— наверное, живут в Городе Клубящихся Туманов, в одной из очень дорогих квартир Скайлайна с видом на Белмонт».

— Доброе утро,— поклонился он. В улыбках этих людей не было превосходства — только приветливость. Его товары — а лучшего выбора не найдешь ни у кого на всем побережье — привели посетителей в восхищение. Чилдэн был благодарен, и это не укрылось от них.

— У вас отличные вещи, сэр,— сказал молодой человек.

Чилдэн вновь поклонился.

Во взглядах молодых людей он заметил не только нежность друг к другу, но и благоговение перед выставленными в «Ху-

дожественных промыслах» произведениями искусства. Это благодаря его трудам они могли взять с прилавка то или иное изделие и повертеть в руках, даже если не собирались ничего покупать.

«Да, они понимают, где находятся,— подумал Чилдэн.— Здесь им не попытаются всучить какой-нибудь мусор, наподобие дощечки с надписью "Вереск, округ Марин, ТША", дурацкого значка, девичьего колечка или открытки с видом на мост Золотые Ворота. Какие необыкновенные глаза у девушки — огромные, темные... Черные волосы, уложенные в модную прическу, маникюр, в ушах — продолговатые медные сережки ручной работы... С какой легкостью я бы влюбился в такую красавицу! И какой тяжелой стала бы моя жизнь, и без того не сладкая».

— Скажите, вы не здесь покупали серьги? — спросил он.

— Нет,— ответила она.— Дома.

Чилдэн кивнул. Да, в его магазине никогда не выставлялись современные изделия, только предметы старины.

— Надолго к нам в Сан-Франциско? — поинтересовался он.

— Пока не знаю,— ответил мужчина.— Как решит Плановая комиссия по повышению жизненного уровня пострадавших территорий.

«Гордится своей работой. Он не военный — ничего общего с жадными мужланами в форме, которые шляются по Маркет-стрит, жуют жвачку, перебираются из тира на порнофильм, из кино в дешевый ночной клуб, таращатся на фотоснимки увядших блондинок, которые морщинистыми пальцами приподнимают груди за соски и кривляются... Сколько таких притонов среди трущоб окраинных кварталов Фриско, в бараках, сколоченных из гнилых досок и ржавой жести еще до того, как упала последняя бомба... Нет, этот парень из элиты, воспитанный, образованный. Рядом с ним даже Тагоми покажется простолюдином, а ведь он — высокопоставленный чиновник Торгового представительства на Тихоокеанском побережье. Но Тагоми стар, его взгляды сформировались еще в годы правления Военного Кабинета».

— Если хотите выбрать что-нибудь в подарок, могу предложить несколько раритетов, изготовленных представителями этнических меньшинств,— сказал Чилдэн.— А может быть, вы подбираете обстановку для квартиры? — От этой мысли в нем проснулся азарт.

— Вы угадали,— подтвердила девушка.— Мы хотим украсить нашу новую квартиру, но не совсем представляем как. Не могли бы вы нам помочь?

— К вашим услугам,— поклонился Чилдэн.— Если желаете, я подберу вам кое-что, и мы вместе посмотрим, подойдет ли это к интерьеру квартиры.— Он опустил глаза, чтобы не выдать волнения — тут пахло тысячами.— Со дня на день к нам должен поступить стол из Новой Англии — кленовый, на шипах, без единого гвоздя,— красивейшая, скажу вам, вещь! А еще французское зеркало поры наполеоновских войн. Кроме того, образцы искусства аборигенов — коврики из козьей шерсти, выкрашенные натуральными красителями...

— Лично мне ближе городское искусство,— перебил мужчина.

— Да? — оживился Чилдэн.— В таком случае, сэр, могу предложить стенное украшение эпохи Нового курса — деревянное панно из четырех секций с портретом Горация Грили. Это подлинник — бесценная находка для любого коллекционера...

— О! — Темные глаза молодого человека заблестели.

— Горка фирмы «Виктрола», двадцатый год. Переделана в бар.

— О!

— И еще, сэр: фотография Джин Харлоу в рамке, с автографом.

Молодой человек смотрел на продавца с нескрываемым восхищением.

— Думаю, мы договоримся.— Чилдэн почувствовал, что достаточно заинтересовал посетителей. Он достал из внутреннего кармана пиджака ручку и записную книжку.— Если позволите, я запишу ваши имена и адрес.

Проводив молодоженов до дверей, Чилдэн еще некоторое время, размышляя, глядел на улицу. Вот уж повезло так повезло! Если бы все дни были похожи на этот! Магазин для него не просто бизнес, а отдушина. Где еще можно вот так, запросто, познакомиться с молодой японской парой, причем чувствовать себя рядом с ними не убогим янки или, в лучшем случае, торговцем поделками, а полноценным человеком? Да, только на них и может надеяться мир, на юное поколение, которое не помнит войны.

«Всему когда-нибудь приходит конец,— рассуждал он.— Исчезнут национальности, исчезнут завоеватели и покоренные, останутся только люди».

И все же Чилдэн не мог без волнения представить, как постучит к ним в дверь. Он заглянул в записную книжку. Семья

Казоура. Его наверняка пригласят к столу, предложат чаю. Только бы не дать маху, только бы не показаться бестактным! «Девушку зовут Бетти. Какое выразительное лицо! — мечтательно думал он.— А глаза — такие умные, милые!» Мечты... У него закружилась голова. Они безумны, если не сказать пагубны! Известны случаи связи японцев и янки. Японца и женщины-янки. А здесь...

Даже подумать об этом страшно. Кроме того, она замужем. Он постарался выбросить Бетти из головы и занялся разборкой почты. Прошло полчаса, а руки все еще дрожали. Но едва Чилдэн вспомнил о предстоящей встрече с Тагоми, дрожь унялась, а волнение сменилось решимостью: «Надо подобрать что-нибудь подходящее. Но что?»

Телефон. Поставщики. Связи. Взять полностью отреставрированный черный «форд» с матерчатой крышей «большой шлем» двадцать девятого года выпуска — за это поставщик будет твой навеки. Или трехмоторный почтовый самолет, разобранный и в смазке, прекрасно сохранившийся в сарае алабамского фермера. Показать мумифицированную голову мистера Буффало Билла с волнистыми светлыми волосами — «американскую сенсацию». «Сэр, у меня лучшая репутация на всем Тихом океане, даже на Родных островах. Не верите — спросите любого ценителя искусства».

Чтобы лучше работал мозг, он закурил сигарету с марихуаной превосходного сорта «страна улыбок».

В своей каморке на Хэйес-стрит Фрэнк Фринк заставлял себя подняться с кровати. Сквозь жалюзи на одежду, грудой валявшуюся на полу, падали солнечные лучи, сверху поблескивали стеклышки его очков. «Не наступить бы,— вяло подумал Фрэнк.— Надо вставать, идти в ванную... Может, лучше ползком? Или покатиться?»

У него болела голова, но в душе не было ни капли сожаления. «Уходя — уходи,— сказал он себе.— Сколько времени? — Часы лежали на туалетном столике.— Половина двенадцатого, ничего себе!»

Фрэнк не вставал.

«Вот и выперли»,— подумал он.

Вчера на фабрике он, конечно, перегнул палку. Не стоило распускать язык перед Уиндэмом-Мэтсоном, обладателем рыхлой физиономии с сократовским носом, кольца с бриллиантом

и золотой «молнии» на брюках. Одним словом — власти. Трона. В голове у Фрэнка гудело, мысли путались.

«Да, теперь я в черном списке,— размышлял он.— Безработный. Квалификация, пятнадцатилетний стаж — все псу под хвост».

Придется идти с жалобой в Комиссию по делам рабочих. Фрэнк не замечал, чтобы Уиндэм-Мэтсон водил дружбу с «буратино» — белым марионеточным правительством Сакраменто,— а потому надеялся, что его бывший работодатель не пользуется авторитетом у подлинных хозяев, у японцев. КДР подконтрольна «буратино». Обратившись туда, он предстанет перед четырьмя-пятью белыми упитанными подонками средних лет, вроде Уиндэма-Мэтсона. Если он не добьется справедливости в Комиссии, можно пожаловаться в одно из токийских Торгпредств — они есть в Калифорнии, Орегоне, Вайоминге и той части Невады, которая принадлежит Тихоокеанским Штатам. Но ежели и оттуда он уйдет не солоно хлебавши...

Фрэнк лежал и рассматривал ветхую люстру под потолком. В голове возникали и рушились планы, один нелепее другого.

Он мог бы, например, перебраться в Штаты Скалистых Гор — это проще простого. Но где гарантии, что тамошние власти не выдадут его ТША? Нет никакой гарантии. А если махнуть на Юг? Бр-р! Что угодно, только не на Юг. Белому человеку, конечно, там привольнее, чем в ТША. Но... «В гробу я видел такое приволье!» — мрачно подумал Фрэнк.

Юг имел одну неприятную особенность. Он тысячами уз — экономических, идеологических и еще бог знает каких — был связан с Рейхом.

А Фрэнк Фринк был еврей. По-настоящему его звали Фрэнк Финк. Он родился на Восточном побережье, в Нью-Йорке. В тысяча девятьсот сорок первом году, сразу после разгрома России, был призван в армию. Когда японцы захватили Гавайские острова, его перебросили на западное побережье Соединенных Штатов Америки. Конец войны застал его на территории, отошедшей к Японии, где он и жил последние пятнадцать лет.

В сорок седьмом, в день капитуляции, он чуть не спятил. Поклялся отомстить проклятым япошкам и закопал в подвале дома свою винтовку. Любовно смазанная и обмотанная ветошью, она по сей день ждет часа, когда Фрэнк и его однополчане поднимут восстание.

В сорок седьмом ему было невдомек, что время — великий лекарь. Ныне, если он и вспоминал о своих давних мечтах устроить варфоломеевскую ночь и вырезать ненавистных «буратино» и их хозяев, то у него возникало чувство, словно он листает дневник школьной поры: вот Фрэнк собирается стать палеонтологом, а вот — дает себе слово жениться на Норме Праут, самой красивой девчонке в классе. Черт побери, сколько воды утекло с тех пор, как он вел дневник, слушал пластинки Фрэда Аллена и смотрел фильмы с участием Филдса! Со дня капитуляции он имел дело с тысячами японцев и никому из них не причинил вреда. Да и глупо думать о мести через пятнадцать лет. Впрочем, был один тип, которому Фрэнк с удовольствием перегрыз бы глотку. Омуро, его бывший квартирный хозяин. В начале пятидесятых, во время кризиса, он скупил жилье в центре Фриско и показал себя настоящей акулой: делил комнаты на крошечные клетушки, взвинчивал квартирную плату и ни разу не делал ремонта. Особенно сильно это ударяло по карману бывших военнослужащих, которым было труднее всех найти работу. Спасибо японскому Торгпредству — его чиновники судили Омуро за спекуляцию и отрубили ему голову. Зато теперь ни один делец не осмеливается нарушить суровый, но справедливый японский Гражданский Кодекс. В этом заслуга нынешних оккупационных властей, пришедших на смену Военному Кабинету. Мысль о кристальной честности служащих Торгпредства придала Фрэнку уверенности. Им наплевать, что Уиндэм-Мэтсон — глава «Корпорации У-М», для них главное — справедливость. «Кажется, я начинаю верить в эту муру насчет Сопроцветания Тихоокеанского Содружества,— подумал он.— Странно, в первые годы это казалось пустой болтовней, очередной фальшивкой. А сейчас...»

Фрэнк заставил себя подняться и поплелся в ванную. Пока он стоял под душем, по радио передавали новости.

— *Не надо осмеивать эти попытки,*— произнесла диктор-ша, когда он отключил горячую воду.

«Не будем»,— мрачно подумал Фрэнк. Он знал, о чем идет речь, и все же улыбнулся, представив себе, как бесстрастные, неулыбчивые немцы шагают по красным пескам Марса.

— Gott, Herr Kreisleiter. Ist dies vielleicht der Ort wo man das Konzentrationslager bilden kann? Das Wetter ist so schön! Heiss, aber doch schön...* — бормотал он, намыливая щеки.

---

* — Боже мой, господин крайслейтер! Да разве здесь не идеальное место для концлагеря? И погода замечательная. Жарко, правда, но все равно хорошо... *(нем.)*

— *Цивилизация Содружества должна сделать окончательный выбор: либо дальнейшие шаги к установлению равных для всех стран прав и обязанностей, либо...*

«Типичный жаргон правящей верхушки»,— поморщился Фрэнк.

— *Мы прекрасно понимаем, что ареной, где будут вершиться судьбы всех рас — арийской, японской, негроидной...*— и дальше в том же духе.

— У нас погодка благодать, ну просто schön*. Жаль только, нечем нам дышать...— весело мурлыкал он, одеваясь.

Но факт остается фактом: Тихоокеания практически не участвует в колонизации планет. Она занята, а вернее — завязла в Южной Америке. Пока немцы одну за другой запускали в космос огромные автоматические станции, японцы выжигали сельву в Бразилии и возводили жилые кварталы для бывших охотников за черепами. К тому времени, когда стартует первый японский космический корабль, наци приберут к рукам всю Солнечную систему. В старых учебниках истории было написано, что Германия опоздала к разделу мира. Немцы спохватились, когда другие страны Европы дорисовывали карты своих колониальных империй. «На этот раз они не согласятся плестись в хвосте,— размышлял Фрэнк.— Немцы — хорошие ученики».

Потом ему вспомнилась Африка и проводимый там нацистами эксперимент. От этих мыслей кровь стыла в жилах.

Опустошенный, обезлюдевший материк...

— *Однако мы с гордостью можем утверждать, что наше стремление удовлетворить первоочередные материальные и духовные потребности каждого человека...*

Фрэнк не выдержал и выключил радио. Но, немного успокоившись, включил снова.

«Заповеди Христа — на свалку»,— подумал он. Африка. Призраки умерщвленных туземцев — целые племена стерты с лица Земли... Зачем? Этого никто не знал. Возможно, даже «архитекторы» в Берлине не знали.

Нация роботов. Роботов-покорителей и преобразователей природы, роботов-строителей. Строители? Перемалыватели — вот они кто!

Великаны-людоеды, сбежавшие из палеонтологического музея, промышляющие выделкой чаш из черепов. Прежде всего мозг — он годится в пищу, затем череп, превосходный материал

---

* Прекрасная *(нем.)*.

для кухонной утвари. И так далее. Какая бережливость: сожрать врага из его собственного черепа! Безотходное производство, лучшие в мире специалисты. Питекантропы в белых халатах, ставящие опыты в университетских лабораториях. «Герр доктор, мы нашли новое применение большому пальцу ноги. Смотрите, этот сустав подходит для зажигалки. Если герр Крупп возьмется выпускать их в достаточном количестве...»

Фрэнк содрогнулся, представив Землю под пятой недочеловека-каннибала. «Миллионы лет мы пытались убежать от него,— думал он,— но каннибал все равно настиг нас, и теперь он не просто враг — он владеет миром!»

— *Мы должны протестовать,*— звучал по радио нежный голос японки-дикторши,— *и мы неоднократно возражали против принесения в жертву миллионов человеческих жизней во имя безумных, бесчеловечных замыслов, когда огромные массы людей оказываются вне общества, вне закона...*

«Господи! — подумал Фрэнк.— Мы называли этих кривоногих малюток желтопузыми мартышками, а ведь они строили газовые печи не чаще, чем перетапливали собственных жен на сургуч!»

— *Словами всем известного западного святого: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?..»*

Радио замолчало. Пальцы Фрэнка застыли на узле галстука.

«Надо смириться,— сказал он себе.— Пусть даже меня занесут в черный список. Если я покину территорию протектората Японии и появлюсь на Юге или в Европе — мне конец. Придется как-нибудь договориться со стариной Уиндэмом-Мэтсоном».

С чашкой остывшего чая Фрэнк уселся на кровать и положил на колени «Книгу Перемен». Из кожаного футляра он извлек сорок девять черенков тысячелистника и посидел минуту-другую, собираясь с мыслями.

«Как бы мне поладить с Уиндэмом-Мэтсоном?» — написал он в блокноте, а затем перебрасывал черенки из руки в руку, пока не получил первую черту. «Шестерка». «Слабая» черта. Она исключала половину из шестидесяти четырех гексаграмм, начинающихся со сплошной — «сильной» — черты.

Умело обращаясь с черенками, Фрэнк быстро получил все шесть черт. Гексаграмма лежала перед ним. Ему не нужно было сверяться с Оракулом, чтобы узнать ее номер, и заглядывать в текст — Фрэнк помнил его наизусть. Гексаграмма пятнадцатая, «Смирение». Афоризмы к ней гласили: *«Смирение. Развитие. Благородному человеку предстоит свершение»*. Оракул давал дельный совет.

Все же Фрэнк был чуточку разочарован.

Было что-то беззубое в пятнадцатой гексаграмме, слишком благочестивое. Конечно, надо быть скромным — у него не осталось рычагов давления на Уиндэма-Мэтсона. Все, что он может сделать, это последовать совету гексаграммы: просить, надеяться, ждать и верить. Бог даст, его возьмут на прежнюю работу, а может, подвернется что-нибудь получше...

Смотреть афоризмы к чертам не было особой необходимости — гексаграмма была статичной.

Собравшись с духом, Фрэнк задал следующий вопрос: «Увижу ли я Джулиану вновь?»

Джулиана — его жена, точнее, бывшая жена. Она ушла год назад, и Фрэнк даже не знал, где она сейчас; наверное, уехала из Фриско, возможно, даже из Тихоокеанских Штатов. Общие знакомые ничего не слыхали о ней или не хотели ему говорить.

Он углубился в манипуляции с черенками.

Сколько раз он спрашивал о Джулиане, по-разному задавая один и тот же вопрос!

Гексаграмма — порождение слепого случая, расположения цветочных черенков,— тысячами нитей связывала мгновение, в котором он — частица — жил, со всеми остальными мгновениями и частицами Вселенной. Сквозь рисунок прерывистых и непрерывных черт всегда находила себе путь неумолимая истина. Он, Джулиана, фабрика на Гоу-стрит, хозяйничающие на побережье Торгпредства, исследование планет, миллионы кучек химических элементов в Африке, переставших быть даже трупами, помыслы тысяч людей в курятниках Сан-Франциско, свихнувшиеся твари с мертвыми глазами и маниакальными планами в Берлине,— все соединялось, когда он бросал черенки тысячелистника, чтобы узнать мудрое высказывание, соответствующее этому мгновению и этому вопросу. Все соединялось в книге, корни которой уходят в тридцатое столетие до нашей эры. В книге, созданной мудрецами Китая и отразившей многовековой опыт развития космологии, еще до того, как Европа научилась элементарной арифметике.

...Гексаграмма сорок четыре. Сердце его упало.

«Пере́чение». «Сильная женщина. Не следует брать ее в жены»,— гласил суровый приговор.

Все тот же ответ. «Да, она не для меня, я знаю. Но не об этом я спрашивал Оракула. Зачем ему понадобилось напоминать? Скверный выпал мне жребий: повстречать ее, влюбиться и любить до сих пор...»

Джулиана — самая красивая женщина в его жизни. Черные как смоль брови и волосы, яркие губы — испанская кровь во всем. Упругая, неслышная походка. Джулиана носила старенькие, оставшиеся со школы туфли с цветными ремешками. Вся ее одежда была застиранной, изношенной. Они долго жили в нищете, и Джулиане приходилось носить хлопчатобумажную кофточку, шерстяной жакет на молнии, коричневую твидовую юбку и коротенькие носочки. Она злилась на Фрэнка за то, что, по ее словам, всегда выглядела так, будто собралась на теннисный корт или того хуже — в лес по грибы.

Фрэнка, когда он впервые увидел свою будущую жену, поразило ее лицо с загадочной улыбкой Моны Лизы, сбивавшей с толку незнакомых мужчин. Обаяние Джулианы было так велико, что прохожие нередко кивали ей в ответ, принимая ее улыбку на свой счет. Сначала Фрэнк думал, что у нее слабое зрение, но в конце концов стал считать ее дурой, тщательно скрывающей свою глупость. Ее походка, привычка невесть зачем приваживать мужиков, манера исчезать и появляться, храня загадочный вид, раздражали Фрэнка, но даже перед самым разрывом он видел в ней дар, ниспосланный свыше. Именно интуитивная вера в божественную сущность Джулианы не позволяла Фрэнку смириться с ее уходом. Казалось, она где-то рядом, и расстались они несколько минут назад. Казалось, тень ее бродит по комнате в поисках то одной, то другой вещи, как обычно делала Джулиана. Особенно сильным это ощущение бывало, когда он брал в руки Оракул.

«Интересно,— размышлял Фрэнк Фринк, сидя в захламленной холостяцкой квартире,— кто еще в эту самую минуту испрашивает совета у Оракула? И какой получает ответ? Неужели такой же безрадостный? Неужели и для него обстоятельства столь же неблагоприятны?..»

Глава 2

Как раз в эту минуту Нобусуке Тагоми сидел в просторном кабинете, раскрыв священную Пятую книгу конфуцианской мудрости, много веков известную под названием «Ицзин», или «Книга Перемен». Дело в том, что в полдень у него возникли опасения по поводу Чилдэна, которому он назначил встречу на два часа.

Офис Тагоми находился на двенадцатом этаже «Ниппон Таймс Билдинг» на Тэйлор-стрит. Сквозь стеклянные стены

виднелись залив и мост Золотые Ворота, под которым то и дело проходили суда. Как раз сейчас от Алькатраза шел сухогруз, но Тагоми не обращал на него внимания. Подойдя к стене, он опустил бамбуковые жалюзи. Солнце перестало слепить глаза, а главное — такой свет не мешал размышлять.

«Какую бы диковину ни принес Чилдэн, вряд ли мне удастся угодить клиенту,— подумал он.— Но, как бы там ни было, у него не возникнет причин для недовольства. Мы выберем самый лучший подарок».

До посадки в аэропорту Сан-Франциско новейшего немецкого ракетоплана «Мессершмит-9Е», которым летел клиент, оставалось совсем немного времени. Тагоми ни разу не доводилось путешествовать на подобном лайнере, но он дал себе слово встретить Бэйнса с самим невозмутимым видом. «Надо потренироваться»,— сказал он себе и, подойдя к большому зеркалу, принял холодный, скучающий вид. *«В них такой шум, мистер Бэйнс! Не почитаешь в дороге. Правда, быстро: от Стокгольма до Сан-Франциско всего сорок пять минут...»* А может, упомянуть о частых авариях немецких машин?.. «Вы слышали, по радио сообщили подробности мадагаскарской катастрофы? Все-таки самолеты с поршневыми двигателями куда надежнее...»

«И ни слова о политике,— напомнил себе Тагоми.— Когда ничего не знаешь о взглядах и убеждениях собеседника, давать волю языку опасно. А вдруг Бэйнс сам заговорит о политике? Хотя он швед, нейтрал... но сюда прибывает на ракетоплане Люфтганзы, а не САС*. Это любопытно...»

«Мистер Бэйнс, говорят, герр Борман серьезно болен, и нынешней осенью партия изберет нового рейхсканцлера. Думаете, слухи? Увы, Тихоокеания и Рейх помешались на секретах».

В одной из папок, хранившихся в столе, лежала вырезка из «Нью-Йорк Таймс» с недавней речью Бэйнса. Тагоми достал ее, уселся в кресло. Из-за слабых контактных линз ему приходилось читать, сильно сутулясь.

В своей речи Бэйнс призывал попытаться — наверное, в девяносто восьмой раз — отыскать на Луне источник воды. «Мы в состоянии решить эту набившую оскомину проблему! — утверждал он.— А пока наша ближайшая соседка пригодна только для военных целей». «Sic!** — мелькнуло в голове Тагоми латин-

---

* САС — Скандинавская авиакомпания.

** sic — так *(лат.)*.

ское словечко, которым любят блеснуть аристократы.— Вот он, ключик к клиенту. На военных этот швед смотрит косо».

Тагоми нажал кнопку селектора.

— Мисс Эфрикян, будьте любезны, зайдите ко мне с диктофоном.

Дверь кабинета отъехала в сторону. Вошла Эфрикян, высокая армянка с каштановыми волосами. Ее прическу украшали голубые цветы.

«Сирень»,— отметил Тагоми. Когда-то на родном Хоккайдо он был профессиональным садовником.

Эфрикян поклонилась.

— Вы готовы?

— Да, мистер Тагоми.— Она уселась в кресло и включила диктофон.

— Я спросил у Оракула: будет ли толк от моей встречи с мистером Чилдэном? — начал Тагоми.— И получил, к моему смятению, зловещую гексаграмму «Переразвитие великого»: «Стропила прогибаются. Все неустойчиво, слишком велик вес в середине. Несомненно удаление от Дао».

Еле слышно шелестел диктофон. Тагоми задумался. Секретарша выжидающе посмотрела на него и нажала «паузу».

— Пожалуйста, пригласите мистера Рамсея.

— Да, мистер Тагоми.— Она положила диктофон на стол и, мягко постукивая каблучками, вышла из кабинета.

Появился улыбающийся Рамсей в ковбойке и синих джинсах в обтяжку, за которые любой стиляга, не задумываясь, отдал бы душу. На шее безукоризненно повязанный галстук-шнурок, под мышкой — папка.

— Здравствуйте, мистер Тагоми,— сказал Рамсей.— Прекрасный денек сегодня, сэр.

Тагоми отвесил поклон. Юноша вздрогнул и поклонился в ответ.

— Я решил кое о чем посоветоваться с Оракулом,— сообщил ему Тагоми, когда Эфрикян вернулась в кресло и взяла диктофон.

— Как вам известно, вскоре нас посетит гость, мистер Бэйнс. В отношении традиционной культуры Востока он, по всей видимости, придерживается нордической идеологии. Можно попытаться изменить его взгляды с помощью китайской каллиграфии или керамики эпохи Токугава, но наша задача не в этом.

— Понимаю,— кивнул Рамсей. На его красивом, по-кавказски смуглом лице застыло сосредоточенное выражение.

— Поэтому мы преподнесем ему какой-нибудь недорогостоящий предмет американской культуры.

— Ясно.

— Вы по происхождению американец, сэр, но почему-то постарались сделать свою кожу более темной.— Тагоми внимательно разглядывал юношу.

— Это загар от кварцевой лампы, сэр,— смущенно пробормотал Рамсей.— Говорят, от него повышается содержание витамина D.— Японец молча наблюдал за ним.— Уверяю вас, сэр, я... вовсе не порвал с культурой моего народа, я поддерживаю связи с родней...

— Продолжим, пожалуй,— сказал Тагоми секретарше, и та включила запись.— Обратившись к Оракулу, я получил гексаграмму двадцать восемь, Да-го. Хочу обратить особое внимание на неблагоприятную пятую черту. Комментарий гласит:

«На иссохшем тополе вырастают цветы.
Старая женщина получает служилого мужа.
Хулы не будет.
Хвалы не будет».

Оракул вполне определенно указывает на то, что мистер Чилдэн не предложит нам ничего подходящего.— Тагоми помолчал.— Посмотрим правде в глаза. Я не отношусь к знатокам американского искусства и не могу полагаться на свой вкус. Вот почему...— Он замялся, подбирая слова.— Вот почему — надеюсь, вы не в обиде на меня, мистер Рамсей,— нам нужна помощь *туземца*. Вы согласны помочь?

Как Рамсей ни пытался, он не смог скрыть боль, обиду и гнев.

— Я задал Оракулу еще несколько вопросов,— продолжал Тагоми, не дожидаясь ответа,— но для этого ваше присутствие было не обязательно.— Рамсею это следовало понимать так: «Вам, бледнолицым "буратино", ни к чему быть в курсе всех наших дел».— Должен сказать, что на один из вопросов я получил весьма загадочный ответ, заставивший меня призадуматься.— Рамсей и Эфрикян ловили каждое его слово.— Вопрос относился к мистеру Бэйнсу.

Они кивнули.

— Ответом мне была гексаграмма Шен. Сорок пять. Ситуация, благодаря скрытому действию Дао, благоприятная. Начальная черта — «шестерка», вторая — «девятка». Вопрос был таков: «Будут ли успешны переговоры с мистером Бэйнсом?»

И сильная черта на втором месте уверяла, что будут. Комментарий таков:

«Будь правдив, и тогда это будет благоприятствовать принесению незначительной жертвы.

Хулы не будет».

Вероятно, мистера Бэйнса удовлетворит любой подарок Торгового представительства.

Но Оракул учел и тот скрытый смысл, который, как это нередко случалось, Тагоми почти безотчетно вложил в свой вопрос, поэтому ответ выглядел слегка туманным.

— Насколько нам известно,— продолжал Тагоми,— Бэйнс везет подробное описание новых способов литья под давлением, разработанных в Швеции. Если нам удастся заключить договор с его фирмой, мы сможем заменить пластмассами многие металлы, которых нам так не хватает.

Тихоокеания много лет убеждала Рейх оказать ей помощь в развитии химической промышленности. Но ведущие химические концерны Германии, такие как «ИГ Фарбениндустри», не спешили торговать лицензиями на производство полимеров. Рейх вполне устраивало, что Тихоокеания плетется у него в хвосте, отставая по части технологий лет на десять. Взлетавшие с космодромов Festung Europa* ракеты почти полностью состояли из жаростойких пластмасс — легких, но настолько прочных, что выдерживали удар метеорита. Ничем подобным Тихоокеания не располагала — японцам по-прежнему приходилось использовать природные материалы, такие как древесина и металлы.

От этих мыслей у Тагоми испортилось настроение. Он бывал на промышленных выставках и видел некоторые достижения германской науки, в том числе «DSS» — «Der schnelle Spuk»** — автомобиль, целиком изготовленный из синтетических материалов. Машина была продана за шестьсот долларов ТША.

Тагоми задал Оракулу еще один вопрос, о котором не полагалось знать «буратино» (а их немало работало в здании Торгпредства). Вопрос родился после того, как Тагоми получил шифрованную каблограмму из Токио. Секретные депеши поступали к нему нечасто и в основном касались интересов безопасности, а не торговли, тем более шифровки, состоящие из поэтических метафор. Тагоми не сомневался, что токийские власти

---

* Европейской твердыни *(нем.)*.

** «Быстрый Призрак» *(нем.)*.

опасались именно немцев, а не мнимых оппозиционных сил на Родных островах, ибо спецслужбы Рейха могли разгадать шифр любой сложности, но толкование поэтических образов представляло для них серьезную проблему.

Ключевая фраза «сними пенку с его молока» подразумевала «Передник» — мрачноватую песню, где были строчки: «Не все то золото, что блестит. Снятую с молока пенку легко перепутать со сливками». «Ицзин» только подтвердил этот совет. В толковании говорилось о человеке, который не соответствует своему окружению, поскольку он излишне резок и слишком мало внимания уделяет формальностям, но так как он честен, то найдет отклик.

Из этого следовал простой вывод: Бэйнс не тот, за кого себя выдает, и прибывает в Сан-Франциско не за тем, чтобы подписывать договоры о совместном производстве пластмасс.

Но как Тагоми ни ломал голову, он не мог понять, кто такой Бэйнс, на кого он работает и зачем летит в ТША.

В час сорок Роберт Чилдэн с огромной неохотой запер двери «Художественных промыслов Америки», остановил велотакси и велел отвезти его к «Ниппон Таймс Билдинг».

— «Ниппон Таймс»,— повторил, как полагалось, тощий китаеза-рикша и с трудом водрузил на багажник тяжелые сумки. Потом помог усесться Чилдэну, включил счетчик и закрутил педали.

Глядя на проплывающие мимо здания, Чилдэн испытывал раздражение и досаду. Весь день ушел на поиски вещи для клиента Тагоми. Чилдэну повезло — удалось найти отличный подарок, японец должен сменить гнев на милость. «Пока никто из моих заказчиков не остался недовольным!» — с гордостью подумал Чилдэн.

Он раздобыл идеально сохранившийся экземпляр первого номера комиксов «Тип-топ», выходивших в тридцатых годах. Забавный журнальчик, яркий образчик культуры «Американа», «Тип-топ» достался Чилдэну, можно сказать, даром. Но он прихватил и другие вещицы — не начинать же, в самом деле, с комиксов. Нет, сначала он раздразнит аппетит японца, а уж потом достанет из самой большой сумки обернутый бумагой кожаный футляр.

Радио китайца извергало популярные мелодии, соревнуясь в громкости с приемниками других веломобилей, легковых машин и автобусов. Чилдэн будто не слышал — привык. Не

замечал он и огромных неоновых реклам на фасадах зданий. Такая же вывеска мигала по вечерам и над его магазином. А как иначе заявить о себе, как привлечь покупателей? Чилдэн трезво смотрел на вещи. Его даже убаюкивали уличный шум, мелькание реклам и снующие прохожие, отвлекая от текущих проблем. Да и разве не удовольствие — прокатиться по оживленной улице на веломобиле, чувствуя легкую дрожь — это усилия мускулов рикши передаются механизму. «Как вибромассажер»,— подумал Чилдэн. Приятно все-таки, когда не ты везешь, а тебя везут. Приятно хоть недолго побыть господином.

Он встрепенулся: нельзя дремать перед столь важной встречей. Надо о многом подумать. Подходяще ли он одет для визита в «Ниппон Таймс Билдинг»? А вдруг в скоростном лифте закружится голова? Впрочем, это не страшно — в кармане лежат немецкие таблетки от головокружения. Ко всем обращаться соответственно, напомнил он себе. Со швейцаром, лифтером, портье и прочей мелкой сошкой не церемониться. Каждому японцу кланяться, даже если придется сгибаться сто раз кряду. Но как вести себя со служащими-«буратино»? Это он представлял себе смутно. «Ладно,— решил Чилдэн,— буду кивать, но с рассеянным видом, будто едва их замечаю».

Ничего не упущено? А если попадется иностранец? Говорят, в Торгпредстве часто можно встретить немца или нейтрала. А еще там можно увидеть невольника.

В порту Сан-Франциско часто бросают якорь суда немцев и южан, и случается, черномазых ненадолго отпускают группками не более трех человек на берег, и, конечно, днем, ведь даже в Тихоокеании для негров действует комендантский час. Бывает, их селят на какое-то время в бараках у пристани. Им не полагается заходить в Торгпредство, но нередко их берут туда в качестве носильщиков. Кстати, разве можно явиться к Тагоми, собственноручно неся свои сумки? Ни в коем случае! Надо во что бы то ни стало отыскать раба, пусть даже придется на час опоздать. Если Чилдэна увидят в Торгпредстве с сумками в руках, это будет непростительной ошибкой. Потеря авторитета — опасная вещь.

«Войти в "Ниппон Таймс Билдинг" с сумками было бы просто смешно,— размышлял Чилдэн.— В тюрьму за такое, конечно не посадят — в этом нет ничего противозаконного,— но как бы я выглядел в глазах окружающих? Да еще проклятые черномазые... Можно стерпеть косые взгляды знати — в конце концов, с их спесью я сталкиваюсь каждый день, но видеть пре-

зрение на рожах всяких голодранцев, вроде этого рикши, крутящего педали, выше моих сил. Не останови я вовремя велотакси, он бы увидел, как я тащусь с сумками по улице...»

В том, что жизнь такова, виновата, конечно, проклятая немчура — вечно норовит откусить больше, чем может проглотить. С огромными потерями немцы выиграли войну и не успели очухаться, как ринулись покорять Солнечную систему. А на родной планете ввели законы, которые... Впрочем, замысел был неплох, и, надо признать, немцы лихо разделались с евреями, цыганами и прочими бродячими народами. Славян они отбросили на два тысячелетия назад, на их прародину Азию. Ну и правильно, без славян в Европе как-то спокойнее. Пусть себе ездят на яках и охотятся с луками и стрелами. Зато теперь в любом книжном магазине, в любой библиотеке можно полистать изданный в Мюнхене толстый глянцевый журнал и полюбоваться, как синеглазые, белокурые фермеры пашут, сеют и собирают урожай на полях всемирной житницы Украины. Вооруженные до зубов новейшей техникой, эти ребята выглядят счастливчиками, а их угодья — чисты и ухожены. В таких журналах не увидишь поляка с опухшей от пьянства рожей, понуро сидящего на гнилом крыльце своей лачуги или ворующего репу на деревенском рынке. Он ушел в прошлое, как и ухабистые грунтовые дороги, на которых, стоило зарядить дождям, намертво вязли колеса телег.

И еще — Африка. Вот где они развернулись с энтузиазмом, достойным восхищения. Хотя, будь немцы чуть предусмотрительнее, они бы сначала завершили план «Фармлянд». Воистину, этот проект — зримое воплощение немецкого гения. Запрудить и осушить Средиземное море, а затем с помощью атомной энергии превратить его в сельскохозяйственные угодья — какая смелость, какой размах! Все насмешники, в том числе некоторые болтливые лавочники на Монтгомери-стрит, были посрамлены.

В Африке немцы снова показали себя молодцами, но, к сожалению, подобные грандиозные мероприятия всегда сопровождаются зловещими слухами. А началось все в пятьдесят восьмом, со знаменитого признания Розенберга: «Что касается окончательного решения африканской проблемы, мы почти достигли своих целей, однако...»

И все-таки на то, чтобы избавиться от аборигенов, американцам понадобилось два века, а наци в Африке добились почти тех же результатов за пятнадцать лет. Так что скепсис здесь

неуместен. Как-то раз за завтраком Чилдэн поспорил со знакомыми бизнесменами, очевидно, считавшими, что у немцев есть волшебная палочка и они в одну минуту могут преобразовать мир. Нет у них волшебной палочки, зато есть наука, техника и знаменитое немецкое упорство. Любое дело они доводят до конца. Впрочем, полеты на Марс отвлекли внимание общественности от Африки.

На том достопамятном завтраке последнее слово осталось за Чилдэном: «Что есть у немцев и чего недостает нам, так это романтики. Можно восхищаться их талантами и трудолюбием, но не им обязаны немцы своими успехами, а мечте, не дающей им покоя. Покорение планет! Сначала Луна, потом Марс. Все дальше и дальше... Разве это не древнейшая мечта человечества, не высочайший порыв души?

Теперь возьмем японцев. Я прекрасно знаю их натуру, мне ежедневно приходится иметь с ними дело. Что ни говори, а они — азиаты. Желтокожие. Нам, белым, приходится ломать перед ними шапки, поскольку они — власть. Но, глядя на Германию, мы видим, на что способна белая раса...»

— Скоро приедем, сэр,— сообщил рикша. Его грудь бурно вздымалась — веломобиль только что преодолел крутой подъем.

Чилдэн попробовал представить клиента Тагоми. Наверняка какая-нибудь шишка — он перестал в этом сомневаться, услышав по телефону возбужденный голос японца. Он вспомнил одного очень важного клиента, точнее, посетителя его магазина, благодаря которому «Художественные промыслы Америки» приобрели репутацию в кругу высокопоставленных жителей района залива.

Всего четыре года назад Чилдэн содержал не престижный антикварный магазин, а крошечную букинистическую лавку в Гири — темную, тесную. В соседних магазинчиках торговали подержанной мебелью и скобяными товарами, рядом примостилась грязная прачечная. Приятное соседство, нечего сказать. Случалось, ночью на улице раздавались крики — кого-то грабили, а то и насиловали, хотя департамент полиции Сан-Франциско и даже кэмпетай — японская тайная полиция — не жалели сил на борьбу с преступностью. После закрытия лавки окна приходилось запирать железными решетками — иначе не избежать взлома.

И вот как-то раз в этот район забрел старый отставной офицер японской армии, майор Ито Хумо — высокий, статный, седой, с чеканной поступью. Он и натолкнул Чилдэна на мысль, какой торговлей заняться.

— Я — коллекционер,— пояснил Хумо. Он полдня провел, роясь в кипах старых журналов. Прислушиваясь к его неторопливой, рассудительной речи, Чилдэн пришел к выводу, что многих состоятельных, образованных японцев наряду с обычным антиквариатом интересуют предметы уходящего в историю быта американского народа. Сам Хумо любовно собирал журналы с рекламой американских медных пуговиц, да и пуговицы тоже. Как всякий коллекционер, майор не смог объяснить, почему в нем родилась эта страсть, но утверждал, что богачи не жалеют денег на самые, казалось бы, бесполезные вещицы.

— Приведу пример,— говорил он.— Вам случалось видеть вкладыши «Ужасы войны»?

Чилдэн порылся в памяти. Да, когда он был маленьким, эти картинки продавались по центу за штуку вместе с жевательной резинкой. Их была целая серия.

Хумо с плохо скрываемой алчностью следил за его лицом.

— У меня есть близкий друг,— продолжал японец.— Он собирает «Ужасы войны». Ему осталось только найти «Гибель Паная». Он готов за нее хорошо заплатить.

— Перевертыши,— сказал вдруг Чилдэн.

— Простите?

— У нас была такая игра. Если по вкладышу щелкнуть, он ложится либо лицевой стороной, либо «рубашкой». Каждый мальчишка носил в кармане пачку «ужасов». Двое становились друг против друга и щелчком подбрасывали вкладыши, чей падал картинкой вверх, тот и выигрывал.

Чилдэну в ту пору было восемь лет. Как все-таки приятно вспомнить далекие, счастливые дни детства!

Немного поразмыслив, Хумо произнес:

— Странно. Мой приятель не рассказывал ничего подобного. Мне кажется, ему это и невдомек.

Вскоре друг майора Хумо, тоже отставник, наведался в книжную лавку за исторической справкой. Рассказ мистера Чилдэна привел его в восторг.

— ...Крышечки бутылок! — с торжествующим видом воскликнул Чилдэн.

Японец непонимающе заморгал.

— В детстве мы собирали крышечки от молочных бутылок,— пояснил торговец.— Круглые такие, с названиями магазинов. В Соединенных Штатах были тысячи молочных магазинов, и для каждого выпускались свои крышечки.

У японца заблестели глаза.

— У вас есть такая коллекция, сэр?

Разумеется, у Чилдэна такой коллекции не было, но... возможно, у кого-нибудь сохранились забавные кругляшки, напоминающие о довоенных временах, когда молоко продавали в стеклянных бутылках, а не в картонных пакетах.

Так, мало-помалу, Чилдэн втянулся в новый бизнес. Позже в стране появилось еще несколько подобных магазинов, ибо день ото дня все больше японцев увлекалось «американой»... Но Чилдэн всегда ухитрялся опередить конкурентов.

— С вас доллар, сэр.— Голос рикши вывел его из задумчивости. Оказывается, китаеза уже выгрузил сумки. Чилдэн уплатил.

«Да, весьма вероятно, что клиент Тагоми похож на майора Хумо, во всяком случае, мне так кажется»,— подумал он. Чилдэн знавал немало японцев, но до сих пор не научился их различать, и для удобства делил на разновидности. Одни, мускулистые коротышки, напоминали ему борцов, другие — аптекарей, третьи — садовников... Встречались и непохожие на японцев, особенно среди молодежи. Наверное, клиент Тагоми — этакий внушительный бизнесмен с манильской сигарой в зубах.

Стоя перед «Ниппон Таймс Билдинг», Чилдэн содрогнулся от неожиданной мысли: а вдруг клиент — иностранец?! Вещи, заботливо уложенные в сумки, рассчитаны на вкус японца.

«Не может быть,— успокоил себя Чилдэн,— клиент наверняка японец. Иначе зачем было Тагоми заказывать вербовочный плакат? Кому еще нужен такой хлам? Японцы склонны ко всему заурядному. Только они могут благоговеть перед прокламациями, воззваниями и объявлениями». Чилдэн знавал одного чудака, собиравшего вырезки из газет начала века, где рекламировались американские патентованные средства.

Впрочем, все это пустяки. Впереди у него безотлагательные дела.

Высокие двери «Ниппон Таймс Билдинг» постоянно впускали и выпускали хорошо одетых людей. Прежде чем направиться к подъезду, он задрал голову. Стеклянная стена уходила в небо. «Ниппон Таймс Билдинг», самое высокое здание Сан-Франциско, шедевр японской архитектуры — стояло в окружении садов с карликовыми вечнозелеными кустами, валунов и русла высохшего ручья (точнее, его имитации, но настолько искусной, что петлявшая между обнаженными корнями и плоскими камнями желтая змейка песка выглядела очень естественно).

Чилдэн увидел черного носильщика и замахал рукой. Негр, подобострастно улыбаясь, подбежал и поклонился.

— Двенадцатый этаж.— Чилдэн указал на сумки и добавил, стараясь, чтобы голос звучал как можно резче: — Кабинет Б. И побыстрей! — Он решительно направился к дверям. Разумеется, не оглядываясь.

Спустя секунду он оказался в битком набитой кабине скоростного лифта. Почти все пассажиры были японцы, их чисто выбритые подбородки сияли в ярком свете ламп. Тошнотворный рывок, и Чилдэна понесло вверх. Он закрыл глаза и пошире расставил ноги, моля Господа, чтобы подъем закончился быстрее.

«Носильщик, конечно, поднимается на грузовом лифте,— мелькнуло в мозгу.— Еще бы, кто пустит сюда черномазого?..» Он открыл глаза и окинул кабину взглядом. Белых в лифте было раз, два и обчелся.

Выходя на площадку двенадцатого этажа, Чилдэн уже мысленно кланялся, готовясь к встрече с Тагоми.

Глава 3

Подняв глаза к закатному небу, Джулиана Фринк увидела крошечный огонек, прочерчивающий широкую дугу к западу. «Нацистская ракета,— подумала она.— Летит к побережью. В ней полным-полно всяких шишек. А я здесь, внизу». Она помахала вслед ракете, хотя та уже исчезла.

Тени Скалистых гор подступали все ближе. Голубоватые вершины окунались в ночь. Над ближней грядой плыла стая перелетных птиц. У проносившихся мимо машин загорались фары, вскоре по шоссе потянулась цепочка двойных огоньков. Вспыхнула реклама бензоколонки. Засветились окна домов.

Несколько месяцев Джулиана жила в Каньон-сити, штат Колорадо, работая инструктором дзюдо.

На сегодня тренировки закончились, и она хотела принять душ, чтобы снять усталость. Но все душевые кабинки «Спортивного зала Рэя» были заняты, и она ожидала у выхода, наслаждаясь покоем сумерек, прохладой и горным ветерком. До нее доносился приглушенный рокот громадного дизельного грузовика, остановившегося у придорожной закусочной.

«Помнится, Дизель выбросился из иллюминатора своей каюты в Атлантике, покончил с собой. Может, последовать его примеру? Не получится — далеко до океана. Хотя можно как-

нибудь иначе... Как у Шекспира. Или воткнуть спицу прямо через блузку, и — прощай, Джулиана. Девчонка, которой сам черт не страшен, которая знает тысячу способов расправы над брызжущим слюной противником. В самом деле, не лучше ли просто исчезнуть, чем всю жизнь дышать выхлопными газами в придорожном городишке? Это у меня от японцев,— решила она.— Вместе с прибыльным дзюдо я переняла у них спокойное отношение к смерти. Умение убивать, умение умирать. Ян и Инь. Но все это позади. Я в протестантской стране».

Все-таки на душе спокойней, когда ракеты нацистов проносятся над головой, а не садятся поблизости. К счастью, немцам нет дела ни до Колорадо, ни до Юты, Вайоминга и Восточной Невады — пустых, малонаселенных штатов, где одни горы да пастбища. «С нас нечего взять,— сказала она себе,— поэтому каждому здесь позволено прожить свою жалкую жизнь. Если он пожелает. Если жизнь для него что-то значит».

Она услышала, как открывается дверь одной из кабинок. Вышла мисс Дэвис — молодая полная женщина.

— О, вы ждали, мисс Фринк? Простите, я не знала.— Она тряхнула мокрыми волосами, поправила пакет под мышкой.

— Ничего, не беспокойтесь.

— Вы знаете, мисс Фринк, я просто без ума от дзюдо. Оно дает мне даже больше, чем дзен.

— «Дзен сделает ваши бедра стройнее,— процитировала Джулиана.— Безболезненные сатори помогут сбросить лишний вес». Простите, мисс Дэвис. Я отвлеклась.

— Они часто делали вам больно?

— Кто?

— Японцы. Когда вы у них учились.

— О, это было ужасно. Желаю вам никогда не попадать к ним в лапы. Держитесь подальше от побережья.

— Я еще ни разу не уезжала из Колорадо,— дрогнувшим голосом призналась женщина.

— От этого никто не застрахован,— предупредила Джулиана.— Вдруг им взбредет в голову захватить нас?

— Но с войны прошло столько времени! — воскликнула Дэвис.

— Откуда нам знать, что у них на уме,— задумчиво произнесла Джулиана.— Японцы — загадочный народ.

— А... что они с вами делали? — с интересом спросила женщина и подступила ближе.

— Все,— ответила Джулиана.

— О господи! Я бы сопротивлялась.— Дэвис обеими руками прижала пакет к груди.

Джулиана попросила извинения и проскользнула в кабину, опередив незнакомую женщину с полотенцем на плече.

Потом она сидела за столиком в закусочной «Горячие гамбургеры Чарли» и неторопливо просматривала меню. Из музыкального автомата в углу доносилось что-то фольклорное — треньканье гитары и надрывные стоны. В воздухе стоял запах горелого жира.

Все же у Чарли было тепло и уютно, и у Джулианы полегчало на душе. Водители у стойки и хозяин-ирландец в белой поварской куртке, позвякивающий мелочью за кассой, казались старыми знакомыми. Заметив ее, Чарли сам подошел принять заказ.

— Мисс жела-ает ча-аю? — протянул он, добродушно ухмыляясь.

— Кофе,— ответила Джулиана, не реагируя на шутливый тон.

— Вона как? — Чарли подбоченился.

— И сандвич с горячим бифштексом.

— А как насчет супчика из крысиных гнезд? Или козлиных мозгов на оливковом масле?

Водители повернулись и с откровенным любопытством разглядывали Джулиану.

«Все дело в плечевых мышцах,— подумала она, встретившись взглядом с водителями.— У танцовщиц они тоже развиты. На бюсте это не отражается, а вот осанка... Заставьте своих жен ходить в спортзал, и тогда увидите...»

— Держитесь от нее подальше,— подмигнул хозяин водителям.— Она запросто может зашвырнуть вас в вашу фуру.

— Откуда вы? — обратилась она к шоферу помоложе.

— Из Миссури,— ответили оба.

— Из Соединенных Штатов? — спросила она.

— Я — да,— ответил старший.— Из Филадельфии. У меня там трое пацанов, старшему одиннадцать.

— Послушай, а... у вас можно найти приличную работу?

— Запросто,— ответил молодой водитель.— Если у тебя подходящая кожа.— У него было смуглое угрюмое лицо и вьющиеся черные волосы.

— Он — макаронник,— пояснил старший.

— Да? — удивилась Джулиана.— А разве Италия не страна-победитель? — Она улыбнулась молодому шоферу, но его лицо помрачнело еще больше, он отвернулся.

«Извини,— подумала она, но вслух ничего не сказала.— Если бы я умела отбеливать кожу...— Ей вспомнился Фрэнк.— Интересно, жив ли он? Может, ляпнул что-нибудь невпопад, кому-то наступил на мозоль? Нет, к япошкам он относится терпимо. Даже с приязнью. Наверное, потому, что они такие же уроды.— Джулиана все время внушала Фрэнку, что он некрасив: крупные поры, большой нос... Ее кожа была идеальной.— Неужто он умер один, без меня? Фринк — зяблик, птичка-невеличка. Говорят, певчие птахи долго не живут».

— Вы останетесь до утра? — спросила Джулиана у молодого водителя.

— Да, переночуем здесь.

— Если вам не нравится в Соединенных Штатах, почему вы оттуда не уедете? Я довольно долго живу в Скалистых горах, здесь неплохо. А раньше жила во Фриско. Там цвет кожи тоже много значит.

Сгорбившись у стойки, итальянец метнул в нее хмурый взгляд:

— Леди, в вашем городе не то что жить — на одну ночь остаться противно. Господи, чего бы я не отдал за нормальную работу, лишь бы не мотаться месяцами по дорогам и не жрать в таких...— Он умолк, заметив, как побагровели щеки хозяина, и отхлебнул кофе.

— Эге, Джо, да ты сноб? — ухмыльнулся его спутник.

— Не перебраться ли вам в Денвер? — предложила Джулиана.— Там гораздо лучше.

«Знаю я вас, восточных американцев,— подумала она.— Любите жить с размахом, вынашиваете великие замыслы. Скалистые горы для вас дыра, да и только. Здесь же ничего не изменилось с довоенной поры. Безработные старики, тупые фермеры, ленивые бродяги. Молодежь посмышленей подалась за восточную границу, в Нью-Йорк. Там деньги. Большие деньги, большой бизнес. Германские капиталисты творят чудеса, с их помощью в считанные годы удалось возродить Соединенные Штаты».

— Вот что, приятель,— хрипло и зло проговорил хозяин.— Я тебе так скажу: если у вас сейчас полно шальных денег, так это все награблено у евреев, которых вышвырнули из Нью-Йорка, когда нацы приняли этот чертов Нюрнбергский закон. Мальчишкой я жил в Бостоне и с евреями особо не якшался. Но если бы мне кто сказал, что в США будут действовать нацистские законы — пусть мы и проиграем войну,— я бы тому придурку плюнул в морду. Удивляюсь, почему ты здесь, а не

завербовался в армию своих Соединенных Штатов? А? Завоевывать какую-нибудь банановую республику, чтобы потеснить япошек и порадовать немчуру?

Шоферы вскочили с перекошенными от злости лицами. Старший схватил со стойки бутылку кетчупа. Повар попятился. Нашарив огромную двузубую вилку, он остановился и приготовился к защите.

— Скоро в Денвере достроят огнестойкую посадочную площадку, и там будут садиться ракеты Люфтганзы,— спокойно заметила Джулиана.

Никто из троих мужчин не пошевелился и не подал голоса. Посетители тоже помалкивали.

Наконец повар произнес:

— Одну я видел на закате.

— Эта ракета летела не в Денвер,— сказала Джулиана.— Она села на Западном побережье.

Водители понемногу успокоились. Старший проворчал:

— Вечно забываю, что народ здесь малость желтоват.

— Япошки не губили евреев, ни в войну, ни после. И не строили печей.

— То-то и беда, что не строили,— буркнул старший водитель и принялся за еду.

«Мы желтоваты,— подумала Джулиана.— Он прав. Мы хорошо относимся к японцам. Наверное, потому, что их здесь нет».

— Где вы остановитесь на ночь? — спросила она у молодого водителя.

— Не знаю,— ответил тот.— Только что вылез из кабины. Мне у вас не нравится. Может, завалюсь спать в кузове.

— В мотеле «Медовая пчелка» вполне сносно,— проворчал хозяин.

— Ну что ж,— сказал молодой водитель,— может, там и заночую. Если мне не будут глаза колоть, что я итальянец.— Он говорил с явным акцентом, хотя и старался его скрывать.

«Тут виноват его максимализм,— думала Джулиана.— Поэтому он такой озлобленный. Слишком многого хочет от жизни. Всегда ему чего-то не хватает, вечно что-то не так. И я ему под стать. Не могла усидеть на Западном побережье, наверное, и здесь не усижу. А разве прежде, во времена покорения Дикого Запада, люди были иными?

Но сейчас граница проходит не здесь,— мелькнула мысль,— а через другие планеты. И он, и я могли бы попроситься на корабль, который отвозит колонистов. Нет — нам бы отказали.

Ему — из-за смуглой кожи, мне — из-за черных волос. Уж эти мне белокожие нордические феи из эсэсовских училищ в замках Баварии! Бедолага Джо, или как его там, так и глядит букой. Нет бы принять холодный и многозначительный вид, будто он нас всех и в грош не ставит и абсолютно уверен в себе. Да, у наци именно такие лица. Они не идеалисты, как я или Джо, они циники и фанатики. Это дефект мозга, как будто немецкие психиатры не только душевнобольным, а всему своему народу сделали лоботомию.

Их беды — из-за секса,— решила Джулиана.— Еще в тридцатые у них началось... Гитлер забавляется со своей... сестрой, кажется? Или теткой? Или племянницей? Да и его собственные родители были двоюродными братом и сестрой. Они не считают кровосмешение грехом, многие живут со своими матерями. Вот почему у этих отборных эсэсовских шлюх такие ангельские, жеманные улыбки. Они берегут себя для папочки. Или друг для дружки.

А кого они считают папочкой? Бормана, который, говорят, на ладан дышит? Или Доходягу? Ходят слухи, старина Адольф, разбитый параличом, доживает последние деньки в одном из санаториев Рейха. Сифилис мозга — память о нищей жизни венского люмпена... Черное долгополое пальто, грязное исподнее, ночлежки...

Наверное, это месть злорадного Боженьки. Совсем как в немом кино. Злодея искупали в дерьме. Историческая кара за грехи.

И, что самое жуткое,— вся нынешняя Германия порождена этим сухоточным. Сначала он создал партию, потом — нацию, потом — государство на полпланеты. И не кто-нибудь, а сами нацисты выявили болезнь, поставили диагноз. Шарлатан-травник Морель, пользующий Гитлера патентованными "пилюлями доктора Кестера", раньше лечил венериков. Об этом знает весь мир, и тем не менее любой бред рехнувшегося вождя считается откровением мудреца, страницей Священного Писания. Мало того, что идеи этого придурка заразили весь мир,— их, как споры зла, разносят по планетам белокурые арийские пчеломатки.

Вот плоды кровосмешения: безумие, слепота, смерть. Брр!»

Джулиана вздрогнула.

— Чарли! — окликнула она хозяина.— Как там мой заказ?

Джулиане было очень одиноко. Она встала, подошла к стойке и уселась около кассы. Никто, кроме молодого итальянца,

не обращал на нее внимания. А он прямо-таки глаз не сводил. «Его зовут Джо,— вспомнила она.— А фамилия?»

Вблизи она увидела, что он не так молод, как показалось вначале. Трудно было угадать возраст — мешала настороженность, с которой он держался, то и дело зачесывая волосы назад жесткими скрюченными пальцами. «В нем есть нечто зловещее,— решила она.— Дыхание смерти». Джулиану это одновременно тревожило и привлекало. Старший водитель шепнул что-то на ухо итальянцу, и оба уставились на нее.

— Мисс,— произнес старший водитель, и оба напряглись.— Вам известно, что это такое? — Он показал небольшую плоскую коробочку.

— Да.— ответила Джулиана.— Нейлоновые чулки. Их выпускает только картель «ИГ Фарбен», в Нью-Йорке есть филиал. Очень дорогая вещь.

— Монополия — дело хорошее. Надо отдать немцам должное.— Старший водитель положил коробочку перед своим спутником, и тот локтем придвинул ее к Джулиане.

— У вас есть машина? — спросил Джо, прихлебывая кофе.

Из кухни послышался голос Чарли — он нес заказ.

— Вы меня не подвезете, а? — Джулиану сверлили темные глаза, и ей стало не по себе.— В мотель или еще куда. Лишь бы переночевать. Подбросите?

— Да,— ответила она.— У меня есть машина. Старый «студебеккер».

Окинув взглядом Джулиану и молодого водителя, повар молча поставил перед ней тарелку.

— Achtung, meine Damen und Herren*,— произнес динамик в конце прохода. Мистер Бэйнс вздрогнул и открыл глаза. Справа в иллюминаторе плыли зелено-коричневая земля и морская синь. Тихий океан. Он понял, что ракетоплан заходит на посадку.

Сначала по-немецки, потом по-японски и, наконец, по-английски громкоговоритель попросил пассажиров не курить и не покидать кресел. «Мы приземлимся через восемь минут»,— пообещал металлический голос.

Корабль накренился и задрожал — включились тормозные дюзы. Многие пассажиры испуганно вцепились в подлокотники кресел. Бэйнс улыбнулся, вызвав ответную улыбку молодого

---

* Внимание, дамы и господа *(нем.)*.

человека с прилизанными светлыми волосами, сидевшего напротив через проход.

— Sie furchten dass...* — заговорил молодой человек, но Бэйнс перебил его по-английски:

— Простите, я не говорю по-немецки.— Поймав вопросительный взгляд попутчика, он повторил то же самое по-немецки.

— Вы не немец? — изумился блондин. Его английский был с резким акцентом.

— Я швед,— пояснил Бэйнс.

— Но ведь вы садились в Темпельхофе.

— Да, я был в Германии по делам. Мне приходится бывать в разных странах. Работа такая.

В глазах немца мелькнуло недоверие: как человек, занимающийся международным бизнесом, летающий ракетами Люфтганзы, может не знать немецкого?

— А чем вы занимаетесь, мистер Бэйнс? — поинтересовался он.

— Пластмассы. Резина. Я имею в виду промышленное сырье, а не готовые изделия. Понимаете?

— В Швеции делают пластмассы? — Вновь недоверие.

— Да, и превосходные. Если дадите адрес, я с удовольствием вышлю вам проспект нашей фирмы.— Бэйнс извлек авторучку и блокнот.

— Ну что вы! Не стоит раздаривать проспекты кому ни попадя. Я не коммерсант, а художник, Алекс Лотце. Не доводилось видеть мои картины? Они выставлялись на Континенте.

— К сожалению, я равнодушен к современной живописи,— сказал Бэйнс.— Мне нравятся довоенные кубисты и абстракционисты. Люблю, когда картина несет глубокий смысл, а не просто изображает натуру.

— Но ведь это — цель искусства,— возразил Лотце.— Примат духа над чувственным восприятием. Абстракционизм — искусство упадка, хаоса, он отражает процессы разложения общества, старой плутократии. Декадентов поддерживали еврейские капиталистические воротилы, опутавшие своими сетями весь мир. Те времена ушли, и живопись стала иной. Искусство не может стоять на месте.

Бэйнс кивнул, глядя в иллюминатор.

— Вам приходилось бывать в Тихоокеании? — спросил Лотце.

---

* — Они боятся, что... *(нем.)*.

— Несколько раз.

— А я лечу впервые. В Сан-Франциско при содействии ведомства доктора Геббельса и японских властей открывается выставка моих работ, так сказать, культурный обмен в целях укрепления дружбы и взаимопонимания. Надо снижать напряженность между Востоком и Западом. А для этого нужно больше общаться, и искусство — один из важнейших факторов...

Бэйнс кивнул. Внизу, за огненным кольцом дюз, показались Сан-Франциско и залив.

— А где в Сан-Франциско можно поесть? — спросил Лотце.— Для меня заказан номер в «Палас-Отеле», но мне кажется, в национальных районах лучше кормят. В Чайнатауне, например.

— Да,— подтвердил Бэйнс.

— А цены там не кусаются? А то я почти на мели. У нас очень прижимистое министерство.— Лотце засмеялся.

— Смотря как обменять деньги. У вас, надо полагать, чеки Рейхсбанка? Рекомендую Токийский банк на Самсон-стрит.

— Danke sehr*,— поблагодарил Лотце.— А я собирался поменять их в гостинице.

Ракета неслась над самой землей. Бэйнс увидел взлетное поле, ангары, стоянки машин, здание аэровокзала, дома... «Красиво,— подумал он.— Горы, и вода, и клочки тумана, уплывающие к Золотым Воротам».

— Что это? — спросил Лотце.— Что за огромное сооружение? Вон там, внизу. Космопорт? Я думал, у японцев нет космических ракет.

Улыбаясь, Бэйнс пояснил:

— Стадион «Золотой Мак». Бейсбольное поле.

— Ну да, они без ума от бейсбола,— усмехнулся Лотце.— А по мне, нет спорта скучнее и бессмысленнее. Взбрело кому-то в голову начать такой...

— Он уже достроен,— раздраженно перебил Бэйнс.— Его таким задумали, открытым с одной стороны. Новый архитектурный стиль. Горожане очень им гордятся.

— Такое впечатление, будто его проектировал еврей,— пробормотал Лотце, глядя вниз.

Бэйнс пристально посмотрел на него. На мгновение он отчетливо ощутил перекос в немецком мозгу. Психический сдвиг. Неужели Лотце действительно так считает? Или просто брякнул первое, что пришло на ум?

---

* Большое спасибо *(нем.)*.

— Надеюсь, мы с вами еще встретимся в Сан-Франциско,— сказал Лотце, когда ракета коснулась земли,— Плохо, если рядом нет соотечественника, не с кем поболтать.

— Мы с вами вовсе не соотечественники,— возразил Бэйнс.

— Вы правы. Но в расовом отношении мы очень близки. Да и цели наши, и намерения совпадают.— Лотце заерзал в кресле, расстегивая привязные ремни.

«И это с ним я близок в расовом отношении?! — с ужасом подумал Бэйнс.— Это с его целями совпадают мои цели? Тогда и у меня психический сдвиг. Мы живем в душевнобольном мире, где у власти — безумцы. Сколько лет это продолжается? Сколько лет мы сопротивляемся? И главное — сколько нас, понимающих? Не таких, как Лотце? Может быть, если ты знаешь о своем безумии, ты не сумасшедший? Или начинаешь выздоравливать? Пробуждаться? Наверное, нас очень мало. Мы — одиночки, разбросанные по свету. Но массы... что думают они? Сотни тысяч жителей этого города? Может быть, они считают, что живут в правильном мире? Или все-таки сомневаются, хотя бы самую малость?.. Но что значит — безумие? Какой смысл я вкладываю в это слово? Где граница?.. Безумие в их природе. В умственной ограниченности. В незнании тех, кто их окружает, в равнодушии, с которым они несут гибель другим. Нет, не то. Я чувствую. Интуитивно. Целенаправленная жестокость.. Нет. Боже, помоги, в одиночку мне не докопаться до сути! Пренебрежение истиной? Да. Но не только это. Безумие в их замыслах. Да, в замыслах! Покорение планет. Такое же бессмысленное и жестокое, как покорение Африки, а еще раньше — Европы и Азии.

Они мыслят космическими категориями и никак иначе. Слова *человек, ребенок* — пустой звук. Только абстракции; раса, страна, Volk, Land, Blut, Ehre*. Нет честных личностей, есть только сама Ehre — честь. Абстракция для них реальное, действительность — невидима. Die Gute, доброта, а не добрые люди, добрый человек. Для них не существует "здесь" и "сейчас" — их глаза устремлены сквозь пространство и время, в лежащую впереди бездну. И это — конец мира. Потому что мало-помалу они изведут все живое. Были ведь когда-то частицы космической пыли, раскаленные ядра водорода — и ничего больше. Теперь все вернется на круги своя. "Сейчас" — это миг между началом и концом, ein Augenblick**.

---

* Народ, страна, кровь, честь *(нем.)*.

** Момент *(нем.)*.

Процесс распада ускоряется, жизнь возвращается к граниту и метану. Жерновов не остановить. А они, эти безумцы, спешат обратить нас в камень и пыль. Хотят помочь Natur*.

Я знаю — почему,— подумал Бэйнс.— Им хочется быть не жертвами, а движущей силой природы. Они приравнивают свое могущество к Божьему, считают себя подобными Богу. Вот она, суть безумия. Все они одержимы одной идеей. У каждого настолько возросло самомнение, что ему и в голову не придет считать себя иначе как божеством. Это не гордыня и не высокомерие — это раздувание собственного "я" до такой степени, когда исчезает разница между поклоняющимся и предметом поклонения. Не человек съеден Богом, а Бог съеден человеком. Чего они не могут уразуметь, так это своей ничтожности. Но что в этом плохого? Разве *так* — не лучше? Кого боги отмечают, того призывают к себе. Будь незаметен — и минует тебя злоба сильных мира сего».

Расстегивая ремень, Бэйнс произнес:

— Мистер Лотце, я никому еще этого не говорил, но вам скажу. Я еврей. Вы поняли?

Лотце ошалело взглянул на него.

— Самому бы вам не догадаться, ведь я ничуть не похож на еврея. Я изменил форму носа и черепа, уменьшил поры, осветлил кожу. Иными словами, избавился от внешних признаков. Даже стал вхож в круги Рейха. Никто не подозревает, что я еврей. И...— Сделав паузу, он придвинулся к Лотце вплотную и зашептал: — И я не один. Есть другие. Слышите? Мы не погибли. Мы существуем. Живем невидимками.

— Служба безопасности...— выдавил Лотце, но Бэйнс его перебил:

— Пожалуйста, сообщите — СД проверит мое досье. Но учтите: у меня есть могущественные покровители. Некоторые из них арийцы, другие — евреи, занимающие высокие посты в Берлине. Ваш донос оставят без внимания. А вскоре я сам донесу на вас. И вы окажетесь в камере предварительного заключения.— Он улыбнулся, кивнул и двинулся по проходу вместе с другими пассажирами.

Они спустились по трапу на продуваемое ветром поле. Внизу Бэйнс случайно оказался рядом с Лотце.

— Знаете, мистер Лотце,— произнес он, взяв художника под локоть,— вы мне не понравились. Думаю, что я в любом случае донесу на вас.— Он отпустил руку блондина и ускорил шаг.

---

* Природа *(нем.)*.

На краю поля, у дверей вокзала, толпились встречающие. Ищущие глаза, радостные улыбки, машущие руки. Впереди стоял коренастый японец средних лет в добротном пальто английского покроя, остроносых полуботинках и котелке, рядом — японец помоложе. На пальто коренастого блестел значок Тихоокеанского Торгпредства Имперского правительства. «Мистер Тагоми собственной персоной,— подумал Бэйнс.— Приехал меня встречать».

Шагнув вперед, японец громко произнес:

— Герр Бэйнс? Добрый вечер! — и выжидающе вскинул голову.

— Добрый вечер, мистер Тагоми,— Бэйнс протянул руку. Рукопожатия, поклоны. Молодой японец тоже поклонился, приветливо улыбаясь.

— Прохладно на открытом поле, сэр,— сказал Тагоми.— Мы предлагаем воспользоваться вертолетом. Не возражаете, сэр? Или вам необходимо уладить какие-нибудь дела? — Он вопросительно заглянул и глаза Бэйнсу.

— Готов лететь сию секунду,— сказал Бэйнс.— Хотя надо бы зарегистрироваться в гостинице. И багаж...

— Мистер Котомичи обо всем позаботится,— заверил Тагоми.— Багаж выдадут через час, не раньше. Ждать дольше, чем вы летели.

Котомичи улыбнулся и кивнул.

— Прекрасно,— сказал Бэйнс.

— Сэр, у меня для вас подарок,— заявил Тагоми.

— Простите?

— Чтобы у вас сложилось благоприятное впечатление о нашем представительстве...— Он сунул руку в карман пальто и достал маленькую коробку.— Из лучших objects d'art* Америки.— И протянул коробочку Бэйнсу.— Наши сотрудники весь день ломали голову, что бы вам подарить. Решили остановиться на этом подлиннике угасающей североамериканской культуры, сохранившем аромат далеких, счастливых дней.

Бэйнс открыл коробочку. В ней на черном бархате лежали наручные часы «Микки-Маус».

Неужто Тагоми захотелось пошутить? Бэйнс поднял глаза и увидел серьезное, озабоченное лицо японца. Нет, это не шутка.

— Большое спасибо,— поблагодарил Бэйнс.— Действительно прекрасная вещь.

---

* Произведений искусства *(фр.)*.

— Во всем мире не наберется и десятка настоящих часов «Микки-Маус» выпуска тридцать восьмого года,— произнес Тагоми, внимательно наблюдая за лицом Бэйнса.— Их нет в коллекции ни у одного из моих знакомых.

Они вошли в здание вокзала и стали подниматься по лестнице. Следовавший позади Котомичи произнес:

— Харусаме ни нурецуцу яне но темари кана...

— Что это? — спросил Бэйнс у Тагоми.

— Старинное стихотворение,— пояснил Тагоми.— Хайку середины эпохи Токугава. «Идет весенний дождь, и на крыше мокнет детский мячик».

Глава 4

Уиндэм-Мэтсон проковылял по коридору и скрылся в цехе «Корпорации У-М». Провожая его взглядом, Фрэнк подумал, что его бывший хозяин вовсе не похож на капиталиста. Легче принять его за бродягу, горького пьяницу, которого вымыли, побрили, причесали, одели с иголочки, накачали витаминами, дали пять долларов и велели начать жизнь сызнова. Хозяин всегда прибеднялся, ловчил, суетился, заикался перед каждым встречным и даже старался его ублажить, будто видел в нем возможного врага. Манерой держаться он как бы говорил: «Все норовят меня, бедолагу, обидеть».

На самом деле старина У-М был куда солиднее, чем казался с виду. Он контролировал несколько предприятий, играл на бирже, приторговывал недвижимостью.

Фрэнк двинулся за ним следом, отворил большую металлическую дверь и шагнул навстречу грохоту машин, ставшему привычным за многие годы; его окружали люди и механизмы, сверкала электросварка, в воздухе висела пыль. Фрэнк ускорил шаг, догоняя бывшего хозяина.

— Эй, мистер У-Эм! — позвал он.

Уиндэм-Мэтсон остановился возле человека с волосатыми руками; его звали Эд Маккарти, он был мастером цеха. Оба повернулись к Фрэнку.

— Прости, Фрэнк,— произнес Уиндэм-Мэтсон, нервно облизывая губы.— Мне и в голову не приходило, что ты можешь вернуться после всего, что наговорил. Но теперь ничего не поделаешь — твое место занято.

Его черные глаза так и бегали. «Это наследственное,— подумал Фрэнк.— Изворотливость у него в крови».

— Я пришел за своими инструментами,— произнес Фрэнк, с удовольствием слушая свой уверенный голос.— Больше мне ничего не нужно.

— Ну что ж, забирай,— промямлил Уиндем-Мэтсон с сожалением. Видимо, он еще не думал о возможности прибрать к рукам инструменты Фрэнка. И — к Маккарти: — Кажется, это по твоей части, Эд? Разберись с Фрэнком, ладно? У меня дел по горло.— Он глянул на карманные часы.— Слушай, Эд, мы с тобой обсудим наши дела после. Мне надо бежать.— Он похлопал Маккарти по плечу и, не оглядываясь, затрусил прочь.

Эд Маккарти и Фрэнк остались вдвоем.

— Захотел вернуться? — помолчав, спросил Маккарти.

— Да,— ответил Фрэнк.

— Ты молодец. Здорово вчера выдал.

— Молодец-то, молодец,— пробормотал Фрэнк,— но где еще найдешь такую работу? — Он чувствовал себя разбитым и беспомощным.— Ты-то меня понимаешь.

Они часто делились друг с другом заботами.

— Чепуха, ты отличный мастер. За станком тебе нет равных. Я видел, как ты за пять минут сработал деталь, да еще успел очистить от заусенцев. Правда, что касается сварки...

— Я и не говорил, что хорошо варю,— перебил Фрэнк.

— А тебе не приходило на ум начать собственное дело?

— Ты о чем? — удивился Фрэнк.

— О ювелирных изделиях.

— О господи!

— Оригинальные украшения. Не на продажу. На заказ.— Маккарти отвел его за угол — там было не так шумно.— Тысчонки за две можно снять под мастерскую небольшой подвал или гараж. Я тут как-то рисовал эскизы женских сережек и подвесок. Помнишь? Настоящий модерн.— Он взял клочок бумаги и стал рисовать — медленно, сосредоточенно.

Заглянув Эду через плечо, Фрэнк увидел эскиз браслета. Он давно не встречал ничего подобного. Только довоенные вещи. Но все они — даже старинные — были стандартными. Никаких абстрактных узоров, как на этом браслете.

— Кому нужно современное искусство?

— Создадим рынок,— нахмурился Маккарти.

— Сами, что ли, будем продавать?

— Нет, через магазины. Вроде той роскошной лавки на Монтгомери-стрит.

— «Художественные промыслы Америки»,— припомнил Фрэнк. Он никогда не посещал такие шикарные магазины, да

и мало кто из американцев заходил туда: выставленные там вещи были по карману только японцам.

— А тебе известно, чем торгуют в таких магазинах? — осведомился Маккарти.— И на чем наживаются? На дурацких серебряных нашлепках от индейских поясов из Нью-Мексико. На всякой дряни вроде осколков тарелок — якобы туземном искусстве.

Фрэнк долго не сводил глаз с Маккарти. Наконец произнес:

— Мне известно, что *еще* они продают. И тебе тоже.

— Да,— подтвердил Маккарти.

К тому, чем торговали в магазинах редкостей, они имели самое непосредственное отношение. И не первый год.

Официально «Корпорация У-М» специализировалась на выпуске кованых перил для лестниц и балконов, решеток для очагов и оград для новых фешенебельных домов. Изделия выпускались крупными партиями по типовым чертежам, например: сорок каминных решеток для сорокаквартирного дома. Но «Корпорация У-М» производила не только перила — основные прибыли приносила деятельность иного рода.

Используя большой арсенал инструментов, станков и материалов, корпорация подделывала предметы довоенной Америки в широком ассортименте. Эти подделки, разбавленные подлинными вещами, очень осторожно и расчетливо поставлялись на оптовый рынок предметов искусства, и невозможно было подсчитать, сколько фальшивок ходит по свету. Да никто и не пытался.

Вчера, уходя с работы, Фрэнк оставил на верстаке наполовину сработанный револьвер эпохи покорения Дикого Запада. Он сам готовил форму и отливки, оставалось отшлифовать детали. Для стрелкового оружия времен Гражданской войны и Фронтира рынок был неограничен; все, что мастерил Фрэнк, «Корпорация У-М» сбывала без всяких хлопот.

Фрэнк неторопливо приблизился к верстаку, взял шкурку и доделал шомпол. Еще три дня, и револьвер был бы готов. «Да,— подумал он,— я потерял хорошую работу. Только эксперт сможет отличить... Но японские коллекционеры — профаны, они даже не задумываются над необходимостью устанавливать подлинность так называемых "исторических произведений искусства", которыми торгуют на западном побережье. Когда-нибудь, возможно, задумаются... и тогда рынок лопнет как мыльный пузырь, даже подлинники никто не рискнет покупать. Таков закон Грэшэма: подделки снижают ценность оригиналов.

Может быть, поэтому никто и не пытается установить их подлинность. Боятся правды. А так вроде все довольны.

Разбросанные по стране предприятия выпускают продукцию, оптовики продают изделия хозяевам магазинов, а те рекламируют и выкладывают на прилавки. Коллекционеры платят денежки и, довольные, увозят покупки домой — восхищать коллег, друзей, любовниц.

До поры до времени подделки будут в цене. Потом придет час расплаты. Тогда и фабриканты, и оптовики, и владельцы магазинов вылетят в трубу. Пока об этом все помалкивают, особенно те, кто зарабатывает на жизнь подделками. Они просто стараются не думать об этом, сосредоточившись на технических проблемах».

— Ты давно не пробовал сделать что-нибудь свое? — спросил Маккарти.

— Несколько лет. Зато я здорово научился копировать...

— Знаешь, о чем я думаю? Наверное, ты заразился нацистской идеей, будто евреи не способны творить, а могут только копировать и продавать.

— Может, так оно и есть,— буркнул Фрэнк.

— А ты попробуй. Придумай что-нибудь. Или сразу, без эскизов, поработай по металлу. Поиграй — как дети играют.

— Зачем? — спросил Фрэнк.

— Веры в тебе нет,— вздохнул Маккарти.— Ты полностью утратил веру в себя, точно? Ну и зря. Я-то знаю, на что ты способен.

«Зря,— подумал про себя Фрэнк.— Да, это правда. Во мне нет ни веры, ни энтузиазма. И взяться им неоткуда. Этот Маккарти — отменный мастер. Ему не откажешь в умении завести работягу, заставить его выложиться. Прирожденный руководитель — чуть не вдохновил меня. И все испортил, отойдя раньше времени. Жаль, нет со мной Оракула. Я бы спросил у него совета, зачерпнул из источника пятитысячелетней мудрости».— Фрэнк вспомнил, что видел «Ицзин» в вестибюле управления «Корпорации У-М». Туда он и направился.

Он уселся в кресло из металла и пластика, написал на оборотной стороне конверта: «Стоит ли заняться творческим ремеслом, как мне предложили?» — и стал подбрасывать три монеты.

Вначале выпала девятка, затем еще две. Он получил нижнюю триграмму. Цинь. «Творчество». Хороший знак. Четвертая черта — «шестерка», Инь. Пятая — тоже Инь. «О господи! — мысленно воскликнул он.— Еще одна теневая черта, и я полу-

чу гексаграмму одиннадцать. Тай — "Расцвет"! Очень благоприятное пророчество. Или...— его руки дрожали, когда он тряс монеты,— если выпадет Ян, получится гексаграмма двадцать шесть, Да-чу — "Воспитание великим". Обе гексаграммы благоприятны». Он кинул монетки.

Инь. Все-таки «Расцвет».

Открыв книгу, он прочел:

«Расцвет.
Малое уходит, великое приходит.
Счастье. Развитие».

Итак, надо принять предложение Эда Маккарти, открыть свое маленькое дело. Его беспокоила только верхняя «шестерка». Он перевернул страницу. Какой там текст? Он не мог вспомнить. Вероятно, ничего неблагоприятного, ведь комментарий ко всей гексаграмме был таким обнадеживающим: «Союз неба и земли» — но последняя черта символизирует переразвитие ситуации, выход из нее, поэтому «шестерка» наверху...

Его глаза нашли строки, поразившие его подобно вспышке молнии:

«Городская стена падает в ров.
Не применяй войско.
В своем городе изъявляй свою волю.
Стойкость — к сожалению».

...И — толкование:

«Силы тьмы, упомянутые в середине гексаграммы, начинают действовать. Городская стена падает в ров, из которого была подкопана. Роковой час близок...»

Без сомнения, это было одно из самых мрачных толкований из более чем трех тысяч, содержавшихся в книге. И тем не менее пророчество ко всей гексаграмме было благоприятным.

Как быть? Прежде не бывало, чтобы Оракул пророчил ему беду и счастье одновременно. «Ни дать ни взять ложка дегтя в бочке меда,— подумал Фрэнк.— Видать, он советует и дело делать, и не забывать о злом роке.

Черт! — мысленно выругался он.— Не могут беда и улача ходить рука об руку. Либо одно, либо другое.

Или... могут?

Ювелирное дело принесет богатство — никак иначе это пророчество не истолковать. Но вот чертова шестая строка — в ней кроется глубокий смысл, она предупреждает о катастрофе,

возможно даже не связанной с ювелирным делом. В любом случае беды мне не избежать..

Война! — решил Фрэнк.— Третья мировая! Два миллиарда трупов, цивилизация стерта с лица Земли. Водородные бомбы сыплются градом.

Силы небесные! — подумал он.— Почему? Из-за меня она начнется, что ли? Или кто-нибудь другой заварит кашу? Или — все мы? Всему виной физики с их теорией синхронности, по которой каждая частица связана со всеми остальными — нельзя даже пукнуть, не изменив равновесия Вселенной. Жизнь превращается в анекдот, над которым некому будет посмеяться. Я открываю книгу и получаю прогноз событий, о которых даже Господь Бог хотел бы забыть. А кто я? Далеко не тот человек, которому стоит адресовать такое пророчество. Это точно.

Надо забрать инструменты, оборудовать мастерскую и начать свое дельце, как будто Оракул и не сулил никаких бед. И — работать. Творить, ничего не бояться. До самого конца. Жить на всю катушку, пока мир не сгорит синим пламенем. Пока все мы не погибнем, все человечество. Вот что советовал Оракул. Все мы рано или поздно окажемся в юдоли печали, но до тех пор мои руки и моя голова не должны пребывать в праздности.

Комментарий касается только меня, моей работы. А последняя черта — нас всех.

Я слишком ничтожен,— подумал он.— Могу лишь почесать в затылке и заняться своими делами. Не бежать же на улицу, крича во всю глотку, чтобы привлечь внимание прохожих.

А есть ли на Земле кто-нибудь, способный изменить ход событий? Некто великий?.. Если мы, все вместе... Или в решающий момент среди тех, от кого все зависит, окажется наш человек, заранее внедренный... В общем, остается уповать на случай. Лишь от него зависит жизнь — моя и всей планеты».

Фрэнк закрыл книгу и вернулся в цех. Заметив Маккарти, кивком указал ему на укромный уголок.

— Я поразмыслил над твоей идеей, и она мне понравилась,— сказал он.

— Вот и отлично,— улыбнулся Маккарти.— А теперь слушай. Надо заставить Уиндэма-Мэтсона рассчитаться сполна.— Он медленно опустил веко — подмигнул. Это выглядело довольно жутко.— Я тут прикинул... В общем, решил уволиться и составить тебе компанию. Вот, погляди на эскизы. Чем плохи?

— Хороши,— подтвердил Фрэнк, несколько сбитый с толку.

— Заходи вечерком ко мне, часам к семи,— предложил Маккарти.— Джин приготовит ужин.

— Договорились,— сказал Фрэнк.

Маккарти хлопнул его по плечу и отошел.

«За какие-то десять минут я проделал большой путь. Как быстро это случилось,— размышлял Фрэнк, собирая с верстака свои инструменты.— Видимо, так и происходят крутые повороты в жизни.

Стечение обстоятельств, и... А ведь я ждал этой минуты всю жизнь.. Оракул сказал: "Поход к счастью", и это для меня основное. Время больших свершений. Пришло ли оно? Пришел ли нужный момент? Верхняя "Шестерка" — единственное отличие одиннадцатой гексаграммы от двадцать шестой, "Воспитание великим". Инь становится Яном, и возникает другая ситуация. А я даже не почувствовал перемены!»

Но, несмотря на волнение и душевный подъем, Фрэнк не мог выбросить из головы роковую черту.

«Хотя пытаюсь изо всех сил,— с горькой иронией отметил он.— Глядишь, к ужину начисто о ней позабуду. Ну что ж, будем надеяться. Потому что работать с Эдом на паях — это здорово. А идея заняться ювелирным делом — просто золотая. Овчинка стоит выделки. Нет, я не откажусь от собственного счастья. Сейчас я — ноль, но если встану на ноги, может быть, сумею вернуть Джулиану. Ведь я знаю, что ей нужно,— быть женой не какого-нибудь мешуги*, а влиятельной персоны. Мужчина должен быть мужчиной. Во всяком случае, в старину было так. До войны.

Сейчас она, должно быть, мечется с места на место, от мужика к мужику. Ищет незнамо чего. Но я-то знаю, и, когда мы с Эдом раскочегарим наше предприятие, она получит то, что ей нужно».

Собираясь позавтракать, Роберт Чилдэн запер дверь «Художественных промыслов Америки». Как всегда, он зашел в кафетерий напротив. Обычно на завтрак уходило около получаса, но на этот раз Чилдэн уложился в двадцать минут.

По возвращении из Торгпредства он сказал себе: пора менять политику. Никаких доставок клиенту. Все сделки — только в магазине.

Подумать только, битых два часа он провел в кабинете Тагоми. А на все про все ушло целых четыре часа! Когда он вер-

---

* Псих, чудак, придурок *(идиш)*.

нулся, открывать магазин было уже поздно. За весь день удалось продать только часы «Микки-Маус». Конечно, он не остался внакладе, но...

Чилдэн отворил дверь и прошел в подсобку — повесить пальто. Возвратясь в зал, обнаружил, что его ждет посетитель. Белый. «Ого,— подумал Чилдэн.— Вот это сюрприз!»

— Добрый день, сэр,— с легким поклоном поздоровался Чилдэн. «"Буратино", наверное»,— мелькнула мысль. Он окинул посетителя внимательным взглядом: худощавый, смуглый, довольно элегантно одет. Но держится натянуто, даже слегка вспотел от волнения.

— Добрый день,— пробормотал посетитель, разглядывая витрины. Он подошел к прилавку, достал небольшой бумажник из лакированной кожи и вытащил из него красивую, в цветных разводах карточку-удостоверение.

На карточке были герб Империи и эмблема ВМФ. «Адмирал Харуша». Роберт Чилдэн с уважением вернул карточку.

— Корабль адмирала стоит в гавани Сан-Франциско,— пояснил посетитель.— Авианосец «Секаку».

— Вот как? — промямлил Чилдэн.

— Адмирал Харуша впервые на Западном побережье,— продолжал смуглый человек.— Одна из целей его визита — посетить ваш знаменитый магазин. На Родных островах наслышаны о «Художественных промыслах Америки».

Чилдэн вновь поклонился.

— К сожалению,— продолжал гость,— обстоятельства сложились так, что адмирал не нашел времени для личного визита и направил в ваш магазин меня, своего поверенного.

— Адмирал — коллекционер? — спросил Чилдэн, лихорадочно обдумывая слова посетителя.

— Скорее — поклонник искусства, знаток и ценитель, но не коллекционер. Вещи, которые он хотел бы у вас приобрести, будут подарены офицерам флагмана. Адмирал решил вручить каждому офицеру ценный раритет времен Гражданской войны — оружие для ношения на поясе.— Сделав паузу, посетитель добавил: — Двенадцати офицерам, сэр.

«Двенадцать револьверов времен Гражданской войны,— подумал Чилдэн.— Дорогое удовольствие. Почти десять тысяч долларов!»

— Всем известно, что вы торгуете бесценными предметами американской старины,— продолжал смуглый человек,— исчезающими, как это ни прискорбно, слишком быстро.

Тщательно подбирая слова (ни в коем случае не допустить оплошности, не отпугнуть покупателя!) Чилдэн произнес:

— Да, вы правы. Во всех ТШа вам не найти такого выбора оружия времен Гражданской войны, как в нашем магазине. Счастлив услужить адмиралу Харуше. Если угодно, я мог бы доставить отменную коллекцию прямо на борт «Секаку».

— Я бы хотел посмотреть здесь,— сказал посетитель.

Чилдэн быстро прикинул в уме. У него не было двенадцати револьверов. От силы три. Но, если повезет, он соберет дюжину за неделю. В крайнем случае, закажет на востоке, оплатив пересылку авиапочтой. Обзвонит местных оптовиков.

— Вы разбираетесь в подобном оружии, сэр? — спросил Чилдэн.

— Более-менее,— ответил посетитель.— Я собрал небольшую коллекцию пистолетов и револьверов. Есть даже крошечный револьвер в форме костяшки домино, выпущенный этак году в сороковом прошлого века.

— Прелестная вещица,— кивнул Чилдэн и направился к сейфу.

Вернувшись с револьвером, он увидел, что посетитель заполняет чек.

— Адмирал хотел бы оставить задаток,— сказал «буратино».— Пятнадцать тысяч тихоокеанских долларов.

Перед глазами Чилдэна закружилась комната, но он сумел ответить спокойно, даже с оттенком скуки:

— Как угодно. В этом нет особой необходимости. Так, простая формальность.— Положив на прилавок футляр из фетра и кожи, он добавил: — Вот, рекомендую. Превосходный кольт сорок четвертого калибра. Тысяча восемьсот шестидесятый год.— Он открыл футляр.— Черный порох и пули. Эти револьверы были на вооружении в армии США. С ними парни в синем ходили во второй поход на Ситтинг Булла.

Посетитель долго рассматривал кольт. Затем, подняв глаза, холодно произнес:

— Сэр, это подделка.

— Что? — не понял Чилдэн.

— Сэр, вы предлагаете подделку. Этой вещи нет и шести месяцев. Весьма прискорбно. Вот, поглядите — дерево подвергалось искусственному старению, обрабатывалось едким химическим веществом.— Он положил револьвер на прилавок.

Чилдэн схватил кольт и принялся вертеть в руках. Наконец хрипло произнес:

— Этого не может быть!

— Имитация редкого старинного револьвера. Уверен. Боюсь, вас обманули, сэр. Какой-нибудь мошенник. Советую заявить в полицию Сан-Франциско.— Посетитель поклонился.— Весьма сожалею. Возможно, среди ваших товаров есть и другие копии. Неужели вы, сэр,— владелец магазина, в своем роде *специалист*,— не способны отличить подделку от подлинника?

Наступила тишина.

Гость взял с прилавка чек, убрал в карман вместе с авторучкой и поклонился.

— Мне жаль, сэр, но я не могу иметь дела с «Художественными промыслами Америки». Адмирал Харуша будет огорчен. Но войдите в мое положение.

Чилдэн стоял, опустив голову, не сводя глаз с револьвера.

— Всего хорошего, сэр,— сказал посетитель.— Последуйте моему совету, отдайте ваш товар экспертам. Ваша репутация... Надеюсь, вы понимаете.

— Сэр, пожалуйста...— забормотал Чилдэн.— Не могли бы вы...

— Не волнуйтесь, сэр. Никто не узнает. Адмиралу я скажу, что ваш магазин был закрыт. В конце концов...— Он помолчал, остановившись в дверях.— В конце концов, мы с вами — белые.— Еще раз поклонившись, он ушел.

Чилдэн остался у прилавка с револьвером в руке.

«Этого не может быть,— подумал он.— Но это случилось. Господи боже! Я погиб. Упустил пятнадцать тысяч долларов. И потерял репутацию, а это — куда хуже. Если этот человек, доверенное лицо адмирала Харуши, проболтается...

Я разорен! — решил он.— Покончу с собой.

Но, может быть, посетитель ошибся? Или солгал?

Возможно, он подослан хозяином "Предметов истории Соединенных Штатов", чтобы погубить меня. Кем-нибудь из конкурентов.

Револьвер настоящий. Наверняка. А как узнать? — Чилдэн лихорадочно соображал.— Ага! Отправлю его на анализ в лабораторию пенологического факультета Калифорнийского университета. У меня там знакомые. Во всяком случае, были. Один раз приходилось к ним обращаться, когда я усомнился в подлинности старинного ружья».

Он торопливо набрал номер городского транспортного агентства и попросил немедленно прислать курьера. Затем упаковал револьвер и написал записку, в которой просил сотрудников лаборатории срочно установить возраст револьвера и сообщить

результат по телефону. Потом отдал пакет и записку подошедшему посыльному. Курьер ушел, а Чилдэн принялся расхаживать по магазину. В три часа позвонили из лаборатории.

— Мистер Чилдэн, вы хотели узнать, является ли подлинным кольт сорок четвертого калибра армейского образца тысяча восемьсот шестидесятого года.— Пауза, во время которой Чилдэн едва не раздавил трубку.— Сообщаю лабораторное заключение. Все детали, кроме ореховых щечек, изготовлены с помощью пластмассовых форм. Номера подделаны. Сталь не сцементирована цианидом. Бурый и синий цвета получены в результате скоростной обработки по современной технологии, револьвер подвергался искусственному старению с применением химических и механических средств.

— Человек, который мне его предложил...— хрипло произнес Чилдэн.

— Его обвели вокруг пальца, так ему и скажите,— посоветовал эксперт.— Причем ловко обвели. Отличная работа. Профессиональная. Вы знаете, настоящие кольты со временем приобретали синеватый оттенок. А детали этого револьвера завернули в полоски кожи и нагрели с газом CN в запаянной коробке. Это очень сложный процесс, нужна хорошо оборудованная мастерская. Мы изучили частицы веществ, применявшихся для шлифовки,— прежде мы не слышали, чтобы кто-то ими пользовался для таких целей. Не можем ничего утверждать, но все говорит о том, что выпуск подделок поставлен на промышленную основу.

— Нет! — воскликнул Чилдэн.— Это всего лишь слухи. Можете мне поверить, сэр. Кому знать об этом, как не мне? — Он окончательно потерял самообладание.— Почему я отправил к вам револьвер, как вы думаете? Я много лет торгую подобными вещами и сразу же заподозрил неладное. Такие подделки очень редки. Похоже, что кто-то шалит. Какой-нибудь шутник.— Тяжело дыша, он попрощался: — Благодарю вас. Вы подтвердили мою догадку. Пришлите счет. До свидания!

Чилдэн бросил трубку и уселся просматривать товарные ведомости. Надо было выяснить, откуда у него этот фальшивый револьвер.

У кого куплен.

Вскоре он установил, что револьвер продал крупнейший в Сан-Франциско оптовик, владелец «Ассоциации Рэя Калвина» на Ван-Несс. Чилдэн немедленно набрал номер.

— Мне мистера Калвина,— попросил он. Теперь его голос звучал твердо.

Он услышал хриплый, недовольный баритон:

— Да.

— Это Боб Чилдэн — «ХПА, инк.», на Монтгомери. Рэй, у меня к вам деликатная просьба. Нам надо поговорить с глазу на глаз, лучше всего сегодня, у вас в конторе. Уверяю, это очень важно.— Чилдэн вдруг понял, что кричит в трубку.

— Ладно,— буркнул Рэй Калвин.

— И никому не говорите. Это должно остаться между нами.

— В четыре устроит?

— Хорошо, в четыре,— согласился Чилдэн.— У вас в конторе. Всего доброго.— Он яростно хлопнул по столу книгой учета, уронив телефон на пол. Затем опустился на колени и поставил аппарат на место.

Выходить нужно было через полчаса. В ожидании он нервно расхаживал по магазину и грыз ногти. Что делать? Идея! Он позвонил на Маркет-стрит в филиал «Токио Геральд».

— Будьте добры,— произнес он,— скажите, находится ли в порту авианосец «Секаку», а если да, сколько времени? Буду очень благодарен вашей уважаемой газете за эту информацию.

Тоскливое ожидание. Девичий голос:

— Как утверждает наша справочная служба, авианосец «Секаку» находится на дне Филиппинского моря.— Девушка хихикнула.— Он потоплен американской подлодкой в сорок пятом. Чем еще мы могли бы вам помочь, сэр? — Похоже, в редакции его приняли за шутника.

Он положил трубку. «Стало быть, "Секаку" семнадцать лет лежит на дне морском, как и адмирал Харуша, надо полагать. А его "доверенное лицо" — просто жулик. И все же... этот тип оказался прав. Кольт сорок четвертого калибра — подделка. Ничего не понимаю! Может, он торговец? Решил расчистить рынок стрелкового оружия времен Гражданской войны? Но если так, то он не просто торговец. Эксперт. Как быстро он распознал подделку! Таких умников немного найдется. А может, и вообще не найдется. Бояться нечего. Тайна не раскроется.

Так что, плюнуть на это дело?»

Чилдэн задумался. «Нет. Нужно выяснить все до конца. Но прежде всего надо заставить Рэя Калвина возместить убытки. И еще раз обратиться в университетскую лабораторию. Пусть проверят весь товар.

Но... вдруг они установят, что я торгую одними подделками?

М-да... Проблема.

Остается одно,— мрачно подумал он — идти к Рэю Калвину. Взять за грудки. Вытрясти всю правду. Может, он тут ни при

чем. А может, наоборот. Не важно. Сказать ему: "Еще одна подделка, и я у вас больше ничего не куплю!"

Пусть он несет убытки,— сказал себе Чилдэн.— Он, а не я. Если станет ерепениться, я обойду все магазины и погублю его репутацию. Почему я должен быть козлом отпущения? Пускай те, кто заварил кашу, сами ее и расхлебывают.

Но действовать нужно очень осторожно. И ни слова посторонним».

Глава 5

Телефонный звонок Рэя Калвина озадачил Уиндэма-Мэтсона. Он ничего толком не понял — отчасти из-за сбивчивой речи Калвина, отчасти потому, что тот позвонил в полдвенадцатого ночи, когда Уиндэм-Мэтсон развлекался с дамой в своем номере отеля «Муромачи».

— Вот что, дружище,— сказал Калвин,— мы возвращаем вам последнюю партию товара. Вернули бы и остальную дрянь, если бы уже за нее не заплатили.

Естественно, Уиндэму-Мэтсону захотелось узнать, в чем дело.

— В том, что весь ваш товар — дерьмо. Сплошная туфта.

Уиндэм-Мэтсон оторопел.

— Но ведь вы знали, Рэй, вы всегда были в курсе! — Он оглянулся. Женщины поблизости не было, наверное, ушла в спальню.

— Да, я знал, что вы штампуете подделки,— сказал Калвин.— Но речь о другом. О паршивом качестве вашего товара. Мне наплевать, стреляли из револьвера, который вы мне продаете, в Гражданскую войну или нет. Для меня важно, чтобы ни у кого не возникало сомнений, что это кольт сорок четвертого калибра, такой-то номер по каталогу. Чтобы комар носу не подточил. Вы знаете Роберта Чилдэна?

— Да.— Фамилия была знакомой, хотя в эту минуту Уиндэм-Мэтсон не мог вспомнить, кому она принадлежит. Какому-то дельцу.

— Сегодня Чилдэн приперся ко мне в контору. Он только что ушел, я звоню из конторы, не из дому. В общем, долго бушевал. Он вне себя от злости. Будто бы некий важный япошка — адмирал, ни больше ни меньше — не то приходил к нему, не то присылал своего человека. Чилдэн кричал о сделке на двадцать тысяч. Тут он, конечно, хватил через край, но в остальном я верю: к нему приходил япошка, хотел что-то ку-

пить, одним глазком взглянул на ваш кольт сорок четыре, убрал деньги и ушел. Что вы на это скажете?

Сказать Уиндэму-Мэтсону было нечего, но он сразу подумал о Фрэнке и Маккарти. Не их ли рук дело? Но зачем им понадобилось пугать Чилдэна?

Его охватил суеверный страх. Как они пронюхали, куда ушел револьвер, сработанный еще в феврале? Как они поступят теперь? Пойдут в полицию? Или в газеты? Или даже в муниципалитет Сакраменто к «буратино»? Кошмар! Всего этого можно было бы не опасаться, не выгони он Фрэнка... Он не знал, как ответить Калвину,— долго бормотал какие-то оправдания, пока наконец не сумел закруглить беседу.

Положив трубку, Уиндэм-Мэтсон осознал, что Рита давно вышла из спальни и слышала почти весь разговор. Женщина нетерпеливо расхаживала по комнате в комбинации из черного шелка. По ее плечам в редких крапинках веснушек рассыпались светлые волосы.

— Позвони в полицию,— предложила она.

«А что,— подумал он,— может, я еще дешево отделаюсь, заплатив им тысчонку-другую. Они не откажутся. Наверное, это как раз то, чего они добиваются. У таких парней аппетит невелик, две тысячи кажутся им большими деньгами. Ну да — вложат их в свое дело, прогорят и через месяц окажутся без гроша в кармане. И снова...»

— Нет,— ответил он.

— Почему? Вымогательство — это преступление.

«Ей трудно понять,— подумал Уиндэм-Мэтсон. Он привык платить тем, кто много знает, так же как привык нести производственные расходы. Да и сумма на сей раз невелика.— Но в чем-то она права».

«Я заплачу им две тысячи,— решил Уиндэм-Мэтсон.— А еще свяжусь со знакомым инспектором Департамента гражданских дел. Пусть посмотрят, нет ли у них чего-нибудь на Фрэнка и Маккарти. На тот случай, если они снова придут попрошайничать.

Кто-то мне говорил, что Фрэнк — жид, изменивший форму носа и фамилию,— вспомнил он.— Тем лучше, надо только известить германское консульство. Чего проще. Консул потребует у япошек выдачи Фрэнка, и как только этот содомит окажется за демаркационной линией, его затолкают в газовую камеру. Кажется, в Нью-Йорке остались лагеря,— подумал он.— Лагеря с печами».

— Удивляюсь,— сказала Рита, пристально глядя на него,— как можно безнаказанно шантажировать такого крутого парня.

— Ничего удивительного,— рассеянно ответил Уиндэм-Мэтсон.— Если хочешь знать, весь этот чертов бизнес, связанный с историей,— сущая чепуха. Просто япошки — ослы. Сейчас докажу.— Он встал, подошел к кофейному столику и вернулся с двумя зажигалками.— Вот, взгляни. Они похожи как две капли воды, правда? Но историческую ценность имеет только одна. Он ухмыльнулся.— Держи. Пойдем дальше. На рынке одна из них стоит тысяч сорок-пятьдесят.

Женщина схватила зажигалки и стала вертеть в руках.

— Ну? — подзадорил ее Уиндэм-Мэтсон.— Видишь отпечаток времени?

— Какой еще отпечаток?

— Так говорят о вещах, имеющих историческую ценность. Слушай дальше. Одна из этих зажигалок лежала в кармане Франклина Рузвельта, в момент его убийства. А другая — нет. Одна имеет историческую ценность, причем невероятную. Другая и выеденного яйца не стоит. Ну, ты чуешь разницу? — допытывался он у женщины.— Нет, ничего ты не чуешь. Нет тут ни «ореола загадочности», ни «дыхания эпохи».

— Вот это да! — восхитилась Рита.— Неужели и вправду одна из них была у Рузвельта в кармане?

— Да. И я знаю которая. Понимаешь теперь? Все это жульничество, люди обманывают сами себя. Скажем, твой пистолет побывал в какой-нибудь знаменитой битве, например при Маас-Аргоне, но если ты об этом не знаешь, то и пистолет кажется тебе самым обыкновенным. Историческая ценность — здесь! — Он постучал себя по лбу.— В голове, а не в пистолете. Я тоже был коллекционером. В сущности, поэтому и занялся нынешним бизнесом. Собирал ранние марки британских колоний.

Сложив руки на груди, женщина стояла у окна и смотрела на огни Сан-Франциско.

— Не погибни он, мы бы выиграли войну,— задумчиво произнесла она.— Так говорили мои родители.

— Так вот,— продолжал Уиндэм-Мэтсон,— представь, что в прошлом году кто-нибудь... не важно кто, хотя бы правительство Канады,— обнаружил клише старинных марок. И не только клише, но и краску. И запас...

— Я не верю, что одна из этих зажигалок принадлежала Рузвельту,— перебила его Рита.

Уиндэм-Мэтсон хихикнул.

— В том-то и дело! Мне придется доказать это с помощью документа. Понимаешь? Вещь не говорит сама за себя, ее ценность должна подтверждаться бумагой. А следовательно, вся возня с историческими редкостями не имеет смысла. Это массовый самообман.

— Покажи бумагу!

— Пожалуйста.— Он прошел в кабинет и снял со стены листок в рамке — сертификат Смитсоновского института. Зажигалки и сертификат влетели Уиндэму-Мэтсону в копеечку, но он не жалел — они позволяли ему доказать свою правоту, доказать, что слово «подделка» — пустой звук, поскольку слово «оригинал» тоже ничего не значит.

— Кольт сорок четвертого калибра — это кольт сорок четвертого калибра,— вещал он, возвратясь из кабинета.— Покупая револьвер, следует интересоваться диаметром ствола и особенностями конструкции, а не датой выпуска...

Рита протянула руку. Он отдал сертификат.

— Значит, одна из них все-таки подлинная,— сказала она наконец.

— Да. Вот эта.— Он протянул зажигалку с длинной царапиной на одной из сторон.

— Пожалуй, мне пора,— сказала Рита.— Как-нибудь вечерком еще увидимся.— Она вернула сертификат и зажигалку и направилась в спальню, где осталось ее платье.

— Почему?! — раздраженно крикнул он.— Ты же знаешь, нам никто не помешает. Жена приедет через несколько недель... Я же тебе объяснял: у нее отошла сетчатка.

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Будь любезен, вызови велотакси, пока я одеваюсь,— попросила Рита.

— Я сам тебя отвезу,— буркнул Уиндэм-Мэтсон.

Она оделась. Вернувшись из прихожей с ее пальто, Уиндэм-Мэтсон застал Риту в кабинете возле книжного шкафа, погруженную в раздумья. Казалось, ее что-то гнетет. «Прошлое,— понял он.— Оно многим не дает покоя. Черт меня дернул завести этот разговор! — упрекнул он себя.— Но ведь она такая молоденькая — я думал, она и слыхом не слыхивала о Рузвельте».

Рита опустилась на колени и взяла с нижней полки книгу.

— Ты читал? — спросила она.

Он поднес книгу к близоруким глазам. Серая обложка. Роман.

— Нет,— ответил он.— Это жена купила. Она любит беллетристику.

— Тебе бы следовало прочесть.

Уиндэм-Мэтсон неохотно взял книгу.

— «Из дыма вышла саранча»,— произнес он вслух.— Это не из тех ли книг, что запрещены в Бостоне?

— Не только в Бостоне, но и во всех Соединенных Штатах. Ну, и в Европе, разумеется.— Рита вышла в прихожую и остановилась у двери.

— Слыхал я об этом Абендсене.

На самом деле Уиндэм-Мэтсон ничего о нем не слышал. И о романе знал только то, что он очень популярен. Еще одна причуда. Повальное увлечение. Он нагнулся и поставил книгу на полку. «Некогда мне читать модные книжки. Дел невпроворот. Конечно, у секретарш есть время читать всякую дрянь,— угрюмо подумал он.— И на работе, и дома — в постели. Их это возбуждает, хотя они прекрасно знают: в жизни все по-другому».

— Любовная история? — проворчал он, отворяя входную дверь.

— Нет. Роман о войне.— На пути к лифту она добавила: — Он пишет то же самое, что говорили мои родители.

— Кто? Абендсен?

— Да. Мол, если бы Джо Зангара промазал, Рузвельт вытащил бы Америку из депрессии и вооружил ее так, что...— Рита умолкла — они подошли к лифту, где в ожидании стояли люди.

Позже, мчась по ночной улице в «мерседес-бенце» Уиндэма-Мэтсона, она снова заговорила о книге.

— Идея Абендсена в том, что Рузвельт был очень сильным президентом, вроде Линкольна. Сюжет книги вымышленный, Абендсен облек свою теорию в форму романа. Рузвельт не гибнет в Майами, а живет себе дальше. В тридцать шестом его переизбирают на второй срок, и вплоть до сорокового — до начала войны — он все еще президент. Догадываешься, что потом происходит? Когда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу, он у власти. При нем Америка становится сильной державой. Гарнер, вообще-то, был никудышным президентом. Наделал уйму ошибок. А так в сороковом вместо демократа Брикера избрали бы...

— Это по мнению Абендсена.— Уиндэм-Мэтсон холодно взглянул на нее. «Боже,— подумал он,— прочтут какую-то книжонку и разглагольствуют, словно...»

— Так вот, вместо изоляциониста Брикера в сороковом президентом становится Рэксфорд Тагуэлл.— Ее гладкая кожа блестела в свете уличных фонарей, глаза сияли. Рита возбужденно жестикулировала.— Он оказался активным приверженцем антифашистской политики Рузвельта. Поэтому в сорок первом Германия побоялась прийти на помощь Японии. Не выполнила условий договора. Соображаешь? — Она повернулась к Уиндэму-Мэтсону и вцепилась в его плечо.— И в результате Германия и Япония проиграли войну!

Он засмеялся.

Женщина не сводила с него глаз, словно пыталась отыскать что-то в его лице. Он только не мог понять что, к тому же надо было следить за дорогой.

— Это не смешно,— холодно произнесла Рита.— Такое вполне могло случиться. Штаты вздули бы япошек, а...

— Как? — заинтересовался Уиндэм-Мэтсон.

— Как раз об этом и он пишет.— Она помолчала секунду и добавила: — В форме романа. В книге много художественных отступлений, для занимательности. Его герои — двое влюбленных, как раз то, что нужно читателю. Парень служит в американской армии, а девушка... Впрочем, не важно. Так вот, президент Тагуэлл далеко не дурак и прекрасно понимает, что затеяли японцы.— Она заметила выражение его лица и пояснила: — Ничего, об этом можно говорить, в Тихоокеании «Саранча» не запрещена. Я слышала, она очень популярна среди япошек, даже на Родных островах. О ней много говорят.

— Слушай, а как насчет Пирл-Харбора? — спросил Уиндэм-Мэтсон.

— Президент Тагуэлл заранее увел все корабли в море, и флот США не погиб.

— Ясно.

— Так что Пирл-Харбора, можно сказать, не было. Японцы напали, но смогли потопить лишь несколько небольших кораблей.

— Как, ты говоришь, он назвал книгу? «Саранча»?..

— «Из дыма вышла саранча». Это из Библии.

— Значит, япошки проиграли, потому что не было Пирл-Харбора? Нет, дорогая, Япония победила бы в любом случае.

— В романе флот США не дает им захватить Филиппины и Австралию.

— Так то в книге. А на деле их флот был не чета нашему. Я хорошо знаю япошек, они бы из кожи вон вылезли, но завла-

дели бы Тихим океаном. А Штаты после Первой мировой переживали кризис. В той войне пострадали все страны, морально и материально.

Женщина упрямо возразила:

— Если бы немцы не захватили Мальту, Черчилль остался бы у власти и привел Англию к победе.

— Да неужели?

— В конце концов он бы разгромил Роммеля в Северной Африке.

Уиндэм-Мэтсон захохотал.

— А победив Роммеля, англичане могли двинуться через Турцию на соединение с остатками русских армий. В книге они останавливают рвущихся в глубь России немцев у одного города на Волге. Этот город никому не известен, но он существует, я нашла его в старом атласе.

— Как он называется?

— Сталинград. Там британцы добились перелома в войне. А Роммелю так и не удалось пробиться к отступающим армиям восточного фронта, которыми командовал фон Паулюс. Помнишь его? И немцы не сумели прорваться ни на Ближний Восток — к нефти, ни в Индию — на соединение с японцами. И...

— Чепуха! Ни один военачальник не смог бы победить Эрвина Роммеля,— возразил Уиндэм-Мэтсон.— И не могло быть событий, пригрезившихся этому Абендсену. Как бы ни защищали англичане русский город с геройским названием Сталинград, большего, чем недолгой отсрочки своей гибели, они бы не добились. Да будет тебе известно, я встречался с генералом Роммелем. В сорок восьмом, будучи по делам в Нью-Йорке. (На самом деле он лишь издали видел военного коменданта США на приеме в Белом Доме.) Какой человек! Какое достоинство, какая стать! В общем, я знаю, о чем говорю.

— Да, ужасно было, когда на место Роммеля назначили это чудовище Ламмерса. До него не было ни казней, ни лагерей.

— При Роммеле тоже были лагеря.

— Но...— женщина запнулась.— Неофициально. Возможно, головорезы из СС и творили мерзости, но... Роммель был не такой, как другие. Он походил на старых пруссаков — суровый...

— Хочешь знать, кому США обязаны своим возрождением? — спросил Уиндэм-Мэтсон.— Кто не пожалел труда для воссоздания американской экономики? Альберт Шпеер. Не Роммель и не Организация Тодта. Шпеер оказался самым по-

лезным из тех, кого Партай* послала в Северную Америку. При нем снова заработали заводы, корпорации — вся промышленность, и неплохо заработали. Хотел бы я, чтобы и у нас было то же самое. А то какую отрасль ни возьми, везде конкурируют не меньше пяти компаний, неся ужасающие убытки. Ничего глупее, чем соперничество в экономике, не придумаешь.

— Моя подруга жила в трудовых лагерях и рабочих поселках, что построили на востоке,— сказала Рита.— Я бы там не выдержала. Представляешь, там проверяют почту. Она ни о чем не могла рассказать мне, пока не вернулась сюда. Их будили в шесть тридцать оркестром.

— Ничего, привыкла бы. Тебе бы обеспечили чистое жилье, сносное питание, медицинское обслуживание и условия для отдыха. Что еще нужно? Птичье молоко?..

Большой немецкий лимузин медленно вез их по окутанному ночным туманом Сан-Франциско.

Тагоми сидел на полу в позе Будды и дул в пиалу с китайским чаем, с улыбкой поглядывая на Бэйнса.

— А вы здесь неплохо устроились,— нарушил молчание Бэйнс.— И вообще, на Тихоокеанском побережье довольно спокойно. Совсем не так, как... там.— Он не стал уточнять.

— «Божественное говорит с благородным человеком под знаком пробуждения».

— Простите?

— Это Оракул. Один из его афоризмов.

«Витают в облаках — вот чем они тут занимаются»,— мысленно улыбнулся Бэйнс.

— Мы непостижимы для европейца, поскольку живем по книге, которой пять тысяч лет. Задаем ей вопросы так, будто она живая. А она действительно живая, как Библия христиан. На свете много живых книг. Это не метафора: книга обладает душой. Вы понимаете? — Тагоми внимательно следил за лицом Бэйнса.

Тщательно подбирая слова, Бэйнс ответил:

— Знаете, я не очень хорошо разбираюсь в религиях. Это не моя стезя. Мне хотелось бы поговорить о том, в чем я более сведущ.

---

* Партия *(нем.)*. Здесь — германская национал-социалистическая рабочая партия, НСДРП.

Действительно, он почти не понимал Тагоми. «Должно быть, я устал,— решил Бэйнс.— С той минуты, как я здесь оказался, все как будто приобрело карликовые размеры. Все кажется мелким, незначительным... нелепым, что ли. При чем тут книга, которой пять тысяч лет, при чем тут часы "Микки-Маус", при чем тут Тагоми с хрупкой пиалкой в руке... и огромная, уродливая голова бизона, злобно глядящая на меня со стены?»

— Чья это голова? — спросил он вдруг.

— Одного из зверей, за счет которых в былые времена жили аборигены,— ответил Тагоми.

— Ясно.

— Показать вам, как надо охотиться на бизонов? — Тагоми поставил пиалку на столик и встал. Дома по вечерам он носил шелковое кимоно, шлепанцы и белый шарф.— Вот я на железном коне.— Широко расставив ноги, он принял низкую стойку.— На коленях — верный винчестер образца тысяча восемьсот шестьдесят шестого года из моей коллекции.— Он вопросительно посмотрел на Бэйнса.— Вы, наверное, устали с дороги, сэр?

— Боюсь, что да,— ответил Бэйнс.— Слишком много впечатлений. Да и дела висят тяжким грузом... — «И кое-что еще,— добавил он мысленно. У него раскалывалась голова.— Интересно, можно ли здесь раздобыть обезболивающие таблетки фирмы "ИГ Фарбениндустри"?» Он привык к ним с тех пор, как стал страдать хроническим фронтитом.

— Все мы должны во что-то верить,— сказал Тагоми.— Нам не дано заглянуть в будущее. Мы не знаем ответов.

Бэйнс кивнул.

— Моя жена найдет какое-нибудь лекарство от головной боли,— пообещал Тагоми, видя, что гость снял очки и трет затылок.— Это у вас от напряжения глазных мускулов. Извините.— Он поклонился и вышел из комнаты.

«Что действительно нужно, так это выспаться,— подумал Бэйнс.— Всего-навсего провести ночь в постели. А может, мне просто не по плечу дело, за которое я взялся? Инстинктивно хочется спрятать голову в песок».

Когда Тагоми вернулся с таблеткой и стаканом воды, Бэйнс произнес:

— Видимо, мне действительно придется пожелать вам спокойной ночи и отправиться в гостиницу. Если не возражаете, мы могли бы встретиться завтра. Кстати, я хотел кое-что уточ-

нить, Вам не говорили о третьем лице, которое примет участие в наших беседах?

Мелькнувшее в глазах Тагоми удивление тут же сменилось напускной беззаботностью.

— Мне об этом ничего не известно. Было бы интересно узнать.

— Это человек с Родных островов.

— Вот как? — На сей раз Тагоми не выдал удивления. Он вполне владел собой.

— Это пожилой бизнесмен, отошедший от дел,— пояснил Бэйнс.— Путешествует морем и уже две недели в пути. У него предубеждение к полетам.

— Видимо, чудаковат,— заметил Тагоми.

— Он по-прежнему в курсе всего, что касается экономики Родных островов, и может предоставить нам необходимую информацию. Наверное, мы могли бы обойтись и без его услуг, но при его участии наша беседа окажется более плодотворной.

— Да,— кивнул Тагоми,— скорее всего, его помощь будет не лишней. Я два года не был на Родных островах и плохо представляю, как обстоят дела с рынком сбыта.

— Вы хотели дать мне таблетку?

Опешив, Тагоми опустил глаза и увидел, что таблетка и стакан все еще у него в руках.

— Простите. Это очень сильнодействующее средство, заракаин. Его выпускает фармацевтическая фирма в Китайском регионе.— Протягивая Бэйнсу таблетку, он добавил: — Не вызывает привыкания.

— Возможно, этот пожилой господин напрямую свяжется с вашим Торгпредством. Чтобы ему не отказали в приеме, я, на всякий случай, напишу его имя. Мне не приходилось с ним встречаться, но, по моим сведениям, он глуховат и эксцентричен. Я бы хотел быть уверен, что с ним обойдутся вежливо.— Казалось, Тагоми понял, что Бэйнс имеет в виду.— Он любит рододендроны и будет просто счастлив, если кто-нибудь из ваших людей в течение получаса, пока мы готовимся к беседе, поговорит с ним о рододендронах.

Бэйнс проглотил таблетку, запил водой и вытащил авторучку и блокнот.

— Мистер Синьиро Ятабе,— прочитал Тагоми и бережно положил записку в бумажник.

— И еще одно.

Мистер Тагоми замер с пиалой у рта.

— Деликатный нюанс. Видите ли, этот джентльмен... несколько стеснен в средствах. Ему под восемьдесят. В конце карьеры некоторые из затеянных им предприятий оказались не слишком удачными. Вы понимаете?

— То есть теперь он не богат,— сказал Тагоми,— вероятно, даже живет на пенсию.

— Именно. И пенсия плачевно мала. Поэтому ему приходится немного... подрабатывать.

— Нарушая некоторые мелочные постановления,— подхватил Тагоми.— Ох уж это мне Родное правительство и его чиновники-бюрократы. Я понял вас. Пожилой джентльмен получает за консультации гонорар и не отчитывается перед Департаментом пенсий. А для этого нужно, чтобы мы никого не ставили в известность о цели его визита. Пусть считают, что он приехал сюда отдыхать.

— Вы искушены в житейских делах,— улыбнулся Бэйнс.

— Я сталкивался с подобной ситуацией. К сожалению, наше общество не решило проблему стариков. А их число растет по мере совершенствования медицины. У китайцев мы научились чтить и ценить старость. В этом отношении немцы вызывают у нас... Я слышал, они уничтожают стариков.

— Немцы...— промямлил Бэйнс и снова потер лоб.

— Вы родом из Скандинавии и, несомненно, часто бываете в Festung Europa. Даже сюда прилетели из Темпельхофа. Там к ним такое же отношение? Что вы, нейтрал, об этом думаете?

— Простите, я не понял,— пробормотал Бэйнс.— Какое отношение? К кому?

— К старым, больным, слабым, умственно неполноценным и так далее. «Какой прок от новорожденного?» — спросил когда-то известный англосаксонский философ. Я запомнил этот вопрос и многократно задумывался над ним. В общем-то, никакого прока, сэр.

Бэйнс что-то невнятно пробормотал. Очевидно, это было проявлением уклончивой вежливости.

— Человек не должен служить орудием для удовлетворения нужд ближнего,— сказал японец.— Разве не так? — Он наклонился к мистеру Бэйнсу.— А какова точка зрения нейтрала?

— Не знаю,— сказал мистер Бэйнс.

— Во время войны я занимал незначительный пост в Китайском регионе,— сообщил мистер Тагоми.— Там, в Ханькоу, находилось поселение евреев, интернированных Имперским правительством. Они жили на средства организации «Джойнт».

Нацистский консул в Шанхае потребовал, чтобы мы их уничтожили. Помню ответ моего начальника: «Это противоречит нашим представлениям о человечности». Требование посла было отвергнуто как варварское. На меня это произвело впечатление.

— Понимаю,— пробормотал Бэйнс. «Прощупывает»,— подумал он и насторожился. Ему стало легче, голова уже не болела, мысли перестали путаться.

— Нацисты всегда считали евреев небелыми, азиатами. Но никто из высокопоставленных японцев, даже членов Военного Кабинета, не разделял этого мнения. Я никогда не беседовал на эту тему с гражданами Рейха, с которыми мне доводилось...

— Простите, но я не немец,— перебил его мистер Бэйнс,— и вряд ли могу говорить за них.— Он встал и направился к выходу. Задержавшись в дверях, произнес: — Завтра мы продолжим нашу беседу. А сейчас прошу меня простить. Что-то голова плохо соображает.— На самом деле голова соображала прекрасно. «Надо убираться отсюда,— решил он.— Этот человек слишком круто за меня взялся. Наверное, мои донкихотские разглагольствования в ракете Люфтганзы каким-то путем дошли до японцев. Зря я разболтался с этим, как его... Лотце. Зря. Но сейчас поздно жалеть.

Напрасно я ввязался в это дело. Не подхожу я для него. Совсем не подхожу».

Затем его мысли приняли иное направление.

«Швед вполне мог разговаривать с Лотце в таком духе. Все в порядке. Я не допустил промашки. Пожалуй, я излишне осторожничаю. Не могу избавиться от привычек, выработанных на прошлом задании. Здесь о многом можно говорить открыто. К этому еще надо привыкнуть».

Но этому противилось все его естество. Кровь в венах, кости, мышцы. «Открой рот,— твердил он себе.— Скажи что-нибудь. Любой пустяк. Выскажи свое мнение. Не молчи, если не хочешь уйти ни с чем...»

— Возможно, ими движет некий подсознательный архетип, если вспомнить Юнга.

Тагоми кивнул.

— Понимаю, я читал Юнга.

Они пожали друг другу руки.

— Простите мою назойливость,— произнес Тагоми, спеша распахнуть перед Бэйнсом двери.— За философскими рассуждениями я забыл правила гостеприимства. Прошу.— Он крикнул что-то по-японски, и отворилась парадная дверь. Появился молодой японец, отвесил легкий поклон и взглянул на Бэйнса.

«Мой водитель»,— догадался тот.

— Завтра утром я вам позвоню,— сказал Бэйнс.— Спокойной ночи, сэр.

Молодой японец улыбнулся, шагнул вперед и что-то проговорил.

— Что? — переспросил Бэйнс, снимая с вешалки пальто.

— Он обратился к вам по-шведски, сэр,— пояснил Тагоми.— Он изучал историю Тридцатилетней войны в Токийском университете и восхищен вашим героем Густавом Адольфом.— Тагоми улыбнулся.— Но, судя по всему, его попытки одолеть столь сложный язык оказались безуспешными. Очевидно, он пользовался грампластинками. Он ведь студент, а среди студентов, благодаря дешевизне, грампластинки весьма популярны.

Похоже, молодой японец не понимал по-английски. Он с улыбкой поклонился.

— Понятно,— пробормотал Бэйнс.— Ну что ж, желаю ему удачи.

«Боже мой! — подумал он.— Никаких сомнений — этот япошка всю дорогу будет приставать ко мне с вопросами на шведском». Бэйнс с трудом понимал этот язык, и то лишь когда слова произносились правильно и внятно. А тут — японец, кое-как изучивший шведский по грампластинкам!

«Ничего у нас с ним не получится,— подумал Бэйнс.— Но он от меня не отстанет, пока не довезет до гостиницы — ведь ему, быть может, никогда в жизни не доведется встретить другого шведа.— Бэйнс мысленно застонал.— Какие муки нас ждут!»

Глава 6

Ранним утром, радуясь нежарким солнечным лучам, Джулиана Фринк ходила по бакалейным лавкам. Она не спеша брела по тротуару с двумя коричневыми бумажными сумками в руках, останавливалась возле каждого магазина поглазеть на витрину. Спешить было некуда.

«Может, купить что-нибудь в аптеке?» — подумала она и, помедлив, шагнула через порог. До полудня, когда начнутся занятия дзюдо, оставалась уйма времени. Усевшись на стул возле прилавка и поставив на пол сумки, она придвинула к себе пачку журналов.

Листая свежий «Лайф», она наткнулась на статью «Телевидение в Европе: взгляд в будущее». На той же странице — фотография. Немецкая семья в гостиной у телевизора. «Берлин-

ские передачи идут уже по четыре часа в день,— говорилось в статье.— Когда-нибудь телестанции появятся во всех крупных городах Европы, а нью-йоркская начнет действовать в семидесятом году».

Другая фотография посвящалась инженерам-электронщикам Рейха, которые помогали американским строителям нью-йоркской телестанции. Отличить немцев было проще простого: ухоженные, уверенные в себе, энергичные. Американцы были ничем не примечательны — люди как люди.

Один из немцев стоял с вытянутой рукой, а американцы, напряженно всматриваясь, пытались понять, на что он указывает. «Да и зрение у них лучше, чем у нас,— подумала Джулиана.— Еще бы, двадцать лет отменного питания! Говорят, они видят то, чего никто из нас не разглядит. Это из-за витамина А, наверное.

Интересно, каково это — сидеть у себя в гостиной и видеть на маленьком голубом экране целый мир? Если немцы так богаты, что летают на Марс, почему они не возьмутся всерьез за телевидение? Я бы предпочла прогулкам по Марсу комические постановки. Ужасно хочется увидеть Боба Хоупа и Дюрана.

А впрочем, зачем немцам телевидение, если у них нет чувства юмора? К тому же они погубили почти всех выдающихся комиков. Потому что почти все комики были евреями. В сущности, они ликвидировали индустрию развлечений. Странно, как это Хоупу сходят с рук его шутки? Впрочем, он выступает по канадскому радио, а в Канаде немного посвободней. Но все-таки он смельчак. Взять хотя бы его шутку о Геринге — ту, где Геринг покупает Рим, перевозит его к своему логову в горах, отстраивает заново и возрождает раннее христианство, чтобы его любимым львам было чем заняться».

— Хотите купить журнал, мисс? — подозрительно спросил маленький сморщенный старикашка, хозяин аптеки.

Она с виноватым видом отложила «Ридерз дайджест», который начала было просматривать.

И снова, погруженная в раздумья, Джулиана брела по улице. «Вероятно, после смерти Бормана новым фюрером будет Геринг. Он бы давно возглавил Рейх, если бы не сидел у себя в горах, когда Гитлеру взбрело в голову удалиться на покой. В тот день под рукой у Гитлера оказался проныра Борман. Геринг должен стать фюрером хотя бы потому, что его Люфтваффе разбомбили радарные станции англичан, а потом разделались

с королевскими ВВС. Не сумей он настоять на своем, Гитлер, скорее всего, приказал бы бомбить Лондон, как Роттердам.

Но не исключено, что фюрером станет Геббельс,— так все говорят. Лишь бы не страшилище Гейдрих. Он всех нас угробит. Настоящий мясник. Кто мне нравится, так это Бальдур фон Ширах. Из них он один не выглядит психом. Но у него нет никаких шансов».

Она поднялась на крыльцо своего старого деревянного дома. Джо Чиннаделла по-прежнему лежал на животе, свесив руки с кровати. Он спал.

«Почему он еще здесь? Его грузовик ушел. Неужели он опоздал? Похоже».

Джулиана прошла на кухню и поставила сумки на стол, где с вечера оставалась грязная посуда.

«А случайно ли он опоздал? Хотелось бы мне знать... Какой необыкновенный мужчина!»

Он был неутомим, почти всю ночь не давал ей покоя. Но при этом будто не сознавал, что лежит в постели с женщиной. Сжимал ее в объятиях, а мыслями был где-то далеко.

«А может, он просто часто этим занимается? — предположила Джулиана.— Сила привычки: тело работает само, как мои руки, складывающие тарелки в мойку. Извлеки из его черепа три четверти мозга — все равно будет двигаться, как лягушачья лапка на уроке биологии...»

— Эй! — крикнула она.— Пора вставать!

Джо пошевелился и захрапел.

— Слушал вчера Боба Хоупа? — громко спросила Джулиана.— Я чуть со смеху не померла, когда он рассказывал о немецком майоре, устроившем марсианам допрос. Дело в том, что у марсиан не оказалось документов об арийском происхождении. Поэтому майор рапортует в Берлин, что Марс населен евреями...— она вошла в спальню,— ...двухголовыми, ростом один фут... ну, знаешь, как это умеет подать Боб Хоуп.

Джо открыл глаза и уставился на нее, не мигая. Черный от щетины подбородок, темные, полные муки глаза... Джулиана умолкла.

— Что с тобой? — спросила она, помолчав.— Чего ты боишься? — И тут же подумала: «Нет, я знаю, что значит бояться, видела, как боится Фрэнк. Здесь что-то другое».

— Уехал старый плут,— буркнул Джо, усаживаясь.

— И что ты собираешься делать? — Вытирая руки кухонным полотенцем, она опустилась на край кровати.

— Перехвачу на обратном пути. Он никому не расскажет. Я тоже кое-что знаю о его проделках.

— Думаешь, обратно он поедет этой же дорогой?

— Он всегда возвращается по Пятидесятой, и никогда — по Сороковой. На Сороковой он однажды угодил в аварию — врезался в табун лошадей, переходивших шоссе. Это было в Скалистых горах.— Джо сгреб в охапку одежду со стула и начал одеваться.

— Сколько тебе лет, Джо? — спросила Джулиана, разглядывая его смуглое тело.

— Тридцать четыре.

«Значит, ты был на войне». Но Джулиана не замечала у него физических дефектов — мускулистое стройное туловище, длинные ноги. Под ее внимательным взглядом Джо нахмурился и отвернулся.

— Что, нельзя посмотреть? — обиженно спросила она. «Странно, вместе провели ночь, и вдруг — такая стеснительность».— Мы что, клопы? Не можем быть на свету и должны прятаться по щелям?

Он что-то пробурчал и, как был, в трусах, двинулся к ванной, потирая небритые щеки.

«Это мой дом,— подумала Джулиана.— Я позволила тебе остаться, а ты не разрешаешь даже смотреть на тебя. В таком случае, зачем тебе понадобилось оставаться?» Она прошла вслед за ним в ванную. Джо наполнял раковину горячей водой.

На его плече Джулиана увидела татуировку — синюю букву К.

— Что это? — спросила она.— Имя твоей жены? Конни? Карина?

Джо буркнул:

— Каир.

«Какое экзотическое имя,— подумала она и вдруг почувствовала, что краснеет.— Я просто дура!»

Итальянец, тридцати четырех лет, из нацистской части континента... Ну, конечно, он был на войне, сражался на стороне Оси. Воевал в Каире, а татуировка — символ кампании, знак совместной победы над британо-австралийской армией генерала Готта. Выходит, Джо служил в африканском корпусе Роммеля.

Выйдя из ванной, Джулиана прошла в спальню — заправить кровать. Руки не слушались.

На стуле аккуратной стопкой лежали пожитки Джо: одежда, маленький саквояж, кое-какие мелочи. Ей бросилась в глаза коробочка наподобие футляра для очков.

«Ты и в самом деле сражался под Каиром,— подумала Джулиана, открыв коробочку и увидев Железный Крест второй степени с выгравированной надписью: "Каир" и датой: 10 июня 1945.— Такую награду получили не все, а только самые доблестные. Интересно, что ты там натворил... Тебе ведь было тогда лет семнадцать...»

Когда Джулиана извлекла орден из бархатного футляра, в дверях показался Джо. Она даже подскочила, заметив его. Но он не рассердился.

— Я только посмотрела,— виновато произнесла Джулиана.— Никогда не видела такой награды. Тебе ее сам Роммель вручил?

— Генерал Байерляйн. Роммеля к тому времени послали в Англию добивать британцев.— Он говорил спокойно, но машинально водил скрюченными пальцами от лба к затылку, будто расчесывал волосы. Это было похоже на хронический нервный тик.

— А ты мне расскажешь про Каир? — спросила Джулиана, когда Джо вернулся в ванную.

За бритьем и после, моясь под душем, Джо скупо рассказал ей о войне. Но его история была не из тех, которые любила слушать Джулиана.

Когда двое его старших братьев отправились в Эфиопию, он, тринадцатилетний мальчишка, вступил в Милане в молодежную фашистскую организацию. Позже братьев зачислили в знаменитую артиллерийскую батарею майора Рикардо Парди, а вскоре после начала Второй мировой к ним присоединился и Джо. Они дрались под командованием фельдмаршала Грациани. Техника, особенно танки, у них была хуже не придумаешь. Британцы расстреливали их как кроликов, даже старших офицеров. В бой танки ходили с мешками песка на башне — иначе люки распахивались от тряски. Солдатам майора Парди приходилось собирать неразорвавшиеся снаряды, чистить их и снова пускать в дело. Однако в сорок третьем батарея остановила отчаянное танковое наступление генерала Уовелла.

— А твои братья живы? — спросила Джулиана.

Его братьев в сорок четвертом задушили проволокой британские коммандос из «Лонг рэндж дезерт груп»*, которые устраивали диверсии в тылах Оси. В конце войны, когда стало ясно, что союзники проиграют, они дошли до последней степени фанатизма.

---

* Диверсионно-десантное подразделение британских ВС, предназначавшееся для действий в пустынях.

— А как ты сейчас относишься к британцам? — перебила его Джулиана.

— Хо́тел бы я увидеть, как англичанам воздают сполна за Африку,— хладнокровно ответил Джо.

— Но ведь... прошло восемнадцать лет,— сказала Джулиана — Я знаю, британцы много всяких ужасов натворили, но...

— Все говорят о зверствах нацистов над евреями,— проворчал Джо,— но англичане были хуже зверей. Взять хотя бы битву за Лондон.— Помолчав, добавил: — Видела бы ты их огнеметы... видела бы, как горят фосфор и нефть, как вспыхивают лодка за лодкой... Мне попадались обугленные трупы немцев-десантников... А трубы под водой, зажигающие, казалось, само море! А массированные налеты бомбардировщиков на беззащитные города, благодаря которым Черчилль надеялся добиться перелома в конце войны... А то, что осталось от Гамбурга, Эссена...

— Давай не будем об этом,— перебила его Джулиана из кухни, где жарила ветчину. Она включила маленький пластмассовый приемник фирмы «Эмерсон», подаренный ей на день рождения Фрэнком.— Сейчас приготовлю что-нибудь поесть.— Она покрутила ручку, пытаясь найти легкую музыку.

— Взгляни-ка,— сказал Джо из спальни. Он сидел на кровати, рядом стоял раскрытый саквояж. Ухмыляясь, он достал старую, потрепанную книгу, видимо, побывавшую во многих руках.— Иди сюда. Знаешь, что пишет один человек? Вот тут.— Он ткнул пальцем в книгу.— Это довольно забавно.— Он схватил ее за руку и заставил сесть рядом.— Хочу тебе почитать. Предположим, они бы победили. Как бы это выглядело? Незачем ломать голову, этот парень обо всем за нас подумал.— Джо раскрыл книгу и стал медленно переворачивать страницы.— Вся Европа под контролем Британской империи. И все Средиземноморье. Италии нет и в помине, Германии тоже. До самой Волги — только бобби, смешные солдатики в высоких меховых шапках, и власть короля.

— По-твоему, это было бы плохо? — тихо спросила Джулиана.

— А ты читала эту книгу?

— Нет.— Джулиана наклонилась, чтобы рассмотреть обложку.— Но слышала. Ее читали очень многие. Мы с Фрэнком... с моим бывшим мужем, часто размышляли о том, что было бы, если бы союзники победили в войне.

Джо как будто не слышал ее. Он смотрел в книгу.

— А знаешь, почему побеждает Англия? Как ей удается одолеть Ось?

Джулиана отрицательно покачала головой, чувствуя, как в душе сидящего рядом человека закипает злость. У него задрожал подбородок. Джо часто облизывал губы, запускал пятерню в волосы... и вдруг хрипло произнес:

— У него Италия предает Ось.

— Ого! — воскликнула Джулиана.

— Италия переходит на сторону союзников. В результате перед англосаксами открыто, как он пишет, «мягкое подбрюшье Европы». Впрочем, неудивительно, что он так считает. Всем известна трусость итальянских солдат — едва завидев британцев, они давали деру. Горькие пьяницы, разгильдяи. Драться не любят и не умеют. Этого парня...— Джо закрыл книгу, взглянул на обложку,— ...Абендсена, я не виню. Он писал то, что подсказывало воображение, выдумывал мир, в котором Ось — проигравшая сторона. А как бы еще она могла проиграть, не предай ее Италия? — Голос дрогнул.— Всем известно, каким паяцем был дуче.

— Пойду переверну бекон,— Джулиана поспешила на кухню.

Джо встал и с книгой в руках проследовал за ней.

— После того как наголову разбили япошек, в войну вступают США. Победившие Штаты и Британия делят мир между собой. Точь-в-точь, как поделили его Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия,— поправила Джулиана.

Джо непонимающе уставился на нее.

— Ты пропустил Италию,— сказала Джулиана, спокойно встретив его взгляд. «Выходит, ты тоже забыл? — мысленно произнесла она.— Как и все остальные? Забыл маленькую империю на Ближнем Востоке... Опереточный Новый Рим».

Она поставила перед ним поднос с беконом, яйцами, гренками, мармеладом и кофе. Он жевал, не отрываясь от чтения. Джулиана села рядом.

— Чем тебя кормили в Северной Африке? — спросила она.

— Тухлой ослятиной,— кратко ответил Джо.

— Ужас!

Его губы растянулись в улыбке.

— «Азино Морте». Говяжья тушенка с этикеткой «АМ» на банке. Немцы называли ее «Alter Mann» — «старикашка».— Он вернулся к еде.

«Надо бы почитать.— Джулиана протянула руку к книге.— Долго ли он у меня проживет?» Книга была в сальных пятнах, со следами грязных пальцев, в ней недоставало страниц. «Ее брали в дальние рейсы шоферы грузовиков,— подумала она.—

Держу пари, Джо читает очень медленно. А этот роман мусолит уже несколько недель, если не месяцев».

Она раскрыла книгу наугад и прочла:

«...И теперь, в старости, он взирал на царство покоя, о котором издавна мечтали люди, но которое так долго не могли создать. На корабли, ходящие от Крыма к Мадриду, на Империю, во всех уголках которой — одна и та же монета, одна и та же речь, один и тот же флаг — знаменитый Юнион Джек. Сбылись наконец слова гимна: "Правь, Британия, морями..."»

— Я тоже таскаю с собой одну книгу,— сказала Джулиана.— Собственно, это даже не книга, а Оракул, «Ицзин». Меня к нему Фрэнк пристрастил. У Оракула можно испросить совета на все случаи жизни. Я с ним никогда не расстаюсь. Никогда.— Она захлопнула «Саранчу».— Хочешь попробовать?

— Нет,— сказал Джо.

Она оперлась подбородком на ладони и произнесла, исподлобья взглянув на Джо:

— Ты решил насовсем у меня поселиться? А если нет, то на сколько?

«Теперь вся округа будет перемывать мне косточки,— подумала Джулиана.— Поразительно, сколько в тебе ненависти к жизни. Но есть что-то еще. Ты похож на маленькую зверушку, невзрачную, но смышленую.— Изучая его умное, с резкими чертами лицо, она подумала: — С чего это я взяла, будто ты моложе меня? Впрочем, есть с чего. Из тебя еще не выветрилось детство. Ты — малыш, боготворящий своих старших братьев, майора Парди и генерала Роммеля. Спишь и видишь, как бы удрать из дому на войну с томми. Интересно, правда ли, что твоих братьев задушили проволочными удавками? После войны об этих зверствах много писали и снимки печатали...— Она вздрогнула.— Но британские коммандос давным-давно осуждены и наказаны...»

Звучавшая по радио музыка умолкла. Судя по обилию помех, на коротких волнах передавали новости из Европы. Голос диктора то и дело пропадал или становился неразборчивым. Затем вдруг очень четко зазвучал голос денверского комментатора. Джулиана потянулась к ручке настройки, но Джо остановил ее.

— *Сообщение о смерти канцлера Бормана потрясло германский народ, который не далее как вчера уверяли в том...*

Джулиана и Джо вскочили.

— Все радиостанции Рейха прекратили трансляцию радиопрограмм, и в зале торжественно зазвучал Horst Wessel Lieg, партийный гимн, в исполнении подразделения СС «Das Reich». Позже, в Дрездене, на совещании исполняющего обязанности секретаря Партай с руководителями национальной службы безопасности «Sicherheistdienst», пришедшей на смену гестапо...*

Джо увеличил громкость.

— ...о реорганизации правительства по инициативе бывшего рейхсканцлера Гиммлера, Альберта Шпеера и других, а также о двух неделях всеобщего траура. Как сообщают корреспонденты, большинство магазинов и учреждений уже закрыто. Однако до сих пор не поступило сведений об ожидаемом заседании рейхстага, а без одобрения парламентом Третьего Рейха...

— Выберут Гейдриха,— сказал Джо.

— По мне, лучше бы этого белобрысого, долговязого Шираха,— задумчиво произнесла Джулиана.— Господи, наконец-то помер. Как ты думаешь, у Шираха есть шансы?

— Нет,— коротко ответил Джо.

— Теперь может вспыхнуть гражданская война,— предположила Джулиана.— Впрочем, они ведь совсем старые... Геринг, Геббельс и прочие партийные бонзы.

— ...добралась до его альпийского поместья близ Бреннера...

— Это о Жирном Германе,— пояснил Джо.

— ...не только солдата, патриота и доблестного вождя Партай, но и своего друга, которого он никогда не чурался, а, напротив, всячески поддерживал в наступивший вскоре после победы период безвластия, когда элементы, враждебные герру Борману, пытались помешать ему стать во главе...

Джулиана выключила радио.

— Пустая болтовня,— раздраженно сказала она.— Почему эти грязные убийцы говорят теми же словами, что и все мы?

— Они похожи на нас.— Джо снова уселся и принялся за еду.— На их месте мы поступили бы так же. А они, между прочим, спасли мир от коммунизма. Не победи Германия, мы бы сейчас жили под красными. А это куда хуже.

— Ты тоже болтун,— бросила Джулиана.— Как радио. Трепло.

— Я жил под нацистами,— сказал Джо,— и знаю, что это такое. В сорок седьмом я получил в Организации Тодта трудовую книжку и вкалывал на стройках двенадцать... нет, три-

---

* СД *(нем.)*.

надцать... почти пятнадцать лет. В Северной Африке и США. Можешь не верить,— он ткнул в сторону Джулианы вилкой,— но у меня в крови итальянский талант к земляным работам, и в ОТ меня ценили. Не заставляли кидать асфальт и месить бетон для автострад, а допустили к проектным разработкам. Сделали из меня инженера. Однажды проверять работу моей группы явился сам доктор Тодт. Он мне сказал: «У тебя хорошие руки». Это было высшей похвалой в его устах, Джулиана. Знала бы ты, что это такое — гордость труженика. Нет, немцы — не болтуны. До них все, и я в том числе, чурались черной работы. Аристократы! Трудовой Фронт положил этому конец. Я как будто впервые увидел свои руки.— Он так частил, что Джулиана с трудом его понимала.— В развалинах Нью-Йорка мы жили как братья. Строем ходили на работу, распевали песни. Дух войны, только *созидательный*, а не разрушительный. Каждый день как грибы вырастали новенькие, красивые жилые здания, одно за другим, улица за улицей. Как мы отстроили Нью-Йорк и Балтимор — это ж просто загляденье! Сейчас там, конечно, тодтовцев нет. Бал правят картели вроде «Нью-Джерси Крупп и Sohnen*». Их хозяева — не нацисты, а родовитые европейские богачи. Но при них стало куда хуже. Роммель и Тодт просто ангелочки по сравнению с промышленниками вроде Круппа и пруссаками-банкирами. Все эти господа в костюмах-тройках... вот бы кого в газовку!

«Господа в тройках были и будут,— мысленно ответила Джулиана,— а вот твои идолы, Роммель и Тодт, явились к нам после побоища разгребать обломки, прокладывать автострады, восстанавливать промышленность. Даже евреев не трогали, вот уж чего от них никто не ожидал... Объявили евреям амнистию, чтобы не прятались по щелям... А потом наступил сорок девятый... и прощай, Роммель, прощай, Тодт, ступайте пастись на лужок. Разве я не знаю, как живется под нацистами? Разве Фрэнк не рассказывал? Мой муж был евреем. То есть он и есть еврей. Я знаю, доктор Тодт был скромнейшим и честнейшим человеком на свете. Я знаю, единственное, о чем он мечтал — дать надежную, достойную работу несчастным, отчаявшимся американцам, миллионы которых ютились среди руин. Обеспечить медицинским обслуживанием, сносным жильем, условиями для отдыха каждого, к какой бы расе он ни принадлежал.

---

* Сыновья *(нем.)*.

Тодт был инженером, а не идеологом... и сумел добиться многого. Но...»

Смутная мысль, блуждавшая в глубинах сознания, обрела форму.

— Слушай, Джо, а разве на Восточном побережье эта «Саранча» не под запретом?

Он кивнул.

— А почему ты ее читаешь? Разве у вас за нее не расстреливают?

— Все зависит от национальной принадлежности и от старой армейской нарукавной повязки.

Так и было. Меньше всех читать, говорить и слушать разрешалось славянам, мексиканцам, пуэрториканцам. У англосаксов дела обстояли получше: их допускали в библиотеки, музеи и на концерты, их дети учились в общественных школах. Однако... «Саранча» была не просто внесена под гриф, она была запрещена для всех без исключения.

— Я читал ее в сортире,— признался Джо.— Прятал под подушкой. Честно говоря, потому и читал, что нельзя.

— Да ты смельчак,— улыбнулась Джулиана.

— Издеваешься? — с подозрением спросил он.

— Нет.

— Вам здесь легко живется. Никаких проблем, целей, трудов и хлопот. Плывешь себе по течению, словно с довоенных лет ничего не изменилось...— В его глазах застыла насмешка.

— Решил убить себя цинизмом,— перебила его Джулиана.— Ах, бедняжка! Идолов у него отобрали, некому теперь подарить свою любовь! — Она держала вилку острием вперед, и это от него не укрылось. «Ешь,— мысленно приказала она,— или откажись от удовлетворения и физиологических потребностей».

Джо набил рот и, прожевав, сказал:

— Этот Абендсен живет неподалеку отсюда, в Шайенне. Спокойное местечко нашел для раздумий над судьбами мира, верно? Прочти вот здесь. Вслух прочти.

Она взяла книгу и прочитала на обороте обложки:

— «Он — бывший сержант морской пехоты США, участвовал во Второй мировой войне. В Англии был ранен в поединке с фашистским танком "Тигр". Ходят слухи, что его дом набит оружием и превращен в неприступную крепость».— Она закрыла книгу.— Тут не написано, но мне говорили, что он немного свихнулся. Живет высоко в горах, окружил свой дом колючей проволокой под током. До него непросто добраться.

— А может, он прав, что опасается? — предположил Джо.— Шишки из Партай, небось, до потолка прыгали от злости, когда прочли эту книгу.

— Он и раньше так жил, еще до того, как написал «Саранчу». Его дом называется...— она взглянула на обложку,— Высокий Замок. Название он сам придумал.

— Да, немцам его не сцапать,— пробормотал Джо, торопливо жуя,— он всегда начеку. Хитрый, черт.

— А все-таки надо быть не робкого десятка, чтобы написать такое. Не победи Ось, мы бы могли говорить и писать все, что угодно, как до войны. И страна была бы цела, и законы куда справедливей. И одни для всех.

К ее удивлению, Джо согласно кивнул.

— Не пойму я тебя,— сказала Джулиана.— Во что ты веришь? Чего хочешь? Защищаешь этих уродов, которые задались целью перерезать всех несогласных, и тут же...— Она яростно схватила его за уши и потянула вверх. От изумления и боли у него глаза вылезли из орбит.

Тяжело дыша, они молча смотрели друг на друга.

— Дай доесть твою стряпню,— наконец вымолвил Джо.

— Что ты сказал? Не хочешь со мной разговаривать? Понимаешь, о чем я спрашиваю, и жрешь, как ни в чем не бывало?! — Джулиана изо всех сил выкрутила ему уши и отпустила. Они мгновенно побагровели.

— Пустой разговор,— буркнул Джо.— Не о чем спорить. Знаешь, как коричневые рубашки прозвали когда-то болтунов-интеллигентов? Eierkopf, яйцеголовые. Потому что их огромные выпуклые черепа легко раскалывать в уличных заварушках.

— Если ты и обо мне такого мнения, почему бы тебе не убраться отсюда? — разозлилась Джулиана.

У нее мороз пошел по коже от его зловещей гримасы.

«Какая я дура, что пустила его к себе,— горько подумала она.— Теперь поздно. Мне от него не отделаться».

Джулиане казалось, произойдет что-то страшное и это будет связано с ним.

— Ну, в чем дело? — Он приподнял ее подбородок, погладил шею, сунул руку под рубашку и стал с вожделением ласкать плечи.— Это нервы. Груз проблем. Сеанс психоанализа — и мы снимем тяжесть с вашей души.

— И тебя назовут евреем-психоаналитиком.— Она вяло улыбнулась.— Хочешь вылететь в трубу крематория?

— Ты боишься мужчин. Верно?

— Не знаю.

— Это я еще ночью понял. Если бы я не...— он осекся,— не старался угадывать все твои желания...

— Если бы ты не переспал до меня с кучей баб,— перебила его Джулиана.— Вот что ты хотел сказать.

— Я сказал правду. Знай, Джулиана: я никогда тебя не обижу. Даю слово, больше того: клянусь прахом матери. Я буду очень внимателен, позабочусь о тебе, всегда приду на помощь, если что... Забудь свои тревоги. Пусть не каждый раз, но я смогу утешить и приободрить. Тебе пока просто-напросто не везло.

Слегка успокоенная, она кивнула. Но в душе оставались холод и тоска, и Джулиана не понимала, откуда они взялись.

В начале рабочего дня Тагоми улучил минутку, чтобы поразмыслить в одиночестве.

Утром перед уходом на работу он ознакомился с докладом Ито. Молодой студент был уверен, что Бэйнс — не швед. Скорее всего, он немец.

Впрочем, ни в Торгпредстве, ни в токкоке — японской службе безопасности — не питали иллюзий относительно способностей Ито к германским языкам. «Похоже, это все-таки его нелепые домыслы,— подумал Тагоми.— Олух-энтузиаст с романтическими наклонностями. Игра в сыщиков плюс чрезмерная подозрительность».

Но кто бы ни был Бэйнс по национальности, совещание с ним и пожилым господином с Родных островов произойдет в условленное время. И, надо сказать, этот человек пришелся Тагоми по душе. «Возможно, главный талант опытного руководителя в том и заключается, чтобы распознавать хороших людей при первой встрече,— подумал Тагоми.— Чувствовать характер собеседника. Уметь заглядывать в душу. Даже сквозь скрытый чертами лица Инь мне виден мерцающий во тьме свет сердца, свет Ян.

Он мне нравится,— сказал себе Тагоми.— Кем бы он ни был, немцем или шведом. Надеюсь, таблетка помогла. Вот о чем его надо спросить первым делом».

Загудел селектор.

— Меня нет,— буркнул он в микрофон.— У меня минуты медитации. Время постижения внутренней правды.

Из крошечного динамика зазвучал голос Рамсея:

— Сэр, только что поступили новости из пресс-агентства.— Голос Рамсея дрожал.— Умер рейхсканцлер Мартин Борман.

«Наверное, в канцелярии сейчас переполох,— подумал Тагоми. Он вышел из-за стола и принялся расхаживать по кабинету, до хруста сжимая сцепленные пальцы.— Ну что ж, надо немедленно отправить рейхсконсулу соболезнования. Впрочем, это пустяки. Подчиненные и без меня справятся. Глубоко скорбим, вся Япония с немецким народом в этот тяжелый час и т. п. Потом? Ждать. Сосредоточиться и ждать. Чтобы отреагировать сразу, как только придут директивы из Токио».

Нажав кнопку селектора, он сказал:

— Мистер Рамсей, проверьте надежность связи с Токио. Скажите телефонисткам, пусть будут повнимательней. Сейчас самое важное — связь.

— Да, сэр,— ответил Рамсей.

— С этой минуты я не покину кабинета. Все текущие дела отложить. На обычные звонки не отвечать. Мне не нужны лишние заботы.

— Что еще, сэр?

— Возможно, придется действовать, и действовать быстро.

— Да, сэр.

Через четверть часа, в девять, от высшего представителя Имперского правительства на Западном побережье Америки, японского посла в Тихоокеанских Штатах, высокочтимого барона Л. Б. Кэлемакуле пришла телефонограмма. Министерство иностранных дел извещало о срочном заседании в здании посольства. От каждого отдела Торгпредства должен присутствовать кто-нибудь из руководства.

У него не оставалось времени надеть другой костюм. Тагоми поспешил к лифту и вскоре мчался по улице в лимузине Торгпредства — черном «кадиллаке» сорокового года. За рулем сидел опытный водитель-китаец.

Возле здания посольства стояла дюжина автомобилей высокопоставленных особ. Их владельцы — с некоторыми он был знаком — поднимались по широким ступенькам парадной лестницы. Шофер распахнул дверцу, Тагоми быстро вышел из машины, схватил портфель (пустой, поскольку на этот раз от него не требовалось отчетов, но ему не хотелось выглядеть сторонним зрителем) и пошел наверх по ступенькам с таким видом, будто играл в происходящем не последнюю роль. Хотя на самом деле он даже не знал, о чем пойдет речь на совещании.

В вестибюле толпились, вполголоса переговариваясь друг с другом, приглашенные. Мистер Тагоми подошел к группе, в которой приметил знакомых, раскланялся и обменялся с ними многозначительными взглядами.

Появился служащий посольства и пригласил всех в огромный зал заседаний. Там стояли кресла с откидными сиденьями. Чиновники вошли и в молчании расселись, слышались лишь покашливание и скрип кресел.

К столу президиума с пачкой бумаг подошел человек в полосатых брюках — представитель Министерства иностранных дел.

Гул в зале. Сдвинутые друг к другу головы. Перешептывание.

— Господа! — звонким, начальственным голосом начал чиновник МИДа, мгновенно приковав к себе внимание зала.— Как вам известно, мы получили сообщение из Берлина, официально подтверждающее смерть рейхсканцлера. На нашем совещании — оно не затянется, смею вас заверить,— мы проинформируем вас о социально-политическом положении в Рейхе и дадим оценку соперничающим группировкам немецкой верхушки, которые могут вступить в открытую борьбу за власть.

Коротко о вождях. Самый вероятный претендент — Герман Геринг. Если не возражаете, начну с общеизвестных фактов. Жирный Боров, как его прозвали за тучность, отважный летчик-ас Первой мировой войны, в дальнейшем — создатель гестапо. Занимал видный пост в правительстве Восточной Пруссии. Во время становления Партай — один из самых безжалостных лидеров, хотя позднее сибаритские наклонности создали ему ложную репутацию добродушного пьянчуги. Господа, наше правительство настоятельно советует вам не питать подобных иллюзий. По слухам, он нездоров, возможно, даже психически, и этим напоминает римских цезарей, чьи характеры с возрастом окончательно портились. Зловещий портрет Геринга, где он, облаченный в тогу, прогуливается в сопровождении львов по огромному замку, набитому охотничьими трофеями и произведениями искусства, несомненно, соответствует истине. В войну он приказывал вне очереди пропускать в Германию поезда с награбленными сокровищами, оседавшими затем в его поместьях. Наша оценка: этот человек стремится к неограниченной власти, и путь перед ним открыт. Он, как никто другой из нацистской верхушки, потворствует своим слабостям и в этом отношении совсем не похож на Гиммлера, которому в конце жизни вполне хватало скромного жалованья.

Герман Геринг — человек с извращенным умом, для него власть — средство удовлетворения своего ненасытного тщеславия. Это свидетельствует о примитивном, даже вульгарном мировоззрении; тем не менее он далеко не глуп, возможно даже

умнее остальных фашистских лидеров. Его главная цель — сравняться в величии с древними императорами.

Следующий претендент: Йозеф Геббельс. В детстве перенес полиомиелит. Родители католического вероисповедания. Блестящий оратор, писатель, обладает глубоким и проницательным умом. Вежлив, остроумен, с широким кругозором. Весьма активен в отношениях с дамами. Элегантен, высокообразован. Недюжинные организаторские способности. Трудолюбив, отдает предпочтение административной работе. По слухам, никогда не отдыхает. Снискал всеобщее уважение, невероятно вспыльчив. Предположительная идеологическая ориентация — иезуитские взгляды средневековья с примесью германского неоромантического нигилизма. Считается единственным интеллектуалом Партай. Не пользуется любовью подчиненных. В молодости мечтал о лаврах драматурга. В отличие от Геринга стремится не к величию и богатству, а к власти в ее чистом виде — классический образец прусской мании величия.

— Рейнхард Гейдрих.— Чиновник МИДа сделал паузу, окинул взглядом зал.— Значительно моложе большинства ветеранов революции тридцать третьего года. Выдвиженец из элиты СС. Подчинялся непосредственно Гиммлеру, возможно, загадочная смерть постигла Гиммлера в сорок восьмом не без его содействия. Устранил из аппарата полиции своих главных соперников, таких как Эйхман и Шелленберг. По нашим сведениям, в Партай его многие боятся. По окончании войны, после знаменитого столкновения полиции с армией, приведшего к реорганизации аппарата правительства, Гейдриху поручен политический надзор за Вермахтом. Получил превосходное образование еще до того, как СС перешла на так называемую «замковую» систему обучения. В традиционном смысле его психика лишена эмоциональной восприимчивости. Его устремления неясны. Вероятно, развитие общества видится ему некой игрой, точнее, серией игр. Подобная специфическая, псевдонаучная отрешенность встречается в технократических кругах. В идеологических диспутах не участвует. Вывод: его склад ума наилучшим образом соответствует нашей «эпохе прагматизма». Он избавлен от так называемых «неизбежных» иллюзий — таких, как вера в бога, гуманизм и т. п. Определение «реалистический склад ума» все еще остается загадкой для токийских социологов, так что рядом с именем этого человека можно поставить знак вопроса. Тем не менее не следует снимать со счетов низкую эмоциональность, возможно свидетельствующую о патологической шизофрении.

Тагоми начало подташнивать.

— Бальдур фон Ширах. Бывший вожак гитлеровской молодежи. Считается идеалистом. Внешне привлекателен, но о его опыте и компетентности сложилось невысокое мнение. Искренне верит в идеалы НСДРП. В число его заслуг входят осушение средиземноморского бассейна и создание там огромных сельскохозяйственных площадей. В начале пятидесятых добивался смягчения человеконенавистнической политики и отмены расовых экспериментов на славянских землях. Обратился непосредственно к народу Германии с тем, чтобы уцелевшим славянам позволили жить в резервациях Центральной Азии. Призывал к прекращению некоторых форм «убийств милосердия» и медицинских экспериментов над людьми, но безуспешно.

Доктор Зейсс-Инкварт. Из австрийских нацистов, ныне управляет колониями Рейха, отвечает за колониальную политику. Пожалуй, на территории Рейха ни к кому другому не относятся с такой ненавистью. Говорят, он был инициатором большинства, если не всех, репрессивных мер против завоеванных народов. Вместе с Розенбергом добивался утверждения самых чудовищных кампаний, таких как попытка стерилизовать все уцелевшее население России. Считается, хотя тому нет документальных подтверждений, что решение очистить Африку от негритянского населения было принято с его подачи. Темпераментом очень напоминает бывшего фюрера — Адольфа Гитлера.

Докладчик замолчал.

«Кажется, я схожу с ума,— подумал Тагоми.— Надо уйти отсюда. У меня приступ. Тошнит, рвет... я умираю!» Он с трудом поднялся, выбрался в проход и побрел, почти ничего и никого не видя. «В уборную!» Он побежал по проходу.

К нему повернулось несколько голов. «Какой позор! Не мог найти другого времени и места для обморока? Уволят...» Он выскочил в дверь, распахнутую перед ним служащим.

Сразу прошла дурнота. Вернулось зрение. Перестали вращаться стены и пол.

«Всего лишь приступ головокружения. Функциональное расстройство вестибулярного аппарата. Диэнцифалон, промежуточный мозг, доставшийся в наследство от пращуров, дает о себе знать.

Подумать о чем-нибудь успокаивающем. За что ухватиться? За религию? Или за прошлое? *"А сейчас потихоньку начинаем гавот. Отлично, отлично, у вас прекрасно получается. Вы схваты-*

ваете на лету..." — Частица узнаваемого мира. "Г. и С. Гондольерс. Школа европейских бальных танцев".— Он закрыл глаза.— Уходящий мир...»

— Сэр, вам помочь? — спросил служащий посольства.

— Благодарю,— с поклоном ответил Тагоми.— Я пришел в себя.

«Может, все они смеются надо мной? — подумал он.— В глубине души?»

Внимательное, участливое лицо слуги. Ни тени насмешки.

«...Зло — везде. Оно как цемент скрепляет наше общество... Не могу в это поверить. Не могу этого вынести.— Он расхаживал по вестибюлю и слушал гул автомобилей, доносящийся с Саттер-стрит.— Нет, религия не поможет. Что мне делать?» — спросил он себя, направляясь к выходу из посольства. Привратник отворил двери, и мистер Тагоми сошел по ступенькам к стоянке лимузинов.

«Зло незримо. Оно — неотъемлемая часть нашего мира. Оно везде. Изливается на нас, разъедает мозги, тела, сердца и впитывается в асфальт.

Почему?

Мы — слепые кроты. Копошимся в земле, тычемся рыльцами в потемках. Ничего не ведая. Я понимаю это... но не знаю, куда ползти. Остается верещать от страха. И удирать.

Жаль.

Смеются надо мной,— подумал он, идя к машине.— Где мой портфель? Ах да, остался в кресле».

Все смотрели, как он кивает шоферу и неуклюже садится в автомобиль.

«Отвезите меня в больницу»,— хотел сказать он. И — вслух:

— «Ниппон Таймс Билдинг». Помедленней, пожалуйста.

Он смотрел в окно на машины, магазины, ультрасовременные высотные здания. На безликий поток пешеходов.

Добравшись до кабинета, он поручил Рамсею позвонить в один из отделов Торгпредства — «Добычу полиметаллических руд» — и попросить, чтобы по возвращении из посольства заведующий отделом связался с ним.

Ответный звонок раздался около полудня.

— Наверное, вы заметили, что на собрании мне стало дурно,— сказал в трубку Тагоми.— Очевидно, это всем бросилось в глаза. Особенно мое поспешное бегство.

— Я ничего не заметил,— ответил чиновник из «Полиметаллических руд».— Но, не увидев вас после заседания, встревожился, не случилось ли чего.

— Вы очень любезны,— уныло поблагодарил мистер Тагоми.

— Вовсе нет. Я уверен, все были поглощены докладом мидовца и ничего кругом не замечали. Вас, наверное, интересует, о чем говорилось после вашего ухода? Вы успели выслушать первую часть доклада?

— Да, вплоть до Зейсс-Инкварта.

— Затем докладчик подробно осветил экономическую ситуацию в Рейхе. На Родных островах сложилось мнение, что намерение Германии обратить население Европы и Средней Азии в рабов, уничтожив всю интеллигенцию, буржуазию, патриотически настроенную молодежь,— грозит экономической катастрофой. До сих пор немцев спасали только достижения в науке и технике. Образно говоря, чудо-оружие.

— Да,— подтвердил Тагоми. В одной руке он держал трубку, а другой наполнял чашку горячим чаем.— Как спасли их в войну снаряды ФАУ и реактивные истребители.

— Немцы — мастера на подобные штучки,— продолжал чиновник из «Полиметаллических руд».— Но сейчас они опережают нас только в областях атомной энергетики и развлечений — согласитесь, запуск ракет на Венеру и Марс очень напоминает цирк. При всех объемах германского импорта, как подчеркнул докладчик, снаряжение подобных экспедиций не дает никакой экономической выгоды.

— Но со стороны выглядит эффектно,— заметил Тагоми.

— У докладчика мрачные прогнозы. По его убеждению, большинство высокопоставленных нацистов боятся смотреть правде в глаза. Тем самым они усугубляют тенденцию к мероприятиям, для которых требуется tour de force* — мероприятиям авантюрным, с непредсказуемыми последствиями. Сначала — приступ маниакального энтузиазма, затем страх и отчаянные призывы Партай. Вывод докладчика: подобная ситуация способствует приходу к власти самых безответственных и безрассудных претендентов. Нам следует готовиться к худшему. Судя по всему, ответственные и здравомыслящие элементы потерпят поражение в начавшейся борьбе.

— А кого он считает худшими? — Тагоми глотнул чая.

— Гейдриха. Доктора Зейсс-Инкварта. Геринга. Такова точка зрения Имперского правительства.

— А приемлемыми?

— Бальдура фон Шираха и доктора Геббельса. Но на этот счет он был очень краток.

---

* Большое усилие, напряжение *(фр.)*.

— Что он еще говорил?

— Сказал, что сейчас мы больше, чем когда-либо, должны сплотиться вокруг императора и Кабинета.

— А потом, видимо, была минута молчания в знак соболезнования?

— Да.

Тагоми поблагодарил собеседника и повесил трубку. Но звук селектора не дал ему спокойно допить чай.

— Сэр, вы хотели выразить соболезнования германскому консулу,— напомнила Эфрикян. И добавила после паузы: — Мне зайти с диктофоном?

«А ведь верно,— подумал Тагоми.— Совсем из головы вылетело».

— Да, зайдите.

Она вошла и спросила с улыбкой:

— Вам лучше, сэр?

— Да. Благодаря витаминам.— Безуспешно порывшись в памяти, он попросил: — Напомните, пожалуйста, как зовут консула.

— Пожалуйста, сэр. Барон Гуго Рейс.

— Mein Herr,— начал диктовать мистер Тагоми,— известие о безвременной кончине вашего вождя герра Мартина Бормана повергло нас в пучину скорби. Эти слова я пишу со слезами на глазах. Вспоминая доблестные подвиги герра Бормана, не жалевшего усилий для защиты германского народа от внешних и внутренних врагов, вспоминая его жесткую, бескомпромиссную борьбу с малодушными, которые предали тысячелетнюю мечту человечества о космосе, куда устремилась светловолосая, голубоглазая нордическая раса в своей...— Он замолчал. Надо было как-то закончить фразу. Эфрикян ждала с выключенным диктофоном.

— Мы живем в великое время,— задумчиво произнес он.

— Записывать, сэр? — встрепенулась секретарь.— Это текст?

— Нет. Я обращался к вам,— ответил Тагоми.

Она улыбнулась.

— Перемотайте назад,— попросил он.

Зашуршала пленка. Из двухдюймового динамика зазвучал металлический голос: *«... не жалевшего усилий для защиты...»* — казалось, в динамике бьется и пищит насекомое.

— Закончим так,— произнес он, дослушав запись: — ...Решимости возвеличить и принести себя в жертву, и тем самым занять нишу в истории, из которой никто во всей Вселенной не сможет ее вытеснить, я испытываю невыразимую горечь утра-

ты...— Тагоми умолк и задумался.— Мы все — насекомые,— сказал он вдруг.— Слепо бредем к чему-то ужасному или, наоборот, высокому, чистому. Вы согласны? — Он поклонился. Эфрикян, сидевшая с диктофоном в руках, слегка поклонилась в ответ.— Напечатайте и отправьте,— велел он.— С подписью и всем прочим. Если сочтете нужным, внесите поправки.

В дверях секретарь остановилась и с интересом посмотрела на него.

Эфрикян ушла, и Тагоми стал разбирать накопившиеся бумаги. Но почти тотчас из селектора донесся голос Рамсея:

— Сэр, вас просит мистер Бэйнс.

«Это хорошо,— подумал Тагоми.— Теперь можно начинать важный разговор».

— Соедините.— Он взял трубку.

— Мистер Тагоми? — послышался голос Бэйнса.

— Добрый день. Простите, в связи с известием о смерти канцлера Бормана утром я был вынужден...

— Мистер Ятабе еще не дал о себе знать?

— Еще нет,— ответил Тагоми.

— А вы предупредили своих подчиненных? — Похоже, Бэйнс волновался.

— Да. Его немедленно проводят в мой кабинет.— На самом деле Тагоми напрочь забыл об этом и теперь мысленно сделал заметку: проинструктировать Рамсея. «Выходит, без пожилого господина мы не можем начать переговоры?» Тагоми встревожился.— Сэр, мне не терпится начать. Не могли бы вы продемонстрировать изделия вашей фирмы? Хотя у нас такой сумасшедший день...

— Произошли изменения,— сказал мистер Бэйнс.— Необходимо дождаться мистера Ятабе. Вы уверены, что его еще нет? Обещайте, что, как только он появится, меня поставят в известность. Пожалуйста, мистер Тагоми.— У него был напряженный, срывающийся голос.

— Даю слово.— Тагоми тоже разволновался. «Смерть Бормана. Вот в чем причина отсрочки».— А пока,— быстро добавил он,— буду рад, если вы согласитесь позавтракать со мной. Время позднее, но мне еще не удалось поесть.— Он продолжал, импровизируя: — Не касаясь конкретных вопросов, мы могли бы обсудить общую картину...

— Нет,— перебил его Бэйнс.

«Нет?» — мысленно переспросил Тагоми.

— Сэр, я перезвоню позже,— сказал он вслух. И быстро положил трубку. «Обиделся,— подумал он.— Видимо, догадал-

ся, что я забыл предупредить подчиненных о Ятабе. Пустяки, все уладится». И нажал на клавишу селектора.

— Мистер Рамсей, зайдите ко мне, пожалуйста.

«Я сейчас все исправлю. Дело не только во мне,— решил он.— Бэйнс потрясен смертью Бормана. Пустяки... но не совсем. Я таки показал себя безответственным.— Тагоми устыдился.— Неудачный день. Я удаляюсь от Дао, это очевидно. Надо посоветоваться с Оракулом, пусть обрисует нынешнюю ситуацию. Которая из шестидесяти четырех гексаграмм, хотел бы я знать, повергнет меня в уныние? Слишком много накопилось вопросов, чтобы задавать их по отдельности». Выдвинув ящик стола, он выложил оба тома «Ицзина». Когда вошел Рамсей, перед Тагоми уже лежал ответ.

— Взгляните, мистер Рамсей.— Он показал молодому человеку книгу, раскрытую на гексаграмме сорок семь: Кунь — «Истощение».

— Обычно это плохое предзнаменование, сэр.— Рамсей склонился над книгой.— Какой был вопрос, сэр? Если, конечно, не секрет.

— Я выяснил нынешнюю ситуацию,— ответил Тагоми.— Ситуацию для всех нас. Нет черт развития. Статичная гексаграмма.— Он закрыл книгу.

В три часа того же дня Фрэнк Фринк, ожидавший со своим компаньоном ответа Уиндэма-Мэтсона, решил посоветоваться с Оракулом. «Какие события грядут?» — спросил он и подбросил монетки.

Выпала гексаграмма сорок семь. Он получил одну черту развития, «девятку», на пятой позиции.

> «Отрежут нос и ноги.
> Будет трудность от человека в красных наколенниках.
> Но понемногу наступит радость.
> Это благоприятствует вознесению жертв и молений».

Очень долго — почти полчаса — он изучал текст и комментарии, пытаясь понять смысл пророчества. Гексаграмма, особенно черта развития, встревожила его. Наконец он с сожалением пришел к выводу, что денег они с Маккарти не получат.

— Слишком уж ты полагаешься на эту книгу,— заметил Эд.

В четыре часа курьер из «Корпорации У-М» вручил Фрэнку и Маккарти большой конверт, из которого они извлекли чек на две тысячи долларов.

— Выходит, ты был не прав,— решил Маккарти.

Фрэнк задумался. Значит, Оракул указывает на некие будущие последствия их поступка. Это обеспокоило. Когда они скажутся, эти последствия, станет ясно, что Оракул имел в виду. А пока...

— Можно браться за мастерскую,— сказал Маккарти.

— Сегодня? Сейчас? — У Фрэнка сильней забилось сердце.

— Ну да. Заявки на материалы готовы, остается бросить их в почтовый ящик. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Что сможем, раздобудем здесь.— Эд надел пиджак и направился к выходу.

Владелец дома, в котором жил Фрэнк, согласился сдать под мастерскую подвал. Пока подвал служит им кладовой, но скоро они выбросят картонные коробки, соорудят верстак, протянут проводку, ввернут лампочки и установят моторы с приводными ремнями. У них готовы эскизы, разработана технология и составлены списки всего необходимого.

«По сути, мы уже начали»,— подумал Фрэнк. Они с Маккарти даже название сочинили: «Эдфрэнк. Ювелирные изделия на заказ».

— Ну, досок на верстак и кое-чего из оборудования мы, может, сегодня купим,— сказал Фрэнк.— А вот ювелирные инструменты вряд ли.

Они отправились на рынок пиломатериалов на южной окраине Сан-Франциско и через час приобрели доски.

— Что тебя гложет? — спросил Эд Маккарти, когда они входили в магазин скобяных товаров.

— Деньги. Мне не по душе то, как мы их раздобыли.

— Зато старине У-Эму утерли нос,— сказал Маккарти.

«Знаю,— подумал Фрэнк.— Именно это мне и не нравится. Мы действуем его методами».

— Сделав выбор, не оглядывайся,— назидательно произнес Маккарти.— Смотри вперед. Думай о деле.

«А я и гляжу вперед,— подумал Фрэнк. Он размышлял о пророчестве.— Интересно, какие от меня требуются жертвы и моления? И кому?»

Глава 7

В конце недели Роберту Чилдэну позвонил Казоура и пригласил его на обед. Чилдэн пришел в восторг — все эти дни он с нетерпением ждал, когда молодая супружеская чета даст о себе знать.

Он раньше обычного запер дверь «Художественных промыслов Америки», взял велотакси и направился в фешенебельный район, где жили Казоура. В этом районе обитали только японцы, однако Чилдэн ориентировался здесь неплохо. Проезжая по петляющим улицам с ухоженными газонами и склонившимися над ними ивами, он восхищался шикарными ультрасовременными многоэтажками, балконами с перилами из кованого железа, высокими оригинальными колоннами, пастельными тонами, новыми строительными материалами... Короче говоря, что ни дом, то произведение искусства. А ведь совсем недавно здесь были развалины.

Игравшие на улицах в футбол или бейсбол японские дети провожали Чилдэна равнодушными взглядами и тут же забывали о нем. Зато взрослые, хорошо одетые бизнесмены, которые в этот час возвращались с работы, смотрели на него с интересом. Наверное, удивлялись: неужели он здесь живет?

Чем ближе Чилдэн подъезжал к дому Казоура, тем сильнее нервничал.

«Вот я и приехал. И приглашен, между прочим, не по делам, а на обед»,— отметил он, поднимаясь по лестнице. Прежде чем отправиться в гости, Чилдэн изрядно намучился, выбирая костюм, зато теперь он был уверен, что выглядит безукоризненно.

«Безукоризненно,— с горечью подумал он.— Что с того? Кого обманет моя внешность? Я здесь посторонний. Когда-то белые люди расчистили эти земли и построили на них прекрасные города. А теперь я изгой в собственной стране».

По устланному ковром коридору он подошел к двери квартиры Казоура и нажал кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась. На пороге стояла юная миссис Казоура в шелковом кимоно и оби. Роскошные черные волосы были стянуты в узел на затылке.

Она приветливо улыбнулась. В гостиной, за ее спиной, с бокалом в руке сидел мистер Казоура. Он помахал рукой.

— А, мистер Чилдэн. Входите.

Чилдэн поклонился и вошел.

«Отличный вкус,— отметил он, окинув комнату взглядом.— И какая аскетичность! Совсем немного вещей: лампа, стол, книжный шкаф, эстамп на стене. Непередаваемое японское чувство "ваби". В домах англосаксов подобный интерьер найти невозможно. Только японцы способны видеть красоту в самых простых вещах, а главное, умеют их расположить».

— Что-нибудь выпьете? — спросил Казоура.— Шотландское с содовой?

— Мистер Казоура...— начал Роберт Чилдэн.

— Пол,— поправил молодой японец и указал на жену: — Бетти. А вас...

— Роберт,— прошептал Чилдэн.

Они уселись на мягкий ковер с бокалами в руках. По комнате плыли звуки кото — японской тринадцатиструнной арфы. Эта пластинка, выпущенная фирмой HMV, была очень популярна. Проигрыватель был укрыт от глаз, и Чилдэн не мог понять, откуда звучит музыка.

— Мы не знаем ваших вкусов и поэтому решили перестраховаться,— сказала Бетти.— Сейчас на кухне в электропечи готовятся отбивные на косточке. На гарнир будет томленый картофель с луком и сметанным соусом. Говорят, если хочешь наверняка угодить новому гостю, подай ему к столу отбивную.

— Это замечательно,— сказал Чилдэн.— Обожаю отбивные.— Он говорил правду. От огромных скотоводческих хозяйств Среднего Запада Тихоокеании перепадали жалкие крохи, и Чилдэн даже не мог припомнить, когда ел хорошее мясо последний раз.

Настало время вручить хозяевам подарок.

Он достал из кармана пальто и осторожно положил на низкий столик маленький сверток. В глазах супругов появилось удивление, и он поспешил объяснить:

— Мой скромный подарок. Чтобы хоть как-нибудь отблагодарить вас за покой и радость, которые мне дарит ваш дом.— Он развернул бумагу и протянул японцам кусочек кости, столетие назад побывавшей в умелых руках китобоя из Новой Англии.— Это искусство называлось «резьбой по моржовой кости».

По лицам молодых супругов он понял, что они знакомы с подобными изделиями. Видимо, не так уж мало осталось от культуры Соединенных Штатов.

— Спасибо,— поблагодарил Пол.

Роберт Чилдэн поклонился.

В его душе воцарился покой. Говоря языком «Ицзина», этот подарок — малая жертва. Он все делает правильно. Неловкость и волнение окончательно покинули его.

От Рэя Калвина он получил возмещение за поддельный кольт, а также письменное заверение в том, что подобное не повторится. И все же в сердце оставалась тревога. Только здесь,

в этой умиротворяющей атмосфере, он избавился от ощущения, что жизнь идет наперекосяк.

Ваби окружало его, пронизывало гармонией и покоем. «Покой — вот в чем дело,— решил он.— Стабильность и равновесие. Они близки к Дао, эти молодые японцы. Вот почему они понравились мне с первого взгляда. Я почувствовал в них Дао — уловил его отблеск. Интересно,— подумал Чилдэн,— каково это, знать, что такое Дао? *Дао есть то, что рождает свет и тьму.* Две непрерывно борющиеся и возрождающиеся силы. Вот что удерживает мир от старения и распада. Вселенная никогда не исчезнет, ибо в то мгновение, когда тьма, кажется, готова овладеть всем, в самых мрачных ее глубинах появляются ростки света. Таков Путь. Семена падают в землю и там, скрытые от глаз, обретают жизнь».

— Холодные закуски,— прервала его раздумья Бетти. Опустившись на колени, она протянула ему поднос с маленькими бутербродами и другими яствами. Чилдэн с благодарностью взглянул на хозяев.

— Вы в курсе международных событий? — спросил Пол, потягивая виски.— Возвращаясь сегодня домой, я слушал прямую трансляцию из Мюнхена, с национальных похорон. Чем-то они напоминают карнавал. Пятидесятитысячная толпа, флаги и прочее. Снова и снова звучит «Ich hatte einen Kamerad»*. Всем верноподданным разрешено проститься с прахом вождя.

— Да, все это очень печально,— тяжело вздохнул Роберт Чилдэн.— Сколько неожиданного случилось за неделю...

— В сегодняшнем выпуске «Ниппон Таймс» со ссылкой на достоверные источники сообщили, что Бальдур фон Ширах взят под домашний арест,— сказала Бетти.— По распоряжению СД.

— Плохо,— покачал головой Пол.

— Очевидно, власти хотят сохранить порядок,— пояснил Роберт.— А фон Ширах склонен к скороспелым, непродуманным решениям. Он очень похож на Гесса. Вспомните нелепый побег Гесса в Англию.

— А о чем еще пишут в «Ниппон Таймс»? — спросил Пол у жены.

— Сплошная сумятица и интриги. Приведены в боевую готовность армейские части. Отменены увольнения, закрыты границы. В рейхстаге — срочная сессия, все рвутся к трибуне.

---

* «У меня был товарищ» *(нем.)*.

— Я припоминаю великолепную речь доктора Геббельса,— сказал Роберт Чилдэн.— Ее передавали по радио год или два тому назад. Сколько остроумных инвектив! Как всегда, он держал аудиторию в напряжении. Так сказать, дирижировал ее чувствами. Бесспорно, с тех пор как Адольф Гитлер отошел от дел, у нацистов нет оратора, равного доктору Геббельсу.

— Вы правы,— кивнули супруги.

— У доктора Геббельса очень милые дети и жена,— продолжал Чилдэн.— И очень талантливые.

— Верно,— снова согласились Пол и Бетти.

— В отличие от большинства этих великих моголов с подозрительными сексуальными наклонностями, он примерный семьянин,— сказал Пол.

— Я бы не очень доверял слухам,— возразил Чилдэн.— Вы имеете в виду Рема? Это старая, давно позабытая история.

— Мои слова скорее относятся к Герингу,— сказал Пол, рассматривая виски на свет.— О его римских оргиях ходят невероятные истории. Просто ужас, что он вытворяет.

— Это ложь,— произнес Чилдэн.

— Ну вот, нашли тему для разговора,— поспешила вмешаться Бетти.

Они допили виски, и молодая женщина вновь наполнила бокалы.

— Споры о политике чересчур горячат кровь,— заметил Пол.— Очень важно не терять голову.

— Да,— кивнул Чилдэн.— Выдержка и спокойствие. Только так можно расставить все на свои места.

— Период после смерти вождя — всегда кризисный для тоталитарной системы,— сказал Пол.— Это связано с отсутствием традиций и влияния среднего класса на...— Он запнулся.— Пожалуй, не стоит о политике. А то уж очень похоже на старые добрые студенческие времена.

Глядя на улыбающееся лицо Пола, Роберт Чилдэн почувствовал, что краснеет. Он стыдливо опустил глаза и склонился над бокалом. «Боже, какое ужасное начало! По-дурацки, во весь голос затеял спор о политике да еще имел наглость не согласиться с хозяином! Только врожденная вежливость хозяйки спасла вечер. Сколько же мне еще надо учиться! — подумал он.— Они такие гостеприимные, тактичные, а я... вот уж, действительно, белый варвар».

Он еще долго бранил себя, с деланным удовольствием потягивая виски. «Пускай они сами ведут беседу,— решил Чил-

дэн,— а я буду со всем соглашаться.— И тут же ворвалась паническая мысль: — Мои мозги затуманены спиртным! Я устал и нервничаю! Я наделаю глупостей, и они больше никогда меня не пригласят. Да что там — слишком поздно, уже наделал!»

Из кухни вернулась Бетти. Она снова уселась на ковер. «Какая грация! — подумал Роберт.— Фигурка просто прелесть. Все японки стройны, ни унции лишнего жира. Им не нужны пояса и бюстгальтеры.— Он спохватился: — Надо скрывать влечение. Чего бы это ни стоило.— И все же не смог удержаться от вороватого взгляда.— Какие у нее чудесные темные волосы, какие огромные глаза! В сравнении с этими людьми мы выглядим недоделанными. Словно некий ваятель вытащил нас из печи, поленившись как следует обжечь. Как в древней индейской легенде.

Надо думать о чем-нибудь другом.— Он шарил глазами по комнате, ища, за что бы ухватиться. Тишина давила на психику, невыносимо действовала на нервы.— Черт возьми, о чем говорить? О чем-нибудь нейтральном». Чилдэн заметил книгу на невысоком тиковом бюро.

— Вижу, вы читаете роман «Из дыма вышла саранча»? — спросил он.— Мне о нем многие говорили, но все как-то не хватало времени прочесть.— Убедившись, что хозяева не имеют ничего против, он встал и направился к бюро. Похоже, они сочли это жестом вежливости.— Детектив? Простите мое дремучее невежество.

— Нет, не детектив,— ответил Пол.— Напротив, весьма любопытная литературная форма. Пожалуй, ее можно отнести к научной фантастике.

— Ну, нет,— возразила Бетти.— Наука тут ни при чем. Научные фантасты в основном описывают такое будущее, в котором высоко развита техника. Ничего подобного в этом романе нет.

— Зато в нем есть альтернативное настоящее,— возразил ей Пол.— Я давно увлекаюсь фантастикой, с двенадцати лет. С самого начала войны,— пояснил он Чилдэну.

— Ясно,— произнес Роберт Чилдэн.

— Хотите прочесть «Саранчу»? — спросил Пол.— Через день-другой мы ее осилим. Мое учреждение находится в деловой части города, неподалеку от вашего магазина, и я с удовольствием загляну к вам в перерыве.— Он сделал паузу, затем (возможно, по сигналу Бетти) добавил: — Роберт, мы бы с вами могли вместе позавтракать.

— Спасибо,— пробормотал Чилдэн. Других слов он не нашел.

«Подумать только: позавтракать в одном из модных ресторанов для бизнесменов! Вместе с элегантным высокопоставленным японцем!» От одной этой мысли голова шла кругом. Однако он сумел сохранить бесстрастный вид и кивнул, глядя на книгу.

— Да, наверное, она интересная. С удовольствием прочту. Я стараюсь быть в курсе того, о чем много говорят. («Что я несу?! Признался, что интересуюсь книгой, потому что она в моде! А вдруг для них это дурной тон? Скорее всего, так оно и есть».) Как известно, популярность книги — не самый верный признак ее достоинства. Многие бестселлеры редкостная дрянь. Но эта вещь...— Он замялся.

— Вы совершенно правы,— пришла ему на помощь Бетти.— У обывателя всегда испорченный вкус.

— Так же и в музыке,— заметил Пол.— Взять, например, народный американский джаз — кто им сейчас интересуется? А вам, Роберт, нравятся Бэн Джонсон и Кид Оури? А ранний диксиленд? Я собираю джаз, у меня даже есть настоящие диски фирмы «Дженет».

— Боюсь, я недостаточно знаком с негритянской музыкой,— ответил Чилдэн. Похоже, его слова покоробили хозяев.— Предпочитаю классику: Баха, Бетховена... («Вот вам! — Он был обижен.— Попробуйте только сказать, что музыка великих европейских композиторов хуже какого-то джаза, родившегося в бистро и балаганчиках негритянских кварталов Нью-Орлеана».)

— Может, вам поставить для пробы что-нибудь из «Нью-орлеанских королей ритма»? — неуверенно предложил Пол. Он привстал, но Бетти бросила на него предостерегающий взгляд. Пол пожал плечами и сел на место.

— Скоро будем обедать,— сказала Бетти.

Пол натянуто, как показалось Чилдэну, произнес:

— Нью-орлеанский джаз — самая что ни на есть народная музыка Америки. Она родилась на этом континенте. Все остальное — например, слащавые баллады в английском стиле, которые исполнялись под лютню,— пришло из Европы.

— Мы с ним вечно спорим на эту тему,— с улыбкой сказала Бетти Роберту.— Я не разделяю его любви к джазу.

Все еще держа в руках книгу, Роберт Чилдэн спросил:

— А о каком альтернативном настоящем идет здесь речь?

Чуть помедлив, Бетти ответила:

— В котором Германия и Япония проиграли войну.

Наступила тишина.

— Пора есть.— Бетти плавно поднялась.— Вставайте, господа голодные бизнесмены. Прошу к столу.

На большом столе, накрытом белоснежной скатертью, стояла серебряная и фарфоровая посуда. Из костяных колец («Ранняя американская культура»,— машинально отметил Чилдэн) торчали грубые салфетки. Столовое серебро — тоже американской работы. Темно-синие с желтым ободом чашки и блюдца — фирмы «Ройял Альберт». Такая посуда была большой редкостью, и Роберт смотрел на нее с профессиональным восхищением. А подобных тарелок он прежде не видел и не мог с уверенностью сказать, откуда они. Наверное, из Японии.

— Фарфор Имари,— заметив его любопытный взгляд, пояснил Пол.— Из Ариты. Считается одним из лучших.

Они уселись за стол.

— Кофе? — спросила Бетти у Роберта.

— Да,— ответил он.— Спасибо. Чуть позже.

Она вышла на кухню и прикатила сервировочный столик.

Обед был очень вкусным. Бетти оказалась великолепной хозяйкой. Особенно ему понравился салат: авокадо, артишоки, тертый зеленый сыр... Хорошо, что его не потчевали японскими кушаньями — с тех пор, как окончилась война, овощи успели ему осточертеть.

И эти вездесущие морепродукты! Казалось, даже под пыткой он не сможет проглотить креветку или моллюска.

— А все-таки интересно,— нарушил молчание Чилдэн,— как бы выглядел мир, в котором Япония и Германии проиграли войну?

Его вопрос повис в воздухе. Спустя некоторое время Пол ответил:

— Совершенно иначе. Хотя все далеко не так просто. Лучше самому прочесть «Саранчу». Если я перескажу сюжет, вам будет неинтересно.

— Я часто размышлял на эту тему,— сказал Чилдэн,— и у меня сложилось вполне определенное мнение. Мир был бы хуже.— Его голос звучал уверенно, даже жестко. Он сам это чувствовал.— Намного хуже.

Его слова удивили молодых супругов. А может быть, не слова, а тон.

— Повсюду правили бы коммунисты,— продолжал Чилдэн.

Пол пожал плечами.

— Автор книги, мистер Абендсен, самым тщательным образом рассмотрел вопрос о беспрепятственной экспансии Советской России и пришел к выводу: даже будучи на стороне победителей, отсталая и в основном аграрная Россия неизбежно осталась бы с носом, как в Первую мировую. Россия была не страна, а пугало огородное; взять хотя бы ее войну с Японией, когда...

— А в действительности страдать и расплачиваться приходится нам,— перебил его Чилдэн.— Но иначе не удалось бы остановить славянское нашествие.

— Не верю я ни в какие нашествия,— тихо произнесла Бетти.— Ни в славянские, ни в китайские, ни в японские. Все это болтовня.— Ее лицо оставалось безмятежным. Она превосходно владела собой — только румянец появился на щеках. И ничуть не волновалась, просто хотела выразить свое мнение.

Некоторое время они молчали.

«Опять ты свалял дурака! — выругал себя Роберт Чилдэн.— Никак не удается избежать скольких тем. Потому что они везде, о чем ни заведешь речь — о книге, случайно попавшейся на глаза, о коллекции грампластинок, о костяных колечках для салфеток... обо всей этой добыче победителей, награбленной у моих соотечественников. Да-да, надо смотреть правде в глаза. Я пытаюсь убедить себя, что я — такой же, как эти японцы. Но даже если рассыпаться перед ними мелким бесом — какое счастье, благодетели мои, что вы победили, а мой народ проиграл! — между нами не возникнет духовного родства. Одни и те же слова мы воспринимаем совершенно по-разному. У них другие мозги. И души. Вот они, сидят передо мной, пьют из английских фарфоровых чашек, едят с американского серебра, слушают негритянскую музыку. Они могут себе это позволить — у них есть деньги и власть. Но ведь все это — эрзац! Даже "Ицзин", которую они запихали нам в глотку,— китайская книга. Позаимствованная без отдачи. Крадут у кого ни попадя обычаи, одежду, речь... С каким смаком эта парочка уплетает томленую картошку со сметанным соусом и луком — исконно американское блюдо, которое они запросто присовокупили к своему меню! Кого они хотят обмануть? Себя? Но меня вам не одурачить, уж поверьте! Только белым дано творить. И тем не менее я, плоть от плоти белой расы, должен поддакивать этим... Как

тут не задуматься: а что, если бы мы победили? Стерли их с лица Земли? Только представить: Япония канула в небытие, а США — единые, могучие — в одиночку правят планетой.

Мой долг патриота — прочитать "Саранчу",— подумал он,— как бы глупо это ни выглядело».

— Роберт, вы совсем не едите. Невкусно? — участливо просила Бетти.

Он торопливо ткнул вилкой в тарелку.

— Нет, что вы. Я уже лет сто ничего вкуснее не пробовал.

— Спасибо.— Она явно была польщена.— Я очень старалась, чтобы все было по-настоящему... продукты покупала на Мишн-стрит, на крошечных американских рынках.

«Ты превосходно готовишь национальные блюда,— мысленно обратился к ней Роберт Чилдэн.— Вот уж правду говорят, подражать вы мастера. Яблочный пирог, кока-кола, прогулка после кино, Глен Миллер... При желании вы могли бы соорудить искусственную Америку из жести и рисовой бумаги... На кухне — мамуля из рисовой бумаги, на диване с газетой — папуля из рисовой бумаги. В ногах у него — бэби из рисовой бумаги. И все остальное — из рисовой бумаги».

Пол не сводил с него глаз. Спохватившись, Роберт Чилдэн решил думать о чем-нибудь другом. Он положил себе на тарелку еды. «А вдруг Пол умеет читать мысли? — мелькнуло в голове.— Да ну, чепуха. А по лицу ему ни о чем не догадаться. Я все время храню бесстрастный вид». Но в этом он вовсе не был уверен.

— Роберт,— обратился к нему Пол,— поскольку вы родились и выросли в США и с детства говорите на английском, не могли бы вы разъяснить мне отдельные места из одной американской повести? Она написана в тридцатые годы.

Чилдэн ответил легким поклоном.

— Это очень редкая книга, но мне посчастливилось ее приобрести. Она называется «Подруга скорбящих». Автор — Натаниэл Уэст. Я с удовольствием ее прочитал, но понял не все.

Неожиданно для себя Роберт Чилдэн признался:

— Боюсь... я не читал этой книги. («И слыхом о ней не слыхивал»,— мысленно добавил он.)

На лице Пола мелькнуло разочарование.

— Какая жалость! Это небольшая повесть о человеке, читающем письма, которые приходят в газету. Он мучительно переживает все, что ни прочтет, и в конце концов сходит с ума,

возомнив себя Христом. Не припоминаете? Может быть, все-таки читали?

— Увы.

— У автора очень оригинальный взгляд на мученичество,— сказал Пол.— На проблему, которую легко решает любая религия. Христианская, например, утверждает, что с мученика снимается бремя грехов. А Уэст, видимо, имеет на этот счет другое мнение. Его герою природой предопределено мученичество, поскольку он — еврей.

— Проиграй Германия с Японией войну, евреи из Москвы и с Уолл-стрит правили бы миром.

Казалось, молодые японцы съежились. Точь-в-точь цветы, тронутые морозом,— увяли, поникли, поблекли. В комнате как будто потянуло сквозняком. Чилдэн остро почувствовал одиночество. «Что они недопоняли? Ох уж эта неспособность понять чужую культуру, образ мыслей западного человека! Чуть что им наперекор — сразу дуться. Подумаешь, трагедия! И все-таки надо что-то делать. Во что бы то ни стало вернуть ясность между нами.— Роберту Чилдэну в жизни не бывало так плохо, как сейчас, когда он расставался со своей нелепой мечтой.— С каким нетерпением я ждал этой встречи,— вспомнил он.— Как мальчишка! Словно в тумане поднимался по лестнице. Но нельзя закрывать глаза на действительность. Человек должен взрослеть. А сегодняшний вечер — хорошее отрезвляющее средство. Эти люди — на самом деле не люди. Во что бы они ни рядились, они напоминают цирковых мартышек. Они способные и все схватывают на лету — но и только.

Зачем я стелюсь перед ними? Только потому, что они — победители?

Сегодня я обнаружил один изъян в своем характере. Но ничего не поделаешь. Оказывается, у меня трогательная способность... ну, скажем, выбирать меньшее из двух зол и все равно оставаться в дураках.

За чем мне необходимо следить, так это за языком. Не ровен час, наговорю лишнего, а они, как ни крути, победители. Чего это я так разнервничался? Они всего-навсего попросили, чтобы я разъяснил им смысл старой американской книги. Надеялись от меня, белого человека, получить ответ. А я? Разве пытался им помочь? Нет, это бесполезно, я не читал этой книги. Иначе, конечно, я бы все им объяснил».

— Может, когда-нибудь я прочитаю эту «Подругу скорбящих»,— обратился он к Полу,— и мы ее обсудим.

Пол кивнул.

— К сожалению, сейчас у меня много работы,— продолжал Роберт Чилдэн.— Возможно, позднее... Уверен, это не займет много времени.

— Нет,— пробормотал Пол.— Повесть совсем короткая.— И он, и Бетти выглядели опечаленными. «Неужели они тоже почувствовали непреодолимую пропасть между нами? — подумал Чилдэн.— Хотелось бы. Они этого заслуживают. Стыд — именно то, что поможет им понять смысл книги».

И в эту минуту к нему пришел аппетит.

В тот вечер между ними больше не возникало трений. В десять вечера, выходя из квартиры Казоура, Чилдэн пребывал в приподнятом настроении и чувствовал себя уверенно. Он бодро спустился по лестнице, ничуть не боясь попасть на глаза какому-нибудь японцу, возвращавшемуся домой из общественной бани. Выйдя на темную улицу, он остановил велотакси.

«Меня всегда интересовало, как ведут себя в быту клиенты. И ничего предосудительного в этом нет, наоборот, полезно для дела. Тесное общение с людьми, стоящими выше тебя по социальной лестнице, благотворно влияет на психику. И робость перед ними проходит».

Погруженный в такие мысли, он подъехал к своему дому и выбрался из такси. Расплатившись с китайцем, Роберт Чилдэн поднялся по знакомым ступенькам.

В его гостиной сидел белый. Он удобно устроился на диване и читал газету. Увидев Чилдэна, он неохотно поднялся, сунул руку во внутренний карман пальто и достал удостоверение.

— Кэмпетай.

Перед Чилдэном стоял «буратино» — сотрудник государственной тайной полиции, организованной в Сакраменто японскими властями.

Чилдэн не на шутку испугался.

— Вы — Р. Чилдэн?

— Да, сэр.— У него екнуло сердце.

— Недавно вас посетил один человек.— Полицейский сверился со своими записями.— Белый, назвавшийся доверенным лицом офицера Императорского ВМФ. Нами установлено, что он не тот, за кого себя выдавал. Ни названного им офицера, ни корабля не существует.

— Это верно,— подтвердил Чилдэн.

— К нам поступило заявление о попытке шантажа, имевшей место в районе Залива,— продолжал полицейский.— Очевидно, в нем участвовал ваш знакомый. Вы можете сообщить его приметы?

— Невысокий, довольно смуглый...— начал Чилдэн.

— Еврей?

— Да! Теперь я понял! Как я сразу не догадался...

— Взгляните.— Сотрудник кэмпетай протянул фотографию.

— Он самый,— подтвердил Чилдэн. Сходство было полное. При мысли о могуществе кэмпетай, в считанные дни вышедшей на след изображенного на фотографии человека, у него мороз прошел по коже.— А как вы его разыскали? Я на него не заявлял, только позвонил Рэю Калвину, своему поставщику, и сказал...

Полицейский жестом велел ему замолчать.

— Мне от вас нужна только подпись. Вот тут. Простая формальность, зато вам не придется являться в суд.— Он вручил Роберту Чилдэну бумагу и авторучку.— Здесь говорится, что этот человек приходил к вам, выдавал себя за другого, и так далее. Да вы сами прочтите.— Полицейский отогнул рукав и, пока Чилдэн пробегал глазами документ, смотрел на часы.— По существу верно?

— По существу — да.— Чилдэн не успел как следует вчитаться в казенные строки, к тому же он порядком устал за день. Но он точно знал: к нему под чужим именем приходил жулик, тот самый, что на фотографии. Вдобавок этот жулик, по словам сотрудника кэмпетай, еврей. Внизу на снимке стояли имя и фамилия: «Фрэнк Фринк. Урожденный Фрэнк Финк». В общем, чистокровный жид, пробу негде ставить. Да еще и фамилию изменил!

Чилдэн поставил подпись.

— Спасибо.— Полицейский взял портфель, нахлобучил шляпу, пожелал спокойной ночи и удалился. На все дело ушли считанные минуты.

«Похоже, они его сцапают,— подумал Чилдэн.— Кем бы он ни прикидывался... Ну и славно. Хорошо ребята работают, быстро. Мы живем в обществе, где царят закон и порядок, нам не страшны паучьи сети еврейских заговоров. У нас есть надежная защита. Удивительно, как я сразу не определил его национальность? Неужели меня так легко обвести вокруг пальца? Наверное, это потому, что я не умею хитрить. Не будь

закона, евреи сожрали бы меня с потрохами. Тот жид мог убедить меня в чем угодно. Они же гипнотизеры, все без исключения. Могут целый народ заставить плясать под свою дудку.

Утром поеду покупать "Саранчу",— решил он.— Интересно, как автор представляет себе мир под пятой иудеев и коммунистов? Рейх у него, понятное дело, в развалинах, Япония — провинция России, а сама Россия раскинулась от Атлантики до Тихого океана. Не удивлюсь, если этот... сочинил войну между США и Россией. Должно быть, занятная книжка,— подумал он.— Странно, почему ее раньше никто не написал?

И все-таки эта книга дает возможность понять, как нам повезло. Несмотря на крайне невыгодное положение... Да, все могло кончиться гораздо хуже. Из "Саранчи" можно извлечь хороший нравственный урок. Что с того, что мы под япошками и вынуждены восстанавливать разрушенное? Зато теперь началась эпоха великих свершений — взять хотя бы колонизацию планет».

Он вспомнил: сейчас по радио должны передавать новости. Усевшись, включил репродуктор. «Возможно, уже выбрали нового рейхсканцлера. По мне, так лучше бы Зейсс-Инкварта — он самый энергичный и с огоньком возьмется за дело.

Вот бы там побывать,— мечтательно подумал он.— А что, глядишь, разбогатею да и отправлюсь путешествовать по Европе. Сижу тут на Западном побережье, кругом такое болото... А история проходит мимо».

Глава 8

В восемь утра фрейгерр Гуго Рейс, рейхсконсул в Сан-Франциско, вышел из «мерседеса-бенца 220-Е» и взбежал по ступенькам консульства. Вслед за ним поднялись двое молодых служащих МИДа. Шагнув через порог, Рейс вскинул руку, приветствуя двух телефонисток, вице-консула герра Франка и, уже в кабинете, своего секретаря Пфердхофа.

— Фрейгерр,— обратился к Рейсу Пфердхоф,— только что поступила шифрованная радиограмма из Берлина. Срочная.

Это означало: надо снять пальто и отдать его Пфердхофу.

— Десять минут назад звонил Кройц фон Меере. Просил, чтобы вы с ним связались.

— Благодарю.— Рейс уселся за столик у окна, снял салфетку с завтрака — рулет, омлет, колбаса,— налил из серебряного

кофейника горячего кофе и развернул доставленную ракетой Люфтганзы утреннюю «Frankfurter Zeitung»*.

Звонивший перед его приходом Кройц фон Меере был шефом Sicherheitsdienst на территории США. Его штаб-квартира (разумеется, под «липовой» вывеской) находилась в здании аэровокзала. Отношения между Рейсом и Кройцем фон Меере оставляли желать лучшего, а все потому, что их полномочия пересекались в великом множестве случаев. Вне всяких сомнений, этим они были обязаны расчетливой политике берлинских верхов. Несколько лет назад, получив почетное звание штандартенфюрера СС, Рейс формально оказался в подчинении у фон Меере. Рейс уже давно понял смысл этого хода, но так и не привык к тому, что с Кройцем фон Меере необходимо считаться.

Рейс внимательно просмотрел первую страницу газеты. Фон Ширах под домашним арестом, а может, уже убит. Паршиво. Геринг засел на учебной базе Люфтваффе, окружив себя преданными ветеранами. Туда теперь даже мышь не проскользнет, не то что мясники из СД. А как дела у доктора Геббельса?

Он, наверное, в самом центре Берлина. Как всегда, полагается только на свои мозги и неистощимое красноречие. Если Гейдрих пошлет к нему взвод солдат, Геббельс не только уговорит их нарушить приказ, но еще, того гляди, переманит к себе на службу. Сделает из них сотрудников Министерства пропаганды и общественного просвещения.

Рейс представил Геббельса в квартире какой-нибудь шикарной кинозвезды, с пренебрежением глядящего в окно, на грохочущую сапожищами солдатню. Нет, этот Kerl** не испугается. Будет стоять со своей знаменитой ухмылочкой... левой рукой лаская дамскую грудь, а правой строча статейку для ближайшего выпуска «Angriff»***.

В дверь постучал секретарь, прервав раздумья Рейса.

— Прошу прощения. Опять звонит Кройц фон Меере.

Рейс поднялся, подошел к рабочему столу и взял трубку.

— Рейс слушает.

В ответ — голос шефа СД с густым баварским акцентом:

— Что-нибудь слышно об этом типе из абвера?

Вопрос фон Меере застал Рейса врасплох.

---

* «Франкфуртская газета» *(нем.)*.

** Парень *(нем.)*.

*** «Атака» *(нем.)*.

— М-м-м...— промычал он.— По моим сведениям, сейчас на Тихоокеанском побережье трое или четверо «типов из абвера».

— Я о том, который на прошлой неделе прилетел ракетой Люфтганзы.

— А! — Прижав телефонную трубку плечом к уху, Рейс достал портсигар.— Он к нам не заходил.

— Что он сейчас делает?

— Черт, ну откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Давай-ка лучше звякни в МИД, попроси их связаться с Канцелярией, а те пускай прижмут Адмиралтейство и потребуют от абвера либо отозвать своих людей, либо сообщить нам, какого черта им здесь нужно.

— А вы не можете сами это сделать?

— По-твоему, у меня других забот нет?

«Ну ясно, прозевали абверовца,— решил Рейс.— Кто-то из ведомства Гейдриха велел им глаз не спускать с парня, а тот отделался от "хвоста". И теперь я должен вытаскивать их из дерьма».

— Если придет, я кого-нибудь к нему приставлю,— пообещал Рейс. И подумал: «Интересно, с какой стати он должен сюда явиться?»

— Он прибыл под чужой фамилией, это как пить дать,— угрюмо произнес Кройц фон Меере.— Под какой — мы не знаем. Ему лет сорок. Капитан. Аристократическая внешность. Настоящее имя — Рудольф Вегенер. Он из Восточной Пруссии, из старинного дворянского рода. Возможно, протеже фон Папена.— Рейс поудобнее устроился за столом. Фон Меере зудел:

— Будь моя воля, я бы давно урезал флоту бюджет, чтобы эти дармоеды-монархисты не лезли...

Повесив наконец трубку, Рейс с облегчением вздохнул и уселся завтракать. Рулет успел остыть, но кофе в кофейнике остался горячим. Выпив чашку, Рейс снова взял газету.

«И так без конца,— вздохнул он, мысленно возвращаясь к разговору с Кройцем фон Меере.— Этим типам ничего не стоит позвонить и в три часа ночи — ведь в СД дежурят круглосуточно».

Приоткрылась дверь, появилась голова Пфердхофа. Увидев, что Рейс повесил трубку, секретарь сообщил:

— Только что звонили из Сакраменто. У них там паника. Оказывается, по Фриско разгуливает живой еврей.

Они посмеялись.

— Ладно,— сказал Рейс.— Позвони им, пусть успокоятся и пришлют на него бумаги. Что еще?

— Соболезнования.

— Много?

— Не очень. Если хотите прочитать, они у вас на столе. Я уже разослал ответы.

— Сегодня в час дня у нас встреча с бизнесменами,— сказал Рейс.— Мне нужно подготовиться.

— Я вам напомню,— пообещал Пфердхоф.

Рейс устроился в кресле поудобнее.

— Хотите пари?

— Только не по поводу решения Партай. Вы об этом, надо полагать?

— Они изберут Вешателя.

Помявшись, Пфердхоф сказал:

— Гейдрих достиг своего потолка. Таких, как он, ни за что не допустят к руководству партией — их слишком боятся. При одной мысли об этом у партийных тузов волосы встают дыбом. Не пройдет и получаса после отъезда первого эсэсовского автомобиля от дома на Принцальбертштрассе, как возникнет мощная коалиция. Финансовые воротилы вроде Круппа, Тиссена...

Он умолк. В кабинет вошел шифровальщик с конвертом.

Это была срочная радиограмма, расшифрованная и отпечатанная на машинке.

Прочитав ее, Рейс увидел вопросительно-нетерпеливое выражение на лице Пфердхофа. Рейс скомкал листок, опустил в глиняную пепельницу и щелкнул зажигалкой.

— По их сведениям, к нам инкогнито направляется японский генерал Тедеки. Вот что, поезжай-ка в публичную библиотеку и полистай японские военные журналы, может, наткнешься на его фото. Особенно не светись. У нас здесь вряд ли найдутся сведения о нем.— Рейс встал, направился было к набитому папками шкафу, но передумал.— В общем, собирай любую информацию, не брезгуй и слухами. Может, ты хоть что-нибудь о нем помнишь?

— Кое-что помню. Он был большим забиякой. Сейчас ему, наверное, лет восемьдесят. Кажется, он отстаивал японскую космическую программу, которая потом с треском провалилась.

— Да, тут он дал маху,— кивнул Рейс.

— Не удивлюсь, если он едет сюда лечиться,— продолжал Пфердхоф.— В клинике Калифорнийского университета полно

старых вояк из Японии. Тут к их услугам немецкая хирургическая техника, которой на Родных островах днем с огнем не сыщешь. Конечно, сами они об этом не распространяются — патриотические чувства и все такое. Пожалуй, мы могли бы внедрить в университетскую больницу нашего человека, если Берлину так интересен этот японец.

Рейс кивнул. Возможно, старый генерал участвует в коммерческих спекуляциях. Сан-Франциско ими славится. Налаженные во время службы связи могут очень пригодиться в отставке. Но в шифровке не сказано, что генерал в запасе.

— Как только раздобудешь снимок, разошли копии нашим людям в гавани и аэропорту,— велел Рейс секретарю.— Возможно, он уже здесь. Сам знаешь, как в Берлине умеют канителиться. Если генерал уже в Сан-Франциско, все шишки посыплются на наше консульство.

— Я дал квитанцию о приеме радиограммы,— сказал Пфердхоф.— Если возникнут вопросы, мы сможем указать точное время ее получения.

— Спасибо,— буркнул Рейс. Берлинские начальники — мастера перекладывать с больной головы на здоровую, а ему надоело быть мальчиком для битья. Сколько ж можно? — Да, подстраховаться не мешает. Пожалуй, стоит дать им ответ. Примерно такой: «Ваши указания запоздали. Объект уже прибыл. На данной стадии возможность перехвата исключительно мала». Как-нибудь приукрась этот текст, разбавь водичкой и отправь. Понял?

Пфердхоф кивнул.

— Отправлю немедленно. И потребую квитанцию.— Он вышел.

«Надо держать ухо востро,— подумал Рейс.— Не то, не ровен час, окажешься консулом у черномазой сволочи где-нибудь в Южной Африке. Заведешь себе черную кухарку, и десять негритят будут называть тебя папулей».

Он закурил египетскую сигарету «Саймон Арц 70» и аккуратно закрыл портсигар. Надеясь, что в ближайшее время его никто не потревожит, вытащил из портфеля книгу и раскрыл на отмеченном закладкой месте.

«Неужели когда-то он бродил по тихим улочкам, где неторопливо катили машины? Неужели то далекое воскресное утро в безмятежном зоопарке не было вымыслом?.. Мирная жизнь. Вкус

мороженого — его уже никогда не ощутить. Теперь он радовался, когда удавалось поесть вареной крапивы.

— Боже! — вскрикнул он.— Неужели они никогда не остановятся?

По городу шли огромные английские танки.

Еще одно здание — жилой дом, а может, магазин или школа, отсюда было не разобрать,— вздрогнуло и превратилось в груду обломков. Под ними нашла могилу горстка бедолаг — и ни криков о помощи, ни предсмертных стонов. Гибель раскинула свои крылья над здоровыми, ранеными и над мертвыми, от которых уже исходило зловоние. Смердящий, разлагающийся на глазах труп Берлина, беззвучно рассыпающиеся старинные башни, гордость города...

Мальчик взглянул на свои руки, серые от пепла. Все — живое и мертвое,— превратилось в пепел.

Так думал мальчик. Больше он ни о чем не мог думать, вернее, в этой сумятице, среди воплей и канонады, все мысли сводились к одному — к еде.

Шесть дней он не ел ничего, кроме крапивы. А теперь и ее не осталось — пустырь превратился в огромную воронку, на краю которой призрачно маячили человеческие силуэты: мальчишка, женщина со старушечьим платком на голове и пустой корзиной под мышкой, однорукий инвалид с такими же пустыми, как и корзина, глазами. И девушка. Вскоре все они растаяли среди пней и нагромождения стволов погибшей рощи, где прятался маленький Эрик.

А вереница танков все ползла и ползла.

— Неужели это не кончится? — спросил мальчик, ни к кому не обращаясь.— А если кончится, что тогда? Удастся ли нам набить животы...»

— Фрейгерр,— раздался над ухом голос Пфердхофа,— ужасно не хочется вас отвлекать, но...

Рейс подпрыгнул как ужаленный и захлопнул книгу.

— Ничего, я слушаю!

«Ну и здорово мужик пишет! — восхитился он.— Совсем меня заморочил. Я ведь будто своими глазами увидал, как британцы разрушают Берлин. Брр! — Он поежился.— Удивительно все-таки, как сильно литература может действовать на психику. Даже бульварщина вроде этой "Саранчи". Дураку ясно, почему ее запретили. Я бы и сам запретил. Зря, конечно, я за нее взялся, но теперь делать нечего, нужно дочитать».

— В приемной моряки с немецкого корабля,— сообщил секретарь.— Пришли отметиться.

— Хорошо.— Рейс торопливо вышел.

В приемной сидели трое моряков в толстых серых свитерах, с пышными светлыми шевелюрами и волевыми, слегка взволнованными лицами.

Рейс поднял правую руку и со сдержанной улыбкой приветствовал их:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответили они вразнобой и протянули Рейсу документы.

Отметив им явку в консульство, он вернулся в кабинет и снова раскрыл «Саранчу».

Раскрыл на случайной странице и не смог оторваться, вернуться туда, где остановился. Глаза сами забегали по строчкам, он почувствовал жар в затылке.

«Суд над Гитлером,— догадался он.— После капитуляции Гитлер попадает в лапы союзников. Господи боже! И Геббельс, и Геринг, и все остальные! Процесс в Мюнхене. Гитлер отвечает обвинителю-американцу».

«...черном воспаленном мозгу, казалось, на миг ожил прежний боевой дух. Трясущееся дряблое тело выпрямилось, голова поднялась. Со слюнявых уст сорвался сиплый полулай-полушепот: "Deutschland, ich bin mit dir"*. И сразу тех, кто смотрел и слушал, охватило оцепенение, плотнее прижались к ушам головные телефоны, напряглись лица русских и американцев, британцев и немцев. "Да,— подумал Карл,— снова мы слышим его... Нас не только разбили — перед нами раздели догола этого сверхчеловека, показав, кто он на самом деле. Всего-навсего..."»

— Фрейгерр.

Пока Рейс читал, в кабинет вновь вошел секретарь.

— Я занят,— бросил Рейс,— пытаюсь прочесть эту книгу, черт бы ее побрал!

Но злиться было бессмысленно, он это знал.

— Снова шифровка,— сообщил Пфердхоф.— Только что приняли. Она касается политической ситуации.

— А подробнее? — Рейс потер лоб.

— По радио неожиданно выступил доктор Геббельс. С очень важной речью.— Секретарь был порядком взволнован.— Нам предлагается опубликовать ее текст в здешней прессе.

---

* Германия, я с тобой *(нем.)*.

— Да-да,— сказал Рейс.

Как только секретарь затворил за собой дверь, Рейс снова раскрыл книгу. «Опять, наплевав на мои инструкции, сует нос куда не следует»,— подумал он о Пфердхофе и перевернул несколько страниц.

«...тишине взирал на покрытый знаменем гроб. "Вот он лежит передо мной, но на самом деле он ушел, ушел навсегда. И никакая в мире сила не вернет его нам. Человека — или все-таки Übermensch"*,— в которого Карл слепо верил и которого боготворил даже на краю могилы.

Адольф Гитлер почил навеки, но Карл цеплялся за жизнь.

"Ты не пойдешь за ним следом,— шептал Карлу внутренний голос.— Ты будешь жить. И восстанавливать разрушенное. Мы все будем строить. Мы должны".

К чему же привело его коварство вождя?! И теперь, когда дописана наконец невероятная летопись Рейха, остается спросить: как этому человеку удалось пройти путь из провинциального австрийского городка через тлетворную нищету в Вене, через борьбу в Партай — к посту канцлера, к тому краткому мигу, когда он считал себя чуть ли не властелином мира?

Карл знал: благодаря лжи. Адольф Гитлер лгал. Лгал всегда. Вел народ за собой, загипнотизировав пустыми речами.

"Мы раскрыли твой обман, Адольф Гитлер. И наконец узнали, кто ты на самом деле, что такое нацистская партия и для чего тебе потребовалась жуткая эпоха убийств и маниакальных фантазий. Мы поняли".

Карл повернулся и пошел прочь от безмолвствующего гроба...»

Закрыв книгу, Рейс некоторое время сидел неподвижно. «Надо бы хорошенько нажать на япошек, чтобы запретили чертову книжонку. С их стороны это просто свинство, они без труда могут арестовать писаку, как там его... Абендсена, что ли? Власти у них на Среднем Западе хоть отбавляй».

Неожиданно Рейс расстроился. Его огорчила смерть Адольфа Гитлера, гибель Партай и самой Германии в книге Абендсена. Но не только это. В романе звучал истинный пафос, утраченный в мире, которым правила Германия. «Как ему это удалось? Неужели дело только в таланте?»

В арсенале этих беллетристов миллион всяких приемчиков. Взять того же доктора Геббельса — начал свою карьеру с художественной литературы, обращался к самым потаенным страс-

---

* Сверхчеловек *(нем.)*.

тишкам, гнездящимся в любом человеке, какой бы пост он ни занимал. Да, писатель должен разбираться в людях. Знать всю их никчемность, трусость, похотливость и продажность. Стоит только писателю ударить в барабан, а уж отклик будет. Ему останется лишь похихикать над произведенным эффектом.

«Нет, вы только поглядите, как он играет на моих чувствах! — возмутился Рейс.— Именно на чувствах, а не на рассудке. И уж, конечно, не за так. Свои денежки он наверняка огреб, Hundsfott*. Эти подонки о чем угодно напишут, лишь бы платили. Наворотят гору дерьма — публика сожрет, не поморщится. Ну-ка, где ее тиснули? — Рейс перевернул книгу.— Омаха, Небраска. Последний оплот издательской плутократии США, некогда процветавшей в Нью-Йорке на золото жидов и коммунистов...

Может, и этот Абендсен — жид?

Они еще не все передохли, еще пытаются нас отравить. Judisches buch!** — Он яростно захлопнул книгу.— Наверняка его фамилия — Абендштейн. Как пить дать, за ним охотится СД.

Надо обязательно послать кого-нибудь в ШСГ с визитом к герру Абендштейну. Не исключено, Кройц фон Меере уже получил на этот счет инструкции. А может, и нет — в Берлине сейчас кавардак... Кому есть дело до какого-то еврея? А зря. Эта книга очень опасна. И если одним прекрасным утром мистера Абендштейна найдут подвешенным к потолку, то на тех, кто проникся его идеями, это подействует отрезвляюще. За нами останется последнее слово. Постскриптум, так сказать.

Само собой, для такой акции нужен белый человек. Интересно, что сейчас поделывает Скорцени? — Рейс перечитал текст на обороте обложки.— Боится, жидюга,— забаррикадировался в своем Высоком Замке. Черта с два, мы тоже не вчера родились. Когда-нибудь выковырнем тебя оттуда.

Может, конечно, это глупо. В конце концов, книга издана и разошлась. Да и территория подконтрольна японцам, случись что, желтопузые такой хай подымут...

Но дельце можно обтяпать так, что комар носа не подточит. Нужен толковый парень...»

Фрайгерр Гуго Рейс сделал пометку в записной книжке: «Обсудить этот вопрос с группенфюрером СС Отто Скорцени, а

---

* Вонючий пес *(нем.)*.

** Еврейская книга *(нем.)*.

еще лучше — с Отто Олендорфом из Reichssicher heits hauptamt*. Кажется, это он возглавляет Einsatzgruppe D** в третьем Amt***».

И тут его вдруг замутило от бешенства. «Неужели это будет продолжаться вечно? — подумал он.— Сколько лет прошло с войны; казалось, самое главное сделано. И вот теперь — фиаско в Африке и полоумный Зейсс-Инкварт, осуществляющий идиотские замыслы Розенберга. Герр Хоуп прав, издеваясь над нашей марсианской эпопеей. Надо же было придумать — Марс заселен евреями! А ведь мы их наверняка там встретим. Именно двухголовых и в фут ростом. Впрочем, мне на это наплевать,— решил Рейс.— Своих дел по горло. На авантюры вроде посылки айнзатцкоманды за Абендсеном просто нет времени. Хватит с меня возни с немецкими моряками и шифрованными радиограммами, пускай Абендсена ловят ищейки из СД. Им за это деньги платят. А если бы я и провернул это дельце, то еще неизвестно, где бы очутился — может, в следственном изоляторе генерал-губернатора США или сразу в камере с "Циклоном Б"».

Он тщательно стер карандашную запись, а потом и вовсе вырвал листок и сжег его в глиняной пепельнице.

В дверь постучали, вошел секретарь с пачкой бумаг.

— Речь доктора Геббельса. Полная.— Пфердхоф положил бумаги на стол.— Очень рекомендую ознакомиться. Отличная речь, одна из лучших.

Закурив «Саймон Арц», Рейс углубился в речь доктора Геббельса.

Глава 9

Спустя две недели почти непрерывной работы компания «Эдфрэнк» уже располагала первой партией товара. Украшения были разложены на двух лотках из фанеры, обтянутой черным бархатом. Эд Маккарти и Фрэнк Фринк обзавелись даже визитными карточками, вырезав клише своих фамилий на стирательных резинках, а рамки оттиснув с помощью детского ротапринта. Получилось очень красиво — красные фамилии в узорных рамках на плотной разноцветной бумаге для рождественских открыток.

---

* Управление службы безопасности Рейха *(нем.)*.

** Оперативная группа Д *(нем.)*.

*** Отдел *(нем.)*.

За что бы ни брались Эд и Фрэнк, все удавалось на славу. Никакой кустарщины — украшения, визитка и лотки говорили о высоком мастерстве изготовителей. «Да и как иначе? — думал Фрэнк.— Ювелирное дело — сложная штука, но мы же профессионалы, всю жизнь не вылезали из цеха».

Он еще раз глянул на украшения: браслеты из меди, бронзы и латуни, даже из вороненой стали; кулоны, по большей части медные с серебряным узором; серьги из серебра; серебряные и медные броши. Серебро влетело им в копеечку, даже серебряный припой увеличивал себестоимость изделий. Да и несколько полудрагоценных камней, вправленных в броши, стоили недешево. Зато как красиво смотрелись жемчуг, шпинель, яшма и осколки дымчатого опала! А если дела пойдут неплохо, Эд и Фрэнк раскошелятся на золото и пяти-шестиграновые бриллианты.

Да, на золоте можно делать большие деньги. Эд и Фрэнк уже прикидывали, где бы подешевле купить золотой лом и штампованные довоенные безделушки, не имеющие художественной ценности,— это куда дешевле, чем новое золото. Все-таки без солидного капитала к благородным металлам не подступишься. С другой стороны, продать красивую, умело сработанную золотую брошь выгодней, чем сорок медных. За нее можно заломить большую цену... «Если вообще кто-то захочет покупать наши украшения»,— скептически подумал Фрэнк.

Они еще не пытались торговать, зато разделались с основными техническими проблемами: установили на верстаке моторы, вал с дисками для черновой шлифовки и полировки. Они располагали полным комплектом инструментов и материалов, от напильников и грубых наждачных кругов до основ из хлопка, льна, кожи и замши, которые можно было покрыть разными абразивами, от корунда и пемзы до самых мягких. И главное, у них были ацетиленовый сварочный аппарат, с баллонами, манометром, шлангами и масками, и превосходные ювелирные инструменты из Германии и Франции: микрометры, алмазные сверла, пилки, клещи, пинцеты, тиски, ножницы, молоточки. Был запас сырья и фурнитуры: разнокалиберные стержни припоя, фольга, заколки для брошей, застежки для сережек. На банковском счету компании «Эдфрэнк» осталось всего двести пятьдесят долларов, зато производство было полностью организовано. Требовалось наладить сбыт.

«Ни один покупатель не станет проверять наш товар тщательнее нас самих»,— подумал Фрэнк.

Вещицы, отобранные для демонстрации, и в самом деле выглядели неплохо. Сколько труда ушло на удаление заусенцев, изъянов сварки, пятен, оставленных огнем... Ведь, чтобы забраковать вещь, достаточно обнаружить небольшое пятнышко или царапину от напильника. «Мы не можем схалтурить даже в мелочах,— подумал Фрэнк.— Одно черное пятнышко на серебряном колье, замеченное продавцом,— и все труды прахом».

Магазин Роберта Чилдэна стоял первым в их списке. Но туда мог идти только Эд; Фрэнка Чилдэн наверняка запомнил.

— В основном сбыт ляжет на тебя,— сказал Фрэнку Маккарти, но идти к Чилдэну согласился. Чтобы выглядеть солиднее, он купил добротный костюм, новый галстук и белую сорочку. Но от робости избавиться не мог.

— Наш товар — загляденье,— в сотый раз повторил он,— но — чем черт не шутит...

Большинство изделий имело абстрактную форму: свитая в спирали и петли проволока, произвольно застывший металл. Некоторые были тонкими и воздушными, как паутина, другие — по-варварски массивными. На бархатных лотках лежало не так много вещей, но создавалось впечатление большого разнообразия форм. «Вот бы нашелся магазин, где все это возьмут! — мечтал Фрэнк.— С Чилдэном ничего не получится — обойдем все лавки одну за другой. Если удача нам улыбнется и вещи придутся покупателю по вкусу, нас завалят заказами на всю оставшуюся жизнь».

Эд и Фрэнк уложили обтянутые бархатом фанерки на дно изящной японской корзины.

«Если ничего не выйдет — продадим металлы,— решил Фрэнк.— Да и оборудование. Всех денег не вернем, но хотя бы часть».

Самое время обратиться к Оракулу. Спросить, чем закончится первая попытка Эда. Зря Фрэнк так нервничает. Возможно, это дурной знак. Но что бы ни сказала «Книга Перемен», выбор уже сделан: мастерская открыта, украшения готовы.

— В общем, первым делом я наведаюсь к Чилдэну,— прервал его раздумья Маккарти.— Хотя с ним мы могли бы и повременить. Ну ладно, если он мне откажет, ты сходишь к двум другим. Ты ведь поедешь со мной, а? Подождешь в машине за углом?

Когда они садились в пикап, Фрэнк подумал: «Одному богу известно, какие из нас с Эдом торговцы. Чилдэну, конечно,

можно что-нибудь продать, но для этого нужно произвести на него впечатление. Пустить пыль в глаза. Будь здесь Джулиана, она окрутила бы Чилдэна в полминуты. Она такая соблазнительная, бойкая на язык, а главное — она женщина». Закрыв глаза, Фрэнк попытался представить, как смотрелся бы на ее руке один из браслетов. Или большое колье. Да, было бы здорово, если бы Джулиана отправилась к Чилдэну с нашими вещичками. Ведь это женская бижутерия. Чилдэн просто упал бы в обморок при виде ее черных волос, бледной кожи, меланхоличного, скучающего взгляда, безупречной груди, чуть туже, чем следует, обтянутой джемпером, в вырезе которого поблескивает серебро...

Он представил ее так живо, будто они расстались вчера. Представил, как длинными сильными пальцами она берет безделушку и, запрокинув голову, любуется. У Джулианы хороший вкус.

«Больше всего ей подошли бы сережки,— размечтался он.— Яркие, броские, из красной меди. Волосы лучше подстричь покороче или стянуть на затылке заколкой, чтобы видны были серьги и колье. А еще неплохо бы сделать для рекламы несколько ее фотоснимков.— У них с Эдом заходила речь о проспекте для рассылки в другие города и страны.— Она бы выглядела сногсшибательно... Интересно, если я ее разыщу и предложу с нами работать, она не откажется? Не важно, что она обо мне думает, мы же не будем лезть в личную жизнь друг друга. Только общие деловые интересы. Я даже не стану ее сам фотографировать — найдем профессионального фотографа. А что, наверное, ей бы моя затея пришлась по душе. Она всегда любила, чтоб на нее глазели и восхищались. Как дитя малое, которому всегда надо быть в центре внимания,— иначе как-то не по себе. Наверно, сейчас кто-то за ней приударяет. Говорит ей, какая она милашка. Какие у нее чудесные ноги и гладкий плоский живот.

— Что с тобой? — искоса взглянув на него, спросил Маккарти.— Нервничаешь?

— Нет,— ответил Фрэнк.

— Я не собираюсь стоять там дурак дураком,— сказал Маккарти.— У меня есть кое-какие мыслишки. Не думай, я вовсе не боюсь. Да, я не люблю рядиться под джентльмена, и мне немного не по себе. Но это пустяки. Я все равно пойду и продам наш товар этому хлыщу.

«Дай-то бог»,— подумал Фрэнк.

— Черт возьми, если б ты мог пойти к Чилдэну, как в тот раз, и снова прикинуться поверенным японского адмирала, которому нужна бижутерия... Ведь у нас отменные вещицы, верно? Оригинальной формы, самодельные...

— Не самодельные, а ручной работы,— поправил Фрэнк.

— Ну да, ручной работы. Так вот, я не отстану от Чилдэна, пока он не получит полное удовольствие за свои денежки. Дурак он будет, если откажется, вот что я тебе скажу. Где еще делают такую бижутерию, как у нас? Да я как представлю, что он посмотрит и не купит,— у меня кулаки чешутся...

— Не забудь ему сказать, что это не покрытие. Латунные украшения целиком из латуни, медные — из меди.

— Ты уж дай мне самому решать, что говорить,— обиделся Маккарти.— Не волнуйся, молчать не буду.

«А я сделаю вот что,— подумал Фрэнк.— Выберу тайком от Эда одну-две побрякушки и пошлю Джулиане. Пусть знает, чем мы занимаемся. Пошлю по прежнему адресу, а на почте разберутся. Интересно, что она скажет, распечатав бандероль? Надо приложить записку — моя, мол, работа, а сам я — партнер в небольшом предприятии по производству бижутерии. Распалю ее воображение и намекну: если хочешь участвовать... Расскажу что-нибудь интересное о драгоценных камнях и металлах...»

— Кажется, здесь? — Маккарти притормозил. Они находились в деловом центре, по улице плотным потоком шли машины.— Пожалуй, пора искать стоянку.

— Еще пять кварталов,— сказал Фрэнк.

— У тебя найдется сигарета с марихуаной? — спросил Эд.— Надо бы малость успокоиться.

Фрэнк протянул ему пачку сигарет «Небесная музыка», к которым пристрастился в «Корпорации У-М».

«Да, наверняка она с кем-нибудь живет,— со вздохом сказал себе Фрэнк.— Спит с ним, как жена. Я ее знаю. Джулиана никак не может по-другому. С наступлением сумерек, когда на улице темно и холодно и все порядочные люди сидят в кругу семьи у камина, она просто чокнутая становится... Она не рождена для одиночества. Да и я тоже.

Может, ее парень и неплохой,— думал он.— Джулиане ничего не стоит подцепить какого-нибудь студентика. Этакого маменькиного сынка, которому и невдомек, как к бабе подойти.

Она не жестокая и не циничная, она может дать парнишке много хорошего. Чертовски хочется верить, что она не нашла себе кого постарше, какою-нибудь "супермена" с вечно торчащей изо рта зубочисткой...»

Фрэнк заметил, что стал тяжело дышать, вообразив мясистого, волосатого мужика, который обращается с Джулианой как с вещью, всячески унижает и оскорбляет ее...

«Я знаю — рано или поздно она покончит с собой,— подумал он.— Это у нее на роду написано. Если только не найдет себе настоящего друга, то есть нежного, внимательного, доброго, способного понять и оценить ее.

Я был слишком груб с ней.— Фрэнк печально вздохнул.— Хотя я не такой уж плохой, бывают хуже. Я всегда понимал, о чем она мечтает, чего хочет, когда ей одиноко, тоскливо... И нянчился, и успокаивал... Но этого мало. Она заслуживала большего».

— Я тут остановлюсь.— Маккарти высмотрел свободное место, развернул грузовик и, оглядываясь, дал задний ход.

— Послушай,— сказал Фрэнк,— можно, я пошлю одну-две вещицы своей жене?

— Я и не знал, что ты женат,— рассеянно произнес Маккарти.— Пожалуйста, только не серебряные. Приехали.— Затянувшись напоследок, он раздавил сигарету в пепельнице.— Пожелай мне удачи.

— Удачи,— сказал Фрэнк Фринк.

— Гляди, тут на пачке вака — японское стихотворение.— Маккарти прочитал вслух:

Услышав голос кукушки,
Я взглянул туда,
Откуда доносился звук.
И что я там увидел?
Только бледную луну в рассветном небе.

Он хлопнул Фрэнка по спине, ухмыльнулся, открыл дверцу и, подхватив корзину, вышел.

— Не забудь бросить в счетчик десятицентовик.— Через секунду он затерялся среди пешеходов.

«Джулиана! — мысленно воззвал Фрэнк.— Может быть, тебе сейчас так же одиноко, как и мне?»

Он вылез из пикапа и бросил монетку — плату за стоянку — в счетчик.

«Боюсь,— подумал Фрэнк.— Боюсь за наше дело. А вдруг — неудача? Вдруг Эд ничего не сумеет продать? А если над нами посмеются... Что тогда?»

Джулиана лежала на простыне на полу гостиной, в объятиях Джо Чиннаделлы. В комнате, залитой лучами послеполуденного солнца, было душно. Тела Джулианы и лежащего на ней мужчины были скользкими от пота. Со лба Джо скатилась капля, задержалась на скуле и упала Джулиане на шею.

— С тебя капает,— прошептала она.

Джо промолчал. Он ровно, глубоко дышал. «Как океан»,— подумала Джулиана.

— У нас внутри нет ничего, кроме воды. И теперь придется отлипать друг от друга.

Джо пошевелился.

— Уже встаешь? — Она прижала его к себе.— Погоди.

— Тебе не пора в спортзал?

«Не пойду в спортзал,— решила Джулиана.— Неужели ты еще не понял? Мы не останемся здесь, мы куда-нибудь уедем. Куда-нибудь, где не были прежде».

Она чувствовала, как Джо поднимается на колени. Ладони Джулианы скользнули по его влажным бокам. Джо отошел, шлепая по полу босыми ногами. В ванную, конечно.

«Все кончилось,— вздохнула Джулиана.— Ну и ладно».

— Слышу, слышу,— сказал Джо из ванной.— Опять стонешь. Постоянная депрессия, верно? Тревога, страх и подозрительность. По отношению ко мне и ко всему миру...— Он появился в дверях весь в мыле, улыбающийся.— Как насчет путешествия?

У нее быстрее забилось сердце.

— Куда?

— В какой-нибудь большой город. Можно махнуть на север, в Денвер. Гульнем на всю катушку. Будет тебе и концерт, и ресторан, и такси, и вечернее платье — все, что захочешь. О'кей?

В это было трудно поверить. Но поверить очень хотелось.

— Твой «студик» не развалится по дороге?

— Еще чего! — возмутилась она.

— Купим приличную одежду и кутнем, может, впервые за всю жизнь. Тебе надо хорошенько отдохнуть, не то сломаешься.

— А где мы денег возьмем?

— У меня есть,— улыбнулся Джо.— Погляди в саквояже.

Джо затворил дверь в ванную. Он что-то еще говорил, но Джулиана за шумом воды не слышала.

Отворив дверцу платяного шкафа, она достала обшарпанный, засаленный саквояж. Запустив в него руку, почти сразу наткнулась на конверт с крупными банкнотами Рейхсбанка, имеющими хождение практически везде. «Да, на это можно кутнуть,— подумала она, считая деньги.— А мне казалось, он просто лапшу на уши вешает. Вот бы забраться к нему в башку, поглядеть, что там творится».

Под конвертом лежала огромная поршневая авторучка цилиндрической формы. Во всяком случае, внешне предмет походил на авторучку. Но был непривычно тяжелым. Джулиана поспешно отвинтила колпачок. Да, с золотым пером. Но...

— Что это? — спросила она, когда Джо вышел из ванной.

Он забрал авторучку и положил в саквояж. «Как бережно он с ней обращается!» — мелькнула мысль.

— Опять болезненная мнительность? — спросил Джо. Таким беззаботным она его еще не видела. С громким возгласом он схватил ее за талию, поднял и закружил по комнате. Потом поставил на ноги и прижимал к себе, пристально глядя в глаза и обдавая теплым дыханием, пока она не ответила:

— Нет. Просто я тяжелая на подъем.

«Все-таки я тебя побаиваюсь,— подумала Джулиана.— Так побаиваюсь, что даже признаться тебе в этом не могу».

— В окно! — воскликнул Джо, неся ее на руках через всю гостиную.— Вот куда мы выйдем!

— Ну пожалуйста! — взмолилась она.

— Шучу,— хмыкнул он.— Слушай, а давай отправимся в поход, вроде марша на Рим! Помнишь? Их вел сам дуче, моего дядю Карло в том числе... А теперь у нас будет маленький марш, но не такой знаменитый, не для учебников истории.— Наклонившись, он так крепко поцеловал Джулиану, что они стукнулись зубами.— Как шикарно мы будем смотреться в обновках! И ты мне объяснишь, как надо себя вести в обществе, ладно? Научишь хорошим манерам.

— Ты нормально держишься,— сказала Джулиана.— Даже лучше, чем я.

— Нет! — Он сразу помрачнел.— Я паршиво говорю. За версту слыхать макаронника. Разве не заметила акцента еще в кафе?

— Вроде есть немножко.— Для нее это не имело значения.

— Только женщины разбираются в светских условностях.— Джо отнес Джулиану назад и с шумом уронил на диван.— Не будь женщин, мы бы только и говорили о лошадях и гоночных машинах да несли похабщину.

«Что это на тебя нашло? — размышляла Джулиана.— Пока не придумал этот "марш", ходил как неприкаянный. А теперь прыгаешь по комнате, ошалев от радости. Что в самом деле тебе нужно? Ты бы мог спокойно смыться, бросив меня здесь. Да я и не стала бы тебя удерживать, мне не впервой».

— Это твой заработок? — Она кивнула на конверт.— Сбережения? — Денег в конверте было слишком много. Впрочем, говорят, на востоке их куры не клюют.— Мне случалось разговаривать с водителями грузовиков. Им...

— С чего ты взяла, что я водитель? — перебил ее Джо, одеваясь.— У меня в этом рейсе другая работа. Я охраняю груз от бандитов, а прикидываюсь вторым водителем, дрыхнущим в кабине.— Он рухнул в кресло, откинул голову, приоткрыл рот и захрапел.— Понятно?

Вдруг она увидела в его руке нож — тонкий, вроде кухонного для чистки картофеля. «О господи! — испугалась Джулиана.— Откуда он взялся? Из рукава? Из воздуха?»

— Вот почему меня приняли в Фольксваген. Служебная анкета помогла. Во время войны мы столкнулись с Хазельденом и его коммандос.— Черные глаза Джо заблестели.— Угадай, кто в конце концов прикончил полковника? Как-то ночью, спустя несколько месяцев после каирской битвы, мы встретились с англичанами на Ниле. У них кончился бензин, и Хазельден с четырьмя людьми из «дезерт груп» напал на нас. Я стоял часовым. Хазельден подполз как змея, весь в черной краске, даже руки. В этот раз у них не было проволоки, только гранаты и автоматы. Слишком шумное оружие. Он попытался сломать мне шею, да не вышло.— Джо вскочил и, хохоча, бросился к Джулиане.— Давай собирайся. Позвони в спортзал, скажи, что берешь отпуск на несколько дней.

Рассказ показался Джулиане неубедительным. «Какие бандиты? — недоумевала она. Ей никогда не приходилось слышать, чтобы проходящие через Каньон-Сити грузовики с Восточного побережья сопровождала профессиональная охрана из бывших солдат.— Может, он и в США никогда не жил? И в Северной Африке не был, не сражался на стороне Оси и вообще

не воевал? Просто сочинил романтическую историю, чтобы запудрить мне мозги? Не исключено, он сумасшедший... Смешно,— подумала Джулиана,— спрашивается, зачем мне дзюдо, если я не пытаюсь защититься? Защититься — от чего? От посягательства на невинность? Нет,— сказала она себе,— на жизнь. Впрочем, скорее всего, он просто полунищий макаронник, всю жизнь месивший грязь в мечтах о шикарной жизни. Теперь ударится в загул, промотает денежки и вернется в свое болото. А помочь ему в этом должна шикарная баба».

— Хорошо,— сказала она,— я позвоню в спортзал.

По пути в коридор, где стоял телефон, Джулиана думала: «Ну ладно, он оденет меня с иголочки и поселит в роскошном отеле. Каждый мужик мечтает хотя бы раз в жизни пройтись с хорошо одетой женщиной, пусть даже самому придется раскошелиться и нарядить ее. Наверное, такой кутеж — давнишняя мечта Джо Чиннаделлы. А ведь он умный — умеет заглянуть в душу. Стоит мне увидеть мужественного парня, как начинается мандраж. Это еще Фрэнк замечал. Потому-то мы и расстались. Потому-то я и маюсь последние годы и не доверяю никому».

Вернувшись, Джулиана увидела, что Джо снова углубился в «Саранчу». Читая, он морщил лоб и не замечал ничего вокруг.

— Кажется, ты хотел, чтобы я ее прочла? — сказала она.

— Давай по дороге,— не отрываясь от страницы, буркнул он.

— Ты собираешься вести? Но ведь это моя машина.

Он не ответил. Похоже, просто не услышал.

Стоя возле кассы, Роберт Чилдэн поглядел на высокого, худощавого, темноволосого человека, переступившего порог магазина.

Гость был в костюме, недавно вышедшем из моды, в руке держал плетеную корзину. Мелкий торговец. Однако вместо заискивающей улыбки на его лице было решительное, даже мрачное выражение. Он скорее напоминал водопроводчика или электрика.

Проводив до дверей покупателя, Чилдэн обратился к вошедшему:

— Вы от кого?

— «Эдфрэнк. Ювелирные изделия»,— пробормотал худощавый и поставил корзину на прилавок.

— Никогда не слыхал.

Делая множество лишних движений, торговец отстегнул и поднял крышку корзины.

— Ручная работа. Каждое изделие — уникально. Медь, латунь, серебро. Даже кованое и вороненое железо.

Чилдэн заглянул в корзину, увидел блеск металла на черном бархате.

— Спасибо. Это не по моей части.

— Но ведь это американское искусство. Современное.

Отрицательно покачав головой, Чилдэн отошел к кассе.

Некоторое время посетитель возился со своими поделками и корзиной. Похоже, он не знал, что делать дальше. Сложив руки на груди, Чилдэн наблюдал за ним, думая о предстоящих делах. В два часа — встреча с покупателем, просившим показать несколько чашек раннего периода. В три из университетской лаборатории вернется очередная партия товара, отправленная на экспертизу. За две недели, после того грязного инцидента с культом сорок четвертого калибра, он проверил уйму вещей.

— Это не покрытие,— сказал торговец, протягивая Чилдэну браслет.— Цельная медь.

Чилдэн кивнул. Торговец еще немного поторчит в магазине, позвякивая безделушками, и уйдет.

Зазвонил телефон. Чилдэн взял трубку. Клиент справлялся об очень дорогом старинном кресле-качалке, которое Чилдэн взялся реставрировать, но не управился в срок. Пришлось оправдываться. Глядя сквозь витрину на проносящиеся машины, он успокаивал заказчика и уговаривал повременить. Наконец умиротворенный клиент повесил трубку.

«Нет,— сказал себе Чилдэн, мысленно возвращаясь к злосчастному кольту,— впредь никаких сомнительных сделок».

Теперь он без прежнего трепета смотрел на свой товар. Происшествия вроде этого глубоко западают в душу, подобно впечатлениям раннего детства. Открывают глаза. «Такое чувство, будто под сомнением оказалась подлинность не товаров, а моего свидетельства о рождении или моих воспоминаний об отце. Или, к примеру, о ФДР. Я лично могу не помнить Рузвельта, но во мне живет его собирательный образ, созданный со слов многих людей, легенда, незаметно проникшая в сознание. Словно легенда о Чиппендейле. Или Хэпплуайте. Или о том, что таким-то серебряным ножом (вилкой, ложкой) пользовался Авраам Линкольн».

А за соседним прилавком все еще возился незадачливый торговец.

— Мы можем делать бижутерию на заказ,— сипло произнес он.— На любой вкус. Если вашим клиентам захочется чего-

нибудь этакого.— Худощавый откашлялся, глядя то на Чилдэна, то на вещицу, которую держал в руках.

Чилдэн улыбался и молчал.

«Это не мое дело,— подумал он.— Пусть сам ломает голову, как убраться отсюда, не потеряв лица. Кой черт тебя дернул пойти в торговцы? Ах, как нам неудобно. Ну ничего, всем живется несладко. Взгляни хотя бы на меня. Весь день уходит на япошек вроде Тагоми. А им ничего не стоит щелкнуть тебя по носу — достаточно изменить гласную в твоей фамилии».

И тут у него мелькнула мысль: «Парень-то, по всему видать, простак. Может, взять у него чего-нибудь на комиссию? Чем черт не шутит?»

— Эй, постойте! — сказал он.

Торговец быстро обернулся. Приблизившись к нему со сложенными на груди руками, Чилдэн произнес:

— Вы здесь добрых полчаса. Ладно, ничего обещать не буду, но взглянуть на ваши вещицы, пожалуй, могу.— Он указал место на прилавке.

Кивнув, посетитель торопливо открыл корзинку и стал неловко доставать лотки.

«Сейчас начнет раскладывать безделушки,— с тоской подумал Чилдэн.— Провозится целый час. Надеясь. Молясь. Бросая косые взгляды, чтобы узнать, удалось ли хоть чуть-чуть меня заинтересовать. Все они одинаковы».

— Когда закончите, я взгляну, если останется время.

Торговец засуетился, будто его подстегнули.

В магазин один за другим вошли несколько посетителей, и, пока Чилдэн здоровался и обменивался с ними любезностями, он напрочь забыл о торговце. Тот заметил это, и его движения стали спокойнее. Он старался не привлекать к себе внимания. Чилдэн продал стакан для бритья, договорился о продаже коврика ручной работы и взял задаток за вязаный платок. Время шло. Наконец ушел последний посетитель, в магазине остались только Чилдэн и торговец.

Тот закончил раскладывать товар. На прилавке лежали два черных бархатных лотка с украшениями.

Неторопливо подойдя к прилавку, Роберт Чилдэн закурил сигарету «Страна улыбок». Постоял, покачиваясь на каблуках и мурлыча себе под нос. Торговец молчал.

Наконец Чилдэн протянул руку и коснулся броши.

— Мне нравится,— сказал он.

— Хорошая штучка,— зачастил торговец.— Ни пятнышка, ни царапинки. Она отполирована и не тускнеет. Мы покрыли ее синтетическим лаком, он долго держится. Это самый лучший лак.

Чилдэн кивнул.

— Мы использовали промышленную технологию,— продолжал торговец.— Насколько мне известно, до этого еще никто не додумался. Никакого литья в изложницы, только сварка, пайка и работа металлом по металлу.— Он помолчал и добавил: — Заколка припаяна вручную.

Чилдэн взял два браслета и брошь. Затем еще одну брошь. Подержал в руках и отложил в сторону.

В глазах торговца вспыхнула надежда.

Внимательно рассмотрев ярлычок на ожерелье, Чилдэн произнес:

— Это, надо полагать...

— Цена. Но вы нам выплатите всего пятьдесят процентов. Если возьмете товара на сотню долларов, мы сделаем скидку — скажем, еще процента на два.

Чилдэн отложил еще несколько украшений. Волнуясь, торговец говорил все быстрее, часто повторяясь и неся порой явную чушь. «Видимо, решил, что дело в шляпе»,— подумал Чилдэн. Сам он оставался бесстрастным и делал вид, будто и впрямь решил кое-что приобрести.

— Отличная штуковина,— пробубнил худощавый, когда Чилдэн двумя пальцами взял большой кулон.— У вас превосходный вкус, сэр. Вы отобрали самое лучшее.— Он засмеялся. У него бегали глаза. Он прикидывал в уме, сколько ему сейчас заплатят.

— Имея дело с незнакомыми поставщиками, мы соглашаемся только на комиссионную торговлю,— сказал Чилдэн.

Худощавый умолк и непонимающе уставился на него. Чилдэн улыбнулся.

— Комиссионную...— растерянно пробубнил торговец.

— Не хотите оставлять? — поднял брови Чилдэн.

Запинаясь, торговец пробормотал:

— То есть я оставлю, а вы заплатите потом, когда...

— Вы получите две трети от вырученной суммы. Подумайте, это выгодно. Придется, конечно, подождать, но...— Чилдэн пожал плечами.— Смотрите сами. Я мог бы, пожалуй, отвести для ваших изделий застекленный прилавок. Если товар

разойдется, через месяц-другой мы сможем договориться о новой партии, а то и о непосредственной покупке.

«Он здесь больше часа со своими побрякушками,— прикинул Чилдэн.— И выложил все. На лотках полная неразбериха; чтобы снова разложить вещи для показа, нужен еще час».

В магазине царила тишина.

— Вот эти, отложенные...— промямлил торговец.— Вы их выбрали?

— Да, можете оставить.— Чилдэн прошел в свой кабинет и произнес оттуда: — Я выпишу квитанцию. Вы будете знать, что у меня оставили.— Выйдя из кабинета с квитанционной книжкой, Чилдэн добавил: — Надеюсь, вы понимаете: принимая вещи на комиссию, наш магазин не несет ответственности за их сохранность.

«Вообще-то, квитанция не более чем бумажка. Если, получив непроданный товар обратно, торговец чего-нибудь недосчитается, значит, это украдено,— решил про себя Чилдэн.— В магазине частенько случаются кражи, особенно всякой мелочи вроде бижутерии».

Роберт Чилдэн никогда не останется внакладе. Ему не придется платить торговцу вперед: для таких сомнительных сделок у него нет свободного капитала. Если что-нибудь удастся продать, он получит прибыль, если нет — вернет товар хозяину.

Чилдэн заполнил бланк, поставил порядковые номера, подписался и вручил торговцу копию квитанции.

— Примерно через месяц можете позвонить и справиться, как уходит товар.

Он унес отобранную бижутерию в свой кабинет, а торговец стал укладывать в корзину оставшееся.

«Никогда не знаешь заранее, как оно обернется,— подумал Чилдэн,— а потому стоит попробовать».

Выглянув из кабинета, он увидел, что прилавок опустел. Но торговец направился не к выходу, а к Чилдэну, держа что-то в вытянутой руке.

— Да? — раздраженно спросил Чилдэн. Ему надо было разобрать почту.

— Хочу оставить свою визитку.— Худошавый положил перед Чилдэном карточку с красным и серым тиснением.— «Эдфрэнк. Ювелирные изделия на заказ». Здесь наш адрес и телефон. На тот случай, если мы вам понадобимся.

Чилдэн с улыбкой кивнул и склонился над столом.

Через некоторое время он оторвался от почты и выглянул в зал. Торговец ушел.

Опустив монетку в щель автомата, Чилдэн дождался, когда наполнится чашка. Затем сел и, прихлебывая горячий чай, задумался.

«Вряд ли удастся что-нибудь продать. Но все-таки неплохая работа. В жизни не встречал ничего подобного.— Он внимательно рассмотрел брошь.— Здорово придумано. Сразу видно профессионала. Надо поменять ярлыки. Поставить цены повыше. Вписать: "Миниатюрная скульптура. Уникальное произведение искусства. Ручная работа"».

И другая мысль созрела в мозгу Роберта Чилдэна: «С этим товаром не возникнет проблемы подлинности, из-за которой не сегодня, так завтра торговцы американским антиквариатом вылетят в трубу. Никогда не следует ставить все деньги на одну лошадь. Визит еврейского жулика — дурная примета. Если сейчас потихоньку запастись предметами современного искусства, без каких-либо претензий на историческую ценность, мне, быть может, вновь удастся обскакать конкурентов. К тому же заведомо ничего не теряя...»

Он удобно откинулся на спинку стула и размышлял с чашкой в руках.

«Времена меняются, надо уметь меняться вместе с ними. Всегда выходить сухим из воды. Приспосабливаться. Закон естественного отбора: держи ухо востро, смотри в оба. Не упускай момент.

Будь холодным и спокойным, иньским, как говорят на востоке. "Ах, эти черные иньские глаза..." — Внезапно — даже дух захватило — его озарила потрясающая мысль.— Ух ты! Двух зайцев — одним выстрелом! — Он вскочил.— Упаковать лучшие украшения. Сняв, разумеется, ярлычки. Браслет, подвеску или брошь — что-нибудь поинтереснее. Раз придется уходить из магазина к двум часам, почему бы не заехать к Казоура? Мистер Казоура, Пол, будет на службе. Зато вполне возможно, что дома окажется миссис Казоура.

Скромный подарок — новое оригинальное произведение американского искусства. Мои щедрые похвалы, надеюсь, дойдут до ушей знати. Вот так и рождается новая мода. "Это вам, Бетти. Правда, прелесть? А у меня в магазине целая подборка таких вещей". Ну и так далее. Великолепный предлог.— Он затрепетал.— В квартире только я и она. Среди бела дня. Муж на работе. Аж дух захватывает!»

Приготовив коробочку, оберточную бумагу и ленту, Чилдэн стал выбирать подарок для Бетти. Чтобы не ошибиться, он мысленно представил ее: смуглая, привлекательная, в элегантном платье восточного покроя, на высоких каблуках... А может, сегодня на ней легкая синяя блузка в стиле «кули». Японки любят их носить в домашней обстановке...

И все-таки, не слишком ли это смело? Полу может не понравиться. Пронюхает и устроит какую-нибудь пакость. Не стоит перегибать. Может, отнести подарок к нему в учреждение? И расхвалить, если не перед женой, так перед ним самим? А Пол без всяких подозрений передаст подарок Бетти. «Ага,— лукаво подумал Роберт Чилдэн.— А завтра-послезавтра я сам ей позвоню — спрошу, понравилось или нет...»

Увидев своего компаньона, понуро бредущего по тротуару, Фрэнк сразу понял, что радоваться нечему.

— Тебя только за смертью посылать. Что стряслось? — спросил он, принимая из рук Маккарти корзину.— Неужели ему понадобилось полтора часа, чтобы сказать «нет»?

— Он не сказал «нет»,— буркнул Маккарти, усаживаясь в кабину. Он выглядел очень усталым.

— А что сказал? — Фрэнк открыл корзину.— Ого, много взял. Так в чем дело, Эд?

— Предложил оставить кое-что на комиссию,— ответил Маккарти.

— И ты согласился? Мы же договаривались...

— Сам не пойму, как это вышло.

— Господи боже! — выдохнул Фрэнк.

— Прости, дружище. Он сделал вид, будто собирается покупать. Отложил целую кучу. Я думал, купит....

Они долго сидели в грузовике, не говоря ни слова.

Глава 10

Две последующие недели Бэйнс провел как на иголках. Ежедневно в полдень он звонил из гостиницы в Торгпредство и справлялся, не прибыл ли пожилой господин. И получал один и тот же ответ: «Нет». С каждым днем тон Тагоми становился все холоднее. Взяв трубку, чтобы позвонить в шестнадцатый раз, Бэйнс подумал: «Придет день, когда мне скажут, что мистер Тагоми вышел и просил его не беспокоить».

Что случилось? Где Ятабе?

Он находил только одно объяснение: на Токио ошеломляюще подействовала смерть Мартина Бормана. Вероятно, Ятабе отправился в плаванье, но спустя день-другой получил новые инструкции и возвратился на Родные острова.

«Невезение,— подумал Бэйнс,— и возможно, роковое». Но в любом случае он должен остаться в Сан-Франциско. Попытаться наладить контакт, ради которого он сюда прилетел. Сорок пять минут на борту ракеты — и он здесь. Какие непостижимые времена! Можно улететь куда захочешь, даже на другую планету. Но зачем? Чтобы целыми днями сидеть на месте, постепенно теряя надежду? Впадая в бесконечную тоску?

«А те, другие, не сидят на месте,— горько подумал он.— Они действуют».

Мистер Бэйнс развернул дневной выпуск «Ниппон Таймс» и прочитал:

«ДОКТОР ГЕББЕЛЬС ИЗБРАН РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ.

Неожиданное решение Партийной Комиссии. Энергичное выступление по радио. Ликующие толпы в Берлине. Ожидается официальное заявление. Геринг может стать шефом полиции вместо Гейдриха».

Он перечитал статью. Затем отложил газету, взял трубку и набрал номер Торгпредства.

— Это Бэйнс. Можно поговорить с мистером Тагоми?

— Одну секунду, сэр.

Секунда затянулась надолго.

— Тагоми слушает.

Набрав полную грудь воздуха, Бэйнс произнес:

— Простите, что снова вас беспокою...

— А, это вы, мистер Бэйнс.

— Мне очень жаль, что приходится злоупотреблять вашим гостеприимством, но когда-нибудь, надеюсь, вы поймете, почему я с таким нетерпением ожидаю господина Ятабе, с которым у меня назначена встреча...

— К сожалению, он еще не прибыл.

Бэйнс закрыл глаза.

— Я думал, со вчерашнего дня...

— Боюсь, что нет, сэр.— Тон — сама вежливость.— Прошу простить меня, мистер Бэйнс. Неотложные дела.

— Всего хорошего, сэр.

В трубке послышались гудки. Сегодня Тагоми даже не попрощался. Бэйнс медленно опустил трубку.

«Хватит ждать. Надо действовать».

Ему было категорически запрещено вступать в прямой контакт с абвером. Ни при каких обстоятельствах! Он должен только дождаться военного представителя Японии, провести с ним совещание и вернуться в Берлин. Но никто из начальства не предвидел столь несвоевременной смерти Бормана. Следовательно...

Учитывая ситуацию, придется изменить план по своему усмотрению, поскольку советоваться не с кем.

В ТША действуют по меньшей мере десять резидентов абвера, но часть из них, если не все, на крючке у Бруно Кройца фон Меере, руководителя регионального отделения СД. Несколько лет назад Бэйнс видел Бруно на партийном собрании. В полиции о нем ходила дурная слава: в сорок третьем Бруно спас Рейхарда Гейдриха, сорвав британо-чешское покушение на Вешателя. В те дни Кройц фон Меере быстро поднимался по ступенькам аппаратной лестницы СД. Он был не просто партийным бюрократом — он был очень опасным человеком.

Даже если абвер в Берлине и токкока в Токио примут все меры предосторожности, остается опасность, что СД пронюхает о готовящейся встрече. Правда, здесь у власти японцы, и СД не посмеет вмешаться официально. Она сможет арестовать германского подданного — то есть Бэйнса,— едва он снова ступит на землю Рейха, но вряд ли СД отважится устранить его здесь или сорвать встречу.

Во всяком случае, хочется в это верить.

Неужели СД все-таки рискнула и сумела перехватить старика?

«Если его схватили,— подумал Бэйнс,— значит, скоро доберутся и до меня!»

И все же ситуация не безнадежная. Пока Бэйнс днями и ночами сидел в номере гостиницы «Абхирати», в его голове созрел план.

«Лучше передать информацию Тагоми, чем возвращаться в Берлин с пустыми руками. Все-таки это шанс — хоть и весьма призрачный — сообщить мои сведения нужным людям. Но, к сожалению, Тагоми может только выслушать, намотать на ус и, вернувшись на Родные острова, передать кому следует. Тому же Ятабе, если он там.

Но все же это лучше, чем сидеть сложа руки. Времени осталось в обрез. Надо начинать все сначала, запастись терпением

на несколько месяцев и упорно, кропотливо готовить встречу заинтересованных лиц в Германии с заинтересованными лицами в Японии...

То-то удивится Тагоми,— ехидно подумал Бэйнс,— узнав, какое бремя ни с того ни с сего легло ему на плечи. Ничего общего с технологией литья под давлением...

Не исключено, что с ним случится нервный шок. Он может проболтаться кому-нибудь из своих служащих или сделает вид, что его это не касается. Просто откажется мне верить. Едва я начну, встанет, поклонится и уйдет.

"Простите, вы обращаетесь не по адресу,— так он ответит.— Это не в моей компетенции".

Только и всего,— подумал Бэйнс.— Уклонится, не рассуждая. Хотел бы я быть на его месте!

Но все-таки это не выход даже для Тагоми. Все мы одной веревочкой связаны. Он может заткнуть уши. Может не придавать значения моим словам. До поры до времени. Пока слова не перестанут быть просто словами. А это неизбежно произойдет. Вот что необходимо ему внушить. Или тому, с кем мне в конце концов придется иметь дело...»

Выйдя из гостиничного номера, Бэйнс спустился в вестибюль. Швейцар подозвал для него велотакси, и скоро китаец, энергично крутя педали, вез его по Маркет-стрит.

— Остановитесь здесь,— велел Бэйнс, увидев нужную вывеску. Велотакси остановилось. Бэйнс расплатился с рикшей и огляделся. Похоже, «хвоста» нет. Он пересек улицу и вместе с несколькими прохожими вошел в огромный универмаг «Фуга».

Там было полно народу. Стояли бесконечные ряды прилавков, за ними — продавцы, преимущественно белые, но встречались и японцы, заведующие отделами. Шум стоял ужасающий.

Бэйнс в замешательстве потоптался на месте, но, заметив секцию мужской одежды, подошел к ряду вешалок и стал рассматривать брюки. Вскоре к нему вышел белый юноша-продавец и поздоровался.

— Вчера я присмотрел у вас широкие брюки из темно-коричневого сукна,— обратился к нему Бэйнс. Встретившись с продавцом взглядом, он добавил: — Здесь был другой продавец. Ростом повыше вас, худощавый, с рыжими усами. На пиджаке — карточка с именем Ларри.

— Он только что ушел перекусить. Скоро вернется.

— Ну так я зайду в примерочную, посмотрю, как они на мне сидят.— Бэйнс снял брюки с вешалки.

— Пожалуйста, сэр.— Продавец указал на свободную кабинку и направился к следующему покупателю.

Бэйнс закрылся в кабинке, сел на один из двух стульев и стал ждать. Через несколько минут постучали. Дверь кабинки отворилась, вошел маленький, средних лет японец.

— Вы иностранец, сэр? — обратился он к Бэйнсу.— Мне бы хотелось убедиться в вашей платежеспособности. И удостоверение личности, если не возражаете.

Бэйнс протянул бумажник. Усевшись на свободный стул, японец стал изучать его содержимое. Дойдя до фотографии девушки, он кивнул:

— Очень хорошенькая.

— Моя дочь. Марта.

— Мою дочь тоже зовут Мартой,— сказал японец.— Она сейчас в Чикаго, учится играть на фортепьяно.

— А моя уже невеста.

Японец вернул бумажник и выжидающе посмотрел Бэйнсу в глаза.

— Я здесь две недели, а мистера Ятабе все еще нет,— сказал Бейнс.— Я должен знать, прибудет ли он. Если нет, что мне делать?

— Приходите завтра после обеда,— сказал японец. Он встал, Бэйнс тоже поднялся.— До свидания.

— До свидания.

Бэйнс вышел из примерочной, повесил брюки на вешалку и покинул универмаг «Фуга».

«А быстро я управился,— думал он, шагая по тротуару людной центральной улицы.— Неужели он действительно все устроит? Свяжется с Берлином, передаст мои вопросы, зашифрует, расшифрует, все как положено? Наверное. Жаль, что я раньше не вышел на этого агента. Не пришлось бы столько волноваться. Да и риск, по-видимому, невелик — все прошло без сучка без задоринки».

Бэйнс неторопливо шел по улице, заглядывал в витрины магазинов. У него словно гора с плеч свалилась. У одной из витрин он задержался и, усмехаясь, долго рассматривал загаженные мухами фотографии танцовщиц ночного кабаре — голых баб с грудями как спущенные волейбольные мячи.

Мимо по своим делам шли пешеходы.

Наконец-то хоть что-то сдвинулось!

Джулиана читала, привалившись боком к дверце «студебеккера». За рулем, выставив локоть в окошко, сидел Джо. Баранку он держал одной рукой, к нижней губе прилипла сигарета. Джо неплохо водил. У Джулианы было время в этом убедиться — они отъехали от Каньон-сити на порядочное расстояние.

По радио передавали слащавую музыку. Какой-то заурядный оркестр наяривал на аккордеонах польки да шотландские танцы.

— Мексика,— буркнул Джо, дослушав очередную мелодию.— Знаешь, я неплохо разбираюсь в музыке. Сказать тебе, кто действительно был великим дирижером? Артуро Тосканини. Ты, наверное, о нем и не слыхала.

— Нет,— сказала Джулиана, не отрываясь от книги.

— Он итальянец. Но после войны фашисты не дали ему дирижировать. Из-за политических взглядов. Он уже помер. А фон Караян, этот бессменный дирижер Нью-Йоркской филармонии, мне не нравится. Нас всем поселком сгоняли на его концерты. А знаешь, кого я люблю, как всякий макаронник? — Он покосился на нее и спросил: — Ну, как книга?

— Занятная.

— Мне нравятся Верди и Пуччини. А в Нью-Йорке нас изводили тяжелым, напыщенным Вагнером. И Орфом. А еще — раз в неделю заставляли ходить в Мэдисон-сквер-гарден, там Националистическая партия США устраивала дурацкие шоу с флагами, трубами, барабанами и факелами. Еще там нараспев, как «Отче наш», читали историю готских племен и прочую ерунду — это называлось «просвещением». Ты бывала в Нью-Йорке до войны?

— Да,— ответила она, пытаясь сосредоточиться.

— Правда, что там был шикарный театр? Да-а, теперь все. Сценическое искусство там же, где кинопромышленность,— в лапах берлинского картеля. За тринадцать лет, что я был в Нью-Йорке, ни новой музыки, ни пьес не...

— Слушай, не мешай, а? — перебила Джулиана.

— И с книгами то же самое,— как ни в чем не бывало продолжал Джо.— Все издательства в Мюнхене. В Нью-Йорке только типографии. А говорят, до войны Нью-Йорк был центром мировой книгопромышленности.

Джулиана заткнула уши пальцами. Она уже дошла до того места, где рассказывалось о пресловутом телевидении. Эта тема ее живо интересовала. Особенно понравилась идея насчет недорогих маленьких аппаратов для жителей удаленных уголков Африки и Азии.

«...только благодаря американской технологии и конвейерному производству, налаженному в Детройте, Чикаго и Кливленде, произошло это чудо благотворительности — непрерывный поток дешевых (не дороже китайского доллара) телевизоров во все города и веси Востока. И что же смотрел тощий паренек с беспокойной душой, получая от щедрых американцев крохотный приемник на батарейках? Что смотрели остальные жители деревни, сбившиеся в кучу у экрана? Прежде всего — уроки чтения. А затем и другие полезные передачи: как вырыть колодец поглубже, вспахать глубокую борозду, очистить питьевую воду, вылечить больного. А в небе, рассылая телесигнал истосковавшимся по знаниям народам Востока, проносился американский искусственный спутник».

— Ты все подряд читаешь? — спросил Джо.— Или перескакиваешь?

— Как здорово! В этой книге мы дарим пищу и знания миллионам азиатов, всем без исключения!

— Благотворительность в мировом масштабе? — усмехнулся Джо.

— Да. Новый курс президента Тагуэлла: повышение жизнеспособного уровня масс. Вот, послушай:

«Чем был доселе Китай? Нищей, раздираемой противоречиями страной, с тоской глядящей на Запад. Его великий президент, демократ Чан Кайши, за которым народ шел в войну, объявил Десятилетие Реконструкции. Но реконструировать в этой огромной равнинной стране было нечего. Надо было пробуждать ее от векового сна, раскрывать ей глаза на современный мир с его реактивными самолетами, атомной энергией, автомагистралями, фабриками и медициной. Но откуда должен грянуть гром, который разбудит гиганта? На этот вопрос Чан мог ответить еще в ту пору, когда громил японцев. Из Соединенных Штатов. К началу пятидесятых во всех провинциях Китая можно было встретить американских инженеров, учителей, врачей, агрономов».

— Знаешь, что он сделал? — перебил Джо.— Взял все лучшее у нацизма, у национал-социалистической партии, у Организации Тодта, добавил экономические успехи Шпеера — вот тебе и новый курс. А всю дрянь — эсэсовцев, расовый геноцид и сегрегацию — выкинул. Утопия? Утопия. Думаешь, если бы союзнички победили, вам и впрямь удалось бы с этим новым курсом оживить экономику и осуществить социальные реформы во всем мире? Черта с два! Вдуматься, так этот Абендсен проповедует государственный синдикализм, корпоративное государ-

ство вроде того, что мы создали при дуче. Дескать, победи мы, во всем мире осталось бы только хорошее, никакого...

— Может, хватит? — вспылила Джулиана.— Не даешь читать.

Он пожал плечами и умолк. Она стала читать дальше — теперь уже про себя.

«...Чтобы насытить товарами бескрайний китайский рынок, детройтским и чикагским заводам приходилось работать денно и нощно. Но огромное чрево было ненасытно. Столетиями миллионы китайцев не имели ни грузовиков, ни кирпича, ни стального проката, ни одежды, ни пишущих машинок, ни консервированного горошка, ни часов, ни капель от насморка. В шестидесятом году уровень жизни американского рабочего стал самым высоким в мире, а все благодаря репутации, которую Америка заслужила в торговле с Востоком. Войска Соединенных Штатов покинули Японию, и все же факт оставался фактом: в Кантоне, Токио и Шанхае покупали американские, а не британские товары. И каждая новая сделка увеличивала доход балтиморского, лос-анджелесского или атлантского рабочего. Тем, кто вынашивал и воплощал в жизнь благородные замыслы — политикам из Белого Дома,— казалось, что они почти добились своей цели. Делаются первые робкие шаги в космонавтике, скоро в космическую высь взлетят ракеты, оставляя планету, почти исцеленную от вековых язв: голода, болезней, войн, дискриминации. Не желая отставать от Америки, Британская империя осуществляет социальные и экономические преобразования в Индии, Бирме, Африке и на Ближнем Востоке. Рурские, манчестерские и саарские фабрики, бакинские нефтедобывающие предприятия срастутся в единую эффективную сеть; народам Европы предстоит...»

— Думаю, не мы, а они задавали бы тон,— сказала Джулиана.— У них это всегда лучше получалось. Я о британцах.

Вопреки ее ожиданиям Джо не ответил. Джулиана снова уткнулась в книгу.

«...реализация глобальных замыслов: выравнивание культурных уровней и примирение соперничающих этносов, которые со времен падения Рима раздирали на части Европу. Сбывается мечта Чемберлена о едином союзе христианских стран, живущих в согласии не только друг с другом, но и со всем миром. И все же... Остается только одна незаживающая язва. Сингапур.

Среди жителей государства Юго-Восточной Азии немало китайцев. В основном это бизнесмены. И вот эти преуспевающие буржуа видят, что американская администрация Китая обращается с

так называемыми "туземцами" справедливее, чем англичане. Под властью англичан для цветных недоступны ни государственные клубы, ни гостиницы, ни хорошие рестораны; как и в былые времена, для них отводятся специальные места в поездах, автобусах и — что всего хуже — ограничивается выбор места жительства. Из разговоров и газет "туземцы" знают, что в Соединенных Штатах проблема цветных решена еще в конце сороковых. Везде, даже на Юге, белые и негры живут и трудятся в равных условиях. Вторая мировая война покончила с дискриминацией...»

— А потом началась заваруха? — спросила Джулиана. Джо что-то проворчал, не отрывая глаз от дороги.

— Расскажи, что там дальше,— попросила она.— Похоже, я не дочитаю — скоро Денвер. Наверное, Америка сцепилась с Британией, а победившая страна получила весь мир?

— Кое в чем это неплохая книга,— ни с того ни с сего сказал Джо.— Абендсен продумал все до мелочей: Соединенным Штатам достается Тихий океан, ни дать ни взять — наша Восточно-Азиатская сфера процветания. Россию они делят между собой. Все это длится лет десять, а потом, естественно, заваривается каша...

— Почему — естественно?

— Такова человеческая натура,— пояснил Джо.— Натура государств. Подозрительность, алчность, страх. Черчиллю кажется, будто янки, взывая к проамерикански настроенному большинству китайского народа, подрывают британскую власть в Южной Азии. Появляются так называемые «профилактические изоляторы» — другими словами, концлагеря для тысяч неблагонадежных китайцев. Их обвиняют в саботаже и враждебной пропаганде. Черчилль...

— А Черчилль все еще у власти? Ведь ему уже под девяносто!

— Вот тут-то американцы и дали маху,— ухмыльнулся Джо.— Британцы поступили умней. Через каждые восемь лет лидеру Соединенных Штатов, будь он хоть семи пядей во лбу, дают пинка. А вот Черчилль остается в своем кресле. Прогнав Тагуэлла, американцы второго такого умника не находят. У руля становятся всякие бездари. А Черчилль чем старей, тем жестче и круче правит. К началу шестидесятых он точь-в-точь древний восточный владыка — слова ему поперек не скажи! Двадцать лет премьер-министр — привык к власти.

— О боже! — воскликнула Джулиана и заглянула в конец книги — убедиться, что Джо не соврал.

— Тут я согласен,— продолжал Джо.— В войну Черчилль здорово правил Англией. Британцы много бы потеряли, вынудив его уйти в отставку. Запомни мои слова: государство не может быть лучше, чем его правитель. Führerprinzip — принцип лидерства, как говорят фашисты. И они правы. С этим даже Абендсен согласен. Ясное дело, после войны Америка легко расширяет сферу экономического влияния — еще бы, она отхватила у япошек такой громадный рынок в Азии! — но этого недостаточно. У Штатов нет духовной основы, нет ее и у британцев. И то, и другое общество — плутократические, наверху стоят богачи. Побеждая, плутократы думают только о том, как делать деньги. Абендсен ошибается: не нужны им никакие социальные реформы, никакие благотворительные программы. Напротив, англосаксонская олигархия в жизни бы ничего такого не допустила.

«Говорит, как убежденный фашист»,— неприязненно подумала Джулиана.

Видимо, Джо прочел эту мысль на ее лице — он вдруг притормозил, полуобернулся и, поглядывая одним глазом на Джулиану, а другим на дорогу, сказал:

— Послушай, я не интеллигент — фашистам интеллигенты ни к чему. Для них важно дело. Теория вытекает из практики. В плане мозгов наше корпоративное государство требует от нас только одного — понимания движущих сил истории. Ясно? Так вот: я их понимаю.— Он говорил серьезным, чуть ли не умоляющим тоном.— У всех этих прогнивших денежных империй — Британии, Франции, США, хотя последняя не совсем империя, а так, недоношенное дитя с непомерным аппетитом,— не было души, а значит, и будущего. Им не суждено было выжить. Я знаю: нацисты — это банда головорезов. Правильно? Ты согласна? — Он так быстро говорил, с таким количеством итальянских жестов, что Джулиана не удержалась от улыбки.— Это Абендсену не все равно, кто выиграет последнюю битву — США или Англия. Да и какая разница?! Слава, заслуги, история — это только слова! Пусть они победят вшестером, вдесятером — что меняется? Ты читала когда-нибудь статьи дуче? Красиво написано. Вдохновенно. Красивый мужчина. Раскрывает подоплеку практически любого события. Старое против нового — вот настоящая причина войны. Деньги — вот почему фашисты некстати втянули в это дело еврейский вопрос,— против массового сознания, которое немцы называют Gemeinschaft.

К этому пришли и Советы. Коммуния. Согласна? Большевики украли у Петра Великого идеи панславянской империи и строили ее, прикрываясь социальными реформами.

«Точь-в-точь Муссолини»,— подумала Джулиана.

— Нацистская резня — это, конечно, трагедия,— задумчиво продолжал Джо, обгоняя грузовик.— Но ведь проигравший платит, так всегда было. Возьмем любую из прежних революций, французскую, например, или кромвельскую с войнами против ирландцев. В немецком характере слишком много философии да и театра, пожалуй. Взять хотя бы эти бесконечные митинги. А настоящего фашиста никогда не поймаешь на болтовне. Он говорит только по делу. Как я, верно?

— Боже, да ты как помелом метешь! — со смехом ответила Джулиана.

— Я тебе объясняю фашистскую теорию действия! — закричал Джо.

Она промолчала, давясь от смеха. Но сидевшему рядом человеку ее слова не казались смешными. Джо побагровел, глаза горели, на лбу вздулись вены, его даже трясло. Он снова вспахал пальцами шевелюру и молча, зло посмотрел на Джулиану.

— Не дуйся,— сказала она.

Ей показалось, что Джо ударит ее. Он поднял руку, но спохватился и, выругавшись, включил радио.

Они ехали дальше. Из репродуктора сквозь помехи прорывалась эстрадная музыка. Джулиана снова уткнулась в книгу.

— Ты права,— буркнул Джо, когда прошло довольно много времени.

— Насчет чего?

— Насчет заваляшей империи. С вождем-шутом. Неудивительно, что от войны нам не было проку.

Джулиана похлопала его по руке.

— Мура все это, правда, Джулиана? Нет на свете ни истины, ни справедливости. Верно?

— Может быть,— рассеянно ответила она, опустив глаза.

— Побеждает Британия,— сказал Джо, ткнув пальцем в книгу.— Я тебе расскажу, не беспокойся. США теряет часть колоний, Англия вовсю хапает, тащит, расширяется — удерживает инициативу. Можешь дальше не читать.

— Надеюсь, в Денвере нам удастся развлечься,— закрыв книгу, произнесла Джулиана.— Тебе нужно́ отдохнуть.

«Если ты не отдохнешь, лопнешь и разлетишься на куски, как изношенная пружина,— подумала Джулиана.— А что тогда будет со мной? Как я вернусь назад? А может... взять и бросить тебя? Мне очень хочется развлечься, как ты обещал. Но я не желаю, чтобы меня надули. Со мной это часто случалось, слишком часто».

— Отдохнем, не волнуйся.— Джо долго испытующе смотрел ей в глаза.— Слушай, я вижу, тебе запала в душу эта «Саранча». Как думаешь, авторам бестселлеров, таким как Абендсен... читатели шлют письма? Бьюсь об заклад — его завалили письмами, а может, к нему даже приезжают потолковать.

Она поняла.

— Джо, это всего-навсего лишняя сотня километров!

У него заблестели глаза. Он лучезарно улыбался. Раздражения как не бывало.

— За чем же дело стало! — воскликнула Джулиана.— Ты отличный водитель, мигом туда домчим.

— Вообще-то, не думаю, чтобы знаменитости пускали к себе кого ни попадя,— задумчиво произнес Джо.— Особенно когда поклонников слишком много.

— А почему бы не попытаться? — Она схватила его за плечо и настойчиво добавила: — В худшем случае он нас выгонит. Ну, пожалуйста, Джо!

— Хорошо. Но сначала купим все, что нужно, и оденемся с иголочки,— рассудительно ответил Джо.— Внешний вид — это очень важно, по одежке встречают... А еще, может быть, возьмем в Шайенне напрокат новую машину?

— Да,— кивнула Джулиана.— А еще ты подстрижешься. И я выберу тебе одежду, ладно? Я привыкла одевать Фрэнка — мужчины в этом деле ничего не понимают.

— Да, у тебя хороший вкус,— произнес Джо, бросая взгляды на дорогу.— Да и в остальном... Пожалуй, будет лучше, если ты сначала ему позвонишь. Познакомишься.

— Себе я тоже сделаю прическу,— мечтательно протянула Джулиана.— Конечно. Я даже не побоюсь подняться к нему и нажать на звонок,— похвасталась она.— Только раз живем, верно? Наш брат не из пугливых. Абендсен — такой же человек, как и все мы. Может, он даже обрадуется, узнав, что кому-то не лень было ехать к нему в такую даль, чтобы поделиться восторгом по поводу книги. Скажем: «Мы приехали за автографом, будьте любезны, распишитесь на форзаце...» Правда, эта

книга для автографа не годится, очень уж затрепана, надо купить новую.

— Купим все, что пожелаешь,— пообещал Джо.— Мелочи сама продумай — какие слова говорить и что делать. Ты сможешь, я знаю. Красивая девчонка кого хочешь окрутит. Да он настежь распахнет дверь, как только увидит, какая ты красотуля! Только вот что: давай без дураков.

— Ты о чем?

— Скажешь, что мы женаты. Не хочу, чтобы ты с ним то да се... ну, сама понимаешь. Слишком большая плата за гостеприимство. Гляди у меня, Джулиана.

— Ты сможешь поспорить с ним насчет предательства Италии,— продолжала она.— Как со мной спорил, помнишь?

— Обязательно. Мы это еще обсудим.— Джо кивнул и надавил на акселератор.

На следующее утро Тагоми встал с постели в семь часов и направился было в ванную, но передумал и раскрыл Оракула. Скрестив ноги на полу, Тагоми стал перебрасывать из ладони в ладонь черенки тысячелистника. Он торопился — ему казалось, будто от ответа Оракула зависит очень многое. Наконец перед ним выстроились все шесть черт. О Боже! Гексаграмма пятьдесят один!

«Божественное приходит под знаком действия. Свершение. Гром и молния — невольно зажмешь уши ладонями. Ха-ха! Хо-хо! Великое потрясение заставит человека вздрогнуть и зажмуриться. Ящерица кинется прочь, а тигр заревет — и проявится Божественная Сущность!»

Что это значит? Он нервно оглядел гостиную. Что-то произойдет? Что? Он вскочил и, тяжело дыша, застыл, выжидая. Ничего. Стук сердца. Автоматическая реакция на шок дыхательного и всех соматических процессов, и том числе контролируемых подкоркой: поступление в кровь адреналина, увеличение сокращений, выброс гормонов из надпочечника, расширение зрачков, сухость в горле. Медвежья болезнь.

Что делать? Бежать? Куда и зачем? Как это характерно для современного человека: тело сжалось в комок в предчувствии опасности, а разум не сознает ее.

Он прошел в ванную и намылил щеки.

Зазвонил телефон.

— Вот оно! — произнес Тагоми и положил бритву на умывальник. Быстро вернувшись в гостиную и сказав себе: «Я готов», он взял трубку.— Тагоми.— Получилось хрипло. Он откашлялся.

Пауза. Затем тихий, сухой голос — словно шуршание опавшей осенней листвы.

— Сэр, с вами говорит Синьиро Ятабе. Я в Сан-Франциско.

— Приветствую вас от имени Торгпредства,— сказал Тагоми.— Чрезвычайно рад. Надеюсь, вы в добром здравии? Не устали?

— Все хорошо, мистер Тагоми. Когда я смогу вас увидеть?

— Я буду готов через полчаса.— Тагоми напряженно всмотрелся в стрелки часов, висящих в спальне.— Я должен связаться с третьим участником, мистером Бэйнсом. Возможно, он задержится, но...

— Вы не против, если мы встретимся через два часа, сэр? — спросил Ятабе.

— К вашим услугам.— Тагоми машинально поклонился.

— В «Ниппон Таймс Билдинг», у вас в кабинете.

Тагоми снова отбил поклон.

Щелчок. Ятабе повесил трубку.

«Как обрадуется Бэйнс,— подумал Тагоми.— Просто запрыгает от восторга. Как кот, получивший жирный осетриный хвост». Он набрал номер отеля.

— Конец вашим мучениям,— произнес Тагоми, услышав в трубке сонный голос Бэйнса.

Сон с того как рукой сняло:

— Он здесь?!

— У меня в кабинете,— сказал Тагоми.— В десять двадцать. До свидания.— Он положил трубку и бросился в ванную — добриваться. Завтракать некогда, надо распорядиться, чтобы Рамсей раздобыл чего-нибудь поесть к тому времени, как закончится совещание. Бреясь, он мысленно составлял меню завтрака на троих.

Бэйнс стоял в пижаме у телефона, тер лоб и думал.

«Зря я поддался панике и вышел на связь с тем агентом. Еще бы денек подождать. Если я не приду, это может вызвать цепную реакцию. Решат, что я убит или похищен. Попытаются меня найти. Впрочем, это не столь важно. Главное — Ятабе здесь. Наконец-то. Больше не придется ждать».

Бэйнс быстро прошел в ванную и достал бритвенный прибор.

«В том, что Тагоми его сразу узнает, можно не сомневаться. Пожалуй, псевдоним "мистер Ятабе" будет ни к чему. В сущности, нам обоим не нужны сейчас ни вымышленные имена, ни легенды».

Побрившись, Бэйнс встал под душ и под шум воды запел во все горло:

Wer reitet so spät
Durch Nacht und den Wind?
Es ist der Vater
Mit seinem Kind*.

СД уже ничего не сумеет предпринять. Даже если что-нибудь пронюхает. Не надо больше шарахаться от каждой тени, трястись за свою шкуру.

Что касается остального... Все только начинается.

Глава 11

Для рейхсконсула в Сан-Франциско фрейгерра Гуго Рейса этот день начался с треволнений. Войдя в приемную консульства, он увидел посетителя — рябого здоровяка с тяжелой челюстью и черными кустистыми бровями, сдвинутыми к переносице. При появлении Рейса он встал и, задрав руку, буркнул: «Хайль!»

— Хайль! — Рейс внутренне застонал, но сумел растянуть губы в официально-вежливую улыбку.— Герр Кройц фон Меере. Я удивлен. Зайдете? — Он отпер дверь кабинета, раздраженно подумав, где же шляется вице-консул и какой мерзавец впустил в приемную шефа СД. Впрочем, раз он здесь, ничего не поделаешь.

Не вынимая рук из карманов пальто, Кройц фон Меере прошел вслед за ним в кабинет.

— Вот что, фрейгерр, мы засекли того парня из абвера, Рудольфа Вегенера, на старой абверовской явке.— Кройц фон Меере хохотнул, блеснув огромными золотыми зубами.— Ну и, понятное дело, проводили до гостиницы.

---

* Кто скачет, кто мчится
Под хладною мглой?
Ездок запоздалый,
С ним сын молодой.
(Гете, «Лесной царь», пер. Жуковского).

— Прекрасно,— сказал Рейс, заметив, что почта лежит на столе. Значит, Пфердхоф где-то поблизости. Видимо, он запер кабинет, чтобы удержать шефа СД от искушения провести маленький неофициальный шмон.

— Все это очень серьезно,— сказал Кройц фон Меере.— Я уже доложил Кальтенбруннеру. Дело государственной важности. В любую минуту может поступить приказ из Берлина. Если только наши доморощенные Unratfressers* не спутают все карты.— Он уселся за стол консула, вытащил из кармана пальто пачку бумаг и, сосредоточенно шевеля губами, развернул одну из них.— Липовая фамилия — Бэйнс. По легенде — швед, не то промышленник, не то коммерсант. В общем, что-то связанное с пластмассами. Сегодня утром, в восемь десять, ему позвонили из японского учреждения и назначили встречу на десять двадцать в конторе у одного япошки. Мы пытаемся выяснить, откуда был звонок. Надеюсь, через полчаса выясним. Я велел позвонить сюда, если что.

— Понятно,— сказал Рейс.

— Короче говоря, парня нужно брать,— продолжал Кройц фон Меере.— Если мы его возьмем, то первым же ракетопланом Люфтганзы отправим обратно. Но япошки или «буратино» из Сакраменто могут рыпнуться, даже попытаться нам помешать. Если будут протестовать, обратятся к тебе. Вообще-то, они могут доставить нам уйму хлопот. И уж наверняка пришлют в аэропорт целый грузовик громил из токкоки.

— А нельзя все сделать по-тихому?

— Поздно. Он уже в пути. Не исключено, придется брать его на месте. Ворваться, схватить и уносить ноги.

— Мне это не нравится,— сказал Рейс.— А вдруг у него встреча с очень важными японскими чиновниками? Ходят слухи, в Сан-Франциско прибыл личный представитель императора...

— Плевать,— перебил его Кройц фон Меере.— На Вегенера распространяются законы Рейха.

«Знаем мы эти законы Рейха»,— подумал Рейс.

— У меня наготове отряд коммандос,— сказал Кройц фон Меере.— Пятеро хороших парней.— Он снова хохотнул.— Все как один — красавчики, вроде тебя.

«Вот уж спасибо!» — подумал Рейс.

— Строгие, аскетичные лица. Такие, знаешь, одухотворенные. Как у студентов-богословов. Япошки примут их за струнный квартет...

---

* Дерьмоеды *(нем.)*.

— Квинтет,— поправил его Рейс.

— Ну да. Эти ребята войдут, поднимутся на нужный этаж... Сейчас они переодеваются. Поднимутся у всех на виду — прямо к Вегенеру. Окружат его, будто хотят что-то сообщить. Что-то важное,— бубнил Кройц фон Меере, пока консул разбирал почту.— Никакого насилия, вежливо: «Герр Вегенер, пройдите с нами, пожалуйста. Вы понимаете?» И — чик тонюсенькой иголочкой между позвонками. Обратимый паралич нервных узлов. Ты слушаешь?

Рейс кивнул.

— Ganzbestimmt*.

— И сразу выйдут. Засунут его в машину. Вернутся ко мне в контору. Япошки, конечно, встанут на уши, но будут вежливы до конца.— Кройц фон Меере неуклюже изобразил японский поклон.— Обманывать нас очень некрасиво, герр Кройц фон Меере. Как бы там ни было, до свидания, герр Вегенер.

— Бэйнс,— поправил Рейс.— Он живет под этой фамилией.

— ...Бэйнс. Очень жаль, что вы улетаете. Надеюсь, нам удастся поговорить в следующий раз...— На столе у Рейса зазвонил телефон, и Кройц фон Меере перестал кривляться.— Должно быть, меня.— Он протянул руку к трубке, но Рейс успел схватить ее первым.

— Рейс слушает.

— Консул, это Ausland Fernsprechamt** в новой Шотландии. Вас срочно вызывает Берлин по трансатлантическому кабелю.

— Хорошо,— сказал Рейс.

— Одну секунду, консул.— Шуршание и потрескивание в трубке, затем — другой голос, женский:

— Kanzlei***.

— Ausland Fernsprechamt, Новая Шотландия. Вы просили рейхсконсула Гуго Рейса, Сан-Франциско. Консул на линии. Подождите.— Пока длилась пауза, Рейс продолжал свободной рукой перебирать почту. Кройц фон Меере ждал с безмятежным видом.

— Простите, что отрываю вас от работы, герр консул,— прозвучало вдруг в трубке. «Мужской голос,— отметил Рейс.—

---

* Так точно *(нем.)*.

** Зарубежная телефонная станция *(нем.)*.

*** Канцелярия *(нем.)*.

Баритон. Знакомая отточенная речь.— У Рейса кровь застыла в жилах.— Доктор Геббельс!»

— Да, канцлер.

Сидевший напротив Кройц фон Меере расплылся в улыбке. Отвисшая челюсть поджалась.

— Только что ко мне обратился рейхсфюрер Гейдрих и попросил позвонить вам. В Сан-Франциско находится агент абвера. Его зовут Рудольф Вегенер. Во всем, что касается его, вы должны помогать полиции. Посвящать вас в подробности нет времени. Предоставьте здание консульства в распоряжение СД. Ich danke Ihnen sehr dabei*.

— Я понял вас, герр канцлер,— сказал Рейс.

— Желаю удачи, консул.— Рейхсканцлер повесил трубку.

Кройц фон Меере пристально посмотрел на Рейса.

— Я был прав?

Рейс пожал плечами.

— Что от меня требуется?

— Нужно, чтобы ты санкционировал принудительное возвращение Вегенера в Германию.

Рейс взял ручку, заполнил бланк и, подписав, вручил шефу СД.

— Спасибо,— буркнул Кройц фон Меере.— И еще: когда япошки позвонят и заноют...

— Если позвонят.

Кройц фон Меере бросил на него хмурый взгляд:

— Позвонят. Больше того — сами к тебе наведаются, не пройдет и четверти часа после того, как мы сцапаем Вегенера.— Он больше не острил, в голосе не было и тени юмора.

— Ни о каком струнном квинтете я и слыхом не слыхивал,— заверил Рейс.

Казалось, Кройц фон Меере пропустил его слова мимо ушей.

— Мы его обязательно возьмем, так что будь наготове. Скажешь япошкам, что он гомик или фальшивомонетчик. Что-нибудь в этом роде. Скрывается от наказания за тяжкое преступление. Не вздумай ляпнуть, что он политический. Ты же знаешь, они не признают девяноста процентов национал-социалистических законов.

— Знаю. И что делать, знаю.— В Рейсе поднялось раздражение. «Опять через мою голову! — со злостью подумал он.— Опять напрямую связался с Канцелярией, ублюдок! — У него

---

* Премного благодарен *(нем.)*.

затряслись руки. Не от звонка ли Геббельса? — Что это? Боязнь начальства или негодование? Черт бы побрал эту полицию! С каждым днем у нее все больше власти. Вот уже сам доктор Геббельс на нее работает. СД — вот настоящее правительство Рейха! Но что я могу поделать? Да и кто я такой? Лучше не ерепениться. Может, по возвращении в Берлин удастся скомпрометировать эту скотину, благо врагов у него хватает, а сейчас не время собачиться с СД».— Вас нельзя обвинить в недооценке важности дела, герр полицайфюрер. По-видимому, от того, насколько быстро удастся обезвредить этого шпиона или предателя, зависит безопасность Германии.— Ему стало не по себе от собственных слов. Зато Кройцу фон Меере они явно пришлись по вкусу.

— Ну, спасибо, консул.

— Возможно, вы спасете нас всех.

— Погоди, мы еще его не сцапали,— проворчал шеф СД.— Я жду звонка.

— Японцев я беру на себя,— пообещал Рейс.— Вы знаете, по этой части у меня большой опыт. Их жалобы...

— Ну-ка помолчи,— перебил его Кройц фон Меере.— Мне надо подумать.

«Видимо, и тебя взволновал звонок из Берлина. И на тебя лег груз ответственности. А что, если парню удастся уйти? Тебя выгонят? — размышлял Гуго Рейс.— Что поделаешь, такая у нас работа. В любую минуту можем оказаться на улице. Никакой уверенности в завтрашнем дне.

Вообще-то, было бы нелишне разок-другой подставить вам ногу, герр полицайфюрер, но так, чтоб никто не докопался. Например, когда япошки придут жаловаться, можно намекнуть, что парня силком увозят на ракете Люфтганзы. Или все отрицать, но с такой презрительной ухмылочкой — мол, чего вы ко мне привязались, желтопузые, кто в Рейхе всерьез станет рассматривать ваши жалобы? Ведь япошки такие обидчивые. Стоит их разозлить, могут обратиться к самому Геббельсу. Все в моих руках. Без моей помощи полиции не вывезти парня из ТША. Надо только поточнее нанести удар...

Терпеть не могу, когда лезут через мою голову. Так нервничаю, что ночью не заснуть, а не выспавшись — какая работа? Значит, надо позаботиться, чтобы начальство избавило меня от этой неприятности. Если баварского чурбана отзовут домой и усадят писать объяснительные, я буду чувствовать себя куда лучше.

Но сейчас — не время. Пока я придумываю, как...»

Зазвонил телефон.

Трубку взял Кройц фон Меере.

Рейс не осмелился его остановить.

— Алло? — спросил шеф СД.

«Как? Уже?» — подумал Рейс. Но Кройц фон Меере протянул ему трубку.

— Тебя.

У Рейса отлегло от сердца. Он поднес трубку к уху.

— Какой-то школьный учитель,— пояснил Кройц фон Меере.— Спрашивает, не найдется ли у тебя австрийских театральных афиш для его класса.

Около одиннадцати утра Роберт Чилдэн закрыл магазин и отправился в офис Пола Казоура.

Ему повезло — Пол не был занят. Он вежливо поздоровался с Чилдэном и предложил чаю.

— Не хочу вас задерживать,— сказал Чилдэн, когда они уселись за столик.

Кабинет Пола, хотя и небольшой, был обставлен просто, современно и со вкусом. На стене висела превосходная репродукция картины Моккея «Тигр» — шедевра конца тринадцатого века.

— Роберт, я всегда рад вас видеть.

В голосе Пола, как показалось Чилдэну, сквозило равнодушие. «А может, я слишком мнителен? — Чилдэн повертел в руках чашку.— Он выглядит вполне дружелюбно».

И все же... что-то в его отношении к Чилдэну изменилось.

— Очевидно, ваша супруга разочарована моим безвкусным подарком. Наверное, мне следовало бы расстроиться, но, даря кому-нибудь необычную, ранее не встречавшуюся вещь, нельзя, как я уже говорил, не понимать, что идешь на риск. Вам с Бетти куда легче судить, чем мне.

— Бетти не разочарована. Роберт, я не показывал ей ваш подарок.— Пол вытащил из ящика белую коробочку.— Он не покидал стен моего кабинета.

«Все понял,— решил Чилдэн.— Ни слова ей не сказал. Сообразительный. Остается надеяться, что он не задушит меня. И не обвинит в попытке соблазнить его жену». Чилдэну удалось скрыть испуг. Не меняясь в лице, он прихлебывал чай.

— Вот как? — спросил он.— Интересно.

Достав из коробочки брошь, Пол долго рассматривал ее, вертя и поднимая к свету.

— Я показал вашу вещь кое-кому из знакомых. Эти люди разделяют мои вкусы во всем, что касается американской старины и вообще предметов, имеющих художественную ценность.— Он поглядел Чилдэну в глаза.— Разумеется, прежде никто из них не встречал ничего подобного. Впрочем, вы уже объяснили, что такие вещи до недавнего времени не изготавливались. Помнится, вы сказали, будто никто, кроме вас, не располагает такими украшениями.

— Совершенно верно,— подтвердил Чилдэн.

— Хотите узнать реакцию моих знакомых?

Чилдэн кивнул.

— Они посмеялись.

Чилдэн промолчал.

— Я и сам в душе смеялся, когда вы принесли эту вещь,— сказал Пол.— Но не подал виду, чтобы вас не обидеть. Наверное, вы помните, я старался выглядеть равнодушным?

Чилдэн кивнул. Рассматривая брошь, Пол продолжал:

— Наша реакция вполне объяснима. Какие еще чувства может вызвать бесформенный кусочек расплавленного и застывшего металла? Ведь он ничего не символизирует, не олицетворяет никакой идеи, не воплощает замысла художника. Короче говоря, не имеет смысла. Аморфный предмет. Или, точнее, содержание, не имеющее формы.

Чилдэн снова кивнул.

— И все-таки сам не знаю почему, но при виде этой вещи я испытываю эмоциональную теплоту. В чем дело? Ведь я даже не пытаюсь, как в немецких психологических тестах, спроецировать на нее свою психику, не вижу в ней ни символов, ни форм. Все дело в том, что она сопричастна Дао. Понимаете? В ней есть внутреннее равновесие. Гармония. Образно выражаясь, эта вещь пребывает в мире со Вселенной.

Чилдэн кивнул и взглянул на брошь. Пол говорил, не глядя на него:

— Она не имеет ваби и не может иметь. Но,— он коснулся броши ногтем,— Роберт, этот предмет обладает ву.

— Да, вы правы.— Чилдэн попытался вспомнить, что такое ву. «Кажется, это не японское, а китайское слово. Наверное, мудрость,— решил он.— Или чувство истины. Как бы то ни было, это весьма неплохо».

— Руки художника,— продолжал Пол,— обладали ву и влили ву в эту вещь. Быть может, только он сам и знает, что символизирует эта брошь. Она совершенна, Роберт. Созерцая ее, мы получаем ву, испытываем благоговение, но не такое, как от произведения искусства, а, скорее, такое, как при взгляде на святыню. Я вспоминаю усыпальницу в Хиросиме, где выставлена берцовая кость средневекового святого. Там — реликвия, а это — произведение искусства. То осталось со мной навсегда, тогда как это живет, пока я смотрю на брошь. Благодаря долгой медитации я сумел понять ценность, которой она обладает, несмотря на неисторичность. Как видите, я весьма впечатлен.

— Да-а...— растерянно протянул Чилдэн.

— Не иметь историчности, а значит, художественной, эстетической ценности и тем не менее задевать некие высокие струны души — это чудо. Именно то, что с виду эта безделушка — жалкая, дешевая подделка, и говорит о том, что она обладает ву. Ибо известно, ву спрятано в наименее заметных вещах, или, как гласит христианский афоризм, в камнях, от которых отказался строитель. Кто-то ощущает присутствие ву в старой трости или ржавой жестянке из-под пива, найденной в придорожной канаве. Правда, в таких случаях ву заключено в самом видящем, это суть религиозного ощущения. А здесь художник вложил ву в предмет, который изначально не обладал им.— Пол поднял взгляд.— Я понятно изъясняюсь?

— Да,— твердо сказал Чилдэн.

— Другими словами, эта вещь открывает дверь в новый мир. Имя ему не искусство, ибо она не обладает формой, и не религия. Что же это? Я долго размышлял и не мог найти ответ. Очевидно, у нас отсутствует определение для такого рода предметов. А значит, вы правы, Роберт, это подлинно новая вещь на лике мира.

«Подлинно новая,— подумал Чилдэн.— Да, именно так я это понимаю. Что касается остального...»

— Поразмыслив над тем, какую из этого можно извлечь пользу, я обратился к тем же знакомым ценителям. Я изложил им свою точку зрения, не заботясь о производимом эффекте. Этот предмет побуждает пренебречь формальными приличиями, столь велико желание добиться понимания окружающих. И я заставил выслушать меня.

Чилдэн понимал, что для японца почти немыслимо навязывать кому-либо свое мнение.

— Результат оправдал мои ожидания,— продолжал Пол.— Мою точку зрения в основном поняли и приняли. На этом, Роберт, моя миссия закончена.— Он положил брошь в коробочку.— Все, что зависело от меня, сделано. Я выдохся.— Он придвинул коробочку к Чилдэну.

— Сэр, она ваша,— озадаченно пробормотал Чилдэн. Он не ожидал такого поворота событий. Вначале высокопоставленный японец расхваливает до небес поднесенный ему подарок, а затем возвращает. Чилдэн не знал, что делать, и сидел, теребя рукав пиджака.

— Роберт, вы не должны прятать голову в песок,— тихо произнес Пол.

Бледнея, Чилдэн пробормотал:

— Боюсь, я несколько сбит с толку, сэр.

Пол встал, глядя на него.

— Держитесь. Отныне эта задача — ваша. Судьба броши и других подобных вещей в ваших руках. Не торопитесь. Побудьте некоторое время наедине с собой, помедитируйте, посоветуйтесь с Оракулом. Взгляните как бы со стороны на свой товар, на рекламу, на методы торговли.

Чилдэн ошарашенно посмотрел на него.

— Вы увидите свой путь,— убеждал Пол.— Вы должны постараться, чтобы эти вещи дошли до людей.

Роберт Чилдэн окаменел. «По его словам, я должен взять на себя моральную ответственность за судьбу бижутерии "Эдфрэнк"? Вот оно, извращенное, невротическое мировоззрение японцев: для Пола Казоура все отступает на задний план перед духовным смыслом украшений! И, что хуже всего, Пол беседовал на эту тему с влиятельными знатоками древней японской культуры и традиций.

Ответственность,— горько подумал Чилдэн.— Раз возложенная, она останется со мной на всю жизнь. До гробовой доски. Пол утверждает, что он выполнил свою задачу. Но моя работа будет бесконечной.

Все они чокнутые,— сказал себе Чилдэн.— Они, к примеру, никогда не помогут поверженному наземь подняться — это, видите ли, унизит достоинство побитого. Да и чего еще ожидать от нации, которая, взявшись копировать английский эсминец, копирует даже заплаты на паровом котле».

Пол пристально смотрел на него. К счастью, Чилдэн давно научился скрывать свои чувства. На его лице застыло вежливо-внимательное выражение.

«Это ужасно,— подумал Чилдэн.— Катастрофа. Лучше бы Пол решил, что я хочу соблазнить его жену... Бетти. Теперь ей не увидеть эту брошь. Мой план сорвался. Ву несовместимо с похотью, оно, по словам Пола, свято и чисто, как реликвия».

— Я раздал своим собеседникам ваши визитки,— предупредил Пол.

— Простите?..— рассеянно спросил Чилдэн.

— Визитки. Чтобы они могли прийти и поглядеть на ваш товар.

— Спасибо.

— И еще,— сказал Пол.— У одного из моих знакомых есть к вам деловое предложение. Вот его имя и адрес.— Пол вручил Чилдэну визитную карточку.— Он бизнесмен. Массовый экспорт и импорт, в основном в Южной Америке. Радиоаппаратура, фотоаппараты, бинокли и тому подобное.

Чилдэн взглянул на визитку.

— Разумеется, он торгует крупными партиями,— продолжал Пол.— Его компания владеет предприятиями, производящими продукцию с низкой себестоимостью для массового потребления. Почти все они расположены на востоке, где рабочая сила дешевле.

— А почему он...— начал Чилдэн.

— Подобные вещи,— Пол еще раз взял коробочку, закрыл крышку и вернул коробочку Чилдэну,— могут быть скопированы из металла или пластика. В любом количестве. Горячая штамповка.

После затяжной паузы Чилдэн спросил:

— А как насчет ву? Оно останется в копиях?

Пол промолчал.

— Вы советуете увидеться с ним?

— Да,— сказал Пол.

— Зачем?

— Амулеты, приносящие удачу,— пояснил Пол.— Вы же знаете, многие люди в Латинской Америке и Южной Азии верят в волшебство, заклинания, колдовские зелья и прочее. Мне сказали, это принесет большой доход.— Лицо японца застыло, голос поблек.

— Похоже, на этом можно хорошо заработать,— медленно произнес Чилдэн.

Пол кивнул.

— Это ваша идея?

— Нет,— кратко ответил Пол.

«Значит, твоего шефа,— подумал Чилдэн.— Ты показал брошь начальнику или еще кому-то, богатому и влиятельному, а он связался с этим бизнесменом. Вот почему ты вернул мне брошь — не хочешь участвовать в этом. Но ведь ты знаешь, что я сделаю. Мне придется. Выбора нет. Я продам или уступлю за процент от прибыли эскизы, мы с ним обязательно поладим. А ты умываешь руки. Ты ни при чем. Тебе кажется дурным тоном отговаривать меня или останавливать».

— У вас есть серьезный шанс разбогатеть,— произнес Пол, глядя в сторону.

— Мне эта идея не очень понятна,— сказал Чилдэн.— Зачем делать амулеты из произведений искусства? Не понимаю.

— Бизнес не интересуется данным аспектом проблемы. В секрет этой вещи посвящены только мы с вами и те люди, которые скоро посетят ваш магазин,— я уже говорил о них.

— Как бы вы поступили на моем месте? — поинтересовался Чилдэн.

— Не стоит пренебрегать возможностью, которую предоставляет судьба. Почтенный бизнесмен — практичный человек. Мы с вами даже представить не можем, сколько на свете необразованных людей. Штампованные безделушки подарят им радость, недоступную нашему пониманию. Тогда как нам нужны уникальные или, на худой конец, очень редкие вещи. И, безусловно, подлинные.— Он помолчал, все еще глядя сквозь Чилдэна.— А не копии, которые продаются десятками тысяч.

«Что он имеет в виду? — насторожился Чилдэн.— Может быть, подделки, что продаются в магазинах вроде моего? Похоже, это намек. Говорит в ироническом тоне как бы об одном, а получается совсем другое. Двусмысленность, какую любит Оракул,— качество, свойственное восточному уму. Пол словно задает вопрос: кто ты, Роберт? Тот, кого Оракул называет "ничтожным человеком", или тот, кому предназначены его добрые советы? Надо решать. Ты можешь избрать тот или иной путь, но только один. Выбирай.

А каким путем, по мнению Пола Казоура, пойдет "благородный человек"? — спросил себя Чилдэн. Правда, его мнение далеко не то же самое, что совет освященного тысячелетиями свода мудрости, это всего лишь точка зрения одного смертного — молодого японского бизнесмена. Вот она — суть. Ву, как говорит Пол. Ву в этой ситуации таково: какими бы ни были твои личные пристрастия, истина заключается в предложении почтенного импортера. Конечно, это не совсем то, чего бы

мне хотелось, но, как советует Оракул, нам следует подчиняться ситуации. В конце концов, оригиналы можно продавать знатокам — скажем, друзьям Пола».

— Вы боретесь с собой,— заметил Пол.— Несомненно, это та ситуации, когда хочется побыть одному.— Он направился к выходу.

— Я уже решил.

У Пола блеснули глаза.

Помедлив, Чилдэн сказал:

— Я последую вашему совету и обращусь к этому бизнесмену.— Он взял коробочку.

Странно, но, казалось, Пола это не обрадовало. Он что-то пробормотал и вернулся к столу. «Скрывает эмоции,— решил Чилдэн.— Воистину, сдержанность у них в крови».

— Большое вам спасибо за помощь. Я не забуду и постараюсь отблагодарить,— сказал Чилдэн.

Но Казоура оставался бесстрастным. «Да, они непроницаемы»,— подумал Чилдэн.

У двери Пол внезапно спросил:

— Американские художники сделали эту вещь сами, верно?

— Да, от эскиза до окончательной шлифовки.

— Сэр, а согласятся ли они с вашим решением? Мне кажется, они мечтают о другой участи для своих изделий.

— Уверен, их можно убедить.— Эта проблема казалась Чилдэну пустяковой.

— Да,— вздохнул Пол.— Видимо, вы правы.

Что-то в его тоне заставило Чилдэна насторожиться. И вдруг до него дошло. «Это уже не двусмысленность,— понял он.— Ну конечно! Это предложение направлено на искоренение американской культуры. Проклятье! Я с такой легкостью проглотил крючок вместе с леской и грузилом... Шаг за шагом он подвел меня к согласию, провел по мощеной дорожке к решению: предметы американского искусства не годны ни на что иное, кроме как на образцы для дешевых амулетов. Вот как правят нами японцы — не жестокостью, а тонким, расчетливым коварством. Господи, мы действительно варвары по сравнению с ними! Мы теряемся перед их витийством. Пол не сказал — он никогда не скажет,— что наше искусство ничего не стоит. Он сделал так, что я сказал это сам. А под конец он еще и пожурил меня за недомыслие. Едва заметный жест сожаления цивилизованного человека. Он сломал меня! — Чилдэн едва не произнес это вслух.— Унизил меня и мою расу. И я ничего

не могу поделать. Я беспомощен. Нас унижают так тонко, что мы едва понимаем это. По сути, нам необходим еще один виток эволюции, чтобы осознать, насколько мы унижены. Какие еще нужны доказательства превосходства японцев?» — Теперь его подмывало рассмеяться.

«Да,— язвительно думал он, усмехаясь про себя, словно услышал остроумный анекдот.— Это надо запомнить, намотать на ус, чтобы потом рассказать кому-нибудь. Но кому? Вот вопрос. Это слишком личное».

В углу кабинета стояла корзина для мусора. «Туда,— подумал Чилдэн.— Вот самое подходящее место для изделий "Эдфрэнк". Смогу ли я это сделать? Выбросить у Пола на глазах? Раз и навсегда покончить с проблемой?

Нет, я даже выбросить не смогу,— понял он, сжимая коробочку.— Иначе — конец приятельским отношениям с высокопоставленным японцем.— Его порыв угас.— ...Будьте вы прокляты! Даже поддавшись порыву, я не в силах избавиться от навязанных вами привычек». Пол молча смотрел на него, не дожидаясь ответа. Да и зачем ответ? Человек и без слов достаточно выразителен.

«Он поймал меня в западню,— с горечью подумал Чилдэн.— Невидимой цепью приковал безделушку к моей душе. Наверно, я слишком долго живу среди них. Поздно рваться на свободу, поздно пытаться жить, как подобает белому человеку».

Вслух он сказал:

— Пол...— Голос его был глух и невыразителен.

— Да, Роберт.

— Пол, я... Я глубоко оскорблен.

Комната поплыла у него перед глазами.

— Почему, Роберт? — Участливый, но отчужденный тон. По ту сторону добра и зла.

— Сейчас, Пол...— Чилдэн вытащил брошь, мгновенно ставшую скользкой от пота.— Я... я горжусь этим произведением искусства. Мне и в голову не пришло бы отдать его для штамповки дешевых амулетов. Я отказываюсь.

И снова он не смог определить, как воспринял его слова Казоура,— на лице японца все то же бесстрастие.

— Благодарю за предложение,— говорил Чилдэн,— но я вынужден отказаться.— Он поклонился.— Эти вещи сделали гордые американские художники. И я с ними заодно. Ваша идея — использовать эти творения для массового производства

амулетов — я считаю оскорбительным. И прошу вас принести извинения.— Чилдэн внутренне похолодел.

Последовала невыносимо долгая пауза.

Пол не сводил с него глаз. Одна бровь приподнялась, тонкие губы скривились. В улыбке?

— Я требую,— произнес Чилдэн. Больше говорить ему было нечего. Оставалось ждать.

«Ну пожалуйста! — мысленно взмолился он.— Попроси прощения!»

— Простите мне высокомерный тон,— сказал Пол, протягивая руку.

— Хорошо,— кивнул Роберт Чилдэн.

Он пожал руку японца, и в сердце его пришел покой. «Я все переживу,— сказал он себе.— Все-все. Благодарение Богу — Он наставил меня в миг выбора. Он приходит к каждому в трудную минуту. Будет ли мне дарован еще один шанс разбогатеть? Вряд ли».

Сейчас, приняв столь трудное решение, он испытывал полное безразличие ко всему окружающему. «Я словно поднялся на поверхность и созерцаю рябь на воде,— пришла вялая мысль.— Жизнь коротка. А искусство и все то, что над жизнью,— бессмертно, почти вечно. Я стою перед бетонной стеной, и ни прохода, ни лестницы, чтобы перебраться на ту сторону. Хватит. Больше не буду стоять».

Взяв коробочку с ювелирным изделием «Компании Эдфрэнк», он опустил ее в карман пальто.

Глава 12

— Мистер Тагоми, это мистер Ятабе.— Рамсей отошел к двери кабинета, а к столу Тагоми направился подтянутый пожилой человек. Хозяин кабинета поднялся из-за стола и подал руку:

— Рад нашей встрече, сэр.

Легкие, хрупкие пальцы скользнули в его ладонь. Тагоми осторожно пожал руку гостя и сразу отпустил, подумав при этом: «Надеюсь, я ничего не сломал?» Старик вызывал симпатию. Какая твердость, уверенность во взгляде! Чувствуется ясный, цепкий ум. Не человек, а само воплощение суровых традиций. И тут до Тагоми дошло, что перед ним генерал Тедеки, бывший начальник Императорского генштаба собственной персоной.

— Генерал.— Тагоми низко поклонился.

— А где третий участник переговоров? — спросил Тедеки.

— Вот-вот должен появиться,— заверил Тагоми.— Я лично звонил ему в гостиницу.

Мысли путались. Как был, в поклоне, он отступил на несколько шагов и застыл. Да и вряд ли он смог бы выпрямиться в эту минуту.

Рамсей, очевидно, не понял, кто их гость, и, не выказывая робости, помог генералу сесть в кресло. Помедлив, Тагоми опустился в кресло напротив.

— Теряем время,— заметил Тедеки.— Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

— Вы правы,— согласился Тагоми.

Прошло минут десять. Все молчали.

— Простите, сэр,— забеспокоился Рамсей.— Если я не нужен, нельзя ли мне уйти?

Тагоми кивнул, и Рамсей удалился.

— Чаю, генерал? — спросил Тагоми.

— Нет, сэр.

— Сэр,— сказал Тагоми,— признаюсь, мне не по себе. Я чувствую, что узнаю сейчас нечто особенное.

Генерал кивнул.

— Прибывший сюда по делам мистер Бэйнс выдает себя за шведа. Но, приглядевшись внимательнее, я решил, что он, скорее всего, высокопоставленный немец. Я говорю вам об этом потому, что...— Тагоми замялся.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Благодарю. Генерал, его беспокойство говорит о том, что наша встреча связана с политическими изменениями в Рейхс.— Тагоми утаил от генерала, что догадывается о причине его задержки.

— Все это предположения, сэр,— сказал генерал,— а не информация.— В глазах Тедеки не было ничего, кроме отеческой доброты.

Тагоми проглотил упрек.

— Скажите, сэр, мое присутствие на этой встрече — простая формальность? Конспиративный прием?

— Естественно, мы заинтересованы в соблюдении конспирации. Мистер Бэйнс — обыкновенный бизнесмен, представитель стокгольмской фирмы «Тор-Ам». А я — Синьиро Ятабе.

«А я — Тагоми,— подумал Тагоми.— Играю самого себя».

— Несомненно, нацисты следят за перемещениями мистера Бэйнса,— продолжал генерал. Он сидел, расправив плечи, положив руки на колени. «Словно принюхивается к невесть откуда доносящемуся запаху бульона»,— мелькнула мысль у Тагоми.— Но разоблачить его могут только законными путями. В этом-то и состоит его задача: не играть с ними в кошки-мышки, а соблюдать формальности на тот случай, если его засекут. Если это случится, у него надежная «крыша».

— Понимаю,— сказал Тагоми.

«Все-таки это плохая игра,— подумал он.— Хотя, наверное, она не лишена смысла. Наши штабисты хорошо разбираются в психологии наци».

На столе загудел селектор. Раздался голос Рамсея:

— Сэр, пришел мистер Бэйнс. Пригласить?

— Да! — воскликнул Тагоми.

Вошел Бэйнс в безукоризненно модном костюме. Он был совершенно спокоен.

Навстречу ему поднялся генерал Тедеки. Тагоми тоже встал. Они раскланялись.

— Сэр,— обратился к генералу Бэйнс,— я — капитан Рудольф Вегенер из военно-морской разведки. Хочу заявить, что я не представляю здесь никого, кроме себя и нескольких частных лиц, пожелавших остаться неизвестными. Никакие службы или учреждения Рейха к моему визиту не причастны.

— Я понял, что вы не являетесь официальным представителем Рейха, герр Вегенер,— сказал генерал.— Я тоже прибыл сюда неофициально. Но благодаря своему прежнему посту в Императорской армии я имею некоторое влияние в Токио и сумею довести ваши слова до сведения тех, кто в этом заинтересован.

«Странная беседа,— подумал Тагоми,— есть в ней какая-то музыка. Расслабляющая и успокаивающая».

— Мне бы хотелось сразу перейти к делу,— произнес Бэйнс.— Прошу передать тем, к кому вы имеете доступ, что в Рейхе готовится реализация плана под названием операция «Одуванчик».

Генерал кивнул с таким видом, словно слыхал об этом. Но Тагоми заметил, что он с нетерпением ждет продолжения.

— «Одуванчик» начнется с конфликта на границе Штатов Скалистых Гор и Соединенных Штатов Америки.

Генерал вновь кивнул и улыбнулся уголком рта.

— Нападению подвергнутся войска США. Они перейдут в наступление, оттеснят войска ШСГ за линию границы и вступят в бой с частями противника, заранее стянутыми в зону конфликта. У офицеров армии США есть подробные карты с указанием оборонительных объектов Среднего Запада. На помощь войскам США придет парашютный десант добровольцев вермахта. Но это тоже камуфляж.

— Ясно,— кивнул генерал.

— Основная цель операции «Одуванчик» — массированный атомный удар по Родным островам. Без каких-либо предупреждений.— Бэйнс замолчал.

— С целью уничтожения августейшей семьи, армии самообороны, Императорского флота, гражданского населения, промышленности и ресурсов,— задумчиво продолжал за него генерал Тедеки.— И последующего захвата всех наших колоний.

Бэйнс промолчал.

— Что еще? — спросил генерал.

Бэйнс не понял.

— Дата, сэр,— пояснил генерал.

— Все даты изменены,— вздохнул Бэйнс.— В связи со смертью Мартина Бормана. Сейчас у меня нет контактов с абвером.

— Продолжайте, герр Вегенер,— попросил генерал.

— Мы рекомендуем внимательно изучить ситуацию, сложившуюся в Рейхе,— сказал тот и сразу поправился: — То есть я рекомендую. В высших эшелонах власти есть сторонники операции «Одуванчик», но есть и противники. Была надежда, что со смертью рейхсканцлера Бормана последние придут к власти.

— Но пока вы здесь находились, герр Борман умер и проблема решилась сама собой,— заметил генерал.— Выбор сделан. Рейхсканцлером стал доктор Геббельс.

— Доктор Геббельс — ярый сторонник «Одуванчика»,— предупредил Бэйнс.

Ни он, ни генерал не заметили, что Тагоми закрыл глаза.

— А кто ему противостоит? — спросил Тедеки.

Тагоми смутно расслышал ответ:

— Рейхсфюрер СС Гейдрих.

— Весьма удивлен,— признался Тедеки.— Это точная информация или мнение ваших коллег?

— Административное управление территориями, ныне находящимися под контролем Японии, будет передано Министерству иностранных дел. Точнее — людям Розенберга, связанным с Канцелярией напрямую. В течение минувшего года об этом

постоянно спорили на совещаниях руководства. В подтверждение своих слов я могу представить фотокопии стенограмм. Вторым претендентом на власть была полиция, но она не добилась успеха. Ей отдан на откуп космос — Марс, Луна, Венера. Полиция ведает колонизацией планет. Как только утрясли вопрос о власти, полиция стала противодействовать плану «Одуванчик» и добиваться передачи всех средств для осуществлении космических программ.

— Соперничество,— произнес генерал Тедеки.— Одна команда играет против другой. Но обе — за сильного лидера. Значит, он ничем не рискует.

— Вы правы,— кивнул Бэйнс.— И поэтому я здесь, и прошу вас о вмешательстве. Возможность пока есть — ситуация еще зыбкая. Пройдет не один месяц, пока доктор Геббельс окончательно утвердится в должности. Ему придется сломать хребет полиции, к тому же, возможно, устранить Гейдриха и высших офицеров СС и СД. Как только это случится...

— Следовательно, мы должны поддерживать Sicherheitsdienst? — перебил его Тедеки.— Самую зловещую касту в Германии?

— Совершенно верно.

— Император не одобрит такую политику,— заявил Тедеки.— «Мертвые головы», черные мундиры, «система замков» — все это он считает воплощением зла.

«Зло,— подумал Тагоми.— Да, именно так. Имеем ли мы право, даже ради спасения собственной жизни, поддерживать зло? Не в этом ли главный парадокс нашего суетного мира? Мне этой проблемы не решить. Человек не может существовать в вечной неопределенности. А в этом мире все пути ведут в тупик. Все смешалось: свет и тьма, иллюзия и реальность».

— Вермахт — единственный в Рейхе обладатель водородной бомбы,— продолжал Бэйнс.— Случается, ее используют чернорубашечники, но только под надзором армии. Когда у власти стоял Борман, полицейских к ядерным заводам и складам и близко не подпускали. Операцию «Одуванчик» будет осуществлять главное командование вермахта.

— Это мне ясно,— кивнул Тедеки.

— Чернорубашечники всегда превосходили вермахт жестокостью. Но власти у них меньше. Наши решения должны основываться на реальности, а не на исповедуемых нами этических нормах.

— Да, надо быть реалистами,— вслух согласился Тагоми. Бэйнс и генерал оглянулись.

— Конкретно, что вы предлагаете? — спросил генерал у Бэйнса.— Установить контакт с местной резидентурой СД? Напрямую связаться с... ее шефом? Не знаю его имени, но уверен, это отталкивающий тип.

— В здешнем отделении СД ничего не знают,— сказал Бэйнс.— Шеф местной полиции Бруно Кройц фон Меере — партиец старой закваски. Ein Altparteigenosse*. Имбецил. В Берлине никому и в голову не пришло бы раскрыть перед ним карты.

— Тогда с кем нам связываться? — В голосе генерала зазвучало раздражение.— Со здешним консулом или с рейхсконсулом в Токио?

«Разговор ни к чему не приведет,— уныло подумал Тагоми.— Какой бы огромной ни была ставка, мы не должны лезть в чудовищную, шизофреническую трясину нацистской междоусобицы. Наш разум просто не выдержит».

— Надо действовать очень осторожно,— ответил Бэйнс.— Через ряд промежуточных лиц вам следует выйти на кого-нибудь из приближенных Гейдриха, находящихся за пределами Рейха, в нейтральной стране. Или на человека, которому часто приходится летать из Берлина в Токио.

— У вас есть кто-нибудь на примете?

— Итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Интеллигентный, надежный и очень смелый человек. К тому же он прекрасно разбирается в международной обстановке. Правда, у него нет прямых контактов с аппаратом СД, но в случае необходимости он может действовать по другим каналам. Через заинтересованных промышленников вроде Круппа или через генерала Шпейделя, даже через руководство Ваффен-СС. В Ваффен-СС не такие фанатики, им близки интересы немецкого народа.

— А разве нельзя обратиться к Гейдриху через вашу организацию, я имею в виду абвер?

— Чернорубашечники нас на дух не переносят. Вот уже двадцать лет, как они добиваются у Партай нашего роспуска.

— А лично вам не грозит опасность с их стороны? — спросил генерал Тедеки.— Насколько мне известно, здесь, на Тихоокеанском побережье, они очень деятельны.

---

* Старый партиец *(нем.)*.

— Деятельны, но неумелы,— возразил Бэйнс.— Правда, Рейс, представитель МИДа, способный малый, но не в ладах с СД.

— Мне бы хотелось получить от вас фотокопии стенограмм,— сказал генерал Тедеки,— чтобы передать их моему правительству. И вообще, для нас будут нелишними любые материалы, касающиеся этого вопроса. И...— он помедлил,— доказательства. Объективные.

— Ну конечно.— Бэйнс извлек из кармана плоский серебряный портсигар и протянул Тедеки.— В каждой сигарете контейнер с микропленкой.

— А сам портсигар? — спросил генерал, повертев его в руках.— Похоже, он весьма недешев.— Он стал доставать сигареты.

— Портсигар — тоже,— Бэйнс улыбнулся.

— Благодарю вас.— Улыбнувшись в ответ, генерал убрал портсигар в карман пальто.

Загудел селектор. Тагоми нажал кнопку.

— Сэр, в нижнем вестибюле люди из СД,— послышался взволнованный голос Рамсея.— Они пытаются захватить здание. Сейчас дерутся с охраной «Таймс».— Под окнами кабинета заревела сирена.— К нам едет подмога из МП* и кэмпетай.

— Спасибо, мистер Рамсей,— поблагодарил Тагоми.— Вы поступаете благородно, не поддаваясь панике.— Бэйнс и Тедеки напряженно прислушивались к разговору.— Не беспокойтесь, господа,— сказал им Тагоми.— Уверен, головорезам из СД не добраться до нашего этажа. Их просто перебьют по пути.— И — в селектор: — Мистер Рамсей, отключите, пожалуйста, лифты.

— Хорошо, мистер Тагоми.

— Будем ждать,— сказал Тагоми. Он выдвинул ящик стола и достал шкатулку тикового дерева. Поднял крышку, извлек прекрасно сохранившийся револьвер времен Гражданской войны — кольт сорок четвертого калибра выпуска тысяча восемьсот шестидесятого года, предмет гордости коллекционера. Затем достал жестянку с порохом, пули, капсюли и стал заряжать револьвер на глазах у опешивших Бэйнса и генерала.— Это из моей коллекции,— пояснил он.— У меня мальчишеская страсть — стрельба по-ковбойски. Я долго учился палить с бедра — на

---

* Military Police, военная полиция.

досуге, конечно,— и, если судить по результатам состязаний с другими энтузиастами, добился некоторого успеха. Но всерьез этим пользоваться мне еще не приходилось.

Сидя за верстаком, Фрэнк Фринк шлифовал серебряную сережку в виде раковины улитки. Мельчайшие крошки окалины летели ему в очки, оставляли черные пятнышки на ногтях. От трения серьга жгла пальцы, но Фрэнк все сильнее прижимал ее к поверхности круга.

— Смотри не перестарайся,— предупредил Маккарти.— Выступы сними, а впадины пусть остаются как есть.

Фрэнк пробормотал что-то неразборчивое.

— Серебро с чернью легче сбыть,— пояснил Маккарти.— Оно выглядит старше.

«Сбыть»,— с горечью подумал Фрэнк.

Они еще ничего не продали. Кроме Чилдэна, взявшего кое-что на комиссию, никто ничего не купил. А ведь они побывали в пяти магазинах.

«Мы еще ничего не заработали,— думал Фрэнк.— Все делаем и делаем новые вещи, а они остаются в мастерской».

Сережка зацепилась ушком за ткань, выскользнула из пальцев и полетела на пол. Он выключил мотор.

— Ты ими не разбрасывайся,— укорил Маккарти, возившийся с паяльной лампой.

— Господи, да она с горошину! Как ее удержишь?

— Все равно отыщи.

«Черт бы ее побрал»,— мысленно выругался Фрэнк.

— В чем дело? — спросил Маккарти, видя, что Фрэнк не трогается с места.

— Ничего нам с тобой не продать,— угрюмо сказал Фрэнк.— Что бы мы ни сделали.

— Это верно, чего не сделали — не продать.

— Вообще ничего не продадим!

— Пять магазинов — это капля в море,— возразил Маккарти.

— Хватит, чтобы понять спрос.

— Не падай духом.

— А я и не падаю,— буркнул Фрэнк.

— Ты к чему ведешь? — спросил Маккарти.

— К тому, что пора сбывать лом.

— Ну ладно, остынь.

— Уже остыл.

— Раз так, буду продолжать в одиночку,— проворчал Маккарти, зажигая паяльную лампу.

— А как поделим барахло?

— Не знаю. Придумаем.

— Выплати мне мою долю,— потребовал Фрэнк.

— Черта с два.

— Отдай шестьсот долларов,— настаивал Фрэнк.

— Нет. Можешь взять половину оборудования.

— Полмотора?

Наступила тишина.

— Еще три магазина,— сказал наконец Маккарти.— А потом вернемся к этому разговору.

Он опустил на глаза щиток и стал припаивать медное звено к браслету.

Фрэнк встал из-за верстака, нашарил на полу сережку и положил ее в коробку с заготовками.

— Пойду покурю,— буркнул он и направился к лестнице.

«Все кончено»,— сказал он себе.

Он стоял под козырьком двери, часто затягиваясь дымом марихуаны и провожая рассеянным взглядом снующие машины. К нему приблизился белый средних лет, заурядной наружности.

— Мистер Фринк? Фрэнк Фринк?

— Верно,— ответил Фрэнк.

Человек достал из кармана сложенный листок и удостоверение.

— Департамент полиции Сан-Франциско. У меня ордер на ваш арест.

Фрэнк и глазом моргнуть не успел, как незнакомец сжал его локоть.

— За что? — пролепетал Фрэнк.

— За мошенничество. Вы обманули мистера Чилдэна, владельца «Художественных промыслов Америки».

Появились еще двое легавых в штатском и встали по бокам. Полицейский потащил Фрэнка за собой по тротуару. Его затолкали в неброский «тойопет», приткнувшийся у обочины.

«Вот какие испытания готовит нам судьба,— подумал Фрэнк, сдавленный с двух сторон телами полицейских. Хлопнула дверца, и машина вклинилась в автомобильный поток.— И таким сукиным сынам приходится подчиняться!»

— У вас есть адвокат? — спросил один из фараонов.

— Нет,— ответил он.

— В отделении вам предоставят список.

— Спасибо.

— Как вы поступили с деньгами? — спросил другой полицейский, когда они въезжали в гараж отделения на Керни-стрит.

— Истратил,— ответил Фрэнк.

— Все?

Он промолчал.

Полицейский пожал ему руку и одобрительно засмеялся.

Когда они вышли из машины, другой фараон спросил:

— Твоя настоящая фамилия — Финк?

У Фрэнка душа ушла в пятки.

— Финк,— повторил фараон.— Ты ведь жид? — Он раскрыл большую серую папку.— Сбежал из Европы.

— Я родился в Нью-Йорке,— возразил Фрэнк.

— Нет, ты удрал от наци,— ухмыльнулся фараон.— Знаешь, чем это пахнет?

Фрэнк вырвался и бросился бежать. Фараоны заорали, и у выхода из гаража полицейская машина преградила ему дорогу. Сидевшие в ней люди улыбались. Один из них вышел, держа в руке пистолет, и защелкнул наручник на запястье Фрэнка.

— Домой, в Германию,— ласково сказал фараон в штатском.

— Я американец,— пробормотал Фрэнк Фринк.

— Ты еврей,— настойчиво сказал фараон.

— Его здесь кокнут? — спросил кто-то, когда Фрэнка вели наверх.

— Нет, сладим консулу. Немцы судят евреев по законам Германии.

Списка адвокатов Фрэнк так и не увидел.

Минут двадцать Тагоми неподвижно просидел за столом, держа дверь под прицелом. Бэйнс ходил по кабинету. После некоторых раздумий старый генерал взял трубку телефона и позвонил в японское посольство. Но барона Кэлемакуле он не застал; по словам сотрудников посольства, его не было в городе.

Генерал решил дозвониться до Токио по тихоокеанской линии.

— Я позвоню в военную академию,— объяснил он Бэйнсу.— Они свяжутся с частями Императорских вооруженных сил, расквартированных поблизости.

«Короче говоря, нас выручат через несколько часов,— подумал Тагоми.— Наверное, пришлют морскую пехоту с авианосца, вооруженную пулеметами и минометами. Действуя по

официальным каналам, можно добиться эффектных результатов... Но для этого, к сожалению, требуется время. А помощь нужна сейчас, когда бандиты-чернорубашечники избивают внизу клерков и секретарей».

— А может, стоит связаться с германским консулом? — предложил Бэйнс.

Перед глазами Тагоми мигом возникла сцена, как он диктует мисс Эфрикян решительный протест, адресованный Рейсу.

— Я могу позвонить рейхсконсулу Рейсу по другому телефону,— сказал он.

— Попробуйте,— сказал Бэйнс.

Не опуская кольта, Тагоми нажал кнопку на поверхности стола. Тотчас появился аппарат, предназначенный для секретных разговоров. Тагоми набрал номер германского консульства.

— Добрый день. Кто говорит? — решительный, отрывистый голос с легким акцентом. Очевидно, кто-то из служащих.

— Его превосходительство герра Рейса, пожалуйста,— потребовал Тагоми.— Это срочно. Тагоми.— Он говорил жестким, не терпящим отказа тоном.

— Да, сэр. Одну секунду, сэр.— Долгая пауза. В трубке ни звука, ни шороха. «Стоит рядом и ждет,— догадался Тагоми.— Типичная нордическая изворотливость».

— Меня дурачат, это ясно,— сообщил он генералу Тедеки и Бэйнсу.

— Простите, мистер Тагоми, что заставил вас ждать,— служащий наконец подал голос.

— Ничего, пустяки.

— Консул на совещании. Если...

Тагоми бросил трубку.

— Напрасная трата времени,— удрученно заключил он.— Куда бы еще обратиться? Токкока в курсе, в береговую военную полицию тоже нет смысла звонить. Прямо в Берлин? Рейхсканцлеру Геббельсу? В Напа, на аэродром Императорских военно-воздушных сил? Я позвоню шефу СД Кройцу фон Меере,— решил он.— Начну с жалобы; если не поможет — перейду на брань и крик.

Тагоми набрал номер, принадлежавший, если верить телефонному справочнику, отделу охраны ценных грузов аэропорта Люфтганзы. Пока в трубке звучали гудки, Тагоми добавил:

— Сейчас вы услышите ругань на грани истерики.

— Да, устройте ему спектакль,— улыбнулся генерал.

В трубке раздался резкий голос:

— Кто это?

«Звучит решительней моего»,— подумал Тагоми.

— Ну, поживее! — поторопил голос.

— Я требую арестовать и отдать под суд шайку головорезов и дегенератов, ваших белокурых бестий-берсерков! — заорал в трубку Тагоми.— Знаешь, кто тебе звонит, Kerl? Тагоми, торговый атташе Имперского правительства! Даю пять секунд, чтобы ты их отозвал! Иначе спецкоманда морской пехоты забросает их фосфорными гранатами!

На другом конце линии что-то бессвязно пролепетали. Тагоми подмигнул Бэйнсу.

— ...нам ничего не известно,— услышал он наконец.

— Лжец! — закричал мистер Тагоми.— Ну что ж, нам ничего другого не остается.— Он бросил трубку.— Конечно, это всего лишь блеф, но он не повредит. Приятно понервировать СД.

Едва генерал Тедеки открыл рот, чтобы заговорить, как снаружи оглушительно забарабанили в дверь. Через секунду она распахнулась.

В кабинет ввалилось двое коренастых белых с пистолетами. Они сразу направились к Бэйнсу.

— Das ist er!* — сказал один из них. Сидевший за столом Тагоми поднял коллекционный кольт сорок четвертого калибра и нажал спуск. Один фашист рухнул на пол, другой мгновенно вскинул пистолет с глушителем. Тагоми не услышал хлопка, только свист пули. Сам он с бешеной скоростью взводил курок кольта и стрелял снова и снова.

У немца разлетелась челюсть. Как в замедленном кино, в воздухе поплыли осколки кости и зубов, куски плоти и брызги крови. «В рот попал! — понял Тагоми.— Ужасный результат, особенно если стреляешь в упор». В глазах изувеченного фашиста еще теплилась жизнь. «Он меня видит»,— подумал Тагоми. В следующее мгновенье глаза потухли, немец выронил пистолет и, страшно клокоча горлом, рухнул.

— Какое отвратительное зрелище,— пробормотал Тагоми.

В дверном проеме больше никто не появлялся.

— Наверно, все кончено,— сказал генерал.

Отведя три минуты утомительной процедуре перезарядки оружия, Тагоми нажал кнопку селектора.

---

* Это он! *(нем.)*

— У меня здесь тяжелораненый бандит,— сказал он.— Пожалуйста, вызовите «скорую помощь».

Никакого ответа. Только тихое гудение.

Бэйнс подобрал оба пистолета. Один отдал генералу, другой взял на изготовку.

— Теперь они нам и вовсе не страшны.— Тагоми уселся, как прежде, с кольтом в руке.

— Сдавайтесь, немецкие бандиты! — закричали в коридоре.

— Мы с ними уже справились! — крикнул в ответ Тагоми.— Входите, не бойтесь.

В дверях появилась группа служащих «Ниппон Таймс». Некоторые успели вооружиться топорами, ружьями и гранатами со слезоточивым газом.

— Cause celebre*,— сказал Тагоми.— Правительство ТША в Сакраменто может тотчас объявлять войну Рейху.— Он переломил револьвер.

— Немцы будут все отрицать,— покачал головой Бэйнс.— Стандартный прием. Сколько раз так было.— Он положил на стол Тагоми пистолет с глушителем.— Сделано в Японии.

Тагоми внимательно рассмотрел оружие. Бэйнс не ошибся — пистолет изготовлен в Японии. Спортивный, последняя модель.

— Кроме того, они не подданные Рейха,— продолжал Бэйнс. Он успел заглянуть в бумажник убитого.— Гражданин ТША. Проживает в Сан-Хосе. Ничего общего с СД. Имя — Джек Сандерс.

— Я понял,— кивнул Тагоми.— Заурядный налет. Цель — очистить мой сейф. Политические мотивы отсутствуют.— Он с трудом поднялся.

«Как бы там ни было, попытка вашего убийства или похищения не удалась. Во всяком случае, первая. Но в СД, несомненно, знают, кто такой мистер Бэйнс и для чего он прилетел».

— Перспективы малоутешительные,— произнес он вслух.

«Может, нам посодействует Оракул? — подумал он.— Предостережет, защитит, даст добрый совет?»

Едва держась на ногах, он взял черенки тысячелистника.

«В целом ситуация весьма запутана и необычна,— решил он.— Человеческий разум не в состоянии в ней разобраться; это под силу только мудрости пяти тысячелетий. Немецкое тоталитарное общество напоминает некую жизненную форму, которая

---

* Громкое дело, сенсационный судебный процесс *(фр.)*.

по ошибке явилась на свет. Оно отвратительно во всех своих проявлениях. Квинтэссенция бессмысленности. Местное отделение СД — инструмент политики, не имеющий ничего общего с политикой берлинского руководства. Где истина? Что такое Германия на самом деле? Чем была прежде? Мерзкая гниющая пародия на государство, к которой чем пристальнее присматриваешься, тем большее отвращение испытываешь. Но Оракул и здесь сумеет помочь, подсказать. Даже в этом дьявольском клубке взбесившихся котов для него нет тайн».

Наблюдая за Тагоми, рассеянно перебирающим пригоршню черенков, Бэйнс понял, насколько велико смятение этого человека. Для него убить или изувечить кого-нибудь не просто ужасно — немыслимо.

«Какими словами его подбодрить? Он стрелял, защищая меня, а значит, ответственность за погубленные жизни ложится на мои плечи. И я должен ее принять».

К Бэйнсу подошел генерал Тедеки и шепнул на ухо:

— Вы видите: мистер Тагоми в отчаянии. Очевидно, он вырос в религиозной семье. Все живое для буддиста священно, никого нельзя убивать. Подобная среда глубоко влияет на мировоззрение.

Бэйнс кивнул.

— К нему вернется душевное равновесие,— продолжал генерал.— Но не сразу. Сейчас у него нет твердой опоры, чтобы осознать, обдумать свой поступок. А книга поможет ему, укажет путь.

— Понимаю,— кивнул Бэйнс.

«Другой критерий оценки, который мог бы ему помочь,— ученье о первородном грехе. Но вряд ли Тагоми о нем слышал. Все мы обречены творить зло и насилие. Таково наше предназначение. Наша карма.

Чтобы спасти одну жизнь, Тагоми пришлось погубить две. Труднейшее испытание для уравновешенного, трезвомыслящего разума. Такому человеку, как Тагоми, оно грозит безумием.

И все-таки решающий момент не в настоящем. Не в моей смерти и не в смерти двух негодяев из СД. Он в будущем. Случившееся здесь оправдано или будет оправдано в дальнейшем. Кто знает, может, мы спасем жизнь миллионам — фактически всем японцам. Но человеку, глядящему на стебельки, подобные мысли не приходят в голову. Действительность слишком осязаема. На полу его кабинета лежат мертвый и умирающий.

Генерал прав — только время вернет мистеру Тагоми душевное равновесие. Иначе он погрузится во мрак безумия, навсегда утратит связь с реальностью. А ведь мы ничем от него не отличаемся,— подумал Бэйнс.— В наших мозгах — точно такая же путаница. Поэтому, к сожалению, мы не в силах помочь Тагоми. Мы можем только ждать, надеясь, что в конце концов он придет в себя».

Глава 13

В Денвере они посетили шикарные современные магазины. Одежда стоила безумно дорого, но оказалось, что для Джо это не имело значения. Что бы Джулиана ни выбрала, он расплачивался, не моргнув глазом.

Во второй половине дня, перемерив уйму нарядов, Джулиана выбрала голубое итальянское платье с рукавами-буфами и умопомрачительно глубоким декольте. Совсем недавно она видела такое платье — лучший фасон года — в европейском журнале мод. За него пришлось выложить почти две сотни долларов.

В придачу к платью Джулиане понадобились три пары туфель, новые нейлоновые чулки, несколько шляпок и черная кожаная сумочка ручной работы. Кроме того, она обнаружила, что декольте итальянского платья требует нового лифчика, прикрывающего только нижнюю часть груди. Поглядев на себя в большое, в полный рост, зеркало, Джулиана подумала, что нагибаться будет небезопасно. Но продавщица клятвенно заверила ее, что, несмотря на отсутствие бретелек, новый бюстгальтер подходит как нельзя лучше.

«Только соски и прикрывает,— подумала Джулиана, рассматривая себя в тиши примерочной.— Ни миллиметра выше».

Бюстгальтер тоже влетел Джо в копеечку — импортная вещь, объяснила продавщица, к тому же ручной работы. По просьбе Джулианы продавщица показала спортивные костюмы, шорты, купальники и махровый халат. Но тут Джо занервничал, и они пошли дальше.

— Ты не находишь, что я буду выглядеть сногсшибательно? — спросила она.

— Да,— рассеянно ответил он, загружая в машину пакеты и свертки.— Особенно платье. Наденешь, когда поедем к Абендсену, понятно? — Последнее слово он произнес резким тоном, как приказ. Это ее неприятно удивило.

— У меня двенадцатый—четырнадцатый размер,— сказала она продавщице в следующем магазине. С предупредительной улыбкой девушка проводила их к рядам вешалок. «Что бы еще выбрать? — гадала Джулиана.— Надо купить побольше...»

У нее разбегались глаза. Чего только не было в этом магазине: блузки, юбки, свитера, свободные брюки, пальто.

— Джо, мне нужно пальто,— сказала она.— Только не суконное.

Они выбрали немецкую шубу из синтетического меха, ноского и не такого дорогого, как настоящий.

Покупка не привела Джулиану в восторг, и, чтобы утешиться, она решила приобрести что-нибудь из бижутерии. Но разложенные на прилавке товары поражали невзрачностью и заурядностью.

— Мне нужны украшения к голубому платью,— сказала она Джо.— Хотя бы сережки или брошь.— Джулиана взяла его под руку и повела к ювелирной лавке.— Да! — вспомнила она виновато.— Про тебя я и забыла. Ничего, еще разок пройдем по магазинам.

Пока она рассматривала украшения, Джо отлучился в парикмахерскую. Увидев его через полчаса, Джулиана была потрясена: он не только постригся, но и покрасил волосы. Джулиана с трудом узнала его в стройном, широкоплечем блондине. «Боже! — подумала она, с изумлением глядя на него.— Зачем?»

— Надоело быть макаронником,— пояснил Джо, пожав плечами.

Они вошли в магазин мужской одежды и купили превосходный костюм фирмы «Дюпон» из новой синтетической ткани — дакрона. К нему — носки, нижнее белье и остроносые туфли. «Что еще? — подумала Джулиана.— Рубашки. И галстуки». Вместе с продавцом они выбрали две сорочки с французскими манжетами, несколько французских галстуков и серебряные запонки. На все ушло минут сорок. «До чего это, оказывается, просто»,— удивилась Джулиана.

«Пожалуй, надо поменять ему костюм»,— подумала она, но Джо снова занервничал и торопливо расплатился с продавцом банкнотами Рейхсбанка.

«Тогда — новый бумажник»,— решила она, видя, как он сует оставшиеся деньги в карман. Они выбрали черный бумажник из крокодиловой кожи и вернулись к машине. К половине пятого у них было все, что нужно.

— Может, немного приталить твой пиджак? — предложила она, когда они тронулись в путь.

— Нет.— Его голос звучал отрывисто и глухо. Джулиана удивилась.

«Что-нибудь не так? Может, я слишком много всего набрала? Наверное, так и есть,— решила она.— Наша прогулка по магазинам ударила его по карману».

— Я могу вернуть несколько юбок.

— Поедем лучше обедать,— буркнул он.

— О боже! — воскликнула она.— Я забыла ночные рубашки!

Джо метнул в нее яростный взгляд.

— Разве ты не хочешь подарить мне несколько красивых пеньюаров? — удивилась она.— Чтобы я всегда была свежей и...

Он отрицательно покачал головой.

— Брось. Лучше поищем, где бы нам перекусить.

— Сначала надо зарегистрироваться в гостинице,— уверенно сказала Джулиана.— Там переоденемся, а уж потом можно и пообедать.

«Отель должен быть самый шикарный,— подумала она.— Иначе кутеж будет испорчен. В гостинице надо спросить, где находится лучший в Денвере ресторан. А потом махнуть в ночной клуб, на какое-нибудь потрясающее шоу с участием не местных "самородков", а европейских знаменитостей вроде Элеонор Перес или Вилли Бека. На меньшее не согласна».

Пока они разыскивали подходящую гостиницу, Джулиана то и дело бросала взгляд на своего спутника. Светлые, коротко подстриженные волосы и новый костюм делали его непохожим на себя.

«Не пойму, лучше он стал выглядеть или нет? Скоро тоже сделаю новую прическу, и тогда мы оба станем сотворенными из ничего, а точнее, из денег. Да, прическа необходима»,— решила она.

В деловом центре Денвера они нашли роскошную гостиницу со швейцаром у дверей, взявшим на себя заботу о парковке их машины. Это было как раз то, чего хотелось Джулиане. Коридорный — здоровенный парень, почему-то одетый в матросский костюм, сгреб в охапку их покупки. Джулиане и Джо осталось лишь подняться по широченной лестнице, устланной ковром, и через двери из стекла и красного дерева пройти в вестибюль.

Джулиане сразу бросились в глаза выстроившиеся вдоль стен киоски с цветами и сувенирами, стойка приема почты, огромные растения в кадках и толстый, мягкий ковер под ногами.

Куда ни глянь, горели неоновые надписи: «Ресторан», «Коктейль-холл», «Буфет», прогуливались хорошо одетые люди.

Пока Джо договаривался с администратором и расписывался в регистрационном журнале, Джулиана отошла к прилавку с книгами — посмотреть, нет ли здесь «Саранчи». Ее ожидания оправдались — на прилавке лежала целая кипа экземпляров в ярких обложках, рядом стояла афишка, объясняющая, насколько это интересная и популярная книга. Упоминалось, что она запрещена в подвластных Германии странах. Джулиану обслужила улыбчивая продавщица, похожая на ласковую бабушку. Книга стоила без малого четыре доллара. «Дорого!» — подумала Джулиана, но вытащила из новенькой сумочки банкноту Рейхсбанка, заплатила и поспешила вернуться к Джо.

За нагруженным покупками коридорным они проследовали к лифту, поднялись на второй этаж и прошли по ковру в шикарный, хорошо натопленный номер. Коридорный отпер дверь, проверил, хорошо ли раздвигаются занавески на окнах, включил и выключил свет. Затем, получив от Джо чаевые, удалился.

— Сколько мы здесь проживем? — спросила Джулиана.

Джо не ответил. Он сосредоточенно перебирал содержимое саквояжа.

— День? Два? — спросила она, снимая шубку.— А может, три?

— Уедем сегодня. Вечером,— бросил Джо.

Сначала она не поняла, а когда поняла, не поверила. На ее изумленный взгляд Джо ответил мрачной улыбкой. Он застыл над охапкой своего белья. Казалось, его разбил паралич.

— После ресторана,— добавил он.

Она не нашлась, что ответить.

— Одевайся,— велел Джо.— Надень то дорогое платье, которое тебе так понравилось. Голубое. Поняла? — Он стал расстегивать рубашку.— А я пока побреюсь и залезу под душ.— В голосе появился металлический тембр, словно Джо говорил издалека по радио или телефону. Повернувшись, он на негнущихся ногах двинулся в ванную.

— Но сегодня поздно! — растерянно пробормотала Джулиана.

— Нет. Успеем пообедать до половины шестого, самое позднее, до шести. До Шайенна два часа езды, ну, два с половиной. Будем там к восьми тридцати. Для ровного счета — к девяти. Сейчас ты позвонишь Абендсену и предупредишь о нашем приезде. Скажи так: мы едем на Западное побережье и остано-

вились переночевать в Денвере, но тебе так нравится его книга, что мы не удержались и решили заехать к нему. Только для того, чтобы...

— Для чего? — перебила Джулиана.

У нее непроизвольно сжались кулаки — как в детстве, большими пальцами внутрь,— задрожал подбородок, из глаз брызнули слезы.

— Не хочу я сегодня к нему ехать и не поеду.— Она едва слышала собственный голос.— И завтра не поеду, и вообще. Я хочу здесь отдохнуть. Как ты обещал.— И тут грудь Джулианы снова сжал необъяснимый, слепой страх, который с тех пор, как она встретила Джо, никогда полностью не покидал ее, даже в самые радостные минуты.

— Да не волнуйся ты.— Джо говорил успокаивающим и вместе с тем равнодушным тоном, словно повторял заученный текст.

— Нет,— произнесла она.

— Надень голубое платье.— Джо разворошил покупки, взял самый большой сверток, развязал бечевку и аккуратно разложил платье на кровати. Он не торопился.— Ладно? От тебя будет глаз не оторвать. Купим еще бутылку хорошего шотландского виски — и в путь.

«Фрэнк! — мысленно воззвала она.— Помоги! Я ничего не понимаю!»

— Шайенн гораздо дальше, чем тебе кажется,— возразила она вслух.— Я смотрела на карте. Мы туда доберемся не раньше одиннадцати, а то и за полночь.

— Надень платье,— приказал он.— Не то убью!

Джулиана нервно хихикнула, закрыв глаза. «Дзюдо,— подумала она.— Наконец-то оно сослужит мне службу. Ну что ж, поглядим, убьет он меня или я успею нащупать нерв у него на шее и изувечу на всю жизнь. Правда, он тоже когда-то все это изучал, он ведь дрался с английскими десантниками».

— Я знаю, что ты можешь меня швырнуть,— сказал Джо.— Если получится.

— Не буду я тебя швырять,— огрызнулась Джулиана.— Просто сделаю калекой. Не сомневайся, сумею. Я жила на Западном побережье и училась у японцев. В Сиэтле. Езжай, если хочешь, я останусь здесь. И не вздумай ко мне лезть! Я тебя боюсь, поэтому способна на все! — У нее задрожал голос.— Попробуй только тронь меня! Не знаю, что с тобой сделаю!

— Слушай, хватит, а? Надень это проклятое платье, и дело с концом. Заладила: убью! искалечу! Что я такого сказал? Всего-

навсего предложил после обеда сесть в машину и съездить к тому парню, Абендсену, автору книги, которая тебе так...

Раздался стук в дверь. Джо отворил. На пороге стоял молодой человек в ливрее.

— Утюжка одежды, сэр. Вы обращались к администратору, сэр.

— Да, верно.— Джо вернулся к кровати, сгреб новые сорочки и отдал слуге.— Уложитесь в полчаса?

— Если не стирать, а только гладить — успею, сэр.

— Откуда ты знаешь, что новые сорочки надо выгладить, прежде чем надевать? — спросила Джулиана, когда Джо закрыл дверь.

Он молча пожал плечами.

— А вот я об этом забыла,— сказала Джулиана,— хотя женщине полагается помнить... Когда достаешь сорочку из целлофана, она обязательно в складках...

— В молодости мне случалось бывать в приличном обществе.

— А откуда ты узнал, что в гостинице можно отдать одежду в утюжку? Я-то не знала. А ты в самом деле стригся и красил волосы? Сдается мне, они всегда были светлыми, только ты носил парик. Угадала?

Он снова пожал плечами.

— Должно быть, ты из СД,— продолжала Джулиана.— А прикидываешься макаронником, водителем грузовика. И в Северной Африке ты никогда не был, верно? А здесь для того, чтобы убить Абендсена, так? Видишь, я все поняла, хотя и круглая дура.

Помолчав, Джо возразил:

— Я воевал в Северной Африке. Правда, не на батарее майора Парди, а в Бранденбургском полку. Диверсионно-десантное подразделение вермахта,— пояснил он.— Мы проникали в расположение британских штабов. Не вижу разницы — нам тоже хватило дел. Я и под Каиром был — заслужил там медаль, упоминание в списках отличившихся и звание ефрейтора.

— Твоя авторучка — оружие?

Он не ответил.

— Бомба! — догадалась Джулиана.— Бомба-ловушка, ее можно установить на взрыв от соприкосновения.

— Нет. Это двухваттная рация,— нехотя пояснил Джо.— Для связи со своими. На тот случай, если политическая ситуация в Берлине потребует изменения плана.

— И перед тем, как сделать дело, ты получишь у своих «добро». На всякий случай.

Он кивнул.

— Ты не итальянец. Ты немец. А мой муж — еврей,— сказала она.

— Меня не интересует, кто твой муж. От тебя мне нужно одно: чтобы ты надела платье и привела себя в порядок. Нам пора в парикмахерскую... Может, в гостинице она еще открыта? Спустись туда, а я приму душ и дождусь рубашек.

— Как ты намерен его убить?

— Джулиана, пожалуйста, надень платье. А я позвоню в парикмахерскую.— Он подошел к телефону.

— Ну, зачем я тебе понадобилась?

— У нас на Абендсена досье,— ответил Джо, набирая номер.— Похоже, ему нравятся смуглые, страстные девушки. Особенно ближневосточного или средиземноморского типа.

Пока он разговаривал по телефону, Джулиана вытянулась на кровати, закрыла глаза и прижала к лицу ладони.

— Здесь есть парикмахер,— сообщил Джо, положив трубку.— Она тебя ждет. Спустись в салон.— Джо вложил ей что-то в ладонь. Джулиана открыла глаза и увидела в своей руке банкноты.

— Оставь меня в покое,— взмолилась она.— Ну, пожалуйста!

Он озабоченно посмотрел ей в глаза.

— Не случись в Сиэтле большого пожара, он был бы похож на Фриско,— бормотала Джулиана.— Такие же старые дома из бревен и кирпича на холмах. Японцы поселились в Сиэтле задолго до войны. Там целый район очень старых зданий с конторами, магазинами и всем остальным... И порт. Я жила там с одним парнем из торгового флота, и от нечего делать брала уроки у маленьком старого японца. Его звали Минору Ихоясу. Он носил жилет и галстук. Кругленький такой старичок, как йо-йо. Его школа находилась на последнем этаже какого-то японского учреждения; на двери висела старомодная табличка с золотыми буквами, а приемная напоминала зубоврачебный кабинет. А на журнальном столике лежали последние номера «Нэйшнл Джиогрэфик».

Джо взял ее под мышки и усадил.

— Ну, в чем дело? Заболела, что ли? — Он вгляделся в ее лицо.

— Я умираю.

— Это приступ хандры. С тобой такое часто случается, ведь верно? Тут должна быть аптечка, я дам успокоительное. Как насчет фенобарбитала? Кстати, мы сегодня с десяти утра не

ели — может, от этого? Ничего, все будет в порядке. У Абендсена тебе ничего не надо будет делать, только постоишь рядом со мной. Говорить я буду сам. А ты только улыбайся и будь с ним поласковей. Если понадобится, поддержи беседу, чтобы он не затворил дверь. Он нас обязательно впустит, как только увидит тебя, особенно в этом платье. На его месте я бы тебя обязательно впустил.

— Дай пройти в ванную,— попросила Джулиана.— Ну, пожалуйста. Меня тошнит.— Она попыталась высвободиться из его рук.— Сейчас вырвет... Пусти!

Джо выпустил ее, и Джулиана побрела в ванную.

«У меня получится»,— подумала она, затворяя за собой дверь. Нашарила кнопку выключателя. Вспыхнул яркий свет, она болезненно сощурилась.

В туалетном шкафчике — спасибо предусмотрительному персоналу гостиницы — лежала пачка бритвенных лезвий, мыло и зубная паста. «Односторонние»,— подумала Джулиана, вскрывая конвертик с синеватой полосочкой стали.

Из душа шла вода. Джулиана шагнула под нее — и спохватилась: «Господи боже, я в одежде! Все пропало!»

Платье прилипло к телу. Волосы намокли.

Насмерть перепуганная, она отшатнулась и едва не упала. По чулкам бежали струйки воды. Она заплакала.

Когда вошел Джо, она стояла совершенно голая, опираясь одной рукой на раковину умывальника. Лицо у нее было измученное.

— Господи Иисусе! — захныкала она.— Что теперь делать? Пропал костюм. Он из шерсти.— Она показала себе под ноги. Там мокрой грудой лежала одежда.

Очень спокойно — но с перекошенным лицом — Джо произнес:

— Не расстраивайся, костюм тебе все равно не понадобится.

Он вытер ее белым мохнатым полотенцем и отвел в теплую, устланную ковром гостиную.

— Надень белье и что-нибудь сверху. Я позвоню парикмахерше, попрошу подняться. Она не откажет, здесь есть все необходимое.

— Ты предлагал какие-то таблетки,— сказала Джулиана, когда он договорился с парикмахером.

— Забыл. Сейчас позвоню в аптечный киоск. Впрочем, погоди, у меня у самого кое-что найдется. Нембутал или еще какая-то чертовщина.— Джо схватил саквояж и стал в нем рыться.

Когда он протянул Джулиане две желтые капсулы, та спросила:

— Я от них не сдохну?

— Что?! — У него дернулась щека.

«Пусть сгниет мое чрево,— подумала она,— усохнет лоно».

— Не бойся. Это порошки фирмы «А. Г. Хемикален», их глотает весь Рейх. Я сам иногда их пью от бессонницы. Сейчас принесу стакан воды.— Джо бегом бросился в ванную.

«Лезвие,— подумала она.— Я проглотила его, и оно навеки останется разрезать мои чресла... Кара. Замужем за евреем и снюхалась с гестаповцем-террористом.— Она чувствовала, как по щекам ручьями бегут слезы.— За все мои грехи — погибель».

— Пошли,— сказала она, поднимаясь на ноги.— В парикмахерскую.

— Ты не одета!

Джо усадил ее и попытался натянуть на нее трусики, но безуспешно.

— Нужно сделать что-нибудь с твоими волосами,— простонал он.— Где эта Hure*, эта женщина?!

Медленно, с трудом выговаривая слова, Джулиана произнесла:

— Как веревочке ни виться, а кончик все равно... Прячься не прячься, а от Бога не уйдешь. Все под ним ходим, все мы у него на крючке...— «Больно... Это все капсулы. Разъедают меня. Наверное, в них была серная кислота. Встретились в животе и образовали дьявольскую смесь, чтобы мучить меня веки вечные».

Джо не сводил с нее глаз. Он был белее мела.

«Читает мои мысли,— решила Джулиана.— У него есть машинка для чтения мыслей. Только не знаю, где она спрятана».

— Ну и порошки,— сказала она.— Голова от них кругом.

— Но ты их не проглотила!

Он ткнул пальцем ей в кулак. Разжав ладонь, Джулиана увидела капсулы.

— У тебя нервный припадок.— Джо вдруг стал тяжелым, медлительным.— Ты больна! Мы не сможем ехать! Нужен врач.

— Не надо врача,— пролепетала Джулиана.— Все пройдет.

Она попыталась улыбнуться. Чтобы узнать, удалось это или нет, вгляделась в его лицо. «Как он смотрит... Это, наверно, излучение его мозга превращает мои мысли в кашу...»

---

* Сука *(нем.)*.

— Я не могу взять тебя к Абендсену,— произнес он.— Сегодня ничего не выйдет. Отложим на завтра. Может, тебе полегчает. Завтра попробуем. Надо.

— Можно, я еще разок схожу в ванную?

Он рассеянно кивнул, думая о своем. Оказавшись в ванной, Джулиана достала из тумбочки еще одно лезвие, спрятала в ладони и вышла.

— До свидания,— сказала она.

Когда она отворяла дверь в коридор, Джо с криком подскочил и схватил ее за плечо.

Вжик.

— Какой ужас! — изумилась Джулиана.— Я способна на насилие! Мне следовало это знать, держитесь теперь, ночные грабители и бродяги!

«Я любому дам отпор! Кстати, а куда девался этот? Схватился за шею и пустился в пляс!»

— Не стой у меня на пути, если не хочешь получить взбучку,— сказала она.— Не смотри, что я женщина.— Подняв руку с лезвием, она другой рукой отворила дверь.

Джо сидел на полу, обеими руками держась за горло.

— Прощай.— Джулиана хлопнула дверью и оказалась в коридоре.

Навстречу, опустив голову и что-то напевая, катила тележку женщина в белом халате.

Поравнявшись с Джулианой, она подняла голову, чтобы взглянуть на номер двери. Глаза ее выпучились, а челюсть отвисла.

— Ох ты, миленькая моя! — затараторила она.— Ну и набралась же ты! Не парикмахер тебе нужен, а... Ступай-ка в номер и натяни на себя что-нибудь, пока тебя не выставили из гостиницы. Господи боже! Пусть дружок приведет тебя в чувство, а я пока спущусь вниз и скажу, чтобы тебе принесли горячего кофе. Ну-ка, не стой здесь, заходи! — Она затолкала Джулиану обратно в номер. Послышалось удаляющееся шуршание колес тележки.

«Парикмахерша»,— догадалась Джулиана. Опустив глаза, поняла, почему женщина приняла ее за пьяную — Джулиана стояла в чем мать родила.

— Джо, меня не выпускают,— пожаловалась она. Затем нашла свой чемодан и вытряхнула одежду. Нижнее белье, блузка, юбка... туфли на низком каблуке.

— Приведем себя в порядок,— пробормотала она. Отыскала расческу, расчесала волосы, встала и пошла искать зеркало.— Так лучше? — Она нашла зеркало на дверце стенного шкафа, оглядела себя со всех сторон, даже встала на цыпочки.— У меня в голове такая неразбериха! — сообщила она, оглянувшись.— Почти не соображаю, что делаю. Ты, наверное, меня чем-то опоил. Не лекарством, а отравой.

— Слушай,— прохрипел Джо. Он все еще сидел на полу, держась за горло.— Ну и дрянь же ты! Перерезала мне аорту на шее.

Джулиана захихикала, прижав ладонь к губам.

— Господи, какой же ты чудак. Все перепутал. Аорта на груди. Ты имеешь в виду сонную артерию.

— Если я встану, то за две минуты истеку кровью. Ты это знаешь. Мне нужен врач или скорая помощь. Понимаешь? Позвони или приведи кого-нибудь.

Поразмыслив, она кивнула.

— Попробую.

— Вот и хорошо. Скажи им... приведи кого-нибудь... спаси меня...— бормотал он.

— Иди сам.

— У меня кровь хлещет.

Кровь и в самом деле просачивалась между пальцами и стекала по запястьям. На полу образовалась лужа.

— Я не могу идти! Я подожду здесь.

Джулиана надела шубку, застегнула кожаную сумочку, взяла чемодан и большую коробку с итальянским платьем и направилась к выходу. Отворяя дверь, она обернулась и сказала:

— Может, я скажу администратору. Внизу.

— Угу,— промычал он.

— Так и быть, скажу. Не ищи меня в Каньон-сити, я туда не вернусь. Да и незачем мне туда возвращаться. Я ведь взяла почти все твои деньги. Все не так уж и плохо. Прощай. Извини.— Она хлопнула дверью и со всех ног бросилась по коридору.

В лифте ей помогли пожилой бизнесмен и его жена. Они взяли у Джулианы свертки, а внизу, в вестибюле, позвали коридорного.

Носильщик вынес ее вещи на улицу и объяснил, как получить машину из гаража. Через несколько минут она стояла возле своего «студебеккера». Служащий развернул машину, Джулиана вытащила из кошелька мелочь, расплатилась, уселась за

руль и по залитому желтым светом пандусу выехала на улицу, в царство фонарей, автомобилей и неоновых вывесок.

Швейцар в ливрее собственноручно уложил ее вещи в багажник и улыбнулся столь лучезарно, что Джулиана не удержалась и дала ему огромные чаевые. К немалому ее удивлению, никто не попытался преградить ей путь. «Должно быть, верят, что Джо уплатит,— решила она.— А может, уплатил вперед».

Затормозив у светофора, она вспомнила, что не сказала администратору о Джо. «Так и прождет до конца света,— подумала она.— А может, дотянет до завтра, когда придет горничная с уборкой. Вернуться, что ли? Или позвонить? Пожалуй, надо остановиться у ближайшей телефонной кабины.

Как все глупо,— размышляла она, отыскивая взглядом место для стоянки.— Кто бы мог подумать? Еще час назад мы бродили по магазинам, входили в гостиницу. Мы уже почти оделись, собрались в ресторан, а то и в ночной клуб.— Джулиана вдруг почувствовала, как по щекам текут слезы и капают на блузку.— Как жаль, что я не посоветовалась с Оракулом, он бы меня предостерег, объяснил, как быть. И почему я о нем забыла? Сколько раз могла к нему обратиться — и в пути, и даже перед отъездом». Она невольно застонала: звук этот, тихое поскуливание, впервые в жизни вырвавшийся из груди, испугал Джулиану. Но, даже стиснув зубы, она не смогла его подавить.

Она притормозила у обочины, но осталась сидеть в машине, дрожа и сжимая кулаки в карманах шубки. Двигатель тихонько урчал. «Боже,— всхлипнула она.— Какая я дура! Но все-таки надо понять, что происходит».

Джулиана выбралась из машины, достала из багажника чемодан и затащила его на заднее сиденье. Порывшись в тряпках, извлекла два черных тома Оракула. В тусклом свете витрины универмага она стала подбрасывать три скалистогорских десятицентовика. «Что мне делать? — спросила она.— Пожалуйста, скажи, что мне делать?»

Выпала гексаграмма сорок два, «Приумножение», с чертами развития на второй, третьей, четвертой и верхней позиции. Значит, сорок вторая гексаграмма переходит в сорок третью. Она пробежала текст взглядом, задерживаясь на благоприятных местах, чтобы обдумать и понять их. И вновь чудо — перед ее глазами предстали события последнего дня, краткий, схематичный конспект случившегося:

«Благоприятно иметь, куда выступить.
Благоприятен брод через великую реку».

«Не следует здесь оставаться, надо отправиться в путешествие и совершить что-то важное. Теперь черты...» — губы Джулианы беззвучно шевелились, глаза искали нужные строки.

«Можно умножить то, в чем недостаток.
Черепаха-оракул, ценой в десять тысяч связок монет.
От ее указаний невозможно уклониться.
Вечная стойкость к счастью.
Царю надо проникнуть с жертвами к богам.
Счастье».

Теперь «шестерка» на третьем месте. У Джулианы закружилась голова.

«Приумножай и в случае несчастливых событий.
Хулы не будет, если, обладая правдой, пойдешь верным путем, если заявишь об этом князю и поступишь по его мановению».

«Князь... это, конечно, Абендсен. Черепаха — новый, дорогой экземпляр "Саранчи". Несчастливые события — Оракул знает, что с ней случилось, этот ужас с Джо, или кто он там...» Она прочла комментарий к «шестерке» на четвертой позиции:

«Если, идя верным путем, заявишь об этом князю, то все пойдут за тобой».

«Я должна ехать к Абендсену,— поняла Джулиана.— Даже если Джо поедет следом». Она торопливо проглядела текст последней черты развития — верхней «девятки».

«Ничего не приумножит этого, а пожалуй, разобьет его.
При воспитании сердец не будь косным.
Несчастье!»

«О Господи,— подумала она,— это означает убийц из гестапо. Оракул говорит, что рано или поздно Джо или кто-нибудь еще доберется до Абендсена и убьет его». Она поспешно заглянула в сорок третью гексаграмму. «Выход».

«Поднимешься до царского двора.
Правдиво возглашай.
А если будет опасность, то говори и от своего города.
Неблагоприятно браться за оружие.
Благоприятно иметь, куда выступить».

«Значит, нет смысла возвращаться в гостиницу и доводить дело до конца. Это бесполезно — вместо Джо пришлют других.

Оракул настойчиво советует иное: добраться до Шайенна и предупредить Абендсена. Я должна сказать ему всю правду».

Она закрыла книгу и пересела за руль. Вскоре Денвер остался позади, а перед Джулианой уходило к горизонту широкое шоссе. Она до отказа выжимала газ, двигатель то и дело взревывал, отчего вздрагивало сиденье и погромыхивало в бардачке. «Благодарение Богу за доктора Тодта и его автострады»,— подумала Джулиана. Она неслась сквозь тьму и в свете фар видела только белую полосу на дороге.

К десяти вечера ей еще не удалось добраться до Шайенна — сказались усталость и нервное перенапряжение. Ничего не оставалось, как сбросить скорость и поискать ночлег.

Вскоре ей попался на глаза дорожный указатель: «Грили — 5 миль». «Завтра утром доеду»,— решила Джулиана, сворачивая к Грили. Ей сразу встретилось несколько мотелей с яркими неоновыми вывесками, так что с ночлегом не возникло проблем. «Сегодня же позвоню Абендсену и предупрежу о приезде»,— решила она.

На стоянке она выбралась из машины и устало потянулась. Все-таки как приятно после долгих часов езды снова встать на ноги. Заметив круглосуточно работающую аптеку, Джулиана сунула руки в карманы и направилась к ней. Вскоре она стояла в телефонной кабине и просила телефонистку соединить ее с Шайенном.

Слава богу! Телефон Абендсенов нашелся в списках абонентов.

— Будьте любезны, соедините,— попросила Джулиана и опустила в щель несколько четвертаков.

— Алло? — прозвучал неожиданно в трубке приятный женский голос. Видимо, его обладательница была одного возраста с Джулианой.

— Миссис Абендсен? — спросила Джулиана.— Могу я поговорить с мистером Абендсеном?

— А кто вы?

— Я прочла его книгу и весь день ехала из Каньон-сити, штат Колорадо. Сейчас я в Грили. Думала, доберусь к вам еще сегодня, но не получилось. Я хочу узнать, можно ли мне завтра увидеться с мистером Абендсеном.

После паузы миссис Абендсен произнесла все тем же приятным голосом:

— Да, конечно, но... Скажите, а... у вас есть какая-нибудь особая причина для встречи с моим мужем? Видите ли, он очень занят.

— Я хочу с ним поговорить,— сказала Джулиана. Собственный голос показался ей каким-то тусклым, деревянным. Разглядывая стену кабины, она не знала, что бы еще сказать. У нее ныло все тело, во рту пересохло. За стеклом кабины она видела аптекаря, взбивающего молочный коктейль для четырех подростков. Джулиане здесь нравилось: она едва реагировала на вопросы миссис Абендсен. Ей захотелось остаться в аптеке, заказать прохладительный напиток и к нему сэндвич с салатом и курицей.

— Готорн работает совершенно бессистемно,— звучал в трубке живой, звонкий голос миссис Абендсен.— Насчет встречи я ничего не могу обещать — возможно, ему захочется проработать весь день напролет. Но если вы отдавали себе в этом отчет, когда отправлялись в путь...

— Да,— подтвердила Джулиана.

— Я уверена, он с радостью потолкует с вами, если выкроит несколько минут,— продолжала миссис Абендсен.

— Я прочла его книгу, и она мне очень понравилась,— сказала Джулиана.— Она у меня с собой.

— Понимаю,— произнесла миссис Абендсен благожелательным тоном.

— Я много времени потеряла в Денвере на магазины.— «Нет,— подумала Джулиана.— Надо не так».— Видите ли, тут все дело в Оракуле,— призналась она.— Это он велел мне ехать в Шайенн.

— О господи! — воскликнула миссис Абендсен.

— Я вам прочту.— Джулиана захватила Оракул в кабину. Положив том на полочку под аппаратом, она торопливо стала искать нужную страницу.— Секундочку.— Отыскав нужное место, она зачитала текст сорок второй гексаграммы. Дойдя до «девятки» наверху, там, где говорилось о несчастье, услышала на другом конце провода сдавленный возглас.— Простите? — спросила Джулиана.

— Продолжайте,— произнесла миссис Абендсен. Голос ее, как заметила Джулиана, зазвучал напряженнее, в нем появилась тревога. Казалось, собеседница поняла серьезность ситуации.

Джулиана прочитала текст гексаграммы сорок три, где говорилось об опасности, и умолкла. В трубке тоже молчали.

— Ну что ж,— наконец сказала миссис Абендсен,— в таком случае завтра увидимся. Не могли бы вы представиться?

— Джулиана Фринк,— сказала Джулиана.— Большое спасибо, миссис Абендсен.

Тут вмешалась телефонистка, возмущаясь, что время разговора давно истекло. Джулиана повесила трубку и, забрав кошелек и два тома Оракула, направилась к буфетной стойке.

Заказав сэндвич с кока-колой и закурив сигарету, она с ужасом осознала, что ничего не сказала миссис Абендсен об этом гестаповце, или эсэсовце, или кто он там — словом, о Джо Чиннаделла, которого она бросила в гостиничном номере.

«Забыла! — упрекнула она себя.— Напрочь вылетело из головы. Как это могло случиться? Должно быть, я спятила. Чокнутая дурища. Она бы мне просто не поверила»,— попыталась успокоить себя Джулиана, но безуспешно.

Она порылась в сумочке, ища мелочь для повторного звонка.

«Нет,— решила она, вставая из-за стола.— Сегодня больше не буду звонить. Сейчас чертовски поздно. Я устала, да и они, наверное, уже спят. Будь что будет».

Она съела сэндвич, выпила кока-колу и отправилась в ближайший мотель, где взяла номер и заснула, едва добравшись до постели.

Глава 14

«Ответа нет,— размышлял Тагоми.— Даже в Оракуле все непонятно. И все же мне предстоит жить дальше. День за днем. Надо снова обрести цель в жизни, хотя бы крошечную...»

Как обычно, он попрощался с женой и вышел из дому. Но на сей раз Тагоми направился не в «Ниппон Таймс Билдинг».

«Может, отдохнуть, развлечься? Съездить в парк Золотые Ворота, поглазеть на зверей и рыб? Побывать среди живых тварей, не умеющих думать, но способных радоваться? Да будет так.

Путь туда не близок, и мне хватит времени для постижения внутренней правды. Если можно так выразиться. Но деревья и твари земные — безлики, а мне нужно ухватиться за человеческую жизнь. Или стать ребенком? Возможно, это и неплохой выход. Мне бы не повредило вернуться в детство».

Рикша бодро крутил педали, веломобиль ехал по Керни-стрит к деловому центру Сан-Франциско.

«Прокатиться по канатной дороге? — подумал вдруг Тагоми.— Детское удовольствие в чистом виде — восхитительное путешествие на транспортном средстве, которому полагалось бы исчезнуть еще в начале века, но которое, как ни странно, дотянуло до наших дней».

Он отпустил велотакси и направился к ближайшей вышке.

«Быть может,— думал он,— я никогда не вернусь в "Ниппон Таймс Билдинг", где пахнет смертью. Карьера окончена, но это пустяки. Мне найдут замену. Но человек по имени Тагоми все еще ходит, дышит, помнит каждую мелочь. Значит, еще не все закончено.

Впрочем, война — операция "Одуванчик" — всех нас сотрет с лица Земли. Что бы мы ни предпринимали. Те, на чьей стороне мы сражались в минувшую войну, стали нашими врагами. И какой нам от той бойни прок? Наверное, надо было драться не за, а против них. Или хотя бы помогать их врагам, Соединенным Штатам, Британии, России. Но что бы это изменило? Безнадежность, как ни крути. Мудрецы уходят из мира, и, возможно, это единственный выход. Увы, мы одиноки, нам неоткуда ждать помощи. Возможно, это и к лучшему,— решил Тагоми.— Человек должен найти свой путь».

Он сел в вагончик канатной дороги на Калифорния-стрит, проехал до конца и помог развернуть вагончик на деревянном поворотном круге.

Вагончик, поскрипывая, повез его назад, Тагоми в задумчивости смотрел вниз. Из всех впечатлений от города это было для него самым ярким, но теперь опустошенность ощущалась еще резче.

Возле Стоктона он встал и двинулся к выходу. Его остановил возглас кондуктора:

— Ваш портфель, сэр!

— Спасибо.— Тагоми взял портфель и вышел. Вагончик лязгнул и двинулся дальше.

В портфеле лежал бесценный коллекционный кольт сорок четвертого калибра. Теперь Тагоми не расставался с оружием, на случай если мстительные бандиты из СД захотят расквитаться с ним за смерть своих приятелей... всякое в жизни бывает. И все-таки Тагоми чувствовал, что это нарушение привычного течения жизни — какой бы ни была его подоплека,— признак неврастении. «Не надо ей поддаваться,— убеждал он себя, шагая по тротуару с портфелем в руке.— Это не более чем навязчивая идея, мания преследования». Но избавиться от смутной тревоги не удавалось.

«Не я владею оружием — оружие владеет мной,— думал он.— Значит, я уже не испытываю перед ним восторга? Все мое существо восстает против того, что я сделал. Исчезло не только

преклонение перед этим культом — исчезла сама страсть к коллекционированию. Увы! Опора моей жизни, тихая гавань...»

Он остановил велотакси и велел рикше везти его на Монтгомери-стрит, к магазину Роберта Чилдэна.

«Утеряна ниточка, связывавшая меня с любимым занятием. Надо разобраться. Понять, что со мной случилось. Возможно, удастся преодолеть страхи с помощью хитрости: обменять пистолет на другую старинную вещь. Для меня история этого револьвера слишком конкретна. В самом худшем смысле. Это воспоминание останется со мной, в моей психике, но для кого-нибудь другого револьвер будет самым обыкновенным предметом старины.

Как только я избавлюсь от кольта, все мои проблемы уйдут в прошлое,— решил Тагоми, чувствуя прилив сил.— Ибо дело не только в моей психике, но и — что полностью соответствует теории историчности — в самом револьвере. Мы с ним связаны».

Веломобиль подъехал к магазину. «Я здесь столько всего приобрел,— подумал Тагоми, расплачиваясь с рикшей.— И для себя, и для деловых подарков».

Он быстро вошел в магазин. У кассы стоял Чилдэн и протирал тряпкой какую-то вещицу.

— Мистер Тагоми,— поклонился Чиллэн.

— Мистер Чилдэн,— поклонился в ответ Тагоми.

— Какой сюрприз! Я весьма польщен.— Чилдэн вышел из-за прилавка. Тагоми заметил перемену в хозяине магазина. «Какой-то он не такой, как всегда. Менее разговорчивый, что ли. Вот и хорошо,— решил он.— А то вечно болтает, суетится. А вдруг это дурной знак? Все может быть».

— Мистер Чилдэн,— заговорил Тагоми, ставя портфель на прилавок и расстегивая замок.— Мне бы хотелось обменять на что-нибудь другое вещь, купленную у вас несколько лет назад. Помнится, вы совершали подобные сделки.

— Да,— кивнул Чилдэн.— Но все зависит от ряда факторов. Например, от состояния вещи.— Он встревоженно посмотрел на посетителя. Тагоми молча выложил тиковый футляр.

Некоторое время они разглядывали револьвер и жестяную коробочку, в которой недоставало боеприпасов.

По лицу Чилдэна пробежала тень.

«Не хочет,— догадался Тагоми.— Ну что ж, делать нечего».

— Вы не заинтересовались? — спросил он.

— Нет, сэр,— твердо ответил Чилдэн.

— Не буду настаивать.— Тагоми почувствовал, как его покидают силы. «Сдаюсь,— с грустью решил он.— Увы, во мне силен уступчивый, слабовольный Инь».

— Простите, мистер Чилдэн.

Тагоми поклонился и уложил револьвер в портфель. «Судьба. Придется жить с этой вещью».

— Вы огорчены, сэр? — спросил Чилдэн.

— Вы заметили? — досадуя на себя, произнес Тагоми.

— У вас есть какая-то особая причина продать эту вещь?

— Нет,— ответил Тагоми, пряча от чужих глаз частицу своего внутреннего мира, что надо было делать с самого начала.

Помедлив, Чилдэн произнес:

— Я... сомневаюсь, что этот револьвер куплен в моем магазине. Не могу его припомнить.

— Я в этом уверен,— сказал Тагоми.— Впрочем, не имеет значения. Пусть будет так, как вы решили. Я не в претензии.

— Позвольте показать вам новые поступления,— предложил Чилдэн.— Надеюсь, вы не торопитесь?

В душе Тагоми всколыхнулось знакомое чувство.

— Что-нибудь интересное?

— Прошу вас, сэр.— Чилдэн подвел его к прилавку у противоположной стены. Под стеклом на черном бархате сверкали маленькие металлические завитушки самых замысловатых форм.

— Я показываю их каждому посетителю,— признался Чилдэн.— Вы знаете, что это такое, сэр?

— Похоже, бижутерия,— предположил Тагоми, угадав в одной из вещей брошь.

— Разумеется, это американские изделия, но они не старинные, сэр.

Тагоми поднял глаза.

— Сэр, это современное искусство.— Бледное, невыразительное лицо Роберта Чилдэна горело восторгом.— Перед вами — новая жизнь моей страны. Она начинается с крошечных всходов, ростков красоты.

Тагоми с деланным интересом перебрал безделушки.

«Да,— подумал он,— в них есть нечто новое, оживляющее. Закон Дао: повсюду еще господствует Инь, а в темнейших глубинах уже вспыхивают первые искорки света. Так было, так будет. И все же, к несчастью для нас обоих, я не могу, как Чилдэн, прийти в восторг от этих железок».

— Очень мило,— пробормотал он и положил украшения на прилавок.

С натугой в голосе Чилдэн заявил:

— Сэр, это не приходит сразу.

— Простите?

— Это надо увидеть сердцем.

— Вы обратились в новую веру,— заключил Тагоми.— Хотел бы и я тоже... Но увы — не могу.— Он поклонился.

— Кто знает,— задумчиво произнес Чилдэн, провожая его к выходу.

«Попытается продать мне что-нибудь»,— решил Тагоми.

— Ваша убежденность сомнительна,— сказал он в дверях.— Мне кажется, вы избрали не самый верный путь.

На лице Чилдэна не было и тени прежнего раболепия.

— Простите, но я уверен в своей правоте. В этих вещах я отчетливо вижу крошечный зародыш будущего.

— Да будет так,— согласился Тагоми.— Но меня не вдохновляет ваш англосаксонский фанатизм.— Он чувствовал, как в душе торговца пробуждается надежда. Его надежда, его вера в себя.— Всего доброго,— поклонился Тагоми.— На днях я к вам загляну — проверю, сбываются ли ваши пророчества.

Он взял портфель и двинулся прочь. «С чем пришел, с тем и ухожу. Ничего не обретя. Не представляя, с чем вернуться в мир. А что, если купить одну из тех странных безделушек причудливой формы? Подержать ее, рассмотреть повнимательней, подумать... Может быть, со временем она подскажет мне Путь? Сомнительно, правда... Такие вещи хороши для Чилдэна, а не для меня. И все же, если хоть один человек находит Путь... это говорит о том, что Путь существует. Пусть даже он сокрыт от моих глаз. Как я завидую этому торговцу».

Тагоми повернулся и пошел обратно. В дверях, следя за его приближением, стоял Чилдэн. Он и не уходил.

— Сэр,— обратился к нему Тагоми,— я куплю одно из этих украшений, на ваш выбор. Веры во мне нет, но сейчас я хватаюсь за каждую соломинку.— Вслед за Чилдэном он прошел в магазин и приблизился к прилавку с бижутерией.— Я буду носить ее с собой и время от времени брать в руки. Скажем, раз в день. Если через два месяца я не...

— Вы сможете вернуть ее за полную стоимость,— пообещал Чилдэн.

— Благодарю.— Тагоми полегчало. «Иногда следует менять привязанности,— решил он.— В этом нет ничего предосудитель-

ного, напротив, это признак мудрости, правильного подхода к жизни».

— Вот это вас успокоит.— Чилдэн вручил ему серебряный треугольник, украшенный полыми шариками, внизу темными, сверху — яркими, полными света.

— Спасибо,— поблагодарил Тагоми.

Доехав до Портсмут-сквер, маленького открытого парка на склоне холма, Тагоми уселся на залитую солнцем скамью. По усыпанным гравием дорожкам в поисках крошек семенили голуби. На скамейке дремали или читали газеты люди, смахивающие на бродяг. Некоторые спали прямо на траве.

Достав из кармана бумажный пакетик с этикеткой магазина Р. Чилдэна, Тагоми посидел, греясь на солнце, затем открыл пакет и поднес покупку к глазам. Здесь, среди газонов, дорожек и стариков, ему предстояло внимательно изучить ее. Серебряный треугольник на его ладони сверкал в лучах полуденного солнца, преломляя и рассеивая свет, словно хрустальная призма. Крошечная частица, объявшая целое. Магический слог Ом, как говорят брамины.

Тагоми пристально вглядывался в предмет. «Что в нем главное? Размер? Форма? Придет ли ко мне озарение, как обещал Чилдэн? Сколько ждать? Пять минут? Десять? Времени немного, но я буду сидеть столько, сколько смогу.

Прости меня,— Тагоми мысленно обратился к треугольнику.— Нас всегда тянет вскочить на ноги и действовать. Я смотрю на тебя с надеждой. С наивной верой ребенка, прижимающего к уху найденную на морском берегу раковину. Ухо вместо глаза. Мир сосредоточился для меня в одном маленьком кусочке металла. Войди в меня и поведай: куда? зачем? и почему?»

Нет ответа. Когда просишь слишком много, не получаешь ничего.

«Слушай,— вполголоса обратился он к треугольнику,— тот, кто продавал тебя, был щедр на обещания. А если встряхнуть тебя, как остановившиеся старые часы? Или как кости перед решающим броском?» Он так и сделал.

«Как разбудить таящуюся внутри душу? Издеваться над нею подобно пророку Илии? Может, она спит? Или в дороге? Или занята чем-либо?» Тагоми еще раз изо всех сил встряхнул в кулаке серебряный треугольник — позвал его громче — и снова поднес к глазам.

«Моему терпению приходит конец. Ты пуста, маленькая безделушка. Отругать тебя? Испугать? А что потом? Выбросить в канаву? Дышать на тебя, встряхивать и снова дышать, пытаясь во что бы то ни стало получить ответ?»

Тагоми засмеялся: «Напрасный труд, спектакль для прохожих». Он смущенно огляделся. Но никто не смотрел на него. Старики дремали на скамейках. Тагоми облегченно вздохнул.

«Надо испробовать все: умолять, увещевать, угрожать, анализировать, наконец. Найти способ...

Впрочем, что толку? Треугольник отвергает меня. Может, потом? Нет. Уильям Гильберт прав, каждая ситуация неповторима, шанс дается один раз.

Все это глупо. Я веду себя как ребенок. Но детство давным-давно позади. Надо искать в других царствах.

Попробуем подобрать ключик с помощью классической аристотелевой логики. Цепь строгих рассуждений, ведущих к истине...»

Он сунул палец в правое ухо, чтобы заглушить отдаленный шум города, и, словно раковину, крепко прижал серебряный треугольник к левому.

Ни звука.

Ни плеска волн, ни рокота океанского прибоя, а по сути, отраженного шума пульсирующей крови.

Слушать бесполезно. Какое еще чувство может открыть тайну? Тагоми смежил веки и принялся ощупывать каждый миллиметр треугольника. И осязать нет смысла — пальцы ничего не сказали ему. Запах? Он поднес вещицу к носу. Слабый запах металла, и только. Тагоми положил треугольник на язык, покатал во рту как леденец. Ничего, кроме холодка металла.

Нет, все-таки — зрение. Высшее по античной шкале чувств.

Он снова держал треугольник на ладони.

«Что я должен увидеть? — спросил он себя.— Где путеводная ниточка к истине?»

— Сдавайся,— велел он серебряному треугольнику.— Выкладывай свою волшебную тайну.

«Лежит у меня на ладони, как лягушка, поднятая со дна пруда. Но эта лягушка непростая: она меняет форму, становится то куском глины, то камнем, то кристаллом. Возвращается к неживой первооснове.

Металл добыт из земли,— рассуждал он.— Из царства тьмы, царства духов и сырых, темных пещер. Из мира Инь в его са-

мом буквальном смысле. Мира трупов, гниения и распада. Из мира вечного постоянства, из времени-которое-было».

Серебряный треугольник сверкал в солнечных лучах. Не сырой, не тусклый, не изъеденный временем, но пульсирующий жизнью и светом, почти неземной. Как и полагалось произведению искусства. Он принадлежал царству Неба, миру Ян. Да, это дело рук Художника, взявшего из темных, холодных недр минерал и превратившего его в сияющую частицу неба.

Превратить мертвое в живое. Заставить труп сверкать красками жизни. Прошлое подчинить будущему.

«Кому ты принадлежишь? — спросил Тагоми серебряный треугольник.— Мертвому темному Иню или живому яркому Яну?»

Треугольник слепил его радужными лучами. Тагоми прищурился; с этого момента он видел только игру света.

«Тело — Инь, душа — Ян. Металл и свет, внешнее и внутреннее, микрокосм на моей ладони. Может, он скрывает тайну пространства? Тайну вознесения на небеса? Или времени? Светоносного изменчивого мира? Да! Вот оно! Эта вещь раскрыла свою душу: свет. Мое внимание поглощено — я не в силах оторвать взгляд. Этот блеск завораживает...

Теперь, когда ты поймала меня, поговори со мной,— попросил он.— Я хочу услышать твой голос, исходящий из чистого яркого света, который мы ожидаем встретить только после смерти, в мире, описанном "Бардо Тходол" — "Книгой Мертвых". Но я не хочу ждать смерти, распада моей личности. Не хочу скитаться в поисках нового материнского лона. Грозные и мирные божества, мы будем обходить вас. И мягкий дымный свет. И совокупляющиеся пары. Все, кроме чистого, яркого света. Я готов без страха устремиться к нему.

Я чувствую манящие меня горячие ветры кармы. И все-таки остаюсь на месте. Мне было дано знание Великого Освобождения, я и не зажмурюсь, не кинусь прочь от невыносимо слепящего света, ибо если это сделаю, я снова войду в круг сансары, не зная свободы, не ведая отдыха. Вуаль майи падет снова, если я...»

Свет исчез. Тень заслонила солнце.

Он держал в руке обыкновенный серебряный треугольник.

Тагоми поднял глаза: возле скамейки, улыбаясь, стоял высокий полицейский, почему-то в синей форме.

— В чем дело? — недовольно спросил Тагоми.

— Ни в чем. Я просто смотрел, как вы возились с безделушкой.

— Безделушка? — глухо переспросил Тагоми.— Нет, вы ошибаетесь.

— Почему ошибаюсь? У моего сынишки полно таких игрушек.

Полицейский пожал плечами и двинулся дальше.

«Отнят мой шанс на нирвану,— с внезапной яростью подумал Тагоми.— Отнят белым неандертальцем-янки. Этот недочеловек решил, будто я забавляюсь детской игрушкой!»

Поднявшись со скамейки, он сделал несколько неуверенных шагов. «Дикие, необузданные страсти бушуют в моей груди. Необходимо успокоиться. Избавиться от недостойных меня расистских, шовинистических мыслей.

Двигайся,— внушал он себе.— Катарсис в движении».

Он вышел за ограду парка на Керни-стрит. Шумный поток транспорта. Тагоми остановился у края тротуара.

«Ни одного велотакси. Когда надо, их ни за что не поймаешь». Тагоми присоединился к толпе пешеходов.

«Божс, что это?!» Он замер, уставившись на чудовищную бесформенную громаду, нависавшую над крышами зданий.

— Что это? — повернулся он к прохожему, указывая на сооружение.

— Это? Эмбаркадеро, многопутная дорога. Жутковато, правда? Многие говорят, что она паршиво смотрится.

— Никогда ее раньше не видел.

— Вам повезло,— хмыкнул прохожий и пошел дальше.

«Безумный сон,— подумал Тагоми.— Надо проснуться. Куда подевались велотакси?» Он пошел быстрее. Все вокруг имело блеклый, могильный оттенок. Серые дома, запах гари, усталые, помятые лица. И ни одного велотакси. Только машины и автобусы. Автомобили, как огромные чудовища, все незнакомых моделей. Он старался не замечать их — смотрел только вперед. «Нарушение зрительного восприятия в обостренной форме. Утрачено чувство пространства — даже линия горизонта искажена, размыта. Это похоже на астигматизм. Нужно передохнуть. Вот и закусочная».

Тагоми распахнул деревянные створки дверей. Внутри одни белые. Запах кофе. В углу надрывается музыкальный автомат. Тагоми поморщился и направился к грязной стойке. Все места заняты. Он громко попросил уступить место. Несколько посетителей оглянулись, но *никто не шелохнулся!*

— Я настаиваю! — громко сказал Тагоми ближайшему белому. Нет, не сказал — крикнул в ухо.

Тот поставил чашку и усмехнулся:

— Ишь ты...

Тагоми огляделся: все смотрели на него с нескрываемой враждебностью. И никто не шевелился. «Словно я уже в бардо. Меня овевают горячие ветры кармы, окружают видения, кто знает, откуда они? Может ли человек вынести такую враждебность? "Книга Мертвых" предупреждает: после смерти ты будешь видеть других людей, но никто не протянет тебе руку помощи. Ты будешь одинок среди толпы, будешь скитаться в царствах страдания и печали, готовых поглотить твой мятущийся, растерянный дух...» Он поспешно вышел из закусочной. Дверь со скрипом затворилась за его спиной.

Тагоми снова стоял посреди тротуара.

«Где я? Вне своего мира, вне своего пространства и времени? Серебряный треугольник разрушил мою реальность. Меня сорвало с якоря и несет неведомо куда... Перестарался. Хороший урок для меня. Человек пытается вступить в борьбу со своими переживаниями — зачем? Разве он не обречен потеряться в одиночестве, заблудиться без проводника в неведомых мирах?

Это все треугольник. Сознание растворилось настолько, что оказалось возможным появление этой сумеречной страны. Мы воспринимаем мир субъективно, архетипически. Реальное в нашем видении полностью сливается с чем-то подсознательным. Типичный самогипноз. Надо прервать это жуткое скольжение среди теней, заново сосредоточиться и восстановить естественное мировосприятие. Где серебряный треугольник? — Он пошарил в карманах.— Исчез! Остался в парке вместе с портфелем! Катастрофа!» Тагоми бросился обратно в парк. Сонные старики провожали его взглядами. Вот та скамейка, а на ней — портфель. И ни следа треугольника. Тагоми растерянно пошарил глазами вокруг. Вот он! Лежит в траве, там, где он уронил его, разозлившись на полицейского.

Тагоми уселся на скамейку, тяжело дыша после бега.

«Надо сосредоточиться на треугольнике,— сказал он себе, отдышавшись.— Забыть обо всем и считать. До десяти. Потом будоражащий возглас, "Erwache!"*, например.

---

* Проснись *(нем.)*.

Все это идиотский сон наяву,— думал он.— Я впал в детство, увлекся ребячьими играми, отнюдь не такими невинными, как кажется. Ни Чилдэн, ни художник, создавший эту вещь, тут ни при чем. Во всем виноват я сам, моя жадность. К пониманию нельзя принудить».

Он медленно сосчитал до десяти и вскочил.

— Бред собачий! — бросил он.

«Туман рассеялся? Наваждение исчезло? — Он огляделся.— Вероятно. Вот когда можно по достоинству оценить меткое высказывание апостола Павла. "Видеть как бы сквозь тусклое стекло" — это не метафора, но мудрое предостережение о возможных нарушениях восприятия действительности. В общем-то, мы и в самом деле видим астигматически. Пространство и время — суть творения нашей психики, и когда они хоть на мгновение пошатнутся — это как острое расстройство вестибулярного аппарата. Мы внезапно кренимся, чувство равновесия исчезает, все кружится...»

Тагоми уселся, спрятал серебряный треугольник в карман пальто. «Надо пойти и взглянуть на то отвратительное сооружение — как его назвал прохожий? — многопутную дорогу Эмбаркадеро. Если оно не исчезло».

Но Тагоми боялся.

«Не могу же я здесь сидеть вечно,— убеждал он себя.— Надо двигаться, действовать! "Время — деньги", как гласит американская поговорка.

Дилемма».

Два китайчонка, громко шаркая, шли мимо. С шумом вспорхнула стая голубей.

— Эй, мальчуганы! — окликнул их Тагоми и сунул руку в карман.— Подойдите сюда.

Мальчишки недоверчиво приблизились.

— Вот десять центов.— Тагоми бросил монетку.— Идите на Керни-стрит и поглядите, есть ли там велотакси.

— А дадите еще десять центов, когда вернемся? — спросил мальчуган постарше.

— Да,— сказал Тагоми.— Только вы должны сказать правду.

Мальчишки со всех ног припустили по дорожке.

«Если велотакси нет,— подумал Тагоми,— мне останется отыскать укромное местечко и застрелиться.— Он раскрыл портфель.— Револьвер на месте, значит, проблем не будет».

Мальчишки примчались обратно.

— Шесть! — крикнул один.— Я насчитал шесть!

— А я — пять! — воскликнул второй, задыхаясь после быстрого бега.

Тагоми дал каждому по монетке.

«Назад в офис. Окунуться в работу.— Он поднялся.— Долг зовет. Сегодня обычный трудовой день».

Он снова вышел на тротуар.

— Такси!

Из потока транспорта вынырнуло велотакси. Смуглое лицо рикши блестело от пота, грудь вздымалась.

— Да, сэр?

— В «Ниппон Таймс Билдинг»,— приказал Тагоми, устраиваясь поудобнее.

Изо всех сил нажимая на педали, рикша помчал его среди веломобилей и автомашин. Незадолго до полудня Тагоми вошел в «Ниппон Таймс Билдинг» и сразу позвонил Рамсею.

— Это Тагоми,— кратко сказал он.

— Доброе утро, сэр! Счастлив слышать вас! Мы уже начали беспокоиться. В десять я звонил вам домой, но ваша супруга сказала, что вы ушли...

— Беспорядок устранен?

— Полностью, сэр.

— Вы уверены?

— Даю слово, сэр.

Успокоившись, Тагоми повесил трубку и направился к лифту.

Войдя в офис, он позволил себе беглый осмотр. Рамсей не обманул — все чисто. Тагоми вздохнул с облегчением. Те, кто не присутствовал при вчерашних событиях, ни за что не догадаются, что здесь происходило еще недавно. Лишь линолеум пола хранит память...

В кабинете его встретил Рамсей.

— Ваша храбрость удостоена панегирика на первой полосе «Таймс»! — воскликнул он.— Там сказано...— Заметив выражение лица Тагоми, он умолк.

— Вначале о деле,— сказал Тагоми.— Как генерал Тедеки? То есть бывший мистер Ятабе?

— Он в пути. Летит в Токио секретным авиарейсом.— Рамсей скрестил средний и указательный пальцы от сглаза.

— А что с мистером Бэйнсом?

— Не знаю. Он заходил тайком и ненадолго, пока вы отсутствовали, но ничего не сказал.— Помедлив, секретарь добавил: — Возможно, вернулся в Германию.

— Ему было бы гораздо лучше на Родных островах,— задумчиво пробормотал Тагоми, обращаясь в основном к себе.— Ну и ладно. Все это касается старого генерала и тех, кто стоит за ним. Это вне моей компетенции. Мной и моим офисом просто воспользовались. Так было удобно и целесообразно. Я был их... как это называется? Крышей, ширмой, скрывающей истину.

«Как странно,— размышлял он.— Порой видимое служит лишь декорацией, скрывающей действительность. Вроде картонного фасада. И в этом, если постичь иллюзорность всего нашего мира, можно найти частичку сатори. Понять можно только целое. Ничего, даже иллюзию, нельзя отбрасывать. Какая грандиозная вырисовывается картина...» Появилась бледная, взволнованная Эфрикян.

— Мистер Тагоми, я к вам...

— Успокойтесь, мисс. Не надо так нервничать.— «Поток времени несет нас»,— подумал он.

— Сэр, в приемной немецкий консул. Хочет говорить с вами. Утверждает, что приходил раньше, но не застал...

Тагоми жестом приказал ей замолчать.

— Мистер Рамсей, напомните, пожалуйста, как зовут консула.

— Барон Гуго Рейс, сэр.

— Благодарю.— «Возможно, Чилдэн оказал мне услугу, не взяв револьвер обратно?» — мелькнула мысль.

Прихватив портфель, Тагоми вышел из кабинета.

В коридоре курил подтянутый, хорошо одетый белый. Коротко остриженные соломенные волосы, блестящие черные полуботинки, военная выправка. Тонкий женский мундштук слоновой кости в зубах. Он, никаких сомнений.

— Герр Рейс? — спросил Тагоми.

Немец поклонился.

— До сего дня я имел с вами деловые контакты по почте и телефону, но видимся мы впервые,— сказал Тагоми.

— Это честь для меня.— Рейс двинулся к нему.— Даже учитывая досадные обстоятельства...

— Надо думать.

Немец поднял бровь.

— Боюсь, «досадными обстоятельствами» вам тут не отделаться. Хрупкий сосуд моей души разбит — так будет точнее.

— Да, это ужасно.— Рейс покачал головой.— Когда я впервые...

— Прежде чем затянете литанию, позвольте мне сказать.

— Ну конечно.

— Я самолично пристрелил двух ваших негодяев.

— Полицейский департамент Сан-Франциско поставил меня в известность о происшествии.— Рейс выпустил облако сигаретного дыма.— Я побывал в участке на Керни-стрит и в морге. И конечно, прочитал интервью, данное вашими сотрудниками корреспондентам «Таймс». Все это весьма печально...

Тагоми молчал.

— Тем не менее,— продолжал Рейс,— не установлено никакой связи между хулиганами, учинившими здесь погром, и Рейхом. Германское правительство не имеет к случившемуся никакого отношения. Вы действовали совершенно правильно, мистер Тагори.

— Тагоми.

— Да, Тагоми. Давайте пожмем друг другу руки и забудем этот досадный инцидент. В нынешние трудные времена любая безответственная публикация может воспламенить умы, повредить интересам наших великих наций.

— Тем не менее на моей совести кровь, герр Рейс,— сокрушенно покачал головой Тагоми.— А кровь не чернила, ее не так легко смыть.

Консул был явно раздосадован.

— Я жажду забвения,— продолжал Тагоми.— Но вы не сможете мне его дать. И похоже, никто не сможет. Я собираюсь перечесть дневник знаменитого массачусетского проповедника Гудмена Мэзера. То место, где говорится о геенне огненной.

Консул вновь закурил, пристально глядя на Тагоми.

— Позвольте заверить вас, консул, что ваша нация дошла до крайней степени подлости. Вам знакома гексаграмма «Бездна»? Как частное лицо, а не как представитель японского правительства, я говорю: сердцу больно от ужаса. Грядет вселенская кровавая баня. Но даже сейчас вы не можете забыть свои мелкие, эгоистичные интересы. Соперничество с СД, не так ли? Решили все свалить на Кройца фон Меере? — Тагоми запнулся — сдавило грудь. «Астма,— мелькнула мысль.— Как в детстве, когда я сердился на мать».— Я страдаю от болезни, которая не давала о себе знать многие годы,— пояснил он Рейсу.— Она приняла опасную форму в тот день, когда я услышал рассказ о деяниях ваших лидеров. Болезнь, увы, неизлечима. Вы тоже больны, сэр. Говоря словами Гудмена Мэзера, если я их правильно вспомнил: «Кайся, грешник!»?

— Вы их правильно вспомнили,— хрипло произнес немец и дрожащими пальцами достал новую сигарету.

Появился Рамсей с пачкой документов.

— Пока консул здесь, один незначительный вопрос, относящийся к его компетенции.— Он протянул бумаги Тагоми, который пытался справиться с приступом удушья.

Тагоми машинально взял бумаги. Форма 20-50. Запрос из Рейха через официального представителя ТША консула фрейгерра Гуго Рейса с просьбой о выдаче уголовного преступника, задержанного полицией Сан-Франциско. Фрэнк Финк, еврей по национальности, гражданин Германии. В соответствии с законом Рейха передать попечению таможенной службы и так далее. Тагоми перечел документ.

— Ручку, сэр? — Протягивая авторучку, Рамсей с омерзением глядел на консула.

— Нет! — Тагоми вернул Рамсею форму 20-50. Затем схватил снова и написал внизу: «Отказать. Торговый атташе Японии в Сан-Франциско. Основание — военный протокол 1947 года. Тагоми». Он сунул одну копию Рейсу, другую, вместе с оригиналом,— секретарю.— Всего хорошего, герр Рейс.— Тагоми поклонился.

Немецкий консул поклонился в ответ. Он едва взглянул на бумагу.

— В будущем, пожалуйста, старайтесь обходиться без личных визитов. Пользуйтесь такими быстродействующими средствами связи, как почта, телефон, телеграф,— продолжал Тагоми.

— Вы хотите взвалить на меня ответственность за дело, которое не имеет никакого отношения к моему ведомству.— Консул нервно затянулся сигаретой.

— Дерьмо собачье — вот что я вам на это скажу.

— Цивилизованные люди так не выражаются,— огрызнулся Рейс.— Ваши слова продиктованы раздражением и желанием отомстить. Тогда как сейчас от вас требуются выдержка и осмотрительность.— Он швырнул окурок на пол, повернулся и пошел прочь.

— Забери свой вонючий окурок! — слабо выкрикнул ему вслед Тагоми. Но консул уже скрылся за дверью.— Ребячество. Вы были свидетелем моего возмутительного ребячества,— печально сказал Тагоми Рамсею и нетвердым шагом направился в кабинет. У него окончательно перехватило дыхание. Боль

потекла вниз по левой руке, одновременно невидимый кулак двинул по ребрам.

— О-о-ох! — Тагоми схватился за бок, перед глазами полыхнул сноп искр.— Помогите, мистер Рамсей! — прошептал он. Но не услышал ответа.— Пожалуйста...— Он споткнулся, вытянул руку, хватая пустоту.

Падая, Тагоми сжал в кармане серебряный треугольник. «Ты не спас меня,— подумал он.— Не помог. Все напрасно». В ноздри ударил запах ковра. «Кажется, я заработал небольшой сердечный приступ,— с испугом подумал Тагоми.— Необходимо восстановить равновесие».

Он почувствовал, как его подняли и понесли.

— Все в порядке, сэр,— сказал кто-то.

— Сообщите жене, пожалуйста,— прошептал Тагоми.

Его уложили на кушетку. Он услышал далекую сирену «скорой помощи», шарканье ног. С него сняли галстук, расстегнули воротник сорочки, укрыли одеялом.

— Мне лучше, спасибо,— сказал Тагоми. Он лежал на кушетке, пытаясь не шевелиться. «Карьере конец,— сокрушенно решил он.— Немецкий консул наверняка поднимет шум, нажалуется на мое хамство. И не без причин. Как бы там ни было, я сделал все, что в моих силах. Остальное — дело Токио и заинтересованных кругов в Германии. Я вышел из игры. Вначале были пластмассы,— подумал он.— Всего-навсего пластмассы. Солидный бизнесмен. Оракул, правда, намекнул, но...»

— Снимите с него рубашку,— приказал кто-то. Очень властный тон. Несомненно, врач. Тагоми улыбнулся. Тон — это все.

«Мне действительно пора в отставку,— решил он,— сегодняшний приступ — серьезное предупреждение. Мое тело предупреждает меня, и я должен уступить.

Что сказал Оракул, когда два мертвеца лежали на полу, а я судорожно искал поддержки?

Шестьдесят один, "Внутренняя правда". "Даже вепрям и рыбам — счастье! Благоприятен брод через великую реку. Благоприятна стойкость". Вепри и рыбы — самые глупые существа, их труднее всего убедить. Таков и я. Книга подразумевает меня. Я ничего не решаю окончательно. Такова моя нелепая натура... А может, сейчас мне открывается внутренняя правда? Подождем. Поглядим...»

В тот вечер, сразу после обеда, дежурный полицейский офицер отворил дверь камеры Фрэнка и велел ему собираться.

...Вскоре Фрэнк стоял на тротуаре Керни-стрит посреди обтекающей его толпы. Было холодно. Перед зданиями лежали длинные тени. Мимо проносились сигналящие машины и автобусы; кричали рикши. Фрэнк постоял, затем вместе с толпой пешеходов машинально пересек улицу.

Он размышлял над случившимся и ничего не понимал.

«Внезапно арестовывают и так же внезапно отпускают...» Ему ничего не объяснили, просто отдали узелок с одеждой, бумажник, часы, очки, и старый пьянчуга-охранник вывел его за ворота.

«Почему меня выпустили? — думал он.— Чудо? Или счастливая случайность? По логике, мне следовало бы сейчас лететь в Германию на казнь».

Он брел мимо ярких витрин магазинов, распахнутых дверей баров, перешагивал через обрывки бумаги и прочий мусор, гонимый ветром.

«Словно заново родился,— размышлял Фрэнк.— Почему? Как? Черт побери, так оно и есть — подарили вторую жизнь! И что я должен теперь делать? Молиться? Кому? Хотел бы я знать.. и понимать».

Но он чувствовал, что никогда не поймет.

«Просто радуйся,— сказал он себе,— Думай, двигайся — живи. Назад, к Эду,— мелькнуло в голове.— Вернуться в подвал, в мастерскую. Делать украшения. Трудиться не покладая рук. И не надо ничего понимать».

Он стремительно шагал по улицам ночного города. Назад в привычный, понятный мир.

Войдя в подвал, он застал своего компаньона за ужином: два сэндвича, термос с чаем, бананы и несколько домашних пирожков. Маккарти жевал и глотал с ритмичностью автомата.

Возле него стоял включенный электрокамин. Фрэнк сел рядом и протянул к обогревателю озябшие руки.

— Значит, вернулся. Молодец.— Оторвавшись от еды, Маккарти хлопнул Фрэнка по спине. Больше он ничего не сказал. Тишина нарушалась лишь гудением электрокамина да чавканьем Маккарти.

Сбросив пальто на спинку кресла, Фрэнк набрал пригоршню недоделанных серебряных звеньев и высыпал рядом со шли-

фовальным станком. Надел на ось круг, обтянутый сукном, включил мотор, надвинул на глаза щиток и принялся шлифовать звенья. Одно за другим.

Глава 15

В эту минуту капитан Рудольф Вегенер, путешествующий под именем Конрада Гольца, оптового торговца лекарствами, глядел в иллюминатор ракетоплана. Впереди показалась Европа. «Как быстро,— подумал он.— Минут через восемь приземлимся в Темпельхофе. Интересно, достиг ли я цели? Теперь все зависит от генерала Тедеки. От того, как он поведет себя на Родных островах. Во всяком случае мы сделали все, что могли. Но повода для оптимизма пока нет. Вдруг японцы не сумеют повлиять на германскую внешнюю политику? Правительство Геббельса, скорее всего, удержится у власти. Окрепнув, оно вспомнит об "Одуванчике", и тогда половина планеты превратится в безжизненную пустыню. Рано или поздно нацисты уничтожат всех нас. Они могут: у них есть водородная бомба. И они добьются своего, ибо их мышление устремлено к Götterdämmerung*.

Что оставит после себя Третье Мировое Безумие? Наступит ли конец вообще всякой жизни? Мертвая планета — чудовищный итог нашей эволюции?..»

Он не мог, не хотел в это верить.

«Невозможно, чтобы наш мир был единственным, должны существовать другие миры, в другой галактике или ином измерении, невидимые для нас, неведомые, непостижимые. Даже если на Земле жизнь прекратится, где-то останется другая жизнь, другой разум, мудрее нашего. Я не могу доказать, но верю, хотя это и нелогично».

— Meine Damen und Herren. Achtung, bitte!** — прокаркал громкоговоритель.

«Скоро приземлимся,— подумал капитан Вегенер.— Меня наверняка поджидают. Вопрос только в том, чья группировка готовит встречу — Геббельса или Гейдриха? Допустим, Гейд-

---

* Гибель Богов *(нем.)*. Название 4-й части «Кольца нибелунга», монументальной оперы Р. Вагнера, воспевающей величие германского духа. Намек на роковую гибель главных героев оперы в финале.

** Дамы и господа. Прошу внимания *(нем.)*.

рих жив. Хотя, пока я летел, его вполне могли устранить. В смутное время в тоталитарном обществе такое случается быстро...»

Несколькими минутами позже он двигался к выходу в толпе пассажиров. Но на этот раз среди них не было молодого нацистского художника. «Некому изводить меня идиотскими суждениями»,— устало подумал Вегенер.

У трапа, чуть в стороне, стояла группа людей в черной форме. «За мной?» Вегенер медленно спустился по трапу. Далеко впереди кричали и махали руками встречающие.

Один из чернорубашечников, плосколицый белобрысый парень с опознавательными знаками Ваффен-СС, шагнул к Вегенеру, щелкнул каблуками и отдал честь.

— Ich bitte mich zu entschuldigen. Sind Sie nicht Kapitan Rudolf Wegener, von der Abwehr?*

— Извините,— ответил Вегенер.— Вы ошиблись. Я — Конрад Гольц, представитель «А. Г. Хемикален».— Он двинулся дальше.

Навстречу ему шагнули еще двое эсэсовцев. Все трое обступили Вегенера, так что, двигаясь в выбранном направлении, он оказался под охраной. У двоих эсэсовцев под плащами были автоматы.

— Вы — Вегенер,— сказал первый, когда они вошли в здание аэровокзала.

Он промолчал.

— Вас ждет машина,— продолжал эсэсовец.— Нам приказано встретить вас и немедленно препроводить к рейхсфюреру СС Гейдриху в штаб-квартиру дивизии «Лейбштандарт». Кроме того, мы должны охранять вас...

«Чтобы меня не перехватили молодчики из Партай,— добавил про себя Вегенер.— Значит, Гейдрих жив и не смещен. Сейчас он пытается укрепить свое положение в правительстве Геббельса. Вполне возможно, что в конце концов нынешний кабинет падет,— размышлял он, усаживаясь в черный штабной "даймлер".— Однажды ночные улицы заполнят патрули Ваффен-СС. Из полицейских участков ринутся толпы чернорубашечников. Будут захвачены радиостанции, телеграфы, отключена электроэнергия, закрыт Темпельхоф. Громыхание сапог по берлинской брусчатке... Но, в сущности, что это изменит?

---

* Прошу прощения, вы не капитан Рудольф Вегенер из абвера? *(нем.)*

Даже если доктор Геббельс будет свергнут, они все равно останутся: чернорубашечники, Партай, планы войны не с Востоком, так с чем-нибудь еще. Например, с Марсом или Венерой. Неудивительно, что Тагоми не выдержал,— подумал он.— Жестокая дилемма нашего существования. Как бы ты ни поступил, в итоге это окажется злом. Тогда зачем сопротивляться? Зачем выбирать, когда все альтернативы — ложны?..

И все-таки мы будем бороться. День за днем. Сейчас — против операции "Одуванчик", потом — против полиции. Нельзя уничтожить все зло сразу. Это долгий процесс. Мы можем лишь делать выбор на каждом шаге. И надеяться. Возможно, в каком-нибудь другом мире все по-другому. И жизнь состоит из ясных альтернатив. Черно-белый мир без оттенков и переходов.

Увы, мы живем не в идеальном обществе, где истина ясна, поскольку ясны ее критерии. Где можно быть правым без особых усилий, поскольку ясно, что значит быть правым».

«Даймлер» взревел и рванулся с места.

«Предположим, это ловушка,— думал Вегенер, зажатый на заднем сиденье охраной; автоматы лежали у эсэсовцев на коленях.— Меня везут не к Гейдриху, а в застенок Партай, чтобы вытянуть сведения и прикончить. Но я сделал выбор: предпочел рискнуть, вернуться в Германию.

Смерть — вот путь, который открыт для нас всегда, на любом шаге. И постепенно мы приближаемся к ней, сами того не желая. Или, напротив, сдаемся и выбираем смерть сознательно».

Черный автомобиль мчал его по берлинским улицам. «Вот я и дома,— подумал Вегенер.— Мой Volk*, я снова с тобой».

— Какие новости? — обратился он к охране.— Я отсутствовал несколько недель, уехал еще до смерти Бормана. Есть ли перемены в политической ситуации?

Эсэсовец справа ответил:

— Есть, и большие. Были громкие митинги в поддержку Маленького Доктора. В сущности, к власти его привела толпа. Когда народ опомнится, то вряд ли потерпит урода и демагога. Геббельс держится только на умении ложью и пустословием воспламенить энтузиазм масс.

— Ясно,— кивнул Вегенер.

---

* Народ *(нем.)*.

«Грызня продолжается,— подумал он.— Возможно, семена зла вот-вот дадут всходы, и тогда монстры сожрут друг друга, а мы останемся. Будем надеяться, нас уцелеет достаточно, чтобы начать все сначала. Чтобы строить и думать о будущем...»

В час дня Джулиана Фринк добралась до Шайенна. В центре города, возле огромной железнодорожной станции, она купила две дневные газеты и, просматривая их, наткнулась на заметку:

«ОТПУСК ЗАВЕРШАЕТСЯ СМЕРТЕЛЬНЫМ УДАРОМ

Джулиана Чиннаделла подозревается в убийстве своего мужа Джо Чиннаделла. По свидетельству служащих денверской гостиницы "Президент Гарнер", она покинула отель сразу после того, как разыгралась кровавая драма. В номере найдена распечатанная упаковка бритвенных лезвий. Очевидно, одним из них и воспользовалась миссис Чиннаделла, по описаниям привлекательная, хорошо одетая брюнетка лет тридцати. Тело ее мужа с перерезанным горлом обнаружил Теодор Террис, служащий гостиницы, который всего получасом ранее забрал у клиента рубашки на глаженье и вернулся, как было договорено. По словам полицейских, в номере остались следы борьбы, что дает основания предположить...»

«Значит, он умер,— подумала Джулиана, складывая газету.— Но у полиции даже нет моей настоящей фамилии, обо мне ничего не знают».

Почти успокоенная, она ехала, пока не наткнулась на сносный мотель. Джулиана сняла номер и перенесла туда свертки из машины. «Теперь ни к чему торопиться,— решила она.— Можно дождаться вечера, чтобы был повод наведаться к Абендсенам в новом платье. И книгу успею дочитать».

Она не спеша разложила вещи, включила радио, заказала по телефону кофе, затем юркнула в чистую постель с новым экземпляром «Саранчи», купленным в денверской гостинице.

В седьмом часу вечера Джулиана захлопнула книгу. «Интересно, успел ли Джо ее дочитать? — подумала она.— Похоже, он так ничего и не понял. В ней заключен гораздо более глубокий смысл, чем кажется. И суть тут не в придуманном мире. Бьюсь об заклад: никто, кроме меня, не понял "Саранчу". Людям просто кажется, что они поняли».

Джулиана убрала книгу в чемодан, надела шубку и отправилась обедать.

Воздух был свеж и чист, рекламные надписи и фонари Шайенна казались особенно яркими. Мимо проносились

сверкающие лаком машины. Напротив бара ссорились две хорошенькие черноглазые индианки-проститутки. Замедлив шаг, Джулиана любовалась картиной ночного города, создававшей атмосферу праздника, атмосферу, не имеющую ничего общего с нудным, надоевшим, с такой легкостью отвергнутым ею прошлым.

Джулиана остановила свой выбор на дорогом французском ресторане, возле которого скучал служащий в белой ливрее и где на каждом столике стоял огромный винный кубок с горящей внутри свечой, и масло подавалось не порционными кубиками, а в большой мраморной масленке. С аппетитом пообедав, она не спеша поехала в мотель. Банкноты Рейхсбанка почти кончились, но это ее не огорчало.

«Он поведал нам о своем видении мира,— подумала она, отворяя дверь номера.— Нашего. Того, который нас окружает. Он хотел, чтобы мы тоже увидели. И он добился своего, я с каждой минутой вижу мир все отчетливей». Расстелив на кровати голубое итальянское платье, Джулиана убедилась, что оно не пострадало, но, распаковав остальные свертки, обнаружила, что оставила в Денвере новый лифчик.

«Черт с ним.— Она села в кресло и закурила.— Попробую надеть с обычным бюстгальтером.— Она скинула блузку и юбку и примерила платье. Но бретельки и верхние половинки чашечек бюстгальтера выглядывали, так что этот вариант отпадал.— Можно, наверное, обойтись и вовсе без него,— подумала она.— Хотя я уже много лет не ходила...» Это напомнило юность, когда у нее был маленький бюст. Вспомнив, она даже расстроилась. Но возраст и дзюдо сделали свое дело.

Джулиана примерила платье без бюстгальтера и встала на табурет в ванной, чтобы увидеть себя в зеркале шкафчика. Платье смотрелось просто потрясающе, но, Боже мой, было слишком вызывающим. Достаточно наклониться с сигаретой к огоньку и...

Брошь! Она позволит поднять вырез и обойтись без бюстгальтера. Вытряхнув на кровать содержимое своей шкатулки, Джулиана перебрала броши, подаренные Фрэнком и другими мужчинами еще до женитьбы. Память былых времен. Была тут и новая брошь, купленная Джо в Денвере. Да, небольшая мексиканская брошка в виде лошади подойдет.

«Хоть какая-то польза от прошлого,— сказала она себе.— Осталось так мало хороших воспоминаний».

Она долго и тщательно делала прическу, затем выбрала сережки и туфли, надела шубку, взяла сумочку и покинула номер.

Вместо того чтобы сесть в старенький «студебеккер», она поручила владельцу мотеля заказать такси. Пока Джулиана ждала в холле, ей пришло в голову позвонить Фрэнку. «Почему бы и нет? — спросила она себя.— Возможно, даже платить не придется — Фрэнк так обрадуется звонку, что будет счастлив оплатить разговор».

Джулиана заказала номер и, затаив дыхание, прислушалась к переговорам далеких телефонисток. Вначале местных, затем во Фриско. В трубке долго шуршало и потрескивало, наконец раздались гудки. В ожидании ответа она посмотрела в окно. «В любую минуту может появиться такси,— подумала она.— Впрочем, неважно — шофер подождет».

— Ваш номер не отвечает,— сказала шайеннская телефонистка.— Я могу повторить вызов...

— Не надо.— Джулиана мотнула головой. В конце концов это был всего лишь каприз.— Спасибо.— Она повесила трубку и решила подождать такси на улице.

Возле нее остановилась сияющая новенькая машина. Водитель торопливо вышел, обогнул такси и распахнул дверцу.

Мгновение спустя роскошный «кадиллак» помчал Джулиану по улицам Шайенна к Абендсенам.

Дом Абендсенов — одноэтажный особняк, окруженный пышно разросшимися кустами и клумбами с розами,— был ярко освещен. Джулиана услышала музыку и голоса. Идя по мощенной гравием дорожке, она думала: «Не ошиблась ли я адресом? Неужели это и есть Высокий Замок? А как насчет слухов и легенд?» Дом оказался обыкновенным, хотя и был довольно красив, а парк — идеально ухожен. Рядом с домом, под навесом, она заметила детский велосипед.

Может, это не тот Абендсен? Адрес она нашла в шайеннском телефонном справочнике.

Джулиана взошла на крыльцо с чугунными перилами и нажала кнопку звонка. Дверь была приотворена. Она увидела гостиную, людей, венецианские занавеси на окнах, пианино, камин, книжные шкафы... «Красивая обстановка,— подумала она.— Что у них сегодня? Прием? Нет, все одеты неофициально».

Дверь распахнул взъерошенный мальчуган лет тринадцати в тенниске и джинсах.

— Да?

— Мистер Абендсен дома? Он не занят? — спросила Джулиана.

— Мама! — позвал мальчик.— Тут к папе пришли!

К двери подошла рыжеволосая женщина лет тридцати пяти с проницательными серыми глазами и улыбкой столь доброжелательной и располагающей, что Джулиана сразу поняла: это Кэролайн Абендсен.

— Я звонила вчера вечером,— сказала она.

— Да, да, я помню.— Улыбка миссис Абендсен стала еще шире. У нее были идеальные ровные белые зубы. «Ирландка,— подумала Джулиана.— Только ирландская кровь может придать форме рта такую женственность».

— Позвольте вашу сумочку и пальто. Вы пришли как раз вовремя. У нас собрались друзья. Какое восхитительное платье! От Черубини, я не ошиблась? — Женщина провела Джулиану мимо переполненной вешалки, через гостиную в спальню, где положила ее вещи на кровать рядом с другими.— Муж где-то здесь. Поищите высокого человека в очках с бокалом «старомодного»*.— Ласковый свет ее глаз пронизывал Джулиану.

«Удивительно,— подумала Джулиана.— Мы сразу поняли друг друга».

— Я приехала издалека,— сообщила она.

— Да, вы говорили... Ага, вот он.— Кэролайн Абендсен подвела ее к группе мужчин.— Дорогой, подойди сюда,— позвала она.— Тут одна из твоих читательниц рвется сказать тебе несколько слов.

К ним направился очень высокий смуглый человек с темными вьющимися волосами и карими или даже, благодаря тонированным очкам, фиолетовыми глазами. На нем был дорогой, сшитый на заказ костюм из натуральной шерсти, который без каких-либо портновских ухищрений подчеркивал широкие плечи владельца. Джулиана впервые в жизни видела такого необыкновенного человека и потому с удивлением воззрилась на него.

— Миссис Фринк целый день ехала из Каньон-сити, чтобы поговорить с тобой о «Саранче»,— представила ее Кэролайн.

— Я думала, вы живете в крепости,— сказала Джулиана.

Готорн Абендсен поклонился.

— Да, мы жили в крепости. Чтобы добраться туда, приходилось пользоваться лифтом, а у меня боязнь высоты. В один прекрасный день, когда я хорошо набрался, со мной случился приступ. Говорят, я отказался подниматься по той причине, что трос лифта держит сам Иисус Христос. С тех пор это повто-

---

* Коктейль из виски, горького пива, имбиря и лимонной корочки.

рялось каждый раз, и тогда я решил переехать сюда, чтобы обойтись без лифта.

Джулиана не поняла. Кэролайн пояснила:

— Гот рассказывал, что, когда он доезжал наверх, до Христа, то не мог подняться на ноги, а приветствовать Господа сидя — нехорошо.

— Выходит, вы продали Высокий Замок и вернулись в город? — спросила Джулиана.

— Хотите что-нибудь выпить? — вместо ответа предложил Абендсен.

— Давайте,— согласилась она.— Но не «старомодный».— Джулиана давно заметила бар, заставленный бутылками, бокалами, вазами с сэндвичами и фруктами. Она направилась туда в сопровождении Абендсенов.— Плесните немного «харпера» со льдом. Вы знакомы с Оракулом?

— Нет,— покачал головой Абендсен, наполняя для нее бокал.

— С «Книгой Перемен»,— пояснила она.

— Нет, не знаком,— повторил он, протягивая бокал.

— Не дразни ее,— попросила Кэролайн.

— Я прочла вашу книгу,— сказала Джулиана,— по правде говоря, дочитала сегодня вечером. Откуда вы узнали о мире, который описали?

Абендсен, хмуро глядя в сторону, потер верхнюю губу костяшкой согнутого пальца.

— Вы пользовались Оракулом?

Абендсен молча взглянул на нее.

— Только прошу вас, не надо острить или ребячиться. Скажите правду.

Пожевывая губу и покачиваясь на каблуках, Абендсен смотрел в пол. Шум голосов в комнате стих, те, кто находились поблизости, прислушивались к разговору. Джулиана почувствовала всеобщее неодобрение, но ей был необходим ответ.

— Это... трудный вопрос,— вымолвил наконец Абендсен.

— Нет, не трудный.

В комнате наступила полная тишина. Все смотрели на них.

— Сожалею, но я не готов ответить,— сказал Абендсен.— Вам придется с этим смириться.

— Тогда как вы написали книгу? — настаивала Джулиана.

— Что делает эта брошь на вашем платье? Отгоняет духов или всего-навсего соединяет части в целое?

— Почему вы уходите от ответа? — спросила она.— Почему увиливаете, делая бессмысленные замечания?

— У каждого есть... технические секреты,— медленно проговорил Готорн Абендсен.— У вас — свои, у меня — свои. Вот что я имел в виду. Вам следует воспринимать «Саранчу» как мое видение мира...— Он снова протянул ей бокал.— Ведь, когда вы садитесь на диван, вас не интересует, что у него внутри: пружины или поролон.

«Похоже, он нервничает,— заметила Джулиана.— Куда подевались его вежливость и добродушие? И Кэролайн больше не улыбается — губы плотно сжаты, в глазах беспокойство».

— В книге вы говорите, что есть какой-то выход. Так?

— Выход?..— насмешливым эхом отозвался он.

— Вы для меня много сделали. Я поняла, что нет смысла бояться, нет смысла жалеть, ненавидеть или избегать. Убегать и преследовать.

Он внимательно разглядывал ее, покручивая бокал.

— В этом мире многие игры стоят свеч,— вымолвил он.

— Я понимаю вашу мысль,— сказала Джулиана. Ей не в новинку были подобные взгляды, но с недавних пор они перестали ее волновать.— В гестаповском досье утверждается, что вам нравятся такие женщины, как я.

Абендсен лишь слегка изменился в лице.

— Гестапо не существует с сорок седьмого.

— Ну, значит, в СД, или где-то там еще.

— Вы не могли бы объяснить подробнее? — резко спросила Кэролайн.

— Хочу и могу,— ответила Джулиана.— Я приехала в Денвер с одним из них. Они твердо решили вас уничтожить. Вам бы спрятаться куда-нибудь, где вас не смогут найти, а не жить у всех на виду, впуская в дом кого попало. Меня, например. Когда сюда пришлют следующего убийцу, может не найтись человека, чтобы остановить его.

— Вы сказали — следующего,— произнес Абендсен после паузы.— А что с тем, который был с вами? Почему он не здесь?

— Я перерезала ему горло,— кратко ответила она.

— Это что-то,— пробормотал Абендсен.— Услышать такое от женщины, которую видишь впервые в жизни...

— Вы мне не верите?

— Ну что вы...— Он как-то по-доброму, виновато улыбнулся. Видимо, ему и в голову не пришло усомниться в ее словах.— Спасибо.

— Пожалуйста, спрячьтесь от них,— попросила Джулиана.

Он отрицательно покачал головой.

— Видите ли, мы пытались. Вы же читали на обложке: оружие, проволока под током и все такое... Я так написал, чтобы создать видимость, будто и сейчас живу в крепости.— В его голосе слышалась усталость.

— Ты хоть бы оружие носил,— укорила его жена.— Я знаю, когда-нибудь ты впустишь в дом незнакомца, и он пристрелит тебя. Какой-нибудь нацистский профессионал.

— Если захотят, они все равно до меня доберутся,— отмахнулся Абендсен.— Несмотря на Высокий Замок, колючую проволоку и прочее.

«Так ты фаталист,— подумала Джулиана.— Сам готов подписать себе смертный приговор. Впрочем, это ясно из твоей книги».

— «Саранчу» написал Оракул, верно? — спросила она.

— Хотите знать правду?

— Хочу и имею на это право. Разве не так?

— Оракул крепко спал, пока я писал книгу. Спал в углу кабинета.— Его глаза были серьезны, лицо, казалось, вытянулось еще больше.

— Скажи ей правду,— потребовала Кэролайн.— Она заслужила. Я скажу вам, миссис Фринк,— обратилась она к Джулиане.— Гот задавал вопросы. Тысячи вопросов. И искал ответы в гексаграммах. Тема. Исторический период. Сюжет. Персонажи. На это ушли годы. Гот даже спросил, ждет ли его книгу успех. Оракул ответил, что успех будет огромен, впервые за всю литературную карьеру мужа. Так что вы правы. Должно быть, вы сами часто общаетесь с Оракулом, если догадались.

— Раньше мне и в голову не приходило, что Оракул может сочинить книгу.— Джулиана пожала плечами.— А вы когда-нибудь спрашивали его, почему он сочинил именно «Саранчу», а не какую-нибудь другую? И почему в ней Германия и Япония проиграли войну? Есть ли тут скрытый смысл, как обычно в его ответах?

Абендсен и Кэролайн молчали. Наконец Абендсен ответил:

— Мы с ним никогда не заводили разговора о дележе гонораров. Если я спрошу, почему он написал «Саранчу», мне, стало быть, придется взять его в долю. Вопрос предполагает, что я всего-навсего печатал на машинке, а это далеко не так.

— Я спрошу его,— сказала Кэролайн,— если ты не хочешь.

— Это не твой вопрос,— ответил Абендсен.— Пусть она спросит.— Он повернулся к Джулиане.— У вас необычный разум. Вы знаете об этом?

— Где ваш Оракул? — спросила Джулиана.— Мой остался в машине у мотеля. Если не дадите ваш, я все равно спрошу у своего.

Абендсен повернулся и пошел к затворенной двери. Остальные потянулись за ним. Писатель исчез за дверью и вскоре вернулся с двумя черными томами.

Джулиана уселась в углу за кофейный столик. Гости окружили ее.

— Мне нужны бумага и карандаш.

Мигом нашлось и то и другое.

— Можете произнести вопрос вслух,— сказал Абендсен.— У нас ни от кого нет секретов.

— Оракул, зачем ты написал книгу «Из дыма вышла саранча»? Что мы должны узнать из нее?

— У вас ошеломляющая манера задавать вопросы,— отметил Абендсен, но сел рядом, чтобы следить за гаданием.— Я не пользуюсь черенками тысячелистника, вечно их теряю,— пояснил он, вручая ей три медные китайские монеты с дырочками.

Джулиана бросала монеты. Она была спокойна и уверена в себе. Абендсен рисовал черты. Когда монеты упали в шестой раз, он поглядел на нее и сказал:

— «Разрешение» внизу. «Проникновенность» наверху. Равновесная ситуация.

— Вы помните, что это за гексаграмма? — спросила Джулиана.— Не заглядывая в Оракул?

— Да,— кивнул Абендсен.

— Я тоже знаю. Это Чжун-фу — «Внутренняя правда». И я помню, что она означает.

Абендсен поднял голову и долго молча смотрел на нее. На его лице застыло суровое выражение.

— Она означает, что моя книга — правдива?

— Да,— ответила она.

— Германия и Япония проиграли?! — гневно воскликнул он.

— Да.

Абендсен захлопнул оба тома и поднялся.

— Даже вы боитесь в это поверить,— сказала Джулиана.

Он задумался, глаза опустели. «Ушел в себя,— поняла Джулиана.— Пытается осознать случившееся».

Взгляд Абендсена прояснился, он хмыкнул.

— Никак не могу поверить.

— Поверьте,— попросила Джулиана.— Пожалуйста...

Он отрицательно покачал головой.

— Не можете,— печально вздохнула она.— Неужели не можете?

— Хотите автограф на «Саранче»? — предложил Готорн Абендсен.

Джулиана тоже поднялась.

— Мне пора,— сказала она.— Спасибо вам большое. Простите, что я омрачила вам вечер. Вы были очень добры, пригласив меня.— Она прошла сквозь кольцо гостей в спальню, где лежали ее вещи. Когда надевала шубку, за ее спиной появился Абендсен.

— Знаете, кто вы? — спросил он Джулиану и обернулся к Кэролайн.— Эта женщина — демон, прекрасный змей-искуситель, который...— Он поднял руку и сильно, чуть было не смахнув очки, потер лоб.— Который неустанно скитается по Земле...— Он поправил очки.— Она поступает так, как подсказывает инстинкт, следует своей природе. Ей не приходило в голову, что своим визитом она причинит кому-то боль. Она просто пришла, как приходят беда или счастье — никого не спросясь. И я рад, что она здесь, и ни о чем не жалею. Она не знала, зачем едет сюда и что найдет. Думаю, всем нам повезло, так что давайте не будем вешать носы, хорошо?

— Да, она ужасная сумасбродка,— подтвердила Кэролайн.

— Весь мир таков.— Абендсен протянул Джулиане руку.— Спасибо за то, что вы сделали в Денвере.

— Спокойной ночи,— сказала она, пожимая руку.— Послушайтесь вашей жены. Носите оружие.

— Нет,— сказал он.— Я давным-давно все для себя решил и не хочу к этому возвращаться. Теперь, когда мне становится тревожно, особенно по ночам, я ищу поддержки у Оракула. Неплохой способ отделаться от тревог.— Он печально улыбнулся.— Честно говоря, сейчас меня беспокоит лишь то, что эти олухи вылакают все спиртное, пока мы тут болтаем.— Повернувшись, он направился к бару.

— Куда вы теперь? — спросила Кэролайн.

— Не знаю.— Почему-то это не волновало Джулиану. «Я немного похожа на него,— подумала она.— Не позволяю некоторым вещам беспокоить меня, какими бы они ни были важными».— Возможно, вернусь к мужу, Фрэнку. Сегодня я пыталась до него дозвониться, пожалуй, еще раз попробую. Если будет настроение.

— Я очень благодарна за то, что вы для нас сделали или говорите, что сделали...

— Но вам бы хотелось никогда меня больше не видеть,— подхватила Джулиана.

— Должна признаться, меня очень расстроил ваш разговор с Готорном,— смутилась Кэролайн.

— Странно,— сказала Джулиана.— Мне не приходило в голову, что правда может вас расстроить.— «Правда,— подумала она,— суровая, как смерть. Но найти ее гораздо труднее, чем смерть. Мне просто повезло».— Думаю, ваш муж прав: не стоит огорчаться. Это всего лишь недоразумение, не так ли? — Она улыбнулась, и миссис Абендсен вымученно улыбнулась в ответ.— В любом случае, спокойной ночи.

Джулиана, не оглядываясь, прошла по залитой светом окон дорожке сада и ступила на темный асфальт тротуара.

Она шла, мечтая о машине — яркой, движущейся, живой,— которая доставит ее в мотель.

Комментарии к роману «Человек в Высоком Замке»

Кажется уместным упомянуть о некоторых философских аспектах, оказавших существенное влияние на содержание романа «Человек в Высоком Замке».

В статье «Махаяна и китайские учения» востоковед Т. П. Григорьева предложила условные модели логик трех великих мировых культур: «Белое или черное — европейская модель; белое станет черным — китайская модель; белое и есть черное — индийская модель». Китайская модель и является, скорее всего, ключом к пониманию романа Филипа Дика. Белое станет черным, Ян станет Инем, ситуация непременно превратится в свою противоположность. И Оракул, к которому постоянно обращаются герои романа, каждый раз подчеркивает эту истину.

И все же, хотя в основе «Человека в Высоком Замке» лежит символика «Книги Перемен», хотя он насыщен духом, философией и терминологией Востока, это очень американский роман, где учение о Дао, образы «Ицзина» и «Бардо Тходол» вплетены в жизнь Америки шестидесятых, в ее прошлое и настоящее (пусть альтернативное). Поэтому перед нами стояла вдвойне сложная задача — сделать перевод не только максимально адекватным оригиналу, но и понятным русскоязычному читателю. Этой цели служат и настоящие комментарии.

От переводчиков

С. 769. *Гораций Грили* (1811–1872) — американский писатель, публицист, политик. В 1872 году баллотировался на пост президента США от партии либеральных республиканцев.

Джин Харлоу — американская кинозвезда 30-х годов.

С. 772. *Филдс* — псевдоним американского комика Уильяма Клода Дьюкефилда.

С. 774. *«...словами всем известного западного святого...»* — имеется в виду Иисус Христос. Евангелие от Матфея, 16, 26.

«Книгу Перемен».— «Ицзин», или китайская классическая «Книга Перемен»,— одна из книг конфуцианского Пятикнижия. «Не без досады, но и не без удовлетворения мы должны предоставить "Книге Перемен" безусловно первое место среди остальных классических книг и как труднейшей из них: труднейшей и для понимания, и для перевода. "Книга Перемен" всегда пользовалась славой темного и загадочного текста, окруженного огромной, подчас расходящейся во мнениях литературой комментаторов. Несмотря на грандиозность этой двухтысячелетней литературы, понимание некоторых мест "Книги Перемен" до сих пор представляет почти непреодолимые трудности,— столь непривычны и чужды нам те образы, в которых выражены ее концепции. Поэтому, да не посетует читатель на пишущего эти строки, если некоторые места перевода данного памятника не окажутся понятными при первом чтении»*. Так писал переводчик «Ицзина» на русский язык Ю. К. Щуцкий. Так как в основе «Человека в Высоком Замке» лежат мантико-философские концепции «Книги Перемен», переводчики попытались изложить хотя бы на нескольких страницах основные принципы построения и космогонии «Ицзина», без которых невозможно понимание романа Филипа Дика.

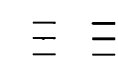
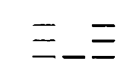
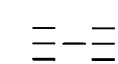
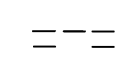
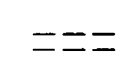
По философии «Книги Перемен» все бытие представляет собой чередование ситуаций, возникающее от взаимодействия равных, пребывающих в постоянном движении и переходящих друг в друга космических сил — Ян (света, мужского начала) и Инь (тьмы, женского начала). Каждая ситуация символически обозначается знаком, именуемым в европейской литературе гексаграммой. Всего гексаграмм шестьдесят четыре, и вместе они охватывают весь мировой процесс.

Каждая гексаграмма состоит из шести горизонтальных черт. Черты символизируют этапы развития данной ситуации и читаются снизу вверх. Первой чертой считается нижняя, которая называется «начальной» и характеризует зарождение ситуации, второй — вторая снизу и т. д.; верхняя черта называется не шестой, а именно «верхней» и знаменует завершение ситуации, ее переразвитие, переход в свою противоположность. Существует два типа черт: непрерывные, они именуются чертами Ян («световыми», «сильными», «девятками»), и прерванные посередине, они называются чертами Инь («теневыми», «слабыми», «шестерками»). Как нетрудно заметить, всего таких комбинаций из шести Инь и Ян может быть шестьдесят четыре, т. е. по числу гексаграмм «Ицзина».

---

* Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1960. С. 22.

В древнейших комментариях к «Книге Перемен» отмечается, что вначале были придуманы восемь комбинаций трех черт, так называемые триграммы. Они получили названия и стали характеризовать определенные свойства и образы:

знак	название	свойство	образ
	цинь (творчество)	крепость	небо
	кунь (исполнение)	самоотдача	земля
	чжень (возбуждение)	подвижность	гром
	кинь (погружение)	опасность	вода
	гэнь (пребывание)	незыблемость	гора
	сунь (уточнение)	проникновенность	ветер (дерево)
	ли (сцепление)	ясность	огонь
	дуй (разрешение)	радость	водоем

Каждая гексаграмма может рассматриваться как сочетание двух триграмм. Их взаимное отношение характеризует данную гексаграмму.

В зависимости от расположения черт гексаграмма, а следовательно, и ситуация, интерпретируется как стабильная или нестабильная, благоприятная или неблагоприятная. Гексаграмма может быть статичной, в этом случае рассматривается она одна, или имеет одну или несколько изменяющихся черт, «черт развития», тогда вслед за первой полученной гексаграммой рассматривается вторая, полученная из первой путем замены черт развития на противоположные (Ян становится Инем, и наоборот).

Простейшая техника гадания по «Ицзину» такова. Вначале в письменной или устной форме задается конкретный вопрос. Гадать можно и на ситуацию (настоящую или будущую). Для получения гексаграммы шесть раз поочередно подбрасывают три монеты. В зависимости от преобладания «орлов» или «решек» рисуются сплошные или прерывистые черты. После этого в Оракуле находят афоризмы, комментарии и толкования к полученной гексаграмме.

Техника гадания по черенкам тысячелистника более сложна, но результат такого гадания точнее*.

Собственно текст «Книги Перемен» представляет собой интерпретации гексаграмм в целом, отношения составляюших их триграмм и отдельных черт. Он неоднороден, принадлежит разным авторам и создавался в разное время. По глубине и подробности толкования ситуации текст можно разделить на ряд слоев:

1. Название гексаграммы.
2. Афоризмы ко всей гексаграмме.
3. Афоризмы к отдельным чертам.
4. Толкования и комментарии к гексаграмме, составляющим ее триграммам и отдельным чертам, так называемые «Десять крыльев».

Переводчики пытались максимально бережно отнестись к тексту самой «Книги Перемен», стараясь пользоваться каноническим у нас переводом Щуцкого. Там, где это по каким-либо причинам оказывалось невозможным, приходилось обращаться к англоязычному переводу Р. Вильгельма, использованному автором. (Это единственная книга на английском языке, оставленная в библиографии.) Все подобные случаи отмечены особо.

В заключение хотелось бы привести слова выдающегося китайского философа Чэн Ичуаня (1033–1107), сказанные о «Книге Перемен»: «Книга эта столь широка и всеобъемлюща, что через нее мы надеемся встать в правильное отношение к законам нашей сущности и судьбы, проникнуть во все причины явного и сокровенного, исчерпать до конца всю действительность предметов и событий и тем самым указать путь открытий и свершений».

С. 775. *«корни которой уходят...»* — конфуцианская традиция относит создание «Книги Перемен» к глубочайшей древности. Хроники свидетельствуют, что первый слой ее текста был хорошо известен уже в VIII в. до Р. Х., а создание его началось еще раньше. Однако основной текст книги, как справедливо отмечают современные исследователи «Ицзина», сформировался не ранее середины первого тысячелетия до Р. Х.

С. 778. *Дао* — ключевое понятие китайской философии. Всеобщий Закон и Абсолют, основа всего сущего, единственная и вечно существующая реальность. Невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств и логике, постоянное и неисчерпаемое, безымянное и бесформенное, Дао дает начало, имя и форму всему сущему. «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три — все существа. Все существа носят в себе Инь и Ян, наполнены ци (жизненной энергией.— *Прим. перев.*) и образуют гармо-

* Подробнее о способах гадания по «Ицзину» см. «Чжоу Цзунхуа. Дао "Ицзина"». Киев, 1996.

нию»,— говорил мудрец Лаоцзы. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним — в этом смысл, цель и счастье жизни «истинного человека».

Все попытки исследователей объяснить, что есть Дао с позиции европейской логики, оказались безрезультатными, ибо (и здесь мы следуем философии даосизма, в некотором смысле опровергая все сказанное выше), как говорил Лаоцзы, «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао».

...эпохи Токугава.— Почти семь веков император являлся номинальным правителем Японии. Страной управляли крупные феодалы — сегуны, стоявшие во главе кланов — домов. Сегунат дома Токугава продолжался с 1603 по 1863 год.

С. 788. *Сатори* — одно из основных понятий чань(дзен)-буддизма, внезапное просветление.

С. 799. *Хайку* — трехстишие, одна из форм японского стихосложения.

С. 801. *Фронтир* — в прошлом веке, во время покорения Дикого Запада — граница отвоеванных у индейцев территорий.

С. 807. *Ситтинг Булл* — Сидящий Бизон, Татанка Йотанка,— легендарный вождь племени сиу. Долгое время оказывал успешное сопротивление американским колонизаторам.

С. 810. *«"Сёкаку"... потоплен...»* — В нашем мире «Сёкаку» потоплен 16 июня 1944 года американской подлодкой «Кэвэлла». Авианосцем в то время командовал контр-адмирал Хара.

С. 815. *Джузеппе Зангара* — безработный каменщик, покушавшийся на Франклина Рузвельта 15 февраля 1933 года, за две недели до вступления Рузвельта на пост президента.

Джон Уильям Брикер — американский политик, прославившийся ультраконсервативными взглядами; в 1944 году выставлял свою кандидатуру на пост вице-президента от партии республиканцев и потерпел поражение.

С. 816. *Рэксфорд Тагуэлл* — ближайший сподвижник Рузвельта, автор многих книг о нем. Позже примкнул к лагерю активных критиков президента.

С. 818. *«Божественное говорит...»* — перевод текста «Ицзина» сделан по Рихарду Вильгельму.

С. 819. *...на железном коне.*— По всей видимости, Тагоми имел в виду, что принял стойку «железного всадника». Сцена связана с особенностями национального характера и психологии японцев и совершенно непонятна для европейца Бэйнса.

С. 821. *...известный англосаксонский философ* — Джон Локк, крупнейший представитель английского материализма XVII века.

С. 822. *Архетип* — термин «аналитической психологии» К. Юнга. Архетипы по Юнгу — наиболее общие схемы человеческого поведения и мышления, которые находят свое выражение в мифах,

религиях, тайных учениях, фольклоре, художественном творчестве, галлюцинациях, сновидениях и т. п.

С. 823. *Густав II Адольф* (1594–1632) — король Швеции, участвовал в Тридцатилетней войне (1618–1648) на стороне антигабсбургской коалиции.

С. 846. *Оби* — широкий шелковый пояс, деталь традиционной японской одежды.

Ваби — эстетическая категория японской культуры, основана на поэтико-метафорическом мышлении, позволяющем раскрыть внутренний смысл произведения искусства через образ-символ, образ-знак. Основные черты ваби — минимум художественных средств, суровая простота и одновременно изысканность.

С. 877. *ФДР* — Франклин Делано Рузвельт, принятое в США сокращение имен президентов.

Чиппендейл (1718–1779), *Хэпплуайт* (ум. 1786) — английские мастера мебельного искусства.

С. 894. *«Божественное приходит...»* — перевод текста «Ицзина» сделан по Рихарду Вильгельму.

С. 902. *Ву* — термин дзен, трудно поддающийся формальному толкованию. Приведем один известный буддийский коан — парадокс, с помощью которого ученик постигал суть дзена, обретал сатори. Коан таков:

Однажды монах спросил у мастера Дзесю:

— А собака тоже имеет природу Будды?

На что учитель ответил:

— Ву.

Как замечает в своей книге «Основы дзен-буддизма» известный популяризатор дзена профессор Д. Т. Судзуки, это «ву» означает просто «ну».

В нашем случае «ву» есть иррациональный метод восприятия прекрасного.

С. 903. *«...отказался строитель».* — См. библейское: «Камень, который отвергли строители, сделался главою угла. Это — от Господа, и есть дивно в очах наших». (Псалтирь, 115, 22 — 23). Высказывание более известно в устах Христа, приведшего его во время проповеди в Иерусалимском храме.

С. 943. *Ом (Аум)* — слово, которое формально ничего не значит и ничего самостоятельно не выражает и в то же время значит все, имеет волшебную силу. «Ом — это Брахман (Великий Абсолют.— *Прим. перев.*), Ом — это все... Произнося "Ом", брахман (жрец в брахманизме.— *Прим. перев.*) говорит: "Да достигну я Брахмана" и достигает его». (Тайттирия упанишада, 8, 11).

С. 943. *«Как разбудить... душу?»* — Фразы из «Третьей книги Царств», 18, 27. Сцена, где пророки Ваала целый день взывают к своему богу, а пророк Илия смеется над ними.

С. 944. *Гильберт Уильям* (1544–1603) — английский физик и врач.

С. 945. *«Бардо Тходол»* (тиб.) — «Великое Освобождение в результате услышанного в бардо», трактат, именуемый в Европе тибетской «Книгой Мертвых». Сложный комплекс наставлений и молитв, которыми лама напутствовал умирающего и умершего. В ней содержатся описания посмертной трансформации души и процесса возвращения к новой жизни или выхода из круга сансарного бытия (сансара — цепь перерождений души). Бардо в переводе с тибетского — промежуточное состояние, форма сознания между прошлой и будущей жизнью, а также загробная сфера, в которой душа умершего пребывает сорок девять дней до нового перерождения в одном из шести миров сансары. Оно может иметь место не только после смерти, но и в некоторых жизненных ситуациях, например во время медитации.

Карма — одно из кардинальных положений философской мысли Востока. Сумма добрых и злых дел человека, определяющая форму последующего перерождения.

Майя — эманация Брахмана, мнимая материальная причина мира, благодаря которой окружающий нас иллюзорный мир кажется нам реально существующим. В общем смысле — иллюзия.

С. 948. *«...сквозь тусклое стекло»*.— См. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, 13; 11, 12: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.

Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познал». Апостол Павел сравнивает чистое, незамутненное восприятие ребенка как носителя Святого Духа с восприятием взрослого, видящего сквозь тусклое стекло привычек, обычаев, условностей, и предрекает, что, когда наступит Царство Божие, дух наш очистится и взор прояснится. В некотором смысле апостол формулирует здесь христианскую концепцию Майи.

С. 951. *Гудмен Коттон Мэзер* — бостонский религиозный деятель и писатель XVIII века. Придерживался крайних пуританских взглядов, но при этом покровительствовал наукам, например, одобрял прививки от оспы.

Филип Дик: возвращение воспоминаний

Первый раз я узнал о существовании Филипа Дика из рецензии в каком-то модном московском издании. Дело было лет восемь назад.

Не помню даже, о каком романе там шла речь. Помню только, что рецензент обещал: откройте книги этого бородатого мужчины — и эффект покажется вам поразительнее, чем тот, что возникает от употребления галлюциногенных грибов.

С тех пор я прочел огромное количество рецензий на книги Дика. В основном, конечно, дурацких. Причем тема галлюциногенных грибов присутствовала почти в каждой рецензии.

Сам Дик под конец жизни говорил, что устал от остолопов-журналистов. Устал отвечать на один и тот же вопрос: правда ли, что пишет он исключительно под допингом? «Не правда!» — сотый раз говорил он, а ему все равно не верили.

Вы бы, наверное, тоже ему не поверили.

* * *

Филип Киндред Дик родился 16 декабря 1928 года. Этот факт в его биографии всегда особенно мне нравился. Дело в том, что я тоже родился 16 декабря.

Филип появился на свет не один. Через двадцать минут после его рождения мама Дика родила девочку: его сестру-близнеца. Однако на 54-й день жизни девочка умерла. Мать рассказала Филипу об этом только спустя много лет.

Родители Дика были образцовые, законопослушные американцы с Восточного побережья. Оба они работали на правительство. Джозеф Эдгар Дик занимал должность цензора в небольшой газетке. Дороти редактировала официальные речи местных чиновников. Так себе работенка.

Спустя три года после рождения Филипа его родители развелись. Папа остался жить в Чикаго, а сын и мать отправились в Калифорнию. Странно, но серая мышка-разведенка, всю жизнь проходившая в юбке ниже колена и с волосами, стянутыми в конский хвост, поселилась не где-нибудь, а в Беркли — наименее американском городке США. Штаб-квартире студенческих революций. Наркотической клоаке. Месте, где тот, кто не садится пить алкоголь в восемь утра и не имеет хотя бы по паре любовников обоего пола, даже сам считал себя полным лохом.

Именно в таком городе Филип пошел в школу. В десять лет он начинает писать стихи. В двенадцать — рассказы. Некоторые из них были опубликованы в местной газете. В 14 лет Дик пишет свой первый роман — продолжение истории Гулливера, названное «Назад к лилипутам».

Мальчик был одаренный, но с самого детства какой-то... со странностями. Он категорически не ладил с матерью. Просто на дух ее не переносил. Уже в младших классах зачитывался Прустом и Джойсом. Страдал агорафобией — патологической боязнью открытых пространств. Демонстративно пачками поедал лекарства от болезней, которых у него никогда не было.

Когда Дику исполнилось восемнадцать, отношения с матерью становятся и вовсе ни к черту. Филип съезжает с ее квартиры и поселяется в коммуне художников-гомосексуалистов. В Беркли было огромное количество таких коммун.

Впрочем, Дик умудрился испортить отношения с окружающими даже здесь. Назло ценителям крепкой мужской дружбы он женился на студентке Дженет Мэрилин, а спустя полгода назло жене развелся с ней и вернулся в коммуну. После этого экс-супруги никогда в жизни друг друга не видели.

Чем зарабатывать на жизнь... на подобных материях Дик старался не зацикливаться. Какое-то время он работал продавцом в крошечном магазине грампластинок. Работа устраивала его тем, что делать не нужно было вообще ничего. Покупатели появлялись не чаще чем раз в неделю, и сутки напролет Филип просто слушал любимого Бетховена.

В 21 год Дик наконец подает документы в Калифорнийский университет. Он записывается сразу на два курса: немец-

кий язык и философия. На дворе стояла эпоха маккартизма. Время, когда коммунистов травили в Штатах почти так же, как в те годы в СССР травили антикоммунистов. А поскольку Дик никогда не скрывал своих «красных» взглядов, то и проучиться ему удалось всего полгода, после чего неблагонадежного студента вышибли из вуза под зад ногой.

Изучить в подлиннике Канта с Гегелем не удалось. Зато в университете Дик познакомился с 18-летней Клео Апостолидес. Их брак был зарегистрирован в 1952 году.

Это было самое счастливое время во всей диковской биографии. Он пьет дешевое калифорнийское вино, продолжает экспериментировать с таблетками, любит жену и пишет фантастические рассказы. Чем дальше — тем более высокого качества.

Денег не просто не хватало: денег не было вообще. Тем не менее, когда ФБР предлагает Филипу за «бабки» стучать на студентов-бунтарей, тот с негодованием отказывается. Правительственные агенты качают головами и обещают, что он об этом еще пожалеет.

Один из рассказов («Вкус уаба») удалось пристроить в иллюстрированный журнал. Заплатили за рассказ довольно прилично. Потом журнал купил еще три рассказа. Потом — еще 25.

На вырученные деньги молодожены сняли в сельской местности разваливающуюся сараюгу. Теперь это был их дом. Их настоящий дом. Филип и Клео были на седьмом небе от счастья.

В доме было полно мышей. Чтобы избавиться от мерзких созданий, Дики завели несколько кошек. С тех пор и до самой смерти писатель будет возить с собой по свету огромное количество кошек.

Ужиться с людьми ему было сложно... даже с женами... с женами ужиться было почти невозможно... зато с кошками Филип уживался отлично.

* * *

Честно сказать, великим прозаиком Дика не назовешь. Всю жизнь он считал себя невдолбенным мастером психологического портрета... и это было абсолютной неправдой. Дик так и не стал Великим Англоязычным Писателем. И как же хорошо, что он им не стал!

В 1955 году бульварное издательство «Ace books» купило его роман «Солнечная лотерея». Роман был так себе. Однако права на него приобрели англичане и немцы, и у Дика появляются первые в жизни свободные денежные суммы.

На волне энтузиазма он продает издательству еще пару столь же незамысловатых поделок. Все они были запущены в продажу по доллару девяносто девять центов за штуку, а после прочтения их можно было сдать обратно в магазин и получить назад двадцать пять центов.

Основная примочка Дика на этом этапе — предложить читателю нестандартные правила игры. А вот представьте, что было бы, если...

Если бы древние боги решили разобраться между собой на Среднем американском Западе («Марионетки мироздания», 1957). Если бы против конкистадоров встала армия индейцев, вооруженных гранатометами XX века («Доктор Футурити», 1958). Если бы богом, создавшим наш мир, оказался сумасшедший полковник в отставке («Око небесное», 1958).

На производство очередной головоломки у Дика уходит от трех до пяти недель. Дик забавляется экзотическими философскими системами, как я в детстве забавлялся, вращая кубик Рубика.

Однако чем дальше, тем страннее становятся концепции. И тем печальнее становится общий тон его романов. Прежде чем Дику исполнилось тридцать три, он успевает опубликовать целых восемь романов. За восьмой («Человек в Высоком Замке») он получает первую в своей литературной карьере премию: «Хьюго» (1962).

Честно сказать, я недолюбливаю этот роман. Мне обидно, что люди, желающие понять, что за писатель Дик, берутся за «Человека» и после этого уверены, что все в этом авторе поняли.

Между тем «Человек» — роман все-таки ранний. Неплохой, но не из лучших.

Классический период был у Дика еще впереди.

* * *

В начале 1960-х Филип и Клео переезжают в курортный городок Пойнт-Рейн. Через дорогу от них домик снимали молоденькая вдова Энн Рубинстайн и трое ее детей.

Энн была не просто красива. Она была красива той сногсшибательной красотой, какой бывают красивы 25-летние еврейские девушки, еще не отчаявшиеся выскочить замуж. И Энн выскочила: всего через полтора месяца после знакомства с ней Филип подал документы на развод и оформил отношения с новой возлюбленной.

Трое детей от предыдущего брака — молодоженам показалось, что этого недостаточно. Вскоре Энн родила мужу дочь Лауру-Арчер. Именно в это время его жизнь начинает трещать по швам, но какое-то время Дик был действительно счастлив.

В начале 1960-х зависимость Дика от наркотиков достигает пика. Чтобы не отвлекаться, он арендует у местного лесника уединенное бунгало и неделями не вылезает оттуда. Закинувшись амфетаминчиком, он проводит за печатной машинкой по 14–16 часов подряд.

Каждый день — 60 машинописных страниц. Всего за пару лет — 11 романов. Сюжеты романов становятся чем дальше, тем причудливее. Реальная жизнь Дика — тоже.

Летом 1964 года Дик проводит недельные каникулы в Лос-Анджелесе. Там знакомые рок-музыканты впервые угощают его ЛСД. Вскоре после этого Дик попадает в больницу, где переживает клиническую смерть.

Писателя откачали. Спустя всего пару месяцев с передозом героина он попадет уже в другую больницу. По решению суда Дик проходит курс реабилитации для наркоманов. Выписывается — и начинает все заново.

Первое время после свадьбы Энн радовалась, что ее муж — подающий надежды прозаик. Но к 1964 году его паранойя стала абсолютно невыносима. Дик предпринимает несколько суицидальных попыток. Энн выхаживает его. Навещает в больнице. Рискуя попасть за решетку, пробует доставать ему наркотики, чтобы снять особенно мучительные ломки.

Вместо благодарности Дик как-то заявляет общим знакомым, что она отравила своего первого мужа и порывалась расправиться с ним тоже. В 1966 году он просто сбегает от жены, переселяется в Сан-Рафаэль и стремительно вступает в брак с четвертой по счету женой: хрупкой блондинкой Нэнси Хаккет.

Дом, в котором он теперь живет, выглядит так, будто только что подвергся бомбардировке. В садике едва знакомые хозяину джанки на костре выпаривают героин. В его кровати занимаются сексом и вовсе незнакомые типы. Все продукты в доме давно сожраны, и громко вопят почти одичавшие любимые кошки Дика.

* * *

Дик сходит с ума, мечется между случайными женщинами и фарширует свое тело всеми возможными видами наркотиков. Герои его романов, написанных в 1960-х, занимаются приблизительно тем же.

Выпущенное им между «Истиной в предпоследней инстанции» (1964) и «Жди теперь прошлого года» (1967) — это не отдельные книги, а 11 частей одного и того же романа. Почти в каждом есть стерва-еврейка, сводящая мужа с ума. Почти в каждом, съев безобидную вроде бы капсулу, ты уже никогда (НИКО-ГДА!) не станешь вновь нормальным. Будешь лишь мечтать об этом... но никогда не станешь.

Много лет спустя после смерти Дика Стивен Спилберг возьмется экранизировать рассказ «Особое мнение». Чтобы будущее в фильме выглядело правдоподобно, режиссер нанял команду специалистов, поставил перед ними задачу: «Как станет выглядеть мир в 2056 году?» — и те завалили его выдумками типа газет с движущимися картинками и унитазов, дающих рекомендации, какую диету вам соблюдать.

У Дика не было такой команды. Он разрабатывал свои концепции в одиночку. И, на мой взгляд, справлялся лучше, чем все на свете команды.

Герои его книг приходят в кафе, а там посетителей развлекают стриптизом: голые радиационные мутанты выходят на сцену и из юношей превращаются в девушек. Или маленькая девочка постоянно разговаривает с невидимым братиком, и все думают, что девочка фантазирует, а оказывается, ее братик, размером с большой палец ноги, просто недоразвился и живет у девочки в мягких тканях брюшины.

Книги Дика «психоделического» периода похожи на полароидные фото. Мы не видим, что осталось за рамками кадра. Но догадываемся, что там очень много чего. Мы не знаем, что случится через секунду после того, как камера выплюнет снимок. Да и какая разница, что случится? Лучше хорошенько рассмотреть сам снимок.

К концу того десятилетия Дик подряд выдает три своих лучших романа: «Убик» (1968), «Гончарный круг неба» (1969) и «Лабиринт смерти» (1970). Именно к этим романам относятся слова из упомянутого модного журнала о том, что эффект от чтения превосходит эффект от галлюциногенных грибов.

Рассказать, о чем они,— невозможно. Несколько раз я пробовал, и слушатели решали, будто я тяжело болен.

Именно в этих романах Дик явил миру свой best. Читатель с опаской делает шаг на залитую солнцем лужайку, а та оказывается трясиной. Ухнув вглубь, он начинает считать кости: все ли целы, а оказывается, что глубь — никакая и не глубь и он проваливается все глубже... и глубже... и очень не скоро понимает, что дна в этой трясине нет вообще.

Все эти книги кончаются вроде бы ничем... обрываются на полуслове. Возможно, у Дика просто не было сил дописывать то, что сочинил. А может быть, ему было страшно дописывать... страшно заглянуть в самый конец и увидеть, чем кончится то, что происходит вокруг него.

* * *

17 ноября 1970 года неизвестные лица проникли в дом Дика во время его отсутствия. Украдены были только продукты из холодильника, но Дик был уже опытным парнем и не дал себя одурачить. Он прекрасно понял: на его след напали убийцы из спецслужб. ФБРшники ведь еще 15 лет назад обещали прийти за ним. И вот началось...

Абсолютно съехавший писатель, бросив все, бежит в Канаду. Чем он занимался несколько месяцев — не известно до сих пор. Это были самые сложные месяцы его жизни. После них Дик очень медленно начинает выздоравливать.

С тяжелыми наркотиками он все-таки завязал. Не сразу и не с легкостью. Это стоило ему чуть ли не всех оставшихся денег, но постепенно он вылечил свое измученное тело. Вылечил и душу: последние годы жизни Дик был очень религиозен.

В одном из интервью конца 1970-х он говорил:

Теперь мне уже совсем хорошо. Я наконец-то научился жить. Мои старые книги понемногу переиздаются, и за последние три года мой банковский счет увеличился на сто тысяч долларов. Финансовых проблем у меня больше нет, и особенно приятно то, что я наконец-то выкупил свою квартиру.

Я живу в очень бедном районе, населенном в основном латиносами. Когда я встречаю людей на улице, то вижу главное: они несчастны. А у меня все хорошо... правильно ли это?

Меня действительно занимают проблемы голода в мире и детской смертности. Через свою церковь я пытаюсь разделять чужую боль и страдания. В прошлом году я оплатил все благотворительные счета своей церкви и взял на содержание двух детей за границей. Разумеется, я стараюсь помогать не только деньгами.

Прежде мне казалось, что я должен непременно баловать жену, принимать наркотики и все такое... Что это заслонит меня от грозящих бед. Но теперь у меня есть моя церковь и моя работа. В конце концов, это для меня важнее всего. Теперь я гораздо сильнее и гораздо счастливее.

Я действительно чувствую себя счастливым. Причина в том, что я сделал свой выбор. Я ведь — всего-навсего писатель.

Впрочем, как раз с писательством-то все обстояло не очень. Развеселая предыдущая жизнь даром не прошла. Почти десятилетие Дик просто физически был не в состоянии сесть за стол и начать работать.

В 1970-х им были написаны два романа в соавторстве: один с Реем Нельсоном, а второй с Роджером Желязны. Еще им написана юмористическая вещица «Авраам Линкольн, симулякр» (в русск. пер. «Кукла по имени жизнь»). Не знаю, может быть, кто-то и сочтет ее смешной.

Еще он написал странную нефантастическую книжицу, известную у нас в стране как «Помутнение», а по-английски называющуюся типа «Некачественно отсканированный». Жесткий роман о трудных буднях параноиков и наркоманов. Кому-то он кажется шедевром. Меня лично — не вдохновляет.

С новыми книгами не складывалось. Но он не расстраивался. Он жил за счет переиздания старых, читал лекции в Калифорнийском университете, который в свое время так и не смог закончить, получил литературную премию имени Джона Кемпбелла и долго удивлялся, когда узнал, что из ста лучших англоязычных фантастических романов (по версии Американской ассоциации литературных критиков) шесть, оказывается, написаны им.

Дик пытался понять, как ему жить теперь, когда он ДЕЙСТВИТЕЛЬНО понял, что в жизни главное, а на что внимания обращать не стоит. Как жить и о чем писать. Это был сложный вопрос. Но постепенно он его решал. И решил... все-таки успел решить.

2 марта 1982 года Филип Дик скончался в своей недавно выкупленной лос-анджелесской квартирке. Похоронили его в Форт-Моргане, штат Колорадо, рядом с могилой сестры-близнеца. Она прожила 54 дня. Он — 53 года. Не старый еще мужчина, как видите.

После смерти в столе писателя было найдено несколько целиком написанных романов и куча черновиков. Книги под его именем продолжают выходить чуть ли не до сих пор: «Радио "Свободный Альбемут"», «Человек с абсолютно одинаковыми зубами» и т. д.

Это уже не фантастика. Это просто автобиографическая проза, иронический взгляд через плечо на прожитые годы, удивление: неужели вот этот бред и был моей жизнью?.. На иногда пролетающих через страницу инопланетян и на то, что миром

здесь правят параноики-мутанты, можно не обращать внимания. В конце концов, нашим реальным миром действительно правят не самые приятные персонажи.

* * *

При жизни Филип Дик так и не стал по-настоящему знаменит. Сперва он очень хотел славы и денег. Потом он махнул рукой и решил, что будет делать все наперекор: если мир не хочет его признавать, то и он отказывается признавать мир. Потом он умер и именно в этот момент превратился в культового писателя.

Так всегда бывает. Публика обожает влюбляться именно в мертвых писателей.

Зато последние годы жизни Дик был счастлив. Это было не очень длинное время, но ведь и его могло не случиться, не правда ли?

Он листал свои старые романы, подолгу сидел с кошкой на коленях, думал о мире... об этой сложной штуке, именуемой «мир», и однажды смог не кривя душой сказать:

Теперь мне уже совсем хорошо. Я наконец-то научился жить. Я действительно чувствую себя счастливым. Причина в том, что я сделал свой выбор.

Я ведь — всего-навсего писатель.

Илья Стогоff

Содержание

Бегущий по лезвию бритвы (Мечтают ли андроиды об электроовцах?) 5
Перевод Б. Крылова

Убик 201
Перевод А. Лазарчука

Сдвиг времени по-марсиански 364
Перевод М. Ланиной

Три стигмата Палмера Элдрича 571
Перевод А. Чеха

Человек в Высоком Замке 771
Перевод Г. Корчагина, И. Петрушкина

Г. Корчагин, И. Петрушкин. Комментарии к роману «Человек в Высоком Замке» 973

И. Стогоff. Филип Дик: возвращение воспоминаний . . 980

Литературно-художественное издание

Филип К. Дик

БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректоры *М. Ахметова*, *Н. Тюрина*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, 20/7.
Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — **info@ eksmo.ru**

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля:
117192. Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.09.2003.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Бум.тип. Усл. печ. л. 52,08.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1460.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.